

ЛУЧШИЕ БИОГРАФИИ

ПЕТР
Мультатули

ИМПЕРАТОР
НИКОЛАЙ II
МУЧЕНИК

Петр Валентинович Мультатули

Император Николай

II. Мученик

Серия «Император Николай II», книга 2
Серия «Лучшие биографии»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29606463
Император Николай II. Мученик: Вече; Москва; 2016
ISBN 978-5-4444-8908-6

Аннотация

Даже для современного читателя фигура Императора Николая II остается загадкой. Кем был Святой Царь-Мученик как человек и как государственный деятель? На эти вопросы отвечает в своем труде известный исследователь жизни Николая II кандидат исторических наук П. В. Мультатули. В данной книге фундаментального биографического проекта, продолжающей книгу «Император Николай II. Человек и монарх», автор рассматривает период царствования Николая II с 1906–1907 гг. до крушения Российской Империи. Большое внимание уделяется роли Императора в реформировании российского общества, его отношениям со Столыпиным, сложному узлу Балканских проблем и участию России в Первой мировой войне.

Отдельно автор разбирает обстоятельства мученической кончины Николая II и его семьи. Представляемая на суд читателя работа является на сегодняшний день наиболее полной биографией Святого Царя-Мученика.

Содержание

Часть I. Во главе обновленной империи	7
Глава 1. Борьба за сохранение неблокового статуса России и недопущение европейской войны. 1906–1908 гг.	7
Глава 2. Обновление Империи	49
Глава 3. Боснийский кризис	140
Глава 4. Император Николай II и П. А. Столыпин	175
Глава 5. Балканский узел	232
Глава 6. Последние торжества Империи	256
Часть II. Война	280
Глава 1. Хотел ли Император Николай II войны с Германией?	280
Глава 2. Попытки Императора Николая II достичь компромисса с Германией. 1909–1914 гг.	299
Глава 3. Император Николай II и летний кризис 1914 года	338
Глава 4. Гроза 14-года...	392
Глава 5. Трудное решение	436
Глава 6. Августейший Верховный Главнокомандующий	490
Часть III. «Кругом измена, и трусость, и	567

обман...»

Глава 1. Царская Семья, общество и оппозиция во время войны	567
Глава 2. Заговор	600
Глава 3. Убийство Г. Е. Распутина	652
Глава 4. Император Николай II накануне заговора	668
Глава 5. В западне	697
Глава 6. «Отречение»	761
Часть IV. Мученичество	832
Глава 1. Царская Семья в Александровском дворце (март – август 1917 г.)	832
Глава 2. Тобольская ссылка (август 1917 – апрель – май 1918 г.)	892
Глава 3. На пути к Екатеринбургской голгофе	928
Глава 4. Царская Семья в Ипатьевском доме	991
Глава 5. Екатеринбургское злодеяние	1070
Послесловие	1238
Используемые источники и литература	1261
Иллюстрации	1348
Комментарии	

Петр Мультатули
Император
Николай II. Мученик

© Мультатули П. В., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

* * *

Часть I. Во главе обновленной империи

Глава 1. Борьба за сохранение неблокового статуса России и недопущение европейской войны. 1906–1908 гг.

Альхесирасская конференция и вопрос о предоставлении России займов

Внешняя политика Императора Николая II после окончания Русско-японской войны не будет понятна, если не учитывать внутривнутриполитическую обстановку, которая ей предшествовала. Очевидно, что именно революция 1905–1907 гг. имела решающее влияние на преждевременное окончание войны с Японией, которое в свою очередь привело Россию к поискам компромисса с её главным геополитическим противником Великобританией.

Русско-японская война серьёзно подорвала международ-

ный имидж России. Раздуваемая всеми её врагами кампания о слабости русской армии, о бездарности её командования, о косности бюрократического аппарата, об «огромных жертвах», якобы понесённых Россией в этой войне, сочетались с утверждениями, что царское Правительство способно успешно воевать только с собственным народом. Эта кампания способствовала созданию на западе образа России-пугала, огромного, кровавого и в то же время слабого, неспособного справиться даже с маленькой Японией. Левые европейские круги, тесно связанные с российскими революционерами, предсказывали скорое падение Монархии. Конечно, это сильно подрывало авторитет России в Европе, особенно во Франции, в которой всё чаще стали слышаться призывы разорвать союз с «царским правительством». Частные лица, которые ещё недавно с такой охотой подписывались на русские займы, теперь не решались на это и отзывали свои подписи.

В новой международной обстановке, сложившейся под влиянием военных неудач и революции 1905–1907 гг., Николаю II пришлось внести принципиальные изменения в свою внешнюю политику. Теперь Россия уже не была настолько сильна, чтобы проявлять активность одновременно в Европе, Центральной Азии и на Дальнем Востоке. По оценке Министерства иностранных дел, безопасность России к 1906 г. оказалась под угрозой *«на всём протяжении её восточных границ...»*^[1]

Если раньше Николай II ставил своей главной целью продвижение России на Восток при сохранении добрососедских отношений на Западе, то теперь речь шла о временном отказе от восточной экспансии и переключении внешней политики на Запад. Первой и самой важной причиной этого было катастрофическое положение с финансовыми средствами в России. Внутренний кризис вызвал падение курса российских государственных облигаций, вынудив Правительство выплачивать по ним высокие проценты. В ходе революции 1905–1907 гг. российские облигации, обращавшиеся в Западной Европе, существенно упали в цене.

Напуганные ростом революционного движения, представители российских деловых кругов и другие состоятельные люди стали в срочном порядке переводить золотые рубли в заграничные банки и тем самым еще более усложнили финансовое положение России. Появилась реальная угроза, что русская денежная система золотого обращения рубля, столь недавно созданная, может рухнуть.

Ещё во время своего нахождения в Портсмуте С. Ю. Витте вёл переговоры с американскими деловыми кругами во главе с крупным капиталистом Дж. Морганом о предоставлении России займа. Морган от лица американского делового сообщества отклонил предложение о распределении всего займа в САСШ, но согласился принять участие в международном займе^[2].

В декабре 1905 г. Витте, заручившись поддержкой фран-

цузского премьера М. Рувье, обратился к банкирскому сообществу Ротшильдов с просьбой принять участие в этой финансовой операции. Однако Ротшильды имели в Российской Империи не только экономические, но и политические интересы. Дом Ротшильдов был врагом русского Самодержавия и в немалой степени финансировал революцию 1905–1907 гг. На словах предоставление России займа Ротшильды увязывали с расширением прав русских евреев^[3]. На самом деле этот банковский дом стремился к устранению России как опасного экономического конкурента.

15 декабря 1905 г. Николай II поручил статс-секретарю В. Н. Коковцову отправиться срочно в Париж для получения небольшого займа. По словам Коковцова, этот заём преследовал две цели: *«не допустить введения принудительного курса, то есть разрушить введённое у нас с таким трудом денежное обращение, и получить некоторый аванс в счёт неизбежного большого ликвидационного займа»*^[4].

Кроме того, Государь поручил В. Н. Коковцову напрямую довести до сведения французского правительства о своей готовности поддержать Францию на предстоящей Альхесираской конференции, которая должна была начать свою работу в январе 1906 г. и урегулировать франко-германский спор вокруг Марокко. *«Я думаю, – сказал Николай II, – что моя поддержка, особенно ясно заявленная французскому правительству, помимо обыкновенной передачи через Министерство и нашего посла, могла бы быть особенно полезна»*^[5].

Государь велел В. Н. Коковцову на обратном пути из Парижа заехать в Берлин и добиться от банкира Мендельсона отсрочки платежей 1905 г., выплата по которым приходилась на весну 1906 г. Он должен был также объяснить императору Вильгельму цель своей поездки в Париж, дабы устранить всякие ее ложные толкования германской стороной^[6]. В. Н. Коковцов вспоминал: *«Государь сказал мне, что обострения между Францией и Германией по вопросу о Танжере его настолько беспокоят, что он не желал бы их усугублять, давая пищу выдумывать, что на меня возложено какое-либо политическое поручение, и что он предпочитает прямо и откровенно изложить через меня для чего именно я был в Париже и что мною там сделано»*^[7].

Деловой Париж встретил Коковцова неприветливо. Ему было заявлено, что во Франции не верят в быстрое подавление московского мятежа и революции в целом. Французские банкиры предлагали России отказаться от золотого обеспечения своей денежной единицы и ввести принудительный курс кредитного рубля. До тех пор, заявляли они, ни о каких займах для России речи идти не может. Не лучше встретили русского финансиста и политические круги Франции. Коковцов прождал главу французского кабинета Мориса Рувье около 2 часов, после чего тот неприветливо принял Коковцова и раскритиковал русскую экономическую политику во время Русско-японской войны. Рувье, однако, сказал, что готов быть посредником между русским Правительством и

французскими банкирами^[8].

Рувье высказал пожелание, чтобы Россия поддержала Францию на Альхесирасской конференции. Коковцов в ответ сказал, что Император Николай II уже выразил свою готовность поддержать Францию, и соответствующие указания посланы русскому представителю в Альхесирасе. Эти слова подействовали на Рувье самым благотворным образом, и он обещал Коковцову своё полное содействие в получении займа. Прощаясь, Рувье просил передать *«Его Величеству, что правительство Республики глубоко тронуте тем, как тонко оценил Император наше трудное положение и какую неоцененную услугу он нам оказывает, обеспечивая, конечно, сохранение мира, так как на конференции мы выступим компактной массой против наших противников, всегда рассчитывающих на наше несогласие»*^[9].

На встрече с банкирами Рувье энергично потребовал от них выполнить просьбу России о займе, а когда представитель «Лионского кредита» попытался возражать, Рувье на повышенных тонах сказал, что устойчивое положение денежного обращения в России нужно для Франции и для её правительства. Причём эту фразу французский премьер сопровождал *«такой энергичной репликой, что вся оппозиция замолкла»*^[10].

В результате 29 декабря/11 января 1905 г. Россия получила заём Парижско-Нидерландского банка, директором которого был Э. Нейцлин, в 267 млн франков (100 млн руб-

лей) под весьма выгодный процент. Эта сумма рассматривалась как аванс будущего большого международного займа^[11]. Получение Россией этого займа предстояло обсудить после окончания Альхесирасской конференции^[12]. Главную роль в положительном исходе поездки В. Н. Коковцова в Париж сыграло переданное Николаем II его заверение французскому правительству о поддержке в вопросе по Марокко.

10 января 1906 г. Коковцов, возвращаясь в Петербург, остановился в Берлине, где встретился с императором Вильгельмом. Встречу эту никак нельзя назвать тёплой, причём ни в прямом, ни в переносном смысле. Кайзер, который совершал прогулку по Тиргартену, заставил Коковцова более часа ожидать его в едва отапливаемом холодном помещении. Когда же, наконец, Вильгельм появился, то сухо предложил Коковцову прохаживаться вместе с ним по зале, чтобы не замёрзнуть, так как он, кайзер, озяб, а топить помещение не имеет смысла. Выслушав рассказ Коковцова о результатах его поездки в Париж, Вильгельм II также сухо и безучастно сказал: *«Я не большой финансист, и не совсем понимаю, почему России так нужно заботиться о своей денежной системе, когда у неё столько других забот»*. При этом Вильгельм спросил Коковцова, не считает ли он странным, что *«среди общего развала, среди постоянных волнений, которые могут снести всё, что есть ещё консервативного в Европе, две монархические страны не могут соединиться между собою, чтобы составить одно плотное ядро и защи-*

щать своё существование. Разве это не прямое безумие, что вместо этого, монархическая Россия через голову монархической же Германии ищет опоры в революционной Франции и вместе с нею идёт всегда против своего естественного и исторического друга?»^[13]

При этом «естественный и исторический друг» ни словом не обмолвился о том, что его правительство, пользуясь различными рычагами, оказывает давление на Англию и Францию с целью не допустить предоставления кредитов России. Кстати, по утверждению В. Н. Коковцова, одним из таких «рычагов» кайзера был не кто иной, как С. Ю. Витте, который в беседе с рейхсканцлером Б. фон Бюловом 25 сентября 1905 г. сообщал, что «ему удалось в последнюю минуту помешать заключению русского займа во Франции и Англии» при встречах с Рувье и Лубе в Париже^[14].

Коковцов от ответа германскому императору уклонился. Он «как бывший министр финансов, лучше, нежели кто-либо другой, понимал, что России для того, чтобы она осталась монархической, придётся ещё не раз выступать вместе с Францией против своего “естественного и исторического друга”»^[15].

Дальнейшее получение денег было связано с позитивным для Франции окончанием Альхесирасской конференции. 20 марта 1906 г. Государь снова поручил В. Н. Коковцову отправиться в Париж для заключения большого займа по ликвидации последствий войны^[16]. Визит Коковцова в Париж

совпал с резким обострением франко-германского спора из-за Марокко в Альхесирасе. Вообще, само проведение конференции явилось ярким образцом недалёковидности германского императора как дипломата. Ещё летом 1905 г., когда Вильгельм II настаивал на международной конференции, Рувье предлагал кайзеру покончить дело полюбовным соглашением между Парижем и Берлином, причём французы уступили бы Германии часть Марокко. Для Берлина это было весьма выгодное предложение, но кайзер на него не согласился. Впоследствии германская дипломатия весьма сожалела об этой ошибке Императора: случая утвердиться в Марокко уже больше никогда не представилось^[17].

В декабре 1905 г. между германской и французской делегациями возник острый спор по поводу марокканской полиции. Немцы считали, что полицейский надзор должен осуществляться марокканским султаном, а французы добивались мандата самим руководить полицией, в крайнем случае соглашаясь разделить это право с Испанией^[18]. Рейхсканцлер Бюлов на совещании в германском МИД 10/23 декабря 1905 г. высказал своё убеждение, что в случае если французы будут настаивать на своём мандате в Марокко, то Германии следует не допускать этого любыми средствами, вплоть до вооружённого конфликта^[19].

25 января/8 февраля 1906 г. М. Рувье попросил русского посла А. И. Нелидова телеграфировать в Петербург просьбу французского правительства «*о срочном вмешательстве*

в Берлине с поддержкой франко-испанского решения о полиции»^[20]. 27 января/10 февраля французский посол М. Бомпар на приёме у В. Н. Ламздорфа заявил, что вопрос о полиции – «это гвоздь всей конференции» и, как только он будет решён, успех её будет обеспечен^[21]. Бомпар намекнул, что парижский кабинет рассчитывает на личное вмешательство Императора Николая II^[22]. Ламздорф обещал доложить Николаю II о просьбе французского правительства^[23]. При этом Ламздорф в свою очередь намекнул послу, что вопрос с русской помощью по Марокко связан с вопросом французской помощи по займу.

На следующий день, 28 января, Ламздорф подал Государю докладную записку с изложением просьбы французского правительства. Николай II написал на ней резолюцию: «Об этом вопросе я много думаю»^[24]. Царь решил оказать давление на императора Вильгельма с целью смягчить его позицию по марокканскому вопросу, так как решимость германского императора настоять на своём неуклонно возрастала. Русский посол в Берлине граф Н. Д. Остен-Сакен писал Ламздорфу: «Германия будет твёрдо держаться намеченной позиции, и что сам император будет настаивать на выполнении своей программы»^[25].

Когда известие об этом дошло до французских правящих кругов, оно вызвало там неподдельный страх. М. Рувье был готов в очередной раз уступить немцам. Кайзер Вильгельм считал, что Франция полностью покорилась его воле и вся

конференция в Альхесирасе должна была эту покорность лишний раз продемонстрировать. Во время аудиенции германский император заявил А. П. Извольскому: *«Я бросил перчатку Франции по поводу марокканского дела, и она не осмелилась её принять»*^[26].

По поручению Николая II Ламздорф писал графу Н. Д. Остен-Сакену: *«Франция дошла до крайних пределов уступчивости, согласившись принять почти все пункты последних предложений Берлинского кабинета»*^[27]. Ламздорф считал, что эта позиция Берлина направлена не только против Франции, но и против России. *«Германскому правительству, – писал Ламздорф послу, – хорошо известно, что с благополучным окончанием Альхесирасской конференции тесно связан вопрос чрезвычайно важных для России денежных операций. Только с осуществлением последних, Императорское правительство в состоянии будет принять все необходимые меры к окончательному искоренению революционного движения»*^[28].

Далее Ламздорф поручил Остен-Сакену довести до сведения высших германских сфер нижеследующее: *«Мы отказываемся верить, чтобы Император Вильгельм, с твёрдым убеждением высказывавшийся перед нашим Августейшим Монархом за необходимость, в интересах всего человечества, сохранения мира, а также сближения, при посредстве России, между Германией и Францией, решил бы вызвать разрыв конференции, и таким образом не только от-*

казался бы от намеченной политической программы, но и вместе с тем, посеял среди европейских Держав тревогу, которая по многочисленным последствиям не менее пагубна, чем открытая война»^[29].

Это письмо ставило кайзера в весьма двусмысленное положение. Дело в том, что после окончания Русско-японской войны официально вступил в силу Бьёркский договор между Россией и Германией. При этом Царь и кайзер договорились делать всё, чтобы убедить Францию присоединиться к этому договору. В случае разрыва и военного конфликта Германии с Францией из-за Марокко Вильгельм II сам оттолкнул бы от себя Париж и сделал бы присоединение Франции к Бьёркскому договору невозможным, о чём тонко и намекал в письме Ламздорф.

С другой стороны, Государь понимал, что отказ Вильгельма II от соблюдения статей Бьёркского договора, а враждебные действия в отношении Франции являлись именно таким нарушением, даст возможность России поступить подобным же образом. Если бы кайзер продолжил свою агрессивную риторику в отношении Парижа, то она заставила бы Францию быстрее соглашаться на предоставление России займа.

9 февраля 1906 г. Николай II принял французского посла М. Бомпара, который привёз письмо нового президента республики Армана Фальера, извещавшее о вступлении его в президентскую должность^[30]. Во время встречи Николай II заверил Бомпара в своей неизменной поддержке Франции и

выразил недоумение поведением Германии, которое противоречило Бьёркским договорённостям^[31].

Между тем для России поддержка Франции на Альхесирасской конференции была весьма важна не только из-за вопроса предоставления ей интернационального займа. Дело в том, что неудача в Русско-японской войне крайне ослабила влияние России на международной арене, чем не преминула воспользоваться кайзеровская Германия. Английская «Вестминстерская газета» отмечала: *«Нельзя игнорировать того факта, что многие вещи, которые были неважны для Германии, пока Россия была сильна, стали важными, когда она ослабела»*^[32]. В Берлин из германского посольства в Лондоне поступали сообщения о том, что *«бритты жалуется, что вследствие краха России, Германия на Западе сделалась всемогущей»*^[33].

Осознание роли России как сдерживающего фактора стало приходить даже к англичанам. Та же «Вестминстерская газета» писала: *«Россия рассматривала себя как хранительницу равновесия в Европе. Последние события в Европе показали, что Германия имеет первенство в Европе и намерена использовать это преимущество для практических целей. Мы узнали, что ослабление России означает усиление Германии, и ничем нельзя этому помешать»*^[34].

Предположения английских и французских правящих кругов, что между Россией и Германией существует секретный союзный договор, приводили государства Антанты к

мысли о том, что Петербург перешёл в подчинение рейху и не способен вести самостоятельную политику. Ходили упорные слухи, что Россия будто бы отказалась поддерживать Францию в вопросе по Марокко и всецело приняла сторону Германии^[35]. Вильгельм II ставил себе целью доказать Франции на конференции в Альхесирасе, что её союзники Россия и Англия ничего не могут сделать в ее поддержку, а потому III Республике следует капитулировать в Марокко и заключить союз с Германией.

В связи с этим России было весьма важно продемонстрировать на конференции, что, несмотря на Русско-японскую войну и революционную смуту, она по-прежнему является великой державой, способной влиять на мировую политику. Для этого Николай II поручил В. Н. Ламздорфу отправить послу в Париже А. И. Нелидову циркулярную ноту, в которой послу предписывалось довести до представителя на конференции В. Р. Бахерахта, что русская делегация должна на этой конференции всецело поддерживать Францию. По негласному одобрению Царя, Нелидову было рекомендовано в качестве «личной инициативы» довести эту циркулярную ноту до сведения французской прессы, что посол и сделал: нота Ламздорфа была опубликована во французской газете Le Temps. Публикация вызвала ярость Берлина. Вильгельм II настолько утратил над собой контроль, что начал публично критиковать Императора Николая II в очень резких выражениях «за чёрную неблагодарность по отношению к Герма-

нии». В германской прессе началась антирусская кампания, а немецкие финансисты отказались участвовать в большом интернациональном русском займе, переговоры о котором велись в Париже^[36].

Однако подобная реакция германского императора в отношении России была предвзята и несправедлива. Петербургу сам по себе спор вокруг Марокко был безразличен, ибо напрямую его интересы не затрагивались ни в случае успеха Берлина, ни в случае успеха Парижа. Но что выигрывала Россия, поддерживая Германию на Альхесирасской конференции? Ровным счётом ничего, а теряла она при этом очень многое. Во-первых, вопрос о предоставлении интернационального займа отпадал сам собой, так как Франция была главным заимодателем и ей принадлежала львиная доля предоставляемых России финансовых средств. Во-вторых, русско-французский союз был обречён на глубокий кризис, а возможно и на распад. Вместо французского союзника Россия бы получила двух противников: Англию и Францию. В-третьих, Россия подтвердила бы сомнения мирового сообщества о своей самостоятельности и независимости, убедила бы в полной своей подчинённости Берлину. Таким образом, Россия осталась бы без союзников, один на один с Германией, а каким «надёжным» партнёром был кайзер Вильгельм, Государь знал хорошо.

При этом Россия не отталкивала Германию и не стремилась к её поражению на конференции. Николай II лишь про-

сил кайзера во имя дружбы с Россией пойти на определённые уступки Франции, чтобы помочь получить от неё столь необходимый заём. Но кайзер не хотел прислушиваться к просьбам Государя и делал всё, чтобы усложнить получение Петербургом финансовой помощи. В Берлине думали только о том, как использовать Россию против Франции, а Францию – против России. *«Чем сильнее желание русских получить заём до открытия Думы, – писал Бюлов кайзеру, – тем более мы имеем возможность через Россию и Витте давить на Рувье и французов»*^[37].

С. Ю. Витте во Всеподданнейшем докладе сообщал: *«Для Германии ныне представляется такой случай надавить на Францию, который редко представляется и, вероятно, долго не представится. Германия, конечно, может помять Францию», но даже если она не доведёт дело до войны, то будет всячески стремиться «с одной стороны, помешать России быстро получить заём, с другой – показать Франции малую ценность для неё союза с Россией»*^[38].

Поддержка Франции давала столь необходимые для русской экономики финансы, с новой силой укрепляла франко-русский союз, давала возможность налаживания диалога с Англией, значительно поддерживала пошатнувшийся международный престиж России и давала возможность остудить пыл Германии, уверившейся в своей безнаказанности.

Поэтому Николай II сделал всё от него зависящее, чтобы Альхесирасская конференция закончилась в пользу Фран-

ции, что и произошло в апреле 1906 г., когда Германия потерпела сокрушительное поражение. Против неё выступили все участники, кроме Австро-Венгрии. Даже Италия, союзник рейха по Тройственному союзу, не поддержала Берлин, и тот вынужден была признать «особые интересы» Франции в Марокко.

Уже 9 апреля 1906 г., в «*день окончательного подписания акта Марокканской конференции*», посол Франции в Петербурге М. Бомпар по поручению министра иностранных дел Леона Буржуа передал *«Его Императорскому Величеству чувства самой глубокой благодарности Президента Республики и французского правительства за ту мужественную официальную поддержку, какую получила Франция от России в Альхесирасе»*^[39].

Между тем борьба В. Н. Коковцова в Париже за получение международного займа была изначально тяжёлой. Министр финансов Раймонд Пуанкаре обещал России поддержку, но при этом сказал, что во французских правящих кругах большое влияние получили левые партии, которые резко выступают против предоставления денег России. Справедливость этих слов Коковцов почувствовал во время беседы с министром внутренних дел радикальным республиканцем Жоржем Клемансо, который к 1906 г. успел забыть свои восторги 1896 года по поводу визита Царя в Париж. Теперь Клемансо не без лукавства спрашивал Коковцова: *«Думаете ли Вы, господин статс-секретарь, что Ваше правитель-*

ство избрало подходящий момент для займа крупной суммы денег на французском рынке?»

После же того как Коковцов ответил, что не видит «*никаких неблагоприятных условий в состоянии парижского рынка для такой операции*», Клемансо намекнул, что вопрос займа зависит от либеральных реформ в России. «*Отчего бы вашему Государю, – спросил французский министр, – не пригласить господина Милюкова возглавить новое Правительство? Мне кажется, что это было бы очень хорошо и с точки зрения удовлетворения общественного мнения и разрешило бы многие вопросы*»^[40].

Коковцову пришлось напомнить Клемансо, что Основные законы Российской Империи ни в чем не изменились – ни в отношении прав Императора по избранию министров, ни в отношении ответственности министров, которые не подчиняются вотуму законодательных учреждений. На эти слова Клемансо ответил, провожая Коковцова в приёмную: «*Очень жаль, мне кажется, что это было бы очень хорошо*»^[41].

Переговоры о предоставлении России займа шли в условиях самой настоящей антицарской истерии, которую подняла социалистическая пресса Франции. Особенно неистовствовал социалистический ежедневник социалиста Жана Жореса L'Humanité. 9 апреля 1906 г. газета поместила передовицей статью Максима Горького «*Ни копейки русскому правительству!*» В своей статье Горький писал: «*Русское правительство сегодня не более чем политическая клика, ко-*

торая потеряла все моральные связи с русским народом и которая противостоит ему насмерть во всех устремлениях». Заканчивалась статья призывом: «Не давайте ни копейки в руки этих варваров, чья политика была всегда враждебна цивилизаторскому курсу Европы. Они ограбили Россию. Покупательная способность народа – мизерная. Её индустрия – малоразвитая. И народ будет вынужден в течение долгих лет бороться за свою свободу, если вы дадите деньги Романовым, чтобы воевать против русского народа. Не давайте, ни копейки Романовым, чтобы убивать!»^[42] Интересно, что эти памфлеты Горький сочинял в Берлине.

Но, несмотря на все старания врагов императорской России, 17 апреля 1906 г. был выпущен «Российский государственный 5 % заём 1906 г.» на общую сумму 2250 млн французских франков. Из них французским банкам предстояло разместить 1200 млн, русским – 500 млн, английским 330 млн, австро-венгерским – 165 млн и голландским – 55 млн. Заём был заключён сроком на 50 лет и должен был быть погашен до 1956 г. Это был крайне выгодный для России выход из положения. Император Николай II в телеграмме на имя В. Н. Коковцова писал: «Вы оказали огромную услугу России и Мне. Я никогда не забуду её и ясно вижу, какой огромный труд выполнили Вы в тяжёлых условиях переживаемой минуты»^[43].

Причины сближения с Великобританией

Военные неудачи и революции 1905–1907 гг. обозначили опасность вынуждения Петербурга примкнуть либо к германскому блоку, либо к Антанте. Между тем Николай II считал такое развитие событий крайне опасным для России. Политику Государя этого периода хорошо определил Н. В. Греков: *«Уклончивая тактика Петербурга нервировала и Лондон, и Берлин. Обе группировки стремились привлечь Россию на свою сторону, так как она по-прежнему обладала самой многочисленной армией в мире. Петербург же, опираясь на поддержку то Берлина, то Лондона, пытался упрочить свою внешнюю безопасность»*^[44].

Между тем перед лицом всё более растущей германской экспансии в Лондоне тоже искали взаимопонимания с Россией. В 1906 г. начальник русского Генерального штаба генерал Ф. Ф. Палицын писал, что Англия стремится сделать войну с Германией *«невероятною путём создания англо-французского и англо-русского соглашений и затем вести борьбу с германской державой только торгово-экономическую»*^[45].

Подобные планы Лондона отвечали интересам русской внешней политики по сдерживанию не считающегося ни с кем Берлина. С другой стороны, сохранение нормальных отношений с Германией должно было, по замыслу Государя,

сдерживать экспансионистские планы Лондона.

В этих условиях стало возможным англо-русское сближение. Стараниями советской историографии его, завершившееся соглашением 1907 г., принято воспринимать как присоединение России к Антанте, то есть создание военного союза Англии, России и Франции против Германии. Но *«царская дипломатия воспринимала это соглашение только как элемент “политики неприсоединения и лавирования между двумя блоками держав”»*^[46].

Русско-английская договорённость 1907 г. была вызвана стремлением обоих государств разграничить сферу влияния в Азии и договориться о взаимовыгодных уступках в других регионах. Причиной того, что и в России, и в Англии пришли к выводу о необходимости такого сближения, стало упорное стремление рейха проникнуть в геополитические регионы, представляющие исключительный интерес как для Англии, так и для России.

Тем временем Германия активно распространяла своё влияние в Османской империи. Именно этот фактор английский дипломат сэр Артур Никольсон считал весьма важным противоречием в русско-германских отношениях. *«Интересы России и Германии, – писал он министру иностранных дел Эдварду Грею, – нигде прямо не сталкиваются, за одним исключением, правда, очень большим: я имею в виду германскую политику по отношению к Оттоманской империи»*^[47].

Россия была заинтересована в усилении своего союза с

Францией и в договорённостях о разграничении сфер интересов с Англией, договор с которой позволил бы Петербургу не беспокоиться за свои восточные рубежи и приступить к активной политике в Европе. Соперничество с Англией становилось для России более обременительным, чем договорённость с нею.

В Лондоне понимали, что в случае прекращения действия франко-русского союза поражение Франции в войне с германским рейхом будет неминуемым. Тогда Германия будет доминировать в Европе, а Англия обречена на огромные уступки, граничащие с потерей ею статуса великой державы. Больше всего Англию пугал германский военный флот, который стремительно развивался, и она этому ничего не могла противопоставить. Было очевидно, что через десяток лет немцы вполне смогут соперничать с англичанами на море. Король и Грей считали Германию гораздо большей угрозой своему могуществу, *«чем Россию, с её призрачными угрозами Индии»*^[48].

Ещё больше, чем германская военная угроза, Лондон тревожила торгово-экономическая экспансия рейха^[49]. Официально английские правящие круги не хотели признавать этого факта. Но С. Д. Сазонов, тогда советник русского посольства в Лондоне, сообщал: в Англии уверены, что Германия вытесняет её из всемирных рынков^[50].

Дальнейший рост германского экономического могущества полностью подтвердил эти опасения. За период с 1887

по 1911 г. увеличение роста производства чугуна в Германии составило 387 %, производство стали – 1375 %. (Для сравнения: за тот же период Англия увеличила производства чугуна только на 30,6 %, стали – на 154,0 %)^[51].

Но Германия не только производила чугуна и стали больше, чем Англия, она ещё и вывозила их в большом количестве, причем вывозила в английские и французские колонии. Она быстро захватывала нужные ей экономические рынки в чужих колониях. В Австралийский союз, в Алжир, в Канаду, в Британскую Индию и в Азиатскую Турцию, Германия в целом вывозила во много раз больше, чем в принадлежащие ей Самоа, Новую Гвинею и Камерун^[52].

В Лондоне все больше приходили к мысли, что ослабление России в ходе Русско-японской войны, которому он столь содействовал, рикошетом ударило по нему самому, оставив один на один с Берлином.

По итогам Альхесирасской конференции Э. Грей сделал следующий вывод: *«Если необходимо держать Германию в узде, то это можно сделать только тогда, когда будет обеспечено соглашение между Россией, Францией и нами. Настоящий момент не благоприятен для обуздания Германии»*^[53].

Как Петербург, так и Лондон крайне беспокоило усиление германской экспансии в Османской империи и в Персии. В России были встревожены все растущими усилиями немцев за право строительства Багдадской железной дороги, что

в случае их реализации могло позволить турецкому командованию свободно перебрасывать свои войска к кавказской границе Российской Империи. В Лондоне опасались, что с турецкой территории Германия могла реально угрожать Индии и британским стратегическим позициям в Египте. Англичане были озабочены также тем, чтобы не допустить вытеснения своей торговли из Месопотамии^[54].

Целесообразность договариваться с Англией была обусловлена для России положением дел на Дальнем Востоке, в Тибете и Афганистане. Министр иностранных дел А. П. Извольский на совещании Правительства 7 сентября 1906 г., говоря о необходимости соглашения с Великобританией, утверждал: *«Нам предстоит сделать выбор между соглашением, способным надёжно обеспечить хотя бы часть наших интересов, и соперничеством в таких условиях, при которых мы лишены уверенности, что вопросы, близко нас касающиеся, не будут решаться помимо нас и в ущерб нашим интересам»*^[55].

18/31 августа 1907 г. в Петербурге А. П. Извольским и А. Никольсоном была подписана англо-российская конвенция относительно Персии, Афганистана и Тибета. Правительства России и Великобритании обязались взаимно уважать целостность и независимость Персии и отказались от вмешательства во внутреннюю политику персидского правительства. Сама страна была поделена на зоны влияния: северную – русскую и южную – английскую^[56]. Афганистан

оставался вне сферы влияния России, а в Тибете стороны признавали сюзеренные права Китая над ним и сохранение существующего порядка внешних сношений Тибета^[57]. Англо-русское соглашение прошло своего рода торжественную ратификацию 27–28 мая 1908 г. при обмене тостами во время встречи Императора Николая II и короля Эдуарда VII на рейде порта Ревеля.

Таким образом, ни о каком военном союзе между Россией и Англией в 1907 г. речи не шло. Обе державы, которые ещё совсем недавно были потенциальным противниками, не стремились бросаться в объятия друг к другу даже перед лицом растущего военного могущества Германии. Русско-английская договорённость 1907 г. была вызвана обоюдным их стремлением разграничить сферы влияния в Азии и договориться о взаимовыгодных уступках в других регионах. Англо-русское соглашение не было направлено против Германии, войны с которой не хотели ни в Петербурге, ни в Лондоне. Оно лишь было призвано удержать Берлин от безудержной экспансии.

Между тем сближение с Англией вызвало в консервативной части русского общества сильное беспокойство. Сам факт, что Россия сделала шаг навстречу своему исконному противнику, вызывал у русских консерваторов опасения и неприятие. Особенно сдержанно относились к сближению с Лондоном военные круги. 15 декабря 1906 г. начальник Морского Генерального штаба вице-адмирал Л. А. Брусилов

подал Николаю II записку, в которой утверждал, что Англия стремится уничтожить мощь России на суше, а Германии – на море. Заручившись поддержкой России и Франции, считал Брусилов, Англия зажмёт Германию в тиски, и та будет вынуждена напасть на Россию, как на менее подготовленного противника. Брусилов считал, что сама Англия не вступит в войну, а пожнёт её плоды^[58]. Как известно, эти предположения не оправдались.

Начальник Главного управления Генерального штаба генерал Ф. Ф. Палицын был противником англо-русского соглашения, пока России не будут обеспечены значительные преимущества^[59].

Не были довольны сближением с Англией и правые консервативные круги. Видный деятель Союза русского народа Н. Е. Марков утверждал: *«Лучше вместо большой дружбы с Англией иметь маленький союз с Германией»*^[60]. Профессор Казанского университета В. Ф. Залесский писал: *«При теперешних условиях война России и Германии гибельна для обоих государств. Сближение с нашим заклятым врагом Англией – тому порукой. Несмотря ни на какие союзные договоры, Англия в решительный момент, нас предаст и, дождавшись полного истощения сил Германии и России в предстоящей губительной войне, одна получит выгоды от этого самоистребления арийской расы»*^[61].

В русских правящих кругах не было единства в вопросе необходимости договариваться с Англией по Персии. Если

П. А. Столыпин, В. Н. Коковцов и А. П. Извольский полагали, что необходимо *«поставить вопрос на почву соглашения с Англией»*, то военное ведомство доказывало: *«Англия, утвердившись с нашей помощью на берегах Персидского залива, окончательно убьёт наше влияние в Персии и навсегда закроет движение к Персидскому заливу»*^[62].

Николай II поддержал Столыпина и Извольского. В создавшихся условиях Россия контролировать всю Персию не могла, да к этому Царь тогда и не стремился. Поддерживать персидское шахское правительство было бесполезно из-за его крайней слабости и полной неуверенности в его завтрашнем дне. Вовлечение ослабевшей России в персидские дела и противостояние там Англии могли дать серьёзные осложнения. Таким образом, договорённость с Лондоном о разделе сфер влияний в Персии была насущно необходима.

Целесообразность договариваться с Англией была обусловлена и положением на Дальнем Востоке. В конце лета – начале осени 1906 г. в японской печати появились сообщения, что в ближайшее время Япония может захватить Владивосток и Николаевск-на-Амуре и овладеть обширной полосой от Квантунского полуострова до Берингова пролива^[63]. 23 февраля 1907 г. Приамурский генерал-губернатор инженер-генерал П. Ф. Унтерберг с тревогой телеграфировал царю: *«Война – в ближайшем будущем. Я могу противопоставить предполагаемому японскому десанту, приблизительно двумстам батальонам, лишь около 20 батальонов,*

так как остальные войска нужны для гарнизона Владивостока и Усть-Амура и охраны Амурской и Усть-амурской коммуникационных армий»^[64].

Унтерберг настаивал на срочной присылке на Дальний Восток воинских подкреплений. В своём очередном сообщении Николаю II зимой 1907 г. он докладывал: «Несмотря на состоявшееся соглашение с Японией, как на почве политической, так и торговой, она продолжает усиленно вооружаться, усиливает свой флот, увеличивает свою сухопутную армию и подготавливает базы для военных операций, как в Южной Маньчжурии, так и в Северной Корее»^[65].

Государь отреагировал мгновенно, приказав на следующий день привести в полную боевую готовность полевые и крепостные войска Приамурского военного округа и снабдить их всем необходимым^[66]. Два соображения заставляли царя относиться к этим сообщениям очень серьёзно: отсутствие у России флота на Тихом океане и нехватка войск на Дальнем Востоке ввиду необходимости их использования для подавления революции.

Для предотвращения возможной новой японской агрессии Николай II искал взаимопонимания с САСШ, чьи интересы сталкивались в Тихом океане с японскими. Однако главной целью Государя было всё же не использование противоречий одного государства с другим, а выстраивание ровных и мирных отношений со всеми. Во время переговоров с американским президентом В. Тафтом в конце 1907 г. Из-

вольский, выполняя поручение Императора, заявил, что сохранение добрых отношений с Японией остаётся одной из главных международных задач России^[67].

Кроме этого, Николая II волновала взрывоопасная ситуация в Китае, которую всячески дестабилизировала японская разведка. Ею было инспирировано революционное движение «Тунмэнхой», ставившее своей задачей свержение правящей династии и провозглашение Китая федеральной республикой. Руководитель движения Сунь Ятсен проживал в Японии, откуда он давал указания своим сторонникам^[68]. Тесные связи японцев с англичанами давали русскому Правительству возможность по крайней мере предполагать, что Лондон был осведомлён о действиях Токио.

Таким образом, у России и Англии было достаточно оснований, чтобы добиваться нормализации отношений. Во всяком случае, появлялась возможность договариваться друг с другом по вопросу о разделе сфер влияний.

Сближение Петербурга и Лондона не могло не вызвать крайней обеспокоенности Берлина. Граф И. Л. Татищев предупреждал Государя из Берлина: *«Последний разговор с императором ещё более утвердил во мне убеждение, насколько император озабочен нашим сближением с Англией и насколько это сближение его пугает»*^[69].

Во время Ревельской встречи Николай II и Эдуард VII поспешили успокоить кайзера. 11/24 мая и 12/25 мая 1908 г. последовали русское и английское заявления о том, что во

время встречи двух монархов в Ревеле военного союза трёх держав (Англии, России и Франции) против Тройственного союза создано не будет. Э. Грей сделал заявление, что *«русским правительством не происходит никаких переговоров относительно нового договора или конвенции и не предполагается начинать подобные переговоры во время предстоящего свидания»*^[70].

При этом постоянный помощник министра иностранных дел Чарльз Гардинг заявил: нельзя забывать, что если Германия будет продолжать увеличивать теми же темпами свои морские вооружения, то через 7 или 8 лет в Европе наступит весьма тревожная ситуация. Главным арбитром тогда станет Россия. Вот почему английский дипломат добавил: *«В интересах сохранения равновесия и мира мы самым искренним образом желаем видеть русское государство как можно более сильным и на суше и на море»*^[71].

Это признание со стороны Англии было главным и самым важным результатом Ревельской встречи. Россия могла теперь уверенно заняться своим перевооружением и восстановлением утраченных международных позиций, не только не опасаясь английского нападения на южных и дальневосточных своих границах, но, наоборот, рассчитывая на содействие Великобритании. При этом о военном сотрудничестве и тем более о военном союзе между двумя державами в Ревеле речи не шло, хотя Англия и стремилась к заключению подобной конвенции с Россией. Военный агент в Лон-

доне генерал-лейтенант Н. С. Ермолов докладывал в Главный штаб: *«Уже ко времени Ревельского свидания у Великобритании было желание идти дальше англо-русского соглашения, заключенного в 1907 г., и быть может заключить с нами нечто вроде военно-морской конвенции на случай войны с Германией»*^[72]. Однако Государь не захотел связывать Россию договором, явно направленным против Германии, с которой он не хотел обострять отношения.

Стремление Государя сохранить добрососедские отношения с Германией

Вплоть до завершения Альхесирасской конференции в Берлине были уверены, что ослабленная Россия будет следовать германской линии. Вильгельм II и Бюлов настолько в этом не сомневались, что не побоялись потребовать от России полной поддержки в марокканском вопросе. Как уже говорилось, эта поддержка стоила бы России потери международного авторитета и столь нужной ей западной финансовой помощи. При этом Германия со своей стороны ничего не предлагала взамен. Единение, с которым выступили Россия, Франция и Англия на Альхесирасской конференции, отрезвляюще подействовало на германское руководство. Вместе с тем в германских верхах царило негодование действиями России. Граф И. Л. Татищев докладывал Николаю II 26 марта/8 апреля 1906 г.: *«Обнародование циркулярной депе-*

*шии уполномоченного Вашего Императорского Величества на Альхесираской конференции и особенно появление этой де-
неиши в газете “Гетра”, при том в несколько искажённом ви-
де, сразу изменило настроение императора [Вильгельма] до
неузнаваемости. Лично я императора с тех пор не видел, но
из разговоров с лицами к нему приближённых, могу заклю-
чить, что император очень рассержен»^[73].*

Негодование Вильгельма II вызывает удивление, так как после окончания Русско-японской войны кайзеру постоянно поступали предупреждения об изменении ориентиров рус-
ской политики. Морской атташе кайзера в Петербурге капи-
тан 1-го ранга Пауль фон Гинце, который пользовался рас-
положением императора Николая II, неоднократно доклады-
вал кайзеру и статс-секретарю военно-морского ведомства
гросс-адмиралу Альфреду фон Тирпицу, что цели российской
внешней политики перемещаются с Дальнего Востока
на европейский континент. Гинце отмечал стремление Рос-
сии во что бы то ни стало решить проблему Черноморских
проливов, а также желание Петербурга устранить противो-
речия с Англией^[74].

Имея подобную информацию, в Берлине, казалось, долж-
ны были бы учесть русские интересы и хотя бы в чём-то пой-
ти им навстречу, тем более что после Альхесира стало оче-
видным, что Россия в своей внешней политике не будет сле-
по следовать за Германией.

Вместо этого в сентябре 1906 г. немцы провели большие

манёвры возле русской границы. Государь в свою очередь 3 декабря 1906 г. утвердил план нового стратегического развёртывания русских армий на западной границе на случай войны против Германии и Австро-Венгрии^[75]. Военное командование явно считало главным потенциальным противником России германские империи, в то время как командование ВМФ – Англию.

Тем не менее говорить о резком ухудшении русско-германских отношений ни в 1906-м, ни в 1907 г. не приходилось. Николай II понимал, что Германия является главным потенциальным противником, а потому в первую очередь с ней нужно выстраивать дружественные отношения. 15 ноября 1906 г. Государь заявил германскому послу в Петербурге барону Вильгельму фон Шёну, что он стремится к новому сближению с Германией и Австро-Венгрией в виде возобновления Союза трёх императоров^[76]. Это предложение Николая II нашло живой отклик у австро-венгерского посла Алоиза фон Эренталя, который советовал германскому правительству незамедлительно организовать встречу с Царём на высшем уровне^[77].

Свою первую заграничную поездку в ранге министра иностранных дел А. П. Извольский совершил именно в Германию. Николай II передал кайзеру личное послание, в котором заверял Вильгельма II в своей *«искренней дружбе»*^[78]. Во время встречи Извольского с Бюловым рейхсканцлер сказал, что Берлин будет приветствовать англо-русское сближение

до тех пор, пока оно не затронет германских интересов^[79]. Кроме того, германское правительство дало понять Извольскому, что готово заключить соглашение с Россией по Багдадской железной дороге.

Отказ России идти в фарватере германской политики и угроза её блокирования с Антантой вынуждала Вильгельма II, отбросив всё своё раздражение, искать компромисса с Николаем II. Кайзер хотел обсудить с ним весь широкий круг вопросов русско-германских отношений, а заодно лично попытаться узнать, насколько верны слухи о возможном союзе России с Англией.

Николай II тоже считал встречу с кайзером полезной. Он стремился сгладить неприятный осадок, вызванный у немцев Альхесирасской конференцией, а заодно устранить тревогу кайзера о возможном сближении Петербурга с Лондоном. Кроме того, Николай II хотел, чтобы отказ России от Бьёркского договора, который был неизбежен, не вызывал бы в Берлине слишком болезненную реакцию. Поэтому Государь предложил кайзеру встретиться на рейде Свинемюнде. Вильгельм II немедленно ответил согласием^[80]. Императорская яхта «Штандарт» прибыла в Свинемюнде 22 июля 1907 г. в 11 ч. 20 м. утра. Вильгельм II прибыл туда раньше, 19 июля, на яхте Hohenzollern.

Во время встречи Государь предложил кайзеру проект секретного русско-германского протокола, в котором бы излагались основные принципы политики обеих держав в рай-

оне Балтики. Германской стороне предлагалось договориться о том, что их политика в бассейне Балтийского моря *«имеет целью сохранение существующего территориального status quo на основе полного устранения всякого иностранного влияния»*^[81], кроме прибрежных стран: России, Германии, Швеции и Дании. Кайзер согласился с этим проектом, и секретный протокол был подписан в Санкт-Петербурге 16 октября 1907 г. статс-секретарём МИД Германии В. фон Шёном и товарищем министра иностранных дел К. А. Губастовым.

Некоторые исследователи полагают, что подписание этого секретного договора не было необходимостью, и русская дипломатия предложила его исключительно, чтобы смягчить в глазах кайзера отказ России соблюдать Бьёркский договор, а также избежать *«сколько-нибудь явной внешнеполитической ориентации, угроза которой уже начинала ощущаться»*^[82]. Трудно не согласиться с этой точкой зрения: действительно, эти соображения занимали не последнее место при подписании русско-германского договора по Балтике. Тем более если учесть, что оно состоялось в скором времени после подписания англо-японской антанты и в преддверии англо-русского сближения. Тем не менее неоправданно утверждать, что секретный протокол был порождён только этими соображениями. Соглашение с Германией, факт которого был сразу сообщён Россией английскому и французскому правительствам, было уравновешено аналогичным соглашением Гер-

мании с Англией, Францией, Данией и Швецией по соблюдению status quo в Северном море 10/23 апреля 1908 г. В тот же день Англия, Франция и Швеция подписали декларацию об отмене трактата 1856 г., запрещающего России укреплять Аландские острова^[83]. Таким образом, было покончено *«ещё с одним наследием Крымской войны»*^[84].

В преддверии свидания в Свинемюнде кайзер и Бюлов пытались возобновить обсуждение Бьёркского договора, который они считали сохраняющим силу^[85]. Предвидя, что немцы могут коснуться этого вопроса, Николай II поручил послу в Берлине графу Н. Д. Остен-Сакену подтолкнуть кайзера к мысли о желательности приглашения на встречу в Свинемюнде рейхсканцлера Бюлова, так как его присутствие делало обязательным присутствие и Извольского. Именно им двоим, по мысли Государя, и предстояло обсуждать все сложности Бьёркского договора.

На встрече с Бюловым Извольский поинтересовался отношением кайзера к позиции России по Бьёркскому договору. Бюлов поспешил ответить, что император Вильгельм «проникнут самыми сердечными чувствами» к Императору Николаю II и *«отнюдь не намерен обострять этот щекотливый вопрос»*, так как *«он отлично понимает, что привлечение Франции к этому акту – дело весьма трудное и требующее много времени и терпения. Это своего рода политический идеал, к которому и мы, и вы должны стремиться. Что касается до сделанной Россией оговорки, то, не оспари-*

вая её по существу, мы не предвидим её практического применения, так как вполне убеждены, что связующие Россию и Францию договорные отношения не имеют никакого агрессивного характера»^[86].

Таким образом, фактическая денонсация Россией Бьёркского договора не вызвала у германской стороны возражения. Общий дружеский настрой со стороны Николая II и Извольского, их готовность идти на сотрудничество с Германией по целому ряду важных вопросов, заставляли германское руководство не настаивать на соблюдении фактически потерявшего силу бесперспективного Бьёркского договора. Но была ещё одна причина, по которой германская верхушка спокойно отнеслась к прекращению действия Бьёркского соглашения. Дело в том, что император Вильгельм II уже утвердился в мысли о неизбежности войны с Россией. При таком раскладе Бьёркский договор только мешал ему в этом намерении.

В ходе переговоров Николай II и его министр иностранных дел смогли добиться согласия кайзера и Бюлова на отказ от строительства немцами Багдадской железной дороги. Извольский заверил Бюлова, что Россия не собирается заключать военного союза с Англией^[87].

Помимо Бьёркё, Персии и Балтийского соглашения, русская и германская делегации обсуждали проблемы Марокко, намерение князя Фердинанда провозгласить независимость Болгарии, предстоящую Гаагскую конференцию и другое.

Утром 24 июля 1907 г. на «Штандарте» состоялся прощальный завтрак. Кайзер Вильгельм, как и Император Николай II, был в русской морской форме. В 11 ч. 30 м. оба императора переехали со «Штандарта» на Hohenzollern, где прошло официальное прощание двух монархов. Как писало «Русское слово», они простились *«сердечно, несколько раз пожимали друг другу руки и несколько раз облобызались»*^[88].

По мнению Николая II, важным фактором, сдерживающим возможность большой войны, должны были стать мирные конференции. Однако Русско-японская война и внутренняя смута поставили под сомнение возможность проведения Второй конференции мира. Тем не менее, когда Россия осенью 1905 г. предложила вновь собраться на мирную конференцию, все державы выразили своё принципиальное согласие. Президент США Теодор Рузвельт в сентябре 1905 г. заявил, что *«можно рассчитывать на полное сочувствие и поддержку в созвании международной конференции мира»*. Президент подчеркнул, что находит *«вполне естественным, чтобы Августейший Монарх как инициатор Первой конференции взял на себя почин в этом»*^[89]. Королева Нидерландов также согласилась, чтобы конференция вновь прошла в Гааге.

Вторая Гаагская мирная конференция заседала 2/15 июня – 5/18 октября, в ней приняли участие 232 делегата из 44 государств: все участники Первой конференции мира и 17 государств Южной и Центральной Америки.

Российскую делегацию возглавлял опытный дипломат А. И. Нелидов. В её состав кроме трёх уполномоченных входили технические делегаты, командированные военным и морским ведомствами. Заседания конференции должны были основываться на принятой государствами-участниками программе 1906 г.

В результате за четыре месяца работы конференции было принято 13 конвенций: 1) о мирном решении международных столкновений; 2) об ограничении случаев обращения к силе для взыскания по договорным долговым обязательствам; 3) об открытии военных действий; 4) о законах и обычаях сухопутной войны; 5) о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в сухопутной войне; 6) о положении неприятельских торговых судов при открытии военных действий; 7) об обращении торговых судов в военные; 8) об установке автоматических контактных подводных мин; 9) о бомбардировке морскими силами во время войны; 10) о применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 г.; 11) о некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне; 12) об учреждении международного призового суда (не вступила в силу); 13) о правах и обязанностях нейтральных держав в морской войне^[90].

Большое внимание было уделено разработке права морской войны. Было принято решение о запрете бомбардировки незащищенных портов и городов.

В рамках вопроса об оккупированных территориях и по-

ложении в них мирных жителей было принято решение, что мирное население не обязано давать сведения во вред своей армии и своей стране, и тем более участвовать прямо или косвенно в военных действиях противника, строго охранялся принцип неприкосновенности частной собственности.

На конференции рассматривались важнейшие вопросы международного права. Участники конференции договорились созвать Третью мирную конференцию в 1915 г. 19 мая 1912 г. министр иностранных дел С. Д. Сазонов писал Императору Николаю II: *«В заключительном акте созванной по почину Вашего Императорского Величества Второй Конференции мира 1907 г., было высказано пожелание, чтобы следующая Третья конференция собралась в срок, примерно равный промежутку между первой и второй конференциями. <...> Таким образом, время Третьей конференции мира падает примерно на лето 1915 г., а время заседаний подготовительного комитета на будущий 1913 г. Осмеливаюсь полагать, что почин созыва конференции может исходить от Вашего Императорского Величества, как Августейшего инициатора Первой и Второй конференций»*^[91]. На этой записке рукой Государя было написано: «Одобряю». В этот момент ни Николай II, ни Сазонов не могли знать, что лето 1915 г., на которое была намечена Третья конференция мира, станет пиком самой кровавой доселе войны.

Император Николай II, следуя своей христианской совести, сделал всё, чтобы мир превратился в мир без войн. Царь

в одностороннем порядке стал воплощать эти идеи в русской армии. В 1907 г. Императором был утвержден «Наказ Русской армии о законах и обычаях сухопутной войны», который являлся приложением к Уставу полевой службы. В «Наказе» говорилось: *«1. Войска должны уважать жизни и честь обывателей неприятельской стороны, а также религию и обряды веры. Всякий грабеж строго воспрещается под страхом тяжчайших наказаний (вплоть до смертной казни). Раненые и больные военные чины подбираются с поля боя без различия принадлежности к какой-либо армии. С пленными надлежит обращаться человеколюбиво и предоставить им полную свободу в отправлении религиозных обрядов. Содержать их так же, как содержатся чины русской армии. 2. Во время военных действий воспрещается применять яд или отравленное оружие, ранить или убивать неприятеля, который сложил оружие и сдался, атаковать или бомбардировать города, селения, жилища или строения, не занятые противником, захватывать и уничтожать неприятельскую собственность (если это не является военной необходимостью)»*^[92].

Таким образом, в крайне тяжёлых условиях, наступивших вместе с окончанием Русско-японской войны, Николаю II удалось вывести Россию из глубокого внешнеполитического и внутрироссийского кризиса. Кардинальные реформы государственной жизни не привели к распаду Империи, революция была подавлена, финансовый дефолт пре-

одолён. При этом Россия сохранила свои позиции как великая держава и, что самое главное, не была вовлечена ни в один из антагонистских блоков, сохранив нейтральную независимую позицию. Соглашение с Англией разрядило обстановку на южно-азиатских границах России, сняло для неё напряжение в Персии, Тибете и Китае. Отношения с Германией, несмотря на все их сложности этого периода, также не перешли в конфронтацию. Более того, после Свинемюнде намечилось улучшение отношений с Берлином, которые внешне приобретали характер *«традиционной дружбы и добрососедства»*^[93].

Как никогда спокойны были отношения России с её старым соперником на Балканах Австро-Венгрией. Новый австро-венгерский министр иностранных дел граф Эренталь заверял Россию в своих симпатиях, готовности к сотрудничеству и компромиссу. В таких новых условиях Россия по договорённости с Англией, Германией и Австро-Венгрией могла попытаться разрядить ситуацию на Балканах, а вместе с ней постараться решить давнюю проблему, связанную с Черноморскими проливами. Вот почему возникший в 1908 г. острейший Боснийский кризис, вызванный политикой Вены и Берлина и едва не приведший к большой войне, стал неожиданным для Государя.

Глава 2. Обновление Империи

Император Николай II как реформатор

В исторической науке, да и в общественном сознании, преобразования и реформы, осуществленные в монархических государствах, принято связывать с личностью царствующего в то время монарха. Никому в голову не приходит называть преобразования Петра Великого, Екатерины II или Александра II реформами Меншикова, Потёмкина или Милютина. Существуют исторические понятия: «Петровские преобразования», «Екатерининский век», «Великие реформы Александра II». Знаменитый Code Napoléon (Кодекс Наполеона) никто не вздумает называть «Кодексом Франсуа Тронше» или «Кодексом Жана Порталиса», хотя именно эти люди являлись непосредственными исполнителями воли Первого консула по составлению законодательного акта. Это так же верно, как и то, что Петербург основал Петр Великий, а Версаль построил Людовик XIV.

Но как только речь заходит об эпохе последнего Государя, почему-то оперируют терминами: «реформа Витте» или «Столыпинская реформа». Между тем сами Витте и Столыпин неизменно называли эти преобразования реформами Императора Николая II. С. Ю. Витте говорил о денежной

реформе 1897 г.: *«Россия металлическим золотым обращением обязана исключительно Императору Николаю II»*^[94]. П. А. Столыпин 6 марта 1907 г., выступая в Государственной думе, сказал: *«Правительство задалось одною целью – сохранить те заветы, те устои, те начала, которые были положены в основу реформ Императора Николая II»*^[95]. Витте и Столыпин хорошо знали, что вся их реформаторская деятельность была бы невозможной без одобрения и руководства ею Самодержцем.

Серьёзные современные исследователи приходят к однозначному выводу об Императоре Николае II как выдающемся реформаторе. Кандидат ист. наук С. В. Куликов задаётся вопросом: *«В какой степени реформаторский проект Николая II воплощался в его реальной политике? Конечно же, историческое значение любого государственного деятеля определяется не его декларациями о намерениях, а тем, как они реализуются. Поэтому необходимо раскрыть личное участие Николая II в осуществлении наиболее важных социальных и политических реформ его царствования»*^[96].

Историк Д. Б. Струков отмечает: *«По своей природе Николай II был весьма расположен к поискам новых решений и импровизации. Его государственная мысль не стояла на месте, он не был догматиком»*^[97].

Детальное и непредвзятое изучение хода реформ в России в начале XX в. неопровержимо доказывает, что Император Николай II являлся их главным инициатором и убежденным

сторонником. Он не отказывался от преобразований даже в условиях революции 1905–1907 гг. При этом Николай II прекрасно разбирался в вопросах той стороны жизни страны, которую он собирался реформировать. В 1909 г. заместитель министра внутренних дел С. Е. Крыжановский докладывал Николаю II свои соображения относительно проекта децентрализации Империи. Позже он вспоминал: *«Меня поразила лёгкость, с которой Государь, не имевший специальной подготовки, разбирался в сложных вопросах избирательной процедуры как у нас, так и в западных странах, и любознательность, которую он при этом проявлял»*^[98].

Более того, несомненно, что реформы никогда не рождались в голове у Государя спонтанно, многие из них он вынашивал ещё до вступления на престол. При Николае II было осуществлено в общей сложности преобразований больше, чем при Петре Великом и при Александре II. Достаточно только перечислить главные из них, чтобы убедиться в этом: 1) введение винной монополии; 2) денежная реформа; 3) реформа образования; 4) отмена крестьянской «круговой поруки»; 5) судебная реформа; 6) реформа государственного управления (учреждение Государственной думы, Совета министров и т. д.); 7) закон о веротерпимости; 8) введение гражданских свобод; 9) аграрная реформа 1906 г.; 10) военная реформа; 11) реформа здравоохранения. При этом следует учесть, что эти реформы прошли практически безболезненно для большей части населения Российской импе-

рии именно потому, что Государь ставил во главу угла не само преобразование, а народ, во имя которого оно проводилось.

Пример Императора Николая II убедительно доказывает, что можно проводить самые масштабные, самые грандиозные реформы и преобразования без гибели и обнищания миллионов людей, как это будет при большевистских «преобразованиях». Но именно при Императоре Николае II были запрограммированы, начаты или осуществлены все «великие стройки коммунизма», которые большевики ставили себе в заслугу: электрификация всей страны, БАМ, освоение Дальнего Востока, строительство крупнейших железных дорог, строительство крупнейших на тот период ГЭС, основание незамерзающего порта за полярным кругом и так далее.

Наиболее ярко реформаторская деятельность Императора Николая II проявилась при проведении знаменитой Аграрной реформы 1906 г.

Аграрная реформа 1906 года

Крестьянскую реформу начала XX в. принято называть «Столыпинской». Однако это название весьма тенденциозно и ложно приписывает авторство реформы одному П. А. Столыпину. Кандидат ист. наук С. В. Куликов верно отмечает: *«Анализ личного участия Царя в осуществлении аграрной реформы позволяет утверждать, что при ее подготовке и*

проведении Николай II воплощал собственные планы. <...> Царь фактически явился инициатором аграрной реформы, приступив к ее постепенной реализации сразу же после воцарения, задолго до усиления оппозиционного и революционного движения и независимо от них. Так называемая “столыпинская аграрная реформа” 1906–1911 гг., предпосылки которой были заложены намного ранее, являлась лишь одним из этапов аграрной реформы Николая II, продолжавшего и в 1906–1911 гг. давать руководящие указания по этому предмету. Император имел все основания считать аграрную реформу собственным детищем, и неудивительно, что он, как отмечал генерал Н. А. Епанчин, был “недоволен”, когда ее называли “столыпинской”, поскольку “это преобразование исходило от него”»^[99].

И. Л. Солоневич считал, что Аграрную реформу «правильнее было бы называть Николаевской реформой», которую Государь проводил «как всегда медленно и как всегда с огромной степенью настойчивости, – ничего не ломая сразу, но все переделывая постепенно»^[100].

Нельзя также не согласиться с Д. Б. Струковым, что аграрным преобразованиям 1906–1911 гг. предшествовал своего рода инкубационный период: практически по всем направлениям предстоящих широкомасштабных реформ Николаем II и его Правительством были сделаны первые шаги, благодаря чему и стал возможен «столыпинский прорыв»^[101]. Д. Струков верно отмечает: «Без строительства Транссиба,

определившего движение колонизационных потоков за Урал и заложившего там первичную хозяйственную и социальную инфраструктуру, Столыпин не смог бы реализовать свой грандиозный переселенческий проект. Таким же мероприятием Царя, расчищавшим почву для столыпинского переселения, стал закон об отмене ссылки на поселение в Сибирь. Тем самым Государь не хотел засорять сибирские просторы преступным элементом, стремясь привлечь в восточные края с целью их развития лучшие силы России»^[102].

Еще будучи Наследником, Николай II хорошо понимал необходимость осуществления аграрной реформы. В 1893 г. министр финансов С. Ю. Витте заметил, что Цесаревич «относится в высокой степени милостиво к крестьянским интересам и считает их первенствующими». Вступив на престол, Николай II не раз публично свидетельствовал о приоритетности для него аграрной реформы и в итоге стал ее инициатором^[103]. При этом в ходе ее осуществления следовало соблюдать неприкосновенность частной собственности. Государь помнил наставления Н. Х. Бунге, полагавшего, что «для урегулирования крестьянского землевладения не надо никакого коренного преобразования, необходимо лишь облегчить условия для образования частной собственности»^[104]. Аграрную реформу, нацеленную на введение в деревне частной собственности, Бунге советовал проводить, избегая резких скачков. Осуществляя ее постепенно, Государь не только воплощал идеи, привитые ему наставником, но и учитывал

опасность дестабилизации обстановки в деревне вследствие возбуждения у крестьян неоправданных надежд на даровое увеличение наделов за счет помещичьей земли.

В отчёте Государственного контролера Т. И. Филиппова за 1896 г. прямо указывалось на то, что *«платежные силы сельского населения находятся в чрезвычайном напряжении»*. На полях напротив этих слов Государь оставил помету: *«Мне тоже кажется»*^[105]. Весной 1898 г. Комитет министров, рассматривая отчет Филиппова, поддержал предложение министра финансов об образовании особой комиссии по крестьянскому вопросу. Николай II повелел оставить этот журнал Комитета *«без движения»*, однако уже в декабре 1898 г. он утвердил доклад Витте, в котором упоминалось *«о необходимости урегулировать положение крестьян»*, и сделал на полях отметку *«о полном согласии со взглядами, высказанными относительно крестьянского дела»*. С образованием же особой комиссии Государь считал нужным *«повременить»*: студенческие волнения начала 1899 г. отвлекли его от аграрной реформы, хотя он по-прежнему продолжал усиленно размышлять о способах ее проведения. В сентябре 1901 г. в Компьене Николай II говорил французскому президенту Э. Лубе *«о необходимости земельной реформы»*, заверяя его, что *«давно думает об этом»*^[106]. Таким образом, заключает С. В. Куликов, Николай II уже в 1901 г. намечал реформу, проведенную через 5 лет якобы под влиянием революции. Хотя, безусловно, революционная смута, в кото-

рую оказалось вовлечено испытывавшее сильное социальное напряжение крестьянство, сыграла свою роль в ускорении начала реформы. 11 августа 1904 г. в своем Манифесте по случаю рождения Наследника Цесаревича Государь сложил с крестьян все недоимки в сумме 130 млн рублей^[107].

Начиная аграрную реформу, Император Николай II преследовал следующие задачи: 1) решить вопрос с недостатком крестьянских земельных наделов; 2) создать крепкие крестьянские частные хозяйства; 3) решить проблему недоедания в деревне; 4) лишить революционеров поддержки в крестьянской среде; 5) обеспечить продовольственное снабжение армии на случай большой европейской войны. Все эти задачи были тесно связаны друг с другом и вытекали одна из другой.

Император Николай II придавал крестьянской реформе первостепенное значение. 31 октября 1905 г. он писал: *«Правильное и постепенное устройство крестьян на земле обеспечит России действительное спокойствие внутри на много десятков лет»*^[108].

Однако, как верно отмечает Д. Б. Струков, *«Царь разумно опасался, что несвоевременный радикализм в государственных преобразованиях может расшатать духовные основы русского общества, оторвать людей от родной почвы и тем самым только ускорить наступление революции. Кроме того, само государство с его громоздким и неповоротливым административным аппаратом было не в состоянии про-*

водить активную реформаторскую линию, бюрократия часто извращала и социально деформировала самые благие правительственные начинания»^[109].

Главную цель, которую преследовал Николай II, проводя реформу, он выразил уже в самый ее разгар в рескрипте, данном Столыпину 19 февраля 1911 г. по поводу юбилея освобождения крепостных крестьян: *«Я поставил себе целью за-вершение предуказанной еще в 1861 г. задачи – создать в лице русского крестьянина не только свободного, но и хозяй-ственно сильного собственника»^[110].*

Важнейшую роль в успехе реформы, по убеждению Го-сударя, играло переселенческое движение крестьян из цен-тральных районов в Сибирь. В 1896 г. по инициативе Нико-лая II было создано Переселенческое управление. На губер-наторском отчете за 1894 г. он написал по поводу органи-зации переселения крестьян: *«Невозможно оставлять та-кое государственное дело в заведовании какого-то маленько-го отделения Земского отдела!!»^[111]* 6 июня 1904 г. Государь утвердил Временные правила о добровольном переселении крестьян и мещан в Сибирь и на Дальний Восток, распро-страненные затем и на другие категории переселенцев. Пре-рванное ненадолго Русско-японской войной переселение бы-ло продолжено с ещё большими темпами. Николай II ука-зывал, что *«с окончанием войны, нужно двинуть переселен-ческое дело»*. 10 марта 1906 г. Николай II повелел устано-вить новый порядок переселения, создав *«особо льготные*

условия для переселенцев». 26 апреля 1906 г. все узаконения по переселенческой части были приведены в соответствие с Временными правилами 6 июня 1904 г.

Что же предстояло реформировать Государю? В 1905 г. землевладение в 50 губерниях Европейской России представляло следующую картину: из 395 млн 155 десятин принадлежало государству («казне») и «учреждениям» (уделам, Церкви, монастырям). 139 млн десятин было наделных земель, из которых 124,5 млн принадлежало крестьянам и 14,5 млн – казакам. Частновладельческие земли составляли 101 млн десятин. Необходимо иметь в виду, что из казённых земель только незначительная часть была пригодна для земельной обработки, так как все земли сельскохозяйственного пользования были отданы в «надел» государственным крестьянам^[112]. С момента освобождения крестьян из крепостной зависимости в 1861 г., почти половина дворянских земель перешла в руки крестьян (26 млн десятин) и купцов (16 млн десятин). Дворянское землевладение неуклонно сокращалось, и к 1905 г. в руках дворян оставалась лишь 53 млн десятин. Таким образом, вопреки советской «историографии», аграрная реформа 1906 г. не ставила и не могла ставить своей целью перераспределение земель в пользу помещиков. Нехватка земли у крестьян была не из-за того, что она принадлежала помещикам, а потому, что она принадлежала крестьянской общине, не позволявшей крестьянам расширять свои земельные владения за счёт покупки земли.

Однако крестьяне ошибочно полагали, что помещичьи земли огромны, и стремились к их переделу. Революционеры всячески их к этому подстрекали. Позднее, уже после февральского и большевистского переворотов, представители революционных властей признавались, что лозунг дележа помещичьей земли был лишь *«средством революционизирования деревни»* и не имели *«серьёзного экономического значения»*^[113].

Император Николай II, отвергая принцип принудительного отчуждения частновладельческих земель, в то же время признавал необходимость серьёзных мер для расширения площади крестьянского благосостояния. Правительство видело главную причину крестьянской бедноты в чрезвычайно примитивном и нерациональном строе крестьянского хозяйства, с его чересполосицей^[114], принудительным трёхпольем^[115] и низкой урожайностью крестьянских полей. П. А. Столыпин считал, что главным тормозом развития сельского хозяйства является общинное землевладение. Ещё будучи саратовским губернатором, он во Всеподданнейшем отчёте за 1904 г. писал: *«Ваше Императорское Величество. Видимо, существует непреодолимое препятствие к обогащению, к улучшению быта крестьянского населения, что-то парализует личную инициативу, самостоятельность мужика и обрекает его на жалкое прозябание.*

Доискиваясь причины этого зла, нельзя не остановиться на всепоглощающем влиянии на весь уклад сельской кре-

стьянской жизни общинного владения землею, общинного строя. Строй этот вкоренился в понятия народа. Нельзя сказать, чтобы он его любил: он просто другого порядка не понимает и не считает возможным. Вместе с тем у русского крестьянина страсть всех уравнивать, все привести к одному уровню, а так как массу нельзя поднять до уровня самого способного, самого деятельного и умного, то лучшие элементы деревни должны быть принижены к пониманию, к стремлениям худшего, инертного большинства. <...>

Жажда земли, аграрные беспорядки сами по себе указывают на те меры, которые могут вывести крестьянское население из настоящего ненормального положения. Естественным противовесом общинному началу является единоличная собственность. Она служит залогом порядка, так как мелкий собственник представляет из себя ту ячейку, на которой покоится устойчивый порядок в государстве»^[116].

П. А. Столыпин предлагал предоставить крестьянам возможность выхода из общины и перехода к личной земельной собственности. Следует сказать, что необходимость ликвидации общин и вовлечение наделных земель в свободный режимный оборот высказывались задолго до Столыпина. В частности, это предлагал сделать в 1903–1904 гг. С. Ю. Витте. Но Николай II относился весьма осторожно к резким действиям в вопросах сельского хозяйства.

Сегодня имеется немало историков и публицистов, которые считают, что Аграрная реформа Николая II разрушала

общину, которая якобы была исконной системой крестьянского самоуправления на Руси. Однако это в корне неверно. Община, в том виде, в каком она была к моменту начала реформы, была наследием крепостного права. Ее начало восходит к Указу Императрицы Екатерины II от 19 мая 1769 г. Согласно этому Указу ответственность за подушные подати ложилась не на каждую «душу», а на старост. Отсюда и переделы земли. В Древней Руси ничего подобного не было. Там форма общины весьма напоминала кооперацию, где работник являлся хозяином средств производства. Как раз целью Аграрной реформы был расцвет кооперации на селе, неотделимый от бурного роста всей экономики. С этой задачей реформа успешно справилась: по количеству кооперативов Россия была на первом месте.

Кроме того, неправильно представлять дело таким образом, будто бы Аграрная реформа стала исключительно инициативой «сверху», чуть ли не навязанной крестьянству. Доктор ист. наук Б. Н. Миронов отмечает, что *«около трети крестьян сделали шаг в сторону личной собственности на землю, ещё до столыпинской реформы. <...> К началу столыпинской реформы, около 3,7 млн дворов из 9,5 млн, или 39 % всех крестьян – членов передельных общин, разочаровались или не доверяли общине»*^[117].

Правительство вовсе не считало во что бы то ни стало, сразу и повсеместно уничтожить общину. Сам Столыпин, при всём негативном отношении к общине, также не стре-

мился к её революционному демонтажу. Выступая в Государственной думе 10 мая 1907 г., он говорил: *«Пусть собственность будет общая там, где община ещё не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть будет наследственная. Такому собственнику-хозяину Правительство обязано помочь советом, помочь кредитом, то есть деньгами»*^[118]. Поэтому главной целью реформы было не повсеместное и необдуманное уничтожение общины, а освобождение крестьян от её тисков и укрепление земельной частной собственности, создание крепких крестьянских хозяйств. Общинные порядки не были насильственно сломаны Аграрной реформой: как до реформы, так и после нее проходил естественный процесс разложения общины и социальных отношений общинного типа^[119].

Большую роль при проведении реформы сыграл выкуп земель Крестьянским банком. Инициатива такого решения вопроса также принадлежала Государю Николаю II. 24 ноября 1895 г. он утвердил новый Устав Крестьянского банка, предоставивший ему право покупки помещичьей земли за свой счет и перепродажи ее крестьянам. Законом 2 июня 1900 г. было разрешено продавать крестьянам земли должников Дворянского банка. На губернаторских отчетах за 1902 г. Николай II указывал на то, что *«необходимо поставить деятельность Крестьянского банка в ближайшую и теснейшую связь с землеустроительной политикой»*, и

требовал *«ускорить пересмотр Положения о Крестьянском банке совместно Министерствами внутренних дел и финансов»*^[120]. Решение этой задачи подразумевалось и в Манифесте 26 февраля 1903 г., однако после начала Русско-японской войны оно было отложено. 3 ноября 1905 г. Государь наделил Крестьянский банк правом неограниченного выпуска своих свидетельств, что позволяло увеличивать его капитал, и установил более льготные правила для выдачи ссуд, возросших до 100 %. 12, 27 августа и 19 сентября 1906 г. были изданы указы о передаче Крестьянскому банку казённых и удельных земель сельскохозяйственного пользования для продажи на льготных условиях крестьянам, нуждающимся в земле. По воспоминаниям А. А. Вырубовой: *«Государь от души радовался, когда слышал, как крестьяне богатеют и носят свои сбережения в Крестьянский банк»*^[121].

5 октября 1906 г. Император Николай II издал очень важный, но мало оцененный обществом Указ *«Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц иных бывших податных состояний»*^[122]. Им объявлялось: *«Предоставить всем российским подданным безразлично от их происхождения, за исключением инородцев, одинаковые в отношении государственной службы права, применительно к таковым правам лиц дворянского сословия»*^[123]. Так завершилось освобождение крестьян, провозглашённое Царём-Освободителем 19 февраля 1861 г. Отныне они могли по желанию менять место жительства, свободно избирать

род занятий, поступать на государственную службу, не спрашивая на то разрешения «мира».

Дальнейшее развитие положения Указа от 5 октября получили в другом именном Высочайшем Указе Сенату 9 ноября 1906 г. *«О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающегося крестьянского землевладения и землепользования»*^[124], который фактически и провозгласил начало Аграрной реформы. Первым пунктом в Указе объявлялось: *«Каждый домохозяин, владеющий наделенной землёю на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собою в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли»*^[125].

Таким образом, Указ позволял крестьянину выходить из общины с принадлежащим ему на момент выхода Указа земельным наделом. После долгого обсуждения закон был принят Государственной думой и Государственным Советом. 14 июня 1910 г. закон о крестьянском землевладении был утвержден Государем.

Реформа отвечала назревшей потребности и встретила широкий отклик в массе крестьян. За 5 лет (1907–1911 гг.) свыше 2 ½ миллиона крестьян-домохозяев подали прошения о выходе из общины; особый успех имела реформа в Новороссии (в губерниях Таврической, Екатеринославской и Херсонской) и в Нижнем Поволжье (в губерниях Самарской и Саратовской). Аграрные преобразования предусматривали организацию массового переселения крестьян из евро-

пейской части России в Сибирь, на Дальний Восток, в Южную Сибирь (сегодня Казахстан). С этой целью в 1906 г. было реорганизовано Переселенческое управление. В Сибири и на Дальнем Востоке выделялись специальные переселенческие районы, в каждом из которых создавались переселенческие организации, имевшие землеотводные, гидротехнические и дорожные партии, склады сельскохозяйственной техники, агрономические отделы, свои школы и больницы.

Начиная с 1907 г. переселение крестьян в Сибирь осуществлялось организованно. В инструкции Переселенческого управления указывалось, что вновь приезжающие должны селиться на специально отведенных для них свободных участках земли, а не в селах старожилов. В обжитых районах между «новоселами» и «старожилами» в первый период проведения реформы, до тех пор пока не был отлажен механизм «водворения», возникали конфликты по поводу земли, лугов и пастбищ. Старожилы, осевшие на хороших местах, не хотели их терять. Среди них к началу реформы было немало весьма крепких хозяев. Они нуждались в рабочих руках, и новоселы часто становились у них батраками.

Возникали непредвиденные сложности. Оказалось, что численность переселявшихся и темпы переселения превышали темпы подготовки участков к заселению. Недостаточно было чиновников для этой работы, их квалификация не всегда отвечала требованиям. Это приводило к нарушениям порядка заселения: в ряде мест не успевали готовить участки,

проводить к ним дороги. Переселенческие пункты еще строились, а переселенцы уже прибывали. Правительство предоставляло крестьянам, решившим ехать осваивать земли в Сибирь, хорошие кредиты с большим сроком погашения, но ссуды часто выдавались не в полном объеме, а частями. Переселенцы встретились с непривычными для них климатическими и погодными условиями. В общем, процесс реформирования был сложным, да он и не мог быть иным при решении такой сложнейшей задачи в такой огромной стране.

Тем не менее переселение крестьян Европейской России в Сибирь было массовым и дало свои положительные результаты. По данным Переселенческого управления земледелия и землепользования, за 1885–1905 гг. за Урал переселилось 1 млн 520 750 чел., тогда как в 1906–1913 гг. число переселенцев – 3 млн 233 803 человек^[126]. Из этого числа возвратилось на места прежнего проживания всего 529 тыс. 835 человек, то есть 10,8 %^[127]. Переселившиеся вместе с коренными жителями Сибири образовали тот человеческий потенциал, который вдохнул новую жизнь в этот огромный, сказочно богатый край.

Председатель Совета министров искал и находил новых, талантливых людей, способных проводить в жизнь намеченную Государем реформу. Так, благодаря Столыпину на должность Якутского губернатора был назначен ученый-самородок И. И. Крафт, прекрасно знавшего край, быт, особенности и потребности якут. Назначая Крафта на но-

вую должность, Государь сказал ему: *«По предшествовавшей службе Вам знаком быт инородцев, и я ожидаю от Вас энергичной и плодотворной работы для улучшения жизни в далекой, но близкой Моему сердцу окраине. Передайте населению мой привет и знайте, что Я буду внимательно следить за Вашей деятельностью. Пусть об этих Моих словах Пётр Аркадьевич сообщит остальным министрам»*^[128]. Уже первый годовой Всеподданнейший доклад Крафта о состоянии Якутской области удостоился особого внимания Государя. Через три года результаты работы И. И. Крафта говорили сами за себя: в Якутии появились телефон, телеграф, кинематограф, электричество. В Якутске начали строить каменные здания: двухэтажное здание музея-библиотеки, здание окружного суда, казначейства. Во время губернаторства Крафта было проведено статистико-географическое обследование области, исследовано более 2200 хозяйств во всех улусах, все населённые пункты были нанесены на карту. Крафт в 1907 г. организовал геологическую экспедицию в Сунтарский район (Кемпендяй). 19 июня 1907 г. начала выходить общественно-политическая и литературная газета *«Якутский край»/«Саха дойдута»*: на русском и якутском языках. В 1911 г. Крафт организовал Тимптонскую экспедицию для изыскания скотогонного пути на золотые прииски. На третьем годовом докладе Якутского губернатора Государь написал: *«Благодарю Крафта за службу. Он оправдал те ожидания, которые Я на него возлагал»*^[129].

Такое же внимание уделял Николай II ходу реформы и в других губерниях. В январе 1909 г. в Санкт-Петербурге открылся съезд неперенных членов губернских присутствий для обсуждения вопросов, касающихся крестьянского землеустройства. 28 января все его участники были представлены Государю в Царскосельском Александровском дворце. Член пензенского губернского присутствия, впоследствии заведующий переселенческим делом в Акмолинской области, А. В. Цеклинский вспоминал: *«Государь подходил к каждому из нас. Сенатор А. И. Лыкошин докладывал цифровые данные по каждой губернии. Мы их дополняли и разъясняли. Его Величество выказал исключительную осведомленность в состоянии работы по губерниям и к некоторым из неперенных членов обращался со специальными вопросами, подтверждающими эту осведомленность. Например, неперенного члена Владимирского губернского присутствия Император спросил: “Ну, скажите, меня очень интересует, как Вы вышли из положения с крестьянами селений по берегам Переяславского озера, не имеющих полевой земли и которые в наделе получили “право ловли рыбы в озере”. <...> Неперенному члену нижегородского губернского присутствия Н. М. Ленивцеву, стоявшему близко от меня, Государь сказал: “Ну, а у Вас, по всей вероятности, успешнее подвигается землеустройство в нагорной правой части губернии, а уезд Семеновский и другие луговые и лесные труднее разверстывать и выселять?” – Ленивцев эти правиль-*

ные предположения Монарха подтвердил тут же цифрами. Со мной рядом стоял неперемный член полтавского губернского присутствия. Его Государь спросил, улыбаясь: “А у вас, наших пионеров-аграрников, что происходит? Идете, кажется, чуть ли не первыми?” Государь намекал на те аграрные беспорядки, которые имели место в 1900 году в Полтавской и Харьковской губерниях. Во время обеда Столыпин, между прочим, указал, что на всяком его приеме Государь всегда интересовался работами на местах. Дело землеустройства Его Величеству было очень близко, он прекрасно знал природу и условия крестьянского землевладения по губерниям, знал и интересовался земельными ресурсами государства»^[130].

По распоряжению Государя в сентябре 1910 г. П. А. Столыпин инспектировал Сибирь. Глава Совета министров был поражен успехами преобразований, которые выражались стремительным ростом как переселенцев, так и новых населенных пунктов, крестьянских хозяйств. Только в Ключевской волости Алтайского округа в 1909 г. было основано 15 населенных пунктов^[131]. Всего на Алтае в 1907–1914 гг. было основано 3415 сел и деревень, в которых проживало 600 тыс. крестьян, переехавших из Центральной России^[132]. В результате резко увеличилась площадь посевных земель. По четырем сибирским губерниям в 1910–1914 гг. посевы увеличились на 43 %^[133]. Темпы роста посевных в Сибири были выше, чем в таких крупнейших странах – экспорте-

рах хлеба, как США, Аргентина и Канада. Примечательно, что подобный рост посевов продолжался даже во время Первой мировой войны. Рост посевных привел к подъему сельского хозяйства в Сибири. Так, в 1909–1913 гг. одна только Томская губерния вывозила пшеницы больше, чем Воронежская, Тамбовская, Тульская, Рязанская и Орловская вместе взятые^[134]. Благодаря реформе большое развитие получила сибирская кооперация. Особенно успешно развивались маслоартели. Они имели собственные, специально построенные помещения, дорогое оборудование, квалифицированных специалистов. Заводы, поставлявшие масло в столицы, в том числе к Императорскому столу и за рубеж, весьма требовательно относились к качеству масла. Показатель качества масла – сухость (85,59 % жира) делал его привлекательным на зарубежных рынках. За 1901–1917 гг. Сибирь заняла одно из первых мест среди стран – экспортеров сливочного масла^[135].

В связи с ростом новых поселков резко возросло строительство дорог. Только в Тобольском «колонизируемом» районе было проложено 19 новых дорог для обслуживания 50 переселенческих участков. Если в Томской губернии в 1906 г. было построено дорог протяженностью 133 версты, то в 1907 г. уже было построено 335 верст, а в 1910 г. намечено построить ещё 203 версты дорог^[136].

По возвращении П. А. Столыпина из поездки Николай II писал ему 22 сентября из гессенского Фридберга^[137]: «*Петр*

Аркадьевич. С удовольствием узнал о благополучном возвращении Вашем из интересной поездки по Сибири. Буду ожидать письменного доклада Вашего по поводу виденного Вами и с предложениями относительно дальнейших мер по переселению. Прочное землеустройство крестьян внутри России и такое же устройство переселенцев в Сибирь – вот два краеугольных вопроса, над которыми правительство должно неустанно работать. Не следует, разумеется, забывать и о других нуждах – о школах, путях сообщения и пр., но те два должны проводиться в первую голову»^[138].

26 сентября Столыпин спешил поделиться с Государем своими впечатлениями о поездке: «Общее мое впечатление более чем утешительное. После страшной встряски Россия, несомненно, переживает сильный экономический подъём, которому способствует и урожай двух последних лет. Сибирь растет сказочно: в безводных степях, которые два года тому назад признавались негодными для заселения, в несколько последних месяцев выросли не только поселки, но почти города. И прорывающийся из России в Сибирь смешанный поток богатых и бедных, сильных и слабых, зарегистрированных и самовольных переселенцев – в общем, чудный и сильный колонизационный элемент. Прибавлю элемент крепко монархический, с правильным, чисто русским мирозерцанием. “Мы верим в Бога, верим в Государя: дайте нам церковь, дайте нам школу”, – вот общий крик переселенцев. В каждом селе нас встречали многолетием Вашему Величе-

ству, везде просили передать Царю-Батюшке о любви народной. <...> И как Вы правы, Ваше Величество, как Вы правильно пишете, что краеугольные для правительства вопросы – это землеустройство и переселение. Нужно приложить к этим вопросам громадные усилия и не дать им зачихнуть»^[139]. Столыпин пришёл к выводу, что и Сибири следует встать на путь создания и укрепления частной собственности на землю, покончить с титулом государственной собственности для всех земель, отводимых в наделы старожилам и переселенцам, «устранить общинно-земельные порядки в Сибири».

К 1 января 1916 г. из общины вышло 2 млн домохозяев. Им принадлежало 14,1 млн дес. земли. 469 тыс. домохозяев, живших в общинах, получили удостоверительные акты на 2,8 млн десятин, 1,3 млн домохозяев перешли к хуторскому и отрубному владению (12,7 млн дес.). Кроме того, на банковских землях образовалось 280 тыс. хуторских и отрубных хозяйств. Французский экономист Эдмон Тэри писал в 1914 г.: «Аграрная реформа, начатая в 1906 году, охватывала к концу 1912 года огромную площадь в 20 млн десятин, или 22 млн гектаров, и на этих 20 млн десятин насчитывается ныне более 1 млн отдельных, не зависящих друг от друга хозяйств»^[140]. Аграрные беспорядки, вызванные безземельем, пошли на убыль.

Государь не забывал и о духовной стороне Аграрной реформы. В конце 1909 г. Николай II поручил известному мис-

сионеру протоиерею Иоанну Восторгову совершить поездку по восьми переселенческим епархиям (включая Владивостокскую) для определения порядка открытия новых приходов и школ, строительства церквей и школьных зданий в переселенческих районах. По возвращении отца Иоанна в ноябре он был принят Государем, который поддержал его замысел учредить Братство Воскресения Христова для удовлетворения религиозных нужд русского населения на окраинах. Помимо этого, при епархиях были созданы комитеты по удовлетворению духовных потребностей переселенцев под председательством местного архиерея, губернатора, управляющего государственными имуществами, заведующего переселенческим районом и губернского архитектора^[141]. Для развития школьного дела в местах переселений при губернаторах и областных начальниках были созданы школьные комиссии, в задачу которых входило инспектирование переселенческих поселков на выявление среди них наиболее нуждающихся в открытии училищ, подборание мест для них и привлечение учительского персонала.

Результаты реформы характеризовались быстрым ростом аграрного производства, возрастанием экспорта сельскохозяйственной продукции. В результате удалось не только вывести сельское хозяйство из кризиса, но и превратить его в основу экономического развития России. Профессор Д. И. Пестржецкий писал: *«До революции в 46 губерниях было 84 тыс. хлебозапасных общественно-крестьянских мага-*

зинов. На 1 января 1917 года запасы ячменя, ржи и пшеницы в магазинах было 190 456 411 пудов – и это только в хлебозапасных магазинах, не говоря уже о других закромах!»^[142] Валовой доход всего сельского хозяйства составил в 1913 г. 52,6 % от общего валового дохода, который, благодаря увеличению стоимости, созданной в сельском хозяйстве, с 1900 по 1913 г. вырос на 33,8 %. К 1915 г. 60 % надельной земли (то есть бывшей общинной) стали личной собственностью крестьян.

Революция в сельском хозяйстве, вызванная реформой, имела непосредственное значение и для обороноспособности государства. Она сыграла важную роль в том, что во время мировой войны Императорская Россия – единственная из всех воюющих государств, за исключением США, вступивших в войну после Февральской революции, которая не испытывала голода и не вводила продовольственных карточек. Это было прямым следствием Аграрной реформы 1906 г. Французский экономический обозреватель Эдмон Тэри в работе «Россия в 1914 году» писал: «Возрастание государственной мощи создается тремя факторами экономического порядка: 1) приростом коренного населения, 2) увеличением промышленной и сельскохозяйственной продукции, 3) средствами, которыми государство может влиять на народное образование и национальную оборону»^[143].

Можно с уверенностью сказать, что Аграрная реформа 1906 г. сильно способствовала развитию всех перечислен-

ных выше пунктов. Особенно большое значение она имела в вопросе демографии. В период с 1902 по 1912 г. население Российской Империи возросло на 22,7 %, и этот прирост был более значительным, чем за предыдущие десять лет (1892–1902 гг.), когда он составлял 15,4 %^[144]. Тот же Э. Тэри, говоря об Аграрной реформе 1906 г., утверждал: *«импульс ныне дан такой силы, что не остается никаких сомнений в полном успехе реформы»*^[145].

Реформа здравоохранения

Проблема здравоохранения и большой смертности в Российской Империи стала предметом особой заботы Императора Николая II сразу же после его вступления на престол. Положение здравоохранения в России в начале XX в. находилось далеко от удовлетворительного, хотя в конце XIX в. на этом направлении уже были достигнуты ощутимые успехи. Принцип всеобщности и общедоступности явился, пожалуй, настоящим прорывом русской медицины. Постепенно, по мере укрепления финансовых возможностей земств идеи общедоступности медпомощи стали принимать осязаемые очертания: сначала в уездных земствах, а затем и в губернских начали постепенно понижать оплату за услуги, а затем и вовсе отменять ее для различных категорий больных. С 1880–1890-х гг. земства перестали брать плату с амбулаторных больных (сначала на фельдшерских пунктах, а

затем и на врачебных приемах). Бесплатными один за другим становились такие виды помощи, как: амбулаторная с выдачей лекарств и лечебных пособий, лечение в больницах, хирургическая и специальная помощь, родовспоможение. Как результат, плата за помощь к 1910 г. сохранялась только в уездных городских больницах и лишь для пациентов из других уездов. Таким образом, «великое завоевание Октября», бесплатное медицинское обслуживание, было в целом достигнуто в Императорской России уже в конце XIX столетия. Однако по-прежнему высокой оставалась смертность от острых инфекционных заболеваний: чумы, чёрной оспы, холеры, тифа. Конец XIX – начало XX в. в России были отмечены острым эпидемиологическим кризисом. Это не значит, что положение в России в это время было хуже, чем, скажем, в середине или в начале XIX столетия. Речь идет о кризисе отставания от большинства развитых стран того времени^[146]. По российской статистике, в период с 1905 по 1909 г. от инфекционных заболеваний на 100 тыс. жителей России умерло 527 чел., тогда как за этот же период на то же число жителей в Германии умерло 92,1 чел., в Великобритании (Англии и Шотландии) – 196,7, в Италии – 98, в Швеции – 56,2, в Румынии – 111, 2, в Австро-Венгрии – 353, в Бельгии – 112,1^[147]. С. А. Новосельский почему-то не указал в своей таблице Францию. Несмотря на явно неблагоприятную картину со смертностью в России от острых инфекционных заболеваний, она, тем не менее, не

представляется такой уж критической по сравнению с другими государствами Западной Европы. Не следует забывать величину территории России, даже если речь идет только о Европейской ее части, и численность ее населения, несопоставимого с населением европейских государств. Однако высокая смертность и неблагоприятное положение с эпидемиологической обстановкой были опасным явлением для модернизации страны в целом. Россия энергично развивалась, и её обществу все труднее было мириться с сохранением устаревших санитарно-эпидемиологических условий, структуры заболеваемости и смертности, показателей смертности и продолжительности жизни, которые не соответствовали ни его собственным быстро менявшимся критериям, ни новым критериям, утверждавшимся тогда во многих западных странах.

Коренное улучшение состояния здравоохранения в России было выдвинуто Государем на первый план. Николай II неуклонно добивался улучшения медицинского обслуживания населения страны. Здоровье нации стало при нем одним из приоритетов социальной политики, последовательно проводимой Государем. В годы его царствования русская медицина получила международное признание, в Российской Империи сложились выдающиеся научные школы, во многом опередившие развитие медицины и здравоохранения в XX столетии.

Врачебно-санитарное дело в Империи в главной своей ча-

сти было сосредоточено в ведении Министерства внутренних дел. 11 января 1897 г. Николаем II была утверждена Особая комиссия о мерах предупреждения и борьбы с чумой под председательством принца А. П. Ольденбургского^[148]. Для осуществления практической деятельности противочумной комиссии были необходимы вакцины и сыворотки. Поэтому в Императорском институте экспериментальной медицины в 1901 г. была открыта особая лаборатория. Государь разрешил принцу Ольденбургскому использовать под экспериментальные цели помещения кронштадтского форта «Император Александр I». В октябре 1897 г. А. П. Ольденбургский выезжал в Туркестан для принятия экстренных мер по недопущению чумы в пределы Империи, за что получил *«глубочайшую Его Императорского Величества благодарность за понесенные труды»*, избавившие Европейскую Россию и остальные страны Европы от проникновения чумы в их пределы.

При Николае II получила мировое признание русская научная медицина, которая не могла бы развиваться без государственной поддержки. В эпоху Императора Николая II впервые были удостоены Нобелевской премии русские ученые: физиолог И. П. Павлов (1904 г.) и микробиолог И. И. Мечников (1908 г.). Русские ученые впервые в мире описали клиническую картину тромбоза венечных артерий сердца, применили противодифтерийную сыворотку, разработали нозологическое направление в психиатрии.

Кроме того, русские ученые провели новаторские исследования структуры мозга, стояли у истоков таких областей медицины, как судебная психиатрия, гинекология и гигиена, были основоположниками электрофизиологии и электрокардиографии. В начале XX в. в России выходило свыше 150 общих и специализированных научных медицинских журналов.

Однако Русско-японская война и особенно революционная смута 1905–1907 гг. замедлили темпы реформы здравоохранения. 11 августа 1908 г. Император Николай II писал на полях доклада министра внутренних дел: *«Обращаю самое серьёзное внимание министра внутренних дел на безотрадное состояние в России санитарного дела. Необходимо во что бы то ни стало добиться не только улучшения его, но и правильной постановки. Нужно быть в состоянии предупредить эпидемии, а не только бороться с ними. Требую, чтобы безотлагательно было разработано и внесено на законодательное рассмотрение дело упорядочения в России санитарно-врачебной организации»*^[149].

В 1910 г. было созвано Особое совещание из чинов министерства внутренних дел под председательством сенатора Крыжановского, а в 1912 г. образована утвержденная Государем Междудементальная комиссия для пересмотра врачебно-санитарного законодательства. В обязанности комиссии входило: 1) пересмотр врачебно-санитарного законодательства и 2) выработка предложений об устройстве лечеб-

но-санитарных учреждений.

17 марта 1912 г. на особом Журнале Совета министров по вопросу об учреждении Междуведомственной комиссии для пересмотра врачебно-санитарного законодательства Император Николай II написал: «*Согласен. Дело это вести ускоренным ходом*»^[150]. Такая комиссия была создана во главе с председателем Медицинского совета МВД, почётным лейб-хирургом академиком Г. Е. Рейном. Весной 1912 г. комиссия представила свой проект преобразования центрального и местных органов управления врачебно-санитарным делом в Империи. На представленном по этому поводу академиком Рейном Всеподданнейшем отчете о трудах упомянутой комиссии Государь отметил: «*Внести в Совет Министров. Продолжать вести дело ускоренным ходом*»^[151].

Николай II поддержал внедрение в Российской Империи территориальной системы врачебных участков, которой не было нигде в мире. Эту систему потом заимствовали большевики и, как у них было принято, выдали за свое изобретение. В ходе реформы здравоохранения в Российской Империи сложилась трехзвенная структура медицинской помощи населению: врачебный участок, уездная больница, губернская больница. Лечение в этих медицинских учреждениях было бесплатным. Число врачебных участков за пятилетие 1906–1910 гг. увеличилось с 3268 до 3804. В Журнале Совета министров за 1914 г. говорилось о проделанной огромной работе по оздоровлению России, о новых требова-

ниях в этом вопросе, «заключающихся в новых законопроектах, выработанных как комиссией, так и Министерством Внутренних Дел, об охране чистоты воздуха, воды и почвы, уставе жилищном, законопроекте об обеспечении доброкачественности пищевых и вкусовых продуктов и напитков, проекте устава о кладбищах и крематориях, о погребении и регистрации умерших, уставе фармацевтическом, законах о предохранительном оспопрививании и о санитарной охране лечебных местностей, законопроекте о борьбе с заразными болезнями – чумой, холерой, тифами, малярией, бугорчаткой, сифилисом и проказой, уставе судебной и административной медицины, проекте положения о больничной помощи и призрении, положении о призрении душевнобольных»^[152].

Особенно успешно продвигались борьба и профилактика острых инфекционных заболеваний. Если в период с 1891 по 1895 г. в России от острых инфекционных заболеваний в среднем умерло 587 тыс. чел., то за период 1896–1900 гг. это число составило 499 тыс. чел., в период с 1901 по 1905 г. число умерших от вышеназванных заболеваний составило 465 тыс. чел., в период с 1906 по 1910 г. – 420 тыс. чел., в период с 1911 по 1914 г. – 372 тыс. чел., следовательно, смертность от этих болезней сократилась в 2,5 раза^[153].

Быстрыми темпами развивалось открытие новых больниц и медицинских учреждений. В 1912 г. в России было 8110 больниц (к ним надо прибавить 170 психиатрических лечебниц, считавшихся отдельно), 2686 врачебных участков,

2620 фельдшерских пунктов. В 1914 г. в Империи насчитывалось 22 тыс. 772 врача, 28 тыс. 500 фельдшеров, 14 тыс. 194 акушерки, 4 тыс. 113 зубных врачей, 3 тыс. 125 дантистов. Сеть аптек в 1913 г. была представлена 5 тыс. 011 аптеками, 13 тыс. 357 фармацевтами. В 1913 г. в 17 медицинских вузах училось 8 тыс. 600 студентов^[154]. В 1901 г. в России медицинскую помощь получили 49 млн чел., через три года, в 1904-м, – 57 млн, еще через три года, в 1907-м, – 69 млн, в 1910-м – 86 млн и в 1913-м – 98 млн. То есть если в 1901 г. только каждый 3-й житель Империи имел возможность обратиться в лечебные учреждения, то в 1913 г. обратившихся за помощью было уже две трети всего населения. В 1912 г. Правительство истратило на народное здравоохранение 181 425 000 рублей.

Всё это вместе взятое привело к значительному понижению общей смертности. Если в 1906–1911 гг. число смертей на тысячу жителей достигало 29,4, то в 1911 г. оно выразилось в 26, а в 1912 г. – 25.

Высокая смертность в России, особенно детская, давно является предметом спекуляций со стороны как раньше советских, так сегодня и западных исследователей вопроса. Эта тенденция продолжает встречаться и в сегодняшней науке. Детская смертность в России, конечно, была высокой, но ее сравнение с западными странами недостаточно корректно. Так, известный демограф А. Г. Вишневский пишет: *«Если верить дореволюционной статистике, в конце XIX ве-*

ка основное отличие России от других стран заключалось в чрезвычайно высокой смертности детей, особенно на первом году жизни. В 1896–1900 гг. коэффициент младенческой смертности в Европейской России составлял 261 на 1000, тогда как во Франции на первом году жизни из 1000 родившихся умирал только 161 ребенок, в Англии – 156, в Швеции – 100, в США (1901–1905) – 124»^[155].

Однако русская статистика по вопросу общей смертности давала цифры, мало отличающиеся от западноевропейских. 22 марта 1901 г. на соединённом собрании Общества русских врачей, Общества детских врачей в Петербурге и Статистического отделения Высочайше утверждённого Русского Общества охранения народного здоровья выступили известные врачи: основоположник петербургской педиатрической школы Д. А. Соколов и специалист в области санитарной и демографической статистики В. И. Гребенщиков с докладом: «Смертность в России и борьба с нею». Этот доклад был издан отдельной брошюрой. В ней приводилась следующая статистика по вопросу общей смертности за период с 1861 по 1880 г.: Европейская Россия – 35,6 (умерших за 19 лет), Австро-Венгрия – 69,8, Италия – 30,0 (за 18 лет), Германия – 26,9 (за 9 лет), Франция – 23,6, Норвегия – 16,9 (за 10 лет), Бельгия – 22,8, Великобритания – 61,3^[156]. Как видим, данные по смертности в России не так уж сильно отличаются от западноевропейских. Так же невелико было отставание России по продолжительности жизни: Европейская

Россия – 68,38 лет (в 1896–1897), Англия (почему-то без Шотландии и Ирландии) – 71,21 (1891–1900), Германия – 71,60 (1891–1900), Франция – 74, 32 (1898–1903)^[157].

Говоря о смертности в России, следует учитывать обширность её территории, большую численность ее населения и преобладающий аграрный характер его деятельности. Сравнивать ситуацию с уровнем смертности и рождаемости в России, например с Великобританией, очень сложно. Естественно, что здравоохранение 41,5 млн англичан (на 1900 г.), из которых большинство было горожанами^[158], проживавших на территории площадью 240 579 км², осуществлять было несравненно легче, чем здравоохранение 94,244 млн россиян даже только Европейской России площадью 3 960 000 км², живущих в основном в деревнях. Кроме того, совершенно не учитывается уровень рождаемости и смертности в Индии, коронной территории Британской империи, не говоря уже о других доминионах и колониях. В той же самой Индии только от эпидемий чумы в 1865–1917 гг. умерло 23 млн человек.

Ещё одной спекуляцией в отношении детской смертности в Императорской России последнего царствования является сравнение ее с ситуацией с детской смертностью в СССР в пользу последнего. Во-первых, следует отметить, что детская смертность при Николае II неуклонно снижалась, хотя может быть и не такими быстрыми темпами, как хотелось. Если в Европейской России в 1895 г. из 100 родившихся в

возрасте от 0 до 1 года умерло 27,9 детей, то в 1911 г. – 23,7. Если в среднем по 50 губерниям Европейской России в 1886–1897 гг. на 1000 родившихся умирало 274 ребёнка, то в 1908–1913 гг. – 253^[159]. Что касается СССР, то в нем детская смертность, несмотря на все усилия и постепенную урбанизацию населения, продолжала оставаться высокой и мало отличалась от детской смертности в Российской Империи. Так, если в Императорской России в 1913 г. на 1000 родившихся детей до 1 года умерло 273, то в 1926 г. (спустя 13 лет) эта цифра составила 174, в 1927 – 192, в 1928 – 158, в 1929 – 184, в 1933 – 191, в 1936 – 183, в 1940-м – 184^[160]. Так что никакого «прорыва» в деле борьбы с детской смертностью с крушением Императорской России в государстве «рабочих и крестьян» не произошло. Конечно, причины заключались и в общем упадке здравоохранения в ходе Гражданской войны, большевистской разрухи 20-х гг., преступной коллективизации, организованном голоде в Поволжье, чудовищном голоде 1931 г. Не надо также забывать о легализации аборт в 1960-х гг., когда советские женщины убивали в своей утробе от 150 до 250 детей на каждую тысячу рожденных, то есть то число, что умирало до революции из-за антисанитарии сельской местности^[161]. Но все-таки высокие показатели младенческой и детской смертности в СССР в 20–40-х гг. определялись главным образом иной причиной. Доказательством этому служит резкое и качественное снижение цифры умерших детей в Советском Союзе, начи-

ная с 1948 г., когда на 1000 родившихся детей до 1 года умерло всего 84, в 1950 г. – 81, в 1952 – 75^[162]. Объяснение этому простое: *«Именно в годы войны в СССР началась эпоха антибиотиков – был создан первый отечественный пенициллин из плесневого грибка рода Penicillium. Работы по созданию советского пенициллина начались еще в первый год войны во Всесоюзном институте экспериментальной медицины»*^[163]. Появление антибиотиков коренным образом изменило ситуацию с детской смертностью, причем во всем мире. Российский демограф кандидат соц. наук Е. А. Кваша пишет: *«Новое принципиальное снижение младенческой смертности в России произошло к концу Второй мировой войны в результате действия ряда факторов. В основном – это внедрение в медицинскую практику антибиотиков и сульфаниламидов, что привело к сокращению младенческой смертности от болезней органов дыхания, большинства инфекционных болезней, а также снижение рождаемости в совокупности с реализацией мер, направленных на восстановление и улучшение системы обслуживания матери и ребенка. В 1946 г. уровень младенческой смертности в России достиг 92 на 1000, что на 74 % ниже, чем был в 1940 г.»*^[164]

Не вызывает сомнений, что если бы при Императоре Николае II существовали антибиотики, то и картина с детской смертностью выглядела бы совсем иной.

Большую роль уделял Император Николай II борьбе с пьянством. Тема пьянства, якобы процветавшего в России

испокон веков, давно уже набила оскомину. На самом деле это не более чем очередной лживый миф, одинаково популярный как у русофобов, так и у алкоголиков. В действительности Россия была одной из самых малопьющих стран мира. С. А. Новосельский утверждал в своем исследовании: *«По душевому употреблению алкоголя Россия, как известно, занимает одно из последних мест среди других государств, причём это душевое потребление весьма неравномерно, и, например, в городах в 3–4 раза выше, чем среди сельского населения. <...> Сколько-нибудь массовое пьянство в деревне связано преимущественно с какими-то чрезвычайными событиями, как свадьба, крестины, праздники и т. п. и потребление алкоголя в русской деревне носит характер спорадических алкогольных процессов, вне сомнения, гораздо менее вредных, чем ежедневное регулярное потребление алкоголя, носящее характер хронического отравления, как оно распространено в Западной Европе»*^[165].

Об этом же писал и другой исследователь проблемы пьянства в России, С. А. Первушин: *«1) Потребление спиртных напитков больших городов в 4–4,5 раза больше крестьянского потребления. 2) Потребление спиртных напитков в рабочих кварталах города в 3–4 раза выше душевого потребления в кварталах состоятельных классов»*^[166].

Однако Государь, да и русское общество, считали ситуацию с пьянством в России удручающей. С. С. Ольденбург писал, что в 1913 г. *«Государь при своей поездке по вели-*

корусским губерниям видел светлые проявления даровитого творчества и трудовой мощи; но рядом с этим с глубокой скорбью приходилось видеть печальные картины народной немощи, семейной нищеты и заброшенных хозяйств — неизбежных последствий нетрезвой жизни»^[167]. В год 300-летия Династии Император Николай II заявил, что он «*пришёл к твёрдому убеждению, что нельзя ставить в зависимость благосостояние казны от разорения множества моих верноподданных*»^[168]. Но, перед тем как Николай II повелел установить ограничения на продажу спирта, в России велась огромная просветительская работа.

В 1905 г. в пригороде Петербурга, на станции Сергиева Пустынь Балтийской железной дороги, близ монастыря преподобного Сергия, иеромонахом этого монастыря Павлом (Горшковым) была организована 1-я Российская Сергиевская школа трезвости. Главной заботой школы являлось преподавание трезвости с целью охранения подрастающего поколения от порока пьянства. Специальные «Уроки трезвости» давала старшая учительница школы с использованием наглядных пособий. Заведующий школой иеромонах Павел вел уроки трезвости на темы по Закону Божию^[169]. Учитывая положительный опыт работы этой школы и многих других, в 1910 г. Святейший Синод своим указом ввел преподавание науки трезвости во всех церковно-приходских школах. В Санкт-Петербурге издавались журналы: «Трезвая жизнь», «Трезвые всходы», «Отдых христианина», «Деятель», «Ца-

рицынский трезвенник», «Трезвые восходы», газета «Трезвость». Троице-Сергиева лавра выпускала Троицкие листки: «В чём корень пьянства», «Всем пьющим и непьющим». Велась кропотливая работа по всей стране, которая дала весьма ощутимые результаты: к 1915 г. потребление алкоголя упало до 0,2 литра, число «новых» алкоголиков сократилось в 70 раз, преступность – втрое, нищенство – вчетверо^[170].

С 1914 г. в школах министерства народного просвещения предписывалось преподавать учащимся старших классов курс гигиены с обязательным сообщением сведений о вреде алкоголя по одному часу еженедельно в течение года. Определением Святейшего Синода от 13–31 марта 1914 г. было постановлено: *«Установить на будущее время повсеместно в России ежегодный 29 августа, в день Усекновения главы Иоанна Крестителя, церковный праздник трезвости, с производством в этот день сбора пожертвований на дело борьбы с пьянством, с соблюдением того порядка сих праздника»*^[171]. К 1913 г. в России насчитывалось около 1800 обществ трезвости с общим числом членов более полумиллиона.

В результате важного решения Государя в стране произошли серьезные изменения, отразившиеся как на частной жизни людей и их здоровье, так и на экономике России. Профессор И. Н. Введенский, активный участник трезвенного движения, писал: *«Исчезли с улиц пьяные, не видно стало попрошайек, нищих. Перемену почувствовали прежде всего учре-*

ждения, так или иначе обслуживающие жертв алкоголизма. Опустили камеры для вытрезвления при 22 участках, и сразу сократилось число алкоголиков, как в специальных амбулаториях, так и в психиатрических и общих больницах, резко снизилось число самоубийств. Уменьшилось количество случаев хулиганства, т. к. оно обусловлено в основном алкоголем, констатировалось резкое уменьшение преступлений против личности, собственности и порядка, а вместе с тем заметное ослабление таких зол, как проституция, профессиональное нищенство, бродяжничество и т. п. По данным канцелярии Главного начальствующего Москвы, число мелких краж понизилось до 40 %, такие же преступления, как нанесение ранений, нарушение тишины и порядка в публичных местах, оскорбление полиции сократились на 74 %. Таким образом, количество преступлений, совершаемых в большинстве случаев в состоянии опьянения, понизилось в среднем более чем на 70 %. Снижение преступности привело к тому, что одна из петербургских тюрем пустовала, другая была обращена в лазарет для раненых»^[172]. Повышение производительности труда (от 30 до 60 %) констатировалось во всех отраслях промышленности, как мелкой, так и крупной. Улучшение качества работы, уменьшение брака, отсутствие прогулов, сокращение заболеваемости рабочих, заметное повышение материального благосостояния засвидетельствованы и отдельными лицами, и организациями. «О росте благосостояния трудового населения можно судить

по тому, что с июля по октябрь 1913 года было внесено в московские сберегательные кассы 3 250 000 руб., тогда как за этот же период в 1914 году внесено 6 000 000 руб.»^[173]

Сбывались слова Императора Николая II: «Трезвость – основа благосостояния народа».

Военная реформа 1905–1912 гг.

Необходимость в коренных преобразованиях вооруженных сил Империи была осознана Государем ещё в ходе Русско-японской войны. Причем речь шла не просто об увеличении их численности и воссоздании погибшего в Цусимском сражении флота. С 1905 г. под руководством Николая II начала осуществляться программа коренного реформирования Российских вооруженных сил. Генерал-лейтенант Б. А. Штейфон писал: *«В армии не было области, которая не подвергалась бы реформам на основании опыта войны. Это были годы яркого горения армейской души, годы воистину великих реформ. Реформ, столь идейно возвышенных, как военные реформы Императора Александра II, но по творческому масштабу и по результатам значительно их превосходящие»^[174].*

25 июня 1905 г. Император Николай II принял в Петергофе нового управляющего военным министерством генерала А. Ф. Редигера, которого меньше чем через месяц, 15 июля, он утвердил в должности военного министра. При первом

Всепоподданнейшем докладе А. Ф. Редигера Николай II дал ему несколько руководящих указаний, которыми министр, по его собственным словам, «*мог лишь радоваться*»^[175]. Государь указал на необходимость увеличить пенсии по выслуге лет, что позволило бы «*не делать из армии богадельню*», увольняя из ее рядов пожилых генералов и офицеров. Также Николай II указал на необходимость создания Комитета по образованию войск и контингент хороших офицеров запаса. Государь согласился с Редигером о необходимости омолаживания армии, за счёт сокращения сроков службы^[176]. После достаточного обеспечения войск сверхсрочнослужащими в 1906 г. Указом Императора Николая II были сокращены сроки воинской службы: в пехоте и полевой артиллерии – с 5 до 3 лет, в других войсках – с 5 до 4, на флоте – с 7 до 5. Вместе с тем увеличен контингент новобранцев, с 1908 г. он составлял ежегодно 450 тыс. человек вместо 300–320 тыс. до войны с Японией^[177]. Накануне Первой мировой войны Россия обладала самой многочисленной армией мирного времени относительно других европейских государств: 1 млн 423 тыс. человек^[178].

К 1905 г. особо насущным стал вопрос о реорганизации управления Военного ведомства. Наличие двух центральных органов руководства вооруженными силами, сухопутного и морского, приводило к тому, что они зачастую действовали нескоординировано и их планы противоречили друг другу. Эти разногласия приходилось решать созывом Особых сове-

щений, на которых принимались решения, обязательные для всего Ведомства. Ещё в 1898 г. генерал-лейтенант К. К. Случевский в своем докладе предлагал Императору Николаю II создать Верховный военный совет под Высочайшим руководством. Аналогичное предложение поступило Государю в 1904 г. от генерал-майора графа А. А. Бобринского, предлагавшего создать Совет Государственной обороны^[179]. Однако Государь опасался создания мощного военного органа, который потенциально мог нести угрозу вмешательства военных в дела государственного управления. Тем не менее Русско-японская война, осветившая все недостатки высшего военного управления вооруженными силами, заставила Государя непосредственно обратиться к его реформированию. На секретном совещании высших руководителей армии и флота, которое имело место 28 февраля 1905 г., большинство его участников указали на отсутствие руководящего органа как на одну из главных причин военных неудач^[180]. Мнение Великого Князя было поддержано всеми военными и специалистами, присутствовавшими на совещании. Николай Николаевич представил Государю проект Положения о Совете Государственной обороны, который был доработан к началу лета и 8 июня 1905 г. Высочайше утвержден^[181]. В Положении о нем говорилось: «*В видах обеспечения соответственного государственным потребностям средствам развития вооруженных сил Империи объединения деятельности высшего военного и морского управления и согласо-*

вания ее с деятельностью других правительственных учреждений, по вопросам, относящимся к безопасности государства, учреждается Совет Государственной Обороны. Непосредственно подчиняется Его Императорскому Величеству»^[182]. По планам реформы СГО должен был стать центром объединения управления армией и флотом и их взаимодействия со всеми ведомствами, работающими на оборону^[183]. Совет обороны наделялся правами надведомственного органа. Председателем СГО был назначен Великий Князь Николай Николаевич. В Совет также вошли военный и морской министры, инспекторы всех родов войск, члены Государственного Совета, сенаторы и т. д. Одним из первых и важнейших мероприятий, проведенных СГО, стало обновление старшего командного состава армии, то, о чем Государь говорил с Редигером 25 июня. С этой целью 6 апреля 1906 г. при СГО была создана Высшая Аттестационная комиссия, которая рассматривала представленные кандидатуры на должность командующих армиями, корпусами, дивизиями и отдельными бригадами. Кроме того, Комиссия обсуждала кандидатуры на все генеральские должности^[184]. По свидетельству генерала А. Ф. Редигера, Государь весьма внимательно читал журналы Высшей аттестационной комиссии^[185].

Особое внимание СГО обратил на улучшение быта солдат, предмет постоянной заботы Николая II. Вскоре был издан соответствующий приказ по Военному ведомству по

улучшению быта и довольствия солдат. В 1907 г. было начато переустройство хозяйства в войсках, выработаны новые положения о денщиках, число которых было значительно сокращено, и путевом довольствии^[186]. Войска освобождались от обременяющих их хозяйственных работ: выпечки хлеба, пригонки и обновления обмундирования, которыми теперь занимались в специальных мастерских.

Забота Николая II о солдате проявилась и в значительном улучшении его довольствия. С 1905 г. было увеличено жалованье нижних чинов, солдатам впервые стали выдавать постельные принадлежности. Нижние чины теперь получали 500 граммов хлеба, 160 граммов крупы, пачку чая, 24 грамма сахара^[187]. Кроме того, обед русского солдата состоял из супа (картофельного, перлового или горохового), гречневой или ячневой каши, гуляша, солянки, огуречного или селёдочного супа. Во многих частях действовали солдатские чайные или лавочки. *«Пища солдата, – вспоминал генерал А. И. Деникин, – по числу калорий и по вкусу была вполне удовлетворительна. Солдатский желудок был предметом особой заботливости начальников всех степеней. “Проба” солдатской пищи была традиционным обрядом, выполнявшимся самым высоким начальником, не исключая Государя, при посещении казарм в часы обеда или ужина»*^[188].

Государь всегда заботился о солдатской экипировке. 12 декабря 1907 г. он беседовал с начальником команды разведчиков штабс-капитаном В. В. Елитой фон Вольским, ко-

торый со своим отрядом отправлялся на финляндскую границу в помощь пограничникам. В Великом Княжестве Финляндском тогда было неспокойно. В. В. Елита фон Вольский вспоминал: *«Вот где выказалась особая забота, внимание и любовь Государя к солдату: Его Величество изволил подробно расспрашивать нас о том, обеспечены и я, и разведчики тёплой одеждой, все ли имеют полушубки и валенки, есть ли лыжи; как предполагается организовать довольствие и медицинскую помощь?»*^[189]

Еще в ходе войны встал вопрос о новой реорганизации службы Генерального штаба. Генерал Ф. Ф. Палицын предложил превратить Генеральный штаб в независимый от Военного министерства орган, подчиненный только Государю. 25 июня 1905 г. приказом по Военному ведомству было создано Главное управление Генерального штаба (ГУГШ), задачей которого было стратегическое планирование и разработка общих вопросов обороны Империи. В ГУГШ была передана и вся генерал-квартирмейстерская часть. Отделение ГУГШ от Военного министерства значительно разгружало работу военного министра, но при этом возникала опасная раздвоенность ведомства, которое теперь имело как бы «две головы»: в лице военного министра и начальника ГУГШ генерала от инфантерии Ф. Ф. Палицына. Будущий военный министр генерал от кавалерии В. А. Сухомлинов самым негативным образом оценивал эту реформу. Уже в эмиграции он писал: *«Именно тогда, 8 (21) июня 1905*

года, Царь подписал свой смертный приговор. Именно теперь, после цареубийства в Екатеринбурге в доме Ипатьева, я могу утверждать это без риска быть обвиненным в преувеличении. <...> С 1905 года армия имела две головы, долженствовавшие превратиться в полюсы, между которыми неминуемо должны были возникать на петербургской почве интриги политического и личного характера»^[190]. Несмотря на то, что генерал В. А. Сухомлинов отрицал «преувеличенный» характер этого своего утверждения, оно им, несомненно, являлось. Тем не менее не вызывает сомнений, что Великий Князь Николай Николаевич и генерал Ф. Ф. Палицын не сумели справиться с поставленными задачами, а сама идея «двуглавости» военного ведомства была ошибочной. Государь это окончательно осознал к 1908 г. 26 июля 1908 г. он уволил Великого Князя Николая Николаевича с должности председателя СГО, а генерала Палицына с должности начальника ГУГШ. Вскоре был упразднен и сам СГО. 4 ноября 1908 г. Николай II сказал генералу Редигеру, что он «убедился в неправильности устройства министерства»^[191]. Таким образом, писал А. Ф. Редигер, «единство Военного министерства было восстановлено». Признавая неправильность раздвоения Военного ведомства, Николай II говорил генералу от кавалерии В. А. Сухомлинову, которого назначил начальником Генерального штаба: «Вышло так, что все перепуталось. Я прошу Вас принять должность Начальника Генерального штаба, нам надо распутаться»^[192]. 10 марта

1909 г. Государь отправил в отставку с поста военного министра генерала А. Ф. Редигера, а новым министром назначил генерала Сухомлинова, который стал объектом самой яростной кампании со стороны либералов из Думы и их союзников в военных и правительственных кругах. Они жалели отставку Редигера, которого считали прогрессивным человеком и профессиональным военным. Между тем причина отставки Редигера заключалась в его связях с одним из главных врагов Государя – А. И. Гучковым. Являясь в 1907–1910 гг. председателем думской комиссии по государственной обороне, Гучков смог войти в тесный контакт со многими генералами и офицерами, некоторые из которых занимали высокие должности в военном руководстве. В конце 1916 г. Охранное отделение составило приблизительный список военных, с которыми Гучков поддерживал не только, или не столько, деловые, но и политические контакты. Среди них имя генерала от инфантерии А. Ф. Редигера значилось одним из первых^[193]. В своих воспоминаниях А. Ф. Редигер не скрывал, что Гучков получал по его приказу секретные сведения государственной важности: *«Я дал общее указание по всем частям Министерства: членам Государственного Совета и Думы давать все несекретные сведения, о которых они будут просить. <...> Если нужны были секретные сведения, то они давались Гучкову или двум-трём делегатам комиссии, которые затем удостоверяли перед комиссией, что полученные ими объяснения их вполне убедили»*^[194].

23 февраля 1909 г. Редигер на заседании Государственной думы не только не возразил на оскорбительный выпад Гучкова против руководства армии, но и солидаризировался с ним. Это было, конечно, недопустимо для члена Императорского правительства, тем более военного министра. 24 февраля Государь сказал Редигеру, что Гучкову следовало дать резкий отпор. После чего наступила двухнедельная пауза, в ходе которой Государь обдумывал, оставлять ли генерала на посту военного министра или нет. В результате им было принято решение о смещении Редигера. Конечно, оно было вызвано не только и не столько инцидентом в Думе, сколько совокупностью имеющейся у Николая II информации о связях своего министра с оппозицией. После же поведения Редигера в Думе Государь утратил к нему доверие, без которого дальнейшая работа с ним стала для Царя невозможной, о чем он и сказал Редигеру^[195]. 18 марта 1909 г. Николай II писал матери: *«Пришлось сменить военного министра Редигера за то, что он два раза в Думе не только не ответил против речи Гучкова, но согласился с ним и этим не защитил честь армии. Одновременно переменились и начальники Генерального и Главного штаба. Так, что всё управление стало новым»*^[196]. Начальником Генерального штаба стал генерал от инфантерии А. З. Мышлаевский, начальником Главного штаба – генерал-лейтенант Н. Г. Кондратьев.

Не успели новые руководители Военного ведомства приступить к работе, как при Государственной думе была созда-

на тайная комиссия во главе с Гучковым, в которую вошли многие военные чины армии и флота. Генерал А. И. Деникин свидетельствовал: *«Работа комиссии государственной обороны в период воссоздания флота и реорганизации армии после Японской войны протекала при деятельном негласном участии офицерской молодежи. А. И. Гучков образовал кружок, в состав которого вошли Савич, Крупенский, граф Бобринский и представители офицерства, во главе с генералом Гурко. По-видимому, к кружку примыкал и генерал Поливанов, сыгравший впоследствии такую крупную роль в развале армии»*^[197].

По секретным сообщениям Охранного отделения, в 1909–1910 гг. Гучков *«устроил в квартире некоего генерала на Сергиевской улице так называемый “гучковский главный штаб”. В собраниях этого “штаба” принимали участие чины Генерального и Главного штабов, офицеры разного рода оружия, военные писатели и члены Комиссии по государственной обороне с Гучковым во главе. На означенных частных собраниях нередко оглашались и совершенно секретные сведения»*^[198]. Государь прямо говорил, что *«в оглашении перед Западом слабых сторон нашей армии виноват Гучков»*^[199].

Генерал В. А. Сухомлинов, получив от Охранного отделения список военных членов «гучковской» комиссии, стал, с одобрения Государя, высылать их из столицы, давая им назначения в других городах. Так генерал В. И. Ромейко-Гурко

был назначен командиром 1-й Кавалерийской дивизии, расквартированной в Москве, полковник барон Н. А. Корф отправился командовать 17-м Стрелковым полком и т. д. Вообще, Сухомлинов, несмотря на имеющиеся недостатки, сделал много для реформирования армии и улучшения ее боеспособности. Крайне критически настроенный к высшим военным кругам Российской Империи последнего царствования А. А. Керсновский признает: *«В период 1909–1910 годов Сухомлиновым был произведен ряд важных реформ. Как бы к ним ни относиться, следует признать, что новый военный министр оказал русской армии огромную услугу, выведя ее из той анархии и маразма, в котором она пребывала. До прихода Сухомлинова было дезорганизованное вооруженное бессилие, с приходом Сухомлинова стала организованная вооруженная сила (пусть и далекая от совершенства). Основными предпосылками сухомлиновских преобразований были следующие положения: упрощение организации, усиление материальной части, проведение территориальной системы, сосредоточение внимания исключительно на полевых войсках в предвидении скоротечного характера будущей войны»*^[200].

В 1910 г. В. А. Сухомлинов предложил Николаю II новый план стратегического развёртывания русской армии на случай войны. Он предлагал отказаться от оборонительной тактики и перейти к тактике наступательной: *«Всем известно, что на случай войны наш план обыкновенно носил обо-*

ронительный характер. За границей, однако, теперь знают, что идея обороны отложена, и русская армия будет активной. Не составляет также секрета, что упраздняется целый ряд крепостей, служивших базой по прежним планам войны, но зато существуют оборонительные линии с весьма серьезным фортификационным значением. Оставшиеся крепости у России есть полная возможность усилить и довести их оборонительные средства до высшего предела. Некоторые крепости сохранены только для обеспечения известных стратегических и тактических пунктов Западного края»^[201].

Сухомлинов предложил упразднить Варшавский укрепленный район в виде образовавших его крепостей Варшавы и Зегржа, оставив лишь третью крепость, Новогеоргиевск. Её Сухомлинов предлагал реорганизовать в современную крепость, способную держаться в изолированном состоянии в начальный период войны до выручки армиями, закончившими свое сосредоточение и развертывание по линии усовершенствованной крепости Ковно, вновь построенной крепости Гродно и усовершенствованного Брест-Литовска^[202]. Ивангород был предположен к упразднению, а малую крепость Осовец решено было несколько развить и модернизировать. Этот план Сухомлинова российские либералы, а вслед за ними и большевики окрестили «предательским». На самом деле никакого «плана» взорвать все крепости у Сухомлинова не было, более того, Государь не утвер-

дил и подрыв крепостей, которые министр считал устаревшими. Наоборот, в мае 1910 г. Николай II утвердил план, по которому крепости Новогеоргиевск, Батум, Усть-Двинск и Очаков не только не упразднялись, но должны были быть переустроены, чтобы удовлетворять современным требованиям. В 1913 г. Николай II отменил решения военного министерства об упразднении крепостей на западной границе и одобрил *«сохранение и частичное переустройство крепости Ивангород»*, а затем и других крепостей.

Советская историография долгое время обходила этот факт стороной, и у читателя создавалось впечатление, будто войну Россия встретила с оголённым фронтом, лишённым оборонительных укреплений. Не погнушался фальсифицировать факты и бывший царский офицер, советский маршал Б. М. Шапошников: *«В конце 1912 года, – писал он, – я сам слышал ночные подрывы варшавских фортов. Сухомлинов восторжествовал: русские крепости взлетели ещё до войны на воздух»*^[203]. На самом деле «восторжествовало» желание Шапошникова лишний раз напомнить советской власти о своей лояльности. Именно с целью продемонстрировать «преступную» деятельность царского министра Сухомлинова Шапошников и сочинил подрыв «всех русских крепостей», забыв, по-видимому, что, кроме упомянутых им варшавских фортов, больше ни одной крепости взорвано не было^[204].

К слову сказать, в 1939–1940 гг. по приказу маршала

Шапошниковы были законсервированы, частично подорваны или лишены вооружения укрепрайоны на т. н. «линии Сталина», которые вся страна строила 7 лет и на которые ушли огромные силы и средства советского народа. Фактическое уничтожение «линии Сталина» значительно облегчило вермахту продвижение в глубь СССР летом 1941 г.

Кстати, боевые действия 1914–1915 гг. убедительно доказали неэффективность крепостей в новых условиях. Твердыни Льежа, Намюра, Антверпена, Перемышля, Эрзерума быстро рухнули под мощным артиллерийским огнём современных орудий.

По инициативе Государя в европейской части России была введена территориальная система комплектования, созданы корпусные, дивизионные и полковые районы пополнения, что существенно облегчало мобилизацию. В армии были упразднены слабые и устаревшие резервные и крепостные войска, составлявшие 15 % общей ее численности.

Были созданы и значительно усилены инженерные войска (саперные, телеграфные, понтонные), железнодорожные войска, войска связи, на вооружение которых стали поступать новые понтонные и мостовые конструкции, средства инженерного заграждения, путеукладчики, радиостанции. Большие усилия были направлены на улучшение личного состава армии, освобождения ее от негодного начальствующего состава, выдвижение более достойных и способных лиц и улучшение материального положения офицеров, унтер-офи-

церов и нижних чинов.

В 1907 г. было введено новое единое обмундирование для офицеров и нижних чинов. Оно было защитного (зелено-вато-серого) цвета. Появились погоны защитного цвета^[205]. Новая повседневная и полевая форма отличалась элегантностью, большой практичностью и удобством. Она намного опередила своё время и в 1943 г. во время Великой Отечественной войны была с небольшими изменениями введена в Красной армии, в которой советские солдаты и закончили победоносно войну.

Николай II уделял большое внимание удобству и практичности новой формы. А. А. Мосолов свидетельствовал, что Государь *«в Ливадии преодолел сорок вёрст в солдатском обмундировании, с полной выкладкой, винтовкой и солдатским пайком для того, чтобы проверить пригодность новой экипировки»*^[206].

Русско-японская война показала, что с появлением дальнобойного стрелкового и артиллерийского вооружения значение кавалерии стало уменьшаться. Тем не менее русская армия в результате военной реформы имела самую многочисленную и обученную кавалерию в Европе. Г. К. Жуков, служивший в те годы в кавалерии, вспоминал: «Оценивая теперь учебную команду старой армии, я должен сказать, что, в общем, учили хорошо. Каждый выпускник в совершенстве владел конным делом, оружием и методикой подготовки бойца»^[207].

По воле Государя коренному пересмотру подлежали управление, организация и численность русской артиллерии. Русско-японская война продемонстрировала, с одной стороны, ее прекрасные свойства, гибкость и сноровку, современность орудий, а с другой – отсталую тактику, при которой огонь вёлся с открытых позиций прямой наводкой. Плохо обстояло дело также и с взаимодействием с пехотой. В армии ощущалась катастрофическая нехватка тяжелых орудий. В ходе реформ артиллерия стала делиться на полевую, крепостную и морскую. В свою очередь полевая артиллерия делилась на лёгкую, конную, горную, мортирную и тяжёлую. Крепостная артиллерия делилась на крепостную, осадную и береговую. Большую роль в реформировании русской артиллерии сыграл Великий Князь Сергей Михайлович, которого А. А. Керсновский справедливо называет *«творцом скорострельной русской артиллерии. Знаток своего дела, чрезвычайно требовательный и часто неприятный начальник, он знал достоинства и недостатки каждого из сотен дивизионных и батарейных командиров, а зачастую и старших офицеров. От всех их он сумел добиться подлинной виртуозности в стрельбе»*^[208].

6 февраля 1910 г. указом Императора Николая II началось развитие военной авиации^[209]. В 1911 г. были созданы воздухоплавательные роты и батальоны. За короткий срок авиация выделилась в самостоятельный род войск. Было сформировано около 40 авиационных частей. По количеству самолё-

тов Россия опережала многие государства. В стране работало два конструкторских бюро: И. И. Сикорского и Д. П. Григоровича. В 1913 г. группой конструкторов, куда входили ставшие впоследствии знаменитыми А. Н. Туполев и Н. Н. Поликарпов, был разработан лучший боевой отечественный самолёт той эпохи «Илья Муромец». Он имел четыре двигателя по 150 л.с., специальные приспособления для несения бомб и механический бомбосбрасыватель. В кабине лётчика был карабин, а позднее в ней был установлен пулемёт. Дальность полёта этого самолёта достигла 630 км, потолок – 3500 м, максимальная скорость – 120 км/ч. У России, единственной в мире, имелись гидросамолёты С-10 «Гидро» и С-5 «Гидро», которые были изготовлены в конструкторском бюро Григоровича. Эти самолёты могли взлетать не только с воды, но и с палубы кораблей. Под это были переоснащены два парохода – «Императрица Александра» и «Прозорливый».

В 1914 г. в Красном Селе Император Николай II выразил желание осмотреть новый самолет-гигант авиаконструктора И. И. Сикорского «Гранд», в 1913 г. переименованный в «Русский Витязь». Государь осмотрел его снаружи, поднялся на борт. Аэроплан произвел на него большое впечатление. Сикорский получил от Николая II памятный подарок – золотые часы. Кроме того, 24-летний авиаконструктор «за заслуги, оказанные в деле военной авиации», был награждён орденом Святого Владимира IV степени и возведён в дворянство. Положительное мнение Монарха защитило самолет

от попыток запятнать репутацию этого удивительного проекта. Сын И. И. Сикорского, Н. И. Сикорский вспоминал, что его отец *«очень уважал Николая II. Царь произвёл на него сильное впечатление, когда со знанием дела задавал вопросы, осматривая “Русский Витязь”»*^[210].

В 1902 г. подъесаул М. А. Накашидзе предложил проект бронированного автомобиля. Во время Русско-японской войны он спроектировал бронеавтомобиль с бензиновым двигателем, 4,5-мм бронёй и пулемётом, установленным на вращающейся башне. Эта бронемашина успешно прошла испытания на манёврах в Красном Селе в 1906 г. Было решено, что эти броневики можно использовать для рейдов в тыл противника и проведения там партизанских действий. 10 имеющихся бронемашин были распределены по четырём военным округам для подготовки специальных учебных команд. В 1912 г. началось серийное изготовление автомобилей на Русско-Балтийском заводе в Риге. Завод изготовил 50 машин, в 1913 г. – 127, в 1914 г. – 300 машин^[211]. В России в присутствии Государя стали устраиваться регулярные автопробеги, которые способствовали развитию и совершенствованию автомобильного дела в России.

С начала XX в. резко увеличили свою численность казачьи войска. Если в 1894 г. они насчитывали 284 сотни при 108 орудиях^[212], то к 1914 г. численность казачьих войск возросла до 560 конных и 40 пеших сотен при 186 орудиях^[213].

Император Николай II значительно укрепил офицерский

корпус. Юнкерские училища были преобразованы в военные училища, получившие новые программы. Открыты 3 академии, 8 кадетских корпусов. В 1913 г. в России насчитывалось 7 военных академий, 23 военных училища, 7 офицерских школ, 5 офицерских классов и 31 кадетский корпус. Армия все больше приобретала всесословный характер. В 1912 г. только 53,6 % офицеров (в пехоте – 44,3 %) были дворянами, остальные – из других сословий.

В середине октября 1913 г. была принята так называемая «Большая программа», призванная коренным образом переустроить русскую армию, доведя ее по всем показателям до современного уровня. Программа должна была быть выполнена к осени 1917 г. Б. М. Шапошников писал: «*“Большая программа по усилению армии” была утверждена в октябре 1913 года и предусматривала проведение до осени 1917 года мероприятий по коренному преобразованию армии, особенно в области ее технического оснащения (количественное и качественное усиление артиллерии, развитие авиации, автомобильного транспорта и т. д.). С началом Первой мировой войны выполнение программы было отменено*»^[214].

Военный историк А. А. Керсновский утверждал, что «*по этой программе русская армия к концу 1917 г. сравнивалась техникой с германской. По Большой программе наша сухопутная вооруженная сила доводилась с 1230 тыс. человек до 1710 тыс. человек в мирное время. <...> По Большой программе предполагено было на 1914–1917 гг. сформиро-*

вать 26 кавалерийских полков. <...> Особенно усиливалась артиллерия»^[215].

К 1914 г. был воссоздан русский флот, который представлял собой грозную силу из 13 броненосцев, 7 линейных кораблей, 14 крейсеров разного класса, 66 эсминцев, 15 подводных лодок. Россия, единственная в мире, имела авианосцы на базе пароходов «Императрица Александра» и «Прозорливый», способных держать на своих бортах по 4 гидросамолета, которые также состояли на вооружении исключительно в русской армии. Особое место занимало строительство линейных кораблей.

Об успешности проведенных военных реформ свидетельствовали представители главного потенциального противника России – Германии. Гельмут фон Мольтке-младший так оценил в 1914 г. военные усилия России: *«Боевая готовность России со времен русско-японской войны сделала совершенно исключительные успехи и находится ныне на высоте еще не достигавшейся высоте»*^[216].

Русское экономическое чудо 1909–1913 гг.

Накануне Первой мировой войны протяженность Российской Империи с севера на юг составляла 4383,2 версты (4675,9 км) и с востока на запад – 10 060 верст (10 732,3 км). Общая длина сухопутных и морских границ измерялась в 64 909,5 версты (69 245 км). По сравнению с данными переписи

си 1897 г. население Империи к 1913 г. возросло до 178 млн человек, то есть прирост составил 53 млн человек.

Доктор ист. наук В. А. Никонов считает: *«По темпам роста численности населения Российская империя при Николае II занимала одно из первых мест в мире. Есть разные оценки населения Российской Империи к началу Первой мировой войны – они от 170 до 180 млн человек. А это значит, что каждый 7-й человек на планете жил в пределах Российской Империи. Для сравнения: современная Российская Федерация имеет население 142 млн человек – притом что с тех пор население планеты выросло в 6 раз. Лишь каждый 50-й землянин живет сейчас в Российской Федерации»*^[217].

Если брать расчеты, производимые учеными того времени, в частности Д. И. Менделеева, то к середине XX в. население России должно было равняться 400 млн человек, а *«через 155 лет число жителей возрастет в 10 раз, т. е. в 2052 г. жителей в России будет 1282 млн.»*^[218]

В 1909 г. в России начался новый экономический подъём, интенсивность которого не только не уступала, но во многом превосходила подъём 1890-х гг. Предвоенное пятилетие стало временем наивысшего взлета Императорской России, которому суждено было стать последним. Он затронул все важнейшие стороны жизни страны. В связи с быстрым ростом городов удельный вес горожан заметно увеличивался, составив, однако, к кануну войны около 15 % населения. Высокими темпами шло развитие промышленности. Преодолев по-

следствия тяжелого экономического кризиса 1900–1903 гг. и последовавшую за ним депрессию, она за годы предвоенного экономического подъема (1909–1913 гг.) почти в 1,5 раза увеличила объем производства. Причем, отражая продолжавшийся процесс индустриализации страны, тяжелая промышленность по темпам роста заметно превосходила легкую (174,5 против 137,7 %).

Крупная промышленность по-прежнему была сосредоточена в 6 районах – Центрально-Промышленном, Северо-Западном (Петербургском), Прибалтийском, Южном, Польском, Уральском, в которых производилось свыше 75 % валовой продукции и концентрировалось до 79 % всех фабрично-заводских рабочих. За 1890–1913 гг. объём продукции тяжелой промышленности вырос в 7 раз. Только в Южном промышленном районе было построено 17 крупных металлургических заводов с 41 новейшей домной, которые увеличили объем продукции в 7 раз.

К 1914 г. российская промышленность насчитывала 27 566 предприятий, из них 255 металлургических заводов, 568 предприятий угольной промышленности, 170 нефтедобывающих и 54 нефтеперерабатывающих предприятий, 1800 крупных и мелких металлообрабатывающих предприятий.

В 1895 г. Император Николай II утвердил строительство на Раушской набережной Московской центральной электростанции, сооруженной в 1897 г. На этой станции впервые в Европе была применена новая 3-фазная кольцевая система

передачи тока, который трансформировался до 120 Вт и доставлялся абонентам. К 1902 г. средний тариф за кВт/час снизился вдвое и составил 2 коп. Отмена платы за подключение привела к увеличению числа абонентов, замене дуговых ламп на более дешёвые лампы накаливания и распространению электрического освещения в Москве.

В 1896 г. под Петербургом, на Охтинских паровых заводах, была пущена центральная ГЭС трехфазного переменного тока мощность 300 кВт – одна из первых в мире. В 1897 г. в Петербурге завершено строительство Центральной городской электростанции мощностью 538 кВт.

Николай II поддержал первый опыт создания будущей энергосистемы. Благодаря его личной инициативе в России был введен план строительства электростанций. В 1901 г. были запущены первые электростанции в Курске и Ярославле, 1908 г. вступила в строй первая электростанция Читы, в 1912 г. – пуск электростанции во Владивостоке, 1912–1914 гг. – строительство и запуск крупнейшей в мире торфяной теплоэлектростанции «Электропередача» вблизи г. Богородска.

В 1903 г. вблизи Ессентуков одновременно со строительством гидроэлектростанции были сооружены 4 крупные трехфазные воздушные линии электропередачи 8 кВ протяженностью 20 км к Пятигорску, Кисловодску, Ессентукам, Железноводску. В 1909 г. было закончено строительство Гиндукушской ГЭС мощностью 1,35 МВт на реке Мургаб

в Туркмении. Итогом предвоенного развития электроэнергетики России стал выход в 1913 г. на суммарную установленную мощность источников электроэнергии в 1100 МВт и выработку 1 900 000 Мвт/ч в год. К 1914 г. в Российской Империи насчитывалось 22 электростанции и гидроэлектростанции. По уровню производства электроэнергии Российская Империя входила в четвёрку передовых держав, таких как США, Германия и Великобритания. При поддержке Императорской Академии наук регулярно проходили электротехнические съезды – с 1900 по 1913 гг. их состоялось восемь. На съездах обсуждались как конкретные планы строительства отдельных объектов, так и стратегические перспективы.

В 1899 г. Государь присвоил статус вуза петербургскому Электротехническому институту Императора Александра III, который был ведущим в Европе. Здесь сформировались научные школы в электросвязи, радиотехнике, электротехнике, электроэнергетике. В 1904 г. была оборудована первая в России высоковольтная лаборатория (200 кВт), в 1910 г. разработан проект Волховской ГЭС. Осуществленная в стенах института в 1916 г. первая трансляция низкой частоты на электронных лампах разрешила вопрос дальнего телефонирования. По указанию Николая II к 1915 г. была сформулирована Стратегия электрификации России, на основе которой большевики реализовали свой план ГОЭЛРО.

При Императоре Николае II электрический трамвай стал

основным видом городского транспорта. Первый электрический трамвай был запущен ещё в 1892 г. в Киеве. В 1896 г. трамвайная линия была запущена в Нижнем Новгороде, в 1897 г. – в Екатеринославе и Елизаветграде, в 1898 г. – в Курске, Витебске и Орле, в 1899 г. – в Москве, Житомире, Либаве, Казани и Кременчуге, в 1900 г. – в Астрахани, Ярославле и Екатеринодаре, в 1901 г. – в Риге, Твери и Смоленске, в 1907 г. – в Санкт-Петербурге.

В 1907 г. в Москве, на Водоотводном канале, было завершено строительство новой муниципальной электростанции «Трамвайная» мощностью 6 МВт. В 1916 г. был отмечен максимум перевозок трамваем в Москве, Петрограде, Киеве, Варшаве, Ростове-на-Дону, Харькове, Екатеринославе – 1,1 млрд пассажиров^[219].

В 1904 г. Император Николай II дал согласие на установление автомобильного сообщения по всему Черноморскому побережью России. Были установлены предельные размеры пассажирских и грузовых тарифов, разработаны технические условия, которым должен соответствовать автомобильный транспорт. С 1908 г. в МПС было подано более шестидесяти просьб о разрешении открыть регулярное сообщение. МПС даже создало в начале 1907 г. специальное отделение, ведающее вопросами пассажирского автомобильного сообщения. Большое число автобусных маршрутов имелось в Малороссии, Польше, Прибалтике и центральных губерниях.

Эксплуатация автомобилей-омнибусов в Петербурге началась 12 августа 1906 г. Благодаря этому разрешению «Акционерное общество моторных карет» открыло в городе 15 маршрутов, в которые входила кольцевая линия, соединяющая все вокзалы города. Маршруты обслуживались как двухэтажными, так и обычными автобусами, а плата за проезд составляла 9 коп. в первом классе и 6 коп. во втором. Автобусы были оснащены четырех- и шестицилиндровыми бензиновыми двигателями мощностью 30–40 л. с. Скорость составляла 12 верст в час на центральных улицах города и на менее многолюдных – 18 верст.

В Москве 13 августа 1908 г. состоялось открытие регулярного движения двух десятиместных автобусов марки «Лаурин и Клемент». Всего через месяц городская управа приобрела через представительство инженера Г. О. Ростовского три автобуса «Бюссинг», предназначенных для перевозки людей по Якиманке между Каменным мостом и Серпуховскими воротами.

Затем, используя опыт и пример столиц, автобусные маршруты открылись и в других городах страны. В Архангельске 18 июня 1907 г. было установлено автобусное сообщение. Поначалу на линии работала лишь одна машина, а с 20 сентября – две. В конце 1909 г. «Российско-Западное товарищество механических перевозок» в Вильно организовало в городе автобусное движение. В Новочеркасске автобусы поехали 1 января 1910 года. Автобусный маршрут в Харько-

ве, на котором курсировали три машины, был открыт 6 июня 1910 года. В начале 1910 г. в Нижнем Новгороде московский предприниматель Г. О. Йенсен открыл автобусное сообщение по двум улицам.

По указанию Николая II в 1910–1912 гг. были разработаны проекты электрифицированного метрополитена в Санкт-Петербурге и Москве. Инженер П. И. Балинский предложил создать разветвленную сеть железных дорог обеих столиц – Санкт-Петербурга и Москвы, предложил создать радиально-кольцевую транспортную систему с Центральным вокзалом. Кольцо должно было охватить все пригороды Петербурга, планировалось построить 11 новых мостов через Неву и ее рукава. В Москве проект начал частично осуществляться, когда была построена окружная железная дорога. Но настоящий, подземный метрополитен построить не удалось, сначала из-за нехватки средств, а затем из-за начавшейся мировой войны.

К 1914 г. по уровню промышленного производства Россия занимала четвертое место в Европе, пятое в мире, уступая по важнейшим показателям таким странам, как США, Германия, Великобритания, Австро-Венгрия, Франция. В 1913 г. по объему производства Россия почти сравнялась с Англией, значительно превзошла Францию, в 2 раза обогнала Австро-Венгрию и достигла 80 % объема производства в Германии.

В годы царствования Императора Николая II добыча уг-

ля выросла в пять раз (от 7,2 млн тонн в начале XX в. до 35,4 млн тонн в 1913 г.). Врубовые машины и механические отбойные молотки впервые появились в Донбассе в 1909 г. В 1910 г. началась разработка Кузнецкого и Черемховского бассейнов. К 1913 г. уголь в топливно-энергетическом балансе России составлял 50,3 %. К 1913 г. приток иностранных капиталов в угольную промышленность Российской Империи достиг 108,2 млн рублей золотом. В годы Первой мировой войны Россия, единственная из воюющих стран, увеличила добычу угля на 18,4 %.

К 1913 г. выплавка железа и стали увеличилась по сравнению с 1901 г. более чем в 4 раза (от 0,9 млн тонн до 4,3 млн тонн). В 1913 г. выпуск цветных металлов составил, тыс. т: меди – 17, цинка – 2,9, свинца – 1,5. В 1916–1917 гг. начался выпуск вольфрамовых концентратов. К 1913 г. Россия по объёму производства чугуна (4,03 млн т) и стали (3,68 млн т) занимала 5-е место в мире.

Россия была новатором в создании нефтепродуктов, танкерного флота, резервуаров для хранения нефти, бензина и керосина, их перевозки в железнодорожных цистернах. Первый в мире теплоход-танкер «Дело» построен в России в 1908 г. В 1911 г. был спущен на воду первый в мире паротурбинный миноносец «Новик», работавший на мазуте и развивавший скорость 69 км/ч.

В годы царствования Императора Николая II Баку и Грозный превратились в мощные индустриальные центры. В

1901 г. Бакинский нефтяной район давал 50 % мировой добычи. По объёмам добычи нефти (11,3 млн тонн) Россия в 1898 г. обогнала США. К 1910 г. в России было 133 нефтеперерабатывающих завода. В 1913 г. было произведено 4,2 млн т мазута, использовавшегося в энергетическом хозяйстве в качестве топлива для кораблей.

В 1908 г. в России имелось 57 884 паровых котла. К 1912 г. в стране было 54 449 гидросиловых установок (треть из которых составляли гидротурбинные установки) общей мощностью 636 856 л. с. Нефтяная промышленность России из «осветительной» превратилась в топливную. Структура нефтеэкспорта в 1913 г. выглядела следующим образом: керосин – 46,2 %, бензин – 16 %, масла и смазки – 25,1 %, мазут – 6,8 %. В 1904 г. Россия вывезла 1,37 млн т керосина, в 1913 г. – 210 тыс. т осветительных и смазочных, 628 тыс. т нефтяных масел. Нефтепродукты шли в Англию, Австро-Венгрию, Германию, Голландию, США, Японию. К 1917 г. в России было построено 1278,7 км магистральных трубопроводов. Керосинопровод Баку – Батум длиной 882,5 км с 16 перекачивающими станциями был самым мощным в мире. Нефтепродуктопровод Грозный – Порт-Петровск имел протяжённость 162 км. Все оборудование было изготовлено на отечественных предприятиях. Русская нефтяная промышленность в 1914 г. с ее 373 предприятиями, 9,3 млн т нефти, 6,6 млн т нефтепродуктов занимала второе место в мире. По экспорту смазочных масел Россия

занимало первое место в Европе (21 % европейского экспорта).

Среди вывозимых товаров из России, как и в предыдущие годы, ведущее место занимали продукты земледелия. Россия занимала первое место по вывозу хлеба, она давала перед войной около трети мирового экспорта, оставив позади таких крупнейших производителей зерна, как Аргентина и США. В среднем за предвоенное пятилетие вывоз хлеба ежегодно составлял 727 млн пудов.

Кроме зерновых товаров, Россия к 1914 г. вывозила яйца, масло, лен, кожи, пушнину и в большом количестве лес (преимущественно в необработанном виде). Несмотря на широкое использование в качестве строительного материала железа и камня, а угля и нефти как топлива, значение древесины неуклонно возрастало. Русский лес импортировали Германия, Франция, Испания, Италия, Англия, балканские и другие европейские государства. Такие страны, как Англия, Бельгия, Голландия, издавна использовали вывозимый из нашей страны лес в судостроении. Из России они получали также пиломатериалы и рудничную древесину.

Ежегодно Россия экспортировала свыше 1110 тыс. пудов лесоматериалов на сумму около 200 тыс. рублей. Ближайшими конкурентами России до начала XX в. на мировом лесном рынке выступали США и Канада. Но к началу второго десятилетия вывоз леса и лесоматериалов из России резко возрос, и Империя уже не имела в этом вопросе соперников.

В 1909–1913 гг. Россия оставалась главным поставщиком льна на мировом рынке. Лён стоял на третьем месте экспорта после хлеба и леса. Россия экспортировала лён в Англию, Бельгию, Францию, Германию и другие страны. Иностранные торговые фирмы, прежде всего германские, были объединены в «Интернациональное общество экспортеров русского льна», которое располагало крупными капиталами и доминировало на мировом рынке льна. Активно действовала московская банкирская контора братьев Рябушинских, имевшая свои отделения в основных центрах льноводства. К 1913 г. произошла механизация льняной промышленности увеличение выработки при сокращении числа веретен как результат концентрации и монополистического объединения льняной промышленности.

Благодаря большим работам по орошению в Туркестане, предпринятым ещё в царствование Императора Александра III, урожай хлопка в 1913 г. покрывал все годовые потребности русской текстильной промышленности, которая в период с 1894 по 1911 г. удвоила своё производство.

В царствование Императора Николая II были построены ведущие железные дороги Российской Империи. К 1894 г. эксплуатационная длина железных дорог общего пользования в Российской Империи составляла 32 709 верст^[220]. К концу 1909 г. она достигла 65 991 версты. Главным достижением на этом направлении был знаменитый Транссиб. По скорости сооружения (в течение 12 лет), по протяженности

(7,5 тыс. км), трудностям строительства и объемам выполненных работ Великая Сибирская железная дорога не знала себе равных во всем мире. В условиях почти полного бездорожья на доставку необходимых строительных материалов, а фактически приходилось завозить все, кроме леса, – затрачивалось много времени и средств. Например, для моста через Иртыш и для станции в Омске камень везли 740 верст по железной дороге из Челябинска и 580 верст с берегов Оби, а также по воде на баржах из карьеров, расположенных на берегах Иртыша в 900 верстах выше моста. Металлические конструкции для моста через Амур изготавливались в Варшаве и доставлялись по железной дороге в Одессу, а затем перевозились морским путем во Владивосток, а оттуда по железной дороге в Хабаровск. Примечательно, что строительство такого грандиозного пути было осуществлено сравнительно малым числом рабочих. В 1891 г., при начале строительства, на сооружении Транссиба было 9600 человек, а в 1895–1896 гг., в разгар строительных работ, – 84–89 тыс., в 1904 г., на завершающем этапе, – только 5300 человек. На строительстве Амурской железной дороги в 1910 г. работало 20 тыс. человек^[221].

В 1904 г. американский журнал *Scientific American* назвал строительство Транссиба самым выдающимся техническим достижением рубежа веков. Кроме того, России принадлежала Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) протяженностью в 1617 верст. К концу 1910 г. в постройке нахо-

дилось 5448 верст. Подвижной состав к 1910 г.: паровозов – 20 004, вагонов товарных – 445 014, пассажирских – 22 369, что было на 25–30 % больше по сравнению с 1904 г.

В 1906 г. в России началось обсуждение проекта «Второго Транссиба», который фактически должен был проходить по району современной Байкало-Амурской магистрали (БА-Ма). В 1911–1914 гг. по заданию Правительства на маршрутах Иркутск – Жигалово, Тулун – Усть-Кут, Тайшет – Усть-Кут начались изыскательные работы партиями инженеров П. И. Михайловского и И. И. Афонина. Также велись обследования в районе р. Амур с целью прокладки железнодорожного пути от золотодобывающих приисков в районе р. Бодайбо и обеспечения связи этих районов с Транссибирской магистралью^[222].

В 1908 г. протяженность железных дорог земного шара превысила 1 млн км. В период 1910–1916 гг. железнодорожная сеть Европы возросла на 24 764 км, в том числе Италия увеличила свою рельсовую сеть на 7,6 %, Голландия – на 6,4 %, Германия – на 6,3 %, Австро-Венгрия – на 4,1 %, Франция – на 4,1 %, Бельгия – на 3,6 %, Англия – на 2,8 %, Испания – на 2,4 %. **Россия увеличила свою сеть на 22,6 %**, а США – только на 7,9 %. В 1913 г. протяжённость российских железных дорог равнялась 71,7 тыс. км, возрос их грузооборот. Железная дорога Оренбург – Ташкент значительно оживила торговлю Европейской России с Туркестаном и Средней Азией. При этом железнодорожные

пассажирские перевозки в России были самыми дешёвыми и комфортабельными в мире.

Большую роль в грузовых перевозках играл речной флот (около 31 тыс. судов, в том числе 5556 паровых). В 1907 г. на Коломенском заводе был построен первый в мире речной теплоход. К 1914 г. 70 из 80 имевшихся в мире речных теплоходов были российскими.

Невиданными темпами развивалось русское сельское хозяйство, что являлось последствием Аграрной реформы. В 1913 г. в России урожай главных злаков был на $\frac{1}{3}$ выше, чем в Аргентине, Канаде и США вместе взятых. Сбор ржи в 1894 г. дал 2 млрд пудов, а в 1913 г. – 4 млрд пудов^[223]. В царствование Императора Николая II Россия была главной кормилицей Западной Европы. Особенно обращает на себя внимание рост вывоза сельскохозяйственных продуктов из России в Англию (зерна и муки, в миллионах фунтов; русский фунт – 0,4 кг): 1908 г. – 858 279 000, 1909 г. – 1 784 288 000, 1910 г. – 2 820 049 000^[224]. Россия поставляла 50 % мирового вывоза яиц.

Долгие годы в сознание нашего народа внедрялось представление о «вечном» голоде в Императорской России. Этой ложью большевики пытались оправдать чудовищные голодоморы 20-х, 30-х и 40-х гг., а также постоянную нехватку продуктов все последующие годы советской власти.

На самом деле в России до 1912 г. случались большие недороды. Самый большой из них был в 1891 г. Он стал

результатом всемирного аграрного кризиса, который затронул в начале 1880-х гг. также Англию, Францию, Германию, восточные штаты США. К слову сказать, в 1845–1850 гг. страшный голод в Ирландии, организованный английской правящей верхушкой, унес жизни 1,5 млн человек. Последствия этого голода к началу XX в. сократили численность ирландского населения более чем на 30 %^[225].

Неурожай 1891 г., продолжившийся в 1892 г., был вызван сильной засухой. Он постиг 25 губерний и был самым крупным в Российской Империи. Всего в период 1891–1892 гг. голодало 30 млн человек. В 1897 г. неурожай имел место в 18 губерниях. Причины были разными: засуха, неблагоприятная зима, нашествие насекомых-вредителей. В 1897–1898 гг. голодало 27 млн человек.

Летом 1905 г. имел место недород в среднечернозёмных, приволжских, заволжских и восточных губерниях. От неурожая пострадали в основном традиционно земледельческие районы, занимавшие, по официальным данным МВД, до 43 % всех пахотных земель в России. Последний «царский» неурожай случился в 1911 г. – он был отражением серьёзного общеевропейского неурожая на зерновые из-за засухи. Неурожай охватил обширную территорию: все уезды Астраханской, Оренбургской, Самарской, Саратовской, Симбирской и Уфимской губерний, а также многие уезды Вятской, Казанской, Нижегородской, Пензенской, Пермской губерний и Области Войска Донского, так или иначе затро-

нув более 20 млн человек. В пострадавших районах собрали только $\frac{1}{3}$ урожая зерновых против среднего.

Однако следует отметить, что неурожаи и недоедания в Императорской России не приводили к массовой смертности. Все большевистские утверждения о том, что в России якобы от голода умирало до 4 млн человек в год являются откровенной ложью, которая основывается на фальшивых *«ежегодных отчётах Коллегии Лейб-Канцелярии»*^[226], в состав которой входили врачи, инженеры, специалисты сельского хозяйства, готовили для Царя отчет, озаглавленный *“Полное сообщение о положении дел в Империи Российской”*^[227].

Министр земледелия в 1892–1905 гг. А. С. Ермолов, затем руководивший Центральным комитетом по оказанию врачебно-продовольственной помощи населению, писал, что *«согласно сообщениям всех опрошенных мною земских деятелей, представителей Красного Креста, членов местной врачебной администрации – если уже не верить чиновам администрации общей – ни одного случая смерти непосредственно от голода, от полного отсутствия всякой пищи, не говоря уже про случаи самоубийств или убийств детей из-за голода, не было констатировано ни разу и нигде»*^[228]. Ермолов отмечал, что прирост населения в 1906–1907 гг. отмечался везде, а в некоторых губерниях (Орловская, Тамбовская, Уфимская) даже превзошёл прирост за предшествующий год.

Нет данных о голодных смертях и у советских и российских демографов. В своих исследованиях А. Г. Рашин доказывал, что в период с 1890 по 1913 г. смертность стабильно понижалась: от 36,7 умершего на 1000 населения в 1890 г. до 27,4 на 1000 населения в 1913 г.^[229]

Не подтверждаются «огромные потери» от голода и позднейшими изысканиями демографов. В многотомном труде «Население России в XX веке» однозначно указывается, что «во всех регионах Европейской России к 1913 население дало значительный прирост. По сравнению с 1897 г. число жителей Центрального промышленного региона увеличилось на 32,4 %, Северо-Западного района – на 37 %, Среднего и Нижнего Поволжья – на 34,3 %, Центрально-Чернозёмного района – на 38,8 %. Самый большой прирост наблюдался на Северном Кавказе – 68,4 %»^[230]. То есть Черноземье и Поволжье, якобы постоянно «выкашиваемые» голодоморами-миллионниками, дают одни из самых высоких показателей прироста населения.

Если брать голодные годы, то в 1907 г. зарегистрирован очень высокий естественный прирост населения (18,1 %), немногим ему уступали якобы «катастрофические» 1911-й (17 %) и 1912-й (16,9 %). Низший за первые 15 лет XX века прирост зарегистрирован в беспокойном 1905-м (13,9 %).

С этими данными совершенно не согласуются «регулярные миллионные цифры умерших». Они дали бы однозначную отрицательную динамику и свидетельствовали бы о вы-

мировании населения. Между тем даже в период якобы «гигантского голода» 1911–1912 гг. население выросло более чем на 3 млн человек. Для сравнения можно поднять данные о годах советских голодоморов (1921–1922, 1931–1933, 1946–1948): полное прекращение роста населения страны, а затем и уход показателей роста в минус, резкое падение показателей ожидаемой продолжительности жизни.

Таким образом, можно сделать единственный вывод: после голода 1891–1892 г., который сопровождался острой эпидемией холеры, более ни один недород в Российской Империи не повлёк за собой «голодных смертей».

Следует отметить, что Императорское Правительство прилагало огромные усилия в борьбе с последствиями неурожаев. В 1897 г. из Общеимперского капитала отпущено ссуд на сумму 5,4 млн рублей, в 1898-м – 35,2 млн (как на продовольствие населения – хлеба закуплено 34,4 млн пудов, – так и на поддержание скотоводства крестьян), организованы общественные работы, в частности перевозка крестьянами закупленного Правительством для голодающих хлеба на места.

Вызванный нехваткой кормов падёж лошадей компенсировали закупкой у степных жителей лошадей тамошних пород (как наиболее выносливых) и поставкой их на льготных условиях к началу полевых работ. Снабжение кормами нуждающихся хозяйств производилось на «ссудных началах» (с выплатой в течение 3–5 лет), в 1898-м на эти нужды было

израсходовано 7 млн рублей.

В открытых Красным Крестом столовых кормилось до 1,5 млн человек, в основном женщины, дети, старики и немощные, но в исключительных случаях и работоспособные мужчины (при отсутствии заработков), паёк же получили свыше 2 млн.

Начало действовать созданное по инициативе Императрицы Александры Феодоровны Попечительство о домах трудолюбия и работных домах. Среди частных благотворителей особенно отличился бессарабский помещик В. М. Пуришкевич – благодаря его кипучей деятельности на собранные пожертвования удалось открыть около 20 столовых и спасти тем самым от голодной смерти сотни людей. Кстати, благодаря этому его заметили и оценили в Петербурге. Повсюду, где возникал голод, открывались пункты питания для детей, женщин и неспособных к труду, в каждом из которых питалось до 1000 человек.

По мнению наблюдателей, *«продовольственная кампания 1906–1907 гг. была проведена Продовольственной частью МВД с таким успехом, который при данных условиях и при действии существующего закона только и был возможен»*.

В то же время активно оказывали помощь голодающим благотворительные организации. Один Красный Крест при содействии местных властей открыл бесплатные столовые и питательные пункты, выдавшие за время бедствия 270 млн обедов и пайков. Святейший Синод ввёл сбор в пользу голо-

дающих во все воскресные и двенадесятые праздники.

Все более существенную роль играла частная благотворительность. Возникли многочисленные частные попечительства, местные общества, союзы, комитеты. Помощь «частников» оказалась серьёзнейшим подспорьем для государства, чьи запасы (как Общеимперский, так и губернские продовольственные капиталы) сильно истощились ещё в недород 1905 г.

На снабжение кормами в неурожай 1911–1912 гг. Правительством истрачено 9–12 млн, выдавались ссуды на прокорм (так, в Сибири выдавали по 300 рублей пособия на корову), распределено на льготных условиях 16 тыс. лошадей. Общественные работы для крестьян в качестве эксперимента решили в этот раз сделать основным видом помощи. На их проведение ассигновано 42 млн рублей, причём 84 % суммы пошло на заработную плату. Голодающим было выдано 222 млн порций, под руководством священников и учителей только в Поволжье было открыто более 7 тыс. столовых при школах, где детям выдали 24 млн обедов. В целом кампания была проведена на очень высоком уровне – и интересно, что государство, оба раза имея в руках полный контроль над ситуацией (1901 и 1911 гг.), сумело не допустить голодной смертности. К тому же прогресс сельского хозяйства обусловил более высокий урожай всех иных сельскохозяйственных культур, что вкупе с широкомасштабной государственной помощью помогло крестьянам без потерь пере-

жить тяжёлый период.

Таким образом, можно видеть, что государство к началу XX века сформировало целостную систему перераспределения продовольственных ресурсов, которая эффективно функционировала в периоды неурожая и при истощении в крестьянских хозяйствах собственных запасов хлеба. Кроме того, постоянно предпринимались дополнительные меры по поддержанию жителей поражённых неурожаем территорий. Активно участвовала в деле помощи пострадавшим общественность России, что вызвало широкое развитие благотворительности, формирование действенных структур оказания помощи населению. Всё это гарантировало население от голодной смерти, и смертей «от голода» удавалось после 1892 г. избежать даже при самых неблагоприятных условиях (вроде «революционной ситуации» середины 1900-х).

С 1901 г. российским таможенным ведомством в статистические отчеты о своей деятельности была введена новая графа: «Привоз автомобилей и их частей». Всего за год в Россию было ввезено 40 автомобилей и 7 мотоциклов на общую сумму 43 тыс. рублей. В 1905 г. эта цифра составляла 105 автомобилей, а в 1908 г. уже 1365 машин на сумму 3 млн 256 тыс. руб. Увеличению ввоза способствовала чрезвычайно низкая таможенная пошлина – в пределах 5 % от стоимости автомобиля. В Петербурге на 1 августа 1913 г. было зарегистрировано 2036 частных автомобилей, 328 таксомоторов и 221 казенный автомобиль, что составляло около 20 %

всей численности автомобильного парка России.

При Николае II правительство строило свою политику не только на бездефицитных бюджетах, но и на принципе значительного накопления золотого запаса. Несмотря на это, государственные доходы с 1 млн 410 тыс. рублей в 1897 г., без малейшего увеличения налогового бремени, неуклонно росли, тогда как расходы государства оставались примерно на одном и том же уровне. За последние 10 лет до Первой мировой войны превышение государственных доходов над расходами выразилось в сумме 2 млн 400 тыс. рублей. Эта цифра представляется тем более внушительной, что в царствование Императора Николая II были понижены железнодорожные тарифы и отменены выкупные платежи за земли, отошедшие в 1861 г. к крестьянам от их бывших помещиков, а в 1914 г., с началом войны, и все виды питейных налогов. Бремя прямых налогов в России было почти в четыре раза меньше, чем во Франции, более чем в 4 раза меньше, чем в Германии, и в 8,5 раза меньше, чем в Англии. Бремя же косвенных налогов в России было в среднем вдвое меньше, чем в Австрии, Франции, Германии и Англии.

В 1914 г. в Государственной сберегательной кассе было вкладов на 2 млн 236 рублей. Сумма вкладов и собственных капиталов в мелких кредитных учреждениях (на кооперативных началах) составляла в 1894 г. около 70 млн рублей; в 1913 г. – около 620 млн рублей (увеличение на 800 %), а к 1 января 1917 г. – 1 млрд 200 млн рублей.

Темпы экономического и культурного развития страны, структурные изменения в народном хозяйстве казались столь впечатляющими, что председатель синдикальной палаты парижских биржевых маклеров М. Вернайль, приезжавший летом 1913 г. в Петербург для выяснения условий предоставления России очередного займа, предсказывал неизбежный, как ему казалось, в течение ближайших 30 лет громадный подъем российской промышленности, который можно будет сравнивать с колоссальными сдвигами в экономике США в последней трети XIX в.

Французский экономический обозреватель Э. Тэри утверждал: *«Если у большинства европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 годами, как они шли между 1900 и 1912, то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении»*^[231].

Профессор Берлинской сельскохозяйственной академии Отто Аухаген, обследовавший в 1912–1913 гг. ряд губерний Центральной России на предмет изучения хода аграрной реформы, завершал свой анализ так: *«Я заканчиваю изложение своего мнения о вероятном успехе предпринятого правительством дела, соглашаясь с мнением выдающегося сельского хозяина, уроженца Швейцарии, управляющего около 40 лет одним из крупнейших имений России в Харьковской губернии, о том, что ещё 25 лет мира и 25 лет землеустройства – тогда Россия делается другой страной»*^[232].

В представленной Правительству 12 июля 1914 г. «Докладной записке Совета съездов представителей промышленности и торговли о мерах к развитию производительных сил России и улучшению торгового баланса» говорилось: «В сельском хозяйстве, в самой системе землепользования начался громадный переворот, результаты которого пока еще только намечаются, но не поддаются учету. В промышленности, после целого ряда лет кризиса и застоя, начался сильный подъем и оживление.

После почти десятилетнего застоя, или, во всяком случае, слабого развития промышленности и торговли, Россия в 1910–1911 гг. быстро вступила в период экономического подъема как под влиянием благоприятного урожая двух лет подряд, так и вследствие начавшихся в этих годах громадных правительственных ассигновок на флот, на военные потребности, на портостроительство, на иллюзование некоторых рек, постройку элеваторов и на усиление железнодорожного строительства; одновременно проявились усиление строительства в городах, увеличение машиностроения и пр.

Города растут у нас с поистине американской быстротой. Целый ряд железнодорожных станций, фабричных и заводских поселков, особенно на юге, обратился в крупные центры городской – по всему своему складу и запросам – культуры. Естественный в известные периоды экономического развития процесс концентрации населения, в силу про-

исходящих сейчас коренных изменений в жизни сельскохозяйственного населения России, пойдет, несомненно, с возрастающей быстротой и лет через 20–30 мы увидим, быть может, картину самых крупных в этой области перемен»^[233].

Постоянно рос жизненный уровень населения

ПЛАТА РАБОЧИМ (коп.)		
Землекоп	1 день	150
Каменщик	1 день	197,5
Кузнец	1 день	226
Плотник	1 день	187,5
Слесарь	1 день	263
Столяр	1 день	234,5
Токарь	1 день	250
Чернорабочий	1 день	124

Средние цены на основные продукты в Петербурге в 1913 г.

Название товара	Мера или вес	Средняя цена в 1913 г. в коп.
Мясо 1 сорт	пуд (16,38 кг)	938
Мясо 2 сорт	пуд	818
Сметана	пуд	738,5
Яйцо	десяток	30
Яблоки	пуд	365
Лещ живой	пуд	1299
Щука живая	пуд	1327
Кура 1 сорт	пара	193,5
Картофель	четверть (9,3 пуда)	70,5
Капуста свеж.	кочан	18,5
Лук репчатый	четверть	101
Хлеб ржаной	фунт (409,5 гр)	3
Хлеб ситный	фунт	5
Масло сливочное чухонское	пуд	1525
Масло русское	пуд	1663

Средняя зарплата в Российской Империи у работников фабрик и заводов и служащих младших чинов с 1880 по 1913 г. увеличилась с 16 до 24 руб. в месяц. Внешне эта цифра довольно маленькая по сравнению со средними зарплатами в других развитых европейских странах за аналогичный период. Для удобства сравнения зарплат все данные приведены в рублях по золотому паритету обмена валют того времени. Например, в Италии средняя зарплата на производстве и у государственных служащих низких чинов увеличилась с 19 до 32 руб. в месяц, в Австро-Венгрии – с 28 до

44 руб., во Франции – с 30 до 41 руб., Германии – с 42 до 57 руб., в Англии – с 47 до 61 руб., в США – с 63 до 112 руб. Но не надо забывать дешевизну продуктов и товаров собственного производства в Царской России по сравнению с указанными странами.

Примерно похожая ситуация наблюдается и в изменении годового дохода на душу населения за период с 1894 по 1913 г. В России прирост национального годового дохода на единицу населения страны увеличился с 67 до 101 руб. В Японии прирост составил с 24 до 60 руб., в Италии со 104 до 230 руб., в Австро-Венгрии – со 127 до 227 руб., во Франции – с 233 до 355 руб., в Германии – с 184 до 292 руб., в Англии – с 273 до 463 руб., в США – с 290 до 545 руб.

Самой малооплачиваемой частью наёмных работников в России являлась прислуга, которая получала в месяц: от 3 до 5 руб. женская и от 5 до 10 руб. мужская. Но наниматель, помимо денежного довольствия, предоставлял слугам бесплатно крышу над головой, питание и, как правило, ещё и одежду. Очень часто эта профессия была наследственной.

Из служащих самые маленькие оклады в начале XX в. были у младших чинов государственных служащих – в размере 20 руб. в месяц. Столько же получали простые служащие почты, земские учителя младших классов, помощники аптекарей, санитары, библиотекари и т. д. Гораздо больше получали врачи, например, в земских больницах у них было жалование 80 руб., у фельдшеров 35 руб., а заведующий больни-

цей получал 125 руб. в месяц. В маленьких сельских больницах, где в штате был всего один фельдшер, то он получал зарплату 55 руб. Учителя старших классов в женских и мужских гимназиях получали от 80 до 100 руб. в месяц. Начальники почтовых, железнодорожных, пароходных станций в крупных городах имели месячные оклады от 150 до 300 руб. Депутаты Государственной думы получали жалованье в размере 350 руб., губернаторы имели оклады около одной тысячи рублей, а министры и высшие чиновники, члены Государственного Совета – 1500 руб. в месяц.

Тарифы за проезд в поезде не повышались в течение 10 лет перед 1913 г., а если взять динамику с 1885 г., то даже снижались: начиная с 1894 г., тарифы снизились на 20 %.

Россия все более становилась богатым, сытым и процветающим государством. Исторические факты упорно свидетельствуют, что русский народ никогда, ни до, ни после, в своем большинстве не жил лучше и богаче, чем при Императоре Николае Александровиче.

Однако возникает вопрос: если вышеприведенное утверждение верно, то в чем же были причины социального недовольства, сыгравшего немалую роль в успехе революции? Весьма глубокое замечание по этому поводу принадлежит доктору ист. наук Б. Н. Миронову: *«Русские революции не имели объективных предпосылок с точки зрения марксистско-ленинской теории; они являлись в первую очередь политическим и культурным переворотом; их причины надо ис-*

кать не в провале, а в успехах модернизации, в трудностях перехода от традиции к модерну, в политических практиках, в особенностях политического дискурса»^[234].

Глава 3. Боснийский кризис

Две балканские провинции, Босния и Герцеговина, с 1482 г. входили в состав Османской империи. Они были населены в основном боснийцами, сербами и хорватами. После того как Османская империя потерпела поражение в войне с Россией 1877–1878 гг., встал вопрос о будущем её владений на Балканах. Берлинский конгресс признал за Австро-Венгрией право оккупировать Боснию и Герцеговину. В главе XXV трактата говорилось: *«Провинции Босния и Герцеговина будут заняты и управляемы Австро-Венгрией»*^[235], хотя формально они по-прежнему считались владениями султана. В 1897 г., когда Петербург и Вена договаривались о дальнейшем сохранении *status quo* на Балканах, австрийский министр иностранных дел граф Агенор Голуховский пытался склонить Петербург к следующей формулировке: *«Вопрос об обладании Боснией, Герцеговиной и Новобазарским санджаком не может быть предметом какого-либо спора, причём правительство Его Императорского и Апостолического Величества сохраняет за собой право оккупации и содержания гарнизонов – право аннексии»*^[236].

Однако министр иностранных дел граф М. Н. Муравьёв выразил несогласие русского Правительства с этими намерениями и заявил австрийской стороне, что *«аннексия этих двух провинций подняла бы более широкую проблему, кото-*

рая потребует специального рассмотрения в надлежащее время и в надлежащем месте»^[237].

В начале XX в. в руководстве Австро-Венгрии сложилась группа сторонников активизации политики на Балканах. Присоединение Боснии и Герцеговины представлялось этой группе важным шагом по пути укрепления власти императора, создания противовеса венграм за счёт славянского населения, превращения Австро-Венгрии в ведущую силу на Балканах. К 1907 г. политическое влияние сторонников аннексии Боснии и Герцеговины резко возросло. Главной движущей силой в этом вопросе в 1908 г. стал министр иностранных дел барон Алоиз фон Эренталь. Военный агент в Вене полковник М. К. Марченко сообщал, что в *«основу решимости провести аннексию легло непоколебимое убеждение барона Эрентала, что Россия, не оправившаяся ещё после Японской войны и внутренних волнений, не окажет серьёзного сопротивления, и согласится на соучастие при условии получения тех или иных гарантий»*^[238].

Кроме того, в Вене понимали, что ослабленная потрясениями Турция не сможет препятствовать аннексии. С другой стороны, нужно было спешить, так как Стамбул мог позвать на помощь Лондон, что серьёзно осложнило бы реализацию австро-венгерских устремлений. Таким образом, план Эрентала сводился к возможно быстрой безнаказанной аннексии Боснии и Герцеговины. России в обмен на поддержку этой аннексии австрийцы были готовы дать обещание ока-

заты помощь в обладании Проливами и Константинополем. В Хофбурге^[239] были убеждены, что Берлин поддержит его в вопросе аннексии всей своей мощью, а поэтому там действовали в заданном направлении уверенно и спокойно. Эренталь рассчитывал представить аннексию Боснии и Герцеговины осуществлённой якобы с позволения России, что, по его мнению, скомпрометировало бы её в глазах всего южно-славянства и подорвало бы её влияние на Балканах^[240].

С началом нового, 1908 г. Вена начала приводить в действие свои экспансионистские планы. 14 января Эренталь поручил послу в Константинополе поднять вопрос об австрийской концессии на постройку железной дороги через Новобазарский санджак. Эта османская провинция отделяла Сербию от Черногории. Согласно Берлинскому трактату, Австрия могла держать там небольшие гарнизоны. Железная дорога, в случае её строительства, создавала прямой путь для Австро-Венгрии до Салоник и укрепляла связь Центральных держав с Турцией, что было прямым нарушением русско-австрийских договорённостей 1897 г.^[241]

15 февраля 1908 г. Николай II принял австро-венгерского посла графа Леопольда фон Берхтольда и заявил ему, что он ценит дружбу с императором Францем Иосифом, и, хотя политика сотрудничества с Австрией никогда не была популярной в России, он готов продолжить её. Правда, заметил Царь, эту задачу *«ему весьма затрудняют»* (Николай II имел в виду высказывания Эренталя)^[242].

19 июня/2 июля 1908 г. Извольский написал Эренталю записку, в которой заявил о готовности обсудить в «дружественном духе» вопрос об аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в обмен на признание Константинополя и Проливов сферой интересов России, правда, оговорившись, что оба вопроса имеют европейский характер и не могут быть решены соглашениями между двумя империями^[243].

6/19 августа 1908 г. на совещании под председательством императора Франца Иосифа было принято решение совершить аннексию в ближайшее время. Опасения престарелого императора о возможной конфронтации с Россией поспешил развеять Эренталь, заверивший, что он сможет с ней договориться.

Чтобы прояснить ситуацию, Николай II поручил А. П. Извольскому вступить в переговоры с Эренталем^[244]. При этом, однако, Государь не уполномочивал своего министра вести переговоры по поводу возможной аннексии. Николай II вообще не упоминал о ней в разговоре с Извольским.

Однако А. П. Извольский и его давний приятель товарищ министра иностранных дел Н. В. Чарыков решили использовать появившуюся возможность для далеко идущей дипломатической комбинации. Не ставя предварительно в известность ни Государя, ни Совет министров, они думали в обмен на признание Петербургом аннексии Боснии и Герцеговины добиться от Вены признания особых прав России в Проливах. Извольский и Чарыков исходили из того, что вопрос об

аннексии австрийским правительством решён, а потому противостоять ему бесполезно, учитывая, что за Австрией стоит Германия.

В августе 1908 г. Извольский отправился в своё обычное «осеннее» турне по Европе. Эренталь пригласил русского министра посетить Бухлау, где находился его загородный особняк^[245]. Там 2/16 сентября 1908 г. австрийский министр подтвердил, что аннексия Боснии и Герцеговины может быть провозглашена уже в начале октября. Эренталь заверил, что Извольский будет им *«своевременно предупреждён об этом»*. Попытки Извольского добиться компенсаций для Сербии^[246] были отклонены Эренталем, так же как и требование русского министра поставить вопрос о созыве международной конференции для оформления намеченного пересмотра Берлинского трактата. Единственное, на что согласился Эренталь, это, не дожидаясь распада Османской империи, принять формулу России относительно Проливов, по которой все русские суда, включая военные, могли проходить через них, а на проход военных кораблей других государств продолжал бы действовать запрет.

На этом, собственно, встреча закончилась. Её результаты не были официально зафиксированы. Извольский утверждал позднее, что в Бухлау состоялось соглашение: Австро-Венгрия получала провинции, Россия – пересмотр вопроса о Дарданеллах. Эренталь в свою очередь это опровергал и утверждал, что никакого соглашения в Бухлау не было.

Формально он был прав. Как пишет А. В. Игнатъев, *«собеседники предпочли ограничиться неофициальным джентльменским соглашением, что оставляло каждому определённую свободу трактовки»*^[247]. Сторонами не были уточнены ни сроки аннексии, ни время выдвижения Россией вопроса о пересмотре статуса Проливов, ни процедура оформления предполагаемых изменений в Берлинском трактате. Не был в достаточной мере соблюден баланс интересов в части компенсаций^[248]. О договорённости не было сообщено ни Императору Николаю II, ни председателю Совета министров П. А. Столыпину.

Извольский активно использовал поддержку своих действий со стороны представителей думской оппозиции, в частности А. И. Гучкова. Министр писал Чарыкову: *«...ещё раз с особенной настойчивостью считаю долгом обратить ваше внимание на необходимость подготовить общественное мнение и печать. Необходимо воздействовать не только на “Новое время”, но и на другие органы. Хорошо бы переговорить с Гучковым, и, если возможно, то и с Милюковым, который только что был на Балканском полуострове»*^[249]. Чарыков сообщил Извольскому в Париж 20 сентября: *«Гучков, ознакомленный мною с сущностью дела, обещает полную поддержку своей фракции. Печать в достаточной мере в наших руках»*^[250].

В связи с этим нельзя исключать, что усилия Извольского были заодно с либеральной думской оппозицией, которая в

случае успеха авантюры с Проливами присвоила бы все лавры себе. Не могут не настораживать и контакты Извольского с Гучковым. Именно в это время Гучков установил тесные связи с захватившими власть в Стамбуле младотурками, у которых он перенимал «революционный опыт». *«Посетив Турцию, – говорилось в секретном сообщении Охранного отделения, – после прошедшего там государственного переворота, Гучков решил последовать примеру “младотурок”, которые, по словам Гучкова, являются теми же октябристами»*^[251]. Гучкову, как и Извольскому, всегда был нужен успех любой ценой. Кто знает, не закладывались ли тогда связи Гучкова не только с военными, но и с дипломатами? Связи, сыгравшие немалую роль в феврале 1917 г.

Между тем авантюру Извольского во время его европейского турне ждал полный крах. Извольский стремился получить от других держав такое же согласие на изменение режима Проливов, какого он добился от Эренталя. 13/26 сентября в Берхтесгадене русский министр встретился со статс-секретарём иностранных дел Вильгельмом фон Шёном, которого пытался убедить в изменении статуса Проливов для России. В ответ Шён в малообязывающих выражениях дал понять Извольскому, что Германия не будет против этого возражать, но в свою очередь потребует компенсаций^[252].

В Италии, куда Извольский прибыл 16/29 сентября, его, казалось бы, ждал успех: министр иностранных дел Томазо Титтони к плану Извольского отнесся положительно, заявив,

что в обмен на это Россия даст своё согласие на захват Италией Триполи.

Между тем 16/29 сентября император Франц Иосиф, зная о состоявшейся в Бухлау договорённости, направил Николаю II письмо, в котором сообщал, что *«повелевающая необходимость общего положения»* заставляют его *«приступить к аннексии Боснии и Герцеговины»*. Австрийский император выражал уверенность, что Николай II благожелательно отнесётся к той мере, *«которая нам внушается необходимостью и которую предвидели и приняли без возражений Твои покойные Отец и Дед»*^[253]. Примечательно, что Франц Иосиф ни словом не обмолвился о состоявшемся соглашении Извольского с Эренталем.

Между тем 19 сентября/2 октября Н. В. Чарыков сообщил о результатах встречи в Бухлау П. А. Столыпину. Тот был крайне возмущён, что Извольский ведёт переговоры втайне от Правительства. Кроме того, Столыпин был категорически не согласен с затеянными Извольским торгами о компенсациях^[254]. Совершенно неожиданно Чарыков поддержал Столыпина и выступил против линии Извольского, которую же совместно с ним и готовил. Позже Чарыков объяснял перемену своих взглядов тем, что он боялся отставки Столыпина, которая почему-то в его представлении была неминуема, если бы позиция Извольского была бы поддержана Государем. А в случае отставки главы Совета министров, писал Чарыков, произошла бы неотвратимая *«победа реакции»*^[255]. Эти

лукавые объяснения не имели под собой, разумеется, никаких оснований.

21 сентября Н. В. Чарыков доложил Государю о результатах встречи в Бухлау. Со слов Чарыкова, Николай II был чрезвычайно доволен итогами переговоров. Он якобы принял точку зрения Извольского и заметил, что, в случае изменения режима Проливов в пользу России, «...*нечего хлопотать о Константинополе*», и добавил, что успешное решение было бы «*решением векового вопроса*»^[256].

Однако имеются сведения о совершенно иной реакции Николая II на переговоры в Бухлау и о его неосведомлённости о действиях Извольского. В. Н. Коковцов вспоминал, что в октябре 1908 г. П. А. Столыпин сообщил ему, что «*имел длинный разговор с Государем и узнал от него, что никаких полномочий он Извольскому не давал, да тот их и не спрашивал*». При этом Николай II был «*глубоко возмущён этим инцидентом и прямо сказал Столыпину, что ему просто не хочется верить, чтобы Извольский мог сыграть такую недопустимую роль, которою он поставил и себя, и Государя в совершенно безвыходное положение, так как, если даже оправдается версия, что он обусловил наше согласие содействием нам Австрии в разрешении в нашу пользу вопроса о проливах, то всё же мы останемся в самом невыгодном для нас положении: всякий просто скажет, что мы помогли Австрии вытащить каштаны из печки без всякой для нас пользы, так как для всех ясно, что никакой реаль-*

ной помощи мы от Австрии не получим, да и не от нее зависит разрешение такого “Мирового вопроса”. Столыпин сказал мне, что Государь два раза отметил, что ему, в особенности, противно, что всякий скажет, что русский министр получил от своего Государя полномочие без всякой надобности обещать нашу помощь Австрии в присоединении Боснии и Герцеговины, когда это дело всех подписавших Берлинский трактат, и мы должны быть последними, кто мог бы брать на себя какое-либо решающее участие в таком деле»^[257].

В данном случае не верить В. Н. Коковцову у нас нет никаких оснований в связи с его полной незаинтересованностью в вопросе. О своей неосведомленности о соглашении Извольского – Эрренталья Николай II писал в письме к кайзеру от 15 декабря 1908 г.: *«Извольский не успел мне сообщить об этом деле. Я был на “Штандарте» и ничего не знал о том, что должно произойти»*^[258].

Совершенно несерьёзными представляются умозаключения английского историка Алана Тэйлора, который считал, что Николай II отвернулся от Извольского из-за страха перед возможной отставкой П. А. Столыпина, которого, по Тэйлору, *«не интересовали Проливы»*, но *«очень беспокоили настроения славян»*, поэтому, дескать, *«он пригрозил отставкой, и Николаю II пришлось сделать вид, будто ему ничего не было известно о планах Извольского»*^[259]. Эти измышления опровергаются фактом встречи 21 сентября 1908 г. Им-

ператора Николая II и П. А. Столыпина в Царском Селе, в ходе которой последний посчитал, что действия Извольского недопустимы и рекомендовал Государю отозвать его из заграничного турне. Столыпин также предлагал не поддерживать аннексии Боснии и Герцеговины и обратиться к державам с предложением о созыве конференции по пересмотру Берлинского трактата. Для того чтобы не обидеть Османскую империю и балканские государства, Столыпин высказался за то, чтобы предусмотреть им компенсации^[260]. Николай II согласился со Столыпиным, и Извольскому было указано, что в случае аннексии Боснии и Герцеговины никаких переговоров с Австрией не вести, а заявить ей протест^[261]. Чарыков признавал, что *«проблема была улажена благодаря исключительно Императору»*^[262]. Одновременно Государь поручил Чарыкову подготовить развёрнутые соображения по русско-турецкому сближению. Таким образом, мы видим, что как только Государю стало известно о планах сговора Извольского с Эренталем, он этот сговор запретил. Тем не менее поездку Извольского в Париж Николай II решил не прерывать: нужно было максимально узнать позицию европейских держав, а кроме того, не создавать у них впечатления возможности своевольных действий Извольского.

23 сентября/6 октября Чарыков представил Государю проект созыва международной конференции по пересмотру Берлинского трактата. Он предусматривал значительные компенсации Османской империи за отторжение от неё двух

провинций: отмену ограничения суверенитета Турции в Македонии и в Малой Азии, прекращение выплаты России контрибуции за проигранную войну 1877–1878 гг. В обмен на это Стамбул должен был взять на себя обязательства не возражать против превращения Болгарии в независимое королевство, открыть Проливы для военного флота России и других черноморских стран при соблюдении безопасности турецкой территории. Намечались компенсации и для Сербии с Черногорией^[263].

Николай II одобрил представленный проект: если бы Стамбул поддержал инициативу России, то это было бы веским аргументом в диалоге с французами и англичанами.

Между тем прошло довольно много времени с момента получения Государем письма от австрийского императора, а он не спешил на него отвечать. Николай II объяснял это Чарыкову тем, что собирается *«зрело обдумать проект»* своего ответного письма, *«вдохновляясь мыслями, высказанными в разговоре с Вами и со Столыпиным 21 сентября»*^[264].

Однако, не отвечая Францу Иосифу, Государь руководствовался не только этим соображением. Через несколько дней после получения письма от австрийского императора Чарыков ознакомил Николая II с секретными документами, которые хранились в архиве МИД и касались Берлинского конгресса. Николай II сообщал Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне, что из этих бумаг, он *«узнал, что после бесконечных споров с Австрией, Россия согласилась на при-*

соединение Боснии и Герцеговины в будущем! И об этом же согласи данном тогда Анпана¹ пишет мне старик император. Fichue position!!! Я получил его письмо две недели назад и до сих пор ещё не ответил. Ты понимаешь, какой это сюрприз и в каком неудобном положении мы очутились. Я никогда не думал, что существует такая секретная статья и ничего не слышал об этом от Гирса и Лобанова, при которых эти события происходили»^[265].

Строго говоря, секретная статья, о которой писал Николай II, относилась не к Берлинскому конгрессу, а к секретному дополнению к договору о «Союзе трёх императоров», подписанному 6/18 июня 1881 г. Его основные положения разрабатывались ещё при жизни Александра II, но подписан договор уже при Александре III. Статья 1 Приложения гласила: *«Австро-Венгрия сохраняет за собой право аннексировать Боснию и Герцеговину в момент, который она признает подходящим»^[266]*. В результате Царь вынужден был отказаться от ноты протеста Вене по поводу аннексии Боснии и Герцеговины.

Между тем 23 сентября/5 октября в Петербурге австро-венгерский посол сообщил о предстоящей «свободе действий» в Боснии и Герцеговине и передал памятную записку с предложением выступить совместно о признании Болгарии самостоятельным королевством^[267]. 24 сентября/7 октября вышел указ императора Франца Иосифа о присоеди-

¹ Император Александр II.

нении Боснии и Герцеговины. Николай II в послании Францу Иосифу указал, что это было сделано, *«предупредив нас всего лишь за 24 часа и не посчитавшись ни в малейшей степени с моими возражениями»*^[268].

Ночью 25 сентября/8 октября Николай II получил телеграмму от адмирала Ф. В. Дубасова, извещающую, что *«Босния и Герцеговина присоединены к Австрии, как имперские земли, с обещанием в будущем постепенно очистить Санджак. К сербской границе стянуты части VII, XV корпусов»*^[269]. Чуть ранее в Париже о состоявшейся аннексии из газет узнал и Извольский. Вена поставила весь мир перед совершившимся фактом. Одновременно пришло известие о провозглашении Болгарией независимости.

Между тем Извольского в Париже ждало новое горькое разочарование. Как сообщал посол А. И. Нелидов, Франция *«безучастно... взирает на международные события, когда она к ним непосредственно не причастна и когда не затронуты самые чувствительные для неё материальные интересы»*^[270]. А эти «материальные интересы» Парижа были связаны в тот момент гораздо больше с Австро-Венгрией, чем с Россией. Ещё во время Альхесирасской конференции Париж обещал поддержку Австро-Венгрии на Балканах в обмен на её поддержку в Марокко. По словам Б. М. Шапошникова: *«Новые столкновения в этом вопросе с Германией были не исключены»* и поэтому *«лишиться будущей поддержки Австро-Венгрии в споре с Берлином Франция не хотела»*^[271].

Президент Французской республики Арман Фальер отреагировал на аннексию Боснии и Герцеговины в самом сердечном тоне, а министр иностранных дел Стефан Пишон отнёсся к идее Извольского о международной конференции весьма скептически. Кроме того, во французских правящих кругах были недовольны сепаратными переговорами Извольского с Эренталем. Франция выступила за уважение суверенитета Турции и настоятельно советовала согласовать этот вопрос с Лондоном^[272].

Положение Извольского становилось весьма щекотливым. Он собирался ехать в Лондон, но Совет министров вновь требовал его возвращения в Петербург. 25 сентября Извольский писал Чарыкову: *«Благоволите доложить Государю, что отказ мой от поездки в Лондон, где в воскресенье у короля назначен в мою честь официальный обед и где меня ожидают с нетерпением для установления соглашения о созыве конференции и её программе, мог бы произвести нежелательное впечатление, вызвав превратное толкование, особенно опасное при настоящих критических обстоятельствах. Ввиду милостивой резолюции Его Императорского Величества, решаюсь ехать в пятницу в Лондон, и затем в кратчайший, по возможности, срок, вероятно прямо в Париж, Берлин, Петербург»*^[273].

Государь полагал, что Извольский должен довести начатое дело до логического завершения. Кроме того, отказ от поездки в Англию, после всего происшедшего, действитель-

но выглядел бы недружественным шагом. Поэтому Николай II разрешил Извольскому ехать в Лондон. Там министр встретился с тем же нежеланием помочь России, что и во Франции. Извольский попытался воздействовать на английское правительство угрозой омрачения дружественных отношений, с таким трудом намеченных во время Ревельской встречи русского и английского монархов. Выступая перед британским кабинетом, Э. Грей сообщил, что *«Извольский заявил, что настоящий момент является наиболее критическим – он может укрепить и усилить добрые отношения между Англией и Россией или разорвать их совершенно»*^[274]. Извольский предупреждал Грея, что без Проливов ему в Петербург возвращаться нельзя и что он будет заменен «реакционным» министром^[275]. Однако все его усилия не дали никакого результата.

26 сентября/9 октября Турхан-паша сообщил, что султанское правительство в целом согласилось с предложением России. *«Против нашей формулы о Проливах Турция не возражает»*, – писал Чарыков Столыпину^[276]. Но при этом турецкое правительство просило Петербург добиться согласия Англии и Франции на созыв конференции. В действительности, по сообщению посла в Константинополе И. А. Зиновьева, младотурецкое правительство было *«не особенно расположено к разрешению вопроса о Проливах в желательном для России смысле»*^[277].

26 сентября/12 октября Извольский в первый раз был вы-

нужден публично признать, что ему было официально заранее сообщено австрийской стороной о намерении присоединить Боснию и Герцеговину. Он также признал, что обнадёжил Австрию, что Россия не сделает из этого факта *casus belli*^[278].

Между тем Эренталь публично заявил, что аннексия совершена по сговору с Извольским. Попав в столь щекотливую ситуацию, министр 29 сентября 1908 г. просил в письме к Чарыкову помочь ему «отмыться» от своих же интриг: *«Благоволите доложить Государю: речь барона Эрентала, с подлинным текстом коей я познакомился сейчас, является образцом иезуитства и выставляет в совершенно ложном свете результат обмена мыслей в Бухлау»*^[279]. Извольский просил Государя разрешения выступить ему с разъяснениями в Государственной думе. Вскоре Н. В. Чарыков получил от Николая II телеграмму: *«Обдумав предложение Извольского, нахожу, что его выступление в Думе полезно и лучше всякого другого способа для восстановления истины. НИКОЛАЙ»*^[280].

Уехав из Лондона и Парижа с пустыми руками, Извольский хранил последнюю надежду на обратном пути остановиться в Берлине и договориться с германским руководством. Однако в ходе переговоров с В. фон Шёном Б. фон Бюловом и императором Вильгельмом Извольскому дали понять: Германия будет поддерживать свою союзницу Австро-Венгрию всеми силами и средствами; конференция, ес-

ли она состоится, должна свестись только к двум пунктам: признание аннексии Боснии и Герцеговины и независимости Болгарии; вопрос о Проливах может решиться для России положительно лишь в том случае, если она договорится об этом с Турцией^[281]. Берлинские переговоры означали полный крах Извольского. Бюлов писал по этому поводу: «*В боснийском вопросе Извольский делал ошибку за ошибкой. Грубой ошибкой было то, что 15 сентября 1908 г. в Бухлау он не спросил Эрентала прямо и без обиняков, когда и в какой форме он намеревается предпринять аннексию Боснии и Герцеговины. Дальнейшей ошибкой было то, что, когда Эренталь поразил его аннексией, он не вернулся в Петербург, чтобы перед Думой и Царём мужественно защищать свою политику. Вместо этого он комичным образом объездил все европейские столицы*»^[282].

Сам Извольский в письме к Нелидову признавался, что в ходе своего европейского турне он убедился, как радикально изменилась ситуация в Европе: державы оказались разделёнными на две группировки: Германия и Австро-Венгрия – с одной стороны, Россия, Англия и Франция – с другой^[283].

Вернувшись в Петербург, Извольский был подвергнут самой острой критике со стороны различных общественных и политических сил России. Саморазоблачения министра, его сговор с австрийцами против славян, согласие с захватом земель, на которые претендовала Сербия, вызвали бурю негодования среди русской славянофильской общественно-

сти. Извольский подвергся резкой критике и в Государственной думе, а патриотическая печать обвиняла его чуть ли не в предательстве. Все ожидали немедленной отставки Извольского. Он сам обратился к Государю с просьбой о ней. Однако Николай II не пошёл сразу на этот шаг. Французский посол Жорж Луи писал в своём дневнике, что Николай II *«получил просьбу Извольского об отставке. Но Император не знает, кем его заменить»*^[284].

Кроме того, отставка Извольского сразу же после его возвращения из европейского турне, означала бы признание Россией полного провала как в вопросе признания аннексии, так и в вопросе созыва конференции. Столыпин также рекомендовал Государю не увольнять Извольского, ибо его смещение могло выглядеть так, будто Россия собирается решать балканский вопрос военным путём. К тому же отставки Извольского активно добивался Вильгельм II. Немедленное увольнение министра означало бы поощрение бесцеремонного вмешательства кайзера в деятельность русского правительства.

Тем не менее Извольский продолжал упорно настаивать на своей отставке. 13 января 1909 г. Николай II *«имел с А. П. Извольским серьёзный разговор»*, после которого Государь сообщил Столыпину, что больше министр иностранных дел просить о своём уходе не будет^[285]. Однако вопрос об увольнении Извольского был Николаем II в принципе решён. Речь шла только о выборе подходящего времени. От-

ставка должна была произойти в виде длительного отпуска с последующим назначением Извольского главой какой-либо миссии^[286].

Неутешительный итог деятельности Извольского привёл Николая II к выводу, что в дальнейшем во главе МИД следует поставить не профессионального дипломата, а человека со стороны. Казус в Бухлау заставлял Государя взять под свой полный контроль деятельность министра иностранных дел, фактически самому возглавив министерство. В преемники Извольскому рассматривались кандидатуры И. Л. Горемыкина, Н. В. Чарыкова, гофмаршала императорского двора князя Н. С. Долгорукого и министра-резидента при Святом престоле С. Д. Сазонова. Временно руководство министерством перешло к Н. В. Чарыкову, который в апреле стал управляющим МИД^[287].

После того как в Берлине и Вене стало ясно, что ни в Париже, ни в Лондоне Россия не получит поддержки, германские империи решили развить успех. Теперь уже Германия задавала тон на Балканах. Цель Вильгельма II была всё той же: оторвать Россию от Франции и Англии и максимально ослабить её. В свою очередь Вена рассчитывала продолжить экспансионистскую политику и при удобном случае разделаться с Сербией и Черногорией. Начальник австро-венгерского Генштаба Конрад фон Гётцендорф писал: *«Самостоятельная Сербия и не усмирённая Черногория будут непримиримыми врагами при каждом шаге монархии, при каж-*

дом политическом обострении, постоянным очагом агитации для южнославянских областей»^[288]. Конрад считал, что, если *«будет решено ликвидировать сербский вопрос оружием, тогда необходимо теперь же использовать все средства для подготовки к войне»*.

К границам Сербии стягивались австро-венгерские войска. В ответ на это в Сербии призвали резервистов, черногорское командование начало разработку планов обороны морского побережья, шла подготовка мобилизации в Румынии.

В этот момент, 22 октября/4 ноября, Николай II счёл нужным ответить на сентябрьское письмо Франца Иосифа, в котором, с одной стороны, осуждал односторонние шаги Австро-Венгрии, а с другой – спешил заверить императора, что Россия предпримет все меры для мирного разрешения конфликта. *«Положение Боснии и Герцеговины, – писал Николай II, – вверенных Берлинским трактатом оккупации Австро-Венгрии, не может быть изменено иначе, нежели постановлением держав, подписавших этот трактат. <...> Со своей стороны, я от всего сердца готов служить укреплению монархических и консервативных начал, столь благодетельных для России и для Австро-Венгрии, и приложу все усилия для дружественного разрешения этих затруднений, чтобы тем сильнее укрепить традиционные узы, связующие обе наши империи»*^[289].

Однако поведение Австро-Венгрии и Германии не гово-

рили об их стремлении идти навстречу России в преодолении конфликта. 15/28 октября 1908 г. в инструкциях послу в Петербурге Фридриху фон Пурталесу Бюлов указывал, что неудачи русской политики являются следствием поворота России в сторону Англии. Эта инструкция свидетельствовала, что главной целью Германии по-прежнему являлось стремление оторвать Россию от Антанты и тем самым максимально ослабить её и подчинить своей политике^[290].

23 ноября/8 декабря 1908 г. австро-венгерское правительство официально заявило, что отказывается передать вопрос об аннексии на международное обсуждение. Вена поясняла, что могла бы пойти на созыв конференции лишь при том условии, если бы все её участники заранее обязались не возражать против совершённого ею акта. Германия безоговорочно поддерживала Австрию, о чём в тот же день, 23 ноября/8 декабря, Бюлов заявил публично^[291].

Между тем Извольский сообщал Совету министров, что Германия готовит нападение на Францию. Николай II не верил в возможность в настоящих условиях войны между ними. Гораздо вероятнее было нападение Австро-Венгрии на Сербию, которую охватила волна народного негодования действиями австрийцев. Правительства Сербии и Черногории выступили с совместным заявлением протеста^[292]. Возросла вероятность войны Османской империи с Болгарией и даже Австро-Венгрией, так как в Стамбуле были сильно раздражены австро-венгерской аннексией. В этих условиях

Государь считал, что самое главное – не допустить войны на Балканах. 15 декабря 1908 г. Николай II написал Вильгельму II письмо, в котором указывал, что *«аннексия Австрией Боснии и Герцеговины вызвала в России взрыв негодования»*^[293]. По мнению Государя, *«единственная опасность политического положения в настоящий момент заключается в следующем: быть или не быть войне между Австрией и Сербией?»*^[294]

Государь сообщил кайзеру, что Россия успокоила правительства славянских государств. При этом Николай II в письме к кайзеру подчеркивал: *«Ты можешь себе представить, в каком затруднительном положении я бы очутился, если бы Австрия напала на одно из этих малых государств»*. Государь просил Вильгельма II *«во имя нашей давнишней дружбы»* дать понять Вене, что война на Балканах *«представляет опасность для европейского мира»*^[295].

Вильгельм II тянул с ответом. Тем временем Николай II 17 декабря 1908 г. написал очередное послание императору Францу Иосифу, в котором спрашивал: ограничится ли австрийская политика *«той смутой, которую она уже причинила, или же мы находимся накануне осложнений, ещё более опасных для общего мира»*. Царь писал, что *«по сведениям, которые до меня доходят, Твоё правительство принимает военные меры в таком масштабе, из коего можно предположить, что оно готовится к возможному в ближайшее время конфликту с Твоими южными балканскими соседями»*.

ми. Если подобное столкновение произойдёт, то оно вызовет в ответ большое возмущение не только на Балканском полуострове, но также и в России, и Ты поймёшь, то особо трудное положение, в котором я окажусь. Избави нас, Боже, от подобной перспективы, которая положит конец всякой возможности сохранить хорошие отношения между Россией и Австро-Венгрией и может привести Европу к общей войне»^[296].

В этом письме Государь был вынужден оправдывать действия Извольского, фактически признавая, что суть переговоров в Бухлау ему стала известна уже после свершившегося факта. Франц Иосиф не преминул заметить это Николаю II: «Я не могу, мой дорогой друг, скрыть удивления, что предложения эти не были предварительно представлены на твоё утверждение и стали Тебе известны после свершившегося факта в форме неожиданного и несвоевременно сделанного сообщения»^[297].

Что касается Сербии и Черногории, то Франц Иосиф заверил Николая II в том, что его поведение «в отношении сербских стран продиктовано мне с осени моим долгом и предусмотрительностью. Я никогда не думал посягать на их независимое существование и не питаю никаких завоевательных стремлений, могущих причинить им вред».

Между тем германские верхи пытались воспользоваться ситуацией, чтобы, с одной стороны, успокоить Россию, а с другой – оторвать её от Антанты. 18/31 декабря 1908 г., во

время Новогоднего приёма в русском посольстве в Берлине, начальник Большого штаба генерал-фельдмаршал Гельмут фон Мольтке, поздравляя представителя Государя графа И. Л. Татищева с наступающим новолетием, сказал: *«Желаю нам обоим, чтобы наступающий год протёк мирно. Нам с Россией делить нечего и между нами нет таких причин, которые требовали нарушения наших добрых отношений. Увеличивать ваши владения вам нет надобности, а если бы мы отвоевали у вас Польшу, то создали бы себе большие внутренние хлопоты. Однако мы союзники Австрии и должны её поддерживать, но если бы война началась, и мы бы дрались с вами и Францией, то это была бы катастрофа, равняющаяся уничтожению Европейской культуры. Исход войны никогда вперёд предусмотреть нельзя, и только одна Англия, которая в войне не приняла бы никакого участия, извлекла бы из неё существенную пользу»*^[298]. Мольтке не знал, произнося эти речи, что ещё осенью 1908 г. Император Николай II знал о планах наступательной войны Германии против России^[299].

9 января 1909 г. Государь получил наконец ответ от кайзера Вильгельма на своё письмо от 15 декабря, в котором кайзер утверждал, что для Германии австрийская аннексия была столь же неожиданной, как и для России. Кайзер жаловался, что политика России *«постепенно всё более и более отклоняется от нас, всё теснее примыкая к комбинации держав нам враждебным»*^[300]. Вильгельм II объяснял «величайшую

сдержанность» германского правительства к предложениям Извольского *«стремлением русской политики опереться на Англию и Францию»*, которое *«особенно проявилось во время теперешнего кризиса»*^[301]. Главная мысль, которую Вильгельм II проводил в своём письме, заключалась в том, что если бы Россия обратилась с самого начала к Германии, то *«мы бы подали мысль о предварительных конфиденциальных переговорах между кабинетами. Такие переговоры доставили бы нам ни один случай оказать России ценные услуги. Если бы Россия вовремя посоветовалась с нами, то дела не оказались бы в таком запутанном состоянии»*. Кайзер выражал уверенность, что Австрия не нападёт на Сербию и что, несмотря на многочисленные серьёзные затруднения, удастся уладить дело мирным путём.

О том, как на деле Вена и Берлин собирались «улаживать дело мирным путём», стало ясно в ближайшие месяцы. На антиавстрийское движение, поднявшееся в Сербии, Вена ответила военными приготовлениями. Эренталь выдвинул план раздела Сербии между Австрией, Болгарией и Румынией^[302]. Тем не менее Вена не была готова одна начинать войну против Сербии из-за опасения русского вмешательства. Ключ от мирного решения конфликта лежал в Берлине, а не в Вене. Нужно было воздействовать на кайзера с тем, чтобы тот оказал давление на австрийские правящие круги. Николай II написал Вильгельму II 30 декабря/12 января 1909 г. очередное письмо. Царь пояснял, что Сербия и

Черногория *«принадлежат к славянской расе и исповедуют ту же религию, что и мы. Вот почему национальное чувство России так всецело на их стороне. По отношению к Германии нет никакой враждебности»*. Николай II указывал кайзеру: *«лишь Ты один в состоянии помочь нам всем, оказав дружеское воздействие на Вену в смысле смягчении курса её политики»*^[303].

Однако кайзер был глух к просьбам Николая II. Наоборот, Вильгельм всемерно поощрял агрессивные действия своего союзника. 13/26 февраля 1908 г. Германия оказала большую помощь Австро-Венгрии в заключении договора с Турцией, по которому последняя, в обмен на 2,5 млн фунтов стерлингов, отказалась от своего суверенитета над Боснией и Герцеговиной^[304]. В январе – марте 1909 г. шла активная переписка между Мольтке и Конрадом о взаимодействии в случае начала войны Австрии с Сербией или Россией. Мольтке обещал австрийскому командованию военную помощь и в случае прямого нападения России на Австрию, и даже в том случае, если Россия вмешается в австро-сербский конфликт^[305].

Весной 1909 г. Германия считала себя готовой вступить в войну как против России, так и против Франции. Но для Берлина также было выгодно и то, если бы Россия отступила. Этим, по мнению германского руководства, она показала бы свою слабость и скомпрометировала себя в глазах балканских народов. Поэтому кайзер, Бюлов и Мольтке всячески

подстрекали «военную партию» в Вене действовать решительнее. 7/20 февраля Эренталь известил Бюлова, что мобилизация и выступление против Сербии назначены на середину марта. Сербии будут предъявлены требования: отказаться от притязаний на компенсации, от протеста против аннексии и дать заверения, что она не питает агрессивных замыслов против Австро-Венгрии. Если Белград не удовлетворит этих требований, Австрия предъявит ему ультиматум, а в случае его отклонения последует война^[306].

Между тем в Думе и в прессе шла яростная кампания в поддержку Сербии. Газеты помещали самые провокационные сообщения, которые могли дать повод австрийцам к эскалации конфликта. Так, «Русское Слово» 10 февраля 1908 г. писала: *«Из Вены. Вчера отправлено на сербскую границу 50 000 солдат. В общем на границе Сербии расположено уже 200 000 человек. Ввиду намерения австрийского правительства удвоить число войск на днях ожидается призыв запасных. В здешней печати циркулируют слухи, будто уверенность Сербии и ее вызывающий образ действий по отношению к Австрии объясняются негласным обещанием поддержки Россией на случай войны. По уверениям газет, в Петербурге победила дипломатическая партия, стоящая за активное вмешательство России в балканские дела»*^[307].

4/16 марта 1909 г. Император Николай II писал Императрице Марии Феодоровне: *«Австрийские дела продолжают приносить всем большие неприятности. В пятницу вечером*

у меня соберётся Совет министров. Нужно потолковать о мерах, которые будет нужно принять у нас в случае войны Австрии и Сербии. Например, не позволять добровольцам ехать на войну, крепко держать газеты в руках, чтобы они не агитировали. Конечно, если на нас не нападут, мы драться не будем»^[308].

Николай II как никто знал, насколько Россия, только-только начавшая выходить из последствий войны с Японией и смуты, не готова к новому военному противостоянию, да ещё с такими мощными державами, как Германия и Австро-Венгрия. Государь хорошо понимал, что Германия не только не содействует мирному разрешению конфликта, но наоборот, всячески толкает Австро-Венгрию на войну. Об этом Николай II писал Марии Феодоровне уже после событий: *«Нам со всех сторон было известно, что Германия совершенно готова к мобилизации. Против кого? Очевидно, что не против Австрии»^[309].*

По мнению русского Главного штаба, основанного на анализе мобилизационных мероприятий Австро-Венгрии, последняя с января 1909 г. была готова вести войну против большой державы, под которой, безусловно, понималась Россия^[310].

26 февраля/9 марта Австро-Венгрия в ультимативной форме потребовала от Сербии признания аннексии Боснии и Герцеговины, открыто угрожая ей войной, демонстративно начала военные приготовления и сосредоточила свои вой-

ска на сербской границе. На стороне Австро-Венгрии решительно выступила Германия. 8/21 марта 1909 г. посол Пурталес предложил русскому правительству *«германское посредничество»*, которое фактически было ультиматумом России. Германия соглашалась повлиять на Австро-Венгрию не нападать на Сербию. За это от России требовали: заранее признать аннексию Боснии и Герцеговины, отказаться от требования созыва международной конференции по боснийскому вопросу и воздействовать на Белград, чтобы он принял условия венского кабинета. *«Мы ожидаем точный ответ – да или нет, – говорилось в послании Пурталеса, – всякий уклончивый, условный или неясный ответ, мы будем вынуждены считать отклонением от нашего предложения. В таком случае мы бы отошли в сторону и предоставили бы событиям идти своим ходом; ответственность за все дальнейшие последствия пала бы исключительно на г. Извольского»*^[311].

Извольский немедленно доложил о немецком ультиматуме Государю. Николай II понимал, что в случае отказа от германских требований Россия неминуемо будет втянута в большую европейскую войну, к которой она не была готова. Действия Германии, а также имеющаяся оперативная информация убедительно доказывали, что она стремится к войне. Для России было жизненно важным предотвратить войну, что стало для Государя приоритетной задачей. Особое совещание под председательством Николая II, при участии П. А. Столыпина, военного министра генерала А. Ф. Ре-

дигера, морского министра вице-адмирала С. А. Воеводского и А. П. Извольского, сделало единодушный вывод: Россия в настоящий момент воевать не может. Поэтому Николай II 9/23 марта 1909 г. телеграфировал Вильгельму II, что Россия принимает германские требования. *«Последнее предложение князя Бюлова, – писал Николай II кайзеру, – переданное нам через Пурталеса, выражает, по-видимому, желание Германии найти мирный исход из настоящего затруднительного положения. Я этому сердечно рад и предписал Извольскому проявить полную готовность пойти ему навстречу. Надеюсь, что благодаря Вашей сильной поддержке и Вашему влиянию в Вене нам удастся благополучно уладить это осложнение»*^[312].

Однако ответ Николая II не означал капитуляцию перед Германией и Австро-Венгрией. В том же письме Николай II предупредил кайзера, что если он не окажет достаточного влияния на Австро-Венгрию и та начнёт войну с Сербией, то отношения России с германскими империями серьёзно ухудшатся. *«Мы делаем и сделаем всё от нас зависящее, чтобы успокоить Сербию, – продолжал Государь, – но Эренраль, со своей стороны, должен говорить в более примирительном тоне. <...> Мы слышим из Вены, что он и Эстергази², оба желают войны. Я не могу понять, что может выиграть Австрия при таком исходе; уничтожение Сербии не прибавит*

² Граф Морис Эстергази (1881–1960), венгерский политический деятель, сторонник захвата Сербии Австро-Венгрией.

вит ей лавров, а материальных выгод принесёт ещё меньше. С другой стороны, если бы даже нам удалось локализовать войну, что будет нелегко, ввиду возбуждения, которое она вызовет в моём народе и в других местах, то последствием её было бы нарушение status quo на Балканах, а, следовательно, наступление эры всеобщей тревоги и волнений в Европе. Во всяком случае, исчезнет всякая возможность какого-либо согласия между Россией и Австрией в будущем. <...> Окончательное отчуждение между Россией и Австрией безусловно повлияет также на наши отношения с Германией, и мне не нужно повторять Вам, как глубоко это меня огорчило бы»^[313].

Объясняя причины своего согласия на германские условия, Николай II сообщал матери: «На прошлой неделе у меня состоялось заседание Совета министров по несносному вопросу о Сербии и Австрии. Это дело, тянувшееся уже 6 месяцев, сразу осложнилось для нас тем, что мы можем помочь делу и предотвратить войну, если мы дадим согласие на знаменитую аннексию, а если мы откажемся, последствия могут быть серьёзными и непредвиденными. Раз вопрос был поставлен ребром – пришлось отложить самолюбие в сторону и согласиться»^[314].

Между тем германские империи настаивали на согласии Сербии с их условиями. В письме Царю от 14/27 марта Вильгельм II окончательно отказался от участия в каком-либо посредничестве в достижении компромисса с Австрией. Бо-

лее того, кайзер считал, что война между Австро-Венгрией и Сербией стала почти неизбежной. *«Я убеждён, – отмечал он, – что даже сегодня правительство императора Франца-Иосифа хочет избежать принятия военных мер против Сербии, но я боюсь, что Австрия, в конце концов, будет вынуждена сделать это благодаря угрожающему поведению Сербии. Вследствие этого я бессилён оказать какое-либо давление на венское правительство»*^[315].

16/29 марта 1909 г. в Австро-Венгрии была объявлена частичная мобилизация. Пять корпусов были сосредоточены на сербской границе. 18/30 марта перед угрозой неминуемого военного поражения сербское правительство признало, что аннексия Боснии и Герцеговины не нарушает её прав. В Германии и Австро-Венгрии наступило всеобщее ликование, а в России и в Сербии – всеобщее возмущение. Как писал С. С. Ольденбург: *«Русское общественное мнение было плохо осведомлено о ходе переговоров, и когда в газетах 14 марта появилось сообщение об австрийском вопросе всем участникам Берлинского договора и о заранее данном соглашении России на аннексию, в печати и в думских кругах поднялась целая буря. Спрашивали – почему Россия всё время требовала международной конференции и теперь признала аннексию раньше, чем менее в этом вопросе заинтересованные Англия и Франция? Писали о “дипломатической Цусиме”. Изображали происшедшее, как унижительное поражение России»*^[316].

Николай II писал Вдовствующей Императрице, что «у нас в обществе не хотят понять, что вопрос стоял так грозно несколько дней назад! <...> Кроме дурных людей в России никто теперь не желает войны, а, по-моему, она была очень близка. Как только опасность её прошла, сейчас же начинают кричать, что мы унижены, оскорблены и т. п. Из-за слова “аннексия” наши патриоты готовы были пожертвовать Сербией, т. к. в случае нападения на неё Австрии, мы не могли ей ничем помочь!»^[317]

Несмотря на весь свой внешний эффект, победа германских империй в Боснийском кризисе была во многом мнимой. Присоединение к Австро-Венгрии двух провинций, чьё население было настроено враждебно к австрийскому царствующему дому, лишь ослабило империю Габсбургов. Русское влияние на Балканах не только не было подорвано, но наоборот, принципиальное нежелание Государя идти на сговор с Австрией способствовало поднятию авторитета России в Сербии и Черногории. Кроме того, этим балканским государствам, кроме России, не к кому было обращаться за помощью от австро-германских агрессоров.

Ф. Пурталес, получив через Извольского согласие России с германскими условиями, телеграфировал своему правительству: «Не исключено, что это поворотный пункт. Теперь наступит новая ориентация русской политики в смысле сближения с Германией!»^[318] Но Пурталес жестоко ошибался.

Грубое вмешательство Германии в пользу Вены, полное игнорирование кайзером просьб Николая II о воздействии на неё привели к резкому ухудшению русско-германских отношений. Государь пришёл к окончательному выводу о нежелании кайзера строить равноправные отношения с Россией. Вся дальнейшая политика Николая II в отношении Германии не несла в себе и тени дружественной откровенности. *«Форма или приём германского правительства, – писал Николай II матери, – их обращение к нам, был груб, и мы этого не забудем!! Я думаю, что этим ещё раз хотели отделить нас от Англии и Франции, но опять это не удалось. Такие способы приводят скорее к обратным результатам»*^[319].

Однако на самом деле Николай II был разочарован и в действиях Антанты, не оказавшей никакой помощи России. Тем не менее он понимал, что продолжать прежний курс балансирования между блоками становилось всё труднее. Причиной этому была заданность германских империй на войну, так ярко проявившаяся в дни Боснийского кризиса. Тем более что после отставки летом 1909 г. рейхсканцлера Б. фон Бюлова его место занял ненавистник России Теобальд Бетман фон Гольвег, ставший впоследствии одним из активных поджигателей Первой мировой войны.

Глава 4. Император Николай II и П. А. Столыпин

Либеральное сообщество ещё с дореволюционных времён сумело навязать лживый миф о «слабом» и «завистливом» Царе, который всеми силами мешал «сильному» и «талантливому» Столыпину проводить реформы и все время мечтал отправить «великого реформатора» в отставку. Опровергая эти домыслы, Великая Княгиня Ольга Александровна утверждала: *«В некоторых книгах, прочитанных мною, утверждается, будто мой Брат завидовал своему премьер-министру и делал всё, что в его силах, чтобы повредить Столыпину. Это подлая ложь – как и многое остальное»*^[320].

Император Николай II заметил П. А. Столыпина на заре его чиновничьей карьеры, следил за его успехами и принимал личное участие в его служебном продвижении. Этого не дано понять большей части наших исследователей, которые всерьёз предполагают, что молодой предводитель уездного ковенского дворянства, каким стал Столыпин в 1889 г., смог «сам» пройти путь до могущественного министра внутренних дел и председателя Совета министров Российской Империи. Писатель и публицист С. Ю. Рыбас вопрошает по поводу карьерного роста Столыпина: *«Возникает вопрос: кто рекомендовал? Но на него нет прямого ответа»*^[321]. В этом случае ответа и не будет, так как Рыбас, как и многие другие,

практически сводит на нет роль Императора Николая II в судьбе Столыпина. Отсюда постоянные поиски лиц, «кто рекомендовал» его Государю (Плеве, Горемыкин и т. д.). Между тем роль Николая II в карьерном росте Столыпина была решающей, причём даже в том случае, если на Столыпина обращали внимание Государя и приближенные. Смешно и наивно искать лиц, «рекомендовавших» Петру Великому Меншикова, Екатерине II – Румянцева, Суворова, Потёмкина, Александру I – Сперанского, Александру II – Ланского и Милютина. Человеку, мало-мальски понимающему систему Самодержавной власти, ясно, что кто бы ни рекомендовал то или иное лицо Самодержцу на государственную должность, решающий выбор оставался за ним. То же самое было и со Столыпиным.

Уже 14 мая 1886 г. ему Высочайше было пожаловано звание камергера Двора Его Императорского Величества. 26 июля 1899 г. Столыпин утверждается в звании члена сельского хозяйства в сельскохозяйственном совете Ковенской губернии на 1901 г.^[322] Нет сомнений, что это назначение было сделано Государем с дальним прицелом подборки кадров для будущей аграрной реформы. С самого начала своей карьеры Столыпин изучал вопросы сельского хозяйства именно по воле Государя. При этом будущий глава Совета министров в особых «рекомендациях» для Николая II не нуждался. П. А. Столыпин был выходцем из старинного дворянского рода, родственного Лермонтовым. Его отец, обер-камер-

гер А. Д. Столыпин, герой Освободительной войны 1877–1878 гг., закончил жизнь в должности коменданта Кремлёвского дворца. Его прекрасно знал и уважал Император Александр II, в свите которого тот состоял. Мать П. А. Столыпина, урожденная княжна Горчакова, была прямым потомком святого Князя Михаила Черниговского, замученного в Орде за «стойкое стояние в Вере Православной» в 1246 г. Тесть Столыпина, обер-гофмейстер, действительный тайный советник Б. А. Нейдгардт, был почётным опекуном Опекунского совета учреждений Императрицы Марии. Супруга П. А. Столыпина, О. Б. Нейдгардт, была фрейлиной Вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны. Так что какие Царю ещё нужны были рекомендации? Как верно пишет П. А. Пожигайло: *«На всех ступенях административной службы П. А. Столыпин показал себя в качестве творческого, волевого и твердого администратора, способного оперативно реагировать на вызовы времени, инициативно и энергично решать поставленные задачи. Известно, что Всеподданнейшие доклады П. А. Столыпина неизменно получали одобрение Николая II. <...> Если даже допустить, что Николай II внял рекомендациям относительно П. А. Столыпина “со стороны”, то в данном конкретном случае Царь сделал правильный выбор»*^[323].

30 мая 1902 г. Император Николай II своим Указом повелел: *«Ковенскому Губернскому предводителю дворянства, Двора Нашего в звании Камергера, Статскому Советнику*

Столыпину Всемилостивейшие повелеваем быть Исправляющим должность Гродненского Губернатора, с оставлением в придворном звании»^[324].

15 февраля 1903 г. именным Высочайшим Указом Столыпин назначен на должность Саратовского губернатора, в которой он пробыл вплоть до 8 июля 1906 г., когда волей Государя он был назначен на должность министра внутренних дел. Несомненно, что главную роль в этом назначении сыграли не чьи-либо «рекомендации», хотя они, конечно, были, а весьма эффективная деятельность Столыпина по наведению порядка в Саратовской губернии во время аграрных беспорядков.

Николай II нашел в Столыпине твердого, мужественного и умного помощника, который ставил во главу угла не свои личные амбиции, а интересы Царя и России. Императора Николая II и П. А. Столыпина связала большая личная симпатия – явление крайне редкое в истории последнего царствования. Столыпин был единственным министром, которого Николай II так долго бессменно оставлял в его должности. Однако фигуру Столыпина нельзя отделять от исторического контекста начала XX в. Нельзя забывать, что он всю свою жизнь находился на службе у Императора Николая II, был незаурядным, талантливым администратором, выдающимся государственным чиновником, но не самостоятельным государственным деятелем. Свои решения Столыпин должен был согласовывать с Государем, а чаще всего – про-

сто выполнять его указания. Столыпин это делал всегда, или почти всегда, талантливо, добросовестно и точно. Не случайно Николай II, жалую Столыпину чин статс-секретаря, писал ему в рескрипте: *«В лице Вашем Я нашёл выдающегося исполнителя Моих предначертаний»*^[325]. Это хорошо понимал и сам Столыпин, когда говорил: *«Я, прежде всего, верноподанный моего Государя и исполнитель его предначертаний и приказаний»*^[326].

Особая творческая смычка Царя и его министра особенно проявилась во время их совместной работы по проведению в жизнь Аграрной реформы. Эта работа проходила в полном удивительном взаимодействии и взаимопонимании обоих. А. П. Столыпин, сын Петра Аркадьевича, писал: *«Летом 1906 г. в Петергофском дворце, когда готовилась аграрная реформа, Царь работал с моим отцом целые ночи напролет. Вникал во все подробности, давал свои суждения, был неутомим»*^[327].

12 августа 1906 г. на Столыпина было совершено покушение. Трое анархистов-максималистов, переодетых в форму жандармских офицеров, смогли пройти в переднюю министерской дачи на Аптекарском острове, где натолкнулись на генерал-майора А. Н. Замятина, ведавшего охраной Столыпина. Генерал, подоспевший швейцар и офицер охраны пытались задержать неизвестных. Но те с криком *«Да здравствует свобода! Да здравствует анархия!»* бросили свои портфели, в которых находилось три бомбы, содержащие

более 20 кг взрывчатки. Мощные взрывы разрушили большую часть дома. Сами террористы, начальник службы охраны премьера генерал А. Н. Замятин и швейцар, пытавшиеся остановить злоумышленников, были разорваны на части. Двое детей Столыпина – пятнадцатилетняя дочь Наталия Петровна и трехлетний сын Аркадий – были тяжело ранены. Дочь от взрыва выбросило на мостовую, и она попала под ноги лошадей, запряженных в ландо, на котором приехали террористы. Ее ноги накрыло какой-то доской, которую топтали обезумевшие от боли лошади. После этого Наталия Петровна еще в течение двух лет не могла передвигаться. В результате теракта было убито свыше 30 человек. В числе погибших оказались бывший пензенский губернатор, крупный чин МВД С. А. Хвостов и управляющий канцелярией московского генерал-губернатора А. А. Воронин. Среди убитых были женщины, одна – на восьмом месяце беременности. Другая, вдова, пришла хлопотать о пособии вместе с маленьким сыном, ручку которого после взрыва нашли в саду.

Глава Правительства не пострадал: кабинет, в котором Столыпин находился во время теракта, был единственным помещением, которое не затронул взрыв.

Сразу же после покушения Государь направил Столыпину телеграмму соболезнования, а на следующий день, 13 августа, написал письмо, исполненное состраданием: *«Пётр Аркадьевич! Благодарю Бога, оставившего Вас невредимым*

рядом с тем страшным разрушением, которому подвергся Ваш дом. Верьте чувству нашего сострадания, которое мы как родители, испытываем, думая о Вас и о Вашей супруге, как вы оба должны мучиться за бедных деток ваших! Надо твёрдо уповать на милость Господа Бога, что Он сохранит и исцелит их. Тяжело сознание сколько ещё невинных жертв пострадало при этом! Вчера я был не в состоянии написать Вам несколько связных слов. Поздно вечером я принял Щегловитова, который был на месте взрыва час спустя; от него я получил первое описание и объяснение того, что случилось. Положительно Ваше спасение есть чудо Божие, иначе нельзя смотреть на него. Надеюсь Вы не сильно потрясены случившимся и можете продолжать работать, хотя забота о детях, понятно должна угнетать душу. Да поможет вам Господь во всех Ваших трудах и укрепит Вас и супругу Вашу. Убеждён, что горячее сочувствие благомыслящей России на Вашей стороне более чем когда-либо. Мысленно с Вами. Искренно уважающий Вас, НИКОЛАЙ»^[328].

По распоряжению Николая II семья Столыпина была переведена на жительство в Зимний дворец. 13 августа 1906 г. взволнованный и тронутый царской милостью Столыпин написал письмо Николаю II: «Имею счастье доложить Вам, Государь, что все помыслы, стремления мои – благо России, что молитва моя ко Всевышнему – даровать мне высшее счастье: помочь Вашему Величеству вывести нашу несчастную Родину на путь законности, спокойствия и по-

рядка. *Вашего Императорского Величества Верноподданный, Петр Столыпин*»^[329].

11 октября Николай II писал матери: *«Я все еще боюсь за доброго Столыпина. Вследствие этого он живет с семейством в Зимнем и приходит с докладами в Петергоф на пароход. Я Тебе не могу сказать, как я его любил и уважаю»*^[330]. Такие слова о своих министрах можно было слышать от сдержанного Николая II крайне редко.

В 1908 г., после всего пережитого в годы революции и в результате нервного перенапряжения, у П. А. Столыпина обострилась болезнь сердца, явившаяся осложнением на фоне перенесённой пневмонии. Николай II с тревогой писал Марии Феодоровне про Столыпина: *«Оказывается у него сердце не в порядке, что, разумеется, представляло опасность при воспалении лёгких»*^[331]. По настоянию Государя председатель Совета министров инкогнито отправился с семьёй в морское путешествие, для которого Николай II предоставил крейсерскую яхту «Алмаз». Путешествие подействовало на Столыпина весьма благотворно, и Государь с удовлетворением писал своей матушке: *«Я видел Столыпина, у которого отличный вид. Плавание произвело на него самое лучшее впечатление»*^[332]. 12 марта 1909 г. Столыпин писал Императору Николаю II: *«Ваше Императорское Величество. Я не нахожу слов, чтобы выразить чувства, вызванные во мне милостивым ко мне вниманием Вашего Величества во время моей болезни. Вы знаете, Государь, что я не мастер,*

да и стесняюсь касаться этих вопросов, но есть вещи, которые не забываются и навсегда незабвенным останется для меня и жены то царственное отношение, которое Ваши Величества так человечески проявили к своему больному слуге. Я молю Бога, чтоб Он дал мне силы и возможность не словами, а делом отслужить своему Государю хоть частичку того добра, которое постоянно от Него вижу»^[333].

Причем, в отличие от мифических образов «слабого царя» и «сильного Столыпина», именно Государь поддерживал своего министра во время принятия трудных решений. Что, собственно говоря, не вызывает удивления. Николай II имел гораздо больше опыта государственного управления, чем глава его Правительства, кроме того, обладал железной выдержкой и глубоким чувством ответственности. Николай II понимал, что Столыпин, столь неожиданно оказавшийся на вершине власти, не привык и часто морально не готов принимать многие решения. Характерно письмо, которое написал Государь Столыпину 20 февраля 1907 г., после открытия Второй думы, которого Столыпин весьма опасался: *«Будьте бодры, стойки и осторожны. Велик Бог Земли Русской»*^[334].

Можно с уверенностью говорить о том, что П. А. Столыпин как государственный деятель был взращен Императором Николаем II, который возлагал на него наиболее важные вопросы государственного строительства. Столыпин занимался и вопросом строительства линкоров, и проблема-

ми финляндского сепаратизма, и влиянием на внутреннее положение в Империи масонов, и, конечно, проведением в жизнь коренных реформ российского общества. Поручал Государь Столыпину и некоторые вопросы внешней политики. В 1906–1911 гг. Столыпин был, без всякого сомнения, главным советником Николая II по главным вопросам государственной жизни России и полноценным главой Императорского Правительства. Всегда ли председатель Совета министров успешно справлялся со своими обязанностями? Не стал ли он с годами верить в свою исключительность, незаменимость? Не было ли у него намерений ограничить власть Самодержца? Иногда на эти вопросы приходится слышать положительные ответы. Писатель-публицист В. Г. Жданов, разумеется, безо всяких ссылок на источник, приводит следующий диалог, якобы состоявшийся между Николаем II и жандармским офицером А. И. Спиридовичем в августе 1911 г. в Ливадии, незадолго до убийства Столыпина. *Якобы во время прогулки со Спиридовичем по парку Николай II спросил его: «Мне хотелось бы с Вами кое-что обсудить. Не могли бы вы пояснить мне, чему в последнее время симпатизирует Столыпин? Ко мне поступают самые разноречивые сведения о его симпатиях, думаю и в Вашей комнате накопилось немало интересного.*

Спиридович понял: Царь говорит о материалах, которые накапливались в помещении его личной секретной службы, в обиходе именуемой “комнатой провокаторов”. Туда стека-

лись сведения, полученные не только официальным путем, но и от агентуры»^[335].

Спиридович сообщил Царю поступившие ему агентурные сведения о том, что Столыпин во время карточной игры в Английском клубе Петербурга в компании Гучкова, Бобринского и агента жаловался, что, несмотря на свое высокое положение, он не чувствует себя уверенно и прочно. *«В любой момент Государь может прогнать меня, как лакея, – вырвалось у него. – В Англии, где существует конституционная монархия, ничего подобного с премьер-министром произойти не может. Избавить от поста может только парламент»*. На эти слова Гучков стал убеждать Столыпина, что *«затишье в Империи ненадолго, что лучше было бы, не ожидая новой бури, которая сметет монархию, проделать все сверху, превратив Думу в парламент по английскому образцу. Бобринский заметил, что настоящий царь в России сегодня Столыпин, и обратил внимание на тот факт, что именно он сумел железной рукой усмирить смуту»*^[336].

На вопрос Царя, как отреагировал на эти слова Столыпин, Спиридович ответил: *«Промолчал, Ваше Величество»*. Николай II якобы совершенно спокойно заметил: *«Вот видите, как все просто. А я все думаю, почему же Пётр Аркадьевич таким тоном разговаривает со мной, предъявляет ультиматум: если я не введу земства в западных губерниях, то он намерен выйти в отставку. Требует распустить Государственную думу и Государственный совет, отказавших-*

ся утвердить его предложения. Неужели он действительно думает об усилении своей власти? А мне не везет на премьер-министров. Витте оказался больше француз, чем русский, Столыпин больше англичанин, к тому же и сторонник конституционной монархии»^[337].

Для того чтобы понять, могла ли в действительности быть подобная сцена, следует обратиться к инциденту с западными земствами. Но перед этим необходимо сказать два слова о политических взглядах Столыпина, его личности. Столыпин, несмотря на свой реформаторский настрой, всегда называл себя сторонником Самодержавия. Выступая в Государственной думе 1 июня 1907 г., он заявил: *«Историческая Самодержавная власть и свободная воля Монарха являются драгоценнейшим достоянием русской государственности»^[338]*. 16 ноября 1907 г., снова в Государственной думе, Столыпин отметил, что *«Верховная власть является хранительницей идеи русского государства, она олицетворяет собой ее силу и цельность, и если быть России, то лишь при условии всех сынов ее охранять, оберегать эту Власть, сковавшую Россию и оберегавшую ее от распада»^[339]*. У Столыпина, как и у всякого человека, а в особенности человека талантливого, конечно, было много недостатков. Но таких качеств, как лицемерие, цинизм и двурушничество, за ним не водилось. Виленский губернатор Д. Н. Любимов вспоминал: *«О Столыпине у меня сохранилась память как о человеке властном, очень самоуверенном, иногда даже заносчи-*

вом, но необыкновенно чистом и прямом, никогда не преследующем какие бы то ни было личные интересы»^[340]. Столыпин всегда говорил что думал, иногда даже в ущерб самому себе. Если он утверждал, что считает Самодержавие «драгоценнейшим достоянием», то именно так он и думал, и ни о каких «английских конституционных монархиях» не мечтал. К тому же при всей своей верноподданности Петр Аркадьевич не раз вступал с Государем в споры, иногда довольно жаркие, так что Николаю II приходилось его ставить на место. Д. Струков отмечает: «Столыпина действительно иногда “заносило”: чрезвычайная увлеченность работой делала его резким и категоричным даже в разговоре с Императором»^[341]. Великая Княгиня Ольга Александровна вспоминала: «Прекрасно помню, как Ники однажды сказал мне: “Иногда Столыпин начинает своевольничать, что меня раздражает, однако так продолжается недолго. Он лучший председатель Совета министров, какой у меня когда-либо был”»^[342].

Так что, в отличие от сочинений Джанибекяна, Столыпину незачем было бояться того, что Государь «выгонит его как лакея», так как глава Правительства в пылу отстаивания своей позиции не раз сам просил об отставке. Первым поводом для такого прошения стал инцидент с законопроектом о штатах Морского Генерального штаба, который Государственная дума приняла 24 марта 1909 г. Этим шагом Дума нарушила ст. 96 Основных законов Российской Империи,

которая гласила: *«Постановления по строевой, технической и хозяйственной частям, а равно положения и наказы учреждениям и должностным лицам военного и военно-морского ведомств, по рассмотрении Военным и Адмиралтейств Советами, по принадлежности, непосредственно представляются Государю Императору»*^[343]. В связи с превышением Думой своих полномочий Государственный Совет отклонил её законопроект. Столыпин вновь внес его в Думу, которая приняла его в прежней редакции. 19 марта 1909 г. законопроект был утвержден большинством голосов в Государственном Совете. Однако на этот раз уже Государь отказался утверждать его. Среди правых членов Думы и Государственного Совета началось сильное движение против Правительства: Столыпина и думскую оппозицию обвиняли в сговоре с целью захватить управление армией и флотом в свои руки. Столыпин написал Государю письмо, в котором заявил, что он не может не предвидеть тех совершенно для него непреодолимых и непосильных затруднений, *«которые создались бы фактом отклонения закона о штабе и сделали бы для правительства в настоящем его составе дальнейшее несение обязанностей невыполнимым»*^[344]. То есть это был своего рода шантаж: либо Николай II утверждает законопроект, либо он, Столыпин, подаёт в отставку. Однако тогда, в 1909 г., этот шантаж получил резкий отпор со стороны Царя. *«Пётр Аркадьевич, – писал он 25 апреля 1909 г., – <...> я решил окончательно представленный мне законопроект не*

утверждать. <...> О доверии или недоверии речи быть не может. Такова моя воля. Помните, что мы живем в России, а не за границей или в Финляндии (сенат), и поэтому я не допускаю мысли о чьей-либо отставке. Конечно, и в Петербурге, и в Москве об этом будут говорить, но истерические крики скоро улягутся. Поручаю Вам выработать с военным и морским министрами в месячный срок необходимые правила, которые устранили бы точно неясность современного рассмотрения военных и морских законопроектов. Предупреждаю, что я категорически отвергаю впредь Вашу или кого-либо другого просьбу об увольнении от должности. Уважающий Вас, НИКОЛАЙ»^[345].

Признавая за действиями Столыпина факт несомненно-го шантажа в отношении Государя, мы не можем не задать-ся вопросом: был ли этот шантаж злонамеренным? Ответ на этот вопрос может быть однозначно отрицательным. Будучи порой излишне самоуверенным и горячим, Столыпин считал свои действия единственно правильными. Самолюбие не давало ему смириться с нарастающим скандалом вокруг его имени. Прося об отставке, Столыпин ее не хотел, а лишь стремился убедить Государя в правильности своих действий: «Я привык открыто все говорить Вашему Величеству и считал бы бесчестным не высказать перед Вами всего, что думаю по делу, которое, помимо моей воли, приняло за время моей болезни серьёзный оборот»^[346]. Получив от Николая II холодный ответ, Столыпин смирился. В ре-

зультате, выполняя приказание Государя, Столыпин и Совет министров подготовили правила, утвержденные Николаем II 24 августа 1909 г., согласно которым была не только расширена компетенция Верховной власти, но и вновь вводился отсутствовавший в Основных законах 1906 г. термин «законодательство» по отношению к акту Верховного управления, являвшемуся после 1906 г. указом, а не законом. Таким образом, власть Императора была укреплена законодательно.

В 1911 г. Столыпин вновь прибегнул к угрозе отставкой, но ситуация, в которой это произошло, была гораздо более сложной и привела к серьезному кризису в отношениях между ним и Императором Николаем II. К началу 1910-х гг. Государь понимал, что необходимо обезопасить Россию от польского вопроса. Почти вековое пребывание Польши в составе Российской Империи доказало ее чужеродность. Между тем с появлением Думы и гражданских свобод поляки все активнее начинали играть роль в политической жизни России, составляя в Думе так называемое «польское ко-ло». Необходимо было как можно более действенно ограничить эту роль, что невозможно было сделать без установления Польской автономии. Одним из первых этапов отделения Польши от России стал проект создания Холмщины. По планам Императора Николая II Холмский край должен был быть выделен из этнографической Польши. По свидетельству С. Е. Крыжановского, которому была поручена разработка проекта, *«мера эта имела установление наци-*

онально государственной границы между Россией и Польшей на случай возможного в будущем предоставления отдельным местностям упомянутой выше самостоятельно-сти в устройении местных дел, которая в применении к Польше могла выразиться в даровании Царству автономии. На этот случай заблаговременное выделение из него русской области, население которой еще не слилось с польским и могло быть сохранено за Россией, представляло большие удобства, устраняя вместе с тем одно из существенных препятствий для автономии Польши»^[347].

В 1909 г. группа членов Государственного Совета, возглавляемая идеологом «экономического национализма», членом «Союза русского народа» Д. И. Пихно, внесла законопроект об изменении системы выборов в Государственный Совет в Западном крае (Виленская, Ковенская и Гродненская губернии). Дело в том, что управление земским хозяйством в Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской губерниях, по Положению от 2 апреля 1903 г., было возложено не на земства, а на губернские и уездные комитеты и управы по делам земского хозяйства, в которых участвовали выборные земские гласные и представители государственных структур. Таким образом, подлинного самоуправления юго-западные территории не имели, а предоставить его на общих принципах, применяемых в большей части страны, мешал национальный вопрос: преимущество в земствах неминусо

оказалось бы в руках польских представителей, которые преобладали среди землевладельцев^[348]. А именно из этой категории выбирались депутаты в Государственный Совет в тех краях, где по тем или иным причинам не было земств.

Правые предложили законопроект, который поддерживал и Столыпин, в котором предлагалось распространить действие Положения о земских учреждениях 1890 г. на губернии западного края, одновременно предусмотрев разделение как избирательных собраний, так и уездных земских собраний на национальные курии (или по терминологии закона – на отделения). Предполагалось, что в ряде уездов в одно отделение смогут входить только лица польского происхождения, а в другое – все прочие. В ряде уездов, наоборот, специальное отделение создавалось для лиц русского происхождения. Таким образом, законопроект учитывал местные особенности и был призван нивелировать возможности польского населения использовать органы местного самоуправления для своих политических целей.

Государь, принимая делегацию националистов, весьма сочувственно отнесся к этому законопроекту и пообещал депутатам, что следующие выборы пройдут по новому закону. В Думу было внесено предложение продлить полномочия членов Государственного Совета от западных губерний, что давало бы Правительству время для коррекции избирательного законодательства. В свою очередь Д. И. Пихно внес законодательное предположение об изменении поряд-

ка выборов в Государственный Совет от юго-западных и северо-западных губерний^[349]. Однако октябристы отклонили этот проект на самом раннем этапе его обсуждения. По воспоминаниям Н. В. Савича: *«Столыпин волновался и сердился»*, так как понимал, что без помощи октябристов законопроект *«будет провален в общем собрании Государственной думы, а тогда автоматически наступит срок выборов в Государственный совет, причем обещание Государя останется неисполненным»*^[350]. Столыпин убеждал октябристов принять закон, однако те, и в первую очередь председатель Государственной думы А. И. Гучков, предлагали, чтобы сначала в западном крае были бы введены земства, после чего члены Государственного Совета избирались бы от них, а не от землевладельцев. Столыпин в конце концов согласился с этим предложением и поддержал законопроект, который 1 июня 1910 г. был со значительными поправками одобрен Государственной думой. Земство, которое учреждалось в соответствии с этим проектом, должно было заметно отличаться от общероссийского. Предполагалось снизить избирательный ценз, отказаться от сословного принципа при формировании земских собраний и, главное, учредить национальные курии при избрании земских гласных – польскую и русскую, что должно было исключить численное преобладание польских помещиков в органах местного самоуправления^[351].

Но предполагаемые курии для «нерусского» населения и понижение избирательного ценза вызвали сильное недоволь-

ство в правой части Государственного Совета. С. Ю. Витте, который увидел возможность расквитаться с ненавистным ему П. А. Столыпиным, заявил: курии *«не могут быть терпимы, доколе в России сохранится ясное и твердое сознание единства русской государственности»*. Проект содержит *«законодательное на весь мир признание, что в исконных русских губерниях... могут существовать политические курии нерусских людей, которые могут иметь свои интересы, не тождественные с интересами русской государственности»*^[352]. Ему вторил сенатор Н. А. Зиновьев, заявивший, что *«распределение национальностей по куриям в Западных губерниях, признаю невозможным»*^[353].

В Государственном Совете решили голосовать против принятия нового закона. Тем не менее 4 февраля 1911 г. законопроект был принят в первом чтении. Через месяц, 4 марта, предстояло его постатейное обсуждение. В этой связи 11 февраля Государь беседовал с депутацией юго-западных губерний, которая ходатайствовала о скорейшем введении земства в их крае. 14 февраля Николай II принял председателя Государственного Совета М. Г. Акимова^[354] и передал ему просьбу общественности западного края. Однако в это же время группа правых членов Государственного Совета во главе с П. Н. Дурново и В. Ф. Треповым начали скрытую кампанию по отклонению законопроекта. Дурново и его сторонники составили докладную записку Государю, которую передали через Трепова. Дальнейшие события из-

вестны нам в основном из уст профессионального сплетника графа А. А. Бобринского, а потому никакой особой достоверностью не отличаются. Бобринский занес в свой дневник 5 марта 1911 г.: *«Говорят, что Государь сперва поручил Акимову просить “правых” голосовать за столыпинский проект, но потом уполномочил Владимира Трепова освободить “правых” от этой обязанности, и закон провалился»*^[355]. При этом примечательно, что в дневнике Николая II имя В. Ф. Трепова не встречается ни разу. Совершенно неясно, какого числа Царь принимал его, и принимал ли вообще. Рассказы про Трепова, так же как и то, что Царь за спиной Столыпина призвал «правых» «голосовать по совести» и тем самым обрек сторонников законопроекта на поражение, известны нам из таких «достоверных» источников, как газета «Русь» и мемуары С. Ю. Витте, на которые опирался советский историк А. Аврех и которого в свою очередь совершенно некритично пересказывают большинство современных исследователей.

Очевидно, что рассуждения о том, как Николай II на словах поддерживал столыпинский проект, а за спиной премьера просил «правых» голосовать против него, являются досужими домыслами. Государю в эту игру играть было незачем: если бы он считал, что Столыпин неправ, то он просто бы не поддержал его законопроект. Но Государь видел, что Столыпин полностью убежден в успехе грядущего голосования по законопроекту. По словам В. Н. Коковцова, глава Сове-

та министров «был настолько уверен в успехе, что еще за несколько дней до слушания дела... не поднимал вопроса о необходимости присутствия в Государственном совете тех из министров, которые носили звание членов Совета, для усиления своими голосами общего подсчета голосов» [356].

Поэтому провальное голосование 4 марта 1911 г. по законопроекту в Государственном Совете стало полной неожиданностью для Столыпина. Но такой же неожиданностью оно стало и для Государя. Между тем октябристы были уверены, что провал законопроекта вызван придворными интригами против Столыпина, которому они «устроили ловушку» [357]. 5 марта Столыпин был принят Государем в Александровском дворце. Аудиенция прошла в очень напряженной атмосфере. В ответ на просьбу, почти требование, Столыпина об отставке Николай II сказал: «Я не могу согласиться на Ваше увольнение, и я надеюсь, что Вы не станете на этом настаивать, отдавая себе отчет, каким образом могу я не только лишиться Вас, но допустить подобный исход под влиянием частичного несогласия Совета. Во что обратится правительство, зависящее от меня, если из-за конфликта с Советом, а завтра с Думою, будут сменяться министры» [358].

Ответ Столыпина был исполнен плохо скрываемого раздражения, граничащего в разговоре с Монархом с откровенной дерзостью. Он заявил, что «правые – это не правые, что они реакционеры, темные, льстивые и лживые, лживые потому, что прибегают к темным приемам борьбы. Они ве-

дут к гибели. <...> Но, по-видимому, это Вашему Величеству нравится, и он сам им верит». Столыпин заявил, что он уходит, так как, не имея опоры в Царе, не может «опираться на партии, искать поддержки в общественных течениях»^[359].

Д. Струков пишет: «Государь услышал от Столыпина резкие и обидные замечания. Форма, в которой премьер выразил Царю своё неприятие произошедшего, унижала достоинство Монарха. <...> Нетрудно понять, почему Председатель правительства в эти дни едва не потерял самообладание. Провал законопроекта был для него полной неожиданностью. Именно поэтому в разговоре с Царем Столыпин не мог удержаться, чтобы не обвинить Его Величество в происшедшем. Честолюбие премьера было уязвлено»^[360].

В ответ на эти столыпинские эскапады Государь категорически заявил: «Подумайте о каком-либо ином исходе, и предложите мне его».

Безусловно, причиной нежелания Николая II согласиться с отставкой Столыпина было прежде всего глубокое уважение к нему как к человеку и государственному деятелю. Однако не только это. Д. Струков очень верно подмечает, что «какими бы одиозными и амбициозными фигурами ни были Великий Князь Николай Николаевич или Трепов вместе с Дурново, каким бы ни считался скупым министр финансов Коковцов, у них, по мнению Николая II, есть свои заслуги, они проявили себя перед Троном, за ними стояли люди предан-

ные России и ее Самодержцу. Растерять эти кадры легко, пересажать или уволить можно всех, но только в кадровых революциях на смену старой управленческой гвардии могут прийти не лучшие, а худшие элементы. Именно поэтому Государь нуждался и в “правых”, и в “левых”, и в Столыпине, и в Коковцове, и Великом Князе и Сухомлинове»^[361].

Столыпину это было не дано понять. Он смотрел на проблему исключительно со своих позиций, считая их единственно правильными. Ради их решения, по его мнению, Государь был просто обязан поддерживать его, Столыпина, во всех проектах и начинаниях.

10 марта 1911 г. Столыпин был принят в Аничковом дворце Николаем II. Накануне, 9 марта, Царь написал премьеру письмо, в котором четко указал: *«Вашего ухода я допустить не желаю. Ваша преданность Мне и России, Ваша пятилетняя опытность на занимаемом посту и главное Ваше мужественное проведение начал русской политики на окраине государства побуждают Меня всемерно удерживать Вас. Помните, Мое доверие к Вам остается таким же, как оно было в 1906 г.»*^[362]

Однако Столыпин во время аудиенции продолжал настаивать на своем уходе. В своем дневнике Государь записал по этому поводу: *«Утром принял Столыпина, кот. [орый] в субботу просился уйти; уломал его не без труда остаться»*^[363]. Премьер был согласен остаться только в том случае, если Государь согласится распустить Государственный Совет и

Государственную думу и провести проваленный законопроект в порядке ст. 87 Основных законов Российской Империи, которая гласила: *«Во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет Министров представляет о ней Государю Императору непосредственно»*^[364].

Николаю II претило такое неоправданное насилие над Думой, кроме того, он сомневался в его целесообразности. Тем не менее Государь сказал Столыпину: *«Хорошо, чтобы не потерять Вас, я готов согласиться на такую небывалую меру, дайте мне только передумать ее»*^[365]. Тем не менее та форма, с какой Столыпин разговаривал с Государем, видимо, очень сильно его задела. Прежде чем дать ответ, Николай II *«долго думал и затем, как бы очнувшись от забытья»*, спросил Столыпина: *«Что же желали бы вы, Пётр Аркадьевич, чтобы я сделал?»* Столыпин попросил Государя выслать на «некоторое время» из столицы своих главных противников – П. Н. Дурново и В. Ф. Трепова – и прервать их работы в Государственном Совете *«хотя бы до осени»*^[366]. По мнению Д. Струкова, *«и здесь премьер явно вышел за допустимые рамки отношений с Царём»*^[367]. Николай II спросил Столыпина, *«не боится ли он, что Дума осудит его?»* Столыпин заверил Государя, что *«Дума будет не довольна только наружно, а в душе будет довольна тем, что закон,*

разработанный ею с такой тщательностью спасен Вашим Величеством, а что касается до неудовольствия Государственного Совета, то этот вопрос бледнеет перед тем, что край оживет и пока пройдет время до нового рассмотрения дела Государственным Советом, страсти улягутся и действительная жизнь залечит дурное настроение»^[368].

10 марта 1911 г. ознаменовалось исключительным событием: Николай II, который не терпел любого давления на принятие им решения, полностью удовлетворил все просьбы Столыпина: в работе Думы был объявлен двухдневный перерыв, Дурново и Трепов должны были покинуть столицу и не посещать заседания Государственного Совета до осени. Решение Царя было вызвано исключительным доверием с его стороны к Столыпину и к его способностям предвидеть события. Однако последствия того, что Николай II пошел так широко навстречу пожеланиям Столыпина, оказались только плачевными. Впервые Государь ошибся в своем слуге.

12 марта был опубликован Высочайший указ о перерыве сессии Думы и Государственного Совета до 15 марта 1911. Это вызвало крайнее недовольство среди всегда поддерживающих Столыпина октябристов. 13 марта премьер принял делегацию фракции октябристов в составе Ю. Н. Глебова, П. В. Каменского и М. В. Родзянко. Они убеждали главу Правительства оставаться в рамках законности и не прибегать к чрезвычайным мерам. На это Столыпин заявил: *«Я, господа, убежденный конституционалист и искренне желаю прове-*

дения необходимых реформ. Но в жизни государства бывают такие моменты, когда приходится прибегать к особо экстренным мерам, даже с уступкой собственным убеждениям»^[369].

14 марта законопроект о введении земства в западном крае был утвержден Государем в порядке чрезвычайноуказного права в соответствии со ст. 87 Основных государственных законов. 15 марта председатель Государственной думы А. И. Гучков в знак протеста против этого решения подал в отставку. 24 марта Государственный Совет предъявил запрос П. А. Столыпину о правомерности использования ст. 87 Основных государственных законов. Все депутаты, от левых до крайне правых, были возмущены действиями Столыпина, обвиняя его в давлении на Думу и диктаторских замашках. Фактически, хотя об этом открыто не говорили, под ударом оказался и сам Царь, который как бы подпал под влияние Столыпина и исполнил его прихоть. Отставка Столыпина, казалось, была предрешена. Так, например, Вл. И. Гурко, считавший, что действия Столыпина были «неприкрытым проявлением неограниченного произвола», писал: «Столыпин победу одержал, но победа эта была пиррова. Государь не мог ему простить совершенного над ним насилия, и в душе он уже с весны 1911 г. решил со Столыпиным расстаться»^[370].

С. И. Шидловский уверял, что «совершенно неожиданно для Столыпина результатом всего этого инцидента и придуманного им способа его ликвидации явилось его полное от-

чуждение от всех трех источников государственной власти в стране. Ни с Государем, ни с Государственным советом, ни с Государственной думой он по-прежнему работать уже не мог, и весь этот эпизод надлежит считать концом его государственной деятельности»^[371].

Однако подобные разговоры были не чем иным, как досужими домыслами. Николай II, хотя и был, наверное, в первый раз разочарован в своем любимце, по-прежнему ценил его и на протяжении всего кризиса не допускал его отставки. 9 марта 1911 г. он сказал своей сестре Великой Княгине Ксении Александровне, что *«удивлён всему тому, что пишут газеты, так как он и не думал подписывать отставку Столыпина и не намерен его отпускать»^[372]*. 31 марта 1911 г. Государь пожелал премьеру *«спокойствия духа и полного успеха»* во время его выступления в Государственном Совете^[373]. 10 апреля Николай II пожаловал Столыпину орден Св. Великого Князя Александра Невского. При этом Столыпин «перескочил» в наградной иерархии пять орденов^[374]. В Высочайшем рескрипте на имя Столыпина говорилось: *«Петр Аркадьевич! Многосложная деятельность ваша на поприще высшего управления, проникнутая ревностным попечением о пользах дорогого Нам Отечества, заслужила вам совершенное Мое благоволение»*. После шаблонной фразы *«Пребываю к вам неизменно благосклонный»* Император собственноручно дописал: *«...и уважающий вас НИКОЛАЙ»^[375]*.

После всего пережитого у Столыпина участились случаи стенокардии, и Государь, волнуясь за его здоровье, отправил премьера в шестинедельный отпуск. В мае 1911 г. Столыпин с семьёй вновь вернулся в Елагин дворец. Таким образом, нет никаких даже признаков на то, что Николай II хотел отправить Столыпина в отставку. Другое дело, что сам Пётр Аркадьевич, будучи человеком совестливым, не мог не чувствовать своей вины перед Государем. Ведь результатом его излишней самонадеянности стал не только политический кризис, подорвавший доверие к Правительству и боком ударивший по Императору, но и фактическое отстранение от государственных дел таких незаурядных сановников, как П. Н. Дурново и В. Ф. Трепов. Последний подал в отставку и занялся частными делами: Царь потерял преданного человека^[376]. Столыпин понимал, что он сильно подвел Императора Николая II. *«Больше всего, – говорил он, – мне здесь жаль Государя»*^[377]. Не мог он не понимать и того, что их прежние отношения с Царём дали трещину, поэтому он считал свою отставку неминуемой. *«Государь не простит мне, – говорил он Коковцову, – если ему придётся исполнить мою просьбу. Но мне это безразлично, так как и без этого я отлично знаю, что до меня добиваются со всех сторон и я здесь не надолго»*^[378]. Но Николай II всегда ставил интересы Родины выше личных чувств и интересов. Столыпин, с его талантом, опытом, широтой мышления и преданностью Престолу, нужен был России, а потому он оставался на сво-

ем месте.

Убийство П. А. Столыпина

Убийство Петра Аркадьевича Столыпина представляет собой одну из самых больших загадок XX в., и истинные заказчики этого преступления до сих пор неизвестны. Убийство Столыпина коренным образом отличается от террористических актов революции 1905–1907 гг. Исполнитель преступления Дмитрий Богров, по его собственному признанию, действовал как одиночка, не имея на убийство никаких приказов от руководства революционных организаций. Примечательно, что представители последних, словно опасаясь чего-то, всячески открепщивались от убийства Столыпина. В агентурных сообщениях начальнику Киевского Охранного отделения подполковнику Н. Н. Кулябко говорилось: *«По полученным сведениям, известие о злодейском покушении на жизнь покойного Председателя Совета Министров статс-секретаря Столыпина явилось для проживающих за границей революционеров полной неожиданностью и вызвало всеобщее недоумение по поводу того, что таковое было проведено и выполнено Богровым, который совершенно неизвестен в партийных революционных кругах»*^[379]. В другом сообщении подчеркивалось, что в среде русской «партийной публики» убийство Столыпина «было встречено с большим недоумением. <...> Этот акт многие сравнивают с убий-

ством Императора Александра II и не вызывает одобрения среди русской колонии и даже эсеров»^[380]. Более того, ЦК партии эсеров выступил с особым заявлением в связи с убийством Столыпина, в котором говорилось: «В виду появившихся в газетах известий, будто Богров стрелял в Столыпина по поручению партии, ЦК заявляет, что ни он^[381], ни одна местная организация, стоявшая с ним в правильных отношениях, не принимала никакого участия в деле Богрова»^[382]. Для эсеров, всегда гордившихся своими терактами и даже бравших на себя чужие, такое поведение совершенно нетипично. Открещивались от покушения и большевики. Агентура Охранного отделения сообщала: «По поводу убийства Председателя Совета Министров П. А. Столыпина известный Ленин заявил от имени РСДРП отрицательное отношение к террору»^[383].

Следствием такого «робкого» отношения революционеров к столь громкому теракту стали всевозможные слухи, сплетни и домыслы. Следует отметить, что часть этих домыслов благополучно дожила до наших дней, и легко используется некоторыми исследователями в их сочинениях. Одним из таких домыслов, родившихся сразу после покушения на Столыпина, стал слух, что оно якобы было организовано Охранным отделением. 16 сентября 1911 г. агент «Посыльный» сообщал в Киевское Охранное отделение: «Думают, что убийство было организовано Охранным отделением, так как представляется невероятным, отчего убили од-

ного только Столыпина, когда того же могли достигнуть в отношении Государя Императора»^[384]. В другом агентурном сообщении утверждалось, что проживающие за границей революционеры уверены, что покушение организовали *«крайне правые организации, недовольные политикой покойного Председателя Совета Министров»*^[385].

По обыкновению, вплоть до наших дней в исторических исследованиях на эту тему, не говоря уже о публицистике, можно сплошь и рядом встретить обвинения Императора Николая II в том, что он «проглядел» убийство Столыпина и настолько не любил покойного, что ни разу не навестил его в госпитале, и даже не приехал на его похороны. Несмотря на то, что все это, мягко говоря, не соответствует истине, в убийстве Столыпина имеется много вопросов, на которые до сих пор нет вразумительных ответов.

29 августа 1911 г. Царская Семья прибыла в г. Киев. Её сопровождал наследник болгарского престола князь Борис^[386]. Главным поводом приезда Царя в «Матерь городов русских» было торжественное открытие памятника Императору Александру II. Николай II записал в своем дневнике: *«Холодным серым утром в 11 часов приехали в Киев. <...> На улицах встреча была самая сердечная и порядок полный»*^[387]. Встреченный ликующей толпой киевлян, Государь проехал в Киево-Печерскую лавру на благодарственный молебен. Потом Николай II с детьми спустился к Нижним пещерам и приложился к мощам святых угодников Божьих. Там же присут-

ствовал и П. А. Столыпин, прибывший в Киев на четыре дня раньше Николая II, 25 сентября.

30 августа было торжественное открытие памятника Императору Александру II. Государь вместе с крестным ходом проследовал к закрытому покрывалом величественному монументу. После его открытия и освящения перед Царской Четой и Цесаревичем церемониальным маршем прошли войска. Потом следовали приемы бесконечных депутатов, армейских и гражданский чинов, духовенства. Уже поздно вечером усталый Государь любовался украшенным лунным светом чудесным видом на Днепр.

Визит Государя проходил как нельзя лучше. Очевидцы свидетельствовали, что *«радость толпы, теплое радостное чувство и единение Царя с народом не на словах, а по-настоящему. По улицам проезжал в открытой коляске, медленно, со всеми депутациями говорил хорошо и много, особенно [с] крестьянской. На дворянском рауте и Он и Она были просты, милы и радушны. Благодаря народной охране впечатление было, что полиции мало, что народ сам соблюдает порядок на улице, что Государь среди него, близок к нему. Государь тоже был радостен, прием тронул его. Даже поляки были в приподнятом настроении и очень довольны отношением к ним»*^[388].

Другой киевлянин отмечал: *«Император выступил всем доступной и демократически настроенной главою государства, появлялся в толпе без всякой охраны, принял кре-*

стьянскую депутацию и проговорил с нею 1 с половиной часа, посещал все, что только мог посетить в Киеве, везде лично беседовал и везде оставил впечатление доступности и доброжелательства»^[389].

31 августа, после военных маневров, Государю было представлено более 2300 крестьян на площадке перед Мариинским дворцом, созданных из всех волостей Киевской губернии. Беседа Николая II с крестьянами продолжалась более двух часов. Н. Д. Тальберг писал: «*Крестьяне живо и толково отвечали Государю на его расспросы об их службе по призыву в войсках. Украшенных знаками военного ордена Государь расспрашивал об их подвигах и благодарил их за службу. Крестьяне были в пестрых малороссийских свитках, что доставило Его Величеству видимое удовольствие. Государь убеждал своих собеседников носить их всегда, взамен, как он выразился, “неуклюжих городских пиджаков”. Ободренные царскою простотою, крестьяне стали рассказывать о красивых нарядах, носимых их женами и девушками, но, не находя нужных слов, сопровождали разговор показом и жестами. Все смеялись, и по лицу Государя было видно, что общее увлечение его радовало»^[390].*

Вечером 31 августа Николай II записал в своем дневнике: «*После обеда поехал с Ольгой и Татьяной в сад Купеческого собрания. Послушали концерт и полюбовались великолепным фейерверком с той стороны Днепра»^[391]. Государь не знал, что в Купеческом саду он несколько раз сталкивал-*

ся с вооруженным террористом, который на следующий день убьет его первого министра.

Помимо официального повода, у Николая II в Киеве должны были произойти важные переговоры с иудейскими раввинами, на которых обе стороны должны были достигнуть договорённостей о противодействии революции и экстремизму. По приказу Николая II эту встречу подготавливал и организовывал П. А. Столыпин^[392]. Премьер давно занимался еврейским вопросом. Ещё в 1906 г. он предложил Николаю II следующую программу смягчения ограничений для евреев. Столыпин предлагал: 1. Принцип частичной отмены ограничений для евреев, хотя задача полного их равенства не ставилась. 2. Отмена ограничений передвижения евреев в рамках общей черты оседлости, в том числе разрешение жить в сельской местности. Расширение прав выбора места жительства для евреев вне черты оседлости, в частности, некоторым мастерам и ремесленникам, членам семей (кроме казачьих областей). 3. Отмена ограничений на участие евреев в производстве и торговле спиртным, в горном деле и других промыслах. Снятие ограничений на владение и аренду недвижимости евреями. 4. Отмена требования упоминать прежнюю принадлежность к иудейской вере, запрета родным следовать за ссыльными, наказаний семейству за уклоняющегося от воинской повинности. Смягчение ограничений на участие евреев в управлении акционерными обществами^[393].

Николай II долго думал над этими предложениями. Здесь следует отметить, что Царь, не имея ничего против евреев как таковых, относился к этой проблеме с религиозной точки зрения, памятуя об особом враждебном отношении иудейской веры к Христу Спасителю. Государь полагал, что он не может решать самостоятельно еврейский вопрос, не выслушав мнение всего русского народа. 10 декабря 1906 г. он вернул Столыпину журнал Совета министров неутвержденным. В сопроводительном письме Государь разъяснял причину своего отказа: *«Петр Аркадьевич. Возвращаю вам журнал по еврейскому вопросу не утвержденным. Задолго до представления его Мне, могу сказать, и денно и нощно, Я мыслил и раздумывал о нем. Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу, – внутренний голос все настойчивее твердит Мне, чтобы Я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть Моя никогда Меня не обманывала. Поэтому и в данном случае Я намерен следовать ее велениям. Я знаю, вы тоже верите, что “сердце Царево в руцех Божиих”. Да будет так. Я несу за все власти, Мною поставленные, перед Богом страшную ответственность и во всякое время готов отдать ему в том ответ»*^[394].

Это убеждение не покидало Николая II до самых последних лет его царствования. В 1916 г., накануне революции, министр внутренних дел А. Д. Протопопов убеждал Государя относительно евреев в том же, что и Столыпин в 1906 г.

Генерал А. И. Спиридович вспоминал: «Протопопов убеждал Государя подписать манифест о даровании равноправия евреям и об отчуждении земель в пользу крестьян, Государь заявил, что эти вопросы столь важны, что их должны рассмотреть государственные законодательные учреждения»^[395].

Опять-таки незадолго до революции Николай II сказал видному сановнику А. И. Пильцу: «Я знаю, что положение очень тревожное. Мне советовали распустить Государственную Думу, издать два указа: о принудительном отчуждении земель крупных и средних собственников и второй дать равноправие евреям. Но я на это пойти не могу: насильственное уничтожение средней и крупной собственности я считаю не справедливым, а самую меру государству невыгодной. Против почти полного равноправия евреям я лично ничего не имею, но вопрос этот народной совести. Я никогда не решу земельного и еврейского вопроса единолично, хотя это было бы полезно для меня. Дела эти должны быть разрешены при участии представителей от народа»^[396].

Тем не менее это вовсе не означает, что Николай II игнорировал еврейскую проблему. За годы его царствования евреи получили максимальную свободу. По существу, «черта оседлости» к 1917 г. оставалась только на бумаге.

Особенно Царя волновала проблема почти тотального втягивания еврейской молодежи в революцию. В 1910 г. П. А. Столыпин, разумеется с одобрения Государя, лично

приветствовал Раввинский съезд в С.-Петербурге, заявив между тем, что еврейская молодежь приобрела «ужасную склонность» к участию в революционном движении. Он призвал религиозных лидеров восстановить политическую лояльность среди российского еврейства^[397]. Следует сказать, что этот вопрос волновал не только Николая II, но и многих представителей иудейского раввината, понимавшего, что революция «пойдет по еврейским трупам». Несмотря на свои сложные отношения с Самодержавной властью, они не могли не осознавать, что ее крушение приведёт еврейский народ России к тяжелейшим бедствиям. Поэтому представители еврейской общественности, не желавшие потрясений для своего народа, стремились найти компромисс с Властью.

Разумеется, это крайне не устраивало еврейских финансистов революции, как зарубежных, так и отечественных. Договорённость Царя с раввинатом грозила вырвать у них доминирующее положение в среде еврейской молодёжи. Особое беспокойство вызвало у определённой части еврейства ограничение Правительством перехода евреев из иудаизма в христианство, так как нередко были случаи, когда евреи переходили в христианство, преследуя корыстные цели. Теперь духовенству было строго предписано не крестить евреев без особого разрешения и достаточного убеждения в том, что побудительными мотивами крещения являются религиозные, а не практические соображения^[398].

Среди еврейских купеческих домов стали распростра-

няться слухи, что Столыпин готовит для них новые ограничения. Начальник Лифляндского губернского жандармского управления на основании агентурных сведений докладывал в Департамент полиции 16 сентября 1911 г., что *«частью еврейского населения распространён слух, что будто бы убийство премьер-министра Столыпина организовано богатыми еврейскими коммерсантами-купцами, с целью помешать осуществлению законопроекта Столыпина о “введении нормы еврейской торговли”, “об ограничении от евреев приема торговых векселей” и о “черте оседлости”»*^[399].

Ничего подобного Правительством не готовилось, но даже если бы и готовилось, то устранение Столыпина ничего бы коренным образом для еврейских коммерсантов не изменило. При детальном изучении обстоятельств покушения на Столыпина становится все более вероятным, что готовилось покушение не только, а может даже не столько на него, но и на самого Государя.

Между тем Николай II придавал очень важное значение встречам с еврейской духовной общественностью. В соответствии с программой визита еврейская делегация должна была дважды встретиться с Царём: 29 августа 1911 г., во время торжественного приема в Мариинском дворце, и 30 августа, во время парада и официального представления Императору Николаю II различных делегаций. Кроме того, при посещении Государем Чернигова также планировалась встреча с местными раввинами.

При своем приезде в Киев Николай II был встречен раввинами А. Б. Гуревичем и Я. М. Алешковским, которые с выражением верноподданнических чувств преподнесли ему священную Тору. Гуревич обратился к Государю со словами: *«Ваше Императорское Величество, Всемиловитейший Государь! Еврейское население г. Киева бесконечно счастливо возможностью повергнуть в нашем лице к стопам Вашего Величества живейшее выражение беспредельных верноподданнических чувств, воодушевляющих нас вместе со всеми народами Великой необъятной России. В каждом еврейском молитвенном доме, будь то прекрасная хоральная синагога в шумной столице, будь то скромная обитель-молельня в глухом еврейском местечке, – мы, евреи, каждую субботу неизменно возносим горячие молитвы к небесам, моля Всевышнего о здравии, благоденствии и благополучии Вашего Императорского Величества и всего Царствующего Дома. Мудрый Царь Соломон завещал нам: “Молитесь за благоденствие вашей верховной власти”, а пророк Иеремия в своем послании к своим единоверцам пишет: “...постарайтесь о мире той страны, куда Господь Бог вас поселил, и молитесь о ее благоденствии, ибо в её мире – ваш мир, а её благо – ваше благо”»*^[400].

После этого раввин А. Б. Гуревич преподнёс Государю свиток Торы и прибавил следующее: *«Осчастливьте, Всемиловитейший Государь, принять от нас вечную свидетельницу наших молитв, самое святое, ценное и дорогое в нашей*

жизни – св. Тору»^[401].

30 августа, во время торжественного крестного хода Императора Николая II вокруг памятника Александру II, в стоящие на площади «шпалеры» не были допущены учащиеся евреи и мусульмане. Это вызвало сильный гнев Государя. Столыпин заявил киевскому губернатору А. Ф. Гирсу: *«Его Величество крайне этим недоволен и повелел мне примерно взыскать с виновного. Подобные распоряжения, которые будут приняты как обида, нанесенная еврейской части населения, нелепы и вредны. Они вызывают в детях национальную рознь и раздражение, что недопустимо, и их последствия ложатся на голову Монарха»*^[402]. Виновный в случившемся попечитель Киевского учебного округа тайный советник П. А. Зилов был уволен от службы.

Общее руководство охраной Государя и сановников было возложено на товарища министра внутренних дел, командира корпуса жандармов генерал-лейтенанта П. Г. Курлова. Ему помогал опытный помощник – начальник Дворцовой охранной агентуры полковник А. И. Спиридович. На счету полковника было немало раскрытых политических преступлений. Спиридович заведовал охранной агентурой, подведомственной дворцовому коменданту.

Наибольшее внимание уделялось безопасности Императора Николая II. Охранное отделение из разных источников располагало оперативной информацией, что во время пребывания в Киеве на Государя или Столыпина готовится по-

кушение. В Департаменте полиции были *«получены сведения об образовании нескольких боевых групп эсеров, причем общее руководство группами взял на себя Борис Савинков. Решено было организовать покушение на жизнь Священной особы Государя Императора, или на жизнь статс-секретаря Столыпина»*^[403].

Но наиболее тревожную информацию сообщил молодой помощник присяжного поверенного Д. Г. Богров, который являлся секретным агентом Киевского охранного отделения. Офицер этого отделения, на связи с которым был Богров, оценивал агента как проверенного и ценного секретного сотрудника. Агентурным псевдонимом Богрова был «Аленский». По имеющей информации, Богров в конце 1908 г. принадлежал к киевской группе анархистов-коммунистов^[404]. Через несколько месяцев, разочаровавшись в анархистах, Богров добровольно предложил свои услуги Киевскому охранному отделению. В 1910 г. в связи с тем, что в подпольных кругах распространились подозрения в провокаторстве Богрова, он временно прервал отношения с полицией, но в июле 1910 г. возобновил их^[405].

Уже после убийства Столыпина Богров рассказал на допросе, что примерно год назад в Петербурге он встречался с неким Николаем Яковлевичем. Знакомство завязалось через присяжного поверенного С. Е. Кальмановича и журналиста Е. Е. Лазарева, известных своими связями с партией эсеров. Им Богров выдавал себя за революционера, однако

на самом деле выполнял задание начальника Петербургского охранного отделения полковника М.Я. фон Коттена. После встречи с Лазаревым в Петербурге Богров уехал в Киев. Туда вскоре к Богрову приехал Николай Яковлевич. Он попросил подыскать в Киеве конспиративную квартиру для трёх человек и моторную лодку для проезда по Днепру. Из его намеков Богров понял, что готовится покушение на одного из сановников. Об этих своих сведениях Богров сообщил начальнику Киевского охранного отделения Кулябко. Полковник А. И. Спиридович вспоминал, что рассказ Богрова вызывал *«у нас всех впечатление о серьёзности сообщенных им сведений, а также в том, что разоблачаемый им террористический акт должен коснуться личности Государя Императора»*^[406]. В дальнейшем было установлено, что на самом деле единственным террористом был сам Богров. Как было указано в материалах следствия, *«отлично понимая, что для осуществления задуманного им преступления могут оказаться полезными связи его с охранным отделением и доверие, всегда оказываемое ему подполковником Кулябкой, Богров решил возобновить с ним сношения, измыслив рассказ о готовящемся будто бы покушении на министров Столыпина и Кассо»*^[407].

О сообщениях Богрова доложили товарищу министра внутренних дел генералу П. Г. Курлову, который распорядился начать проверку сведений Богрова. Был разработан план на случай появления террористов в Киеве. За домом

Богрова установили наружное наблюдение.

31 августа 1911 г. Богров позвонил в Охранное отделение и сообщил, что ночью приехал Николай Яковлевич и остановился у него на квартире. Наружное наблюдение ничего не заметило, так как филеры дежурили только днём. Богров уточнил, что объектом покушения выбран Столыпин или министр народного просвещения Л. А. Кассо^[408]. При этом Богров сообщил, что террористы имеют сообщников в Департаменте полиции^[409].

По приезде в Киев 25 августа 1911 г. П. А. Столыпина генерал Курлов счёл нужным предупредить его об опасности. Однако Столыпин не разделял тревоги и, как вспоминал Курлов, *«высказал по поводу доложенных сведений о злоумышленниках, что все это несерьёзно и что, даже если бы была найдена бомба, он не поверил бы этому»*^[410].

1 сентября 1911 г. программа торжеств была расписана очень плотно, и в 16 часов высокопоставленные гости отбыли на ипподром, где состоялся смотр «потешных» и скачки на Императорский приз. В 20 часов скачки закончились, а в 21 час начался съезд в городской театр на оперу «Сказка о царе Салтане». Были приняты дополнительные меры по обеспечению безопасности. П. А. Столыпину в этот день вместо конного экипажа был подан автомобиль, который, не привлекая внимания, проехал к боковому подъезду театра. Киевский губернатор А. Ф. Гирс вспоминал, что он облегченно вздохнул, когда сановники оказались в здании теат-

ра: «За театр можно было быть спокойным, так как та публика, которую предложено было допустить туда, была строго профильтрована»^[411].

Зрительный зал и подсобные помещения были тщательно проверены задолго до спектакля. Согласно акту осмотра, жандармы вскрывали пол, осмотрели бархатную обшивку барьеров и даже хрустальную люстру на предмет, не подпилена ли она злоумышленниками. В театр допускали по именным билетам. Далеко не все местные начальники были удостоены приглашения. Но в числе «профильтрованной публики» оказался Богров. Вопрос о том, как он добился билета в театр, крайне запутан. Впоследствии Богров заявлял, что он лишь ухватился за предложение начальника Охранного отделения. Подполковник Кулябко утверждал, что билет был выдан по просьбе самого агента с разрешения генерала Курлова и его помощников. Однако товарищ министра говорил, что не подозревал о присутствии секретного агента в театре. После этого Кулябко изменил свои первоначальные показания, пояснив, что он, возможно, превратно истолковал слова шефа. Но самое главное заключалось в том, что никто не мог вразумительно объяснить не только с чьего разрешения, но и с какой целью был выдан билет. Богров сказал жандармам, что террористы дали ему прежнее задание – выяснить приметы министров. Нелепость этого была очевидна, так как портреты Столыпина продавались на любом перекрестке.

Задним числом Кулябко рассказал о ходе своих рассуждений: *«У меня мелькала мысль, не есть ли поручения эти простой отвод Богрова, что, услав его в театр под видом наблюдения, они могут совершить покушение помимо него»*^[412]. Поэтому Богрову дали инструкцию следить за залом и в случае опасности предупредить жандармов. Это было еще более нелепое объяснение, поскольку единственный террорист, которого Богров знал в лицо, был Николай Яковлевич, оставшийся в доме Богрова в плотном кольце филеров.

Примерно за час до начала спектакля из охранного отделения Богрову доставили билет № 406 в 18-м ряду партера. Допустив своего агента в театр, начальник Охранного отделения нарушил циркуляр Департамента полиции от 3 октября 1907 г., запрещающий использовать секретных сотрудников для наружного наблюдения. Кроме того, он грубо нарушил Инструкцию об охране Высочайших особ, согласно которой осведомители не допускались в места присутствия Государя Императора. Надо сказать, что, нарушая правила, подполковник Кулябко следовал сложившемуся в Охранном отделении шаблону. В первом антракте Кулябко отослал Богрова домой посмотреть, не исчез ли Николай Яковлевич. Богров вернулся с сообщением, что его гость на месте. Наружная охрана не хотела пропускать Богрова в театр, так как его билет был использован, но вмешался Кулябко и, взяв своего агента под руку, провел его в зал.

В антракте Богров подошёл к Столыпину, который раз-

говаривал возле оркестровой ямы с министром Императорского Двора бароном В. Б. Фредериксом и графом И. А. Потоцким, и несколько раз выстрелил в премьера. По словам киевского губернатора А. Ф. Гирса, *«Пётр Аркадьевич как будто не сразу понял, что случилось. Он наклонил голову и посмотрел на свой белый стюртук, который с правой стороны под грудной клеткой уже заливался кровью. Медленными и уверенными движениями он положил на барьер фуражку и перчатки, растянул стюртук и, увидя жилет, густо пропитанный кровью, махнул рукой, как будто желая сказать: "Все кончено!" Затем он грузно опустился в кресло и ясно и отчетливо, голосом, слышимым всем, кто находился недалеко от него, произнес: "Счастлив умереть за Царя"»*^[413].

Однако перед тем как выстрелить в Столыпина, Богров подошел к Царской Ложе и пристально посмотрел на Государя. Воспитательница Великих Княжон С. И. Тютчева, в момент покушения находившаяся в ложе, соседней с Царской, вспоминала: *«Вдруг я увидела, что в проходе между рядами кресел появился какой-то человек, посмотрел на Царскую Ложу (позднее я узнала, что Великая Княжна Ольга убедила Государя выпить чаю, и они перешли в аванложу) и спешно подошел к группе у рампы»*^[414]. По заключению следствия, Богров не стал стрелять в Государя *«исключительно из-за боязни вызвать этим еврейский погром»*^[415].

Государь позже описал происшедшее в письме к Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне: *«Ольга и Та-*

тъяна были со мной тогда, и мы только что вышли из ложи во время второго антракта, так как в театре было очень жарко. В это время мы услышали два звука, похожие на стук падающего предмета; я подумал, что сверху кому-нибудь свалился бинокль на голову, и вбежал в ложу. Вправо от ложи я увидел кучу офицеров и людей, которые тащили кого-то, несколько дам кричало, а прямо против меня в партере стоял Столыпин. Он медленно повернулся лицом ко мне и благословил воздух левой рукой. Тут только я заметил, что он побледнел и что у него на кителе и на правой руке кровь. Он тихо сел в кресло и начал расстегивать китель. Фредерикс и профессор Рейн помогали ему. Ольга и Татьяна вышли за мною в ложу и увидели всё, что произошло. Пока Столыпину помогали выйти из театра, в коридоре рядом с нашей комнатой происходил шум, там хотели покончить с убийцей; по-моему, к сожалению, полиция отбила его от публики и увела его в отдельное помещение для первого допроса»^[416].

Поведение Царя в тот момент очевидцами воспринималось как предельно мужественное. Никто не знал, сколько террористов находилось в театре. Николай II, выйдя на видное место, чтобы успокоить зал и остановить начинавшуюся панику, стал удобной мишенью. С. И. Тютчева вспоминала: «В зале поднялся шум, крики, требования гимна. Государь вышел из аванложи, девочки старались его удержать, я тоже сказала: “Подождите, Ваше Величество”. Он мне отве-

тил: “Софья Ивановна, я знаю, что я делаю”. Он подошел к барьеру ложи. Его появление было встречено криками “ура” и пением гимна»^[417].

Опасался за жизнь Монарха и раненый П. А. Столыпин, который «увидев Государя, вышедшего в ложу и ставшего впереди, <...> поднял руки и стал делать знаки, чтобы Государь отошел. Но Государь не двигался и продолжал на том же месте стоять, и Пётр Аркадьевич, на виду у всех, благословил его широким крестом»^[418].

Один из очевидцев вспоминал о первых минутах после покушения: «Когда унесли Столыпина, весь театр запел гимн и “Спаси, Господи, люди Твоя”. Крестились, крестили Государя, протягивали к нему руки. Государь стоял один, без дочерей, у самой рампы ложи грустный, сосредоточенный и бесконечно спокойный. Если бы в театре были сообщники, то было бы очень опасно. У всех нас явилось чувство, что он стоит под огнём. Взглядом он держал всех нас, отвечал всем нам, оборачиваясь ко всем. Паники не было – была молитва, и театр обратился в храм, и Государь был Царём»^[419]. Сразу же после исполнения гимна Николай II уехал, а спектакль был прекращён.

Между тем молва, что Богров хотел убить Государя и что в театре находился сообщник убийцы, быстро охватила общество. Уже на следующий день, 2 сентября 1911 г., полиция перехватила письмо неизвестного респондента князю Л. В. Яшвилю, в котором с возмущением говорилось, что

«выкреста пропустили в 7 ряд, зная с утра, что готовится покушение, говорят, на Государя»^[420]. В другом письме утверждалось: «Преступника допросили в театре, и он сознался, что имел намерение убить Государя. Но побоялся еврейского погрома, который был обещан “союзниками”^[421] в случае малейшей попытки к покушению, и вот он ограничился покушением на Столыпина. Это похоже на правду, так как он имел полную возможность произвести покушение на Столыпина, когда он гулял по городу без охраны, для этого ему не нужно было вовсе стараться проникнуть в театр»^[422]. Еще одно перехваченное письмо из Киева 4 сентября 1911 г.: «Богров держал себя в высшей степени вызывающе, говорит, что предпочел бы убить Государя, но трудно было к нему подойти и страшно было вызвать погром, а за Столыпина громить не станут»^[423].

20 сентября 1911 г. Ф. Д. Ключев в правой юдофобской газете «Гроза» поместил статью с громким названием: «Покушение на Государя Императора». В ней утверждалось: *«Жид Мордка был в театре не один, а с другом. Мордка два раза проходил мимо Государевой ложи; Мордка, выйдя из театра, осматривал Царский подъезд. Когда настал решительный момент, то Провидению угодно было, чтобы обстоятельства сложились так, что стрельба по Государю была бесполезной. Мордка почувствовал, что маленьким револьвером, при понятном волнении, неизбежной торопливости и отдалении от Государя почти невозможно попасть в*

Него. Момент лично для Мордки был пропущен и наступила вторая часть адской мелодрамы. Мордка, доигрывая второстепенную роль, и спасая свою шкуру, стрелял по Столыпину, надеясь в суматохе ускользнуть. Жид надеялся, что, как и 1 марта^[424], Государь по своему необычайному великодушию неосторожно подойдет к раненому Столыпину. Тогда наступал второй момент, ибо “друг” Мордки в толпе получал возможность действовать. Но Провидению угодно было спасти Помазанника Божия»^[425]. Хотя изложенные в статье факты не имели подтверждения в материалах следствия, они точно отражали настроение большей части общества: евреи хотели убить Царя.

Первая пуля ранила Столыпина в руку, вторая, ударившись об орден Святого Князя Владимира, изменила траекторию и задела печень. Врачи находили положение тяжёлым, но не безнадёжным. Между тем положение Столыпина было крайне тяжёлым с самого начала, так как пуля была разрывной и нанесла серьёзное разрушение печени.

Расхожие представления о том, что Император Николай II якобы равнодушно отнёсся к ранению Столыпина и его смерти, опровергаются имеющимися фактами. Один из очевидцев, видимо из лиц, бывших в окружении Царя, писал в частном письме: «Бедный Государь – прямо святой мученик, так его расстроила утрата этого колосса. Едва ли найдется ему заместитель равный по уму, опыту, знанию дела, твердости и направлению с национальным девизом»^[426].

До сих пор бытует ложная версия, что Царь не посещал раненого премьера в больнице. В опровержение этого губернатор А. Ф. Гирс свидетельствует: «*2-го сентября Государь ездил в Овруч. По выходе из дворца Его Величество объявил, что желает навестить Столыпина. Царский автомобиль направился на Мал. Владимирскую. При входе в лечебницу Государь спросил встретивших Его врачей, может ли Он видеть Петра Аркадьевича. На это старший врач ответил, что свидание с Его Величеством взволнует больного и может ухудшить его состояние, о чем он откровенно докладывает по долгу врача и верноподданного. Узнав, что в лечебнице находится только что прибывшая из Ковенского имения супруга П. А. Столыпина – Ольга Борисовна, Государь пожелал её видеть и ненадолго прошел к ней в приемную*»^[427].

С. И. Тютчева вспоминала о своём разговоре с Императором о смерти Столыпина, состоявшемся после отъезда из Киева: «*“Да, ужасно, ужасно!” – воскликнул он и рассказал мне, что дважды заезжал в больницу в надежде видеть Столыпина, с которым хотел лично поговорить, но его не пустили к нему. “Я думал, что это распоряжение врачей и потому не настаивал, а позже узнал, что это был каприз Ольги Борисовны”. Он сказал ещё, что когда после панихиды он подошел к ней, чтобы выразить свое сочувствие и поцеловать ее руку, она приняла какую-то театральную позу и, указав на тело своего мужа, сказала: “Ваше Величество – Сусанины не перевелись на Руси”. – “Это было неестествен-*

но и деланно”, – заключил Государь и пожалел, что не имел свидания с Петром Аркадьевичем, который, по словам Ольги Михайловны, желал этого»^[428].

Следует также иметь в виду, что почти до последнего дня врачи не могли определить, насколько тяжело ранен Столыпин. Его дочь М. П. Бок пишет: *«Государь также не верил серьёзности положения. Его уверял доктор Боткин в противном, почему Государь и продолжал программу торжеств»*^[429].

Не только Е. С. Боткин, но и другие врачи до 4 сентября, когда наступило резкое ухудшение, не подозревали, насколько сильно были задеты внутренние органы. Это видно из медицинских бюллетеней о состоянии здоровья П. А. Столыпина. Утром 3 сентября медиками сообщалось: *«По исследованию мочи предполагают, что печень задета слегка»*^[430]. Днем 3 сентября: *«Здоровье министра лучше. Профессор Грейдлер очень доволен его видом. Врачи, осмотрев больного, высказали мнение, что в настоящее время есть девяносто процентов за то, что осложнения не будет»*^[431]. В полдень 4 сентября (за день до смерти!): *«Положение без перемен. Температура нормальная. Самочувствие удовлетворительное»*^[432]. Только в 16 час. 11 мин. 4 сентября вышел первый грозный бюллетень: *«Положение министра очень серьёзное»*^[433]. Поздно вечером поступила лаконичная телеграмма, не оставлявшая никаких надежд: *«Положение безнадёжно»*^[434].

4 сентября умирающий премьер исповедовался, причастился. 5 сентября 1911 г. в 22 часа 12 минут П. А. Столыпин скончался. М. П. Бок вспоминала: *«Государь вернулся из Чернигова в Киев 6 сентября рано утром и прямо с парохода поехал в больницу. Он преклонил колена перед телом своего верного слуги, долго молился, и присутствующие слышали, как он много раз повторил слово: “Прости”. Потом была отслужена в его присутствии панихида»*^[435]. В дневнике от 6 сентября Николай II записал: *«В 9 ¼ подошли к пристани в Киеве. Тут только узнал о кончине П. А. Столыпина вчера вечером. Отправился прямо в лечебницу, в кот. [оторой] он лежал и где была отслужена панихида»*^[436].

Почти демонстративная принадлежность Богрова к еврейству должна была сорвать наметившийся возможный компромисс между Императором и его иудейскими подданными. Не случайно после убийства Столыпина все ожидали еврейских погромов, а сами евреи массово покидали Киев. Н. В. Тальберг писал 5 сентября Н. В. Поливанову в Симбирскую губернию: *«Негодование царит во всех слоях общества. Все возмущены, как самим преступлением, так и тем, что это нарушило редко радостное настроение, вызванное царским приездом. Были уже попытки погрома. Говорят, что войска во главе с офицерами открыто заявляют, что они не будут прекращать погрома. Начался повальный отъезд жидов»*^[437]. Начальник Киевского охранного отделения подполковник Н. Н. Кулябко докладывал в Департамент по-

лиции: *«В связи с <...> покушением на жизнь премьер-министра статс-секретаря Столыпина с 6-го сего сентября ожидается еврейский погром, о чём для принятия предупредительных мер сообщено местной полиции»*^[438]. 3 сентября 1911 г. в перлюстрированном полицией письме некая Со-ня писала в страхе своей подруге Б. М. Барской: *«Вчера ночью мы узнали, что Столыпин ранен. Вообрази, какие могут быть теперь последствия! Сделал это один из наших. Уму непостижимо!»*^[439]

Киевские евреи были уверены, что погром *«безусловно, будет, только вопрос, когда, может завтра с утра, а, вернее, после похорон Столыпина»*^[440]. Профессор В. Н. Перетц писал А. А. Шахматову в Петербург: *«Ждем погрома 8-го. Говорят, грабежей не будет, будут убивать. Об этом говорят открыто лавочники, базарная толпа... И в истории многострадальной родины нашей впишется еще одна кровавая страница»*^[441].

Однако все эти страхи не подтвердились. Никаких погромов не было. Государь их не допустил. Тем не менее возможность договориться с раввином об объединении усилий против революции была упущена.

Дело Богрова было передано из окружного суда, который иногда проявлял снисхождение даже к участникам террористических актов, в военно-окружной суд, от которого нечего было ждать пощады. Суд начался 9 сентября 1911 г. при закрытых дверях в Косом Капонире Печерской военной кре-

пости, где Богров содержался под следствием. Богров был признан виновным в преднамеренном убийстве Председателя Совета министров П. А. Столыпина и приговорен к смертной казни. 12 сентября 1911 года он был повешен.

П. А. Столыпин был похоронен в Киево-Печерской лавре. Новым председателем Совета министров Император Николай II назначил графа В. Н. Коковцова.

Открыто радовались покушению на Столыпина социалистические газеты Франции и Италии. Причем убийство Столыпина неразрывно связывалось с грядущим убийством Императора Николая II. *«А теперь, Николай, – писал в L'Humanité Ж. Жорес, – великий всероссийский убийца, – твой черед!»*^[442] Ему вторил редактор итальянской социалистической газеты *Avanti*, ученик будущего секретаря Коминтерна и сподвижницы Ленина социалистки А. И. Балабановой Бенито Муссолини: *«Мрачный, злоеющий, кровавый Столыпин заслужил свою судьбу. Русский пролетариат торжествует и ждет, когда будут рассыпаны кости батюшки-царя, чьи руки обгажены кровью...»*^[443]

Вся же думающая верноподданная Россия скорбела по ушедшему премьеру. Пока Столыпин еще боролся со смертью, люди надеялись на его исцеление. Когда же рука смерти закрыла глаза Петра Аркадьевича, наступило понимание того, что из жизни ушел один из последних русских бояр, рухнул один из редких тогда уже исполинов, коих так много рождала раньше Русская земля. Оценивая роль Столыпина

на, В. В. Розанов писал: *«Что ценили в Столыпине? Я думаю, не программу, а человека; вот этого “воина”, вставшего на защиту, в сущности, Руси. Вся Русь почувствовала, что это ее ударили»*^[444]. Как всякий политик, Столыпин мог ошибаться, недорабатывать, спешить. Но дорог он сердцу русского народа не за свои политические успехи. Дорог он своим честным, горячим, бескорыстным сердцем, в котором любовь к Царю и России слились воедино. Во имя этого идеала он был готов принести себя в жертву: *«Рад умереть за Царя»*, – сказал смертельно раненный Столыпин. Эти его слова удивительным образом перекликаются с образом костромского крестьянина, который за 300 лет до этого отдал свою жизнь за Царя, положив конец Смутному времени. Но, в отличие от подвига Ивана Сусанина, убийство Столыпина стало первым предвестником надвигающегося нового смутного времени. Когда-то Столыпин сказал своей дочери: *«Родина требует себе служения настолько жертвенно-чистого, что малейшая мысль о личной выгоде омрачает душу и парализует всю работу»*^[445]. В этом и заключается главный завет П. А. Столыпина.

Глава 5. Балканский узел

Боснийский кризис стал тревожным сигналом для России. Стало ясно, что Австро-Венгрия и стоящая за ней Германия твёрдо встали на путь эскалации военной напряжённости. *«После Боснийского кризиса, и военным, и дипломатам, и царскому правительству было ясно, что Германия никогда не допустит войны один на один России и Австро-Венгрии и царским войскам придётся противостоять армиям обоих государств»*^[446].

Возникала реальная угроза утверждения Австро-Венгрии на Балканах, захвата ею Босфора и Дарданелл. Россия этого допустить не могла. *«Поперек австро-германских путей, – отмечал генерал А. И. Деникин, – стояла Россия, с её вековой традицией покровительства балканским славянам, с ясным сознанием опасности, грозящей ей самой от воинствующего пангерманизма, от приближения враждебных сил к морям Эгейскому и Мраморному, к полуоткрытым воротам Босфора»*^[447].

В этих условиях Император Николай II предпринял попытку отколоть Италию от Тройственного союза. Готовя аннексию Боснии и Герцеговины, Эренталь обманул не только одного А. П. Извольского. Второй его жертвой стал министр иностранных дел Итальянского королевства Томмазо Титтони. Во время переговоров с Титтони в Зальцбурге австрий-

ский министр ввёл последнего в заблуждение, точно так же, как в своё время Извольского в Бухлау. Эренталь утверждал, что в Зальцбурге он получил от Титтони согласие на аннексию Боснии и Герцеговины. Возмущённый итальянский премьер писал Эренталю: *«При наших переговорах в Зальцбурге Вы <...> не сообщили мне о вашем намерении осуществить аннексию. Я не считал её ни вероятной, ни близкой и поэтому не высказывался на этот счёт»*^[448].

Государь учитывал, что у Италии и у России имеется общая цель – не допустить дальнейшего продвижения Австро-Венгрии на Балканах. России было важно обезопасить Проливы, а Италии – присоединить к себе в Африке Триполитанию, в Европе – Албанию, на которую Вена имела виды, а также Триест и Трентино, входившие в состав Австро-Венгрии. Таким образом, налицо был предлог для конфликта между Римом и Веной. Государь не преминул этим воспользоваться.

«Сближение России с Италией, – писал А. П. Извольскому посол в Берлине Н. Д. Остен-Сакен, – произошло самым естественным образом. Его ускорило присоединение Боснии и Герцеговины. Не случись этого факта, сближение всё равно имело бы место только несколько позже»^[449].

Кроме обиды на Австрию, Италия была недовольна также и политикой Берлина, который весьма прохладно относился к планам Италии отвоевать у Османской империи Ливию. Поэтому Рим хотел получить от Петербурга гарантии ней-

тралитета в своей будущей войне с Турцией.

Исходя из этого, Николай II рассчитывал, что соглашение России с Италией могло затруднить дальнейшую для Австро-Венгрии возможность придерживаться на Балканах политики экспансии.

Переговоры русских и итальянских дипломатов создавали предпосылки для организации визита императора Николая II в Италию. Царь хотел встретиться с королём Виктором-Эммануилом III и закрепить общий политический курс России и Италии на Балканах. Встреча с итальянским королём должна была носить демонстративно антиавстрийский характер. В конфиденциальном разговоре с британским послом Извольский утверждал, что Государь был сильно оскорблен действиями Австро-Венгрии в начале года и что он не желал проезжать через территорию этой страны. 27 сентября 1909 г. Николай II писал Вдовствующей Императрице: *«Поездка выходит длинная, но иначе нельзя, так как я ни за что не проеду через Австрию»*^[450].

10/23 октября 1909 г. Императорский поезд остановился на вокзале итальянского города Раккониджи, где находилась резиденция короля Италии. Корреспондент газеты «Новое Время» сообщал из Италии в те дни: *«Погода превосходная. В городе царит радостное настроение. В час двадцать восемь минут Императорский поезд подходит к дебаркадеру. Государь Император при выходе из вагона приветствуется королем. Встреча носит самый сердечный характер.*

Монархи облобызались. После приветственной речи мэра и представления должностных лиц монархи вышли на перрон вокзала. В занятый войсками вокзал были допущены лишь журналисты, которым и удалось первыми прокричать ура в честь Царя. В экипажах Царский кортеж проследовал в замок. Население настроено восторженно. Город улыбается. Приняты чрезвычайные меры охраны, оказавшиеся совершенно излишними»^[451].

Посещение Николаем II Италии длилось два дня, в ходе которых он определил с королем главные направления взаимодействия двух стран на Балканах, а Извольский и Титтони обсудили технические стороны предстоящего соглашения. Извольский заявил Титтони о своем недоверии к Вене и высказал опасение, что она, освободившись от внутренних раздоров, может проявить стремление двинуться дальше к югу. Он объяснил, что Россия проявила стремление сохранить территориальный status quo на Балканском полуострове, а также привести различные балканские государства к взаимному соглашению. Титтони согласился на содействие Италии поддержанию территориального status quo. Извольский считал, что уверения, которые он получил от Титтони, стоили длинного путешествия по железной дороге до Раккониджи. Обе страны обещали «благожелательно относиться» к интересам друг друга.

В достигнутом соглашении обе стороны обязались сохранять status quo на Балканах и обеспечивать независи-

мое существование малых стран региона. Стороны обязались также не заключать новых соглашений по делам Европейского Востока без привлечения к этому друг друга. Россию и Италию объединяло отрицательное отношение к австро-германской экспансии на Балканах. Российская дипломатия делала упор на защиту прав малых стран региона.

Следующий важный аспект соглашения касался Турции. Титтони обещал Извольскому благожелательное отношение своего правительства к русским интересам в вопросе о Проливах в обмен на аналогичное обязательство по отношению к итальянским интересам в Триполи и Киренаике.

Соглашение в Раккониджи было весьма значимо для России. Фактически можно было говорить о создании итало-русского союза, направленного против Турции и Австро-Венгрии, и это при том, что Италия оставалась членом Тройственного союза! Русско-итальянское сближение, дополняя франко-итальянское, отдаляло Рим от Тройственного союза и приближало его к Антанте. Важное значение имело установление добрых отношений между двумя монархами. Король Виктор-Эммануил позже писал Царю: *«Твой визит в Раккониджи мы вспоминаем с таким удовольствием и часто думаем о прекрасных днях»*^[452]. Посол России в Риме князь Долгорукий сообщал Извольскому 27 октября/9 ноября 1909 г.: *«Приезд Государя Императора в Раккониджи, являясь событием в международной жизни, вызвал многотысячные отзывы итальянской прессы, судя по которым,*

встреча русского Императора с королём Италии произвела радостное впечатление во всех слоях населения»^[453].

Николай II добился от короля согласия на создание большого православного центра в Бари, где покоятся мощи Святителя Николая. 12 мая 1911 г. в рамках Императорского Палестинского Православного Общества был учрежден Барградский комитет под Высочайшим покровительством Императора Николая II, внесшего 10 тыс. рублей. Виктор-Эмануил писал Государю: *«Я только что получил сведения от городских властей Бари, по поводу гостиницы для русских паломников, которые приезжают к нам для поклонения гробнице Святого Николая, епископа Мирликийского. Я лично займусь этим делом, о котором ты меня просил, и сделаю всё от меня возможное»*^[454]. В октябре 1911 г. королевским декретом было дано разрешение на строительство в Бари русского подворья и храма. 30 мая 1912 г. общий проект подворья был представлен его автором архитектором А. В. Щусевым Императору Николаю II и им одобрен. 22 мая (в день перенесения мощей Святителя Николая) 1913 г. состоялась торжественная закладка подворья. На строительный участок, украшенный государственными флагами России и Италии, прибыли городской глава Бари и президент провинции Апулии (католическое духовенство в церемонии закладки участия не приняло, как прежде во Флоренции). Была получена телеграмма от Государя, в которой он благодарил итальянские власти и строителей и желал *«успешного*

окончания постройки храма»^[455]. С началом Первой мировой войны строительство подворья не прекращалось и было завершено к двадцатым годам XX в.

12 октября 1909 г. Николай II выехал из Раккониджи. *«Отбытие Государя Императора, – сообщала газета «Новое Время», – совершилось при восторженной манифестации населения. Русский Государь и король Италии были видимо тронуты взрывом народного восторга по их адресу. Историческое свидание Монархов навсегда оставит блестящую страницу в русско-итальянских отношениях»*^[456].

Соглашение в Раккониджи можно считать успешным ответом германской дипломатии со стороны России. Это, конечно, не был реванш за Боснийский кризис, но серьёзный дипломатический выигрыш, который стал залогом того, что в августе 1914 г. Италия не вступила в войну вместе с Тройственным союзом, а, наоборот, в 1916 г. примкнула к Антанте.

Встреча в Раккониджи не осталась без внимания Берлина и Вены. Особенно неприятное впечатление она произвела в Австро-Венгрии. Князь Л. П. Урусов сообщал из Вены 14/27 октября 1909 г.: *«Свидание Его Императорского Величества с королём Виктором-Эммануилом в Раккониджи и проезд Государя Императора мимо австро-венгерской территории вызвал здесь, несомненно, сильную досаду»*^[457].

Между тем Николаю II было известно, что главный идеолог Боснийского кризиса, министр иностранных дел Авст-

ро-Венгрии граф Алоиз фон Эренталь, был противником каких-либо соглашений с Россией^[458]. Помощи ни от Франции, ни от Англии в обуздании Вены ждать не приходилось. Таким образом, в ближайшей перспективе России угрожала война в одиночку с Австро-Венгрией, причём война эта тут же бы обернулась войной и с Германией. Морской агент капитан 2-го ранга А. Н. Щеглов в своём донесении писал, что для России *«весьма важно иметь с собою для диверсии славянско-балканские государства»* на случай войны с Австро-Венгрией и Османской империей^[459].

Но Николай II видел роль славянских государств гораздо шире. Государь в целом поддерживал неославистское движение, зародившееся в конце XIX в. в Чехии и ставившее своей целью объединение славян перед угрозой германской экспансии. Николай II понимал, что идеи неославизма можно с успехом использовать на пользу как России, так и славянству, а кроме того для предотвращения европейской войны^[460]. Идея объединения балканских государств под эгидой России впервые нашла отражение в Особой записке статс-секретаря А. М. Безобразова, поданной им Государю в 1902 г. Это был пик развития Азиатской программы Императора Николая II, и поэтому Безобразов ставил вопрос об обеспечении «тыла» Российской Империи на Балканах. В записке утверждалось, что дружественный для России союз Балканских стран, в состав которого вошла бы и Турция, позволит Петербургу решить вопрос об использовании Про-

ливов мирным путем^[461].

В 1908 г. замыслом Николая II было примирение и объединение в военно-политический блок балканских славянских государств, что позволило бы России серьёзно влиять на политику Австро-Венгрии и Германии в регионе. В 1908 г. Государь открыто продемонстрировал свои симпатии неославистам, встретившись с основателем движения православным чехом Карелом Крамаржем, который передал Государю план создания Славянской империи под эгидой России. Николай II этот план в целом поддержал.

Осенью 1908 г., воспользовавшись тем, что Австро-Венгрия увязла в Боснийском кризисе, а Турция была крайне раздражена аннексией Боснии и Герцеговины, болгарский князь Фердинанд решил провозгласить Болгарию независимой державой. 18 сентября 1908 г. товарищ министра иностранных дел Н. В. Чарыков докладывал Императору Николаю II: *«Болгарский дипломатический агент сообщил мне следующее: во время пребывания в Пеште князя Фердинанда, болгарское правительство решило провозгласить Болгарию независимым королевством в близком будущем, может быть завтра или послезавтра. Выслушав от меня повторение категорического совета данного гофмейстером Извольским Станчову³, не предпринимать этого шага без согласия России под угрозой оставления Болгарии на произвол судьбы, [болгарский дипломат] осознал ошибочность этого ша-*

³ Димитр Станчов, министр иностранных дел Болгарии в 1906–1908 гг.

га, которое его правительство готовится сделать»^[462].

«Осознание» дипломатом ошибочности действий Софии не помешало 21 сентября/4 октября 1908 г. Совету министров во главе с князем провозгласить Болгарию независимым царством, а Фердинанда – «царём болгар». (В России и Европе Фердинанда долго предпочитали называть королём, а Болгарию – королевством.) С. Д. Сазонов отмечал, что принятие этого титула ясно свидетельствовало, что конечной целью Фердинанда является создание «великой Болгарии» от Чёрного моря до Эгейского, а то и до Адриатического, то есть Фердинанд хотел восстановление Болгарии в границах, определённых Сан-Стефанским договором 1878 г. Имеются сведения о том, что в самых смелых своих мечтах Фердинанд видел себя византийским императором, коронуемым в присоединённом к Болгарии Константинополе^[463].

Николай II считал время для провозглашения Болгарского царства неподходящим. Государь полагал, что обретение Болгарией независимости должно стать праздником всего славянского мира во главе с Россией, а не частным соглашением со злейшими врагами славянства – Австрийской и Турецкой империями. Несмотря на это, 8/21 апреля 1909 г. Николай II первым направил поздравительную телеграмму царю Фердинанду^[464].

Несмотря на то, что внешне Николай II проявлял к Фердинанду подобающее почтение как к главе иностранного государства, симпатий у русского Императора болгарский мо-

нарх не вызывал. Подозрительный и мнительный Фердинанд полагал, что от России можно ждать только вероломства. Будучи сам человеком коварным и склонным к интригам, он и в Государе видел несуществующее коварство и интриги против себя. Вернувшись в 1910 г. из Петербурга, где он находился с визитом, Фердинанд сказал посланнику России в Софии А. В. Неклюдову: *«Дорогой посланник, я просил Вас прийти ко мне, потому что мне необходимы Ваши познания, чтобы разобраться во впечатлениях, привезённых из Петербурга. Мне не удалось, по правде говоря, понять, кого там больше ненавидят: мой народ, моё дело или меня самого»*^[465]. К 1912 г. князь Фердинанд стал фактически единоличным правителем Болгарии.

В 1909–1910 гг. в Петербург состоялся ряд визитов балканских монархов. Самыми важными стали, безусловно, встречи Императора Николая II с болгарским царём Фердинандом. Болгария была самым сильным и большим государством на Балканах и от её позиции зависело очень многое. Николай II видел в Болгарии ведущее звено будущего Балканского союза. По воспоминаниям сопровождавшего болгарского царя в Петербурге премьер-министра Александра Малинова, министр иностранных дел Извольский передал ему, что Государь *«изъявил согласие, что Солоники войдут в границы будущей великой Болгарии»*^[466]. Однако Фердинанд не верил русским предложениям и позже под влиянием Венны от них фактически отказался.

Сближение с Болгарией встревожило сербское правительство. 24 февраля/9 марта 1910 г. в Петербург поспешил сербский король Петр I, который был встречен в русской столице самым торжественным образом. В официальных речах Царь подчёркивал преемственность вековых традиций русско-сербской дружбы, а сербский король – статус России как главной славянской твердыни^[467].

1/13 марта 1912 г. при поддержке России между Болгарией и Сербией было подписано двухстороннее союзническое соглашение. 16/29 марта 1912 г. такой же союз с Болгарией подписала Греция. Таким образом, под эгидой Императора Николая II был создан Балканский союз, который имел все возможности стать действенным инструментом по сдерживанию Австро-Венгрии. «Балканская Антанта», сохрани её члены согласие друг с другом, не позволила бы Вене совершить агрессию в отношении Сербии. В значительной степени снижался бы и риск мировой войны, так как на стороне России и Франции в непосредственной близости от границ Австро-Венгрии появлялась мощная сила. Поэтому образование Балканского союза вызвало в Берлине и Вене сильное раздражение: баланс сил на Балканах явно склонялся в пользу России. Наличие Балканского союза и усиление Сербии и Черногории вынуждали Вену держать на южном направлении большое количество войск, что ослабляло армию в Галиции на границе с Россией. Примечательно, что, приветствуя создание Балканского союза, русская дипломатия пре-

дупреждала его участников, что Императорское Правительство *«от всего сердца желало бы видеть осуществление союза»*, но решительно предостерегает их *«против всякого по-ползновения придать этому союзу характер наступатель-ный»*^[468].

Между тем балканские государства, идя на союзные соглашения друг с другом, стремились немедленно начать войну против Османской империи и за её счёт решить свои территориальные проблемы, заложенные ещё Берлинским конгрессом. Такая война была опасна для России, так как она грозила вылиться в большое европейское противостояние.

Сразу же после оформления Балканского союза между Болгарией, Сербией и Грецией глава болгарского коалиционного правительства Иван Евстиев Гешов направил к Императору Николаю II делегацию, которая должна была добиться одобрения войны союзных государств против Турции^[469].

Однако в Петербурге, на встрече с министром С. Д. Сазоновым, болгарской делегации было заявлено, что *«активное вмешательство Болгарии и неминуемое после этого осложнение общего положения на Балканах не встретило бы сочувствия в России ни у Правительства, ни в общественном мнении и что поэтому невероятно, чтобы в случае общего столкновения события сложились в пользу Болгарии»*^[470]. Николай II довёл до сведения Софии, что в союзном договоре должны отсутствовать все статьи наступательного свой-

ства.

Между тем усилия Вены и Берлина были сосредоточены на том, чтобы оторвать Болгарию от Сербии и России, рассорить между собой сербов и болгар. Австро-германские политики собирались разбить Балканский союз, создать для Сербии угрозу с тыла со стороны Болгарии. Николай II хорошо понимал это и пытался воздействовать как на Софию, так и на Белград, всячески отговаривая их от необдуманных действий, направленных на насильственное изменение существующего *status quo*.

Амбициозный монарх Болгарии Фердинанд Кобург мыслил исключительно интересами своего государства, весьма узко им понимаемыми. К тому же, в силу кровных и династических уз, он испытывал сильное тяготение к Германии и Австро-Венгрии.

Свержение правительства младотурок в июле 1912 г. сильно ускорило начало Первой Балканской войны. Анархия и мятежи, потрясавшие Османскую империю, давали повод Балканскому союзу надеяться на лёгкую победу. В этих условиях к нему поспешила присоединиться Черногория, которая неожиданно 25 сентября/8 октября 1912 г. объявила войну Турции, поставив своих балканских союзников и Россию перед свершившимся фактом. 18/31 октября 1912 г. вслед за Черногорией войну Турции объявили все другие государства Балканского союза.

Боевые действия развивались быстро и весьма успешно

для государств Балканского союза. Черногорцы заняли большую часть турецкой Албании, болгары и сербы разгромили турецкие войска и изгнали их из европейских пределов. 24 октября/6 ноября 1912 г. болгарская армия стояла в 45 км от Константинополя. Для России такое развитие событий грозило серьёзным ударом по своим геополитическим интересам. Петербург был готов к высадке крупного десанта в район столицы Османской империи, так как вступление болгарской армии в Стамбул лишало бы Россию надежды на приобретение Проливов. Русская дипломатия начала оказывать давление на Софию, убеждая её остановить свои войска и не входить в город. Впрочем, вопрос о вступлении болгар в Константинополь отпал сам собой: болгарская армия не смогла прорвать линию обороны турок у Чаталджи.

16/29 декабря 1912 г. в Лондоне начались мирные переговоры между Османской империей и Балканскими странами. Османская империя отдавала под контроль Балканского союза почти все свои европейские владения (кроме Константинополя и Албании, статус которой был оговорён позже), а также отказывалась от Крита.

Успехи балканских союзников в войне с Турцией вызывали в Вене сильное беспокойство. Посол рейха в Вене фон Чиршки сообщал: *«С беспокойством, в полной растерянности смотрят здесь на неожиданную победу славян и всюду задают один и тот же вопрос: что будет с Австрией? Некоторые утверждают, что после Турции настанет вре-*

мя Австро-Венгрии»^[471]. Не менее были напуганы и в Берлине. Канцлер Бетман-Гольвег заявил, что *«поражение Турции есть поражение и немцев»*^[472]. Австро-Венгрия объявила о мобилизации половины резервистов и начала сосредоточивать войска на границе с Россией, которая в ответ задержала демобилизацию 350 тыс. военнослужащих срочной службы^[473].

Отдав Балканскому союзу европейские территории, младотурецкое руководство, однако, подложило под Балканский союз мину замедленного действия. Хорошо зная нравы и аппетиты своих победителей, турки при заключении мира заявили, что делить завоёванное они предоставляют им самим. А каждый из победителей мечтал о своём государстве как обязательно о «великом»: Великой Болгарии, Великой Сербии, Великой Греции и даже о Великой Черногории. Между победителями начались горячие споры за ту или иную часть территории. Поэтому не успели высохнуть чернила под Лондонским мирным договором, положившим конец Первой Балканской войне, как тут же началась Вторая Балканская война, теперь уже между бывшими союзниками.

Уже в январе 1913 г. сербские газеты, принадлежавшие австрофильской партии либералов и тайной организации «Чёрная рука», развернули кампанию против сербо-болгарского союза. Правительство Николы Пашича упрекали в излишней уступчивости болгарам в территориальном вопросе. Поток «патриотической» пропаганды нарастал с каждым

днём. На требования России прекратить антиболгарскую истерию Пашич 19 апреля 1913 г. заверил посланника в Белграде Н. Г. Гартвига: *«Сербия не только не питает затаенных замыслов против Болгарии, но по-прежнему дорожит искренней дружбой с ней, являющейся залогом прочности Балканского Союза. Г-н Пашич указал, что при добросовестном и беспристрастном отношении к делу союзники сумеют прийти к примирительному результату, а на случай неудачи имеется другой выход – верховный арбитраж России»*^[474].

Тем временем такая же волна, только против Сербии, поднялась и в Болгарии. С обеих сторон выдвигались обвинения, псевдоисторические обоснования «исконных» прав, претензии на обладание Македонией. Болгария, бывшая во главе союза Балканских государств и вынесшая на своих плечах основное бремя войны с Османской империей, претендовала на Македонию, а её заняли Сербия и Греция. Болгарские правящие круги стали требовать, чтобы сербские и греческие войска были выведены с тех македонских территорий, на которые распространялись их претензии. Сербия и Греция между тем заключили соглашение о совместной защите занятых территорий и их разделе между собой.

Николай II был категорическим противником распада Балканского союза. Его создание было большим дипломатическим успехом Петербурга, который стремился к урегулированию спора между Болгарией и Сербией мирным путем.

Признавая, что притязания Болгарии на Македонию имеют под собой географические и этнографические основания, Россия вместе с тем советовала болгарам пойти на уступки. Российский МИД предлагал немедленно созвать конференцию премьер-министров стран Балканского союза (Сербии, Черногории, Болгарии и Греции) и при посредничестве и арбитраже России (кстати, предусмотренном сербо-болгарским союзным договором 1912 г.) найти выход из сложившегося положения, способный устроить все заинтересованные стороны^[475].

Балканские войны ещё больше углубили противостояние на полуострове России и Австро-Венгрии. Вена стремилась максимально ограничить приобретения победителей, особенно сербов и черногорцев, ослабить, а по возможности и развалить Балканский союз, ставив его участников в борьбе за раздел отвоеванных у Турции территорий.

Цели России были прямо противоположны австрийским. Российская дипломатия стремилась в сотрудничестве со всеми государствами, заинтересованными в сохранении мира на Балканах, не допустить там одностороннего австрийского выступления, отстоять мирными дипломатическими средствами завоевания сербов, черногорцев, болгар и греков, не допустить развала Балканского союза.

Пока Петербург мучительно искал решение, как сохранить мир на Балканах, Австро-Венгрия и Германия делали всё, чтобы в этом регионе не появилась мощная союзная Рос-

сии сила. Тем более что 1913 г. стал периодом активной подготовки германских империй к большой войне с ней.

Поэтому австрийская дипломатия в Белграде склоняла сербского короля к войне с Болгарией и Грецией, а в Софии – Фердинанда к войне с Сербией и Грецией. Сербскому правительству внушалось, что в Первой Балканской войне сербы не получили желаемого – доступа к Адриатике, но они могут это компенсировать, аннексировав Македонию и Салоники. Болгарскому правительству внушалось то же, что и сербскому, – аннексировать Македонию. Австро-Венгрия обещала Болгарии в этом вопросе поддержку^[476].

Российская дипломатия оказала жесткое давление на правительства Сербии и Болгарии, но достичь успеха не удалось. Тогда С. Д. Сазонов попросил Императора Николая II обратиться с личным посланием к правителям Сербии и Болгарии. Позже бывший министр вспоминал: *«Государь сказал мне, что подпишет текст обращения к королю сербскому и царю болгарскому, так как в час опасности для славян он имеет не только право, но и обязанность возвысить свой голос, чтобы предостеречь их от её последствий. “Если они меня не послушают, – прибавил Государь, – то зачинщики понесут за это кару. Я исполню свой долг, и совесть моя ни в чем меня не упрекнет, чтобы затем ни произошло”»*^[477].

Сразу же после подписания телеграмм Николай II приказал Сазонову немедленно отправить их в Белград и Софию. Помимо этого, Государь приглашал представителей балкан-

ских государств прибыть на конференцию в Петербург и разрешить все спорные вопросы.

29 мая/11 июня 1913 г. царь Фердинанд отправил ответную телеграмму Императору Николаю II, в которой возлагал ответственность за назревавшее между союзниками столкновение на Сербию. Он указывал, что болгарское правительство стремится избежать братоубийственной войны, но не может идти против «единодушного возмущения народа» Сербией, пытающейся отнять у Болгарии плоды её побед^[478].

А. А. Савинский в своих донесениях в МИД считал, что воинственное поведение Болгарии, её «безумный» курс на новую войну *«можно объяснить тем опьянением, которое охватило страну и ее правителей после всех предыдущих побед»*. Кроме того, на Фердинанда давили болгарские либералы, грозившие ему участью Стамболова, если болгарский монарх не начнёт войны за Македонию^[479].

Король Пётр в своей телеграмме Николаю II жаловался на болгарские притязания. Но российский МИД потребовал от сербского правительства немедленно принять предложение Петербурга о созыве конференции. Такие же усилия русские дипломаты предпринимали и в Софии. Но Вена заверила правительство Болгарии, что окажет поддержку его территориальным притязаниям в Македонии. София отклонила предложение Государя о созыве конференции премьер-министров и ещё раз официально заявила, что продолжает настаивать на точном соблюдении условий сербо-бол-

гарского соглашения 1912 г. о разделе Македонии. Так как часть македонских территорий, которые по договору 1912 г. должны были отойти к Болгарии, занимали сербские и греческие войска, София настаивала на немедленном пропуске её войск в занятые сербами и греками районы Юго-Западной и Южной Македонии^[480]. Сербия ответила отказом. Болгария отозвала своего посла из Белграда. В России этот шаг сочли равносильным объявлению войны и изменой славянскому делу.

16/29 июня командующий болгарской армией генерал Савва Савов отдал войскам приказ о наступлении. В ночь на 17/30 июня 1913 г. болгары атаковали сербские части, дислоцированные в Македонии, но получили отпор и были отброшены на исходные позиции. В Софии уже склонялись к тому, чтобы отвести армию из Македонии и объявить всё случившееся пограничным инцидентом. Но правительственные круги Сербии и Греции решили воспользоваться ситуацией и официально объявили Болгарии войну. Следом за ними последовала Черногория и Румыния, а затем и Османская империя. В результате Болгарская армия оказалась на грани полного поражения.

7/20 июня 1913 г. царь Фердинанд направил Императору Николаю II телеграмму, полную отчаяния: *«Ваше Величество, Болгария, окружённая армиями пяти соседних государств, находится на пороге гибели. Через несколько дней, если Румыния и Турция будут продолжать беспрепят-*

ственное шествие вперёд, армия наша может быть уничтожена, не столько оружием, сколько голодом, болезнями и лишениями. В эту тяжёлую пору, надежды мои и болгарского народа устремлены к Вашему Величеству. Прошу заступничества Вашего Величества о том, чтобы они приостановили своё нашествие на территориях, приобретённых кровью сотен тысяч болгар и о том, чтобы положить конец истреблению христианских народов. Я и мой народ сумеем оценить эту историческую помощь. Фердинанд»^[481].

Николай II ответил: «Близко принимаю к сердцу тяжёлое положение Болгарии. В нынешнюю минуту не буду входить в оценку обстоятельств его вызвавших. Болгарии приходится идти на жертвы. Неизменно относясь благожелательно к Болгарии, я с удовольствием осведомился о посылке правительством Вашего Величества уполномоченных с целью положить предел братоубийственной войне, начатой вопреки моим предостережениям. Надеюсь, что прекращение войны поможет Болгарии найти в себе достаточно сил, чтобы, не теряя времени приступить к своему мирному обновлению»^[482].

При посредничестве России 18/31 июля 1913 г. было заключено перемирие, а через десять дней в Бухаресте завершились мирные переговоры. Болгария утратила практически все свои приобретения, завоеванные в Первой Балканской войне. Македония была поделена между Сербией и Грецией. Турция вернула себе большую часть Восточной Фра-

кий с Адрианополем. Румыния захватила Южную Добруджу^[483].

Авантюра Фердинанда разрушила с таким трудом созданный Россией Балканский союз. 6/19 февраля 1914 г. посланник в Софии А. А. Савинский заявил болгарскому монарху, что Император Николай II *«в своих постоянных заботах о славянах вообще и о болгарах в частности, не мог допустить мысли о возможности братоубийственной войны»*. Русский посланник далее заметил, что когда он *«видел Государя Императора в Царском Селе перед отъездом, то мог лично убедиться, как Его Величеству было больно»*, что игнорирование Фердинандом его воли не начинать войны с Сербией *«имело такие ужасные последствия на радость Австрии»*^[484].

Тем не менее Николай II счёл нужным направить Фердинанду I по случаю его дня рождения поздравительную телеграмму, которая заканчивалась фразой: *«Сердечно желаю Вашему Величеству благоденствия и Божьей помощи в исполнении лежащей на Вас задачи возрождения и укрепления Болгарии, за мирным развитием которой я продолжаю следить с неизменным сочувствием»*^[485].

На самом деле подлинным победителем во Второй Балканской войне стали германские империи, прежде всего Австро-Венгрия. Хотя Сербия и увеличила свою территорию с 48,3 до 87,3 тыс. кв. км, а население – с 2,9 до 4,4 млн чел., на самом деле эта победа была пирровой. Исходя, как и все бал-

канские государства, из узкоэгоистических интересов, Сербия не смогла правильно оценить ослабление позиций России на Балканах. Теперь Сербию ничего не отделяло от могущественной и крайне враждебной Австро-Венгерской империи. Вражда между Сербией и Болгарией имела в близком будущем самые тяжёлые последствия для всей Европы. Как верно писал уже после начала Первой мировой войны «Вестник Европы»: *«Если бы Австрия знала, что Сербия может опереться на Болгарию, едва ли мы имели бы войну в 1914 г. Можно с уверенностью сказать, что её бы не было»*^[486].

Глава 6. Последние торжества Империи

Столетие Победы в Отечественной войне 1812 г.

В 1912 г. Россия с особым торжеством отметила годовщину избавления от наполеоновского нашествия. Речь шла о величайшей национальной святыни, о национальном подвиге мирового масштаба. Однако была одна деликатная сторона: торжества не должны были задеть национальную гордость французов, ставших спустя век после Отечественной войны союзниками России. Государь решил, что наилучшим местом проведения торжеств станет Бородинское поле. Беседуя в 1908 г. со знаменитым французским археологом и по совместительству членом Особого комитета по устройству музея 1812 г. в Москве бароном Жозефом де Байем, Николай II заметил: *«Я желаю, чтобы одинаковая благодарность чествовала героев двух наций 1812 года! Какая пропасть между двумя странами! Какая жертва! Сколько пролито крови! Но сколько и перемен за этот век! Русские и французы научились, сражаясь познавать друг друга»*^[487]. Бородинское поле как нельзя лучше подходило под эти слова Государя.

Подготовка к юбилею началась более чем за год. Было издано четыре выпуска «Вестника августовских торжеств 1812–1912 гг.». Подготовка к юбилею шла под личным наблюдением Императора Николая II. Бородинское поле должно было стать местом проведения главных торжеств.

Был учрежден специальный Комитет по созданию Музея 1812 года, который стал собирать экспонаты, связанные с войной. Брестский вокзал Москвы был переименован в Александровский в честь Императора Александра I^[488], на Чистых прудах было построено здание для панорамы Ф. А. Рубо «Бородино», открылась для посетителей Кутузовская изба в Филях, в селе Горки Можайского уезда, по дороге из Москвы в Бородино, установлен памятник генерал-фельдмаршалу светлейшему князю М. И. Кутузову. На самом Бородинском поле было установлено 33 монумента полкам, дивизиям, корпусам, артиллерийским ротам и бригадам русской армии, отличившимся в «Битве гигантов». У стен Спасо-Бородинского монастыря возвысился памятник «*Благодарная Россия – своим защитникам*». Прах генерала Д. П. Неверовского, погибшего в Битве народов под Лейпцигом, был перенесен из Германии и торжественно захоронен на Южной Багратионовой флешу у памятника его дивизии. Особыми монументами были отмечены командные пункты М. И. Кутузова и Наполеона, отреставрированы Шевардинский редут, Южная Багратионова флешь, Масловские флешу. Памятники строились не только за государственные

деньги, но и на средства солдат и офицеров тех воинских частей, которые в 1812 г. принимали участие в битве.

В преддверии торжеств 1912 г. правительство Франции обратилось с просьбой к Императору Николаю II разрешить поставить на месте командного пункта Наполеона памятник всем французским воинам, погибшим при Бородине. Государь согласился. Памятник изготавливался во Франции по проекту известного архитектора П.-Л. Бесвильвальда на средства, собранные по подписке среди населения Французской республики. На памятнике была помещена надпись по-французски: *«Павшим Великой армии. 5–7 сентября 1812 года»*.

Утром 25 августа 1912 г. Императорский поезд прибыл в Бородино. Московский генерал-губернатор В. Ф. Джунковский вспоминал: *«В два часа дня торжественный звон колоколов Спасо-Бородинского монастыря оповестил о выезде их величеств из царской Ставки. Предшествоваемые хором инокинь и митрополита, Государь с семьей проследовал в церковь Спаса Нерукотворного, где покоится прах убитого генерала Тучкова и его вдовы, основательницы монастыря. У могилы Государь удостоил беседы потомков Тучковых – главного смотрителя Шереметевского дома, отставного генерал-майора А. П. Тучкова и председателя Вереysской земской управы П. А. Тучкова с сыновьями, подробно расспрашивая их и интересуясь степенью родства наличных представителей семьи Тучковых с двумя Тучковыми, погибши-*

ми в Отечественную войну. Тут же находилась и семья потомков графа Коновницына, памятник которому находился также в ограде монастыря»^[489].

25 августа Император Николай II, Императрица Александра Феодоровна и Августейшие дети посетили Спасо-Бородинский женский монастырь. Игуменья Ангелина поднесла Государю икону и пирамидку из неприятельских пуль, найденных в земле на полях. Сопровождаемая хором монастыря Царская Семья проследовала в храм Спаса Нерукотворного, где покоился прах убитого на Бородинском поле генерала А. А. Тучкова и его вдовы М. М. Тучковой, впоследствии игуменьи Марии, основательницы монастыря. У могилы героя-генерала Николай II милостиво побеседовал с потомками этого славного рода.

После посещения монастыря Император Николай II сел на коня и направился на Бородинское поле, а Императрица с Детями отбыли в Царскую Ставку. В селе Горки Николай II принял хлеб-соль от местных крестьян и осмотрел памятник М. И. Кутузову и знаменитую батарею Раевского, вокруг которой были выстроены войска. Объехав их, Николай II осмотрел Бородинский музей, в саду которого он принял французскую военную депутацию, а затем, как записано в дневнике Государя, он *«поговорил с участником сражения, кот. 122 года и с несколькими очевидцами Отечественной войны»^[490].*

Этих старцев-героев по приказу Николая II искали по всей

России и нашли в количестве 25 человек. Они были приглашены на торжества. История сохранила их имена. «Вестник августовских торжеств 1812–1912 гг.» от 29 августа 1912 г. сообщал: *«В Москву прибыл на юбилейные торжества отставной фельдфебель Егор Иванович Винтанюк, участник Бородинского боя. По документам ему 122 года, но сам Винтанюк считает, что ему давно уже минуло – 130 лет. На вид ему нельзя дать больше 80-ти лет. Прекрасно видит, но слышит плохо. Память сохранила ему любопытные эпизоды Отечественной войны. Но, к сожалению, во время разговора он скоро утомляется»*^[491].

На Государя общение с ветераном произвело глубокое впечатление: *«Подумай только, – писал он матери, – говорить с человеком, который все помнит и рассказывает великие подробности боя, показывает место, где был тогда ранен»*^[492].

Кроме Винтанюка, Государю были представлены и другие старцы-ветераны: Максим Пяточенков – 120 лет, Аким Бентенюк – 122 года, Петр Лаптев – 118 лет, Степан Жук – 110 лет. Николай II в сопровождении великих князей направился к сидящим в саду старикам, удостоив их беседы, причем Государь приказал им сидеть. Как вспоминал В. Ф. Джунковский: *«Это всех очень тронуло, старики сидели, а Государь и Великие Князья стояли»*^[493]. Николай II лично наградил ветеранов медалью в честь 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года, Положение о которой он утвердил 15 авгу-

ста 1912 г. Все потомки лиц, участвовавших в Отечественной войне, и все, принимавшие участие в организации торжеств, получили Высочайшие награды.

Затем Царская Семья приняла участие в крестном ходе, который прибыл на Бородинское поле из Смоленска с иконой Божьей Матери Одигитрии. Это была та самая икона, перед которой молилось русское воинство в день Бородине. Участник торжеств полковник Лейб-Гвардии Измайловского полка И. Н. Смирнов вспоминал: *«26 августа. В восемь часов обедня началась в соборе Владимирской Божией Матери....Царь, Царица с Семейей, Великие Князья слушают обедню и по окончании ее поднимается икона Одигитрии, преднесомая хоругвями, и начинается крестный ход. Благовейно выходят из ограды митрополит, архиереи, Царь с Царицей, Великие Князья, потомки героев и за оградой присоединяется к ним народ. Народ стоит на пути шествия иконы. Никакою кистью художника не передать трогательной величественности этой картины. Входят на батарею, служитя молебен»*^[494].

Главные торжества прошли в день Бородинского сражения, 26 августа. По этому случаю Император Николай II издал манифест, в котором говорилось: *«Сто лет тому назад тяжкому испытанию подверглось Наше Отечество. Многочисленные иноземные армии, предводимые величайшим полководцем того времени, вторглись в пределы Империи Нашей и направили свое победное шествие к сердцу ее – Первопре-*

стольной Москве. Неминуемая, казалось, опасность угрожала Государству Нашему от противника, не знавшего до-толе поражений. Но милосердие Божье и величие духа народа Нашего спасли Россию. По призыву Верховного Вождя своего, блаженной памяти Прадеда Нашего, Императора Александра Благословенного встал русский народ на защиту Родины и ее Святень. Неисчислимы подвиги совершены были русскими войсками – сухопутными и морскими, – удивившими мир беззаветною храбростью своею и непоколебимою верностью долгу»^[495]. В Приказе по армии и флоту в связи с сотой годовщиной Бородинского сражения Император Николай II подчёркивал: «В сегодняшний торжественный день поминания столетней годовщины знаменательного сражения на полях Бородинских, воздаваемая вместе со Мною всею Россией дань уважения и признательности к подвигам ваших предков да укрепит в сердцах ваших сознание долга и да послужит источником к проявлению вами той же беззаветной преданности и мужества, когда Промыслу Божьему угодно будет призывать Отечество к новому испытанию. Сердца ваши да пребывают в уверенности, что потомки с уважением произнесут имена ваши и содеянные вами подвиги неизгладимо будут жить в памяти благодарного Отечества»^[496].

Утром Царь и Великие Княжны присутствовали на благодарственном молебне в походной церкви Императора Александра Благословенного. Затем перед Государем церемони-

альным маршем прошли полки, которые сто лет тому назад участвовали в Бородинской битве. По полю шли наследники славных традиций тех, кто сто лет назад отстоял здесь свободу и независимость Матушки-России, тех, кто сокрушил очередного антихриста – Наполеона Бонапарта.

После смотра этим полкам Николай II около полутора часов объезжал войска выстроенные на разных участках Бородинского поля, там, где проходили основные этапы сражения. После объезда Николай II посетил 4-тысячный лагерь войсковых старшин и крестьян, собранных со всей России. Как вспоминал В. Ф. Джунковский: *«Могучее “ура” огласило воздух, энтузиазм был совершенно неописуемый, я много раз бывал на торжествах, но тот восторг, с которым крестьяне на Бородине встречали своего монарха, не поддается описанию. Государь, столь трогательной встречей в крестьянском лагере, видимо, был взволнован»*^[497]. Обращаясь к крестьянам, Николай II сказал: *«Я счастлив, что вместе с вами провожу этот день знаменитой годовщины боя, где ваши деды бились со славным врагом и отстояли Родину, чему помогла вера в Бога, преданность Царю и любовь к Родине. Надеюсь, что и вы воспитаете ваших детей в тех же заветах преданности и любви к нашей Матушке России»*^[498].

После обеда Государь участвовал в освящении французского памятника «Павшим Великой армии». Когда Николай II подъехал к членам французской военной делегации, они дружно крикнули: *«Vive l'Empereur!»* («Да здравствует

Император!»). Так как этот клич был главным в Великой Армии Наполеона, то было не совсем понятно, кого французы приветствуют: русского Царя или память своего императора. Государь присутствовал при освящении католическим духовенством памятника павшим Великой армии. Со стороны французских властей это было скорее проявление уважения к религиозным чувствам Николая II, чем проявление собственных. Известно, что в армии Наполеона не было ни одного католического священника, а правительство III Республики вело открытую борьбу с католической церковью. После открытия французского памятника Николай II посетил знаменитый Шевардинский редут, возобновленный к празднику сапёрами Гренадерского сапёрного батальона.

Торжества на Бородинском поле произвели самое глубокое впечатление на Государя. *«Впечатления пережитого самые отрадные»*, – записал Император Николай II в своем дневнике 26 августа^[499]. Спустя 10 дней после торжеств он делился своими впечатлениями с матерью: *«Столько впечатлений пережито и таких светлых, что становится трудно описать их. Конечно, самыми приятными днями было 25-е и 26-е августа в Бородине. Там мы все прониклись общим чувством благоговения к нашим предкам. Никакие описания сражения не дают той силы впечатления, которое проникает в сердце, когда сам находишься на этой земле, орошенной кровью 50 000 тысяч наших героев, убитых и раненых в эти два дня Бородинского сражения»*^[500].

Дальнейшие торжества продолжились уже в Москве. 27 августа Царская Семья и вся Императорская Фамилия *«приехали в Москву, чудным жарким утром. <...> Масса народа, на улицах, по другой стороне войска гарнизона шпалерами – порядок великолепный. Остановились у Иверской и прибыли в Кремль в 10 ч.»*^[501]. Вокруг Кремля и внутри его собрались несметные толпы народа (свыше 100 тыс. человек). Государь во главе всего Императорского Дома проследовал через залы Большого Кремлёвского дворца и Красное крыльцо в Успенский собор. Туда были доставлены овейные славой, простреленные и обожженные знамена русских полков, победивших Наполеона. Государь опустил перед ними на колени. После чего была отслужена Божественная литургия.

28 августа Государь направился на смотр войскам на Ходынском поле. Во время образцового парада внезапно произошел неприятный инцидент. Князь Гавриил Константинович вспоминал: *«Я был рад присутствовать на параде на Ходынском поле и ехать в свите Государя. По новым правилам, когда Государь, объехав одну линию войск, объезжал следующую, стоявшую за ней, первая поворачивалась кругом, чтобы видеть Государя и не стоять к нему спиной. Вдруг я вижу, что из повернувшейся линии войск выбежал солдат с винтовкой в руках и бежит к Государю. Великий князь Сергей Михайлович, ехавший передо мной, в ужасе схватил за руку князя С. Г. Романовского, герцога Лейхтен-*

бергского, ехавшего с ним рядом. Все это длилось одно мгновение. Солдат подбежал к Государю и подал ему прошение. Говорят, что ехавший за Государем дежурный генерал-адъютант Скалон, варшавский генерал-губернатор, схватился за шапку, а Государь сказал солдату: “Срам для полка!” и поехал дальше как ни в чем не бывало. Не знаю, какое впечатление произвело это неприятное происшествие на Государыню, ехавшую с Наследником за Государем, в экипаже. Оказалось, что солдат, подавший прошение, не должен был отбывать воинской повинности. Он хлопотал, чтобы его освободили, но ничего не мог добиться. Тогда он решил прибегнуть к последнему средству, раз представилась к тому возможность, то есть обратиться к самому Государю. Я думаю, что его простому крестьянскому уму этот способ казался нормальным. Государь поручил свиты генералу Дельсалью произвести следствие. Генерал Дельсаль мне рассказывал, что Государь лично написал приказ, налагавший различные наказания на прямых начальников этого солдата, начиная с командующего войсками Московского военного округа генерала Плеве»^[502].

Сам Николай II об этом эпизоде написал в своем дневнике следующее: «Войска представились очень хорошо, но испортило мне впечатление то, что во время объезда рядовой Софийского полка выбежал с ружьем из строя и хотел подать мне прошение»^[503]. В письме к Марии Феодоровне от 10 сентября 1912 г. Государь более подробно рассказал об этом

случае: «28-го был большой парад на Ходынском поле, в котором приняли участие четыре армейских корпуса – 75000 человек. Тут случился невероятный случай – во время объезда из строя вышел солдат Софийского полка с прошением ко мне. Разные генералы ловили его, но он пробрался ко мне и остановился, когда я крикнул на него. Я очень рассердился, и всему московскому военному начальству досталось от меня сильно»^[504].

Как всегда, этот эпизод не остался без своего фальсификатора. В данном случае им оказался лгунишка Михаил Пазин, числящийся историком и журналистом одной петербургской газеты. Он написал в интернет-издании «Криминал.рф» публикацию под названием «Дело рядового Бахурина»^[505]. В ней он ничтоже сумняшеся утверждает, что несчастного рядового, того самого, что выбежал с прошением к Царю, подвергли суровому наказанию. Пазину как-то невдомёк, что солдата, бегущего с винтовкой к Государю, имели полное право, даже обязанность, не то что наказывать, а убить на месте. Кстати, сегодня с ним так бы и поступили, причем в любом государстве: от самого «демократического» до самого «тоталитарного». То, что этому солдату вообще дали добежать до Монарха, да еще вооруженным, говорит о плохой работе службы безопасности и удивительной гуманности дореволюционного общества. Пазин, однако, крайне возмущен суровым приговором суда: «После получасового совещания суд вынес приговор рядовому Григо-

рию Бахурину – бессрочная каторга. Это чудовищное по своей несоразмерности проступку наказание вызывало в городе различные толки: может, царь помиловал бедного солдата? Нет – не помиловал. Николай II не простил Бахурину такой “дерзости” и тот пошел по этапу»^[506]. Всё вышеизложенное, говоря булгаковским языком, представляет собой классический пример «классического вранья» и лишний раз доказывает, с какой осторожностью должны мы подходить ко всем «жареным» фактам, которые касаются личности последнего Государя. Генерал Джунковский, который был свидетелем этого эпизода и хорошо знал его последствия, писал: «С житейской точки зрения случай этот мог вызвать сочувствие к виновному, но с точки зрения военных законов поступок этот содержал в себе ряд преступлений. <...> Как бы ни драматичными были обстоятельства, побудившие его подать прошение, но они не могли послужить оправданием. Военская служба должна покоиться на полном отречении от личных интересов. <...> Суд приговорил Бахурину к лишению воинского звания и ссылки в каторжные работы и представил приговор на Высочайшее благоволение. 25 октября последовало Высочайшее повеление о полном помиловании Бахурина»^[507].

29 августа Государь и весь Императорский Дом присутствовали на торжественном богослужении в храме Христа Спасителя. Затем Николай II с дочерьми посетил Бородинскую панораму, которая тогда находилась на Чистопрудном

бульваре. Объяснения Государю давали создатель панорамы художник Ф. А. Рубо и военный историк, генерал-лейтенант Б. М. Колюбакин, который являлся главным консультантом при создании панорамы.

В праздновании на Бородинском поле принимали участие все мужские потомки героев этой войны, в том числе и граф А. А. Коновницын, которому было тогда всего семь лет. В числе других потомков он был приглашен подняться на Царскую трибуну. Коновницын был одним из самых маленьких принимающих этот парад и стоял почти рядом с Государем, который ему даже что-то сказал и при этом погладил по голове. Граф А. А. Коновницын всегда говорил, что это был самый лучший момент в его многолетней жизни и что ласка Святого Царя его оберегала всю жизнь и всегда ему давала силы правильно жить^[508].

^[300] -летие Династии Романовых

В начале 1913 г. Россия жила одним событием – празднованием 300-летия царствующего Дома Романовых. Это празднование должно было стать символом единства Царя и России, незыблемости этого союза, преодоления революционных потрясений начала XX века.

Подготовка к юбилею началась еще за три года до торжества. Был образован «Комитет для устройства празднования трехсотлетия царствующего Дома Романовых», предсе-

дателем которого стал член Государственного Совета и гофмейстер Высочайшего Двора А. Г. Булыгин. Комитет предложил Государю обнародовать «Всемилоостивейший манифест к населению империи», в котором указывалось, что это чрезвычайной важности событие переживается русским народом в единении с Царской Семьей. Манифест торжественно зачитывали по всей России в самый канун юбилея. В нем была представлена обширная программа благотворительных акций, объявлялось о льготах малоимущим и амнистии из тюрем тысяч заключенных, снимались задолженности с мелких предпринимателей и землевладельцев и т. д. В смете расходов учитывалось бесплатное угощение для народа и выдача из государственной казны пособий малоимущим. Торжественный юбилей должен был ознаменоваться особым богослужением во всех российских храмах, для чего были отпущены значительные средства на приобретение церковных облачений. «Церемониал» предусматривал, что *«во всех храмах и церквях Российской Империи будут совершены торжественные литургии и после них благодарственные молебствия с возглагошением многолетия Государю Императору Николаю Александровичу <...> и всему Царствующему Дому».*

20 февраля 1913 г., накануне празднования 300-летия Дома Романовых, Император Николай II в форме 13-го Лейб-гвардии Эриванского полка прибыл вместе со всей Семьей в Петропавловский собор на торжественную панихиду

по всем почившим представителям Династии. Эриванский полк брал свое начало из организованного в 1642 г. Царем Михаилом Феодоровичем Бутырского полка, собранного из лучших надворных стрелков, служивших в охранной службе. После Романовских торжеств полк получил наименование Царя Михаила Феодоровича 12-го Лейб-гренадерского Эриванского полка.

Празднования начались с 21 февраля 1913 г., с того дня, когда Михаил Феодорович Романов был призван на царство, и продолжались целый год. 21 февраля 21-пушечный выстрел Петропавловской крепости возвестил начало торжеств. В 12 ^¼ Императорское Семейство отбыло в Казанский собор. Генерал В. Ф. Джунковский вспоминал: «Удивительно красивую картину представлял царский поезд: сотня Собственного Его Величества Конвоя в своих красивых черкесках, с ружьями на бедре. За сотней – Государь с Наследником в открытой коляске, рядом с коляской верхом командир конвоя князь Трубецкой^[509]. Затем Государыни Императрицы Мария Феодоровна и Александра Феодоровна в парадной карете, запряженной четвёркой белых, без отметины лошадей в русской упряжи с фореитором и двумя камер-казаками на запятках. Августейшие дочери Государя, Великие Княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны в четырехместной карете, запряженной парой лошадей в русской упряжи, и затем другая сотня Собственного Его Величества Конвоя. У дверей собора Их Величества

были встречены митрополитом Владимиром^[510] с крестом и святой водой. Государь и все великие князья были в форме Императорских стрелков. Как только Государь занял свое место, протодиакон Косогорский^[511] прочел Высочайший манифест»^[512].

В Манифесте Императора Николая II говорилось: «Со-вокупными трудами Венценосных предшественников Наших на Престоле Российском и всех верных сынов России создано и крепко Русское государство. Неоднократно подвергалось наше Отечество испытаниям, но Народ Русский, твердый в Вере Православной и сильный горячей любовью к Родине и самоотверженной преданностью своим Государям, преодолевал невзгоды и выходил из них обновленным и окрепшим. Тесные пределы Московской Руси раздвинулись, и Империя Российская стала ныне в ряду первых держав мира»^[513].

На Николая II торжественный выезд и богослужение произвели самое отрадное впечатление: «Настроение было радостное, напомнившее мне Коронацию»^[514].

23 февраля в Дворянском собрании Петербурга на Михайловской улице состоялся большой бал, посвященный торжеству Династии. Это было последний масштабный праздник дореволюционной России, на котором присутствовало свыше 3200 гостей. Для старшей царской дочери, Великой Княжны Ольги Николаевны, это был первый бал. Государь танцевал в первой паре с супругой Санкт-Петербургского

уездного предводителя дворянства В. А. Сомовой, Императрица Александра Феодоровна – с Санкт-Петербургским уездным предводителем дворянства действительным статским советником С. М. Сомовым. После полонеза начались танцы – вальсы, кадрили, мазурка и котильон с обилием живых цветов и ярких лент. «*Ольга много танцевала*», – записал в своем дневнике Николай II^[515]. Во время бала Государыне, которая с большим трудом приходила в себя от потрясения, связанного с критической болезнью Наследника в минувшем году, стало дурно. Она едва не потеряла сознание. Николай II, Александра Феодоровна и Великая Княжна покинули бал, который продолжался всю ночь.

24 февраля в дневнике Императора появляется запись: «*Благодарение Господу Богу, ниспославшему милость на Россию и на нас тем, что так достойно и так светло было нам дано отпраздновать дни трёхсотлетия воцарения Романовых*»^[516]. В тот же день Государь принял в Николаевском зале Зимнего дворца большую депутацию крестьян. Однако уже 25 февраля Царская Семья была вынуждена вернуться в Царское Село, так как Великая Княжна Татьяна заболела тифом, который, впрочем, протекал в легкой форме.

Во всех городах Империи в храмах служили благодарственные молебны, проходили войсковые парады местных гарнизонов, давались торжественные обеды и приемы губернаторами и градоначальниками, устраивались исторические выставки, народные гулянья. Витрины всех магазинов были

украшены флагами и портретами Царя Михаила Феодоровича и Императора Николая II.

В продолжение юбилейного года, 15–27 мая 1913 г., Николай II с семьей совершили поездку по древнерусским городам и вотчинным землям бояр Романовых. 16 мая Царскую Семью встречал торжественным звоном колоколов древний Владимир. Посещением первым этого города, бывшей столицы Руси, Государь отдавал ему особую честь и выделял его в иерархии русских городов. На перроне был выстроен Почетный караул 9-го Гренадерского Сибирского полка. Там же Императора торжественно встречали депутации: от Владимирской ученой архивной комиссии, Владимирского купеческого общества, Владимирского мещанского общества, Владимирской общины старообрядцев, инославного духовенства. В открытых автомобилях Царская Семья первым делом проследовала в Успенский собор, где ее встречал Архиепископ Владимирский и Суздальский Николай (Налимов). После Успенского собора Государь посетил Дмитриевский.

После посещения Владимира Император Николай II и Великие Княжны в открытом автомобиле, в сопровождении свиты, направились в Суздаль. Императрица Александра Феодоровна и Наследник Цесаревич Алексей остались в Императорском поезде, так как Наследник в дороге приболел, и Государыня решила с ним остаться во Владимире.

Из Суздаля Николай II проследовал в Боголюбово – сто-

лицу Великого Князя Андрея Юрьевича, павшего от рук изуверов 4/17 июля 1774 г. Государь посетил собор Боголюбского монастыря, приложился к Боголюбской иконе Божьей Матери, с благоговением осмотрел место мученической кончины Великого Князя. Предчувствовал ли он в этот момент, что через четыре года, день в день, он и его Семья примут мученическую кончину?

17 мая Царская Семья прибыла в Нижний Новгород, где в кремлёвском соборе отслужила литию у гробницы гражданина Козьмы Минина. Д. Ф. Джунковский вспоминал: «*Приложившись к кресту, Государь с Семьёй своей прошёл в нижнюю церковь к могиле русского героя Козьмы Минина и опустился на колени*»^[517]. Затем в Высочайшем присутствии на Благовещенской площади состоялась закладка памятника К. Минину и князю Д. М. Пожарскому по проекту скульптора Симонова.

Особые торжества проходили в Костроме, откуда был призван на царство Михаил Фёдорович. 19 мая Николай II записал в дневнике: «*Около 6 час. утра пошли вверх и в 9 ч. проходили мимо Костромы. Чудное солнце озаряло множество белых церквей. Остановились у новой пристани в поле в 3 верстах выше города. В 10 час. сошел на берег. <...> Сели в коляски и поехали в Ипатьевский монастырь. По пути стояли ипалерами: Эриванский и 183-й Пулутский пехотные полки. В монастыре с другой стороны встретил подошедший из Костромы крестный ход с Фёдоровской Божией*

Матерью и затем вошел в собор. Обедня и молебен были отслужены менее чем в полтора часа. Осмотрели со всей фамилией дом Михаила Феодоровича, где собранная богатая ризница из собора»^[518]. На следующий день в 10 часов утра Царская Семья торжественно въехала в Кострому. По всем сторонам улиц, где проезжал царский кортеж, народ толпами приветствовал своего Монарха. После посещения Успенского собора Государь и его Семья возглавили крестный ход к месту, где был заложен памятник к 300-летию Дома Романовых. Памятник, автором которого был скульптор А. И. Адамсон, представлял собой постамент в виде башни в древнерусском стиле, вокруг которой должны были быть расположены фигуры всех государей Дома Романовых. К 1916 г. башня уже была построена и даже поставлены две скульптуры, но Февральская революция прервала строительство памятника. При сталинском режиме власти взорвали Успенский собор, сбросили царские фигуры, а на видоизменённую башню водрузили бетонную скульптуру Ленина. Этот монумент-монстр до сих пор возвышается над родиной Династии Романовых. Когда царский пароход отчалил от Костромы, то тысячные толпы народа шли в Волгу по грудь, чтобы последний раз увидеть Государя. С. К. Буксгевден намного позже писала: *«Казалось едва ли возможным, чтобы люди, которые четыре года спустя с восторгом приветствовали революцию, могли обращаться с такими выражениями верности и участвовать в таких празднествах»*^[519].

После Костромы Царская Семья посетила Ярославль. При посещении там Спасского монастыря архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон (Белавин), будущий Патриарх, и профессора археологии Ф. И. Успенский и Е. В. Барсов знакомили Государя с обителью, где в 1613 г. проживал Михаил Феодорович Романов. Профессор Барсов преподнёс Николаю II для Наследника Цесаревича замечательную реликвию: уцелевшие от московского пожарища листы первого печатного издания знаменитого Слова о полку Игореве. Следуя историческим путем ополчения Минина и князя Пожарского, Государь с Семьей поздно вечером 21 мая отбыл из Ярославля в поезде в Москву через исторические местности – Ростов и Троице-Сергиеву лавру. По дороге в Ростов Великий Николай II посетил Толгский и Свято-Иаковлевский монастыри, а также церковь Благовещения, где приложился к чудотворной иконе Пресвятой Богородицы Умиления, явившейся в 1910 г. крестьянской девочке Лизе Лепешкиной и исцелившей ее от болезни. Затем Николай II посетил Ростов и Переславль, где осмотрел ботик Петра Великого и памятник ему, поставленный на том месте, где стоял дом первого Императора Всероссийского.

24 мая в 10 час. утра Царская Семья прибыла в Свято-Троицкую Сергиеву лавру, где к ней присоединилась Великая Княгиня Елизавета Феодоровна. После молебна и поклонения святым мощам преподобного игумена Сергия Радонежского Царская Семья на поезде отправилась в Моск-

ву, куда прибыла в 15 часов. Там *«празднества проходили с огромным размахом, поскольку древняя столица всегда стремилась превзойти Санкт-Петербург в гостеприимстве»*^[520]. От Александровского вокзала Государь поехал в Кремль верхом, Императрица и дети сопровождали его в коляске. По словам Государя, *«встреча народа на улицах напомнила въезды на коронацию»*^[521]. Возле Иверской часовни Государь спешился и приложился к чудотворной иконе Пресвятой Богородицы. От Спасских ворот Николай II пешком за крестным ходом проследовал в Архангельский собор, где он возжег *«сооруженную всем семейством лампаду над гробницею Михаила Феодоровича»*^[522]. Кремль встретил Царя и Царицу звоном колоколов и кликами собравшегося народа. 25 мая, второй день юбилейных торжеств в Москве, совпал с днем рождения Императрицы Александры Феодоровны. В этот день в Кремле состоялся торжественный Высочайший выход в Успенский собор. В 9 часов утра в Кремле и по всей Москве начался «красный» звон, не умолкавший до самого выхода Царской Четы из дворца. В 11 часов утра члены Династии во главе с Императором и Императрицей двинулись шествием из Кремлёвского дворца в Успенский собор, где Царская Семья приложилась к мощам святителя Патриарха Ермогена, который только что, 13 мая 1913 г., был прославлен в лике святых при самом активном участии Государя.

После посещения Знаменского монастыря Николай II осмотрел палаты бояр Романовых на Варварке, где храни-

лась колыбель Царя Михаила Феодоровича и многие другие реликвии, относящиеся к его детству. 26 мая Государь с детьми отправился в Новоспасский монастырь, где покойся прах бояр Романовых, в том числе и одного из основателей рода боярина Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, отца первой супруги Царя Иоанна Грозного Царицы Анастасии Романовны. 28 мая Царская Семья покинула Москву и на следующий день вернулась в Царское Село, «с отрадным чувством исполненного долга по милости Божией»^[523].

В память о Романовских торжествах Николаем II была учреждена медаль, на которой были изображены профили Царя Михаила Федоровича и Императора Николая II.

31 декабря 1913 г. закончился последний мирный год Российской Империи. Государь в тот день записал в свой дневник: «В 11 ½ вечера поехали в полковую церковь на новогодний молебен. Благослови, Господи, Россию и нас миром, тишиною и благочестием!»^[524]

Часть II. Война

Глава 1. Хотел ли Император Николай II войны с Германией?

Одним из самых распространённых мифов является утверждение, что Император Николай II «ввязался» в «ненужную» России Первую мировую войну. Казалось бы, нелепость этого утверждения доказывается в первую очередь тем, что не Россия объявила войну Германии и Австро-Венгрии, а, наоборот, Германия 19 июля/1 августа 1914 г. и Австро-Венгрия 24 июля/6 августа 1914 г. объявили войну России. Тем не менее обвинение Государя в начавшейся войне прочно вошло в сознание советского и постсоветского общества. Между тем обвинять Николая II в войне с Германией так же нелепо, как Александра I в войне с Наполеоном, а Сталина в войне с Гитлером.

В действительности Николай II делал всё, чтобы не допустить участия России в европейской войне. Более того, именно стремление неучастия в вооружённом противостоянии стало основой политики Николая II, особенно после окончания Русско-японской войны. При этом миротворческие усилия Государя летом 1914 г. не были чем-то спон-

таннным и неожиданным, а являлись закономерным продолжением всей его предыдущей внешней политики. В 1911 г. Николай II сказал русскому послу в Болгарии тайному советнику А. В. Неклюдову: *«Я не хочу войны. Я сделал своим непреложным правилом предпринимать все, чтобы сохранить моему народу все преимущества мирной жизни. В этот исторический момент необходимо избегать всего, что может привести к войне»*^[525]. В октябре 1912 г. Государь заявил на совещании Совета министров: *«Я не допускаю мысли о войне»*^[526].

22 февраля/6 марта 1911 г. французский посол в Петербурге Жорж Луи записал в свой дневник: *«Русское правительство не желает менять основы своей политики: оно желает сохранять отношения как с Германией, так и с Антантой. У всех русских, с какими приходилось мне беседовать, наблюдается озабоченность отношениями с Германией. Все думают, что надо быть с ней в хороших отношениях, чтобы Россия могла свободно посвятить себя внутреннему развитию»*^[527].

П. А. Столыпин писал А. П. Извольскому: *«Нам нужен мир: война в ближайшие годы, особенно по непонятному для народа поводу, будет гибельная для России и Династии. Напротив того, каждый год мира укрепляет Россию не только с военной и морской точек зрения, но и с финансовой и экономической»*^[528].

Николай II ясно осознавал всю военную, внутривосточную

скую, экономическую неподготовленность России к большой войне. Генерал М. К. Дитерихс писал: «Государь с полной ясностью сознавал, что в пределах земных причин и влияний общая европейская война во всех случаях будет грозить гибелью Родине. В последствиях грядущей войны Государь видел не только ту опасность, которая грозила государству, России, но и тот ужас, который предстояло испытать вообще всему человечеству. <...> Царь не мог не предвидеть, что предстоящая борьба будет “ужасной, чудовищной” и затяжной, а потому другие народы с более слабо развитым сознанием национализма будут подвергнуты большим искушениям и испытаниям в принципах своего внутреннего единения»^[529].

Государя часто обвиняют в том, что он якобы поставил Россию в зависимость от союзной Франции и Англии, и якобы именно это сделало Россию их заложницей, заставив вступить в «чуждую» ей войну. Благодаря примитивизации и идеологизации исторической науки в советское время, в общественном сознании прочно утвердилось представление, будто бы Россия была опутана «сетями» французских займов и поэтому была вынуждена во всем уступать требованиям правительства Республики. Так, отмечая цели визита премьер-министра Раймонда Пуанкаре в Петербург в августе 1912 г., советская историография указывала, что «связав царизм по рукам кабальными займами, французский империализм считал, что пришло время, ко-

гда Россия должна расплачиваться по политическим векселям»^[530]. Подобные утверждения не имеют ничего общего с действительностью. Императорское Правительство действительно прибегало к иностранным займам для развития собственной промышленности и инфраструктуры, так как модернизирующейся российской экономике нужны были средства, а их не было. Как отмечает доктор ист. наук Ю. А. Петров: «Заметного экономического прогресса Россия добилась не в последнюю очередь благодаря иностранному предпринимательству и заграничным инвестициям, которые сыграли немалую роль в деле индустриализации страны, облегчив ей первые шаги в этом направлении и подтолкнув создание ряда новых отраслей промышленности. Впрочем, в этом отношении империя принципиально ничем не отличалась от других стран, вступивших на путь капиталистической модернизации с некоторым опозданием и пользовавшихся поддержкой более развитых соседей (например, Германии, в течение XIX столетия совершившей громадный скачок в индустриальном развитии). Плата за помощь капиталами и технологиями («ноу-хау») была немалой, но, во-первых, хотя услуги иностранных бизнесменов отнюдь не были филантропией и щедро оплачивались, экономический эффект оказывался выше и в конечном счете эти инвестиции работали на дело индустриализации России. Их направления, отраслевая структура обуславливались внутренними потребностями страны. А во-вторых, значение иностранных инве-

стиций, о решающем вкладе которых в дело экономической модернизации России любит писать западная историография, безусловно, не было определяющим для экономического роста, отечественный капитал сохранял лидирующие позиции в народнохозяйственной системе страны»^[531].

Франция нуждалась в предоставлении России займов не в меньшей степени, чем Россия в их получении. В начале XX в. основу находившейся в упадке французской экономики составляло ростовщичество. Помимо России, Франция щедро предоставляла займы Австро-Венгрии, Турции и Италии, что не помешало первым двум выступить в Первой мировой войне на стороне Германии. Крупнейший исследователь вопроса доктор ист. наук В. И. Бовыкин отмечал: *«Подсчёты абсолютных размеров и удельного веса заграничных инвестиций по их “национальной” или блоковой принадлежности для доказательства подчинения ими российской экономики, получившие распространение в нашей литературе в 20-е годы и встречающиеся по сей день, абсолютно некорректны, поскольку исходят из совершенно ложной посылки о единстве интересов капиталистов, являющихся подданными одного государства или даже нескольких, но входящих в один военно-политический блок. Ни значительные общие размеры, ни высокий удельный вес иностранных инвестиций в России сами по себе не могут служить доказательством подчинения ими экономики страны»^[532].*

В связи с экономическим подъёмом и укреплением

финансов русское правительство в предвоенное пятилетие существенно сократило свои внешние заимствования. В. И. Бовыкин писал: *«Накануне мировой войны рост внешнего государственного долга России прекратился. В 1909 г. царское правительство выпустило последний государственный заём, предназначенный для размещения на денежных рынках Западной Европы. Сумма облигаций российских государственных займов, находившихся за границей, достигнув своего максимума на 1 января 1910 г. затем стала снижаться. К 1913 г. она сократилась на 405 млн рублей (т. е. на 8 %). В 1908–1913 гг. несмотря на возобновление размещения на Западе гарантированных правительством займов железнодорожных обществ, главной формой иностранных капиталовложений являлись прямые инвестиции в действующие в России акционерные предприятия»*^[533].

Из расчёта государственной задолженности на душу населения Россия к 1913 г. занимала в Европе только десятое место (53 руб. на каждого жителя Империи), значительно отставая от признанного лидера среди стран-должников – Франции (253 руб.)^[534].

По размерам государственного долга Россия в мировой таблице шла на втором месте после Франции и на первом – по абсолютным размерам связанных с займами платежей. В российской официальной статистике займы подразделялись на внешние и внутренние в зависимости от предполагаемого места их реализации. Однако в действительности

часть внешних займов реализовывалась в России, а облигации внутренних выпусков нередко приобретались заграничными держателями. Примечательно, что долг внутренний, несмотря на шумную кампанию в правой и леворадикальной прессе против растущего «закабаления» России иностранным капиталом, рос опережающим темпом по сравнению с внешним, что свидетельствовало о постепенной переориентации займовой политики на внутренние резервы^[535].

Франция действительно являлась главным заимодавцем российского Императорского Правительства. В ней было размещено без малого 60 % русских фондов за границей. *«Подчеркнём, однако, – пишет доктор ист. наук Ю. А. Петров, – что часто звучавший в советской литературе мотив о политической подоплёке внешних операций российской казны, о переходе России от германской к французской ориентации под влиянием смены финансовых приоритетов при всей своей внешней убедительности не находит подтверждения в исторической реальности»*^[536].

Миф о «кабальной зависимости» России от французских займов опровергается отсутствием какого-либо решающего влияния французских правящих кругов на русскую внешнюю политику, хотя, естественно, интересы Франции как союзника учитывались.

В январе 1914 г. французский посол в Петербурге Морис Палеолог в разговоре с сенатором Александром Феликсом Жозефом Рибо довольно верно определил характер фран-

ко-русского союза: *«В нынешнем европейском положении дел нет чисто русских или чисто французских вопросов. Есть два соперничающих блока: Тройственный союз и Тройственное согласие»*^[537]. Жаль, конечно, что сам Палеолог, как и его начальство в Париже, постоянно об этом забывали, что являлось проявлением общей вековой эгоистической природы внешней политики Запада в отношении России. Петербург игру вел честно, но не забывал о своих национальных интересах. Ярким примером этому служит попытка Парижа втянуть Россию в войну на Балканах осенью 1912 г., когда между Веной и Белградом возникло острое соперничество из-за стремления Сербии обеспечить себе выход к Адриатическому морю. Вопрос этот не имел важного значения даже для Петербурга, тем более для Парижа, который всегда подчеркивал, что русские интересы на Балканах ни в коей мере не могут стать причиной участия Франции в войне против Австро-Венгрии.

Ситуация резко изменилась 25 октября/7 ноября 1912 г., когда Р. Пуанкаре неожиданно сообщил императорскому послу в Париже А. П. Извольскому, что Франция в настоящий момент признаёт австро-сербский спор подпадающим под действие франко-русской конвенции. Говоря другими словами, Париж выражал свою готовность вступить в войну против Австро-Венгрии, если та нападёт на Сербию. Пуанкаре стал делать громкие заявления, что на Балканах нарушаются именно французские интересы и что Франция может быть

вовлечена в войну на Балканах^[538].

Причина этого изменения курса французского правительства заключалась в том, что как оно, так и Форин-офис считали наступивший момент наилучшим для начала войны с Тройственным союзом. К этому времени под эгидой Петербурга был создан Балканский союз, серьёзно изменивший расклад сил в Европе и резко ослабивший позиции германских империй. Русский посланник в Софии А. В. Неклюдов сообщал в Петербург, что *«известная и влиятельная часть английского политического мира»* желает воспользоваться балканским кризисом, *«дабы вызвать путём столкновения России и Австрии войну между двумя средневропейскими державами и державами Тройственного согласия, имея при этом главной и конечной целью истребление германского флота и разорение Германии»*^[539].

Но Николай II твёрдо не желал войны. Это ярко продемонстрировало совещание у Государя 28 октября/10 ноября 1912 г. На нём военный министр генерал В. А. Сухомлинов предложил объявить мобилизацию Киевского и Варшавского военных округов и подготовить мобилизацию Одесского военного округа. Но Николай II не поддержал этого плана, заявив, что его осуществление может привести к войне^[540]. Государь сказал: *«Я не допускаю мысли о войне. Мы к ней не готовы»*.

В декабре 1912 г. из русского Главного штаба сообщили французскому военному министерству, что в Петербурге *«не*

верят в нападение Австрии на Россию, а войну Австрии против Сербии считают крайне маловероятной»^[541]. Более того, французскому представителю в Главном штабе заявили, что даже если бы Австро-Венгрия напала на Сербию, то и тогда Россия в войну бы не вмешалась. Такой ответ произвёл в Париже удручающее впечатление. А. П. Извольский сообщал, что *«Пуанкаре и весь состав кабинета крайне озадачены и встревожены»*^[542]. 16/29 марта 1913 г. С. Д. Сазонов писал А. П. Извольскому, что *«политические интересы России на Ближнем Востоке отнюдь не совпадают с экономическими и финансовыми интересами европейских держав, в том числе и Франции»*^[543]. Таким образом, мы видим, что ни о каких «зависимости», «подчинении» русских интересов французским мы не наблюдаем и в помине.

То же, но еще в большей степени, мы можем сказать и о Великобритании. В русской правой среде накануне Первой мировой войны получил развитие миф о том, что Англия втягивает Россию в войну с Германией. Этот же миф поддерживается сегодня некоторыми историками и публицистами. Вот как этот миф-страшилка звучит в сочинении В. Н. Рябцева: *«Долгий период времени (даже среди просвещённой публики) не было чёткого понимания, что, по крайней мере с финальных аккордов войны с Наполеоном, Россия стала для Англии противником № 1 на европейском континенте. И к столкновению с ней (пусть и не прямо, но путем столкновения лбами немцев и русских в 1914 г.) коварные и беспощад-*

ные англо-саксы стали готовиться заранее – почти 100 лет до этого»^[544].

Этот образ «коварного Альбиона» словно сошел с немецкого агитплаката то ли 1914, то ли 1940 г. Дело представляется таким образом, будто бы жили-были коварная Англия, «туповатая» Россия и бесконечно «благородная» Германия. Последняя, как нас пытаются заверить, только и делала что пыталась убедить Царя в своих мирных намерениях, а тот, поддавшись влиянию англо-саксов и их «пятой», либеральной, колонны, упорно эти мирные намерения отвергал. То, что подобные утверждения беспочвенны и примитивны, доказывают исторические факты. Они свидетельствуют, что Император Николай II всегда воспринимал Англию как геополитического противника России и не строил по этому поводу никаких иллюзий. Однако он хорошо понимал, что в реалиях 10-х гг. XX в. Англия вынуждена объединиться с Россией против Германии, так же как 100 лет то этого, она была вынуждена объединяться с Россией против Наполеона. В 1912–1914 гг. Николай II руководствовался реальной международной обстановкой, которая ясно указывала, что главную опасность для России представляет не Англия, а кайзеровский рейх.

Для успешного развития русской экономики требовался контроль над Проливами, сохранение влияния в Персии и, по возможности, возвращение утраченных позиций в азиатском регионе. Царь готов был вести долгую дипломатиче-

скую борьбу за решение этих проблем. Он помнил, что его мирное продвижение на Восток было прервано негласной коалицией Англии, США и Японии, приведшей к нападению Японии на Россию. Главный урок, какой Россия вынесла из дальневосточной войны, заключался в том, что решение любой геополитической проблемы должно осуществляться путём договоров с другими государствами о разделе сфер влияний. Эта дипломатия принесла свои плоды с Англией, конфронтация с которой сменилась отношениями, при которых возможно было обсуждение и решение спорных вопросов между Петербургом и Лондоном.

Такой же договорённости Николай II хотел достичь и с Германией, Николай II был готов также гарантировать кайзеру нейтралитет России в случае войны рейха с Англией. Отправляясь на встречу с кайзером, Государь писал матери: *«В настоящее время нам нужно жить с нашими соседями в постоянной дружбе»*. Но в том-то и дело, что сама Германия стремилась к совсем иным целям.

Одним из главных плодов большевистской мифологии является определение войны 1914–1917 гг., которую вела Российская Империя против германских, австро-венгерских и османских агрессоров, как «империалистической». Для начала надо определиться с самим термином «империализма», который в современной науке трактуется следующим образом: *«государственная политика, направленная на завоевание территорий, колоний, установление политическо-*

го или экономического контроля над другими государствами»^{[545][546]}. Очевидно, что это определение никак не подходит к внешней политике Российской Империи в конце XIX – нач. XX в., так как она не только не стремилась к захвату колоний и контролю над другими государствами, но, наоборот, всячески поддерживала их суверенитет и свободу. Этому свидетельствует помощь России Абиссинии, Таиланду, Корее, Китаю от попыток превращения их в колонии, расчленения и захвату их территорий со стороны ведущих европейских держав и Японии. Конечно, Россия, как любое великое государство, имела свои геополитические интересы, но они не имели ничего общего с агрессией и захватом чужих территорий, то есть с политикой пресловутого «империализма». Изучение внешней политики Российской Империи конца XIX – начала XX в. полностью опровергает ложь о её «империалистических» устремлениях. Наоборот, можно с уверенностью говорить о том, что Самодержавная Россия являлась самым «неимпериалистическим» государством, а Самодержец был готов отказываться от самых заманчивых геополитических возможностей перед опасностью большой войны. В первую очередь это объясняется православной основой личности Императора Николая II и той ответственностью перед Богом, которую он нёс за Россию. Генерал С. Д. Позднышев хорошо понял эту духовную сторону личности Самодержца: *«Судьба поставила Государя во главе огромной Империи. На своё служение он смотрел, прежде всего, с религи-*

озной точки зрения, как истинный сын Православной Церкви. До высоты и глубины этой мистики – нам не подняться и не понять её величайшего значения. Не по внешней только форме, но по духу – он был Помазанник Божий»^[547].

Эти духовные мотивы, которые двигали Государем и во многом определяли его политику, сознательно или по духовному невежеству не учитывают многие исследователи. Как верно отмечает кандидат ист. наук генерал-лейтенант Л. П. Решетников: «Современные исследователи, которые находятся вне поля православного мировоззрения, часто не в состоянии правильно проанализировать и объяснить те или иные решения и поступки руководителей исторической России, так как они исходили полностью или в значительной степени из православного мировоззрения. Поэтому так нередко утверждения об ошибках, влиянии жен, детей, других родственников, а также знакомых, на худой конец, о наивном идеализме, перерастающем в романтические мечтания. Соединив все это с “империалистическими” стремлениями России, получаем примитивную схему объяснений, почему русские совершали такие шаги на международной арене, которые заведомо выглядели как невыгодные или грозящие негативными последствиями»^[548].

Между тем лживый миф об «империалистической» войне был создан большевиками для оправдания своей изменнической деятельности в военные годы и легитимации незаконно захваченной власти. Ленин ещё осенью 1914 г. за-

явил, что *«превращение империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг»*^[549]. Согласно лидеру большевизма желать поражения «царизму» было долгом и обязанностью каждого революционера. *«Революционный класс в реакционной войне, — писал Ленин, — не может не желать поражения своему правительству. Это аксиома»*^[550].

С точки зрения уголовного законодательства любого государства, да и с точки зрения морально-нравственной, такая «аксиома» является формой государственной измены.

Большевистско-советский режим до самого своего бесславного краха делал всё, чтобы опорочить, очернить характер и цели Самодержавной России в Первой мировой войне, стереть саму память о ней. При этом особую, а то и главную роль в развязывании войны большевики возлагали на Россию. Лев Троцкий писал: *«Русский империализм, непосредственно контрреволюционный характер которого был несомненен для всех русских социал-демократов, сыграл виднейшую роль в подготовке нынешней войны»*^[551].

Усилиями большевистской пропаганды, вместо героического противостояния России натиску крупнейших государств Европы, сопряженного с огромными усилиями, великими победами и крупномасштабными геополитическими перспективами, в народном и общественном сознании утвердилось мнение о «преступной» и «ненужной войне».

В связи с этим, поразительно живучим остается миф о

том, что «царизм», вступая в войну, стремился во что бы то ни стало захватить Черноморские проливы, жизненно необходимые для «русской буржуазии». Разумеется, схоластическое мышление советской историографии не хотело, да и не могло подняться до истинного осмысления роли Черноморских проливов и Константинополя для России, понять, что, помимо геополитического и экономического значения, обладание Царьградом, Вторым Римом, имело для русских огромный духовный смысл. В конце 1914 г. газета «Церковный вестник» писала: *«Царьград – это колыбель нашего христианства, великий учитель веры славянских народов. Царьград – это наследие Константина, завещанное русскому Мономаху и идейно преданное короне московской. Царьград – это узел русского прошлого и ключ к русскому национальному будущему»*^[552]. Известный общественный деятель Р. Д. Стрельцов точно определял и другое важное значение Проливов: *«Господство над Босфором и Дарданеллами не только открывает двери на влияние в бассейне Чёрного и Средиземного морей, но и является источником преобладания над Балканским миром и передней Азией, в судьбе которых Россия заинтересована»*^[553].

Однако всё это говорилось после начала войны. В августе же 1914 г. Россия никак не могла планировать захват Проливов, так как Османская империя вступила в войну на стороне германского блока лишь в конце октября того же года. При этом Россия прилагала немало усилий, для того чтобы не до-

пустить вступления Стамбула в войну, отлично понимая всю опасность для себя возникновения нового фронта. Более того, вплоть до самого нападения османско-германского флота на российское побережье русская дипломатия вела упорную работу с целью убедить младотурецкое правительство выступить против германского блока на стороне Антанты. Взамен этого Петербург гарантировал полную территориальную неприкосновенность Османской империи, а значит, вопрос о Проливах и Константинополе автоматически снимался с повестки дня^[554]. Как писал уже нами упоминаемый Р. Стрельцов: *«Как бы ни была соблазнительна идея завоевания и присоединения этого овеянного романтикой города [Константинополя], необходимо помнить, что всякое приобретение ценно лишь постольку, поскольку сумма неизбежных жертв не превысит сумму приносимого им блага»*^[555]. О. В. Айрапетов отмечает, что ещё в сентябре 1914 г., во время Восточно-Прусской операции, *«про Константинополь никто не думал»*^[556].

Конечно, в Главном Морском штабе Российской Империи ещё со времён Императора Александра II существовало несколько проектов и записок по поводу необходимости и возможности высадки на Босфоре^[557], но это были именно проекты, которые обязан иметь любой Генштаб любого государства на случай войны. Реально же подготовка к Босфорской операции началась по приказу Николая II лишь во второй половине 1916 г.

Осознавая, что Германия сделала ставку на большую войну, Николай II, хотя и делал все от него зависящее, чтобы её избежать, тем не менее тщательно готовился к почти неизбежному противостоянию. Россия прилагала огромные усилия, чтобы встретить войну готовой. Перед лицом военной опасности страна тратила огромные средства на оборону и развитие вооружений. Военные расходы России были самыми высокими в Европе. В середине октября 1913 г. была принята так называемая «Большая программа», призванная коренным образом переустроить русскую армию, доведя ее по всем показателям до современного уровня. Программа должна была быть выполнена к осени 1917 г. Б. М. Шапошников писал: *«“Большая программа по усилению армии” была утверждена в октябре 1913 года и предусматривала проведение до осени 1917 года мероприятий по коренному преобразованию армии, особенно в области ее технического оснащения (количественное и качественное усиление артиллерии, развитие авиации, автомобильного транспорта и т. д.). С началом Первой мировой войны выполнение программы было отменено»*^[558].

Историк А. А. Керсновский так оценивал цели «Большой программы»: *«По этой программе, русская армия к концу 1917 г. сравнивалась техникой с германской. По Большой программе наша сухопутная вооруженная сила доводилась с 1 230 тыс. человек до 1 710 тыс. человек в мирное время. <...> По Большой программе предполагено было на 1914–*

1917 гг. сформировать 26 кавалерийских полков. <...> Особенно усиливалась артиллерия»^[559].

Тем не менее Николай II сделал все, что было в его силах, чтобы не допустить войны. В первые ее дни Государь сказал Пьеру Жильяру: «Я сделал все, что мог, чтобы избежать этой войны, я шел навстречу всем уступкам, совместимым с нашим достоинством и национальной честью»^[560].

Глава 2. Попытки Императора Николая II достичь компромисса с Германией. 1909–1914 гг.

Идеологическая основа Второго рейха

Антагонизм между Россией и Германией в начале XX в. был вызван не только геополитическими противоречиями. Не менее важной причиной была духовно-идеологическая основа Второго рейха. Ещё начиная с 1848 г. в Пруссии всё более усиливается роль либеральных идей и франкмасонства. При этом следует отметить, что прусское масонство было тесным образом связано с масонством английским. Именно из Англии масонство пришло в Германию. Через ложи Лондон весьма сильно влиял на Пруссию вплоть до конца XIX в. Во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. Англия поддерживала прусского короля-масона Вильгельма I, ставшего в 1871 г. императором объединенной Германии. Масоном был и преемник Вильгельма I, его сын император Фридрих III, отец Вильгельма II.

В 1840 г. английская королева Виктория вышла замуж за принца Альберта Саксен-Кобург-Готского. Либеральный дух, царивший в Доме Саксен-Кобургов, был унаследован

дочерью королевы Виктории и Альберта принцессой Викторией, которая в 1858 г. вышла замуж за принца Фридриха Прусского, ставшего в 1888 г. германским императором Фридрихом III. Этот брак получил широкую поддержку со стороны правящих кругов Великобритании. Как отмечал английский автор Э. Бенсон, *«Викки^[561] было предназначено играть в Германии ту же роль, которую исполнял Альберт при Виктории, – роль монарха де-факто»^[562]*. В течение двух лет, предшествовавших свадьбе, шла тщательная обработка английской принцессы. Девушке говорили о двух основных задачах – желательности объединения Германии и необходимости либерализации Пруссии. Нет сомнений, что Виктория была частью большого масонского проекта, целью которого было превращение Пруссии в мощное проанглийское и либеральное государство – Германский рейх. Став прусской принцессой и супругой наследника престола, Виктория начала быстро претворять в жизнь полученные в Лондоне наставления. Она открыто презирала всё прусское и внушала супругу, что он «не проникся как следует либеральными и конституционными традициями и ценностями». Фридрих, боготворивший жену, полностью попал под ее влияние. Помимо этого, вступление на престол после смерти русофила Фридриха Вильгельма IV англофила Вильгельма I явно способствовало осуществлению планов Лондона. Главными направлениями «Новой эры» короля Вильгельма стали *«отход от России, опора на Англию, большие свободы, большие согла-*

сия, меньше власти и давления сверху»^[563].

Однако при Дворе, да и в народе, открыто недолюбливали «англичанку». В Берлине была достаточно сильна «русифильская партия», ориентировавшаяся на укрепление союза с Самодержавной Россией. Правящим кругам Лондона требовалось окончательно упрочить свой успех, для чего им был нужен воспитанный в английских ценностях германский император. Кронпринц Фридрих на эту роль подходил недостаточно, поэтому надежда была на его потомство.

25 января 1859 г. у Фридриха и Виктории родился сын принц Вилли, который в 1888 г. стал германским императором Вильгельмом II. Британский историк Д. Макдоно уверен, что *«для будущего кайзера программа была разработана задолго до его рождения. Соединить военную мощь Пруссии и парламентский либерализм Англии – в этом заключалась миссия Вильгельма. Брак его родителей, наследного принца Фридриха Вильгельма Прусского и английской принцессы Виктории, был начальной фазой политического проекта, который должен был завершить их наследник»*^[564]. Таким образом, *«маленький Вильгельм призван был стать воплощением англо-пруссского альянса»*^[565].

Однако с первых же дней «проект» не заладился. Ребенок при родах едва не скончался от долгой асфиксии, результатом которой стали левосторонний тремор (подергивания на лице и судороги) и сухость левой руки, которая на несколько сантиметров была короче правой. Маленького Вильгельма

ма пытались лечить тогдашними средствами (в частности, электрошоковой терапией), которые он сам позднее определял «пытками». Несомненно, что эти физические недуги наложили свой отпечаток на личность будущего императора. Кроме того, он явно не испытывал избытка материнской любви. Виктория, которая восприняла рождение больного ребенка прежде всего как удар по своим проанглийским планам, явно недолюбливала своего первенца.

Чем больше выросл Вильгельм, тем больше разочаровывалась в нем его мать. *«Он от природы ужасный бездельник и тунеядец, он ничего не читает, разве что идиотские истории <...> у него нет жажды знаний, – жаловалась она в 1877 г. – я боюсь, что его сердце совсем невоспитанно»; у Вильгельма нет «скромности, доброты, доброжелательности, уважения к другим людям, способности забывать о себе, смирения».* Виктория желала, чтобы удалось *«сломить его эгоизм и его душевную холодность»*^[566].

Неудивительно, что Вильгельм платил матери теми же чувствами, которые невольно переносились им и на Англию. Военные парады прусской армии в честь разбитых ею Дании, Австрии, Франции, величественный дед-император, героический отец, непосредственный участник победоносных войн, – всё это наполняло душу мальчика гордостью за свою родину. Поэтому мать со своим презрением к Пруссии и любовью к Англии вызывала в юном Вильгельме непонимание и раздражение. Будущий кайзер не раз сокрушался, что

«герб нашего рода запятнан, а империя загнана на край гибели английской принцессой, которая приходится мне матерью»^[567]. Он также предостерегал: *«Пусть Англия остерегается того времени, когда я смогу сказать свое слово»*^[568].

Однако, несмотря на свои противоречия с матерью и восприятие Британии как соперника Германской империи, Вильгельм II с первых дней своего царствования и до последнего предвоенного часа 1914 г. не собирался воевать с туманным Альбионом. Более того, Вильгельм II был сторонником сближения с Англией, которую он считал «естественным союзником» рейха. Д. Макдоно пишет: *«Прусская традиция диктовала необходимость добрых отношений с Россией, могучим восточным соседом, однако в этом вопросе сказалось влияние матери, к тому же семейные связи действовали в ином направлении: для Вильгельма приоритетом стало установление хороших отношений с Великобританией. Он всегда говорил, что Германия и Англия – естественные союзники: немцы должны владычествовать на суше, англичане – на море»*^[569]. Через сорок лет в этом же ключе будет рассуждать и Адольф Гитлер. Немецкий историк Фриц Фишер подчёркивает, что *«желание Вильгельма сделать Германию подобной Англии пропитывает его политические взгляды в такой же степени как взгляды большей части его министров и статс-секретарей»*^[570].

Надо сказать, что и в Лондоне было достаточно влиятельных сторонников сближения и даже союза с Германией. В

1898 г. лорд Дж.-О. Чемберлен заявил германскому послу в Лондоне, что *«период блестящей изоляции Англии миновал... мы предпочитали бы примкнуть к Германии и Тройственному союзу»*^[571].

Говоря об империи Вильгельма II, не следует упускать из виду, что она находилась под сильным влиянием германских банковских домов, тесно связанных родственными узами с ведущими банковскими домами США. Так, глава банковского дома «Лёб, Кун энд Компани» Якоб Генрих Шифф, выходец из богатой раввинской семьи Гессена, тесно связанной с банковским домом германских Ротшильдов, родился и вырос во Франкфурте-на-Майне. В 1865 г. он эмигрировал в США, где женился на Терезе Лёб, дочери крупного банкира, тоже, как и он, германо-еврейского происхождения Самуила Лёба, уроженца города Вормса (Рейланд-Пфальц). В 1894 г. дочь Шиффа Фрида вышла замуж за финансиста Феликса Варбурга, родившегося в Гамбурге в семье богатого банкира. Феликс приходился родным братом основателю Федеральной резервной системы США Полу Варбургу и директору гамбургского банковского дома Варбургов Макс-у. Последний был назначен Вильгельмом II начальником секретной службы по взаимодействию между американским банковским сообществом и германским правительством^[572].

Одним из самых крупных банковских домов во Франкфурте-на-Майне конца XIX в. был дом банкиров Бетманов, также связанных с Ротшильдами^[573]. Представитель Бетма-

нов станет при Вильгельме II рейхсканцлером Германии, одним из главных поджигателей Первой мировой войны и яростным врагом России. Он войдет в историю как Теобальд фон Бетман-Гольвег^[574]. Кстати, дед Теобальда читал курс истории деду Вильгельма II принцу Альберту Саксен-Кобургскому.

Первый секретарь русского посольства в Вашингтоне граф И. Г. Лорис-Меликов сообщал 17/30 марта 1916 г., что *«никакая иностранная нация не имеет в Америке столько банков, сколько Германия. Чтобы перечислить только крупнейшие из них, достаточно упомянуть о фирмах: “Кун, Лёйб и К°”, “Ляденбург, Тальман и К°”, “Селигман и К°” и прочие. Эти банки всецело немецкие по происхождению, и если в настоящее время они и считаются американскими, то не подлежит сомнению, что интересами своими они всё ещё тесно связаны с Германией»*^[575].

Одновременно многие банки и промышленные компании Великобритании находились в руках выходцев из Германии. Одним из них был судопромышленник германо-еврейского происхождения Г.-В. Вульф, игравший видную роль на англо-германо-американском рынке. Историк С. П. Мельгунов утверждал, что *«Николай II указывал в телеграмме английскому королю на возможное влияние [английских] банков, находившихся в немецких руках»* на революционное движение в России^[576].

К началу XX в. роль транснационального капитала, имев-

шего своей целью передел мира и создание Нового мирового порядка, чрезвычайно возросла и его эпицентр находился в США. Вильгельм II через банковские и промышленные круги поддерживал тесные контакты с Америкой и лично с президентом Теодором Рузвельтом, которого называл своим «большим приятелем».

Такова была подлинная суть Второго рейха, не имевшего ничего общего с благостным лубком «братской» страны, который так популярен у некоторых российских германофилов. На самом деле в лице кайзеровской Германии Россия имела смертельного и опасного врага.

Николай II и кайзер Вильгельм: путь к войне. 1909–1914 гг.

Несмотря на, мягко говоря, недружелюбное поведение кайзера во время Боснийского кризиса, Николай II рассчитывал при личных встречах убедить его оказать давление на Вену относительно её дальнейшей политики на Балканах в обмен на гарантию нейтралитета России в случае англо-германской войны. Вильгельм II, однако, воспринимал эти шаги Царя как продолжающуюся после Боснийского инцидента капитуляцию России.

Во время встречи Николая II и кайзера Вильгельма 4/17–5/18 июня 1909 г. в местечке Виролахти, в 8 км от границы с Россией, Вильгельм II и Бюлов решили, что Царь готов

полностью изменить свою политику и развернуться в сторону Германии. Сам кайзер ни на какие уступки России идти не хотел, а саму встречу рассчитывал использовать исключительно для демонстрации силы и закрепления достигнутого в 1908 г. дипломатического успеха. На неоднократные попытки Извольского поднять вопрос о недопустимом поведении Австрии немцы отвечали отговорками. Из общего разговора с германской делегацией Николай II сделал вывод, что Берлин не собирается идти навстречу России по вопросу сдерживания Австро-Венгрии. Одной из главных причин этого нежелания было стремление Германии самой закрепиться с помощью Вены на Балканах, а оттуда усилить своё влияние в Турции, развернув продвижение в Персию, зону русско-английских интересов. В таких условиях всякая попытка России начать переговоры о соглашении с Германией теряла всякий смысл.

15/28 октября 1910 г. в Петербурге было созвано Особое совещание для обсуждения возможного соглашения с Германией^[577]. Оно пришло к выводу, что переговоры с германской стороной должны носить *«лишь очень общий характер»* и желательно не связывать себя *«никакими определенными обещаниями»*^[578]. Но Николай II видел, что мир быстрыми шагами идёт к войне, которой он всеми силами пытался не допустить. Поэтому Государь хотел достичь с Берлином таких же договоренностей, какие он достиг с Лондоном: о разделе сфер влияния. По большому счёту всё, что хотел Го-

сударь от Берлина, — это отказ от поощрения австро-венгерской экспансии на Балканах и соблюдение приоритетных прав России в Проливах и Персии. Немцы, чьё торговое присутствие в Персии постоянно росло, были заинтересованы в согласии России на продолжение строящейся ими ветки Багдадской железной дороги в Персию. Николай II был готов пойти навстречу немецким торговым интересам, несмотря на то, что России, конечно, строительство этой железной дороги было невыгодно, так как она способствовала проникновению в Северную Персию конкурентов, прежде всего Германии. Однако, опасаясь дальнейшего ухудшения отношений с Берлином, Николай II счёл необходимым согласиться с его пожеланиями. Предложения немцев самим построить участок дороги были русским Правительством отвергнуты из-за опасения возникновения постоянных германских интересов в русской сфере влияния^[579].

С. Д. Сазонов, сменивший на посту министра иностранных дел А. П. Извольского, вспоминал: *«Русскому правительству необходимо было, прежде всего, обезвредить Германию на долгий срок путём возможных уступок в области её экономических интересов. Положение её было довольно выигрышное, и нам трудно было удержаться на почве экономической монополии Северной Персии. Надо было сохранить, главным образом, в неприкосновенности наше политическое положение в Тегеране и добиться его официально признания со стороны Германии, что было недостижимо*

без соответственных уступок»^[580].

Эти вопросы Николай II 21 октября/3 ноября 1910 г. обсуждал с императором Вильгельмом во время их встречи в Потсдаме. Государь стремился перевернуть страницу, связанную с Боснийским кризисом, пытался нормализовать отношения с Берлином. По указанию Николая II Сазонов предложил заключить Германии соглашение по железной дороге в Персии на следующих условиях: 1) Россия не будет препятствовать строительству Багдадской железной дороги; 2) Багдадская железная дорога не будет соединяться с будущими персидскими линиями без предварительного согласия России; 3) Германия объявит, что не имеет в Персии политических интересов, а также согласится с существованием особых стратегических и коммерческих интересов России в Северной Персии.

Казалось бы, германская сторона пошла навстречу России. После того как Сазонов озвучил рейхсканцлеру Бетману-Гольвегу весьма выгодные экономические предложения по Персии, тот заявил, что *«если бы Австро-Венгрия обнаружила стремление к политике захватов на Балканах, то она не встретила бы ни малейшей поддержки со стороны своей союзницы, не обязанной к тому никакими договорами и не склонной к подобной политике в силу собственных интересов»*^[581].

Это было долгожданное обещание Германии не потворствовать экспансии Австро-Венгрии на Балканах! Казалось,

появилась ниточка, с помощью которой можно было начать разматывать балканский клубок. Сазонов сказал Бетману, что это чрезвычайно важное заявление, о котором он должен немедленно сообщить Государю^[582]. Далее германский рейхсканцлер подтвердил, что Германия не преследует в Персии никаких политических целей и не будет домогаться в русской зоне для себя никаких территориальных уступок^[583].

Русский министр ещё раз заверил германскую сторону, что договорённости с Англией 1907 г. вызваны исключительно разграничением сфер влияния и не направлены против Германии. *«Если Англия захочет вести враждебную Германию политику, то она не найдёт нас на своей стороне»*, – заявил Сазонов^[584].

Тем временем в Потсдаме Николай II и Вильгельм II достигли устной договорённости не поддерживать политики, направленной друг против друга. Германия гарантировала отказ от поощрения агрессивной линии Австро-Венгрии на Балканах, а Россия – от участия в агрессивных планах Англии против Германии.

Но в момент переговоров Сазонов получил от русского посла в Берлине графа Н. Д. Остен-Сакена конфиденциальную информацию, в которой сообщалось, что Берлин уже тайно предупредил Вену, чтобы та не очень обращала внимание на возможные обязательства перед Россией в отношении неё. Остен-Сакен призвал Сазонова не питать никаких иллюзий ни в отношении русской политики Германии, ни

возможной перемены её отношений с Австро-Венгрией^[585]. Как доказывал посол, Германия стремится использовать переходное время, пока *«наше главное внимание сосредоточено на внутренних реформах, чтобы умножить и закрепить свои мировые позиции»*. Остен-Сакен подчеркнул, что союз с Веной служит краеугольным камнем нынешней политики Берлина^[586].

6/19 августа 1911 г. было подписано выработанное в Потсдаме «Соглашение по персидским делам», которое допускало германский бизнес в Персию^[587]. Это соглашение вызвало в Англии большое беспокойство. Лондон стал оказывать на русское Правительство сильное давление, с целью заставить его отказаться от соглашения по Персии. Однако это не возымело никакого действия. Компромисс с Берлином по Персии был нужен России для того, чтобы его умиротворить. Сазонов при этом надеялся, что строительство будет идти долго, а потому согласие России на соединение сети персидских железных дорог с Багдадской магистралью может оказаться «чисто фиктивным». Но он не учёл энергии и деловитости немецких чиновников и инженеров. Строительство Багдадской железной дороги продвигалось стремительными темпами.

В качестве жеста доброй воли в отношении Германии Николай II приказал перебросить часть русских войск с западной границы на восток.

Однако, несмотря на соглашение по Персии и demonstra-

тивное проявление Россией своего миролюбия, кайзеровский рейх продолжал вооружаться усиленными темпами. 25 января/7 февраля 1912 г. император Вильгельм, выступая в рейхстаге, объявил о внесении на рассмотрение депутатов закона об увеличении вооружённых сил. На Балканах всё больше разгоралось пламя войны. Опасность представляло то обстоятельство, что в случае военного вмешательства Австро-Венгрии в балканский конфликт почти неминуемо могло последовать и вмешательство Германии, что было чревато всеобщей европейской войной. Поэтому Николай II считал необходимым до конца прояснить позиции обеих стран.

В феврале 1912 г. Николай II послал в Австро-Венгрию Великого Князя Андрея Владимировича. Это был первый после Боснийского кризиса визит в Вену представителя царствующего русского Дома, который должен был продемонстрировать стремление России к нормализации отношений между двумя странами. Посол России в Вене заявил, что *«Великий Князь Андрей Владимирович нанёс визит Императору Францу-Иосифу вовсе не случайно, как об этом многие думают. Это произошло по прямому приказу Императора Николая»*^[588].

Летом 1912 г. Николай II пригласил кайзера в Балтийский порт Палдиски для обсуждения двусторонних отношений. Встреча двух императоров состоялась 21 июня/4 июля 1912 г. Государя сопровождали граф В. Н. Коковцов и С. Д. Сазонов. Вместе с германским императором прибыли

канцлер Т. фон Бетман-Гольвег с многочисленной военной свитой и посол в Петербурге граф Ф. фон Пурталес. Переговоры происходили на обеих императорских яхтах.

Коковцов заявил Бетману-Гольвегу, что Россию сильно тревожит германская программа вооружения 1911 г. и вотируемый рейхстагом чрезвычайный военный налог. *«Мы ясно видим, — отмечал Коковцов, — что Германия вооружается лихорадочным темпом, и я бессилён противостоять такому стремлению и у нас».* Коковцов развил перед канцлером мысль, что *«Россия доказала Германии свою чисто оборонительную политику тем планом, который она провела по инициативе её военных деятелей в 1910 году упразднением польских крепостей и отводом на Восток своего выдающегося фронта в Польше. Из этого одного факта с непереложною ясностью вытекает, что у России нет наступательного плана и что она думает только об одной обороне, рассчитанной на отражение нападения, которое было бы сделано на неё»*^[589].

Бетман-Гольвег ответил Коковцову, что *«Германия хорошо знает, что Россия не отойдёт от своего союза, глубоко скорбит теперь о том, что 30 лет тому назад произошёл роковой поворот в традиционной политике Германии по отношению к России, и что ей не остаётся ничего другого, как сдерживать этот неизбежный ход событий»*^[590].

Слова канцлера были малоутешительны для Петербурга. В них как бы уже содержался ответ, что Берлин, также «глу-

боко скорбя», в определённый день и час не сможет сдержать «неизбежный ход событий» и начнет войну. Когда Коковцов сообщил Государю об этих словах канцлера, Николай II сказал: *«Готовиться нужно, и хорошо, что нам удалось провести Морскую программу, необходимо готовиться и к сухопутной обороне»*^[591].

Второй день встречи подходил к концу, когда император Вильгельм, внезапно пригласил С. Д. Сазонова к разговору. Главный смысл сказанного кайзером был заключён в последних его словах: *«Жёлтая опасность не только не перестала существовать, но стала еще грознее прежнего и, конечно, прежде всего, для России. Что вами делается для её предотвращения? Вам остаётся только одно – взять в руки создание военной силы Китая, чтобы сделать из него оплот против японского натиска. Это совсем не трудно ввиду бесконечного его богатства в людях и иных естественных ресурсах. Задачу эту может взять на себя только одна Россия, которая к тому предназначена, во-первых, потому, что она наиболее всех заинтересована в ее выполнении, а во-вторых, потому, что ее географическое положение ей прямо на неё указывает. Если же Россия не возьмет этого дела в свои руки и не доведет его до конца, то за реорганизацию Китая примется Япония и тогда Россия утратит раз и навсегда свои дальневосточные владения, а с ними вместе и доступ к Тихому океану»*^[592]. Более ясного указания России не вмешиваться в европейские дела и повернуться лицом на Восток

представить было невозможно.

1913 г. стал временем наивысшего расцвета Российской Империи. Её небывалый промышленный подъём, развитие науки, экономики, вооруженных сил не могли не волновать главного претендента на мировое господство – кайзеровскую Германию и всё более подконтрольную ей Австро-Венгрию. Именно 1913 г. стал периодом дипломатической подготовки германским блоком войны против России. К этому времени Германия и Австро-Венгрия уже создали для себя наиболее выгодные плацдармы для обеспечения успеха в предстоящей агрессии. В 1913 г. они стремились укрепить своё господство на Балканах и в Турции. С другой стороны, не произошло создания единого блока России, Франции и Англии. Последняя, несмотря на все свои заверения, так и не взяла на себя никаких военных обязательств перед Россией и Францией. Во время визита С. Д. Сазонова в сентябре 1912 г. в Англию сторонам удалось договориться только о взаимодействии в Персии. Что же касается русско-английской морской программы, о необходимости подписания которой Сазонов убеждал Грея, то английская сторона с энтузиазмом поддержала саму идею и благополучно затянула вопрос по ней до самого начала войны. В начале 1913 г. посланник Объединённого комитета еврейских политических организаций Р. М. Бланк, участвовавший в заседании межпарламентской организации в Париже, узнал от французского сенатора Поля Анри д'Эстурнель де Константа, что Ан-

глия в случае войны России и Франции против Германии не будет в ней участвовать. Это же подтвердил Бланку находящийся рядом председатель межпарламентской организации лорд Вердель^[593].

Единственным союзником России оставалась Франция, впрочем, и этот союзник был ненадёжен. В случае начала новой войны на Балканах и вмешательства в неё России не было никакой уверенности, что Париж окажет своему союзнику военную помощь, даже если бы в войну вступила Германия. В Париже постоянно давали понять, что условия русско-французской конвенции подразумевают вмешательство только в случае нападения Германии или Австро-Венгрии на одного из них.

Россия находилась в чрезвычайно опасном положении. Ей нужно было любой ценой сохранить мир. Весь 1913 г. Император Николай II и его дипломаты предпринимали попытки по недопущению создания военной угрозы, постоянно стремясь умиротворить всё более агрессивный Берлин.

В мае 1913 г. Император Николай II прибыл в Берлин на свадьбу дочери кайзера принцессы Виктории-Луизы, вышедшей замуж за принца Эрнста-Августа Брауншвейгского. Этому визиту было суждено стать последним посещением Николаем II Германии, в ходе которого произошла его последняя встреча с императором Вильгельмом II. Словно в предзнаменование этого визит Государя в Берлин был особенно торжественен и прошёл в обстановке особой теплоты

и внимания со стороны кайзера. Вернувшись в Петербург, Государь признавал: *«Я остался очень доволен своим пребыванием в Берлине. Прежде всего, приём, оказанный мне императором Вильгельмом, меня очень тронул»*^[594].

Николай II был поражён и тёплой встречей, оказанной ему простыми берлинцами. *«Говоря о своих берлинских впечатлениях, – вспоминал С. Д. Сазонов, – он сказал мне, что ему была оказана в Германии чрезвычайно любезная встреча не только со стороны Двора, что было в порядке вещей, но и со стороны населения столицы, приветствовавшего каждое его появление»*^[595].

Однако Государь за 1,5 месяца до своего отъезда в Берлин, 12/25 марта 1913 г., ознакомился с сообщением военного агента в Берлине полковника П. А. Базарова о прениях в рейхстаге по новому военному законопроекту. В нём депутатами рейхстага *«впервые открыто германство противопоставлено славянству, усиление которого и развитие панславизма, вызвавшие националистическое движение во Франции, обуславливают необходимость спешного увеличения вооружённых сил Германии»*^[596].

Когда в мае 1913 г. Император Николай II встречался с Вильгельмом в Потсдаме, кайзер, между прочим, среди других маловажных вопросов, сообщил, что собирается послать в Константинополь военную миссию во главе с генерал-лейтенантом Отто Лиманом фон Сандерсом. Эта миссия, по словам кайзера, ничем не будет отличаться от других воен-

ных германских миссий, которые до того посылались в Турцию. Вильгельм поинтересовался у Государя, не будет ли тот против посылки миссии? Николай II ответил, что если она не будет отличаться от прежних, то никаких возражений у него не вызовет^[597].

Между тем, направляя миссию во главе с Сандерсом, кайзер преследовал далеко идущие цели. Подготавливая войну, германское руководство видело Османскую империю своим союзником. Однако тяжёлые поражения турецкой армии в ходе Балканской войны вызвали в Берлине чувство глубокого разочарования. Там стало ясно, что без кардинальной перестройки турецкую армию в новой войне ждёт не менее тяжёлое поражение. Но на перевооружение и реформирование турецких вооружённых сил у Германии не было времени. Для начала нужно было подчинить своему командованию генеральский и старший офицерский корпус армии султана, а затем с помощью своих генералов и офицеров начать реорганизацию турецкой армии. Германская военная миссия из 42 офицеров была направлена в Турцию в ноябре 1913 г. Глава миссии Лиман фон Сандерс был назначен султаном верховным инструктором турецких войск и командующим I турецким корпусом, расположенным в Константинополе. Германское правительство не сочло нужным ознакомлять с этим Петербург. В Берлине прекрасно знали, что реакция русского Правительства на это будет крайне негативной.

Так оно и случилось. С. Д. Сазонов вызвал германского

посла Пурталеса и заявил ему, что «не может себе представить, чтобы в Берлине не отдавали себе отчета в том, что русское правительство не может относиться безразлично к такому факту, как переход в руки германских офицеров командования Константинопольским гарнизоном. Германский канцлер должен был знать, что если есть на земном шаре пункт, на котором сосредоточено наше ревнивое внимание, и где мы не могли допустить никаких изменений, затрагивавших непосредственно наши жизненные интересы, то этот пункт есть Константинополь»^[598].

Одновременно Государь поручил председателю Совета министров графу В. Н. Коковцову, возвращавшемуся в Петербург из заграничного турне, сделать 26 октября/4 ноября остановку в Берлине, для того чтобы обсудить с германскими правящими кругами вопрос вокруг миссии Сандерса.

Коковцов встретился с Бетманом-Гольвегом, который утверждал, что посылка генерала в Турцию является лишь помощью одного союзника другому. При встрече Коковцова с Вильгельмом II, тот разразился гневной тирадой, в которой иносказательно обвинил Царя в непостоянстве, утверждая, что он предупреждал его о грядущей смене главы германской миссии в Константинополе и получил на это царское согласие. Директору Кредитной канцелярии Н. Ф. Давыдову кайзер открыто заявил, что скоро начнется война между Германией и Россией.

Между тем в России все здравомыслящие люди не хоте-

ли войны с Германией. Войны не хотел Государь и большая часть русского правящего слоя. Конечно, были и в России свои «ястребы». Среди них выделялся Великий князь Николай Николаевич-младший. П. А. Столыпин говорил о нём: *«Удивительно он резок, упрям и бездарен. Все его стремления направлены только к войне, что при его безграничной ненависти к Германии очень опасно. Понять, что нам нужен сейчас только мир и спокойное дружное строительство, он не желает и на все мои доводы отвечает грубостями. Не будь миролюбия Государя, он многое мог бы погубить»*^[599]. Но Николай Николаевич никакого влияния на внешнюю политику России не оказывал.

Несмотря на то что формально вопрос с германской миссией в Турции был улажен, ситуация на Ближнем Востоке представлялась Николаю II крайне опасной. По мнению Государя, главная угроза войны исходила с Балкан. Государь отдал распоряжение С. Д. Сазонову как можно скорее провести переговоры о заключении конвенции с Англией. Сазонов по этому поводу сказал: *«Соглашение, которое мы заключим с Англией, обеспечит равновесие и мир. Спокойствие Европы не будет более зависеть от каприза Германии»*^[600]. До войны оставалось два с половиной месяца.

Подготовка кайзеровской Германией «превентивной» войны против России

Впервые о возможности войны с Россией кайзер Вильгельм II высказался, ещё будучи наследным принцем, в 1888 г. в письме к Бисмарку^[601], который на полях оставил помету, что осуществление подобных планов *«было бы несчастьем»*^[602]. Вильгельма это не остановило и свою диссертацию, защищенную в берлинской Академии Генерального штаба, он озаглавил как *«Варианты фронтального наступления в глубь России»*. В ней будущий кайзер доказывал: чтобы не повторять ошибок Наполеона, удовлетворившегося только походом на Москву, следует занять всю европейскую часть России вплоть до Урала, Кавказ и Прибалтику^[603]. Полвека спустя подобный план будет разработан в ставке Гитлера под кодовым наименованием «Барбаросса».

Бисмарк вновь возражал, полагая, что Россия является тем «ящиком Пандоры», открывать который ни в коем случае не надо^[604]. Эта позиция Бисмарка, которую Вильгельм II считал «русофильской», стала в немалой степени причиной отчуждения кайзера и «железного канцлера». *«Если мы не договоримся с Бисмарком в русском вопросе, – заявил кайзер, – то нам придется расстаться»*. «Договориться» не удалось, и в 1890 г. Бисмарк был отправлен в отставку.

Между тем Вильгельм II имел среди германской верхуш-

ки немалое число единомышленников, вполне допускавших «превентивный» удар по России.

Здесь следует отметить, что кайзер родился, вырос и сформировался как личность в обществе, где жила абсолютная уверенность в том, что Европа, да и весь мир, должны жить под руководством Германии. В конце XIX в. в германских радикал-националистических кругах складывается образ «Серединной Европы» (Mitteleuropa), то есть Европы, объединенной вокруг Германии и во главе с ней. Границы этого образования должны были включать большую часть Западноевропейской России (т. н. Восточной Европы), которая рассматривалась Вильгельмом II, как потом и Гитлером, как «Жизненное пространство на Востоке» (Lebensraum im Osten). Известный немецкий экономист Вернер Зомбарт с целью доказать необходимость «жизненного пространства» для Германии и «закономерность» создания «Серединной Европы» утверждал: *«Немецкому народу уже не хватает места, и хозяйство его вынуждено все больше искать себе базиса на земле зарубежных стран»*^[605]. Примечательно, что имеющиеся карты «Серединной Европы» предусматривали создание большого «государства» Украина, прибалтийских государств и Финляндии, разумеется под полным протекторатом Германии. Граница с Россией должна была проходить по Киеву. Влиятельные адепты проекта Mitteleuropa утверждали, что его реализация *«является большой задачей для современного поколения»*^[606].

Богослов, педагог и географ Герберт Даниэль отмечал, что Германия – «сердце Европы», и как сердце нуждается в теле, так и Германия нуждается в целом мире^[607]. Она призвана Богом осчастливить человечество германизмом и своей культурой. Для этого необходимо, чтобы немцы, занимающие центральное положение в Европе, создали могущественную среднеевропейскую державу, или «Соединенные Штаты Европы», в качестве орудия для дальнейшего завоевания мирового господства.

Другой немецкий ученый, Фридрих Ратцель, был убежден, что задача Германии состоит *«в сплочении и обеспечении за собой сил Срединной Европы»*. При этом восточной границы этого государственного образования Ратцель не устанавливал. Он же в 1901 г. впервые сформулировал понятие «жизненного пространства на Востоке». Он перенёс теории Чарлза Дарвина о борьбе за выживание в животном мире на отношения между народами и описывал государства как живые существа, которые находятся в постоянной борьбе за жизненное пространство, а дальнейшее существование которых зависит от его наличия. По существу это была прелюдия национал-социализма.

Очевидно, что главным объектом германской экспансии была Россия. Немецкий дипломат и публицист Константин Франц указывал на опасность России для будущего Европы. *«Только соединенный Запад может образовать преграду России и при том с той стороны, с которой она наибо-*

лее уязвима, т. е. с западной. Пусть вытеснят Россию за Двину и Днестр и покажут ей силу, ежеминутно готовую к нападению, и Россия будет так же мало думать о переходе через Гималаи, как через Балканы»^[608]. Франтц указывал на образование европейской федерации во главе с Германией (при обязательном участии Голландии, Бельгии, Швейцарии и Австрии) против России как на историческую и политическую необходимость. В такой федерации именно кайзеровская Германия и двуединая Австро-Венгерская империя должны быть пограничными стражами европейской цивилизации. По мнению идеологов срединного европейского объединения, в состав или сферу влияния Германии должны были отойти западные районы Российской Империи, Юго-Восточная Европа, Турция и Ближний Восток.

В год вступления кайзера на престол немецкий философ Эдуард фон Гартман опубликовал в журнале «Гегенварт» статью «Россия в Европе»^[609]. Следует отметить, что Гартман считал расово неполноценными евреев и славян. Под последними он в большей степени имел в виду русских. Неудивительно, что статья изобиловала мечтаниями о расчленении Российского государства: «Финляндия была бы отдана Швеции, Бессарабия – Румынии, Эстляндия, Лифляндия и Курляндия вместе с Ковенской и Виленской губерниями преобразованы бы в самостоятельное Балтийское королевство, а речная область Днепра и Прута – в королевство Киевское»^[610]. Эти идеи будут приняты на вооружение Виль-

гельмом II, а позже Гитлером.

В том же 1888 г. посол рейха в Вене князь Генрих VII фон Рёйсс цу Кёстриц полагал, что *«надо разгромить русскую мощь, прежде чем та станет для нас опасной»*^[611]. Кронпринц Вильгельм напротив этой фразы на полях написал возбужденное: *«Да! Правильно!»*

Символично, что вскоре после этого германский Большой штаб приступил к разработке превентивной войны с Россией. Ещё в самом начале XX в. германским командованием был разработан план войны на два фронта: против Франции и против России. Уже в 1870 г., после капитуляции французов при Седане, генерал-фельдмаршал Гельмут фон Мольтке-старший сказал: *«Самым тяжким испытанием для существования новой Германской империи была бы одновременная война против России и Франции, и так как эта возможность не исчезла, нужно изыскивать способы её отражения»*^[612]. «Способы отражения» свелись в германском Генштабе к разработке грандиозного стратегического плана генерала Альфреда фон Шлиффена. Он полагал, что Германия в союзе с Австро-Венгрией вполне может вести войну на два фронта. При этом основные германские силы должны были быть направлены против Франции^[613]. Основную роль в войне на русском фронте на первоначальном этапе, вплоть до поражения Франции, немцы отводили австро-венгерской армии. В 1905 г. Шлиффен составил окончательный вариант своего плана, по которому *«русские армии будут момен-*

тально сдержаны австро-венгерской армией и минимально германскими силами. На Западе, против Франции – мощное массированное наступление германских армий»^[614].

К 1914 г. план Шлиффена был выработан досконально, а сроки его осуществления чётко регламентированы. Когда 12 мая 1914 г. начальник австро-венгерского Генерального штаба генерал барон Франц Конрад фон Гётцендорф спросил у своего германского коллеги генерала Мольтке, сколько времени понадобится Германии, чтобы сокрушить Францию, пока австрийцам придётся воевать одним против русских, тот ответил: *«Мы надеемся покончить с Францией за шесть недель с начала военных действий и до того момента, как сможем сконцентрировать все наши силы на Востоке»*^[615].

Весной 1908 г. военный агент в Берлине полковник А. А. Михельсон докладывал, что *«к весне 1909 г. Германия будет совсем готова к войне и ей выгодно будет её начать, чтобы использовать свою армию, содержание которой, вместе с постройкой новых судов, стоит Германии таких огромных денег, что не далеко то время, когда дальнейшее развитие её станет не под силу стране, обременённой тяжёлыми налогами. Вот до наступления этого момента и выгодно Германии нанести удар славянскому миру и его союзникам, чтобы на долгие годы закрепить своё преобладание в Европе»*^[616].

Осенью 1908 г. на стол Николая II легла составленная

Мольтке и утверждённая кайзером *«Записка о распределении германских сил в случае войны»*, в которой речь шла о нападении на Россию^[617]. Этот документ был добыт русским военным агентом в Берлине полковником А. А. Михельсоном через негласную агентуру. Содержание записки не оставляло сомнений в наступательном характере будущей войны для германской армии, причём начало боевых действий относилось на тот момент, когда Германия придёт к *«убеждению, что сохранение мира более несовместимо с нашей честью»*. Относительно Российской Империи Мольтке, в частности, писал: *«По воле верховного вождя, Его Величества Императора Вильгельма, война с Россией должна ограничиться пределами русской Польши, а при заключении мира – предоставить Австрии требовать уступок. Балтийские провинции должны быть по возможности избавлены от ведения в них военных операций, а при удачном исходе войны земли эти должны получить обратно их собственное управление, даже в виде самостоятельного государства буферного типа»*^[618].

27 марта 1911 г. рейхстагом принят военный закон на пятилетие 1911–1915 гг. По сводкам ГУГШ: *«Вызываемые новым законом организационные изменения заключаются в следующем: Общее увеличение численности германской армии. Армия должна была увеличиться на 10 875 чел. Увеличение численности будет происходить постепенно в течение 5 лет. Вызываемые новым законом единовременные расхо-*

ды исчислены в 82 419 033 марки, из коих в 1911 г. ассигнуются 4 177 836 марок, а остальные в течение 1912–1915 годов. Обыкновенные расходы в 1911 г. увеличиваются на 3 727 441 марку, а по окончании всех реформ – на 21 813 979 марок»^[619].

Именно эти колоссальные финансовые затраты на вооружения сделали Германию заложницей войны. Сбывались опасения Императора Николая II о смертельной опасности в современных условиях гонки вооружений. Эти опасения побудили Царя в 1899 г. созвать конференцию по разоружению в Гааге, идеи которой были так самонадеянно и близоруко отвергнуты императором Вильгельмом. Теперь же созданная кайзером колоссальная военная мощь требовала своего применения. Экономика империи изнывала под тяжестью военных налогов. Германии нужно было где-нибудь начать войну. Россия не давала поводов для нападения, и поэтому, начиная с конца 1912 г., Германия этот повод лихорадочно искала.

25 ноября/8 декабря 1912 г. на совещании своего генералитета Вильгельм II высказал мысль, что наступило *«наилучшее время»* для начала войны против Франции и России^[620]. Кайзер заявил, что начинается новая глава германской истории – *«борьба германцев за существование против русских и галлов. Никакая конференция не сможет нас от этого избавить, так как речь идёт не о важной политической проблеме, но о расовом вопросе. Он касается существования гер-*

манской расы в Европе»^[621]. Через год император Вильгельм слово в слово повторил эту мысль директору Кредитной канцелярии Н. Ф. Давыдову, заявив: *«Я скажу Вам прямо – я вижу надвигающийся конфликт двух рас: романо-славянской и германизма»*^[622]. На возражение Давыдова, что Россия не помышляет ни о какой войне и желает только одного мирного существования, кайзер ответил: *«Если война неизбежна, то я считаю совершенно безразличным кто начнёт её. <...> Я говорю Вам совершенно определённо, что война может сделаться просто неизбежной»*^[623]. Таким образом, в конце 1913 г. Вильгельм II уже не считал нужным скрывать от России свою подготовку к войне с ней.

Того же мнения придерживался начальник Большого штаба генерал фон Мольтке: *«Большая война неизбежна, и чем раньше она начнется, тем лучше»*^[624]. России нельзя давать время для мобилизации, *«нужно начать, не выжидая, чтобы круто раздавить всякое сопротивление»*.

4 февраля 1912 г. военный атташе в Берлине полковник П. А. Базаров доносил в Петербург, *«что Германия усиленно готовится к войне в ближайшем будущем»*^[625], и её пока только останавливает неполная готовность военного флота. Немцы не скрывали своего стремления к войне: *«Ничего лучше радостной и победоносной войны нам не надо, – заявил русскому военному агенту в Берлине полковнику П. А. Базарову начальник военного кабинета кайзера и его генерал-адъютант барон Морис фон Линкерн. – Армия устала*

от этого 30-летнего мира и жаждет войны. Мы совершенно готовы начать её немедленно»^[626].

В 1912 г. в Штутгарте увидела свет книга генерала Фридриха фон Бергарди *«Германия и будущая война»*. Этот труд фактически являлся официальным взглядом правящих кругов рейха, недаром он претерпел семь изданий, а его положения легли в основу плана послевоенного устройства мира, разработанную Бетманом-Гольвегом в его «Осенней программе» 1914 г. Бергарди считал необходимым для Германии добиться трёх главных целей: 1. Решительно *«раздавить Францию, так, чтобы она больше никогда не смогла перебежать нам дорогу»*. 2. Создать конфедерацию государств (Mitteleuropa) под руководством Германии. Эта задача должна была быть решена главным образом за счёт территорий России. Её решение предусматривало создание независимой Украины, которая поддерживала бы тесные связи с Германией и имела бы с ней общую границу^[627]. 3. Возведение Германии в ранг мировой державы посредством завоевания новых колоний^[628].

Полная преемственность теорий Бергарди с практикой Бетмана-Гольвега – очевидна. Последний указывал в своём меморандуме через месяц после начала войны: *«Россия должна быть отброшена в Азию и отрезана от Балтики; с Францией и Англией мы можем договориться, с Россией – никогда»*. На западе Бетман-Гольвег после войны хотел договориться о «культурном союзе» Германии и побеждён-

ных Франции и Англии против России, которая должна была быть вычеркнута из европейского контекста^[629].

Расчленение России находило живую поддержку и у германских промышленников. Один из них, Август Тиссен, говорил: «Россия должна лишиться балтийских провинций, части Польши, Донецкого угольного бассейна, Одессы, Крыма, Приазовья и Кавказа»^[630]. Журнал «Вестник Европы» отмечал в 1914 г. *«Германия стремится к завладению мировым рынком в интересах своей индустриальной, финансовой и торговой буржуазии. Потому-то широкие круги германского населения широко поддерживают “военную партию”, против которой не борется даже немецкая социал-демократия, также заинтересованная в расширении рынка труда. И надо, чтобы русская публика знала это. Тогда она поймёт, что речь идёт об упорной борьбе, которую дальновидные немцы называли “второй Семилетней войной”»*^[631].

В секретной записке иностранного отдела Морского генерального штаба России, поданной на Высочайшее имя, скорее всего в конце 1913 г., говорилось: *«Последние 15 лет Германия всеми силами пыталась поработить Россию экономически и ослабить ее в политическом и военном отношении. <...> Но возрождение России уже началось и идёт быстрыми шагами: в Германии пробуждаются вследствие этого серьёзные опасения за дальнейшее распространение своего влияния, и немцы уже спешат принять меры»*^[632].

Одна из главных причин, по которой германский про-

мышленный капитал стремился покончить с Россией как с опасным конкурентом, заключалась в принятом русским Правительством решении пересмотреть неравноправный торговый договор с Германией 1905 г. Генерал А. Ф. Редигер писал: *«Торговый договор 1905 года, заключённый нами во время войны с Японией, был для нас крайне тяжёл тем, что целые отрасли нашей промышленности (особенно химические производства и изготовление машин) были лишены таможенного покровительства, а потому не могли развиваться, так что мы были вынуждены получать все эти произведения из Германии. Поэтому было решено, что торговый договор с Германией либо вовсе не будет возобновлен, либо будет изменен коренным образом, и для выработки основ нового таможенного тарифа производились обширные подготовительные работы. Изменение нашего тарифа грозило германской промышленности серьезным ударом, а потому можно было ожидать таможенной войны и всякого рода угроз со стороны Германии, но всё же Правительство, по-видимому, не верило, чтобы она решилась на европейскую войну»*^[633].

Вильгельм II, узнав из донесения германского посла в Петербурге графа Фридриха фон Пурталеса о намерении Императорского Правительства пересмотреть русско-германский торговый договор, угрожающе заявил: *«Русско-пруссские отношения раз и навсегда мертвы, мы стали врагами»*^[634].

Период 1913–1914 гг. был самым удачным для Германии. Темпы роста немецкого населения были большими, экономика достигла пика своего развития, вооруженные силы полностью отмобилизованы и готовы к действию. Из всех государств Европы только Германия была готова начать войну. К 1914 г. армия кайзера насчитывала 808 тыс. 280 человек, а по мобилизации – 3 млн 822 тыс. человек^[635]. Германская армия была прекрасно обучена и вооружена по последнему слову техники. В ней были представлены все виды вооружений. У немцев на начало войны насчитывалось 232 самолета, 1396 тяжелых орудий. Германская армия была единственной армией мира, в которой имелись миномёты. В начале XX в. развивается немецкое военное машиностроение. В армии появились 4 тыс. броневедомостей Круппа с 77-мм орудиями. В 1914 г. германский флот насчитывал 14 броненосцев, 4 бронированных крейсера, 10 минных крейсеров, 132 миноносца^[636].

В начале 1913 г. до ГУГШ дошли сведения о значительной активизации деятельности военного министерства Германии. Оно закончило на два месяца ранее, чем всегда, обучение новобранцев, в необычное время года (зимой) призвало на сборы запасных всех категорий (более 600 тыс. человек против 450 тыс., созданных в 1910 г.), начало выработку законопроекта о дальнейшем, еще более значительном увеличении своих вооруженных сил^[637].

Немцы особенно и не скрывали от русской стороны свои

военные планы. В феврале 1913 г. Мольтке убеждал графа И. Л. Татищева, *«что войны с Россией никто в Германии не желает, но что, если того потребуют обстоятельства, Германия принуждена будет стать на сторону своих союзников всею своею мощью и драться до последней крайности»*. На замечание Татищева, *«что австрийцы за последние годы вторично грозят общеевропейскому миру, опираясь на силу Германии, и тем самым могут втянуть её в рискованные предприятия»*, Мольтке ответил, что *«это совершенно верно, а всё-таки мы не можем не поддерживать наших союзников, потому что нам нужна Австрия, такую как она есть, т. е. немецкой державой»*^[638]. Фактически в своём разговоре с Татищевым начальник германского генштаба почти за год до войны обрисовал сценарий её начала.

31 июля/13 августа 1913 г. император Вильгельм II подписал секретную инструкцию Министерству иностранных дел о подготовке глобальной войны. В октябре того же года Мольтке представил кайзеру усовершенствованный план нападения на Францию и на Россию. 3/16 октября кайзер поставил в известность о своих планах австро-венгерское руководство, предложив генералу Конраду фон Гётцендорфу *«заняться своим непосредственным солдатским делом и не маршировать на Белград»*^[639]. На вопрос Конрада, что будет делать Германия в случае нападения Австро-Венгрии на Сербию, Вильгельм II ответил: *«Я пойду с вами. Другие государства не в состоянии ничего предпринять»*^[640].

Весной 1914 г. Мольтке в разговоре со статс-секретарём иностранных дел^[641] Готлибом фон Яговом признался: «Через два или три года Россия завершит своё перевооружение. Военное превосходство наших противников станет, таким образом, настолько серьёзным, что я не знаю, как мы сможем с этим справиться. Сейчас, мы с ними находимся более или менее на одном уровне. Исходя из этого, нам ничего не остаётся как провести превентивную войну, чтобы разбить врага, пока мы ещё способны вести борьбу». Мольтке также дал понять, что Ягов должен «ориентировать политику, исходя из скорого объявления войны»^[642]. Уже в разгар Сараевского кризиса Ягов повторил в точности слова Мольтке в письме к князю Лихновскому. Для Германии, писал он, настоящий момент наиболее благоприятен для начала войны, так как «через несколько лет Россия будет готова и раздавит нас числом своих солдат, имея построенный флот на Балтике и стратегические железнодорожные пути, в то время, как наш союз будет постоянно слабеть»^[643].

Через два месяца, в июле 1914 г., Ягов вновь повторил свой разговор с Мольтке, теперь уже в письме к русскому послу в Лондоне графу А. К. Бенкендорфу: «В основном Россия сейчас к войне не готова. Франция и Англия также сейчас не захотят войны. Через несколько лет, по всем компетентным предположениям, Россия уже будет боеспособна. Тогда она задавит нас количеством своих солдат; ее Балтийский флот и стратегические железные дороги уже бу-

дут построены. Наша же группа между тем все более слабеет. В России это хорошо знают и поэтому, безусловно, хотят еще несколько лет покоя. Я охотно верую вашему кузену Бенкендорфу, что Россия сейчас не хочет войны с нами»^[644].

Таким образом, как справедливо отмечает профессор А. К. Байов, *«Германии было выгодно создать искусственно предлог к войне, или, по крайней мере, воспользоваться как таковым подходящим для этого фактом»*^[645].

Начиная с первых месяцев 1914 г. русская разведка получает множество сообщений о подготовке Германией в ближайшее время войны с Россией. 10 февраля 1914 г. начальник штаба Киевского военного округа докладывал в секретном рапорте начальнику ГУГШ: *«В Германии в настоящее время исподволь начинают готовить войска и население к мысли о неизбежности столкновения с Россией»*^[646]. 28 февраля 1914 г. в секретном рапорте военного агента в Берлине полковника П. А. Базарова в ГУГШ говорилось, что немецкая пресса ведёт кампанию против России^[647].

В тот же день граф И. Л. Татищев докладывал Николаю II о резком ухудшении отношения германских властей к сотрудникам русских представительств и техническому персоналу, находящемуся в Германии в командировках^[648]. Татищев докладывал: *«Натянутость отношения к России продолжается здесь ощущаться. Нашу политику почему-то считают агрессивной»* и полагают, что *«расовая борьба со сла-*

вянством» неизбежна^[649].

26 мая 1914 г. директор Департамента полиции В. А. Брюн-де-Сент-Ипполит докладывал начальнику Главного штаба генерал-лейтенанту Н. Н. Янушкевичу: *«По сведениям, полученным Полоцким ГЖУ, в настоящее время в Германии, как вообще, так и в особенности в приграничных с Россией местностях, господствует среди населения убеждение, что германское правительство, опасаясь быстро возрастающего военного могущества Российской Империи, намерено в ближайшем будущем воспользоваться каким-либо незначительным предлогом для объявления войны России, так как в этом конфликте достигим успех Германии лишь в настоящее время, впоследствии же таковой станет уже, по мнению германских общественных кругов, невозможным»*^[650].

То же самое писал и бывший военный министр В. Ф. Редигер: *«Германия признала своевременным привести длительный кризис к развязке и воспользовалась первым сносным предлогом для того, чтобы довести дело до войны»*^[651]. Такой предлог представился в связи с убийством австрийского престолонаследника.

Глава 3. Император Николай II и летний кризис 1914 года

Сараевское убийство и развязывание Германией и Австро-Венгрией войны

Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда, совершенное 15/28 июня 1914 г. в Сараево молодым боснийским террористом Гаврило Принципом, в мировой историографии считается «поводом» для развязывания Первой мировой войны. Считается, что убийство было «случайным», а им воспользовались для развязывания мирового катаклизма. Отчасти это верно, но только отчасти. Исторический анализ обстоятельств, предшествующих этому преступлению, и его самого приводят к выводу, что убийство эрцгерцога было не случайностью, а тщательно продуманным заключительным этапом по развязыванию агрессии в отношении Сербии и России. Всё больше фактов, заставляющих с высокой долей вероятности предполагать, что ответственность за это убийство лежит прежде всего на Вене и Берлине.

Сараевское преступление нельзя рассматривать в отрыве от агрессивных планов Австро-Венгрии в отношении Сербии, которые влиятельная венская партия войны оконча-

тельно утвердила в 1908 г. Уничтожение Сербии как самостоятельного государства было нужно Вене для своего утверждения на Балканах. Разгром главного союзника России в этом регионе должен был означать окончательное её вытеснение оттуда.

28 мая 1913 г. наместник Боснии и Герцеговины фельдцейхмейстер Оскар Поттиорек уверял министра финансов Австро-Венгерской империи графа Леона фон Билинского, что Сербию *«следует обезопасить посредством объединения её»* с Австро-Венгрией^[652].

В начале 1914 г. начальник Генштаба Франц Конрад фон Гётцендорф на военном совете предложил императору Францу Иосифу начать «превентивную» войну против Сербии, заявляя, что тем самым удастся избежать большой европейской войны и вытеснить Россию с Балкан^[653]. В этом Конрад имел полную поддержку Вильгельма II, который 8 июня 1914 г., за 20 дней до Сараевского убийства, успокаивал Вену: *«Скоро начнётся третья Балканская война, в которой мы примем участие. Она объясняется огромными военными приготовлениями русских и французов»*^[654].

Конрад, Поттиорек, эрцгерцог Фридрих, граф Эренталь (скончался в 1912 г.) принадлежали к влиятельной «военной партии» при венском Дворе, ставившей своей целью военный разгром Сербии и включение ее в состав империи. Конрад подчеркивал: *«Даже небольшая, но самостоятельная Сербия – опасна»*^[655]. В 1913 г. тот же Конрад заявил: *«Вой-*

ну с Сербией следует считать основой нашей политики и вести ее надо до конца, т. е. до уничтожения Сербии как государства»^[656]. При этом представители «военной партии» полагали, что «Россия, не оправившаяся ещё после Японской войны и внутренних волнений, не окажет серьёзного сопротивления»^[657].

«Военная партия» являлась тайным врагом наследника престола эрцгерцога Франца Фердинанда, так как тот был убежденным противником войны на Балканах. Особенно Франц Фердинанд опасался войны с Россией. Ещё в 1907 г. он лично инструктировал назначенного послом в Петербурге графа Леопольда фон Берхтольда: «Скажите в России каждому, с кем будете иметь возможность поговорить, что я — друг России и её Государя. Никогда австрийский солдат не стоял против русского солдата с оружием в руках... Мы должны быть добрыми соседями. Я одобряю старый союз трёх императоров»^[658].

Современники приводят и более категоричные слова Франца Фердинанда: «Я никогда не поведу войну против России. Я пожертвую всем, чтобы этого избежать, потому что война между Австрией и Россией закончилась бы или свержением Романовых, или свержением Габсбургов, или, может быть, свержением обеих династий. Война с Россией означала бы наш конец. Если мы предпримем что-нибудь против Сербии, Россия встанет на её сторону, и тогда мы должны будем воевать с русскими. Австрийский и русский

император не должны сталкивать друг друга с престола и открывать путь революции»^[659].

Взгляды эрцгерцога разделяли многие государственные и общественные деятели Австро-Венгрии^[660]. Свою позицию наследник престола отстаивал в яростных спорах, прежде всего с Конрадом, отставки которого он безуспешно добивался. Тем временем последний умудрился в период с 1 января 1913-го по 1 июня 1914 г. двадцать пять раз предложить нападение на Сербию и несколько раз – на Россию^[661].

Эрцгерцог Франц Фердинанд представлял для венских «ястребов» прямую угрозу. Русский военный агент Марченко считал его человеком с *«сильным характером, умеющим достигать того, чего он хочет»*^[662]. Можно было не сомневаться, что как только он станет императором, все представители «военной партии» лишатся своих должностей. Эрцгерцог, в отличие от многих представителей австро-венгерской верхушки, не принадлежал к числу безоговорочных сторонников Германии. Ревностный католик Франц Фердинанд был сторонником концепции, в основе которой лежало стремление создать «Великую Австрию», которая *«сможет противостоять схизматической России и протестантской Германии»*^[663]. Академик Ю. А. Писарев справедливо замечает: *«Версия “о дружбе” эрцгерцога и германского императора не выдерживает критики. Известно, что между ними наблюдалась взаимная неприязнь»*^[664]. Накануне очередной встречи с кайзером в Конопииште летом 1914 г. Франц

Фердинанд публично заявил, что Вильгельм II проводит великодержавную политику, игнорируя интересы Австро-Венгрии. Кайзер не простил австрийскому престолонаследнику дерзости даже после его кончины^[665].

По всей видимости, взаимная неприязнь проявилась в полной мере 4/17 октября 1913 г., во время переговоров кайзера Вильгельма II с эрцгерцогом Францем Фердинандом в его чешской охотничьей резиденции Конопеште. Вильгельм II пытался убедить эрцгерцога в том, что Петербург готовит нападение на Германию и Австрию. Однако на это Франц Фердинанд возразил: *«Внутренние затруднения в России слишком велики, чтобы она смогла вести наступательную внешнюю политику»*^[666]. Австро-венгерский престолонаследник не поддержал агрессивные планы Вильгельма II, что вполне вероятно предопределило Сараевское убийство^[667]. Не добившись понимания у эрцгерцога Франца Фердинанда, Вильгельм II отправился в Вену, где 13/26 октября 1913 г. встретился с австро-венгерским министром внутренних дел графом Берхтольдом. В беседе с ним кайзер заявил: *«Война между восточным и западным мирами – неизбежна. Борьба со славянским преобладанием является историческим процессом, таким же важным, как завоевание варваров. Поэтому Сербия либо войдёт в Дуалистическую Монархию, либо будет ею аннексирована. Если Его Императорское Величество Император Франц Иосиф чего-нибудь хочет, то сербское правительство обязано подчинить-*

ся, и если оно этого не сделает, то мы будем бомбардировать Белград и займём его, до тех пор, пока императорская воля не будет исполнена»^[668]. Берхтольд полностью согласился с германским повелителем.

Таким образом, Франц Фердинанд представлялся весьма опасным могущественным группировкам в Вене, в Будапеште и Берлине. Мешал он мировым глобалистским и революционным силам, для которых европейская война была необходимым условием для уничтожения монархического миропорядка. Ленин писал в конце января 1913 г. Максиму Горькому: *«Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей восточной Европе) штукой, но мало вероятно, чтобы Франц-Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие»*^[669].

Так думал не только Ленин. Все анархические, революционные, террористические, леворадикальные группировки с вожделием ждали большой войны. Такой переворот входил в планы и масонского Великого Востока Франции. *«Причиной ненависти масонства к России, – сообщал в своём отчёте заведующий заграничной агентурой Департамента полиции (Парижское бюро) Л. А. Ратаев, – является то, что её считают самым надёжным оплотом христианства»*^[670].

Таким образом, устранение Франца Фердинанда в качестве «превентивной» меры, пока тот не стал императором, что при дряхлости Франца Иосифа могло случиться в любую минуту, было для всех вышеназванных сил крайне же-

лательным.

Однако Вена и Берлин обвинили в сараевском убийстве Сербию, дескать, Белград стремился к созданию «Великой Сербии», а потому и организовал убийство Франца Фердинанда. Но такие умозаключения на деле совершенно беспочвенны и лукавы. Правящие круги Сербии, даже если среди них и имелись «великодержавные» настроения, не могли не понимать, что последствием убийства австрийского престолонаследника будет полный триумф в Вене «военной партии» и, как следствие этого, неминуемая и заранее обреченная на поражение война. Причём заступничество России в такой ситуации было совсем для Сербии не гарантировано. Поэтому для Белграда было жизненно важным не только не участвовать в покушении на эрцгерцога, но и любой ценой его не допустить. Собственно, именно так и вело себя сербское правительство. Когда до него дошли слухи о предстоящем покушении, оно 21 июня 1914 г. (по н. ст.) поручило своему посланнику Йовану Йовановичу предупредить австро-венгерского министра финансов графа Билинского о грозящей эрцгерцогу опасности. Билинский при этом это предупреждение проигнорировал, отделившись общими фразами, что *«он надеется, что этого не случится»*^[671].

Тем не менее считается полностью доказанным участие в убийстве влиятельной сербской тайной организации «Единение или смерть» (или, как ее называли, «Чёрная рука»). Она была создана 9 мая 1911 г. в Белграде десятью старшими

офицерами сербской армии. Фактическим лидером организации стал начальник Осведомительного отдела Генерального штаба полковник Драгутин Димитриевич. Король Пётр, королевич Александр и премьер-министр Никола Пашич, во многом обязанные Димитриевичу приходом к власти, тем не менее опасались его. Пашич указывал на опасность «Чёрной руки» и настаивал на её роспуске^[672]. Русский военный агент в Сербии полковник В. А. Артамонов в своём рапорте ГУГШ от 9/22 ноября 1911 г. докладывал: *«Не скрою, что “Чёрная рука” через одного офицера сделала попытку войти в сношения со мной. Конечно, я немедленно и решительно отклонил приглашение переговорить с членами тайной организации, чтобы не дать им возможности примешивать при агитации имя России»*. Ознакомившись с информацией, Император Николай II указал МИД тщательно следить за деятельностью «Чёрной руки». Царь отвергал террористическую тактику. *«Где гарантия, – спросил Николай II сербского короля Петра I в 1910 г., – что в один прекрасный день заговорщики не поднимут руку на Вашу династию?»*^[673]

Между тем, если бы «Чёрная рука» действительно принимала участие в убийстве эрцгерцога, то этот факт должен был быть неминуемо известным австрийцам. Нет сомнений, что они не преминули бы его использовать в антисербской пропаганде уже в 1914 г. Вместо этого главным организатором преступления Вена выставляла националистическую «Народну одбрану» только потому, что она была скандально

известна своими громкими антиавстрийскими заявлениями. Кроме того, весьма сомнительными представляются утверждения о связях «Чёрной руки» с боснийской террористической организацией «Млада Босна» («Молодая Босния»), к которой принадлежали убийцы Франца Фердинанда. «Млада Босна» имела национально-демократическую идеологию, близкую к анархо-коммунистам. Она основывалась на внеэтническом и внеконфессиональном югославянстве (убийца эрцгерцога Гаврило Принцип называл себя на допросе не сербом, а югославом), основой которого должна была быть левая идеология. По крайней мере один из лидеров «Млада Босна», Владимир Гачинович, поддерживал тесные связи с Троцким, Радеком и, по некоторым сведениям, встречался с Лениным^[674]. Гачинович писал Троцкому, что *«мы – ваша идейная колония, а колония всегда идет за метрополией»*^[675]. Никакого отношения ни к сербскому национализму, ни к Сербии как государству эта «колония» не имела. Участники Сараевского преступления не только не были православными, но – воинствующими атеистами. При этом все они были австро-венгерскими подданными^[676].

«Млада Босна», будучи австро-венгерской революционной организацией, не могла не находиться под пристальным вниманием австрийских спецслужб. Не является тайной давно установленные связи Троцкого с руководителем политической полиции Австро-Венгрии Эдмундом фон Гайером^{[677][678]}. О связях Троцкого с австро-венгерской развед-

кой отмечали и некоторые исследователи^[679]. Известно о подобных же контактах и друга Троцкого Христиана Раковского, которого французский генерал Анри Альбер Ниссель открыто определял *«известным австро-болгарским агентом»*^[680]. Одновременно Раковский был хорошо знаком с лидерами «Млада Босна»^[681].

Если к убийству Франца Фердинанда были причастны австро-венгерские и германские правящие круги, они могли легко использовать через свою агентуру боевиков «Млада Босна», которые, разумеется, не подозревали об истинных организаторах преступления.

Несмотря на то, что у австро-венгерских властей были неограниченные возможности давления на подсудимых, которыми они в полной мере пользовались, ими не было добыто ни одного доказательства, свидетельствующего о причастности к убийству сербского и тем более русского правительств^[682]. Об этом недвусмысленно свидетельствовал специальный представитель МИД Австро-Венгрии, посланный расследовать Сараевское преступление, Фридрих фон Визнер, сообщивший в своей телеграмме в Вену от 10 июля 1914 г.: *«Даже подозревать сербское правительство в том, что оно было осведомлено о покушении, либо участвовало в его осуществлении, в подготовке и предоставлении оружия, невозможно»*.

Принцип древних «ищи кому выгодно» однозначно указывает на венских и берлинских врагов эрцгерцога Франца

Фердинанда как на главную заинтересованную сторону в его физическом устранении. Историк В. Н. Воронин полагает: *«Наиболее вероятно, что убийство в Сараево было прямо подготовлено австрийской военной партией, которую возглавлял генерал Конрад фон Гётцендорф. Целью этой провокации было обвинение Белграда в терроризме и последующее территориальное расчленение Сербии»*^[683].

Уже после Первой мировой войны принцесса Стефания писала: *«Сараево не могло бы случиться вне ведения министров. Император знал об опасности, знал об угрозе, нависшей над наследником престола, но он просто сидел и смотрел»*^[684].

Сын убитого летом 1914 г. эрцгерцога, герцог Макс Гогенберг не сомневался, что к убийству его отца причастна германская тайная полиция^[685].

События лета 1914 г. и обстоятельства покушения вполне укладываются в эту версию. Инициатором поездки наследника престола в Сараево был старый его враг и член «военной партии» генерал-губернатор Боснии Оскар Потioreк. Именно он настоял на том, что Франц Фердинанд должен обязательно посетить главный город провинции после маневров, причём обязательно 28 июня, в сербский национальный праздник – битвы с турками на Косовом поле в 1389 г. Было очевидно, что в такой день престолонаследнику лучше не посещать столь опасный регион. Однако Потioreк не только настоял на приезде эрцгерцога именно в этот день, но

ещё и полностью пренебрёг мерами безопасности.

28 июня 1914 г. эрцгерцог Франц Фердинанд и его супруга светлейшая герцогиня София Гогенберг были убиты в Сараево боевиком «Млада Босна» Гаврило Принципом. Враги убитого эрцгерцога Франца Фердинанда торжествовали. Одному из них, маркизу Альфреду Фюрст фон Монтенуово, приписывают следующее признание: *«Нам давно нужен был предлог, чтобы поставить Сербию на место – в углу, на коленях, и Франц Фердинанд дал нам его. Теперь его задача в этом мире окончена»*^[686]. Даже если маркиз их не произносил, они очень точно отражают реакцию на гибель эрцгерцога со стороны большей части венского Двора.

Известие об убийстве наследника престола совершенно не нарушило спокойную жизнь Австро-Венгерской империи. Император Франц Иосиф не только не отдал приказа начать расследование произошедшего, но и не наказал должностных лиц Сараево, чьи действия, сознательно или нет, привели к тому, что покушение увенчалось успехом.

Однако правящие круги Австро-Венгрии и Германии немедленно использовали это убийство для разжигания войны. Причём слаженность и четкость их действий не оставляют уверенности в их заблаговременном планировании. 16/29 июня, когда в австро-венгерскую столицу было привезено тело эрцгерцога Франца Фердинанда, перед сербской миссией были устроены провокационные демонстрации, требующие убрать приспущенный в знак траура сербский национальный

флаг. Когда посол Йованович отказался это сделать, сославшись на то, что Сербия, так же как Австро-Венгрия, скорбит по убитому эрцгерцогу, венские газеты поместили заголовок: *«Провокация сербского посланника»*^[687].

В Белграде со всей ясностью осознавали всю опасность складывающейся ситуации. Там хорошо знали, что Сербия *«сможет перевооружить свою армию только через два с половиной года»*, а Россия и Франция *«не готовы вступить в войну с Германией и её дунайским союзником, так как их подготовка к войне будет закончена не ранее 1917 г.»*^[688]

17/30 июня по поручению главы сербского правительства Николы Пашича посол Йованович явился в австро-венгерский МИД с заявлением на имя министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Берхтольда. В нем говорилось, что королевское сербское правительство самым решительным образом осуждает Сараевское преступление, что оно будет делать всё от него зависящее, чтобы пресечь любую противоавстрийскую деятельность на своей территории и готово предать суду всех соучастников преступления, если таковые будут обнаружены^[689]. Берхтольд «не смог» принять Йовановича, и тот был вынужден зачитать заявление своего правительства его помощнику^[690].

19 июня/2 июля 1914 г. император Франц Иосиф писал кайзеру Вильгельму: *«Покушение на моего бедного племянника есть прямое следствие продолжающейся агитации русских и сербских панславистов, единственной целью кото-*

рых является ослабление Тройственного союза и разрушение моей Империи. Нет сомнений, что кровавое убийство в Сараево является не действием одиночки, но хорошо организованным заговором, нити которого ведут в Белград. И если, по всей видимости, невозможно доказать причастность к нему сербского правительства, то можно не сомневаться, что его политика по объединению всех южных славян под сербским флагом, способствует преступлениям такого рода. Сербия должна быть устранена как политический фактор на Балканах»^[691].

Позиция Вены нашла в Берлине полную поддержку, и не вызывает сомнений, что она была согласована с ним заранее. Уже в день убийства эрцгерцога в официальном сообщении германского МИД утверждалось: «28 июня с.г. Наследник австро-венгерского престола, эрцгерцог Франц Фердинанд, и его супруга, герцогиня фон Гогенберг, были убиты из револьвера членом сербской шайки заговорщиков. Расследование преступления, произведённое австро-венгерскими властями, доказало, что заговор на жизнь эрцгерцога Франца-Фердинанда был подготовлен и разработан в Белграде при участии сербских официальных лиц; при осуществлении его пущено было в ход оружие из государственного сербского склада»^[692]. 17/30 июня император Вильгельм II на докладе своего посла в Вене графа Г. фон Чиршки написал: «С сербами нужно покончить возможно скорее. Теперь или никогда»^[693].

В письме от 1/14 июля 1914 г. кайзер заверил Франца Иосифа в своей готовности поддержать усилия австро-венгерского правительства *«помешать созданию новой балканской лиги под патронажем России, острие которого направлено против Австро-Венгрии»*^[694]. Более того, Берлин с самых первых дней конфликта был заинтересован в скорейшем развязывании войны против Сербии. 2/15 июля статс-секретарь иностранных дел Германии Г. фон Ягов телеграфировал германскому послу в Лондоне князю К.-М. фон Лихновскому: *«Дело идет сейчас о высокополитическом вопросе, может быть, о последней возможности нанести великосербскому движению смертельный удар при сравнительно благоприятных условиях. Если Австрия упустит этот случай, она потеряет всякий престиж и станет в нашей группе еще более слабым фактором»*^[695].

22 июня/5 июля в Потсдаме Вильгельм II заявил австро-венгерскому послу графу Ладислаусу Сечени-Маричу: *«Не нужно долго ждать с началом боевых действий. Позиция России будет, конечно, враждебной, но мы к этой возможности долго готовились, и Австрия может быть уверена, что, если даже начнётся война между Австрией и Россией, Германия останется верной своей союзнице. Россия, к тому же, не готова к войне»*^[696]. То есть германский император прямым текстом призывал австрийцев напасть на Сербию, обещая всемерную поддержку. При этом Вильгельм II и его генералитет были уверены, что Россия либо

совсем не вступит в войну, как это было во время Боснийского кризиса, либо, если даже в неё и вступит, то немедленно развалится из-за внутренних беспорядков. Итальянский министр иностранных дел Антонино Патерно-Кастелло маркиз ди Сан-Джулиано в июне 1914 г. сообщал, что *«в Берлине не верят в серьёзность русских угроз»*^[697]. Оберквартирмейстер Большого штаба генерал граф Георг фон Вальдерзее настаивал перед Веной на немедленном начале войны с Сербией, *«пока Россия ещё не готова»*^[698]. В беседе с послом Австро-Венгрии в Берлине графом Сечени Вильгельм II заверил: *«При сегодняшнем положении дел, Россия совершенно не готова к войне, и она хорошо подумает, прежде чем взять в руки оружие»*^[699].

В этой связи посланник в Сербии, сменивший на этом посту скоропостижно скончавшегося в Белграде 27 июня/10 июля 1914 г. Н. Г. Гартвига, князь Г. Н. Трубецкой вспоминал: *«Германские дипломаты воображали себе, что Россия накануне революции и что малейшего внешнего осложнения достаточно, чтобы внутри Империи вспыхнули крупные беспорядки»*^[700]. Надежды немецкой дипломатии на беспорядки в России были не случайны, так как в 1913 г. спецслужбы рейха получили задание военных кругов их подготовить^[701].

Убедившись в том, что Австро-Венгрия четко взяла курс на войну, Вильгельм II, с целью успокоить мировую общественность, убедив её в своём «миролюбии», чтобы никто

не смог обвинить его в давлении на Вену, отбыл по совету Бетмана-Гольвега в морское путешествие к берегам Норвегии^[702].

24 июня/7 июля на заседании австрийского совета министров граф Берхтольд заявил, что *«пора поставить сербов в положение, когда они не смогут больше вредить. Императорское правительство Германии обещало, безусловно, помочь Австрии в войне против сербов. Поединок с Сербией может привести к войне с Россией»*, но *«будет лучше, если война начнётся теперь же, потому что Россия, со дня на день становится все более влиятельной на Балканах»*^[703].

26 июня/9 июля Берхтольд посоветовал императору Францу Иосифу направить Сербии ультиматум, который позволил бы не допустить создания в глазах мирового сообщества представления о характере будущей войны с Сербией как *«отвратительной агрессии»*^[704]. Франц Иосиф внял советам своего министра и приказал составить для Белграда жёсткий ультиматум, в котором велел выдвинуть конкретные требования. Вильгельм II рекомендовал союзнику, чтобы эти требования были *«очень ясные и очень категорические»*^[705].

29 июня/12 июля граф Сечени направил министру иностранных дел империи графу Берхтольду письмо, в котором сообщал: *«По мнению Германии, и это мнение я вполне разделяю, необходимо выбрать теперешний момент, исходя из общих политических соображений и специально из моментов, вытекающих из сараевского убийства. В последнее вре-*

мя Германия еще больше укрепилась в мнении, что Россия готовится к войне против своих западных соседей и рассматривает эту войну уже не как известную возможность, а определенно считается с ней в своих политических расчетах на будущее. Но именно на будущее. И в **настоящий момент она не собирается воевать** (выделено нами. – П. М.)»^[706]. Этот документ не оставляет никаких сомнений в агрессивных планах Германии и Австро-Венгрии как в отношении Сербии, так и в отношении России. Из него видно, что австрийские и германские правители были полностью осведомлены в том, что Россия, не говоря уже о Сербии, не собирается вести войну в 1914 г., но что силы ее многократно возрастут в ближайшие годы. Именно поэтому Вена и Берлин так стремились как можно быстрее осуществить свои преступные намерения в отношении как России, так и Сербии.

В своих воспоминаниях Бернхард фон Бюлов признавал: «Сохраняя хладнокровие и ловкость, мы могли спасти мир. Германская империя не должна была допускать Австрию вести себя так неблаговидно и вызывающе, чтобы оказаться потом с нею рядом в этой страшной войне»^[707].

Однако, решившись расправиться с Сербией, правящие круги Германии и Австро-Венгрии продолжали предпринимать всё возможное, чтобы скрыть свои агрессивные приготовления. Дипломатическому корпусу в Вене и Берлине были даны такие успокаивающие заверения, что многие из них

отправились в отпуск. Не был исключением и русский посол в Вене Н. И. Шебеко, которого Берхтольд заверил, что Сербии будут предъявлены *«совершенно приемлемые требования»*, *«не имеющие ничего унижительного для ее национального самосознания»*, после чего посол счёл возможным выехать в Россию^[708]. Подобные же заверения были сделаны австрийцами послам Франции и Англии.

Между тем сербское правительство, обеспокоенное грозным затишьем, 7/20 июля обратилось к австро-венгерскому правительству с официальным заявлением, в котором выразило готовность *«принять всякую просьбу Австро-Венгрии в связи с сараевским преступлением»*^[709]. Это заявление было оставлено официальной Веной без ответа.

Поздно вечером 10/23, в 18 час., посланник Австро-Венгрии в Белграде барон Владимир Гизль фон Гизлингер вручил сербскому правительству вербальную ноту, содержащую ультиматум. Когда в Белграде ознакомились с текстом этого ультиматума, то были поражены его крайними цинизмом и жёсткостью.

Австрийцы требовали от Сербии: 1) торжественно публично осудить всякую агитацию и пропаганду против Австрии, изложив это осуждение в специальном печатном органе и приказе короля для армии, 2) закрыть все антиавстрийские издания, 3) исключить из школьной программы все антиавстрийские высказывания, 4) уволить всех офицеров и должностных лиц, замеченных в антиавстрийской пропаган-

де, причем списки этих лиц должны были быть составлены австро-венгерскими офицерами, 5) допустить на сербскую территорию силовые структуры Австро-Венгрии для подавления движений, *«направленных против территориальной целостности Австро-Венгрии»*, 6) допустить австро-венгерские следственные органы для расследования сараевского убийства^[710]. Вербальная нота заканчивалась грозной фразой: *«австро-венгерское правительство ожидает от королевского правительства ответ до шести часов вечера в субботу 12/25 текущего месяца»*, то есть на выполнение всех поставленных австрийцами условий Белграду отводилось 48 часов.

Текст ультиматума фактически предполагал капитуляцию Сербии. Более того, Вена известила остальные державы о своем ультиматуме только 11/24 июля, то есть к самому окончанию срока ультиматума. Таким образом, австро-венгерское правительство сделало все, чтобы мирное посредничество других европейских держав стало невозможным.

Не вызывает сомнений, что за спиной австро-венгерского ультиматума стояла Германия. В Берлине получили его экземпляр текста ещё 9/22 июля, и германское правительство прекрасно было о нём осведомлено. 10/23 июля Вильгельм II на полях телеграммы фон Ягова оставил помету в своём стиле, в которой совершенно недвусмысленно определил Сербию как *«банду грабителей, которых нужно прибрать к рукам за их преступления»*^[711].

14/27 июля граф Берхтольд сообщил императору Францу Иосифу, что сербские войска напали на австрийскую погранзаставу в районе Темеш-Кубина. Это была откровенная ложь, которая вскоре была опровергнута тем же Берхтольдом. В Австро-Венгрии началась мобилизация, её войска стягивались к сербской границе. В тот же день Франц Иосиф подписал манифест об объявлении Сербии войны. На следующий день, 15/28 июля 1914 г., Берхтольд официально извести́л об этом телеграммой сербское правительство^{[712][713]}.

Император Николай II и предвоенный кризис 1914 г.

Начавшийся 1914 г. внешне не предвещал никаких потрясений. В марте Царская Семья отправилась в свою любимую Ливадию, где в сентябре 1911 г. архитектором Н. П. Красновым был построен новый Большой дворец. Изумительное по своей красоте здание, построенное из белого инкерманского камня в стиле итальянского Возрождения, представляло собой отличное место отдыха для Царской Семьи и рабочую резиденцию Государя. По словам В. Н. Воейкова, Ливадийский дворец *«был одним из самых красивых дворцов, когда-либо мною виденных»*^[714]. Поразительно, но этот большой дворец, вместе с внутренней отделкой, был построен с марта 1910-го по сентябрь 1911 г., то есть всего за полтора года. 20 сентября 1911 г. Царская Семья впервые переступи-

ла порог своего нового летнего дома. Тогда никто из ее членов не мог предположить, что прожить в нем им придется всего четыре сезона. В последний раз это случилось весной 1914 г. *«Какая благодать быть снова в Крыму»*, – записал Государь в своем дневнике 30 марта^[715]. Во время пребывания в Крыму Царская Семья устраивала в Ялте благотворительные базары, которые продолжались несколько дней и вся выручка от которых шла беднейшим слоям населения Ялты и на борьбу с детским туберкулезом. К этим базарам Государыня и Великие Княжны готовили акварели и рукоделия. Работы Царской Семьи продавались в главном шатре лично Императрицей. *«Надо было видеть, – вспоминал В. Н. Воейков, – с каким искренним энтузиазмом ялтинская публика встречала на базаре Высочайших особ и как все наперебой толпились вокруг шатра Императрицы, чтобы из ее рук получить какую-либо вещьцу. Царская Семья держалась со всеми в высшей степени просто»*^[716].

Там же, в Крыму, Царская Семья встретила последнюю мирную Пасху и 3 апреля причастилась. Государь совершил поездку по Крыму, осмотрел крестьянские хозяйства, слушал русских и татарских песенников, посетил имение барона Ф. Э. Фальц-Фейна Аскания-Нова, славящееся своим заповедником, в котором насчитывалось 58 видов млекопитающих, 344 вида птиц, а в общей сложности почти 2000 разных животных. *«Голова ходила кругом от стольких впечатлений и поразительного разнообразия животных»*, – записал

в дневнике Николай II^[717]. Осматривая крестьянские хозяйства, Николай II был поражен их общим благоустройством, великолепными посевами и тучным скотом, что, несомненно, являлось результатом Аграрной реформы^[718].

Здесь, в Ливадии, 6 мая 1914 г. Государь встретил свое 46-летие. 31 мая Царская Семья покинула «милую Ливадию», переехала на яхту «Штандарт», которая взяла курс на румынский порт Констанцу. Официально визит Царя в Румынию был ответным: в 1898 г. румынский король Кароль I приезжал в Россию. Но это, конечно, был лишь предлог. Отправляясь к румынскому королю, Николай II рассчитывал заручиться его поддержкой сохранения мира на Балканах и убедить его, в случае осложнений там, занять сторону России, а не Тройственного союза. В 1912 г. Николай II пожаловал румынскому королю фельдмаршальский жезл. По этому поводу Государь писал Великому Князю Николаю Михайловичу: *«Дорогой Николай. Обращаюсь к тебе с просьбой исполнить мое поручение: отвезти королю Румынскому фельдмаршальский жезл к 28-му ноября. В настоящее время поездка Великого Князя, от моего имени, может знаменовать для России самыми благими последствиями»*^[719]. Теперь, в 1914 г., Государь хотел закрепить добрые отношения с Румынией. Помимо прочего, в Констанце должны были пройти смотрины для Великой Княжны Ольги Николаевны, которую румынская королевская семья сватала за принца Кароля (будущего короля Кароля II). Однако молодые лю-

ди друг другу не понравились, а Николай II никогда не стал бы неволить любимую Дочь. В политическом же смысле визит в Румынию для Царя стал очень успешным. Как показали ближайшие события, Румыния не только не приняла сторону Германии и Австро-Венгрии, но и выступила против них в 1916 г.

Летом 1914 г. Царская Семья, по обыкновению, собиралась проводить свой отдых в Ливадии. Но 16/29 июня 1914 г. Николаю II было доложено содержание расшифрованной телеграммы от военного агента в Вене полковника барона А. Г. Винекена, которая поступила в Петербург накануне, 15/28 июня. В ней говорилось: *«Сегодня утром в Сараево убиты выстрелами из револьвера наследник престола и его супруга. Убийца – серб»*^[720]. Император Николай II поручил ехать на похороны эрцгерцога Великому Князю Николаю Николаевичу. От имени Государя в Вену был послан роскошный погребальный венок из белых лилий, роз и пальм, с надписью на чёрно-золото-белой ленте: *«Эрцгерцогу Францу Фердинанду Австрийскому»*^[721]. Однако из Хофбурга^[722] пришло извещение, что похороны Франца Фердинанда пройдут частным образом в дворцовой церкви замка Арштеттена, жилой резиденции эрцгерцога, в отсутствие представителей царствующих династий и иностранных послов. Австро-венгерская верхушка не хотела превращать похороны в обыкновенную траурную церемонию, где все собравшиеся представители иностранных держав, в том числе и Сер-

бии, являлись как бы соболезнающей стороной, тогда как в Вене готовили Сербии роль главной «виновницы» совершенного злодеяния.

Вопрос о поездке в Ливадию для Государя отпадал. Как вспоминала А. А. Вырубова: *«Государыня сказал мне, что политическая обстановка опасная настолько, что ближайшие времена могут стать очень изнуряющими. Поэтому Государь и она хотели настолько быстро, как только возможно, плыть на “Штандарте” на Финские шхеры передохнуть и набраться сил»*^[723].

1 июля Царская Семья отбыла в финские шхеры. Пьер Жильяр вспоминал: *«Вид был прелестен: изумрудное море, оттененное на гребнях волн светлыми переливами, было усеяно островками из красного гранита; над ними высились сосны, стволы которых горели на солнце. Дальше, на втором плане, тянулся берег с длинными полосами желтого песка и тёмно-зелёными лесами, которые уходили в глубокую даль, теряясь в небе...»*^[724]

Но отпуск Августейшей Семьи продлился недолго. 7 июля начинался визит президента Франции Р. Пуанкаре в Петербург, и Государь должен был вернуться в Петергоф. Однако, по свидетельству Жильяра, *«наше плаванье было только прервано, и мы должны были возобновить его по отъезде президента»*. Воспоминания Вырубовой, по обыкновению, полны эмоциональных сцен, которые вряд ли могли иметь место в конкретных событиях. Вырубова утверждает, что

«неожиданно пришла телеграмма, из которой стало ясно, что Государю надо вернуться в Петроград^[725]. Мы все знали, что это значит и плакали, когда “Штандарт” повернул свой нос по направлению к Кронштадту. Государыня буквально купалась в слезах. Она произнесла пророчески слова, которые запомнились мне на всю мою жизнь: “Мне кажется, что наши небесные дни на Финских шхерах закончились навсегда, мы никогда все вместе больше не будем плыть на нашем корабле”. Также и Государь к концу отпуска был довольно-таки печальным. “Это, пожалуй, первые настоящие слёзы, которые вы видите на глазах вашего Государя – сказал Он своему ближнему кругу”».

Вообще, воспоминаниям А. А. Вырубовой свойственны «слёзы», «рыдания» и «плачи». Несомненно, что в своей подавляющей части воспоминания о них являются явными преувеличениями. В данном случае причина отъезда Государя в Петербург была вызвана не какой-то «важной телеграммой», а прибытием французского президента. Тем временем общеполитическая обстановка, хотя и была тревожной, но вовсе не виделась трагической. Ведь ещё не был предъявлен даже австрийский ультиматум Сербии, не говоря уже военных приготовлений на русской границе. Поэтому таким сдержанным на эмоции людям, особенно при посторонних, как Государь и Государыня, конечно, не было никаких причин для таких переживаний. Хотя, разумеется, правдивость слов Императрицы, переданных А. А. Вырубовой,

исключать нельзя, но не при этих обстоятельствах.

Пуанкаре впервые посещал Россию в качестве президента. Его визит не был вызван событиями в Сараево, так как планировался задолго до них. Однако в свете происшедшего приезд французского президента приобретал особое значение. Пуанкаре прибыл в Петербург, когда вся Европа ждала, какие шаги предпримет Австро-Венгрия в отношении Сербии. Атмосфера была гнетущей. Как вспоминал Сазонов: *«Пребывание президента республики в Петергофе прошло под тягостным влиянием ожидания грядущей беды»* ^[726].

Встреча Императора Николая II с Пуанкаре продемонстрировала миру крепость русско-французского союза. Во время официального обеда Государь произнёс тост, в котором приветствовал «главу дружественного и союзного государства» и своего «старого знакомого». *«Издавна объединенные взаимною симпатией их народов и общностью интересов, Франция и Россия уже скоро четверть века поддерживают тесную связь для достижения одной и той же цели, заключающейся в том, чтобы охранять свои интересы, содействуя вместе с тем сохранению равновесия и мира в Европе. Я не сомневаюсь, что, оставаясь верными своему идеалу и опираясь на свой испытанный союз, равно как и на одинаково дружественные отношения, наши две страны будут продолжать пользоваться благами мира, обеспеченного полнотою их сил, и всё более укреплять тесные узы, их связывающие»* ^[727].

Примечательно, что Государь в своём тосте специально ни словом не упомянул об угрожающей обстановке в Европе и делал особый упор на мирный характер русско-французского союза. Ни Германия, ни Австро-Венгрия Государем не упоминались вовсе. Это не помешало А. А. Игнатьеву в своих мемуарах, изданных уже в его бытность советским генералом, лгать о том, что *«Царь при всём дипломатическом корпусе указывал без обиняков»*, что союз с Францией направлен против Германии^[728].

Пуанкаре в своём ответном тосте также отмечал, что *«Франция в тесном и ежедневном сотрудничестве со своей союзницей будет трудиться над делом мира, на благо которого оба правительства не перестают работать»*^[729].

Встреча Николая II с Пуанкаре продемонстрировала миру крепость русско-французского союза. Главной темой переговоров Царя и президента была не подготовка к войне, а сохранение мира. Николай II принял предложение посетить Францию с ответным визитом летом 1915 г. Безусловно, что ни Государь, ни президент, понимая опасность и вероятность агрессивных действий австрийцев против Сербии, всё же не предполагали о том, что они станут началом мировой войны.

Это подтверждается словами Николая II, сказанными им М. Палеологу, которые французский посол приводил в следующей редакции: *«Я в восторге от моего разговора с президентом, и мы удивительно сговорились. Я не менее миро-*

любив, чем он, и он не менее, чем я решительно настроен сделать все, чтобы не допустить нарушение мира. Он опасается австро-германского движения против Сербии, и он думает, что мы должны ответить на него тесным и прочным согласием нашей дипломатии»^[730].

Таким образом, мы видим, что и Николай II, и Пуанкаре предполагали возможность «австро-германского **движения**» против Сербии, а не её оккупацию. Россия с Францией собирались отвечать на агрессивные демарши Австрии и Германии «**тесным и прочным согласием наших дипломатий**». То есть о военных действиях речи не шло.

Президент Пуанкаре покинул Россию 9/22 июля, а поздно вечером 10/23, в 6 час. вечера, австро-венгры предъявили Сербии свой ультиматум. Император Николай II узнал о нем рано утром 11/24 июля 1914 г. из телефонного разговора с С. Д. Сазоновым^[731]. В тот же день сербский наследный принц Александр Карагеоргиевич направил Государю телеграмму, полную трагической неизбежности катастрофы и мольбы о помощи: «*Мы не можем защищаться. Поэтому молим Ваше Величество оказать нам помощь возможно скорее. Ваше Величество дало нам столько доказательств Своего драгоценного благоволения, что мы твёрдо верим, что этот призыв найдёт отклик в Его славянском благородном сердце. Я являюсь выразителем чувств сербского народа, который в эти трудные времена молит Ваше Величество принять участие в судьбах Сербии*»^[732].

В той же телеграмме принц Александр подчеркнул, что он убеждён в скором нападении Австро-Венгрии на его страну, но при этом выразил готовность пойти на самые большие уступки австрийским требованиям. Вечером 11/24 июля королевич явился в русскую миссию в Белграде и выразил своё отчаяние по поводу австрийского ультиматума. Он сказал первому секретарю миссии В. Н. Штрадтману, что «возлагает все надежды на Государя Императора и Россию, только могучее слово коей может спасти Сербию»^[733].

Николай II, получив сербскую депешу, находился в затруднительном положении, ведь *«Россию не связывало с Сербией ни одно формальное соглашение – ни политическое, ни военное. Но в силу своего исторического призвания, в силу сознаваемых ее исторических задач, она не могла не прийти на помощь, не оказать свое благотворное содействие братской стране в столь трудное для нее время»*^[734].

Ещё до получения телеграммы от королевича, по повелению Государя министр иностранных дел С. Д. Сазонов принял посла Австро-Венгрии в Петрограде графа Ф. Сапари и в жесткой форме заявил ему: в России прекрасно понимают, что в Вене решили *«начать войну против сербов»* и тем самым *«создали весьма серьёзную ситуацию»*. В тот же вечер австрийский посол отправил графу Берхтольду такую тревожную телеграмму, что в Вене поняли: военное столкновение с Россией вполне возможно^[735]. Через несколько часов официальная точка зрения Петербурга была доведена до

германской стороны.

12/25 июля вышло русское «Правительственное сообщение», в котором говорилось, что *«Правительство весьма озабочено наступившими событиями и посылкой Австро-Венгрии ультиматума Сербии. Правительство зорко следит за развитием сербско-австрийского столкновения, к которому Россия не может остаться равнодушной»*^[736].

До сих пор недвусмысленная позиция, занятая Россией по защите Сербии в 1914 г., вменяется в вину Государю. Дескать, Николай II вступил в войну исключительно из-за «благородного рыцарства» в отношении Сербии, пренебрегши русскими национальными интересами. Одним из первых этот миф цинично декламировал С. Ю. Витте в 1914 г. в разговоре с французским послом Морисом Палеологом: *«Ради чего воевать России? Ради сохранения престижа на Балканах, священного долга помочь братьям по крови? Это романтическая старомодная химера. Никому, во всяком случае, ни одному мыслящему человеку нет никакого дела до этого буйного и тщеславного балканского народа, в котором нет ничего славянского. Это всего лишь турки, получившие христианские имена. Пусть сербы получают то, что заслужили»*^[737].

Подобные настроения полностью не учитывают того обстоятельства, что Император Николай II, как православный монарх, защитник и покровитель славян, не мог оставить в беде братский народ, которому грозили неминуемое порабо-

щение и гибель. Поэтому совершенно прав святитель Николай Сербский, когда писал: *«Велик долг наш перед Россией. Может человек быть должен человеку, может и народ – народу. Но долг, которым Россия обязала сербский народ в 1914 году, настолько огромен, что его не могут возвратить, ни века, ни поколения. Это долг любви, которая с завязанными глазами идёт на смерть, спасая своего ближнего. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих – это слова Христа. Русский Царь и Русский Народ, неподготовленными вступая в войну за оборону Сербии, не могли не знать, что идут на смерть. Но любовь русских к братьям своим не отступила перед опасностью и не убоилась смерти»*^[738].

Порицания Николая II за то, что он вступился за «какую-то» Сербию и тем самым «обрёк» Россию на Первую мировую войну, не могут быть признаны ни нравственными, ни патриотическими. России никогда не был свойственен западный прагматизм, в своих действиях она руководствовалась в первую очередь Высшей Правдой. К тому же, как показывает история, отказ от решительного отпора агрессору не даёт никаких преимуществ. В апреле 1941 г. Сталин не пришёл Югославии на помощь, хотя между Москвой и Белградом существовал договор о «Дружбе и ненападении», который был подписан 5 апреля 1941 г. Примечательно, что при подписании договора югославская делегация настойчиво просила советское правительство о гарантиях ре-

альной помощи, но встретила твёрдый отказ. Сталин, исходя из тех самых «прагматичных» соображений, отсутствие которых ставится в вину Государю, полагал, что Югославия сможет, пусть ненадолго, отвлечь на себя силы вермахта, и тем самым это заставит Гитлера перенести сроки нападения на Советский Союз. При этом Сталин хорошо понимал, что реально югославская армия сможет сопротивляться не более двух недель, о чём он открыто говорил югославскому посланнику Милану Гавриловичу^[739]. Но советский вождь сознательно стремился втянуть Германию в войну на Балканах и таким образом выиграть время для СССР. Возможные жертвы братского народа Сталиным игнорировались. Когда же Югославия была разгромлена вермахтом, советское правительство 5 мая 1941 г. потребовало от югославской миссии прекратить свою деятельность в Москве в качестве дипломатического представительства, от чего её сотрудники отказались. Этот демарш советского правительства вновь был вызван сугубо «прагматичными» целями – умиротворить Гитлера. Помогла ли такая «прагматика» Сталину и Советскому Союзу? Как мы знаем, ни в коей мере: 22 июня 1941 г. нацистская Германия начала операцию «Барбаросса», Красная армия оказалась на грани поражения, а в советско-югославских отношениях возникло серьёзное недопонимание. Так что жертвенная помощь, оказанная Императором Николаем II Сербии, оказалась гораздо эффективней, чем «прагматизм» Сталина.

Но помимо защиты братского православного народа, Николай II летом 1914 г. исходил из совершенно конкретных (прагматических, если угодно) интересов России. Как свидетельствуют исторические факты, Государь вовсе не стремился воевать за Сербию по любому поводу. Особенно ярко это проявилось во время Боснийского кризиса. В 1912 г., когда Сербия приняла активное участие в Балканских войнах, Государь отказался от любых военных приготовлений в её поддержку. С. Д. Сазонов свидетельствовал: *«Государь, и за это Россия должна быть ему навсегда признательна, несмотря на своё сердечное сочувствие национальным стремлениям сербского народа, проявил в эту тревожную минуту ясность политической мысли и твёрдость воли, которые положили конец тем интригам, что толкали нас на путь европейской войны при самых неблагоприятных для нас условиях и из-за интересов, не оправдывавших тяжёлых жертв со стороны русского народа»*^[740].

Но в июле 1914 г. Николаю II было очевидно, что Германский блок решил воевать во что бы то ни стало. После получения известия об ультиматуме Вены Белграду Государь в разговоре с В. Н. Воейковым сказал, что он убежден, что венский кабинет действует в полном согласии с императором Вильгельмом. Николай II сказал, что ему известно из сообщений разведки о подготовительных мерах по мобилизации германской промышленности. Из коммерческих кругов Государь был осведомлен о том, что всю первую поло-

вину 1914 г. Германия интенсивно закупала сырье и требовала скорейшей выплаты по кредитам предоставленным ею России^[741]. Отступи Царь летом 1914 г., закрой глаза на захват Сербии Австро-Венгрией, и он бы не только ничего не выиграл, но, наоборот, оказался бы в тяжелейшем положении. Моральному имиджу России был бы нанесён непоправимый урон и её влияние на Балканах было бы навсегда утеряно. При этом Германия все равно бы войну начала, с той лишь разницей, что ей бы не пришлось воевать на два фронта. В кампанию 1914 г. она легко и быстро разбила бы Францию, принудив её к капитуляции, а то и коллаборационизму, как это произойдёт в 1940 г. Англия при таких обстоятельствах в войну против Германии точно не вступила бы, а скорее всего попыталась бы договориться с ней за счёт России. В таких условиях Германия и Австро-Венгрия начали бы в 1915 г. Русскую кампанию, наверняка имея в союзниках Италию, Болгарию, Румынию и Османскую империю. Россия оказалась бы перед лицом европейского нашествия одна, изолированная и без союзников, что грозило ей самыми катастрофическими последствиями. Обороняться русской армии пришлось бы не в Царстве Польском и Литве, как это было в действительности, а под Петроградом и Москвой, как это будет в 1941-м. Государь уберег Россию именно от такого развития событий.

Но и в этой, казалось бы, безысходной ситуации Николай II делал всё от него зависящее, чтобы сохранить мир.

12/25 июля в Красном Селе в Высочайшем присутствии состоялось особое совещание министров, имеющих отношение к государственной обороне. На совещании Сазонов заявил, что после того, как все дипломатические средства в отношении Австро-Венгрии *«оказались бесплодными»*, нужно осуществить *«военную демонстрацию»* посредством *«частичной мобилизации против Австрии»*. Сазонов был уверен, что эти действия могут *«поставить австро-венгерскую дипломатию на место»*. Военный министр генерал В. А. Сухомлинов, комментируя заявление Сазонова, указывал: *«Технически это означало распоряжение о подготовительном к войне периоде. О вероятности или даже возможности войны не было речи»*^[742].

Участник совещания военный министр генерал от кавалерии В. А. Сухомлинов вспоминал: *«Государь был совершенно спокоен. Несмотря на то, что Австрия явно закусила удила, у многих членов заседания была надежда на благополучный исход конфликта. В заключительном слове Государя была также надежда, но он находил, что теперь уже требуется более или менее серьёзная угроза. Австрия дошла до того, что не отвечает на наши дипломатические миролюбивые предложения. Поэтому царь признал целесообразным применить подготовленную именно на этот случай частичную мобилизацию, которая для Германии будет служить доказательством отсутствия с нашей стороны неприязненных действий по отношению к ней. На этом осно-*

вании и решено было предварительно объявить начало подготовительного к войне периода с 13/26 июля. Если даже и после этого не наступит улучшение в дальнейших дипломатических переговорах, то объявить частичную мобилизацию»^[743].

Царь одобрил предложение Сазонова снести с правительствами великих держав в целях побуждения Вены отсрочить выполнение предъявленных Белграду требований. Более того, Россия настойчиво предлагала сербскому правительству, в случае вторжения австро-венгерских войск, не противодействовать этому вторжению, а заявить, что Сербия уступает силе и полностью вручает свою судьбу великим державам^[744].

12/25 июля Россия предложила Австро-Венгрии обсудить содержащиеся в австро-венгерском ультиматуме пункты. В тот же день Сазонов подал Николаю II докладную записку, в которой делал вывод, что за требованиями Австро-Венгрии, предъявленными Белграду, стоит цель, поддерживаемая Германией, «совершенно уничтожить Сербию и нарушить политическое равновесие на Балканах»^[745].

12/25 июля Николай II на встрече с начальником Главного штаба заявил, что он готов поддержать Сербию, хотя бы для этого пришлось объявить мобилизацию и начать военные действия, но не ранее перехода австрийскими войсками сербской границы.

13/26 июля в Австро-Венгрии началась мобилизация про-

тив Сербии. В тот же день по всей территории Европейской России, кроме Кавказа, было введено «Положение о подготовительном к войне периоде».

Но Николай II не оставлял ещё надежды спасти мир путём переговоров с императором Вильгельмом. Государь понимал, что в данной обстановке кайзер фактически один руководит действиями как Германии, так и Австро-Венгрии. С другой стороны, Вильгельм II был связан с Николаем II давними и, как утверждал кайзер, дружественными отношениями. Телеграммы Николая II, посланные Вильгельму, наполнены искренностью, сознанием ответственности перед своей страной, поиском компромисса и призывом к миру. Телеграммы кайзера, наоборот, полны жадой расправы, запелляционных суждений и холодного вероломства, прикрытого возвышенной патетикой.

«Вероломная агитация, – телеграфировал кайзер Царю 13/26 июля 1914 г., – проводимая в Сербии в течение многих лет, закончилась гнусным преступлением, жертвой которого стал эрцгерцог Франц-Фердинанд. <...> Вы будете полностью со мной согласны, чтобы заявить, что наши общие интересы, Мои и Ваши, так же, как и интересы других стран, принуждают нас настаивать на следующем требовании: нужно, чтобы все, кто несет моральную ответственность за это ужасное преступление, были бы наказаны, так как они этого заслуживают. В этом случае политика не играет никакой роли. С другой стороны, я очень хо-

рошо понимаю, как трудно для Вас и Вашего правительства сопротивляться давлению общественного мнения. Уважая также ту глубокую и сердечную дружбу, которая связывает нас с Вами в течение многих лет, я употребляю всё мое влияние, для того чтобы обязать австрийцев действовать насколько возможно открыто, чтобы прийти к договоренности приемлемой для обеих сторон. Я искренне надеюсь, что Вы придете ко Мне на помощь в Моих усилиях сгладить сложности, которые могут всегда возникнуть. Ваш друг и искренний, преданный Кузен, Вилли»^[746].

Из приведённых выше фактов мы могли убедиться, как на деле кайзер «обязывал австрийцев» стремиться к договорённости с Сербией. На самом деле германский император изо всех сил толкал Австро-Венгрию к войне. Внешне примирительный тон телеграммы кайзера предназначался для того, чтобы успокоить Петербург и отсрочить оборонительные мероприятия русского военного командования.

14/27 июля Государь направил принцу Александру ответную телеграмму, в которой выразил свою полную поддержку Сербии: *«Ваше Королевское Высочество, обратившись ко Мне в исключительно тяжёлую минуту, не ошиблись в чувствах, которые Я питаю к Вам, и в Моём сердечном расположении к сербскому народу. Теперешнее положение вещей привлекает Моё самое серьёзное внимание, и Моё правительство принимает все усилия, дабы устранить настоящее затруднение. Я не сомневаюсь в том, что Ваше Высочество*

и Королевское правительство проникнуты желанием облегчить эту задачу, не пренебрегая ничем, дабы прийти к решению, которое сохраняя достоинство Сербии, предупредило бы ужасы новой войны. Пока есть малейшая надежда избежать кровопролития, все Наши усилия должны быть направлены к этой цели. Если же вопреки Нашим, самым искренним желаниям, Мы в этом не успели, Ваше Высочество можете быть уверены в том, что Россия не останется равнодушной к участи Сербии. НИКОЛАЙ»^[747]. Получив эту телеграмму от русского посланника в Белграде В. Н. Штрадтмана, глава сербского правительства Н. Пашич перекрестился и воскликнул: «Господи, Великий, Милостивый Русский Царь!»

В тот же день, 14/27 июля, когда Государь дал гарантии Сербии, он послал С. Д. Сазонову письмо следующего содержания: *«Мне пришла мысль в голову и чтобы не терять золотого времени сообщаю и вам. Не попытаться ли нам, сговорившись с Францией и Англией, а затем с Германией и Италией, предложить Австрии передать на рассмотрении Гаагского трибунала спор её с Сербией. Может быть, минута ещё не потеряна до наступления уже неотвратимых последствий. Попробуйте сделать этот шаг сегодня – для доклада для выигрыша времени. Во мне надежда на мир пока не угасла»^[748].*

Однако Берлин был озабочен совсем иными проблемами, главной из которых было сделать так, чтобы виновной

в неизбежной войне мир бы признал Россию. 15/28 июля канцлер Бетман-Гольвег в письме германскому послу в Вене Чиршки развивал эту идею: *«Ответ сербского правительства на ультиматум позволяет считать, что Сербия пошла так далеко навстречу австрийским требованиям, что, если Императорское правительство сохранит совершенно независимое положение, следует предвидеть, что оно восстановит против себя европейское общественное мнение. Итак, нужно, чтобы ответственность за возможный конфликт перед государствами, которые непосредственно не заинтересованы в вопросе, была бы возложена при всяком повороте событий на Россию»*^[749]. Таким образом, планы германского руководства были ясны: войну нужно было начинать во что бы то ни стало, а виноватой в ней следовало сделать Россию.

15/28 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила Сербии войну. В Петербурге стало также известно, что на русской границе развернуто 8 австро-венгерских корпусов. Военные настойчиво просили Государя объявить всеобщую мобилизацию. Такое согласие первоначально было им дано. В телеграмме Великому Князю Николаю Николаевичу 15/28 июля начальник Генерального штаба генерал Н. Н. Янушкевич секретно сообщал: *«Сообщается для сведения: семнадцатого/тридцатого июля будет объявлено первым днем нашей общей мобилизации. Объявление последует установленною телеграммою»*^[750]. Однако 16/29 июля Государь огра-

ничился мобилизацией только против Австро-Венгрии четырёх военных округов: Одесского, Киевского, Московского, Казанского, а также Балтийского и Черноморского военно-морских флотов^[751]. В Вене на это реагировали весьма болезненно. В беседе с Сазоновым граф Сапари пытался убедить министра, что *«мобилизация австрийских южных корпусов не угрожает России»*. В свою очередь Сазонов заявил: *«Я могу самым официальным образом заверить Вас, что мобилизация эта [русских военных округов] не имеет цель произвести нападение на Австрию. Наши войска будут просто стоять в боевой готовности, в ожидании того момента, когда балканские интересы России будут нарушены»*^[752].

Частичная русская мобилизация на австро-венгерской границе никоим образом не угрожала Германии. Это, собственно, подтвердили представители высших кругов рейха. 14/27 июля французский посол в Берлине Ж. Камбон поинтересовался у фон Ягова: *«Будет ли Германия считать себя обязанной мобилизовать свои войска, в том случае, если Россия произведёт мобилизацию только на австрийской границе?»* Ягов категорически ответил: *«Нет. Я формально уполномочиваю Вас довести об этой оговорке до сведения вашего правительства»*. Статс-секретарь также заявил, что германская мобилизация будет не нужна, если русская будет осуществлена только на австро-венгерской границе^[753]. Однако, когда кайзер узнал о русской мобилизации на ав-

стрийской границе, то был взбешён: *«И это мера защиты от Австрии, – вскричал он, – которая не собирается нападать на него! Я не мог предвидеть, что Царь встанет на сторону бандитов и цареубийц, не считаясь с возможностью вызвать войну в Европе!»*^[754] Разумеется, что 17/30 июля мнение фон Ягова изменилось кардинально. О своих предыдущих словах он сказал Камбону, что они не представляли окончательного обязательства с его стороны. Накануне, 16/29 июля, германский посол Пурталес на аудиенции у Сазонова зачитал телеграмму Бетмана-Гольвега, в которой тот в резкой форме потребовал от России немедленного прекращения всех военных приготовлений. *«В противном случае, – говорилось в телеграмме, – Германии придется объявить мобилизацию, а в таком случае с ее стороны немедленно последует нападение»*^[755].

В тот же день Николай II в ответной телеграмме кайзеру выразил надежду, что его посредничество приведёт к смягчению ситуации: *«В этот особенно серьёзный момент я прибегаю к Вашей помощи. Позорная война была объявлена слабой стране. Возмущение в России, вполне разделяемое Мною, безмерное. Предвижу, что очень скоро, уступая производящемуся на Меня давлению, Я буду вынужден принять крайние меры, которые поведут к войне. Стремясь предотвратить такое бедствие, как европейская война, я умоляю Вас, во имя нашей дружбы, сделать всё возможное в целях недопущения Ваших союзников зайти слишком далеко»*^[756].

16/29 июля королевич Александр в ответной телеграмме Николаю II писал: *«Тяжкие времена не могут не скрепить уз глубокой привязанности, которыми связана Сербия со святой славянской Русью и чувства вечной благодарности за помощь и защиту Вашего Величества будут свято храниться в сердцах всех сербов»*^[757].

Утром 16/29 июля австро-венгерская армия пересекла границу Сербии, вторглась на ее территорию. Тяжёлые орудия Skoda произвели жестокий артобстрел мирных районов Белграда.

Николай II предложил кайзеру передать австро-сербский вопрос Гаагской конференции, *«чтобы избежать кровопролития»*^[758]. В который раз механизмы противодействия войне, заложенные Государем в 1899 г., могли бы предотвратить великое бедствие! Своеобразным ответом кайзера стала его помета на телеграмме Государя нецензурного содержания.

В тот же день Вильгельм II направил Царю телеграмму, в которой утверждал, что Австрия не стремится к каким-либо территориальным завоеваниям за счёт Сербии: *«Поэтому, я считаю вполне возможным для России остаться только зрителем австро-сербского конфликта и не вовлекать Европу в самую ужасную войну, какую ей приходилось видеть»*^[759]. Продолжая обманывать Царя, чтобы выиграть время, Вильгельм II обещал воздействовать на Вену, с целью *«достижения удовлетворительного соглашения с Вами»*, но при этом требовал от России отказаться от *«любых военных*

приготовлений».

Оттягивая время, Николай II решил послать в Берлин графа И. Л. Татищева, которого хорошо знал император Вильгельм. Татищев должен был отвезти письмо, которое Царь написал кайзеру 17/30 июля: *«Убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги есть ужасное преступление, совершённое отдельными сербами. Но где доказательства того, что сербское правительство причастно к этому преступлению? Увы! Мы знаем из многих фактов, что часто нельзя относиться с полным доверием к результатам следствия или решению судебных властей, в особенности, если к делу примешиваются политические причины»* ^[760].

Утверждение Государя об отсутствии доказательств о причастности к сараевскому убийству сербского правительства подтвердили сами австро-венгры. Специальный представитель Австро-Венгрии Ф. Визнер, посланный в Сербию для расследования обстоятельств подготовки террористического акта, докладывал 30 июня/13 июля 1914 г.: *«Доказать и даже подозревать сербское правительство в том, что оно было осведомлено о покушении, либо участвовало в покушении, либо предоставляло для него оружие, – не представляется возможным»* ^[761].

17/30 июля С. Д. Сазонов направил послу в Германии С. Н. Сербееву телеграмму, в которой поручал ему сообщить Берлину, что *«если Австрия, признав, что австро-сербский вопрос приобрёл европейский характер, заявит о*

своей готовности исключить из своего ультиматума пункты, нарушающие суверенные права Сербии, Россия обязуется прекратить свои военные приготовления»^[762]. Позже Сазонов вспоминал: «Едва ли было возможно Великой Державе дать большее доказательство своего миролюбия, чем то, которое заключалось в предложенной мною графу Пурталесу формуле». Сазонов при этом подчёркивал, что мог сделать такое предложение Пурталесу только потому, что «я знал, что в глазах Государя единственным пределом уступчивости и примирительности служили честь и жизненные интересы России»^[763]. Получив телеграмму с русским предложением, фон Ягов даже не отправил её в Вену для ознакомления и принятия решения, а поспешил сам ответить за австрийского союзника: «Я нахожу русское предложение неприемлемым для Австрии»^[764]. Так Берлин в зародыше давил любую возможность решить конфликт мирным путём.

Тогда Сазонов, выполняя приказание Николая II, изменил свою формулу и изложил её следующим образом: «Если Австрия согласится остановить движение своих войск на сербской территории и если, признавая, что австро-сербский конфликт принял характер европейского вопроса, она допустит, чтобы великие державы рассмотрели вопрос о том удовлетворении, которое Сербия могла бы дать австро-венгерскому правительству без нанесения ущерба своим правам суверенного государства и своей независимости, то Россия принимает на себя обязательства сохранять

своей выжидательное положение»^[765]. Из этой формулировки видно, что Россия была готова идти на ещё большие уступки Австро-Венгрии. Словами *«если Австрия согласится остановить движение своих войск на сербской территории»* русское Правительство фактически соглашалось, что австро-венгерские войска займут часть этой территории вместе с Белградом. В новой форме русского предложения признавалось право Австро-Венгрии требовать «удовлетворения» от Сербии, снимался вопрос об обязательном отказе Вены от ультиматума Белграду. **Таким образом, Россия была готова идти на самые крайние уступки, лишь бы не допустить войны.** Получив новое предложение Петербурга, сэр Э. Грей тотчас телеграфировал о нём в Берлин, заявив, что, по его мнению, формула, принятая русским Правительством, является тем основанием для переговоров, которое представляет наиболее шансов для мирного разрешения конфликта^[766]. Новое предложение России ни Берлин, ни Вена даже не удостоили своим ответом.

17/30 июля Николай II принял в Царском Селе С. Д. Сазонова и передал ему для прочтения последнюю телеграмму императора Вильгельма: *«Графу Пурталесу было предписано обратить внимание Вашего правительства на опасность и серьёзные последствия, которые может повлечь за собой мобилизация. То же самое я говорил в моей телеграмме Вам. Австрия мобилизовала только часть своей армии и только против Сербии. Если, как видно из Вашего сообще-*

ния и Вашего правительства, Россия мобилизуется против Австрии, то моя деятельность в роли посредника, которую Вы мне любезно доверили и которую я принял на себя по Вашей усиленной просьбе, будет затруднена, если не станет совершенно невозможной. Вопрос о принятии того или другого решения ложится теперь всей своей тяжестью исключительно на Вас, и Вы несёте ответственность за войну или мир»^[767].

Комментируя эту телеграмму, Николай II сказал Сазонову: «Он требует от меня невозможного. Он забыл или не хочет признать, что австрийская мобилизация была начата раньше русской и теперь требует прекращения нашей, не упоминая ни словом об австрийской. Вы знаете, что я уже раз задержал указ о мобилизации и затем согласился лишь на частичную. Если бы я теперь выразил согласие на требование Германии, мы стояли бы безоружными против мобилизованной австро-венгерской армии. Это – безумие»^[768].

Сазонов заявил: «Я считаю, что война неизбежна». Министр, ссылаясь на военных, убеждал Государя объявить немедленно всеобщую мобилизацию. Император срывающим голосом ответил: «Подумайте об ответственности, которую Вы предлагаете взять на себя. Это приведёт к гибели сотен тысяч русских людей». Сазонов ответил, что на Государя не ляжет ответственность за драгоценные жизни, которые унесёт война, так как он этой войны не хотел, ни он сам, ни его Правительство. Воцарилось тягостное молчание.

Наконец, Николай II сказал: *«Вы правы. Для нас ничего не остается, как ожидать нападения. Передайте начальнику Генерального штаба моё приказание о мобилизации»*^[769].

Сазонов вспоминал впоследствии: *«В тяжёлые дни, предшествовавшие войне с Германией, когда уже всем было ясно, что в Берлине было решено поддержать всей мощью притязания Австрии на господство на Балканах и что нам не избежать войны, мне привелось узнать Государя со стороны, которая при нормальном течении политических событий оставалась малоизвестной. Я говорю о проявленном им тогда глубоком сознании его нравственной ответственности за судьбу России и за жизнь бесчисленных его подданных, которым европейская война грозила гибелью. Этим сознанием он был проникнут весь, и им определялось его состояние перед началом военных действий»*^[770].

Вечером 17/30 июля начальник Генерального штаба генерал Н. Н. Янушкевич телеграфировал: *«Высочайше повелено мобилизовать по мобилизационному расписанию 1910 года войска Киевского, Одесского, Московского и Казанского военных округов, второочередные и третьеоочередные части Оренбургского, Уральского и Астраханского казачьих войск и команд пополнения Донского, Кубанского, Тверского, Уральского, Оренбургского и Астраханского казачьих войск, входящих в состав мобилизуемых округов, Черноморский и Балтийский флоты. Первым днем мобилизации следует считать 17/30 сего июля»*^[771].

Узнав об объявлении всеобщей мобилизации русской армии, граф Берхтольд встретился в Вене с послом Шебеко и принялся уверять того, что Австрия не имеет никаких враждебных намерений в отношении России и что Вена готова вступить в обсуждение с Петербургом предъявленного Сербии ультиматума. Об этом же 18/31 июля заявил Сазонову Ф. Сапари. Австрия, балансируя на краю пропасти мировой войны, в последний момент не могла не ужаснуться грозящей ей катастрофе.

Сазонов предложил провести переговоры в Лондоне при участии великих держав. Он считал необходимым увязать начало переговоров в Лондоне с прекращением военных действий Австро-Венгрии против Сербии. Однако Николай II был с этим мнением своего министра не согласен. На телеграмме Сазонова Царь оставил резолюцию: *«Одно не мешает другому – продолжайте разговоры с австрийским послом»*^[772]. Но руководство Германии внимательно следило, чтобы ситуация вдруг пошла бы не по его планам. Последовавшие на следующий день роковые шаги кайзеровского правительства были вызваны в том числе и опасением того, что Австрия в последний момент начнёт искать компромисс с Петербургом.

18/31 июля в Берлине было сделано официальное объявление, *«что ныне предстоит германская мобилизация в случае, если Россия не прекратит через 12 часов своих военных мероприятий и не даст об этом определённых объясне-*

ний»^[773]. Одновременно Николаю II была направлена очередная телеграмма кайзера Вильгельма: *«Европейский мир ещё может быть сохранён, если только Россия согласится приостановить военные приготовления, угрожающие Германии и Австро-Венгрии»*^[774].

18/31 июля 1914 г. германский посол граф Ф. фон Пурталес по его просьбе был принят Императором Николаем II в Царском Селе. Посол сообщил Государю, что император Вильгельм поставлен в очень тяжёлое положение опубликованием указа о всеобщей мобилизации русской армии. Царь высказал глубокое сожаление, что по техническим причинам отменить мобилизацию нельзя, и снова дал честное слово, что его армия не нападёт первая. Пурталес заверял Николая II, что никаких мобилизационных приготовлений в Германии не происходит. На самом деле они уже шли: 18/31 июля посол в Берлине С. Н. Свербеев доносил С. Д. Сазонову, что мобилизационные меры *«в Германии против нас в полном ходу»*^[775]. В конце беседы посол сказал, что положение очень тревожное и, если Россия не прекратит мобилизацию, война неизбежна. Пурталес вспоминал: *«Царь спокойно выслушал меня, не выдавая ни малейшим движением мускула, что происходит в его душе... У меня получилось впечатление, что мой высокий собеседник либо в необычайной манере одарён самообладанием, либо ещё не успел, несмотря на мои весьма серьёзные заявления, постигнуть всю грозность создавшегося положения»*^[776].

Около 17 ч. следующего дня, **19 июля/1 августа**, Пурталес снова по его просьбе был принят в здании МИД на Дворцовой площади С. Д. Сазоновым. Русский министр понял, с какой целью пришёл к нему представитель Германии. *«Он, вероятно, привезёт мне объявление войны»*, – сказал Сазонов своему помощнику барону М. Ф. Шиллингу и не ошибся. После очередного отказа Сазонова на требование Пурталеса отменять мобилизацию посол дрожащими руками передал ноту германского правительства: *«Императорское Правительство старалось с начала кризиса привести его к мирному разрешению. Идя навстречу пожеланию, выраженному Его Величеством Императором Всероссийским, Его Величество Император Германский в согласии с Англией прилагал старания к осуществлению роли посредника между Венским и Петербургским Кабинетами, когда Россия, не дожидаясь их результата, приступила к мобилизации всей совокупности своих сухопутных и морских сил. Вследствие этой угрожающей меры, не вызванной никакими военными приготовлениями Германии, Германская империя оказалась перед серьезной и непосредственной опасностью. Если бы Императорское Правительство не приняло мер к предотвращению этой опасности, оно подорвало бы безопасность и самое существование Германии. Германское Правительство поэтому нашло себя вынужденным обратиться к Правительству Его Величества Императора Всероссийского, настаивая на прекращении упомянутых военных мер. Ввиду того, что Рос-*

сия отказалась удовлетворить это пожелание и выказала этим отказом, что ее выступление направлено против Германии, я имею честь по приказанию моего Правительства сообщить Вашему Превосходительству нижеследующее: Его Величество Император, мой Августейший Повелитель, от имени Империи принимая вызов, считает себя в состоянии войны с Россией»^[777].

В 22 ч. 55 м. Николай II получил последнюю телеграмму от императора Вильгельма II. «Вчера, – писал он, – я указал Вашему правительству единственный путь, которым можно избежать войны. Несмотря на то, что я требовал ответа сегодня к полудню, я еще до сих пор не получил от моего посла телеграммы, содержащей ответ Вашего правительства. Ввиду этого я был принужден мобилизовать свою армию. Немедленный, утвердительный, ясный и точный ответ от Вашего правительства единственный путь избежать неисчислимые бедствия. <...> Я должен просить Вас немедленно отдать приказ Вашим войскам ни в коем случае не пересекать нашей границы. Вилли»^[778].

Таким образом, император Вильгельм хотел, чтобы Россия отказалась от мобилизации, предоставила возможность Австро-Венгрии расправиться с Сербией и наблюдала при этом мобилизацию германской армии. Последняя телеграмма кайзера была послана с опозданием и пришла в Петергоф уже после объявления Германией войны России. На подлиннике телеграммы рукой Императора Николая II написа-

но: *«Получена после объявления войны»*.

Вильгельм II хорошо осознавал, что его действия в отношении России являются прямой агрессией. Его неуклюжие попытки самооправдания и лживые обвинения, какие им были предприняты после нападения на Россию, лишь подтверждают это. 20 июля/2 августа 1914 г. император Вильгельм довёл до всех своих дипломатических представителей о том, что он отдал приказ о мобилизации, *«вследствие внезапно-го нападения, произведённого русскими войсками на германскую территорию. Таким образом, Германия находится в состоянии войны с Россией»*^[779]. Под этим сообщением Государь лаконично написал: *«И тут ложь»*^[780].

Глава 4. Гроза 14-года...

20 июля 1914 г. Император Николай II прибыл из Петергофа в Петербург на яхте «Александрия». В Малахитовом зале Зимнего дворца Государь подписал Манифест о войне с Германией, в котором говорилось: *«Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и положение её среди Великих держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные Наши подданные. В грозный час испытаний да будут забыты внутренние распри. Да укрепится теснее единение Царя с Его народом, и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага»*^[781]. Затем Император Николай II, Императрица Александра Феодоровна и свита перешли в Николаевский зал, где перед Владимирской иконой Божией Матери, установленной в центре, был отслужен молебен о ниспослании победы русскому оружию. После молебна протоиерей Придворного собора Александр Васильев зачитал Высочайший Манифест. Затем Государь обратился с краткой речью к присутствующим офицерам Гвардии и Петербургского военного округа: *«Со спокойствием и достоинством встретила Наша Великая Матушка Русь известие об объявлении войны. Убеждён, что с таким же чувством спокойствия мы до-*

ведём войну, какая бы она ни была, до конца. Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли Нашей. И к вам, собранным здесь представителям дорогих Мне войск Гвардии и Петербургского военного округа, и в вашем лице обращаюсь ко всей единокровной, единокровиной, крепкой, как стена гранитная, армией Моей и благословляю ее на путь ратный»^[782].

В своей речи Государь повторил слова Императора Александра I, сказанные им при вторжении Наполеона в 1812 г., подчеркнув, таким образом, отечественный характер начавшейся войны. Война сразу получила официальное название Второй Отечественной войны.

В. Н. Воейков вспоминал: «Окончив свою речь, сказанную звонким, мягким голосом, Государь перекрестился и все военные преклонили колена перед своим Державным Вождем. Картина была умирительная. Многие плакали. Торжественно прозвучали слова пропетой присутствовавшими молитвы: “Спаси, Господи люди Твоя...”, сменившейся народным гимном»^[783]. Восторженная публика настолько окружила Царскую Семью, что практически не давала ей прохода. С большим трудом Император Николай II и Императрица Александра Феодоровна вышли на балкон Зимнего дворца. Собравшаяся на Дворцовой площади многотысячная толпа при виде Царской Четы опустилась на колени. Над площадью раздались величественные звуки русского гимна «*Боже,*

Царя храни». Государь и Государыня до глубины души были тронуты этим проявлением народной любви.

Патриотическая стихия охватила широкие круги народа. Толпы с национальными знаменами вышли на улицы Петербурга, Москвы, Тулы, Киева, Одессы, Ростова, Харькова, Томска. Генерал М. К. Дитерихс писал: *«Не подлежит сомнению, что объявление войны вызвало громадный патриотический подъем в массе русского народа. За весь мобилизационный период всякие бывшие до объявления мобилизации забастовки и беспорядки прекратились сами собой, сразу»*^[784].

Всеобщее воодушевление вынуждены признать даже враги существовавшего строя. Так, трудовик А. Ф. Керенский писал: *«Народ в 1914 году воспринял войну с Германией как свою собственную. Народ понял, что судьба России поставлена на карту»*^[785].

26 июля 1914 г. Николай II, принимая в Николаевском зале Зимнего дворца членов Государственного Совета и депутатов Государственной Думы, заявил: *«Тот огромный подъем патриотических чувств, любви к Родине и преданности к Престолу, который, как ураган, пронесся по всей земле Нашей, служит в Моих глазах, да, Я думаю и в ваших, ручательством того, что наша Матушка-Россия доведёт ниспосланную ей Господом Богом войну до желанного конца. Уверен, что вы и каждый на своем месте поможете Мне перенести ниспосланное испытание, и что все мы, начиная*

с Меня, исполним свой долг до конца. Велик Бог земли Русской!»^[786]

Но порой патриотическая стихия граничила с откровенным варварством. С. Д. Сазонов докладывал Николаю II 23 июля/5 августа 1914 г., что ему приходится сообщать *«об ужасающем и позорном событии, происшедшем прошлой ночью. Под предлогом патриотической манифестации толпа, в которую вошли подонки столичного общества, совершенно разгромила здание германского посольства и даже убила одного из служащих посольства, а власть, на обязанности которой лежало предупредить или пресечь подобные недопустимые в цивилизованном обществе неистовства, не оказалась на высоте требования»*^[787].

Неизвестно от чего скончался 60-летний сотрудник посольства Альфред Катнер, его труп был обнаружен на крыше здания, но сам факт погрома посольства, продолжавшийся длительное время при полном невмешательстве полиции, вызвал всеобщее возмущение. Соединённые Штаты даже выразили протест России. Сазонов просил Государя как можно скорее провести расследование и наказать виновных. Николай II повелел прекратить антигерманские выступления, а по факту погрома было начато следствие, привлекавшее к уголовной ответственности свыше 100 активных участников.

18 августа 1914 г. повелением Императора Николая II Правительствующему Сенату название столицы «Санкт-Пе-

тербург», которое в глазах простого народа звучало «по-немецки», было заменено на «Петроград»^[788]. Этим указом Царь как бы еще раз демонстрировал свой полный и окончательный разрыв с Германией. Впрочем, не все были довольны этой инициативой Николая II. Говорили, что министр путей сообщения С. В. Рухлов даже сказал Государю: *«Что это Вы, Ваше Величество, Петра Великого поправлять! Государь не рассердился, а отиутился: “Что же! Царь Петр требовал от своих генералов рапортов о викториях, а я рад был бы вестям о победах. Русский звук сердцу милее...”»*^[789]

Тогда же, в самом начале войны, по почину Императора Николая II был утвержден новый государственный флаг Российской Империи, представлявший собой сочетание национального бело-сине-красного полотнища с черным двуглавым орлом на золотом фоне в левом верхнем углу. Новый флаг символизировал единение Царя с народом. *«Святость души нашего народа, – писала “Летопись войны 1914–1915 гг.”, – в настоящую тяжелую годину сопровождается полным слиянием и единением его с мыслями и чувствами Государя Императора. Вот почему Его Императорское Величество изволил воочию засвидетельствовать о сем перед всем миром, и отныне в знак тесного единения Православного Царя с Его верным народом, в русском национальном флаге у древка между белой и синей полосами (на четверти общей величины у каждой) будет вечно красоваться Императорский Штандарт (желтый квадрат с черным,*

российским гербом). Это Великая Царская милость всему русскому народу»^[790].

18 июля Император Николай II предоставил право местным органам самоуправления по их усмотрению и под их ответственность закрывать алкогольную торговлю^[791]. В течение трех дней по всей России торговля алкоголем была почти полностью прекращена^[792]. Первоначально Министерство финансов планировало возобновить продажу крепких алкогольных изделий с 7 августа, затем с 16 августа и, наконец, с 1 сентября. Но 4 августа в Москве Николай II провел заседание Совета министров. *«Сообщив нам, – писал в мемуарах министр финансов П. Л. Барк, – о многочисленных полученных им просьбах, Государь добавил, что он еще утром принял депутацию от крестьян, которая умоляла его не открывать вновь винных лавок, и посему он желал бы выслушать мнение Совета министров, насколько такое желание осуществимо. Все присутствующие министры в принципе ответили утвердительно»*^[793]. 22 августа Николай II продлил сухой закон до окончания военного времени. Ни в одной стране мира до 1914 г. подобных радикальных мер по снижению потребления алкоголя не принималось. Ллойд Джордж охарактеризовал царское решение как *«самый величественный акт национального героизма, который я только знаю»*^[794]. 30 августа 1914 г. Николай II издал указ о прекращении выдачи чарки вина солдатам и матросам, увеличив им в счет этой суммы выдачу продоволь-

ственного пайка^[795]. 28 сентября 1914 г. Государь, отвечая на телеграмму почетного председателя Общества трезвости России Великого Князя Константина Константиновича, упомянул, что он предрешил запретить навсегда продажу водки^[796]. Результаты запрета были ошеломляющими даже для малOVERов. В 1915 г. потребление алкоголя сократилось до 0,2 л на душу населения. Производительность труда повысилась на 9–13 %, несмотря на большое количество призванных в армию. На 27–30 % снизилось количество прогулов. В Иваново-Вознесенске в 13 раз сократился производственный травматизм. Число арестованных в пьяном виде в Петрограде во втором полугодии 1914 г. сократилось на 70 %. Число доставленных в места вытрезвления уменьшилось в 29 раз. Число самоубийств на почве алкоголизма в Петрограде упало на 50 %. Подобные результаты были получены еще в девяти губерниях России. Объем денежных вкладов в сберкассы увеличился: прирост составил 2,14 млрд руб. против 0,8 млрд руб. в прежние годы до запрета^[797].

4 августа Царская Семья отбыла в Москву. Государь, по примеру своих Венценосных предков, хотел посетить Первопрестольную столицу и помолиться у ее святынь. Пьер Жильяр, сопровождавший Царскую Семью в поездке, вспоминал: *«Прибытие Их Величеств в Москву было самым трогательным и умирительным зрелищем, какое мне довелось видеть до сих пор.*

После обычных приемов на вокзале мы длинной вереницей

экипажей направились в Кремль. Огромная толпа наполняла площади и улицы; люди взбирались на крыши лавок, как гроздь висели на деревьях скверов, влезали в окна магазинов, толпились на балконах и у окон домов. И под непрерывный звон колоколов всех церквей из тысяч уст разносился внушительный своим религиозным величием и сдержанным волнением тот чудный русский гимн, в котором выражена вера целого народа: “Боже Царя храни!” Сквозь раскрытые настежь двери церквей были видны огни свеч, горящих перед иконостасами, священники в полном облачении, с золотыми крестами в руках, благословляли Царя при его проезде. Звуким гимна то замирают, то вновь крепнут и растут, как молитва, с могучим и величественным припевом: “Боже Царя храни!”

Шествие приближается к Воскресенским воротам. Государь выходит из экипажа и по обычаю входит в часовню приложиться к чудотворной иконе Иверской Божьей Матери. Он выходит, делает несколько шагов и останавливается, господствуя над несметной толпой. Его лицо серьезно и проникновенно; неподвижно внемлет он голосу своего народа и как бы входит в общение с ним. Еще раз он слышит биение сердца великой России. Он поворачивается затем к часовне, крестится, покрывается и медленно подходит к экипажу, который скрывается в старинных воротах и проезжает в Кремль»^[798].

Там Государь молился в Архангельском соборе о дарова-

нии победы русскому оружию, у гробниц благоверных Царей Московских, так же, как чуть более ста лет назад, молился перед ними Император Александр Благословенный во время наполеоновского нашествия. В Кремле Император Николай II обратился к московскому люду: *«В лице вашем, жители дорогой Мне первопрестольной Москвы, Я приветствую весь верный Мне русский народ, повсюду, и на местах, и в Государственной Думе, и в Государственном Совете единодушно откликнувшийся на Мой призыв встать дружно всей Россией, откинув распри на защиту родной земли и славянства. В могучем всеобщем порыве все без различия слились воедино все племена и народности великой империи Нашей, и вместе со Мной никогда не забудет этих исторических дней Россия. Такое единение Моих чувств и мыслей со всем Моим народом даёт Мне глубокое утешение и спокойную уверенность в будущем. Отсюда, из сердца русской земли, Я шлю доблестным войскам Моим и мужественным иноземным союзникам, заодно с нами поднявшимися за поправленные начала мира и правды, горячий привет. С нами Бог»*^[799].

С этого момента идея священного единения между ним и народом во имя победы над внешним врагом полностью овладеет Государем, и он будет делать всё от него зависящее ради сохранения этого единения. Покидая Москву, Император Николай II посетил Свято-Троицкую Сергиевскую лавру, где был благословлен наместником лавры архимандритом Товием (Цымбалом) иконой Явления Пресвятой Бо-

городицы преподобному Сергию, написанной на доске великого святого. Эта икона всегда сопровождала русских государей в их походах.

Государственная дума шумно приветствовала всеми фракциями, не исключая ни левых, ни правых, объявление войны. На заседании 26 июля/8 августа её депутаты провозгласили «народное единство» перед лицом военной опасности. Все фракции Думы выступили с призывом сплотиться вокруг Царя для победоносного окончания войны, забыв «внутренние распри» и «партийные счёты». Лишь социал-демократы заняли принципиально иную позицию. Обе социал-демократические фракции Думы (большевистская и меньшевистская) 26 июля 1914 г. выступили с совместной декларацией, которую огласил меньшевик В. И. Хаустов. В ней подчеркивалось, что ответственность за начавшийся конфликт несут правительства всех воюющих держав и поэтому о единении *«народов России с царскими властями»* не может быть и речи. В момент голосования за военные кредиты все социал-демократы демонстративно покинули зал заседания Думы. Депутаты-большевики объезжали заводы и фабрики, призывая рабочих выступать против войны. В сентябре 1914 г. Правительство обвинило большевиков в государственной измене. Депутаты большевистской фракции были арестованы и в 1915 г. приговорены к каторжным работам.

Либеральная интеллигенция была довольна, что Россия

воюет против «реакционной Германии» в союзе с «прогрессивными Францией и Англией». *«Война, которую мы ведем бок о бок с англичанами и французами, — заявил один из лидеров кадетской партии, Ф. И. Родичев, — приведет нас к победному торжеству свободы как во внешней, так и во внутренней политике»*^[800]. Ему вторил лидер кадетов П. Н. Миллюков: *«Мысль о том, что настоящая война есть освободительная и что борьба за победу есть в то же самое время борьба за лучшее будущее России, сделалась аксиомой для всех прогрессивных общественных мнений»*^[801].

Между тем мало кто догадывался, какие усилия приложил Государь, чтобы Россия не оказалась в начавшейся войне один на один с германским блоком. А такая угроза в июле 1914 г. была вполне реальной, несмотря на имеющийся союз с Францией и дружественные отношения с Англией. 19 июля/1 августа Германия объявила войну только России. Причём германская верхушка настолько спешила с этим шагом, что опередила Австро-Венгрию на целых пять суток. Поспешность, с какой германское правительство объявило войну России, противоречило планам германского командования. Большой штаб предлагал как можно дольше не начинать войны с ней, так как задержка открытия военных действий на востоке отвечала плану по скорейшему разгрому Франции^[802].

Но вопреки мнению военных и, казалось бы, здравому смыслу, германская политическая верхушка в лице канцле-

ра Бетмана-Гольвега усиленно толкала кайзера на скорейшее объявление войны именно России. *«Почему мы объявили войну России 1 августа, да ещё в такой поспешной манере?»* – вопрошал в своих мемуарах Бюлов. – *Объяснение этой дипломатической ошибки, как и многих других, находится во внутривполитической причине»* [803].

Крупный германский промышленник А. Баллин спросил Бетмана-Гольвега: *«Почему, собственно, ваше превосходительство так страшно торопится с объявлением войны России?»* Бетман ответил: *«Иначе я не заполучу социал-демократов»*. По этому поводу Бюлов замечал, что Бетман-Гольвег хотел заострить войну именно *«против русского царизма»* [804].

Но у Бетмана были и другие веские основания предполагать, что война примет характер похода германских империй против России и Сербии. Думать так позволяла ему в первую очередь позиция Англии, которая за всё время европейского кризиса, последовавшего после сараевского убийства, хранила загадочное молчание. Вильгельм II, несмотря на всю свою грозную риторику, опасался войны одновременно с Россией, Францией и Англией.

В первые дни кризиса Эдвард Грей поспешил заверить германское руководство, что Англия предпримет всё возможное, чтобы умиротворяюще повлиять на Францию и на Россию. 18/30 июля Грей дал понять немцам, что позиция Лондона остаётся неизменной: *«Все заверения со стороны*

Вены и Санкт-Петербурга по поводу целей и образе действий Австрии в отношении Сербии, приводят лишь к отягчению ответственности России в глазах всех»^[805]. Кайзер решил, что это лучшее доказательство английского нейтралитета, на который он сильно надеялся.

11/24 июля на встрече в Петербурге с Сазоновым и Палеологом английский посол Дж. Бьюкенен фактически признал, что его правительство, по всей видимости, останется в этом конфликте нейтральным^[806]. Палеолог и Сазонов передали Бьюкенену мнение Николая II, что Германия никогда не осмелится напасть на объединенный союз России, Франции и Англии^[807], а потому он крайне недоволен британской позицией^[808].

Сазонов высказывал британскому послу надежду: *«что Англия не замедлит определённо встать на сторону России и Франции»*^[809]. Однако в Лондоне вступать в войну в августе 1914 г. явно не спешили. Там предпочли, чтобы Германия завязла в войне с Россией, и обе державы как можно больше обескровили друг друга. Только тогда Англия могла бы вступить в войну. Но это было невозможно, если бы в войну вступила Франция. В этом случае Англии пришлось бы встать на защиту своей союзницы.

13/26 июля король Георг V заверил принца Генриха Прусского, что *«мы приложим все усилия, чтобы не быть вовлеченными в войну и остаться нейтральными»*. Ободренные обещанием английского нейтралитета, немцы как могли то-

ропили Австро-Венгрию с войной против Сербии.

В то же самое время Э. Грей успокаивал Россию и заверял её в том, что Англия верна общим с Россией и Францией интересам^[810].

16/29 июля Грей предложил Вене английское посредничество^[811]. На заявление русского посла, что подобное предложение может создать в Берлине *«неправильное представление о позиции лондонского кабинета»*, Грей ответил, что Англия не считает свои интересы затронутыми сербским ультиматумом^[812]. Между тем Лихновскому Грей намекал, что, если Германия начнёт войну с Францией, Англии придётся выступить на стороне Антанты.

Когда император Вильгельм II узнал об этих словах Грея, он был взбешён: *«Англия открывает свои карты, в момент, когда она сочла, что мы загнаны в тупик и находимся в безвыходном положении! Низкая торгашеская сволочь старалась обманывать нас обедами и речами. Грей определённо знает, что стоит ему только произнести одно серьёзное предостерегающее слово в Париже и в Петербурге и порекомендовать им нейтралитет, и оба тотчас же притихнут. Но он остерегается вымолвить это слово и вместо этого угрожает нам! Мерзкий сукин сын!»*^[813]

18/31 июля в Париже была объявлена всеобщая мобилизация в ответ на объявленную в тот же день всеобщую мобилизацию в Германии. Однако, несмотря на объявленную Германией войну России, Франция объявлять войну рейху не спе-

шила, хотя этого требовала военная конвенция между двумя странами.

19 июля/1 августа 1914 г. Лихновский сообщил в МИД следующую информацию: *«Только что сэр Э. Грей позвонил мне по телефону и спросил, могу ли я заявить, что в случае, если Франция останется нейтральной в русско-германской войне, мы не нападём на французов. Я заявил ему, что могу взять на себя эту ответственность, и он использует это заявление в сегодняшнем заседании кабинета»*^[814].

Вильгельм II воспринял это английское предложение как подарок судьбы. Мольтке, прибыв 1 августа н. с. в императорский дворец Шлосс, застал императора и его канцлера Бетмана-Гольвега в «радостном возбуждении» от полученной телеграммы Лихновского. Кайзер, по воспоминаниям Мольтке, решил воевать *«против одной лишь России! Кайзер сказал мне: "Итак, мы попросту маршируем всеми нашими войсками на Восток". Я ответил Его Величеству, что это невозможно. Наступление миллионной армии невозможно импровизировать, это дело напряженной, неустанной, годовой работы и не может, будучи запланированным, подвергаться изменению. Если Его Величество настаивает на том, чтобы все войска вести на восток, то последние будут не готовой к бою армией, а неорганизованным, беспорядочным скопищем вооруженных людей. Кайзер настаивал на своём требовании и был очень не сдержан»*^[815].

С огромным трудом Мольтке удалось убедить Вильгельм-

ма II не менять общего стратегического плана Шлиффена. Мольтке объяснил, что Англия, даже если предположить наличие у неё доброй воли, не может дать гарантий того, что Франция не нападёт на Германию позже, когда все её силы будут обращены против России. Тем более и германская военная машина была приведена в полную боевую готовность. *«Если планы утверждены, их надо выполнять»*, – заключил германский фельдмаршал.

Но решив придерживаться старого плана, Вильгельм II заверял Лондон, что при его гарантиях нейтралитета Франции он сможет применить свои войска в «ином месте»^[816]. Не трудно догадаться, что этим «местом» была... Россия. Таким образом, для Николая II складывалась чрезвычайно опасная ситуация: согласись Франция на английское предложение, и Россия осталась бы один на один с Германией и Австро-Венгрией.

19 июля/1 августа в своей телеграмме Николаю II король Георг призывал *«устранить происшедшее недоразумение и оставить путь для переговоров и для возможности сохранения мира»*^[817]. Эта телеграмма явно свидетельствует о попытке Лондона занять позицию, сходную с германской, и переложить ответственность за срыв мирного диалога на Россию. 19 июля/1 августа Россия уже находилась в состоянии войны с Германией, и вести какие-либо переговоры с последней было поздно. В Лондоне это отлично понимали, но сознательно делали вид, будто верят германским заверениям,

что это Россия не желает мира. Такая позиция определённых английских правящих кругов, в лице короля и Э. Грея, облегчала Англии занять до времени нейтральную позицию.

Николай II ответил Георгу V на следующий день, 20 июля/2 августа. *«Я с удовольствием принял бы Ваше дружеское предложение, если бы германский посол не вручил сегодня после полудня Моему правительству ноту с объявлением войны. <...> В этот торжественный час я хочу еще раз заверить Вас, что Я сделал всё, что в Моих силах, чтобы предотвратить войну. Теперь, когда Мне её навязали, Я верю, что Ваша страна не откажет поддержать Францию и Россию в борьбе за сохранение равновесия в Европе»*^[818]. Ко времени написания Государем этой телеграммы английская позиция уже поменялась в сторону вступления в войну против Германии^[819].

Тем временем Франция, вопреки союзному договору с Россией, войну Германии так и не объявляла. Более того, французские войска отводились от германской границы, чтобы не создать инцидентов, могущих привести к стычкам между двумя армиями. Однако германцы сами поспешили 21 июля/3 августа объявить Франции и одновременно Бельгии войну.

22 июля/4 августа 1914 г., осознав, что Европа уже втянута в военный конфликт, Англия наконец объявила войну кайзеровской Германии. Николай II выразил своё сожаление по поводу запоздалого решения английского правитель-

ства. Дворцовый комендант Государя В. Н. Воейков вспоминал: *«Государь выразил свою радость по поводу выступления Англии. “Но, – добавил он, – жаль, что это не было сделано раньше”.* Мнение многих дипломатов совпадало с выраженной Его Величеством мыслью: *говорилось, что никогда Германия не начала бы войны, если бы знала, что Англия выступит на стороне союзников»*^[820].

Об этом же писал Великий Князь Александр Михайлович: *«До полуночи 31 июля 1914 года британское правительство могло бы предотвратить катастрофу, если бы заявило о намерении вступить в войну на стороне России и Франции. Простое заявление, сделанное по этому поводу Гербертом Асквитом⁴ или сэром Эдуардом Греем, умиротворило бы самых воинственных берлинских юнкеров»*^[821].

Выступление Англии против Германии вызвало состояние оцепенения в правящих кругах рейха. *«Я никогда не видел такого трагического лица, как лицо кайзера в те дни!»* – писал один из приближенных германского императора^[822].

24 июля/6 августа войну России наконец-то объявила Австро-Венгрия. *«Теперь положение совершенно определилось»*, – записал Государь в своем дневнике^[823].

Объявление войны вызвало большой подъём в русской армии. Офицерство горело желанием проучить зазнавшихся немцев и австрийцев, постоять за православных братьев. Молодые офицеры боялись «не поспеть на войну», думая,

⁴ Г. Асквит – в 1914 г. премьер-министр Великобритании.

что она продлится несколько месяцев. *«Силу Германии все без исключения преуменьшали, – вспоминал участник Первой мировой войны барон С. А. Торнау, – считали, что Россия, Англия и Франция принудят Германию через три-четыре месяца к миру»*^[824].

Несмотря на свою большую численность и огромные масштабы страны, русская армия быстро мобилизовалась. Всего за 8 дней под ружье было поставлено 5 млн человек, причём 96 % подлежащих призыву явились в срок на призывные участки^[825]. Следовательно, уклонения от мобилизации практически не было.

С началом войны Император Николай II хотел сам стать во главе действующей армии. Согласно Основным законам Российской Империи, *«Верховное начальствование над военными силами Империи сосредотачивается в особе Государя Императора»*. Речь, таким образом, шла о должности Верховного главнокомандующего. Решение Государя принять эту должность на себя вызвало сильное противодействие со стороны Совета министров, члены которого были убеждены в необходимости присутствия Монарха в столице во время войны. Государь наконец согласился с мнением главы Правительства И. Л. Горемыкиным. Однако Николай II не считал свое решение не принимать Верховного командования окончательным. Морской министр адмирал И. К. Григорович писал в своих воспоминаниях: *«В Петербурге собирались частые Советы Министров под председательством*

Государя, и на первом из них Его Императорское Величество выразил желание стать во главе войск, но решительно все министры высказались против этого желания, доказывая Императору, что все возможные неудачи, которые могут быть всегда, свалятся на Него, как на главного виновника. В конце концов Государь с нашими доводами согласился, но указал, что впоследствии еще раз этот вопрос обсудит»^[826].

Главной кандидатурой на должность главнокомандующего был Великий Князь Николай Николаевич-младший, который слыл в армейских кругах за «выдающегося стратега». Великий Князь действительно обладал определенными военными способностями, но отнюдь не тем военным гением, который ему приписывали. Николай II не хотел назначать Великого Князя именно потому, что был низкого мнения о его военных способностях и не был уверен в его лояльности. «В начале войны, – вспоминал Великий Князь Александр Михайлович, – Царь не хотел вверить Верховное командование русской армией дяде Николаше, прекрасно сознавая» его военный дилетантизм^[827].

Николай II думал назначить главнокомандующим военного министра генерала В. А. Сухомлинова, но последний не обладал популярностью в армии^[828]. Наконец, Государь все-таки «повелел быть Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу Верховным Главнокомандующим, впредь до того времени, когда Его Императорско-

му Величеству благоугодно будет вступить в предводительство вооруженными силами лично»^[829]. Об этом же Николай II записал и в своем дневнике: *«После завтрака вызвал Николашу и объявил ему о его назначении верховным главнокомандующим впредь до моего приезда в армию»*^[830].

В результате возникла раздвоенность власти, которая при амбициях Великого Князя привела в дальнейшем к военнополитическому кризису. Адмирал А. Д. Бубнов признавал, что Николай II *«вопреки предположениям не принял на себя верховного командования вооруженными силами, и, таким образом, исчезла даже самая возможность полного единства действий обоих органов власти, мыслимая лишь при объединении их обоих в одних руках»*^[831].

Генерал Ф. Ф. Палицын был *«крайне недоволен, что Ник. Н. дали титул “верховного”. “Это никуда не годится, – говорил Ф. Ф. – Нельзя из короны Государя вырывать перья и раздавать их направо и налево. Верховный Главнокомандующий, верховный эвакуационный, верховный совет – все верховный, один Государь – ничего. Подождите, это еще даст свои плоды. Один Государь – Верховный, ничто не может быть кроме него”»*^[832].

Вступив в должность Верховного главнокомандующего, Великий Князь Николай Николаевич произвел назначения на руководящие командные должности. Для высшего стратегического управления войсками была образована Ставка Верховного Главнокомандования. На должность начальника

штаба был назначен генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич, на должность генерал-квартирмейстера штаба – генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов, один из разработчиков планов войны с державами Тройственного союза.

На фронт отправились многие члены Дома Романовых. С первых дней добровольцем отправился на войну крестник Государя, Князь Императорской крови Олег Константинович, сын Великого Князя Константина Константиновича. Незадолго до войны Олег Константинович перенес сильное воспаление легких, осложнившееся плевритом. Прощаясь с ним перед отправкой на фронт, Государь спросил о его здоровье, усомнившись, может ли он ехать на войну. Но Князь Олег успокоил Государя, заявив, что совершенно здоров. 29 сентября 1914 г. в бою под Вильной Олег Константинович был смертельно ранен и спустя два дня скончался от заражения крови в госпитале. Ему успели передать от Государя орден Св. Георгия 4-ст.

Участие в войне приняли Великие Князья Петр Николаевич, Георгий Михайлович, Кирилл и Андрей Владимировичи. Сестрой милосердия в санитарном поезде служила России Великая Княгиня Ольга Александровна.

С началом войны Николай II предпринял важный внешнеполитический шаг: им было принято решение после победы восстановить целостность Польши и даровать ей в составе Российской Империи широкую автономию. По приказу Государя Великий Князь Николай Николаевич обратился

с воззванием ко всем полякам: *«Поляки! Пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться. Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ее. Она жила надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братского примирения с Великой Россией. Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части Польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского Царя. Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении»*^[833].

С. Д. Сазонов объяснял подписание воззвания от имени Великого Князя тем, что *«поляки Галиции и Познани находятся еще под австрийским и прусским владычеством; что завоевание этих двух областей есть только ещё предвидение, надежда; что поэтому Император не может лично, достойным образом, обратиться к своим будущим подданным; что, напротив, Великий Князь Николай не превысил бы своей роли русского главнокомандующего, обратившись к славянскому народонаселению, которое он идёт освободить»*^[834].

Россия встретила мировую войну в целом с сильной армией. Г. фон Мольтке-младший так оценил в 1914 г. военные усилия России: *«Боевая готовность России со времен русско-японской войны сделала совершенно исключительные успехи и находится ныне на никогда еще не достигавшейся высоте»*^[835].

Русское командование возлагало большую надежду на английский десант во Франции и на успешные действия французов, а это в свою очередь предполагало успех собственного обширного наступления в глубь Восточной Пруссии с выходом на Берлинское направление. Между тем Государь не строил никаких иллюзий по поводу эффективности французских вооружённых сил. Весной 1914 г. Николай II спросил военного агента в Париже полковника графа А. А. Игнатьева, что тот думает по поводу французской армии. Игнатьев ответил: *«Французская армия напоминает мне человека не очень сильного, но твёрдо решившегося нанести удар своему могущественному противнику. Я могу ручаться, что союзная армия и французский народ это выполнят»*. На эту эскападу Государь, слегка улыбнувшись, ответил: *«О, какой вы оптимист! Дал бы Бог, чтобы они продержались хоть десяток дней, пока мы успеем отмотобилизоваться»*^[836]. Последующие события Первой мировой войны на Западном фронте, отступление французской армии до стен Парижа полностью подтвердили эту оценку Николая II.

Русское командование разделило свои силы на два фронта: Северо-Западный (командующий генерал от инфантерии Я. Г. Жилинский) и Юго-Западный (командующий генерал от инфантерии Н. И. Иванов). На Северо-Западном фронте были сосредоточены 1-я армия генерала от кавалерии П. К. Ренненкампфа и 2-я армия генерала от кавалерии А. В. Самсонова^[837]. Войска Северо-Западного фронта пред-

назначались для действий против Германии, и на них возлагалась главная задача при осуществлении вторжения в Восточную Пруссию. Задача Юго-Западного фронта сводилась к нанесению удара по территории Австро-Венгрии, где в Галиции скопились главные силы противника, которого надлежало разгромить.

На первом этапе активные боевые действия против России не входили в планы германского военного командования. Более того, оно не было к ним готово, так как главные силы должны были атаковать Францию, которой германское правительство объявило войну 21 июля/3 августа.

22 июля/4 августа германские войска, пройдя без сопротивления Люксембург, вторглись в Бельгию, а затем во Францию. Французы не ожидали удара со стороны бельгийской границы. Война только началась, а французское правительство уже спешило просить помощи у России. По словам Мориса Палеолога, он 22 июля/5 августа 1914 г. в разговоре с Императором Николаем II *«обратил внимание Его Величества, что французская армия подвергнется сильнейшему удару 22 германских корпусов, и я настаиваю, чтобы русская армия начала наступление как можно скорее. Царь мне ответил: “Как только мобилизация закончится, я отдам приказ о наступлении. Мои войска полны рвения. Атака будет проведена с наибольшей энергией”. Перед тем как меня отпустить, Император обнял меня: “В вашем лице, сказал он мне, я целую дорогу и славную Францию”»*^[838].

Читая эти строки, следует учесть, что в своих донесениях, как и в литературно-историческом творчестве, французский посол был склонен к большим преувеличениям, а иногда и просто к вымыслам. Восторженный тон, который Палеолог приписывает царю, был свойственен самому послу и совершенно чужд Николаю II, особенно при разговоре с посторонними людьми.

24 июля/7 августа германские войска после упорного боя взяли Льеж и развернули быстрое наступление на Брюссель. 8/21 августа М. Палеолог заносил в дневник: *«На бельгийском и французском фронтах наши действия принимают плохой оборот. Я получаю приказание выступить посредником перед Императорским Правительством с целью ускорить, насколько возможно, наступление русских войск»*^[839].

Германское командование широким фронтом начало наступление в глубь французской территории. Не изменил ситуации и присланный на помощь французам английский корпус фельдмаршала Дж. Френча. Германские генералы А. фон Клук, К. фон Бюлов и М. фон Гаузен полностью выиграли приграничное сражение и развернули наступление на парижском направлении.

12/25 августа военный агент в Париже граф А. А. Игнатъев телеграфировал: *«Весь успех войны зависит всецело от наших действий в ближайшие недели и переброски на наш фронт двух германских корпусов»*^[840]. 13/26 августа немцы стояли в 250 км от Парижа. Игнатъев доносил в Петроград:

«17(30) августа, обходящая левый фланг германская армия неудержимо движется на Париж. На мой взгляд, вступление немцев в Париж вопрос уже дней»^[841].

В Лондоне стали серьёзно опасаться, как бы Франция не капитулировала или не заключила бы с Германией сепаратного мира. 22 августа/4 сентября 1914 г. С. Д. Сазонов докладывал Императору Николаю II: *«Великобританское правительство предлагает, чтобы Россия, Франция и Англия подписали соглашение не заключать мира в настоящей войне отдельно друг от друга»*. Сазонов уточнял, что между Россией и Францией такое соглашение уже существует, но между Россией, Францией и Англией – нет. Министр испрашивал Государя согласия на подписание русским послом в Лондоне такого договора. Николай II дал положительный ответ^[842].

23 августа/5 сентября 1914 г. в Лондоне было подписано трёхстороннее соглашение, в котором говорилось: *«Российское, английское и французское правительства взаимно обязуются не заключать сепаратного мира в течение настоящей войны»^[843].*

Французские правящие круги умоляли Россию начать наступление в Восточной Пруссии раньше намеченного срока. Между тем русский стратегический план предусматривал открытие боевых действий сначала против Австро-Венгрии, а уже затем против Германии. Для наступательных военных действий против немцев русские войска не были го-

товы, тем более что мобилизация русской армии ещё не была окончательно завершена. Тем не менее Великий Князь Николай Николаевич настаивал на наступлении. Безусловно, как и в случае с поддержкой Сербии, нельзя рассматривать Восточно-Прусскую операцию, проведённую русской армией летом-осенью 1914 г., исключительно как жертвенный шаг во имя спасения Франции. К этой мысли склонялся и военный атташе Великобритании в России генерал Альфред Нокс, который считал, что *«русский стратегический план был изменен с единственной целью оказать помощь союзникам на Западе»*^[844].

Конечно, союзнические обязательства играли в решении русского командования не последнюю роль. Но помимо этого верховное командование, начав наступление в Восточной Пруссии, преследовало национальные интересы. Быстрое поражение Франции было опасно для России, так как высвобождало крупные немецкие силы для переброски их на Восточный фронт. Россия, в случае поражения Франции, оставалась с врагом один на один. Если бы Россия нанесла свой первый удар по Австро-Венгрии, то, даже при самом благоприятном развитии событий, поражение последней наступило бы на 30–35-й день мобилизации. За это время Франция была бы разгромлена, а германские силы на Западе направлены против русских. Таким образом, итоги победы над Австро-Венгрией были бы сведены к нулю. Как писал генерал А. А. Брусилов: *«Францию необходимо было спа-*

сти, иначе и мы с выбытием её из строя сразу проиграли бы войну»^[845].

4/17 августа русские начали наступление в Восточной Пруссии. Командование поставило перед 1-й армией генерала от кавалерии П. К. Ренненкампа и 2-й армией генерала от кавалерии А. В. Самсонова следующую задачу: *«поражение германских войск в Восточной Пруссии и овладение последней с целью создания выгодного исходного положения для дальнейшего вторжения в пределы Германии»*^[846].

Известие о переходе русских войск границы и о начале их крупного наступления в Восточной Пруссии повергло германское командование в состояние растерянности. Главное противодействие русским должна была оказать австро-венгерская армия. Немцы всю свою мощь направили против Франции, откуда ни один солдат не должен был быть переброшен на восток.

С самого начала операции, 4/17 августа, 1-я русская армия нанесла немцам поражение при Сталлупенене. Этим сражением *«закончилась пограничная, или малая война»*^[847]. 7/20 августа произошло первое крупное сражение при Гумбинене, окончившееся полным успехом русской армии. 8-я немецкая армия, которая обороняла Восточную Пруссию, понесла тяжёлые потери и отступила с поля боя. Немцы потеряли 14 тыс. 800 человек. Поражение под Гумбинином оставило у противника тяжёлое моральное впечатление. Командующий VIII армией генерал Макс фон Притвиц решил, что

вся русская армия движется за ним по пятам, и донёс об этом в Берлин. Притвиц решил очистить всю Восточную Пруссию и уйти за Вислу. В столицу рейха потянулись толпы беженцев, производя на берлинцев тяжёлое впечатление.

Но если немецкое командование переоценило сложившуюся обстановку, то русское недооценило. Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал от кавалерии Я. Г. Жилинский считал, что вся VIII немецкая армия разбита и её дальнейшее сопротивление в Восточной Пруссии – невозможно. Исходя из этого ошибочного мнения, он передал преследование отступающей армии Притвица 2-й армии генерала Самсонова, а Ренненкампу приказал обложить Кёнигсберг.

Напуганный возможностью эвакуации Восточной Пруссии и глубокого проникновения русских в Пруссию, Вильгельм II приказал перебросить с французского фронта на Восточный два отборных корпуса. Вильгельм сменил с должности командующего VIII армией Притвица и назначил своих лучших стратегов генералов Пауля фон Гинденбурга и Эриха Людендорфа руководить действиями против русских.

Убедившись в бездействии армии Ренненкампа, Гинденбург и Людендорф решили нанести концентрированный удар по 2-й армии генерала Самсонова, взяв её в «клещи» и уничтожив. Германское командование собрало против девяти усталых русских дивизий около двенадцати свежих и два корпуса, прибывших с Западного фронта.

15/28 августа основные силы русских были разбиты армией немецкого генерала Франсуа при Танненберге (Сальдау) и загнаны в болота. Тем не менее полностью взять в «мешок» 2-ю армию, как планировали германские генералы, немцам не удалось. Русские с ожесточенными боями, отходили на восток, постоянно переходя в контратаки. А. В. Самсонов застрелился. Последними его словами были: *«Государь мне так доверял, а я всё погубил...»*^[848].

Немецкая пропаганда заявила, что русские потеряли 100 тыс. убитыми и ранеными и 93 тыс. пленными. На самом деле потери русских не превышали 30 тыс. человек убитыми и ранеными, а что касается пленных, то их было около 50 тыс. человек. Для того чтобы создать впечатление огромной толпы русских пленных, немцы показывали в кинохронике помимо них переодетых крестьян и даже собственных освобождённых солдат^[849]. Государь тяжело переживал гибель 2-й армии. В своем дневнике он записал 18 августа: *«Получил тяжёлое известие из 2-й армии, что германцы обрушились подавляющими силами на 13-й и 15-й корпуса и обстрелом тяжёлой артиллерии почти уничтожили их. Ген. Самсонов и многие другие погибли!»*^[850]

Несмотря на неудачу под Танненбергом, русскому командованию удалось достигнуть главной стратегической цели – ослабления сил противника на Западном фронте.

Одновременно с Восточно-Прусской операцией в августе – сентябре 1914 г. русские войска Юго-Западного фронта

провели крупнейшую стратегическую операцию в Галиции, нанеся австро-венгерской армии тяжёлое поражение. 21 августа войска генерала Н. В. Рузского разгромили левофланговую австро-венгерскую группу III армии генерала кавалерии Р. фон Брудермана и вступили во Львов. 24 августа русские войска овладели древним русским городом Галич, а в ночь с 23 на 24 августа войска генерала А. А. Брусилова взяли Николаев. Галич-Львовская операция закончилась полной победой русского оружия. Противник потерял 10 тыс. человек убитыми и ранеными, 200 тыс. пленными. Для Государя, как и для всей России, взятие Львова был великим праздником. 21 августа 1914 г. в своем дневнике Николай II записал: *«Днём получил радостную весть о взятии Львова и Галича! Слава Богу! Невероятно счастлив этой победе и радуюсь торжеству нашей дорогой армии»*^[851].

Русское наступление в Галиции успешно продолжалось, и Государь радостно отмечал в дневнике: *«Вчера и сегодня продолжали поступать приятные известия о дальнейших последствиях разгрома австрийцев на всем фронте и внутри Галиции!»*^[852]

Противник потерял до 400 000 убитыми и ранеными, т. е. 45 % своего состава, свыше 100 000 пленными, 400 орудий и почти всю Галицию. Военный потенциал Австро-Венгрии был настолько подорван, что отныне без помощи германской армии австрийцы не были способны на крупные наступления. В ходе Галицийской битвы русские войска продвину-

лись на 200 км (для сравнения: во время наступления на Марне французские войска продвинулись всего на 50 км). Галицийская битва не позволила противнику расправиться с Сербией в 1914 г. Более того, сербы сами перешли в наступление.

В течение всего 1914 г. Государь постоянно выезжал на фронт. В первый раз он выехал в Действующую армию 20 сентября. В дневнике Николай II писал, что этим «*исполнилось его давнишнее желание*»^[853]. Ставка Верховного Главнокомандования находилась под белорусским городком Барановичи. Посетив Ставку, Николай II выслушал доклад начальника штаба генерала Ю. Н. Данилова о ходе военных действий, на котором присутствовал также Великий Князь Николай Николаевич. После посещения Ставки Николай II на обратном пути внезапно захотел посетить крепость Осовец, расположенную вблизи Белостока. В день посещения крепости Государем в 12 верстах от нее шел бой, немецкая артиллерия вела обстрел укреплений тяжелыми снарядами. Никто не ожидал приезда Царя, который, прибыв в крепость, сначала проследовал в собор. После молебна Николай II осмотрел форты и укрепления крепости, благодарил спешно построенные команды ее защитников. Комендант Осовца генерал-лейтенант К. А. Шульман и отличившиеся офицеры и солдаты были награждены Императором орденами и крестами Святого Георгия. В. Н. Воейков свидетельствовал, что это посещение Николаем II Осовца, «от-

личавшееся неожиданностью и простотой», произвело самое отрадное впечатление на его защитников. *«Слух о ней распространился по всей России, составила легенда, что Царь сам наводил в Осовце пушку, от выстрела которой погибли сотни “германов”»*^[854].

20 октября, в день памяти Императора Александра III, Царская Семья молилась перед иконой Спасителя в домике Петра Великого. На следующий день, 21 октября, исполнялось 20 лет царствования Императора Николая II. Утром Царская Семья приобщилась Христовых Тайн в Феодоровском Государевом соборе Царского Села. А уже через несколько часов Николай II вновь отправился на фронт, посещал госпитали, форты, награждал отличившихся воинов своей армии. В. Н. Воейков вспоминал: *«Впечатление от работы Царя было такое, что он, как истинный Хозяин Земли Русской, не жалел ни сил своих, ни здоровья, желая сам лично все видеть и передать посещаемым войскам ту веру в одолении врага, которой был полон сам»*^[855].

Лейб-казак Тимофей Ящик считал, что с началом войны Государь *«стал более замкнутым, чем раньше, но никогда не падал духом. И менее всего он был трусливым. Он многократно бывал на передовой, чтобы беседовать с офицерами и рядовыми, и я никогда не видел у него хотя бы малейшего признака страха»*^[856].

Однажды, во время посещения войск, Императорский поезд остановился возле маленькой станции, чтобы пополнить

запасы воды и угля. Во время стоянки Государь решил прогуляться вдоль железнодорожной колеи. С несколькими сопровождающими его лицами Николай II быстрым шагом ушел вперед поезда. На его пути оказался переезд, шлагбаум которого был закрыт для прохожих. Возле него стояла путевая обходчица, ожидающая проследование царского поезда и держащая в руках флажок «Путь свободен!» Так как Государь был всегда одет в скромную солдатскую шинель, обходчица его не узнала и даже не обратила никакого внимания. Между тем Николай II и его спутники стали ждать прихода поезда у будки обходчицы. Женщина, глядя только вперед на путь, сказала: *«Проходите, проходите быстрее! Идет царский поезд!»* Государь засмеялся и стал рядом с нею, чего обходчица даже не заметила. Один из офицеров положил ей в руку золотой рубль, но женщина и на это не обратила никакого внимания, которое полностью сконцентрировалось у нее на подходящем поезде. Внезапно, к ужасу обходчицы, поезд остановился возле ее будки, и люди, которых она только что гнала от своего домика, стали в него заходить. Государь на ступенях вагона развернулся и, отдав женщине честь, сказал: «До свидания!» Та только сейчас поняла, кто был перед нею, и упала на колени^[857].

30 октября Николай II посетил крепость Ивангорода, которой командовал генерал-майор А. В. Шварц. Крепость с начала войны успешно отразила три штурма неприятеля. Государя на паперти гарнизонной церкви с крестом в руках

встречал протоиерей Иаков. Был отслужен краткий молебен. Батюшка волновался и после молебна, обласканный Государем, не дал приложиться к кресту никому из сопровождавших его лиц. Военный министр генерал В. А. Сухомлинов недовольно заметил: *«Что же это вы, батюшка, нас всех крестом обошли?»* Священник смутился, а затем, низко поклонившись министру, восторженно сказал: *«Ваше Высокопревосходительство, простите. Но когда солнце всходит — все звезды меркнут»*^[858].

Николай II внимательно выслушал доклад генерала Шварца и осмотрел вместе с ним форты крепости и трофейные германские орудия. Царь также осмотрел разрушенный немецкими снарядами католический костел. В присутствии Государя в полуразрушенном храме ксендз отслужил молебен. Николай II поблагодарил его и передал три тысячи рублей на восстановление церкви.

Перед отъездом Государь пригласил генерала Шварца к себе в кабинет и, взяв его за обе руки, сказал: *«Я еще раз хотел благодарить Вас за доблестную оборону. Вот, возьмите это на память»*. С этими словами Николай II вручил генералу Шварцу Георгиевский крест на золотое оружие *«За храбрость»*^[859].

Поездки на фронт имели для Николая II большое значение. Он не только поддерживал дух воюющей армии, но и узнавал многое из истинного положения дел, что Ставка Великого Князя Николая Николаевича пыталась от него

скрыть. Как свидетельствовал А. И. Спиридович: *«При объездах фронта из бесед с участниками боевых операций Государь многое узнавал в ином свете, чем представляла ему Ставка. В армии очень не любили некоторых генералов Ставки, и причины этого становились известны Государю»*^[860].

22 ноября в Орле Государю представлялись многочисленные деputationи. Но на Николая II наибольшее впечатление произвела крестьянская. Один из ее членов, крестьянин, подносивший Царю хлеб-соль, сказал: *«Твои орловские крестьяне готовы отдать на нужды войны хлеб до последнего зерна и все достояние. Спаси тебя Христос!»* Затем крестьянин поклонился Государю в пояс. Эти слова произвели на Николая II большое впечатление.

В Курске, во время посещения Государем лазарета, к казаку, державшему царскую шинель, подошел крестьянин и спросил: *«А какое пальто Государя?»* *«Вот это»*, – ответил казак. Крестьянин взял край шинели, поцеловал, перекрестился и заплакал^[861].

В ноябре 1914 г. Государь совершил поездку на Кавказ, где открылся еще один фронт против России. 16/29 октября 1914 г. турецкий флот под командованием немецкого адмирала В.-А. Сушона обстрелял русское побережье: Севастополь, Одессу, Феодосию и Новороссийск. В результате были убиты и ранены военные и мирные жители. Одновременно турецкая артиллерия обстреляла наши позиции на кав-

казской границе. Англичане стремились замять конфликт и не допустить его перехода в русско-турецкую войну, прежде всего из-за опасения, что русские быстро разобьют Турцию и решат свои задачи на берегах Босфора и Дарданеллах. Английское правительство предлагало ограничиться лишь требованием к Стамбулу изгнать из страны всех германских военных. Однако для России затягивание вялотекущего конфликта с Турцией было невыгодно. Николай II на телеграмме с английскими предложениями написал: *«В России никто не поймёт такой постановки вопроса. По моему мнению, война с Турцией уже началась, так как русская кровь уже пролита. Царское Село 17/30 октября 1914 г.»*^[862] 29 октября/11 ноября 1914 г. в ответ на агрессивные действия Османской империи Россия объявила ей войну.

24 ноября Государь прибыл в Екатеринодар. Туда заблаговременно съехалось почти все население кубанской области, включая женщин и детей. Все хотели видеть Государя, приветствовать его. Когда Николай II, в кубанской форме, подъехал на коне к Войсковому кругу, раздалось многотысячное «ура!»

По дороге в Тифлис Государь ехал вдоль Каспийского моря. Аварцы, лезгины, лакцы спешили выказать ему глубокую преданность. В Дербенте дагестанские девушки клали к его ногам дыни, персики, абрикосы, что символизировало полную власть Белого Царя над их землей, крестьяне исполняли народные танцы и играли на национальных инструмен-

тах. Тимофей Ящик вспоминал, что «на Кавказе восхищение Царём было особенно сильным. Я вспоминаю, как однажды Император посетил лазарет. Когда он вышел, у лазарета стояло множество женщин, они окружили его и пытались вытащить волосок из его бурки чтобы сохранить память об этой встрече. Он, смеясь, пытался спасти свою бурку, но увидев такую энергичную атаку, вынужден был ее снять и передать мне»^[863].

Когда поезд подходил к Тифлису, над ним стал кружить большой орел. Государь заметил его и долго следил за его полетом. Орел летел до самого города, как бы указывая Царю дорогу. 26 ноября Николай II прибыл в Тифлис. Город утопал в зелени и гирляндах, был украшен коврами и материями национальных цветов. Император посетил храмы всех вероисповеданий: Сионский православный собор, где его приветствовал экзарх Грузии митрополит Питирим (Окнов), армянский Ванкский собор, где его принял католикос всех армян Геворк V (Суренянц), сунитскую и шиитскую мечети, где Государь принял приветственные слова муфтия Гуссейна Эфенди Гаибова и шейх-уль-ислама. Гаилов в простой речи выразил Николаю II чувства преданности всех мусульман России. По окончании его речи Государь подал старцу руку. Древний муфтий был так растроган встречей с Государем, его лаской и вниманием, что поднял руку и, показывая ее окружающим, повторял: «Это ведь не шутка. Сам Государь подал руку. Это ведь не шутка»^[864].

Во время чаепития у грузинского дворянства Государь пожелал, чтобы музыканты исполнили грузинскую патриотическую песню «Самшобло» (Родина), что и было исполнено при полном восторге присутствующих.

В. Н. Воейков отмечал: *«Приезд Государя в Тифлис всколыхнул весь Кавказ с его глубоких ущелий до снеговых вершин. Отовсюду стекался народ повидать Царя, присылались делегации из самых глухих мест Кавказа. И на 29 ноября с 10 ч. утра Государь принимал делегации от всех сословий всех народностей: от русских, молочан, грузин, армян, ишавов, хевсур, тушинов, осетин, мусульман Тифлисской и Елизаветпольской губерний, от горцев, от православных, сирійцев, католиков, лютеран, евреев Тифлиса и от горских евреев. Государь медленно обходил делегацию за делегацией, выслушивал приветствия, принимал подношения и отвечал каждой делегации отдельно, что производило большое впечатление. На этом приеме более наглядно, чем когда-либо, особенно осязательно выяснилось, что для Русского Царя нет различий среди его подданных. Ему все одинаково равно, без различия положений, сословий, национальностей и религий»*^[865].

Из Тифлиса Николай II проследовал в Кавказскую армию, которая противостояла турецким войскам под командованием Энвера-паши. По дороге Государь посетил Карс, трижды завоеванный русской армией: в 1828 г. генералом И. Ф. Паскевичем, в 1855 г. – генералом Н. Н. Муравьевым

и в 1877 г. — генералом И. Д. Лазаревым. В царствование Николая II Карс был превращён в хорошо укрепленную крепость. Кто-то выразил восхищение военным министерством, которое так хорошо укрепило город. На эти слова Николай II быстро возразил: *«Военное министерство тут ни при чем. Всем тем, что мы видели в Карсе, Карс обязан работе графа Воронцова-Дашкова. Военное министерство всегда было против»*. Затем после короткой паузы Государь, как бы стесняясь, добавил: *«Но я поддерживал Наместника, и нам с графом удалось довести дело до благополучного конца»* ^[866].

1 декабря Николай II отметил в своем дневнике: *«Самый знаменательный для меня из всей поездки день. В 9 час. прибыл в Сарыкамыш. Радость большая увидеть мою роту Кабардинского полка в поч.[ётном] кар.[ауле]. Сел в мотор с Бенкендорфом, Воейковым и Саблиным и поехал в церковь, а затем через два перевала на границу в с. Меджисингрет. Тут были построены ниж.[ние] чины всей армии в числе 1200 чел. Обходил их, разговаривал и раздавал им георгиевские кресты и медали. Самое сильное впечатление своим видом произвели пластуны. <...> Вернулся в Сарыкамыш в 4 ч. и посетил три лазарета. Простился с ген.[ералом] Мышлаевским, нач. штаба Юденичем, другими лицами и с моей чудной Кабардинской ротой, в которой роздал 10 георг.[иевских] крестов; и в 4 ½ часа уехал обратно на Карс»* ^[867].

В этой записи Государь ни словом не обмолвился о той опасности, какая ожидала его в Сарыкамыше. Фактически

командующий Кавказской армией генерал от инфантерии А. З. Мышлаевский бездумно заверил Дворцового коменданта В. Н. Воейкова, что он полностью ручается за безопасность поездки Государя в Сарыкамыш. Между тем турецкая армия Энвера-паши собралась нанести удар именно на этом направлении. Как вспоминал Воейков: *«Оказалось, что штаб турецкой армии, с Энвер-пашою во главе, находился на высотах так близко от ущелья, по которому пролегал путь Его Величества, что направление следования было видно с турецких аванпостов. Благополучный исход можно приписать только счастливой случайности, так как туркам в голову не могло прийти, что в одном из появившихся на дороге автомобилей следует “Белый Царь”»*^[868]. Кроме того, одной из целей османов было отрезать железную дорогу, ведущую в Карс. Едва поезд Государя покинул район Сарыкамыша, курдские отряды прорвались к железнодорожному пути^[869].

Перед отбытием из Кавказа Николай II направил Наместнику графу И. И. Воронцову-Дашкову телеграмму: *«Покидая пределы Кавказа, Я уношу самые добрые впечатления о войсках и светлые воспоминания о горячем проявлении преданности и любви всеми слоями населения. Сердечно благодарю Вас, граф Иларион Иванович, и прошу передать Мою благодарность доблестной Кавказской армии, начальствующим лицам и разноплеменным народностям вверенного Вам округа»*^[870].

Как верно отмечал А. И. Спиридович: *«Государь не ошибся в оценке Кавказской армии. Не прошло и трех недель, как она доказала это на деле. Ещё когда Государь был на Кавказе, Энвер-паша начал смелую операцию»*^[871]. План турецкого генерала предусматривал разгром русских у Сарыкамыша и продвижение на Баку и Елизаветполь. 14 декабря турки начали атаку Сарыкамыша. Положение было тяжелое. Главный удар принял на себя 1-й Кавказский армейский корпус под командованием генерала от инфантерии Г. Э. Берхмана. Пока бойцы корпуса отражали атаки противника, была сформирована большая группа у Сарыкамыша, куда были направлены 123 молодых офицера, с которыми накануне событий встречался Государь и которых он благословил *«в поход и на победу»*^[872]. В результате битвы под Сарыкамышем турки были полностью разбиты, потеряв при этом 80 тыс. человек из 90 и 65 орудий. IX турецкий корпус был полностью уничтожен, а его командир Исхан-паша и командиры трех дивизий взяты в плен. 27 декабря Николай II записал в дневнике: *«24-го декабря наша славная Кавказская армия нанесла решительное поражение турецким войскам, сделавшим глубокий обход правого фланга. Главный бой разыгрался у Сарыкамыша»*^[873]. А. И. Спиридович вспоминал, что *«от старых кавказских героев, оставшихся верными Государю и историческим заветам, я лично слышал, что в том горячем порыве, в том энтузиазме, который объединил всю Кавказскую армию, от молодого солдата и юного офицера до убелённых*

сединами старших начальников и Наместника включительно, в том почти невозможном подвиге большую роль сыграло посещение фронта и края Императором»^[874].

На зимний праздник Святителя Николая, 19 декабря, Государь, посетив территорию Войска Донского, Воронеж, Харьков, Тамбов, Рязань, Москву и в очередной раз Ставку и фронт, вернулся в Царское Село.

31 декабря заканчивался 1914 год – первый год страшной мировой войны. *«В 11.45 пошли к молебну, – записал Николай II в своем дневнике. – Молились Господу Богу о даровании нам победы в наступающем году и о тихом и спокойном житии после нее. Благослови и укрепи, Господи, наше несравненное доблестное и безропотное воинство на дальнейшие подвиги»^[875].*

Глава 5. Трудное решение

Одним из самых малоизученных эпизодов биографии Императора Николая II является принятие им Верховного главнокомандования в сентябре 1915 г. Большая часть исследователей объясняют этот поступок Государя в лучшем случае свойствами его благородного характера, а в худшем – влиянием Императрицы и Распутина. В любом случае почти все сходятся на том, что этот шаг был роковым и привел к окончательной потере Николаем II контроля над политической ситуацией в стране. Подобный вывод основывался на большом количестве воспоминаний участников тех событий, военных, государственных и общественных деятелей^[876].

Между тем объективное исследование обстоятельств принятия Государем Верховного главнокомандования приводит к выводу, что это решение он принял сам, под влиянием происходивших опасных событий на фронте и тылу. Выясняется также, что критика Царя, изложенная в мемуарной литературе, в основном исходила от людей пристрастных или несведущих, а потому не могущих быть объективными. Сама их критика большей частью основывалась на дезинформации и ложных слухах. Примечательно, что большинство людей, выступавших категорически против решения Государя стать во главе армии в 1915 г., оказались впоследствии причастными к событиям февраля – марта 1917 г. Исходя из выше-

сказанного, представляется, безусловно, необходимым рассмотреть причины, по которым Император Николай II принял Верховное главнокомандование.

Говоря об этом, следует выделить две главные причины: 1) военную причину, вызванную событиями на фронте, и 2) военно-политическую, вызванную ситуацией в Ставке, Правительстве и Государственной думе летом – осенью 1915 г.

1. 1. Военная причина

Поездка Государя в Галицию

Начало 1915 г. было ознаменовано новыми впечатляющими успехами русского оружия. После тяжелых и кровавых боев в Августовских лесах, стоивших гибели XX корпуса генерала от артиллерии П. И. Булгакова, не давшего немцам окружить 10-ю армию, части последней перешли в контрнаступление и отбросили врага в сражении под Праснышем. Попытки противника взять штурмом крепость Осовец также провалились. Начавшееся зимой – весной 1915 г. русское наступление на Юго-Западном фронте увенчалось взятием 9 марта «неприступной» австрийской крепости Перемышль, осажденной еще в ходе Галицийской битвы 1914 г. Главной ударной силой штурма были 3-я армия под командованием генерала от инфантерии Р. Д. Радко-Дмитриева и 8-я армия под командованием генерала от кавалерии А. А. Брусилова. Непосредственно форты Перемышля брала Осадная армия

генерала от инфантерии А. Н. Селиванова, которая осаждала крепость с сентября 1914 г.

Государь узнал о взятии Перемышля 9 марта, находясь в Ставке: *«После утреннего доклада вернулся к себе и начал письмо Аликс, как вдруг Николаша ворвался ко мне с Янушкевичем и Даниловым и объявил радостную весть о падении Перемышля! После завтрака был отслужен благодарственный молебен при множестве офицеров и лейб-казаках»*^[877]. А. И. Спиридович, бывший вместе с Государем в Ставке, вспоминал: *«9 марта. Начало весны. Утро солнечное. На душе как-то особенно хорошо. После 11 утра мы, несколько человек, стоявших у подъезда, увидели быстро шагавшего к Императорскому поезду Великого Князя Николая Николаевича. Он, видимо, был чем-то взволнован. Не прошло и несколько минут, как разнеслось – Перемышль пал. Общее ликование. Государь послал Царице телеграмму. Был назначен молебен. У крыльца церкви его ожидали великие князья, штаб, много офицеров. Государь был довольный, веселый. При его появлении раздалось радостное ура. Служба была особенно торжественна. Многие лета Государю и победоносному воинству неслись особенно радостно и могуче. Когда же была провозглашена Вечная Память всем на поле брани живот свой положившим за Веру, Царя и Отечество – все опустились на колени, и тихие звуки Вечной Памяти понеслись туда, к передовым линиям»*^[878].

За взятие австро-венгерской твердыни Великий Князь

Николай Николаевич был награжден Николаем II высокой наградой: орденом Св. Георгия 2-й ст., генерал А. Н. Селиванов – орденом Св. Георгия 3-й ст. К орденам и медалям были представлены многие участники штурма крепости. 10 марта Николай II заносил в свой дневник: *«В 10 час. пошел к последнему докладу; узнал о количестве сдавшихся в Перемышле австр. войск, а именно: 9 генералов, 93 шт.[аб]-оф.[ицеров], 2500 об.[ер]-оф. и чинов и 117 000 ниж. чин. Наших войск, осаждавших крепость, было меньше половины»*^[879]. На самом деле число пленных солдат противника превышало 122 тыс. человек, кроме того было захвачено 1100 австрийских орудий^[880]. По количеству взятых в плен Перемышль превзошел многие сражения новейшей истории, включая Сталинградскую битву.

30 марта русские войска перешли Карпаты и вышли в Венгерскую долину. Потери австро-венгерской армии были тяжёлыми – 400 тыс. человек убитыми и ранеными, 348 тыс. пленными^[881].

5 апреля Николай II снова прибыл в Ставку. Государь решил во что бы то ни стало посетить освобождённую Червонную Русь, ее столицу Львов и взятый Перемышль. Многие возражали против этой поездки, полагая, что посещать только что отвоеванный от врага край для Государя крайне опасно. Однако Николай II твердо решил совершить эту поездку. 9 апреля Государь, в сопровождении Великого Князя Николая Николаевича и начальника штаба генерала Н. Н. Януш-

кевича, въехал во Львов на автомобиле. Еще при въезде в город Царя встречало несколько тысяч галицийских крестьян из окрестных сёл, одетых в праздничные одежды, с хоругвями. По воспоминаниям митрополита Холмского Евлогия (Георгиевского): *«Велик и трогателен был восторг галичан. С церковными хоругвями и иконами, крестными ходами»* устремились они к Царю^[882]. Те же чувства проявил к русскому Царю и освобождённый Львов. Об этом пишет А. И. Спиридович: *«Встреча со стороны населения была настолько радушна (а население было нерусское), что как-то невольно пропал всякий страх за возможность какого-либо эксцесса с их стороны. Казалось, что при таком восторге, при виде Белого Царя со стороны галицийского населения какое-либо выступление против Государя практически невозможно»*^[883].

При въезде в город Николай II принял рапорт только что им назначенного генерал-губернатора Галиции графа Г. А. Бобринского. Возле большого манежа, превращенного во временный православный храм, так как во Львове православие было угнетаемо и была только одна маленькая церковь, митрополит Евлогий с духовенством встретил Императора Николая II, обратившись к нему со следующими словами: *«Ваше Императорское Величество, Вы первый ступили на ту древнерусскую землю, вотчину древних русских князей – Ромаша и Даниила, на которую не ступал ни один русский монарх. Из этой подъяремной, многострадальной Ру-*

си, откуда слышались вековые вздохи и стоны, теперь несется к Вам восторженная осанна. Ваши доблестные боевые орлы, сокрушив в своем неудержимом стремлении вражеские твердыни, взлетели на непроходимые, недоступные снежные Карпаты, и там, на самой вершине их, теперь вьет свое гнездо могучий двуглавый Российский орёл»^[884]. Растроганный этой речью Николай II тепло благодарил владыку.

После торжественного молебна, который служил митрополит Евлогий, Николай II пропустил церемониальным маршем Почетный караул, которым командовал Великий Князь Николай Николаевич. Государь остановился во дворце австро-венгерского императора Франца Иосифа. Вечером перед дворцом галичане устроили патриотическую манифестацию. Николай II вышел на балкон и произнес небольшую, но горячую, проникнутую верой в правое дело речь. Митрополит Евлогий вспоминал: «Восторг народа был неопиcуемый, нельзя было без слез видеть и слышать, как эти бедные галичане кричали “ура” своему Русскому Царю и долго не расходились, продолжая петь свои церковные и народные песни»^[885]. Государь наградил Великого Князя Николая Николаевича бриллиантовой саблей с характерной надписью: «За освобождение Червонной Руси» – Великая Россия собирала свои земли.

10 апреля Николай II выехал в Самбор, где находился штаб 8-й армии генерала А. А. Брусилова. Во время следования в Самбор на станции Комарно встретился поезд с ра-

ненными в Карпатах. Государь вышел из своего поезда и обошел всех тяжело раненных, награждая их Георгиевскими медалями. Легкораненные выстраивались на платформе. *«Надо было видеть, – вспоминал А. И. Спиридович, – их восторг, их счастье, когда они увидели вышедшего из поезда Государя»*^[886]. На платформе Государя встречал почетный караул роты Его Величества 16-го Стрелкового полка. Брусилов доложил, что рота под командованием подпрапорщика Шульгина прибыла прямо с поля боя. Рота выдержала атаку шести австро-венгерских рот, отбила их все огнем и рукопашным боем, уничтожив около 600 солдат противника. В подпрапорщике Шульгине Государь узнал знакомого ему по Ливадии фельдфебеля. Ему Николай II пожаловал Георгиевские кресты сразу трех степеней, а всех чинов роты наградил Георгиевскими крестами. В письме к Государыне Николай II писал: *«10-го апреля. Я выехал из Львова по железной дороге в австрийских вагонах и прибыл в Самбор в час дня; там я был встречен Брусиловым и, к моему великому изумлению, почетным караулом милых стрелков 16-го Одесского полка. Ротой командовал мой приятель фельдфебель, так как все офицеры были ранены, а капитан убит. Когда они проходили маршем, оркестр играл марш, который нам всем так понравился в Ливадии, и я не мог удержать слез»*^[887].

Во время обеда в помещении штаба Николай II произвел генерала Брусилова в свои генерал-адъютанты, вручив ему погоны с вензелями и аксельбанты. Растроганный Брусилов

поцеловал руку Царя. Однако знаменитый генерал лицемерил. В. Н. Воейков указывал, что *«как потом выяснилось из собственных же слов генерала Брусилова, это назначение его обидело, так как было дано ему якобы не за боевые отличия, а за Высочайшее посещение и предложенный Государю обед, между тем как Его Величество выразил ему свою благодарность за успешные действия его армии»*^[888]. Брусилов действительно писал в своих воспоминаниях: *«В столовой Государь обратился ко мне и сказал, что в память того, что он обедает у меня в армии, он жалует меня своим генерал-адъютантом. <...> Это пожалование меня несколько обидело, потому что из Высочайших уст было сказано, что я жалеюсь в звание генерал-адъютанта не за боевые действия, а за Высочайшее посещение»*^[889]. Надо учесть, что свои мемуары бывший генерал писал, находясь на службе у цареубийц-большевиков. На самом деле он не мог не знать, что звание генерал-адъютанта являлось почетной должностью, а не воинским званием, обозначающей близость к Монарху, поскольку оно давало право непосредственного ему доклада. Звание генерал-адъютанта было признаком высокого Монаршего благоволения в отношении военных лиц, имевших чин не менее III класса по «Табелям о рангах», а не только наградой за воинские заслуги. Как бы там ни было, но В. Н. Воейков точно подметил, что свою обиду Брусилов *«сумел очень хорошо скрыть, так как на вид был страшно взволнован благорасположением к нему Государя Импе-*

ратора, изливал свои верноподданнические чувства, целовал руку Царю, причем не забыл и Великого Князя, которому тоже поцеловал руку»^[890].

По дороге в Перемышль, у станции Хыров, Император дал смотр III Кавказскому корпусу, выстроенному по берегу Днестра. После того как Государь объехал на автомобиле все части корпуса, в одном месте тяжелый царский автомобиль завяз в песке. Солдаты подхватили его и понесли. Николай II встал в автомобиле и, смеясь, говорил солдатам: *«Тише, тише ребята, осторожней, не попадите под колёса»*. *«Ничего, Ваше Величество, Бог даст, не зашибет»*, – говорили с улыбками те в ответ. Все ловили руку Государя, целовали ее, дотрагивались до шинели или хотя бы до автомобиля^[891].

Утром 11 апреля Государь выехал на автомобиле осматривать разбитые форты Перемышля. Грандиозные руины, вздыбленные взрывами форты и укрепления производили на всех сильное впечатление, наполняли душу гордостью за русского солдата, сумевшего взять такую твердыню. В дневнике Николай II отметил: *«Проехал по отличной крепостной дороге мимо фортов, укреплений, батарей и редутов и поражаюсь огромному количеству орудий и всяких боевых припасов»*^[892]. В письме к Императрице Александре Феодоровне Государь писал: *«11-го апреля. Я встал рано и поехал со всей нашей компанией смотреть укрепления. Это очень интересные и колоссальные сооружения – страшно укрепленные. Ни один вершок земли не остался незащищенным»*^[893].

А. И. Спиридович заметил, что Николай II, слушая внимательно доклады начальствующих лиц, вставлял свои замечания, свидетельствующие, что он знает подробно о всех действиях доблестных войск до отдельных частей и их начальников включительно. Эта осведомлённость Царя, по утверждению Спиридовича, *«не нравилась некоторым из высших чинов штаба. <...> Наша Ставка вообще не любила этих непосредственных бесед Государя с войсками и их начальниками. Мало ли какую правду скажет офицер Государю на его прямой вопрос, глядя в его лучистые глаза. Язык не поворачивался сказать неправду. А правда не всегда нравилась Ставке»*^[894].

После объезда Перемышля Император Николай II вернулся во Львов, восторженно встреченный по дороге местными евреями, *«одетыми в лапсердаки и цилиндры, с характерными пейсами ветхозаветных иудеев»*^[895].

22 апреля, после долгой поездки в Действующую армию, в Одессу и Севастополь, где он осматривал строящиеся и действующие боевые корабли Черноморской эскадры, Император Николай II возвратился в Царское Село. К этому времени он уже знал о начавшемся наступлении австро-германских войск в Галиции, в которой он только что побывал.

Германский удар

К началу 1915 г. верховное командование кайзеровской

Германии осознано, что план «блицкрига» провалился. Ни на западе, ни на востоке Германии не удалось одержать полной победы и вывести хотя бы одного противника из войны. Австро-Венгрия в кампанию 1914 г. в результате русских побед в Галиции вообще оказалась на грани полного поражения. Время работало против Германии и её союзников. Исходя из этого, австро-германское верховное командование приняло решение нанести в 1915 г. сокрушительный удар по России. Верховные командования Германии и Австро-Венгрии возлагали большие надежды на предстоящее наступление. Начальник австро-венгерского генерального штаба фельдмаршал Франц Конрад фон Хётцендорф писал в конце 1914 г. начальнику германского Генштаба генералу пехоты Эриху фон Фалькенгайну: быстрый успех на Восточном фронте «является решающим фактором для всей ситуации»^[896].

Относительно спокойная обстановка на западе позволяла германскому командованию приступить к подготовке масштабной операции на Восточном фронте. План немцев сводился к тому, чтобы в 1915 г. мощным ударом вывести Россию из войны, принудить её к сепаратному миру или к капитуляции, но в любом случае уничтожить её войска. Восточный фронт становится главным для противника. Разработкой плана руководил видный стратег генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург. Главной ударной силой германского наступления должна была стать XI армия генерал-полковни-

ка (с 22 июня 1915 г. – генерал-фельдмаршала) Августа фон Макензена. На Восточный фронт были переброшены немецкие свежие дивизии из Франции и Бельгии (10 пехотных и 1 кавалерийская), которые были объединены в X армию генерал-полковника Германа фон Эйхгорна и Неманскую армию генерала пехоты Отто фон Бёлова. переброска этих войск с западного театра боевых действий прошла для русского командования незамеченной. 2 июня 1915 г., вскоре после начала германского наступления, Великий Князь Николай Николаевич сообщал Царю, что *«в Галиции обнаружены части резервного германского корпуса, считавшегося до сего дня в Бельгии»*^[897].

Русское командование на весну 1915 г. планировало новое вторжение в Восточную Пруссию и наступление через Карпаты в Венгерскую долину. Целью наступления в Карпатах было движение на Будапешт^[898].

Между тем положение с вооружением и с продовольствием в русской армии было тревожным. Ещё 21 сентября 1914 г. Великий Князь Николай Николаевич писал Императору Николаю II, что ощущается острая нехватка снарядов. Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от инфантерии Н. И. Иванов был вынужден *«приостановить операции на всём фронте, пока патроны не будут доведены на местных парках хотя бы до ста на орудие»*^[899].

Главной причиной этого было отсутствие артиллерийских парков и недостаточная производительность русских воен-

ных заводов по производству снарядов. К тому же военное ведомство не было готово к длительному ведению войны и не сумело обеспечить фронту бесперебойную доставку снарядов в нужном количестве^[900].

В германской ставке хорошо знали о катастрофической нехватке снарядов в русской армии. Там также рассчитывали, что франко-британское командование окажется *«более эгоистичными, чем русское»*, и не станет предпринимать жертвенного наступления, чтобы оттянуть на себя германские силы, как это сделала русская армия в кампанию 1914 г.^[901]

В ходе карпатских боёв русская артиллерия растратила практически весь свой запас снарядов. Принимая эти обстоятельства во внимание, ставка 28 марта отдала директиву 3-й и 8-й армиям прекратить наступление и укрепиться на западе Карпат.

В этот момент Гинденбург нанёс свой удар. Против России были сконцентрированы мощные силы германской армии. Противник превосходил русские войска: в живой силе в 2 раза, в лёгкой артиллерии – в 3 раза, в тяжёлой артиллерии – в 40 раз, в пулемётах – в 2,5 раза^[902].

План противника предусматривал нанесением фланговых ударов из Восточной Пруссии и Галиции прорвать оборону русской армии, окружить и уничтожить её войска в Польше. Прорыв должен был быть произведён между Вислой и Карпатами в районе Горлице, где силы русских были незна-

чительными, так как основная их масса находилась в Карпатах. Прорыв у Горлице должен был отрезать русские войска в Карпатах.

Вечером 18 апреля 1915 г. на русские войска обрушился мощный огонь германских орудий. Артиллерийская подготовка немцев длилась всю ночь 18–19 апреля^[903]. Всего немцы выпустили 700 тыс. снарядов.

После артподготовки XI германская армия генерала Макензена начала наступление. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал от инфантерии Н. И. Иванов полагал, что основной удар австро-германцы нанесут в Карпатах, а в районе Горлице они проводят отвлекающий манёвр, поэтому резервов 3-й армии Радко-Дмитриева предоставлено не было^[904]. 13 мая 1915 г. тяжёлые бои развернулись возле Перемышля, который обороняли части 3-й армии и 8-й армии генерала от кавалерии А. А. Брусилова. Ставка бросала к Перемышлю всё новые подкрепления, которые истреблялись превосходящим противником. Главнокомандующий доносил Государю, что удержание Перемышля *«при отсутствии достаточной артиллерии и крайней скудости боевых припасов стало задачей весьма трудной»*^[905]. Вечером 21 мая Перемышль был оставлен русской армией.

Донесения Великого Князя Николая Николаевича Императору Николаю II дают яркую картину происходящего на фронтах. 2 июня 1915 г. Великий Князь сообщал, что *«наши войска понесли чрезвычайно большие потери от артил-*

лерийского огня. Во многих полках осталось меньше тысячи штыков, а Одесский полк сведён в роту»^[906]. 3 июня Великий Князь вновь телеграфирует, что «потери наши очень велики»^[907]. 9 июня русские войска оставили Львов. 30 июня XII германская армия генерала Макса фон Гальвица атаковала позиции 1-й армии генерала от кавалерии А. И. Литвинова, прикрывавшей линию Нарева. Части 12-й армии генерала от инфантерии А. Е. Чурина отражали удары 177-тысячной армии противника^[908]. Сообщения Великого Князя с каждым днём становились всё тревожнее. 1 июля 1915 г.: «В упорном бою на фронте неприятель за сутки выпустил до 60.000 снарядов. В Августовском районе неприятель выпустил снаряд с удушливыми газами. По словам пленных германцев, в окопы им выданы сосуды с ядовитыми газами»^[909]. 5 июля 1915 г., оценивая обстановку на фронте, Николай Николаевич сообщал: «В Риго-Шавельском районе до сих пор не удалось остановить охват неприятелем правого фланга армии генерала Плеве»^[910]. 6 июля: «У села Грабовец и к югу от Гродбешова наши войска в очень тяжёлом бою понесли большие потери»^[911]. Русские войска были вынуждены отойти за Вислу. Немцы переправились через Нарев и принялись штурмовать Пулутскую позицию русских, вынудив её оставить. После чего противник начал наступление на Седлец.

Русское командование возлагало большие надежды на недавно построенную по последнему слову инженерной мысли крепость Новогеоргиевск, которая прикрывала пере-

правы через Неман. Гарнизоном крепости командовал генерал от кавалерии Н. П. Бобырь. В крепости имелся полугодовой запас продовольствия и достаточно вооружения, чтобы успешно оборонять твердыню. 14 июля немецкая армейская группа генерала Г. фон Безелера окружила крепость и 31 июля начала её штурм. В ходе упорных боев за форты, которые переходили из рук в руки, под ожесточённым артиллерийским огнём противника русские были вынуждены оставить большую их часть. Посчитавший сопротивление бесполезным, генерал Бобырь ночью 6 августа перебежал к противнику и, находясь в плену, отдал приказ крепости капитулировать. 7 августа германские войска вошли в крепость. В плен к немцам сдалось 83 тыс. человек (в том числе 23 генерала и 2100 офицеров), неприятелю досталось 1096 крепостных и 108 полевых орудий^[912].

17 июля русские войска оставили Люблин. Великий Князь доложил Государю, что *«в связи с общей обстановкой наметен общий отход между Вислой и Бугом»*^[913]. 19 июля немцы взяли Холм. 22-го был оставлен Ивангород. Между тем, по верному замечанию генерал-лейтенанта Н. Н. Головина, *«выход был только один: отвод всех армий в глубь страны, чтобы спасти их от окончательного разгрома. Но русская ставка очень долго не могла на это решиться»*^[914].

Наконец, 22 июня Великий Князь Николай Николаевич отдал приказ войскам очистить Царство Польское, чтобы избежать общего окружения. 23 июля германская кавалерия

вступила в Варшаву. 28 июля немецкий ударный корпус генерала Карла Лицмана начал штурм русского укрепленного района – Ковно. В разгар боев комендант ковенской крепости генерал от кавалерии В. Н. Григорьев бежал с поля боя, «отправился за подкреплениями». Великий Князь Николай Николаевич доносил Императору: *«Бывший гарнизон в беспорядке отступает. Приказал генерала Григорьева арестовать, судить полевым судом»*^[915]. Двинский военно-окружной суд приговорил Григорьева к ссылке на каторжные работы на 15 лет.

К середине августа все Царство Польское было отдано противнику, а с падением Брест-Литовска началась сдача Литвы. 4 августа пали Ковель и Владимир-Волинский, 8 августа – Гродно. Вся линия Неман – Буг развалилась.

В этот момент стратегия Великого Князя «Ни шагу назад!» была заменена на стратегию бездумного отступления, якобы по примеру 1812 г. Хаотичное отступление русской армии сопровождалось массовым изгнанием населения с насиженных мест. При отходе сжигались дома, пастбища, засеянные пшеницей поля. Огнём беспощадно уничтожались целые цветущие районы^[916]. Всё это действовало угнетающе как на войска, так и на угоняемое в тыл население.

Довершением этого паникёрского стратегического и политического бесплодия стали решения главнокомандующего и начальника штаба генерала Н. Н. Янушкевича о массовом выселении немцев и евреев из прифронтовых террито-

рий. Главнокомандующий требовал применение суровых репрессий и ко всем немецким подданным, проживающим на территории Российской Империи, оправдывая эти репрессии зверствами германских войск^[917].

В отношении евреев, которых Великий Князь поголовно обвинил в пособничестве немцам, были применены ещё более суровые меры. В августе 1915 г. Николай Николаевич приказал брать из еврейского населения заложников^[918]. В. Н. Воейков считал: *«Великий Князь будучи неуравновешенным, поддавался впечатлениям минуты; никогда не имея определённого плана действий, он, под влиянием многочисленных советчиков, нередко отдавал, как говорят французы, “ordre” (приказ), “contreordre” (отмена), тем самым создавал “désordre” (путаница). Особенно много жалоб поступало на его распоряжения по эвакуации Царства Польского. Несмотря на неоднократные обращения по этому поводу Совета Министров к штабу Верховного Главнокомандующего, продолжалось полнейшее разграбление нашими отступавшими войсками мирного населения, разгром богатейших усадеб с историческими дворцами и совершенно ненужные выселения местных жителей, приводившие польский край к полному разорению, и к наводнению центральных губерний России насильно эвакуируемыми из черты оседлости евреями»*^[919].

Массовое выселение евреев было прекращено сразу же, как Император Николай II принял Верховное командова-

ние^[920].

Летняя кампания имела для России тяжёлые последствия. Как писал историк А. А. Керсновский: *«Потери этой злополучной кампании можно было пополнить, но их нельзя было заменить»*^[921]. Британский военный агент в Петрограде подполковник Альфред Нокс доносил в Лондон: *«Силы русской армии велики только на бумаге. К несчастью действительная сила составляет лишь одну треть штатной»*^[922].

Император Николай II понимал, что Великий Князь не справляется с возложенной на него задачей. Это же понимали многие военные, члены Правительства и депутаты Государственной думы. Её председатель М. В. Родзянко писал о царящих в Ставке *«нераспорядительности, отсутствии плана»*, приведших к *«отступлению, граничащему с бегством»* и признавал, что *«вера в В. Кн. Николая Николаевича стала колебаться»*^[923]. Октябрист Н. В. Савич считал, что *«перемены в высшем командовании становились желательными, необходимыми, если мы вообще хотели продолжать войну»*^[924].

Сам Великий Князь Николай Николаевич был настолько потерян и деморализован, что просил Царя сместить его с высокого поста. Государь писал Императрице Александре Феодоровне 11 мая 1915 г.: *«Бедный Н. плакал в моём кабинете и даже спросил, не хочу ли я его заменить более способным человеком»*^[925]. В тяжёлой военной ситуации лета 1915 г. сказывались личные свойства Великого Князя Ни-

колая Николаевича, который «*при больших несчастьях или впадал в панику или бросался плыть по течению*»^[926]. 1 августа 1915 г. Николай Николаевич написал письмо Главноуправляющему земледелия и землеустройства А. В. Кривошеину, в котором просил передать Императору о своей готовности уступить своё место более талантливому стратегу^[927].

Принятие Императором Николаем II Верховного главнокомандования

Николай II становился всё более недоволен событиями на фронте^[928]. После падения Варшавы он бесповоротно решил стать самому во главе армии^[929]. Причиной принятия этого решения стала угроза военного поражения и неспособность Ставки Великого Князя Николая Николаевича его предотвратить. А. А. Вырубова свидетельствовала: «*Летом 1915 года, Государь становился всё более и более недоволен действиями на фронте Великого Князя Николая Николаевича. <...> Я помню вечер, когда Императрица и я сидели на балконе в Царском Селе. Пришёл Государь с известием о падении Варшавы; на нём, как говорится, лица не было. Он почти потерял своё всегдашнее самообладание. – “Так не может продолжаться, – воскликнул он, ударив кулаком по столу, – я не могу сидеть здесь и наблюдать за тем, как разгромят мою армию; я вижу ошибки, – и должен молчать”.* <...> После

падения Варшавы Государь решил бесповоротно, без всякого давления со стороны Распутина или Государыни, стать самому во главе армии; это было единственно его личным, непоколебимым желанием и убеждением, что только при этом условии враг будет побеждён»^[930]. Эмигрантский историк С. П. Мельгунов приводил факт, что «Царь будто бы сказал однажды: “Все мерзавцы кругом! Сапог нет, ружей нет – наступать надо, а отступать нельзя”»^[931]. Дворцовый комендант генерал В. Н. Воейков отмечал: «Самыми главными чертами Государя были его благородство и самоотверженность. Ими объясняется решение царя принять на себя верховное командование армией, дух которой был поколеблен неудачами, и которую он хотел воодушевить своим присутствием, думая, что в такие трудные для Родины дни он должен взять ответственность и пожертвовать собой»^[932]. Примечательно, что решение возглавить армию пришло Государю в церкви, во время литургии^[933].

Отстранение Великого Князя от должности Верховного Главнокомандующего и удаление его из Ставки были осуществлены Царём в условиях строжайшей секретности. До самого последнего момента Государь не сообщал своему дяде о принятом решении. Этот факт говорит о том, что Царь не был уверен в том, какие ответные шаги предпримет Великий Князь. Об этом также свидетельствует черновик письма, которое Николай II собирался послать Великому Князю, в котором Царь планировал известить главнокомандующе-

го о предстоящей отставке, о назначении начальником штаба генерала М. В. Алексеева, а также о назначении Велико-го Князя своим Наместником на Кавказе. Причину этих перемен Государь объяснял тем, что *«что неприятель занимает большое пространство нашей земли»*^[934]. Николай II собирался также сообщить Великому Князю о том, что о своём решении он известил графа И. И. Воронцова-Дашкова, которого Николай Николаевич должен был сменить в должности Наместника на Кавказе^[935]. Однако это письмо Николай II так и не послал, в отличие от письма графу И. И. Воронцову-Дашкову. По всей видимости, Царь хотел услышать мнение опытного сановника, которого считал *«близким и доверенным лицом, служащим престолу и Отечеству с неукоснительной честностью»*^[936]. 10 августа Император Николай II послал графу зашифрованную телеграмму и письмо, где извещает о своём решении. На Кавказ письмо отвёз флигель-адъютант Царя граф Д. С. Шереметев, который являлся зятем Воронцова-Дашкова. На вопрос Шереметева, следует ли докладывать об этой поездке начальнику военно-походной канцелярии князю В. Н. Орлову, доверенному лицу Николая Николаевича, император лаконично ответил: *«Нет»*^[937]. В сопроводительной телеграмме графу Воронцову-Дашкову Николай II выражал уверенность, что граф поймёт *«серьёзность причин, которые заставляют меня прибегнуть к столь важной перемене»*^[938].

Граф Воронцов-Дашков тотчас ответил на письмо Госу-

даря, полностью поддержав его решение, так как предыдущее командование «много напортило и скорого исправления ошибок трудно ожидать». Тем не менее Воронцов-Дашков считал, что «необходимо, чтобы армия, под вашим начальством была бы победоносной. Неудача отразилась бы пагубно на дальнейшем царствовании Вашем»^[939]. Назначение Алексеева граф считал правильным, так же как и отправку Николая Николаевича на Кавказ. Великому Князю «легче управлять Кавказом, чем простому смертному, таковы уж свойства Востока. Я уверен, что Великий Князь скоро полюбит Кавказ и его жителей, и жители его полюбят за его доброту и отзывчивость. Но пожелает ли он занять это место? Разжалование его из попов в дьяконы сильно затрагивает его самолюбие и не может не быть для него крайне тяжёлым»^[940]. То есть Воронцов-Дашков приветствовал решение отправить Николая Николаевича на Кавказ по причине политической целесообразности. Следующая далее фраза характерна: «пожелает ли он занять это место? Разжалование из попов в дьяконы сильно затрагивает его самолюбие». Не предупреждал ли этой фразой осторожный Воронцов-Дашков о возможных шагах Великого Князя против Высочайшего решения? Это предположение в контексте описываемой нами интриги кажется нам наиболее вероятным.

Помимо Воронцова-Дашкова, Николай II известил о принятом решении Главноуправляющего Собственной Его Императорского Величества канцелярией статс-секретаря

А. С. Танеева, которого Царь уважал и которому доверял. 18 августа Танеев написал Государю письмо, в котором полностью одобрял принятое им решение. Письмо заканчивалось пожеланием Верховному Вождю *«славных успехов в предстоящем ратном деле»*^[941].

16 августа Государь известил о своём решении В. Н. Войкова^[942]. На опасения дворцового коменданта об опасности предпринимаемого им шага Царь заявил, что он твёрдо решил возглавить армию *«с одной стороны, из-за неудачных действий и распоряжений Великого Князя на фронте, а с другой – из-за участвовавших случаев его вмешательства в дела внутреннего управления»*^[943].

Более откровенно Император Николай II объяснил своё решение матери – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. Разговор с ней, состоявшийся в саду Елагинского дворца, был для Государя тягостным. Около двух часов Мария Феодоровна уговаривала Николая II отказаться от своего решения. В ответ на её крайнюю взволнованную просьбу отменить принятое решение Государь заявил, что *«если будет война продолжаться так, как сейчас, то армии грозит полное поражение, и что он берет командование именно в такую минуту, чтобы спасти Родину, и что это бесповоротное решение»*^[944]. А. А. Вырубова вспоминала, что Николай II говорил, что разговор с матерью был еще тяжелее для него, чем с министрами, и что они расстались, не поняв друг друга^[945].

Великий Князь Андрей Владимирович свидетельствовал, что в разговоре с Великой Княгиней Марией Павловной Николай II высказывал сожаление, что летом 1914 г. дал себя уговорить не принимать командования. Император коснулся тех тяжёлых военных ошибок, которые совершает Великий Князь, сказав, что «чёрная армия» сделала «*“много ошибок. Я им дал свежие силы, а мне сдали что?”*» *Что он хотел сказать под словом “чёрная армия”, осталось тайной*^[946]. По некоторым свидетельствам, Николай II назвал генералов Ставки «мерзавцами», которые гонят солдат в бой без сапог и ружей^[947]. Мария Павловна почувствовала в словах Государя чувство глубокой горечи к своему дяде-главнокомандующему и сделала вывод: «*Что-то произошло между ними, и произошло что-то нехорошее*»^[948].

По всей видимости, примерно в этих же числах Император Николай II сообщил Великому Князю о принятом решении возглавить армию. В своей телеграмме от 16 августа на имя Главнокомандующего Царь писал: «*До моего приезда прошу тебя распоряжаться войсками по-прежнему. Перерыва в этом быть не может. Желаю, чтобы генерал Эверт вступил немедленно в командование Западным фронтом, а генерал Алексеев отбыл в Могилёв для занятия должности Начальника штаба*»^[949].

Николай Николаевич был уверен, что принятие Царём командования будет чисто формальным и не изменит фактического управления им войсками^[950]. То, что полная смена

старой Ставки с Великим Князем во главе была неожиданной, видно из писем доверенного лица министра иностранных дел при ставке, директора дипломатической канцелярии при штабе Главнокомандующего князя Н. А. Кудашева. 23 августа 1915 г. он писал министру иностранных дел С. Д. Сазонову: *«До приезда Государя мы все надеялись, что вопрос этот будет перерешен в смысле оставления Великого Князя во главе армии. В случае принятия Государем Верховного командования, Великий Князь ipso facto сделался бы Начальником штаба Его Величества. К сожалению, по-видимому, этого не желали, и Великий Князь едет на Кавказ»*^[951].

Дежурный генерал при Верховном главнокомандующем генерал-лейтенант П. К. Кондзеровский был поражён известием об отставке Великого Князя, которая ему *«и в голову не приходила»*^[952].

19 августа Великий Князь Николай Николаевич издал приказ о смене штаба, в котором генералу от инфантерии Н. Н. Янушкевичу предписывалось сдать дела генералу от инфантерии М. В. Алексееву. Эти назначения были встречены в Государственной думе и в обществе *«с чувством глубокого удовлетворения. Говорили, что наконец-то энергичный Великий Князь, Главнокомандующий, будет иметь около себя умудрённого большим военным опытом советника в лице генерала Алексева»*^[953].

То есть ещё 19 августа решение Царя встать во главе армии не было обнародовано. Только 20 августа Государь при-

казал военному министру генералу от инфантерии А. А. Поливанову ехать в Могилёв и отвезти своё личное послание Великому Князю с объявлением о грядущем смещении, что Поливанов исполнил 21 августа. Николай II оценивал отставку Великого Князя как опасный момент и *«очень благодарил военного министра за хорошо исполненное “трудное”, как он выразился, поручение»*^[954]. Узнав об отставке, Великий Князь широким жестом перекрестился^[955].

22 августа 1915 г. Государь, уже фактически в качестве Верховного Главнокомандующего, провёл заседание в Зимнем дворце по снабжению армии боевыми припасами и снаряжением. В тот же день Император выехал в Ставку. В тот день Император Николай II занёс в свой дневник: *«Господь да благословит поездку мою и решение моё!»*^[956]

23 августа 1915 г. Собственный Императорский поезд остановился в одной версте от города Могилёва, которому и суждено было стать местом Ставки Императора Николая II. Возле Могилёва состоялась встреча с Великим Князем Николаем Николаевичем, которая, по словам Царя, *«обошлась хорошо»*^[957]. Государь до конца не был вполне уверен в лояльности высшего военного руководства и лично Великого Князя. Генерал А. И. Спиридович писал, что отставкой Великого Князя *«был предупреждён государственный переворот, предотвращена государственная катастрофа»*^[958]. В своём письме к Императрице Александре Фёдоровне Государь писал, что при встрече с дядей-главнокомандующим

они «поговорили о вопросах касающихся военных операций», причём Великий Князь был в добром расположении духа и словоохотлив^[959]. Однако на самом деле внезапная отставка стала для Николая Николаевича «большим ударом»^[960]. Окружение бывшего Главнокомандующего говорило об его опале. Но это не соответствовало действительности. После вступления Царя в должность Верховного Главнокомандующего был издан «Список Высочайших особ, находящихся на Императорской Ставке». Эти лица пропускались в Ставку через все посты без всякой задержки. Имя Великого Князя Николая Николаевича в этом списке стоит на первом месте^[961].

Таким образом, став во главе вооружённых сил, Император Николай II выполнил важную задачу: он стабилизировал ситуацию в верховном командовании, сосредоточив его в одних руках.

1. 2. Военно-политическая причина

Военные неудачи 1915 г. побудили думскую оппозицию вновь возобновить давление на Правительство с целью добиться от него больших уступок. Главной задачей этой деятельности было заставить Государя согласиться на так называемое Ответственное министерство. По замыслу оппозиции, это министерство должно было подчиняться не Императору, а главе кабинета, в свою очередь ответственного перед Думой. То есть, по существу, кадеты стремились к введению парламентского строя в России, что шло вразрез с

существующим законодательством Империи. Желая до поры скрыть свои парламентаристские устремления, кадеты заменили понятие «Ответственного министерства» на «Министерство, ответственное перед народом». Позднее Миллюков заявил, что эта замена лишь тактический шаг. Как только, пояснял Миллюков, *«мы получим такое министерство, оно силою вещей скоро превратится в ответственное министерство»*^[962]. 9 августа 1915 г. думской оппозицией был создан так называемый Прогрессивный блок. Его ведущими лидерами были кадет П. Н. Миллюков и прогрессист А. И. Коновалов. Позже к ним примкнули националисты В. В. Шульгин, В. А. Бобринский, В. Я. Демченко, А. И. Гучков, П. П. Рябушинский. Главным лидером Прогрессивного блока был Миллюков.

«Прогрессивный блок» начал кампанию по организации Военно-промышленных комитетов (ВПК), которые должны были объединить частную промышленность в деле помощи фронту. Инициатором создания ВПК был Гучков, опиравшийся на крупные промышленные круги Москвы и Петрограда. Военно-промышленные комитеты были созданы в августе 1915 г., в разгар борьбы оппозиции за введение ответственного министерства.

Гучков и его сторонники решили под прикрытием военно-промышленных комитетов проводить свою политическую деятельность. Эту деятельность начальник Петроградского охранного отделения генерал-майор К. И. Глобачёв

называл *«легальной возможностью вести разрушительную работу для расшатывания государственных устоев и обрабатывать через своих агентов общество и армию в нужном политическом направлении»* ^[963]. Военно-промышленные комитеты было решено создавать по всей России. Председателем Центрального комитета был избран Гучков, его первым заместителем (товарищем) – А. И. Коновалов, вторым – М. И. Терещенко. Московский ВПК возглавил П. П. Рябушинский.

Весной 1915 г. внутри Совета министров, возглавляемого И. Л. Горемыкиным, сложилась группировка, ориентированная на союз с думской оппозицией. Эта группировка возглавлялась Главнуправляющим земледелием и землеустройством А. В. Кривошеиным («Группа Кривошеина») ^[964]. Вторым человеком в этой группе был министр иностранных дел С. Д. Сазонов. Император Николай II поначалу не только не имел ничего против установления связей между Думой и Правительством, но даже высказал своё пожелание Кривошеину, чтобы тот возглавил Совет министров ^[965]. Кривошеин, по его собственным словам, пользовался поддержкой Государя, а *«без неё ничего ни у кого не получится»* ^[966].

«Группа Кривошеина» предполагала создать новый кабинет при участии октябристов, представителей капитала и общественных организаций. Видя себя уже во главе Правительства, Кривошеин начал искать тех, на кого он сможет в

нём опереться. По его мнению, такой опорой должны были стать кадеты^[967]. То есть тактика Кривошеина доказывала, что его стратегической целью было введение парламентаризма если не де-юре, то де-факто^[968]. Таким образом, «Группа Кривошеина» установила тайные контакты с «Прогрессивным блоком».

«Группа Кривошеина» потребовала от Горемыкина убрать из Правительства неугодных оппозиции министров: юстиции И. Г. Щегловитова, военного В. А. Сухомлинова, внутренних дел Н. А. Маклакова и обер-прокурора Святейшего Синода В. К. Саблера, которые выступали против союза с оппозицией. Вместо этих министров Кривошеин предлагал генерала А. А. Поливанова, князя Н. Б. Щербатова и А. Д. Самарина. В противном случае министры-«оппозиционеры» грозили подать в отставку. 28 мая министр финансов П. Л. Барк обратился к Горемыкину с настойчивым предложением обратиться к Государю с просьбой возобновить заседания Думы раньше положенного срока и осуществить замену неугодных оппозиции министров. Горемыкин присоединился к этому требованию, более того, высказал мысль, чтобы *«более молодой человек заменил меня, я слишком стар для вас всех»*^[969].

Думская оппозиция и министерская «Группа Кривошеина» решили, что летом 1915 г. настал подходящий момент для создания неподконтрольного Царю кабинета. Великий Князь Андрей Владимирович писал в своём дневнике, что

Кривошеин *«орудует всем и собирает такой кабинет министров, который был бы послушным орудием у него в руках»*^[970]. Цель Кривошеина, по мнению Великого Князя Андрея Владимировича, была *«умалить власть Государя»*^[971].

Эта позиция Кривошеина встречала со стороны части кадетов активную поддержку. Они увидели в «Группе Кривошеина» реальную возможность своего прихода к власти. Бывший легальный марксист П. Б. Струве вышел из кадетского ЦК и стал в июне 1915 г. политическим консультантом Кривошеина. Струве высказался за приглашение в Совет министров, на правах членов без портфеля, *«общественных деятелей, пользующихся широким доверием»*, – А. И. Гучкова и князя Г. Е. Львова^[972].

В мае 1915 г. в Москве прошли немецкие погромы, поводом для которых стала вспышка холеры, вину за которую толпа возложила на проживавших в Москве немцев^[973]. Этими погромами не преминула воспользоваться оппозиция для раздувания шпиономании с антидинастическим подтекстом^[974]. Московские погромы прошли при попустительстве местных властей, главным образом московского градоначальника генерал-майора А. А. Андрианова, причём полиция преступно бездействовала^[975].

Во время великого отступления шпиономания охватила страну. *«В обществе только и было разговоров, что о влиянии тёмных сил»*, – писал председатель Государственной думы М. В. Родзянко^[976].

Видную роль в нагнетании шпиономании сыграла Ставка Великого Князя Николая Николаевича. В этом смысле она действовала заодно с Гучковым. Так родилось дело об «измене» жандармского полковника С. Н. Мясоедова, близкого к военному министру генералу В. А. Сухомлинову, одному из главных врагов Гучкова. Полковник Мясоедов ещё до войны беспочвенно обвинялся Гучковым в сотрудничестве с германской разведкой. Возобновление обвинений Мясоедова в измене в 1915 г. шли от Гучкова, имея целью смещение Сухомлинова. Непосредственно расследовали «дело Мясоедова» генерал-квартирмейстер М. Д. Бонч-Бруевич и начальник контрразведки штаба Северо-Западного фронта полковник Н. С. Батюшин, тесно связанные с Гучковым. Обвинения Мясоедова были полностью надуманными. Тем не менее военно-полевой суд приговорил его к повешению^[977]. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал от инфантерии Н. И. Иванов не утвердил смертного приговора, так как считал вину Мясоедова недоказанной. Но в дело вмешался Великий Князь Николай Николаевич и лично утвердил приговор. 19 марта 1915 г. Мясоедов был повешен.

Немецкие погромы и шпиономания, во многом организованная Ставкой и представителями оппозиционных кругов, стали тем «толчком», который укрепил позиции «Группы Кривошеина». Великий Князь Николай Николаевич *«горячо сочувствовал этому движению»*^[978]. 12 июня Криво-

шеин отправился в Барановичи, где встретился с Великим Князем и просил его воздействовать на Государя с целью отставки двух вызывающих раздражение в обществе министров: Сухомлинова и Маклакова^[979]. 13 июня, во время поездки Императора Николая II в Ставку, Великий Князь настойчиво ему рекомендовал выполнить просьбу Кривошеина^[980]. Неожиданно, как для министров-«оппозиционеров», так и Горемыкина, Государь удовлетворил все просьбы министров. Уже 4 июня Николай II послал Главноуправляющему Собственной канцелярией А. С. Танееву записку, в которой приказал приготовить указы об увольнении Н. А. Маклакова и о назначении управляющим министерством внутренних дел князя Н. Б. Щербатова^[981]. Замена Н. А. Маклакова князем Н. Б. Щербатовым произошла 5 июня, генерала В. А. Сухомлинова А. А. Поливановым – 13 июня, В. К. Саблера А. Д. Самариным – 5 июля и И. Г. Щегловитова А. А. Хвостовым – 6 июля.

Эти перемены в Правительстве прошли при активном участии Ставки. Протопресвитер Георгий Шавельский в своих воспоминаниях утверждал, что министры были отправлены в отставку *«под натиском на Государя со стороны Великого Князя»*^[982]. В Ставке стали говорить о *«новом курсе “на общественность”, который принимается по настоянию великого князя, а посредником примирения правительства с общественностью является вызванный в ставку умный и хитрый Кривошеин»*^[983].

В беседе с Государем Великий Князь Николай Николаевич настойчиво просил его даровать Ответственное министерство^[984]. Однако Государь, на словах выразив сочувствие к этой идее, отказался отправлять в отставку И. Л. Горемыкина. Тактика Царя объяснялась тем, что он понимал неизбежность в создавшихся условиях компромисса с умеренной частью оппозиции для недопущения к власти оппозиции крайней. Николай II полагал, что при оставлении во главе кабинета верного Горемыкина и при отсутствии деятельности Думы, третья сессия которой закончилась 29 января 1915 г., возможно привлечение в Правительство угодных Думе министров^[985]. Государь рассчитывал, что новое Правительство, поддерживаемое обществом, будет воспринято Думой как Министерство общественного доверия. При этом контроль над этим министерством останется в руках Государя.

14 июня в Могилёве Император Николай II подписал рескрипт, в котором призвал общество к *«совместной с правительством работе для подготовки победы»* и указал *«на предстоящий созыв Государственной Думы»*^[986]. Созыв последней раньше положенного по закону срока было одним из основных требований оппозиции. Бывший начальник петербургского Охранного отделения А. В. Герасимов в письме к Кривошеину от 16 июня 1915 г. называл *«созыв Государственной Думы, в настоящее тяжёлое время, крайне опасным»*^[987]. Эта опасность заключалась *«в возможном захва-*

те правительственной власти Государственной Думой»^[988]. Горемыкин пытался отсрочить созыв Думы и ограничить её заседания определённым сроком, чем вызвал резкое недовольство большинства членов Совета министров.

Император вновь пошёл навстречу этому большинству, и 19 июля Дума возобновила свою работу. 30 июля 1915 г. Царь дал согласие на создание комиссии по расследованию деятельности В. А. Сухомлинова. 4 августа кабинет уполномочил управляющего МВД разрешить евреям повсеместное жительство *«за исключением столиц и местностей, находящихся в ведении министров Двора и военного»*^[989]. Это решение нашло поддержку у Императора Николая II, и фактически черта оседлости была отменена.

Большие уступки оппозиции, на которые пошёл Император Николай II с целью сохранения общественного мира, были восприняты ею как слабость. Причиной этого восприятия было стремление оппозиции не к введению парламентского правительства в России, а к захвату власти. Это убедительно продемонстрировала открывшаяся 19 июля думская сессия. Дума отказалась от признания обновленного кабинета «министерством доверия».

Между тем сотрудничество министерской парламентской группы и Ставки Николая Николаевича после открыто враждебной позиции Думы не прекратилось. Государь имел об этом достаточно сведений. Ещё будучи министром, Н. А. Маклаков передал Государю перехваченное секретное

письмо Гучкова Великому Князю, которое *«очень компрометировало обоих»*^[990].

А. А. Вырубова писала, что Император Николай II говорил, что Великий Князь Николай Николаевич постоянно, без его ведома, *«вызывал министров в Ставку, давая те или иные приказания, что создавало двоевластие в России»*^[991].

Особенно Николая II волновали связи Николая Николаевича с «Прогрессивным блоком» и военно-промышленными комитетами. О тесных связях Великого Князя и «Группой Кривошеина» свидетельствует даже генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов, союзник «Прогрессивного блока»^[992].

Перед отстранением Великого Князя Царь сказал, похлопывая рукой по папке с какими-то бумагами: *«Здесь накопилось достаточно документов против Великого Князя Николая Николаевича. Пора покончить с этим вопросом»*^[993]. В. Н. Воейков, будучи допрошенным Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, показал, что *«Государь принял Верховное командование главным образом потому, что Николай Николаевич вмешивался в дела управления государством»*^[994].

Решение Императора Николая II вызвало резкий протест у «Группы Кривошеина» в Совете министров. Инцидент вошел в историю под названием «министерская забастовка». Главными застрельщиками «забастовки» были Кривошеин, Сазонов и Поливанов. Все трое убеждали Совет министров и его председателя Горемыкина, что отстранение Великого

Князя будет иметь самые катастрофические последствия для России и что нужно во что бы то ни стало отговорить от этого решения Государя. Однако у Горемыкина были все основания сомневаться в искренности этих утверждений, так как ещё в конце июля 1915 г. на заседаниях Правительства эти же министры говорили совсем другое. Так, Сазонов утверждал, что в Ставке *«просто безумные люди распоряжаются»*. Поливанов считал, что *«логика и веление государственных интересов не в фаворе у ставки»*. Кривошеин заверял, что *«если Верховным будет сам Император, тогда никаких недоразумений не возникало бы, и все вопросы разрешались бы просто – вся исполнительная власть была бы в одних руках»*^[995]. Позже Кривошеин высказался ещё более определённо: *«Ставка ведёт Россию в бездну, к катастрофе, к революции»*. Таким образом, писал генерал Н. Н. Головин, *«Император Николай II имел полное право сделать логический вывод, что русские общественные круги желают, чтобы Монарх в своём лице совместил управление страной и верховное главнокомандование»*^[996].

Причины, по которым «Группа Кривошеина» поменяла своё прежнее положительное отношение к Великому Князю Николаю Николаевичу, заключались в военных неудачах на фронте. Министерская группа была солидарна с большей частью общества, что Ставка не способна исправить положение. Именно поэтому в свою очередь Великий Князь, видя недовольство в отношении него даже союзников из Пра-

вительства, просил царя о смещении с должности главнокомандующего.

Однако, когда 18 августа 1915 г. министр Поливанов огласил перед Советом министров волю Государя принять Верховное командование, мнение «Группы Кривошеина» вновь сразу изменилось. Оппозиционные министры в своих попытках ввести думское министерство имели поддержку в лице Великого Князя. Его отставка была по интересам и думской оппозиции, которая в значительной мере лишалась рычагов воздействия на армию.

Поливанов, прибыв в Ставку с письмом Императора о грядущей смене командования, призвал смещённого главнокомандующего оказать возможное сопротивление царскому решению. 10 августа Поливанов имел разговор с намечаемым Императором Николаем II в новые начальники штаба Ставки генералом Алексеевым, и тот признал перемену Верховного главнокомандования в данную минуту *«безусловно, вредной»*^[997].

Николай Николаевич, который считал себя всеми оставленным, понял, что в лице «Группы Кривошеина» он по-прежнему имеет союзника. Трудно сказать, насколько далеко был готов идти в этом союзе Великий Князь, но очевидно, что в случае конфликтной ситуации он поддержал бы оппозицию, а не Царя. (Это, кстати, и произошло в феврале 1917 г.)

Сообщая Совету по возвращении в Петроград решение

Царя, Поливанов нарушил монаршее повеление, запрещавшее военному министру придавать его огласке, заявив, что это «ужасное» событие *«угрожает России»*^[998]. Это сообщение, по словам помощника управляющего делами Совета министров А. Н. Яхонтова, стало *«оглушительным ударом среди переживаемых военных несчастий и внутренних осложнений»*^[999].

Поздно вечером 20 августа на заседании Совета министров члены «Группы Кривошеина» пытались добиться от Императора Николая II назначения Великого Князя своим помощником, т. е. оставить фактически всё без изменений^[1000]. Однако Император заявил, что его воля непреклонна и что он уезжает в Ставку через два дня^[1001].

21 августа Государь уехал в Ставку, а на заседании Совета министров стали делаться всё более радикальные предложения. Морской министр адмирал И. К. Григорович заявил, что раз уговоры на Царя «не подействовали», надо обратиться к нему с письменным докладом, в котором изложить мнение Совета. Сазонов горячо одобрил это предложение И. К. Григоровича. Министр внутренних дел князь Щербатов заявил, что *«мы все непригодны для управления Россией при слагающейся обстановке»*. Государственный контролёр П. А. Харитонов полагал, что *«если воля Царя не вредна России, ей надо подчиниться, если же вредна – уйти. Мы служим не только Царю, но и России»*^[1002]. В ответ на слова князя Щербатова о невозможности отпустить Императора в

заведомую опасность, военный министр Поливанов заявил, что этого позволить нельзя, *«хотя бы пришлось применить силу»*^[1003]. Обер-прокурор Святейшего Синода А. Д. Самарин: *«Трудно при современных настроениях доказать совпадение воли России и царя. Видно как раз обратное»*^[1004].

В противоположность натиску «Группы Кривошеина» глава Совета министров Горемыкин разъяснял, что *«для него Царь и Россия – неразделимые понятия, что в его понимании существования русской монархии воля Царя должна исполняться, как заветы Евангелия»*^[1005].

Совещание 21 августа закончилось крайне нервно. Яхонтов писал, что *«ничего подобного никогда в заседаниях не происходило»*^[1006].

Эмигрантский исследователь Г. М. Катков затрудняется ответить на вопрос о причинах министерского демарша, отмечая, что реакция Совета в любом случае была *«иррациональной»*, так как *«сам Совет в течение нескольких недель добивался перемен в Верховном Главнокомандовании»*^[1007]. Катков отмечает, что решение Царя *«было достаточно мотивированно и вполне соответствовало статусу монарха. С Государем во главе армии координация действий Ставки и гражданского управления, по всей вероятности, улучшилась бы»*^[1008].

На самом деле причина министерского демарша заключалась не в том, что Император Николай II принял решение возглавить армию. Понимание причин «министерской заба-

стовки» следует искать в тайных связях «Группы Кривошеина» с лидерами «Прогрессивного блока» и её устремлениями к участию в «ответственном министерстве».

Ещё до официального оформления «Прогрессивного блока», в ходе дебатов на совете старейшин Государственной думы, кадет П. Н. Милюков и «прогрессист» И. Н. Ефремов, высказываясь за скорейшее создание кабинета общественного доверия, давали щедрые предложения сочувствующим кадетам министрам. Во главе кабинета предлагалась кандидатура А. В. Кривошеина, а министром иностранных дел – С. Д. Сазонова^[1009].

18 августа 1915 г. в газете «Утро России», издаваемой близким к «Прогрессивному блоку» П. П. Рябушинским, появился список лиц, которых блок хотел бы видеть в составе «Ответственного министерства». В этом списке числились двое министров: Поливанов и Кривошеин. Первый ещё до войны был тесно политически связан с самым революционно настроенным членом блока Гучковым^[1010]. А. Н. Яхонтов писал, что «за Поливановым всегда чувствовалась тень Гучкова», которого генерал «ладил в спасители отечества»^[1011]. В свою очередь с Поливановым был в тесных контактах Кривошеин. Он на заседании Правительства 20 августа заявил в присутствии Государя и министров, что в военное время во главе Правительства должен стоять военный министр, прямо намекая на генерала Поливанова. Г. М. Катков полагает, что Кривошеин, выдвигая Поливанова на пост председателя

Совета министров, *«заботился о своей собственной кандидатуре»*^[1012].

Однако оппозиция к этому времени выдвигала на первую роль уже не Кривошеина, а Гучкова. Товарищ министра земледелия граф В. В. Мусин-Пушкин говорил Кривошеину, что мнения думцев по поводу, кто возглавит будущее ответственное министерство, Кривошеин или Гучков, разделились не в пользу первого. Мусин-Пушкин писал Кривошеину, *«что вы уже опоздали»*^[1013].

Таким образом, настойчиво прося Царя согласиться с диктатором в лице генерала Поливанова, «Группа Кривошеина» фактически ставила вопрос *«о передаче власти “правительству общественного доверия”»*^[1014]. Для Императора Николая II это означало фактически передачу власти оппозиции с непредсказуемыми последствиями. Компромисс с оппозицией, возможный в условиях контроля над Правительством в лице верного председателя, становился опасным и невозможным с его удалением и заменой на продумского «диктатора».

21 августа, во время доклада Государю, министр торговли князь В. Н. Шаховской высказал свои соображения о крайней нежелательности доверять Совет министров Поливанову, которого Шаховской называл «неверным человеком», и тем более наделять его «диктаторскими» полномочиями. Шаховской встретил в этом вопросе понимание со стороны Царя, который сказал, что *«это невозможно и этого не бу-*

дет»^[1015].

После отъезда Государя в Ставку борьба оппозиционных министров с И. Л. Горемыкиным возобновилась с новой силой. На заседании 26 августа Сазонов в полемике с главой Правительства открыто поддерживал «Прогрессивный блок», называя его членов *«людьми, болеющими душой за родину»*^[1016]. Сазонов требовал поддержать блок, но на все свои предложения встретил твёрдый отказ со стороны Горемыкина. Примечательно, что Сазонов, столь убеждённо доказывающий в Совете министров невозможность принятия Императором Верховного командования, незадолго до этого высказывал совсем иные мысли. За день до принятия Царём Верховного командования Сазонов встречался с Великими Князьями Андреем и Борисом Владимировичами. Министр с тревогой говорил о положении дел на фронте. Затем он добавил: *«К счастью, всему этому скоро будет положен конец. Государь сам вступит в командование армией»*. При этом Сазонов высказал опасение, что *«всякая неудача падёт на Государя и даст повод его критиковать»*. Министр поинтересовался у Великих Князей, что они думают по этому поводу. После того как те однозначно высказались в пользу царского решения, Сазонов подтвердил, что *«существовавшее двоевластие в России вещь не только не желательная, но прямо вредная. Продолжаться такое положение не может, и положить конец этому может только принятие государем лично командования»*^[1017].

Сазонов, Кривошеин и Поливанов знали, что «прогрессисты» готовы прибегнуть к более решительным действиям, поставив Монарху ультиматум. На это же были готовы пойти и в Ставке Великого Князя. В Могилёве даже собирались потребовать отмены Императором своего решения, а в случае отказа его исполнить их требование – арестовать его^[1018]. По словам протопресвитера Георгия Шавельского, Николай Николаевич долго думал над этим предложением, но затем заявил, что он *«прежде всего верноподданный, а потому сделанное ему предложение отвергает»*^[1019].

Интересно, что интрига с захватом власти Николаем Николаевичем и «Прогрессивным блоком» была известная и широко использовалась противником в целях агитации. Среди солдат русской армии немцами распространялась листовка с фальшивым текстом воззвания к ней Николая II. В листовке говорилось, что Царь обращается к своим солдатам в *«самые трудные минуты своей жизни»*. Настоящая война, якобы писал Царь, затеяна не им, она вызвана интригами Великого Князя Николая Николаевича, желающего свергнуть Императора, *«дабы самому занять престол»*. В продолжении войны заинтересован *«коварный мой родственник и вероломные генералы»*. Подписана листовка была от имени *«вашего несчастного Царя Николая II»*^[1020].

В августе 1915 г. произошла смычка между прогрессистской оппозицией, «Группой Кривошеина» в Правительстве и верхушкой Ставки. Эта смычка была направлена против

Императора Николая II, поэтому своим решением он эту смычку разорвал. *«Решение Государя, – считает Г. М. Катков, – обмануло надежды блока на реформу правительства и разочаровало министров, надеявшихся установить с блоком рабочее соглашение»*^[1021].

Однако думается, что Г. М. Катков в данном случае смягчает оценки. Дело было не в том, что Царь обманул «надежды блока на реформу», а в том, что он своим решением сорвал насильственное установление парламентаризма со стороны либеральной оппозиции, поддерживаемой частью министров.

Современник тех событий, близкий к военным кругам Ставки, называл Великого Князя Николая Николаевича *«стержнем, вокруг которого плелась вся интрига против личности русского Монарха»*^[1022]. Этот же источник объясняет министерский демарш лета 1915 г. страхом «Группы Кривошеина» перед *«провалом заговора, в котором, как выяснилось впоследствии, они играли видную роль»*^[1023].

27 августа произошла тайная встреча Сазонова и Кривошеина с представителями «Прогрессивного блока». На этой встрече обе стороны пришли к общему выводу, что при нынешнем главе кабинета Горемыкине никаких конституционных перемен произойти не может, а значит, он должен уйти.

28 августа, на следующий день после встречи с представителями «Прогрессивного блока», «Группа Кривошеина» поставила вопрос о перерыве сессии Государственной ду-

мы. Горемыкин, как и члены Правительства, был за перерыв. Но он хотел это сделать в жёсткой форме, объявив главной причиной этого перерыва действия «Прогрессивного блока». Министры выступали за мирный перерыв, согласованный с председателем Государственной думы Родзянко. При этом министры постоянно проводили мысль, что этот перерыв обязательно должен сопровождаться изменениями в составе Правительства, угодными Думе^[1024].

Сазонов пугал Горемыкина грядущим насилием на петроградских улицах, массовыми выступлениями рабочих в случае, если Дума будет распущена^[1025].

Императрица Александра Феодоровна писала Николаю II 6 сентября 1915 г., что *«Сазонов не ходит на заседание совета министров – это ведь неслыханная вещь! Я это называю забастовкой министров»*^[1026].

Результатом совещания 28 августа стало известное письмо министров царю. Письмо это было подписано П. А. Харитоновым, П. Л. Барком, А. В. Кривошеиным, С. Д. Сазоновым, князем Н. Б. Щербатовым, А. Д. Самариным, графом П. Н. Игнатьевым и князем В. Н. Шаховским. Общий смысл письма сводился всё к тому же: повторялась просьба к царю не возглавлять армию. По мнению подписантов, принятие Императором Николаем II *«такого решения грозит, по нашему крайнему разумению, России, вам и династии вашей тяжёлыми бедствиями»*. Заканчивалось письмо следующими словами: *«Находясь в таких условиях, мы теряем*

веру в возможность с сознанием пользы служить вам и родине»^[1027].

Письмо министров «совпало» с письмом Государю председателя Государственной думы Родзянко, в котором тот призывал царя отказаться от принятия Верховного командования. Родзянко указывал, что Царь есть «священное знамя», а поэтому он *«не имеет права перед страной допускать малейшую возможность, чтобы на это знамя легла какая-либо тень»*^[1028].

15 сентября по приказу Николая II министры выехали к нему в Ставку. Там их ждал весьма холодный приём. Министров не встретили на перроне, не подали экипажей. К Высочайшему обеду их не пригласили. При встрече с Государем тот глухим голосом заявил, что он был очень огорчён, получив письмо министров, несмотря на твёрдо им выраженную волю принять командование. Николай II сказал, что полностью доверяет председателю Совета министров и требует, чтобы все следовали его руководству. Император заявил, что *«все усилия правительства и всей страны должны быть сосредоточены на мысли о войне»*. Государь высказал далее главные приоритеты текущего момента: победа в войне и сохранение общественного согласия как гаранта этой победы^[1029].

Однако министры, как и оппозиция, эти приоритеты не разделяли. Политическая борьба была для них важнее военного успеха. Царю это стало понятным из продолжившегося

ся спора между министрами и Горемыкиным. Выслушав их, Государь заявил министрам, что когда он приедет в Царское Село, то он примет дальнейшие решения^[1030].

26 сентября Император Николай II отправил в отставку А. Д. Самарина и А. В. Кривошеина. Отставка главного министерского оппозиционера была произведена Императором очень мягко, сопровождалась милостивым рескриптом и награждением орденом Св. Блгв. Великого Князя Александра Невского^[1031]. В течение декабря 1915 г. и по июль 1916 г. было отправлено в отставку и всё Правительство. Последними были уволены А. А. Поливанов (март 1916) и С. Д. Сазонов (июль 1916). Это объясняется тем, что Поливанов должен был закончить возглавляемую им работу по организации военного снабжения, а Сазонова всецело поддерживали союзники. Отставка Сазонова произошла в условиях полной секретности. Её причинами стало то, что министр иностранных дел *«слишком усердно принял сторону общественности и Прогрессивного блока»*^[1032].

Государя особенно насторожили настойчивые предложения Сазонова даровать Польше конституцию. Министр даже представил Царю проект такой конституции^[1033]. Между тем Николай II являлся сторонником административной, но не политической автономии Польши. Вопрос именно об административной автономии был Царём решён положительно уже к началу 1916 г. Б. В. Штюрмер показывал на допросе Чрезвычайной следственной комиссии Временного пра-

вительства, что 1 августа 1916 г. *«относительно судьбы составленного в совете министров проекта манифеста о польской автономии, быв. государь сказал, что обнародует этот проект, лишь после вступления русских войск в Царство Польское»*^[1034].

Штюрмер, так же как и Царь, придерживался мнения о том, что вопрос о польской автономии неуместен, пока Царство Польское находится под германской оккупацией^[1035]. Однако Сазонов продолжал настаивать именно на политической автономии, причём он требовал ввести её немедленно вместе с польской конституцией. При своих приездах в Ставку Сазонов начинал обсуждать необходимость польской автономии с генералом М. В. Алексеевым и Н. А. Базили^[1036]. Если учесть, что в этот же период шли активные секретные контакты французского посла М. Палеолога с польскими сепаратистами^[1037], то линия министра иностранных дел стала представляться Царю явно опасной. Отставка Сазонова была предрешена^[1038].

Генерала Поливанова Царь весьма ценил за его военно-административные способности. Тем более что Поливанов пользовался авторитетом среди штабных работников. Генерал генштаба П. И. Аверьянов вспоминал, что *«уход генерала Поливанова с должности военного министра вызвал всеобщее огорчение»*^[1039]. Но Николаю II было хорошо известна близость Поливанова к Гучкову. Их *«дружная работа»*, по мнению генерала Сухомлинова, могла привести к *«боль-*

шой беде»^[1040].

Поливанов пытался, и ему это в известной степени удалось, расставить на разные высокие военные должности верных ему людей. В частности, 17 октября 1915 г., он предложил назначить начальником инженерных снабжений армий Северного фронта генерал-майора В. Л. Коллонтай, который был первым мужем А. М. Домонтович. Последняя при разводе оставила фамилию мужа и под ней вошла в историю как «первая советская женщина-посол». Коллонтай была близка к большевикам. Русская контрразведка считала её причастной к подрывной деятельности в пользу Германии^[1041]. По-видимому, на генерала тоже имелась компрометирующая информация, так как Государь, прочитав предложение Поливанова о назначении его на вышеуказанную должность, положил резолюцию: *«В виду имеющихся у меня дурных сведений о нём, на назначение это не согласен»*^[1042].

Другим выдвиженцем Поливанова на должность начальника Генерального штаба стал генерал М. А. Беляев, будущий последний военный министр императорской России. Генерал Беляев, впрочем, после смещения Поливанова всячески отмежёвывался от своего бывшего покровителя^[1043].

Генерал-лейтенант П. К. Кондзеровский вспоминал, что накануне отставки Поливанова, во время приёма в Ставке, Николай II, доброжелательный со всеми, демонстративно не общался с одним лишь Поливановым^[1044]. Отправляя Поливанова в отставку, Николай II указал, что недоволен его свя-

зьями с Гучковым и возглавляемыми им военно-промышленными комитетами, чья деятельность не внушает Царю доверия^[1045].

10 марта 1916 г. Государь принял решение заменить Поливанова на генерала Д. С. Шуваева^[1046]. Николай II отметил, что с отставкой Поливанова он станет «спать спокойно»^[1047].

Ещё одной важной отставкой, связанной с политическим кризисом лета 1915 г., стало удаление 19 августа с занимаемых должностей товарища министра внутренних дел и командира корпуса жандармов генерал-майора В. Ф. Джунковского. Роль этого генерала в оказании помощи революции нельзя не признать значительной. Возглавив в 1913 г. Отдельный корпус жандармов и контроль над охранными отделениями, Джунковский запретил институт секретных сотрудников в учебных заведениях, в армии и на флоте, уволил большое количество жандармских офицеров. По приказу Джунковского было снято негласное наблюдение за Гучковым, которое ранее велось постоянно. Именно Джунковский выдал Родзянко имя главного секретного сотрудника в Государственной думе большевика Р. В. Малиновского^[1048].

Отставка Джунковского не была простым оставлением службы. Это была царская опала. В своём письме к Императору Николаю II Джунковский писал, что его тяготит *«полная неизвестность своей вины»*^[1049]. Джунковский объяснял причину своей отставки попыткой в августе 1915 г. открыть Царю «правду» на «похождения» Распутина в ре-

сторане «Яр». Джунковский заявил Государю, что поведение Распутина представляет *«опасность, которая угрожает государству и династии»* и является *«орудием какого-нибудь сообщества, которое хочет повлечь Россию к гибели»*. Генерал утверждал, что на его просьбу разрешить ему расследование деятельности Распутина Николай II ответил: *«Я вам не только разрешаю, но я вас даже прошу сделать это. Но, пожалуйста, чтобы все эти доклады знал я и вы, это будет между нами»*^[1050].

Однако Джунковский, вопреки повелению Государя, показал свой доклад о Распутине Великому Князю Дмитрию Павловичу, который рассказал о нём отцу, Великому Князю Павлу Александровичу, и А.А. фон Пистолькорс^[1051].

Эта непорядочность Джунковского вызвала неприязнь к нему со стороны Императора. Однако, по всей видимости, даже не это стало причиной его отставки. Начальник Московского охранного отделения полковник А. П. Мартынов писал в своих воспоминаниях: *«В 1915 году Джунковский “поскользнулся” на одной “апельсиновой корке”, ловко прикрыв её для публики своим “антираспутинством”»*^[1052].

Что же это была за «апельсиновая корка», на которой так неудачно «поскользнулся» генерал Джунковский? По свидетельству генерала Спиридовича, Джунковский знал о существовании заговора против Императора, замышляемого в Ставке, и ничего не сообщил об этом Государю, который счёл это молчание *«странным, если не подозритель-*

нѣм»^[1053].

После отставки Джунковский получил от Гучкова письмо, в котором тот, выражая свое сочувствие, прозрачно намекнул, что, когда придёт момент, новая Россия не забудет за слуг генерала^[1054].

В результате отставок конца 1915 – начала 1916 г. Правительство, на некоторых членов которого делала ставку кадетско-октябристская оппозиция в своих стремлениях изменить государственный строй в России, прекратило существование. Вслед за оппозиционными министрами свой пост главы Правительства потерял и лояльный Царю И. Л. Горемыкин, который становился не нужен в новых политических условиях. Он был отправлен в отставку в январе 1916 г. и заменён Б. В. Штюрмером. Новый кабинет министров был встречен оппозицией ещё более враждебно, чем предыдущий.

Глава 6. Августейший Верховный Главнокомандующий

Преодоление военного кризиса и стабилизация фронта осенью 1915 г.

23 августа 1915 г. Император Николай II издал приказ по армии, в котором объявлялось: *«Сего числа Я принял на Себя предводительствование всеми сухопутными и морскими вооружёнными силами, находящимися на театре военных действий»*. В конце текста приказа Государь собственноручно написал: *«С твёрдой верой в милость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамям земли Русской. НИКОЛАЙ»*^[1055].

Современник вспоминал: *«Среди хаоса штабной и правительственной разрухи, растерянности и общей паники от безостановочного бегства фронта, какими бодрыми и успокоительными были краткие слова Царского приказа. Этот приказ, написанный на чисто русско-православном языке, понят был по православному, с искренней верой в помощь Божию»*^[1056].

Начался новый этап в войне России против Германии и

Австро-Венгрии, этап, который знаменовался стабилизацией фронта, самой крупной победой русской армии за эту войну, восстановлением и наращиванием военной мощи и трагической катастрофой в феврале 1917 года.

Для Государя принятие Верховного главнокомандования было сопряжено с сильными душевными переживаниями. *«Господи, помоги и вразуми меня!»* – записал он в своём дневнике^[1057]. Те же настроения в письме к Императрице от 25 августа 1915 г.: *«Я подписал мой первый приказ и прибавил несколько слов довольно-таки дрожащей рукой!»*^[1058]

Император Николай II принял на себя Верховное главнокомандование в тяжелейший период войны. Полковник Э. Н. Гиацинтов писал: *«Нужно подчеркнуть, что Государь принял на себя эту тяжёлую обязанность Главнокомандующего всей русской армией не в момент побед, когда бы он мог украсить свою голову лавровым венком, а как раз в самое тяжёлое время»*^[1059].

Керсновский считал, что решение Государя стать во главе армии *«было единственным выходом из создавшейся критической обстановки. Каждый час грозил гибелью. Верховный главнокомандующий и его сотрудники не справлялись больше с положением – их надлежало срочно заменить. А за отсутствием в России полководца заменить Верховного мог только Государь»*.

История часто видела монархов, становившихся во главе победоносных армий для лёгких лавров завершения побе-

ды. Но она ещё ни разу не встречала Венценосца, берущего на себя крест возглавить армию, казалось, безнадежно разбитую, знающего заранее, что здесь его могут венчать не лавры, а только терния»^[1060].

Как же отреагировала армия на решение Императора? На этот вопрос ответить весьма нелегко. Это касается прежде всего генералитета и высших кругов. Следует учесть, что большинство из тех генералов, что оставили воспоминания, – А. И. Деникин, Ю. Н. Данилов, А. А. Брусилов, – либо принимали участие в заговоре против Царя, либо находились в дружественных отношениях с его недругами.

Генерал А. И. Деникин писал, что «в августе 1915 года Государь, под влиянием кругов Императрицы и Распутина, решил принять на себя верховное командование армией. <...> Этот значительный по существу акт не произвёл в армии большого впечатления»^[1061].

С. П. Мельгунов, которого нельзя заподозрить в симпатиях к Самодержавию, писал, что твёрдую волю, какую проявил Николай II, принимая командование, «никакими посторонними влияниями объяснить нельзя, а тем более, “немецко-распутинским” окружением Александры Фёдоровны, как продолжал думать генерал Деникин»^[1062]. С ним соглашался генерал Н. Н. Головин, который писал, что деникинские строки «грешат непониманием народных масс. Мы сами были свидетелями с каким энтузиазмом встречали войска Государя после того, как он стал верховным глав-

нокомандующим»^[1063]. Мнение Головина тем более ценно, что он не был сторонником принятия Николаем II Верховного командования и утверждал, вполне обоснованно, что одновременно с воодушевлением по поводу этого принятия в войсках испытывали чувства глубокого сожаления по поводу удаления Великого Князя Николая Николаевича^[1064].

Великий Князь Андрей Владимирович свидетельствовал, что *«смена штаба вызвала общее облегчение в обществе. В армии даже это вызвало взрыв общего энтузиазма и радости. Вера в своего Царя и в благодать Божию над ним создала благоприятную атмосферу»*^[1065].

Бывший военный министр генерал от инфантерии А. Ф. Редигер писал, что Царь принял командование над армиями, *«находившимися в то время в самом критическом положении»*. Сославшись на то, что он не знает причины, по которой Николай II принял командование, Редигер осторожно её подсказывает, говоря, что *«отношение Государя к Великому Князю Николаю Николаевичу стало довольно натянутым и, может быть, это оказало влияние»*^[1066].

Другой генерал, А. А. Брусилов, считал, что впечатление в войсках от замены Великого Князя *«было самое тяжёлое, можно сказать – удручающее. Было общеизвестно, что Царь в военных вопросах решительно ничего не понимал и что взятое им на себя звание будет только номинальным»*^[1067]. Нет нужды повторяться, что воспоминания Брусилова грешат предвзятостью к Государю, которого он не лю-

бил и которого предал в феврале 1917 г.

Вслед за генералом Брусиловым сотрудник Генерального штаба генерал П. И. Аверьянов, который ни разу с Николаем II даже не общался, утверждал, что *«всем было хорошо известно, что ни по своему характеру, ни по своей военной подготовке, особенно в области стратегии, Государь совершенно не подходил на роль всеобщего вождя»*^[1068].

Вице-адмирал А. В. Колчак приветствовал смену Велико-го Князя и вступление Императора Николая II в Верховное командование, так как присутствие генерала Алексеева на должности начальника штаба Ставки являлось для Колчака *«гарантией успеха в ведении войны»*^[1069].

Адмирал И. К. Григорович, последний морской министр императорской России, считал, что при глубоко положительных мотивах, побудивших Государя принять решение о вступлении в Верховное командование, результаты этого решения были трагическими^[1070].

Своевременным, правильным и единственно возможным считал решение Царя генерал А. И. Спиридович, полагая, что в создавшейся обстановке *«выход был один – Верховное главнокомандование должен был брать на себя сам Государь»*^[1071].

Генерал-майор А. А. Носков писал, что *«для большинства русских, и тем более для армии, это решение вызывало удовлетворение: перед лицом столь грозных для России обстоятельств, Государь стал во главе войска»*^[1072].

Фронтовое офицерство в своей массе восприняло смену командования *«как должное: Государь должен был командовать нами, а не какой-нибудь Великий Князь...»*^[1073]

Генерал-лейтенант В. Е. Борисов писал, что *«с точки зрения военных требований полнота и всесторонность власти была на стороне Императора»*^[1074].

А. И. Спиридович приводит слова генерала от инфантерии графа А. А. Адлерберга: *«Мы стояли и разговаривали втроём, когда принесли телеграмму о принятии Государем Верховного командования, генерал Крымов, командир местного пехотного полка, и я. Я выразил большую радость, радовался генерал Крымов. Пехотный командир полка перекрестился. Я спросил его, почему он крестится? И командир начал рассказывать, как много неправильного сделала старая Ставка. Теперь всё переменится, говорил командир»*^[1075].

Великий Князь Кирилл Владимирович утверждал, что *«принятие Государем Верховного главнокомандования приветствовалось солдатами – на фронте возродилась надежда»*^[1076].

Но тем не менее реакцию армии на решение Государя нельзя назвать однозначной. С одной стороны, был безусловный энтузиазм солдат и офицеров. Но этот энтузиазм не был всеобщим, всеохватывающим, так как в армии, как в зеркале общества, отражались все проявления этого общества. С другой стороны, в армии была целая группа высшего офицерства, которые относились к Государю равнодушно, а

некоторые враждебно. Это не могло не чувствоваться рядовым составом армии и не могло не влиять на него. Можно сказать определенно, что значительное число высших военачальников, особенно тех, кто был уволен вместе с Великим Князем, чувствовали себя обиженными и приняли решение Николая II с плохо скрываемой враждой.

Генерал М. А. Свечин писал в своих воспоминаниях: *«После сдачи Ковельской крепости, к началу осени 1915 года, Государь решил лично принять на себя Верховное командование армиями. Начальником штаба Император Николай II назначил мудрого генерала Алексеева. Великий Князь Николай Николаевич был направлен на Кавказ, сменив престарелого графа Воронцова-Дашкова. Эта большая перемена прошла для действующей армии мало заметной, но возбудила большие толки и пересуды как в кругах русского общества, отрицательно отнесшегося к этой замене, так и министров русского правительства. Жалели уход Великого Князя, переоценивали его как полководца, считая, что принятие Государем Верховного Командования отвлечет его от управления государством.*

Разбирая вопрос о смене командования с военной точки, нельзя не видеть, что окружение Великого Князя и его ближайшие сотрудники слабее сотрудников Государя»^[1077].

Сам Государь так оценивал своё решение в письме к Императрице Александре Феодоровне: *«Люди приняли этот шаг как нечто естественное и поняли его, как мы. Доказа-*

тельство – куча телеграмм, которые я получаю со всех сторон – в самых трогательных выражениях. <...> Здесь я могу судить правильно об истинном настроении среди разных классов народа: всё должно быть сделано, чтобы довести войну до победного конца, и никаких сомнений на этот счёт не высказывается»^[1078].

Таким образом, сомнения, страхи и пророчества катастрофы, которыми члены Правительства и думской оппозиции встретили известие о принятии Государем Верховного командования, оказались несостоятельными. Наоборот, именно после того, как Николай II встал во главе армии, ход войны принял для России положительный оборот.

Истинная роль Императора Николая II заключалась в его способности консолидировать армию, вдохновить её и тем самым остановить сползание к общему поражению. Достоинство или недостатки военного руководителя определяются, результатами военных действий. По тому, как изменился или не изменился ход боевых действий на фронте, можно судить о роли Императора Николая II в руководстве войсками.

Организация работы и жизнедеятельности Ставки

В конце июля 1915 г., из-за приближения фронта к Барановичам, Великий Князь Николай Николаевич начал подыскивать место для новой Ставки. В начале августа он доложил

Государю, что «из всех сделанных рекогносцировок, наиболее подходящим местом является Могилёв»^[1079].

Ещё не зная о решении Императора Николая II возглавить армию, Николай Николаевич сообщал об устройстве стоянки Императорского поезда. *«Осмотрел место будущей стоянки поезда Вашего Величества, – писал Великий Князь 8 августа 1915 г. – Красивая старая роща вне города. Тихой езды до дома в городе, где я поместился – 10 минут. Работа по прокладке пути начата»*^[1080].

К моменту прибытия Императора Николая II в Могилёв все работы по прокладке пути были завершены. Первые дни Николай II оставался в Императорском поезде. *«Лесок, в котором стоял наш поезд, – писал он Супруге, – очень уютен, но благодаря дождям там стало сыро, даже в вагонах; поэтому чтобы быть поближе к моему штабу и жить в доме, я решил, что лучше и проще всего будет переехать в город»*^[1081].

Могилевский губернатор А. И. Пильц вспоминал: *«В конце обеда, я был поражен демократичностью Государя, которого я спросил, когда Его Величество переедет из поезда в губернаторский дом. Он ответил мне, что намеревается жить в поезде, так как занимая губернаторский дом, он стеснит меня и мою семью. Несмотря на мои протесты, Государь не соглашался. Лишь когда я доложил, полушутя, полусерьезно, что для меня остается один выход уйти в отставку и таким образом, потерять всякое право на губер-*

наторский дом, Государь, улыбаясь, ответил согласием занять губернаторский дом, если вопрос ставится так остро»^[1082].

В дневнике Николай II записал: «Решил переехать в Могилёв на жительство, оно гораздо удобнее во всех отношениях»^[1083].

А. И. Спиридович писал о Могилёве к моменту приезда в него Государя: «Могилёв губернский город раскинулся на высоком берегу Днепра в 734 верстах от Петербурга и в 563 от Москвы. На самом возвышенном его пункте, над рекой белеет губернаторский дом и здания присутственных мест. Около дома – сад. А невдалеке над самым откосом городской общественный садик, из которого открывается прекраснейший вид на реку и Заднепровье»^[1084].

Полковник Генерального штаба В. М. Пронин так описывал Царскую Ставку: «На южной окраине Могилева, на высоком и крутом берегу Днепра, откуда открывался прекрасный вид на заднепровские дали, стоял небольшой двухэтажный губернаторский дом. Здесь имел пребывание Государь Император во время своих приездов в Могилев. Почти вплотную к этому дому, или как мы его называли – “дворец”, примыкало длинное двухэтажное здание Губернского правления; в нем находилось Управление генерал-квартирмейстера, этого “святая святых” всей русской армии. <...> У парадного входа “дворца”, когда Государь был в Ставке, обыкновенно стояли парадные часовые от Георгиевского

батальона, составлявшего охрану Ставки. Батальон комплектовался георгиевскими кавалерами – офицерами и солдатами всех строевых и пехотных частей армии, по особому выбору. Это, так сказать, были “храбрейшие из храбрых”»^[1085].

С переездом Ставки в Могилёв город был превращён в укреплённый лагерь, который оборонялся отдельным авиационным отрядом, артиллерийской батареей, батареей воздушной обороны и другими отдельными воинскими подразделениями.

Приняв на себя Верховное главнокомандование, Николай II направил Великому Князю милостивый и тёплый рескрипт, в конце которого, после обычного «*пребываю к вам неизменно благосклонный*», Государь своей рукой дописал: «*и искренно и сердечно вас любящий Николай*»^[1086].

Однако при этом, «*когда Государь объявил Великому Князю Николаю Николаевичу, что он его назначает на Кавказ, он указал ему, чтобы он не “мешал” генералу Юденичу, что главная его обязанность – быть Наместником, держать Кавказ в порядке и спокойствии, что очень важно, ибо Кавказ – тыл армии. Государь разрешил Великому Князю Николаю Николаевичу по временам навещать раненых, больных, а также войска на фронте, чтобы поблагодарить их за боевую службу*»^[1087].

Таким образом, Великому Князю было ясно дано понять, чтобы он ни в политические, ни в военные дела не вмеши-

вался.

Передав дела Августейшему Верховному Главнокомандующему, Великий Князь отбыл из Ставки на Кавказ и 23 сентября 1915 г. доложил из Тифлиса Государю телеграммой о своём вступлении в должность Наместника^[1088].

Первыми шагами Императора Николая II на посту Верховного Главнокомандующего была полная смена руководства Ставки. По словам адмирала А. А. Бубнова, *«это радикальное изменение личного состава штаба Верховного главнокомандующего производило впечатление разгона, предполагаемого в Ставке “крамольного гнезда”»*^[1089].

Непопулярный генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич был отправлен в отставку с должности начальника штаба. На его место был назначен генерал от инфантерии М. В. Алексеев, бывший до этого главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта. Генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов был заменён в должности на генерал-квартирмейстера Ставки генерал-лейтенантом М. С. Пустовойтенко (в октябре 1916 г. сменён на генерал-лейтенанта А. С. Лукомского).

Назначение генерала М. В. Алексеева начальником штаба Ставки стало самым важным кадровым назначением Николая II. Генерал Алексеев был выдающимся стратегом, классическим штабным работником. Он закончил Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду, служил в штабе Петербургского военного округа, во время Русско-японской войны был генерал-квартирмейстером 3-

й Маньчжурской армии, потом работал в Генеральном штабе. С началом мировой войны генерал Алексеев был начальником штаба Юго-Западного фронта. За успешные военные действия был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Во время тяжелейшего отступления 1915 г. Алексеев успешно отвёл войска, не дав немцам их окружить. Перед самым назначением на должность начальника штаба командовал войсками вновь созданного Западного фронта.

Несмотря на свои стратегические способности, генерал Алексеев легко поддавался чужим влияниям, отличался уступчивостью и отсутствием воли^[1090]. К роли начальника штаба он хорошо подходил, но роли боевого вождя соответствовал мало. Генерал Головин указывал на отсутствие популярности Алексеева в солдатской массе^[1091]. Генерал Н. И. Иванов считал, что Алексеев человек *«безусловно работоспособный»*, но *«имеет свои недостатки. Главное – это скрытность. <...> Он никогда не выскажет своего мнения прямо, а всякий категорический вопрос считает высказанным ему недоверием и обижается. <...> Он не талантлив и на творчество не способен, но честный труженик»*^[1092].

Император Николай II проникся большим уважением к своему начальнику штаба. 27 августа 1915 г. Государь писал Императрице Александре Феодоровне: *«Не могу тебе передать, до чего я доволен ген.[ералом] Алексеевым. Какой он добросовестный, умный и скромный человек, и какой работ-*

ник!»^[1093]

Свое расположение к Алексееву Государь особо подчеркивал. В отношении генерала в придворном этикете были допущены некоторые отступления. Ему разрешалось по своему желанию приходить или не приходить к царскому столу. Если он приходил, то ему всегда отводилось место по правую руку Государя^[1094].

Несмотря на столь уважительное отношение к Алексееву, все главные решения Государь принимал сам. Это признавали даже такие ортодоксальные марксисты-ленинцы, как А. Я. Аврех: *«Алексеев был начальником штаба Ставки, а не фактическим Главнокомандующим. Кадровые вопросы, т. е. вопросы, связанные с назначением на высшие командные должности, Царь полностью изъясил у своего “косо-го друга”, как он называл Алексеева»*^[1095]. Очевидец событий М. К. Лемке писал, что *«Царь имеет свои определенные мнения, симпатии и антипатии и сплошь и рядом решительно напоминает, что назначениями хочет весть сам»*^[1096].

По свидетельствам лиц свиты и сотрудников Ставки Император Николай II руководил военными операциями, давая определённые указания генералу Алексееву^[1097]. Это признавал и сам Алексеев: *«Его Величество даёт указания, столь соответствующие боевым стратегическим задачам, что разрабатываешь эти директивы с полным убеждением в их целесообразности. Он прекрасно знает фронт и обладает редкой памятью. С ним мы спелись. А когда уезжает*

Царь, не с кем и посоветоваться»^[1098].

Вступив в командование, Николай II изменил управление фронтами. Широкая площадь Северо-Западного фронта заставила разделить его на два самостоятельных: Северный, которым командовал генерал от инфантерии Н. В. Рузский, а затем генерал от инфантерии А. Н. Куропаткин, и Западный, которым командовал генерал от инфантерии А. Е. Эверт.

С принятием Верховного командования Императором Николаем II *«устройство Ставки и личный состав штаба Верховного главнокомандующего совершенно изменились»*^[1099]. К шести бывшим при Великом Князе управлениям прибавлялось еще новых шесть: артиллерийское, инженерное, воздухоплавательное, интендантское, походного атамана казачьих войск и протопресвитера военного и морского духовенства^[1100]. Генерал Носков писал, что отставка штаба Николая Николаевича была *«сменой системы»*^[1101].

Ставка, в которой Верховный Главнокомандующий был одновременно и глава государства, имела свою специфику. Сотрудник Генерального штаба генерал-лейтенант П. И. Аверьянов писал, что по сравнению со Ставкой в Барановичах Ставка в Могилёве *«распухла», вследствие того, что после вступления Государя в Верховное командование армиями потребовалось учреждение целого ряда отделов, ведающих вопросами управления Империей. В Ставке создавались как бы параллельные министерства»*^[1102].

В связи с тем, что в Могилёв стало приезжать большое

число государственных чиновников и порученцев, у некоторых несведущих военных создавалось представление о *«большом количестве бездельников в Ставке»* ^[1103].

Важным последствием принятия Государем Верховного командования стала та атмосфера в Ставке, которая пришла на смену нервной и импульсивной обстановке, царившей в ней при Великом Князе. Эта атмосфера определялась в решающей степени личностью самого Государя.

Великий Князь Андрей Владимирович писал в дневнике, что штаб Ставки неузнаваемо изменился, исчезли нервозность и паника. Государь *«одним своим присутствием вносит такое спокойствие, столько уверенности, что паники быть уже не может»* ^[1104].

Но самое главное, конечно, что при Николае II изменилось управление войсками. М. К. Лемке приводил слова генерал-квартирмейстера Н. С. Пустовойтенко о том, что прежняя Ставка *«только регистрировала события; теперешняя при Царе и Алексееве, не только регистрирует, но и управляет событиями на фронте, и отчасти в стране. Царь очень внимательно относится к делу»* ^[1105].

Эти свидетельства высших военных начальников и штабных офицеров резко контрастируют с мнением некой М. Я. Белявской (Летягиной), автором книги воспоминаний о своём пребывании в Могилёве во время нахождения там Ставки. Причина популярности этой книги в советское время была очевидной, так как автор был настроен резко кри-

тически против Царя. Белявская писала, что с появлением его в Могилёве *«сразу все изменилось. Приехала оперетка, которой не было при Николае Николаевиче, театр был до отказа набит дамами и ставочными офицерами, открылся новоявленный ресторан...»*^[1106]. При этом Белявская писала о себе, что она просто *«жила в Могилёве во время войны и в первые годы революции»* и никакими достоверными сведениями о жизни и работе Ставки не обладала. Её воспоминания могут представлять частичный интерес как иллюстрация взглядов простого обывателя.

Великая Княгиня Ольга Александровна, несшая добровольную службу сестры милосердия в киевском госпитале, писала в своих воспоминаниях: *«Возбуждение, которое вызвала весть о приезде к нам Ники, было неопишное. Похоже, одно известие о его появлении породило прилив патриотизма и восторга. Тяжелораненные ни в малейшей степени не замечали боли. Его спокойные, простые манеры, ласковое выражение глаз – все им были покорены. Когда Ники вошёл, он как будто принёс ауру единения с ним – Царём и Верховным главнокомандующим, готовность к самопожертвованию, поклонение. Я была потрясена: вот она, та крепчайшая нить, что связывает простого солдата с Царем, и в то время она казалась неразрывной. Один калека попытался встать, чтобы показать, что он здоровый. Все хотели казаться здоровыми, как могли, чтобы скорее вернуться на фронт и внести свой вклад в избавление России от супоста-*

та»^[1107].

А. А. Мосолов описывал посещение Николаем II тяжело раненных в солдатском госпитале: *«Перед Государем запасной 157-го пехотного полка, рядовой Степан Кузнецов. Он тяжело ранен в голову. Лежит мертвенно-бледный с воспаленными глазами. При приближении Его Величества стремится немного подняться и как-то напряжённо, радостно смотрит на Царя. Затем, когда Государь подошёл совсем близко к Кузнецову и остановился, послышался слабый протяжный голос раненого: “Теперь легче стало. Прежде никак не скажешь. Ни отца, ни мать позвать не мог. Имя твоё Государь, забыл. А теперь легче, сподобился увидеть Государя. – Затем помолчал, перекрестился и добавил: – Главное, Ты не робей; мы его побьём. Народ весь с Тобою. Там, в России, братья и отцы наши остались”. Эти слова, простого рядового из крестьян Владимирской губернии Меленковского уезда, деревни Талонова, по роду занятий деревенского пастуха, глубоко запали в душу всех, кто слышал этот разговор. Государь передал Георгиевский крест Кузнецову. Тот перекрестился и сказал Его Величеству: “Спасибо, благодарю. Поправлюсь, опять пойдём сражаться с германцами”.*

Кузнецов был так растроган свиданием с Государем, что говорил даже не как солдат, а как простой русский человек, потрясённый свиданием с Царём. На Государя слова раненого солдата произвели сильное впечатление. Его Величество присел на кровать Кузнецова и ласково сказал ему: “Поправ-

лйся скорее; такие люди нужны мне”»^[1108].

Распорядок дня Императора Николая II был одним и тем же. Вставал Государь рано утром и после утреннего кофе принимал представлявшихся ему лиц. Затем обычно он посещал Божественную литургию. После чего Император следовал в свой штаб, где выслушивал доклады генерала Алексеева о положении дел на фронте и обсуждал планы предстоящих военных операций. Эти доклады сопровождались изучением карт, куда заносились все изменения^[1109].

После оперативного доклада Государь возвращался к себе и в своём кабинете принимал прибывавших к нему министров, сановников и глав иностранных миссий^[1110]. После общего доклада и изучения карт Николай II и Алексеев один на один обсуждали приказы по армии^[1111]. Спать Монарх ложился очень поздно, работая до 2–3 ч. ночи в своём кабинете^[1112].

Император Николай II находился в полном курсе происходивших на фронте событий независимо от того, находился он в Ставке или нет. Полковник Д. Н. Тихобразов писал: «Когда Государь уезжал из Ставки, то генерал Алексеев ежедневно посылал ему доклад на больших листах “царской бумаги”. Доклад составлялся генералом Алексеевым и настукивался на машинке. <...> Доклад посылался навстречу приезжающему Царю, чтобы он, выйдя в Могилеве, был в курсе дела»^[1113].

Главным лицом, ответственным за безопасность поездок

Императора, был Дворцовый комендант генерал В. Н. Воейков. Ему были предоставлены широчайшие полномочия, закреплённые в «Положении о Дворцовом коменданте» от 25 сентября 1906 г.^[1114]

Вопросам безопасности маршрута Государя придавалось огромное значение. Минимум за несколько дней до царской поездки составлялся маршрут следования литерного поезда «А», как официально наименовался императорский состав. Перед литерным поездом «А» или вслед за ним всегда следовал литерный поезд «Б», или, как его называли, «свитский поезд». Оба состава внешне совершенно не отличались друг от друга. Часто поезда менялись местами для дезинформации^[1115].

Военные совещания под руководством Государя отличались от таковых под руководством Великого Князя. В отличие от последнего Николай II ни на кого не давил, всем давал возможность высказаться, даже спорить, потому что, по словам Государя, *«в таких важных вопросах правда имеет исключительное значение»*^[1116].

В своих дневниках Царь сухо заносил лишь основные вехи прожитого дня, наиболее ему запомнившиеся, практически никогда, за редким исключением, не касаясь политических и государственных тем. Но за сухими записями типа «принял такого-то», «выслушал доклад от такого-то», «говорил с таким-то» скрывается огромный многочасовой труд. Дневники Царя, в деловой их составляющей, полностью по-

вторяют камер-фурьерский журнал. Из этих записей мы можем видеть, сколь загруженным был рабочий день Императора. В письме от 10 марта 1916 г. Император Николай II писал Императрице Александре Фёдоровне: *«Работа по утрам с Алексеевым занимает у меня все время до завтрака⁵, но теперь она стала захватывающе интересной»*^[1117]. Французский посол М. Палеолог, наблюдавший Царя в Действующей армии, вспоминал, что тот, показав ему на столе груды больших пакетов, сказал: *«Вот мой ежедневный доклад. Совершенно необходимо, чтобы я прочёл всё это сегодня»*^[1118].

Первыми шагами Николая II стали решительные меры по восстановлению упавшей до критической черты дисциплины русской армии. 5 сентября 1915 г. генерал Алексеев дошёл до сведения всех командующих фронтами, что *«Его Величество повелевает не останавливаться ни перед какими мерами для водворения строгой дисциплины в войсках и перед суровыми наказаниями в отношении отлучившихся от своих частей чинов и в отношении грабителей, мародёров и поджигателей»*^[1119].

25 сентября Государю поступил рапорт командира VIII армейского корпуса генерал-лейтенанта А. М. Драгомирова, в котором он сообщал о вооружённом мятеже среди нижних чинов 78-й маршевой роты. Военно-полевой суд приговорил

⁵ До революции «завтраком» называлось время обеда в современном понимании, т. е. 13:00.

двух зачинщиков к смертной казни, 6 человек к 21 году в исправительные арестантские отделения, а семь человек к 2 ½ года в те же отделения. 19 сентября приговор о расстреле был приведён в исполнение. В отношении остальных приведение приговора в исполнение отложено до окончания войны^[1120]. Император приказал *«рапорт мне генерал-лейтенанта Драгомирова объявить в приказах по всем армиям»*^[1121].

В октябре 1915 г. казаки 94-го Донского казачьего полка Разпополов, Пухов и Солп были приговорены к смертной казни через расстрел за вооружённый разбой. Они подали на имя Государя телеграмму с ходатайством о замене им смертной казни. 19 октября Николай II направил следующий ответ: *«Заменить казнь бессрочными каторжными работами всем им. Мародёрам не место в армии. Желаю, чтобы впредь подобные ходатайства доходили до меня только в тех случаях, когда командующие армиями найдут нужным смягчение участи осуждённым»*^[1122].

Не менее решительно Государь приказал прекратить искажения о потерях и успехах противника, чем грешили донесения многих генералов, опасавшихся «строгого» Велико-го Князя Николая Николаевича. От имени Николая II генерал Алексеев разослал всем командующим следующую телеграмму: *«Государь Император повелел поставить в известность всех начальников, что он желает в их донесениях читать только истинную правду без умолчания о неудачах, потерях в людях и материальной части, без преувеличения*

некоторых фактов особенно относительно силы неприятеля»^[1123].

С принятием Николаем II командования по войскам на-много чаще стали объявляться приказы о награждениях отличившихся офицеров. 28 сентября 1915 г. командир 8-й роты 326-го Белгородского полка прапорщик Немилов подпустил атакующего врага к самым окопам, где находился он со своими солдатами, и без выстрела бросился с ними на него в штыки. Противник бежал, оставив на поле боя убитыми одного офицера и восемьдесят шесть нижних чинов^[1124]. Алексеев ходатайствовал перед Государем о награждении Немилова. 29 сентября Николай II телеграфировал: *«Глубоко обрадован блестящими действиями 11-го корпуса. Прапорщика Немилова теперь же произвести в подпоручики»^[1125].*

13 октября Император, во время посещения им войск возле станции Богдановка, где успешно действовала 11-я армия генерала от инфантерии Д. Г. Щербачёва, торжественно наградил командующего орденом Св. Георгия 3 ст.^[1126]

А. И. Спиридович описывает впечатляющую сцену помилования Императором Николаем II полковника Исакова, разжалованного за воинское преступление в солдаты. По всей видимости, речь идёт о военном инженере полковнике К. Н. Исакове 1869 г. р.^[1127] Разжалованный Исаков героически проявил себя в бою, содействовав, как инженер, взятию укрепленного пункта противника. Командование представило его к солдатскому знаку ордена Св. Георгия. Во вре-

меня смотря Император Николай II вызвал Исакова из строя и объявил ему, что за проявленное геройство ему возвращается его прежнее звание и ордена и помимо того он награждается орденом Св. Георгия 4 ст.^[1128]

Большое значение приобрели посещения Государем воинских частей на передовой, а также раненых солдат и офицеров в госпиталях. М. Лемке писал, что *«всем нравится здесь частые поездки Царя к войскам; Николай Николаевич ездил только в штабы фронтов, а войска почти не видел»*^[1129]. 16 октября 1915 г., во время одной из таких поездок по фронту, Николай II вместе с Цесаревичем Алексеем оказался непосредственно на передовых позициях^[1130]. Граф Д. С. Шереметев вспоминал: *«Государь настойчиво требовал, чтобы Его допустили до передовых окопов наших пехотных подразделений. Генерал-адъютант Иванов боялся взять на себя такую ответственность, но Господь Бог, видимо, благословил желание Государя: с утра пал сильный туман, дорога, ведущая к окопам и обстреливаемая неприятельской артиллерией, сравнительно была более безопасна. Генерал-адъютант Иванов настоял, чтобы было не более трех автомобилей. В первом, Государь с Наследником Цесаревичем, во втором Воейков со мной и в третьем Иванов с министром двора графом Фредериксом. Окопы были заняты одним из наших пехотных полков. Государь приказал Цесаревичу хранить полное молчание. Рота солдат, вынырнувшая из окопа и возвращавшаяся на отдых, с удивлением узнала Цеса-*

ревича Алексея Николаевича. Надо было видеть радость и изумление солдат, когда они поняли, что перед ними Государь Император с Наследником Цесаревичем. Возвращение Государя из сферы огня окончилось, слава Богу, благополучно»^[1131]. За это посещение передовых позиций Георгиевская дума Юго-Западного фронта 21 октября 1915 г. постановила просить Государя возложить на себя орден Св. Георгия 4-й степени. В постановлении Думы отмечалось, что «присутствие Государя Императора на передовых позициях вдохновило войска на новые геройские подвиги; изъявив желание посетить воинскую часть, находившуюся на боевой линии, и приведя таковое в исполнение, Его Императорское Величество явил пример истинной доблести и самоотвержения; пребывание в местах неоднократно обстреливаемых неприятельской артиллерией Государь Император явно подвергал опасности свою драгоценную жизнь»^[1132].

Император Николай II был глубоко тронут преподнесенным орденом. В специальном обращении к войскам по случаю своего награждения он благодарил «горячо любимые войска» за «заработанный Мне их геройством и высокой доблестью Белый Крест»^[1133]. В своём дневнике всегда сдержанный Царь не скрывал своих чувств: «Незабвенный для меня день получения Георгиевского креста 4-й степ. <...> Целый день после этого ходил как в чаду»^[1134].

29 января 1916 г. Император Николай II прибыл на Северный фронт и под Двинском посетил части 5-й армии, недав-

но героически отразившие атаки противника. *«Я счастлив, что мог прибыть сюда и увидеть хотя бы представителей вашей доблестной, пятой армии», – сказал Царь^[1135]. Спиридович вспоминал, что «речь Государя была особенно задушевна. Не менее задушевное неслось и “Ура!” в ответ Государю. Это посещение фронта имело самое благотворное влияние. Почти целый месяц после него военная цензура фронта устанавливала ряд восторженных писем солдат на родину о приезде Государя»^[1136].*

Генерал Н. Н. Головин вспоминал о большом впечатлении от царской речи, произнесённой перед войсками на Юго-Западном фронте. *«Когда Государь кончил говорить, поле молчало, но затем как-то сразу вдруг грянуло “ура”. Мне казалось тогда, что такого могучего, сердечного “ура” я никогда не слышал, а теперь скажу: и не услышу»^[1137].*

Адмирал Григорович писал: *«Когда Государь объезжал войска на фронте, крепости, порта, заводы и лазареты, было приятно смотреть на то участие и радость, которую он повсюду встречал в особенности среди раненых, которых он утешал и награждал»^[1138].*

Эти свидетельства показывают всё духовное значение Царя как верховного вождя армии и опровергают утверждения Брусилова, Деникина и других о якобы существовавшей огромной пропасти между Царём и армией.

Император Николай II и стабилизация фронта в 1915 г.

Положение на театре боевых действий на момент принятия Императором Николаем II Верховного командования было крайне тяжёлым. В начале сентября Государь направил Совету министров подробную телеграмму, из которой видно, насколько опасной он воспринимал создавшуюся ситуацию. В телеграмме Государь указывал на семь важнейших положений текущего момента и определял принятие по ним неотложных мер. Государь отмечал: «**Первое.** Мы переживаем наиболее тяжёлый период великой войны, когда более половины всех своих вооружённых сил австро-германцы бросили против России, стремясь обеспечить на восточном фронте решительный успех и прежде всего, уничтожить или нанести существенное поражение нашим армиям, чего до настоящего времени достигнуть им не удалось. **Второе.** Наши войска ведут борьбу при исключительно тяжёлых условиях. Не говоря уже про бедность снабжения оружием и артиллерийским патронами, различными техническими средствами, за последние два месяца, ознаменовавшимися с непрекращающимися упорными боями, стоявшими больших потерь, наши армии совершенно не получили укомплектований, вследствие несовершенства призыва и отсутствия в этом капитальной важности вопросе строго разработан-

ной системы. Вследствие этого некомплект в действующих армиях возрос до громадной цифры, и все войска находятся в опасно-слабом численном составе. Превосходство сил принадлежит и в численном отношении нашему противнику. **Третье.** Главнейшие свои усилия противник развивает и будет развивать на направлениях к Петрограду и Москве. Помимо нравственного значения столицы, занятие Петрограда лишит нас большей части военных заводов, изготовляющих оружие, патроны, другие средства для ведения войны. Захват Москвы, этого важнейшего железнодорожного узла, до крайности затруднит дальнейшее ведение борьбы и снабжения войска всем необходимым. Поэтому, на направлениях к обоим столицам противник ведёт большую часть своих сил и, притом, наиболее прочных и надёжных. **Четвёртое.** Направление на Киев в общем ходе войны имеет хотя и важное, но второстепенное значение. Здесь действуют исключительно австрийские войска, поддерживаемые примерно двумя немецкими дивизиями. **Пятое.** Значение столицы обязует нас иметь большую часть наших вооружённых сил на путях, ведущих к Петрограду и Москве, выделив для прикрытия Киева и юга России силы лишь строго необходимые. **Шестое.** Будут, конечно, приняты все меры положить предел вторжению противника на путях к Киеву. Надеюсь, что с Божьей помощью этот важный пункт будет сохранён от захвата врагом, но участь сражений не поддаётся точному заблаговременному расчёту. Надлежит всегда преду-

смагтривать возможность неблагоприятного исхода и разрабатывать соображения и меры по уменьшению результатов такого исхода. **Седьмое.** Опыт настоящей войны указывает, что поспешная и непланомерная эвакуация ведёт к крайней перегрузке железных дорог, беспорядочному вывозу имущества и учреждений, затрудняет операции армий. Поэтому я считаю нужным, чтобы совет министров принял неотлагательно на себя разработку плана эвакуации Киева и приступил к постепенному выполнению этого плана»^[1139].

Интересно, что самые тяжёлые для России прогнозы, изложенные в этой телеграмме – захват германцами Петрограда, Москвы, Киева, – хотя и были вполне реальными, тем не менее никогда не были осуществлены противником. Во многом благодаря действиям Ставки возглавляемой Государем.

Следует сказать, что на основе этих указаний Царя Совету министров осенью 1915 г. был создан авторитетный орган, который должен был взять в свои руки работу по эвакуации предприятий и учреждений из прифронтовых районов, – Эвакуационная комиссия при особом совещании по обороне. Ее возглавил председатель Государственной думы М. В. Родзянко^[1140]. Одновременно стала формироваться законодательная база, обеспечивающая проведение мероприятий по эвакуации^[1141]. При штабах фронтов организовывались районные эвакуационные комиссии. Для восстановления вывезенных предприятий было создано 11 комиссий в тыловых областях. Началась предварительная разработ-

ка планов эвакуации отдельных районов и промышленных центров^[1142]. Из Петрограда был вывезен Охтинский завод взрывчатых веществ^[1143].

Конечно, эвакуация шла медленными темпами, и часто в отечественной историографии можно встретить её критику. Однако не следует забывать, что Россия была фактически единственной страной, которая подобную эвакуацию заводов и предприятий проводила. Именно эвакуационный опыт Первой мировой войны привёл к осознанию необходимости заблаговременной эвакуационной подготовки, что сказалось во время Великой Отечественной войны.

Результатом первых решений Императора Николая II по улучшению положения в армии и в целом на фронте явилась Вильно-Молодеченская операции (3 сентября – 2 октября 1915 г.). 30 августа X армия германского генерала Эйхгорна нанесла удар на стыке между Северным и Северо-Западным фронтами, где находились две русские армии: 5-я армия генерала от кавалерии П. А. Плеве и 10-я армия генерала от инфантерии Е. А. Радкевича. Эти армии прикрывали направление на Ригу и Двинск. Основные боевые действия развернулись в районе Молодечно и Вильно. 3 сентября немцы прорвали фронт, захватили Вильно, и в образовавшуюся брешь вошла конная ударная группа генерал-лейтенанта О. фон Гарнье. Русские ничего не могли противопоставить немцам на этом направлении. Единственной вооруженной силой на угрожаемом направлении оказался один этапный

батальон гвардейского корпуса, сотня забайкальских казаков и несколько разрозненных взводов разных ополченских частей^[1144]. Гарнье развил наступление на Свенцяны в тылу русских войск. «Свенцянский прорыв» вызвал поспешный отход 5-й армии на Двину. Разгромив тылы 5-й армии, Гарнье устремился в тыл 10-й армии и произвёл там большую панику. 2 сентября германская кавалерия захватила Сморгонь. На поддержку кавалерии командование противника направило пехоту. Вестфальский полк прервал железнодорожную линию Минск – Смоленск и дошёл до города Борисова. Генерал Носков описывал ситуацию в Царской Ставке в те тревожные дни: *«Я прекрасно помню эти события. 19 сентября утром шел обычный доклад генерала Алексеева Царю, когда пришло первое сообщение из Минска о появлении отрядов германской кавалерии на севере Борисова (на восток от Минска), то есть в тылу командования Западного фронта. Эта телеграмма, в виду ее важности, была показана генералу Алексееву в момент, когда Царь уже покинул рабочий кабинет. Он уже спустился на несколько пролетов по лестнице, когда, повернув голову, заметил, что Алексеев продолжает изучать телеграмму. Царь немедленно возвратился и возле дверей кабинета Алексеев показал ему текст телеграммы.*

– Михаил Васильевич! Покажите мне это на карте! – сказал Царь, входя вновь в свой кабинет, где он и Алексеев пробыли еще около двадцати минут.

Потом Царь вышел из кабинета заметно потрясенный, так как вопреки обыкновению, он говорил громко и на ходу. После обеда, когда генерал Алексеев принялся составлять телеграмму командующим фронтами, было ясно, что Царь и он испытывали недовольство от медлительности, проявленной нашей кавалерией в районе к северу от Молодечно. Вечером того же дня, Царь вызвал во дворец⁶ генерала Алексеева, чтобы изучить ситуацию. Алексеев был вынужден огорчить Царя еще более грозным известием: отряд германской кавалерии, силы которого были пока неизвестны, занял Борисов и перерезал железнодорожный путь возле этого города. В то же время сообщили, что германский цеппелин летал над железной дорогой Барановичи – Минск. Царь, давая соответствующие указания, проявил хладнокровие, не выказав внешне никакого беспокойства»^[1145]. Носков считал, что «ситуация становилась очень опасной, тем более, что ни на одном направлении организация отпора с нашей стороны была невозможна»^[1146].

Генерал Алексеев докладывал Императору, что противник пытается всеми силами «овладеть Двинском, чтобы затем или перенести свои действия против Риги, или повторить манёвр обхвата нашего правого фланга 1-й армии»^[1147]. Кроме того, захват Двинска открывал германцам дорогу на Петроград. Император Николай II в своей телеграмме Алексееву указывал, что придаёт «первостепенное значение Двин-

⁶ Губернаторский дом в Могилеве.

ску и его удержании за нами»^[1148]. По приказу Царя к городу были переброшены подкрепления. В результате упорных боёв за Двинск противник был остановлен и перешёл к позиционным боям.

При планировании операции Николай II требовал от военачальников проявлять решимость и стойкость, а также уделять большое внимание маневру. *«Его Величество ожидает, – писал в приказе генерал Алексеев, – от всех военачальников действий смелых, решительных и предприимчивых»*^[1149]. В те тревожные дни *«Царь, давая соответствующие указания, проявил хладнокровие, не выказав внешне никакого беспокойства»*^[1150]. Большую положительную роль сыграла директива Николая II с требованием о прекращении отступления, паники и спешки^[1151].

24 сентября генерал Алексеев передал мнение генерала А. Е. Эверта сосредоточить резервы в районе Вильно – Молодечно, *«в виду крайне неопределённого хода событий на фронте»*^[1152]. В тот же день Государь телеграфировал Алексееву, что он *«разделяет соображения генерала Эверта»*^[1153]. Переброска резервов в район Вильно – Молодечно позволила сорвать планы противника.

Чёткое руководство войсками со стороны Ставки Николая II, её решительные указания привели к слаженной деятельности и сыграли важнейшую роль в успешном окончании Вильно – Молодеченской операции. Как писал генерал Спиридович: *«Новое командование (Государь и Алексеев) с*

честью вышло из этого критического положения» ^[1154].

С 10 по 18 сентября X германская армия была отражена по всему фронту и начала быстрый отход, местами беспорядочный. 26-й Могилёвский пехотный полк под командованием полковника Д. К. Лебедева, перейдя вброд реку Нарочь, в составе всего 8 офицеров и 359 штыков, пробрался к немцам в тыл и внезапной атакой захватил шестнадцать орудий. Общие итоги операции для русских составили захват 2 тыс. пленных, 39 орудий и 45 пулемётов ^[1155].

Генерал-майор Дубенский уже в 1915 г. писал, что *«этот крупный боевой эпизод великой войны, является первым ответственным делом, совершенным, от начала до конца под личным водительством верховного главнокомандующего Государя Императора. Важность этой операции приобретает тем большее значение, что она положила предел дальнейшему продвижению германской армии в наши владения»* ^[1156].

Оценивая роль Императора Николая II в Вильно-Молодеченской операции, Спиридович писал, что необходимо указать на ту большую роль, которую сыграл в успехе *«лично Государь Император, помогая генералу Алексееву своим спокойствием, а когда нужно было твёрдым и властным словом. Ещё недавно столь растерянный (в роли главкома С.-Западным фронтом), генерал Алексеев, как бы переродился, нашёл себя, овладел умом и талантом. Таково было влияние на него спокойного и вдумчивого Государя»* ^[1157].

Выдающуюся роль Императора Николая II в Вильно-Молодеченской операции отмечал и генерал Алексеев. Примечательно, что он считал необходимым наградить Государя орденом Св. Георгия именно за Вильно-Молодеченскую операцию, а не за посещение передовой. В своей телеграмме начальник штаба Ставки писал, что Георгиевская дума Юго-Западного фронта *«выразила общее пожелание всей армии видеть своего Августейшего вождя украшенным орденом храбрых, ибо уничтожение немецкого прорыва в Молодечно – Полоцке составило славную страницу предводительствования Вашего Величества войсками»*^[1158].

Безусловно, главная роль Императора Николая II как Верховного главнокомандующего – роль координирующего центра. Это хорошо видно из телеграмм генерала Алексеева, отправляемых по приказу Царя командующим фронтами в конце 1915 г. Главная цель Николая II в этих телеграммах – это укрепить дух армий, прекратить отступление и остановить продвижение противника в глубь территории России.

Так, Алексеев телеграфирует генералу Н. И. Иванову по поводу оборонительных мер в Финляндии: *«Для всестороннего ознакомления с обороной Финляндии, Государь Император соизволил приказать Вашему Превосходительству: 1) Подробно ознакомиться в Штабе 6-й армии с принятым планом обороны Финляндии. <...> 2) Произвести фактический осмотр важнейших участков укреплений укрепленных позиций. Результаты работ должны быть представлены*

Его Императорскому Величеству в форме особого доклада»^[1159].

7 ноября 1915 г. генерал Алексеев телеграфирует генералу Н. И. Иванову по поводу действий 8-й армии: *«Государь Император повелел поставить вам в известность, что <...> те жертвы, которые ранее были принесены частями армий, те усилия и доблесть, которые проявлены при сем войсками, оказались напрасными, все приобретения утрачены в одну ночь вследствие некоторой поспешности и отсутствием подготовки»^[1160].*

Во время угрозы немецкого захвата Риги *«Государь Император повелел: Первое: Рижскую укрепленную позицию 12-я армия обязуется сохранить в наших руках. Второе: Шестой Сибирский корпус включить в состав армий Северного фронта. Третье: Правому флангу первой армии упрочить свое положение на занятых позициях и удерживать их на месте»^[1161].*

Конечно, многие военные директивы являлись документами, выработанными генералами Ставки, которые Император Николай II, как правило, всегда утверждал. Но это вовсе не означает того, что Царь не вникал в эти директивы и не участвовал в их обсуждении. Также не имеет под собой оснований утверждение о том, что армией фактически командовал генерал Алексеев, а не Государь. Некорректность этих утверждений доказывают многочисленные телеграммы самого генерала Алексева. В одной из них на просьбу ге-

нерала Н. В. Рузского о присылке ему боеприпасов и винтовок, Алексеев ясно пишет: «*Без Высочайшего соизволения решить этот вопрос не могу*»^[1162]. Очевидно, что если бы генерал Алексеев был единственным главнокомандующим, то он не стал бы спрашивать от находящегося «для проформы» Царя его Высочайшего разрешения по такому, в общем, второстепенному вопросу.

Виленское сражение завершило кампанию 1915 г. Противники перешли к окопной войне. Несмотря на нанесённый удар, германскому командованию не удалось вывести Россию из войны и разгромить её войска. На Юго-Западном фронте в результате успешных действий 42-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта А. Я. Ельшина под Клевнюю и 4-й стрелковой («Железной») дивизии генерал-лейтенанта А. И. Деникина под Чарторыйском противник был разбит и отброшен на всех направлениях. Гигантский фронт застыл на всём его протяжении.

28 декабря 1915 г. Кавказская армия генерала Н. Н. Юденича начала Эрзерумскую операцию против турок. В январе – феврале 1916 г. русские штурмом овладели мощной турецкой крепостью Эрзерум. Потери турок составили: 60 тыс. убитыми и ранеными, 13 тыс. пленными, 9 знамён, 323 орудия, большие склады оружия и боеприпасов, артиллерийские парки^[1163]. Взятие Эрзерума настолько деморализовало турецкую армию, что больше никаких крупных наступлений против русских она предпринять не смогла. Русские овладе-

ли городами Трапезундом и Эринджаном.

В 1915 г. турецкие власти организовали массовые убийства армянского населения Османской империи, видевшего в России свою освободительницу. По указу Императора Николая II русско-турецкая граница была приоткрыта, и армянские беженцы оказались под защитой русской армии. В результате было спасено 375 тыс. армян^[1164].

15 февраля 1916 г. Государь направил Наместнику на Кавказе Великому Князю Николаю Николаевичу телеграмму, в которой сообщил, что он *«с удовольствием награждает генерала Юденича орденом Св. Георгия 3-й степени»*^[1165].

Обращаясь к войскам 25 декабря 1915 г., Император Николай II писал: *«Глубокая вера в Господа и единодушное желание всех истинно русских людей сломить и изгнать врага из пределов России, дают Мне твёрдую уверенность спокойно взирать на будущее»*^[1166]. Это же настроение чувствуется и в дневнике Царя от 31 декабря 1915 г.: *«В 11. 45 поехал к молебну на Новый год. Молился горячо, чтобы Господь благословил Россию окончательной победой и укрепил в нас веру и терпение»*^[1167].

Император Николай II и военные операции русской армии в 1916 г.

В марте 1916 г. русские войска предприняли наступление в районе озера Нарочь. Оно во многом было определено

просьбами Франции об оказании помощи осаждённому Вердену. Для России успех германской армии во Франции представлял большую опасность. Генерал Эверт писал начальнику штаба генералу Алексееву, что *«мы даже в чисто узких, эгоистических интересах оставаться пассивными ни о ком случае не можем, дабы не дать германцам возможности разбить наших союзников и нас по частям»*^[1168].

Исходя из этих соображений, Ставка, предугадав наступление германцев на французском фронте, планировала наступление на Северном фронте *«до наступления весны, когда озера, реки и болота скованы льдом»*^[1169].

Однако германская армия опередила русское наступление, причём положение французов стало критическим, особенно с потерей 25 февраля форта Дуомон. Франции спешно требовалась помощь союзников, которые своим наступлением на других участках фронта против немцев должны были оттянуть на себя часть германских сил^[1170].

24 февраля в Ставке под председательством Императора Николая II состоялось большое совещание по выработке предстоящего наступления. Совещание длилось с 18 ч. до 00 ч. 40 м. 25 февраля. Государь вёл совещание с большим вниманием в дело^[1171]. Совещание выработало план совместного наступления Северного и Западного фронтов. Наступление началось 14 марта. Ему предшествовала довольно сильная артподготовка. Главный удар, осуществлённый на Западном фронте 2-й армией генерала от инфантерии

А. Ф. Рагоза, потерпел неудачу: ценой больших потерь русским удалось продвинуться в глубь неприятельской территории всего на несколько километров.

Между тем группа генерала от инфантерии П. С. Балуба достигла значительных успехов. Части V корпуса выбили немцев из занимаемых позиций, захватили 1300 пленных, значительное количество пулеметов, минометов и другого военного имущества. Таким образом, первая линия обороны немцев была взята. 7-я и 10-я пехотные дивизии принялись за штурм второй линии, но, не имея резервов, которые отстали и не успели своевременно подойти, чтобы поддержать наступление, V корпус был вынужден остановиться. Немцы предприняли отчаянные попытки выбить русских из занимаемых позиций, но все их атаки были отбиты. Николай II был недоволен действиями своих генералов. 14 марта 1916 г. он писал Императрице Александре Феодоровне, что *«всего хуже то, что у нас мало хороших генералов. Мне кажется, что они забыли за долгий зимний отдых весь опыт, приобретенный ими в прошлом году!»*^[1172]

17 апреля Царь телеграфировал в ставку генералу Алексееву: *«Передайте генерал-адъютанту Эверту, что для восстановления утраченного положения я требую от командующего 2-й армией обдуманной и тщательной подготовки, дабы не было вторичной неудачи. Войска доблестно исполняют свой тяжкий долг, только бы старшие начальники вели и направляли их как подобает»*^[1173].

Это критическое отношение к действиям генералитета было характерно для Государя в годы Первой мировой войны. Принимая решение о назначении генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина главнокомандующим армиями Северного фронта, Николай II писал Императрице, что принял решение о его назначении лишь *«после долгого и всестороннего обсуждения с Алексеевым»*. Это решение Николай II сопровождает восклицанием *«что делать, если так мало хороших людей!»*^[1174]

17 марта боевые действия под Нарочью закончились. Директивой Верховного Главнокомандующего Императора Николая II были даны следующие указания: *«1-й и 2-й армиям прекратить наступление, прочно утвердиться в занимаемом положении, сохранять видимую готовность к продолжению боя, держать противника под угрозой атаки»*^[1175].

Несмотря на то, что наступление под Нарочью не принесло успеха, сам факт его проведения русской армией, которую после поражений 1915 г. считали уничтоженной, стал для противника неприятным сюрпризом. Кроме того, Нарочская операция частично отвлекла силы немцев от Вердена. Но одновременно она продемонстрировала, что в русском командовании по-прежнему сильна боязнь проявления инициативы и страх перед германской армией. В этих условиях Николай II искал генералов решительных и способных. Именно Государю обязан своим назначением на должность главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерал А. А. Бру-

силов. 10 марта 1916 г. в письме к Императрице Александре Феодоровне Государь выразил стремление назначить на должность командующего вместо генерала Иванова генерала Брусилова^[1176]. 14 марта 1916 г. Император Николай II пишет о назначении Брусилова как о свершившемся факте^[1177].

Царь лично вызвал к себе Брусилова для обсуждения его новой деятельности^[1178]. Русское командование готовило крупное общее наступление, но распутица помешала его первоначальным планам. Положение на фронтах к весне 1916 г. было следующим: Северный фронт (главнокомандующий генерал от инфантерии Куропаткин) прикрывал направление на Петроград, Западный фронт (главнокомандующий генерал от инфантерии Эверт) прикрывал направление на Москву, Юго-Западный фронт (главнокомандующий генерал от кавалерии Брусилов) прикрывал направление на Киев^[1179].

План генерала Алексеева предусматривал широкий охватывающий удар по противнику силами всех фронтов, за исключением Юго-Западного фронта. Брусилов полагал, что именно его фронт в состоянии наступать наиболее успешно. Эту свою уверенность Брусилов высказал сразу же после назначения его на должность командующего в Каменец-Подольске, однако не нашёл поддержки со стороны других командующих. Тогда Брусилов там же обратился к Императору Николаю II, которому доложил, что *«имеет весьма серьёзный доклад»*. Брусилов предложил к 1 мая начать наступление

силами его фронта. Брусилов настоятельно просил *«предоставления мне инициативы действий, конечно, согласованно с остальными фронтами»*^[1180].

Николай II предложил повторить заявление Брусилова на предстоящем военном совете. 1 апреля 1916 г. состоялось военное совещание, решившее судьбу Луцкого (т. н. Брусиловского) наступления. Совещание проходило под председательством Государя. Присутствовали начальник штаба – генерал М. В. Алексеев, начальник Оперативного отдела ставки – полковник Н. Е. Щепетов, командующие фронтами: Северного – генерал от инфантерии А. Н. Куропаткин, Западного – генерал от инфантерии А. Е. Эверт, Юго-Западного – генерал А. А. Брусилов. Николай II предоставил слово командующим.

Брусилов в своих мемуарах писал, что главная заслуга в том, что его план был принят, принадлежит генералу Алексеву. Роль Императора Николая II у Брусилова сводится к простому утверждению планов начальника штаба^[1181]. Для того чтобы выяснить, так ли это, необходимо пояснить общий план генерала Алексева и то, что предлагал Брусилов. План, предложенный на военном совете Алексеевым, предполагал решительный удар по противнику силами Северного и Западного фронтов. Для этой операции предполагалось использовать почти $\frac{3}{4}$ всех российских сил^[1182]. Четыре армии Юго-Западного фронта, особенно сильно пострадавшие в кампанию 1915 г., не должны были принимать участия в

наступлении^[1183].

Все главнокомандующие (генералы Эверт, Куропаткин и Брусилов) протестовали против плана генерала Алексеева, но по разным причинам^[1184]. Если Эверт и Куропаткин высказали уверенность в невозможности наступления на своём фронте^[1185], то Брусилов, наоборот, категорически заявил, что он сможет одними силами своего фронта перейти в наступление и быть *«уверенным в полном успехе операции»*^[1186].

Окончательное утверждение плана Брусилова принадлежало Императору Николаю II, который утвердил как общий план генерала Алексеева, так и частный план генерала Брусилова. При этом действия Юго-Западного фронта должны были быть демонстративными – для отвлечения внимания и сил противника на юг, и начаться они должны были на две недели раньше нанесения главного удара.

Результатом совещания была царская директива, которая обозначала общей целью всех фронтов *«переход в наступление и атаку германо-австрийских войск»*^[1187]. Главный удар должны были наносить армии Западного фронта, армии Северного и Юго-Западного оказывать содействие, нанося удары *«с надлежащей энергией и настойчивостью»*. Юго-Западный фронт должен был проводить главную атаку силами 8-й армии генерала от инфантерии А. М. Каледина в общем направлении на Луцк^[1188].

Следует сказать о роли в Брусиловском прорыве Особой гвардейской армии генерала от кавалерии В. М. Безобразо-

ва, сформированной по личной инициативе Императора Николая II.

Генерал Безобразов тяжело переживал безрассудное использование Великим Князем Николаем Николаевичем Императорской гвардии, которая несла особо тяжёлые потери. *«Безобразов считал, что Гвардию на войне нужно беречь для крупных задач и не трепать по мелочам»*^[1189]. Именно Безобразову гвардия *«была обязана выводом в стратегический резерв в 1916 г.»*^[1190] Безобразов обратился с этой просьбой к Императору Николаю II, напомнив, что гвардия *«это не только ударное войско, но и оплот престола»*^[1191]. Николай II решил подчинить генералу Безобразову все гвардейские части, создав, таким образом, элитное подразделение. Это подразделение Царь мог не только успешно использовать на фронте, но и в тылу в случае непредвиденных обстоятельств^[1192].

Встречи Государя и генерала Безобразова носили регулярный характер. К лету 1916 г. гвардия полностью восстановила свою боеспособность. В июне 1916 г. Гвардейская армия Безобразова приняла участие в Луцком прорыве.

На рассвете 22 мая 1916 г. мощная канонада возвестила о начале русского наступления на Юго-Западном фронте. Вслед за артподготовкой, первыми в прорыв пошли части 9-й армии генерала от инфантерии П. А. Лечицкого и 11-й армии генерала от инфантерии В. В. Сахарова. 23 мая их поддержала 8-я армия генерала от инфантерии А. М. Кале-

дина и 7-я армия генерала от инфантерии Д. Г. Щербачёва. Начавшееся наступление было полной неожиданностью для противника. Мощная его оборона была прорвана.

На ковельском и владимир-волыньском направлениях противник потерпел сокрушительное поражение и отступал по всему фронту. Австро-венгерские армии наследника престола эрцгерцога Карла и генерал-полковника Карла фон Пфланцера-Балтина были полностью уничтожены. Русские овладели Буковиной, частью Южной Галиции, достигли горных хребтов Карпат^[1193].

Но этот успех стал неожиданностью для генерала Брусилова, и у него не было достаточно сил, чтобы его развить. Не имея достаточных резервов, увлёкшись успехом, Брусилов поставил своей задачей непременно взятие Ковеля. Между тем противник разгадал его стратегический замысел и перебросил туда большое количество войск. Три русские армии безуспешно штурмовали Ковель, неся большие потери. Генерал Алексеев вдобавок бросил туда Гвардейскую армию Безобразова. Примечательно, что Алексеев гвардию не любил. Ещё до войны он высказывался в том духе, что её время как элитного аристократического подразделения прошло^[1194]. Полковник Ф. В. Винберг в свойственной ему эмоциональной манере обвинял *«генерал-предателя Алексева»* в преднамеренном избиении гвардии^[1195]. В ходе гвардейской атаки на Ковель потери армии генерала Безобразова составили 50 % нижних чинов и 80 % офицеров^[1196]. Несмот-

ря на такие потери, все последующие атаки на Ковель, которые проводились по приказу Алексеева и Брусилова, закончились неудачей. 14 августа 1916 г. Безобразов был снят с командования Государем, который заменил его генералом от инфантерии В. И. Гурко. В его преданности Николай II не был уверен, но считал более способным, чем Безобразов.

Попытки овладеть Ковелем продолжались Брусиловым до ноября месяца, но успеха не принесли. Генерал, не считаясь ни с потерями, ни со складывающейся обстановкой, продолжал штурм Ковеля^[1197]. Николай II писал, что *«все наличные войска посылаются Брусилову, чтобы дать ему как можно больше подкреплений»*^[1198].

21 сентября 1916 г. Николай II приказал прекратить безуспешные атаки Ковеля, которые приводили к значительным потерям. Царь *«велел Алексееву приказать Брусилову остановить наши безнадежные атаки, чтоб потом снять Гвардию и часть других войск с передовых позиций, дать им время отдохнуть и получить пополнения»*^[1199].

Тактические результаты наступления были огромны: противник потерял свыше 1,5 млн человек убитыми и ранеными, 272 тыс. пленными, 312 артиллерийских орудий, 1795 пулеметов, 448 минометов, от противника была очищена территория в 2000 кв. км^[1200]. Таких результатов не достигала ни одна наступательная операция союзников за весь ход войны.

Русская армия продемонстрировала всему миру, что по-

сле неудач 1915 г. она смогла восстановить свою боеспособность. Свидетельством высокой оценки этого наступления явилась поздравительная телеграмма Николая II на имя генерала А. А. Брусилова. 23 августа 1916 г. Государь выражал сердечную благодарность командующему фронтом и всем его чинам от *«старших начальников до последнего рядового»*^[1201]. В знак особых заслуг генерала Брусилова Высочайшим приказом ему было пожаловано Георгиевское оружие, украшенное бриллиантами^[1202].

Несмотря на это, Государь был по-прежнему недоволен действиями своих генералов. 22 июня 1916 г. в письме к супруге Николай II писал, что *«многие из наших командующих генералов – глупцы, которые даже после двух лет войны не могут научиться первой и наипростейшей азбуке военного искусства»*^[1203].

Успешное наступление русской армии в Галиции и перелом в войне не могли не обеспокоить думскую оппозицию, которая опасалась, что победа эта будет приписана Царю, а это укрепит монархию. С целью недопущения этого оппозиция начала кампанию по чрезмерному восхвалению генерала Брусилова. Именно тогда появляется надуманное название Брусиловский прорыв^[1204].

Это восхваление чувствуется и в поздравительной телеграмме А. А. Брусилову Великого Князя Николая Николаевича, в которой тот «громовым ура» приветствовал *«великую победу сверх доблестных героев Юго-Западного фронта»* и

их «вождя»^[1205].

Луцкий прорыв стал своеобразным итогом годового пребывания Императора Николая II на посту Верховного Главнокомандующего. Следует отметить, что Государь смог выполнить поставленную им задачу: не допустить поражения России и переломить военную ситуацию в её пользу.

С. С. Ольденбург считал, что *«самым трудным и самым забытым подвигом Императора Николая II было то, что он, при невероятно тяжёлых условиях, довёл Россию до порога победы: его противники не дали ей переступить через этот порог»*^[1206].

Несмотря на имеющиеся глубокие проблемы в снабжении, положение к концу 1916 г. в военном и промышленном плане внушало уверенность в успешном исходе кампании. На весну – лето 1917 г. готовили своё наступление и союзники. В таких условиях сильно ослабленная германская армия, несмотря на все свои боевые достоинства, не смогла бы долго противостоять давлению с запада и востока. Катастрофа Германии была вполне возможной в конце 1917 – начале 1918 г.^[1207] Об этом свидетельствуют и немецкие генералы. Так, генерал Э. Людендорф писал, что *«разгром четверного союза в 1917 г. казался неизбежным»*^[1208].

В этих условиях представители правящих и военных кругов рейха стали пытаться договориться с Николаем II о сепаратном мире. Между тем Государь полностью отвергал такую возможность с первых дней войны. 6/19 сентября 1914 г.

на докладной записке Сазонова Николай II написал, что *«несмотря на никакие препятствия или потери, Россия будет бороться с её противниками до конца»*^[1209].

Тем не менее 22 февраля/6 марта 1915 г. Палеолог секретно телеграфировал Делькассе: *«Я получил сегодня сведения из самого достоверного источника, что император Вильгельм всё ещё силится убедить Императора Николая II заключить сепаратный мир. Он передал через своих привычных посредников (в частности, через Витте), что уступит России Константинополь и весь регион, который окружает Проливы. Он в равной степени обещал согласие императора Франца Иосифа на уступку России Галиции. Мир на таких условиях должен создать альянс, который будет охранять монархический принцип в трёх империях»*^[1210].

Весной 1915 г. немцы, через интернированную в Австрии фрейлину Императрицы Александры Феодоровны М. А. Васильчикову, попытались обратиться к Николаю II. 10 марта/25 февраля 1915 г. Васильчикова из австрийского города Кляйн-Вартенштайн написала Государю письмо, в котором сообщала, что она имела встречу с германскими представителями, «двумя немцами и одним австрийцем». Посетители просили Васильчикову передать Николаю II, что *«пока все воюющие стоят почти в одинаковом положении, не будете ли Вы Государь, властитель величайшего царства в мире, не только царём победоносной рати, но и царём мира? Одно Ваше могучее слово – и потоки крови остановят своё ужас-*

ное течение. Ни здесь в Австрии, ни в Германии нет никакой ненависти к России, против русских». Васильчикова утверждала, что посланцы были готовы на всё ради мира с Россией. «Я спросила: а Дарданелы? Тут тоже сказали: стоит русскому Царю пожелать и проход будет свободным» [1211].

В своём письме Васильчикова не сообщала ни имён, ни должностей своих визитёров, указав только, что они «не дипломаты и люди с положением, которые лично знакомы и в сношениях с царственными правителями Австрии и Германии».

Ни письмо Васильчиковой, ни высказанные в нём пожелания немецких представителей нельзя отнести к серьёзным политическим шагам германо-австрийского руководства. Оставалось даже неизвестно, с кем фрейлина имела контакт. Сами визитёры ничего, кроме незначущих деклараций и обещаний, Васильчиковой не сообщили.

Здесь встаёт вопрос: хотели ли в действительности руководители Австро-Венгрии и Германии мира с Россией в 1915 г.? Конечно, неудачи на всех фронтах первого этапа войны не могли не подействовать отрезвляюще на спесивые головы германских политиков и генералов. Но, конечно, ни о каких серьёзных мирных намерениях с их стороны речи идти не могло уже потому, что мир, выгодный для Австро-Венгрии и Германии, был в тех условиях невозможен. Предложение Вильгельма II передать России Константинополь и Проливы, если только оно действительно было, иначе как про-

вокацией назвать нельзя. Не германский кайзер контролировал эти территории, а Османская империя. Что бы объяснял Вильгельм турецкому султану, когда бы пришло время отдавать его столицу России? Точно так же он не мог гарантировать согласие Франца Иосифа на передачу России Галиции. Наконец, зачем России было идти на сомнительные сделки с кайзером и австрийским императором после всей их предательской, двурушнической политики предвоенного периода, когда владыки германских империй убедительно доказали, что любой договор они считают пустой бумажкой? Во имя чего Россия должна была идти на разрыв с Англией и Францией, союз с которыми, при всех его издержках, давал ей возможность оказаться в числе победителей и получить законно те самые территории, которые России так «щедро» обещал кайзер?

Той же весной 1915 г. датский король Христиан X послал государственного советника, крупного судовладельца Х.-Н. Андерсена с секретной миссией в Петроград с целью зондирования почвы для заключения мира. Андерсену на встрече с Николаем II и С. Д. Сазоновым было заявлено, что крупные военные успехи России не допускают и мысли о мире^[1212]. Из Петрограда Андерсен поехал в Берлин и сообщил кайзеру, что в Петрограде все – *«от Царя до министра иностранных дел – идею сепаратного мира с Германией напрочь отвергают»*^[1213].

Однако после успехов германо-австрийской армии летом

1915 г. некоторые представители военно-политических кругов германских империй рассчитывали найти точки соприкосновения с Россией. Наиболее умные деятели из лагеря противника понимали, что их успехи временные и пытались договориться с Россией, пока они находятся в наилучшей для себя позиции. Летом 1915 г. в Петроград вновь приезжал Андерсен с новыми предложениями о мире. На этот раз, несмотря на тяжёлое поражение русской армии, с ним отказались говорить ещё более решительно, чем весной. В условиях потери Галиции, Царства Польского и Литвы Россия могла рассчитывать лишь на унижительный неравный мир, о чём, разумеется, Николай II и не помышлял. Государь заверил Андерсена, что союз России с Англией и Францией как никогда крепок и что весной 1916 г. союзники перейдут во всеобщее наступление^[1214].

В середине 1915 г. австрийский фельдмаршал Конрад фон Гётцендорф считал необходимым не только предложить России сепаратный мир, но и военный союз^[1215].

Неудачи 1916 г. тяжело сказывались на экономике Германии и Австро-Венгрии. В Германии неуклонно снижалось производство вооружения, армия была истощена. Население в силу больших неурожаев голодало. Моральный дух в войсках неуклонно снижался. Перспектива была мрачной: ни один противник, несмотря на все усилия, не был выведен из войны, всё реальней становилась перспектива вступления в войну США, с их большим экономическим потенциалом.

Германское военное руководство понимало, что во избежание катастрофы необходима передышка или выход одного из противников из войны. Подходящий момент для этого, по их мнению, наступил после разгрома германскими войсками Румынии и кончины 8/21 ноября 1916 г. австрийского императора Франца Иосифа. Вступивший на престол Австро-Венгрии новый император Карл I начал искать пути мирного выхода из европейской войны. Такие же поиски активизировала и Германия. Наиболее подходящей стороной для таких переговоров немцы считали Россию. Начальник германского генерального штаба генерал Фалькенгайн утверждал, что *«русские могут отступить в огромную глубину своей страны, и мы не можем преследовать их бесконечно»*^[1216].

Отсюда германский военный стратег делал вывод о том, что *«пока Россия, Франция и Англия выступают вместе, мы не можем победить наших противников так, чтобы обеспечить себе достойный мир. Прежде всего, мы должны стремиться к тому, чтобы вынудить к миру Россию»*^[1217].

Возможность окончания войны путём сепаратного мира обсуждалась не только в германских государствах, но и в России. Весной 1916 г. такую попытку предпринял член Государственного Совета, бывший посол России в Японии и США барон Р. Р. Розен, который ещё весной 1915 г. полагал, что *«в этой мировой борьбе народов ни одной из борющихся сторон не удастся сокрушить другую»*^[1218].

В марте 1916 г. Розен подал министру Двора графу В. Б. Фредериксу записку для передачи Императору Николаю II. В ней автор предлагал послать его частным образом в США «для пропагандирования вопроса о воздействии» Америки «на капитуляцию Германии»^[1219]. Под «капитуляцией» имелся в виду фактически почётный мир. Прочитав записку, Николай II передал Розену, что сочувственно отнёсся к его идее, но окончательное решение примет после доклада ему С. Д. Сазонова. Фактически это был своеобразный отрицательный ответ на предложение Розена, «поскольку Сазонов являлся заведомым противником мира»^[1220].

Назначение Николаем II в начале 1916 г. председателем Совета министров обрусевшего немца Б. В. Штюрмера оживило в германских кругах надежды на сепаратный мир с Россией. Узнав о назначении, генерал Общества иезуитов граф Влодзимеж Ледуховский передавал германскому руководству через «швейцарских друзей»: «Я верю теперь, что возникла возможность для заключения мира. Император Николай самым живейшим образом желает мира, конечно, не из-за его любви к Центральным державам, а из-за того, что он понимает: если война продлится, возникнет угроза его трону и даже жизни. Штюрмер, который, несмотря на свою немецкую фамилию, по крови является чисто русским, разделяет мнение своего Государя и убеждён, что, если война продлится, падение Романовых неизбежно. Теперь очень важно, чтобы Берлин и Вена как можно быстрее восполь-

зовались этим шансом»^[1221].

Как только эти слова Ледуховского были переданы Бетману-Гольвегу, рейхсканцлер поспешил выступить с заявлением о том, что Германия никогда больше не отдаст *«реакционному русскому правительству народы, которые она освободила от Балтики до Волынских болот: поляков, балтов, латышей и литовцев»*^[1222].

23 октября/5 ноября 1916 г. последовала австро-германская декларация о провозглашении независимости Польши. Эта декларация, по существу означавшая отторжение территории Российской Империи, делала любые переговоры о заключении мира с германскими империями, даже если бы такое желание и присутствовало у Николая II, невозможными. По словам Бюлова, Царь сказал «одному стороннику мира»: *«После этого пинка никакой мир – невозможен»*^[1223]. Однако, по всей вероятности, Николай II никогда и не помышлял ни о каком сепаратном мире с противником, в том числе и потому, что знал волчьи повадки кайзеровского руководства. Царь был убеждён, что мир может быть заключён только после полного разгрома Германии и её сателлитов^[1224].

После войны Э. Людендорф, оправдывая политику Германии оказания помощи русским революционерам, в разговоре с князем Н. Д. Жеваховым говорил: *«Германия желала мира, только мира, того мира, который Россия не хотела давать, считая себя связанной обязательствами с союзниками. Германия была на грани катастрофы и не могла про-*

должать войну. Мы три раза обращались к вашему Царю с мирными предложениями, мы соглашались на самые тяжёлые условия, ибо осознавали, что речь уже шла не о выгодах, или победах, а о жизни и смерти германской нации, но ваш царь и слышать не хотел о мире... Тогда мы очутились в положении, когда нельзя было ни рассуждать, ни разбираться в средствах»^[1225].

Однако эти заявления немецкого генерала полны лукавства. Ни о каких «тяжёлых условиях» в немецких предложениях речи не шло. Действительно, предвидя неминуемое поражение в войне, Германия предлагала России заключить с ней мир и объединиться против Антанты^[1226]. За это кайзер предлагал Царю Константинополь и Проливы. Но к тому времени эти территории были уже гарантированы России Англией и Францией.

Уже в Высочайшем Манифесте по случаю нападения Турции на Россию 2 ноября 1914 г. говорилось, что «безрассудное вмешательство Турции в военные действия только ускорит роковой для неё ход событий и откроет для России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Чёрного моря»^[1227].

19 февраля 1915 г. И. Л. Горемыкин довёл до сведения министров, что Великим Князем Николаем Николаевичем получена «директива Государя Императора о необходимости воспользоваться настоящей войной для завладения Босфором и Дарданеллами»^[1228].

Успешные действия русской армии в Галиции и в Карпатах зимой – весной 1915 г. побудили Николая II вновь активизировать перед союзниками вопрос о Проливах. 22 февраля/6 марта 1915 г. С. Д. Сазонов телеграфировал в Париж А. П. Извольскому текст русской ноты союзным правительствам: *«Ход последних событий привёл Его Величество Императора Николая к мысли, что вопрос о Константинополе и Проливах должен быть решён окончательно согласно вековым чаяниям России. Все решения будут несостоятельны и непрочны, если город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, так же как южная Фракия вплоть до линии Энос-Мидия, не будут включены в состав Российской империи. Особые интересы Франции и Великобритании в этом регионе будут самым тщательным образом уважены»*^[1229].

В начале марта 1915 г. между Россией и союзниками было разработано будущее управление оккупированного Константинополя. Каждая страна должна была направить туда своего Главноуполномоченного. Министерство иностранных дел России направляет в Главный штаб ВМФ секретный документ, который назывался *«Об установлении штата временного управления Императорского русского Главноуполномоченного в Царьграде»*. В документе подчеркивалось: *«Необходимо иметь в виду, что установление прочного порядка в Царьграде важно главным образом для России, которой придётся в дальнейшем будущем управлять кра-*

ем»^[1230].

14/27 марта английский посол в Петрограде Бьюкенен вручил Сазонову меморандум, составленный им на основании инструкций из Лондона. В меморандуме подтверждалось согласие английского правительства на присоединение к России Проливов, Константинополя и указанных территорий при условии, что война будет доведена до победного конца и что Великобритания и Франция осуществят свои пожелания за счёт Османской империи и *«некоторых областей, лежащих вне её»*^[1231].

Весной 1916 г. председатель Совета министров Б. В. Штюрмер составил отчёт о своей встрече с Императором Николаем II. Штюрмер писал: *«Мне казалось возможным ныне же объявить России и Европе о состоявшемся договоре с нашими союзниками, Францией и Англией, об уступке России Константинополя, проливов и береговых полос. Впечатление, которое произведёт в России осуществление исторических заветов, будет огромное. Известие это может быть изложено в виде правительственного сообщения. Его Величество осведомился относительно способов возможного выполнения оглашения уступки нам Константинополя и проливов. Я имел случай обменяться мнением с послами великобританским и французским, которые не встречают к сему препятствий»*^[1232].

Между тем англичане, вынужденные на словах согласиться с русскими требованиями по Босфору и Дарданеллам,

стремились сделать всё, чтобы максимально уменьшить либо вообще свести к нулю русское господство в этом регионе. Английский посол в Париже Ф. Берти отмечал в своём дневнике 13/26 февраля 1915 г. *«Здесь всё больше возрастает подозрительность касательно намерений России в отношении Константинополя. Считают целесообразным, чтобы Англия и Франция (в этом вопросе Англия ставится вне Франции) заняли Константинополь раньше России, дабы москвит не имел возможности совершенно самостоятельно решить вопрос о будущем этого города и проливов – Дарданелл и Босфора»*^[1233].

Англо-французское командование приступило, не поставив в известность Россию, к разработке Дарданелльской операции. Русскому послу в Париже А. П. Извольскому стало известно об этих намерениях союзников, и он уведомил об этом Петроград^[1234]. Операция готовилась крайне поспешно. Позже английский адмирал Валис признал, что *«во всей мировой истории нет ни одной операции, которая была бы предпринята на столь скорую руку и которая была бы столь плохо организована»*^[1235].

18 марта 1915 г. союзники начали штурмовать двадцать четыре турецких форта, находившихся под командованием немецких офицеров. Все попытки англичан и французов совершить высадку закончились провалом, стоившим союзникам 20 тыс. человек убитыми^[1236].

Дарданелльская операция союзников показала, что Рос-

сии нужно спешить с собственной операцией по захвату Проливов. Николай II отдал приказ о подготовке Босфорской десантной операции. Первоначально её планировали на осень 1916 г. Было решено предпринять высадку у входа в Босфор для завладения его укреплениями. С этой целью была сформирована из отборных частей дивизия под командованием генерал-лейтенанта А. А. Свечина. Операцией должен был руководить генерал Н. Г. Щербачёв, на должность начальника его штаба предполагался генерал Н. Н. Головин^[1237].

Летом 1916 г. командующий Черноморским флотом вице-адмирал А. В. Колчак был вызван в Могилёв, где имел продолжительную встречу с Николаем II и М. В. Алексеевым по поводу Босфорской операции. На Колчака возлагалась задача подготовить морские силы для проведения операции, которую планировали начать после вступления в войну на стороне Антанты Румынии^[1238]. Русские войска должны были продвинуться вдоль западного побережья Чёрного моря и, форсировав Босфор, перенести боевые действия на территорию Турции. Черноморский флот содействовал сухопутной операции высадкой десантов, огнём артиллерии, захватом Босфора и, наконец, ударом по Константинополю.

Поражение Румынии заставило русское командование перенести десантную Босфорскую операцию на весну 1917 г. *«По повелению Государя, – вспоминал А. Д. Бубнов, – было тотчас же приступлено к сформированию десантной ди-*

визии, причем Государь повелел, чтобы для укомплектования этой дивизии было отправлено достаточное число особо отличившихся в боях офицеров и солдат – георгиевских кавалеров»^[1239].

А. А. Керсновский писал по этому поводу: «Император Николай Александрович чувствовал стратегию. Ключ к выигрышу войны находился на Босфоре»^[1240].

После выдающихся побед русской армии на Кавказском фронте, взятия Эрзерума и Трапезунда между Россией, Англией и Францией весной 1916 г. было достигнуто соглашение о разделе Азиатской Турции. В обмен на признание Россией создания независимого арабского государства под эгидой Англии и Франции последние признали за ней территории, о чём британское правительство известило русского посла в Лондоне графа Бенкендорфа. В телеграмме Бенкендорфа Сазонову от 17/30 мая 1916 г. говорилось, что Англия согласна со следующими российскими притязаниями: *«1. Россия аннексирует область Эрзерума, Трапезунда, Вана, Битлиса, вплоть до пункта, подлежащего определению впоследствии, на побережье Чёрного моря, к западу от Трапезунда. 2. Область Курдистана расположенная к югу от Вана и Битлиса, между Мушем, Сортом, течением Тигра, Джезире-ибн Омаром, линией горных вершин, господствующих над Амадией и областью Мерге-вера, будет уступлена России».* На подлиннике телеграммы Николай II написал: *«Согласен, кроме 1-й ст. Если нашей армии удастся дойти*

до Синопа, то там и должна будет пройти наша граница»^[1241].

Особую роль Россия отводила будущему статусу Палестины. 4/17 марта 1916 г. в памятной записке МИД послам Англии и Франции было заявлено: *«Что касается Палестины, то российское правительство согласится на всякий проект, обеспечивающий всем православным учреждениям, находящимся на Святой Земле, свободное отправление своего культа, равно как и сохранение их прежних прав и привилегий, и не выставит никаких принципиальных возражений против поселения еврейских колонистов в этой стране»*^[1242].

Этим заявлением Императорское Правительство пыталось в какой-то мере успокоить страхи сионистского мирового движения. Сионисты опасались, что переход Святой Земли и Иерусалима под контроль русского царя будет означать конец их мечты о построении еврейского государства. Охранное отделение ещё в 1914 г. сообщало: *«Среди евреев идёт возбуждение по поводу русско-турецкой войны. Боятся, что русские, победив Турцию, могут лишить евреев сионистских плодов их долголетних усилий в Палестине»*^[1243].

В феврале/марте 1917 г., когда в Петрограде уже свирепствовал бунт, союзные правительства официально признали за Россией *«полную свободу в определении её западных границ»*. Николай II назвал следующие намерения России: 1) по Германии: присоединение к Российской Империи Восточной Пруссии, Познани и польской Силезии; 2) по Авст-

ро-Венгрии: присоединение к России Галиции и Буковины.

Таким образом, Николай II в ходе долгих переговоров добился от союзников признания ими за Россией важнейших геополитических территорий. Главной причиной, почему Англия и Франция были вынуждены признать за Россией эти территории, стали выдающиеся победы русского оружия в Галиции и на Кавказе, рост российского военного и экономического могущества, способность России успешно воевать фактически в одиночку на всех фронтах Великой войны.

Так что Государю совершенно незачем было менять союзнические гарантии, подтверждённые секретными договорами, на расплывчатые германские обещания.

А. И. Уткин считал, что *«у Запада, в общем и целом никогда не возникало сомнений в лояльности Императора Николая II как союзника – по мировой коалиции. Царь сделал выбор, он определил для себя две главные задачи своего царствования: ликвидировать зависимость от Германии в экономике; найти способ примирения с главным антагонистом предшествующего столетия – Британией»* ^[1244].

Однако представляется, что А. И. Уткин несколько упростил воззрения Николая II. Речь шла не просто о желании Царя замирился с Великобританией, но о его стремлении решить важнейшие вековые геополитические задачи России, в чём германские государства не желали ей содействовать. Примечательно, что в самый разгар т. н. мирных пред-

ложений Германии и Австро-Венгрии непримиримый враг России рейхсканцлер Бетман-Гольвег докладывал кайзеру: *«Если развитие военных операций и события в России сделают возможным отбрасывание московской империи на восток и лишение её западных провинций, тогда наше освобождение от этого восточного кошмара будет целью, достойной усилий, великих жертв и исключительного напряжения этой войны»*^[1245].

В декабре 1916 г. немцы вновь через шведского посла предложили России сепаратный мир. Отвечая на эти предложения, министр иностранных дел Н. Н. Покровский сделал в Государственной думе от имени Государя следующее заявление: *«Слова о мире, раздавшиеся из того лагеря, на котором лежит вся тяжесть ответственности за зажженный им небывалый в летописях истории мировой пожар, при всей необычности, не были для союзников неожиданными. Ныне изверившись пробить брешь в нашем союзе, Германия выступает с официальным предложением мира... Все уже принесенные неисчислимы жертвы были бы уничтожены преждевременным заключением мира с врагом, силы которого подорваны, но не обезврежены, и который ищет передышки под обманным лозунгом прочного мира. Русское правительство с негодованием отвергает мысль о самой возможности ныне прервать борьбу и тем дать Германии возможность воспользоваться последним случаем подчинить Европу своей гегемонии. Все мы одинаково проникнуты жиз-*

ненною для нас необходимостью довести войну до победного конца. И не дадим остановиться нас на этом пути никаким уловкам наших врагов»^[1246].

То, что западные союзные правительства были полностью уверены в верности Николая II своим союзническим обязательствам, видно из высказываний французских и английских государственных деятелей той поры. Дж. Бьюкенен утверждал: *«Мы никогда не имели более преданного друга и союзника, нежели Император Николай»*^[1247]. М. Палеолог писал, что Царь являлся *«образцовым союзником»*^[1248]. Ему вторил французский министр колоний Поль Думерг, который 19 февраля 1917 г., то есть за несколько дней до февральского переворота, отмечал, что *«у Императора Николая имеется твёрдое решение довести войну до полной победы»*^[1249].

Государь считал, что военная перспектива выглядит уверенной, фронт надёжным. Численность русской армии была не только восстановлена после тяжёлых потерь 1915 г., но и многократно увеличена. На 1 января 1917 г. она составила 6 млн 845 тыс. человек^[1250]. Полковник генштаба В. М. Пронин писал, что ко времени 1917 г. *«русская армия располагала огромными материальными и техническими средствами, она была ими богата как никогда»*^[1251].

Уинстон Черчилль писал: *«Мало эпизодов Великой войны более поразительных, нежели воскрешение, перевооружение и возобновленное гигантское усилие России в 1916 году»*^[1252].

В своей записке Императору Николаю II от 15 июня 1916 г. начальник штаба Ставки генерал Алексеев сообщал: *«Производительность наших заводов по сравнению с прежней, до начала войны, сильно повысилась: Тульский завод, вместо 700 пулемётов в год, даёт их 800 в месяц и дойдёт до 1000. Трубочные наши заводы, вместо 40–50 тысяч в месяц, дают теперь около 70 тыс. трубок в день. Оружейные заводы, вместо нескольких тысяч винтовок в месяц, дают их ежемесячно до 110 тыс. Главное артиллерийское управление строит 15 новых заводов, часть которых должна вступить в производство в этом году»*^[1253].

На 1917 г. было намечено строительство 37 новых заводов, производство винтовок возросло в 3 раза, орудий в 8 раз, количество боеприпасов в 5 раз. Численность армии была увеличена на 1,4 млн человек^[1254]. Генерал Головин указывает, что *«соответственное потребностям поступление патронов началось лишь в 1916 году»*^[1255]. Россия обошла в производстве пушек Францию и Британию^[1256]. Особенно много внимания уделялось ликвидации «снарядного голода». На июнь 1916 г. генерал Алексеев писал, что «к сожалению, обеспечение тяжёлой артиллерии снарядами до сих не стоит на должной высоте»^[1257].

В 1916 г. Ставка определила общую потребность в 14 440 орудий. Из них 11 200 – 76-мм пушек, 2160 – 122-мм гаубиц и 1080 орудий – 107-мм и 152-мм. На заводах было изготовлено 4087 шт. 76-мм, 721 – 122-мм гаубиц и 107-мм

пушек^[1258].

При Главном артиллерийском управлении была специально создана организация уполномоченного ГАУ генерал-майора С. Н. Ванькова. На заводах этой организации началось массовое производство гранат и запальных снарядов. В 1916 г. частные и казенные заводы России изготовили 30 974 678 снарядов (для сравнения: в 1915 году эта цифра составляла 9 567 888 снарядов). Кроме снарядов, на заводах было налажено изготовление бомб и мин. В 1915–1917 гг. было изготовлено 7 953 078 бомб и 1568 489 мин.^[1259]

К 1917 г. Россия стала производить девять миллионов снарядов в год. (Большевики наследовали запас снарядов в 18 миллионов^[1260].) Правительство широко поддерживало инициативы промышленников по выпуску снарядов. Производились заказы на вооружения и за границей^[1261]. На вооружение артиллерийских частей поступили также огнеметы и осветительные ракеты. Всего до 1 июня 1917 г. в войска поступило 11 446 огнеметов^[1262].

К 1 января 1916 г. в русской армии было 5 тыс. 300 автомобилей разного назначения, 1700 мотоциклов, 8800 самокатов, 900 прожекторных станций. Плохо дело обстояло с касками, потребность в них была удовлетворена на 10–15 %^[1263]. Остро стояла проблема с транспортом. По словам генерала Алексеева, «в переживаемое время нет ни одной области государственной и общественной жизни, где бы не ощущались серьёзные потрясения из-за неудовлетворённой

потребности в транспорте»^[1264].

В результате летней кампании большие территории с железными дорогами оказались в руках противника. Численность русских войск постоянно возрастала, достигнув к концу 1916 г. 7 млн человек. Из-за острой нехватки железных дорог войска приходилось перебрасывать пешим путём. Железные дороги испытывали крайнюю перегруженность, что привело к сильному расстройству железнодорожного транспорта. Это привело к срыву поставок продовольствия в Действующую армию. Интенданты-заготовители сосредоточили на станциях погрузки значительное количество хлебопродуктов, но большую часть заготовленного хлеба оказалось невозможным вывезти вследствие нехватки вагонов. Линии дорог были забиты эшелонами, перебрасывающими людей и вооружение^[1265].

Николай II весьма болезненно относился к проблемам с железнодорожным сообщением, важность разрешения которых он ставил в один ряд с преодолением «снарядного голода»^[1266]. Начальник военных сообщений Ставки генерал-лейтенант Н. М. Тихменёв вспоминал, что накануне революции наиболее тяжкими явлениями в народном хозяйстве были расстройство транспорта и недостаток продовольствия в армии. Эти явления «крепче и больше всех заботили Государя, ясно понимавшего всю катастрофическую важность рокового влияния на ход боевых военных операций недостатка продовольствия»^[1267].

Во время встречи с генералом Тихменёвым и главным полевым интендантом генерал-лейтенантом К. Н. Егорьевым Император Николай II обратился к ним со словами: *«Я вас прошу, достаньте непременно продовольствие для армии, а вы (обращаясь ко мне) непременно его перевезите. Я не сплю по целым ночам, когда я думаю, что армия может голодать»*^[1268].

Слабость русских железных дорог являлась поводом, по которому союзники срывали поставки оружия и боеприпасов в Россию. В связи с этим летом 1916 г. Николай II направил в Архангельск, через который шли английские и французские грузы, Великого Князя Георгия Михайловича для организации бесперебойной работы портовых и железнодорожных служащих. По своём приезде Великий Князь 25 июня 1916 г. подготовил для Царя доклад, по которому видно тяжёлая ситуация в организации работ. *«Железная дорога, – писал Георгий Михайлович, – с задачей справилась, с 19-го июня даёт по 475 вагонов, однако, ежедневно, по причине непогрузки или неготовности документов, остаётся не отправленными много вагонов. С 10-го по 23-е июня не отправлено 759 вагонов; за июнь месяц отправлено платформ с неполной загрузкой по 200–300 пудов 1890. Не хватает рабочей силы, нет должной организации, мало заботливости о личном составе. Так, например, в одной роте 154 человека босых, с осени не получили 341 комплектов белья»*^[1269].

В 1916 г. русское Правительство приступило к строитель-

ству новых железнодорожных путей. В течение 1916 – начала 1917 г. было сооружено 3150 верст вторых путей, завершено строительство мостов, развито 10 узловых станций. В середине 1916 г. архангельское направление стало пропускать до 300 вагонов в сутки. Сибирское обеспечивало вместо 708 вагонов 829, Донбасс стал давать вместо 2830 вагонов 3900. В целом по стране удалось увеличить число вагоно-пробегов на 1500 вагонов в день^[1270].

Ещё одной причиной, по которой союзники срывали поставки, была острая нехватка незамерзающих портов. Ещё в начале войны Николай II понимал эту опасность. Для приёма кораблей союзников готовился порт Владивостока. Осенью Государь назначил командующим Приамурским военным округом генерала от артиллерии А. Н. Нищенкова. Назначая его, Николай II сказал, что теперь *«он будет спокоен за этот важный теперь округ»*^[1271]. Нищенков в полной мере понял слова Царя лишь тогда, когда *«закрылись все пути в Россию и после Архангельска осталась только одна дверь, через которую можно было доставлять в Россию боевые припасы – Владивосток»*^[1272].

15 марта 1915 г. в Лондоне лорд А. Китченер во время беседы с Великим Князем Михаилом Михайловичем высказывал обеспокоенность тем, что *«на Владивосток идти слишком далеко»*. Поэтому английское правительство заявило о невозможности военных поставок в Россию до наступления оттепели^[1273]. 21 сентября 1916 г. указом Императора был

основан новый незамерзающий порт за Северным полярным кругом, который получил название Романов-на-Мурмане.

Что касается авиации, то в ходе войны она получила мощное развитие не только в количественном, но и в качественном составе. Самолёты, безоружные в начале войны, получили на вооружение пулеметы и авиабомбы. Уже в конце 1915 г. русская авиация представляла собой достаточно серьёзную силу.

В 1915 г. появилась и успешно развивалась зенитная артиллерия. Первая её батарея была сформирована в Царском Селе для защиты императорской резиденции. В то же время появились передвижные зенитные установки на автомобилях (их на 1917 г. насчитывалось 36)^[1274].

После нарушения германскими войсками Женевской конвенции и применения ими химического оружия перед русской армией стала угроза химической войны. В этой связи в России появилась химическая промышленность, в связи с чем наблюдался большой рост в строительстве новых химических заводов. *«Можно с уверенностью сказать, – писал генерал-лейтенант В. Н. Ипатьев, – что потребность нашей армии и флота породила у нас мощную отрасль промышленности – химическую, совершенно независимую от иностранного сырья»*^[1275]. Первая химическая атака с русской стороны произошла 5 сентября 1916 г. в районе Сморгани. С 1916 г. русские войска стали использовать также химические артиллерийские мины и снаряды^[1276].

За 1916 г. количество заводов по производству серной кислоты возросло с 20 в начале года до 33 в конце. В период с конца 1915 по начало 1917 г. в России появилось 25 бензольных заводов^[1277]. В 1916 г. в Нижнем Новгороде и Грозном началось строительство двух заводов по производству тротила.

Военная продукция постоянно росла, пищевая продукция понижалась. Производство, работающее не на оборону, понижалось довольно незначительно, хотя и неуклонно. Резкое падение производства необоронного значения происходит в 1917 г., то есть уже после крушения императорской России^[1278].

По степени мобилизации промышленности (из 3,3 млн рабочих в 1916 г.) 1,9 млн рабочих, или 58 %, заняты в военном производстве. По этому показателю Россия находилась на уровне Германии и Франции, оставив позади Англию, где на войну работало 46 % занятых. Основная группа обследованных предприятий (общее количество – 2300) в России дала увеличение производства вооружения (1913 – 100 %) в 1916 году до 230 %, предметов снаряжения 121 %. Производительность труда на одного рабочего на заводах вооружения возросла за эти годы до 176 %^[1279].

Принятие Императором Николаем II на себя Верховного командования имело большое положительное значение для хода боевых действий. Был стабилизирован фронт, совершён большой скачок в развитии военной и оборонной про-

мышленности, улучшено снабжение армии. На Юго-Западном и Кавказском фронтах осуществлены два крайне успешных крупных наступления, ознаменовавших собой начало коренного перелома войны в пользу России и её союзников.

17 и 18 декабря 1916 г. в Ставке состоялось военное совещание под председательством Императора Николая II. Государь писал супруге: *«Все главнокомандующие приезжают сюда на военный совет, так как пора готовить планы на будущую весну»*^[1280].

Участник этого совещания генерал-квартирмейстер Ставки генерал А. С. Лукомский свидетельствовал, что *«главный удар решено было нанести на Юго-Западном фронте. <...> После успеха на Юго-Западном фронте намечено было перейти в наступление и на других фронтах»*^[1281].

Это было последнее большое военное совещание Императора Николая II – Верховного Главнокомандующего. 18 декабря 1916 г. Государь, обеспокоенный полученными сведениями об убийстве в Петрограде Г. Е. Распутина и об опасности террористических актов в отношении Царской Семьи, покинул Ставку и отправился в Царское Село.

А. И. Спиридович писал о том, каким был каждодневный труд Николая II накануне февральских событий. *«Как всегда днём между докладами Государь много работал. Иногда были заметны усталость, особая озабоченность, даже тревога, но не апатия»*^[1282].

24 января 1917 г. Императором Николаем II был утвер-

ждён план весенней кампании. Он предусматривал: «1. Нанесение главного удара из районов 11 и 17-й армий в Львовском направлении. 2. Развитие в то же время наступления на Румынском фронте, с целью разбить находящегося перед армиями противника и занятия Добруджи. 3. Ведение вспомогательных ударов на фронтах Западном и Северном. Собственной Его Императорского Величества рукой написано: "Одобряю" 24 января 1917 года»^[1283].

Генерал А. С. Лукомский вспоминал: «Заседание состоялось 17/30 и 18/31 декабря под председательством Государя Императора. Главный удар решено было нанести на Юго-Западном фронте. На этом фронте остановились вследствие того, что по имеющимся условиям, там можно было начать операцию раньше, чем на Западном и Северном фронтах, позиции противника там были более слабые и рассчитывали, что на этом фронте, после прорыва позиции противника, можно будет достичь решительных результатов»^[1284].

Эти планы были вполне реалистичными. Положение русской армии на начало февраля 1917 г. было уверенным и прочным. «Нет сомнений, – писал британский военный атташе генерал-майор А. Нокс, – если бы не развал национального единства в тылу, русская армия могла бы себя увенчать новой славной кампанией 1917 года»^[1285].

Каждодневная работа царского руководства, приближающего победу, оставалась не замеченной обществом. Ощуще-

ние грядущей военной катастрофы, которое навязывалось прогрессистской оппозицией и которое не имело под собой никакого основания, побуждало военное руководство Ставки и фронтов к участию в политической деятельности в ущерб деятельности военной. Эти политические устремления толкнули Ставку на союз с «Прогрессивным блоком» и сыграли важную роль в участии верхушки генералитета в Февральском государственном перевороте 1917 г.

Управляющий Его Императорского Величества канцелярией В. И. Мамантов писал про свою последнюю встречу с Николаем II в конце 1916 г.: *«Я нашел Государя бодрым и жизнерадостным, каким уже давно Его не видел. Он великолепно выглядел и казался помолодевшим и полным сил, что я Ему и высказал. “Физически-то я всегда чувствую себя хорошо и это неважно, что я выгляжу лучше, – сказал мне Государь. – А вот важно то, что нравственно я сейчас совершенно спокоен и уверенно смотрю в будущее. Я много работаю и, будучи в курсе всех наших военных действий, вполне убежден, что победа нам обеспечена”»* ^[1286].

Мамантов, согласившись с Царём, что военная ситуация благоприятна для России, высказал озабоченность внутриполитической обстановкой. *«Государь внимательно, с недоверчивой улыбкой и возраставшим изумлением слушавший меня не прерывая, при заключительных словах моих воскликнул: “Да вы с ума сошли, вам все это приснилось, и приснилось когда же? Чуть не накануне нашей победы?! И че-*

го вы боитесь? Сплетен гнилого Петербурга и крикунов в Думе, которым дорога не Россия, а их собственные интересы? Можете быть спокойны; если бы и могли произойти какие-нибудь неожиданности, то соответственные меры против них приняты и повторяю, победа теперь уже на за горами»^[1287].

До февральских событий оставалось меньше трех месяцев.

Часть III. «Кругом измена, и трусость, и обман...»

Глава 1. Царская Семья, общество и оппозиция во время войны

Вторая Отечественная война была воспринята всеми членами Царской Семьи как величайшее испытание, посланное Богом России. Это испытание несло всему народу горе, страдания и лишения. Поэтому каждый член Царской Семьи пытался помочь своей Родине. Для Императора Николая II главной целью стало доведение этой войны во что бы то ни стало до победного конца. Государь считал эту победу настолько жизненно важной для будущего России, что подчинял ей все остальные политические задачи и личные интересы. *«Мы все должны думать не обо мне лично, а о России. Только бы Господь её сохранил»*, – сказал Государь А. И. Пильцу незадолго до революции^[1288].

Все мысли и устремления Царя сводились к одному: одержать победу в страшной войне. Будучи втянутым против своей воли в мировую схватку, Император Николай II понимал всю необходимость для России выйти из неё победительницей. Царь понимал того, чего до сих пор, через сто с

лишним лет, не могут понять многие учёные мужи, рассуждающие о «ненужности» и «чуждости» этой войны для интересов России и её народа.

Император Николай II понимал, что для Запада эта война во многом была войной за русский рынок, для России – войной за будущее. Если бы Царская Россия вышла победительницей из этого невиданного противостояния, она бы вступила в новый техногенный XX век, оставаясь самодержавной православной монархией, ещё более сильной и могущественной, и это обстоятельство не устраивало те силы, которые стремились к установлению нового мирового порядка. Вот почему Император Николай II столь прозорливо видел жизненную необходимость довести эту войну до победного конца. При этом Царь стремился к победе, руководствуясь исключительно интересами России, её будущим как независимой и суверенной державы. Все же группировки и группы оппозиции в лучшем случае примешивали к этой цели свои личные амбиции, а в худшем ставили свои амбиции, политические, общественные или коммерческие, на первый план. Николай II не раз говорил: *«Почему не хотят понять, что нельзя проводить внутренние государственные реформы, пока враг на Русской земле? Сперва надо выгнать врага!»*^[1289]

Государю часто ставят в вину назначение неспособных министров. Однако Император Николай II дважды предлагал близким к оппозиции государственным деяте-

лям А. В. Кривошеину (в 1915 г.) и министру земледелия А. Н. Наумову (летом 1916 г.) возглавить Правительство, но те отказались^[1290]. Включение в Правительство кандидатур А. И. Гучкова и князя Г. Е. Львова означало бы добровольную сдачу Императором власти людям, которые, по его убеждению, принесли бы России только вред. Николай II по-прежнему оставался убеждённым противником парламентаризма в России. Монархическая власть для такой огромной страны необходима, полагал Николай II, власть Думы должна расти медленно из-за сложности в распространении процесса образования среди огромных масс русского народа^[1291]. Государь говорил: *«Я не могу допустить, чтобы теперь, когда мы все поглощены борьбой с немцами, можно было поднимать вопрос о преимуществах парламентаризма; с грустью должен признать, что все это хотят совершить не в чистых интересах Родины, а в своих личных и мне трудно верить в разумность и искренность планов Родзянко и Гучкова, первого – недалёкого, но признавшего себя государственным деятелем, второго – авантюриста и явно враждебного мне»*^[1292].

Государь не применял репрессий к оппозиции, так как полагал, что эти меры только ускорят нарастание противостояния в обществе, опасного накануне большого наступления на фронте. В силу своих нравственных убеждений Император Николай II думал, что оппозиция, какой бы радикальной она ни была, не сможет пойти на государственный переворот

во время тяжёлой войны.

Государь постоянно посещал Действующую армию, области, города, деревни, фабрики, заводы, верфи страны, и всюду он видел неподдельный энтузиазм простых солдат, офицеров, дворян, мещан, крестьян, рабочих, духовенства, которые выказывали ему свою любовь и преданность. *«Император любил и понимал простых людей»*, – свидетельствовал А. И. Спиридович^[1293]. Посещая Тверь в 1915 г., Николай II сказал губернскому предводителю П. П. Менделееву, что восхищен тем, насколько все население России проникнуто удивительным патриотическим подъёмом^[1294]. Во время посещения Царём судостроительного завода в Николаеве один рабочий социал-демократ Белый сказал прочувственную речь и пожелал Государю скорой победы над врагом. Государь поблагодарил его и вручил серебряные часы с двуглавым орлом. Этот подарок, сделанный сиюминутно, произвел большое впечатление на рабочих. Как только Государь пошел дальше, Белого стали поздравлять, и сотни рук потянулись рассматривать царский подарок^[1295]. Николай II пробыл на заводе три часа, обойдя все мастерские, интересуясь буквально всем, расспрашивая не только инженеров, но и самих рабочих. Такой же характер носило посещение Государем Брянского завода, производившего во время войны снаряды, вагоны и паровозы. Николай II обошел весь завод, подходя даже к отдельным рабочим у станков и благодаря их. Прощаясь, Царь сказал: *«Я очень рад быть у вас на заводе.*

Большое спасибо за ваш труд». А. И. Спиридович вспоминал: *«Непосредственная близость Государя, его простое обращение, простые, но показывающие знание дела и условий труда вопросы произвели большое впечатление на рабочих. А кругом все шумело, визжало, скрипело – завод работал полным ходом»*^[1296]. По дороге в свой поезд Николай II посетил несколько домиков рабочих. Семьи были дома, а мужья на работе. Удивлению женщин и детей не было предела. Они стояли как остолбенелые, но ласковые, простые, сердечные вопросы Государя оживили женщин, и те скоро толково отвечали Императору на его расспросы, и даже угощали чем могли. Когда же Николай II передал женщинам подарки на память о своем посещении, вновь наступила растерянность, но затем они целовали руки Государя и благодарили его. А. И. Спиридович вспоминал, что он, *«лично переживший не одну тревожащую минуту за десять с лишком лет охраны Государя»*, был спокоен при посещении им заводов, когда *«Его Величество был в гуще нескольких тысяч неизвестных нам рабочих. О какой-либо опасности для Государя не было и речи»*^[1297].

Но совсем иное отношение к Государю было в большей части русского общества, тем более в оппозиции. *«Петроград был полон сплетен и, казалось, меньше всего думал о фронте»*, – вспоминал А. И. Спиридович^[1298]. Об этом же свидетельствовала и А. А. Вырубова: *«Трудно и противно говорить о петроградском обществе, которое, невзирая на*

войну, веселилось и кутило целыми днями. Рестораны и театры процветали. По рассказам одной французской портнихи, ни в один сезон не заказывалось столько костюмов, как зимой 1915–1916 годов, и не покупалось такое количество бриллиантов: война как будто не существовала»^[1299].

Императрица Александра Феодоровна не могла сдерживать своего негодования по поводу поведения общества: «Все как будто забыли о том, – говорила она полковнику Ф. Ф. Винбергу, – что на фронте, почти у каждого, сражается за Родину отец, брат, муж или сын. Каждый думает только о себе... Все стремятся к наживе, к обогащению за счёт страданий Родины. А наше высшее общество! Именно тот круг людей, который обязан своим образом действий, своим поведением показывать пример всем другим. Представьте себе – мне стало очень тяжело ездить в Петроград, где меня угнетает атмосфера пошлости, пустоты и эгоизма, которая овладела там всеми. Сколько там веселья! Обеды, ужины, клубы, театры, почти балы... Все веселятся. Дамы друг друга стараются перещеголять нарядами. Сколько роскоши... Какие деньги тратятся... Я никак не ожидала, что возможно будет что-либо подобное у нас в то время, когда Отечество оказалось в том положении, в каком оно находится теперь. О наших дамах я не могу спокойно думать: наряжаться, теперь... Думать и заботиться о своих туалетах... Как это возможно! Ни я, ни мои дочери, ни за что не согласились бы теперь надеть какое-нибудь роскош-

ное платье. И всюду сплетни, пересуды...»^[1300].

Сама же Государыня и Великие Княжны Ольга и Татьяна с началом войны одели скромные платья сестер милосердия. Более того, Императрица Александра Феодоровна и ее старшие дочери прошли специальные медицинские курсы, выдержали экзамен и добровольно взяли на себя почин сестер милосердия в Царскосельском госпитале, помогая выполнять самые тяжелые хирургические операции. *«Государыня и Великие Княжны, – писала А. А. Вырубова, – присутствовали при всех операциях. Стоя за хирургом, Государыня, как каждая операционная сестра, подавала стерилизованные инструменты, вату, бинты, уносила ампутированные руки и ноги, не гнушаясь ничем...»*^[1301]

В сентябре 1915 г. Императрица Александра Феодоровна писала Императору Николаю II в Ставку: *«Три операции, из-за заражения крови. Ампутированы три пальца, они были совершенно исковерканы...»*^[1302] В письме от 20 ноября Александра Феодоровна пишет: *«Сегодня утром ассистировала при большой ампутации. Я помогала, как всегда, подавать инструменты, а Ольга вдевала хирургические нитки в иголки»*^[1303]. По инициативе Государыни в Царском Селе был организован особый эвакуационный пункт, в котором находилось около 85 лазаретов в Царском Селе, Павловске, Петергофе, Луге, Саблино и других местах. Эти лазареты обслуживали 10 санитарных поездов ее имени и имени Великих Княжон. В 9 часов утра Государыня ехала в Знамен-

скую церковь, прикладывалась к чудотворной иконе Знамения Пресвятой Богородицы и потом ехала в госпиталь, где проводила время иногда до 3 часов ночи. А. А. Вырубова вспоминала: *«Во время тяжелых операций раненые умоляли Государыню быть около. Вижу ее, как она утешает и ободряет их, кладет руку на голову и подчас молится с ними. Императрицу боготворили, ожидали ее прихода, старались дотронуться до ее серого сестринского платья; умирающие просили ее посидеть возле кровати, поддержать им руку или голову, и она, невзирая на усталость, успокаивала их целыми часами»*^[1304].

Но эта деятельность Императрицы тоже была воспринята критически со стороны элиты, даже среди тех, кто был предан Царской Семье. Подруга Государыни Ю. А. Ден считала, что, надев платье сестры милосердия, Императрица *«не сумела изучить склад ума русского крестьянина»*, что он в этом увидел только *«знак утраченного ею достоинства Императрицы Всероссийской»*. Ден вторил А. И. Спиридович: *«Царица, начав ухаживать за больными и ранеными, начав обмывать ноги солдатам, утратила в их глазах царственность, снизошла на степень простой “сестрицы”, а то и просто госпитальной прислужницы. Все опростилось, снизилось, а при клевете и опошлилось. То была большая ошибка»*^[1305]. До чего же всё-таки эти люди были самонадеянные и духовно черствы! В отличие от Царской Четы они были далеки как от русского народа, так и от русской истории, от

понимания сущности царской власти! Ведь и Царь Михаил Феодорович, и Царь Алексей Михайлович на Святую Пасху посещали тюрьмы и больницы, где лобызались с самыми страшными преступниками и самыми тяжело больными, Император Петр Великий, рискуя жизнью, спасал тонущих рыбаков, а Император Николай I посещал холерные бараки. Никто из этих государей не думал о своем «опрощении», не предполагал, что подобные действия могут быть восприняты как «нецарские». Дореволюционная элита забыла самое главное, что всегда помнили русские Цари, а последние Государь и Государыня в особенности – Слово Божие: *«Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне»* (Мф. 24: 40).

Возле Царскосельского госпиталя образовалось воинское кладбище, позднее уничтоженное большевиками, на кото-

ром хоронили тех, кто скончался в госпитале. Кладбище это разрасталось все больше. На нем была построена кладбищенская церковь, тоже после революции уничтоженная богоборцами. В один из дней хоронили очередного умершего от ран офицера. Его друг приехал на вечернюю панихиду по нему. Она еще не началась, но публики в маленькой церкви собралось так много, что в ней стало душно и тесно. Офицер вышел на воздух. Темнело. В сумраке уходящего весеннего дня кое-где белели кресты могил. Вдруг у ограды кладбища остановилось элегантное авто и из него вышла дама вся в черном, по облику принадлежащая к высшему свету. Войдя в ограду кладбища, она остановилась у ближайшей могилы и стала молиться, осеняя себя крестным знамением. Из деликатности офицер отошел подальше, полагая, что, помолвившись, дама вернется в авто или пройдет в церковь. Какое же было его удивление, когда она, отойдя от могилы, подошла к следующей, а за ней к другой, и еще, и еще, останавливаясь с молитвой у каждой могилы, осеняя себя крестным знамением перед каждым крестом. Так она обошла все кладбище. Силуэт ее был почти не виден в сумраке кладбищенских могил, но вот, продолжая молиться, она снова стала приближаться к кладбищенской церкви. Это все настолько заинтриговало офицера, что он решил никуда не уходить и дожждаться, когда неизвестная молитвенница снова приблизится к нему из глубины кладбища. И вот он снова увидел вблизи даму, которая, молясь и осеняя себя крестным знаме-

нием, все так же медленно продвигалась к выходу из кладбища, переходя от могилы к могиле. Теперь офицер желал разглядеть эту даму получше. И когда она достаточно приблизилась, он с изумлением узнал хорошо ему знакомую Государыню Императрицу, которая одна здесь в ночной тишине совершала свой личный молитвенный подвиг у могил своих подданных. Офицер рассказал об этом доктору Е. С. Боткину^[1306].

Сам Е. С. Боткин поражался тому невероятному труду, который приняла на себя вся Царская Семья. Он говорил своей дочери Татьяне: *«Я удивляюсь Их трудоспособности. Уже не говоря про Его Величество, который поражает тем количеством докладов, которые он может принять и запомнить, но даже Великая Княжна Татьяна Николаевна; например: Она прежде чем ехать в лазарет, встает в 7 часов утра, чтобы взять урок, потом обе едут на перевязки, потом завтрак, опять уроки, объезд лазаретов, а как наступит вечер, они сразу берутся за рукоделие или за чтение»*^[1307].

Однако жестоковейное, тщеславное и духовно пустое общество не могло оценить великого подвига Царской Семьи. Т. Е. Мельник писала, что *«перед революцией осуждение Царской Семьи принимало все более и более грандиозные размеры. Совершенно умышленно каждое Их действие, каждое слово толковались вкривь и вкось»*^[1308]. А. А. Вырубова свидетельствовала: *«Кроме кутежей общество развлека-*

лось новым и весьма интересным занятием – распускание всевозможных сплетен на Государыню Александру Феодоровну. Типичный случай мне рассказала моя сестра. Как-то к ней утром влетела ее *belleSœur* 2-жа Дерфельден со словами: “Сегодня мы распускаем слухи на заводах, что Императрица спавивает Государя, и все этому верят”. Рассказываю об этом типичном случае, так как дама эта была весьма близка к великокняжескому кругу, который сверг Их Величества с престола, и неожиданно их самих»^[1309].

Княгиня Л. Л. Васильчикова написала Государыне дерзкое письмо, начальница Епархиального женского училища в Царском Селе Курнатовская, при встрече с Императрицей, не только не поклонилась, а демонстративно отвернулась в сторону. Рассказывая об этом князю Н. Д. Жевахову, Императрица сказала: «Зачем она это сделала и, притом, в присутствии моих дочерей; зачем оскорбила мать в глазах детей!.. Я бы не обратила внимания на ее неучтивость; но мне было тогда так больно не столько за себя, сколько за дочерей»^[1310]. Ещё одно письмо, написанное в самом недопустимом тоне и содержащее множество беспочвенных обвинений, написал Императрице Александре Феодоровне егермейстер Двора Его Императорского Величества П. Н. Балашов. А. А. Вырубова вспоминала, что, когда Государыня читала это десятистраничное послание, у нее тряслись руки^[1311].

12 декабря 1916 г. Императрица Александра Феодоров-

на поехала в Новгород, чтобы посетить его многочисленные храмы, а также военные госпитали. Кроме того, Императрица направилась в Десятинный женский монастырь, где подвизалась известная своей благочестивой жизнью старица Мария Михайловна. Старица уже много лет была прикована к постели. Она тепло встретила Государыню, передала для Государя образ, а для Цесаревича яблоко. Когда Царица уже собиралась уходить, старица сказала: *«А ты, красавица, тяжёлый крест несешь. Не страшись»*^[1312]. Сама Александра Фёдоровна описывала в письме к Государю эту встречу так: *«Я посидела минутку в комнате игуменьи, а затем попросила, чтоб меня провели к старице Марии Михайловне (о ней говорил мне Жевахов), и мы прошли к ней пешком по мокрому снегу. Она лежала на кровати в маленькой темной комнатке, а потому мы захватили с собой свечку, чтобы можно было разглядеть друг друга. Ей 107 лет, она носит вериги (сейчас они лежат около нее), – обычно она беспрестанно работает, расхаживает, шьет для каторжан и для солдат, притом без очков, – никогда не умывается. Но, разумеется, – никакого дурного запаха или ощущения нечистоплотности, – она седая, у нее милое, тонкое, овальное лицо с прелестными, молодыми, лучистыми глазами, улыбка ее чрезвычайно приятна. Она благословила и поцеловала нас. Тебе она посылает яблоко (пожалуйста, съешь его). Она сказала, что война скоро кончится – “скажи ему, что мы сыты”. Мне она сказала: “а ты, красавица – тяжё-*

лый крест – не страшишь – (она повторила это несколько раз)»^[1313].

Что касается упомянутого А. А. Вырубовой «великокняжеского круга», то 2 июня 1915 г. в Павловске скончался последний его представитель, безусловно преданный Государю Великий Князь Константин Константинович. Пятидесяти шестилетний Великий Князь, знаменитый поэт, переводчик и драматург, писавший под псевдонимом К. Р., очень тяжело переживал гибель своего сына Князя Олега и тяжелые события на фронте. Скончавшемуся от приступа стенокардии Великому Князю Константину Константиновичу не дано было знать, что почти все его дети будут зверски убиты большевиками. А. И. Спиридович спустя много лет дал верную оценку почившему: *«Ушел из жизни человек большого ума, редкого политического таланта, хорошей души, доброго сердца. Ушел человек, принёсший Родине много пользы, особенно в педагогической области, по воспитанию нашей военной молодёжи – будущих офицеров Русской Императорской армии. Такой молодёжи, какую выпускали наши кадетские корпуса, не имела ни одна из европейских армий»*^[1314].

Из оставшихся после смерти К. Р. представителей «великокняжеского круга» почти все, в той или иной степени, приняли участие в заговоре против Государя в феврале – марте 1917 г. Те из них, кто выжил после большевистского террора, спасшись бегством за границу, позже, там, в эмиграции, возмущались русским обществом, которое погубило монархию.

Так, Великий Князь Александр Михайлович писал: «*Политиканы мечтали о революции и смотрели с неудовольствием на постоянные успехи наших войск. Мне приходилось по моей должности часто бывать в Петербурге, и я каждый раз возвращался на фронт с подорванными моральными силами и отравленным слухами умом. “Правда ли, что Царь запил?” “А вы слышали, что Государя пользует какой-то бурят, и он прописал ему монгольское лекарство, которое разрушает мозг?” “Известно ли вам, что Штюрмер, которого поставили во главе нашего правительства, регулярно общается с германскими агентами в Стокгольме?” “А вам рассказали о последней выходке Распутина?” И никогда ни одного вопроса об армии! И ни слова радости о победе Брусилова! Ничего, кроме лжи и сплетен, выдаваемых за истину только потому, что их распускают высшие придворные чины*»^[1315].

Другой Великий Князь, Кирилл Владимирович, вспоминал: «*В целом ситуация создавала ощущение, будто балансируешь на краю пропасти или стоишь среди трясины. Страна напоминала тонущий корабль с мятежным экипажем. Государь отдавал приказы, а гражданские власти выполняли их несвоевременно или не давали им хода, и иногда и вовсе игнорировали их. Самое печальное, пока наши солдаты воевали, не жалея себя, люди в чиновничьих креслах, казалось, не пытались прекратить растущий беспорядок и предотвратить крах; между тем агенты революции исполь-*

зовали все средства для разжигания недовольства»^[1316].

Все эти слова справедливы. Только, как мы сможем убедиться, их авторы сами весьма способствовали «распространению слухов» и «разжиганию недовольства».

Чрезмерная загруженность Государя общегосударственными и военными проблемами, его частые отъезды из столицы имели свои отрицательные стороны. И. Л. Солоневич писал, что *«Государь Император был перегружен сверх всяческой человеческой возможности. И помощников у него не было. Он заботился и о потерях в армии, и о бездымном порохе, и о самолетах И. Сикорского, и о производстве ядовитых газов, и о защите от ещё более ядовитых салонов. На нём лежало и командование армией, и дипломатические отношения, и тяжёлая борьба с нашим недоношенным парламентом»*^[1317].

Эта загруженность привела к тому, что Император Николай II начал терять контроль над ситуацией внутри страны. При отсутствии должной деятельности соответствующих министерств и всё возрастающей активности деятельности думской оппозиции, страна быстрыми темпами шла к социальной нестабильности. Впечатление от военных успехов дезавуировалось оппозиционной пропагандой о «тёмных силах», «измене» и т. д.

Одним из важным факторов, призванных обеспечить победу в войне, Николай II считал «Священное единение» между властью и обществом. Поэтому Государь шёл на-

встречу оппозиции, вплоть до готовности привлечения её представителей в состав Правительства. Царь до конца был против роспуска Государственной думы. Но, несмотря на то, что Император был готов идти на большие компромиссы с оппозицией, он не собирался перед ней капитулировать.

Между тем думская оппозиция в лице «Прогрессивного блока», стремилась именно к свержению Монарха, а не к поиску компромисса с ним. Оппозиция была чужда идее «священного единения». Также ей не нужно было участие в Императорском Правительстве. Все цели оппозиции были направлены на одно – захват власти. Таким образом, у Императора Николая II и оппозиции были противоположные цели: Царь стремился всеми силами одержать победу во внешней войне, оппозиция – во внутренней.

План действий руководителей Государственной думы заключался в том, чтобы спровоцировать Правительство на перерыв занятий Думы, после чего организовать беспорядки в её поддержку среди рабочих, молодёжи и даже в войсках^[1318]. Поэтому Николай II понимал, что роспуск Государственной думы не только не опасен для оппозиции, но, наоборот, желателен для неё. В связи с этим Государь считал роспуск Думы крайним шагом. На докладе Б. В. Штюмерера в декабре 1916 г., в котором тот подготовил проект указа о роспуске Думы в случае организации ею беспорядков, Государь написал: *«Помните, что бы ни случилось, не принимайте решение, пока меня не вызовете»*^[1319].

Знаком готовности к примирению с оппозицией стал визит 9 февраля 1916 г. Императора Николая II в Государственную думу. По общему признанию, Царь был восторженно принят большинством депутатов. Однако представители «Прогрессивного блока» во имя своих политических амбиций были готовы идти против большинства, собираясь поставить общество перед свершившимся фактом переворота. Своеобразным символом противостояния монарха и радикальной оппозиции стала встреча в фойе Думы Государя и П. Н. Милюкова в тот момент, когда Царь покидал здание Таврического дворца. Милюков вспоминал, что Государь подошёл к группе «прогрессистов». *«Я почувствовал на себе его пристальный взгляд. Несколько мгновений я его выдерживал, потом неожиданно для себя... улыбнулся и опустил глаза. Помню в эту минуту, я почувствовал к нему жалость, как к обреченному. Царь обернулся и вышел»*^[1320].

Оппозиция как могла провоцировала Правительство на жёсткие шаги. Осенью 1916 г. заговорщики стали нагнетать обстановку, лживо утверждая, что Россия из-за деятельности Правительства стоит перед военным поражением. 1 ноября 1916 г. П. Н. Милюков, выступая на заседании Думы, заявил: *«Если бы германцы захотели употребить средства влияния или средства подкупа, то ничего лучшего они не могли сделать, как поступать так, как поступало русское правительство»*. Далее Милюков заявил, что существует придворная партия, которая сознательно ведёт Россию к пора-

жению, и что эта партия *«группируется вокруг молодой Царицы»*. Перечислив все «ужасы» положения в стране и на фронте, Милюков патетически воскликнул: *«Что это, глупость или измена»?* В конце выступления лидер кадетов повторил требование своей партии: *«Кабинет, не удовлетворяющий этим признакам, не заслуживает доверия Государственной Думы и должен уйти»*^[1321].

22 августа 1915 г., накануне отъезда в Ставку после принятия на себя Верховного командования, Государь создал при Правительстве Особое совещание по обороне. Оно было призвано осуществлять контроль предприятий, изготовлявших предметы боевого снабжения, а также распределяло крупные военные заказы между русскими и иностранными заводами. Кроме того, оно занималось вопросами снабжения армии. Обращаясь к представителям Особого совещания на приёме в Зимнем дворце, Николай II сказал: *«Дело, которое поручено Особому совещанию по обороне государства – самое главное и самое теперь важное. Это усиленное снабжение армии боевыми припасами, которое только и ждут Наши доблестные войска, чтобы остановить иноплемennое нашествие и вернуть успехи Нашему оружию. <...> С полным доверием предоставив вам исключительно широкие полномочия, Я все время буду с глубоким вниманием следить за вашей работой и в необходимых случаях Сам приму Личное в ней участие. Великое дело перед нами. Сосредоточим на нем одном одушевленные усилия всей страны.*

Оставим на время заботы о всём прочем, хотя бы и важном, государственном, но не насущном для настоящей минуты. Ничто не должно отвлекать мысли, волю и силы от единой теперь цели – прогнать врага из наших пределов. Для этой цели мы должны, прежде всего, обеспечить действующей армии и собираемым новым войскам полноту боевого снаряжения. Эта задача отныне вверена вам, господа. И Я знаю, что вы вложите в ее исполнение все свои силы, всю любовь к родине. С Богом за дело»^[1322].

Однако не все участники Особого совещания были согласны с Государем в том, что главное – это «прогнать врага из наших пределов». Для Гучкова, который возглавил в Особом совещании Комиссию по пересмотру норм санитарного и медицинского снабжения армии, гораздо важнее, что Царь предоставлял ему и его единомышленникам «исключительно широкие полномочия». Эти полномочия Гучков направил на организацию свержения Императора Николая II.

Войдя одновременно и в руководство военно-промышленного комитета, и в Особое совещание, А. И. Гучков получил реальные рычаги взаимодействия и с военной верхушкой, и с регионами, так как к началу 1916 г. по России было создано 220 местных ВПК, объединённых в 33 областных. В военно-промышленные комитеты вошли такие представители «общественности», как меньшевик-оборонец К. А. Гвоздёв, председатель Рабочей группы, через которого был прямой выход на меньшевистскую думскую фракцию в лице

Н. С. Чхеидзе и на «трудовика» А. Ф. Керенского. Император Николай II был вынужден считаться с участием оппозиции в ВПК и Особом совещании, так как её представители, Гучков, Коновалов, Терещенко, были представителями крупных промышленных кругов, без которых снабжение армии было невозможным, особенно в тяжёлых военных условиях лета 1915 г.

Промышленный капитал, выразителем интересов которого являлся Гучков, был обеспокоен и раздражён тем, что начиная с середины 1916 г. Правительство Б. В. Штюрмера стало контролировать кредиты, отпускаемые авансом ВПК^[1323]. Эти кредиты по инициативе министра А. А. Поливанова были непропорционально большими. К декабрю 1915 г. из средств, выделяемых ВПК, 81 % было отпущено авансом^[1324]. По сведениям Штюрмера, деятельность ВПК и Земгора *«поддерживается исключительно на казённые средства (свыше 553 000 000 рублей казённых субсидий и только 4 362 000 рублей местных средств)»*^[1325].

При этом ВПК не справлялись со взятыми обязательствами. В связи с этим Правительство неуклонно снижало выделяемые средства. Если с середины 1915 г. по 1 февраля 1916 г. ВПК было отпущено 129 млн рублей, то с 1 февраля 1916 г. по 1 февраля 1917 г. – всего 41 млн рублей^[1326]. Попытка Правительства взять под контроль прибыль ВПК затронула личные денежные интересы представителей крупного капитала. Так, член Государственной думы и «Прогрес-

сивного блока» кадет А. И. Шингарев через своих доверенных лиц контролировал общество оптовых закупок, которое получило из общественных средств товаров свыше чем на 100 тыс. рублей и ссуду в 50 тыс. При этом общество продавало продукты выше установленных цен^[1327]. Другой представитель ВПК, председатель его Саратовского областного отделения Ф. Ф. Шмидт, пользуясь своим общественным положением, летом 1916 г. искусственно завышал в Саратове цены на муку. В результате проведённой правительственной проверки в отношении Ф. Ф. Шмидта началось судебное разбирательство^[1328].

Задетые Правительством за экономические интересы ВПК становились активными сторонниками введения Ответственного министерства. Летом 1916 г. оппозиция пыталась воздействовать на Правительство с помощью Ставки. Когда Гучков понял, что Правительство будет пресекать любые его попытки использовать ВПК в открытой агитации, он перешёл к другой тактике, организовав, через те же ВПК, кампанию по обвинению Правительства в неспособности снабдить армию снарядами. 18 августа Гучков написал «секретное» письмо начальнику штаба генералу М. В. Алексееву. При этом Гучков сделал всё, чтобы это письмо было предано огласке и чтобы с ним было ознакомлено наибольшее число заинтересованных людей. Письмо это, по признанию Гучкова, им *«было использовано как агитационное средство против строя»*^[1329]. В нём Гучков сообщал «голые факты», что

Штюрмер запретил премировать заводы, выпускающие тяжёлые снаряды сверх нормы. При этом Гучков, ссылаясь на генерала А. А. Маниковского, сообщал, что *«вряд ли удастся при новых условиях добиться увеличения выпуска тяжёлых снарядов»*^[1330]. Гучков напрямую обвинил Штюрмера, военного министра Д. С. Шуваева и министра торговли князя В. Н. Шаховского в работе на Берлин^[1331].

Несостоятельность изложенных в письме А. И. Гучкова фактов, была убедительно раскрыта в докладах Б. В. Штюрмера Государю^[1332]. Глава Правительства объяснял причину появления письма Гучкова неудачей *«руководителей противоправительственного движения сломить проводимую Правительством систему»*. Эта неудача, по словам Штюрмера, заставила оппозицию действовать *«путём инсинуаций о том, что оно парализует деятельность военных властей в деле борьбы с внешним врагом»*. Эта «клевета нашла выражение в письмах Гучкова на имя начальника штаба Верховного Главнокомандующего»^[1333]. Штюрмер разоблачал слова Гучкова о «вредительском» отказе Правительства от премий заводам за выпуск снарядов. Штюрмер писал, что вопрос о премиях был рассмотрен на Особом совещании, которое *«признало эти премирования нецелесообразными»*. Особое совещание исходило при этом из того, что *«премировка справедлива, если завод, взявшийся поставить в июне месяце 1000 снарядов и исправно их изготовивший, в июле месяце выработает не только прежнюю 1000, но 1200 снарядов»*.

Лишние 200 снарядов подлежат премировке. Если же завод, взявшийся в июне поставлять 1000 снарядов, изготовил всего 200, то есть не исполнил контракта, а в июле выработал 210 снарядов, то эти последние не подлежат премировке»^[1334].

Понятно, что в первую очередь это письмо было предназначено не генералу Алексееву. Письмо было рассчитано на то, что Алексеев распространит среди военных следующую информацию: защитниками интересов армии и Родины является не «предательское» Правительство, а Гучков и Родзянко.

Отставка одного из лидеров «Группы Кривошеина» С. Д. Сазонова с поста министра иностранных дел и назначение Б. В. Штюмерера в значительной степени ломало планы «Прогрессивного блока». Летом 1916 г. Штюмерер представил Государю письменный доклад, в котором определил, что целью «Прогрессивного блока» является внесение в Думу большого числа заранее невыполнимых законопроектов «несообразжённых ни с историей, ни с практикой, ни с духом русского законодательства». Отказ Правительства утверждать подобные законопроекты, будет использован «Прогрессивным блоком» в качестве доказательства, что Дума «не в состоянии ничего практически осуществить, ибо Правительство, опасаясь всяческих преобразований, ведёт постоянную и упорную борьбу с прогрессивными течениями общественной мысли»^[1335]. Штюмерер сообщал, что Дума в лице

её «прогрессивного» большинства отказывалась работать с Советом министров и требовала создания *«кабинета из лиц, облечённых её доверием и перед нею ответственных»*. Дума, по убеждению Штюмера, *«прямо обратилась к итурму власти»*^[1336].

В июле 1916 г. Император Николай II потребовал ускорить роспуск Думы на каникулы. На докладе Б. В. Штюмера Государь повелел распустить Думу не позднее середины июля 1916 г.^[1337] Пока Дума бездействовала в перерывах между сессиями, Правительство попыталось провести ряд действий, направленных на ослабление позиций Гучкова в Военно-промышленных комитетах. *«Правительством, – докладывал Б. В. Штюмер, – был принят ряд мер, направленных к ограничению деятельности учреждений, созданных Особыми совещаниями по обороне государства, когда деятельность этих учреждений выходила за рамки закона и учреждения эти являлись ареной для политической агитации. <...> В дальнейшем положен предел политической агитации Военно-промышленных комитетов, ограничены случаи созыва всякого рода съездов и приняты другие меры предупредительного характера»*^[1338].

Между тем и «Прогрессивный блок» не оставил борьбы. Наоборот, она приобретала в течение 1916 г. всё более активный характер. Причин для эскалации этого противостояния с Правительством было несколько. Главными из них были отеснение от власти сторонников блока в Правительстве,

усилившийся контроль Правительства за деятельностью Военно-промышленных комитетов, усилившийся контроль со стороны нового главы Правительства Штюмерера за его деятельностью в области иностранных и финансовых дел и, главное, наметившийся летом 1916 г. перелом на театре военных действий в пользу России.

По поводу последнего П. Н. Милюков в конце 1917 г., уже после февральских событий, писал искренне (что случалось с ним крайне редко) монархисту И. В. Ревенко: *«Вы знаете, что твердое решение воспользоваться войною для производства переворота было принято нами вскоре после начала этой войны. Заметьте также, что ждать большие мы не могли, ибо знали, что в конце апреля или начале мая наша армия должна была перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования. Вы понимаете теперь, почему я в последнюю минуту колебался дать согласие на производство переворота, понимаете также, каково должно быть в настоящее время мое внутреннее состояние. История проклянет вождей наших, так называемых пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю»*^[1339].

Эти строки П. Н. Милюкова подтверждаются мнением генерала К. И. Глобачёва: *«Всё было приготовлено к переходу в общее наступление весной 1917 года. Центральные державы должны были быть разгромлены в этом году. Таким*

образом, для революционного переворота в России имелся 1 месяц, то есть до 1 апреля. Дальнейшее промедление срывало революцию, ибо начались бы военные успехи, а вместе с ними ускользнула бы благоприятная почва»^[1340].

В конце 1915 – начале 1916 г. «Прогрессивный блок» и Гучков начинают активную деятельность по дискредитации Правительства и лично Государя. Главными мишенями становятся Б. В. Штюмер, Г. Е. Распутин и косвенно Императрица Александра Феодоровна. Как писал Г. М. Катков: *«Излюбленным методом Гучкова в распускании слухов и вовлечении влиятельных лиц в его замыслы было распространение напечатанного на машинке или мимеографированного материала, воспроизводящего частную переписку. Ещё в 1912 году в правительственных кругах считали, что именно он пустил в ход мимеографированные копии писем, написанных несколько лет тому назад Царицей и её детьми Распутину; это был сильный, можно сказать, вероломный, удар по престижу монархии.*

В сентябре 1915 года Гучков воспользовался тем же самым приёмом, взявшись распространять от имени общественных организаций нецензурированные думские речи»^[1341].

Следует отметить, что те самые «письма» Царицы Г. Е. Распутину, которые Г. М. Катков называет *«мимеографированными копиями»*, на самом деле были фальшивками, сфабрикованными расстригой С. М. Труфановым (бывшим иеромонахом Илиодором). Гучков находился в тайном кон-

такте с этим человеком и пользовался его услугами.

Одновременно шло собирание оппозиционных сил вокруг «Прогрессивного блока». 2/15 марта 1916 года министр внутренних дел А. Н. Хвостов докладывал Б. В. Штюрмеру: *«По поступающим в Министерство внутренних дел сведениям, при “прогрессивном блоке” в Государственной Думе негласно учреждено особое бюро для постоянных и систематических сношений со всеми общественными и муниципальными организациями России обслуживающими нужды действующей армии и тыла; благодаря этому “прогрессивный блок”, в случае каких-либо осложнений с Правительством, надеется получить возможность провести при поддержке Государственной думы давление на Правительственную власть со стороны означенных организаций»*^[1342].

Летом 1916 г. Б. В. Штюрмер представил Императору Николаю II письменный доклад, в котором очень точно определил цели «Прогрессивного блока»: *«Задача так называемого “прогрессивного блока”, опирающегося на большинство Думы, сводится к проведению теперь же, в летнюю сессию, главных законопроектов об отмене всех правовых ограничений для крестьян, проекта земской реформы, проекта нового закона об обществах и союзах. Каждый из означенных законопроектов интересует так называемый “прогрессивный блок” не столько по существу, сколько с точки зрения возможности внушать с думской кафедры обществу, что Государственная Дума исполнена лучших намерений, но что*

она не в состоянии ничего практически осуществить, ибо Правительство, опасаясь всяческих преобразований, ведёт постоянную и упорную борьбу с прогрессивными течениями общественной мысли.

В действительности же, каждый из этих проектов построен на началах, столь несообразных ни с историей, ни с практикой, ни с духом русского законодательства, что если бы каким-либо образом проекты эти получили бы силу закона, страна оказалась бы в положении совершенно безвыходном»^[1343].

Николай II понимал всю опасность «Прогрессивного блока» и деятельности думской оппозиции. В июле 1916 г. Государь потребовал ускорить роспуск Думы на каникулы. На упомянутом выше докладе Штюрмера Николай II наложил следующую резолюцию: *«Роспуск законодательных учреждений может состояться 20–22 июля, но не позднее»^[1344]* (подчёркнуто в документе Императором Николаем II. – *Примеч. авт.*).

Мотивы, по которым Государь требовал ускорить перерыв в работе Государственной думы, вполне понятны, если учесть постоянно поступающую к нему информацию о действиях «прогрессивного» её большинства. *«Работать с сим Советом Министров, – писал Николаю II Штюрмер, – Дума по-прежнему отказывается и настаивает на составлении Кабинета из лиц, облечённых её доверием и перед нею ответственных. Убеждённость в том, что такое желание*

её будет исполнено, настолько укрепились в сознании большинства Думы, что обычная система её борьбы с Правительством совершенно изменилась. В прежние времена правительственные мероприятия подвергались критике по мере обсуждения смет отдельных ведомств, в настоящую сессию Дума, не приступая к отдельным сметам и не обсуждая внесения законопроектов, прямо обратилась к штурму власти.

В основе плана действий руководителей Государственной Думы лежит соображение о том, что если бы настоящее Правительство не было заменено Кабинетом общественного доверия, то занятия Думы должны были бы прерваться, и тогда бы представилась бы возможность вызвать беспорядки среди рабочего населения, учащейся молодёжи и даже в войсках»^[1345].

Пока Дума бездействовала в перерывах между сессиями, Правительство попыталось провести ряд действий, направленных на ослабление позиций Гучкова в Военно-промышленных комитетах. Дело в том, что Гучков видел в этих комитетах в первую очередь политический механизм захвата власти, а не общественную организацию, призванную помогать армии. Военно-промышленные комитеты стали центрами антиправительственной агитации и собраний. Штюмер докладывал Николаю II о мерах, предпринятых Правительством для нормализации деятельности ВПК. «Правительством, – докладывал Штюмер, – был принят ряд мер, на-

правленных к ограничению деятельности учреждений, созданных Особыми совещаниями по обороне государства, по продовольствию, снабжению топливом и перевозками, во всех тех случаях, когда деятельность этих учреждений выходила за рамки закона и учреждения эти являлись ареной для политической агитации. <...> В дальнейшем положен предел политической агитации Военно-промышленных комитетов, ограничены случаи созыва всякого рода съездов и приняты другие меры предупредительного характера»^[1346].

Действия Правительства по борьбе с противоправными действиями и ограничение влияния Военно-промышленных комитетов, главных центров «Прогрессивного блока», не могли не тревожить его руководителей.

А. И. Гучков был также встревожен и тем, что главная цель оппозиции – создание Ответственного министерства и введение в России парламентаризма, становилась всё более и более призрачной. Николай II твёрдо заявил, что до окончания войны никаких реформ в государственном управлении не предвидится, и ничто не могло заставить Царя и Правительство пойти на уступки в этом вопросе. Оппозиции становилось понятно, что если она протянет до весны, то предстоящее наступление и последующий перелом в войне сделает её мечты о власти и вовсе несбыточными.

Всё это вместе взятое привело Гучкова и «Прогрессивный блок» к окончательной мысли о радикальном дворцовом перевороте.

Чем ближе становился роковой 1917 г., тем больше было знамений, предсказывающих скорое мученичество Царя за Россию. В 1915 г., во время посещения Императором Николаем II Севастополя, Государь захотел посетить Свято-Георгиевский монастырь, находившийся на мысе Фиолент на крутой скале. Граф Д. С. Шереметев вспоминал, что начавшийся в присутствии Государя в храме молебен был внезапно прерван необычным шумом, громкими разговорами и суматохой. Государь *«удивленно повернул голову, недовольно насупил брови и, подозвав меня к себе жестом, послал узнать, что такое произошло»*. Выйдя из храма, Шереметев узнал от монахов, что рядом с монастырём живут два схимника, которых ни имена, ни нахождение келий никому не известны. Схимники никогда не выходят из своих келий, никто с ними никогда не общался. Но в день приезда в монастырь Государя *«произошло невероятное событие, потрясшее и взволновавшее всех монахов монастыря: два старца в одеждах схимников тихо подымались по крутой лестнице, ведущей со стороны моря. О прибытии Государя в монастырь им ничего не могло быть известно, ибо и сам игумен, и братия – никто не знал о посещении Государя, совершить которое было решено внезапно, в последнюю минуту. Вот откуда волнение среди братии. Я доложил Государю и видел, что это произвело на него впечатление, но он ничего не сказал, и молебен продолжался»*^[1347]. По окончании молебна Государь приложился к кресту и после недолгой бесе-

ды с игуменом вышел из храма. Возле площадки «стояли два древних старца. Когда Государь поравнялся с ними, они оба молча поклонились ему в землю. Государь, видимо, смутился, но ничего не сказал и, медленно склонив голову, им поклонился». Много лет спустя, уже в эмиграции, Шереметев задавался вопросом: «Не провидели ли схимники своими мысленными очами судьбу России и Царской Семьи и не поклонились ли они в ноги Государю Николаю II как Великому Страдальцу земли русской?»^[1348]

Глава 2. Заговор

Очевидно, что свержение Императора Николая II в феврале – марте 1917 г. было осуществлено не в результате революции, а в результате заговора. Но, признавая это, не стоит делать его главной и единственной причиной крушения русской Монархии. Заговор стал возможным из-за духовного оскудения русского народа, от духовной деградации его элиты. Идеалы Православного Царства, Самодержавия перестали восприниматься большей частью русского народа как естественные и органичные свойства души самого народа. Государь Николай II, верный Христу, долгу царского служения, самозабвенно любящий Россию, благородный, чистый сердцем и милостивый, стал чужд и непонятен для большей части элиты и общества.

Поэтому с такой видимой лёгкостью произошёл Февральский переворот, именно поэтому столь велико число предавших и малодушных. Причина, по которой народ так легко купился сначала на «пьяную радость» Февраля, а затем на разбойничьи посулы Октября, заключалась именно в том, что малодушных и теплехладных стало больше, чем мужественных и верных. Народ в своей массе утрачивал сыновье отношение к Царю-Батюшке, который должен был, если он хотел продолжать царствовать, перестать быть таковым и превратиться в сурового отчима. Но Николай II, как, впрочем, и

любой Монарх, верующий в Бога и несущий ответ перед ним за свой народ, не мог изменить своего отеческого к нему отношения. В этой связи вспоминаются слова монарха совсем иной страны, нехристианской и по-восточному жестокой, но сохранившей понятие сакральности монаршей власти, данной Всевышним. Речь идёт о последнем Шах-ин-Шахе Ирана Мохаммеде Реза Пехлеви, который в 1979 г. на предложение своих генералов подавить в крови восстание исламистов ответил: *«Я не могу царствовать на крови своих подданных. Какую страну я передам своему сыну?»*

Не имея больше в подавляющей массе своих подданных сыновьей любви к нему, Государь Николай II не мог платить им тем же, не мог заставлять их любить себя, потому что тогда бы исчезла христианская основа российской монархии и она превратилась бы в обычную деспотию. Не имея ни желания, ни возможности пойти по этому пути, Император Николай II оставлял для себя лишь один путь – мученичества.

Полковник Ф. В. Винберг вспоминал, что в первые дни после объявления Великой войны он в Петрограде взял извозчика. Это был русский крестьянин средних лет. Между ними завязался разговор, и извозчик сказал, что, несмотря на всеобщий патриотизм, *«ничего путного из этой войны не будет, потому что в нынешнее царствование воевать нам совсем не полагается. При нынешнем Государе никакое дело не выходит и выйти не может: несчастливый он Царь, и царствование его – несчастливое»*. Винберг был готов уже

вспылить, но извозчик спокойно продолжил: «Вы, Ваше Высокоблагородье, не волнуйтесь, обо мне Бог весть что не подумайте. Я сам – старый солдат; не нынешний солдат, а настоящий, и Царя нашего не меньше чем вы, почитаю и люблю. <...> Вы сами, барин, поразмыслите и подумайте: ну что хоть раз удалось нашему Царю! Все не спорится, все не ладится. Да и то сказать следует, нынче такой народ пошел, такого ли им Царя надобно... Их ух как в железной рукавице зажать следовало бы, чтобы только пищать могли да просить помилования. А тут у нас все добром, да лаской, да любовью хотят управлять. А нешто этот народ можно любовью пронять! Как же! Держи карман! А заволновались Вы спервоначалу понапрасну, Ваше Высокоблагородье, потому что Царя я очень почитаю и жалею. Крепко его жалею. Ведь душа у него – чисто херувимская. Настоящая христианская, чистая и светлая, что хрусталь. А только – не по нынешнему времени и не по нашему народу такая душа»^[1349].

Вот эту Царскую душу не понимала, не хотела, а часто и не могла понимать большая часть общества и народа. «Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир» (Ин. 15: 19). Эти слова в полной мере относятся к Государю Императору Николаю Александровичу. Его слова, написанные в дневник после «отречения»: «кругом измена, и трусость, и обман», были не фигурой речи, а точной диагностикой бо-

лезни, поразившей Россию.

Причем измена эта часто оправдывалась самыми благи-ми намерениями, которыми как известно, вымощена доро-га в ад. Алексеев, Рузский, Брусилов, Эверт изменяли Ца-рю не потому, что они были германскими шпионами, и не потому, что они были масонами (что вовсе не означает их непринадлежность к членству в Военной Ложе), или тайны-ми революционерами, а потому, что понятие Царь и Отече-ство у них были «разняты на два понятия». Они не могли ни оценить, ни понять ни благородство Царя, ни его подвиг с принятием командования, ни его жертвенность, ни того, что только имя Государево держало Россию и фронт от раз-вала. В своей брошюре автор, писавший под псевдонимом М. де Ноблемонт (по имеющимся данным, под ним скры-вался Г. А. Эдельберг, офицер контрразведки, знавший ге-нерала М. В. Алексеева лично), писал о нем: *«Этот генерал, обласканный Царём, одаренный царскими милостями и, по-сле уже близкой победы над врагом, будущий граф или ге-нерал-фельдмаршал, стал изменником только потому, что сделал ставку на “лошадь” Гучков-Родзянко!»*^[1350] Примеча-тельно, что из всех генералов-изменников открыто пока-ялся лишь генерал А. Е. Эверт, который после революции сказал князю В. А. Друцкому-Соколинскому: *«Я, как и дру-гие главнокомандующие, предал Царя, и за это злодеяние все мы должны заплатить своей жизнью»*^[1351]. Что же касает-ся генерала Алексеева, то он не только не раскаялся в сво-

ем клятвопреступлении, но продолжал предавать Государя уже после революции. Генерал-майор И. К. Кириенко вспоминал, что весной 1918 г., когда создавалась Добровольческая армия, он и четверо других офицеров пришли к Алексею «и сообщили ему, что мы решили отправиться на спасение Государя, и просили его указаний. Генерал Алексеев задумался и затем сказал, что он не может дать своё разрешение на это очень опасное и ненужное дело по причине, что жизни Царской Семьи ничего не угрожает, там уже находится посланный отряд гвардейских офицеров и чинов конвоя для спасения Государя и что мы, не зная друг друга и не узнав по форме, которую, конечно, придется снять, можем неожиданно столкнуться, произойдет братоубийство и мы не только друг другу помешаем, но всё это станет известно большевикам и тогда действительно – здесь генерал Алексеев, с каждым словом, указывая на меня пальцем, продолжал: “Гибель Государя ляжет на вашу совесть”. Страх погубить Государя и Его Семью решил всё. Мы не пошли. Теперь я отлично понимаю, что спасение Государя не входило в личные интересы генерала Алексева, и когда он задумался, то, полагаю, что в его духовном взоре пронёсся суд и если не виселица за клятвопреступление присяги, измену и предательство, то несмыслимый позор, лишение чинов, орденов, исключение из военной службы и каторга, – и он вторично предал Государя, теперь уже на смерть»^[1352].

Непонимание того факта, что изменившие Царю Великие

Князья, епископы, генералы, штабные офицеры, аристократы обрекли этой изменой себя и страну на катастрофу, делает невозможным понимание ни истоков большевизма, ни поражения белых в Гражданской войне, ни истоков Соловков и ГУЛАГа, ни Великой Отечественной войны, ни проблем сегодняшнего дня.

Документальные источники убедительно свидетельствуют о том, что в течение 1916 – начале 1917 г. ни в Петрограде, ни в Москве не было ни одной сколько-нибудь серьёзной революционной организации, способной и готовой осуществить революцию. Революционное подполье было дезорганизовано арестами, страдало от нехватки денег и сводилось к распространению листовок или легальным формам борьбы. Социал-демократы, причём оба их крыла, меньшевистское и большевистское, фактически выбыли из активной борьбы. 9 января 1917 г., то есть за месяц до Февральского переворота, находящийся в эмиграции В. И. Ульянов (Ленин) писал: *«Мы, старики, может быть, не доживём до решающих битв этой грядущей революции»*^[1353]. Несостоятельной представляется мысль о том, что Февральский переворот стал следствием «стихийного выступления масс». Сегодня на примере целого ряда «бархатных», «цветных» и «цветочных» революций особенно становится понятно, что никакой государственный переворот, никакая революция не могут происходить стихийно, сами по себе. Революции побеждают не в результате «стихийного» бунта, а становятся ре-

результатом деятельности мощной организации, влиятельных сторонников и, главное, большого количества денег. Все эти составляющие мы видим на примере Февральского переворота.

Февральские события были событиями локальными. Они коснулись только Петрограда и в очень небольшой степени Москвы. В феврале 1917 г. начальник Тифлисского охранного отделения сообщал в департамент полиции, что *«по имеющимся агентурным сведениям, никаких намерений со стороны преступного в политическом отношении элемента вести означенную агитацию не возникало. <...> Все внимание обращено на Петроград, и инициатива должна исходить оттуда»*^[1354].

Примечательно, что подобные сообщения поступали со всех концов необъятной Империи. Л. Д. Бронштейн (Троцкий) со знанием дела утверждал, что *«Февральскую революцию совершил Петроград. Остальная страна присоединилась к нему. Нигде, кроме Петрограда, борьбы не было»*^[1355]. В Петрограде в феврале 1917 г. на улицы вышли не *«голодные, доведённые до отчаяния обездоленные массы»*, а организованные вооружёнными боевиками толпы рабочих, горожан и уголовного элемента. Г. М. Катков пишет, что 26 февраля 1917 г. *«в военные отряды бросали бомбы, и они, обороняясь, немедленно пускали в ход оружие»*^[1356]. Очевидно, что у рабочих не могло быть ни боевого оружия, ни боевых гранат (бомб). Кто кидал эти гранаты и бомбы в войска? Это бы-

ли не представители главных революционных партий: в войска стреляли профессиональные террористы, организованно задействованные в государственном перевороте.

Не находит своего подтверждения и версия об активной роли в февральских событиях германской агентуры, которая якобы играла важную роль в беспорядках в России. Хотя не вызывает сомнений, что поддержка и организация беспорядков в России была частью стратегии германского верховного командования с самого начала войны^[1357]. Однако, благодаря умелой работе русской контрразведки, большая часть германских планов так и осталась невыполненной.

Тем не менее, признавая, что Император Николай II был свергнут с престола в результате заговора, трудно понять, почему заговорщики, многие из которых позиционировали себя как патриоты и даже монархисты, пошли на переворот во время тяжёлой войны, да ещё накануне наступления русской армии, которое, несомненно, обещало быть успешным. Люди, возглавлявшие заговор, поставили свои политические интересы выше интересов Отечества. Но непонятно, почему при этом самую активную помощь руководителям заговора оказало ближайшее окружение Императора Николая II, генерал-адъютанты, члены свиты и даже представители правящей династии? Почему участие в заговоре приняли столь разные по своему социальному статусу и политической ориентации люди? Что или кто их объединил? Почему свержению Императора Николая II так способствовали правитель-

ственные круги союзных держав? Что подвигло их пойти на столь опасный шаг во время тяжёлой войны, когда её исход был ещё совсем не ясен? Ведь участие западных политиков в этом заговоре, независимо от его успеха или неудачи, грозило ни много ни мало крахом Антанты, с последующим выходом России из войны и даже её сепаратным миром с Германией. Это тем более странно, что западные союзные правительства были полностью уверены в верности Императора Николая II своим союзническим обязательствам.

Не вызывает сомнений, что активную поддержку переворота, в том числе и организационную, оказали правящие и финансовые круги Англии, Франции и США, а также находящиеся на их территории влиятельные тайные организации, которые во многом подмяли под себя национальные правительственные структуры этих государств. Февральский переворот имеет две главные причины: внешнюю и внутреннюю. Внешние причины заключаются в следующем: 1) неотвратимость победы Российской Империи в мировой войне и в связи с этим заинтересованность влиятельных политических, финансовых, промышленных, масонских кругов Запада в её уничтожении как опасного конкурента и духовно-цивилизационной альтернативы воздвигаемому ими новому мировому порядку; 2) неспособность западных союзников помешать России овладеть Черноморскими проливами и Константинополем; 3) стремление трансатлантического капитала подчинить себе русский рынок и сырьевые

ресурсы.

Отсюда происходила политическая и финансовая поддержка вышеназванными силами Запада Февральского переворота.

К внутренним причинам следует отнести: 1) стремление как либерально-кадетской оппозиции, так и революционных сил захватить власть в стране, объединение их усилий на этом основании; 2) недовольство крупного промышленного капитала мерами Императорского Правительства по установлению контроля за его деятельностью, отсюда стремление капитала занять главенствующую роль в управлении государством; 3) непримиримая духовная вражда в отношении самодержавной православной монархии со стороны масонского, раскольничьего и революционного подполья, объединение их усилий на этом основании; 4) мощная поддержка заговорщиков со стороны влиятельных общественных, думских, политических, промышленных и военных деятелей.

Важнейшей причиной ускорения верхушкой англо-американского сообщества подготовки государственного переворота в России стали взятые правительства Англии и Франции обязательства перед русским Монархом по территориальным приобретениям. Обладание Проливами и Константинополем позволяло России контролировать военные и торговые пути в Средиземное море, открывало ей дорогу в Азию, в Индию и Африку. Господство России в Проливах означало бы к тому же быстрое окончание войны в пользу

Антанты. Это, к слову сказать, понимали как немцы, так и союзники. Гросс-адмирал Альфред фон Тирпиц писал: «*Если Дарданеллы падут, то война для нас проиграна...*»^[1358]

Такое завершение войны не устраивало Дэвида Ллойд-Джорджа и Якоба Шиффа. Война должна была закончиться по их сценарию, и в этом сценарии для России не было места. Глава французской военной миссии при Царской Ставке дивизионный генерал Морис Жанен 7 апреля 1917 г. записал в свой дневник: Февральская революция *«руководилась англичанами и конкретно лордом Мильнером и сэром Бьюкененом»*^[1359]. Причём через Мильнера на переворот в России было выделено 21 млн рублей^[1360]. Эта сумма примерно совпадает с той цифрой, которую Я. Шифф, по словам его внука, затратил на русскую революцию^[1361].

Победа Императорской России в войне означала бы для тайного сообщества не только крах идеи мирового правительства, но и крах всего планируемого им послевоенного мира. Общую обеспокоенность Запада высказал в письме президенту США Вудроу Вильсону его советник Эдвард Мандел Хауз: «*Если победят союзники, то это будет означать господство России на европейском континенте*»^[1362].

В основе идеологии глобалистов начала XX в. была, безусловно, антихристианская и антимонархическая составляющая. Современный российский исследователь доцент Т. В. Грачёва пишет: «*Цель создания глобального государства, это цель духовного и религиозного характера. Для то-*

го чтобы её достичь, нужно до основания уничтожить священную государственность, даже идею о ней, даже память о ней, полностью скомпрометировать её историю»^[1363].

Сценарии развала России, которые прорабатывались в начале XX в., удивительным образом совпали с большевистским сценарием 1917–1922 гг. и либерально-демократическим 1991–1993 гг.

В конце 1916 г. тайное американо-английское сообщество приняло окончательное решение о начале стремительного форсирования подготовки государственного переворота в России^[1364]. Целью этого переворота было свержение Императора Николая II и полное уничтожение монархии в России.

14 февраля 1916 г. в восточной части Нью-Йорка состоялось тайное собрание, посвящённое организации революции в России. Костяк собрания представляли «ветераны» революции 1905 г. Финансовая сторона вопроса была взята на себя ведущими американскими банкирскими домами, в связи с которыми *«имя Якова Шиффа неоднократно упоминалось»*^[1365].

Исследователь Т. В. Грачёва утверждает, что *«в архивах Государственного департамента США (1910–1929, № 861.4016/325) хранится следующее сообщение, подготовленное американскими разведывательными службами: “В феврале 1916 года впервые стало известно, что в России разжигается революция. Было выявлено, что упомянутые*

ниже лица вовлечены в это разрушительное предприятие: это директора “Куб, Лёйб энд Компани” Якоб Шифф, Отто Канн, Мортимер Шифф, Джером Ханауэр, Феликс Варбург и его брат Пол”»^[1366].

К концу 1916 г. Дж. Бьюкенен был хорошо осведомлён от П. Н. Милюкова, с которым находился в постоянном общении, о планах оппозиции по свержению Императора Николая II^[1367]. Сведения об этих планах английский посол передавал в Лондон Ллойд-Джорджу^[1368]. Генерал П. Г. Курлов вспоминал, *«что розыскные органы ежедневно отмечали сношения лидера кадетской партии Милюкова с английским посольством»*^[1369]. Примечательно, что этот текст у П. Г. Курлова имеет следующее примечание: *«К счастью, документы, относящиеся до этого вопроса, сохранены моими подчиненными от революционеров, и я надеюсь, что буду иметь возможность опубликовать их при втором издании этой книги»*. Насколько известно, эти документы никогда не были опубликованы Курловым. Он умер в том же 1923 г., когда увидели свет его мемуары.

Императору Николаю II было известно, что в посольстве у Дж. Бьюкенена происходят встречи с лицами, оппозиционными царскому строю^[1370]. Среди обсуждаемых тем, волновавших гостей британского посла, была дискуссия, будет ли убита Императорская Чета в ходе грядущих потрясений^[1371]. Во время Высочайшего приема по случаю Нового, 1917 г. Николай II прямо заявил Бьюкенену, что ему известно, что

английский посол *«принимает у себя в посольстве врагов монархии»*^[1372].

19 января/1 февраля 1917 г. в Петрограде собралась Конференция союзников. Державы были представлены на высоком уровне: от России министр иностранных дел Н. Н. Покровский, военный министр генерал от инфантерии М. А. Беляев, морской министр адмирал И. К. Григорович, министр финансов П. Л. Барк, и.о. штаба Верховного Главнокомандующего генерал от кавалерии В. И. Ромейко-Гурко, новоназначенный посол в Лондоне С. Д. Сазонов; от Франции – министр колоний Г. Думерг, посол в Петрограде М. Палеолог и генерал Н. де Кастельно; от Англии – военный министр лорд А. Мильнер и посол Дж. Бьюкенен; от Италии – министр без портфеля маркиз В. Шалоя, посол А. Карлотти и генерал граф Руджиери-Ладерки^[1373].

Официальная повестка дня включала обсуждение координации планов союзных держав на военную кампанию 1917 г., материально-техническое снабжение России, а также окончательное урегулирование вопроса территориальных изменений после победы.

Конференция пришла к следующим выводам: 1) *«кампания 1917 года должна вестись с наивысшим напряжением и с применением всех наличных средств, дабы создать такое положение, при котором решающий успех союзников был бы вне всякого сомнения»*; 2) наступление союзников должно быть общим и решительным на всех фронтах, дабы не

дать противнику вырвать инициативу из рук союзников; 3) общее наступление начать в апреле на всех фронтах с целью окончания войны в 1917 г. при полной победе союзных держав^[1374].

Но кроме официальной цели участия союзных представителей на Петроградской конференции была ещё и неофициальная, а точнее негласная – разведка внутривойсковой обстановки в России и координация действий с организаторами готовящегося в стране переворота. Главным действующим лицом западных союзников на конференции был лорд А. Мильнер^[1375]. Ллойд-Джордж не скрывал своих надежд от этой конференции, так как она *«может привести к какому-нибудь соглашению, которое поможет выслать Николая и его жену из России и возложить управление страной на регента»*^[1376].

18/31 января Государь принял в Царском Селе всех участников конференции. Мильнер вручил Царю два письма от короля Георга V^[1377]. Ещё через два дня лорд получил личную аудиенцию и обедал с Государем и Государыней. После этой встречи Мильнер констатировал: *«Император и Императрица, хотя держались очень любезно, но совершенно отчетливо дали понять, что не потерпят никакого обсуждения российской внутренней политики»*^[1378].

Союзники передали Царю меморандум со своими «советами»: 1. Ввести в штаб Верховного Главнокомандующего союзных представителей с правом решающего голоса. 2. Об-

новить командный состав армии в согласовании с державами Антанты. 3. Ввести ответственное министерство^[1379]. На эти требования Государь ответил отказом по пунктам. По пункту 1: *«Излишне введение союзных представительств, ибо Своих представителей в союзные армии, с правом решающего голоса вводить не предполагаю»*. По пункту 2: *«Тоже излишне. Мои армии сражаются с большим успехом, чем армии моих союзников»*. По пункту 3: *«Акт внутреннего управления подлежит усмотрению монарха и не требует указаний союзников»*^[1380].

5/18 февраля лорд А. Мильнер был ещё раз принят Николаем II. Во время этого приёма Мильнер попытался оказать на Царя прямое давление. Лорд представил Государю записку, в которой предлагалось назначить на высшие посты в государственных органах власти России людей из оппозиции, *«не считаясь с официальными традициями»*^[1381]. Мильнер дал понять, что в противном случае у императорского Правительства могут возникнуть серьёзные затруднения, в том числе с поставками военных материалов из Англии^[1382]. После аудиенции у Царя Мильнер заявил, что для успешного исхода войны для России нужно, чтобы *«Император вверил ведение войны действительно способным министрам»*^[1383]. Под таковыми лорд разумел, конечно, представителей либерально-кадетской оппозиции. Жёсткий ультимативный характер требований Мильнера был подчёркнут лордом А. Бальфуrom в его беседе с военным обозревате-

лем газеты «Таймс» полковником С. Репингтоном: *«Монархам редко делаются более серьёзные предупреждения, чем те, которые Мильнер сделал Царю»*^[1384].

Во время своего визита Мильнер встретился с представителями оппозиции А. И. Гучковым, князем Г. Е. Львовым, М. В. Родзянко, генералом А. А. Поливановым, С. Д. Сазоновым, П. Н. Милюковым. Тогда же в Петроград прибыл из Москвы британский генеральный консул и по совместительству резидент британской разведки Р.-Г. Брюс Локкарт^[1385]. Во время своих встреч с Мильнером и Локкартом представители либеральной оппозиции передали меморандум, главный вывод которого заключался в том, что, если со стороны Императора Николая II в ближайшее время не будет оказано никаких уступок, революция неминуема. Львов утверждал, что она произойдёт в течение трёх недель^[1386].

Уже после февральского переворота ирландский представитель палаты общин указывал, что лорда Мильнера «наши лидеры» послали *«в Петроград, чтобы подготовить революцию, которая уничтожила самодержавие в стране-союзнице»*^[1387].

Кроме встреч с представителями думской оппозиции, англичане провели в Москве ряд важных переговоров с представителями ведущих московских финансовых кругов. Предмет переговоров был все тот же: грядущий переворот.

Февральские события в полной мере выявили роль западных сил в её организации и осуществлении. Жанен писал в

дневнике в марте 1917 г., что в момент переворота *«Петроград был наполнен английскими агентами»*, которые подкупали солдат, чтобы те не выходили из казарм и не подчинялись своим офицерам, предлагая им за это по 25 рублей^[1388]. Петроградский градоначальник генерал А. П. Балк вспоминал, что когда его 28 февраля 1917 г. в числе других представителей «старого режима» арестовали мятежники, которые повели арестованных в тюрьму, то *«у Зимнего Дворца навстречу нам шли два английских офицера. Одного я знал хорошо в лицо, фамилию забыл, но фигуру его, необычно длинную и поджарую, знал каждый, кто бывал в “Астории”. Так вот этот офицер своеобразно приветствовал нас. Он остановился, повернулся к нам лицом, засунул руки в карманы, и, пригибаясь назад во все свое длинное туловище, разразился громким хохотом, а потом что-то кричал и указывал на нас пальцем»*^[1389].

В дни февральского переворота в Ревеле базировалась британская военная флотилия под командованием командора Ф. Кроми. Официальным мотивом пребывания её здесь были совместные действия с флотом России против Германии. Однако капитан Кроми был не боевым офицером, а сотрудником британской разведки. Он находился в непосредственной связи с Локкартом и С. Рейли. В течение зимы 1916–1917 гг. Ф. Кроми, находясь в России, постоянно направлял в Лондон письменные отчёты. Адресатами его были: глава британской военно-разведывательной миссии в

России С. Хор и британский военно-морской представитель при Царской Ставке контр-адмирал Р. Филлимор. 1 марта 1917 г., после фактического признания Англией Временного комитета Госдумы, Ф. Кроми по приказу Бьюкенена со своим морским отрядом прибыл в Ревель для возможного противодействия войскам генерала Н. И. Иванова, которые Государь послал на Петроград^[1390].

Таким образом, можно констатировать, что внешние силы сыграли большую роль в свержении Императора Николая II. Однако, признавая важную роль внешних сил в свержении монархии в России, было бы неправильно считать эту роль главной и решающей. Следует признать, что внешние силы не смогли бы добиться поставленных ими целей, если бы они не имели внутри России мощной поддержки в лице влиятельных общественных, думских, политических, промышленных и военных кругов.

Свержение Императора Николая II к 1916 г. стало для Гучкова почти самоцелью. Октябрист князь А. В. Оболенский писал, что бывший глава октябристской партии к моменту революции превратился в *«открытого злобного революционера, настроенного больше всего против особы Государя Императора»*^[1391]. Поэтому Государь называл Гучкова «Юань-Шикаем», по имени китайского революционного диктатора, и считал «своим личным врагом»^[1392]. В своём стремлении свергнуть Царя Гучков был готов объединяться с любыми силами. В конце сентября – начале ок-

тября 1916 г. на квартире кадета М. М. Фёдорова состоялось несколько встреч А. И. Гучкова со своими единомышленниками: М. В. Родзянко, Н. В. Некрасовым, С. И. Шидловским, А. И. Шингарёвым, М. И. Терещенко^[1393]. Вскоре к ним примкнул князь Д. Л. Вяземский, доверенное лицо Великого Князя Николая Николаевича. Именно на Вяземского должна была быть возложена задача по привлечению войск для осуществления переворота. У заговорщиков *«план очень быстро сложился»*^[1394]. Он заключался в захвате Императорского поезда во время одной из поездок Государя в Ставку. Для этого *«были изучены маршруты»* следования литерных поездов. Арестовав Государя, предполагалось тут же принудить его к отречению в пользу Цесаревича Алексея при регентстве Великого Князя Михаила Александровича. Одновременно в стране вводился конституционный строй^[1395]. По словам Гучкова, рассматривался вариант и с убийством Государя, но он якобы был отвергнут^[1396]. Выработанный план был *«хирургической операцией в смысле революционного акта воздействия на Государя, в смысле отречения»*. Гучков и его единомышленники *«крепко верили, что удастся вынудить у Государя отречение с назначением Наследника в качестве преемника. Должны были быть подготовлены соответствующие манифесты, предполагалось все это выполнить в ночное время, наиболее удобное, и предполагалось, что утром вся Россия и армия узнают о двух актах, исходящих от самой верховной власти, – отречении*

и назначении Наследника»^[1397]. Обратим внимание на свидетельство А. И. Гучкова и про «заготовленные» манифесты, и про «ночное время» отречения, и про то, что Россию собирались поставить перед фактом смены Царя. Всё это будет с точностью выполнено 1–2 марта 1917 г.

Таким образом, «заговор Гучкова» представлял собой быстрый дворцовый переворот, закамуфлированный под легитимную передачу власти от Императора Николая II к Цесаревичу Алексею при регентстве Великого Князя Михаила Александровича, который в свою очередь полностью бы зависел от регентского совета, в котором главную роль должен был играть Гучков.

Милюков в своих воспоминаниях прямо указывал, что Гучков *«не исключал и самых крайних форм устранения Царя, если бы переворот совершился в форме, напоминавшей ему XVIII столетие русской истории, – в форме убийства. Но если бы переворот совершился в форме, которую он лично предпочитал, – в форме военного pronunciamento, то он желал бы удаления царя в форме наиболее “мягкой” – отречения от престола»*^[1398]. Активный участник февральского переворота профессор Ю. В. Ломоносов, бывший во время войны высоким железнодорожным чиновником, вспоминал: *«Удивительно то, что, насколько я слышал, это недовольство было направлено почти исключительно против Царя и особенно Царицы. В штабах и в Ставке Царицу ругали нещадно, поговаривали не только о ее заточении, но*

даже о низложении Николая. Говорили об этом даже за генеральскими столами. Но всегда, при всех разговорах этого рода, наиболее вероятным исходом казалась революция чисто дворцовая, вроде убийства Павла»^[1399].

Милюков признавал, что руководство «Прогрессивного блока» изначально было посвящено в замысел заговора. Представители блока, включая самого Милюкова, присутствовали на встречах у Фёдорова^[1400].

«Блок исходил из предположения, – вспоминал Милюков, – что при перевороте, так или иначе Николай II будет устранен с престола. Блок соглашался на передачу власти монарха к законному наследнику Алексею и на регентство до его совершеннолетия – великому князю Михаилу Александровичу. Мягкий характер великого князя и малолетство наследника казались лучшей гарантией перехода к конституционному строю»^[1401].

Понятно, что в регентский совет при малолетнем государе должны были войти Гучков, Милюков, представители русского промышленного капитала. Сам Гучков отрицал наличие у себя амбиций регента и существование списка кандидатов в регентский совет. Дескать, думали только о России, а не о власти^[1402]. Но если задолго до переворота существовали списки так называемого Ответственного министерства, то тем более должен был существовать и список регентского совета. Именно там, в регентском совете, и должна была быть сосредоточена главная власть заговорщиков.

Другим лукавством Гучкова были его уверения, что он и его соратники отказались от организаций массовых беспорядков для осуществления переворота. На самом деле и Гучков, и «Прогрессивный блок» не только не отказались от организации рабочих выступлений, но, наоборот, возлагали на них большие надежды. Но Гучков был не в состоянии сам вывести рабочих на улицы. Это содействие ему было оказано в лице так называемой Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета.

«Создание рабочих групп военно-промышленных комитетов, – пишет Г. М. Катков, – было задумано и проведено в жизнь в 1915–1916 годах Гучковым и Коноваловым в Петрограде и Москве, а в Киеве – М. И. Терещенко. Текстильный магнат А. И. Коновалов ещё до начала войны связался через большевика И. И. Скворцова-Степанова с революционными кругами и пытался организовать “информационный комитет” “всех партий и оппозиционных групп”»^[1403].

Рабочие группы состояли почти полностью из меньшевиков-мартовцев, которые имели определённое влияние на рабочих крупных петроградских заводов. В тот момент, когда руководство большинства социал-демократов не верило в реальность переворота и отказывалось выводить людей, Рабочая группа с радостью ухватилась за предложенный ей Гучковым тактический союз^[1404]. Генерал Глобачёв в своём секретном докладе директору департамента полиции сообщал, что *«рабочая группа ЦВПК вошла в тесное соприкос-*

новение с оппозиционной общественностью»^[1405].

Для Милюкова, не имевшего никаких рычагов воздействия на рабочую среду, возможность использования через Гучкова потенциала Рабочей группы была весьма заманчива. Разуверившись в легальных способах заставить Правительство добровольно «передать всю полноту власти думскому большинству», Милюков и Родзянко примкнули к конспиративной группе, во главе которой стояли «А. И. Гучков, князь Львов, С. И. Третьяков-Коновалов»^[1406].

Группа Милюкова делала ставку на организацию массовых выступлений рабочих в защиту Государственной думы. Гучков, наоборот, полагал, что рабочие выступления должны стать отвлекающим манёвром для тихого государственного переворота, с тем чтобы на следующее утро страна узнала бы имя нового Царя, регента и председателя регентского совета. А. И. Спиридович писал, что Гучков, «создав широкое рабочее движение около Гос. думы, надеялся более легко осуществить персональный дворцовый переворот»^[1407].

Группа Гучкова «все свои надежды и упования основывает на исключительной уверенности в неизбежности “в самом ближайшем будущем” дворцового переворота, поддержанного всего-навсего лишь одной-двумя сочувствующими этому перевороту воинскими частями». Дворцовый переворот должен был передать группе Гучкова всю полноту власти^[1408]. Несмотря на имеющиеся разногласия, Гучков и Милюков «самым усердным образом» шли навстречу друг дру-

гу^[1409].

Гучков приобрёл в руководстве Рабочей группы значительное влияние, став наряду с Коноваловым фактическим её руководителем^[1410]. При этом гучковцы собирались превратить Рабочую группу в руководящий орган всего рабочего класса^[1411]. Оппозиция всячески заигрывала с революционными организациями, потворствуя их агитации среди рабочих. Это дало возможность Спиридовичу утверждать, что *«Гучков, Коновалов и К^о» мечтали «не о победе над немцами, а о победе над Самодержавием. Капитал стремился к власти»*^[1412].

Начиная с осени 1916 г. Гучковым и другими участниками заговора была развёрнута активная пропагандистская кампания с целью компрометации Правительства. Главным рупором этой кампании в Думе стал её председатель камергер М. В. Родзянко. Н. А. Маклаков в письме к Императору Николаю II определял роль Родзянко как *«напыщенного и неумного»* исполнителя, за которым *«стоят его руководители, гг. Гучковы, кн. Львовы и другие, систематически идущие к своей цели»*^[1413]. Маклаков полагал, что цель эта *«ослабить силу значения святой, истинной и всегда спасательной на Руси идеи Самодержавия»*^[1414].

Выход из создавшегося положения Гучков, Милюков и их сторонники, уже не скрывая, связывали с насильственным переворотом. Требования об ответственном министре (Ответственном министерстве) сменяются призывами к «актив-

ным действиям»^[1415]. 30 декабря 1916 г. А. И. Гучков на заседании ЦК партии октябристов «намекнул на возможность неожиданного выхода из тупика в ближайшие дни, вне воздействия и усилий общественности. В этих соображениях А. И. Гучков рекомендовал своей партии всячески поддерживать Прогрессивный блок»^[1416].

В конце 1916 г. князь А. В. Оболенский утверждал, что во главе заговора были «председатель Думы Родзянко, Гучков и Алексеев. Принимали участие в нём и другие лица, как генерал Рузский, и даже знал о нём А. А. Столыпин, (брат Петра Аркадьевича). Англия была вместе с заговорщиками. Английский посол Бьюкенен принимал участие в этом движении, многие совещания проходили у него»^[1417].

«Прогрессивный блок» ждал от власти роспуска Думы для организации беспорядков. В секретном докладе начальник Охранного отделения генерал Глобачёв в конце января 1917 г. сообщал, что представители руководящего думского большинства собираются «повторить события 9-го января 1905 года»^[1418]. Застрельщицей этого нового «кровавого воскресенья» должна была стать меньшевистская Рабочая группа ЦВПК, которая собиралась к открытию очередной думской сессии провести 14 февраля 1917 г. «мирную демонстрацию»^[1419]. О характере этой «мирной» демонстрации свидетельствуют донесения Охранного отделения. В них акцию Рабочей группы прямо называют восстанием^[1420]. По мнению Особого отдела департамента полиции, «14 февраля

нужно ожидать чего-то тяжёлого и серьёзного»^[1421].

24 января Рабочая группа распространила среди рабочих прокламацию, в которой призывалось *«решительно устранить самодержавный режим»*. К моменту открытия сессии Думы Рабочая группа призывала рабочих быть готовыми на общее организованное выступление. Воззвание призывало: *«Пусть весь рабочий Петроград завод за заводом, район за районом, дружно двинется к Таврическому дворцу, чтобы там заявить основные требования рабочего класса и демократии»*^[1422]. В двадцатых числах января Петроградское охранное отделение сообщало, что Рабочая группа усиленно готовит массовые выступления. *«Город разбит на районы, – говорилось в докладных записках директору департамента полиции, – руководство которыми в смысле устройства митингов и т. д. поручены отдельным членам коллегии. Так, Выборгский район поручен членам группы Гвоздёву, Брейдо, Абросимову. Василеостровский район – Емельянову, Невская застава – Вайнеру. Петроградская сторона – Шамарину»*^[1423].

Однако 27 января Петроградское охранное отделение нанесло по замыслам заговорщиков ощутимый удар, арестовав всё руководство Рабочей группы: К. А. Гвоздёва, И. И. Емельянова, Г. Х. Брейдо, Е. А. Гудкова, В. М. Абросимова и других^[1424]. Все арестованные были заключены в тюрьму «Кресты». Руководство рабочей группы было обвинено в том, что оно *«под предлогом участия в учреждении содей-*

ствий обороне страны» встало *«на путь организации революционного движения в Империи»*^[1425].

Аресты были произведены с санкции министра внутренних дел А. Д. Протопопова, который при этом категорически отказался арестовывать А. И. Гучкова. Министр исходил из того, что, арестовав Рабочую группу, охранное отделение фактически обезоружило Гучкова. Кроме того, Протопопов исходил из имеющейся оперативной информации, согласно которой любое массовое выступление должно было быть связано с роспуском Государственной думы^[1426]. В таких условиях арест «заговорщика № 1» только бы способствовал росту его популярности.

Арест Рабочей группы произвёл на Гучкова и его единомышленников *«ошеломляющее впечатление»*^[1427]. Одним ударом Правительство лишило их орудия организации переворота. У Гучкова *«была выдернута скамейка из-под ног; связующее звено удалено и сразу обрывалась связь центра с рабочими кругами»*^[1428]. 29 января собралось совещание «общественных деятелей», на котором присутствовали Гучков, Коновалов, Переверзев, Керенский, Чхеидзе, Караулов, Милуков, Бубликов и другие. В результате совещания было решено *«избрать из своей среды особо законспирированный и замкнутый кружок, который мог бы играть роль руководящего центра для всей общественности»*^[1429].

По некоторым сведениям, после ареста Рабочей группы Гучков стал предлагать единомышленникам провести

немедленный дворцовый переворот по разработанному им плану^[1430]. Он убеждал соратников *«захватить Государя Императора, вынудить его отречение в пользу Цесаревича, причём при сопротивлении Гучков был готов прибегнуть и к цареубийству»*^[1431]. Спиридович указывал, что кроме Гучкова в плане участвовали Н. В. Некрасов, князь Д. Л. Вяземский, М. И. Терещенко и генерал-майор А. М. Крымов. По сведениям Спиридовича, план провалился, потому что *«Гучков не нашел среди офицеров людей, соглашавшихся идти на цареубийство»*. Как известно, начавшиеся 23 февраля выступления рабочих в Петрограде ставили целью не поддержку Государственной думы, как того планировала либеральная оппозиция, а обеспечение хлебом^[1432]. В этих условиях дворцовый переворот Гучкова становился трудновыполнимым.

Но Гучков и «Прогрессивный блок» были не единственными, кто строил планы государственного переворота. Другая влиятельная группа заговорщиков формировалась вокруг депутата Государственной думы А. Ф. Керенского. Пожалуй, мало кто из революционеров был столь же опасен для царской власти, как был опасен этот «присяжный поверенный». Керенский был хитёр, осторожен и находчив. Он был непревзойдённый демагог и выдающийся оратор, обладал несомненными организаторскими способностями. Революционные идеи Керенского волновали мало. Неудержимая жажда славы и известности составляла сущность его натуры.

Человеческую жизнь Керенский не ставил ни во что. Это не мешало ему изображать из себя милосердного и великодушного героя-революционера. Последнее качество в полной мере проявилось во время «великой и бескровной» Февральской революции. К февралю 1917 г. Керенский прошёл большой путь от рядового эсера-пропагандиста, адвоката по политическим делам до руководителя крупнейшей Трудовой фракции (фракции трудовиков) в Государственной думе. Он был знаком с представителями самых разных слоёв оппозиции и революционного движения, многие из которых сыграли затем руководящую роль не только в Февральском, но и в Октябрьском переворотах. Эмигрантский историк И. П. Якобий писал, что Керенский *«предназначался с самого начала на большую роль»*^[1433].

В августе 1915 г. Охранное отделение в своих донесениях выделяло Керенского как главного руководителя революционного подполья. *«Вся революционная агитационная работа, – говорилось в секретных донесениях директору департамента полиции, – в настоящее время сосредоточилась, по категорическим указаниям всех серьёзных осведомительных источников – в социал-демократической и трудовой фракции, причём последняя во главе со своим лидером Александром Керенским за последнее время стала играть доминирующую роль»*^[1434].

К февралю 1917 г. Керенский был одним из руководителей готовящегося государственного переворота. Он внушал,

что «преступное бездарное правительство» не в силах бороться с внешним врагом. Победа возможна только с учреждением в стране народного полноправного правительства, то есть Учредительного собрания, вопрос о созыве которого Керенский настойчиво и систематически пропагандировал. С этой целью он объезжал всю Россию, информируя революционные силы и подготавливая их к выработке общих лозунгов^[1435]. Генерал Глобачёв писал о планах Керенского: *«Военные и придворные круги представляли себе простой дворцовой переворот в пользу великого князя Михаила Александровича с объявлением конституционной монархии. В этом были убеждены даже такие люди как Милюков, лидер партии конституционных демократов. В этой иллюзии пребывала даже большая часть членов прогрессивного блока. Но совсем другое думали крайние элементы с Керенским во главе. После монархии Россию они представляли себе только демократической республикой»*^[1436].

В январе 1917 г. Керенский говорил, что *«революция нам нужна, даже если б это стоило поражения на фронте»*. Для него весна 1917 г. представлялась единственным возможным моментом, чтобы сбросить ненавистный ему государственный строй, даже в том случае, если бы это грозило величайшими потрясениями страны и целостности государства^[1437]. Керенский первым на заседании Государственной думы 14 февраля 1917 г. призвал *«устранить самого Царя, не останавливаясь, если не будет другого выхода, перед тер-*

пористическими насильственными действиями»^[1438].

Изначально между планами либеральной оппозиции и планами Керенского была принципиальная разница. Генерал Глобачёв писал, что если первая *«представляла себе простой дворцовой переворот в пользу Великого Князя Михаила Александровича с объявлением конституционной монархии»*, то Керенский и его сторонники представляли Россию *«после монархии только демократической республикой»*^[1439].

Из вышеприведённых сведений можно сделать несомненный вывод: заговор Керенского предусматривал уничтожение монархии, а не замену самодержавного Императора Николая II конституционным государем.

Однако свои планы Керенский до поры скрывал от «Прогрессивного блока», без помощи которого он не мог рассчитывать на осуществление своих замыслов. Особые отношения были установлены между Керенским и Гучковым. Первые контакты между ними имели место 8 августа 1915 г., когда был сформирован «Прогрессивный блок»^[1440]. Через месяц была составлена секретная «Диспозиция № 1», которая провозглашала создание «Комитета народного спасения». Эта диспозиция была подписана как Гучковым, так и Керенским. Диспозиция заявляла, что Россия ведёт войну *«против упорного и искусного врага вовне и против не менее упорного и искусного врага внутри. Достижение полной победы над внешним врагом немыслимо без предварительной победы над врагом внутренним»*^[1441]. Внутренним врагом «Комитет

народного спасения» объявлял Царя и его Правительство. Пункт 5 «Диспозиции» предусматривал создать для успешной борьбы на внутреннем фронте *«штаб верховного командования из десяти лиц, предоставив сие основной ячейке: князь Львов, А. И. Гучков и А. Ф. Керенский»*^[1442]. Верховным главнокомандующим всех заговорщиков был провозглашён Гучков^[1443]. Керенский активно участвовал в разработке этой «Диспозиции»^[1444]. В декабре 1916 г., когда Гучков вырабатывал план свержения Императора Николая II, Керенский был полностью в курсе дела, хотя о деталях плана не знал даже Милюков. Керенский писал, что лидер *«Прогрессивного блока»* знал лишь, что подготовка к осуществлению заговора идет своим чередом»^[1445].

Роль Керенского в организации русской революции будет не понятна, если не принимать во внимание его масонскую составляющую. Большевик В. Д. Бонч-Бруевич писал, что Керенский был *«вспоен и вскормлен масонами, ещё когда он был членом Государственной думы и был специально воспитываем ими»*^[1446]. При этом следует учесть, что русское масонство никогда не было самостоятельным и единым явлением. Оно было производным от масонства западного. Ничего своего русские масоны не изобрели, а лишь слепо копировали уставы и обряды многочисленных лож Западной Европы, добавляя к ним свойственные русской интеллигенции несообразность и болтливость. Для западного масонства русские «братья» были нужны только в качестве «пятой ко-

лонны», той силы, которая должна была расшатать русский Императорский строй и сделать возможным масонскую революцию.

Керенский стал масоном в 1912 г., вступив в ложу «Полярная звезда», которую он признавал *«не совсем обычной масонской организацией»*. В ней была ликвидирована *«масонская система степеней; была сохранена лишь непрменная внутренняя дисциплина, гарантировавшая высокие моральные качества членов и их способность хранить тайну. Не велось никакие письменные отчёты, не составлялись списки членов ложи. Такое поддержание секретности не приводило к утечке информации о целях и задачах общества»*^[1447].

Накануне Первой мировой войны, в 1913 г., был создан «Великий Восток народов России». Сами масоны говорили, что ВВНР был масонским *«только по названию»*, а главной его целью, так же как и «Полярной звезды», было *«свержение самодержавного режима»*^[1448]. Исследователь масонства А. И. Серков пишет, что «Великий Восток народов России» *«приобрёл характер политического объединения к 1915–1916 гг.»*^[1449] Как и в «Полярной звезде», в ордене царила строжайшая конспирация, не велось *«никаких протоколов заседаний»*^[1450].

В рамках ВВНР произошла смычка между ведущими представителями думской оппозиции и левыми революционными группировками. В «Великий Восток» входили:

трудовик А. Ф. Керенский, лидер фракции меньшевиков в Государственной думе Н. С. Чхеидзе, меньшевик-оборонец, депутат Государственной думы М. И. Скобелев, председатель Рабочей группы ВПК, меньшевик-оборонец К. А. Гвоздёв, «нефракционный» большевик Н. Д. Соколов^[1451]. Членом ВВНР с 1915 г. был большевик И. И. Скворцов-Степанов^[1452]. А также представители крупного капитала: А. И. Коновалов, М. И. Терещенко, П. П. Рябушинский^[1453]. Все эти люди, по словам масона и активного участника Февральского переворота Н. В. Некрасова, сыграли в этом перевороте *«закулисную, но видную роль»*^[1454]. Во время начавшихся беспорядков всем масонам *«был дан приказ немедленно встать в ряды защитников нового правительства: сперва Временного комитета Государственной думы, а затем и Временного правительства»*^[1455].

В рамках ВВНР проходили контакты масонов с большевиками и меньшевиками^[1456]. Коновалов планировал их помирить, объединить и использовать в свержении монархии, для чего щедро снабжал деньгами. Эти контакты имели место в 1915, 1916 и 1917 гг. Последние совещания проходили в Москве у Коновалова в самый канун Февральского переворота^[1457]. Все ведущие члены ВВНР стремились использовать эту организацию для своих политических целей, а не для торжества всемирного масонства. Не был исключением и Керенский, избранный 16 декабря 1916 г. генеральным секретарём ВВНР. Интересно, что в ту же ночь в Петрограде

был убит Г. Е. Распутин. О планах его убийства было хорошо осведомлено руководство Верховного совета ВВНР ^[1458].

Одним из главных финансистов Керенского был ведущий деятель банкирского Бродвейского сообщества Чарльз Крейн, который *«много сделал, чтобы вызвать революцию Керенского»* ^[1459]. Бродвейскому сообществу не нужна была монархия в России – ни самодержавная, ни думская, ни конституционная. В этом она отличалась от английского «Круглого Стола», который рассматривал возможный вариант с возведением на престол Цесаревича Алексея Николаевича, что отвечало и целям Гучкова. Причины, по которым Гучков ориентировался на вариант с конституционной монархией, а Керенский – на республику, вполне понятны. Гучков мог оказаться у власти только как «легитимный» глава регентского совета, назначенный на эту должность новым государем. В случае республики он становился бы всего лишь одним из министров нового правительства. Для Керенского всё обстояло наоборот: неоднократно заявляя о себе как о враге монархического образа правления, будучи выскочкой в глазах даже таких людей, как Гучков, Керенский, в случае установления конституционной монархии, не мог претендовать на какой-либо значимый пост, республика же давала ему всю полноту власти.

В декабре – январе 1917 г. на квартирах Коновалова и П. Рябушинского проходили совещания, на которых обсуждались возможные действия оппозиции в случае роспуска

Думы. Было решено в случае роспуска Думы объявить его *«недействительным, и заседание Гос. думы продолжится в Москве, в частном помещении одного из крупных московских коммерсантов»*^[1460]. Дума должна была собраться на одной из дач Коновалова и *«обратится к стране с воззванием, в котором укажется, что Правительство умышлено, ведёт Россию к поражению, дабы заключить союз с Германией»*^[1461].

Гучков должен был организовать распространение этого воззвания в действующей армии^[1462]. В феврале 1917 г. в секретных сообщениях Петроградского охранного отделения говорилось, что «прогрессисты» убеждены, что *«в настоящих условиях беречь, как угодно Государственную думу значит компрометировать её, и что с кабинетом князя Голицына не может быть ни принципиальных, ни деловых сношений»*^[1463].

Однако Керенского такое развитие событий не устраивало, так как «думская забастовка» не означала полного уничтожения монархии, к чему он стремился. Поэтому, на словах поддерживая идею о выступлении 14 февраля, Керенский делал всё, чтобы минимизировать его последствия. Провал демонстрации успокоил власти, которые в очередной раз решили, что оппозиция и революционеры после разгрома Рабочей группы неспособны на мощное выступление.

Но на следующий день после неудачной демонстрации Керенский начал претворять в жизнь свой сценарий переворо-

та. Он начал агрессивную кампанию в Государственной думе с призывами к свержению монархии. Кампания велась при активной поддержке Коновалова и Чхеидзе. 15 февраля Керенский с трибуны Государственной думы дал сигнал готовности всем революционным силам, заявив, что *«настал 12-й час, сегодня, или никогда!»*^[1464] *«Это было началом революционной славы Керенского»*, – утверждал генерал Спиридович^[1465].

Таким образом, к моменту начала беспорядков в Петрограде главным действующим лицом «революции» становится не «Прогрессивный блок», а Керенский. Так как выступления рабочих и жителей Петрограда начались не под лозунгами защиты Государственной думы и не под революционными лозунгами, то и главным защитником «голодных» стала не Дума, а революционное подполье, ориентированное на Керенского.

Однако никакие «заговоры» Гучкова и Керенского не могли рассчитывать на успех, если Царю осталось бы верным руководство армии. Участие генералов и старших офицеров Ставки Верховного главнокомандующего, а также командующих фронтами и их штабных работников в государственном перевороте февраля 1917 г. представляет собой одну из главных причин его успешного осуществления. Однако было бы неправильно считать, что генералитет представлял собой некую самостоятельную однородную силу. Оппозиционные генералы, с одной стороны, были составной частью объеди-

нённного заговора думской оппозиции, а с другой – зачастую соперничали друг с другом, имея порой разные центры политического притяжения.

Нет сомнений, что если бы генералы Ставки остались хотя бы нейтральными в противостоянии Царя и его противников, то исход событий в феврале 1917 года мог бы быть иным. На деле же мы видим не только сочувствие к заговорщикам со стороны представителей Верховного главнокомандующего, но и самое активное им содействие. Как верно писал И. Л. Солоневич: *«В этом предательстве первая скрипка, конечно, принадлежит военным. Этой измене и этому предательству нет никакого оправдания. И даже нет никаких смягчающих вину обстоятельств: предательство в самом обнажённом его виде»*^[1466]. Успех заговора зависел от того, на чьей стороне окажется армия и прежде всего Ставка, которая была *«вторым правительством не только на театре военных действий, но и в столице»*^[1467].

В 1916 – начале 1917 г. Гучков вошёл в тесный контакт с начальником штаба Ставки генерал-адъютантом М. В. Алексеевым. Тесные контакты были у Гучкова и с главнокомандующим войсками Северного фронта генерал-адъютантом Н. В. Рузским. Последний считал своим долгом советоваться с Гучковым даже по специальным исключительно военным вопросам^[1468]. Особые отношения объединяли Гучкова с генералом от кавалерии В. И. Ромейко-Гурко. В 1899–1900 гг. Гучков и Гурко воевали за дело буров против англичан в

Южной Африке.

Довольно тесные контакты Гучков поддерживал и с капитаном 1-го ранга А. В. Колчаком. Именно Гучков сделал всё возможное, чтобы в 1916 г. «либерал и оппозиционер» Колчак получил звание вице-адмирала и был назначен командующим Черноморским флотом^[1469]. Другой связью Гучкова был начальник 25-го армейского корпуса Особой армии генерал-лейтенант Л. Г. Корнилов. Имя Корнилова попало в гучковский список «сторонников Думы»^[1470]. Особо доверительные отношения были у Гучкова с полковником Генерального штаба С. И. Зиллоти^[1471], родным братом любовницы Гучкова^[1472].

Не исключено, что вовлечению военных в планы Гучкова способствовала т. н. «военная ложа», бывшая частью масонского ордена «Великого Востока народов России», который был создан в 1913 г. и преследовал исключительно одну политическую цель – свержение Самодержавия^[1473]. По свидетельству Л. А. Ратаева, масонская *«атака на армию велась уже давно: ещё до Японской войны»*^[1474]. Военный, попадая под влияние масонской организации, переставал считать приказы верховной власти главными для себя. Командир Лейб-гвардии Финляндского полка генерал-майор В. В. Теплов, при приёме его в масонскую ложу, на вопрос одного из «братьев» о Царе ответил: *«Убью, если велено будет»*^[1475].

«Военная ложа» была создана зимой 1913–1914 гг.

Организатором её был библиотекарь Генерального штаба С. Д. Масловский (псевдоним Мстиславский)^[1476]. Среди членов ложе В. И. Старцев называет генералов А. А. Свечина, А. А. Орлова-Давыдова, В. В. Теплова^[1477].

Другой исследователь русского масонства, В. С. Брачев, называет имена генералов В. И. Гурко, П. А. Половцева, М. В. Алексеева, Н. В. Рузского и полковника А. М. Крымова^[1478]. Известная исследовательница русского масонства Н. Н. Берберова указывала, что *«генералы Алексеев, Рузский, Крымов, Теплов и, может быть, другие были с помощью Гучкова посвящены в масоны. Они немедленно включились в его “заговорицкие планы”»*^[1479].

Объяснялось ли участие генералитета в февральском перевороте членством в «военной ложе» или на это имелись другие немасонские причины? Вопрос этот по большому счёту не имеет принципиального значения. По замечанию С. В. Куликова, *«перемена Верховного главнокомандования не вывела Ставку, находившуюся в Могилёве, из числа союзников парламентаристов. Наоборот, она стала содействовать им ещё более последовательно. Связано это было с появлением в роли начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева»*^[1480].

Участие в заговоре генерала Алексеева, второго человека в русской армии после Императора Николая II, безусловно, являлось ключевым. Царь относился к генералу Алексееву с большим уважением. Произведя его в свои генерал-адъ-

ютанты, Государь лично принёс начальнику штаба погоню со своим вензелем в кабинет. В это время генерал Алексеев уже активно вёл переписку с главным заговорщиком Гучковым^[1481]. Последний был знаком с Алексеевым ещё до начала Первой мировой войны. В ноябре 1911 г. депутат Государственной думы А. И. Савенко посоветовал Гучкову обратить внимание на генералов Алексеева и Иванова, которых он характеризовал как *«даровитых и блестящих генералов»*^[1482].

Министр торговли и промышленности князь В. Н. Шаховской докладывал Императору и Императрице о переписке Алексеева с Гучковым и Родзянко. Эта переписка, по словам князя Шаховского, привела Алексеева к политической деятельности^[1483]. С. П. Белецкий на допросе следственной комиссии Временного правительства говорил, что *«Штюрмер и Протопопов боялись влияний Алексеева, а через Алексеева А. И. Гучкова, с которым он был в хороших отношениях»*^[1484].

Активное вовлечение Алексеева в деятельность против Царя началось с отставкой С. Д. Сазонова и назначением сначала на должность министра иностранных дел, а потом и главы Правительства Б. В. Штюрмера. Это назначение ломало планы оппозиции, которые находили отклик в душе Алексева^[1485].

С помощью интриг Алексеев всячески способствовал падению престижа Государя в глазах главнокомандующих фронтами. Так, Император Николай II решил отправить на

покой главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала Н. И. Иванова, который уже неоднократно жаловался на своё здоровье и усталость. Николай II посоветовался с генералом Алексеевым, и тот высказался в пользу отставки генерала^[1486]. Она состоялась 17 марта 1916 г., а уже 31 марта Алексеев при встрече с Ивановым сказал, что тот уволен вследствие большой интриги из Петрограда, *«по приказанию Государя, Распутина и Вырубовой»*^[1487]. Дезинформированный недалёкий Иванов затаил к Государю неприязнь, хотя тот оставил его при Ставке в качестве своего генерал-адъютанта. Нет сомнений, что эта неприязнь сыграла не последнюю роль в неудаче «бумажного» похода Иванова на Петроград 27 февраля – 2 марта 1917 г.

Пока Гучков «обрабатывал» Алексеева, другой лидер оппозиции, М. И. Терещенко, активно склонял на свою сторону генерала А. А. Брусилова^[1488]. В этот же период стали регулярными встречи князя Львова с Алексеевым, на которых обсуждалась возможность ареста Царя в Ставке^[1489]. Тогда же этими лицами планировался арест Императрицы Александры Феодоровны, её ссылка в Крым и принуждение Государя *«согласиться на министерство “доверия” во главе со Львовым»*^[1490]. В ноябре 1916 г. Алексеев передал доверенному лицу Львова, что *«всё, о чем он просил, будет выполнено»*^[1491].

Керенский демонстрирует в своих воспоминаниях поразительную осведомлённость в том, что касается планов

Львова и Алексеева. Вполне возможно, Керенский знал об этих планах из своего источника в Ставке, военного цензора штабс-капитана М. К. Лемке. По сведениям контрразведчика генерал-майора Батюшина, бывший эсер, историк и журналист Лемке попал в Ставку *«благодаря своему очень давнему знакомству с генерал-квартирмейстером при Верховном главнокомандующем генералом Пустовойтенко»* ^[1492]. Лемке писал, что *«около Алексеева есть несколько человек, которые исполняют каждое его приказание»*, в том числе и арест Государя в Могилёвском дворце ^[1493].

18 сентября 1916 г. Императрице Александре Феодоровне стало известно о переписке между Алексеевым и Гучковым, о чём она написала Государю в Ставку ^[1494]. Император Николай II спросил Алексеева: переписывается ли он с Гучковым? Алексеев ответил отрицательно. Но Гучков сам предал огласке своё письмо генералу, не спрашивая его согласия, чем поставил Алексеева в затруднительное положение ^[1495].

Английский консул и разведчик Брюс Локкарт в своём донесении в Лондон от 21 декабря 1916 г. передаёт слова Алексеева об Императоре Николае II в пересказе Львова: *«Император не изменится. Нам надо менять Императора»* ^[1496]. 11 ноября 1916 г. Алексеев уехал на лечение в Крым. По официальным данным, у Алексеева обострилась давняя почечная болезнь. По иным данным, «болезнь» Алексеева имела политическое происхождение и была вызвана всплывшей его перепиской с Гучковым.

В конце 1916 г. заговорщикам активно помогал фактический заместитель генерала Алексеева генерал от кавалерии В. И. Ромейко-Гурко, который, по словам Гучкова, *«был настолько осведомлён (о заговоре), что делался косвенным участником»*^[1497]. Гурко был тесно связан с думской оппозицией благодаря давнему знакомству с Гучковым и связям своего брата камергера Вл. И. Гурко, члена одновременно Государственного Совета и «Прогрессивного блока». По совместной договорённости с Алексеевым, Гучковым и своим братом генерал Гурко в конце 1916 г. несколько раз пытался вести с Государем разговоры на политические темы, рассуждая о необходимости удаления Г. Е. Распутина и ратуя за введение Ответственного министерства. Однако всякий раз Гурко получал мягкий, но твёрдый отпор Императора^[1498]. В декабре 1916 г. Государь приказал дворцовому коменданту Воейкову указать Гурко *«по поводу проявления им слишком большого интереса к делам внутренним»*^[1499]. Царь при этом добавил, что *«делает это Гурко под влиянием Гучкова»*. Однако Гурко не стал выслушивать Воейкова под предлогом сильной занятости.

Перед своим отъездом на лечение генерал Алексеев передал исполнение своих обязанностей генералу В. И. Гурко. После назначения Гурко *«появились, неизвестно откуда взявшиеся слухи, что он, если ему не удастся повлиять на Государя, примет против него какие-то решительные меры»*^[1500]. После того как Алексеев уехал в Крым, генерал

Гурко продолжал свои частые встречи с Гучковым, а также представителями союзников лордом А. Мильнером и послом Дж. Бьюкененом^[1501]. Именно после встречи с Гурко Бьюкенен послал в Лондон телеграмму с сообщением, что *«если Государь не уступит, то в течение ближайших недель что-нибудь произойдет или в форме дворцового переворота, или в форме убийства»*^[1502].

По свидетельству генерала А. И. Деникина, в Севастополь к Алексееву приехали *«представители некоторых думских и общественных кругов»* и сообщили, что назревает государственный переворот. Начальник штаба *«в самой категорической форме указал на недопустимость каких бы то ни было государственных потрясений во время войны»*. Во имя *«сохранения армии»* Алексеев просил посланцев *«не делать этого шага»*. Далее, по словам Деникина, эти *«представители»* посетили Брусилова и Рузского и, *«получив от них ответ противоположного свойства, изменили свое первоначальное решение»*^[1503]. Однако весьма сомнительно, чтобы Рузский и Брусилов могли самостоятельно принять решение о поддержке заговорщиков без согласия Алексеева. Генерал Н. И. Иванов писал, что без поддержки заговора Алексеевым *«главнокомандующие не могли бы и не решились бы согласиться с Думой»*^[1504]. Ближайший сотрудник Алексеева генерал-квартирмейстер Ставки А. С. Лукомский был, по крайней мере, осведомлён о заговоре. Провожая 18 декабря 1916 г. Императора Николая II из Ставки в Царское Село,

Лукомский уже знал, что *«Государь в Ставку не вернётся и состоится назначение нового главнокомандующего»*^[1505].

Командующий VIII корпусом генерал А. И. Деникин писал в своих мемуарах, что в первой половине марта 1917 г. *«предполагалось вооруженной силой остановить Императорский поезд во время следования его из ставки в Петроград. Далее должно было последовать предложение государю отречься от престола, а в случае несогласия, физическое его устранение. Наследником предполагался законный правопреемник Алексей и регентом Михаил Александрович»*^[1506].

Представляет несомненный интерес тот факт, что после Февральского переворота Деникин совершил резкий карьерный скачок: с должности командира VIII корпуса на должность начальника штаба Верховного Главнокомандующего. Примечательно, что на должность начальника штаба Деникин был назначен по личному приказу Гучкова, который тот в ультимативной форме отдал Алексееву, не любившему Деникина и противившемуся его назначению^[1507].

Начальник штаба Северного фронта генерал Ю. Н. Данилов тоже писал о заговоре со знанием посвящённого человека^[1508]. Но важнейшую роль в поддержке переворота сыграл главнокомандующий войсками Северного фронта генерал-адъютант Н. В. Рузский, который был давно и тесно связан с Гучковым и руководством ВВНР. Двоюродный брат генерала профессор Санкт-Петербургского политехнического института Д. П. Рузский был секретарем городского петер-

бургского совета «Великого Востока народов России»^[1509]. В январе 1917 г. у английского посла Бьюкенена прошло совещание, на котором присутствовал Рузский. На этом совещании обсуждался план дворцового переворота, и даже была назначена дата – 22 февраля 1917 г.^[1510]

Одним из самых активных сторонников переворота был командующий Уссурийской дивизией генерал-лейтенант А. М. Крымов, которого Родзянко называл «доверенным лицом Алексеева». В январе 1917 г. в Петрограде состоялась встреча Крымова и руководства «Прогрессивного блока»^[1511]. Генерал выразил полную готовность армейской верхушки поддержать думцев в их заговорщической деятельности и заявил, что *«переворот неизбежен»*^[1512].

9 февраля 1917 г. в кабинете Родзянко в Государственной думе состоялась ещё одна встреча лидеров оппозиции с генералами Рузским и Крымовым. Было решено, что в апреле, когда Государь будет возвращаться из Ставки, его поезд будет остановлен в зоне действия штаба Северного фронта. По планам заговорщиков Императора следовало арестовать и *«заставить отречься от престола»*^[1513].

Имеются сведения и о вовлечённости в планы заговорщиков командования Балтийского флота. Капитан 1-го ранга И. И. Ренгартен отмечал, что из разговора с командующим флотом вице-адмиралом А. И. Непениным ему стало известно о *«довольно определённых сношениях между А. Гучковым, генералом Алексеевым, Непениным об организации пе-*

реворота»^[1514].

Не менее интересной представляется роль в заговоре против императора начальника гарнизона Пскова генерала М. Д. Бонч-Бруевича. Сам генерал в своих воспоминаниях свою осведомленность о заговоре не отрицал, хотя от прямого участия открещивался, причисляя себя к «легковерным людям», которые полагали, что можно заменить «последнего царя кем-либо из его многочисленных родственников». По словам Бонч-Бруевича, сложившаяся политическая ситуация в 1916 г. «вызвала к жизни немало заговорщических кружков и групп, помышлявших о дворцовом перевороте». Бонч-Бруевич называет имена генералов-заговорщиков: Алексеев, Брусилов, Рузский, Крымов, а также указывает, что к заговору примыкали члены Государственной думы и о нём были осведомлены послы М. Палеолог и Дж. Бьюкенен^[1515]. Бонч-Бруевич был близок и к революционным силам. Один из руководителей русской контрразведки, он приходился родным братом видному большевику В. Д. Бонч-Бруевичу, с которым, как он сам писал, был всегда близок. Через своего брата генерал Бонч-Бруевич имел неплохие контакты с большевистским руководством. Сам генерал Бонч-Бруевич писал, что он не был далёк от большевиков^[1516].

В истории февральских событий практически не изучена роль генерала от артиллерии А. А. Маниковского. Между тем он сыграл немалую роль в осуществлении переворота.

Генерал Маниковский был начальником Главного артиллерийского управления. П. Н. Милюков писал, что были предложения «*объявить Думу Учредительным собранием и передать власть диктатору (генералу Маниковскому)*»^[1517].

Связи оппозиции продолжались и с Великим Князем Николаем Николаевичем, который не забыл Царю отстранение от командования^[1518]. 9 декабря 1916 г., на совещании у князя Львова, был выработан «*план дворцового переворота с целью свержения Николая II и замены “неспособного” Монарха Великим Князем Николаем Николаевичем*»^[1519].

А. И. Хатисов в эмиграции сообщил С. П. Мельгунову, что «*Николай Николаевич должен был утвердиться на Кавказе и объявить себя правителем и Царём*»^[1520]. Хатисов прибыл в Тифлис к Великому Князю с предложением занять российский престол^[1521]. Великий Князь выслушал доклад Хатисова и сделанное им предложение спокойно. Он не выразил ни удивления, ни протеста против намерения низвержения царствующего Императора^[1522]. Тем не менее Николай Николаевич не был уверен в успехе заговора, а потому колебался^[1523]. В конце концов Николай Николаевич отказался от участия в перевороте, но высказал заговорщикам свою полную моральную поддержку^[1524].

Причины участия генералов в Февральском перевороте представляются различными. Но, безусловно, важнейшей из них было стремление верхушки армии к активному участию в политической жизни страны при новом государственном

строе. Давние связи генералов М. В. Алексеева, Н. В. Рузского, А. А. Брусилова с А. И. Гучковым и лидерами «Прогрессивного блока» способствовали их взаимодействию в феврале 1917 г. Кроме того, генералитет предполагал, что Временное правительство лучше сможет продолжать войну, чем Правительство царское.

В генеральском корпусе произошли большие изменения морально-нравственных устоев. В отличие от предыдущих столетий «воеводы» Императора Николая II отнюдь не были опорой престола. Как показало будущее, отношение Алексеева к Царской Семье всегда было враждебным. Весной 1917 г., когда Царская Семья находилась в заточении, Алексеев продолжал клеветать на Государыню, сказав Деникину, что *«при разборе бумаг Императрицы нашли у неё карту с подробным обозначением войск всего фронта, которая изготовлялась в двух экземплярах – для меня и для Государя»*^[1525]. Тем самым Алексеев намекал на возможность шпионажа Императрицы Александры Феодоровны. Интересно, что если Алексеев клеветал на арестованную Императрицу, то Деникин, сочувственно повторяя в 20-х гг. клевету Алексеева, злословил имя уже умученной Государыни.

Уже после Февральского переворота, во время «корниловского мятежа», генерал Алексеев категорически выступал против восстановления монархии^[1526].

Обязанные своей карьерой исключительно царской власти, вознесённые на свои высокие посты Императором Ни-

колаем II, который доверил им ведение судьбоносной войны, вышеназванные генералы не только не испытывали благодарности к Государю, но и постоянно интриговали против него, обижались на недостаточное, как им казалось, проявление к ним милости.

Высшее военное руководство Российской императорской армии в конце 1916 – начале 1917 г. поддерживало не своего Государя и Верховного Главнокомандующего Императора Николая II, а политическую оппозицию, готовившую его свержение^[1527].

Глава 3. Убийство Г. Е. Распутина

Убийство в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. Григория Ефимовича Распутина представляет собой одну из самых таинственных страниц русской истории XX в. По поводу этого преступления написано множество книг и воспоминаний, которые, однако, мало приблизили нас к выяснению причин и обстоятельств этой трагедии. Не выходя за рамки настоящего труда, мы коснёмся этих причин исключительно с позиций изучения заговора против Императора Николая II.

Не вызывает сомнений, что именно с началом войны определённые круги не только резко усилили клеветническую кампанию против Распутина, но и начали предпринимать активные попытки его физического устранения. Все нападки и клевета, которые обрушились на Распутина, на самом деле предназначались главным образом не ему, а Царю и особенно Царице. Довольно часто этим занимались люди, близкие ко Двору. Так, фрейлина Императрицы Александры Феодоровны С. И. Тютчева, тесно связанная с окружением Великого Князя Николая Николаевича, распространяла лживый слух, ею же сочинённый, что Распутин чуть ли не ежедневно бывает во дворце и купает Великих Князей^[1528]. Тютчева была удалена от Двора, но в глазах общества она прослыла «жертвой Распутина».

Государыня изображалась как сумасбродная истеричка,

фанатичка, находящаяся под полным влиянием Распутина. Через слухи, сплетни, жёлтую прессу подбрасывалась клеветническая информация о любовной связи Царицы с Распутиным. Делались фотомонтажи, где Государыня вместе с Распутиным пьёт чай, держит его под руку, фабриковались «интимные» письма Распутину и так далее. С началом Первой мировой войны Императрицу стали обвинять в шпионаже в пользу Германии, говорили о «тайном кабеле», соединяющем Царское Село с Берлином, в том, что Императрица передаёт секретные сведения Вильгельму II. Распускались слухи о том, что Царица является покровительницей спекулянтов, которые осуществляют торговлю с Германией через Швецию. Именно по этой причине, утверждали клеветники, Германия еще держится, несмотря на своё сложное продовольственное положение.

Однако если причина этой клеветы понятна и она являлась частью десакрализации образа Царской Четы в глазах народа, то прямо-таки маниакальное стремление некоторых людей к убийству Распутина не может не вызывать удивления.

Первая серьёзная попытка его убийства произошла 29 июня 1914 г., то есть меньше чем за месяц до начала войны. Психически неуравновешенная крестьянка Хиония Гусева нанесла Распутину удар кинжалом в пах, когда он выходил из своего дома в селе Покровском. Сегодня уже не вызывает сомнений, что преступление Гусева совершила по прямо-

му указанию расстриги Сергея Труфанова (Илиодора). Распутин выжил чудом, хотя рана была очень опасной.

На следующий год Труфанов вновь пытался организовать покушение на Г. Е. Распутина. Но на этот раз все было гораздо сложнее, чем просто ненависть Илиодора к Распутину. Об убийстве бывшего иеромонаха, сбежавшего к тому времени в Норвегию (Христианию), попросил не кто иной, как министр внутренних дел А. Н. Хвостов. Какими мотивами он при этом руководствовался, до сих пор точно неизвестно. Так называемый секретарь Распутина А. С. Семанович в своей записке в Департамент полиции рассказывал, что 4 февраля 1915 г. к нему явился неизвестный ему инженер В. В. Гейне, который сообщил, что познакомился с неким Ржевским, который работает помощником при директоре Департамента полиции С. П. Белецком и состоит в негласном *«личном распоряжении министра в. д. Хвостова»*. Сожительница Ржевского, будучи в ссоре с ним, рассказала Гейне, что *«Хвостов поручил Ржевскому проехать в Христианию и войти в соглашение с проживающим там Илиодором об убийстве Распутина и высших лиц ему протезирующих»*^[1529].

В Норвегию (Христианию) Ржевский поехал вместе со своей сожительницей и в её присутствии вёл беседы с Илиодором, который согласился предоставить для убийства Распутина *«своих пять фанатиков из Царицына и Петрограда»*. Об их приезде в Петроград Илиодор должен был сообщить Ржевскому условной телеграммой. В свою очередь Хвостов

брался обеспечить труфанских агентов подложными паспортами и деньгами в размере 50 тыс. рублей^[1530]. По возвращении в Петроград Ржевский получил от Илиодора условные телеграммы, *«в которых было сказано что-то вроде: “братья согласны”, “братья вызваны”, “братья приехали”»*^[1531].

Рассказ Семановича подтверждается воспоминаниями А. И. Спиридовича и К. И. Глобачёва. Последний писал, что *«Хвостов решил избавиться от Распутина тем или иным способом»*^[1532]. С этой целью Хвостов приказал жандармскому полковнику М. С. Комиссарову войти в контакт с Распутиным и, заманив его в какую-нибудь ловушку, убить, свалив вину за это убийство на кого-нибудь другого. Примечательно, что ранее тот же Хвостов по приказу Государя поручил Комиссарову охранять Распутина^[1533].

Нас не могут особо заинтересовать сведения о том, что Хвостов собирался кроме Распутина уничтожить также *«высших лиц ему протежирующих»*. По сведениям А. С. Семановича, Хвостов собирался убить не только Распутина, но и *«высших лиц ему протежирующих»*. Конечно, в первую очередь таким лицом была Императрица Александра Феодоровна. После февральских событий Хвостов признал, что по его приказу была организована слежка за Государыней. Он утверждал, что на подкуп дворцовых служителей были затрачены громадные деньги^[1534].

26 декабря 1916 г., то есть через десять дней после убийства Распутина, в Департамент полиции из Берна была до-

ставлена зашифрованная телеграмма: «*Бибиков из Берна переправил письмо на французском языке графа Михаила Тышкевича, живущего в Лозанне. Письмо это было получено баронессой Кноринг, урождённой графиней Изволовой, живущей в Монтре, которая послала его Бибикову. Содержание письма: “Вы знаете, что убит Распутин, я не знаю к кому обратиться, чтобы предупредить, что имеются намерения убить Императрицу Александру. Надо предотвратить несчастье. Я знаю только вас, кому могу довериться. Революционеры подкуплены и чёрная сотня также принимает в этом участие. Если можно, телеграфируйте в Петроград. Партия Милюкова указывает на Императрицу”*»^[1535].

24 декабря Великий Князь Николай Михайлович писал Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне: «*Вся Россия знает, что покойный Распутин и А.Ф. одно и то же. Первый убит, теперь должна исчезнуть и другая*»^[1536].

После убийства Распутина Государыня говорила лейб-медику Е. С. Боткину, «*что после убийства нашего Друга, они планируют убить Анну Вырубову и меня*»^[1537].

В январе 1917 г. начальник Минского ГЖУ в секретном сообщении писал, что во вспомогательных организациях ВПК ходят усиленные разговоры, что для Государя и «*для некоторых повторится история с Распутинным, так как главными виновниками всех неудач, как внутри России, так и на войне, считают Государыню Императрицу Александру Феодоровну*»^[1538].

Организаторы убийства были хорошо осведомлены и о предстоящем свержении Царя. Г. Е. Боткин приводит разговор своего отца, лейб-медика Е. С. Боткина, с офицером Генштаба капитаном Сухотиным, родным братом поручика С. М. Сухотина, одного из убийц Распутина, что *«“революция произойдет в феврале 1917 года, – ответил он”»*^[1539].

Особенно интересна в деле убийства Распутина роль правоохранительных органов, прежде всего Охранного отделения и министерства юстиции. Как мы уже видели, министр внутренних дел Хвостов лично готовил убийство Распутина, другой министр юстиции, А. А. Макаров, делал всё, чтобы запутать и помешать следствию по убийству Распутина. Министр откровенно признавался, что испытывал к покойному ненависть^[1540]. Он долго уверял, что найденная во дворе резиденции Юсупова кровь принадлежала собаке. Когда же ему сообщили, что по результатам биологической экспертизы, проведённой по способу Уленгута, доказана принадлежность крови человеку, Макаров с досадой воскликнул: *«Вот, неприятно, что такой способ открыт!»*^[1541] И снова встаёт вопрос: что такого сделал сибирский мужик царскому министру юстиции?

Когда читаешь воспоминания деятелей политического сыска Императорской России А. И. Спиридовича, К. И. Глобачёва, А. В. Герасимова, не можешь не заметить одну странную особенность. Пока речь идёт об их профессиональной деятельности, структуре департамента полиции, рабо-

те охранных отделений, агентурной работе, характеристике революционеров – всё логично, интересно и правдиво. Но как только речь заходит о Распутине, начинается повторение общих, набивших оскомину старых сплетен и басен, а порой просто цитирование чужих тенденциозных произведений. Складывается такое впечатление, что мемуаристы бо-
ются о чём-то проговориться, стремятся что-то скрыть.

Редким исключением в этом ряду жандармских мемуаристов является генерал П. Г. Курлов, который писал, что сплетни о Распутине были *«преувеличены до крайности»*, они *«послужили всем русским противоправительственным партиям средством для борьбы, направленной к дискредитированию монархического принципа и личностей Государя и Императрицы»*^[1542].

Известны прямые попытки полицейского руководства убить Распутина в конце 1915 г., двусмысленно выполняли свою роль приставленные для охраны Распутина агенты Охранного отделения, много неясного в поведении этих же агентов 16 декабря 1916 г. В записке неизвестного журналиста, которую он составил со слов агентов, охранявших Г. Е. Распутина, тот *«в четверг в начале восьмого часа вечера на автомобиле охранного отделения и в сопровождении двух агентов охранного отделения Козлова и Макутова, прибыл в д. 56 по Офицерской улице к вдове одного полковника, которую он за последнее время довольно часто навещал»*. Доставив Распутина в адрес, агенты охранного отделения, зная,

что ранее часа ночи Распутин не уедет, «решили, дабы не мерзнуть, сходить на время к своим знакомым. Один из агентов отправился к проживающему здесь же на Офицерской улице в д. 48-бис надзирателю охранного отделения, а другой агент вместе с шофером отправился в чайную. В начале 11-го часа, они вновь собрались у дома и к удивлению своему узнали у швейцара, что Григорий Распутин ещё час тому назад вышел, отъехав от дома на лёгком извозчике. Оба агента, потеряв Распутина, к первому часу ночи прибыли в охранное отделение, где заявили, что Распутин приказал им уйти. Между тем, уезжая от знакомой, узнав, что автомобиля нет, Распутин звонил старшему из агентов, прикомандированных к нему и заявил, что автомобиль почему-то уехал»^[1543]. Вскоре стало известно об убийстве Распутина, и агентам Охранного отделения пришлось говорить правду.

О чём говорит нам этот документ? Во-первых, он расходится с официальной версией, утверждающей, что Распутин был увезён из своего дома князем Юсуповым. Старец посещал какую-то женщину на Офицерской улице и помогал ей с устройством её дочерей в казенную гимназию. Не к этой ли женщине ехал Распутин 16 декабря?

Офицерская улица находится недалеко от Юсуповского дворца (набережная реки Мойки, 94). Распутин мог сразу же проследовать с этой улицы на набережную реки Мойки. Но там же, на набережной Мойки, 72, находилась явочная квартира министра внутренних дел А. Д. Протопопова. Не к

нему ли ехал Распутин?

Из записки очевидно, что агенты Охранного отделения совершили четыре должностных преступления: 1) оставили охраняемый объект без наблюдения, 2) лишили охраняемый объект средства передвижения, 3) не сообщили немедленно о потере наблюдения за охраняемым объектом и 4) сообщили ложные сведения о причинах оставления охраняемого объекта без наблюдения.

Были ли действия сотрудников охранного отделения умышленными или нет, но они, если только дело обстояло именно так, как изложено в этой записке, несут прямую ответственность за убийство Распутина.

Имеется множество нестыковок в показаниях свидетелей и подозреваемых в убийстве. Впрочем, подозреваемыми они являются по сути, так как официально ни Юсупов, ни Пуришкевич, ни тем более Великий Князь Димитрий Павлович никогда не были признаны ни подозреваемыми, ни обвиняемыми. Даже неизвестно, являлись ли названные лица участниками убийства, или только соучастниками? Ведь об их участии в преступлении известно только с их же слов. Было ли убийство Распутина совершено в Юсуповском дворце или это тоже результат сговора группой лиц для сокрытия настоящих убийц и истинного места преступления?

Первое сообщение о том, что Г. Е. Распутин скорее всего убит, Государь получил от Императрицы, которая писала, что *«наш Друг исчез»* и что Пуришкевич кричал во всеуслы-

шание, что он убит. Получив известие об убийстве Г. Е. Распутина, Император Николай II был крайне встревожен. Он немедленно ответил Супруге: *«Только сейчас получил Твоё письмо. Возмущён и потрясён. В молитвах и мыслях вместе с вами. Приеду завтра в 5 часов. Сильный мороз. Благословляю и целую. Ники»*^[1544].

О самом убийстве 17 декабря Николай II в своем дневнике не написал ни слова. Причиной его тревоги было вовсе не пресловутое и полностью апокрифичное письмо, якобы написанное Распутиным, в котором он предупреждал Царя, что если он, Григорий Распутин, будет убит одним из членов Дома Романовых, то Россию ждут страшные несчастья, а саму Царскую Семью – неминуемая смерть. Причина тревоги Николая II заключалась в том, что он очень хорошо понял, что убийство сибирского старца явилось началом переворота. Из доверенных источников Николай II знал, что прямая опасность угрожает его Семье. Вот почему он так поспешил в Царское Село. Во время пути им была получена телеграмма с сообщениями о ходе следствия. Одно из них, из Министерства внутренних дел, гласило следующее: *«Дворцовому коменданту свиты генералу Воейкову. Императорский поезд по пути следования. Дополнение предыдущей телеграммы сообщаю. Вчера днём большим Петровском мосту внизу устья была найдена калоша, которую признали принадлежащую Григорию. На перилах моста усмотрены следы крови. Показанию прислуги Григорий уехал ночью вместе с кня-*

зем Юсуповым. Хотя этому показанию отношусь недоверчиво (последняя фраза зачеркнута красным карандашом. — П. М.)»^[1545]. Возникает вопрос: кто и зачем вычёркивал последнюю фразу из телеграммы и с какой целью это делалось?

Сегодня уже можно считать установленным фактом, что убийство Распутина было осуществлено и курировалось английскими спецслужбами. Непосредственное руководство осуществлялось главой британской разведывательной миссии в России Сэмюелем Хором, а контроль — английским послом Дж. Бьюкененом. В 2004 г. отставной детектив Скотленд-Ярда Р. Кален и историк Э. Кук пришли к выводу, что выстрел, которым был убит Распутин, произвёл Освальд Райнер^[1546]. Эти же источники утверждают, что санкцию на убийство Распутина давал лично Д. Ллойд-Джордж.

В архивах секретной британской службы Р. Калленом и Э. Куком была обнаружена телеграмма руководителей английской разведки в Санкт-Петербурге. Характерно, что два высших ее чина, Д. Скейл и С. Аллей, уехали в день убийства Распутина из российской столицы. Затем в секретной телеграмме они сообщили, что, *«хотя не все прошло в соответствии с планом, цель была достигнута»*. Реакция на ликвидацию Тёмной Силы (так именovala британская разведка Распутина) была позитивной, хотя остаются некоторые неприятные вопросы о более широкой вовлеченности. Видимо, Райнер потерял частично контроль над ситуацией, но он сам доложит вам обо всем, когда вернется»^[1547]. К сло-

ву сказать, С. Хор был человеком Ллойд-Джорджа, и взлёт его шпионской карьеры пришёлся на лето 1916 г., то есть тогда, когда Ллойд-Джордж утвердился у власти. Но сведения об участии английских спецслужб в убийстве Распутина, несмотря на всю сенсационность, совершенно не приближают нас к ответу: зачем им надо было принимать участие в этом убийстве?

Заговор февраля 1917 г. имел две составляющие: революционную социальную и революционную реформаторскую. Революция социальная должна была уничтожить монархический строй, революция реформаторская – покончить с Русской Православной Церковью. В результате этой религиозной революции должна была возникнуть новая реформаторская русская лжецерковь, что и можно было наблюдать на примере обновленчества. Организаторы церковной революционной реформации находили себе союзников и у социальных революционеров, и у огромного числа сектантов и раскольников.

Между тем Распутин, несомненно, сильно мешал лидерам раскольнических группировок. Об этом проговаривается в своей книге один из них, разработчик «доброй реформации» для России И. С. Проханов. В своей книге он писал, что «православные круги» *«нашли человека по имени Григорий Распутин»*, деятельность которого *«была одной из главных причин усиления преследования сектантов»* ^[1548].

То есть, если перевести прохановскую казуистику на нор-

мальный язык, получается, что Распутин чем-то страшно мешал сектантским планам «доброй реформации» в России. Обладая важной информацией, Распутин давал Императору неопровержимые улики против сектантов. Скорее всего, Распутин располагал фактическими сведениями о связях сектантов с тайными сообществами Запада. Отчёт о своей деятельности Распутин давал только Государю Императору. Не занимая никаких официальных постов, Распутин пользовался несравненно большей свободой, чем любой полицейский чиновник. Распутин мог делать Царю такие сообщения, на которые не отважился бы ни один министр.

Следовательно, главной причиной убийства Распутина было уничтожение опасного разведывательного координирующего центра, характер и структура которого кардинальным образом отличались от официальных структур, были полностью законспирированными и замыкались исключительно на одного человека.

Устранение этого человека сразу же дестабилизировало всю деятельность неизвестного заговорщикам царского разведцентра. Убийство Распутина было воспринято и Государем, и Государыней, да и самими участниками убийства, как «первый выстрел революции». 19 декабря 1916 г. трудовик Н. О. Янушкевич заявил, *«что убийство Распутина есть первый сигнал к революции»*^[1549]. В другой агентурной записке, в январе 1917 г., источник сообщал: *«Убийство Распутина рассматривается как первая ласточка террора, вслед*

за которой последуют другие акты»^[1550].

После убийства Распутина политический расклад в столице резко меняется. Позиции Царя ослабевают, а позиции его врагов – укрепляются. Для успокоения стоявших за убийством Распутина заговорщиков Царь официально сворачивает расследование преступления. Высылки Великого Князя Димитрия Павловича и князя Юсупова носили чисто демонстративный характер. Резолюция Государя на письме Великих Князей в защиту высылаемых – *«Никому не позволено заниматься убийствами»* – носила скорее духовно-обличительный, чем юридическо-практический характер.

Ослабевают репрессии против сектантов и баптистов, замешанных в антиправительственных действиях и военном шпионаже. Сам Проханов не без удовлетворения пишет: *«Немедленным эффектом устранения Распутина был разбор всех результатов действий Распутина и клерикальной партии, которые привлекли внимание суда. Это было одной из причин, что общие преследования и в том числе преследования меня лично были отложены в сторону»*^[1551].

Однако, будучи вынужденным внешне продемонстрировать свою отрешённость от расследования дела по убийству Распутина, Император Николай II на самом деле приказал провести самое тщательное расследование, найти и наказать виновных. Государь понимал, что арестовывать прежде времени члена Дома Романовых Великого Князя Димитрия, представителя одной из самых знатных фамилий Рос-

сии князя Юсупова и депутата Государственной думы Пуришкевича не только не имеет никакого смысла, но на самом деле отвечает тайным планам организаторов убийства. Из своих источников он знал, что не эти изнеженные извращенцы и политические болтуны совершили тяжкое преступление. Ими прикрывались подлинные организаторы преступления, именно с той целью, чтобы выставить их как спасителей Отечества и династии. В случае ареста эта Геростратова слава только бы усилилась. Нужно было вскрыть всю подоплёку преступления. Поэтому Император Николай II считал, что расследование должно идти тайно. Скорее всего, тайное следствие вели доверенные люди Государя. Но в январе 1917 г. сведения о тайном расследовании преступления доходят до В. М. Пуришкевича. Трусливый и болтливый, он начал делиться своими страхами, что немедленно становится известно агентуре Охранного отделения, которое сообщало, что *«результатом этого следствия будет привлечение Пуришкевича к суду, по обвинению в соучастии в убийстве Распутина»*^[1552].

Сила, руководившая убийством Г. Е. Распутина, через два с лишним месяца обрушит государственный строй Российской Империи, а ещё через полтора года совершит изуверское убийство Царской Семьи.

Один из соучастников убийства Распутина, Великий Князь Димитрий Павлович, уже находясь в эмиграции, в Париже, сказал многозначительные слова: *«Та самая сила, ко-*

торая толкнула меня на это преступление, мешает и мешала мне поднять занавес над этим делом»^[1553].

21 декабря 1916 г. ночью в Чесменской церкви на окраине Петрограда состоялось отпевание Г. Е. Распутина, которое совершил глубоко его почитавший епископ Исидор (Колоколов), впоследствии за это посаженный на кол большевиками. Около 9 часов утра в парке Александровского дворца состоялись похороны Г. Е. Распутина. Государь записал в своем дневнике: *«В 9 час. поехали всей семьёй мимо здания фотографии и направо к полю, где присутствовали при грустной картине: гроб с телом незабвенного Григория, убитого в ночь на 17 дек. извергами в доме Ф. Юсупова, кот. стоял уже опущенный в могилу. О. Ал. Васильев отслужил литию, после чего мы вернулись домой»^[1554].* Кроме Царской Семьи, на похоронах убиенного старца присутствовали А. А. Вырубова и Ю. А. Ден. После того как Царская Чета бросила на крышку гроба по горсти земли, остальные положили на гроб цветы. После того как были произнесены последние слова молитвы, Царская Семья покинула часовню^[1555].

Глава 4. Император Николай II накануне заговора

Отсутствие глубокого изучения внутривластической ситуации накануне Февральского переворота 1917 г., идеологизация темы в советское время создали ложное представление о том, что в этот период Император Николай II самоустранился от дел, не придавал большого значения поступающей ему информации и, по существу, своим бездействием (безволием) предопределил победу февралистов.

Подобные утверждения полностью игнорируют тот факт, что Государь, обладавший гораздо большим объёмом информации, чем любой из его современников, исходил из объективной реальности, сложившейся к концу 1916 – началу 1917 г. Накануне февральских событий *«как всегда Государь много работал. Присылавшихся и оставляемых министрами докладов было так много, что Его Величество даже ни разу не читал вслух вечером семье, что было для него всегда большим отдыхом. Государь был полон энергии и много работал. Никакой апатии, о чём так много говорили, особенно в иностранных посольствах, у него не было. Иногда были заметны усталость, особая озабоченность, даже тревога, но не апатия»*^[1556].

Академик Н. Н. Яковлев писал: *«А Царь? Что же он? Почему не следует советам Императрицы, да не ее одной? Что*

он так “кроток”? <...> Почему он медлил на рубеже 1916–1917 годов? Частично, вероятно, потому, что не верил в близкую революцию, да и не ставил высоко “революционеров” поневоле, типа Милюкова, с которым звала расправиться царица. Главное заключалось в том, что Самодержец полагал, – время подтвердить его волю еще не настало. Он видел, что столкновение с оппозицией неизбежно, знал о ее настроениях (служба охраны не давала осечки и подробно информировала царя), но ожидал того момента, когда схватка с лидерами буржуазии произойдет в иных, более благоприятных условиях для царизма. Николай II перед доверенными людьми, – бывшим губернатором Могилева (где была Ставка) Пилъцем и Щегловитовым говорил: нужно повременить до начала весеннего наступления русских армий. Новые победы на фронтах немедленно изменят соотношение сил внутри страны и оппозицию можно будет сокрушить без труда. С чисто военной точки зрения надежды Царя не были необоснованны. Как боевой инструмент русская армия не имела себе равных, Брусиловский прорыв мог рассматриваться как пролог к победоносному 1917 году»^[1557].

Николаю II нечего было опасаться разного рода заговорщиков и «реформаторов» в том случае, если бы ему была верна армия. Но как раз именно этот фактор и стал роковым и для Императора Николая II, и для Монархии в целом. И. Л. Солоневич метко подмечал, что «Государь Император допустил роковой недосмотр: поверил генералам Бал-

ку, Гурко и Хабалову. Именно этот роковой недосмотр и стал исходным пунктом Февральского дворцового переворота. Это предательство можно было бы поставить в укор Государю Императору: зачем Он не предусмотрел? С совершенно такой же степенью логичности можно было бы поставить в упрек Цезарю: зачем он не предусмотрел Брута с его кинжалом?»^[1558]

В тот день, когда тело Г. Е. Распутина доставали из Невы, Императорский поезд остановился на перроне Собственного Его Величества павильона в Царском Селе. Здесь Николай II собирался остаться надолго, вплоть до весеннего наступления на фронте, и всю свою деятельность сосредоточить на подавлении заговора, в подготовке которого он не сомневался. Как писал С. С. Ольденбург: «Государь взял на себя руководство общим положением. Прежде всего необходимо было составить правительство из людей, которым Государь считал возможным лично доверять. Опасность была реальной. Убийство Распутина показало, что от мятежных толков начинают переходить к действиям. Оценка людей поневоле становилась иной. Люди энергичные и талантливые могли оказаться не на месте, могли нанести вред, если бы оказались ненадежными»^[1559]. В Правительство пришли люди правого толка: председатель Совета министров князь Н. Д. Голицын, министр юстиции Н. А. Добровицкий, военный министр генерал М. А. Беляев, народного просвещения сенатор Н. К. Кульчицкий, внутренних дел А. Д. Прото-

попов. Очевидно, что последнее Правительство Российской Империи под председательством князя Н. Д. Голицына было неоднородным, и по общему признанию большая часть его представителей не обладала выдающимися государственными талантами. Но также очевидно, что это новое Правительство, созданное Николаем II накануне переворота, было временным, переходным.

1 января 1917 г. на должность председателя Государственного Совета Государь назначил убеждённого монархиста И. Г. Щегловитов. Государь его очень ценил, считая человеком *«опытным и большой государственной мудрости»*^[1560]. Ряд сведений заставляет полагать, что именно Щегловитов должен был сменить князя Н. Д. Голицына в должности главы кабинета. Вполне возможно, что назначение Щегловитова преследовало также цель не дать заговорщикам, в случае переворота, легализовать через Государственный Совет свои фальшивки, выдаваемые за государственные акты. Государь словно предвидел историю с так называемым «манифестом об отречении». Не случайно И. Г. Щегловитов был арестован февралистами одним из первых уже 27 февраля 1917 г.

Щегловитов предлагал полностью обновить Государственный Совет и ввести в него только крайне правых деятелей. 14 января он представил Царю записку правых «православных кругов»^[1561], которые предлагали распустить Государственную думу, назначить в Правительство только вер-

ных Самодержавию лиц, ввести военное положение в столице, закрыть все органы левой печати, провести милитаризацию заводов, работающих на оборону. В записке подчеркивалось: *«Прежде всего, православные киевляне утверждают, что подавляющее число трудового населения сёл и местечек, крестьяне, мещане, сельское духовенство, словом все, что представляет собой в юго-западном крае коренной русский народ, несмотря на успешную пропаганду революционных идей левой печатью, по-прежнему остаётся глубоко консервативным во всех областях своей политической, социально-общественной и религиозной жизни, по-прежнему твёрдо придерживается воззрений на Самодержавие русской земли»*^[1562]. 21 января 1917 г. Император Николай II написал на этой записке *«Записка достойная внимания»*^[1563].

Другой представитель правого крыла, бывший министр внутренних дел Н. А. Маклаков, писал Государю: *«Ваше Величество! Душа болит видеть то, что делается и творится. Россия гибнет, гибнет изо дня в день и это именно тогда, когда она могла бы подняться выше, чем когда-либо. Не только рушится всякий порядок, и безначалие заливают собой все – нет! На глазах у всего мира идет какое-то издевательство над всем, что нам дорого, что было свято, чем мы были сильны, чем жила и росла Россия. В 1905 году не Япония одолела Россию, а внутренняя смута погубила великое дело. Она принесла нашей Родине слезы, срам, разорение и разруху. Неужели, этот постыдный год нас ничему не на-*

учил? Внутренняя смута сейчас еще более грозна, чем в то время»^[1564].

8 февраля 1917 г. Государь поручил Н. А. Маклакову подготовить проект Указа о роспуске Государственной думы. На следующий день, 9 февраля, Маклаков писал Государю: *«Надо, не теряя ни минуты, крепко обдумать весь план дальнейших действий Правительственной власти, для того, чтобы встретить все современные осложнения, на которые Дума и союзы, несомненно, толкнут часть населения в связи с роспуском Государственной Думы, подготовленным, уверенным в себе, спокойным и неколеблющимся. Власть больше, чем когда-либо, должна быть сосредоточена, убеждена, скована единой целью восстановить государственный порядок, чего бы то ни стоило, и быть уверенной в победе над внутренним врагом, который давно становится и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего»*^[1565].

Однако Николай II по-прежнему считал возможным роспуск Государственной думы только в самом крайнем случае. 20 февраля, перед своим отъездом в Ставку, Николай II принял главу Правительства князя Н. Д. Голицына и передал ему приготовленные указы Сенату о роспуске Государственной думы. Текст Указа гласил: *«На основании статьи 105 Основных Государственных Законов Повелеваем: Государственную думу распустить с назначением времени созыва вновь избранной Думы на (пропуск числа, месяца и года). О времени числа производства новых выборов в Государ-*

ственную Думу последуют от Нас особые указания. Правительствующий Сенат не оставит учинить к исполнению сего надлежащего распоряжения. НИКОЛАЙ»^[1566]. Государь уполномочил Голицына воспользоваться им в случае экстренной надобности, проставив лишь дату и протелеграфировав о том в Ставку^[1567].

Николай II исходил из того, что, провалив организацию всеобщей забастовки 14 января 1917 г., которую «Прогрессивный блок» обещал обратить в революцию, думская оппозиция в значительной мере подорвала свой авторитет. Среди октябристов в конце января 1917 г. наметился явный раскол – часть из них была готова примириться с Правительством.

Особое место в правительстве занимал министр внутренних дел А. Д. Протопопов, про которого С. П. Белецкий на допросе ВЧСК говорил, что он ещё до своего назначения был агентом полиции в Государственной думе^[1568]. Однако его деятельность сводилась не к доносительству, а к влиянию на Родзянко в том, что тот «должен говорить и что не должен». Белецкий утверждал, что Протопопов давал полиции в борьбе с думской оппозицией «очень много»^[1569]. Протопопов был председателем Союза суконных фабрикантов. Суконная промышленность, так же как и текстильная, находилась в руках «раскольничьей» оппозиции. У Протопопова были среди представителей этой оппозиции большие связи (Гучков и Коновалов).

При их помощи с августа 1915 г. Протопопов стал членом Особого совещания, а с 1916 г. – избран председателем Совета съездов представителей металлургической промышленности. Все «совещания» и «советы» находились под контролем Военно-промышленных комитетов.

Д. Е. Галковский определяет ВПК *«ползучей революцией, призванной перехватить рычаги управления и финансовые потоки у власти, а потом с ней расправиться»*^[1570]. Если учесть, что А. Д. Протопопов был «агентом» власти, то его деятельность в руководстве ВПК становилась для последней чрезвычайно важной.

Император Николай II был хорошо осведомлён о личности Протопопова и его связях. Знал он и о том, что англичане всячески популяризуют его имя. В апреле 1916 г. отправившуюся в Европу по приглашению английского правительства русскую парламентскую делегацию возглавлял именно А. Д. Протопопов.

На обратном пути в Россию Протопопов задержался в Стокгольме, где встретился с германским банкиром Максом Варбургом, родным братом члена Бродвейского сообщества Феликса Варбурга. Официально Макс был «представителем германского правительства». Но это было лишь прикрытием. В телеграмме заместителя статс-секретаря А. Циммермана германскому посланнику в Стокгольме говорилось, что *«банкир Макс Варбург из Гамбурга в ближайшие дни прибудет к вам с особо секретным заданием. Для видимости*

он будет выступать в роли специального уполномоченного немецкого правительства по валюте и вопросам»^[1571].

Варбург представлял на встрече с Протопоповым не столько германское правительство, сколько Бродвейское общество. Но так как М. Варбург официально был «специальным уполномоченным» германского правительства, то это породило слухи о якобы имевших место переговорах в Стокгольме о сепаратном мире. Эти слухи активно поддерживал и сам Протопопов. Вот что писал по этому поводу А. В. Герасимов: *«Протопопов сообщил, что “он имеет вполне официальные полномочия передать Государю Императору условия сепаратного мира, которые сводились приблизительно к следующему: вся русская территория остаётся неприкосновенной, за исключением Либавы и небольшого прилегающего к ней куса территории, которые должны отойти к Германии. Россия проводит в жизнь уже обещанную ей автономию Польши, в пределах большой русской Польши, с присоединением к ней Галиции. Никакой помощи от России против её бывших союзников Германия не требует”»*^[1572].

А. Д. Протопопов поведал, что он о своём разговоре с Варбургом рассказал Государю и тот якобы весьма сочувственно отнёсся к идее сепаратного мира, но высказал опасение, что реакция Государственной думы будет непредсказуемой.

Весь этот рассказ, конечно, далёк от истины. Мы знаем, что Император Николай II не только не помышлял о сепаратном мире, но и считал, что сепаратный мир был бы позором для России.

ратном мире с Германией, но даже резко пресекал любые попытки обсуждать с ним подобные предложения. Невероятно, чтобы Государь нарушил этот запрет в разговоре с депутатом Государственной думы и членом «Прогрессивного блока». Кроме того, весьма неправдоподобно, чтобы германское правительство решило начать переговоры о сепаратном мире с представителем российской оппозиции. Да и сама фигура Макса Варбурга в качестве переговорщика с немецкой стороны не может не вызывать удивления. У немцев в Стокгольме было множество профессиональных дипломатов. Прислать для переговоров человека, который был одним из главных финансистов беспорядков в России, было по меньшей мере странным.

То, что на встрече между Протопоповым и Варбургом речь не шла о сепаратном мире, свидетельствует друг и соратник Протопопова генерал П. Г. Курлов. В беседе с генералом Протопопов сообщил, что у него должна была быть встреча с германским послом в Стокгольме. Однако вместо посла на встречу явился советник посольства Варбург, который *«передал от своего начальника письмо, в котором последний приносил извинение, что не мог прибыть лично для переговоров, так как повредил себе ногу»*. По сообщению Протопопова, разговор носил *«чисто общий характер»*, им *«были записаны все вопросы и ответы»*, возникшие при встрече. Тема о возможности сепаратного мира на переговорах ни в какой мере не была затронута. Вернувшись в

Петроград, Протопопов доложил о встрече министру иностранных дел Штюмеру, который признал, что думцем *«не были нарушены ни интересы России, ни её державный авторитет»*^[1573]. Штюмер доложил о стокгольмской встрече Государю, который принял Протопопова и лично выслушал от него подробности свидания. По мнению генерала Курлова, встреча Государя с Протопоповым стала *«одной из причин последующего назначения его министром внутренних дел»*^[1574].

Из рассказа Курлова получается, что Варбург решил встретиться с Протопоповым, не имея никакой конкретной цели и не высказав русскому собеседнику ни одного предложения, не сообщив никакой важной информации. Тогда непонятно, почему этот разговор так заинтересовал Государя?

Милюков утверждал, что Протопопов должен был встретиться с германским послом бароном Г. фон Люциусом, и называл М. Варбурга его представителем^[1575]. Но Люциус был не послом, а кадровым разведчиком, работавшим под прикрытием дипломата. В свою очередь Варбург прикрывался германской разведкой для проведения в жизнь целей Бродвейского сообщества.

Известно, что речь между Протопоповым и Варбургом шла о грядущих беспорядках в Петрограде. Об этом писал видный организатор этих беспорядков А. А. Бубликов, который утверждал, что беспорядки были делом рук самого

Протопопова и немцев. При этом Бубликов ни словом не упоминал об участии в переговорах Варбурга^[1576]. Несмотря на то что «версия» Бубликова не имеет в себе никакой исторической ценности, а является клеветой на русское императорское Правительство, само упоминание о том, что на встрече обсуждались грядущие беспорядки, весьма интересно. Нельзя исключить, что Варбургом Протопопову были сообщены определённые сведения о грядущих беспорядках и даны определённые гарантии того, что они не приведут к революции. Если это было так, то причины такого поведения Варбурга заключались не в его «благородстве», а в стремлении успокоить русское Правительство и дезориентировать его. Разумеется, что Варбургом в этом случае были высказаны условия отказа финансово-банкирской группы, к которой он принадлежал, от помощи революции. Но какими бы эти условия ни были (финансовыми, политическими, экономическими), они были ложны и выдвигались с единственной целью дезориентации русских правящих кругов.

В последнее время появились ни на чем не основанные утверждения, что якобы Николай II вложил в финансовую систему США львиную часть золота, которое и стало основой в создании ФРС. Этой поставкой золота в США в 1904–1912 гг. Россия в лице Николая II якобы получила права на активы в Золотом Пуле в размере 52 млрд долларов золотом^[1577]. Повторяем, что сегодня не имеется никаких документов, хотя бы косвенно подтверждающих эти сведе-

ния. Однако если бы эти сведения нашли свое подтверждение, то встреча Протопопова с Варбургом, братом создателя ФРС, могла носить характер определённых договоренностей, касающихся отказа Бродвейского сообщества от поддержки революционного движения в России в обмен на какие-то компромиссы по выплатам золота Николаю II. Впрочем, это только домыслы.

В любом случае реакция Протопопова на начавшиеся в феврале 1917 г. события в Петрограде скорее всего была вызвана его уверенностью, что ситуация находится под контролем и не приведёт к серьёзным последствиям. Курлов пишет, что после своего свидания с Государем *«нервный и легко поддающийся впечатлениям А. Д. Протопопов воспылал к Государю возвышенной любовью и по возвращении со Ставки начал рассказывать всем не только об этом благородном чувстве, но и о своей беспредельной готовности положить все силы на поддержание Самодержавия»*^[1578].

На конфиденциальных встречах с Царём Протопопов сообщил Государю о готовящемся против него заговоре «Прогрессивного блока» и пообещал осуществлять контроль за действиями думской оппозиции^[1579].

Назначение Протопопова, товарища председателя Государственной думы, союзника «Прогрессивного блока» и октябриста, свидетельствовало в очередной раз о желании Николая II найти компромисс с оппозицией. Государь писал Супруге, что он *«всегда мечтал о министре внутренних дел,*

который будет работать совместно с Думой»^[1580]. Однако оппозиция в очередной раз категорически отвергла какое-либо соглашение с Монархом, начав оголтелую кампанию против нового министра.

А. Д. Протопопов весьма пессимистически воспринимал сложившуюся обстановку, заявляя, что никакого компромисса с Государственной думой, с *«этой шайкой преступников»*, достигнуть невозможно. Её нужно разогнать, и *«чем скорее, тем лучше, ибо иначе она разгонит нас и казнит Царя»*^[1581]. Протопопов был убеждён, что Ставка Верховного главнокомандующего на стороне Думы: *«Государь Император там, точно кроткий агнец в клетке диких зверей»*^[1582]. Особую опасность для оппозиции представлял тот факт, что Протопопов, бывший до своего назначения товарищем Гучкова, знал о его заговорщических планах^[1583]. Протопопов считал идею государственного переворота во время войны чудовищной и *«надеялся, что это будет усвоено лидерами тех политических групп, с которыми я так много лет работал»*^[1584]. 19 октября Протопопов попытался донести эту мысль лидерам оппозиции на встрече с ними в Государственной думе. Но на предложения начать мирное сотрудничество министр получил жёсткий отказ. В свою очередь Протопопов заявил думским лидерам: *«Вы хотите потрясений, перемены режима – но этого вы не добьетесь, тогда как я понемногу, кое-что могу сделать»*^[1585]. Надо отдать должное, что слова Протопопова имели под собой практический

результат. Именно поэтому на него обрушилась такая волна ненависти со стороны думской оппозиции и «Прогрессивного блока».

А. Д. Протопопов выступил с инициативой немедленного восстановления аппарата секретной агентуры в войсках, которая была упразднена В. Ф. Джунковским. Николай II согласился с этим предложением. Также А. Д. Протопопов возобновил оперативное наблюдение за А. И. Гучковым, снятое в 1913 г. по инициативе В. Ф. Джунковского^[1586].

21 сентября 1916 г. Протопопов фактически запретил устраивать обширные собрания ВПК с приглашением на них посторонних лиц. Более того, на этих собраниях теперь могли присутствовать представители администрации и прекращать их, если они выходили из рамок непосредственных задач^[1587].

С конца 1916 г. как снежный ком стали поступать сведения о грядущем перевороте и угрозы убийством Государю и членам его Семьи. 17 декабря, когда был убит Распутин, на Высочайшее имя из Самары поступило анонимное письмо, адресованное *«самодержцу, кровопийце, царю хулигану, извергу народному, царишке Николаю II»*. Аноним, подписавшийся как *«Ф. А. Г.»*, предрекал Царю: *«Гибель будет тебе, кровопийце, виновнику всемирного пожара – войны, губителя народов, смерть и уничтожение твоему семейству. Твое государство будет разрушено, покорено, уничтожено, а ты сам со своим иродовым семейством будете растерза-*

ны, уничтожены твоим же страждущим народом. Смерть и гибель тебе, царшика Николай Второй»^[1588].

Советская историография предъявляла это письмо как образец «народного гнева против царизма»^[1589]. Правда, советские историки тактично обрывали цитату на середине. Концовка же этого письма была следующей: *«Грозные и непобедимые армии великого Вильгельма и союзников его обрушатся на тебя, и он возьмёт через несколько месяцев Киев, Одессу, Ригу и Петроград. Да здравствует Вильгельм великий, император Германи, победитель мира! Да здравствует Австро-Венгрия! Да здравствует Турция! Да здравствует великая Болгария, да здравствуют все будущие союзники великой Германи. Аминь, аминь, аминь. Хох, хох, хох. Верноподданный Германи»*^[1590]. Вряд ли это анонимное письмо случайно совпало с днём убийства Г. Е. Распутина.

21 ноября 1916 г. в Ставку в Могилёв на имя генерала М. В. Алексеева поступило письмо, в котором предсказывалось, что Николай II *«постигнет участь дяди Сергея Московского, с сыном Алексеем отдельно покончим»*^[1591].

Осенью 1916 г. из США на имя Царя пришло ещё одно предупреждение: *«10 членов революционного комитета поклялись вас убить»*^[1592].

В то же время ещё одна записка от анонима: *«В Ливадии Государыня будет убита. Если желает остаться живой, то может жить только в Царском»*^[1593].

15 января 1917 г. дворцовому коменданту В. Н. Воейко-

ву Департаментом полиции секретно сообщалось, что *«среди еврейского населения циркулируют крайне неопределённые слухи о том, что среди придворных лиц сформировалась группа, поставившая себе якобы задачей свергнуть с престола благополучно ныне царствующего Государя Императора, если же буде этот злодейский замысел не представится возможным осуществить, организовать на священную особу Его Величества покушение»* ^[1594].

В этот же период верные русские люди пытались донести до Государя свои опасения о готовящемся перевороте. В конце декабря к Николаю II явился герцог А. Г. Лейхтенбергский и умолял его потребовать от членов Дома Романовых вторичной присяги. В то же время Н. Н. Тиханович-Савицкий, член «Союза русского народа» из Астрахани, добился аудиенции у Государыни и уверял ее, что у него есть неопровержимые доказательства об *«опасной пропаганде, которая ведётся союзами земств и городов с помощью Гучкова и Родзянко с целью свержения с престола Государя»* ^[1595].

Поступали сообщения и от простого люда. В последние дни 1916 г. к Александровскому дворцу подошёл какой-то старик-крестьянин и попросил встречи с Государем. Его провели к дежурному флигель-адъютанту, и крестьянин сообщил, что против Царя готовится заговор: *«Задумано дурное дело, – сообщил он. – Хотят погубить Царя-Батюшку, а Царицу-Матушку и деток спрятать в монастырь. Сговаривались давно, а только это решено начать сегодня. Схва-*

тят сначала Царя и посадят в тюрьму, и вас, кто возле Царя, и главное начальство тоже посадят в тюрьму. Только пусть Царь-Батюшка не беспокоится. Мы его выручим. Нас много»^[1596].

4 января 1917 г. В. И. Гурко посетил М. В. Родзянко в Петрограде и заявил, что *«если Думу распустят, то войска перестанут драться»*^[1597].

30 января Охранное отделение сообщало в Департамент полиции, что здоровье генерала М. В. Алексеева настолько улучшилось, что его приезд в Ставку ожидается 8–10 февраля^[1598]. Но Алексеев вернулся в ставку только 17 февраля^[1599]. 5 февраля 1917 г., не дожидаясь возвращения Алексева, из Могилёва в Петроград выехал генерал Гурко^[1600].

Таким образом, в период с 5 по 17 февраля Ставка Верховного Главнокомандующего оставалась фактически без руководителя. С точки зрения военных интересов это было, безусловно, отрицательным явлением. Но, как писал генерал А. А. Брусилов, *«в Ставке, куда уже вернулся Алексеев было, очевидно, не до фронта. Подготавливались великие события, опрокинувшие весь уклад русской жизни и уничтожившие и армию, которая была на фронте»*^[1601]. Здесь следует сказать, что все свои действия Гурко согласовывал с Алексеевым^[1602].

10 февраля Император Николай II подвергся сильному давлению со стороны М. В. Родзянко и Великого Князя Александра Михайловича^[1603]. Последний в резкой форме

потребовал от Царской Четы выполнения требований думской оппозиции, но получил холодный отказ^[1604].

После этой встречи с Царской Четой Александр Михайлович написал письмо своему брату Великому Князю Николаю Михайловичу. Тот был выслан Царём в имение Грушевку за оскорбительные высказывания в адрес Государыни. В своём письме Александр Михайлович приходил к выводу, что Император Николай II и Императрица Александра Феодоровна «уступят только силе». Великий Князь писал, что *«вопрос стоит так: или сидеть сложа руки и ждать гибели и позора России, или спасти Россию, приняв героические меры»*^[1605].

Эти «героические меры» были сформулированы Александром Михайловичем в письме к Государю, в котором предлагалось не вводить Ответственного министерства, призвать к власти людей «пользующихся доверием страны», а Думу – распустить^[1606]. Такая программа больше всего устраивала на тот момент А. И. Гучкова, который был хорошо осведомлён об этом письме от самого его автора^[1607].

Вполне возможно, что член масонской ложи розенкрейцеров Великий Князь Александр Михайлович был уже до революции связан с Бродвейским сообществом. Во всяком случае, в 20-е годы Александр Михайлович был приглашён в США для чтений лекций в баптистском храме на тему *«банкротства современного христианства»*. Пригласили Александра Михайловича его «старые знакомые», среди которых были «хозяева международных банков, родом из Герма-

нии»^[1608]. Нетрудно догадаться, что это были ведущие представители Бродвейской группы.

Во время визита бывший Великий Князь был приглашён *«группой видных лидеров нью-йоркских иудаистов»* на *«хороший кошерный ужин»*. Александр Михайлович сообщает, что это были известные раввины из Бруклина. Судя по мемуарам Великого Князя, предметом его разговора с иудеями была дискуссия о том, какое общество является более анти-семитским: современное американское или дореволюционное русское. К слову сказать, до революции Александр Михайлович был ярким противником какого-либо ослабления черты оседлости и убеждал Государя ни в коем случае не давать евреям *«никакого расширения или дарования новых прав. Нельзя давать милость именно той народности, которую русский народ ещё больше ненавидит вследствие отрицательного отношения к войне и сплошного предательства»*^[1609].

Через двадцать с лишним лет весьма болезненно относящийся к любым проявлениям юдофобии нью-йоркский раввинат по-приятельски дискутировал за «кошерным ужином» с представителем Дома Романовых, к тому времени почти полностью истреблённому не без участия выходцев из среды этого самого нью-йоркского раввината.

Что касается М. В. Родзянко, тот на аудиенции 10 февраля вел себя вызывающе. На вопрос Государя: *«Вы все требуете удаления Протопопова?»* – Родзянко ответил: *«Требую,*

Ваше Величество; прежде я просил, а теперь требую. – То есть как? – Ваше Величество, спасайте себя. Мы накануне огромных событий, исхода которых предвидеть нельзя. То, что делает ваше правительство и вы сами, до такой степени раздражает население, что все возможно. Всякий прохожимец всеми командует. Если прохожимцу можно, почему же мне, порядочному человеку, нельзя? Вот суждение публики. От публики это перейдет в армию, и получится полная анархия. Вы изволили иногда меня слушаться, и выходило хорошо. <...> Ваше Величество, я ухожу в полном убеждении, что это мой последний доклад вам. – Почему? – Я полтора часа Вам докладываю и по всему вижу, что Вас повели на самый опасный путь. Вы хотите распустить Думу, я уже тогда не председатель, и к вам больше не приеду. Что еще хуже, я Вас предупреждаю, я убежден, что не пройдет трех недель, как вспыхнет такая революция, которая сметет Вас, и Вы уже не будете царствовать»^[1610].

Правда, в мемуарах Родзянко несколько сгладил тон своей речи. Но в любом случае, заговорщики устами Родзянко сделали Государю очередное предупреждение. Подобные предупреждения делались Николаю II и раньше. Причём всякий раз победу одерживал Император, а не те, кто ему угрожал. Государю нечего было опасаться разного рода заговорщиков и «реформаторов» в том случае, если бы ему была верна армия. Но как раз именно этот фактор и стал роковым как для Николая II, так и для монархии. Объективно к фев-

ралю 1917 г. против Царя объединились представители думской оппозиции, крупного капитала, революционного крыла Думы и руководство Ставки.

13 февраля Родзянко информировал генерала Гурко, что у него имеются достоверные сведения: *«подготовлен переворот и совершит его чернь»*^[1611]. Родзянко попросил генерала указать на это Царю и добиться от него уступок оппозиции. На встрече с Государем Гурко выполнил просьбу Родзянко. В тот же день Гурко был принят в Царском Селе Императором Николаем II, который по поводу этой встречи оставил следующую дневниковую запись: *«13 февраля. Начало Великого поста. С 10 час.[ов] принял: <...> Гурко. Последний меня задержал настолько, что я опоздал вовсе к службе»*^[1612].

Что же такого сообщил Гурко, что заставило глубоко верующего Государя в первый день Великого поста пропустить богослужение? Гурко убеждал Николая II ввести Ответственное министерство, утверждая, что без этого пострадает *«наше международное положение, отношение к нам союзников»*^[1613].

Для Николая II заявление Гурко было тревожным сигналом. Царь не мог не понимать, что Гурко выражал не просто своё личное мнение, а мнение определённой и весьма влиятельной военной группы. Это подтверждалось оперативными донесениями полиции и жандармерии, которые, конечно, были известны Николаю II. Так, 14 января 1917 г. начальник Минского ГЖУ сообщал директору департамента полиции,

что *«есть версия, что войска под предводительством любимого ими Великого Князя Николая Николаевича произведут государственный переворот»*^[1614].

Непосредственным результатом встреч Гурко с Гучковым и союзными представителями стал фактический саботаж генералом приказов Императора. Николай II приказал перевести в Петроград с фронта Гвардейский экипаж, но этот приказ был «не понят» генералом Гурко, и экипаж остался на фронте. Император Николай II вторично отдал приказ о переводе Гвардейского экипажа в Петроград, и Гурко вторично, под предлогом карантина, задержал его неподалеку от Царского Села. Только после третьего приказа Государя Гвардейский экипаж прибыл в Царское Село. То же самое произошло и с уланами его величества^[1615]. *«В половине февраля, – писал министр внутренних дел А. Д. Протопопов, – Царь с неудовольствием сообщил мне, что приказал генералу В. И. Гурко прислать в Петроград уланский полк и казаков, но Гурко не выслал указанных частей, а командировал другие, в том числе моряков гвардейского экипажа (моряки считались революционно настроенными)»*^[1616].

В. Н. Воейков писал: *«Государь мне сообщил о выраженном им генералу Гурко желании безотлагательно вернуть в Петроград с фронта одну из двух кавалерийских дивизий. Почему-то это желание Царя генералом Гурко исполнено не было, и вместо гвардейской кавалерии, он прислал в мое распоряжение в Царское Село находившийся на фронте бата-*

льон гвардейского экипажа»^[1617].

Доктор ист. наук В. М. Хрусталёв сообщает: «15-го февраля 1917 года прибыл из Измаила вместе с великим князем Кириллом Владимировичем батальон Гвардейского Экипажа и расположился в Александровке, рядом с Царским Селом. Это в какой-то мере оказалось вопреки воле императора, который просил генерала В. И. Гурко вернуть любой лейб-гвардейский кавалерийский полк или дивизию на отдых с фронта в окрестности Петрограда»^[1618].

И. Л. Солоневич дал категоричную оценку причинам подобного поведения Гурко и его единомышленников. «Генералы – писал он, – не могли места найти для запасных батальонов на всем пространстве Империи. Или места в столице Империи для тысяч двадцати фронтовых гвардейцев. Это, конечно, можно объяснить и глупостью; это объяснение наталкивается, однако, на тот факт, что все в мире ограничено, даже человеческая глупость. Это была измена. Заранее обдуманная и заранее спланированная»^[1619].

Действия Гурко не были ни экспромтом, ни следствием его единоличной воли. Так, герцог С. Г. Лейхтенбергский уверил А. И. Гучкова, что приказ Государя о переводе в Петроград с фронта четырёх надёжных полков гвардейской кавалерии не будет выполнен. Герцог объяснил это тем, что офицеры-фронтовики протестуют против этого перевода, говоря, что они не могут приказать своим солдатам стрелять в народ^[1620].

17 февраля в Ставку вернулся Алексеев. Не позднее 19 февраля Государь получил от него, по всей вероятности, телеграмму, после чего он срочно уехал в Ставку^[1621]. 21 февраля, накануне отъезда Императора в Могилёв, туда же спешно отправился В. И. Гурко^[1622]. Накануне своего отъезда генерал встретился с А. И. Гучковым и другими членами «Прогрессивного блока». Мыслью о перевороте были проникнуты *«все собравшиеся, всё сказанное»*^[1623].

Таким образом, нельзя не заметить синхронность действий генералов Алексеева и Гурко. Эта синхронность могла являться только следствием предварительного их сговора, целью которого было любым путём выманить Николая II из столицы в Ставку. Генералы торопили Государя уехать на фронт^[1624].

22 февраля Великий Князь Михаил Александрович, во время проводов Государя, выразил своё глубокое удовлетворение предстоящей поездкой Августейшего брата^[1625]. Великий Князь доказывал Императору, что *«в армии растёт большое неудовольствие по поводу того, что Государь живёт в Царском и так долго отсутствует в Ставке»*^[1626]. Эта информация сыграла не последнюю роль в решении Николая II следовать в Ставку^[1627]. В своём разговоре с Царской Четой 10 февраля Великий Князь Александр Михайлович тоже настаивал на отъезде Николая II^[1628].

21 февраля 1917 г. встревоженный Государь сказал Протопопову, что Гурко не выполняет его приказов с присылкой

войск и что он едет в Ставку, чтобы прислать в столицу кавалерию^[1629].

Между тем генерал Курлов сообщил Протопопову, что рассчитывать *«на твёрдую поддержку гарнизона»* Правительство не может, так как *«в частях находится много распропагандированных рабочих, дисциплина соблюдается крайне слабо»*^[1630].

Важным этапом в осуществлении переворота оппозиция считала организацию беспорядков в Петрограде. Их осуществление не могло быть реализовано без помощи военного руководства столицы и военного округа. В связи с этим действия главнокомандующего армиями Северного фронта генерала от инфантерии Н. В. Рузского представляются прямым содействием организаторам переворота. По приказу Рузского в Петрограде было сосредоточено большое число запасных частей. Помощник министра внутренних дел генерал П. Г. Курлов, которому Протопопов поручил проверить состояние войск Петроградского гарнизона на тот случай, если бы пришлось распускать Государственную думу, дал весьма неутешительный ответ: *«Правительство рассчитывать на твёрдую поддержку гарнизона не может. В частях почти нет кадровых офицеров, в частях находится много распропагандированных рабочих, дисциплина соблюдается крайне слабо. О роспуске Государственной Думы не может быть и речи»*^[1631].

Государь знал об этом, как знал он и о странных действиях

командующего Северным фронтом генерала Н. В. Рузского. Тот же Курлов писал: *«В Петрограде сосредоточивалось громадное количество запасных, являвшихся скорее вооруженными революционными массами, чем воинскими дисциплинированными частями. Все мероприятия министерства внутренних дел по поддержанию порядка встречали противодействие со стороны главнокомандующего армиями Северного фронта, генерал-адъютанта Рузского»*^[1632].

Не доверяя генералу Рузскому, Государь выделил Петроград из его подчинения в особый военный округ, во главе которого по совету военного министра генерала М. А. Беляева был назначен генерал-лейтенант С. С. Хабалов, который *«практически солдат не знал и должности не соответствовал. Император знал об этом, но во время войны было сложно с боевыми военачальниками»*^[1633]. Доктор ист. наук В. М. Хрусталёв пишет, что на должность командующего Петроградским военным округом *«предполагалось выдвижение генерала К. Н. Хагондокова (участника подавления восстания в Маньчжурии), но Императрица Александра Фёдоровна, прослышав, что он неосмотрительно отозвался о Распутине, заявила, что “лицо у него очень хитрое”. Назначение так и не состоялось»*^[1634].

На самом деле генерал-майора Хагондокова в ряды преданных монархистов занести никак нельзя. В. Г. Попов пишет о генерале Хагондокове, что он был *«первым из крупных дальневосточных руководителей в революционные дни мар-*

та 1917 года, кто выступил с горячей поддержкой Временного правительства России, высказался за скорейшее преобразование бывшей империи в демократическую Республику»^[1635]. Очевидно, что Государь не назначил генерала Хагондокова на ответственную должность не потому, что у него было «хитрое лицо», а потому, что обоснованно сомневался в его лояльности.

Одновременно с назначением генерала Хабалова Николай II приказал военному министру генералу от инфантерии М. А. Беляеву вывести Кронштадт из ведения сухопутного ведомства и перевести его в ведомство морское. Был разработан план на случай организованных беспорядков в столице. По этому плану столица была разделена на несколько секторов, управляемых особыми войсковыми начальниками. Генерал Рузский безуспешно пытался противодействовать и этим мероприятиям^[1636]. Довольно странными были и действия генерала Хабалова. По свидетельству К. И. Глобачева: «С 24 февраля город в полицейском смысле не обслуживался. <...> Убрав полицию, Хабалов решил опереться на ненадёжные войска, так сказать на тех же фабрично-заводских рабочих, призванных в войска, только две недели тому назад, достаточно уже распропагандированных и не желающих отправляться на фронт»^[1637].

21 февраля 1917 г. ближайшее окружение Царя знало, что «что-то замышляется»^[1638]. Д. С. Боткин, брат убитого с Царской Семьёй в Екатеринбурге лейб-медика, писал в

1925 г.: «*Мы не должны забывать, что вся поездная прислуга, вплоть до последнего механика на Царском поезде, была причастна к революции*»^[1639]. 22 февраля, в тот же день, когда Император Николай II отбыл в Ставку, в доме командира 1-й стрелковой дивизии генерал-майора П.А. фон Коцебу, в присутствии множества гостей офицеров, открыто говорили о том, что «*Его Величество больше не вернётся со Ставки*»^[1640].

Глава 5. В западне

Отъезд Государя в Ставку

22 февраля 1917 г., в среду, Император Николай II отбыл в Ставку в г. Могилёв. Решение Государя оказалось полной неожиданностью даже для самого близкого его окружения. Флигель-адъютант полковник А. А. Мордвинов свидетельствовал, что *«внутреннее политическое положение было в те дни особенно бурно и сложно, в виду чего Государь все рождественские праздники, весь январь и большую часть февраля находился в Царском Селе и медлил с отбытием в Ставку»*^[1641]. Тем более неожиданным стало для Мордвинова, когда вечером 21 февраля 1917 г. он *«получил от командующего Императорской главной квартиры, графа Фредерикса извещение, что согласно Высочайшему повелению, я назначен сопровождать Государя в путешествии в Ставку»*^[1642]. Накануне Мордвинов *«вернулся из Царского Села с дежурства по военно-походной канцелярии, и тогда еще не было никаких разговоров об отъезде»*^[1643].

То, что Николай II уезжал срочно, по причине какого-то важного дела, утверждает и А. А. Вырубова. Она свидетельствует, что накануне отъезда *«Государь пришел очень расстроенный»*, а 22 февраля, *«придя к Государыне, застала*

ее в слезах. Она сообщила мне, что Государь уезжает. Простились с ним, по обыкновению, в зеленой гостиной Государыни. Императрица была страшно расстроена. На мои замечания о тяжелом положении и готовящихся беспорядках Государь мне ответил, что прощается ненадолго, что через несколько дней вернется»^[1644].

Дворцовый комендант В. Н. Воейков сообщает в своих мемуарах: «В 5 часов был кинематограф в Круглом зале Александровского дворца. <...> Когда кончился сеанс, я проводил Государя в его кабинет. По пути Его Величество обратился ко мне со словами: “Воейков, я решил в среду ехать на Ставку”. Я знал, что Государь имел намерение ехать, но думал, что момент этот – не подходящий для его отъезда, и поэтому спросил, почему он именно теперь принял такое решение, когда на фронте, по-видимому, все спокойно, тогда как здесь, по моим сведениям, спокойствия мало и его присутствие в Петрограде было бы весьма важно. Государь на это ответил, что на днях из Крыма вернулся генерал Алексеев, желающий с ним повидаться и переговорить по некоторым вопросам; касательно же здешнего положения Его Величество находил, что по имеющимся у министра внутренних дел Протопопова сведениям, нет никакой причины ожидать чего-нибудь особенного»^[1645].

Из этих слов Воейкова становится ясно, что причина поспешного отъезда Государя в Ставку заключалась в том, что генерал М. В. Алексеев настаивал на немедленном разговоре

с ним. Понятно, что Алексеев собирался сообщить Государю что-то настолько важное, что требовался немедленный его отъезд в Ставку. Не позднее 19 февраля Николай II получил от Алексеева, по всей вероятности, телеграмму. С. К. Буксгевден вспоминала: *«Я находилась возле Императрицы в тот момент, когда Император пришёл к ней с телеграммой в руке. Он попросил меня остаться и сказал Императрице: “Генерал Алексеев настаивает на моём приезде. Не представляю, что там могло случиться такого, чтобы потребовалось моё обязательное присутствие. Я съезжу и проверю лично. Я не задержусь там дольше, чем на неделю, так как мне следует быть именно здесь”»*^[1646].

«Из имеющихся источников, – пишет Г. М. Катков, – неясно, почему Алексеев настаивал на личном присутствии верховного главнокомандующего. В свете последующих событий отъезд Императора в Могилев, предпринятый по настоянию Алексеева, представляется фактом, имевшим величайшее бедствие»^[1647].

Ю. А. Ден добавляет показания Воейкова: *«Государь намеревался остаться с семьей, но однажды утром, после аудиенции генералу Гурко, он неожиданно заявил: – Завтра я уезжаю в Ставку. Её Величество удивленно спросила: – Неужели Ты не можешь остаться с нами? – Нет, – ответил Государь. – Я должен ехать»*^[1648].

Из имеющихся телеграмм мы знаем о проследовании Императорского поезда через район управления Вязьмы и при-

бытии в Могилёв.

Государь в Ставке 23–27 февраля 1917 г.

В четверг 23 февраля 1917 г. в 15 ч. Императорский поезд прибыл в Могилёв. Начальник Могилёвского губернского жандармского управления полковник В. И. Еленский направил Директору департамента полиции следующую телеграмму: *«Его Величество соизволил прибыть благополучно»*^[1649]. На вокзале Государя встречали: генерал-адъютант М. В. Алексеев, генерал-адъютант Н. И. Иванов, адмирал А. И. Русин, генерал от инфантерии В. Н. Клембовский, генерал-лейтенант П. К. Кондзеровский, генерал-лейтенант А. С. Лукомский, генерал-лейтенант В. Н. Егорьев, генерал от кавалерии А. А. Смагин, протопресвитер Георгий Шавельский, могилёвский губернатор Д. Г. Явленский^[1650].

Встречавшие, по свидетельству Воейкова, произвели на Государя впечатление людей, чем-то смущённых^[1651]. Государь отправился в штаб, где имел часовой разговор с М. В. Алексеевым^[1652]. В письме к Императрице Александре Фёдоровне Николай II отмечает, что они *«хорошо поговорили с полчаса»* с Алексеевым^[1653]. Судя по камер-фурьерскому журналу, разговор Николая II с Алексеевым был действительно недолгим: с 3 ч. 30 м. до 4 ч. 40 м. дня^[1654]. *«Обычная жизнь Царской Ставки началась»*, – сообщает генерал Дубенский^[1655]. Между тем непродолжительность встречи Ни-

колая II и начальника штаба труднообъяснима. Ведь Государь ехал в Ставку по какому-то важному безотлагательному делу, причём инициатором этой поездки был генерал Алексеев.

Ставка встретила Государя отнюдь не радостно. Ее старшие чины открыто говорили: *«Чего едет? Сидел бы лучше там! Так спокойно было, когда его тут не было»*^[1656]. Дубенский свидетельствует, что вечером 23 февраля к нему подходили чины Ставки и утверждали, что в Петрограде ожидаются тревожные дни *«из-за недостатка хлеба»*^[1657]. Сам генерал-майор Д. Н. Дубенский *«был настроен крайне пессимистически»*. Он писал в своих дневниковых записях, что в Петрограде *«что-то замышляется. В гвардейских полках недовольство Государем»*^[1658]. Ставка накануне приезда Государя была буквально наполнена *«предчувствием»* катастрофы^[1659]. Дубенский утверждал, что уже 23 февраля ему *«рисовалась невесёлая перспектива»*.

Государь по прибытии в Могилёв тоже выглядел встревоженным и напряжённым. Георгий Шавельский вспоминал, что *«в наружном его виде произошла значительная перемена. Он постарел, осунулся. Стало больше седых волос, больших морщин – лицо как-то сморщилось, точно подсохло»*^[1660]. Протопресвитер не скрывал, что, узнав о приезде 23 февраля Царя, он *«решил через день после его приезда уехать на фронт и там задержаться насколько возможно дольше»*^[1661]. По всей видимости, Шавельский знал о готовящихся

ся в Ставке каких-то радикальных событиях и поспешил переждать их в более спокойном месте.

Первые известия о петроградских событиях дошли до Ставки вечером 24 февраля, весь день которого, судя по камер-фурьерскому журналу, прошёл в спокойном, размеренном ритме^[1662]. Однако В. Н. Воейков, получив тревожные сведения о событиях в Петрограде, стал настаивать, чтобы Государь как можно скорее вернулся обратно в Царское Село. Но Император *«на это возражал, что он должен пробыть дня три-четыре, и ранние вторника уезжать не хочет»*^[1663].

Причины, по которым Николай II упорно не хотел уезжать из Ставки, сегодня не понятны. Но, по всей вероятности, они были связаны с той целью приезда, какая была изложена Государю Алексеевым. О том, что не всё было спокойно в Ставке, сообщает и Дубенский, который пишет, что *«уже с первых часов приезда туда Государя чувствовалась некоторая неуверенность в общей государственной жизни России»*^[1664].

Об этом же свидетельствовал и штаб-офицер для поручений в управлении генерал-квартирмейстера полковник В. М. Пронин. Он вспоминал, что в Ставку из Петрограда 24 февраля *«доходили слухи о могущих быть “крупных переменах наверху” и даже о “дворцовом перевороте”»*^[1665]. В тот же день Государь разговаривал с Государыней по телефону из своего кабинета. Императрица сообщила, что *«толпы рабочих требовали хлеба, и было несколько столкновений с поли-*

цией, но всё это сравнительно быстро успокоилось»^[1666]. Ни в дневнике Императора Николая II, ни в дневнике Императрицы Александры Феодоровны нет ни слова об этом телефонном разговоре. Но того же 24 февраля в письме к Государю Царица сообщала, что накануне *«были беспорядки на Васильевском острове и на Невском, потому что бедняки брали приступом булочные. Они вдребезги разнесли Филиппова и против них вызвали казаков. Всё это я узнала неофициально»*^[1667]. Переговоры Царя и Царицы по прямому проводу приобретают уникальный характер, так как информация, получаемая Государем от Императрицы, была с первых рук. Заметим также, что первые телеграммы о положении дел в Петрограде, прибыли в Ставку только 25 февраля.

Между тем вечером 24 февраля Государь получил телеграмму от Императрицы Александры Феодоровны, в которой говорилось, что *«совсем нехорошо в городе»*^[1668]. По свидетельству Дубенского, в Ставке *«уже с утра стало известно, что волнения в Петрограде приняли угрожающие размеры»*^[1669]. Тревожные сообщения стали поступать и от военных властей. Генерал С. С. Хабалов послал наштаверху (то есть М. В. Алексееву) секретную зашифрованную телеграмму, в которой он описал характер и развитие беспорядков^[1670]. В тот же день на имя Дворцового коменданта В. Н. Воейкова поступила первая зашифрованная телеграмма от А. Д. Протопопова, в которой тот сообщал о *«серьёзных беспорядках»* на Знаменской площади^[1671]. Воейков вновь убеждал Нико-

лая II уехать из Ставки, *«но Государь продолжал настаивать на своём отъезде во вторник»*^[1672]. А. А. Мордвинов утверждал, что Государь 25 февраля *«был спокоен и ровен, как всегда, хотя и очень задумчив, как всё последнее время»*^[1673]. Но Дубенский уверял, что причина этого спокойствия заключалась в том, что *«Государь не всё знал»*^[1674].

Однако это неверно. Именно вечером 25 февраля Николай II направил генералу С. С. Хабалову следующую телеграмму: *«Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжёлое время войны с Германией и Австрией. НИКОЛАЙ»*^[1675]. Как утверждал Г. М. Катков: *«Телеграмма была составлена самим Государем и послана без консультаций с кем бы то ни было»*^[1676].

О том, как отреагировал Хабалов на царскую телеграмму, видно из его показаний комиссии Временного правительства: *«Эта телеграмма, как бы вам сказать? Быть откровенным и правдивым: она меняхватила обухом... Как прекратить “завтра же”... Государь повелевает прекратить во что бы то ни стало... Что я буду делать? Как мне прекратить? Когда говорили: “хлеба дать” – дали хлеба и кончено. Но когда на флагах надпись “долей Самодержавие” – какой же тут хлеб успокоит! Но что же делать? Царь велел: стрелять надо... Я убит был – положительно убит!»*^[1677] Характерны слова и военного министра М. А. Беляева, сказанные Хабалову: *«Ужасное впечатление произведёт на наших союзников, когда разойдётся толпа и на Нев-*

ском будут трупы»^[1678].

Таким образом, чёткое и недвусмысленное повеление Императора Николая II решительно подавить беспорядки в столице натолкнулось на безволие военных руководителей Петрограда. Они продолжали проводить время в бесплодных заседаниях, обсуждая проблему выпечки хлеба да сокрушаясь о том впечатлении, какое произведёт вид расстрелянных бунтовщиков на «чувствительных» союзников.

В десять часов вечера 25 февраля генерал Хабалов собрал командиров запасных батальонов и начальников участков военной охраны. Он зачитал им телеграмму Государя и отдал приказ на 26 февраля: толпы неагрессивные разгонять кавалерией, толпы революционные после троекратного предупреждения – расстреливать.

26 февраля в 10 часов утра Государь был на Божественной литургии. Во второй половине дня он получил телеграмму от генерала Хабалова, в которой тот сообщал, что в столице идут столкновения войск и полиции с демонстрантами, есть убитые и раненые.

По каким-то неясным причинам Государь по-прежнему считал нужным оставаться в Могилёве. Осознание необходимости своего отъезда, с одной стороны, и необходимости оставаться в Ставке – с другой, были причиной его мучительных раздумий. Видимо, нервное напряжение было настолько сильным, что во

время литургии у Государя случился сердечный приступ^[1679]. В письме к Императрице 26 февраля Николай II писал: *«Сегодня утром во время службы я почувствовал мучительную боль в середине груди, продолжавшуюся ¼ часа. Я едва выстоял, и лоб мой покрылся каплями пота. Я не понимаю, что это было, потому что сердцебиения у меня не было, но потом оно появилось и прошло сразу, когда я встал на колени перед образом Пречистой Девы»*^[1680].

26 февраля председатель Совета министров князь Н. Д. Голицын, воспользовавшись данным ему Государем правом, издал за Высочайшей подписью Указ о прерывании занятий Государственной думы до апреля 1917 г.^[1681] Г. М. Катков пишет: *«Нет никаких указаний на то, что Голицын испрашивал у Государя разрешения, чтобы воспользоваться документом. Ответственность за это решение целиком лежит на Голицыне и на Совете министров»*^[1682].

Между тем решение о перерыве занятий Государственной думы в условиях февральских дней было не только бесполезным, но и вредным шагом. Тем более что поздно вечером того же дня Голицын объявил, что собирается подать в отставку. Этим князь давал думским лидерам возможность оправдывать невыполнение Высочайшего Указа коллапсом власти. О решении распустить Думу Н. Д. Голицын в тот же день телеграфировал Императору Николаю II^[1683].

Вечером 26 февраля председатель Государствен-

ной думы М. В. Родзянко сообщил Царю телеграммой, что *«положение серьёзное. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы этот час ответственности не пал на Венценосца»*^[1684]. 26 февраля от Родзянко была получена и вторая телеграмма, в которой он писал о разрастании революции и просил Государя *«безотлагательно призвать лицо, которому может верить вся страна, и поручить ему составить правительство»*^[1685].

Одновременно с посланной телеграммой Николаю II Родзянко направил телеграммы генералам Алексееву и главнокомандующим армиями фронтов: Брусилову, Эверту и Рузскому. В этих телеграммах высказывалась просьба поддержать перед Государем просьбу Родзянко о введении Ответственного министерства. Телеграммы заканчивались твёрдым убеждением, что *«медлить больше нельзя. Промедление смерти подобно»*^[1686].

В течение ночи и утра 27 февраля генералом Алексеевым были получены ответные телеграммы от главнокомандующих. В них *«по верноподданному долгу и присяге»* выражались просьбы доложить Государю *«что при наступившем грозном часе»* другого выхода, кроме того, что предлагает Родзянко, быть не может^[1687]. Эта телеграфная переписка Родзянко с генералами имела важное значение в истории февральского переворота: Родзянко и генералы координировали свои действия в оказании давления на Царя.

В 21 ч. 20 м. Император Николай II послал телеграмму Супруге, которая была ею получена вечером 26 февраля: *«Её Величеству. Любовь моя! Спасибо за телеграммы. Уеду, как только улажу все необходимые здесь вопросы. Сплю хорошо. Да благословит вас всех Господь. Ники»*^[1688]. Слова Государя о том, что он уедет, когда решит все необходимые здесь (то есть в Ставке) вопросы, лишний раз доказывает, что они не были связаны с планами весеннего наступления.

В понедельник утром 27 февраля Государь отправился, по обыкновению, в Штаб, где, по свидетельству А. А. Мордвинова, *«оставался чрезвычайно долго»*^[1689]. Во время доклада Алексеев передал Государю телеграмму Родзянко, в которой тот требовал восстановить работу Думы и *«немедленно призвать новую власть на началах доложенных мною Вашему Величеству во вчерашней телеграмме»*^[1690]. Выйдя от Государя, генерал Алексеев сообщил Дубенскому, что ночью пришли известия из Петрограда: в столице *«войска переходят на сторону восставшего народа»*^[1691].

Известия из Петрограда тяжело подействовали на Государя, который 27 февраля был *«заметно более сумрачен и очень мало разговорчив»*^[1692]. Царь немедленно приказал генерал-адъютанту Н. И. Иванову двигаться на Петроград с преданным ему воинским отрядом Георгиевских кавалеров. В своем дневнике Государь 28 февраля записал: *«Лёг спать в 3 ¼, так как долго говорил с Н. И. Ивановым, которого посылаю в Петроград с войсками водворить порядок»*^[1693].

Вечером генерал М. В. Алексеев был вызван по прямому проводу Великим Князем Михаилом Александровичем. Перед этим М. В. Родзянко усиленно убеждал Великого Князя подействовать на Августейшего Брата, чтобы тот согласился на Ответственное министерство^[1694]. В телеграфных переговорах Михаил Александрович просил Алексеева доложить Государю, что необходимо распустить Совет министров и назначить во главе Правительства лицо, пользующееся уважением в широких слоях населения, поручив ему составить кабинет по его усмотрению. По мнению Великого Князя, таким лицом мог бы стать князь Г. Е. Львов^[1695].

Ответ Николая II был передан Алексеевым довольно быстро: *«Все мероприятия касающиеся перемен в личном составе Его Императорское Величество отлагает до времени своего приезда в Царское Село. Завтра отправляется в Петроград генерал-адъютант Иванов в качестве главнокомандующего Петроградского округа, имея с собой надёжный батальон. Со завтрашнего дня с Северного и Западного фронтов начнут отправляться в Петроград из наиболее надежных частей четыре пехотных и четыре кавалерийских полков»*^[1696]. Передав Великому Князю Михаилу Александровичу ответ Государя, Алексеев поспешил от себя добавить, что он полностью поддерживает необходимость назначения нового правительства^[1697]. Эти слова были предназначены, конечно, не Михаилу Александровичу, а Родзянко. Говоря их, Алексеев демонстрировал думцам свою готовность к сотру-

ничеству.

В 22 ч. 45 м. Государь получил телеграмму от князя Н. Д. Голицына, в которой извещалось, что уличные беспорядки *«сегодня приняли характер военного мятежа»*^[1698]. Председатель Совета министров сообщал о введении в Петрограде осадного положения. Он умолял немедленно отправить в отставку всё Правительство, в первую очередь министра внутренних дел А. Д. Протопопова. Голицын просил назначить главою Правительства лицо, *«пользующееся доверием в стране»*. Из этой телеграммы видно, что Голицын находился под сильным влиянием Родзянко. Ответ Государя был жёстким: *«Председателю Совета Министров. О Главном военном начальнике Петрограда мною дано повеление Начальнику Моего штаба с указанием немедленно прибыть в столицу. То же и относительно войск. Лично вам предоставлены все необходимые права по гражданскому правлению. Относительно перемен в личном составе при данных обстоятельствах считаю недопустимым. НИКОЛАЙ»*^[1699].

Генералы Алексеев и Лукомский пытались воздействовать на Государя и убеждали его согласиться с предложениями Голицына^[1700]. Однако Николай II сказал, что он своё решение не изменит, *«а поэтому бесполезно мне докладывать ещё что-либо по этому вопросу»*^[1701].

Около полуночи 27 февраля Император внезапно принял решение о своём отъезде из Ставки в Царское Село. Мотивы поспешности принятия Государем этого решения до сих

пор не выяснены. До этого момента Николай II был категорически против отъезда. Даже днем 27 февраля, после получения угрожающих телеграмм Родзянко, Хабалова и Беляева, Государь, по свидетельству Воейкова, *«не хотел уезжать из Могилёва»*^[1702]. Николай II планировал вернуться в Петроград 1 марта. В телеграмме к Царице от 27 февраля он сообщал: *«Выезжаю завтра в 2.30. Конная гвардия получила приказание немедленно выступить из Нов [города] в город [Петроград]. Бог даст, беспорядки в войсках скоро будут прекращены. Всегда с Тобой. Сердечный привет всем. Ники»*^[1703]. В 20 ч. 15 мин. 27 февраля генерал Воейков направил Протопопову следующую зашифрованную телеграмму: *«Его Величество изволит отбыть из Ставки через Оришу – Лихославль – Тосно вторник 28 февраля 2 часа 30 минут дня и прибыть Царское Село среду 1 марта 3 час. 30 мин. дня»*^[1704].

О том, что решение было принято Императором Николаем II внезапно, видно из воспоминаний лиц свиты. Так, Мордвинов вспоминал, что 27 февраля около 23 ч. 30 м. он узнал, что *«на завтра утром назначено наше отбытие в Царское Село»*. Мордвинов отправился в гостиницу, чтобы дать распоряжение прислуге готовить багаж к отъезду. Войдя в гостиницу, он был крайне изумлён, узнав, что прислуга уже знала об отъезде и была в полной готовности. Выяснилось, что за несколько минут до прихода Мордвинова *«было передано по телефону извещение всем быть немедленно*

готовыми к отъезду, так как Императорский поезд отойдёт не завтра утром, а сегодня же около 12 часов ночи. Было уже около половины двенадцатого»^[1705]. Генерал Дубенский вспоминал, что около 23 ч. к нему зашёл барон В.Н. фон Штакельберг и «взволнованным голосом сказал: Скорее собирайтесь. Мы сейчас уезжаем. Государь едет в Царское. Происходят такие события, что нельзя сказать, чем всё это кончится»^[1706].

Принятие Царём решения о немедленном отъезде обычно объясняется его волнением за свою Семью, поводом для которого стал звонок в Ставку из Царского Села гофмаршала графа П. К. Бенкендорфа, сообщившего о грозящей ей опасности. Эту версию в своих воспоминаниях поддерживают В. Н. Воейков и А. А. Мордвинов. Дворцовый комендант утверждал, что Государь категорически запретил вывести семью из Царского Села, сказав при этом: «Ни в коем случае... Больных детей возить поездом... ни за что...»^[1707]. Однако сам Бенкендорф в своих мемуарах опровергал Воейкова, утверждая, что утром 27 февраля ему пришло сообщение от военного министра генерала М. А. Беляева: Родзянко предупредил министров, что Государыня находится в опасности и «должна немедленно уехать, так как никто не сможет к утру поручиться за её безопасность»^[1708]. Бенкендорф сообщил об этом в Могилёв Воейкову и предложил просить Государя отдать распоряжение об отъезде Императрицы и детей. «В ответ Император распорядился, чтобы

поезд был готов, и просил передать Императрице, чтобы до утра она никому ничего об этом не говорила. Сам он уедет ночью в Царское Село и прибудет утром 1 марта». Бенкендорф передал повеление Государя генералу Беляеву, и «всё было готово к отъезду на следующий день». В 10 ч. утра 28 февраля Императрица приняла гофмаршала, который сообщил ей, что Государь «оставил Могилёв и ожидается в Царском следующем утром в 6 часов. Императрица сказала нам, что она ни в коем случае не согласна уезжать, не дождавшись Императора. Следовательно, было решено ждать прибытия Императора»^[1709].

Таким образом, очевидно, что инициатором отъезда Семьи был Император Николай II. Причём, по свидетельству Бенкендорфа, Царь, отдав тайный приказ вывезти Супругу и детей из Царского Села 28 февраля, сам собирался прибыть в столицу 1 марта. Ясно, что главной целью возвращения Николая II в Царское Село была не безопасность Семьи. Эмигрантский писатель В. Криворотов писал, что «было ошибкой думать, что Царь спешил в Царское Село исключительно из боязни за свою семью, жену и детей. Государь должен был сознавать, что его появление там, в центре пылающих страстей, не могло никоим образом защитить семью от распоясывавшейся толпы. Своим решением отправиться туда, Царь хотел разрубить узел всеобщего трусливого бездействия»^[1710].

Скорее всего, поздно вечером 27 февраля Император Ни-

колай II осознал существование против него военного заговора в Ставке. По словам генерала А. С. Лукомского, Царь, *«находясь в Могилёве, не чувствовал твёрдой опоры в своём начальнике штаба генерале Алексееве»*^[1711]. Государь решил любой ценой прорваться в Царское Село, куда должны были подоспеть отправляемые им верные части с фронта. Лукомский вспоминал, что Дворцовый комендант сообщил ему, что *«Государь приказал немедленно подать литерные поезда и доложить, когда они будут готовы; что Государь хочет сейчас же, как будут готовы поезда, ехать в Царское Село; причём он хочет выехать из Могилёва не позже 11 часов вечера. Я ответил, что подать поезда к 11 часам вечера можно, но отправить их раньше 6 часов утра невозможно по техническим условиям: надо приготовить свободный пропуск по всему пути и всюду разослать телеграммы. Затем, я сказал генералу Воейкову, что решение Государя ехать в Царское Село может повести к катастрофическим последствиям, что, по моему мнению, Государю необходимо находиться в Могилёве. <...> Генерал Воейков мне ответил, что принятого решения Государь не изменит, и просил срочно отдать необходимые распоряжения»*^[1712].

Ю. А. Ден, которая 27 февраля по просьбе Государыни прибыла в Александровский дворец, *«заметила, что Государыня очень взволнована.*

– Лили, – произнесла она, тяжело дыша. – Дела из рук вон плохи. Я только что видела полковника Гротена и гене-

рала Ресина. Они сообщили, что Литовский полк взбунтовался, солдаты убили своих офицеров и оставили казармы. Их примеру последовал Волынский полк. Не могу этого понять. Никогда не поверю, что возможна революция. <...> Государыня сообщила мне, что пыталась связаться с Императором по телефону, но безуспешно. — Однако я послала ему телеграмму, — добавила она, — умоляя его немедленно вернуться. В среду он будет здесь»^[1713].

Мы видим, что Государыня была крайне встревожена не безопасностью своей и детей, а политической ситуацией в Петрограде. Причём дело было не только в солдатских бунтах. Для их умирения было достаточно посланки отряда конной гвардии, о котором Императрица знала из полученной телеграммы Государя 27 февраля. Скорее всего, Императрица получила какую-то очень важную информацию, касающуюся безопасности Государя в Ставке. Об этом она пыталась что-то сообщить ему по телефону и, не дозвонившись, послала телеграмму.

Генерал-лейтенант А. С. Лукомский вспоминал: «После получения телеграммы от председателя Совета Министров Государь больше часа говорил по телефону. Особый телефон соединял Могилёв с Царским Селом и с Петроградом. Так как председателю Совета министров Государем Императором была послана телеграмма, то все были уверены, что Государь говорил с императрицей, бывшей в то время в Царском Селе»^[1714]. Находясь в эмиграции, Лукомский

3 июля 1922 года был допрошен следователем Н. А. Соколовым в рамках уголовного дела по убийству Царской Семьи. Лукомский подтвердил факт беседы Николая II по телефону 27 февраля: *«Особый телефон, соединявший Царское Село и кабинет Председателя Совета министров непосредственно со Ставкой, находился в отдельном помещении. Я подтверждаю ту часть моих воспоминаний, в которой я объясняю, почему я думаю, что Государь говорил перед ответом князю Голицыну по телефону с Императрицей. Самый же факт Его беседы по телефону мне положительно был известен»*^[1715].

По Лукомскому, разговор Царя по телефону происходил днём, значит, это не мог быть разговор с Бенкендорфом. По утверждению Ю. А. Ден, Императрица Александра Феодоровна сообщила ей, что дозвониться до Государя она 27 февраля не смогла. С кем же тогда разговаривал Николай II? Это мог быть неизвестный, который и сообщил Государю информацию о грозящей ему в Ставке опасности. По всей видимости, поздно вечером 27 февраля Император Николай II понял, что та информация, из-за которой он приехал в Могилёв и которая удерживала его в Ставке, была ложной и подброшена ему генералами-изменниками. Каждый лишний час нахождения Царя в Могилёве приближал победу революции в Петрограде. Вот почему Николай II принял решение немедленно, не теряя ни минуты, уехать из заговорщической Ставки.

Как только генералитет Ставки узнал, что Николай II хочет немедленно её покинуть, с его стороны начало оказываться мощное давление^[1716]. Поздно вечером Лукомский отправился к генералу Алексееву и стал настаивать, чтобы тот пошёл к Государю и отговорил его от возвращения в Царское Село. Алексеев это немедленно исполнил, но Государь твёрдо решил ехать^[1717]. Полковник В. М. Пронин пытается представить мотивы поведения Алексеева верноподданническими чувствами: *«В течение второй половины дня ген.[ерал] Алексеев, несмотря на повышенную температуру и озноб, несколько раз был с докладом у Государя и упрасивал его, во имя блага Родины и скорейшего успокоения народных волнений, последовать советам кн. Голицына и Родзянко и дать ответственное министерство. Он также убеждал Государя не покидать Ставки, указывая Его Величеству на всю опасность такого шага в настоящее тревожное время. <...> Вечером ген. Алексеев вновь был у Государя и просил Его даровать стране ответственное министерство. “На коленях умолял Его Величество”, – сказал он, грустно качая головой, возвратившись из дворца: “Не согласен”...»*^[1718].

Однако дальнейшее поведение Алексеева выдаёт его подлинные цели. Воейков вспоминал, что, узнав от него о предстоящем отъезде Царя, генерал Алексеев с *«хитрым выражением лица»*, и с *«ехидной улыбкой»* спросил: *«А как же он поедет? Разве впереди поезда будет следовать целый бата-*

льон, чтобы очищать путь»^[1719]. Воейков немедленно отправился к Государю и передал ему *«загадочный разговор с Алексеевым»*, стараясь *«разубедить Его Величество ехать при таких обстоятельствах»*, но *«встретил со стороны Государя непоколебимое решение, во что бы то ни стало, вернуться в Царское Село»*^[1720].

Император Николай II счёл нужным перед отъездом дезинформировать Алексеева, передав ему, что решил остаться в Могилёве. Это известие вызвало у генерала Алексеева удовлетворение. Но Государь, ничего не сообщив начальнику штаба, ночью выехал к Императорскому поезду^[1721]. Полковник Г. А. Таль вспоминал, что около 23 ч. 15 м. *«дежурный чиновник при дворцовом коменданте передал мне из Дворца по телефону, приказ дворцового коменданта передать генералу Цабелю, что отъезд Государя Императора из Могилёва состоится, как только все переедут в литерные поезда»*^[1722].

Дежурный генерал при Верховном Главнокомандующем генерал-лейтенант П. К. Кондзеровский вспоминал, что ночью 27 февраля он *«ещё не спал, когда услышал сильный гул от быстрого движения нескольких автомобилей. Бросившись к окну, я увидел, что мимо, полным ходом, промчались по направлению к вокзалу царский автомобиль и за ним все машины со Свитой. Ясно, что Государь уезжал из Ставки. Какое-то жуткое впечатление произвел этот отъезд в глухую ночь»*^[1723].

Не менее мрачное впечатление производил сам Императорский поезд, который стоял у перрона вокзала *«в полной темноте, без единого огня, с наглухо завешанными окнами»*^[1724]. На перроне не было заметно и обычной охраны. Таль, которого Воейков назначил комендантом поезда литера «Б», свидетельствовал: *«На 12 ½ часа ночи всё было перевезено и размещено и оба поезда под парами ожидали Высочайшего прибытия с лицами, непосредственно сопровождавшими Государя Императора, ибо часть свиты переехала в поезд заранее»*^[1725].

Государь в сопровождении В. Н. Воейкова и дежурного флигель-адъютанта прибыл в Собственный поезд около 1 ч. 15 м. ночи 28 февраля. Поезд производил необычно мрачное впечатление на окружающих: *«В полной темноте, без единого огня, с наглухо завешанными окнами стоял поезд около платформы, ожидая отправления. На перроне станции не было никого, не лезла в глаза и обычная охрана. Тяжело было на душе у всех»*^[1726].

По всему было видно, что отъезд Государя был поспешным и максимально законспирированным. Около 4 часов утра от Могилёва отошёл свитский поезд. Через час в темноту двинулся Собственный Его Императорского Величества поезд литера «А». В 5 ч. 35 м. в Департамент полиции ушла телеграмма от полковника В. И. Еленского: *«Государь Император благополучно отбыл пять утра вместо двух с половиною дня»*^[1727].

События в Петрограде 23 февраля – 1 марта 1917 г.

Для того чтобы понять действия Николая II в те дни, необходимо представлять, что происходило в Петрограде в период с 23 февраля по 1 марта 1917 г.

Как только Государь покинул Царское Село, на следующий же день, 23 февраля, началась забастовка текстильщиц Петрограда, которые требовали хлеба. Эта забастовка не вызвала особой обеспокоенности у властей^[1728]. Однако во второй половине дня прекратили работу военные заводы столицы. В феврале 1916 г. на ряде военных заводов было введено временное государственное управление, ограничившее права пользования частных владельцев заводов, так называемый секвестр. Начальником Путиловского завода был назначен член правления профессиональный артиллерист генерал-майор Н. Ф. Дроздов, подчинённый начальника ГАУ генерала А. А. Маниковского, в руках которого были казённые и частные военные заводы, в том числе и Путиловский^[1729].

18 февраля 1917 г. рабочие одного из цехов Путиловского завода потребовали 50 % прибавки к зарплате^[1730]. Когда директор завода отказался выполнять это требование, рабочие устроили сидячую забастовку. Дирекция 21 февраля уволила бастующих. Эта мера привела к распространению забастовки на другие цеха. 22 февраля администрация

объявила об их закрытии на неопределённое время. Таким образом, 30 тыс. высококвалифицированных, хорошо организованных рабочих оказались на улице^[1731]. Как справедливо писал Г. М. Катков, *«причины забастовок всё ещё совершенно темны. Невозможно было массовое движение такого масштаба и размаха без какой-то направляющей силы»*^[1732].

В связи с этим очевидно, что вся ситуация с забастовкой и увольнениями на Путиловском заводе не могла иметь место без того или иного участия генералов Маниковского и Дроздова. Только они контролировали ситуацию на заводе, в том числе и революционные группы. Но генералы не могли действовать по своей инициативе, без руководящего политического центра. Этот центр был в лице Керенского. В. В. Кожинов прямо указывал, что *«Маниковский был близким сподвижником Керенского»*^[1733]. Не случайно в октябре 1917 г. Керенский назначил генерала главным снабженцем армии.

Нельзя также не коснуться и роли председателя правления «Общества Путиловских заводов» А. И. Путилова, который являлся председателем правления Русско-Азиатского банка. К 1917 г. этот банк имел 102 отделения в Империи и 17 за рубежом. Его капитал равнялся 629 млн рублей. Путилов был членом масонской ложи и был тесным образом связан с Бродвейским сообществом. Его представителем на Бродвее был Дж.-М.-Г. Грант^[1734]. Членом банковского консорциума являлся А. Л. Животовский, родной дядя

Л. Б. Бронштейна (Троцкого) по материнской линии^[1735]. После Февральской революции Путилов активно способствовал финансовым потокам сначала в поддержку Керенского, а затем и большевиков.

Таким образом, 23 февраля 1917 г. неожиданно как для думской оппозиции, так и для Правительства свою игру начала партия Уолл-стрита. В этой игре ей активно помогал А. И. Гучков и его сторонники, действовавшие через Центральный военно-промышленный комитет. 26 февраля в Петрограде, в доме 46 по Литейному проспекту, где располагался ЦВПК, с санкции Гучкова произошла встреча между «членами Государственной Думы Керенским и Скобелевым» и руководителями социал-демократических рабочих ячеек на заводах и фабриках столицы^[1736].

Между тем Правительство и Дума не замечали ни организованных групп боевиков, атакующих военные заводы, ни жертв среди полицейских. К вечеру город обезлюдел, и полиция сообщала, что «усилиями чинов полиции и воинских нарядов порядок повсеместно в столице был восстановлен»^[1737]. Но это было лишь затишье перед бурей.

24 февраля, в пятницу, в Петрограде в забастовках приняло участие уже около 170 тыс. рабочих^[1738]. В течение дня на Невском проспекте появлялись толпы, которые приходилось разгонять нарядами полиции и конными частями. В 18 ч. у Петроградского механического завода во время столкновения полиции с рабочими были ранены двое по-

лицейских^[1739]. Ни войска, ни полиция нигде не применяли оружие. На Знаменской площади полиция была атакована градом ледышек под хохот казаков, которые бездействовали и кланялись толпе^[1740].

Ещё вечером 23 февраля генералу С. С. Хабалову было доложено, что казаки во всех случаях бездействуют. Причём объяснялось это бездействие отсутствием у казаков нагаек. Но дело было, конечно, не в них. Накануне беспорядков казаки дали сектантскую клятву большевику В. Д. Бонч-Бруевичу не «*стрелять в народ*»^[1741]. Они эту клятву и выполняли: «кланялись» толпе и подмигивали работницам.

Но 25 февраля беспорядки переросли в вооружённое противостояние. Социалистические группировки открыто объявили о начале революции^[1742]. Великий Князь Михаил Александрович записал в свой дневник, что «*рабочие с красными флагами, бросали в полицию ручные гранаты и бутылки, войскам пришлось стрелять*»^[1743]. Бастовало уже 250 тыс. рабочих.

25 февраля было отмечено первыми случаями неповиновения и в воинских частях. Так, солдаты Лейб-гвардии Павловского полка отказались исполнить приказание командира батальона и нанесли ему смертельные ранения на Конюшенной площади^[1744]. В 15 ч. на Знаменской площади около памятника Императору Александру III казачья сотня не дала отряду конной полиции разогнать мятежную толпу. Причём подхорунжий 1-го Донского полка, полный георгиевский ка-

валер М. Г. Филатов насмерть зарубил шашкой полицейского участкового пристава полковника А. Е. Крылова, когда тот, вырвав красный флаг из рук манифестанта, стал конвоировать задержанного в участок^[1745].

Между тем достаточно было твёрдой позиции войск, чтобы мятежников охватывала паника. Около 18 часов у городской думы на Невском проспекте революционные боевики стали стрелять из толпы по полиции и драгунам 9-го запасного Кавалерийского полка. В ответ офицер полка спешил драгун и приказал дать залп по толпе. Несколько человек в ней было убито, несколько ранено. Толпа разбежалась. Среди организаторов беспорядков *«начали говорить, не пора ли всё кончать, так как войска переходят к решительным действиям. Говорили о необходимости кончать забастовку. К ночи Невский опустел. Была видна лишь полиция, разъезды жандармов, казаков, драгун»*^[1746].

К утру 26 февраля в столице бастовало 240 тысяч рабочих^[1747]. С утра согласно приказу генерала Хабалова войска заняли все посты в столице. Главным образом охранялись мосты и переправы. Тем не менее люди небольшими группами, по льду переходили Неву и стекались к Невскому проспекту. Так как из-за порочного приказа Хабалова полиция была убрана из города и заменена войсками, то к полудню весь Невский был заполнен толпой, с красными флагами, революционными лозунгами и поющей революционные песни^[1748].

В 3 часа пополудни революционная толпа возле Гостиного Двора двинулась по Невскому проспекту в сторону Знаменской площади. Дорогу ей пересекла учебная команда запасного батальона Лейб-гвардии Павловского полка под командованием штабс-капитана Чистякова-2-го, пользовавшегося большим авторитетом у своих солдат. На предупредительные выстрелы толпа не реагировала. В этот момент с крыш была открыта стрельба по войскам, в затылок был убит ефрейтор. Озлобленные солдаты открыли беспорядочный огонь по толпе, среди которой было много убитых и раненых. Толпа была рассеяна.

Не менее энергично действовала учебная команда Лейб-гвардии Волынского полка под командованием капитана В. В. Квитницкого, защищавшего Знаменскую площадь^[1749], на которой было убито 40 бунтовщиков и один прапорщик Лейб-гвардии Павловского полка^[1750].

Ситуация в городе 26 февраля в целом контролировалась Правительством. Жёсткий отпор, данный войсковыми соединениями в центре Петрограда, а также известие о роспуске Думы возымели своё действие. В рядах заговорщиков чувствовалось смущение. Вечером в доме Елисеева на Невском проспекте состоялось совещание А. Ф. Керенского с представителями левых думских фракций и революционных группировок. Керенский предложил обсудить вопрос *«о наилучшем использовании в революционных целях возникших беспорядков и дальнейшем планомерном руководитель-*

стве таковыми»^[1751]. Неожиданно для него участники совещания стали высказывать мнения, что революция не удалась и нужно заканчивать противостояние. Эти настроения привели Керенского в растерянность. Его соратник В. Б. Станкевич вспоминал, что, придя вечером 26 февраля в Таврический дворец, он застал Керенского и Чхеидзе в сильном волнении. *«Чхеидзе всё время бегал из угла в угол. Я спросил кого-то из окружающих, где остальные члены Думы. Мне ответили, что разбежались, так как почувствовали, что дело плохо»*^[1752].

Для думских революционеров дело действительно могло закончиться плохо. В случае если бы 27 февраля Правительство и войска проявили бы такую же твердость, как и 26-го, революция была бы подавлена. А то, чем заканчивались для бунтовщиков военно-полевые суды, они хорошо помнили по 1906 г.

К вечеру 26 февраля стало ясно, что революция Керенского потерпела поражение. Призывы «Долой Самодержавие!» не нашли поддержки ни в армии, ни в народе, а главное, они не были политически осуществимы. Возвращение в Петроград Государя, прибытие верных воинских частей быстро восстановили бы порядок в столице. Для организаторов беспорядков нужно было придать перевороту легальные формы. Для этого надо было вернуться под лозунги Государственной думы и выдвинуть на первую роль легального руководителя, пользующегося авторитетом в военной верхуш-

ке. Так на политической сцене вновь появился М. В. Родзянко с главным требованием «Прогрессивного блока» – Ответственного министерства. А. Ф. Керенский и его левые соратники предполагали использовать это старое требование лишь для направления переворота в новое русло. Вечером 26 февраля Родзянко встретился с Керенским и Чхеидзе в помещении Государственной думы. Станкевич вспоминал, что *«Родзянко говорил по прямому проводу с фронтами»*^[1753]. Таким образом, вечером 26 февраля 1917 г. переворот вступил в новую «легальную» стадию. Ставка была готова подавить революцию Керенского, но не переворот Родзянко. Именно поэтому Керенский был вынужден пойти на союз с Родзянко, так как без его участия революция была бы неминуемо подавлена.

Со своей стороны Родзянко и стоящий за ним «Прогрессивный блок» понимали, что они могут прийти к власти, воспользовавшись беспорядками, вызванными Керенским. Для этого надо было убедить князя Н. Д. Голицына обратиться к Государю с просьбой об отставке, а затем добиться *«призвания лица, которому может верить вся страна и поручить ему составить правительство»*. Конечно, таким лицом должен был быть Родзянко, который, начиная с 26 февраля, примкнул к революции и начал прикрывать её действия авторитетом Государственной думы.

Ближе к вечеру Родзянко прибыл к Голицыну и стал предлагать ему уйти в отставку. Князь отказался и показал Ро-

дзянко папку с текстом указа о прерывании занятий Государственной думы. Но одновременно тотчас предложил Родзянко встретиться с лидерами фракций, чтобы «столковаться». Так Правительство, постоянно демонстрируя свою слабость и свою нерешительность, укрепляло позиции мятежников.

Важнейшим шагом Родзянко и «Прогрессивного блока» было вовлечение в переворот военного руководства Ставки. 26 февраля на совещании с членами Императорского Правительства в Мариинском дворце член «Прогрессивного блока» В. А. Маклаков выдвинул кандидатуру генерала М. В. Алексеева на должность главы Правительства с диктаторскими полномочиями^[1754]. Разумеется, эта новость сразу же дошла до честолюбивого начальника штаба и оказала прямое воздействие на его отношение к петроградским событиям. Именно в ночь с 26 на 27 февраля генералитет Ставки активно включился в процесс свержения Императора Николая II. Керенский, много лет спустя после описываемых событий, утверждал: *«Русскую революцию сделали не революционные партии, а генералы»*. Керенский знал, что говорил.

27 февраля Правительством наконец-то был опубликован Указ о перерыве занятий Государственной думы. При этом, однако, не было принято никаких мер, чтобы в нее никого не пускали. С 9 ч. утра Таврический дворец стал заполняться депутатами. Но никого из думских «вождей» видно не было. До собравшихся во дворце депутатов стали дохо-

дить ужасающие слухи о масштабах разыгравшихся в столице беспорядков. В 7 часов утра начался мятеж в двух учебных командах запасного батальона Лейб-гвардии Волынского полка. Около 7 ч. утра штабс-капитан И. С. Лашкевич вышел перед построившейся первой ротой, прочитал телеграмму Государя о немедленном прекращении беспорядков и объяснил солдатам их задачи. На это старший фельдфебель первой роты Т. И. Кирпичников заявил офицеру, что солдаты отказываются выходить на улицу. Лашкевич побледнел и стал выходить из казармы, но внезапно был убит выстрелом в затылок. Убийство это было приписано Кирпичникову, из которого февралисты слепили образ революционного героя. Он был произведён Временным правительством в унтер-офицеры, награждён генералом Л. Г. Корниловым Георгиевским крестом. С «героем» спешили сфотографироваться французские и английские политические деятели.

Убийство штабс-капитана Лашкевича сыграло решающую роль в переходе солдат на сторону мятежников. *«Солдаты, – писал Г. М. Катков, – внезапно почувствовали, что возврата им нет. С этого момента их судьба зависела от успеха мятежа, а успех этот мог быть обеспечен только в том случае, если к Волынскому полку немедленно присоединятся другие»*^[1755]. Командование батальоном пребывало в преступном бездействии. Восставших никто не арестовал, к ним даже никто из офицеров не вышел^[1756]. Вообще, как писал Г. М. Катков, *«в этот решающий день, 27 февраля, по-*

ведение офицеров Петроградского гарнизона имело большие последствия»^[1757]. Там, где офицеры исполняли свой долг и давали отпор мятежникам, ситуация была совершенно иной. Так, того же 27 февраля командир Самокатного батальона полковник И. Н. Балкашин со своими солдатами целые сутки вёл успешный бой с бунтовщиками, не получая никакой поддержки. Утром 28 февраля полковник был убит из толпы и опять-таки «случайной» пулей. *«Случай с Самокатным батальоном, – отмечает Г. М. Катков, – показывает, что мог бы сделать решительный и пользующийся популярностью офицер»*^[1758]. Это мнение полностью подтверждается и действиями отряда офицера Лейб-гвардии Преображенского полка полковника А. П. Кутепова, который, прибыв с фронта в отпуск в Петроград, попал в водоворот революционных событий и, проявив присущую ему смелость и энергию, несколько раз рассеивал революционные толпы, ведя уличные бои с мятежниками. Но не получив никакой помощи от Хабалова, Кутепов был вынужден распустить свой отряд.

Достаточно было небольшого воинского подразделения, чтобы подавить мятеж. Об этом свидетельствовал один из организаторов заговора С. Масловский-Мстиславский: *«Можно сказать с уверенностью, – писал он, – если бы в ночь с 27-го на 28-е противник мог бы подойти к Таврическому дворцу даже незначительными, но сохранившими строй и дисциплину, силами, он взял бы Таврический с уда-*

ра — наверняка, защищаться нам было нечем. Правительство не смогло, однако, этого сделать: оно было дезорганизовано»^[1759].

Между тем к праздношатающимся вооружённым солдатам присоединились рабочие, революционные боевики и просто погромщики. Толпа ворвалась в городскую тюрьму «Кресты», освободив всех заключённых. Преступники всех категорий влились в революционную толпу. Было подожжено здание окружного суда, причём толпа мешала прибывшей пожарной команде тушить здание. Адвокат Н. П. Карабчевский вспоминал: *«Городовых тем временем беспощадно убивали. Полицейские дома и участки брали штурмом и сжигали; с офицеров срывали ордена и погоны и обезоруживали их; протестовавших тут же убивали»*^[1760]. Генерал К. И. Глобачёв: *«К 5 часам дня беспорядки распространились на Петербургскую сторону; начались грабежи магазинов и частных квартир, обезоруживание офицеров на улицах, избивание и убийства городских, аресты и убийства жандармских офицеров и унтер-офицеров. Словом, уже в пять часов дня ясно стало, что власть не существует, а столица находится в распоряжении черни»*^[1761].

В такой обстановке М. В. Родзянко поставил вопрос о создании Временного комитета Государственной думы (ВКГД) *«для водворения порядка в столице и для связи с общественными организациями и учреждениями»*. В состав комитета вошли М. В. Родзянко (председатель), П. Н. Милюков,

Н. В. Некрасов, В. А. Ржевский, В. В. Шульгин, М. А. Караулов, А. И. Коновалов, А. Ф. Керенский, Н. С. Чхеидзе. Одновременно был создан Временный исполнительный комитет Петроградского совета рабочих депутатов во главе с меньшевиком Н. С. Чхеидзе. В Исполком также вошел и Керенский.

Ранним утром 28 февраля последний оплот законной власти, Адмиралтейство, где собрался отряд верных Правительству войск, был осаждён революционными толпами. Военный министр М. А. Беляев позвонил Родзянко, просил содействия. В ответ услышал повелительно-угрожающий приказ о немедленной сдаче. Это говорил уже не председатель Государственной думы Российской Империи, а глава революционного правительства. В унисон требованиям Родзянко пришло известие, что гарнизон Петропавловской крепости перешёл на сторону ВКГД.

В 11 ч. 30 м. генерал Хабалов направил начальнику штаба Ставки генералу Алексееву телеграмму, в которой известил его, что *«весь город захвачен революционерами, телефон не действует, связи с частями города нет»*^[1762]. В 12 ч. к Хабалову явился посланник от морского министра И. К. Григоровича, который потребовал во избежание разрушения здания Адмиралтейства пушками Петропавловской крепости немедленно его очистить. Беляев отдал приказ об уходе из Адмиралтейства, который был выполнен через 15 минут^[1763].

В 16 ч. были арестованы все члены Императорского Пра-

вительства и генералы С. С. Хабалов, А. П. Балк, О. И. Вендорф, М. И. Казаков. Ещё утром революционный комендант Петрограда Б. А. Энгельгардт отдал приказ арестовать контрразведывательное отделение штаба округа, с его начальником полковником В. М. Якубовым. Управление контрразведки было разгромлено. Примечательно, что в помещении контрразведки находилась картотека на лиц, частных и подозреваемых в шпионаже в пользу Германии, которую полковник Якубов вёл с довоенного времени. При разгроме отделения картотека была полностью уничтожена^[1764].

Революционеры арестовали генерала П. Г. Курлова, митрополита Петроградского и Ладожского Питирима (Окнова), председателя Государственного Совета И. Г. Щегловитова, председателя «Союза русского народа» А. И. Дубровина, члена Государственного Совета В. Ф. Трепова, всех офицеров Губернского жандармского управления. Начальник управления генерал-лейтенант И. Д. Волков был схвачен, избит и убит выстрелом в затылок. Жандармское управление было сожжено.

Весь день 28 февраля в охваченном мятежом Петрограде Родзянко вёл активные переговоры с генералом Алексеевым, с представителями Исполкома, с членами «Прогрессивного блока». К концу дня М. В. Родзянко принял окончательное решение связать своё имя с новой властью. Он согласился действовать от имени Временного комитета Госу-

дарственной думы, как от имени нового правительства. Сам Родзянко, как председатель этого Комитета, становился главой этого нового самозванного правительства. Этот шаг означал ликвидацию Государственной думы, так как её временный комитет становился фактически временным правительством. Так Родзянко окончательно сделал свой выбор в пользу революции. По его приказу в главном зале Государственной думы из великолепной золоченой рамы, под отпускаемые шутки присутствующих, был извлечён портрет Императора Николая II. Во время заседания 28 февраля проколотый штыками портрет Государя валялся на полу за креслом Родзянко. Генерал А. И. Спиридович отмечал, что глумление над царским портретом *«красноречиво говорило, что у Временного комитета с Государем в уме уже покончено»* ^[1765].

Начиная с 28 февраля стал усиленно распускаться слух о предстоящем отречении Императора Николая II. Полковник Лейб-гвардии 2-го Стрелкового полка Н. А. Артабалевский вспоминал, как 28 февраля один из депутатов Думы сказал ему: *«Император Николай II, вероятно, будет принужден передать престол своему сыну – Цесаревичу Алексею, а за его малолетством опекунией будет Императрица Александра Фёдоровна, а регентом – Великий Князь Михаил Александрович»* ^[1766].

В ночь с 28 на 1 марта Родзянко решил немедленно ехать в Бологое для встречи с Царём. Родзянко хотел потребовать от Государя отречения, а в случае его отказа – арестовать.

Заговорщики планировали арест Государя, потому что были уверены, что Император Николай II находится в их руках.

Родзянко был приготовлен текст манифеста, который, по словам члена «Прогрессивного блока» С. И. Шидловского, написал П. Н. Милюков. Английский посол Дж. Бьюкенен сообщил 1 марта лорду А. Бальфуру, что *«Дума посылает в Бологое делегатов, которые должны предъявить Императору требование отречения от престола в пользу сына»*^[1767].

Шидловский утверждал, что этот манифест заключал в себе два абзаца: первый об отречении Государя от престола и второй о передаче престола Наследнику Цесаревичу. Разумеется, в проекте манифеста должен был быть ещё и третий абзац, об утверждении парламентского строя во главе с Родзянко. В качестве представителя Исполкома вместе с Родзянко ехать на станцию Бологое решил и Чхеидзе. Он собирался ехать в сопровождении вооружённого отряда («красной гвардии»), который должен был арестовать Государя. Чхеидзе и руководство Совета заявили, что они соглашались только на первую часть манифеста, то есть на отречение Царя, и категорически выступают против передачи престола Цесаревичу Алексею. На это в свою очередь Родзянко и Шидловский заявили, что такого отречения они Государю не повезут, *«так как считают невозможным предложить ему бросить престол на произвол судьбы, не указывая преемника»*^[1768]. Родзянко понимал, что безадресное отречение будет

означать окончательное утверждение у власти Исполкома.

Выслушав отказ, Чхеидзе заявил, что в таком случае они Родзянко никуда не пустят. Наметилось явное противостояние между группой Родзянко и Исполкомом. Скорее всего, именно в этот момент на имя Родзянко из Ставки поступила телеграмма начальника штаба генерала М. В. Алексеева, в которой тот требовал немедленно пропустить литерные поезда^[1769].

Получив эту телеграмму, Родзянко, по всей видимости, показал её Чхеидзе и его соратникам, с намёком или даже прямой угрозой, что армия поддерживает его линию. Противодействие ей могло бы означать, что Ставкой будет принята реальная, а не бутафорская попытка навести в Петрограде порядок. Когда член Исполкома Н. Н. Суханов (Гиммер) заявил, что *«Родзянко пускать к Царю нельзя»*, то из правого крыла Таврического дворца *«для урегулирования вопроса был прислан некий полковник»*^[1770]. Вполне возможно, что этот «некий полковник» и зачитал членам Исполкома телеграмму генерала Алексеева. *«Через короткое время, – вспоминал Суханов, – в комнату влетел бледный совершенно истрёпанный Керенский. На его лице было отчаяние. “Что вы сделали?.. – заговорил он прерывающимся, трагическим шёпотом. – Родзянко должен был ехать, чтобы заставить Николая подписать отречение, а вы сорвали это... Вы сыграли на руку монархии”»*^[1771].

Керенский понимал, что начинать противостояние с ар-

мией на подконтрольной ей территории – невозможно. Поэтому весь вопрос с отречением надо было решить до попадания литерных поездов на эту территорию. Последняя станция, на которой это было возможно, являлась станция Дно. Керенский отдал распоряжение члену Исполкома и ВВНР А. А. Бубликову начать энергичные действия по захвату Императорского поезда. Захватить поезд Керенский предполагал в Дно и собирался там же ждать Родзянко. Когда тот бы приехал, то вынужден был бы вести переговоры с Государем в окружении «красной гвардии» Исполкома. По всей видимости, возле станции Дно Императорский поезд был остановлен подконтрольными Исполкому силами. Но Родзянко, который уже направил Царю телеграмму и был готов выезжать, заранее узнал о событиях около Дно и сумел призвать на помощь штаб Северного фронта, который отбил поезд. Ломоносов вспоминал, что весь день 1 марта Родзянко вёл *«переговоры по военному проводу с генералом Рузским. До этого Комитет Думы никоим образом не мог найти понимание с Советом относительно того, что должно было быть сделано с Царём»*^[1772].

Это объясняет, почему после переговоров с генералом Н. В. Рузским Родзянко направил свою телеграмму в Дно. Он был уверен, что ситуация будет контролироваться там армией. Однако, по всей видимости, Исполком после провала захвата Императорского поезда его людьми попытался достичь с Родзянко компромисс. Судя по всему этот ком-

промисс, при посредничестве Ставки, достичь удалось. Во второй половине дня 1 марта Бубликов сообщил Ломоносову об *«очень важной встрече»*, которая происходит *«между Комитетом думы и Советом рабочих депутатов. Родзянко не может сейчас уехать, но передаёт, чтобы вы держали для него поезд. Мы получили ответ от генерала Рузского из Пскова. Армия с нами»*^[1773].

После согласия генерала Рузского включиться в игру и гарантировать задержку Императора в Пскове у Родзянко отпала необходимость ехать в Дно, а у Исполкома отбивать Царский поезд. После этого Родзянко спокойно отдал распоряжение пропустить литерные поезда в Псков.

В 15 ч. 45 м. в Императорский поезд пришла телеграмма от Родзянко, в которой он сообщал, что он экстренно выезжает *«на ст. Дно для доклада Вам Государь о положении дела и необходимых мерах для спасения России. Убедительно прошу дождаться моего приезда, ибо дорога каждая минута»*^[1774].

Любопытно, что Родзянко в своей телеграмме Государю подписывается как председатель Государственной думы, а не как председатель ВКГД, ставшего тогда уже фактическим революционным правительством.

Попытка Государя прорваться в Царское Село и его пленение заговорщиками 28 февраля – 1 марта 1917 г.

Император Николай II глубокой ночью прибыл в свой поезд, стоявший на перроне Могилёвского вокзала. По прибытии Государь тотчас принял генерал-адъютанта Н. И. Иванова, которого долго инструктировал по поводу его предстоящей миссии в Петрограде. Камер-фурьерский журнал от 28 февраля 1917 г. сообщает, что Государь принимал Иванова с 2 ч. 10 м. ночи до 5 ч. утра, когда *«Императорский поезд отбыл со станции Могилёв в Царское Село»*^[1775]. Подробности разговора Государя с Ивановым остаются неизвестными. Тем не менее из письма генерала Н. И. Иванова А. И. Гучкову, написанного после февральских событий, можно кое-что узнать о целях и задачах, поставленных ему Государем. Из этого письма явствует, что Николай II сказал Иванову *«передать генералу Алексееву его “приказание” сообщить Председателю Совета министров о том, чтобы все министры исполняли требования Главнокомандующего войсками Петроградского военного округа беспрекословно»*^[1776].

В последнем и заключалась главная задача экспедиции генерала Иванова: в Петроград должен был прибыть не просто очередной военный, а генерал-адъютант Царя, которому должны были подчиняться все, в том числе и министры.

При этом Николай II был далёк от мысли, что батальон Георгиевских кавалеров в количестве 800 человек сможет подавить петроградский бунт. Задачи батальона были другими: он должен был взять под охрану Царское Село^[1777] и охранять Государя, когда туда вернется. Подавлять мятеж по указанию Николая II должны были войска, снятые с фронта, которые были обязаны послать с разных фронтов главнокомандующие. Ещё вечером 27 февраля Государь отдал приказ направить на Петроград значительные воинские подразделения: войска Северного фронта в количестве двух кавалерийских и двух пехотных полков из числа *«самых прочных, надёжных»*. Кроме того, этим силам придавалась пулемётная команда Кольта. Такой же отряд направлялся и с Западного фронта. Государь требовал направить *«прочных генералов, смелых помощников»*^[1778]. Прибытие этих крупных подразделений под командованием опытных начальников ожидалось не позднее дня 1 марта. Эти войска должны были подавить бунт и водворить порядок в столице.

Таким образом, от генерала Иванова требовалось в первую очередь обеспечить наличие в столице законной власти и безопасность приезда Государя в Царское Село. Г. А. Таль также сообщает, что целью отряда Иванова была *«очистка в случае надобности пути для Императорских поездов, направлявшихся также в Царское Село, по другому маршруту, от могущих встретиться мятежных войск, направлявшихся из столицы, и их вразумления»*^[1779].

Поезд Иванова должен был следовать на Царское Село напрямую по Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороге, а Императорские поезда в объезд по нескольким дорогам. Это делалось для того, что если *«генералу Иванову пришлось бы задержаться и вступить в бой, он собою не задержал бы следование Императорских поездов»*. Так как на близлежащей к Петрограду территории обе железные дороги близко соприкасаются, то отряд Иванова, в случае нападения или попытки задержки Императорских поездов, мог всегда прийти им на помощь^[1780].

Однако поезд с Ивановым и его Георгиевским батальоном вышел из Могилёва *«лишь в час дня 28 февраля, через семнадцать часов после того, как Государь отдал своё распоряжение. Ставка не торопилась»*^[1781]. Длительная задержка отправки отряда генерала Иванова привела к тому, что Император Николай II оказался в пути без всякой военной поддержки.

Как следует из дневника Императора Николая II, 28 февраля он встал в 10 часов утра^[1782]. За утренним кофе полковник А. А. Мордвинов заметил, что Государь *«был более бледный, чем обыкновенно, но спокойный, приветливый, как всегда. Разговор был очень не оживлён и касался самых обыденных вещей»*^[1783]. По свидетельствам сопровождавших Государя лиц, всё в эту поездку было как всегда. На станциях присутствовало железнодорожное начальство, жандармы, охрана. Все отдавали честь царскому поезду. На одной

из станций стоял следовавший на фронт встречный эшелон. Солдаты выбегали из вагонов и строились вдоль них, другие бежали вслед Императорскому поезду. Мордвинов писал: *«Его Величество встал из-за стола и подошёл к окну. Звуки гимна и громовое “ура” раздалось с платформы при виде Государя»*^[1784]. Таль также свидетельствует, что *«движение ничем не нарушалось, на всех станциях было спокойствие. Как всегда стояли жандармы и части войск, расположенные у полотна, кричали “ура!” при прохождении Императорских поездов»*^[1785].

Однако утверждения, что всё в поездке было как обычно, не вполне соответствуют действительности. Дубенский и Мордвинов свидетельствуют, что в Императорские поезда не подавались, как раньше, агентские телеграммы, *«и мы не знали, что делается в Петрограде»*. Так как все телеграммы из Петрограда на имя Государя сначала попадали в Ставку и только затем передавались Дворцовому коменданту, то можно быть уверенным, что генерал Алексеев имел полную возможность самому решать, какие из них передавать Царю, а какие – нет. Так же перехватывались и телеграммы Государя, отправляемые из поезда. Таким образом, можно утверждать, что уже 28 февраля Император Николай II находился в информационной блокаде. Эта блокада была создана Ставкой, с одной стороны, и революционным правительством – с другой.

После проследования Орши в 13 ч. 59 м. была получе-

на телеграмма от военного министра генерала М. А. Беляева. В ней министр сообщал, что *«мятежники заняли Мариинский дворец. Благодаря случайно услышанному разговору, там теперь члены революционного правительства»*^[1786].

Затем Государю вручили телеграмму от выборных членов Государственного Совета, которые обращались к Монарху *«в сознании грозной опасности, надвинувшейся на родину»*. В телеграмме утверждалось, что *«дальнейшее пребывание настоящего правительства у власти означает полное крушение законного порядка и влечет за собою неизбежное поражение на войне, гибель Династии и величайшие бедствия для России»*. Члены Совета настаивали на *«решительном изменении Вашим Императорским Величеством направления внутренней политики»*, введении народного представительства, а также *«немедленный созыв законодательных палат, отставку нынешнего Совета министров и поручение лицу, заслуживающему всенародного доверия, представить Вам, Государь, на утверждение список нового кабинета, способного управлять страной в полном согласии с народным представительством»*^[1787]. По существу, изложенные в телеграмме требования были требованиями «Прогрессивного блока» и кадетской оппозиции. Воейков, попросивший разрешения войти в царский кабинет, застал Николая II в раздумье с телеграммой в руках.

В 15 ч. Императорский поезд прибыл в Вязьму, и Государь послал Императрице Александре Феодоровне телеграмму, в

которой сообщил, что *«много войск послано с фронта»*^[1788]. Эту телеграмму Государыня не получила. Между тем Воейков доложил Николаю II новую телеграмму от военного министра М. А. Беляева: *«Положение по-прежнему тревожное. Мятежники овладели во всех частях города важнейшими учреждениями. Войска из-за утомления, а также под влиянием пропаганды, бросают оружие и переходят на сторону мятежников»*. Беляев выражал убеждённость, что крайне желательно *«скорейшее прибытие войск, так как до прибытия надёжной вооружённой силы мятеж и беспорядки будут только увеличиваться»*^[1789].

В 20 ч. свитский поезд прибыл в Лихославль. Начальник станции доложил Талю, что *«Точно занято мятежными войсками и что имеется распоряжение направить литерные поезда, против воли Монарха, не в Царское Село, а в Петроград на Николаевский вокзал»*^[1790].

Кроме того, была получена телеграмма то ли от поручика, то ли от сотника Грекова, который объявлял себя комендантом станции Петроград и приказывал направить литерные поезда не в Царское Село, а непосредственно в мятежную столицу. Эти сообщения отражали события в Петрограде. 28 февраля 1917 г. к вечеру, при попустительстве Ставки, свой контроль над железными дорогами провозгласил ВКГД в лице Бубликова, который объявил об этом в своей известной телеграмме.

В 21 ч. 27 м. Императорский поезд прибыл на станцию

Лихославль. Здесь поезда переходили на Николаевскую железную дорогу. Поезд был встречен начальником жандармского полицейского управления генералом П. И. Фурсой, который вновь сообщил, что, согласно слухам, революционеры заняли Тосно. Из Лихославля Государь направил Императрице телеграмму, в которой выразил надежду *«завтра утром быть дома»*^[1791]. Затем Императорский поезд двинулся дальше.

Тем временем свитский поезд, который шёл впереди собственного, достиг Вышнего Волочка. Там лица свиты обсуждали маршрут дальнейшего движения поездов в связи с требованиями Грекова отправить литерные поезда в Петроград, а не в Царское Село. Генерал Дубенский высказал мысль, что *«ехать далее не следует»* и предложил *«через Бологое направиться в Псков, где находится штаб Северного фронта, там генерал-адъютант Рузский, есть близко войска»*. В древнем тихом Пскове, по мнению Дубенского, *«Его Величество спокойно может пробыть и определить создавшиеся обстоятельства и выяснить обстановку»*^[1792]. Предложить Государю в столь ответственный момент, когда решалась судьба России и Династии, отправиться в «тихий Псков» и там «спокойно пребывать и оценивать обстановку» мог только либо очень недалёкий человек, либо человек, сознательно стремящийся направить Царя в изоляцию.

Комендант Императорских поездов подполковник Таль *«собрал совещание высших чинов, ехавших в поезде»*. По ре-

результатам обмена мнений Таль написал донесение Дворцовому коменданту: *«По слухам получено распоряжение направлять литературные поезда из Тосно на Николаевский вокзал. Если действительно проезд на Гатчину будет закрыт, решили остановить поезд в Тосно. Прошу передать Ваши распоряжения в Малую Вишеру»*^[1793]. Таль верно оценил телеграмму Грекова как «слухи» и не собирался следовать в «тихий Псков». Таким образом, идея отправиться в Псков всецело принадлежала генералу Дубенскому.

В 23 ч., когда Императорский поезд прибыл в Вышний Волочёк, там Воейков получил донесение Талья с предложением остановиться в Тосно, о чем и доложил Государю. Однако Николай II повелел направить Талю телеграмму с требованием: *«Настоять на движении в Царское Село»*.

Через некоторое время свитский поезд прибыл в Малую Вишеру. Там к генералу С. А. Цабелю явился офицер Железнодорожного полка Герлях и доложил, что станции Любань и Тосно заняты революционными войсками. Факты, изложенные Герляхом, не соответствовали действительности. На самом деле в Любани какие-то случайные запасные части разгромили вокзальный ресторан Байрашева^[1794]. Беспорядки были быстро пресечены, и никаких «революционных войск» в Любани не было^[1795]. Попыток проверить сведения Герляха или хотя бы связаться по телефону с Любанью лицами свиты вновь предпринято не было. Они приняли решение ожидать в Малой Вишере *«подхода “собственного поез-*

да” для доклада полученных известий Его Величеству»^[1796].

Императорский поезд подошёл к Малой Вишере в 2 ч. ночи. Там его пассажиры с удивлением обнаружили стоящим на вокзале свитский поезд, который должен был быть уже далеко впереди. На недоумённый вопрос Мордвинова о причинах задержки Дубенский ответил, что *«нам не советуют ехать дальше, так как по слухам, Любань и Тосно тоже заняты революционерами, и мы решили подождать вас, чтобы спросить, как поступать дальше»*^[1797].

Генерал С. А. Цабель разбудил В. Н. Воейкова и доложил ему сведения о занятии Любани и Тосно. Воейков утверждал на допросе следственной комиссии Временного правительства, что, получив сведения о захвате Любани и Тосно, он доложил обстановку Государю. Николай II спокойно выслушал его доклад и приказал повернуть обратно на Бологое, а оттуда свернуть на запад и идти на Псков. Воейков объяснял это тем, что Государь хотел связаться с Петроградом по аппарату Юза (усовершенствованный телеграфный электромеханический аппарат, изобретение английского физика Д. Юза). Таким образом, по Воейкову и Дубенскому, получается, что Император Николай II сам согласился с ранее им отвергаемым предложением ехать в Псков. Остаётся непонятным, почему Государь, который ещё четыре часа назад в Вышнем Волочке проигнорировал слухи о занятии Тосно и твёрдо приказал следовать в Царское Село, вдруг в Малой Вишере поверил аналогичным слухам о захвате Любани. Тем более

что начальник Императорских поездов М. С. Ежов заверил, что *«путь не испорчен и до Любани свободен. Он добавил, что Тосно и Гатчина, через которые нам приходилось разворачивать на Царское, лишь по слухам заняты бунтующими и теперь идёт проверка этих слухов»*^[1798]. Весьма сомнительно, что Государь, который считал крайне необходимым как можно скорее прорваться в Царское Село, вдруг решил поехать за 320 вёрст от него назад и пообщаться по Юзу. Эти переговоры не давали ничего по сравнению с той катастрофической потерей времени, к которой они бы привели.

В своих воспоминаниях В. Н. Воейков иначе, чем на допросе в ЧСК, описывал свой разговор с Государем в Малой Вишере. Он свидетельствовал, что спросил Государя *«что ему угодно решить»*. На встречный вопрос Императора, что Воейков думает сам, Дворцовый комендант ответил, что он считает, безусловно, нежелательным ехать на Тосно. Воейков сказал, что *«из Малой же Вишеры можно проехать на Бологое и оттуда попасть в район, близкий к Действующей армии... Государь мне ответил, что хотел бы проехать в ближайший пункт, где имеется аппарат Юза»*^[1799].

Таким образом, Император Николай II не предлагал ехать в Псков. Он хотел проехать к ближайшей станции, где была прямая связь с Петроградом. Нас хотят уверить, что такая прямая связь была только в Пскове. Одна это не так. Прямой провод имелся на станции Дно^[1800]. Кстати, почти наверняка телеграфный электромеханический аппарат был и на стан-

ции Бологое, так как ещё в 1865 г. Д. Юз был приглашен в Россию для руководства вводом в эксплуатацию своих аппаратов на телеграфной линии Петербург – Москва^[1801]. Как известно, Бологое крупнейшая станция между Петербургом и Москвой, и странно, если она не была оборудована современной телеграфной связью.

Мордвинов излагал причины разворота на Бологое несколько в ином ключе, сообщая, что, по словам графа А. Н. Граббе, поезд двинулся в обратном направлении, так как пришло подтверждение о том, что Любань занята большой толпой восставших солдат, испортивших железнодорожный путь, и что поэтому проехать через Тосно нельзя. Поэтому решили: *«вернуться назад в Бологое и кружным путём через Старую Руссу, Дно и Вырицу поехать в Царское Село. <...> До прибытия нас на Старую Руссу никаких предположений о перемене нашего маршрута на Псков не было»*^[1802]. Как бы там ни было, Псков, как конечная цель маршрута, не мог быть выбран Императором Николаем II. Это обстоятельство допускает предположение, что в ночь с 28 февраля на 1 марта не Государь распоряжался маршрутом своего поезда.

Это предположение становится уверенностью при ознакомлении с телеграммами, касающимися следования литературных поездов, отправляемыми в Военную комиссию Государственной думы, непосредственно А. А. Бубликову. Эти телеграммы не оставляют сомнений в том, что в Малой Вишере

Императорские поезда оказались под полным контролем перешедших на сторону заговорщиков служащих железных дорог. Днём 28 марта в штаб заговорщиков в Петрограде пришла телеграмма без подписи и места отправления: *«По сведениям в 6 часов утра прибывает Николай II в Царское Село. Поезд идёт через Тосно, Гатчино и Царское Село. Нельзя ли задержать поезд? Нужно спешить»*^[1803].

Кто и откуда написал эту телеграмму, неизвестно, но последующие за ней события говорят сами за себя. Когда литерные поезда прибыли в Малую Вишеру, Тосно не было занято революционными войсками. Наоборот, туда прибыл командир отдельного корпуса жандармов граф Д. Н. Татищев. Перепуганные осведомители революционеров из числа железнодорожных служащих сообщали в Петроград: *«Передайте коменданту Грекову, что в Тосно находится командир корпуса жандармов граф Татищев, принимает меры и ведёт переговоры с Малой Вишерой»*^[1804]. Какие меры предпринимал граф Татищев, становится понятным из другой телеграммы, по-видимому, отправленной Бубликову или Грекову: *«Командир корпуса жандармов на ст. Тосно приказал отделить паровоз и поставить на линию прохода поезда литеры "А" с Высочайшими Особами (так!). Жду инструкций. И. о. коменданта ст. Петроград (фамилия неразборчиво. – П. М.)»*^[1805]. То есть, по замыслу Д. Н. Татищева и, скорее всего, после его переговоров по прямому проводу с Государем, Императорский поезд должен был сразу в Тосно полу-

читать готовый к отъезду паровоз и, не теряя ни минуты, следовать дальше на Гатчину и Царское Село. У Государя не было и в мыслях ехать искать аппарат Юза: он по-прежнему всеми силами пытался прорваться в столицу.

Но, как показали последующие события, железные дороги к ночи 28 февраля уже контролировались революционерами, а не властями. Последовавшие из Петрограда от Бубликова и Керенского «инструкции» были немедленно воплощены в жизнь подконтрольными им железнодорожниками. Как только поезда двинулись в сторону Бологого, причём в обратном порядке, теперь первым шёл собственный поезд, а за ним свитский, в Петроград была отправлена телеграмма: *«Передайте коменданту станции Грекову, что литературные поезда из М. Вишеры возвращены обратно. Станция Вишера из действия выключена. Перешедшие на сторону нового правительства все станции до Бологого выключены из действия»*^[1806]. Из этой телеграммы следует, что литературные поезда были фактически захвачены и вся телеграфная связь по пути их следования отключена.

О том, насколько железные дороги контролировались мятежниками, становится понятным из переговоров по прямому проводу: *«Кто у аппарата? Дежурный телефонист. Нельзя ли добиться в службе движения или у начальника дороги, какие литературные поезда следует предъявить Николаевской железной дороге в Бологое для следования на Дно? Кто вы? Я инженер Керн из МПС»*^[1807].

И. Ф. Керн, статский советник, 1-й заместитель начальника Николаевской железной дороги^[1808], спокойно и деловито запрашивал своих новых революционных начальников, куда направлять ему поезд Императора Всероссийского. Из этого разговора становится понятно, что станция Дно была выбрана для отправки поездов не случайно.

Баронесса С. К. Буксгевден вспоминала, что утром 1 марта и. о. дворцового коменданта генерал-майор П. П. Гротен сообщил, что *«поезд Императора был задержан и направлен в Царское Село по Гатчинской дороге»*^[1809].

Рано утром 1 марта 1917 г. Собственный Императорский поезд продолжал своё следование на станцию Бологое. Во время остановок, по свидетельствам лиц свиты, Государь ни разу не выходил на станциях прогуляться по перрону, не отправил ни одного письма, ни одной телеграммы Императрице Александре Феодоровне. Следует отметить, что и то и другое было совершенно необычно для Царя. Как известно, он очень любил пешие прогулки и всегда, когда была хоть малейшая возможность, их совершал. О том, что Государь ежедневно, иногда несколько раз в день, отправлял письма и телеграммы Императрице, говорить не приходится.

1 марта вокруг Императора Николая II образуется полная информационная блокада. Несколько дней Россия ничего не будет знать о своём Государе, довольствуясь лишь слухами, а 4 марта страна узнает об отречении его от престола.

В 9 ч. утра Императорский поезд прибыл в Бологое, где

он, по утверждению А. И. Спиридовича, *«едва не попал в руки революционного правительства, о чём никто не подозревал»*. Спиридович уверяет, что *«о прибытии Государя со станции кто-то дал знать в Петроград в министерство Бубликову»*. Бубликов запросил Родзянко, что делать с Царским поездом, и Родзянко приказал поезд *«задержать, Государю передать телеграмму от Родзянко с просьбой дать ему аудиенцию, приготовить для его поездки в Бологое поезд»*^[1810].

Родзянко в Бологое не поехал, а Императорский поезд вдруг отправился по Виндавской железной дороге через Дно на Псков. Это внезапное отправление императорских поездов вызвало крайнее беспокойство Бубликова и Ломоносова. Они потребовали от железнодорожников немедленно задержать литерные поезда любой ценой. В 11 ч. утра Бубликов отправил начальнику Виндавской железной дороги телеграмму, в которой требовал *«сделать физически невозможным движение каких бы то ни было поездов в направлении от Бологое в Дно. За неисполнение или недостаточно срочное исполнение настоящего предписания будете отвечать как за измену перед Отечеством»*^[1811]. Несмотря на эту грозную телеграмму, Императорский поезд днём прошёл Старую Руссу, на вокзале которой, по свидетельству Дубенского, собралась огромная толпа, которая при виде поезда снимала шапки и кланялась^[1812].

Воейков пишет, что в Старой Руссе ему *«удалось по ап-*

парату получить сведения, что генерал-адъютант Иванов, только в это утро, то есть в среду, прои́шёл станцию Дно. Это известие, доложенное мною Государю, произвело на него неприятное впечатление. Его Величество спросил меня: «Отчего он так тихо едет?» Тот же вопрос задавался и лицами свиты»^[1813].

Точное время прибытия поезда на станцию Дно неизвестно. Лица свиты утверждали, что это было в 15 ч., В. Н. Воейков на допросе ЧСК – «в Дно мы приехали в 6 часов вечера»^[1814]. Лица свиты пишут, что ничего особенного в Дно не произошло, станцию «прошли совершенно спокойно». Однако имеются сведения, позволяющие считать приезд на Дно литерных поездов совсем не «благополучным».

В книге псковского железнодорожника В. И. Миронова утверждается, что 1 марта 1917 г. на станции Дно Императорский поезд был захвачен, а Император Николай II объявлен арестованным. Миронов в 1965 г. был председателем комиссии по созданию музея железнодорожного депо станции Дно. По утверждению Миронова, главную роль в задержании Императорского поезда сыграл начальник станции Дно И. И. Зубрилин. Именно ему поступила от начальника Виндавской железной дороги Л. А. Гринчука-Лукашевича следующая телеграмма: «Вам на станцию Дно следует поезд с Императором Николаем, необходимо его задержать, чтобы не пробрался на Северный фронт действующей армии, примите меры, загромождите пути крушением вагонов другого

поезда. Этого требует от вас революция»^[1815].

Получив этот приказ, Зубрилин вызвал инженера депо Н. Ф. Шуравского, и они стали планировать, как задержать поезд. Зубрилин составил подложную путевку и послал на встречу Императорскому поезду товарный поезд. Затем Зубрилин с помощниками сел на паровоз и отправился со станции вдогонку, чтобы устроить крушение поезда для загромождения пути. Однако жандармы остановили паровоз со злоумышленником^[1816].

Несмотря на то что сведения В. И. Миронова нуждаются в серьёзной проверке, его информация вполне похожа, за исключением некоторых деталей, на правду. Если исходить из приводимых в книге Миронова данных, то получается, что остановить поезд в Полонке злоумышленникам не удалось. Миронов приводит показания 20-х гг., сделанные неким чекистом Симоновым. Тот утверждал, что Императорский поезд был всё-таки задержан, но задержан в самом Дно. *«1-го марта 1917 года, – писал Симонов, – на станцию Дно прибыли представители ревкомов из Пскова и Великих Лук и наложили арест на царя Николая II и его свиту. Поздно вечером военному коменданту полковнику Фрейману с большим трудом удалось отправить арестованных в Псков, где последний царь из династии Романовых отрёкся от престола»*^[1817].

В этих показаниях особый интерес представляют сведения о некоем военном коменданте станции Дно полковнике

Фреймане, который, если верить чекисту Симонову, отправил арестованного Императора Николая II в Псков. Полковник, если он существовал в действительности, явно не был одним из посланников Бубликова, которые тоже участвовали в захвате поезда. Характерно, что Фрейману с трудом удалось отбить поезд от посланников Исполкома. Тем не менее он действовал тоже враждебно по отношению к Императору. Отправляя Царский поезд в Псков, Фрейман выполнял задание другой силы.

Не исключено, что при захвате поезда применялось огнестрельное оружие. Полковник В. М. Пронин вспоминал, что когда Государя доставили 4 марта в Ставку в Могилёв, то он, Пронин, глядя на вагон, в трёх шагах от него находившийся, *«был поражён большим на нем количеством каких-то царапин и изъязнов. Покраска местами как бы потрескалась и большими слоями поотваливалась – “будто следы от попавших в него мелких осколков снарядов”, – мелькнула мысль»*^[1818].

События, происшедшие с Императорскими поездами на пути Бологое – Псков, отражали борьбу, развернувшуюся между группой Родзянко и Ставкой, с одной стороны, и представителями Совета – с другой. Об этой борьбе мы уже говорили выше. Целью этой борьбы был контроль над литературными поездами и над Государем, а в конечном счёте утверждение у власти одной из противоборствующих сторон.

В 15 ч. 45 м. в Императорский поезд пришла телеграмма

от Родзянко, в которой он сообщал, что экстренным поездом выезжает *«на ст. Дно для доклада Вам Государь о положении дела и необходимых мерах для спасения России. Убедительно прошу дождаться моего приезда, ибо дорога каждая минута. Председатель Государственной Думы Родзянко»*^[1819].

Начиная со станции Дно контроль над передвижением Императорских поездов переходит к генералам Верховного командования. Не случайно Воейков направил свою телеграмму генералу Алексееву, прося его обеспечить беспрепятственный проезд до Пскова. Однако эти генералы действовали не сами по себе, а в тесном единении с Родзянко.

Со стороны Родзянко на станции Дно готовилась попытка заставить Государя либо отречься от престола, либо ввести Ответственное министерство. В связи с этим весьма любопытна телеграмма, отправленная генералом А. А. Брусиловым 1 марта в 19 ч. на имя графа В. Б. Фредерикса для передачи Императору Николаю II. Брусилов посылал свою телеграмму в Дно, не зная ещё, что Императорский поезд уже подошёл к Пскову. В своей телеграмме Брусилов писал: *«По долгу чести и любви к Царю и Отечеству, обращаюсь к Вашему Сиятельству с горячей просьбой доложить Государю Императору мой всеподданнейший доклад и прошение признать совершившийся факт и мирно и быстро закончить страшное положение дела. Россия ведёт грозную войну, от решения которой зависит участь и всего нашего Отечества*

и Царского Дома. Во время такой войны вести междоусобную брань совершенно немислимо, и она означала бы безусловный проигрыш войны, к тому времени, когда вся обстановка складывается для нас благоприятно. Это угрожает безусловной катастрофой и во внутренних делах»^[1820].

Какой «свершивший факт» просил Царя признать Брусилов? Почему это решение должно было предотвратить «междоусобную брань»? Эти же аргументы мы будем слышать через сутки, когда генералы Ставки будут настаивать на даровании Ответственного министерства, а потом и на отречении Императора от престола. Поэтому можно быть уверенным, что в телеграмме Брусилова речь шла о том же, о чём будет настаивать перед Государем генерал Н. В. Рузский 2 марта: об Ответственном министерстве или отречении. Из текста телеграммы Брусилова следует, что он знал о том, что должно было произойти на станции Дно, и думал, что то, что должно было произойти, состоялось. Поэтому Брусилов убеждает Императора подчиниться обстоятельствам.

Предположение, что Император Николай II был лишён свободы на станции Дно, находит многочисленные подтверждения в высказываниях и воспоминаниях участников тех событий. Генерал А. И. Спиридович вспоминал, что 1 марта в конце дня он позвонил бывшему директору Департамента полиции сенатору С. П. Белецкому, ожидавшему с минуты на минуту ареста. *«Тоном убитого, совершенно расстроенного человека, видимо от душивших его слёз, Белецкий сооб-*

ицил, что он только что узнал, что в Думе решено добиваться отречения Государя. Всё кончено. Бедный Государь. Отречение уже только дело времени. Поезд Государя уже задержан»^[1821]. Генерал К. И. Глобачёв вспоминал, что 1 марта он находился в Царском Селе. «Ожидавшийся из Могилёва царский поезд не прибыл. Распространился слух, что Государь арестован и в Царское не прибудет»^[1822]. Полковник В. М. Пронин 1 марта вечером находился в Могилёве в Ставке: «В городе уже ходили разного рода тревожные версии и слухи об аресте Государя»^[1823]. Княгиня Е. А. Нарышкина 1 марта записала в свой дневник: «Тревога невыразимая – где Государь? Говорят, его задержали в Бологом. От него нет никаких известий»^[1824]. Княгиня О. В. Палей о событиях 1 марта писала: «В восемь утра за Великим Князем (Павлом Александровичем. – П. М.) прислали автомобиль – ехать на станцию встречать Государя. Тот должен был прибыть в восемь тридцать. Великий Князь ожидал на вокзале, в Императорском павильоне. Спустя некоторое время он вернулся в крайней тревоге. Государь не приехал! На полпути из Могилёва в Царское революционеры во главе с Бубликовым остановили царский поезд и направили его в Псков»^[1825].

Но самым выразительным является распоряжение М. В. Родзянко, данное им Ю. В. Ломоносову после своего отказа приехать на станцию Дно для свидания с Государем: «Императорский поезд назначьте, и пусть он идёт со всеми формальностями, присвоенными Императорским поез-

дам»^[1826].

Совершенно ясно, что раз Родзянко давал разрешение на отправление литерного поезда, да ещё указывал на соблюдение необходимых формальностей, значит, именно от него, Родзянко, зависело, двинется царский поезд дальше или нет. Вот почему сведения о том, что Император якобы не дождался Родзянко в Дно, что он якобы ему передал, что будет ждать его в Пскове, являются дезинформацией. Это Родзянко приказал отправить литерные поезда из Дно в Псков, и сам Родзянко отменил свой приезд к Императору.

В 19 ч. 30 м. свитский поезд прибыл в Псков. Около 20 ч. на запасном пути псковского вокзала мягко остановился собственный поезд Его Величества. Начался последний акт трагедии.

Глава 6. «Отречение»

События, произошедшие 2/15 марта 1917 г. в Пскове, до сих пор именуются «отречением» Императора Николая II от престола. Отсюда делается вывод о закономерности свержения «изжившей» себя монархии, о «слабоволии» Николая II, «сдавшего» престол и страну. Собственно говоря, эта версия возникла сразу же после событий Февральской революции. Её наиболее ёмко сформулировал свитский генерал Д. Н. Дубенский, сказавший о Государе: *«Отрёкся, как будто эскадрон сдал»*. Однако, как верно писал доктор ист. наук А. Н. Боханов: *«Все разговоры, “правильно” или “неправильно” поступил Николай II, когда отрекался от престола, возможны лишь в том случае, если эту тему вырвать из конкретных исторических обстоятельств времени и места»*^[1827]. Между тем анализ совокупности исторических источников приводит к безусловному выводу, что события так называемого «отречения» стали логическим завершением того упорного противостояния, какое вёл Император Николай II с внешними транснациональными силами и внутренней политической оппозицией, ставившими своей целью свержение его с престола.

Основные законы Российской Империи не знали такого понятия, как «отречение от престола», когда речь шла о царствующем Монархе. Отречение было возможным лишь

в отношении лица, имеющего права на престол, что определялось ст. 37 и 38 Свода основных законов^[1828]. «Отречение» Императора Николая II, даже если бы он действительно подписал всем известную бумагу, является юридически ничтожным (то есть недействительным), прежде всего потому, что оно полностью противоречило действующему законодательству Российской Империи. Статья 84 Основных государственных законов гласила: *«Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке»*^[1829]. Согласно ст. 8 Основные государственные законы подлежали пересмотру *«единственно по почину»* Государя Императора. Однако от него инициатива изменения существующего строя и введение нормы «отречения», вне всякого сомнения, не исходила. Согласно ст. 92 *«законодательные постановления не подлежат обнародованию, если порядок их издания не соответствует положениям сих Основных Законов»*, а ст. 91 говорит, что законы *«прежде обнародования»* Правительствующим Сенатом *«в действие не приводятся»*.

Как известно, ни «манифест» Николая II, ни «акт» Великого Князя Михаила Александровича никогда не были опубликованы Сенатом. Кроме того, по ст. 86 Основных государственных законов Российской Империи *«никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы»*^[1830]. Занятия же последней с 27 февраля 1917 г. были приостановлены и позже ни-

какого манифеста об отречении ею утверждены не были. Не рассматривал его и Государственный Совет.

Кроме того, требовалось ещё и последующее утверждение закона Монархом. Статья 87 Основных законов гласила: *«Во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в законодательном собрании, Совет Министров представляет о ней Государю Императору непосредственно. Мера эта, однако, не может вносить изменений ни в Основные Государственные Законы, ни в учреждения Государственного Совета или Государственной Думы, ни в постановления о выборах ни в Совет, ни в Думу»*^[1831]. Таким образом, с юридической точки зрения никакого «отречения» Николая II не было.

Между тем, даже если Николай II подписал бы под угрозой или под давлением некую бумагу, подобную той, какую сегодня принято считать «манифестом» об отречении, то она, эта бумага, ни в коей мере таким отречением не являлась бы ни по форме, ни по сути. Крупнейший русский правовед М. В. Зазыкин отмечал: *«Так как право на наследование Престола вытекает из закона и есть право публичное, то есть, прежде всего, обязанность, то никто, и в том числе Царствующий Император, не может существующих уже прав отнять, и таковое его волеизъявление юридически не действительно; таким образом, отречение Государя Им-*

ператора Николая II за своего сына Вел[икого]Кн[язя] Цесаревича Алексея ни одним юристом не будет признано действительным юридически. <...> Отречение за него было бы недействительно и в том случае, если бы происходило не при революционном насилии, а путем свободного волеизъявления, без всякого давления»^[1832].

Собственный Императорский поезд Литера «А» прибыл в Псков гораздо позже, чем его там первоначально ожидали, в 19 ч. 30 м. вместо 16 или 17 часов^[1833]. Единственным объяснением столь долгой задержки Императорских поездов могли быть события на станциях Бологое и Дно.

Обстановка вокруг прибытия Императорского поезда в Псков разительно отличалась от привычных приездов Царя. Воспоминания А. А. Мордвинова дают некоторое представление об этой встрече: *«Будучи дежурным флигель-адъютантом, я стоял у открытой двери площадки и смотрел на приближающуюся платформу. Она была почти не освещена и совершенно пуста. Ни военного, ни гражданского начальства (за исключением кажется губернатора), всегда задолго и в большом числе собиравшегося для встречи Государя, на ней не было»^[1834]*. Начальник штаба Северного фронта генерал Ю. Н. Данилов добавляет, что *«ко времени подхода царского поезда вокзал был оцеплен, и в его помещения никого не пускали. На платформе было поэтому безлюдно. Почётный караул выставлен не был»^[1835]*.

Заместитель главы уполномоченного по Северному фрон-

ту Всероссийского земского союза князь С. Е. Трубецкой, который поздно вечером 1 марта прибыл на псковский вокзал для встречи с Государем, отмечал, что «вокзал был как-то особенно мрачен. Полиция и часовые фильтровали публику. Полиции было очень мало... "Где поезд Государя Императора?" – решительно спросил я какого-то дежурного офицера, который указал мне путь, но предупредил, что для того чтобы проникнуть в самый поезд, требуется особое разрешение. Я пошел к поезду. Стоянка царского поезда на занесенных снегом неприглядных запасных путях производила гнетущее впечатление. Не знаю почему – этот охраняемый часовыми поезд казался не царской резиденцией с выставленным караулом, а **наводил неясную мысль об аресте...** (выделено нами. – П. М.). Я пошёл к вокзалу. Тихо и тоскливо, заносимые снегом запасные пути – и на них стоит почти не освещённый, одинокий и грустный царский поезд»^[1836].

Приведенные воспоминания позволяют сделать следующие выводы: 1) Императорский поезд по прибытии в Псков был поставлен на запасные пути; 2) вокзал был оцеплен; 3) почётного караула выставлено не было; 4) официальной встречи Государю оказано не было; к Императору Николаю II никого не пускали без специального разрешения генерала Рузского. Всё это вместе взятое свидетельствует о том, что Император Николай II прибыл в Псков уже лишённым свободы.

Об этом же свидетельствует поведение губернатора Пскова Б. Д. Кошкарлова, отказавшегося вечером 1 марта идти встречать Государя^[1837]. Вице-губернатор Пскова В. С. Арсеньев решился проникнуть в Императорский поезд и рекомендовать Императору Николаю II ряд мер по сохранению монархии. Однако к Государю его не пустили^[1838].

После того как Императорский поезд поставили на запасной путь, к нему неспешно направился главнокомандующий армиями Северного фронта генерал Н. В. Рузский в сопровождении начальника штаба фронта генерала Ю. Н. Данилова^[1839].

По официальной версии, Император Николай II в период с вечера 1 марта до ночи 3 марта по собственной воле трижды соглашался на подписание трёх манифестов: о введении Ответственного министерства, об отречении в пользу сына – Цесаревича Алексея, третий – отречение в пользу брата – Великого Князя Михаила Александровича. Это при том что Государь был твёрдым противником каких-либо политических преобразований в стране до окончания войны. Свою твердую волю в этом, он высказывал и накануне своего отъезда из Могилёва в Царское Село. Поэтому та лёгкость и быстрота, с которыми Царь вдруг последовательно «согласился» на столь судьбоносные решения, не могут не вызывать недоумения.

Нельзя также не отметить, что все документы, связанные с так называемым «отречением», переговоры Ставки со шта-

бом Северного фронта и Петроградом не носят никаких признаков ознакомления с ними Императора Николая II. Телеграммы и ленты переговоров по прямому проводу имеют комментарии, резолюции, пометы генералов М. В. Алексеева, Н. В. Рузского, А. С. Лукомского, Ю. Н. Данилова, даже офицеров и служащих Ставки и фронтов, но нет ни одной пометы, ни одного автографа Государя! Исключение представляет только так называемый «манифест» об отречении, который якобы был им подписан.

По воспоминаниям лиц свиты, от Государя стали требовать кардинальных уступок сразу же, как он принял в своём вагоне генерал-адъютанта Н. В. Рузского. На самом деле, эти требования начались гораздо раньше, когда Император Николай II ещё был на станции Дно. Именно туда днём 1 марта генерал-адъютант М. В. Алексеев послал телеграмму на Высочайшее имя, в которой предупреждал, что беспорядки, охватившие Петроград, вскоре перекинутся на всю Россию, произойдёт революция, которая знаменует позорное окончание войны, а *«власть завтра же перейдёт в руки крайних элементов»*. В конце телеграммы Алексеев умолял Государя *«поставить во главе России лицо, которому бы верила Россия, и поручить ему образовать кабинет»*^[1840]. Заметим, что весь тон и аргументация телеграммы Алексеева полностью согласуются со слогом и аргументами Родзянко.

К вечеру 1 марта, в результате закулисных переговоров с М. В. Родзянко, наштаверх во второй телеграмме уже требо-

вал от Государя издать манифест о введении Ответственного министерства^[1841]. Полная поддержка инициативы Алексеева поступила от командующих фронтами и из Тифлиса от Великого Князя Николая Николаевича^[1842].

Давление на Царя с требованием даровать Ответственное министерство было продолжено главкоसेвом (сокр. от главнокомандующий армиями Северного фронта) генералом Н. В. Рузским в Пскове. Через год после происшедших событий, генерал пояснил, что Николай II согласился дать Ответственное министерство только после того, как он, Рузский, передал ему телеграмму от генерала Алексеева с проектом манифеста^[1843]. Рузский утверждал, что он не знает, удалось бы ему *«угovorить Государя, не будь телеграммы Алексеева»*^[1844].

Однако на самом деле, по признанию самого Рузского, Николай II лишь согласился поручить Родзянко *«сформировать новый кабинет и выбрать министров за исключением военного, морского и иностранных дел»*^[1845]. То есть речь шла не об Ответственном министерстве, а обычном Совете министров, председателем которого становился М. В. Родзянко, но судьба которого по-прежнему полностью находилась в руках Монарха. Дубенский приводил следующий текст этой телеграммы: *«Ради спасения Родины и счастья народа, предлагаю вам составить новое министерство во главе с вами, но министр иностранных дел, военный и морской будут назначаться Мной»*^[1846].

Рузский не дал возможности Воейкову отправить эту телеграмму, а в жёсткой форме потребовал её себе, якобы для того, чтобы передать лично Родзянко. После чего Рузский ушёл в штаб фронта и телеграммы не передал, а передал проект манифеста, изложенный в телеграмме Алексеева. В беседе с генералом С. Н. Вильчковским в 1918 г. Рузский подробно рассказывал о стойком сопротивлении Императора Николая II оказываемому на него давлению. На горячие доводы главкосева о необходимости немедленного введения Ответственного министерства *«Государь возражал спокойно, хладнокровно и с чувством глубокого убеждения. Основная мысль Государя была, что он для себя в своих интересах ничего не желает, ни за что не держится, но считает себя не в праве передать всё дело управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред Родине, а завтра умоют руки, “подав с кабинетом в отставку”. “Я ответственен перед Богом и Россией за всё, что случится и случилось” сказал Государь “будут ли министры ответственны перед Думой и Государственным Советом – безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело, не моя ответственность”.* Рузский старался доказать Государю, что его мысль ошибочна, что следует принять формулу: *“государь царствует, а правительство управляет”.* Государь говорил, что эта формула ему

не понятна, что надо было иначе быть воспитанным, переродиться и опять отметил, что он лично не держится за власть, но только не может принять решение против своей совести и, сложив с себя ответственность за течение дел перед людьми, не может считать, что он сам не ответственен перед Богом. Государь перебирал с необыкновенной ясностью взгляды всех лиц, которые могли бы управлять Россией в ближайшие времена в качестве ответственных перед палатами министров, и высказывал своё убеждение, что общественные деятели, которые, несомненно, составят первый же кабинет, все люди, совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться со своей задачей.

Генерал Рузский возражал, спорил, доказывал и, наконец, после полутора часов получил от Государя соизволение на объявление через Родзянко, что Государь согласен на ответственное министерство и предлагает ему формировать первый кабинет. Рузский добился этого, доказав Государю, что он должен пойти на компромисс со своей совестью ради блага России и своего Наследника»^[1847].

Остаётся не понятно, почему Царь вдруг изменил своим убеждениям и согласился на Ответственное министерство. Ни телеграмма Алексеева, ни доводы Рузского не могут быть признаны достаточными для подобного изменения. Анализ документов приводит нас к выводу, что это решение принималось от имени Государя, но не самим Государем. Рузский

утверждал, что *«сперва Государь хотел телеграмму отправить в Ставку, а оттуда в Петроград для распубликования, но потом было решено для ускорения передать её лично Родзянко, который был вызван мной к аппарату в Главный штаб»*^[1848].

Около 4 ч. утра 1 марта 1917 г. Рузский по телеграфу сообщил Родзянко, что *«Государь Император, идя навстречу общему желанию законодательных учреждений и народа, выразил окончательное решение и уполномочил меня довести до вашего сведения об этом – дать ответственное перед законодательными палатами, министерство, с поручением вам образовать кабинет. Если желание Его Величества найдёт в вас отклик, то спроектирован манифест, который я сейчас же передам вам. Манифест этот мог бы быть объявлен сегодня 2 марта с пометкой “Псков”»*^[1849].

Таким образом, Рузский передавал не текст манифеста «для распубликования», а лишь его проект для обсуждения. Будет ли манифест «распубликован» или нет, зависело исключительно от воли Родзянко. Воля Государя при этом совершенно не учитывалась, она должна быть исполнена лишь только в том случае, если «найдёт отклик» у председателя Государственной думы. Рузский сам определял, каким числом следует «пометить» манифест, какой город следует считать местом его написания. То есть мы видим, что Император Николай II как автор и составитель манифеста полностью отсутствует.

Анализ текста этого манифеста приводит нас к заключению, что этот проект составлен без участия Императора Николая II. Он никогда не был им подписан и, по всей видимости, даже не прочитан^[1850]. Рузский передал Родзянко проект манифеста, написанный ранее по заданию Алексеева в Ставке.

В связи с этим странной представляется нам телеграмма, посланная в Ставку генералу Алексееву от имени Императора Николая II: *«Из ПТК лит. 2 марта 1917. Наштаверху. Можно объявить представленный манифест, пометив его Псковом. 1223/Б. Николай»*^[1851]. Телеграмма эта была послана в Ставку в 5 ч. 25 мин. Нетрудно догадаться, что последняя фраза почти дословно заимствована из переговоров Рузского с Родзянко: *«Манифест этот мог бы быть объявлен сегодня 2 марта с пометкой “Псков”»*. Только эта фраза была сказана за 2 часа до «телеграммы Николая II»! Подпись «Николай» поставлена в телеграмме печатными буквами. Никаких помет Государя с одобрением текста или иными мнениями нет. Таким образом, у нас нет никакой уверенности, что телеграмма эта была составлена Государем.

Как раз во время разговора Рузского с Родзянко от имени Николая II отправляются ещё две телеграммы с приказами о возвращении войск, посланных на усмирение Петрограда. В 3 ч. 30 м. последовал якобы Высочайший приказ об отмене отправки батальона Выборгской крепостной артиллерии, в 3 ч. 45 м. – Высочайшее распоряжение о прекращении по-

грузки 9-й пехотной и 2-й кавалерийской дивизий. Генерал Рузский сообщал Родзянко о том, что *«Государь Император изволил выразить согласие, и уже послана телеграмма, два часа назад, вернуть на фронт всё, что было в пути»*^[1852].

Но это сообщение не соответствовало действительности. В 1 ч. 20 м. ночи от имени Царя поступило согласие только на возвращение войск, якобы застрявших в Луге. Телеграммы о полном возвращении войск поступят только в 12 ч. дня 2 марта. Но получается, что в 3 часа ночи генерал Рузский уже знал, что Император Николай II даст телеграммы о полном возвращении войск!

Таким образом, мы можем сделать вывод, что Император Николай II не был участником ни составления проекта манифеста об Ответственном министерстве, ни возвращения на фронт войск,двигающихся на Петроград. Всё это делалось заговорщиками из Верховного командования от его имени и вопреки его воле. Именно заговорщиками-генералами был составлен проект манифеста, и именно они отсылали телеграммы о возвращении войск. «Высочайшая воля», которой якобы руководствовались заговорщики, на самом деле была лишь прикрытием их замыслов.

Когда Рузский сообщил Родзянко, что Государь согласился даровать манифест об Ответственном министерстве, то в ответ от председателя Думы он услышал, что *«Его Величество и вы не отдаёте себе отчёта в том, что здесь происходит; настала одна из страшнейших революций, по-*

бороть которую будет не так легко». Далее последовали обычные высокопарные речи Родзянко: он предупреждал, а его не слушали; теперь народные страсти так разогрелись, что сдержать их невозможно, наступила анархия. Родзянко поругал Императорское Правительство, министров которого он «для их же безопасности» был вынужден арестовать, высказал опасение, что леворадикальные элементы могут захватить власть в стране и что ненависть к Династии достигла небывалых размеров. Всё это говорилось, разумеется, с «болью в растерзанном сердце». Наконец, Родзянко перешёл к главному: «Грозное требование отречения в пользу сына, при регентстве Михаила Александровича, становится определённым требованием»^[1853].

Судя по всему, Рузский был удивлён таким резким изменением ситуации. Он попытался выяснить у Родзянко причину этого изменения, но в ответ получил лишь новые разглагольствования. Рузский посетовал, что всякий насильственный переворот (sic!) не может пройти бесследно. Родзянко заверил главкосева, что переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех. В конце переговоров Рузский спросил: *«Нужно ли выпускать манифест»?* Родзянко дал как всегда уклончивый ответ: *«Я право не знаю, как вам ответить. Всё зависит от событий, которые летят с головокружительной быстротой»*^[1854]. Несмотря на эту двусмысленность, Рузский понял ответ однозначно: манифест посылать не надо. С этого момента начинается

усиленная подготовка к составлению нового манифеста об отречении.

Главкосев спросил, может ли он доложить Государю (sic!) об этом разговоре, на что получил от Родзянко разрешение. Таким образом, теперь Родзянко решал, сообщать что-либо Государю или нет. Мнение Царя, его поручения и распоряжения совершенно не принимались в расчёт.

Генерал Данилов отправил телеграмму Алексееву, в которой сообщал о состоявшемся разговоре Рузского с Родзянко и требовании отречения^[1855]. Алексеев потребовал от Рузского *«разбудить Государя и сейчас же доложить ему о разговоре генерала Рузского с Родзянко»*^[1856]. Наштаверх также передал Рузскому, что, по его глубокому убеждению, *«выбора нет, и отречение должно состояться. Надо помнить, что вся Царская Семья находится в руках мятежных войск, ибо, по полученным сведениям, дворец в Царском Селе занят войсками. Если не согласятся то, вероятно, произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать царским детям, а затем начнётся междоусобная война, и Россия погибнет под ударами Германии, и погибнет Династия»*^[1857]. То есть Алексеев властно требовал отречения, шантажируя Государя жизнью его Семьи и военным поражением России. В ответ Данилов высказал мнение, что убедить Государя согласиться на новый манифест будет нелегко^[1858].

В ожидании разговора Рузского с Николаем II Алексеев начал готовить циркулярную телеграмму для главнокоман-

дующих фронтами А. Е. Эверту, А. А. Брусилову и В. В. Сахарову, в которой просил их выразить своё отношение к возможному отречению. Телеграмма была отправлена каждому командующему в отдельности.

Не успел Алексеев поинтересоваться мнением главнокомандующих, как они сразу же, не задумываясь, ответили, что отречение необходимо, и причём как можно скорее. В своём ответе генерал Брусилов писал: *«Колебаться нельзя. Время не терпит. Совершенно с вами согласен. Немедленно телеграфирую через главкосева всеподданнейшую просьбу Государю Императору. Совершенно разделяю все ваши воззрения. Тут двух мнений быть не может»*^[1859].

Примерно такими же по смыслу были ответы других главнокомандующих. Между тем речь шла не о будничном деле, а о решении колоссальной важности, о тяжелейшей ответственности, которая ложилась на плечи генералов. Независимо от личного отношения к Императору Николаю II они не могли не понимать исключительную важность момента. Такая реакция с их стороны могла быть только в одном случае – **если они заранее знали о предстоящей телеграмме Алексеева и его вопросе об отречении. Точно так же, как они знали заранее и ответы на этот вопрос.**

Телеграммы от главнокомандующих и от Великого Князя Николая Николаевича с «верноподданническими просьбами» об отречении известны по тому документу, который был передан от генерала Алексеева Государю 2 марта в 14 ч.

30 м.^[1860] Там рукописные копии всех телеграмм собраны воедино. Отдельные телеграммы главнокомандующих были посланы Рузскому в Псков, но почему-то через Могилёв, через Алексеева. В телеграмме В. В. Сахаров писал главкосу, что Алексеев просил доложить о своём мнении *«Его Величеству через вас»*^[1861]. Когда точно были составлены и переданы телеграммы от Эверта, Брусилова, Николая Николаевича и Сахарова, неизвестно. Таким образом, не исключено, что телеграммы главнокомандующих с просьбой об отречении Государя от престола были составлены до его прибытия в Псков.

Шталмейстер Высочайшего Двора полковник Ф. В. Винберг приводил слова Государя, сказанные им уже в заточении, о том, что *«генерал Рузский был первым, который поднял вопрос о моём отречении от престола. Он поднялся ко мне во время моего следования и вошел в мой вагон-салон без доклада»*^[1862].

Рузский в своём рассказе Великому Князю Андрею Владимировичу сообщал, что, прочитав телеграммы главнокомандующих, Государь решил отречься от престола. Особенно на него подействовала телеграмма его дяди – Великого Князя Николая Николаевича, которую *«Государь прочёл внимательно два раза и в третий раз пробежал. Потом обратился к нам и сказал: – Я согласен на отречение, пойду и напишу телеграмму. Это было в 2 ч. 45 м. дня»*^[1863].

В своей беседе с журналистом В. Самойловым весной

1917 г. Рузский рассказал, что Государь, прочитав ответы Великого Князя Николая Николаевича и главнокомандующих, *«заявил, что готов отречься от престола, но желал бы это сделать в присутствии Родзянко, который якобы обещал ему приехать во Псков. Однако от Родзянко никаких сообщений о желании его приезда не было. <...> Мы оставили Царя в ожидании с его стороны конкретных действий. После завтрака, часа в 3, Царь пригласил меня и заявил, что акт отречения им уже подписан»*^[1864].

Другой «ближайший помощник» Рузского, генерал Данилов, пишет, что Государь, после долго душевного борения, под напором Рузского, наконец, сказал: *«Я решился... Я решил отказаться от престола в пользу моего сына Алексея... При этом он перекрестился широким крестом»*^[1865].

По словам генералов Н. В. Рузского, Ю. Н. Данилова и С. С. Савича, Император Николай II окончательно решил отказаться от престола в 14 ч. 30 м. 2 марта. Какой же документ был составлен по этому поводу? Здесь мы вновь сталкиваемся с массой противоречий. Рузский в рассказе Великому Князю Андрею Владимировичу утверждал, что это была **телеграмма** «об отречении в пользу Наследника». Тот же Рузский в рассказе журналисту В. Самойлову говорил об **«акте отречения в пользу своего Сына»**. Снова Рузский в рассказе генералу Вильчковскому рассказывал о **телеграфных бланках**, на которых Государем было написано несколько черновиков. Савич утверждал, что Государь *«вынес соб-*

ственноручно написанную им **телеграмму** к Родзянко». Таким образом, из всех воспоминаний так и непонятно, в виде какого документа Император Николай II выразил своё решение отречься от престола. Ясно только одно: **ни о каком манифесте речи не шло**.

Между тем точно известно, что проект манифеста об отречении Императора Николая II в пользу Цесаревича Алексея существовал, по крайней мере к утру 2 марта. Но Государь о нём ничего не знал. Дубенский писал, что этот манифест *«вырабатывался в Ставке, и автором его являлся церемониймейстер Высочайшего Двора, директор политической канцелярии при Верховном главнокоманду* ^[1866].

То же самое подтверждал и генерал Данилов, который в своих мемуарах писал, что проект манифеста был получен *«от генерала Алексеева, на случай, если бы Государь принял решение о своем отречении в пользу Цесаревича Алексея. Проект этого Манифеста, насколько я знаю, был составлен Директором дипломатической канцелярии при Верховном Главнокомандующем Н. А. Базили по общим указаниям генерала Алексеева»* ^[1867].

Утром 2 марта Н. А. Базили рассказывал офицерам Ставки, что *«он всю ночь не спал и работал, составляя по поручению генерала Алексеева манифест об отречении Императора Николая II от престола. А когда ему заметили, что это слишком серьёзный исторический акт, чтобы его можно было составлять наспех, то Базили ответил, что мед-*

лить было нельзя». Однако из воспоминаний самого Базили явствует, что его труд совсем не был каторжным: «Алексеев меня попросил набросать акт отречения. “Вложите в него всё ваше сердце”, – сказал он при этом. Я отправился в свой кабинет и через час вернулся со следующим текстом [далее идёт текст манифеста]»^[1868]. Час работы по составлению важнейшего исторического документа государственной важности – не такой уж большой срок.

В 19 ч. 40 м. 2 марта генерал Алексеев послал по телеграфу генералу Данилову проект манифеста^[1869]. Однако этот проект не попал к Государю. Данилов в своей телеграмме Алексееву 2 марта в 20 ч. 35 м. докладывал, что «телеграмма о генерале Корнилове отправлена для вручения Государю Императору. Проект манифеста направлен в вагон главкосева»^[1870]. Вызывает недоумение: телеграмма второстепенной важности с предложением назначить генерала Л. Г. Корнилова на должность начальника Петроградского ВО направляется Николаю II, а сверхважный манифест об отречении направляется зачем-то генералу Рузскому.

Текст манифеста, переданный Н. В. Рузскому, гласил: «В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все буду-

щее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны, во что бы то ни стало, до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России, почли МЫ долгом совести облегчить народу НАШЕМУ тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственною Думою признали МЫ за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с СЕБЯ Верховную власть. В соответствии с установленным Основными Законами порядком МЫ передаём наследие НАШЕ Дорогому Сыну НАШЕМУ Государю Наследнику Цесаревичу и Великому Князю АЛЕКСЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ и благословляем ЕГО на вступление на Престол Государства Российского. Возлагаем на Брата НАШЕГО Великого Князя Михаила Александровича обязанности Правителя Империи на время до совершеннолетия Сына НАШЕГО. Заповедуем Сыну НАШЕМУ, а равно и на время несовершеннолетия Его Правителю Империи править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего долга перед ним, повиновением Царю в тяжёлую минуту всенародных испытаний и

помочь ЕМУ, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и силы. Да поможет Господь Бог России»^[1871].

Читая этот текст, становится понятным, почему Базили не понадобилось долго над ним трудиться. **Этот текст почти полностью повторяет проект манифеста об Ответственном министерстве, переданный генералом Алексеевым Государю вечером 2 марта.** В нём были сделаны лишь небольшие дополнения и внесена тема отречения. Полковник оперативного отдела штаба Ставки В. М. Пронин в своей книге приводит свои дневниковые записи за 1 марта. Из них становится очевидным, что авторы манифеста об Ответственном министерстве и отречения от престола одни и те же лица. Пронин пишет, что около 22 ч. 40 м. генерал Лукомский приказал тему «добыть, во что бы то ни стало, образец Высочайшего Манифеста. Я разыскал № за 1914 год с текстом Высочайшего Манифеста об объявлении войны. В это время уже был составлен проект Манифеста о даровании ответственного министерства. Составляли его ген. Алексеев, ген. Лукомский, камергер Высоч. Двора Н. А. Базили и Великий Князь Сергей Михайлович. Текст этого Манифеста с соответствующей припиской генерала Алексева послан Государю в 22 час. 20 мин.»^[1872]

Таким образом, 2 марта никакого нового манифеста об отречении в Ставке не составлялось, его основа была приготовлена заранее и в эту основу вноси-

лись нужные изменения. Мы можем в этом убедиться на экземпляре проекта манифеста, принадлежащего Базили, с правками, сделанными рукой генерала Алексеева^[1873]. В своих воспоминаниях Базили признавал, что текст манифеста *«был одобрен без изменений генералом Алексеевым, генералом Лукомским и Великим Князем Сергеем Михайловичем. Я передал этот текст начальнику телеграфа в Пскове в половине восьмого вечера»*^[1874].

План заговора, предусматривавший отречение Государя, был задуман задолго до февральских событий. Одним из главных его разработчиков был А. И. Гучков. На допросе в ЧСК он сообщил: *«Государь должен покинуть престол. В этом направлении кое-что делалось ещё до переворота, при помощи других сил. <...> Самая мысль об отречении была мне настолько близка и родственна, что с первого момента, когда только выяснилось это шатание и потом развал власти, я и мои друзья сочли этот выход именно тем, что следовало сделать»*^[1875].

О том, что «отречение» было спланировано заранее, говорил и спутник Гучкова по поездке в Псков В. В. Шульгин. Уже после переворота он говорил кадету Е. А. Ефимовскому: *«Вопрос об отречении был предрешён. Оно произошло бы независимо от того присутствовал Шульгин при этом или нет. Шульгин опасался, что Государь может быть убит. И ехал на станцию Дно с целью “создать щит”, чтобы убийства не произошло»*^[1876]. Интересно, почему В. В. Шульгин

собирался ехать «создавать щит» на станцию Дно, а попал в Псков?

Гучков говорит ясно: события февраля 1917 г. *«привели меня к убеждению, что нужно, во что бы то ни стало, добиться отречения Государя. Я настаивал, чтобы председатель Думы Родзянко взял бы на себя эту задачу»*^[1877].

Таким образом, понятно, что инициативы Родзянко по поездке в Бологое, его планы ареста Государя и требования его отречения были инициативами и планами Гучкова. Можно не сомневаться, что все разговоры Родзянко с генералом Рузским по прямому проводу контролировались всё тем же Гучковым.

Но отречение Государя входило не только в планы Гучкова. Не меньше они входили и в планы Керенского. Несмотря на то, что Гучков с Керенским всё время выставляли себя антагонистами – один был «монархистом», другой «социалистом», – сотрудничество между ними никогда не прекращалось. Это не означает, конечно, что между двумя заговорщиками не было разногласий. Они, конечно, были, так как оба стремились к власти и каждый видел себя в роли вождя при новом режиме. Наверное, в ходе самого переворота им приходилось, с одной стороны, искать и находить компромиссы, а с другой – пытаться оттеснить друг друга на второй план. Но всё это не мешало их самому активному взаимному сотрудничеству. Керенский и Гучков были нужны друг другу, так как один имел сильное влияние в масонских,

социалистических и революционных кругах, другой – в кругах крупного капитала и военных. Поэтому С. П. Мельгунов был прав, когда утверждал, что подготовкой и организацией Февральского переворота 1917 г. руководили две масонские группы. Во главе одной из них (военной) стоял Гучков, во главе другой (гражданской) стоял Керенский^[1878]. Сотрудничество, хотя и весьма законспирированное, между Гучковым и Керенским проявило себя в полной мере в февральские дни 1917 г. и в деле по захвату и пленению Императора Николая II, а также в осуществлении операции, которую можно условно назвать «отречение».

Очевидно, что захват Императорского поезда и отречение Николая II были нужны как Гучкову, так и Керенскому. Не вызывает сомнений, что, после того как Императорский поезд был направлен в Псков, Керенский и Гучков действовали в отношении Государя в полном согласии.

Уже днём 2 марта о предстоящем отречении Государя говорили открыто. В 15 ч. в Екатерининском зале Таврического дворца П. Н. Милюков заявил: *«Старый деспот, доведший Россию до полной разрухи, добровольно откажется от престола, или будет низложен. Власть перейдёт к регенту великому князю Михаилу Александровичу. Наследником будет Алексей»*^[1879]. Заметим, Милюков в середине дня 2 марта говорит об отречении как о деле решённом, предлагая Государю только выбирать между «добровольным» отречением или низложением.

В 17 ч. 23 м. 2 марта в своём разговоре по прямому проводу с главным начальником Одесского военного округа генералом от инфантерии М. И. Эбеловым, помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии В. Н. Клембовский уверенно заявлял: *«Исход один – отречение в пользу Наследника под регентством Великого Князя Михаила Александровича. Его Величество решение ещё не принял, но, по-видимому, оно неизбежно»*^[1880]. Откуда такая уверенность у помощника начальника штаба Ставки? Как мы помним, генерал Данилов сообщал в 20 ч. 55 м. 2 марта, что *«окончательное решение вновь откладывается»*^[1881]. Но почему, если вопрос об отречении в пользу Цесаревича Алексея был уже решён Императором?

Вполне возможно, что приезд Гучкова в Псков и появление после его приезда третьего манифеста об отречении, теперь уже в пользу брата, Великого Князя Михаила Александровича, были связаны со сговором Гучкова и Рузского в обход генерала Алексеева. Тот, по-видимому, полагал, что всё закончится «отречением» в пользу Цесаревича. Наштаверх надеялся играть ведущую роль при новом правительстве (отсюда его авторство манифеста). Это ему обещали и организаторы переворота, в частности Родзянко. Поэтому с 28 февраля сотрудничество начальника штаба и революционного правительства в Петрограде приняло открытый характер. Исходя из этого сотрудничества, Алексеев отменил свое первоначальное решение на время беспорядков

поставить железные дороги под контроль армии. Это решение в случае его исполнения могло дать возможность снятым с фронта по повелению Государя войскам благополучно прибыть в Петроград и подавить бунт. Однако уже через час начальник штаба отменил свое решение и полностью отдал железные дороги под начало «министра» Временного правительства А. А. Бубликова. Как верно отмечал Г. М. Катков: *«Передавая железные дороги под начальство думского комиссара Бубликова, Алексеев лишил себя важнейшего орудия власти, которое при тех критических обстоятельствах вполне могло быть использовано в решении политического кризиса»*^[1882]. По всей вероятности, Алексеев считал, что его назначение на должность «диктатора» должно произойти в Царском Селе, а назначить его должен был сам Николай II. Генерал Савич вспоминал, что для того, чтобы «оформить детали», связанные с манифестом об отречении, Государь должен был быть отправлен в Царское Село, где объявит о своем отречении в пользу сына^[1883]. Ещё вечером 2 марта депутат Государственной думы кадет Ю. М. Лебедев говорил в Луге, что Гучков и Шульгин едут в Псков вести переговоры с Николаем II, и *«результатом этих переговоров явится приезд Государя в Царское Село, где будет издан ряд важнейших государственных актов»*^[1884].

Алексеев думал, что играет по правилам Гучкова: юный император Алексей II и регентский совет, но он не знал, что сам Гучков уже давно играет по планам Керенского, в кото-

рых место наштаверху не было. Рузский это понял быстро и сразу же стал «колебаться» вместе с «генеральной линией» петроградских заговорщиков.

«Алексеевский» манифест был отправлен в Петроград через Псков, а ни оттуда, ни из штаба Северного фронта никаких сведений о нём в Ставку не поступало. Более того, стало известно, что никакого объявления о манифесте не будет сделано без дополнительного разрешения генерала Рузского. Между тем в Ставку пришло известие, что Императорские поезда якобы собираются отправиться в сторону Двинска, откуда они могли двигаться как в Ставку, так и в Царское Село. Что происходит в Пскове, Алексеев не знал.

При этом следует отметить, что предстоящее подписание отречения мало заботило генералов Ставки. Они говорили о нём как о деле решённом. Их больше заботило, например, назначение на должность командующего Петроградским военным округом генерала Корнилова. На вопрос генерала Дубенского, заданный 2 марта одному приехавшему из Петрограда полковнику, *«что же говорят о Государе?»*, – последовал ответ: *«Да о Государе ничего не говорят...»*^[1885]

Как бы там ни было, воспоминания свиты, генералов Рузского, Данилова, Саввича свидетельствуют, что манифест об отречении был написан, и Государь его согласился подписать. Возникает вопрос: зачем же тогда Гучков и Шульгин ехали в Псков? Ведь ехать туда, не дождавшись подписанного Царём манифеста, было бессмысленно. Тем не менее Гуч-

ков и Шульгин в Псков поехали. При этом, как они оба уверяют, у каждого был собственный вариант манифеста. Правда, Гучков утверждает, что текст его написал Шульгин, а Шульгин, что – Гучков^{[1886][1887]}.

Однако генерал Рузский утверждал: *«Никаких документов они с собой не привезли. Ни удостоверения, что они действуют по поручению Государственной Думы, ни проекта об отречении. Решительно никаких документов я в их руках не видел»*^[1888]⁷.

Итак, Гучков и Шульгин собирались в Псков, зная из телеграмм генерала Алексеева, что Государь принял решение отречься, не имея с собой на руках никакого проекта отречения и не будучи совершенно уверенными в успехе. Что это – авантюра? Гучков не был авантюристом. Он действовал всегда осторожно, продуманно и хладнокровно. Для чего же он ехал тогда в Псков?

Ответ на этот вопрос нам даёт сам Гучков, когда пишет о причинах своего решения взять с собой Шульгина: *«Я и Шульгин, о котором я просил Думский Комитет, прося командировать его вместе со мной, чтобы он был свидетелем всех последующих событий* (выделено нами. – П. М.)*»*^[1889].

Главный смысл поездки А. И. Гучкова и В. В. Шульгина

⁷ Любопытно, что А. И. Гучков с В. В. Шульгиным путаются не только в авторстве проекта манифеста, но даже в часе своего отъезда в Псков. Шульгин пишет, что это было раннее утро («чуть серело...»), Гучков – что это была середина дня.

заклучался в том, чтобы «отречение» Императора прошло при представителях (свидетелях) нового правительства. Это они, думские посланники, должны были привезти от Царя манифест, объявляющий о конце его царствования.

Это предположение подтверждается и обстоятельствами прибытия Гучкова и Шульгина в Псков. Вот как его описывает Дубенский: *«Из ярко освещённого вагона салона выскочили два солдата с красными бантами и винтовками и стали по бокам входной лестницы. По-видимому, это были не солдаты, а вероятно рабочие в солдатской форме, так неумело они держали ружья, отдавая честь “депутатам”, так не похожи были даже на молодых солдат»*^[1890].

Ещё красочнее описал прибытие думских посланцев полковник Таль. Гучков и Шульгин прибыли на поезде, который *«состоял из паровоза и двух вагонов, одного служебного и другого салона-вагона. Необычного в нём было то, что локомотив его разукрашен был гирляндами зелени и с красными флагами»*^[1891].

Гучков с Шульгиным приехали в Псков не просто так, приехали со своей «гвардией» (вспомним «красную гвардию» Чхеидзе) как представители новой власти. Нам могут возразить, что общеизвестно, что Шульгин был националистом и монархистом. Однако «монархизм» Шульгина ничем не отличался от «монархизма» Гучкова. Великий Князь Николай Михайлович писал о Шульгине, что в нём всё дышит злобой к монархии, к Государыне и Государю, причём Шуль-

гин «этого вовсе не скрывает и говорит “о возможности цареубийства”»^[1892].

Но почему эти представители новой власти так спокойно и безбоязненно прибыли в Псков в полной уверенности, что уедут обратно с подписанным Высочайшим манифестом об отречении? **Потому что к моменту приезда Гучкова и Шульгина уже был готовый манифест об отречении Императора Николая II от престола.**

Гучков и Шульгин прибыли в Псков поздно вечером, около 22 ч. 2 марта. События, происшедшие затем в Императорском вагоне, известны нам из многократно опубликованных воспоминаний. Эти воспоминания полны противоречий и взаимоисключающих подробностей, но, тем не менее, делают однозначный вывод: ночью 2 марта Император Николай II отрёкся от престола в пользу своего брата Великого Князя Михаила Александровича. Это утверждение воспринимается как аксиома на протяжении вот уже почти целого века. При этом никто не задаётся вопросом: а мог ли Император Николай II передать престол своему брату, Великому Князю Михаилу Александровичу?

На допросе в ЧСК Гучков откровенно признавал, что в его планах был предусмотрен вариант завуалированного демонстража монархической системы. Рассказывая об обстоятельствах отказа Великого Князя Михаила Александровича воспринять престол, Гучков пояснил, что он сделал предложение Великому Князю принять *«престол условно, чтобы он*

не принял его, как государь, а как регент, чтобы довести страну до Учредительного собрания»^[1893].

Нет сомнений, что это предложение **носило явно анти-монархический характер.**

Само утверждение, что Государь внезапно, под влиянием отцовских чувств, проигнорировав законы Империи, решил передать престол Великому Князю Михаилу Александровичу, представляется сознательным искажением фактов. Такой же дезинформацией является утверждение, что будто бы возможность воцарения Великого Князя Михаила Александровича на престоле явилась полной неожиданностью для Гучкова и Шульгина.

Генерал Н. В. Рузский утверждал, что Царь принял решение об отречении в пользу брата, буквально держа уже в руках перо, чтобы подписать отречение в пользу сына. При этом якобы окончательно повлиял на решение Государя отрицательный ответ, данный Гучковым на вопрос: сможет ли Наследник Цесаревич, т. е. будущий Монарх, уехать с Государем из России^[1894]? Нелепость вопроса, приписываемого Государю, очевидна. Император Николай II не мог не понимать, что его сына – молодого царя, разумеется, никто не даст вывезти за границу. Государь такого вопроса, конечно, задать не мог.

Из совокупности источников становится понятным, что кандидатура Великого Князя давно рассматривалась заговорщиками либо в качестве регента, либо в качестве монар-

ха.

Напомним читателю, что 15 ноября 1912 г. Великий Князь Михаил Александрович за нарушение данного им слова своему Августейшему Брату был его указом лишён содержания из уделов и исключён из военной службы. 30 декабря 1912 г. вышел Высочайший Манифест, в котором было объявлено, что с Великого Князя **снимаются обязанности Правителя государства**, возложенные на него до совершеннолетия Наследника Цесаревича Алексея Николаевича в случае кончины Императора Николая II^[1895].

С началом Первой мировой войны Великому Князю Михаилу Александровичу было разрешено вернуться в Россию. Его морганатическая супруга получила титул графини Брасовой, а незаконнорожденный сын стал графом Г. М. Брасовым. Однако права на управление государством Великому Князю Михаилу Александровичу **возвращены не были**, а его потомство, разумеется, никаких прав на престол не имело. К чести Великого Князя Михаила Александровича следует сказать, что он сам хорошо это понимал. Объясняя свой отказ стать Царём, Михаил Александрович, по словам полковника Никитина, сказал: *«Я не имел прав на престол»*^[1896].

Сведения о предстоящем воцарении Великого Князя Михаила Александровича начали поступать по линии Охранного отделения ещё в конце 1916 – начале 1917 г. 19 января 1917 г. начальник Минского губернского жандармского управления докладывал в департамент полиции, что

«во вспомогательных организациях Государственного совета утверждается, что на место ныне царствующего Государя Императора вступит на престол Великий Князь Михаил Александрович»^[1897]. 10 февраля 1917 г. в агентурном донесении в департамент полиции говорилось: *«Генерал-майор Ю. С. Лазаревич, заведующий школой прапорщиков в Петергофе, а ранее служивший в Главном управлении Генерального штаба, в частных беседах сообщает, что 12–13 февраля предстоит “великий акт” – отречение Государя Императора от престола в пользу Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, что регентом будет Великий Князь Михаил Александрович»*^[1898].

По свидетельству начальника Петроградского охранного отделения генерала К. И. Глобачёва, накануне революционных событий *«военные и придворные круги чувствовали надвигающиеся события, но представляли их как простой дворцовый переворот в пользу Великого Князя Михаила Александровича с объявлением конституционной монархии»*^[1899].

Особенно слухи о воцарении Великого Князя обострились в разгар февральских событий. Тот же Глобачёв вспоминал, как начальник Дворцовой полиции полковник Б. А. Герарди 1 марта говорил, что речь идёт о дворцовом перевороте в пользу Михаила Александровича.

2 марта в Пскове прибывший из Петрограда полковник Генштаба сказал генералу Дубенскому, что в Петрограде

«надеются, что “временное правительство” с новым царём Михаилом (ведь его хотят на царство) лучше справится», чем Император Николай II^[1900].

Таким образом, для Гучкова вовсе не была неожиданно мысль о передаче престола Великому Князю Михаилу Александровичу. Между тем она неминуемо приводила Династию в весьма опасный тупик. В случае воцарения Великого Князя в Империи не стало бы ни законной государыни, ни законного наследника. К тому же Император Николай II хорошо знал характер своего брата. Он знал, что, обладая личным мужеством, он был совершенно чужд политики, плохо разбирался в людях и легко поддавался чужим влияниям.

Между тем заговорщикам требовалась передача короны **именно такому человеку**. Это была прекрасная возможность немедленно покончить с монархией. Воцарение Цесаревича Алексея Николаевича такой возможности не давала. Если бы престол был передан Наследнику, то это означало бы сохранение внешней формы монархии на неопределённое время. Добиться отречения у несовершеннолетнего Императора было бы невозможно. Кроме того, никто не знал, как повернутся события, как отреагирует народ на правление «народных избранников», как поведёт себя регент и та же военная верхушка через полгода, через год? Между тем, и это вытекает из всей деятельности заговорщиков, они ставили себе целью **именно уничтожение монархии**, а не возведение на престол подконтрольного императора.

Если бы Император Николай II вдруг решил, под влиянием отцовского чувства или ещё какого-либо обстоятельства, передать престол Великому Князю Михаилу Александровичу, он чрезвычайно бы облегчил заговорщикам их задачу – свержение монархии. Мог ли Николай II под влиянием порыва, в течение нескольких часов или, более того, за пять минут решиться передать престол в слабые руки Великого Князя, с его запутанной и тупиковой семейно-династической ситуацией?

Понимая, что на эти вопросы любой вдумчивый исследователь даст отрицательный ответ, заговорщики придумали ещё одну версию. Согласно ей, Николай II принял решение передать престол после своего разговора с лейб-хирургом С. П. Фёдоровым. Сам Фёдоров утверждал, что 2 марта Государь в который раз спрашивал у него, разрешат ли ему остаться вместе с сыном после отречения? Узнав, что не разрешат, Император спросил, излечима ли болезнь Наследника, и, узнав, что неизлечима, решил отречься и за сына.

Напомним, что Наследник Цесаревич был болен гемофилией с самого своего рождения. С ним неоднократно бывали тяжелейшие приступы, чрезвычайно опасные для жизни. Наследника лечили лучшие врачи России. Неужели за всё это время Государь ни разу не поинтересовался, излечима или нет болезнь его сына? Кто может поверить, что подобный вопрос любящий отец задал впервые за 13 лет Фёдорову во Пскове?

Таким образом, мы можем сделать вывод, что ни по соображениям государственным, ни по соображениям династическим, ни по соображениям личного характера Император Николай II не мог отказаться от престола в пользу своего брата Великого Князя Михаила Александровича.

Одним из доказательств этого служит полное равнодушие, с которым восприняли это известие представители ВК-ГД и Исполкома. Сразу же после того, как весть о манифесте дошла до Родзянко, Керенского и остальных, началась усиленная подготовка к последнему этапу – уничтожению русской монархии. Этот этап наступил 3 марта 1917 г. в Петрограде, на Миллионной улице дом 12, в квартире княгини О. И. Путятиной, когда Великий Князь Михаил отказался, или это сделали за него, воспринять Императорский престол, передав вопрос о будущем государственном устройстве на усмотрение Учредительного собрания и тем самым подвесив в воздухе вопрос о престолонаследии.

Следуя логике Керенского, то есть логике превентивного отрицания того, что было на самом деле, Гучков в августе 1917 г. на допросе ВЧСК сказал: *«Если бы я мог сам сфабриковать манифест и заставил сам его подписать, то, конечно, я мог бы привезти то, что было указано»*^[1901]. На наш взгляд, смысл этих слов Гучкова следует воспринимать так: *«Я сфабриковал манифест и привёз то, что было указано»*.

Знаменитый манифест, который вот уже скоро сто лет является главным и, по существу, единственным «доказа-

тельством» отречения от престола Императора Николая II, был «обнаружен» специальной комиссией в 1929 г. в Ленинграде, где до 1934 г. находился Президиум Академии наук СССР. Комиссия действовала по заданию ОГПУ и ее целью была подготовка «академического дела» по обвинению ведущих академиков в «монархическом» заговоре и антисоветской деятельности. Во время проверки АН чекистами были обнаружены «документы исторической важности», которые якобы незаконно хранили у себя сотрудники аппарата. В числе этих документов были обнаружены оригиналы отречения *«от престола Николая II и Михаила»*^[1902]. Именно «находка» императорского «манифеста» стала для ОГПУ главной «уликой» в обвинении академиков, прежде всего историка С. Ф. Платонова, в заговоре с целью свержения советской власти и восстановления монархии. 29 октября 1929 г. комиссия рассмотрела два найденных документа: *«1. Акт отречения бывш. Императора Николая II. 2. Акт отречения Михаила Романова.*

Первый документ напечатан на машинке. Внизу, с правой стороны имеется подпись “Николай”, изображённая химическим карандашом. Внизу же, с левой стороны имеется написанная от руки цифра “2”, далее напечатанное на машинке слово “марта”, затем написанная от руки цифра “15”, после чего имеется напечатанное на машинке слово “час”. После этого следует подчистка, но явно проглядывается написанная от руки цифра “3”, затем следует слово

“мин”, а дальше напечатанное на машинке 1917 года”. Внизу под этим имеется подпись “министр Императорского двора генерал-адъютант Фредерикс”. Изображённая подпись Фредерикса **написана по подчищенному месту** (выделено нами. – П. М.)»^[1903].

Экспертиза найденных «отречений» проходила под руководством П. Е. Щёголева, того самого, который участвовал в создании фальшивых «дневников» А. А. Вырубовой и Г. Е. Распутина. Строго говоря, говорить о какой-либо экспертизе не приходится, так как была произведена лишь поверхностная сверка подписей под найденными бумагами с оригиналами подписей Императора Николая II и Великого Князя Михаила Александровича^[1904]. Подчистки в документе, марка печатной машинки, соответствие её шрифта шрифту 1917 г. – ничто не заинтересовало комиссию.

Так из недр сфальсифицированного ОГПУ «академического» дела, из заключения фальсификатора Щёголева появился на свет документ, на основании которого в мировой истории закрепилось убеждение, что Император Николай II отрёкся от престола.

Документ, обнаруженный в Академии наук в Ленинграде в 1929 г. и хранящийся ныне в ГА РФ, представляет собой двойной лист бумаги размером А-3, примерно 297×420 см. Лист плотной бумаги имеет форму «книжечки», сложенной пополам. Посередине имеется разрыв, образовавшийся либо в результате длительного сгибания бумаги, либо в результате

разреза его на две части. Печатный текст расположен на первом листе «книжечки», второй лист – пуст. В левом верхнем углу имеется надпись: «Ставка». Посередине: «Начальнику Штаба». Далее идёт печатный текст, который полностью идентичен с проектом об отречении в пользу Цесаревича, присланного Ставкой, за исключением следующей вставки: *«Не желая расстаться с любимым Сыном НАШИМ, МЫ передаем наследие НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляем ЕГО на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем Брату НАШЕМУ править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу»*^[1905].

В левом нижнем углу под текстом имеется надпись: «Г. Псков». Ещё ниже под этим словом: «2го марта 15 час. ___ мин. 1917 г.». Причём, цифра «2го» написана от руки. В пропуске между 15 ч. и мин. карандашом вписана цифра «5», а не «3», как указано в заключении комиссии 1929 г. Под этими цифровыми обозначениями чернилами имеется надпись: «Министр Императорского Двора генерал-адъютант Фредерикс». Надпись сделана чернилами, которые написаны поверх идентичной карандашной надписи. В правом крайнем нижнем углу имеется надпись: «Николай», с характерным для Государя росчерком пера. Надпись сделана тонким ка-

рандашом при слабом нажиме.

Из текста «манифеста» об отречении в пользу Михаила Александровича, видно, что его основой является проект манифеста об отречении в пользу Наследника. Таким образом, авторами манифеста об отречении в пользу Великого Князя Михаила Александровича были те же самые лица, что составили проекты манифестов об Ответственном министерстве и об отречении в пользу Цесаревича Алексея: генерал М. В. Алексеев, Н. А. Базили и Великий Князь Сергей Михайлович.

Не вызывает сомнений, что на основании текста отречения в пользу Цесаревича в Петрограде был изготовлен другой манифест, в пользу Великого Князя Михаила Александровича, подделана подпись Императора Николая II и графа В. Б. Фредерикса. Далее было оставлено место для даты и времени, которые были внесены позже.

Особенно таинственным является адресат, кому направлена бумага, некий «начальник штаба». Принято считать, что им является начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-адъютант М. В. Алексеев. Отсюда, естественно, вытекает, что «манифест» был направлен в Ставку генералу Алексеву самим Государем. По всей видимости, тот, кто составлял «манифест», хотел, чтобы все так именно и считали. Однако совокупность источников заставляет нас в этом глубоко сомневаться.

Когда Гучков покинул Императорский вагон, он около

1 ч. ночи 3 марта послал в Петроград следующую телеграмму: *«Петроград. Начальнику Главного штаба. Просим передать Председателю думы Родзянко: “Государь дал согласие на отречение от престола в пользу Великого Князя Михаила Александровича с обязательством для него принести присягу конституции”»*^[1906].

Итак, мы видим, что вновь упоминается некий «начальник штаба» и речь точно не идёт о генерале М. В. Алексееве, так как тот находился в Могилёве, а телеграмма ушла в Петроград. В столице, как известно, находился Главный штаб, занимавшийся узкими специфическими вопросами управления армией: сбором сведений о потерях в действующих армиях, устройством служебного положения пострадавших на войне офицеров, назначением пенсий семьям военнослужащих, погибших на войне, и т. п. Начальником Главного штаба был генерал от инфантерии Н. П. Михневич – выдающийся военный учёный. Сразу же после Февральской революции генерал Михневич был отстранён от должности и отправлен в отставку. Разумеется, такому человеку Гучков не стал бы посылать столь важную и столь секретную телеграмму. Безусловно, что под именем «начальника штаба» скрывалось некое лицо, которое не подлежало огласке.

Термин «начальник штаба», «начальник главного штаба», «начальник генерального штаба» встречается довольно часто в революционной и масонской переписке начала XX в. Например, 20 мая 1905 г. Охранное отделение пе-

рехватило странное письмо из Лозанны от одного из деятелей революционного движения. Письмо было направлено во «Всероссийский высший Генеральный штаб, Его Превосходительству Главнокомандующему» (речь, разумеется, шла не о настоящем начальнике Генерального штаба Российской Императорской армии). В этом письме, написанном единомышленнику, подробно описывалась грядущая революция в России. Заканчивалось оно следующими словами: *«Что касается вашего Императора, ему будет обеспечено изгнание»*^[1907].

Применительно к Февральскому перевороту этот термин приобретает наиважнейшее значение. Как мы уже писали 8 сентября 1915 г., организаторами переворота была составлена секретная «Диспозиция № 1» «Комитета народного спасения» для борьбы с «внутренним врагом». Был создан «генеральный штаб» Комитета, а «верховным главнокомандующим» его был избран Гучков. Разумеется, у «верховного главнокомандующего» должен был быть свой «начальник штаба». Скорее всего, им был Керенский. Именно этому «начальнику штаба» и посылал Гучков «манифест об отречении».

Между тем заголовок «начальнику штаба» является важнейшим доказательством фабрикации манифеста об отречении. Первым об этом проговорился сам А. И. Гучков на допросе ЧСК летом 1917 г. Допрашивающий его член комиссии Иванов спросил: *«Чем можно объяснить, что отрече-*

ние было обращено, кажется, Начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего»? На что Гучков ответил: *«Нет, акт отречения был безымянным. Но когда этот акт был зашифрован, предполагалось отправить его по следующим адресам: по адресу Председателя Государственной думы Родзянко, и затем по адресам главнокомандующих фронтами для обнародования в войсках»*. Иванов вновь спрашивает Гучкова: *«Так что, вы получили его на руки без обращения»?* Гучков отвечает: *«Без обращения»*^[1908].

Эти ответы выдают Гучкова «с головой». Во-первых, он ни слова не говорит, что зашифрованный манифест им был направлен «начальнику главного штаба» в Петроград, а не напрямую Председателю Государственной думы. А во-вторых, и это главное, отрицание заголовка «начальнику штаба», означало, что либо Гучков вообще не видел «манифеста», либо всеми силами пытался опровергнуть существование некоего непонятого адресата, так как обращение к нему в манифесте объяснить было невозможно. Так как пресловутого «манифеста» тогда ещё никто не видел, то Гучков мог позволить не утруждать себя объяснениями, почему заголовок «начальнику штаба» стоит не на зашифрованном тексте телеграммы, а на «подлиннике» манифеста, под которым стоит «личная» подпись Государя. Через несколько лет другой «очевидец», Ю. В. Ломоносов, будет живописать, как он в первый раз увидел манифест утром 3 марта, когда его «привёз» в Петроград Гучков: *«Глаза всех впились в положенный*

мной на стол кусочек бумаги. *“Ставка. Начальнику штаба”*».

Примечательно, что князь А. П. Щербатов, хорошо знавший и Н. А. Базили, и А. Ф. Керенского, вспоминал, что, по словам крупного масона Базили, тот *«увез из России оригинал и черновик отречения, которые находятся в библиотеке Стэнфордского университета в Калифорнии, в так называемой “комнате де Базили”»*^[1909].

Доказательством того, что никакого манифеста Гучков и Шульгин с собой не привезли и Государю никакого манифеста не предъявляли, служит то обстоятельство, что описания манифеста самым существенным образом отличаются друг от друга.

Как известно, имеющийся текст манифеста напечатан на обыкновенном одном листе бумаги. Шульгин же уверяет, что манифест представлял собой *«две или три четвертушки – такие, какие, очевидно употреблялись в Ставке для телеграфных бланков. Но текст был написан на пишущей машинке»*^[1910]. Это же Шульгин повторил и на допросе ЧСК: *«Царь встал и ушёл в соседний вагон подписать акт. Приблизительно около четверти двенадцатого Царь вновь вошёл в вагон – в руках он держал листочки небольшого формата. Он сказал: Вот акт отречения, прочтите»*^[1911].

Описываемые В. В. Шульгиным телеграфные «четвертушки» действительно имели место при написании Государем его телеграмм в Ставку. Не вызывает сомнений, что

Шульгин либо видел образцы таких телеграмм, либо ему специально их показывали, чтобы он знал, как выглядят царские телеграммы. Поэтому он так правдоподобно и рассказывал об этих «четвертушках». В 1917 г. Шульгин, который, по всей вероятности, не видел «манифеста» на отдельном листе большого формата, был вынужден, заявив о «четвертушках», «вспоминать» о них и дальше, даже тогда, когда уже стал широко известен «оригинал» на большом листе. Уже после освобождения из ГУЛАГа, доживающий свой век во Владимире Шульгин *«напрочь отказывался пересказывать момент отречения Николая II и отправлял интересующихся к своей книге “Дни”»*^[1912]. Не иначе как опасался запутаться в своих «четвертушках» и «листочках».

Журналист Самойлов, с которым генерал Рузский беседовал летом 1917 г., уверял, что последний показал ему *«подлинный акт отречения Николая II. Этот **плотный телеграфный бланк**, на котором на пишущей машине изложен известный текст отречения, подпись Николая покрыта верниром (лаком)»*^[1913]. Но на телеграфном бланке стоит минимум слово «телеграмма», а максимум название телеграфа. Ничего этого на бумаге с текстом манифеста нет.

О телеграфных бланках говорит и А. А. Мордвинов: *«Первый экземпляр (манифеста. – П. М.) напечатанный, как затем и второй, в нашей канцелярии на машинке, **на телеграфных бланках**, Государь подписал карандашом»*^[1914].

В камер-фурьерском журнале над текстом «манифеста»

появляется шапка: *«Акт об отречении Государя Императора Николая II от престола Государства Российского в пользу Великого Князя Михаила Александровича»*. Далее следует общеизвестный текст, в конце которого следует приписка, которой заканчивались все Высочайшие манифесты. *«На подлинном собственною Его Императорского Величества рукой написано: “НИКОЛАЙ”. Гор. Псков, 15 час. 5 мин. 1917 г. Скрепил министр Императорского двора генерал-адъютант граф Фредерикс»*^[1915]. Как мы знаем, этой приписки нет в оригинале «манифеста», как и нет названия документа «Акт об отречении». Кстати, почему «акт», а не «манифест»?

О том, что все документы, обеспечивающие захват власти, были заготовлены заговорщиками заранее, свидетельствует и то, что назначение князя Г. Е. Львова главой правительства было осуществлено до того, как, по утверждениям Гучкова, был подписан соответствующий указ Государя. По этому поводу Гучков сообщал, что, вернувшись из Пскова в Петроград, он узнал, что, пока отсутствовал, были назначены министры нового правительства и его глава – князь Львов, ещё до соответствующего указа Императора. «Назначение Львова было для меня неожиданным. Член ЧСК Соколов: Так что, объективное положение вещей было таково, что Временный комитет назначил князя Львова вне зависимости от решения Государя? Гучков: Спросите Временный комитет»^[1916].

Временный комитет спрашивать было уже нельзя, так как к августу 1917 г. он прекратил своё существование. Но и без Временного комитета было понятно, даже для членов ЧСК, что назначение Львова было определено заранее и никакого решения Государя для этого не понадобилось.

В связи с этим крайне любопытно, что в камер-фурьерском журнале за 1917 г. имеется следующая запись от 2 марта: *«Сего числа прибыли в г. Псков представители Временного правительства военный министр Гучков и член государственной Думы Шульгин, и в 9 часов 40 минут были приняты в Императорском поезде и доложили о происходящем в Петрограде революционном движении»*^[1917]. Однако из протоколов допроса ВЧСК самого Гучкова видно, что он уезжал во Псков, не будучи ещё назначенным военным министром. Ничего не знали об этом назначении ни в Ставке, ни в штабе Северного фронта. Днем 2 марта 1917 г. генерал Ю. Н. Данилов телеграфировал из Пскова генералу М. В. Алексееву, что *«около 19 часов Его Величество примет члена Государственного Совета Гучкова и члена Государственной Думы Шульгина»*. В 20 ч. 48 м. того же дня Данилов телеграфировал генералу В. Н. Клембовскому, что *«поезд с депутатами Гучковым и Шульгиным запаздывает»*^[1918]. Свою телеграмму из Пскова от 2 марта Гучков подписал просто своей фамилией, без указания какой-либо должности. Наконец, первые сведения об образовании и составе Временного правительства в Ставке получили лишь днём 3 марта^[1919].

Таким образом, делопроизводитель камер-фурьерского журнала, делавший запись 2 марта 1917 г., не мог называть Гучкова «военным министром». Последнее приводит нас к выводу о том, что камер-фурьерский журнал оформлялся после происшедших событий, то есть фальсифицировался.

Логика действий организаторов переворота заключалась в последовательном вовлечении военного руководства в свержение монархии. Для этого требовали «манифестов» с каждым разом становились более радикальными, причём второе отменяло первое. Сначала требовали Ответственного министерства, затем – отречения в пользу Цесаревича Алексея, затем – в пользу Великого Князя Михаила Александровича. Не вызывает никаких сомнений, что, отправляясь в Псков, Гучков заранее знал, что манифест в пользу Михаила Александровича вновь окажется «недостаточным».

Так называемый манифест не выдерживает никакой критики и с точки зрения составления Высочайших манифестов. Автору этих строк приходилось достаточно видеть в ГА РФ как проекты манифестов, так и их подлинники. Под проектами манифестов Государь свою подпись не ставил. Имя «НИКОЛАЙ» в проекте писал его составитель, который и ставил в конце свою подпись. Поэтому если бы мартовский «манифест» был проектом, то в конце его должна была стоять надпись: «Проект составил Алексеев» или «Проект составил Базили». Проект утверждался Николаем II, который ставил на черновике соответствующую резолюцию: «Одоб-

ряю. К напечатанию» или «Быть по сему». Когда проект был утверждён Государем, приступали к составлению подлинника. Текст подлинника манифеста переписывался от руки. К концу царствования стали появляться манифесты, напечатанные на пишущей машинке, но на специальном бланке, сверху которого имелась «шапка»: «Божией Поспешествующей Милостию, Мы Николай Второй». Внизу ставилась подпись Императора. Никаких контрассигнаций на подлинном манифесте не было. Статья 79 Свода основных законов Российской Империи гласила, что Высочайшие манифесты поступают в Сенат *«через министерство юстиции»*^[1920]. В Сенате манифесту присваивался специальный регистрационный номер. Кроме того, ставилась дата, когда манифест вступил в законную силу. Например, на манифесте об объявлении войны Германии следует следующая надпись: *«Вступил 20 июля 1914 года. №-3311, слуш. 20 июля 1914 г.»*. Статья 59 Основных законов Российской Империи определяла, что *«закон получает обязательную силу не прежде, как со дня его объявления»*. Таким образом, отречение Императора Николая II, даже если документ «начальнику штаба» и являлся бы оным, не обрело силу Российского законодательного акта, поскольку манифест обретал силу закона лишь в случае опубликования Сенатом.

Таким образом, вывод, который мы можем сделать, сводится к следующему: «манифест» в пользу Великого Князя Михаила Александровича является искусно изготовленной

фальшивкой. Целью этой фальшивки было создание видимости легальной передачи престола Великому Князю, который к этому времени находился в руках заговорщиков. Заговорщики заранее знали, что Михаил Александрович откажется от вступления на престол либо в силу осознания им отсутствия законных прав, либо под нажимом заговорщиков.

Но здесь встаёт вопрос: а зачем организаторам переворота понадобилась вся эта сложная комбинация с отречением в пользу Великого Князя? Почему заговорщики не могли просто убить Государя, объявив стране, что он «скончался от апоплексического удара», как это было с Императором Павлом I в 1801 г.? Ответ на этот вопрос прост: убийство Государя, осуществлённое в условиях войны, вызвало бы сильное возмущение в рядах армии и способствовало подъёму монархических настроений. Кроме того, престол автоматически перешёл бы новому императору Алексею II. Заговорщики же стремились к свержению монархии как таковой. Вот почему им понадобилось отречение в пользу полулегитимного Великого Князя Михаила Александровича, а затем отказ последнего в пользу Учредительного собрания. Этот отказ лишил монархистов возможности сопротивления.

Общепринятое мнение сводится к тому, что после отречения Император Николай II решил отправиться в Ставку, чтобы проститься с войсками. Об этом сообщал генерал Данилов генералу Алексееву в 1 ч. 28 м. ночи 3 марта: *«Его Величество выезжает сегодня, примерно в 2 часа, на несколь-*

ко дней в Ставку, через Двинск»^[1921]. В дневнике Николая II имеется запись: *«В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман»*^[1922].

Говоря о мотивах поездки Государя в Ставку, ни на секунду нельзя забывать, **что Государь не был свободен в своих действиях**. Когда 5 марта ему наконец разрешили позвонить в Александровский дворец, он в разговоре с Императрицей сказал: *«Я думал, что смогу приехать к вам, но меня не пускают»*^[1923].

Поэтому утверждение, что Государь поехал в Могилёв «прощаться» со Ставкой, является утверждением заговорщиков. По всей вероятности, отправка Государя в Могилёв была предпринята в Пскове Гучковым. Единственным объяснением этой отправки могло быть стремление заговорщиков отправить Государя в надёжное место на тот период, пока петроградские узурпаторы доводили до конца свои манипуляции с фальшивыми «манифестами». **Отправка Государя в Могилёв является одним из важных доказательств фальшивости «манифеста» об отречении**. Ведь если бы Государь действительно добровольно отрёкся от престола, что бы мешало ему подтвердить прилюдно своё отречение в Царском Селе? Князь А. П. Щербатов, много общавшийся за границей с А. Ф. Керенским, оставил в своих воспоминаниях следующую загадочную фразу: *«Мало кто знает, что, подписав отречение, Николай на пути из Пскова*

в Могилёвскую Ставку попытался аннулировать манифест и снова возложить на себя монаршую власть. Его, впрочем, никто не поддержал»^[1924].

Для Гучкова отправление Государя в подконтрольную Ставку не только никакой опасности не представляло, но, наоборот, он был уверен, что именно там Царь будет лучшим способом обезврежен. Недаром Бубликов вспоминает, что на его недоумённый вопрос, почему Император Николай II находится в Ставке, Гучков спокойно ответил: *«Он совершенно безвреден»*^[1925].

По всей вероятности, Император Николай II ничего не знал о своём «отречении», так же как и об «отречении» своего брата, вплоть до 4–5 марта, когда они были официально объявлены в газетах. С этого момента он понял, что всякое сопротивление с его стороны бесполезно: кругом измена, трусость и обман.

О том, что Государь при своём прибытии в Могилёв ещё ничего не знал о «манифесте» Великого Князя, видно из воспоминаний Мордвинова, который писал, что 4 марта *«весть об отказе Михаила Александровича принять власть до учредительного собрания к нам тогда ещё не дошла»*. Об этом узнали только 5 марта утром^[1926]. Похоже, что именно с целью скрыть от Государя происходящие события, в Могилёве была полностью сохранена обстановка Ставки до отбытия из неё Императора Николая II.

По дороге в Могилёв, в Орше, в Императорский поезд во-

шёл Н. А. Базили и был принят Государем. Цель прибытия одного из главных действующих лиц переворота до сих пор не понятна. Базили приехал по поручению генерала Алексева «с портфелем каких-то срочных бумаг для доклада Его Величеству в пути. Что это были за бумаги, я не помню, хотя Базили о них и упоминал: кажется, они касались уведомления о случившемся. Помню только, что он говорил о своём участии в составлении манифеста об отречении и, кажется, сообщил, что манифест этот, по просьбе Родзянки, пока решено не опубликовывать»^[1927].

Когда Государь вечером 3 марта прибыл в Могилёв, он был встречен со всеми подобающими почестями. Встречать Государя на платформу кроме чинов Ставки прибыли все иностранные представители в полном составе миссий^[1928]. Дубенский вспоминал: «Дежурили полевые жандармы, сидели офицеры за столами, стучал телеграфный аппарат. На маленькой площади у дворца из старинной ратуши, в круглом садике стояли посты дворцовой полиции, а у подъезда Государя в дублёных тулупах находились по-прежнему часовые георгиевского батальона. Могилёв тих, малолюднен и спокоен, как всегда. В царских комнатах долго, долго светился свет. Точно ничего не случилось, точно то, что я видел, что всё мы пережили, был сон»^[1929].

Государь продолжал находиться в полной информационной блокаде. Мордвинов свидетельствует: «Что делалось в Петрограде и остальной России – мы не знали: утренних

агентских телеграмм больше уже не представляли»^[1930]. Руководство Ставки объясняло это «заботой» о Государе, так как в этих телеграммах Государя якобы постоянно оскорбляли. Однако генерал Н. М. Тихменёв отмечает, что по его приказу депеши, несмотря на всю содержащуюся в них ругань, передавали каждое утро дворцовому коменданту В. Н. Воейкову для Государя^[1931]. Но Государь этих депеш не получал. Не вызывает сомнений, что от Монарха пытались скрыть манипуляции с манифестами.

4 марта 1917 г. в Могилёве состоялся последний доклад Императору Николаю II о положении дел на фронте. Делавший доклад генерал Алексеев заметно волновался, но под влиянием вопросов Императора Николая II, его замечаний и указаний стал докладывать как обычно^[1932].

В тот же день, 4 марта, в Могилёв для встречи с Государем прибыла Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна. Памятные книжки Вдовствующей Императрицы, которые принято называть «дневниками», написанные на датском языке, переведённые и опубликованные несколько лет тому назад в России, вызывают много вопросов^[1933]. К слову сказать, сомнения в полной подлинности имеются по многим документам, касающимся Императора Николая II и его Семьи. Но даже если дневник Вдовствующей Императрицы подлинный и правильно переведённый, то было в корне неверно считать, что все мысли его составителя, изложенные в дневниковых записях, отражают его подлинные мысли. За-

секреченность, иносказательность, а то и прямая дезинформация, несомненно, применялись Царской Семьёй в тревожный страшный период марта 1917 – июля 1918 г.

В этом ключе следует, на наш взгляд, читать дневниковую запись Вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны от 4/17 марта 1917 г. Вдовствующая Государыня писала: *«В 12 часов прибыли в Ставку, в Могилев в страшную стужу и ураган. Дорогой Ники встретил меня на станции, мы отправились вместе в его дом, где был накрыт обед вместе со всеми. <...> После обеда бедный Ники рассказал обо всех трагических событиях, случившихся за два дня. Он открыл мне свое кровоточащее сердце, мы оба плакали. Сначала пришла телеграмма от Родзянко, в которой говорилось, что он должен взять ситуацию с Думой в свои руки, чтобы поддержать порядок и остановить революцию; затем – чтобы спасти страну – предложил образовать новое правительство и... отречься от престола в пользу своего сына (невероятно!). Но Ники, естественно, не мог расстаться со своим сыном и передал трон Мише! Все генералы телеграфировали ему и советовали то же самое, и он, наконец, сдался и подписал манифест. Ники был невероятно спокоен и величествен в этом ужасно унижительном положении. Меня как будто ударили по голове, я ничего не могу понять! Возвратилась в 4 часа, разговаривали. Хорошо бы уехать в Крым. Настоящая подлость только ради захвата власти. Мы попрощались. Он настоящий рыцарь»*^[1934].

Из этой записи мы видим, что она является «классическим образцом» общепринятой версии. Ничего секретного, того, что нужно было бы скрывать от окружающих, в этой записи нет. Все и так знали, что Родзянко прислал Государю телеграмму с просьбой об отречении и что Государь не захотел расставаться со своим сыном и отрёкся в пользу своего брата. Императрице Марии Феодоровне совершенно незачем было скрывать свой разговор с Сыном, если бы он был таким, каким он изложен в её дневнике.

Но вот что вспоминал присутствовавший при последней встрече Государя со своей Матушкой Великий Князь Александр Михайлович: *«По приезде в Могилёв, поезд наш поставили на “императорском пути”, откуда Государь обычно направлялся в столицу. Через минуту к станции подъехал автомобиль Ники. Он медленно прошёл к платформе, поздоровался с двумя казаками конвоя, стоявшими у входа в вагон его матери, и вошёл. Он был бледен, но ничего другое в его внешности не говорило о том, что он был автором этого ужасного манифеста. Государь остался наедине с матерью в течение двух часов. Вдовствующая Императрица **никогда мне потом не рассказала, о чём они говорили**»*^[1935].

Согласимся, что два часа слишком большой отрезок времени, для того чтобы изложить ту короткую информацию, какая изложена в дневниковой записи Марии Феодоровны. А ведь разговоры Государя с Матерью продолжались ещё в течение дня по несколько часов! И что суть этих разговоров

сводилась к тому куцему отрывку из дневника о телеграмме Родзянко? И такую-то информацию Вдовствующая Императрица не могла рассказать своему зятю даже по прошествии 8–9 лет после описываемых событий?

То, что слышала Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна 4 марта 1917 г. от Государя, совершенно не сводилось к сведениям о телеграмме Родзянко и измене генералов. Дневниковая запись эта прикрывала, и скорее всего по договорённости с Государем, какую-то другую информацию, которую Августейшие Мать и Сын решили не предавать огласке. Не случайно в своём письме греческой королеве Ольге Константиновне Мария Феодоровна называла время, проведённое в Пскове, *«самыми страшными днями в моей жизни»*. Особенно ценны слова Императрицы Марии Феодоровны о своём Державном Сыне: *«Не могу Тебе передать, какие унижения и какое равнодушие пережил мой несчастный Никки. Если бы я не видела это своими глазами, я бы никогда этому не поверила. Он был как настоящий мученик, склонившийся перед неотвратимым с огромным достоинством и невиданным спокойствием!»*^[1936]

8 марта Государь попытался в последний раз обратиться к своим войскам. Обращение получило название «Последний приказ Императора Николая II». Текст этого обращения широко известен. Однако он представляет собой не текст, составленный Государем, а текст, изложенный в приказе начальника штаба генерала М. В. Алексева. Между тем име-

ется документ с подлинным обращением Императора Николая II к войскам. Он написан рукой Государя и направлен с сопроводительным письмом для подшивания к делу. Приведем полностью этот документ: *«К вам горячо любимые мною войска обращаюсь с настоящим призывом отстоять нашу родную землю от злого противника. Россия связана со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе. Нынешняя небывалая война должна быть доведена до полного поражения врагов. Кто думает теперь о мире и желает его, тот изменник своего Отечества – предатель его. Знаю, что каждый честный воин так понимает и так мыслит. Исполняйте ваш долг как до сих пор. Защищайте нашу великую Россию изо всех сил. Слушайте ваших начальников. Всякое ослабление порядка службы (дисциплины) только на руку врагу. Твёрдо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к Родине. Да благословит вас Господь Бог на дальнейшие подвиги и да ведёт вас от победы к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий»* ^[1937].

Попав под цензуру Алексеева, обращение Царя претерпело значительные изменения. Обращение Императора Николая II было искусно подправлено Алексеевым и отпечатано на машинке. Генерал Н. М. Тихменёв, уже находясь в эмиграции, в 1939 г. свидетельствовал о событиях марта 1917 г.: *«8-го марта, вернувшись в свой кабинет, я нашёл на столе вот этот самый листок, который я держу в руках. Это – приказ начальника штаба от 8-го марта, напечатанный в*

штабной типографии. *“Приказ начальника штаба верховного главнокомандующего 8-го марта 1917 года № 371. Отрекшийся от престола император Николай II, перед своим отъездом из района действующих армий, обратился к войскам с следующим прощальным словом: [далее идёт текст обращения с поправками Алексеева]. 8 марта 1917 г. Ставка. Подписал: Начальник штаба, генерал Алексеев”*»^[1938].

После правки Алексеева в текст обращения были добавлены фразы, которых не было в царском обращении: *«после отречения Моего за себя и за Сына Моего от престола Российского, власть передана Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия»* и *«повинуйтесь временному правительству»*^[1939].

Становится ясно, что подделанный текст был не приказом Императора Николая II, а приказом генерала Алексеева, в чьей измене Государь смог окончательно убедиться во время своего пребывания в Могилёве. Именно Алексеев объявил Императору о том, что Временное правительство лишило Государя свободы. Генерал С. Д. Позднышев писал: *«Алексеев чувствовал неловкость и смущение перед Государем. Его совесть тревожило упорное молчание Царя. Во время доклада о последних событиях в Петрограде он не выдержал и сказал ему: “Ваше Величество, я действовал в эти дни, руководствуясь моей любовью к Родине и желанием уберечь и оградить армию от развала. Россия тяжело боль-*

на; для её спасения надо было идти на жертвы...” Государь пристально посмотрел на него и ничего не ответил»^[1940].

Известно, что Временным правительством последний приказ Государя был запрещён к оглашению в войсках. Причины этого назывались разные. С. П. Мельгунов считал, *«что прощальное слово вступало в резкую коллизию с настроением либеральной общественности, воспринимавшей и оправдывавшей переворот, как неизбежную реакцию на антипатриотическую позицию старой власти. Не потому ли, что впечатление, полученное Бюкененом⁸, могло совпасть с аналогичным в армии, которое не могло бы оправдать ни ареста бывшего Императора, ни юридического расследования его прикосновенности к воображаемой “измене?”»*^[1941].

Конечно, полностью сбрасывать со счетов эти соображения нельзя. Но на вопрос, обращённый уже в эмиграции к Гучкову: «Почему не был опубликован последний приказ Царя?» – тот ответил, что это *«послание было несвоевременным, тем более что Николай II собирался вернуться на престол»*^[1942].

Каким же образом лишённый свободы передвижения, отрекшийся Государь мог рассчитывать «вернуться на престол»? А это могло быть только в одном случае: если бы Государь не знал о «своём» манифесте об отречении. В прика-

⁸ Узнав о приказе Императора Николая II, Дж. Бюкенен писал: *«Государь показал себя с самой благородной стороны. Все личные соображения были им отброшены, и все его мысли были направлены на благо Родины»*.

зе он прощался с армией, так как, по-видимому, речь шла о возвращении Николая Николаевича в Ставку. Но Государь ни слова не говорил ни о своём отречении, ни о Временном правительстве, а это свидетельствует о том, что Государь считал, что он по-прежнему остаётся на престоле.

Но против этого утверждения имеется, как кажется на первый взгляд, существенное опровержение. Речь идёт о телеграмме, якобы посланной Государем своему брату Великому Князю Михаилу Александровичу, в которой он обращается к нему как к Императору. Следует сказать, что ни подлинника, ни копии этой телеграммы до сих пор обнаружить не удалось, а сам её текст, приводимый у А. А. Блока, А. И. Деникина, Б. В. Никитина, имеет существенные различия^[1943].

Но здесь впору снова задуматься, а было ли возможным отправление Государем подобной телеграммы? Не будем забывать: 3 марта корреспонденция и любые контакты Императора Николая II находятся под строжайшим контролем со стороны заговорщиков. Император вплоть до 4 марта не отправил ни одного известия свой Семье. Можно было бы предположить, что эта телеграмма была отправлена заговорщиками. Однако, как категорически заявила полковнику Никитину графиня Н. С. Брасова, её супруг **никогда не получал этой телеграммы**. Таким образом, по всей видимости, речь идёт об очередной подделке в длинной цепи подлогов, связанных с «отречением».

Другим аргументом в пользу того, что Император Николай II отрёкся от престола, является его прощание со Ставкой 8 марта 1917 г. Однако при внимательном прочтении воспоминаний об этом прощании выясняется, что оно также окутано недомолвками и подтасовками.

О последнем прощании Царя со штабом Ставки свои воспоминания, написанные по прошествии многих лет за границей, оставили: Великий Князь Александр Михайлович, полковник А. А. Мордвинов, генерал Н. М. Тихменёв, полковник В. М. Пронин, капитан 1-го ранга А. Д. Бубнов. Однако они весьма разнятся в отношении прощальной речи Государя, фактически повторяя «последний приказ» Императора по армии. Однако в специальном сообщении, сделанном по приказу начальника штаба Ставки генерала М. В. Алексеева 8 марта 1917 г., которое, по существу, является официальным стенографическим отчетом о прощании Государя со Ставкой, нет **ни слова ни об отречении, ни о «верной службе» Временному правительству**: *«Господа, в течение полтора года, я работал с вами. Теперь по Воле Божьей и вследствие принятого мною решения, мне приходится расстаться с вами. Благодарю вас за усердную работу со мной и призываю вас работать на пользу всеми нами любимой родины и бороться с врагом до полного его изгнания из пределов России»*^[1944].

А ведь руководству Ставки было бы весьма выгодно упоминание о призыве Царя «служить Временному правитель-

ству». Алексеев мог бы подделать этот отчет так же, как он подделал «прощальный приказ». Но он это не сделал, и это лишний раз доказывает, что Государь такого призыва не произносил. Несомненно, что Государь не хотел, чтобы его имя ассоциировалось ни с отречением, ни с благословением Временного правительства.

2 марта 1917 г. в Пскове, в условиях страшной войны, в канун судьбоносного наступления русской армии, совершилась не имеющая примеров в истории измена, измена верхушки русского общества и верхушки армии своему Царю – Божьему Помазаннику, Верховному Главнокомандующему. Имена изменников хорошо известны. Эти люди, одетые во фраки и носившие золотые погоны с царскими вензелями, в марте оказали неоценимую услугу грядущему большевизму. Можно с уверенностью сказать, что злодеяние в подвале Ипатьевского дома подготавливалось в том числе и «февралистами», и то, что произошло 17 июля в Екатеринбурге, уходит своими корнями в события 2 марта во Пскове.

Несомненно, что одним из поводов убийства Императора Николая II и его Семьи стал страх тех, кто стоял за организацией подложного манифеста, что в случае обретения Императором свободы вскрыется вся ложь с отречением. Это сразу бы делало любую революционную власть в России полностью нелегитимной. Таким образом, убийство Государя стало неотвратимым после мартовского подлога.

Заговорщики, депутаты, капиталисты, генералы хорошо

знали, что предадут, знали, что лгут, знали, что подвергают Царя смертельной опасности. Какими обстоятельствами они руководствовались, становясь изменниками, как переживали эту измену, что с ними потом сделали их подельники по измене, представляет интерес, видимо, лишь для их биографов.

Но, конечно, не эти изменники останутся в памяти России. В ней навсегда останется великий Царский Подвиг, великая Царская Жертва, принесённая за Россию и за её народ. Невозможно представить, что переживал в те далёкие мартовские дни Император Николай II! Оставленный, преданный, не имеющий ни достоверных сведений, ни помощи, Государь постоянно ощущал ту огромную великую ответственность за судьбы страны и народа, которую он нёс перед Богом, Которому одному он был готов дать ответ за свои действия.

Чего стоили Государю эти псковские и могилёвские дни, хорошо видно из воспоминаний Ю. А. Ден: *«Когда мы вошли в красный салон, и свет упал на лицо Императора, я вздрогнула. В спальне, где освещение было тусклое, я его не сумела разглядеть, но сейчас я заметила, насколько Его Величество изменился. Смертельно бледное лицо покрыто множеством морщинок, виски совершенно седые, вокруг глаз синие круги. Он походил на старика»*^[1945].

Все события «отречения» – поединок Царя и «февралистов» 1917 года. До последнего момента Император Нико-

лай II надеялся отстоять свои священные права, а значит, отстоять законную власть. Он надеялся получить в этом поддержку от окружавших его людей, ждал от них исполнения священного долга верноподданных. Но тщетно. Кругом царили «измена, трусость, и обман». Доктор ист. наук Г. З. Иоффе писал: *«Подавить открыто революцию Николай II не мог. В Пскове он был “крепко” зажат своими генерал-адъютантами. Прямое противодействие им в условиях Пскова, где положение контролировал один из главных изменников Рузский, было практически невозможно. В белоэмигрантской среде можно найти утверждение, что, если бы Николай II, находясь в Пскове, обратился к войскам, среди них нашлись бы воинские части, верные царской власти. Однако практически он не имел такой возможности, хотя бы потому, что связь осуществлялась через штаб генерала Рузского. В соответствии с показаниями А. И. Гучкова Рузский прямо заявил Николаю II, что никаких воинских частей послать в Петроград не сможет»*^[1946].

Когда читаешь воспоминания членов царской свиты о событиях февраля 1917 г., то невольно поражаешься их беспомощности и обречённости. В этих условиях единственным, кто продолжал сопротивляться и отстаивать монархию, был сам Монарх. В 1927 г. в предисловии к сборнику «Отречение Николая II» большевик Михаил Кольцов писал: *«Где тряпка? Где сосулька? Где слабовольное ничтожество? В перепуганной толпе защитников трона мы видим только одного*

верного себе человека – самого Николая. Нет сомнения, единственным человеком, пытавшимся упорствовать в сохранении монархического режима, был сам Монарх. Спасал, отстаивал Царя один Царь. Не он погубил, его погубили»^[1947].

В 1613 г. русский народ целовал крест на верность Династии Романовых. После семи лет смуты XVII в., безвластия и иноземной интервенции русский народ нашёл в себе силы покаяться и призвать на царство Михаила Феодоровича Романова. В 1917 г. эту клятву русский народ нарушил и предал своего природного Царя в руки заклятых врагов. Предательство и отступничество охватили все слои русского общества: генералы спешили содрать с себя царские вензеля и надеть красные банты, поэты, писатели – скорее воспеть новую «свободную» власть «свободной» России, крестьянство – предвкушало передел земли, рабочие – свободу от фабрикантов. Святейший Синод почти в полном составе, за исключением владык Питирима (Окнова) и Макария (Невского), заявил, что «свершилась воля Божия» и призвал молиться за «благодарное Временное правительство». Все хотели освободиться от Царской Власти. Но какой будет власть новая, никто не думал. Получилось так, что через несколько дней исчезла вообще любая власть: узурпаторское Временное правительство меньше чем за месяц сломало все старые институты власти, судебную систему, упразднило полицию, дезорганизовало армию, начало новые притеснения против Церкви. Была упразднена и Государствен-

ная дума, именем которой был совершён переворот. Её работа, прерванная Указом Государя от 27 февраля 1917 г., никогда больше не возобновлялась в полном объёме. 6 октября 1917 г. Временное правительство окончательно распустило Думу в связи с подготовкой выборов в Учредительное собрание. 1 сентября 1917 г. Керенский незаконно самолично провозгласил Россию республикой, а себя министром-председателем и верховным главнокомандующим, совершив тем самым окончательную узурпацию власти, установив в России собственную диктатуру. Эта диктатура была слаба и ничтожна, она продержалась недолго, и на смену ей пришла диктатура страшная и античеловеческая. Но диктатура Временного правительства свидетельствовала о полном беззаконии совершённого в марте 1917 г. Генерал П. Н. Врангель отмечал: *«С падением Царя пала сама идея власти, в понятии русского народа исчезли все связывающие его обязательства. При этом власть и эти обязательства не могли быть ничем заменены»*^[1948]. В этих условиях Император Николай Александрович насильственно царствовать над народом, не желавшим больше признавать его своим государем, не мог. Однако это вовсе не означает, что он добровольно отказался от власти в пользу заговорщиков. Нет, Император Николай II до конца остался верен присяге, данной им в Кремле во время священного коронования. 2 марта Царь был насильственно, без его ведома, лишён короны. Он был поставлен заговорщиками перед свершившимся фактом. Узнав об этом, Ни-

колай II воспринял этот факт как Волю Божию, сопротивляться Которой он не мог. Христоподрожательный подвиг Императора Николая II заключался не в том, что он подписал преступный документ, навязанный ему заговорщиками, а в том, что он, сопротивляясь этим заговорщикам до конца, не стал сопротивляться Воле Божией. Николай II предпочёл заточение и мученическую смерть, и даже гибель своей Семьи, участию в братоубийственной войне и беззаконии. Царь, вслед за Спасителем, Которого нечистый дух соблазнял поклониться ему, обещая все блага мира, отвечал сатане: *«Изыди от Мене сатано: писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишия и тому единому послужиши»* (Мф. 4: 9).

Протоиерей Александр Шаргунов очень верно выразил суть подвига Императора Николая II: *«Когда в силу страшных обстоятельств (“кругом измена, и трусость, и обман”) стало ясно, что он не может исполнять долг Царского служения по всем требованиям христианской совести, он безропотно, как Христос в Гефсимании, принял волю Божию о себе и России»*^[1949].

Государь не собирался бороться за возвращение к власти. Он действительно отказался от неё. Николай II сделал все, чтобы сохранить свою власть земную. Осознав невозможность этого, он смиренно передал ее Богу. Явление 2 марта 1917 г. иконы Пресвятой Богородицы Державной знаменовало, что Господь эту передачу принял. Император Николай II

вступил на скорбный путь мученичества и обрёл на этом пути венец Небесный. Генерал Л. П. Решетников отмечает: «2 марта 1917 г. в занесённом пургой Пскове не Государь Николай Александрович отрёкся от престола – большая часть России не захотела иметь Царя. Николай II лишь склонился перед Волей Божьей, в точности как это сделал пророк Самуил, когда народ больше не захотел видеть его судьёй: “И сказал Господь пророку Самуилу: послушай голоса народа во всём, что они говорят тебе, ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтобы Я не царствовал над ними” (1 Цар. 8: 7–18)»^[1950].

Когда Государь сел в Могилёве в поезд, то заметил несколько гимназисток, которые стояли на платформе, пытаясь увидеть Императора. Государь подошел к окну. Заметив его, гимназистки заплакали и стали показывать знаками, чтобы Государь им что-нибудь написал. Николай II написал на бумаге свое имя и передал девочкам, которые продолжали стоять на перроне, несмотря на сильный мороз, до самого отправления поезда^[1951]. Одна женщина со слезами на глазах обратилась к Императору со словами: «*Не уезжай, Батюшка! Ты – слава и надежда нашей Родины. Ты еще поведешь наши войска к победе!*»^[1952]

Утром 9 марта 1917 г. Императорский поезд в последний раз доставил Государя в Царское Село. В поезде Николай II простился с членами свиты. После остановки состава многие свитские поспешно покинули его, стремясь как

можно быстрее оставить свергнутого Монарха, пребывание возле которого становилось небезопасным для их благополучия. Государь, в черкеске 6-го Кубанского казачьего пластунского батальона с орденом Св. Георгия на груди, молча вышел из вагона и поспешно сел в автомобиль в сопровождении князя В. А. Долгорукова. Через некоторое время автомобиль, сопровождаемый конвоем, остановился перед воротами Александровского дворца. Ворота были заперты, никто не спешил их открывать. Наконец через несколько минут вышел какой-то прапорщик и громким голосом произнес: «Открыть ворота бывшему царю!» Часовые раскрыли ворота, автомобиль въехал, и ворота захлопнулись. Царствование Императора Николая II закончилось – начался Крестный Путь Царя-Мученика.

Часть IV. Мученичество

Глава 1. Царская Семья в Александровском дворце (март – август 1917 г.)

Император Николай II фактически был лишён свободы 1 марта, когда его поезд насильственно был направлен из Дно на Псков. Затем, так же насильственно, Государь был направлен в подконтрольную временщикам Ставку, где он находился до тех пор, пока в Петрограде свержению монархии не был придан вид «добровольного» отречения. Когда 5 марта Государю наконец разрешили позвонить в Александровский дворец, он в разговоре с Императрицей сказал: «*Я думал, что смогу приехать к вам, но меня **не пускают***»^[1953]. Ранним утром 28 февраля в Петрограде, в квартире княгини О. П. Путятиной на Миллионной улице, фактически был лишён свободы передвижения Великий Князь Михаил Александрович. 1 марта в Царском Селе были лишены свободы передвижения Императрица Александра Феодоровна и Дети.

8 марта в Могилев прибыли четыре думских депутата для ареста Государя. В телеграмме князя Львова сообщалось,

что они будут сопровождать Государя в Царское Село, как главу правительства, отказавшегося от власти, и что эта их командировка означает проявление внимания к Государю. Однако это была ложь. Как только Николай II сел в поезд, эти лица объявили ему через генерал-адъютанта Алексеева, еще накануне осведомленного об истинной цели их приезда, что он арестован. В. Д. Набоков, оценивая арест Государя, писал, что у Временного правительства не было для этого *«никаких оснований – ни формальных, ни по существу. Отречение его не было формально вынужденным. Подвергать его ответственности за те или иные поступки в качестве Императора было бы бессмыслицей и противоречило бы аксиомам государственного права»*^[1954]. Того же 8 марта генералом Л. Г. Корниловым в Александровском дворце Царского Села были арестованы Государыня и Дети. Несмотря на то, что позднее поклонники этого несостоявшегося диктатора пытались и пытаются отмыть его от этого позорного поступка, наиболее достоверными представляются воспоминания поручика 4-го Царскосельского стрелкового полка К. Н. Кологривова, состоявшего в Сводно-Гвардейском полку. По его словам, генерал Корнилов, с красным бантом на груди, в сопровождении А. И. Гучкова, только что ставшего военным министром, потребовал немедленно разбудить *«бывшую Царицу»*. Подойдя к Корнилову и не подавая руки, Императрица Александра Феодоровна спросила: *“Что Вам нужно, генерал?”*. Корнилов вытянулся и в почтительном

тоне, что резко контрастировало с его предшествующей манерой держать себя, сказал: “Ваше Императорское Величество... Вам неизвестно, что происходит в Петрограде и в Царском... Мне очень тяжело и неприятно Вам докладывать, но для Вашей же безопасности я принужден Вас...” и замаялся. Императрица перебила его: “Мне все очень хорошо известно. Вы пришли меня арестовать?” – “Так точно”, – ответил Корнилов. “Больше ничего?” – “Ничего”. Не говоря более ни слова, Императрица повернулась и ушла в свои покои. Через несколько минут Дворец покинула и делегация. Императрица была возмущена этим и искренне недоумевала, почему это поручение выполнил именно Корнилов, облагодетельствованный Государем»^[1955].

Вышеприведенные строки подтверждаются и воспоминаниями генерал-майора барона К. Г. Маннергейма в бытность его главой независимой Финляндии: «Я как сейчас помню слова Её Величества, обращенные ко мне: “Я поняла и понимаю, барон, ненависть к нам Гучкова, Керенского и других, но за что нас так ненавидят такие люди, как генерал Корнилов, которого так обласкал Ники? Вы знаете, барон, меня давно, и знаете, что я умею держать себя в руках, но в тот час, когда генерал Корнилов с красным бантом рядом с пожалованным ему Ники орденом Св. Георгия вошел ко мне и сказал мне: “Гражданка Александра Феодоровна Романова, встаньте и выслушайте повеление Временного правительства”, – у меня потемнело в глазах”. И тут на глазах Им-

ператрицы появились слезы»^[1956].

Выйдя от Императрицы, Корнилов объявил, что все окружающие Царскую Семью могут по собственной воле при ней остаться. Кто же не хочет, волен уйти. На принятие решения им было дано два дня, после которых для остающихся вместе с Царской Семьей наступал арест. Государыня сохранила полное спокойствие в отношении своего будущего. Её беспокоила только судьба Супруга и России. Когда Ю. Ден в порыве эмоций сказала: «Я ненавижу Россию» – Императрица Александра Феодоровна резко ей ответила: *«Не смейте говорить этого, Лили. Вы причиняете мне боль... Если Вы меня любите, не говорите никогда, что вы ненавидите Россию. Не надо осуждать людей. Они не ведают, что творят»*^[1957]. 7 марта Императрица уничтожила большую часть своих дневников и писем ей Государя. Ю. А. Ден вспоминала: *«На столе стоял большой дубовый сундук. В нем хранились все письма, написанные Государем Императрице во время их помолвки и супружеской жизни. Я не смела смотреть, как Она разглядывает письма, которые так много значили для нее. Мне кажется, что некоторые Она перечитывала. Я слышала сдавленные рыдания и стоны, какие вырываются из груди, когда болит душа. Многие из писем были получены Ею еще до того, как Она стала Женой и Матерью. Это были любовные письма от Мужчины, который любил Ее беззаветно и преданно и по-прежнему любит той любовью, которой Он пылал в юности, ушедшей навсегда. Государыня*

поднялась с кресла и, плача, одно за другим бросала письма в огонь. Какое-то мгновение бумага алела, словно пытаясь оставить свой пламенный след в душе, затем блекла и превращалась в кучку белого пепла...»^[1958] Ю. А. Ден свидетельствует, что сожжение личных бумаг Императрицы, включая дневники и письма, продолжалось три дня. В этой связи в который раз возникает вопрос: чьи письма мы читаем в разного рода «переписках Николая и Александры Романовых»? Не их ли большевистских фальсификаторов?

8 марта Императрица Александра Феодоровна попросила Пьера Жильяра сообщить Цесаревичу о том, что его отец больше не царствует. Когда Жильяр сказал об этом Алексею Николаевичу и добавил, что его дядя Великий Князь Михаил Александрович также отказался принимать престол, мальчик спросил: *«Если нет больше Царя, кто же будет править Россией?»* При этом Жильяр был поражен, что Наследник не произнес *«ни слова о себе, ни намек на свои права. Он сильно покраснел и был взволнован. Я еще раз был поражен скромностью этого ребенка»*^[1959].

9 марта 1917 г., в четверг, Государь был доставлен в Царское Село. На перроне вокзала его встретил полковник Е. С. Кобылинский, назначенный генералом Л. Г. Корниловым новым начальником царскосельского караула. Здесь же был выстроен взвод 1-го Стрелкового запасного батальона со своим командиром капитаном Ф. В. Аксютой и взвод Запасного батальона стрелков Императорской Фамилии с коман-

диром штабс-капитаном Н. А. Апухтиным. Государь поздоровался с Аксютой: «Здравствуйте», на что тот демонстративно-вызывающе ответил: «Здравствуйте, господин полковник». Апухтин отошел в сторону, чтобы не отвечать подобным образом^[1960]. Когда Государь вышел из вагона, лица Свиты «посыпались на перрон и стали быстро разбегаться в разные стороны, озираясь по сторонам, видимо, проникнутые чувством страха, что их узнают»^[1961]. Среди них был близкий друг детства Николая II, начальник Военно-походной канцелярии генерал-майор К. А. Нарышкин, командир железнодорожного батальона генерал-майор С. А. Цабель и другие. Из многочисленных приближенных, приехавших вместе с Государем, только один гофмаршал князь В. А. Долгоруков пожелал сопровождать его в Александровский дворец. Когда Николай II вышел из автомобиля возле крыльца дворца, стоявшие на крыльце офицеры с огромными красными бантами не отдали ему честь. Государь им честь отдал. В своём дневнике Николай II записал: «Скоро и благополучно прибыл в Царское Село – в 11 ½ ч. Но, Боже, какая разница, на улице и кругом дворца внутри парка часовые, а внутри подъезда какие-то прапорищики! Пошёл наверх и там увидел душку Аликс и дорогих детей»^[1962]. Камердинер А. А. Волков вспоминал, что встреча Государя и Государыни произошла на детской половине: «С улыбочкой они обнялись, поцеловались и пошли к детям»^[1963]. Но комнатная девушка А. С. Демидова рассказывала, что, оставшись друг с другом, Госу-

дарь и Государыня разрыдались^[1964].

Что заставило Временное правительство пойти на незаконный арест и почему Царская Семья не была им вывезена за границу, что, безусловно, спасло бы её от убийства? Желая оправдать свои действия, Керенский, уже в эмиграции, пытался представить дело так, будто бы стремление к республике в народе было повсеместным, а имя Государя полностью скомпрометировано. Керенский писал, что *«личность Николая II совершенно не внушала каких-либо опасений Временному правительству. Он настолько был кончен, что его личность как политическая величина, совершенно не существовала, и Временное правительство не интересовалось им»*^[1965]. Это утверждение Керенского ложно изначально. Если бы для Временного правительства Николай II не существовал как «политическая величина», то и никакой мотивации для его ареста не было бы.

В связи с этим многочисленные источники приводят записку Государя Временному правительству о «гарантиях». Архивный источник при этом не указывается. В «Красном архиве» за 1927 г. приводится несколько документов, связанных с этим вопросом. Первый документ называется запиской Императора Николая II Временному правительству. В записке говорится: *«Потребовать от Временного правительства следующие гарантии. 1) О беспрепятственном проезде моём с лицами, меня сопровождающими, в Царское Село. 2) О безопасном пребывании в Царском Селе до выздо-*

ровления детей с теми же лицами. 3) *О беспрепятственном проезде до Романова на Мурмане с теми же лицами.* 4) *О приезде по окончании войны в Россию для постоянного жительства в Крыму – в Ливадии»*^[1966].

В примечании к этой записке редакция «Красного архива» сообщала: «Записка б. царя написана карандашом на осьмушке писчей бумаги. Она вложена в пакет с надписью, сделанной, по-видимому, Лукомским: “Подлинная записка отрёкшегося от престола императора Николая II, посланная им генералу Алексееву, для сношения с Временным правительством. <...> Записка без подписи, писана карандашом”»^[1967].

4 марта 1917 г. генерал М. В. Алексеев отправил главе Временного правительства Г. Е. Львову следующую телеграмму: «Отказавшийся от престола Император просит моего сношения с вами по следующим вопросам. Первое. Разрешить беспрепятственный проезд его с сопровождающими лицами в Царское Село, где находится его больная семья. Второе. Обеспечить безопасное пребывание его и семьи с теми же лицами в Царском Селе до выздоровления детей. Третье. Предоставить и обеспечить беспрепятственный проезд ему и его семье до Романова на Мурмане с теми же лицами. Доводя до сведения Вашего Сиятельства обращённую ко мне просьбу, настоятельно ходатайствую о скорейшем решении правительства указанных вопросов, что особенно важно для штаба верховного главнокомандующего, как и для

самого отрѣкшегося Императора»^[1968].

Как видно, из телеграммы генерала Алексеева исчезло требование о возвращении Царской Семьи в Россию после войны для местожительства в Ливадии. Причина, по которой Алексеев самочинно правил записку Государя, не понятна, как, впрочем, и мотивы ее написания Государем, авторство которого остаётся под большим вопросом. Подлинника этого документа обнаружить не удалось в фондах РГВИА, куда он попал согласно «Красному архиву». Но в любом случае, была ли эта записка написана Николаем II, или это было очередное «творчество» генерала Алексеева, она давала Временному правительству прекрасный повод для отправки Царской Семьи за границу. 6 марта оно постановило: *«Принять все меры, имеющиеся в его распоряжении: обеспечить беспрепятственный приезд в Царское Село, пребывание в Царском Селе и проезд до Романова на Мурмане»*^[1969]. Однако в Ставку от Г. Е. Львова пришло лишь согласие Временного правительства *«на проезд Его Величества в Царское Село и пребывания там до дальнейшего отъезда»*^[1970].

Уже накануне заседания Временного правительства, 5 марта, французскому послу Морису Палеологу было известно не только о записке, но и о решении Временного правительства. Посол отправил Полю Камбону телеграмму, в которой писал: *«“Николай Романов”, так теперь на официальном языке и в газетах называют Императора Всероссийского, попросил Временное правительство [далее следуют*

три требования, изложенные в «записке» Государя, без четвертого требования о возвращении в Россию после войны]. *Временное правительство удовлетворило эти три просьбы. Третья просьба позволяет предполагать, что Император предполагает укрыться в Англии*»^[1971].

Предполагаемая отправка Августейшей Семьи за границу стала бы насилием над ней, так как Государь и Государыня не желали оставлять Россию. Император Николай II заявлял, что он лучше поедет в самый дальний конец Сибири, чем покинет родину. Ю. Ден писала, что Императору Николаю II и Императрице Александре Феодоровне *«претила всякая дешевая реклама и популярность; оба полагали, что долг каждого русского оставаться в России и вместе смотреть в лицо опасности»*^[1972].

Императрица Александра Федоровна говорила графине А. В. Гендриковой: *«Меня угнетает мысль о нашем скором отъезде за границу. Покинуть Россию мне будет бесконечно тяжело. Хоть я не русской родилась, но сделалась ею. Даже теперь, несмотря на все, что мы испытываем, я русский народ не виню и продолжаю всею душой любить и жалеть. Он обманут, этот несчастный народ, и сам страдает, и сколько ещё будет страдать. Чем жить где-нибудь в Англии, в королевском замке, на положении почётных изгнанников, я предпочла бы, чтобы нам дали какой-нибудь маленький, безвестный уголок земли, но здесь, у нас в России»*^[1973].

Когда Императрице предложили написать письмо английской королеве с просьбой о помощи, она ответила, что ей просить королеву не о чем. На аналогичное предложение англичанина А. Стопфорда написать письмо Георгу V Государыня сказала: *«Я не могу этого сделать. Что я могу сказать в этом письме? Я слишком обижена и оскорблена поведением моей страны. Но и в этом я не могу осуждать Россию. Кроме того, Государь особенно встревожен. Он очень опасается, что его отречение и наступившая смута могут сорвать великое наступление»*^[1974].

Тем не менее немедленная отправка Царя либо за границу, либо в безопасный регион России, например в Крым, отвечала не только интересам безопасности Царской Семьи, но и интересам Временного правительства. Но последнее изначально стремилось к пленению Императора Николая II. Когда адвокат Н. П. Карабчевский прямо спросил Керенского, почему Временное правительство не препроводит Императора Николая II *«немедленно с семьей за границу, чтобы раз навсегда оградить его от унижительных мытарств?»*, то тот, промолчав, не сразу неохотно ответил: *«Это очень сложно, сложнее, нежели вы думаете»*^[1975].

7 марта 1917 г. в Москве Керенский выступил с речью на заседании Совета. По сообщениям газет, на вопрос из зала, где Романовы, Керенский ответил: *«“Николай II покинут всеми, и просит покровительства у Временного правительства... Я, как генерал-прокурор, держу судьбу его и всей ди-*

настиши в своих руках. Но наша удивительная революция была начата бескровно, и я не хочу быть Маратом русской революции... В особом поезде я отвезу Николая II в определенную гавань и отправлю его в Англию... Дайте мне на это власть и полномочия". Новые овалы, и Керенский покидает собрание»^[1976].

Эсер А. В. Геденовский, присутствовавший на собрании, позднее вспоминал, что именно последние слова Керенского *«вызвали целую овацию»^[1977]*. Как справедливо замечал С. П. Мельгунов: *«Никаких кровавых лозунгов в смысле расправы с Династией никто (разве только отдельные, большие безымянные демагоги) в первые дни в массу не бросал»^[1978]*.

Тем не менее на следующий день, 8 марта 1917 г., Государь был арестован. Таким образом, не прошло и суток после того, как Керенский громогласно заверял, что он «отвезёт Царя в Мурманск», как Царская Семья была лишена свободы.

Керенский утверждал, что вывезти Царскую Семью за границу не дал Петроградский совет. Однако следует учесть, что и Временное правительство, и Петроградский совет находились под сильным влиянием «Великого Востока народов России», который руководил их взаимодействием. По сведениям члена ВВНР А. Я. Гальперина, тайный единый масонский центр крепко держал *«под своим негласным контролем и Временное правительство, и Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов»^[1979]*. В. В. Кожинов писал,

что пресловутое двоевластие на деле *«было весьма относительным, в сущности даже показным: и в правительстве, и в Совете управляли люди “одной команды”»*^[1980]. В подтверждение этого достаточно сказать, что Керенский и Чхеидзе были избраны в состав верховного совета ВВНР одновременно на общем заседании^[1981]. Разногласия между Временным правительством и Исполкомом совета носили в марте 1917 г. непринципиальный характер и легко могли быть улажены руководством ВВНР. Тем более когда дело касалось свергнутого Императора и членов его Семьи. Член Временного правительства Н. Н. Суханов фактически подтверждал это, когда говорил, что *«не стоило большого труда чтобы смягчить решение Исполн. Ком.»*^[1982]

Лишив Царскую Семью свободы, Керенский обрёл её на мученический путь, окончившийся подвалом Ипатьевского Дома. Это подтверждал и Набоков, который писал, что арестом Государя и заключением его в Царском Селе завязан был узел, который *«16 июля в Екатеринбурге был разрублен “товарищем” Белобородовым»*^[1983].

Таким образом, следует признать, что мотивы, которыми руководствовалось Временное правительство в отношении Царской Семьи, были далеки от стремления облегчения её участи. Чем же руководствовалось Временное правительство, подвергая аресту Царскую Семью?

П. Н. Милюков в своих показаниях следователю Н. А. Соколову говорил, что решение об отправке Царской Семьи за

границу было принято на секретном заседании и протоколы этого заседания не велись. Милюков фактически подтверждал, что решение о высылке было сделано в согласии с английским послом сэром Дж. Бьюкененом, причём тот *«говорил о присылке английского крейсера, на котором могла бы уехать Царская Семья»*^[1984]. Милюков утверждал, что слова Бьюкенена были подтверждены *«письмом, как это обыкновенно было принято при дипломатических сношениях»*^[1985]. Но когда через некоторое время Милюков вновь поднял перед Бьюкененом вопрос об отъезде Царской Семьи, то посол дал понять, что его правительство *«“больше не настаивает” об отъезде Семьи в Англию»*^[1986].

Дж. Бьюкенен в свою очередь опровергал Милюкова, указывая, что в Лондоне немедленно согласились на просьбу Временного правительства о предоставлении убежища Царской Семье. Бьюкенен уверял, что английское правительство побуждало Временное правительство *«сделать необходимые приготовления для путешествия в порт Романов»*. Причём, по утверждению английского посла, *«наше предложение оставалось открытым и никогда не было взято назад»*. Ответственность за то, что Царскую Семью не удалось вывезти в Англию, Бьюкенен полностью возлагал на Временное правительство, которому *«не удалось преодолеть противодействие Совета»*^[1987].

Следует отметить, что в те дни Дж. Бьюкенен имел весьма сильное влияние на Временное правительство, проводя в по-

сольстве совещания с Керенским, Львовым, Церетели, Терещенко, на которых обсуждался вопрос об отправке Царской Семьи в Англию^[1988]. Таким образом, Керенский не мог решать вопрос об отправке Царской Семьи без Бьюкенена. Поэтому распространённое мнение, что Временное правительство обманывало англичан и сознательно затягивало отправку Царской Семьи в Англию, является неверным. Наоборот, определенные влиятельные силы в английском правительстве противодействовали отправке Государя в Великобританию и предоставили Временному правительству самому придумывать объяснения содержания Царской Семьи под стражей. Доказательством этому служат воспоминания весьма осведомленного князя А. П. Щербатова, который в своих мемуарах сообщает: *«Действительно, переговоры с Англией об отправке семьи к двоюродному брату Николая II, королю Георгу V, имели место, но резко негативную роль сыграл британский премьер Ллойд-Джордж. В марте 1917 года в войну на стороне Антанты вступила Америка, и Лондон очень дорожил хорошими отношениями с новым союзником. Дело в том, что из США в адрес английского правительства потоками шли письма от влиятельных американцев-евреев (политиков, представителей капитала) с требованием не принимать на Альбионе бывшего русского Самодержца. Об этом мне потом рассказывал тогдашний американский посол в Англии мистер Дэвис. В итоге Ллойд-Джордж, во избежание осложнений с Вашингтоном и опасаясь, что эми-*

грация Николая II дестабилизирует обстановку в России, ослабив ее в борьбе с Германией, направил Керенскому шифровку. В ней уведомлялось, что приезд низложенного российского императора в Великобританию сейчас крайне нежелателен»^[1989].

Для того, чтобы снять ответственность с Лондона, Керенский и придумал «кроважадный» Совет, который никак не давал «благородному» Временному правительству отпустить Царскую Семью за границу. В свою очередь руководство Совета успешно играло свою роль. Уже 6 марта председатель исполкома Н. С. Чхеидзе провёл переговоры с Временным правительством относительно ареста представителей Дома Романовых. Временное правительство тянуло с ответом, так как в свою очередь ждало ответа из Лондона о готовности британского правительства принять у себя Царскую Семью. В результате оно получило оттуда отказ и, по всей вероятности, указание содержать Царскую Семью под арестом. Правящие круги Великобритании, Франции и США приняли активную роль в низложении Императора Николая II. Глава французской военной миссии при ставке Николая II дивизионный генерал Морис Жанен в 1920 г. в телеграмме французскому верховному комиссару Сибири Роже Могра сделал интересное признание. Объясняя причины фактической выдачи адмирала А. В. Колчака большевистским силам и тем самым обрекая адмирала на неминуемую гибель, французский генерал писал, что Колчак «*был*

передан комиссарам временного правительства⁹, так же как это было сделано с Царём, которого французский посол мне персонально запретил защищать»^[1990]. То есть Жанен недвусмысленно давал понять, что в марте 1917 г. именно французская сторона сыграла ведущую роль в выдаче Императора Николая II Временному правительству.

Что же касается правящих кругов Соединённых Штатов, то мы видим не просто отстраненность от судьбы свергнутого Императора, но крайне враждебное отношение ко всем представителям Дома Романовых. 19 марта 1917 г. посол США в России Р. Френсис отправил государственно-му секретарю Р. Лансингу следующую телеграмму: *«Порядок сохраняется по-прежнему. Приняты все меры, чтобы не допустить никаких претензий на трон, как со стороны великого князя Михаила, представляющего прямое наследование после отречения царя и царевица, так и сделать тщетной всякую попытку сохранить имперскую преемственность вплоть до “people act”»*^[1991]. Это последнее выражение *“people act”* означает не что иное, как физическое устранение любого потенциального претендента на русский престол, если тот выразит готовность его занять.

Таким образом, мы видим, что действия Англии, Франции и Соединенных Штатов Америки в отношении Царской Семьи носили слаженный характер и отличались сознательной враждебностью в отношении нее.

⁹ Иркутского временного правительства. – Примеч. Авт.

Американский профессор князь А. П. Щербатов в своих воспоминаниях осветил истинные мотивы ареста Царской Семьи. Щербатов хорошо знал Керенского и служил в американской военной разведке. В своём интервью князь привёл свои беседы с Керенским. *«Меня, – говорил А. П. Щербатов, – в первую очередь интересовало, как принималось решение об аресте Государя и членов Царской Семьи, и была ли хоть какая-то возможность избавить их от того страшного пути, который завершился подвалом Ипатьевского Дома в Екатеринбурге»*. Керенский долго избегал обсуждать эту тему. Наконец, на прямой вопрос Щербатова он ответил: *«Решение об аресте Царской Семьи вынесла наша Ложка»*^[1992].

Итак, истинные причины ареста Государя и невозможности его выезда за пределы России заключались не во внутриполитической ситуации в России, а обуславливались определенными масонскими планами в отношении Императора Николая II и его Семьи. Получив карт-бланш для решения их участи от Лондона и Парижа, революционные власти лишили её свободы. Всё это было обставлено целым рядом показательных демонстраций и митингов, на которых звучали призывы к расправе с Царской Семьей, а также оголтелой клеветой на Государя и Государыню. Все чаще раздавались требования заключить *«Николая Кровавого в Петропавловскую крепость»*. С новой силой зазвучали призывы к царевубийству.

С первых же дней заточения в отношении Царской Семьи стали предприниматься подстрекательские и хулиганские действия. Ю. М. Ломан вспоминал, что в первые же дни после ареста Государя он возле дворцовой ограды *«увидел убитую собаку – колли. Раньше я видел, как Царь гулял с этой собакой по парку. Убитая собака произвела на меня большее впечатление, чем все вместе взятые события последних дней»*^[1993]. А. А. Вырубова: *«В первый вечер, после перехода дворца в руки революционных солдат, мы слышали стрельбу под окнами. Камердинер Волков пришел с докладом, что солдаты забавляются охотой в парке на любимых коз Государя»*^[1994].

В начале Царскосельского заключения Государь свободно гулял по парку, занимался физическими упражнениями, чистил снег, колол лёд. Часто с Государем были его дети. Государыня писала по этому поводу М. М. Сыробоярской: *«Физическая работа для Государя необходима, с детства к этому привык. С покойным Отцом вместе лес пилили и рубили, так Он и теперь со своими людьми делает. Иногда, если хорошие солдаты, то помогают нести дрова. Теперь у Него есть много времени читать, что последние годы редко удавалось. Он страшно историческую и военную литературу любит, но трудно после стольких лет быть без бумаг, телеграмм, писем... С покорностью, без ропота все переносить, Его касающееся, но как за Родину страдает... за Армию»*^[1995].

Собиравшаяся возле ограды толпа наблюдала за ними. Отношение к Государю и его Семье было в целом доброжелательное. *«Нормально толпа, – писал генерал М. К. Дитерихс, – смотрела, делала свои замечания, делилась между собою мыслями и впечатлениями, совершенно не повышая голоса, не хулигальничая и не стремясь, чтобы ее слова долетали до Арестованных»*^[1996].

Для революционной власти было важно скрыть Царскую Семью от глаз народа. Так же она будет скрывать её в Тобольске, а потом и в Ипатьевском Доме. Каждый раз для того, чтобы ужесточить положение Царской Семьи, революционные власти прибегали к провокации. 2 апреля, когда Государь рубил на прудке возле дворца лёд, возле решётки собралась большая толпа. В ней стали раздаваться угрозы по адресу продолжавшего работать Царя. Появились *«ишьняющие типы, старавшиеся незаметно перебежать от одной группы собравшихся “товарищей” к другой и подстрекавшие их на производство насилия над Государем»*. Некоторые из этих «типов» стали лезть на ограду, пытаясь проникнуть в парк. При этом большая часть толпы не сочувствовала провокаторам, но и не пыталась их остановить. Охрана Царской Семьи *«поспешила к ограде, где, угрожая штыками и прикладами, стала сгонять чрезмерно разгорячившихся “товарищей”*. Возбужденных агитаторами лиц было, однако, такое значительное количество, что комендант, из-за опасения осложнений и не вполне уверенный за стойкость и по-

виновение ему охраны, просил Государя уйти с прудка, расположенного слишком близко к ограде. Только тогда Государь повернулся к толпе, и, окинув её спокойным взглядом, ответил: «Я не боюсь их. Эти честные люди Меня совсем не стесняют». Но комендант настаивал, и тогда Государь, не желая причинять лишней заботы Его охране, покорился и ушел. <...> Последствием этого эпизода было то, что район прогулок Царской Семьи в парке был ограничен, дабы Их не было видно с улицы»^[1997]. Этот случай нашел отражение в дневнике Государя: «Днем начал работать у моста, но вскоре собралась большая толпа зевак за решеткой – пришлось уйти и скучно провести остальное время в саду»^[1998].

Государь много работал в саду, особенно когда наступили весенние дни. Выносливость Николая II производила большое впечатление на солдат охраны. Один из них сказал: «Ведь, если ему дать кусок земли, и чтобы он сам на нем работал, так скоро опять всю Россию заработает»^[1999]. Некоторые офицеры и солдаты охраны вели себя по отношению к Государю самым неподобающим образом. Государь был ограничен в прогулках по парку, охранники при нём демонстративно курили, держали руки в карманах, обращались к нему исключительно «господин полковник». Ю. А. Ден вспоминала, как Государь в первый день своего пребывания в Александровском дворце вышел погулять в парк. «Вдруг словно из-под земли появился часовой и заявил Императору, что ему нельзя идти в этом направлении.

Государь махнул рукой, но повиновался и пошел назад. Но тут произошло то же самое: другой часовой преградил ему путь, а какой-то “офицер” стал объяснять Государю, что поскольку он находится на положении арестанта, то и прогулка должна быть такой же, как в тюремном дворе!»^[2000]

Т. Е. Мельник (Боткина) вспоминала: «Охрану несли стрелки запасных батальонов, преимущественно с прикомандированными офицерами. Один из этих офицеров во время прогулки Государя по парку нарочно наступил ему на пятку. Государь, не оборачиваясь, в тот же момент, с такой силой дал размах назад своей тросточке, что ни этот, ни другие не пробовали больше таких выходов»^[2001].

Пьер Жильяр писал в своём дневнике, что «когда мы возвращались во дворец после нашей прогулки, часовой перед дверью остановил Государя словами: – “Господин полковник, здесь проходить нельзя”»^[2002]. Государь говорил: «Это ведь глупо полагать, что их поведение покалечит мне душу. До чего же это мелко – они пытаются унижить меня, называя “полковником”. В конце концов, это очень почётная должность»^[2003].

Со стороны властей постоянно делались попытки морального и психологического давления на Царскую Семью. 18 апреля 1917 г. на пересечении двух аллей, хорошо просматриваемого из Александровского дворца, революционеры устроили похороны солдат, погибших в февральские дни. Примечательно, что похороны были устроены Временным

правительством в Страстную Пятницу, и Государь просил их перенести на другой день, но ему было в этом отказано. Возле этой могилы постоянно проходили митинги и шествия революционных толп, сопровождавшихся траурными мелодиями, особенно Похоронным маршем Ф. Шопена. Император Николай II писал, уже из Тобольска, своей сестре Великой Княгине Ксении Александровне: *«Из-за этих церемоний нас выпускали гулять позже обыкновенного, пока они не покидали парк. Этот несносный Похор.[онный] марш преследовал нас потом долго и невольно мы посвистывали и попевали его до полного одурения»*^[2004]. В дневнике Государя этот случай нашел следующее отражение: *«За границей 1-е мая, поэтому наши болваны решили отпраздновать этот день шествиями по улицам с хорами музыки и красными флагами. Очевидно, они вошли к нам в парк и принесли венки на могилу! Погода как раз испортилась ко времени этого чествования – пошёл густой мокрый снег»!*^[2005]

15 марта у Великой Княжны Марии Николаевны началось воспаление левого легкого. Состояние больной было тяжёлое^[2006]. Был приглашён врач со стороны. Руководство охраны потребовало, чтобы на осмотр присутствовали офицер и двое солдат^[2007]. Государь писал об этом Великой Княгине Ксении Александровне^[2008].

По мере выздоровления Детей Государь читал им вслух книги, постепенно начались и уроки. Государыня преподавала Детям Закон Божий, Государь Цесаревичу – геогра-

фию и историю, Великая Княжна Ольга Николаевна своим младшим сестрам и брату – английский язык, Е. А. Шнейдер Великим Княжнам и Наследнику – арифметику и русскую грамматику, графиня А. В. Гендрикова Великой Княжне Татьяне Николаевне – историю, доктор В. Н. Деревенко Цесаревичу Алексею Николаевичу – естествознание, доктор Е. С. Боткин всем Детям – русское чтение. Алексей Николаевич очень любил стихи Лермонтова, которых он знал великое множество.

21 марта в Александровский дворец впервые прибыл А. Ф. Керенский, официально *«с целью ознакомиться на месте с порядком как внутренней, так и внешней охраны и порядком содержания под стражей бывшего Императора и его семьи»*^[2009]. Прибыл Керенский в Царское Село на одном из личных автомобилей Государя, с шофером из Императорского гаража^[2010]. Он подъехал ко дворцу через главные ворота, которые были поспешно распахнуты казаками Государева конвоя, теми самыми, что еще совсем недавно распахивали эти ворота перед Императором. Любопытная толпа как обычно смотрела, что происходит во дворе. *«Какая красивая машина у Керенского»*, – сказал кто-то из толпы. В этот момент рядом с воротами находился Цесаревич Алексей Николаевич. Услышав эти слова, он ответил: *«Зачем вы так говорите? Это машина Папà»*^[2011].

Керенский об этой своей первой встрече вспоминал так: *«Я видел тогда Царя, Александру Федоровну и детей, по-*

знакомился с ними. Я был принят в одной из комнат детской половины. Свидание на этот раз было коротким. После обычных слов знакомства, я спросил их, не имеют ли они сделать мне, как представителю власти, каких-либо заявлений, передав им привет от английской королевской семьи и сказав несколько общих фраз успокоительного характера»^[2012]. До нас дошла одна из таких «успокоительных фраз», которую Керенский сказал Государю: «Вы знаете, что мне удалось провести отмену смертной казни? Я это сделал, несмотря на то, что многие мои товарищи погибли жертвами своих убеждений»^[2013].

На встрече с Государыней Керенский продолжал свои «утешения». Государыня потом рассказывала, что Керенский, «балагурия, передал ей о дебатах, происходивших в петроградских совдепских кругах по поводу необходимости перевести Царскую Семью в Петропавловскую крепость»^[2014]. Все очевидцы свидетельствуют, что, тем не менее, Керенский, когда покидал Александровский дворец, был смущён и растерян: «когда он уходил, важности нет, сконфуженный красный; он шел и вытирал пот с лица»^[2015]. Один из офицеров-тюремщиков, гвардейский поручик С. С. Гноинский, который перлюстрировал письма Царской Семьи, вспоминал, что «во время одного из посещений дворца тогда председателем совета министров Временного Правительства Керенским, последний во время беседы с Царём, заметил уроненный Царем носовой платок и невольно потянулся рукой

вниз, поднял платок и подал его Царю. Очевидно, и Керенский подпал по действию странного влияния, исходившего от этого скромного на вид человека»^[2016].

Имеются сведения, что Керенский был покорён личностью Государя и испытывал угрызения совести. Жена арестованного Императорского министра юстиции Н. А. Добровольского, к которой Керенский, с её слов, испытывал доверие, вспоминала, что в марте 1917 г. он пригласил ее поздно вечером к себе. Добровольская застала его нервно бегающим по кабинету. «Простите, что Вас побеспокоил, – сказал Керенский, – но мне необходимо было поделиться с Вами только что пережитыми впечатлениями, глубоко меня взволновавшими. Знаете ли, откуда я только что приехал? Из Царского Села, где я только что видел Императора и разговаривал с Ним. Какое несчастье случилось! Что мы наделали... Как могли, Его не зная, сделать то, что мы совершили. Понимаете ли, что я совершенно не того человека ожидал увидеть, какого увидел... Я уже давно приготовился к тому, как начну мой разговор с Царем: я собирался, прежде всего, назвать его “Николай Романов”... Но я увидел, Его, Он на меня посмотрел своими чудными глазами, и я вытянулся и сказал: “Ваше Императорское Величество”... Потом он долго говорил со мной... Что за разговор был! Какие у Него одновременно и царственная простота, и царственное величие! И как мудро и проникновенно Он говорил... И какая кротость, какая доброта, какая любовь и жалость к лю-

дям... Понимаете ли, что это есть идеал народного Правителя! И Его то мы свергли, его то окрутили своим заговором! Мы оказались величайшими преступниками". Долго еще Керенский, в истерических восклицаниях, изливал свое отчаяние и свое раскаяние»^[2017].

Князь А. П. Щербатов свидетельствовал, что «Керенский страшно мучился. Он, безусловно, не желал смерти Государя и считал все происшедшее с Государем, с Россией своим неискупаемым грехом»^[2018].

Сейчас трудно судить, насколько все эти слова Керенского были искренни и не разыгрывал ли он очередную роль. Однако все эти «угрызения совести», даже если они и имели место, никак не отразились на участи заключенного Государя и его Семьи.

В первый же свой визит, несмотря на смущение и растерянность, Керенский арестовал и отправил в Петропавловскую крепость двух подруг Императрицы, А. А. Танееву (Вырубову) и Ю. А. Ден.

Сидней Гиббс вспоминал: «Государь мне рассказывал, что Керенский думал про Государя, что Он хочет заключить мирный сепаратный договор с Германией, и об этом с Государем говорил. Государь это отрицал, и Керенский сердился и нервничал. Государь мне говорил, что Керенский думал, что у Государя есть такие бумаги, из которых было бы видно, что Он хочет заключить мир с Германией. Я знаю Государя, и я понимал, и видел, что когда Он рассказывал,

у Него в душе было чувство презрения к Керенскому за то, что Керенский смел так думать»^[2019].

Керенский ввел «инструкцию, которая устанавливала режим в Царском. Инструкция, устанавливаемая мной, не касаясь подробностей вводила: а) полную изоляцию Царской Семьи и всех, кто пожелал остаться с Нею от внешнего мира; б) полное запрещение свиданий со всеми заключенными без моего согласия; в) цензуру переписки»^[2020].

По указанию Керенского была установлена внешняя и внутренняя охрана дворца. Режим заключения полностью изолировал арестованных от внешнего мира. Свидания с заключенными допускались лишь по личному разрешению министра юстиции. Переписка Государя и Государыни тщательно перлюстрировалась^[2021]. Керенский требовал, чтобы «заключённый Царь был скромен, чтобы семья “впредь воздерживалась употреблять горячие закуски”»^[2022].

Режим, установленный Керенским, проводился в жизнь полковником П. А. Коровиченко, сменившим полковника П. П. Коцебу на посту коменданта Александровского дворца, который лояльно относился к Царской Семье и всячески пытался облегчить ее заключение. К. Е. Мельник-Боткина писала о Коровиченко: «Это был очень образованный и неглупый, но чрезвычайно нетактичный и грубый человек. Он позволял себе, получив и прочитав письма, носить их в кармане и не выдавать их адресату, рассказывая в то же время в посторонних разговорах содержание этих писем. Затем,

подметив некоторые любимые выражения Их Высочеств, как, например, употребление слова “аппетитно” не для одних съедобных вещей, вдруг говорил которой-нибудь из Великих Княжон: – Какая у Вас аппетитная книга, так и хочется скушать. Конечно, подобные выходки не могли к нему расположить арестованных»^[2023].

Одной перлюстрацией писем Царской Семьи Керенский не ограничился. Императору было запрещено писать матери, сёстрам и брату, а также вести переписку с английским королём.

Еще одним моральным воздействием на Царскую Семью стало надругательство над останками Г. Е. Распутина, произведённое по личному приказу Керенского. Тело Распутина было извлечено из могилы в Александровском парке, вывезено на Пискаревское кладбище и там сожжено^[2024].

С первых же дней началось оскорбительное вмешательство в личную жизнь Царской Четы. Происходило это по личному почину Керенского. Этим притеснениям Временным правительством было дано юридическое обоснование. 17 марта 1917 г. была учреждена Верховная чрезвычайная следственная комиссия (ВЧСК). Чуть более чем через год одноимённая организация станет главной исполнительной силой Екатеринбургского злодеяния. ЧСК была создана с целью «исследовать» деятельность Царя и Царицы и других видных деятелей «старого режима» для установления, были ли в их действиях в период войны с Германией «состав пре-

ступления» в виде государственной измены. То есть государственные изменники, организовавшие в ходе тяжёлой войны переворот на средства, перечисляемые в том числе и через германские банки, собирались обвинить в «измене» тех, кто отдавал все свои силы на победу над врагом. Более того, именно необходимостью «тщательного расследования» объяснял Керенский причины оставления Царской Семьи под арестом. Известный западный историк В. Александров лично встречался с Керенским в Нью-Йорке. В разговоре с ним Керенский сказал, что у него были *«совершенно точные намерения в отношении уготованной участи Николая II и Александры Федоровны»*^[2025]. Эти намерения заключались в том, чтобы *«был пролит весь свет на последние годы царизма, отмеченные господством клики Распутина»*^[2026]. Из этих слов становится понятным, что задачей Керенского было оклеветать Императора Николая II и Императрицу Александру Феодоровну.

Эта комиссия, по словам Керенского, должна была быть «справедливой и беспристрастной». Однако все в деятельности ЧСК было прямо противоположно заявленным Керенским целям. Во главе комиссии был поставлен известный адвокат по политическим процессам присяжный поверенный, хороший знакомый Керенского масон Н. К. Муравьев. Керенский считал кандидатуру Муравьева подходящей, так как он *«не отстанет, пока не выскребет яйца до скорлупы»*^[2027]. Заступив на должность председателя ЧСК, Муравьев

ввѣв принялся с усердием *«выскребать яйца до скорлупы»*. Будучи обязанным, по смыслу своей должности, быть образцом объективности, Муравьев открыто признавался в ненависти к Царской Семье, занимался «облечительством» подследственных (Б. К. Штюрмера, А. А. Вырубовой, С. П. Белецкого и других) в недоказанных преступлениях, кричал на них при допросах. Муравьев твёрдо придерживался *«разоблачительной позиции»*^[2028]. Заместитель председателя комиссии сенатор С. В. Завадский вспоминал, что *«Муравьев считал правдоподобным все глупые сплетни, которые ходили о том, что Царь готов был отдать фронт немцам, а Царица сообщала Вильгельму II о движении русских войск»*^[2029].

Но комиссия, несмотря на все старания, не смогла найти никаких компрометирующих сведений о Царской Чете. Тем не менее Муравьев заявлял журналистам, что *«обнаружено множество документов, изобличающих бывших Царя и Царицу»*^[2030]. Для подтверждения этой лжи Керенский и Муравьев прибегали к прямым фальсификациям. В бульварной газете были опубликованы несколько «тайных телеграмм», в которых Государыня якобы передавала секретные сведения германскому командованию. Телеграммы эти для пущей убедительности были подписаны «Алиса». Керенский и Муравьев с энтузиазмом потребовали провести тщательное расследование этих «фактов». Расследование это закончилось грандиозным конфузом. Выяснилось, что «телеграммы» эти были за коробку конфет составлены молодой телеграфист-

кой по просьбе журналиста, страстно желавшего прославиться. Привлечённая к следствию, телеграфистка сразу же призналась в подлоге. Когда это выяснилось, «факт» исчез из обращения, и на сцену стал высказывать новый абсурд. Публично же никогда ничего не опровергали^[2031].

Но была еще одна, скрытая цель в «расследованиях» ЧСК: добиться, чтобы в народе к Императору возникло бы равнодушие или, еще лучше, стремление его убить. Тогда насильственная смерть Государя, по решению ли «справедливого» суда, или от рук депутата Совета, или от самосуда были бы восприняты в народе и обществе спокойно или даже с воодушевлением. По словам Карабчевского, когда речь зашла о Государе, Керенский *«проведя указательным пальцем левой руки по шее, сделал им энергичный жест вверх. Я и все поняли, что намек на повешение. – Две, три жертвы, пожалуй, необходимы! – сказал Керенский»*^[2032].

Керенский впоследствии эти слова Карабчевского яростно опровергал, называя последнего «выжившим из ума» (*sénile*), а его слова «бреднями»^[2033]. Но делал он это настолько яростно, что невольно возникает сомнение в искренности его опровержений.

Трудно представить всю степень глумления, клеветы, оскорблений и лжи, которыми пестрела петроградская пресса. Государь знал о ней, так как ежедневно получал столичные газеты. Когда Ю. А. Ден спросила Государя, зачем он читает эти гнусности, то тот ответил, что ему *«нужно знать*

всё»^[2034]. Когда члены Царской Семьи выходили в сад, вокруг них постоянно толпились солдаты, осыпая их насмешками и замечаниями. Все скамьи и стены были исписаны грубыми ругательствами. Когда Императорская Семья возвращалась с прогулки, солдаты вновь толпились у дверей. Государь и Государыня старались не обращать внимания на них, но нередко Императрица слышала их грубости. Но больше всего ее ранило непочтительное отношение солдат к Государю. Некоторые из них едва отвечали на его вежливое приветствие: *«Доброе утро, полковник»*^[2035]. Но были и такие солдаты и офицеры, которые сохранили свою честь и верность Царю. Они продолжали титуловать Императора «Ваше Величество» и вытягивались при его появлении. Баронесса С. К. Буксгевден вспоминала: *«Когда солдаты беседовали с Императором и детьми, их враждебность исчезала. Они видели, что перед ними вовсе не такие ужасные злодеи, как им говорили их лидеры. Но по отношению к Императрице они продолжали сохранять враждебность, демонстрируя своим поведением ту пропаганду, которая велась между ними»*^[2036]. Однажды, когда Государыня сидела в парке на скамейке, к ней подсел какой-то солдат, *«развалился непридуманно, закурил и повел с Её Величеством разговор. Никак не называя Её Величество, он стал ей предлагать разные вопросы. Я своими глазами видела эту сцену. Государыня занималась рукоделием в это время. Она улыбалась и отвечала на вопросы солдата. Такая “беседа” продолжалась*

довольно долго, Государыня потом говорила по этому поводу, смеясь, что она не желает, чтобы подобные разговоры повторялись часто»^[2037].

31 марта, в Страстную Пятницу, Царская Семья исповедовалась у протоиерея Афанасия Беляева, который замещал заболевшего царского духовника протоиерея Александра Васильева. Позже отец Афанасий оставил воспоминания, или это сделал кто-то от его имени. Если это сделал все-таки священник, то он выдал тайну исповеди, и, конечно, такому священнослужителю доверять нельзя. Впрочем, воспоминания отца А. И. Беляева, хранящиеся в ГА РФ, представляют собой напечатанный на пишущей машинке текст. Само дело носит следующее название: *«Дневник протоиерея Н. (sic!) Беляева и отрывки из дневника А. С. Демидовой (“Вече” №№ 36, 37) за время ссылки семьи Николая II в Тобольск. Копия»*^[2038]. То есть имеющийся документ представляет собой неизвестно кем сделанную перепечатку из журнала «Вече». Между тем этот «дневник» о. Афанасия часто любят приводить как доказательство добровольного отречения Государя в Пскове. Но воспоминания отца Афанасия представляют несомненный интерес в описании нравственного облика Царской Семьи в заточении. После исповеди Царских детей священник записал в дневник: *«Как шла исповедь – говорить не буду. Впечатление получилось такое: дай, Господи, чтобы и все дети нравственно были так высоки, как дети бывшего Царя. Такое незло-*

бие, смирение, покорность Родительской воле, преданность безусловная воле Божией, чистота в помышлениях и полное незнание земной грязи – страстной и греховной меня привело в изумление»^[2039]. Государь тоже потряс священника своим смирением: «Это до сего времени был наш Богом данный Помазанник, по закону престолонаследия 23 года царствовавший русский православный Царь. И вот ныне смиренный раб Божий Николай, как кроткий агнец, доброжелательный ко всем врагам своим, не помнящий обид, молящийся усердно о благоденствии России, верующий глубоко в ее славное будущее, коленопреклоненно, взирая на Крест и Евангелие, в присутствии моего недостойнства, высказывает Небесному Отцу сокровенные тайны своей многострадальной жизни и, повергаясь в прах перед величием Царя Небесного, слезно просит прощения в вольных и невольных своих прегрешениях»^[2040].

8 апреля Керенский заявил Императору Николаю II, что до окончания работы Следственной комиссии он не должен видаться с Императрицей. Примечательно, что сделано это было накануне Св. Пасхи. Императрица Александра Феодоровна на это сказала: «Поступать так с Государем, сделать ему эту гадость, после того, что он принёс себя в жертву и отрёкся, чтобы избежать гражданской войны, как это низко, как это мелко! Государь не пожелал, чтобы кровь хотя бы одного русского была пролита за него. Он всегда был готов от всего отказаться, если бы имел уверен-

ность, что это на благо России”. Через минуту она продолжала: “Да, надо перенести еще и эту горькую обиду”»^[2041]. Это ограничение продолжалось недолго и вскоре было снято.

В начале июня Керенский изъясл переписку Государя и его личные бумаги. Император Николай II в своем дневнике оставил следующую запись: «После утреннего чая неожиданно приехал Керенский на моторе из города. Остался у меня недолго, попросил послать Следственной комиссии какие-то бумаги или письма, имеющие отношения к внутренней политике. После прогулки и до завтрака помогал Коровиченко в разборе этих бумаг. Днём он продолжал это вместе с Кобылинским»^[2042].

Полковник Е. С. Кобылинский вспоминал, что «бумаг было очень много; все они были разложены по отдельным группам в порядке. Указывая на бумаги и на группы, по которым они были уложены, Государь взял одно письмо, лежавшее на ящике со словами: “Это письмо частного характера”. Он вовсе не хотел изъять это письмо от выемки, а просто взял его, как отдельно лежащее, и хотел его бросить в ящик. Но Коровиченко порывисто ухватился за письмо, и получилась такая вещь: Государь тянет к себе письмо, а Коровиченко – к себе. Тогда Государь, как это заметно было, рассердился, махнул рукой со словами: “ну, в таком случае, я не нужен. Я иду гулять”. Он ушел, Коровиченко отобрал бумаги, какие считёл нужным отобрать, и доставил их к Керенскому»^[2043].

При ознакомлении членов Временного правительства с личной перепиской Государя «не обошлось без курьеза: Переверзеву и Керенскому в числе телеграмм Государя к Государыне попала одна с частью зашифрованного в ней текста. Долго бились над секретом шифра; были собраны все самые искусные в Петрограде специалисты и, наконец, после больших усилий, дешифровали – Государь зашифровал следующие слова: “целую крепко, здоров”»^[2044].

Летом 1917 г. Керенский был вынужден признать, что в действиях «Николая II и его супруги не нашлось состава преступления по ст. 108 Уголовного уложения», то есть измены. То же самое Керенский подтвердил английскому послу Бьюкенену: «ни найдено ни одного компрометирующего документа, подтверждающего, что Царица и Царь, когда-либо собирались заключить сепаратный мир с Германией»^[2045].

Нормы права, уголовно-процессуального законодательства Российской Империи требовали немедленного освобождения Царской Семьи из заточения. Но ничего подобного не произошло. Наоборот, антицарская вакханалия в прессе продолжалась с прежней силой, никто не собирался опровергать клевету, изливаемую на Царскую Семью на её страницах. «Улик не было, – писал С. П. Мельгунов, – но презумпция возможной виновности оставалась»^[2046].

Содержание Царской Семьи в стенах Александровского дворца, в «золотой тюрьме», как назвал его С. П. Мельгунов, в котором Государь родился, где все было знакомо до

мелочей и напоминало о счастливых днях, было для Императорской Семьи особенно мучительно. Как верно писал С. П. Мельгунов, «для Царской Семьи было бы гораздо лучше, если бы она с самого начала была помещена в более скромные условия быта (что, по-видимому, даже вообще соответствовало личным вкусам Царской Четы), ибо вызывающий внешний этикет, на каждом шагу входивший в коллизию с действительностью тюремного обихода, с одной стороны подчеркивал специфичность изоляции “лишённых свободы”, а с другой раздражал “революционное чувство” того, который должен был охранять “виновника невыносимого гнета”, который с таким трудом сбросил с себя “народ”. Все это вело к неизбежным конфликтам»^[2047].

Николай II должен был чувствовать себя в Александровском дворце именно арестантом. «Все эти эпизоды, – писал генерал М. К. Дитерихс об эксцессах Царскосельского периода, – явились лишь теми последовательными этапами по пути Царской Семьи к Своей Голгофе, которые логически и неизбежно вытекали из всей предыдущей фальшивой, искусственной и непоследовательной работы руководителей Государственной думы и общественности по созданию “народной революции”»^[2048].

Самым тяжелым для Государя было положение дел на фронте и в России, будущее которой вызывало в нем все большее беспокойство. Княгиня Н. А. Нарышкина писала в дневнике 12/25 мая, что «больше всего Государя огорчает со-

стоящие армии; он не понимает армии без дисциплины» [2049]. Протоиерей Афанасий Беляев писал в дневнике, что ему показалось, что *«Государь, имеющий бледный страдальческий вид, очень болен. Что-то волнует его, и он молча, терпеливо переносит свои страдания. Молится усердно и часто на коленях»* [2050].

Но никто из Царственных Узников не падал духом. Императрица Александра Феодоровна писала полковнику А. В. Сыробоярскому: *«Все можно перенести если Его [Бога] близость и любовь чувствуешь и во всем Ему крепко веришь. Полезны тяжёлые испытания, они готовят нас для другой жизни, в далёкий путь. Собственные страдания легче нести, чем видеть горе других и не будучи в возможности им помочь»* [2051].

29 мая 1917 г. Императрица Александра Феодоровна писала А. В. Сыробоярскому про страдания Государя: *«Сколько гадостей о Нем (Государе. – П. М.) пишут: слабоумие и т. д. Хуже и хуже, бросаю газеты, больно, больно все время. Все хорошее забыто; тяжело ругательства про любимого человека читать; несправедливость людей и никогда ни одного хорошего слова... Не позволяют, конечно, печатать, но Вы понимаете, что за боль. Когда про меня гадости пишут – пускай, это давно начали травить. Мне все равно теперь, а что Его оклеветали, грязь бросают на Помазанника Божия, это чересчур тяжело. Многострадальный Иов. Лишь Господь Его ценит и наградит Его за кротость. Как*

сильно внутри страдает, видя разруху. Этого никто не видит. Разве будет другим показывать, что внутри делается; ведь страшно свою Родину любит, как же не болеть душой, видя, что творится. Не думала, что за три месяца можно такую анархию видеть, но надо до конца терпеть и молиться... Молиться, чтобы Он все спас. А Армия... плачешь, не могу читать, бросаю все и вспоминаю страдания Спасителя. Он для нас, грешных, умер, умилосердится еще, может быть. Царство зла теперь на земле. У кого совесть чиста, тот и клевету и несправедливость легче переносит. Не для себя мы живем, а для других, для Родины»^[2052].

Свалив «слабого» Царя, 23 года в неимоверно тяжелых условиях удерживавшего Россию от падения в бездну, «сильные и волевые» либеральные мужи успешно доводили страну до катастрофы. Но в дневнике Николая II мы не найдем ни одной строчки о себе, своих интересах, не увидим и тени злорадства по поводу бесконечных неудач «временщиков». Царя волновали исключительно судьбы и интересы дорогого ему Отечества. 1 мая Государь записал в свой дневник: «Вчера узнал об уходе генер. Корнилова с должности главнокоманд. Петрогр. воен. окр., а сегодня об отставке Гучкова, все по той же причине безответственного вмешательства в распоряжения военной властью Сов. рабоч. Депутатов и еще каких-то организаций гораздо левее. Что готовит провидение бедной России? Да будет воля Божья над нами!»^[2053]

В годовщину Луцкого прорыва 22 мая Николай II замеча-

ет: *«Сегодня годовщина начала наступления армий Юго-Западного фронта! Какое тогда было настроение, и какое теперь!»*^[2054] 18 июня началось крупное наступление русской армии на Юго-Западном фронте. Тяжелых и иных снарядов у артиллерии было в избытке, они рвали австро-венгерско-германскую оборону в клочья, и это было лучшим доказательством тех огромных успехов, достигнутых вооруженными силами и в производстве вооружений, в то время, как Государь возглавлял армию. Керенский без зазрения совести присвоил эти успехи себе и «новому строю»: *«Сегодня великое торжество революции, Русская революционная армия с огромным воодушевлением перешла в наступление»*. Однако вскоре и «воодушевление», и наступление с позором провалились. Несмотря на то, что ударным корниловским частям под командованием капитана М. О. Неженцева удалось прорвать вражескую оборону и захватить 7 тыс. пленных и 48 орудий, остальные части не оказали корниловцам никакой помощи. В частях начались митинги, бесконечные споры, надо или нет идти в бой. 6 июля противник под командованием генерала Арнольда фон Винклера перешел в контрнаступление, достигнув небывалого успеха. Русские бежали целыми толпами, оставив в руках неприятеля 85 офицеров, 2900 нижних чинов, 10 орудий. *«Это были уже не те русские солдаты»*, – злорадно отметил Людендорф. 12 июля немцам удалось занять всю Буковину и Червленную Русь. Вильгельм II лично приехал под Тарнополь, что-

бы посмотреть на разгром русских. Генерал Л. Г. Корнилов отдал приказ отступить на государственную границу. Сам он писал в те дни: *«Армия обезумевших темных людей, не ограждаемых властью от систематического разложения и развращения, потерявшая чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые нельзя даже назвать полями сражений, царит сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия не знала с самого начала своего существования. Меры правительственной кротости расшатали дисциплину, они вызывают беспорядочную жестокость ничем не сдерживаемых масс. Эта стихия проявляется в насилиях, грабежах и убийствах»*^[2055].

Это последнее наступление русской армии в Первой мировой войне нашло отражение в дневнике Государя. Николай II с большим воодушевлением воспринял первые известия о начале наступления. 19 июня он записал в дневнике: *«Перед самым обедом пришла добрая весть о начавшемся наступлении на Юго-Западном фронте. На Золочовском направлении, после двухдневного арт. огня, наши войска прорвали неприятельские позиции и взяли в плен около 170 офицеров и 10 000 чел., 6 орудий и пулемётов 24. Благодарение Господу! Дай Бог, в добрый час! Совсем иначе себя чувствовал после этой радостной вести»*^[2056]. 20 июня Государь продолжал радоваться наступлению: *«За вчерашний день бой протекал успешно: всего за два дня нашими войсками взято 18 600 чел. пленных. Перед завтраком в походной церк-*

ви был отслужен благодарственный молебен»^[2057]. 27 июня: «26 июня наши войска произвели новый прорыв и захватили: 131 офицера, 7000 нижн. чин. И 48 орудий, из них 12 тяжелых»^[2058]. 28 июня Государь с радостью сообщает: «Вчера был взят нами Галич и 300 пленных и около 30 орудий. Слава Богу!»^[2059] Но 13 июля страшная весть о поражении на фронте дошла до Николая II: «После нашего наступления у Галича многие части, насквозь зараженные подлым пораженческим учением, не только отказались идти вперед, но в некоторых местах отошли в тыл даже не под давлением противника. Пользуясь этим благоприятным для себя обстоятельством, германцы и австрийцы даже небольшими силами произвели прорыв в Южной Галиции, что может заставить весь Юго-Запад. фронт отойти на восток. Просто позор и отчаяние!»^[2060] Можно себе представить, что чувствовал Государь, приложивший такие усилия к тому, чтобы подготовить армию к победоносному наступлению, и теперь вынужденный наблюдать, как преступные элементы и бездарные политиканы уничтожают плоды его работы, ведут Россию к военному поражению и гибели. Императрица Александра Феодоровна писала Ю. А. Ден: «Вы поймете, как Он (Государь. – П. М.) должен страдать. Он читает газеты со слезами на глазах»^[2061].

Николай II хорошо понимал, что главная беда именно в разлагающей армию пораженческой идеологии, которую несут с собой всевозможные ленины и троцкие, и полном

ничтожестве взявших власть февралистов. Во время июльский событий Государь писал в своем дневнике: «В Петрограде эти дни происходили беспорядки со стрельбою. Из Кронштадта вчера прибыло много солдат и матросов, чтобы идти против Временного прав[ительства]. Неразбериха полная! А где те люди, которые могли бы взять это движение в руки и прекратить раздоры и кровопролитие? Семя всего зла в самом Петрограде, а не во всей России»^[2062].

Во второй половине июля революционными властями было принято решение об отправке Царской Семьи в г. Тобольск. Давая свои показания следователю Соколову, Керенский заявил: «Причиной, побудившей Временное правительство перевезти Царскую Семью из Царского в Тобольск, была все более и более обострявшаяся борьба с большевиками»^[2063].

П. Жильяр приводил слова Керенского: «Временное правительство решило принять энергичные меры против большевиков; это должно было повлечь за собой полосу смуты и вооруженных столкновений, первой жертвой которых могла сделаться Царская Семья»^[2064].

То же самое утверждал и Г. Е. Львов: «Летом в первой половине июля правительство пришло к убеждению, что нахождение Царской Семьи около Петрограда стало абсолютно невозможным. Страна явно шла под уклон. Нажим на правительство со стороны Советов становился все сильнее. Я удостоверяю, что он был со стороны Петроградского со-

вета и в отношении Царской Семьи»^[2065].

Итак, главной причиной Тобольской ссылки руководство Временного правительства называет большевистскую опасность. Но так ли это было на самом деле?

7 июля 1917 г. английский посол Дж. Бьюкенен направил телеграмму лорду А. Бальфуру, в которой сообщал о своей встрече с министром иностранных дел П. Н. Милюковым. Тот конфиденциально сообщил английскому послу, что *«Императора хотят отправить в Сибирь, по всей вероятности, в Тобольск, где они будут жить и будут пользоваться большей личной свободой. Причиной, побудившей правительство сделать этот шаг, было опасение, что в случае немецкого наступления, или какой-нибудь контрреволюционной попытки их жизнь может подвергнуться опасности»*^[2066].

Как видим, в разговоре с Бьюкененом Милюков ни словом не обмолвился о большевистской опасности. Однако большевикам в те дни было совсем не до Царской Семьи. 4 июля правительственными войсками была расстреляна мощная демонстрация, тон в которой задавали большевики. 6 июля была разгромлена редакция газеты «Правда», десятки большевицких деятелей были арестованы. Ленин перешёл на нелегальное положение. 7 июля, то есть в тот день, когда Милюков довёл до сведения Бьюкенена решение о переводе Царской Семьи в Тобольск, Временное правительство издало приказы об аресте Ленина и предании его суду как «германского шпиона». Главнокомандующим русской арми-

ей был назначен генерал Корнилов, восстановивший в армии смертную казнь и делавший ставку на военную силу^[2067]. Общие настроения, особенно среди солдат-фронтовиков, прибывших на защиту Временного правительства, были скорее антибольшевистскими. Князь Львов в беседе с журналистами заявил в те дни, что его особенно радуют события последних дней внутри страны. *«Наш “глубокий прорыв” на фронте Ленина имеет, по моему убеждению, несравненно большее значение, чем прорыв немцев на нашем Юго-Западном фронте»*^[2068].

В этих условиях говорить об «опасности большевизма» для Временного правительства можно лишь с большими натяжками. Тем более большевики в июле 1917 г. не представляли никакой реальной опасности для Царской Семьи. Таким образом, большевистская угроза Царской Семье в июле 1917 г., в устах Керенского, есть не что иное, как новый вариант старого жупела: Петроградского совета. Ясно, что угроза большевистского восстания не была причиной отправки Царской Семьи в Тобольск.

Но, может быть, А. Ф. Керенский стремился удалить Царскую Семью из беспокойного Петрограда в более спокойное место и исходил при этом из её интересов? Приходится опровергнуть и это предположение. Если бы Керенский исходил из интересов Царской Семьи, он отправил бы Императора и его близких в такое место, которое было бы связано с внешним миром путями сообщений, чтобы в случае

опасности немедленно вывезти Царскую Семью в еще более надёжное убежище. Таким местом мог бы стать, например, Крым, куда просил его отправить Государь и где находились уже Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна, Великий Князь Николай Николаевич, Великий Князь Александр Михайлович, Великая Княгиня Ольга Александровна и другие члены Императорской Фамилии. Керенский вначале обещал Императору отправить его с Семьёй именно в Крым, и Государь до последнего момента был в этом уверен. Старшая камер-юнгфера М. Ф. Занотти показывала следователю Соколову, что члены Царской Семьи *«надеялись, что их из Царского отправят в Крым, и им этого хотелось»*^[2069]. Но Керенский изменил свое решение и выбрал Тобольск, объясняя это тем, что *«разрешение этого вопроса было целиком поручено мне. Я стал выяснять эту возможность. Предполагал я увезти Их куда-нибудь в центр России, останавливаясь на имениях Михаила Александровича и Николая Михайловича. Выяснилась полная невозможность сделать это. Просто немыслим был сам факт перевоза Царя в эти места через рабоче-крестьянскую Россию. Немыслимо было увезти Их и на юг. Там уже проживали некоторые из Великих Князей и Мария Федоровна, и по этому поводу там уже шли недоразумения. В конце концов, я остановился на Тобольске»*^[2070]. То же самое показывал и Г. Е. Львов: *«Было решено перевести Царскую Семью в Тобольск. Сибирь была тогда покойна, удалена от политической борьбы, и условия*

жизни в Тобольске были хорошие. Юг не мог быть тогда таким местом: там уже шла борьба»^[2071].

Эти утверждения Керенского и Львова в очередной раз далеки от истины: отправляя Царскую Семью в Тобольск поездом, они неминуемо провозили ее через всю «рабоче-крестьянскую» Россию и еще более «рабоче-крестьянский» Урал. Князь А. П. Щербатов писал по этому поводу: *«Приютить Царскую Семью предлагали испанцы. Для этого можно было бы отправить Государя в Крым. Не участвовавшая в войне Испания легко могла бы прислать в Чёрном море корабль. Но Керенский сказал мне, что везти Царя через бурливую Украину было опасно. Тут он явно лукавил. Моя семья покинула Петроград в конце июня 1917 г. и совершенно спокойно добралась до Симферополя, а оттуда в Ялту»*^[2072]. Таким образом, Керенский мог отправить Царскую Семью в Крым, но почему-то отправил её в Тобольск.

В. Д. Набоков вспоминал, что решение отправить Царскую Семью в Крым *«было обставлено очень конспиративно, — настолько, что, кажется, о нём даже не все члены Временного правительства были осведомлены»*^[2073].

Полностью скрывалось место новой ссылки и от Августейших Узников. Камер-юнгфера М. Ф. Занотти вспоминала, что *«Государя это раздражало: что ему не говорят, куда именно их везут, и он выражал неудовольствие по этому поводу»*^[2074].

Сам Николай II 28 июля записал в свой дневник: *«После*

завтрака узнали от гр. Бенкендорфа, что нас отправляют не в Крым, а в один из дальних губернских городов в трёх или четырёх днях пути на восток! Но куда именно не говорят – даже комендант не знает. А мы-то все так рассчитывали на долгое пребывание в Ливадии!!»^[2075]

Находясь в эмиграции, А. Ф. Керенский яростно доказывал, что он делал всё от него зависящее, чтобы отправить Царскую Семью за границу, но этого ему не дали сделать англичане. Он пространно защищался от нападок обвинителей его в гибели Царской Семьи. Вдруг на самой последней странице Керенский пишет загадочную фразу, которая выделена у него курсивом: *«Летом 1917 г. б. Император и его семья остались в пределах России по обстоятельствам от воли Вр. Пр. не зависевшим»*^[2076].

Что это были за причины, которые не зависели от Временного правительства? А. П. Щербатов утверждал, что Керенский ему говорил, что *«Тобольск тоже был выбран Ложей»*^[2077].

Таким образом, причина снова была в масонском факторе. Именно этот фактор делает понятными и несуразные объяснения Керенского по поводу «недоразумений» в Крыму, и по поводу бурлящей «рабоче-крестьянской» России, и ту конспиративность, с какой принималось решение о высылке Царской Семьи в Тобольск. Именно исходя из масонских планов в отношении судьбы Государя следует искать объяснения действий «временщиков», а не в политических

или иных аспектах их деятельности. Но почему именно Тобольск был выбран масонами для ссылки Императора Николая II и его Семьи?

Вероятно, ближе всех подошел к истине Н. А. Соколов, когда писал: *«Был только один мотив перевоза Царской Семьи в Тобольск. Это тот именно, который остался в одиночестве от всех других, указанных князем Львовым и Керенским: далёкая, холодная Сибирь, тот край, куда некогда ссылались другие»*^[2078].

Здесь необходимо отметить, что до революции Сибирь была местом ссылки политических и уголовных преступников. Среди первых самыми значительными были раскольники-сектанты и декабристы, продолжатели дела которых пришли к власти в феврале 1917 г. Масонско-раскольничья месть Русскому Царю – вот главная причина ссылки Царской Семьи в Тобольск. Все остальные причины были вторичными. В действиях Керенского нет никакой логики, кроме логики масонской мести. В эту логику входила мученическая смерть Царя, и отправка в Тобольск была одним из этапов этого пути. Сын лейб-медика Государя Г. Е. Боткин писал: *«Тобольская ссылка Царской Семьи, для меня была равнозначна вынесению ей смертного приговора. Было ясно, что революционное правительство не сможет долго охранять свергнутого Царя. Все революции в истории заканчивались для свергнутых государей изгнанием, или смертью. Ссылка в Тобольск делала отъезд за границу невозможным, а из это-*

го следовало, что рано или поздно члены Царской Семьи будут убиты»^[2079].

Перед отправкой Царской Семьи в Тобольск обер-гофмаршал граф П. К. Бенкендорф спросил Керенского, как долго Царская Семья останется в Тобольске. В ответ Керенский доверительно сообщил, что сразу же после Учредительного собрания, которое соберется в ноябре, Император Николай II и его Семья смогут вернуться в Царское Село или жить там, где они сочтут нужным^[2080]. Но Керенский, в который раз, лгал, когда говорил эти слова.

Поехать с Государем в далекую ссылку решились немногие, в то время как обласканные Императором Николаем II многие представители и знати, и прислуги спешили покинуть свергнутого Государя. Гофмейстер Высочайшего Двора граф П. Н. Апраксин, командир Собственного Конвоя Его Величества, генерал-майор Свиты граф А. Н. Граббе, командир Императорской яхты «Штандарт», капитан 1-го ранга флигель-адъютант Н. П. Саблин, обер-гофмаршал граф П. К. Бенкендорф, профессор С. П. Федоров – ссылаясь на самые различные обстоятельства, бросили своего Государя в беде. Один из поваров на предложение Николая II следовать вместе с ним в Тобольск ответил: «Ваше Величество, у меня же семья!»

Такие же семьи были и у графа И. Л. Татищева, и у князя В. А. Долгорукова, и у доктора Е. С. Боткина, и у повара И. М. Харитонova. Но чувство высшего долга, чувство люб-

ви к Царской Семье заставляло их пренебрегать личным счастьем. *«Татищев, – вспоминала княгиня Вера Голицына, – в Петрограде оставил старую 80-летнюю мать, которая не чаяла его вновь увидеть. Эта старая женщина всеми силами поддерживала сына исполнить свой долг. Когда я посетила ее несколько дней спустя, она с нежной гордостью говорила о своем дорогом сыне. Гордая им, она подавляла свою печаль. Но её старое сердце не смогло пережить разлуки. Оно перестало биться 22 августа»*^[2081].

Керенский назначил отъезд в Тобольск на 1 час ночи с 31 июля на 1 августа 1917 г. Перед отъездом 30 июля, в день рождения Цесаревича, Царская Семья совершила молебен, который отслужил отец Афанасий Беляев. Вместе с Царской Семьей на молебне присутствовали все люди, отправлявшиеся вместе с ней в ссылку. Семья молилась горячо, со слезами на глазах. После молитвы она и присутствующие приложились к кресту. Впереди был длинный путь в неизвестность^[2082]. Государь записал в своем дневнике 30 июля: *«Сегодня дорогому Алексею минуло 13 лет. Да даст ему Господь здоровье, терпение, крепость духа и тела в нынешние тяжёлые времена! Ходили к обедне, а после завтрака к молебну, к которому принесли икону Знаменской Божьей Матери. Как-то особенно тепло было молиться Её святому лику вместе со всеми нашими людьми»*^[2083].

В тот же день Император Николай II встретился с Великим Князем Михаилом Александровичем. Встреча двух бра-

твев, которой было суждено стать последней, проходила в присутствии Керенского. Дело было здесь не в демонстрации, а в стремлении Керенского не допустить обмена мнениями между Государем и Великим Князем по поводу обстоятельств так называемых «отречений» февраля – марта 1917 г. Никто больше из Августейшей Семьи на встречу с Великим Князем Михаилом Александровичем допущен не был. Правда, полковник Н. А. Артабалевский уверяет, что Керенский дал две-три минуты побыть Августейшим братьям наедине.

Наследник Цесаревич упросил полковника Кобылинского встать за дверью и в последний раз увидеть своего дядю, которого очень любил^[2084]. Государь описал в дневнике встречу с братом: *«После обеда ждали назначения часа отъезда, который все время откладывался. Неожиданно приехал Керенский и объявил, что Миша скоро явится. Действительно, около 10 ½ милый Миша вошел в сопровождении Керенского и караульного начальника. Очень приятно было встретиться, но разговаривать при посторонних было неудобно»*^[2085].

Весь день 31 июля шли приготовления к отъезду. *«Последний день нашего пребывания в Царском Селе, – писал Государь в дневнике. – Погода стояла чудная. Днем работали на том же месте; срубили три дерева и распилили вчерашние. <...> Стрелки из состава караула начали таскать наши багаж в круглую залу. Там же сидели Бенкендорфы, фрейли-*

ны, девушки и люди. Мы ходили взад и вперед, ожидая подачи грузовиков. Секрет о нашем отъезде соблюдался до того, что и моторы, и поезд были заказаны после назначенного часа отъезда. Извод получился колоссальный! Алексею хотелось спать — он то ложился, то вставал. Несколько раз происходила фальшивая тревога, надевали пальто, выходили на балкон и снова возвращались в залы. Совсем рассвело. Выпили чаю, и, наконец, в 5 ¹/₄ появился Керенский и сказал, что можно ехать. Сели в наши два мотора и поехали к Александровской станции. Вошли в поезд у переезда. Какая-то кавалерийская часть скакала за нами от самого парка. У поезда встретили И. Татищева и двое комиссаров от правительства для сопровождения нас в Тобольск. Красив был восход солнца, при котором мы тронулись в путь на Петроград и по соединительной ветке вышли на Северную ж. д. линию. Покинули Ц. С. в 6.10 утра»^[2086].

Перед тем как покинуть Александровский дворец, Царская Семья прощалась с наиболее преданными офицерами. Полковник 2-го Лейб-гвардии Царскосельского полка В. Н. Матвеев, который пользовался особым расположением Царской Семьи, был приглашён в библиотеку, где его ждали Император, Императрица, Цесаревич и Великие Княжны. Поблагодарив за службу, Государь передал Матвееву свою фотографию с надписью: «Николай, 1917 г.» и сказал: «Я думаю, что вы не откажетесь принять на память мою фотографию. Карточка эта случайная, которая оказалась у

меня под рукой. Я нарочно не написал числа, чтобы вам, в случае чего не было лишних неприятностей». Затем Государь обнял и поцеловал Матвеева^[2087]. Государыня со слезами на глазах сказала Матвееву: «Мы отрываемся от родного дома и едем в полную неизвестность». После чего Государыня взяла образок и благословила им Матвеева^[2088].

В той же библиотеке Царская Семья простилась с остающейся во дворце прислугой. В эти роковые часы на прощание с Государем не пришёл ни один служитель церкви. «Как ни странно, – писал полковник Н. А. Артабалеvский, – в эти минуты никто из служителей Церкви не пришел благословить крестом Того, кто был её миропомазанным Главою. И никто из них не пошёл разделить тяжёлые последние дни земной жизни Царя и Его Семьи, так глубоко и полно хранившими в своих душах нашу Православную Веру»^[2089].

В 5 часов утра Царскую Семью, наконец, посадили в машину и повезли к поезду. Когда Императрица вышла, то полковник Кобылинский и полковник Матвеев, по взаимной договоренности, поднесли ей букет из роз, заранее приготовленный по приказу Кобылинского^[2090]. Наследника несли на руках. Государь сел в автомобиль со свойственными ему выдержкой и спокойствием. Автомобиль с Царской Семьёй, окружённый казаками, двинулся к железнодорожной станции.

Несмотря на ранний час, на станции собрался народ. Внезапно к станции подъехал броневик с развевающимся крас-

ным флагом. К нему торопливо вышел начальник станции. «*Подавать состав*», – послышалась сухая и резкая команда. Вдруг, словно ответом на эту команду, раздался полный отчаяния крик: какая-то женщина упала на колени и голосила в голос, как по покойнику. Её поспешили увести в глубь вокзала. Керенский попрощался с Царской Семьей и сказал Императору Николаю II: «*До свидания, Ваше Величество... Я придерживаюсь пока старого титула*»^[2091].

Когда Царская Семья прибыла на станцию, поезда на перроне не оказалось, он стоял далеко на путях. Минут десять Царская Семья шла до своего вагона по песку. «*Вся Царская Семья медленно перешла пути и двинулась по шпалам к своему вагону, спальному Восточно-Китайской железной дороги. Поддерживаемая Государем, Императрица видимо делала большие усилия, ступая по шпалам. Государь смотрел ей под ноги и вёл, поддерживая под локоть, свою Августейшую верную Спутницу жизни*»^[2092].

Когда Царская Семья дошла до вагона, то оказалось, что между ступенькой вагона и землей было большое расстояние. Поэтому Царской Семье пришлось карабкаться, чтобы попасть в вагон. Тяжелее всех пришлось Государыне. «*После больших усилий, – пишет княгиня О. В. Палей, – бедная женщина взобралась и, бессильная, всей своей тяжестью упала на площадку вагона*»^[2093]. Безусловно, что эти издевательства исходили от «гуманного» и «благородного» Временного правительства.

Толпа народа, молча, без единого слова, провожала Царскую Семью, которая *«начала свой страдальный путь, и толпа русских людей, их подданных, свидетельствовала его своим священным молчанием и тишиной»*^[2094].

Полковник Н. А. Артабалевский и полковник Лейб-гвардии Конного полка В. В. Кушелёв поднялись на площадку вагона, чтобы попрощаться с Государем. Кушелёв упал на колени перед ним, но тот поднял его, обнял и поцеловал. Потом Государь подошел к Артабалевскому и протянул к нему руку: *«Я до сих пор помню теплоту его руки, её пожатие, когда я припал к ней губами, целуя. Бледное лицо Государя и Его незабвенный взор навсегда останутся у меня в памяти. Я не в силах передать словами Его взор, но поведаю, что этот взор Государя проникал в самую тайную глубину души с лаской, бодростью и вместе с тем озарял душу Царской милостью. Государь привлек меня к Себе, обнял и поцеловал. В необъяснимом порыве я припал лицом к Его плечу. Государь позволил мне побыть так несколько мгновений, а потом осторожно отнял мою голову от Своего плеча и сказал нам:*

– Идите, иначе может быть для вас большая неприятность. Спасибо вам за службу, за преданность... за все... за любовь к Нам... от Меня, Императрицы и Моих детей... Служите России так же, как служили Мне... Верная служба Родине ценнее в дни ее падения, чем в дни ее величия... Храни вас Бог. Идите скорее.

Еще раз Государь одарил нас Своим незабываемым взглядом и скрылся в вагоне.

С трудом сдерживая волнение, мы сошли с площадки вагона и прошли через пути на свое прежнее место против вагона Царской Семьи. Молчаливая серая толпа смотрела на нас и точно чего-то ждала. В окне снова показались Государь и Цесаревич. Государыня взглянула в окно и улыбнулась нам. Государь приложил руку к фуражке. Цесаревич кивал головой. Тоже кивали головой Царевны, собравшиеся в соседнем окне. Мы отдали честь, потом сняли фуражки и склонили головы. Когда мы их подняли, то все окна вагона оказались наглухо задернуты шторами.

Поезд медленно тронулся. Серая людская толпа вдруг всколыхнулась и замахала руками, платками и шапками. Замахала молча, без одного возгласа, без одного всхлипывания. Видел ли Государь и Его Августейшая Семья этот молчаливый жест народа, преданного, как и Они, на Голгофское мучение иудами России. Жест полный мистической священной тишины, безусловной любви, последнее “прости”. Жест единения в предстоящих муках»^[2095].

Главная ответственность за то, что Государь и его Семья были отправлены в ссылку в Сибирь, ставшую вторым этапом Крестного пути Царской Семьи, лежит, конечно, на Керенском и Временном правительстве. Но их преступная деятельность проходила при полном одобрении большей части русского общества и почти полным бездействием монар-

хических кругов, прямого попустительства «временщикам» со стороны английского и французского правительств. Царь был оставлен всеми, и судьба его интересовала в те дни единицы. Поэтому нельзя не согласиться с Керенским, когда он, уже в эмиграции, отвечая на многочисленные обвинения со стороны представителей того самого общества, сказал в 1936 г.: *«Если вы теперь, господа, разыгрываете рыцарей, верных долгу, то поздно спохватились... Монархисты предали своего Монарха. Если бы нашелся хоть один верный долгу полк, ведь от нас тогда ничего бы не осталось. Государь остался совершенно без верноподданных. Проществовав двадцать три года, Он очутился в жутком, нечеловеческом одиночестве»*^[2096].

Керенскому вторил другой либерал, писатель М. П. Арцыбашев: *«Если мы враги бывшего Императора, имеем хоть какое-нибудь оправдание именно в том, что мы были врагами, то никакого оправдания нет для тех, “кто с гордостью носил вензеля Государя своего”. Кто покорно склонялся к подножию Трона, кто тщеславился своей рабской преданностью обожжаемому Монарху и кто в решительную минуту предал его. Эти люди с умилением произносят теперь имя Государя, приходя в ярость, если кто-то осмеливается прибавить к его титулу слово “бывший”, но это не помешало им тихо отойти в сторону, когда “настоящего” свергали с Престола. Жалкие люди! Где были вы, когда несчастный Император судорожно метался между Псковом и Дно? Где*

были вы тогда, когда судьбе угодно было предоставить вам случай не на словах, а на деле доказать свою преданность? Преданность! Его предали все без исключения, без оговорок и без промедления. Это был единственный случай за всю историю Февральской революции, когда не было никаких колебаний!.. И в час гибели Династии у несчастного Последнего Царя не оказалось защитников, но зато в изобилии нашлись тюремишки и палачи»^[2097].

Глава 2. Тобольская ссылка (август 1917 – апрель – май 1918 г.)

Тобольск. «Дом Свободы»

6 (19) августа 1917 г., в праздник Преображения Господня, в 6 ч. 15 м. пароход «Русь» причалил к пристани сибирского города Тобольска. На борту парохода находилась Царская Семья, а также добровольно сопровождавшие их лица: генерал-адъютант граф И. Л. Татищев, гофмаршал князь В. А. Долгорукий, графиня А. В. Гендрикова, лейб-медик Е. С. Боткин, наставник Наследника Цесаревича П. Жильяр, гоф-лестрисса Е. А. Шнейдер, няня А. А. Теглева, камер-юнгфера М. Г. Тутельберг, комнатная девушка Императрицы А. С. Демидова, камердинер Государя Т. И. Чемодуров, камердинер Государыни А. А. Волков, детский лакей И. Д. Седнев, дядька Наследника Цесаревича К. Г. Нагорный, лакей А. Е. Трупп, старший повар И. М. Харитонов, поварской ученик Л. И. Седнев^[2098]. Позднее в Тобольск прибыли: преподаватель английского языка англичанин С. Гиббс, доктор медицины В. Н. Деревенко, фрейлина баронесса С. К. Буксгевден, камер-юнгфера М. Ф. Занотти^[2099].

Путь из Царского Села до Тюмени узники проделали на специальном поезде, а из Тюмени до Тобольска – на пароходе. В пути Царскую Семью сопровождал комиссар Временного правительства П. М. Макаров, член «Великого Востока народов России». Ему, Керенский поручил содержать в Тобольске Царскую Семью. По пути следования Царской Семье несколько раз пришлось столкнуться с предзнаменованиями их грядущего мученичества. 4 августа Император Николай II занёс в дневник: *«Перевалив Урал, почувствовали значительную прохладу. Екатеринбург проехали рано утром»*^[2100]. В это раннее утро поезд, на котором следовала Царская Семья, сделал остановку в городе, в котором меньше чем через год она будет злодейски убита.

5 августа пароход «Русь» проследовал мимо села Покровского – родины убитого 17 декабря 1916 г. Г. Е. Распутина. Когда пароход проходил мимо села, Государь, Государыня и Дети стояли на палубе и смотрели на высящийся над берегом Туры дом Распутина. Пьер Жильяр писал в своих воспоминаниях, что для Царской Семьи в этом *«не было ничего удивительного, потому что Распутин это предсказал»*^[2101]. Другой пассажир парохода, камердинер А. А. Волков, вспоминал: *«Когда пароход проходил мимо села Покровского – родины Распутина, Императрица, указав мне на село, сказала: “Здесь жил Григорий Ефимович. В этой реке он ловил рыбу и привозил ее нам в Царское Село”. На глазах Императрицы стояли слезы»*^[2102]. *«Вчера перед обедом проходили*

мимо села Покровского – родина Григория», – занёс Император Николай II в дневник^[2103].

По прибытии Царской Семьи в Тобольск оказалось что дом губернатора, где она должна была быть размещена, не готов к приему. С началом февральских событий резиденция тобольского губернатора Н. А. Ордовского-Танаевского, вынужденного скрыться из города, стала называться «Домом Свободы». Это сопровождалось расхищением имущества. По прибытии в Тобольск Царская Семья узнала, что *«помещения пустые, безо всякой мебели, грязны и переезжать в них нельзя»*^[2104].

В ожидании, пока власти сделают ремонт и приведут дом в порядок, Царская Семья и её свита жили на пароходе «Русь». Тоболяки собирались на пристани большими толпами и искали возможности увидеть Государя или кого-нибудь из Августейшей Семьи. В толпе явно чувствовалось сочувствие к ним. По приказу местных властей «Русь» отогнали на несколько вёрст вверх по реке и там причалили к пустынному берегу, где пароход и простоял неделю. Для Царской Семьи это были дни отдыха, когда она могла свободно гулять по живописному берегу Тобола, наслаждаясь относительным уединением и красивой природой Сибири. *«Милая Вера Георгиевна, – писала Великая Княжна Анастасия Николаевна В. Г. Карповой. – Приехали мы сюда благополучно. Живём пока на пароходе, т. к. дом не готов»*^[2105].

Наконец 13 августа Царская Семья получила разрешение

на въезд в губернаторский дом. По трагическому стечению обстоятельств за полтора года до прибытия в «Дом свободы» Царская Семья собиралась прибыть в Тобольск именно осенью 1917 г. на поклонение мощам святителя Иоанна Тобольского. Причём остановиться она должна была в губернаторском доме. 17 апреля 1916 г. Государыня говорила губернатору Н. А. Ордовскому-Танаевскому, что, когда *«кончится эта небывалая война»*, тогда *«осенью 1917 года мы всей семьей поедем: в Пермь – повесить доску на стенку дома, где был Император Александр I, проедем на канонизацию предка Михаила Никитича Романова, затем в Верхотурье, поклонимся мощам Симеона Чудотворца, и потом в Тобольск, к Святителю»*^[2106].

Путь от пристани до «Дома Свободы» Семья проделала пешком, за исключением Императрицы Александры Феодоровны, Цесаревича и Великой Княжны Татьяны Николаевны, которым был выделен хороший экипаж на резиновом ходу. Царская Семья следовала к губернаторскому дому через большие скопления тоболян. Иногда из толпы раздавались возгласы приветствия в адрес Государя: *«Здорово, Батюшка! Добро пожаловать!»*^[2107]

Местные татары собирались во главе с муллой в праздничные дни возле губернаторского дома и служили под открытым небом молебствия о здравии Царской Семьи. Еще в марте 1917 г., когда только первые слухи об отречении Государя достигли Тобольска, к губернатору Н. А. Ордовскому-Тана-

евскому пришла группа из двадцати пяти татар и спросила, верны ли слухи, что *«нет больше Царя на Руси, что, Царя, его Жену и Детей арестовали»*? Когда губернатор подтвердил эти сведения, татарские мулы сказали: *«Собирайте Тобольскую губернию, ведите выручать Царя-Батюшку и Семью»*^[2108].

Губернаторский дом представлял собой каменный двухэтажный особняк. В него вместе с Царской Семьей были допущены Т. И. Чемодуров, А. С. Демидова, А. А. Теглева, Е. Н. Эрсберг и М. Г. Тутельберг. Остальные лица свиты были поселены в доме купца И. И. Корнилова. (Впоследствии баронесса С. К. Буксгевден была перемещена в частную квартиру.)^[2109]

После размещения в доме по просьбе Государя был отслужен благодарственный молебен с водосвятием по случаю благополучного окончания путешествия. Обстановка в губернаторском доме была хорошая. *«По окончании в Губернаторском доме работ, – свидетельствовал камердинер Т. И. Чемодуров, – все поселившиеся в нём члены Государевой семьи разместились достаточно удобно; доставленная из Царского Села обстановка дала возможность устроить некоторый комфорт, и жизнь Царской семьи протекала в Тобольске почти в таких же условиях, как и в Царском Селе»*^[2110]. А. А. Волков вспоминал, что дом был *«довольно обширным и прилично обставленным. В нём удобно и хорошо разместились. В доме жила Царская Семья и служа-*

щие»^[2111].

В письме к А. А. Вырубовой Великая Княжна Мария Николаевна сообщала: *«Здравствуй, дорогая моя! Как давно Тебе не писала милая, так рада была получить Твою записочку. Грустно очень, что не видимся, но Бог даст опять встретимся и тогда такая радость будет. Живем в доме, где Ты была. Помнишь комнаты? Они очень уютные, в особенности, когда кругом вещи. Гуляем каждый день два раза. Есть милые люди и здесь. Вспоминаю Тебя душiku, ежедневно и очень люблю. М. Гиббс дал нам Твои карточки, так приятно было их иметь»*^[2112].

Николай II в письме к своей сестре Великой Княгине Ксении Александровне сообщал о жизни в Тобольске: *«Здесь мы устроились вполне удобно в губернаторском доме с нашими людьми и М. Gilliard, а сопровождающие нас в другом доме, напротив, через улицу. Живем тихо и дружно. По вечерам один из нас читает вслух, пока другие играют в домино и безик. Занятия с детьми налаживаются постепенно, также как в Ц. Селе»*^[2113].

Еда была хорошей и разнообразной. С. Гиббс писал, что завтрак, т. е. по-современному обед, состоял из супа, рыбы, мяса и сладкого, а также кофе. Обед, то есть ужин, *«был такой же как завтрак, но подавались ещё и фрукты»*^[2114].

Кухней в губернаторском доме заведовал старший повар И. М. Харитонов, которому Государь один раз сказал: *«Хорошо меня кормишь, Иван, совсем как в Царском»*^[2115]. Внача-

ле местному населению разрешалось в большом количестве приносить Царской Семье продовольствие. *«Население от-носилось к Ним хорошо, – вспоминала Е. Н. Эрсберг. – Много разных приношений из провизии присылалось Им. Многие продукты присылал монастырь»*^[2116]. Это был Иоанновский женский монастырь. В первое время существовал даже план размещения Царской Семьи в этом монастыре. С этой целью по просьбе Царя и Царицы к игуменье ездил А. А. Волков и осматривал помещения. Сама игуменья была очень рада возможности размещения Царской Семьи у неё в монастыре и показала А. А. Волкову дом, где бы Семья могла жить. Дом был большим, светлым и имел свою церковь. Но приезд в Тобольск эмиссара Временного правительства комиссара В. С. Панкратова сорвал этот переезд^[2117].

До приезда Панкратова режим содержания Царской Семьи был *«даже свободней, чем в Царском Селе»*^[2118]. Начальник охраны полковник Е. С. Кобылинский вспоминал, что *«никто не вмешивался во внутреннюю жизнь Семьи. Ни один солдат не смел входить в покои. Все лица свиты и вся прислуга свободно выходили куда хотели»*^[2119].

Однако такой режим был вызван в первую очередь хорошим отношением к Царской Семье со стороны полковника Кобылинского, и этот режим сразу стал меняться, как только Временное правительство взяло под контроль содержание Царственных узников в «Доме Свободы».

Е. Н. Эрсберг вспоминала, что *«Мария Николаевна, Та-*

тьяна Николаевна и Анастасия Николаевна вставали в 8 часов. И Алексей Николаевич вставал в это же время. Ольга Николаевна вставала в 9. Государь тоже вставал в 9. Императрица просыпалась рано, но обыкновенно Она до завтрака оставалась в кровати, занимаясь чем-либо. Государь пил чай у себя в кабинете с Ольгой Николаевной. Императрица пила утренний кофе всегда в постели. Все остальные пили чай в общей столовой. После чая Государь обыкновенно читал у себя в кабинете. Дети, кроме Ольги Николаевны, имели уроки до 11 часов. С 11 до 12 у них была перемена. В это время к Детям всегда приходил закусывать и Император. От 12 до 1 часа тоже были уроки. В час был завтрак. После завтрака Дети и Государь шли гулять. Очень редко выходила гулять Императрица, сидевшая иногда на балконе. В 5 часов был вечерний чай, который Семья пила всегда в кабинете у Государя. После чая Дети занимались опять. Если же не было уроков, занимались чем-либо: рисовали, вышивали. В 8 часов был обед. После обеда Дети играли или вообще свободно проводили время. В 11 часов был чай в гостиной Императрицы»^[2120].

Как во время Царскосельского заключения, Государь много физически работал, особенно любил колоть и пилить дрова «при участии Великих Княжон Ольги Николаевны, Татьяны Николаевны и Марии Николаевны»^[2121].

При помощи Жильера Государь устроил на оранжерее площадку, куда вела сделанная общими усилиями лестница.

На этой площадке вся Царская Семья любила посидеть на солнце. Великая Княжна Ольга Николаевна, закончившая в 1914 г. полный курс обучения, была освобождена от занятий. Государыня преподавала детям богословие и немецкий язык Великой Княжне Татьяне Николаевне. Государь преподавал историю Цесаревичу. Учительница К. П. Битнер преподавала детям математику, графиня А. В. Гендрикова – историю Татьяне Николаевне. С. Гиббс преподавал всем детям английский язык, а П. Жильяр – французский.

В свободное время ставили маленькие домашние спектакли. Играли чеховского «Медведя», французские пьесы. Главной отдушиной были прогулки, а главной радостью – богослужения. Вначале, когда Царской Семье ещё не разрешали ходить в церковь, богослужения совершались в зале губернаторского дома. Государь оставил в своем дневнике множество записей об этих молебнах^[2122].

К богослужению Семья готовилась очень тщательно. Особенно Государыня, которая брала на себя всю работу по обстановке и приготовлению зала к богослужению^[2123]. В центре зала была установлена икона Спасителя. В 8 часов вечера приходил священник Благовещенской церкви и четыре монахини из Ивановского монастыря. Богослужение проходило в присутствии лиц свиты и прислуги, которые располагались в зале по рангам в определенном порядке. Когда Государь и Семья входили в залу, все присутствующие, включая священника и монахинь, встречали их поясным покло-

ном^[2124]. Горячая молитва Узников производила впечатление даже на комиссара Панкратова. Позже он писал в своих воспоминаниях: *«Монашенки запели: “Слава в Вышних Богу, и на земли мир и в человеках благоволение...”*. *Вся семья Николая II становится на колени и усердно крестится, за нею падают на колени и все остальные»*^[2125].

Не сразу, но Панкратов дал разрешение Царской Семье время от времени посещать церковь Благовещенья Пресвятой Богородицы, которая находилась рядом с губернаторским домом. В годы хрущёвских гонений храм был взорван. Чтобы попасть в церковь, нужно было пройти через прилегавший к губернаторскому дому сад, в котором находилась часовня святого Благоверного Великого Князя Александра Невского, построенная в честь приезда в Тобольск Императора Александра II, в бытность его Наследником престола¹⁰. Построена эта часовня была по проекту архитектора А. А. Парланда, того самого, что построил в Санкт-Петербурге на месте убийства Царя-Освободителя знаменитый храм Спаса-на-Крови. На всём пути следования Царской Семьи расставлялись в две шеренги солдаты^[2126].

В саду и до самой Благовещенской церкви скапливалось большое количество народа, стремившегося увидеть Царскую Семью, на которую эта праздная толпа действовала угнетающе. Государь в своем дневнике 8 сентября писал, что присутствие большой толпы возле храма его *«глубоко изве-*

¹⁰ Часовня эта существует и в наши дни.

Священником Благовещенской церкви был отец Алексей Васильев, назначенный, по выбору епископа Гермогена, духовником Царской Семьи. Отец Алексей очень нравился Государю и Государыне, но его действия по отношению к Царской Семье нельзя назвать мудрыми. Позже его имя будет ассоциироваться с именем зятя Распутина Б. Н. Соловьева. Отношение к этому священнику со стороны многих из окружения Царской Семьи было отрицательным.

Присутствие на богослужениях плененного Царя сразу же стало окружено преданиями, которые свидетельствовали о благочестивой душе русского народа. Издаваемый русскими монархистами в Париже журнал «Двуглавый орёл» приводил рассказ П. Шабельского-Борка, который зимой 1918 г. был в Тобольске и разговаривал с одним местным ямщиком. Тот поведал, что во время Херувимской песни охранник-социалист Силантьев толкнул Государя в спину. *«Пошатнулся Государь. Народ так и ахнул. А Он поднял глаза к Пречистой, слова не сказал, только широко так перекрестился. Ропот пошёл по собору. Что же это такое делается? Надвинулся, было, народ на караульных, да вовремя опамятовался: караульные тут же наганы свои повынули, да на пленных в упор наставили. Чуть было чистые душеньки не загубили. Заплакали люди. Тут открылись Врата Царские, воздвиглась Чаша с Дарами Святыми. Вдруг как заревёт Силантьев истошным голосом: – Ай, ай! Сама Богородица! Глазами меня*

жгёт! О, силушки нет... Сгинь! Сгинь, уйди! Сама к Нему идёт. Сама Его приобщает. Сгинь! Сгинь! Бейте, товарищи! Ой, боюсь Её, боюсь! Бейте Их товарищи...

А сам корчится в судорогах, на полу валяется, хулит Господа, чертыхается. Насилу его из собора вытащили. Засуетились товарищи, заторопились. Стеною окружили Батюшку Государя и всю Фамилию и сторожко так повели Их из храма. А Они, как Агнцы, Божии светлые, пресветлые среди этой своры кромеишной по святому храму шествуют.

Сказывают, Силантьев этот на паперти из рук вырвался и с криком страшным и ругательствами от товарищей прочь убежал. С той поры, слышно, все по деревням бегают, места значит себе не находит, все о Богородице с Чашей золотой бормочет»^[2128].

Кстати, среди солдат Отряда особого назначения числился старший унтер-офицер 1-го Стрелкового полка Силанов^[2129]. Но независимо от того, было ли описываемое событие в действительности или же являлось народным воображением, оно убеждает нас в том, что народ по-прежнему продолжал любить Царя и жалеть его.

Отношение к заключенной Царской Семье со стороны тоболяков было разным. Были сочувствующие, были равнодушные, были преданные и люто ненавидевшие. Впрочем, Царской Семье писали и в Александровский дворец, и в «Дом Свободы», и потом в Ипатьевский дом со всей России. С. В. Фомин в своём исследовании этих писем делает

упор прежде всего на письма верноподданных людей. Конечно, для нас важнее мужество и благородство русских людей, которые с риском для себя продолжали в эти тяжелые дни писать Царской Семье письма, полные любви и сочувствия. Граф Ф. А. Келлер в письме на имя Керенского просил разрешить ему быть с Государем до конца. Двенадцатилетний мальчик Георгий писал: *«Всемиловитейший Государь Николай Александрович! Если Вам тяжело переносить заключение свое, то верьте и знайте, что миллионы русских сердец оплакивают Вас, как страдальца за святую Русь. На нашей планете, начиная Спасителем, немало было страдальцев; и на Вашу долю выпала эта горькая чаша. Люди злы, но миллионы русских сердец возносят мольбы к Богу об утешении Вас. Молитесь же и бодрствуйте! Верный и неизменный Вам 12-летний Георгий»*^[2130].

Или вот ещё одно письмо от неизвестной женщины: *«Дорогой Николай Александрович! От души поздравляю Вас с наступающим днём Вашего рождения и горячо молю Бога, чтобы Он Милосердный спас и сохранил Вас на многие и долгие годы, и так же Вашего Сына. Пожалуйста, я Вас очень прошу, расцелуйте его за меня крепко, крепко, я так горячо его люблю и всегда молю Бога о его здоровье. Искренне Вас любящая, Елена К.»*^[2131]

Но, говоря об этих письмах, полных самоотвержения и любви, мы не можем не коснуться, в силу темы нашего труда, тех посланий, которые были полны злобы и ненависти. Есте-

ственно, мы не будем цитировать эти примеры «политической порнографии». Но остановимся на характере одного из таких посланий, так как в нем отчетливо виден след той злой силы, с которой вел духовную брань Государь. Среди писем к Царской Семье имеются конверты, в которые были вложены фотографии Царя и Царицы с множественными прижиганиями сигаретами, причем у Царя были выжжены глаза, а у Государыни, которая была сфотографирована в платье сестры милосердия, прожжено всё тело. Как здесь не вспомнить коптяковское кострище, расчленение тел, соляную кислоту!

Все время пребывания в Тобольске Царя и Царицы отмечено тяжёлыми душевными переживаниями. Главной причиной этих переживаний была боль за судьбы Родины и русского народа. Конечно, тяжелее всего переживал за происходящее Император Николай II. Г. Е. Боткин вспоминал, что у него создалось впечатление, что в течение тобольского периода *«Император страдал более чем остальные»*^[2132].

20 октября, в день памяти Императора Александра III, Государь записал в дневник: *«Сегодня уже 23-я годовщина кончины дорогого Папà и вот при таких обстоятельствах приходится ее переживать! Боже, как тяжело за бедную Россию!»* 17 ноября Государь писал в дневнике: *«Тошно читать описания в газетах того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и в Москве! Гораздо хуже и позорнее Смутного времени»*.

Семья как могла старалась помочь Государю переносить

эти душевные страдания. Доктор Е. С. Боткин рассказывал своему сыну Глебу: *«Каждый раз, когда Император входит в столовую с грустным лицом, Великие Княжны, говорят тихо: “Папà сегодня грустный, надо поднять ему настроение”. И они это делают, рассказывая смешные истории, смеясь и в конце концов лицо Его Величества озаряется улыбкой»*^[2133].

Несмотря на тяжёлые душевные страдания, ни в дневниках, ни в письмах Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны нет ни намёка о беспокойстве за собственную судьбу, жалоб, упреков, осуждения в чей-то бы ни было адрес: только волнение за судьбу России, народа и дорогих им людей. 20 декабря 1917 г. Императрица в письме к А. А. Вырубовой сообщала, что Государь *«прямо поражен – такая крепость духа, хотя бесконечно страдает за страну, но поражаюсь, глядя на него. <...> Полная надежда и вера, что все будет хорошо, что это худшее и вскоре воссияет солнце. Но сколько еще крови и невинных жертв?! <...> О Боже, спаси Россию! Это крик души и днем и ночью. <...> Чувствую себя матерью этой страны и страдаю, как за своего ребёнка и люблю мою родину, несмотря на все ужасы теперь и все согрешения. Ты знаешь, что нельзя вырвать любовь из моего сердца и Россию тоже, несмотря на чёрную неблагодарность к Государю, которая разрывает мое сердце, но ведь это не вся страна. Болезнь, после которой она окрепнет. Господи смилуйся и спаси Россию!»*^[2134]

Из письма Государыни А. В. Сыробоярскому 29 ноября 1917 г.: *«Не теряйте веру в Божию милость, Он не оставит Родину погибнуть. Надо перенести все эти унижения, гадости, ужасы с покорностью (раз не в наших силах помочь). И Он спасет, долготерпелив и милостив – не прогневается до конца. Знаю, что Вы этому не верите, и это больно, грустно. Без этой веры невозможно было бы жить... Лишь о себе думали, Родину забыли – все слова и шум. Но проснутся многие, ложь откроется, вся фальшь, а весь народ не испорчен, заблудились, соблазнились. Некультурный, дикий народ, но Господь не оставит, и святая Богородица заступится за Русь бедную нашу»*^[2135]. Из письма Императрицы Александры Федоровны А. В. Сыробоярскому от 10 декабря 1917 г.: *«Бог выше всех, и все Ему возможно, доступно. Люди ничего не могут. Один Он спасёт оттого надо беспрестанно Его просить, умолять спасти Родину дорогую, многострадальную. Как я счастлива, что мы не за границей, а с ней все это переживаем. Как хочется с любимым больным человеком все разделить, вместе пережить и с любовью и волнением за ним следовать, так и с Родиной. Чувствовала себя слишком долго её матерью, чтобы потерять это чувство – мы одно составляем, и делим горе и счастье»*^[2136]. Эти строки написаны Императрицей после долгих лет самой чёрной клеветы, оскорблений, ненависти, изливавшихся на неё в России! Как верно писала Т. Е. Боткина: *«Несомненно, что из всех заключенных больше всего вы-*

держки, наибольшее присутствие духа было у тех, кто должен был больше всего страдать, – у Царской Семьи»^[2137].

Никому не дано познать, какие душевные муки должен был переживать Император Николай II. Та легкая литература, какую он читал в Тобольске, те домашние спектакли, пилка дров были вызваны потребностью хоть как-то смягчить давящий нечеловеческий груз того предвидения событий, которое открывалось Государю в тех молитвах «до кровавого поту», какими он молился. 11 марта Император Николай II писал: *«На первой недели начал читать Библию с начала»*; 13 марта: *«Так как нельзя читать всё время Библию, я начал так же ...»* (далее идет название книги); 19 апреля: *«Продолжал чтение Библии»*; 20 апреля: *«По утрам и вечерам, как все эти дни здесь, читал соответствующие Св. Евангелия вслух в спальне»^[2138].*

Государь постоянно, ежедневно читал Священное Писание, причём как для себя лично, так и вслух для своей семьи. В Екатеринбурге чтение Библии становится ежедневным два раза в день. Свидетельства об этом мы можем найти и в дневниках Императрицы Александры Феодоровны: *«19 апреля. Н. читал Евангелие на сегодняшний день. Н. читал мне Иова. Мы все сидели вместе, а Н. и Е.С. (Боткин), сменяя друг друга, читали 12 Евангелий»*; *«21 апреля. Н. читал Евангелие»*; *«23 апреля. Н. читал нам Евангелие»*; *«24 апреля. Н. читал нам Евангелие»*; *«25 апреля. Н., как и ежедневно, читал нам Евангелие»*; *«26 апреля. Н. читал нам Еванге-*

лие и отрывок из Библии на сегодняшний день»; «28 апреля. Н. читал нам отрывок из Евангелия»; «2 мая. Н. читал, как обычно, Евангелие, Деяния нам двоим»^[2139].

Чтение духовной литературы было для Императора Николая II насущной потребностью и естественным состоянием души. Этим чтением он занимался постоянно в течение всей своей жизни и поэтому он и говорил об этом редко, как о само собой разумеющемся явлении. Лишь по отдельным моментам воспоминаний мы можем судить, какие предвидения даровал ему Бог в последний год жизни. Все предсказания предыдущих лет – огненный шар над головой в детстве, «гатчинское письмо» монаха Авеля, письмо святого Серафима, два отшельника-молчальника, поклонившиеся ему в пояс в монастыре в 1916 г., – всё становилось для Императора Николая II как бы в одну логическую линию. Один молодой человек, пылкий монархист, сообщил Е. С. Боткину, что в Петрограде произошёл переворот и восстановлена монархия. Е. С. Боткин на это сказал, что всё это слухи, но он обязательно расскажет о них Их Величествам, которым будет приятно «услышать чаяния народа». На следующий день Е. С. Боткин рассказывал о том, какое впечатление произвёл его рассказ на Царскую Семью. «Государыня сказала: “Нам было известно, еще в 1916 году настроения Тобольской губернии из доклада Губернатора, Николая Александровича”. Потом обернулась к Государю: – Ведь помнишь? – Молчание. Государь, облокотившись о стол, углубился в свои мысли. –

Да, помню, – наконец, сказал он, – Да, да, да, Николай Александрович вернётся, но не скоро, и не как губернатор, а глубоким старцем. Монахом. Империя будет, но нас всех не будет. И как всё это верно! – Встал и медленно начал ходить. Я понял, что пора их покинуть»^[2140].

Нам не дано узнать, как пришли к Государю эти слова: повторял ли он пророчество монаха Авеля, Преподобного Серафима Саровского, Иоанна Кронштадтского, Распутина или озарение снизошло на него самого, но когда, через десятки лет, ставший архимандритом бывший губернатор Тобольска, глубокий 90-летний старик, приехал в Тобольск в составе православной духовной делегации, то, пораженный свершившимся, он воскликнул: *«Государь стал провидцем!»^[2141]*

Ещё большим предвидением стало духовное завещание Императора Николая II, переданное из Тобольска его старшей Дочерью Великой Княжной Ольгой Николаевной: *«Отец просил передать всем тем, кто Ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за Него, так как Он всех простил и за всех молится, и чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но не что зло победит зло, а только любовь»^[2142].*

27 марта 1918 г. Государь принялся читать книгу С. А. Нилуса «Близ есть при дверех...», которую назвал *«весьма современным чтением»^[2143].*

С приходом к власти большевиков материальное положение Царской Семьи значительно ухудшилось. По приказу Ленина вся Семья была переведена на солдатский паёк. На содержание Семьи, свиты и прислуги выделялось всего 4 тыс. рублей в месяц, что в условиях революционной инфляции было чрезвычайно маленькой суммой. Большевиками было резко ограничено число прислуги. Остальных пришлось уволить. Для того чтобы уволенные не остались без средств к существованию, Государыня решила в течение трёх месяцев из своих личных средств выплачивать им жалованье. Но этих денег не хватало. Императрица Александра Феодоровна приказала выплачивать оставшимся слугам две трети их жалованья, а оставшиеся деньги передавала уволенным слугам^[2144].

К концу 1917 г. Царская Семья обжилась в Тобольске. Ей нравился его сибирский здоровый климат. 4/17 октября 1917 г. Государь записал в своем дневнике: *«Было теплее, чем бывало иногда в Крыму в этот день. Ай да Тобольск!»*^[2145] Император и Императрица часто страдали зубами, в связи с чем им требовалась стоматологическая помощь. Единственным профессиональным стоматологом в Тобольске была еврейка М. Л. Рендель, которая часто лечила зубы Узникам «Дома свободы» и солдатам Отряда особого назначения. Под влиянием революционной пропаганды она была настроена крайне негативно к Государю. Однако после общения с ним Рендель была настолько очарована, что от-

крыто говорила об этом Панкратову и Кобылинскому.

В целом физическое здоровье Царской Семьи в Тобольске улучшилось, сказывался здоровый климат. Государь, привыкший к активному, спортивному образу жизни, и в Тобольске продолжал заниматься физическими упражнениями. Император устроил себе в саду висячий турник. Однако тяжёлые моральные страдания сказались на внешнем облике Государя: он сильно поседел, лицо ещё больше покрылось морщинами. Государыня также сильно изменилась: она сильно похудела и сделалась *«совсем седая»*, как писала она Вырубовой.

Великие Княжны и Наследник, наоборот, повзрослели и оправились от тяжелой кори, которая была у них в Царском Селе. К концу тобольского заточения Великие Княжны заболели лёгкой формой краснухи, которой они заразились от Коли Деревенко, сына доктора В. Н. Деревенко. 30 марта у Цесаревича Алексея Николаевича случился тяжёлый приступ гемофилии – кровоизлияние в паху. Император Николай II занёс в свой дневник, что Цесаревич *«ночь совсем не спал и днём сильно страдал бедный»*^[2146]. 1 апреля состояние мальчика не улучшилось: *«Алексей пролежал весь день; боли продолжались, но с большими перерывами»*. Татьяна Мельник-Боткина писала, что болезнь Алексея Николаевича стала для всех большим несчастьем, *«так как он очень страдал; у него появилось также внутреннее кровоизлияние от ушиба, уже так измучившее его в Спале. Страшно живой и весе-*

лый, он постоянно прыгал, скакал и устраивал очень бурные игры. Одна из них – катание вниз по ступенькам лестницы в деревянной лодке на полозьях, другая – какие-то импровизированные качели из бревен. Не знаю, во время которой из них, но Алексей Николаевич ушибся и опять слег»^[2147].

2/15 апреля П. Жильяр записал в свой дневник: «Алексей Николаевич очень страдал вчера и сегодня. Это один из его сильных припадков гемофилии»^[2148]. Приступы продолжались и дальше, с небольшими перерывами. Наследник обессилел, лежал целыми днями в постели. В этот тяжёлый для Царской Семьи момент в Тобольск приехал комиссар Яковлев.

Комиссар В. С. Панкратов и охрана Царской Семьи в Тобольске

В Тобольской ссылке Царскую Семью охраняло 330 солдат под командованием семи офицеров из 1-го, 2-го и 4-го Гвардейских полков. Это воинское подразделение носило наименование Отряда особого назначения. Ипатьевский Дом в Екатеринбурге, где будет заключена Царская Семья и где она примет мученическую смерть, также будет называться Домом особого назначения. Это «совпадение» лишний раз свидетельствует о том, что между Временным правительством и большевиками в отношении Царской Семьи были общие цели.

Многие из солдат охраны имели Георгиевские кресты^[2149]. Командовал охраной полковник Лейб-гвардии Петроградского полка Е. С. Кобылинский. По мистическому стечению обстоятельств Кобылинский был дальний потомок Андрея Кобылы – предка Романовых^[2150]. В руках полковника была сосредоточена вся полнота власти, местным властям он не подчинялся. *«Первое время, – писал следователь Н. А. Соколов, – приблизительно месяца 1 ½, было едва ли не лучшим в заключении Семьи. Жизнь сразу вошла в спокойное, ровное русло»*^[2151]. Безусловно, что главной причиной этого спокойствия было отношение к Царской Семье полковника Кобылинского.

Судьба этого человека глубоко трагична. Герой Германской войны, полковник Кобылинский был тяжело ранен под Лодзью, вернулся в строй, был вторично ранен и потерял боеспособность. После Февральской революции Кобылинский оказался в составе караула, несшего охрану арестованной Царской Семьи в Александровском дворце. Тем не менее, несмотря на то что он оказался в позорной роли тюремщика своего Государя, Кобылинский, по словам следателя Н. А. Соколова, *«в исключительно трудном положении до конца проявил исключительную преданность Царю»*^[2152].

Кобылинскому приходилось очень тяжело. С одной стороны, он был проводником политики Временного правительства в отношении Царской Семьи, с другой – командиром солдат, всё более разлагавшихся под воздействием револю-

ционной пропаганды. При этом Кобылинский глубоко любил Царскую Семью. Это стало главным фактором, который определил всю его дальнейшую жизнь. Кобылинский пресекал хулиганские выходки отдельных солдат, препятствовал «революционным» инициативам комиссара Панкратова, выискивал средства на содержание Царской Семьи, как мог пытался скрасить её однообразную жизнь. В тяжелых условиях Кобылинский сумел до конца сохранить контроль над ситуацией, и можно с уверенностью сказать, что, пока Царская Семья была под его охраной, с ней не могло случиться ничего плохого. Все это стоило полковнику тяжёлых моральных переживаний. В какой-то момент, после прихода к власти большевиков, Кобылинский пал духом. Это случилось после того, как солдатский комитет постановил обязать Императора Николая II, Наследника Цесаревича и всех офицеров снять погоны. Кобылинский и председатель солдатского комитета Матвеев отправили в Москву во ВЦИК телеграмму, в которой просили санкционировать снятие погон *«с бывшего императора и бывшего наследника»*^[2153]. Через день в «Дом Свободы» пришёл ответ из Москвы, подписанный Аванесовым, в котором указывалось, что *«бывшие император и наследник находятся на положении арестованных, и постановление отряда снять с них погоны Центральный Исполнительный Комитет находит правильным»*^[2154]. Снятие погон стало тяжким оскорблением для Государя, который 8 апреля 1918 г., вопреки своей обычной выдержке, записал в днев-

ник, что *«этого свинства я им никогда не забуду!»*^[2155]

Морально сломленный Кобылинский пошёл к Государю и заявил ему: *«Ваше Величество, власть ускользает из моих рук. С нас сняли погоны. Я не могу больше Вам быть полезным. Если вы мне разрешите, я хочу уйти. Нервы у меня совершенно растрепались. Я больше не могу»*^[2156]. В ответ Государь обнял полковника и сказал: *«Евгений Степанович, от себя, от жены и детей, я Вас прошу остаться. Вы видите, что мы все терпим. Надо и Вам потерпеть»*. Потом он обнял меня, и мы поцеловались. Я остался и решил *«терпеть»*^[2157].

Это терпение Кобылинского вызывало уважение старых солдат. Один из них рассказывал, что их командир испытывает от революционизированных солдат ругань и хамское обращение, а *«он терпит»*^[2158]. *«Я отдал Царю самое дорогое, что было у меня – свою честь»*, – сказал позже полковник.

На этом фоне особой трагедией Кобылинского стало то, что именно ему было суждено попасть в расставленную большевистскую ловушку и добровольно передать Царскую Семью в руки свердловского ставленника комиссара Яковлева, который доставил её в Екатеринбург. После убийства Царской Семьи Кобылинский был отвергнут белым офицерством. В 1920 г. Кобылинскому удалось уехать в Китай. В 1927 г. его обманом выманили в СССР, где он был схвачен ГПУ и после истязаний расстрелян. Причины, по которым Е. С. Кобылинский вернулся в СССР, до сих пор неясны.

В Тобольске Царская Семья продолжала находиться на положении арестантов. Губернаторский дом был окружён выстроенным забором, вдоль которого постоянно патрулировали часовые. Комиссар Макаров вскоре был сменен старым революционером В. С. Панкратовым. Последний был членом «Народной воли», в своё время отсидел 14 лет в Шлиссельбургской крепости за убийство (будучи молодым человеком, он убил полицейского, который *«грубо обошёлся с его возлюбленной»*). Освободившись, Панкратов проживал в Петербурге, где в 1912 г. он вступил в «Великий Восток народов России»^[2159]. Имеется множество свидетельств, в том числе и людей, находившихся в тобольской ссылке вместе с Царской Семьей, которые положительно свидетельствуют о Панкратове. А. А. Теглева писала, что Панкратов был *«человек по душе хороший, добрый и сердечный. К Семье, в особенности к Княжнам и особенно к Марии Николаевне, он относился хорошо. Панкратов проявлял заботу о Семье, как мог»*^[2160]. То же самое полагала и Е. Н. Эрсберг, называвшая Панкратова *«хорошим, честным, добрым человеком»*, хорошо относившимся к Царской Семье^[2161]. Сидней Гиббс считал, что Панкратов был человеком *«неплохим, но слабым»*^[2162]. Пьер Жильяр также полагал, что комиссар *«не был дурным человеком»*^[2163].

Однако объективные свидетельства не дают никаких данных для того, чтобы полагать, что Панкратов «любил Царскую Семью» и делал все для облегчения её жизни. 21 ок-

тября, в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, Панкратов не пустил Царскую Семью в церковь. 26 декабря приехавшая из Петрограда баронесса С. К. Буксгевден не была допущена к Царской Семье *«по капризу Панкратова»*. По приезде в Тобольск комиссар ужесточил режим содержания Царской Семьи. Именно Панкратов изменил его и сделал арестантским, и именно он не допустил перевода Августейших Узников для местожительства в Иоанновский монастырь. Ярким свидетельством «доброго» отношения Панкратова к Царской Семье служит его письмо А. Ф. Керенскому от 20 сентября 1917 г. В нем Панкратов объясняет, почему он не может разрешать Царской Семье совершать загородные прогулки, гарантированные Временным правительством. Панкратов писал, что эти прогулки *«при отсутствии соответствующих средств передвижения – автомобилей или карет пришлось бы делать при помощи извозчиков. Для этого потребуются целая кавалькада, так как и для стрелков тоже понадобятся извозчики, что слишком шумно и сложно. Так я отказал в этих загородных прогулках б. ц. (бывший царь. – П. М.), который живёт с достаточными удобствами. Двор, где он и его семья гуляют, достаточно большой, воздуха более чем нужно»*^[2164]. Панкратов сообщал Керенскому о том, что *«бывший царь просил моего разрешения допустить в качестве законоучителя к его младшей дочери священника Благовещенской церкви отца Алексея. Я ему ответил, что закон божий (написано с*

маленькой у Панкратова. — П. М.) может преподавать гос-пожа Битнер, о которой я уже сообщал министру-Председателю. Бывший царь заявил, что для него это неприемлемо. Я же со своей стороны нашел невозможным допустить священника как законоучителя, мотивируя отказ тем, что всякие посторонние лица, посещающие помещение б. ц. осложняют обстановку охраны. Преданный Панкратов»^[2165].

Прибыв в Тобольск, Панкратов первым делом начал вести среди солдат «просветительные» речи, направленные против Царя. Именно под влиянием этих речей солдаты стали хуже относиться к Царской Семье. Если раньше Государь и Царские Дети имели с солдатами «непосредственное общение, ходили в помещение охраны, играли с солдатами в лото», то теперь «солдаты с каждым днем становились грубее»^[2166]. Теглева вспоминала, что после появления Панкратова «солдаты стали распускаться. Это происходило из-за того, что Панкратов и Никольский “просвещали” их разговорами о политике»^[2167].

В 1925 г. В. С. Панкратов написал книгу воспоминаний «С Царем в Тобольске». В ней бывший комиссар «Дома Свободы» излил всю свою «любовь» к Царской Семье. Она-де была и плохо образована, и недалёка, и скупа. В качестве доказательства последнего Панкратов приводит факт, когда он обратился к Царской Семье с просьбой о пожертвовании на нужды фронта. Когда ему вернули подписной лист, то Пан-

кратов «был поражен» тем, что «семья в семь человек жертвует только 300 рублей, имея только в русских банках свыше ста миллионов»^[2168]. Это смел писать человек, ни дня не пробывший на фронте, в адрес Семьи, которая посвятила все свои силы победе русского оружия. После революции средства Царской Семьи были взяты под контроль Временным правительством. Царская Семья была фактически лишена своих сбережений^[2169]. Повар И. М. Харитонов ходил к зажиточным людям Тобольска и просил для Царской Семьи продукты в долг. Примечательно, что ни у одного из этих зажиточных людей, обязанных своим богатством Государю Императору, не пришла в голову мысль о безвозмездной помощи Царской Семье. «Свершились позорнейшие для чести русского народа события: ходили по городу Тобольску и выпрашивали деньги у частных лиц на содержание Царской Семьи, – писали очевидцы. – Один из купцов дал денег под вексель, к великому бесчестью всех буржуазно-интеллигентных слоев русского общества, столь легко отказавшихся от святых исторических идеалов – прийти бескорыстно на помощь своему Императору»^[2170]. Е. С. Кобылинский показывал на следствии: «Деньги уходили, а пополнений мы не получали. Пришлось жить в кредит. Наконец, повар Харитонов стал мне говорить, что большие “не верят”, что скоро и отпускать в кредит большие не будут»^[2171].

В таких условиях даже триста рублей были для Царской Семьи значительной суммой. Мог ли представитель прави-

тельства, кем являлся В. С. Панкратов, не зная об обстоятельствах финансового положения арестованной Царской Семьи? Конечно, нет. Он отлично знал об этом положении, но клеветал. Эта клевета приобретает особо циничную и безобразную форму, когда комиссар пишет о «скупости» Императрицы Александры Феодоровны, которая, как дерзал писать Панкратов, *«не была скупа во всех случаях, нет. Известны её пожертвования на германский Красный Крест, уже во время войны. Известны ее дары Григорию Распутину. Да, Алиса была скупа для России. Она могла бы быть с людьми, которые готовы были жертвовать Россией»*^[2172]. Примечательно, что это написано Панкратовым уже после убийства Царской Семьи. Мы оставляем читателю самому судить, насколько комиссар В. С. Панкратов «любил» Царскую Семью и насколько это был «добрый и порядочный человек».

Вместе с В. С. Панкратовым в Тобольск прибыл и его помощник А. В. Никольский. Если о Панкратове общее мнение было положительным, то о Никольском – полностью отрицательным. Государь, который обычно был сдержан в оценке людей, называл Никольского «поганым»^[2173]. Е. Н. Эрсберг писала, что *«Никольский был страшно грубый и недалёкий. Он худо относился не только к Ним, но и к нам»*. По приказу Никольского солдаты разбили ящики с бутылками присланного Царской Семье из Петрограда лекарственного вина «Сан-Рафаэль»^[2174]. С. Гиббс свидетельствовал, что *«Никольский был грубый. Они его не любили»*. При этом во всех

воспоминаниях приводится утверждение, что Никольский имел более сильную волю, чем Панкратов, и все антицарские выходки были его инициативой.

Отношения между Царской Семьей и солдатами охраны было неоднозначными. Солдаты *«разделялись на две партии. Одна партия относилась к семье хорошо, другая худо. Когда дежурили хорошие солдаты, Государь ходил к ним в караульное помещение, где помещались дежурные солдаты, разговаривал с ними, играл в шашки. Ходил туда к ним и Алексей Николаевич, и Княжны тоже ходили с Государем. Плохие – хулигальничали. Однажды они вырезали какие-то нехорошие слова на доске качелей, которыми пользовались Княжны. Однажды они перерыли широчайшей канавой ледяную гору, которую собственноручно делала Августейшая Семья при помощи свиты и прислуги. Этим они лишили её в сущности единственного развлечения на воздухе»*^[2175].

Но даже многие солдаты, настроенные против Императора Николая II, под его влиянием меняли к нему свое отношение. В. Криворотов в своем романе *«На страшном пути до Уральской Голгофы»* приводит один разговор, состоявшийся между Императором Николаем II и одним унтер-офицером отряда. Хотя мы стараемся не приводить цитаты из художественных произведений, но с Криворотовым дело обстоит несколько иначе. Его книгу трудно назвать чисто художественным произведением. Скорее это историческое повествование, облечённое в художественную форму. Факты,

приводимые Криворотовым, имеют реальную историческую фактуру. Криворотов пишет, что однажды Государь зашёл в караульное помещение и поприветствовал солдат. Солдаты ответили на его приветствие, а один унтер-офицер по фамилии Челябин его проигнорировал. Государь заинтересовался этим унтер-офицером и принялся с ним разговаривать. Тот сначала отвечал Царю враждебно, называя «гражданин Романов». Выяснилось, что этот унтер-офицер из студентов, был призван Временным правительством в армию, прошёл учебные курсы и был произведён в унтер-офицеры. Он рассматривался новой властью как благонадежный элемент, способный влиять на солдатскую массу в нужном для нее русле. В ходе беседы выяснилось, что его родители были учителями гимназии и убеждёнными монархистами. Разговаривая с Челябиным, Государь полностью обезоружил собеседника: тот был смущен и растроган. Закончился разговор тем, что Челябин, прощаясь с Государем, вытянулся в струнку и называл Императора не иначе как «Ваше Императорское Величество»^[2176].

Находясь в заключении, Царь и Царица по-прежнему воспринимали солдат как своих, которых они любили и о которых заботились. *«Во время чая – до 5 час. – пошли с Аликс в караульное помещение, – читаем мы в дневнике Государя за 24 декабря 1917 г., – и устроили ёлку для 1-го взвода 4-го полка. Посидели со стрелками, со всеми сменами до 5 ½»*^[2177]. Примечательно, что отношение к Царской Семье среди сол-

дат определялось, как правило, длительностью их пребывания на фронте. Вопреки лжи о ненависти солдатской массы к Царю, старослужащие фронтовики уважительно и даже любовно относились к личности Государя Императора. И наоборот, дезертиры и молодежь, не побывавшая на фронте или побывавшая очень мало, относились к Императору с враждой и неприятием. Причём фронтовики и «молодые» часто конфликтовали между собой. Так, один красноармеец, не относящийся к Отряду особого назначения, подбежал к забору и обратился к солдату, несущему караул на территории «Дома Свободы»: «— *Товарищ! Эй, товарищ! Покажи мне Николку Кровавого! – Ответ часового и жест винтовкой выразительный: – Я тебе не товарищ, трус, сбежал с фронта? Счастье твое, что стоишь далеко. Я бы показал тебе Николку, даже Кровавого! Здесь бывший Император, ныне полковник Николай Александрович Романов и его семья! От таких сволочей как ты, мы их и охраняем! Кого он окровавил? Кровавите вот такие, как ты. Беги мимо – застрелю!*»^[2178]

Один стрелок 1-го полка особенно хорошо относился к Царской Семье, старался как мог облегчить ей её жизнь в неволе. Когда истёк срок службы, этот стрелок не хотел покидать Царя, считая, что его долг и дальше служить ему. Но молодые солдаты не позволили этому стрелку остаться^[2179].

Естественно, что революционные власти стремились в первую очередь отдалить от Царя именно старых, верных

ему солдат. В январе 1918 г. большевики отправили таких солдат по домам. Уходившие солдаты потихоньку шли в кабинет к Государю, прощались с ним и лобызались. *«Во время утренней прогулки, – писал Николай II в дневнике, – прощались с уходящими на родину лучшими нашими знакомыми стрелками. Они очень неохотно уезжают теперь зимой и с удовольствием остались бы до открытия навигации»*^[2180]. Провожая этих солдат, Государь и Государыня поднялись на ледяную горку и долго смотрели им вслед. Сразу же после этого оставшиеся молодые солдаты срыли эту горку. Образовавшийся солдатский комитет, состоявший в основном из молодых солдат и дезертиров, всё больше брал власть в свои руки.

Один раз Государь надел черкеску, на которой у него был кинжал. Солдаты увидели этот кинжал и стали требовать у полковника Кобылинского провести обыск у членов Царской Семьи на наличие у них оружия. Полковнику Кобылинскому с трудом удалось успокоить солдат не делать обыска. В другой раз солдат Дорофеев, присутствующий на богослужении в качестве наблюдателя за Царской Семьей, поднял скандал на основании того, что дьякон упомянул во время службы «Святую Царицу Александру». По своему невежеству Дорофеев решил, что речь идет об Императрице Александре Феодоровне.

После того как о. Алексей Васильев упомянул имена Их Императорских Величеств полным титулом, солдаты запре-

тили Царской Семье ходить в храм, а самого священника хотели убить. Солдатский комитет безо всякого повода выселил прислугу из отдельного дома купца Корнилова и поселил ее вместе с Царской Семьей, создав ей дополнительные неудобства.

Раздражение солдат особенно усилилось, когда большевики перестали платить им жалование. Это раздражение перекинулось на Царскую Семью, которая воспринималась главной виновницей солдатских неустройств, и Кобылинскому все труднее приходилось его сдерживать.

Но, несмотря на все бесчинства, солдаты не имели никаких злонамеренных целей в отношении Царской Семьи. Более того, несмотря на всё своё озлобление, они не решались открыто не подчиняться Е. С. Кобылинскому. Даже когда, по их решению, после большевистского переворота комиссар Временного правительства В. С. Панкратов и его помощник А. В. Никольский были изгнаны солдатами, Е. С. Кобылинский остался и продолжал командовать отрядом, хотя никакой легитимной власти у него больше не было.

Солдаты отряда, при всей нелепости подобной ситуации, осознавали себя зависимыми от тех, кого они содержали под стражей. Они считали, что, пока Царская Семья находится в их руках, это является лучшей гарантией, что им выплатят жалованье. Кроме того, подспудно солдаты, при всей своей серости, не были убеждёнными большевиками, они сами по себе не хотели зла Царской Семье, тем более не хотели

её убийства. Солдаты боялись ответственности, если с Царской Семьей что-нибудь случится. Эти обстоятельства и стали главной причиной того, что солдаты Отряда особого назначения являлись главным препятствием для большевиков в их планах по вывозу Царской Семьи из Тобольска.

Глава 3. На пути к Екатеринбургской голгофе

Царская Семья в сфере германских интересов

Крушение Императорской России стало для кайзеровской Германии большим и неожиданным подарком. К началу 1917 г. рейх был истощён как экономически, так и в людских ресурсах. На весну-лето союзники готовили общее наступление. В таких условиях сильно ослабленная кайзеровская армия, несмотря на все свои боевые достоинства, не смогла бы долго противостоять давлению с запада и востока. Катастрофа Германии стала вполне возможной в конце 1917 – начале 1918 г.^[2181]

Внезапное падение монархии в России, разложение и дезорганизация русской армии в одночасье всё изменили. Тот же Людендорф писал, что *«поспешествующая силами Антанты»* Февральская революция делала обстановку на фронте благоприятной для Германии. Наступление армии Временного правительства на Юго-Западном фронте летом 1917 г. полностью провалилось. 21 августа германские войска вступили в Ригу. И угрожали непосредственно Петрограду. Все выдающиеся успехи, которые достигла русская армия

под водительством Императора Николая II, были сведены к нулю Керенским и генералитетом Ставки. Победа большевиков, в руководстве которых было немало людей, так или иначе связанных с германскими спецслужбами, привела Россию к «похабному» Брестскому миру, потере обширных территорий и к выходу из войны. Германия торжествовала.

В этих условиях, судьба Императора Николая II и его Семьи мало заботила германские правящие круги. Руководство рейха прекрасно было осведомлено о твёрдой патриотической позиции Государя и его отрицательном отношении к какому-либо соглашению с кайзером, которого Николай II считал опасным и коварным врагом. Узнав о Брестском мире, Царь записал в свой дневник 18 ноября 1917 г.: *«Как у этих подлецов большевиков хватило нахальства исполнить их заветную мечту предложить неприятелю заключить мир, не спрашивая мнение народа, и в то время, что противником занята большая полоса страны?»* ^[2182] Вообще известие о Брестском мире потрясло Николая II. П. Жильяр свидетельствовал: *«Как ни старался владеть собой Государь, при всей своей выдержанности, он не мог скрыть своих ужасных страданий, которым он подвергался преимущественно со времени Брестского договора. С ним произошла заметная перемена. Она отражалась на его настроении, духовных переживаниях. Я бы сказал, что этим договором Его Величество был подавлен, как тяжким горем. В это именно время Государь несколько раз вел со мной разговоры на поли-*

тические темы, чего он никогда не позволял себе ранее. Видно было, что его душа искала общения с другой душой, чтобы найти себе облегчение. Я могу передать смысл его слов, его мысли. До Брестского договора Государь верил в будущее благополучие России. После же этого договора он, видимо, потерял эту веру. В это время он в резких выражениях отзывался о Керенском и Гучкове, считая их одними из самых главных виновников развала армии. Обвиняя их в этом, он говорил, что тем самым, бессознательно для самих себя, они дали немцам возможность разложить Россию. На Брестский договор Государь смотрел как на позор, как на измену России и союзникам. Он говорил приблизительно так: «И они смели подозревать Ее Величество в измене? Кто же на самом деле изменник?» На главарей большевистского движения Ленина, Троцкого Государь определенно смотрел как на немецких агентов, продавших Россию немцам за большие деньги. Отношение Его и Её Величества к немецкому правительству и к главе его императору Вильгельму, ввиду Брестского договора, было исполнено чувства презрения. Они оба выражали свои чувства за то, что немецкое правительство и император Вильгельм унизили себя до общения с большевиками и до таких приёмов борьбы»^[2183].

Поэтому германская верхушка, понимая, что Николай II никогда не пойдёт с ней на сговор, с полным равнодушием относилась к судьбе Царской Семьи. В 1918 г., после убийства Царской Семьи, генерал-майор М. Н. Леонтьев, бывший

командир 85-го Выборгского полка, шефом которого был до войны 1914 г. Вильгельм II, написал ему открытое письмо, в котором он прямо обвинял кайзера в соучастии в Екатеринбургском убийстве. Генерал писал, что достаточно было *«одного слова вашего Мирбаха, чтобы семья бывшего Царя охранялась большевиками пуце своего глаза, ибо ведь собственная жизнь для большевистских главарей тоже дорога»*. Леонтьев напрямую связывал имя Вильгельма II с *«именами представителей позорнейшего периода русской истории Лениным и Троцким»*^[2184]. Кайзер в изгнании пытался оправдаться в обвинениях в потворстве екатеринбургского злодеяния и писал: *«На моих руках нет крови несчастного Царя»*^[2185].

Однако это была ложь. 15 марта 1918 г. датский король Христиан X телеграфировал Вильгельму с просьбой вмешаться в разрешение судьбы *«низвергнутого Монарха и его Семьи»*. Кайзер ответил, что хотя он и разделяет озабоченность короля по поводу *«такой близкой ему Царской Семьи»* и ему бы хотелось обеспечить ей более достойное и надежное будущее, но соображения реальной политики отодвигают соображения человеколюбия. Вильгельм II прямо заявлял, что его вмешательство невозможно, так как оно может быть истолковано как стремление восстановить на престоле Династию Романовых, что в данный момент нежелательно для Германии^[2186]. Таким образом, германский император сознательно ставил будущее Царской Семьи в полную зави-

симось от большевиков^[2187].

Бывший статс-секретарь рейха Готлиб фон Ягов в 1935 г. свидетельствовал, что немецкая дипломатия устранилась от вопроса о судьбе бывшего Царя, и все её усилия ограничились лишь несколькими строго официальными представлениями о «принцессах германской крови». На эти запросы приходили успокоительные ответы наркома Чичерина, и германская сторона не очень стремилась к большей определенности^[2188].

После убийства Царской Семьи с уст Вильгельма II не следело ни одного обвинения в адрес большевиков. Наоборот, в своём последнем выступлении перед рабочими завода Круппа 11 сентября 1918 г. германский император назвал большевистский режим *«ультра-демократическим правительством, которое русский народ признал»*^[2189]. Напомним, что эти слова были сказаны спустя три месяца после Екатеринбургского злодеяния.

Однако к весне 1918 г. политическая ситуация начала меняться снова не в пользу Германии. Брестский мир не принёс немцам желаемого результата. Своими действиями большевики всё больше убеждали германское руководство, что они используют Германию в своих целях. В Берлине уже не сомневались в тесных связях большевиков и немецких социал-демократов. В германской армии с каждым днём набирали силу пацифистские тенденции, чувствовался разлагающий дух большевистской пропаганды. Помимо этого, в

правлящей верхушке рейха понимали, что большевики не являются законным русским правительством, а Брест-Литовский пакт нелегитимен. Особенно опасались большевиков в военном руководстве Германии. Берлин всерьёз задумался об их замене. Прибывший в Москву посол рейха при советском правительстве граф В. фон Мирбах начал активно искать встреч с антибольшевистскими силами.

Наилучшим выходом из положения для немцев могло бы стать признание Брестского мира Императором Николаем II или Великим Князем Михаилом Александровичем, содержащимся в тюремной больнице Перми. Скорее всего, первые предложения германцев были сделаны именно ему. 25 марта 1918 г. Великого Князя неожиданно освободили и разрешили жить с личным секретарем в гостинице под надзором пермского ЧК. Однако, по всей видимости, Великий Князь Михаил Александрович ответил категорическим отказом на германские предложения, что сыграло не последнюю роль в его мученической кончине. Что касается Государя, то в Берлине прекрасно знали его непримиримую позицию по вопросу сепаратного мира. Такой же позиции придерживалась и Государыня. В своем письме А. А. Вырубовой от 2/15 марта 1918 г. она писала: *«Бедная родина, измучали внутри, а немцы искалечили снаружи, отдали громадный кусок, как во времена Алексея Михайловича, и без боя во время революции. Если они будут делать порядок в нашей стране, что может обиднее и унижительнее, чем быть обязанным вра-*

ду — Божье спаси. Только они не смели бы разговаривать с Папой и Мамой (т. е. с Императором и Императрицей. — П. М.)»^[2190]. В другом письме, к Ю. А. Ден, Государыня с ужасом писала, что А. А. Вырубова видит в немцах избавителей от большевиков: «А немец перед дверью! <...> и все смотрят на (него. — П. М.), как на спасителя. Божье, до чего дошли, что смотрят на врага, чтобы избавить их от внутреннего врага»^[2191].

Восстановление на престоле Императора Николая II стало бы для Берлина опасным и непредсказуемым шагом. Высокопоставленный дипломат Г. Н. Михайловский, который был близок к русским монархическим германофильским кругам, вспоминал: «Я не исключая того, что велись весьма деликатные переговоры немцев с самим Николаем II насчет его взглядов на будущую русско-немецкую дружбу, и что ответ Царя их не вполне удовлетворил. Но это лишь предположение, фактом, во всяком случае, было то, что немцы в лице Мирбаха не согласились на монархический переворот и замену большевиков, в чем германофильстве они не сомневались, Николаем II»^[2192]. Предположения Г. Н. Михайловского подтверждаются воспоминаниями представителей правой эмиграции. Они утверждали, что германское руководство в 1918 г. под видом сотрудников Красного Креста посылало в Тобольск своих представителей, которые предлагали Государю подписать договор о сепаратном мире с Германией. За это немцы обещали спасти его и всю Семью. Однако Государь

категорически отказался вступать с германцами в какие-либо соглашения^[2193].

Гораздо надёжнее для немцев был вариант с воцарением на престоле малолетнего Цесаревича Алексея. Сформированное вокруг него прогерманское правительство стало бы лучшим гарантом соблюдения в России интересов рейха. Н. А. Соколов считал, что именно так и воспринимал Государь причины его увоза из Тобольска. Царь, «считая главарей большевизма платными агентами немцев, думал, что немцы, желая создать нужный им самим порядок в России, чтобы, пользуясь её ресурсами, продолжать борьбу с союзниками, хотят дать возможность его сыну воспринять власть и путём измены перед союзниками заключить с ними соглашение»^[2194].

Кстати, эти устремления германцев в пользу Алексея Николаевича подтверждает Роберт Вильтон: «Меры к восстановлению царской власти были приняты скоро после заключения Брест-Литовского договора; в апреле Свердлову было поручено устроить возвращение Государя и Цесаревича Алексея в Москву. Чтобы народ принял восстановление Династии, требовалось облечь таковое в торжественную обстановку. Кандидатом германцев был юный Алексей, который был бы более податлив их влиянию»^[2195].

С. П. Мельгунов писал, что «слухи о подготовляющейся реставрации были распространены повсюду в самых разнообразных кругах. <...> Даже в большевистских концепци-

ях монархическая реставрация становилась выходом из тогдашнего критического положения, в которое попала новая власть. Мой современник, подневными записями которого я пользуюсь постоянно для характеристики настроений эпохи революции, занёс в свою летопись не сплетни, не стоустую молву, а подлинные разговоры близких Ленину людей о целесообразности в случае необходимости со стороны большевиков сдачи власти, восстановление в России монархии»^[2196]. Среди большевистского окружения ходили упорные слухи, что на престол «собираются посадить Алексея, а регентом Генриха Прусского»^[2197].

Но германские правящие круги не собирались во что бы то ни стало восстанавливать в России монархию. Однако и исключать такое развитие событий они не могли. В любом случае германскому руководству было безразлично, в чьих руках будут находиться Император Николай II и Наследник престола. Немцы были заинтересованы в том, чтобы они находились в поле их досягаемости. Перевод Императорской Семьи в Германию в качестве почётных пленных, с одной стороны, означал окончательную победу Германии над Россией, а с другой – давал германцам возможность политических интриг и манипуляций вокруг русского Царя и его Наследника^[2198].

Германская большая игра вокруг Царской Семьи в начале 1918 г. отражала острую борьбу внутри политической верхушки рейха и во многом являлась следствием попытки гер-

манского верховного командования взять контроль над страной полностью в свои руки. Генерал М. К. Дитерихс писал, что министерству иностранных дел Германии *«порой совершенно не было известно о тех политических задачах, которые задумывались и приводились в жизнь командованием»*^[2199].

Именно германские военные пытались оказать русским монархистам помощь в спасении Царской Семьи. Посредником группы монархистов в их контактах с германским командованием был *«герцог Лейхтенбергский, двоюродный брат баварского кронпринца»*, который имел *«свободный доступ к генералу Эйхгорну, начальнику оккупационных войск, и к генералу Гренеру, начальнику штаба»*. По словам Мосолова, *«немцы оказались очень предупредительными. Открыли нам кредиты и обещали предоставить в наше распоряжение пулемёты, ружья и автомобили»*^[2200].

К этому же времени относится еще одно важное показание П. Н. Милюкова, который утверждал, что *«немцы или желали, или даже пытались реально спасти Царя и Наследника, причем я лично усматривал тогда в этом и политическое значение – их нежелание, чтобы какие-либо элементы, враждебные им, воспользовались личностью Николая Александровича и Его Сына»*^[2201].

В своём следственном постановлении Н. А. Соколов писал, что нельзя не признать возможность *«со стороны немецкой власти, представленной в России в 1918 году послом*

Германии В. Мирбахом, попытки увоза из г. Тобольска Государя Императора путём требования, предъявленного к Я. М. Свердлову»^[2202]. В. Л. Бурцев утверждал, что из беседы с одним из высокопоставленных сотрудников германского посольства в Москве ему известно, что *«Мирбах обращался с категорическим требованием к Свердлову о привозе Государя Императора в Петроград»*^[2203].

Объективные данные свидетельствуют, что немцы знали о подготовке вывоза Царской Семьи из Тобольска, **но для них было полной неожиданностью, что она оказалась в Екатеринбурге.**

Один из членов «Правого центра» Д. Б. Нейдгарт свидетельствовал, что он неоднократно обращался к графу Мирбаху *«в целях улучшения положения Царской Семьи»*. Он *«просил Мирбаха сделать все возможное для улучшения её положения»*. Посол обещал оказать такое содействие и даже употребил выражение *«потребую»*. Когда Нейдгарту стало известно, что Царская Семья вывезена из Тобольска и оказалась в Екатеринбурге, то он вновь отправился к Мирбаху и *«говорил с ним об этом»*. На Нейдгарта произвели впечатления уверения Мирбаха, что остановка Царской Семьи в Екатеринбурге произошла помимо его воли^[2204]. Следовательно Н. А. Соколов воспринимал эти слова посла как циничный ход покровителя большевистских палачей. Однако объективные данные приводят к выводу, что для Мирбаха остановка Царской Семьи в Екатеринбурге действительно была

полной неожиданностью.

Таким образом, можно считать практически установленным, что высшие власти кайзеровской Германии отдали тайный приказ большевикам вывезти Царскую Семью из Тобольска в контролируемую ими территорию и, по всей вероятности, через Москву.

Царская Семья в сфере борьбы внутрипартийных группировок

До сих пор общественное мнение определяет организаторов убийства Царской Семьи одним словом: большевики. В целом это, конечно, верно. Не вызывает сомнений, что, несмотря на степень своего участия или неучастия в Екатеринбургском злодеянии, ответственность за него несёт всё большевистское руководство – главный виновник красного террора. Но любое преступление имеет конкретных организаторов, исполнителей, соучастников и укрывателей. Так было и в деле убийства Царской Семьи. Одни лидеры большевиков изначально планировали это убийство, другие ему сочувствовали, третьи сочувственно молчали, четвёртые его опасались. В 1918 г. большевистское руководство не представляло собой однородную силу. Некоторые из его членов примкнули к большевизму не столько по тому, что разделяли партийные положения РСДРП, сколько потому, что эта партия была наиболее боеспособной для осуществления ра-

дикальной революции в России. Разными были и силы, стоящие за спиной представителей большевистского руководства. Очевидно, что Царская Семья стала объектом борьбы интересов между ними.

Сегодня большинство историков убеждены в ведущей роли В. И. Ульянова (Ленина) в организации убийства Императора Николая II и его Семьи. Так, доктор ист. наук И. Ф. Плотников утверждает: *«Над Николаем II, да и вообще над Романовыми, могла быть учинена внесудебная расправа, она определенно провоцировалась с зимы 1918 года, тщательно готовилась и была неизбежна. Этот исход предопределялся главой большевистской партии и правительства В. И. Лениным. Изучение совокупности источников той эпохи, большевизма, деятельности Ленина позволяет уверенно утверждать, что с Романовыми должны поступить так, как хотел ОН – Ленин, и не иначе»*^[2205].

Между тем изучение «совокупности источников и деятельности Ленина», о которых пишет И. Ф. Плотников, приводят нас к очень сложной и запутанной ситуации. Несмотря на значительную роль, какую играл Ленин в большевистском правительстве, нельзя объяснять такое тяжкое злодеяние, каким является убийство Царской Семьи, волей одного или даже нескольких человек. Такая позиция, как раз очень удобна для тех, кто хочет скрыть главных организаторов самого страшного преступления XX в.

Проведя большую часть жизни за границей и вернувшись

в Россию после Февральского переворота весной 1917 г., Ленин не знал внутрироссийской политической обстановки. Со многими руководителями «своей» партии он даже не был знаком. Устремление Ленина на новую революцию и нежелание его прислушиваться к чьему-либо мнению вызывало недовольство среди части партийного руководства. У Ленина были острые разногласия с Троцким. Во время подготовки Октябрьского переворота именно Троцкий и Свердлов не пускали Ленина в Смольный и пытались вообще оттеснить его от руководства переворотом.

В руководстве большевистской партии сплелись интересы самых разных политических и экономических группировок. Ленин должен был учитывать интересы немецких генералов, французских масонов, американских банкиров, русских раскольников. Но более всего в начале 1918 г. председатель Совнаркома, конечно, зависел от немцев. Дело заключалось, конечно, вовсе не в том, что Ленин был «германским шпионом». Просто на начало 1918 г. стратегические интересы кайзеровской Германии и большевистского руководства совпадали. К июлю 1918 г. ежемесячные расходы немцев на пропаганду большевизма достигли 3 млн рейхсмарок. В свою очередь Ленин неизменно выполнял все германские требования. По Дополнительному соглашению, подписанному в Берлине через «Дойчебанк» Мендельсона, большевиками в Германию было отправлено в счет репараций 2,5 млрд золотых рублей по курсу 1913 г., вывезено 2 млн

пудов сахара, 9132 вагона хлеба, 2 млн пудов льноволокна, 1218 вагонов мяса, 294 вагона пушнины^[2206]. Ленин делал всё, чтобы расположить к себе германское руководство, и оно выделяло его из общего числа большевистских лидеров.

Между тем силы, которые делали главную ставку на Свердлова и Троцкого, не являлись покровителями Ленина. Они терпели его до поры до времени, но «своим» не считали. Более того, эти же силы не исключали возможности отстранения Троцкого и возвращения обратно Керенского, если вдруг первый будет вести себя «неправильно». Офицер английской разведки В. Вайсман писал 1 мая 1918 г. «полковнику» М. Хаузу: *«Если мы решим, что Троцкий не хочет или не может пригласить нас, то мы можем призвать Керенского и других деятелей первоначальной республиканской революции, побудить их образовать правительственный комитет... и делать то, чего Троцкий не пожелал или не смог бы сделать»*^[2207].

Мог ли Ленин в таких условиях быть независимой фигурой, обладавшей абсолютной властью? Ответ очевиден: не мог. Уже потом, после падения кайзеровского режима, в ходе победы в Гражданской войне, Ленин сумел сосредоточить в своих руках большую власть, но до конца своих дней он не был единодержавным правителем. Что же касается лета 1918 г., когда решалась судьба Царской Семьи, Ленин был одним из самых известных и уважаемых партийных лидеров, но равным среди равных.

Анализ имеющихся источников позволяет сделать предположение, что в конкретной политической обстановке весны – лета 1918 г. Ленин страшился расправы над Царской Семьёй. Дело заключалось, конечно, не в том, что большевистский главарь испытывал к ней чувства сострадания. Им руководил страх за свою дальнейшую судьбу. Ленину угрожали представители другого клана, главным из которых был в начале 1918 г. председатель ВЦИК Я. М. Свердлов. Он, так же как и Троцкий, рассматривал большевистскую партию лишь как действенный инструмент для осуществления поставленной ему определёнными силами задачи. Свердлов сыграл ведущую роль в организации главных преступлений «красного террора». Эмигрантский исследователь П. Н. Пагануци писал: *«У нас нет никаких сомнений, что чудовищные преступления большевиков в 1918 году, превзошедшие все меры жестокости, были совершены по приказанию из центра, Москвы, и главная ответственность за них лежала на Свердлове на первом месте»*^[2208].

Свердлов стал инициатором так называемого рассказывания, истребления около 500 тыс. донских и кубанских казаков, включая женщин и грудных детей, развязывания Гражданской войны в деревне и, конечно, убийства представителей Дома Романовых. Выходец из крайне религиозной еврейской семьи – по всей видимости, его предки принадлежали либо к хасидам, либо к хабатникам, – Свердлов был представителем влиятельного еврейского клана. Несмотря

на иудейское происхождение, Янкеля вряд ли можно называть представителем ортодоксальной формы этой религии. С юных лет Свердлов был склонен к каббалистическому оккультизму и придерживался его ритуалов^[2209]. Говорить о Свердлове как о члене РСДРП или тем более как о большевике-ленинце до 1917 г. не приходится. Хотя, разумеется, в своей преступной деятельности он пользовался социал-демократическим камуфляжем. Этот камуфляж был призван скрыть тайных руководителей Свердлова, так как не вызывает сомнений, что он изначально представлял интересы тайных организаций Запада.

Екатеринбург задолго до того, как в него была доставлена Царская Семья, был выбран Свердловым в качестве своей опорной базы. Не последнюю роль в этом сыграло опять-таки сосредоточие здесь мощных раскольниковых центров. Свердлов явно ставил себе задачу стать первым человеком в партии, и в каких-то вопросах, безусловно, он обладал большой властью. Позже сам Ленин признавал, что Свердлов играл исключительную роль в руководстве партии: *«Та работа, которую он делал **один** в области организации, выбора людей, назначения их на ответственные посты по всем разнообразным специальностям, – эта работа будет теперь под силу нам лишь в том случае, если на каждую из крупных отраслей, которыми **единолично** ведал тов. Свердлов, вы выдвинете целые группы людей, которые, идя по его стопам, сумели бы приблизиться к тому, что делал один чело-*

Тем не менее в первой половине 1918 г. Свердлов не мог не учитывать значение германского фактора и того авторитета, какой имел в партии Ленин. Поэтому при решении вопроса о Царской Семье председатель ВЦИК вынужден был проявлять изощрённую хитрость и скрытность. В этом ему помогало то обстоятельство, что ни германские правящие круги, ни тем более Ленин не были убеждёнными сторонниками спасения Царской Семьи. Первые преследовали в отношении неё узконациональные интересы, второй – страшился за свою судьбу, хотя в душе, конечно, был сторонником её убийства. Тем не менее нельзя не признать, что если бы германская сторона настояла на своих требованиях, Царская Семья была бы спасена. Поэтому Свердлов сделал всё от него зависящее, чтобы этого не произошло.

Борьба двух группировок началась с приездом в Москву 13/24 апреля 1918 г. германского посла графа Вильгельма фон Мирбаха. Консул Вальтер Бартельс, который на самом деле был легальным резидентом германской разведки, сообщил 10 июня 1921 г. следователю Н. А. Соколову: *«За несколько времени до убийства Мирбаха между королём Испании и императором Вильгельмом происходили через специальных курьеров совершенно секретные переговоры, имевшие в виду спасение русского Царя и Его Семьи. В результате этих переговоров через графа Мирбаха последовало требование к Ленину об освобождении Государя Императора и Его*

Семьи. Ему, Бартельсу, положительно известно, что Лениным было собрано специальное заседание “комиссаров”, в котором большинство комиссаров примкнуло к точке зрения Ленина о возможности освобождения Государя Императора и Его Семьи. Такому решению большинства воспротивилась другая партия во главе со Свердловым, причем, Бартельс, называя ее, употребил выражение: “еврейская” партия. Г. Бартельсу известно, что после того, как состоялось решение комиссаров, враждебная этому решению партия тайно отправила своих людей в Екатеринбург, и там произошло убийство Царя и Его Семьи»^[2211]. Анализ имеющихся источников подтверждает эти показания Бартельса.

Известный «изобличитель» провокаторов Охранного отделения В. Л. Бурцев, который весной – летом 1918 г. почему-то находился при особе германского посла^[2212], сообщал следователю Соколову, что Мирбах по приказу «германской царствующей семьи и по просьбе испанской королевы старался войти в сношения с ЦИК для спасения Царя». По убеждению Бурцева, «убийство Николая II было для немецкого правительства полной неожиданностью. <...> Убийство Государя было сделано, если не по согласию ЦИК и Свердлова, то, во всяком случае, с ведома его»^[2213].

Весной 1918 г. граф Мирбах в «чрезвычайно категоричной форме» направил Свердлову требование немедленно доставить Государя из Тобольска в одну из столиц. Свердлов ответил: «Я сделаю всё, чтобы довести Царя в Петроград,

но отвечать за результаты не могу, так как власть на местах не даёт возможность настаивать»^[2214]. На самом деле Свердлов решил сделать всё, чтобы Царская Семья оказалась под его контролем. Сразу же после встречи с Мирбахом он приступил к немедленной подготовке плана, целью которого было недопущение переезда Государя ни в Петроград, ни в Москву. Для этого надо было не довести Царскую Семью до Москвы, спрятав ее в одном из российских городов. Для этой цели Свердлову более всего подходил Екатеринбург, находившийся под контролем его ставленников. Именно туда глава ВЦИК и решил доставить Царскую Семью. Сделать это было довольно сложно: все попытки осуществить вывоз силами местных отрядов не увенчались успехом. Охрана «Дома Свободы» ни за что не выдавала им Царскую Семью, так как Екатеринбургский, Омский и Тюменский отряды, прибывавшие поочерёдно в Тобольск, сильно напоминали банды. Их появление было обставлено таким шумом, что известие о них дошло даже до Государя, который записал в своем дневнике 22 марта: *«Утром слышали, как уезжали из Тобольска тюменские разбойники-большевики на 15 тройках, с бубенцами, со свистом и с гиканьем. Их отсюда выгнал омский отряд!»*^[2215] Вывести Государя из Тобольска мог только официальный представитель советского правительства, который предъявил бы письменные обязательства по вопросам его безопасности. Посланник власти должен был выглядеть респектабельно, особенно на фо-

не бандитствующих уральцев и сибиряков.

Внешне Свердлов делал всё, чтобы создать впечатление, что им предпринимается всё, чтобы перевезти Царя в Москву. 1 апреля 1918 г. состоялось заседание Президиума ВЦИК. В его постановлении военному наркомату было поручено *«немедленно сформировать отряд в 200 человек (из них 30 чел. из партизанского отряда ЦИК, 20 чел. из отряда левых с.-р.) и отправить их в Тобольск для подкрепления караула и в случае возможности **немедленно перевести всех арестованных в Москву.** (Настоящее постановление не подлежит оглашению в печати)»*^[2216]. Но уже 6 апреля 1918 г. состоялось новое заседание ВЦИК, на котором рассматривался вопрос «о бывшем царе Николае Романове». Президиум ВЦИК вынес решение: *«поручить т. Свердлову снестись по прямому проводу с Екатеринбург и Омском о назначении подкрепления отряду, охраняющему Николая Романова и **о переводе всех арестованных на Урал**»*^[2217].

При этом постановление о перевозе Царя в Москву не подлежало оглашению, а о перевозе его в Екатеринбург на Урале знали все. Таким образом, Свердловым изначально создавалась конфликтная ситуация.

Задание Свердлова

Для выполнения своего плана Свердлов в апреле 1918 г. вызвал в Кремль из Уфы комиссара В. В. Яковлева^[2218]. Это

был псевдоним большевика-подпольщика К. А. Мячина, которого глава ВЦИК давно знал. Свердлов сообщил, что Яковлеву предстоит ехать в Тобольск и вывезти оттуда Царскую Семью. Комиссар должен был отправляться немедленно, действовать *«быстро, энергично»*, так как, подчеркнул Свердлов, *«иначе опоздаешь»*. При этом Яковлев был обязан соблюдать полную конспирацию. В выданном ему мандате ни слова не говорилось о задачах миссии отряда. На вопрос Яковлева: *«Груз должен быть доставлен живым?»* – Свердлов резко отчеканил: *«Живым»*^[2219].

Не вызывает сомнений, что Свердлов разъяснил Яковлеву немецкие требования. Он также сказал, что официально Яковлев должен придавать всей операции особую таинственность, но при этом сделать так, чтобы до Царской Семьи и до Отряда особого назначения дошла бы информация, что Государя собираются увезти в Москву, а затем за границу. Однако сам Яковлев должен доставить Государя и его Семью в Екатеринбург и сдать местным властям. Яковлев наверняка был предупрежден и о том, что вокруг его экспедиции будут различные провокации, вплоть до угрозы нападения. **Несмотря ни на что, Яковлев должен играть роль человека, всеми силами стремившегося выполнить задание Свердлова, но не сумевшего этого сделать, из-за противодействия «своевольных» уральцев.**

При этом уральские большевики были ознакомлены только с постановлением Президиума ВЦИК от 6 апреля 1918 г.,

то есть о том, что Император Николай II должен содержаться в Екатеринбурге. Шая Голощёкин знал о существовании постановления о том, что Императора следует везти в Москву. В этой двусмысленности изначально была заложена конфликтная ситуация между Яковлевым и уральцами, которую сознательно создал Свердлов.

Эта двусмысленность стала причиной того, что действия и личность Яковлева вызвали глубокую подозрительность Уральского совета и командиров уральских отрядов, которые заподозрили Яковлева в предательстве революции. Этому способствовал также и мандат, выданный Яковлеву, где «в целях конспирации» не сообщалось ничего «ни о царе, ни о Тобольске».

Перед отправкой в Тобольск Свердлов указывал Яковлеву на необходимость *«большого такта, чтобы наладить хотя бы кажущиеся хорошие отношения с царским охранением и добиться их добровольного согласия увезти царскую семью в наше распоряжение»*^[2220]. Приезд вежливого официального представителя правительства, имевшего мандаты от первых лиц советского руководства, и предписание перевезти Царскую Семью в Москву должен был дезориентировать и Кобылинского, и Отряд особого назначения и облегчить им выдачу Царской Семьи Яковлеву.

Как только Свердлов получил известие о том, что его ставленник матрос-большевик П. Д. Хохряков стал председателем Тобольского совета, он послал в Екатеринбург телеграм-

му с извещением о скором прибытии Яковлева. Свердлов писал, что комиссару *«мы поручили перевезти Николая на Урал. Наше мнение: пока поместите его в Екатеринбург. Решите сами, устроить его в тюрьме, или же приспособить какой-нибудь особняк. Без нашего указания из Екатеринбурга никуда его не увозите. Задача Яковлева – доставить Николая в Екат. [бург] живым и сдать его Пред. Белобородову, или Голощекину. Яковлеву даны самые точные и подробные инструкции. Все, что необходимо сделайте»*^[2221].

Таким образом, в тексте телеграммы ясно сказано, что Государь должен быть доставлен в Екатеринбург живым. (Заметим, что речь идет только об Императоре Николае II и ни слова о его Семье.) И. Ф. Плотников утверждает, что, давая вышеприведенную телеграмму, Свердлов хотел, чтобы Царь был убит по дороге уральцами, а вся ответственность при этом легла бы на Яковлева^[2222].

Подобные объяснения И. Ф. Плотникова нам кажутся надуманными. Несмотря на то, что Свердлов был злодеем, он не имел привычки разбрасываться верными ему людьми, а Яковлев был, несомненно, предан Свердлову. Ни Белобородов, ни Голощекин, ни другие исполнители екатеринбургского злодеяния не только не понесли никакого наказания за свою «самостоятельность», но, наоборот, были открыто поддержаны Свердловым. Представляется весьма сомнительным, чтобы тот, отправляя Яковлева в Тобольск, вынашивал планы последующей его сдачи. Если бы Свердлову

было необходимо, чтобы Государь был убит по дороге, то Яковлев выполнил бы этот приказ, и никакие уральцы в этом случае ему бы не понадобились. Об этом свидетельствует и чёткая инструкция Свердлова, переданная Яковлевым всем членам своего отряда: *«Жизнь заключённых гарантируется головами всех, кто и не сумеет уберечь и всех кто сделает покушение на жизнь семьи бывшего царя или попытку увоза, перевода без распоряжения тов. Яковлева»* ^[2223].

Свердлов изначально создавал миф о якобы самостоятельных действиях уральских властей в отношении Царской Семьи, для того чтобы им объяснить остановку её в Екатеринбурге. Этим своеволием будет объясняться и злодеяние 17 июля 1918 г.

Обстоятельства доставления Государя в Екатеринбург

22 апреля 1918 г. отряд комиссара В. В. Яковлева прибыл в Тобольск. В тот же день о его приезде узнали Царская Семья и её окружение. Жильяр отмечал в своём дневнике, что в приезде Яковлева *«чувствуется неопределенная, но очень действенная угроза»* ^[2224]. Узнав о приезде комиссара, Царские Дети решили, что у них будет проведён обыск, и *«сожгли все письма, а Мария и Анастасия даже свои дневники»* ^[2225]. Государыня записала в дневнике за 9/22 апреля: *«Жгла письма, приводила в порядок документы»* ^[2226].

Яковлев попытался развеять опасения охраны и Узников «Дома Свободы». 10/23 апреля он вместе с полковником Е. С. Кобылинским посетил дом, встретился с Государем, поинтересовался *«доволен ли он охраной и помещением»*. Затем быстро заглянул в комнату, где лежал больной Наследник, и представился Государыне^[2227]. Яковлев был с Государем не просто любезным, а почтительным. Комиссар продолжал играть свою роль делегата могущественной силы, стремящейся освободить Царя. Эта игра ему вполне удалась. Лейб-медика Е. С. Боткина поразило, что Яковлев *«разговаривал с Императором, стоя во время всего разговора по стойке “смирно” и несколько раз повторил: “Ваше Величество”»*. Боткин высказал предположение, что *«Яковлев замаскированный германский агент»*^[2228].

Установив, что Наследник действительно болен и не может ехать, Яковлев решил вывезти одного только Государя. 22 апреля 1918 г. комиссар вызвал к аппарату Свердлова и сообщил ему: *«Мой сын опасно болен. Точка. Распутица мешает взять весь багаж. Точка. Вы меня понимаете? Точка. Если понимаете, то отвечайте, правильно ли поступаю, если, не дожидаясь хорошей дороги, пушусь только с частью багажа. Точка. Пусть Невский даст телеграмму на ст. Тюмень, чтобы мой поезд немедленно не задерживали экстренным без стоянок и дали в состав вагон первого, или второго класса»*^[2229]. Из телеграфных переговоров видно, что цель вывоза всей Царской Семьи ставилась перед Яковлевым

изначально. И. А. Теодорович ответил комиссару от имени Свердлова: *«Возможно, что придется везти только одну главную часть **предвиделось вами и товарищем Свердловым еще и раньше.** Он вполне одобряет ваше намерение. Вывозите главную часть»* (подчёркивания наши. — П. М.)^[2230].

Почему же Свердлову понадобилось, вплоть до приезда в Тобольск Яковлева, скрывать от большей части даже посвященных в операцию людей предстоящий вывоз всей Семьи, а не только одного Государя? Ответ на этот вопрос очевиден: немцам требовался в Москве в первую очередь сам Николай II, а Свердлову в Екатеринбурге требовалась вся Царская Семья. Однако если бы о вывозе из Тобольска всей Царской Семьи стало бы широко известно, то это могло вызвать подозрения о преступных намерениях в отношении неё со стороны центра.

12/25 апреля Яковлев сообщил Е. С. Кобылинскому о предстоящем увозе Государя. Полковник ответил, что, пока он жив, он не даст никуда отвезти Царскую Семью, если не будет уверен в её безопасности. Тогда Яковлев показал ему все свои документы, мандаты и секретные инструкции. Е. С. Боткин уверял, что *«Советы обещали германцам освободить Царскую Семью, но немцы проявили тактичность и просили её не жить у них в стране. Нас, таким образом, отправят в Англию. Одновременно, чтобы успокоить народные массы, мы должны проследовать через Москву, где будет иметь место короткий суд над Императором. Он будет*

признан виновным во всем, в чём захотят революционеры, и его приговорят к высылке в Англию»^[2231].

Нет сомнения, что в секретных инструкциях было написано о вывозе Царской Семьи в Москву, а затем за границу. Об этом же говорят воспоминания Т. Е. Мельник: *«Яковлев приехал, чтобы повезти по приказанию Ленина, Их Величества на суд в Москву. Несмотря на страшное слово “суд”, все приняли это известие скорее с радостью, так как были убеждены, что это вовсе не суд, а просто отъезд за границу. Наверное, сам Яковлев говорил об этом, так как Кобылинский ходил бодрый и веселый и сам сказал мне, уже после отъезда: – Какой там суд, никакого суда не будет, а их прямо из Москвы повезут на Петроград, Финляндию, Швецию и Норвегию»^[2232].*

Именно поэтому Яковлев был воспринят Кобылинским не как большевик, а как посланец Германии. Гарантии Яковлева в личной безопасности Царской Семьи сделали свое дело: Кобылинский отправился вместе с Яковлевым к Государю убеждённым в необходимости его отъезда.

В том, что Императора собираются везти в Москву, были уверены и все жители губернаторского дома. Эрсберг свидетельствовала, что *«все тогда знали, что Яковлев приехал из Москвы и распоряжается по уполномочию Москвы. Княжны передавали мне со слов, конечно, Родителей, что Яковлев везет Государя в Москву. И Государь, и Государыня, по словам Княжон, думали, что большевики хотят перевез-*

ти Его в Москву, чтобы Он заключил мирный договор с немцами»^[2233]. Гоф-лектрисса Шнейдер в своем дневнике от 12 апреля писала, что Яковлев везёт Государя «в Москву и потом м. б. за границу»^[2234]. Теглева тоже утверждала, что «Дети передавали мне, как Их убеждение, что Яковлев увозит Их в Москву. Ни слова тогда не говорилось про Екатеринбург»^[2235]. Председатель солдатского комитета Матвеев вспоминал: «Александра Федоровна высказала сомнение, повезут ли Романова в Москву и спросила т. Яковлева, окончательно ли решён вопрос, что их нужно перевезти в Центр. Последнее т. Яковлев подтвердил»^[2236].

Таким образом, Император Николай II и Императрица Александра Феодоровна были убеждены, что Яковлев выполняет германские требования. Н. А. Соколов писал: «Государь правильно понял Яковлева. Скрываясь под маской большевика, он пытался увезти Царя и Наследника, выполняя немецкую волю. Но не Царя спасали немцы, а свои интересы»^[2237]. Однако Соколов ошибался: не немецкую волю выполнял Яковлев, но волю Свердлова.

Предполагая в Яковлеве германского агента, Государь встретил его настороженно и категорически отказался куда-либо ехать. На это комиссар ответил: «Прошу этого не делать. Я должен исполнить приказание. Если Вы отказываетесь ехать, я должен или воспользоваться силой, или отказаться от возложенного на меня поручения. Тогда могут прислать вместо меня другого, менее гуманного челове-

ка. Вы можете быть спокойны. За Вашу жизнь я отвечаю головой. Если Вы не хотите ехать один, можете ехать с кем хотите. Будьте готовы. Завтра в 4 часа мы выезжаем»^[2238].

Когда Яковлев ушёл, Государь спросил Кобылинского, куда его хотят везти. Тот ответил, что ему это самому неизвестно, но из некоторых намеков Яковлева можно понять, что в Москву. На что Государь сказал: *«Ну, это они хотят, чтобы я подписался под Брестским договором. Но я лучше дам себе отсечь руку, чем сделаю это»*^[2239].

Вскоре весть о предстоящем отъезде Государя облетела «Дом Свободы». Она произвела гнетущее впечатление на всех, но в особенности на Государыню. Для неё встал мучительный выбор: либо оставаться с тяжело больным сыном, либо уехать вместе с Супругом. Императрица сказала Жильяру, что она впервые раз в жизни не знает, что ей делать. Наконец она решилась: *«Да, так лучше; я уеду с Государем; я вверяю вам Алексея»*. Через минуту вернулся Государь; Государыня бросилась к нему со словами: *“Это решено – я поеду с тобой, и с тобой поедет Мария”*. Государь сказал: *“Хорошо, если ты этого хочешь”*^[2240].

Душевные переживания Государыни отражены в её дневнике за 12/25 апреля: *«После обеда пришел ком. [иссар] Яковлев. <...> Он объявил по приказу своего правительства (большевиков), что должен увезти всех нас (куда?). Увидев, что Бэби очень болен, пожелал увезти Н. одного (если не хочет,*

то он вынужден будет применить силу). Мне пришлось решать, оставаться ли с больным Бэби, или сопровождать его. Решила сопровождать его, т. к. я могу быть нужнее и слишком рискованно не знать, где и куда (мы представляли себе Москву). Ужасные страдания»^[2241].

Т. Е. Мельник-Боткина вспоминала: «При этом отъезде еще раз можно было наблюдать выдержку и силу духа Царской Семьи. Ее Величество лежала у себя на кушетке, и слезы градом катились по Ее лицу, но когда Она вышла прощаться, то выражение ее было доброе и ласковое, действующее на всех ободряюще»^[2242].

Свое пожелание ехать вместе с Государем, Государыней и Великой Княжной Марией Николаевной выразили князь В. А. Долгорукий, доктор Е. С. Боткин, камердинер Т. И. Чемодуров, лакей И. И. Седнев и комнатная девушка А. С. Демидова. Когда Кобылинский доложил об этом списке Яковлеву, тот сказал, что ему все равно, кто поедет. Кобылинский считал, что «у Яковлева была в то время мысль: как можно скорее уехать, как можно скорее увезти. <...> Он страшно торопился»^[2243].

Последнюю ночь перед отъездом Государь записал в дневнике: «Грустно провели вечер, ночью, конечно, никто не спал»^[2244]. П. Жильяр отмечал, что «Государь и Государыня были серьёзны и сосредоточены. Чувствовалось, что они готовы всем пожертвовать, в том числе и жизнью, если Господь, в неисповедимых путях Своих, потребует этого для

спасения страны. Никогда они не проявляли по отношению к нам больше теплоты и заботливости¹¹. Та великая духовная ясность и поразительная вера, которой они проникнуты, передаются и нам. В одиннадцать часов с половиной слуги собираются в большой зале. Их Величества и Мария Николаевна прощаются с ними. Государь обнимает и целует всех мужчин, Государыня всех женщин. Почти все плачут. Их Величества уходят»^[2245].

Подобные же чувства самопожертвования испытывали и отъезжающие с Августейшей Четой лица. Т. Е. Мельник-Боткина вспоминала: «О докторах не было никаких распоряжений, но ещё в самом начале, услышав, что Их Величества едут, мой отец объявил, что поедет с Ними. – А как же Ваши дети? – спросила Ее Величество, зная наши отношения и те ужасные беспокойства, который мой отец переносил в разлуке с нами. На это мой отец ответил, что на первом месте для него всегда стоят интересы Их Величеств. Её Величество до слез была этим тронута и особенно сердечно благодарила»^[2246]. Незадолго до отъезда доктор Боткин сказал своим детям: «"В этот час я должен быть с Их Величествами". Он остановился, с видимым усилием подавляя чувства. Потом продолжил: "Может быть мы больше никогда не увидимся... Да благословит вас Бог, дети

¹¹ По воспоминаниям Т. Боткиной, перед отъездом Государыня «разослала в город уволенным по распоряжению Ленина слугам по одной или две тысячи рублей».

мои!»^[2247]

На рассвете в 4 ч. утра 13/26 апреля к «Дому Свободы» были поданы сибирские «кошевы», – плетёные тележки на длинных дрожинах, одна из которых была крытая. Сиденья у этих тележек были сделаны из соломы, которая держалась при помощи верёвок. Слуги и солдаты загрузили вещи. В пять часов утра на крыльце появились Государь с Государыней, Великие Княжны и вся свита. Комиссар Яковлев что-то почтительно говорил Государю, часто прикладывая руку к папахе. Стали садиться. А. Волков вспоминал: *«Несмотря на холодную погоду, Государь был одет легко. Яковлев спросил: – Разве вы так и поедете? – Да, мне тепло, – ответил Государь. – Это невозможно, – сказал Яковлев, соскочил с повозки, вбежал в подъезд, снял с вешалки пальто и положил его в тележку. – Если сейчас не нужно, то пригодится в дороге, – сказал он»*^[2248].

Государь подошёл к каждой из своих дочерей и перекрестил их. Затем он простился с полковником Кобылинским, обнял и поцеловал его. Императрица произнесла: *«Берегите Алексея»*.

Повозки тронулись, выехали за ворота «Дома Свободы», которые с шумом захлопнулись. А. А. Волков вспоминал: *«Уехали. Стало скучно, как будто при потере. Прежде в доме было некоторое оживление, теперь же мертвая тишина»*^[2249]. Те же чувства переживал Е. С. Кобылинский: *«Уехали и создалось чувство какой-то тоски, уныния, грусти.*

Это чувство замечалось и у солдат. Они сразу стали много сердечнее относиться к детям»^[2250].

Несмотря на столь ранний час отправления Царской Семьи и полную его секретность, несколько десятков тобольчан собралось возле губернаторского дома, чтобы проводить уезжающего Царя. По чьей-то команде они были рассеяны^[2251].

Насколько были логичны и понятны действия комиссара Яковлева в его стремлении безболезненно вывезти Царскую Семью из Тобольска, настолько нелогичны и странны его действия по пути из Тобольска в Тюмень. Складывается впечатление, что Яковлев делал всё, чтобы вызвать у отрядов уральцев самые серьёзные подозрения в его намерениях. С одной стороны, Яковлев всеми силами старался как можно быстрее доставить Государя в Екатеринбург, а с другой – всячески способствовал тому, чтобы этот путь был полон опасностей. Яковлев делал как будто всё, чтобы войти в конфликт с командирами уральских отрядов. Сам Яковлев этот конфликт объяснял их стремлением во что бы то ни стало убить Царя по дороге и уверял, что с этим стремлением он столкнулся сразу по прибытии в Тобольск^[2252]. Главным сторонником убийства Николая II в пути Яковлев называл командира одного из уральских отрядов С. С. Заславского. Он якобы всячески убеждал Яковлева убить Царя и угрожал комиссару убить и его, если тот не выполнит его требование. Однако при этом Яковлев никак не мог объяснить, почему, несмотря на всё «беспокойство» действиями Заслав-

ского, именно ему он поручил задание особой важности: *«Отобрать лучших боевиков; подготовить 15 троек; расставить патрули; взять Романова с места в карьер, пока не остыло произведенное моим приездом впечатление»*^[2253].

В ответ Заславский решил действовать самостоятельно и покинул Тобольск, чтобы организовывать убийство Николая II^[2254]. Несмотря на то, что Яковлев якобы подозревал Заславского в «анархистских намерениях», он, узнав об его исчезновении, не послал немедленную телеграмму в Екатеринбург, а сделал это только 27 апреля, когда находился в безопасной Тюмени. Ответ на эти «загадки» прост. Все это время «мятежный» Заславский в точности исполнял задания Яковлева. 24 апреля 1918 г. он не «скрылся» из Тобольска в неизвестном направлении, а поехал предвирать в жизнь распоряжения чрезвычайного комиссара. Об этом свидетельствует записка Заславского Яковлеву от 24 апреля: *«Тов. Яковлев! Сегодня получил телеграмму Екатеринбурга выехать. План В будет приведён в исполнение 25-го утром в 8 часов утра с/м единовременно во всех местах. Выполнять поручено тов. Щетину (Уфимский отряд) и т. Проницу (Омский отряд). Привет, счастливо выполнить поручение. Заславский»*^[2255].

Что это за план «В», который должен быть «приведен в исполнение единовременно»? Это тот спектакль под названием «самоуправство уральцев», который Заславский должен был организовать по дороге в Тюмень и который должен

был стать оправданием останковки Государя в Екатеринбурге. Яковлев не только знал о действиях Заславского, но и руководил ими, создавая из уральского командира «мятежника» и «самоуправца»^[2256].

Один из помощников следователя Н. А. Соколова в расследовании Екатеринбургского злодеяния, капитан П. П. Булыгин, догадался об игре Свердлова уже в 20-е гг., когда писал: *«Кто же руководил Екатеринбургом и мешал Яковлеву – чрезвычайному комиссару ЦИК’а, посланному “по делу особой важности” с документами, подписанными самим председателем ВЦИК’а товарищем Свердловым? Да тот же самый Свердлов!»*^[2257]

Яковлев делал всё, чтобы вокруг отъезда Царя создавалась обстановка нервозности. На состоявшейся встрече с солдатами охраны он заявил: *«Что касается вопроса, почему и куда пожелала Москва вывезти Романовых, то на это я вам отвечу так, как начальник отвечает своему подчиненному: вы должны делать то, что вам приказывают»*^[2258]. Но одновременно Яковлев разными путями довёл до широкого круга людей информацию, что Царя везут в Москву. Яковлев прямо сообщил Матвееву, что *«ему дано задание перевести бывш. [его] Царя в Москву»*^[2259]. Ту же информацию Яковлев довёл до Кобылинского. 12/25 апреля, накануне своего отъезда, на встрече с солдатами Отряда особого назначения, Яковлев сказал, что должен увезти Государя, но просил солдат держать все в секрете.

После всего этого «уральцы» решили, что Яковлев хочет увезти Государя неизвестно куда. Естественно, они стали принимать меры по недопущению этого, не догадываясь о том, что Яковлев ведет двойную игру по сценарию Свердлова. Они оказались в трудном положении: с одной стороны, у Яковлева был мандат, подписанный Свердловым, а с другой – владелец этого мандата вёл себя крайне подозрительно. Несомненно, что «уральцы» были убеждены, что Яковлев везет Императора Николая II в Москву, а затем за границу. Между тем они знали, что имеется постановление ВЦИК о перевозке Государя в Екатеринбург. Представитель Уралсовета А. А. Бусяцкий еще в Тобольске говорил, что *«комиссар Яковлев хочет увезти Романова в Москву, а потом у них, кажется, решено отправить его за границу. А нам предстоит такая задача: во что бы то ни стало предоставить его в Екатеринбург»*^[2260]. Нет никаких сомнений, что командиры и бойцы уральских отрядов были дезинформированы об истинных целях Яковлева. В этой дезинформации принимали участие Свердлов, Голощёкин, Дидковский и сам Яковлев. Зачем это было сделано? Действия **«самостоятельных» уральских отрядов** должны были **«заставить» Яковлева, который официально вёз Государя в Москву, «изменить» свой план и доставить его в Екатеринбург.** После этого Свердлов мог сказать тем, кто хотел доставить Царя в Москву, что из-за революционной анархии выполнить их задание не удалось и что Император

задержан в Екатеринбурге.

Между тем Екатеринбург в лице Шаи Голощёкина полностью поддерживал Яковлева. Еще 21 апреля, когда комиссар только следовал в Тобольск, Голощёкин направил Хохрякову телеграмму, в которой приказал предупредить город, что *«за малейшее сопротивление и не подчинение распоряжениям Яковлева»*, он прикажет *«направить артиллерию и беспощадно снести гнездо контрреволюции»* ^[2261].

Путь Царственных Узников от Тобольска до Тюмени, где ожидал поезд, проходил в тяжёлых условиях. Нужно было пройти в распутицу около 300 км. Яковлев чрезвычайно спешил. Впереди шла конная разведка. Император Николай II писал в своем дневнике 13/26 апреля: *«Погода была холодная с неприятным ветром, дорога очень тяжёлая и страшно тряская от подмерзшей колеи. Переехали Иртыши через довольно глубокую воду. Имели четыре перепряжки, сделав в первый день 130 верст. На ночлег приехали в село Иевлево. Поместили в большом чистом доме; спали на своих койках крепко»* ^[2262].

Государь, физически сильный и выносливый, в отличие от всех остальных, дорогу переносил легко. По дороге он часто беседовал с Яковлевым, причём, как вспоминал кучер, правивший повозкой, *«Государь с Яковлевым вели беседы на политические темы, спорили между собой, и Государь не бранил большевиков. Кучер говорил, что Яковлев “вертел” Царя, а Царь ему “не поддавался”»* ^[2263]. Яковлев вспоминал, что

в дороге, проезжая мимо какой-нибудь церкви, Император Николай II *«очень богомольный, всегда в таких случаях крестился»*^[2264].

Но другие пассажиры переносили дорогу нелегко. Особенно тяжело было Государыне. 13/26 апреля она писала в дневнике: *«Смертельная усталость, боль во всем теле. Никто не говорит нам, куда мы собираемся после Тюмени – некоторые предполагают Москву. Маленький последует за нами, как только освободится река и Бэби станет лучше. С каждым поворотом каждый экипаж теряет колесо или, что-то разбивается. Душевная боль растет – написать письмо детям с первым встречным ямщиком»*^[2265]. Яковлев вспоминал: *«Александра Федоровна утомилась значительно больше (чем Государь. – П. М.), но старалась не показывать этого. Вообще она пыталась держаться гордо и замкнуто»*^[2266].

В дороге проявилась трогательная любовь русского крестьянина к своему Царю, любовь, которую не смогла поколебать никакая революционная ложь. Для нас самое ценное, что свидетельства об этой любви исходят из уст большевиков. Д. М. Чудинов, командир отряда, обеспечивающего перевоз Царской Четы, вспоминал, как отряд вошел в одну из сибирских деревень: *«Пока перепрягали лошадей, минут 5–7, вокруг меня собралась вся деревня и стар, и млад. Один старик с большой седой бородой особенно пристал ко мне: – Паря, ты уж будь добр, скажи Бога ради, куда это Царя-Ба-*

тюшку везут? В Москву што-ль? – В Москву, дедушка, в Москву. Отъезжая, слышу слова старика: – Ну, слава Тебе Господи, теперь будет порядок. Не доезжая к станку, сразу видно, что крестьяне откуда-то уже знают, что везут Романовых. На улицу вышли почти все жители»^[2267]. Заметим, в том, что Царя везут в Москву, были уверены даже крестьяне.

14/27 апреля отряд вошел в село Покровское – родину Г. Е. Распутина и остановился прямо возле его дома. Вся семья Распутина, его вдова, младшая дочь Варвара и сын Дмитрий, а также другие жители Покровского, пришедшие встретить Царя и Царицу, стали махать из окон белыми платками. Матвеев послал двух вооруженных людей, которые под угрозой оружия заставили людей отойти от окон. Государь по этому поводу записал в дневнике: «В с. Покровском была перепряжка, долго стояли как раз против дома Григория и видели всю его семью»^[2268].

В том же Покровском Государь вышел из повозки, пока перепрягали лошадей. В этот момент, вспоминал Матвеев, крестьянин, везший Царя, только сейчас понял, кого он вез. Государь обратился к нему: «"Что же, дядя, лошадки-то эти твои?" Тот снял шапку и низко поклонился, а на глазах у него были слёзы. Он ответил: "Да, Царь-Батюшка, это лошадки-то мои, вот Господь привёл провести Вас на моих родных"». Государь поблагодарил крестьянина и пошел садиться на другую подводку. Матвеев подошел к крестьяни-

ну, который не прекращал плакать, и спросил его: «*“Что же ты, старый, плачешь-то?”* Он ответил мне: *“Что как же, батюшка мне не плакать, ведь смотри, вот Господь привел провести на моих-то лошадках самого Царя-Батюшку”*»^[2269].

По дороге в Тюмень, в селе Борки, у Боткина случился приступ мочекаменной болезни, и на полтора часа выезд был задержан. В 20 ч. 15 м. 14/27 апреля Царская Чета и сопровождающие ее лица, окруженные кавалеристами, при полной луне въехали в г. Тюмень. Утомленные нелёгкой дорогой путники вошли в уже подготовленный для них поезд. Государь записал в дневнике *«Приятно было попасть в поезд, хотя и не очень чистый. Сами мы и наши вещи имели отчаянно грязный вид. Легли спать в 10 часов не раздеваясь»*^[2270].

Прибыв в Тюмень, Яковлев послал Голощёкину ещё одну телеграмму, в которой сообщал, что в уральских отрядах царит *«одно желание – уничтожить тот багаж, за которым я послан»*. Яковлев писал, что *«их постоянные усмешки при разговорах о вас наводят меня на подозрение, что вас обманывают. Они решили, что если я не выдам им багажа, то они перебьют весь наш багаж, вместе со мной. Я, конечно, уверен, что отучу этих мальчишек от их пакостных намерений. Но у вас в Екатеринбурге течение среди отрядов сильное, чтобы уничтожить багаж. Ручаетесь ли вы охранить этот багаж? Помните, что Совет народных комиссаров клялся меня сохранить. Отвечайте подробности лично.*

Я сижу на станции с главной частью багажа и как только получу ответ, то выезжаю. Готовьте место»^[2271].

Под этим «местом» Яковлев имел в виду Екатеринбург, который одновременно комиссар считал опасным. Интересно, что Яковлев ранее нигде не называл Екатеринбург опасным местом. Наоборот, комиссар неоднократно подчёркивал, что, достигнув Тюмени, он будет считать себя в безопасности. Действительно, в Тюмени председатель местного совета Н. М. Немцов предоставил Яковлеву дополнительные воинские части. После чего отряд пополнился и представлял ещё большую силу. В 1928 г. в письме к Сталину Яковлев уверял, что в Екатеринбурге его подстерегала опасность и готовилось нападение^[2272]. Не вызывает сомнений, что Яковлев и в 1918 г., и в 1928 г. говорил неправду. В Тюмени Яковлев запрашивал Свердлова: «*Маршрут остается старый, или ты его изменил? Сообщи немедленно в Тюмень. Еду по старому маршруту. Ответ необходим немедленно. Яковлев*»^[2273]. В тот же день Свердлов ответил Яковлеву: «*Маршрут старый, сообщи: груз везешь, или нет. Свердлов*»^[2274].

По всей видимости, перед отъездом Яковлев со Свердловым оговорили возможность изменения маршрута в том случае, если бы верх взяли те силы, которые настаивали на перевозе Царя в Москву. Ведь Свердлов, при всем своем личном влиянии, не мог быть полностью уверенным, что его план по тайному перевозу Государя в Екатеринбург удастся. Возможно, между ним и Яковлевым было оговорено, что, до-

бравшись до Тюмени, Яковлев должен узнать, не изменился ли маршрут его следования. Для Свердлова телеграмма Яковлева стала первой от него весточкой после Тобольска. Поэтому он подтверждал маршрут и интересовался, везёт ли Яковлев «груз».

Яковлев подробно ответил Свердлову, что он привёз в Тюмень *«часть багажа»*. Далее Яковлев продолжает играть в оговорённые со Свердловым заранее правила игры: *«Маршрут хочу изменить по следующим чрезвычайно важным обстоятельствам. Из Екатеринбурга в Тобольск до меня прибыли специальные люди для уничтожения багажа. Отряд особого назначения дал отпор – едва не дошло до кровопролития. Когда я приехал – екатеринбуржцы дали мне намёк, что багаж довозить до места не надо. У меня они также встретили отпор. Я принял ряд мер, и они там вырвать у меня его не решились. Они просили меня, чтобы я не сел рядом с багажом. Это было прямым предупреждением, что меня могут тоже уничтожить. Я, конечно преследуя цель свою, чтобы доставить все в целости, сел рядом с багажом»*. Затем Яковлев сообщает Свердлову примерно то же самое, что он сообщил Голощёкину, только более подробно. По Яковлеву, *«все екатеринбургские отряды добиваются одной лишь цели – уничтожить багаж»*, для этого они готовят засаду возле Екатеринбурга, у которой *«за исключением Голощёкина, одно желание – покончить с багажом»*.

В таких условиях везти «багаж в Екатеринбург» – безу-

мие. Яковлев предлагал отвезти Царскую Семью на родину Гузакова – в Симский горный округ, где её можно надёжно укрыть. Яковлев предлагал *«свои услуги в качестве постоянного комиссара по охране багажа, вплоть до ликвидации»*, ещё раз заявлял от своего имени, а также от имени Гузакова, что они *«за Екатеринбург не ручаются ни в коем случае. Отправить туда под охрану тех отрядов, которые добивались одной цели и не могли добиться, ибо я принял достаточно суровые меры – это безумие. Я вас предупредил и теперь решайте: или я сейчас же везу багаж в Симский горный округ, где в горах есть хорошие места, точно нарочно для этого устроенные, или я отправляюсь в Екатеринбург. Теперь за вами слово. (Эту фразу Яковлев зачеркнул. – П. М.) И за последствия я не ручаюсь. Если багаж попадет в руки, то он будет уничтожен. Раз они шли на то, что если придется погубить меня и мой отряд, то конечно, результат будет один. Итак, отвечай: ехать мне в Екатеринбург, или через Омск в Симский горный округ. Жду ответа. Стою на станции с багажом»*^[2275].

Посланная Яковлевым телеграмма написана на условном языке. Главный её смысл – дать понять Свердлову, что всё идет по плану и одновременно дать ему возможность продолжать игру. Эта телеграмма предназначалась не только Свердлову, но и тем, кто ждал появления Императора в Москве. Она открыла счёт ряду обоюдных дезинформационных действий Яковлева и Свердлова, главный смысл кото-

рых было создание впечатления захвата Царя уральцами, в связи с чем его продвижение на Москву невозможно.

Казалось бы, что текст телеграммы не соответствует этим выводам: ведь Яковлев, наоборот, говорит о невозможности следовать в Екатеринбург из-за угрозы убийства в нём Государя. Но если представить, что телеграмма предназначалась не только Свердлову, но и немцам, то текст Яковлева соответствовал началу этой дезинформационной игры.

Получив яковлевскую телеграмму, Свердлов мог показать её тем, кто ждал Царя в Москве, и сказать, что возникли трудности с проездом. Свердлов мог заверить, что делается всё, чтобы обезопасить Царя и доставить его в Москву другим путём, возможно через Омск. Кстати, заметим, что Омск предложил Свердлову сам Яковлев. Впоследствии Яковлев всюду будет писать, что это Свердлов дал ему *«инструкцию немедленно ехать в сторону Омска»*^[2276].

Создается такое впечатление, что и телеграмма Голощекину предназначалась не только для него самого. Вся первая часть телеграммы есть дезинформация для ничего не знающих членов Уральского совета. Огульные обвинения их в мятеже, в попытках противопоставить их Голощекину (*«мне кажется, вас обманывают»*), пренебрежительное именование их *«мальчишками с пакостными намерениями»* – всё это, должно было крайне возмутить уральцев. Для чего это надо было Яковлеву? Все для той же цели: сделать все, чтобы Царская Семья оказалась в Екатеринбурге. В телеграмме

есть только одна фраза, предназначенная для Голощёкина: *«Я сижу на станции с главной частью багажа и как только получу ответ, то выезжаю. Готовьте место»*. Эта фраза могла означать только одно: «багаж» доставлен в Тюмень, как только придет условленный ответ, я выезжаю; приготовьте место для заключенных.

Через пять часов ожидания в Тюмени Яковлев дождался телеграфного разговора со Свердловым. В своих воспоминаниях комиссар писал, что он просил Свердлова дальнейших указаний, и тот обещал немедленно вступить в переговоры с Уральским советом. Но из телеграфного разговора Яковлева со Свердловым совершенно не следует, что Свердлов вёл с кем-либо какие-нибудь переговоры. Зато есть ответы на вопросы, заданные ему Яковлевым в его длинной телеграмме из Тюмени. Свердлов сначала поинтересовался у Яковлева, не слишком ли он нервничает и не преувеличивает ли опасность? Может быть, можно продолжать «прежний маршрут», то есть на Москву? После чего Свердлов указал Яковлеву: *«Поезжай в Омск* (выделено Свердловым. — П. М.). *Явись к председателю совдепа Косареву Владимиру, вези все конспиративно, дальнейшие указания дам в Омске. Двигай»*^[2277].

Почему Свердлов выделил «езжай в Омск»? Не потому ли, что Омск был одним из возможных, заранее проговоренных с Яковлевым вариантов развития событий в нужном им ключе? Отсюда и указание: «Езжай конспиративно. Двигай».

И Яковлев начал «двигать».

Казалось бы, он совершает безумный шаг: возвращается на вокзал, вызывает к себе начальника станции и говорит ему *«что мы меняем направление, но должны скрыть от всех, что поедем в сторону Омска. Для этого надо первоначально пустить наш поезд с соблюдением всех правил в сторону Екатеринбурга. На второй станции от Тюмени прицепить новый паровоз и затем без остановки с потушенными огнями быстро пропустить поезд через Тюмень в сторону Омска. Начальник станции выполнил распоряжение в точности»*^[2278].

Между тем дежурный по Уральскому совету ждал телеграфного подтверждения выхода поезда из Тюмени на Екатеринбург. Но сообщения об этом не поступало. По приказу Белобородова в Тюмень послали телеграфный запрос. Только в 10 ч. утра уральцам стало известно, что поезд ушёл в омском направлении. Легко себе представить их удивление и возмущение от этого известия! 28 апреля Уралсовет в телеграмме попытался выяснить у Ленина и Свердлова, что происходит: *«Секретно. Совнарком. тов. Ленину и Свердлову. Ваш комиссар Яковлев привез Романова в Тюмень, посадил его на поезд, направился в Екатеринбург. Отъехав один перегон, изменил направление. Поехал обратно. Теперь поезд с Николаем находится около Омска. С какой целью это сделано — нам неизвестно. Мы считаем такой поступок изменческим. Согласно Вашего письма от 9 апреля Николай дол-*

жен быть в Екатеринбурге. Что это значит? Согласно принятому Облсоветом и областным Комитетом партии решению, сейчас отдано распоряжение задержать Яковлева и поезд во что бы то ни стало, арестовать и доставить вместе с Николаем в Екатеринбург. Ждём у аппаратов ответа»^[2279].

Зачем Яковлеву понадобилось объявить всем, что он едет в Екатеринбург, а самому «с потушенными огнями» уйти на Омск? Яковлев не мог не понимать, что его действия будут восприняты уральцами как похищение им Императора Николая II. Вывод один: Яковлев **добивался именно такого впечатления**. Он стремился довести ситуацию вокруг своей миссии до пика накала, что и произошло.

28 апреля 1918 г. председатель Уралоблсовета А. Г. Белобородов разослал по крупным населенным пунктам Сибири телеграмму, в которой говорилось: «Увозя Николая Романова из Тобольска, комиссар Яковлев посадил его в Тюменский поезд, направив его в Екатеринбург, но на ближайшем разъезде изменил направление, направил поезд в противоположном направлении – на восток к Омску. Областной Совет рабочих, крестьян, солдат Урала, обсудив поведение Яковлева, единогласным решением видит в нем прямую измену революции, стремление с неизвестной целью вывезти царя из пределов революционного Урала вопреки точному письменному указанию Председателя ЦИК, это является актом, ставящим комиссара Яковлева вне рядов революционеров. <...> Ко-

миссар Яковлев должен быть арестован вместе с лицами его отряда, которые будут сопротивляться. <...> Арестованные вместе с Николаем Романовым должны быть доставлены в Екатеринбург и сданы облсовету»^[2280].

Телеграмму с аналогичным текстом Белобородов в тот же день отправил Свердлову. Яковлев называет действия Белобородова «головотяпством уральских мудрецов», но объективный исследователь не может не признать, что в тех условиях поведение Белобородова было полностью логичным. Большевики расстреливали людей сплошь и рядом за самые невинные провинности, а здесь в неизвестном направлении ушел поезд со свергнутым Императором! И при этом никаких предупреждений, известий из Москвы не поступало. Что же должен был делать Белобородов?

При этом Свердлов заранее никак не пытался предупредить Уральский совет о предстоящих действиях Яковлева. Но как только Белобородов объявил Яковлева «вне закона», Свердлов немедленно послал в Екатеринбург телеграмму, в которой сообщал, что «всё, что делается Яковлевым, является прямым выполнением данного мною приказа. Сообщу подробности специальным курьером. Никаких распоряжений относительно Яковлева не делайте, он действует согласно полученным от меня сегодня в 4 часа утра указаниям. Ничего абсолютно не предпринимайте без нашего согласия. Яковлеву полное доверие. Еще раз – никакого вмешательства»^[2281].

Между тем Яковлев прибыл в Омск, где его уже ждал его старый поделщик по революционному подполью, ставший председателем Омского совета В. М. Косарев. Накануне Свердлов предупредил его о приезде в Омск Яковлева «с багажом», послав ему следующую телеграмму: *«Яковлев, о чьих полномочиях я вам уже сообщал, должен прибыть в Омск вместе с багажом: окажите ему полное доверие. Следуйте только нашим приказам и ничьим иным. Яковлев выполняет наши прямые приказы. Пошлите приказ по линии Омск – Тюмень: помогать Яковлеву всеми средствами»* [2282].

Пока Яковлев находился в Омске, Свердлов продолжал свой спектакль с уральцами. 29 апреля 1918 г. Уральский областной совет послал телеграмму Свердлову следующего содержания: *«Областной Совет, обсудив ваш ответ, констатирует, что Президиум ЦИК предпринял ответственное решение, не уведомив предварительно Областной совет, совершил тем самым акт, явно дискредитирующий Облсовет. Изменяя своё решение, ЦИК преднамеренно, или нет, но всё-таки третирует Облсовет, ставя нас в невозможное ложное положение. Анулировать отданные Омску и по всей Сибирской магистрали распоряжения задержать Яковлева мы не можем. Единственным выходом создавшегося положения считаем отдачу вами распоряжения возвращения поезда в Екатеринбург»* [2283].

Эта телеграмма стала коренным переломом в миссии комиссара Яковлева. Она означала, что 29 апреля между Урал-

советом и Свердловым состоялся обмен телеграммами. В своей телеграмме Свердлов сообщил Уралсовету о каком-то важном решении ВЦИК. Что же это могло быть за решение? Ответ на этот вопрос может быть один: **в телеграмме Свердлова говорилось, что ВЦИК изменил свое решение и постановил везти Императора Николая II вместо Екатеринбурга в Москву.** Естественно, Свердлов не стал вдаваться в подробности, что такое решение уже существовало с 1 апреля и действовало параллельно с принятым решением о Екатеринбурге. Кстати, вышеизложенное подтверждают и слова Я. Юровского, сказанные им 1 февраля 1934 г. на встрече со старыми большевиками: *«Яковлев, пользуясь доверием Центра, так информировал Центр, что в результате Центром был санкционирован привоз Николая в Москву»*^[2284]. Проводник поезда, на котором везли Царственных Узников, свидетельствовал, что из Екатеринбурга *«Яковлевым была получена телеграмма, о нежелании пропустить Государя в Москву и требованием сдать Государя Екатеринбургскому совету»*^[2285].

Безусловно, Уралсовет выразил всеобщее возмущение таким неуважением, а узкий посвященный круг лиц, может быть даже один Голощёкин, отправил Свердлову ту телеграмму, которую он ждал, а именно, что Уралсовет не может отменить своего решения по Яковлеву и единственный выход видит в возвращении поезда в Екатеринбург. То, чего так хотел и добивался Свердлов, свершилось. Теперь он мог

со спокойной душой направлять поезд с Государем в Екатеринбург, мотивируя это решением Уралсовета, против которого он бессилен.

Последнее находит подтверждение в беседе, которая состоялась между большевистским посланником в Берлине А. А. Иоффе и статс-секретарём иностранных дел Германии Рихардом фон Кюльманом. Последний задал Иоффе вопрос, как обстоит дело с безопасностью Царской Семьи. *«Русский представитель, – писал в отчете Кюльман, – ответил, что прекрасно осведомлён об этом и разложил телеграфные сообщения, относящиеся к этому делу. Он заверил, что для них очень важно обеспечить сохранность Царской Семьи и доставить её в подходящее место. Решение о доставке их в Москву так же в основном готово, а подготовка к перевозке была прервана после того, как чехословаки преградили железнодорожные пути. Пока Советская республика ничего не может сделать в этом отношении»*^[2286]. Можно не сомневаться, что «телеграфные сообщения», которые Иоффе показал Кюльману, состояли из телеграмм Яковлева Свердлову и переговоров последнего с Уралсоветом.

29 апреля в 12 ч. 35 м. Белобородов послал Косареву телеграмму, снимающую с Яковлева все обвинения. Получив долгожданную телеграмму из Екатеринбурга, Свердлов немедленно направился к телеграфному аппарату и передал уральцам следующий вопрос: *«Будете ли удовлетворены следующим приказом Яковлеву: Немедленно двигать-*

ся в Тюмень. С уральцами сговорились – приняли меры, дали гарантии. Передай весь груз в Тюмени представителю Облисполкома Уральского. Так необходимо. Поезжай вместе, оказывай полное содействие представителю. Задача прежняя. Я полагаю, при таких условиях Вы можете взять на себя всю ответственность. Что скажете?» (выделено Свердловым. – П. М.)^[2287]. А. Г. Белобородов, Г. И. Сафаров, Б. В. Дидковский, В. И. Хотимский и Е. А. Преображенский ответили согласием.

После этого Свердлов послал Яковлеву телеграмму в Омск, где повторил слово в слово свою телеграмму Уралсовету, но добавил одну важную приписку: *«Ты выполнил самое главное»*. Спектакль был закончен, и поезд неумолимо двигался на Екатеринбург.

Царственные Узники и их спутники, конечно, не знали о тех маневрах, что предпринимал комиссар Яковлев. Усталые от тяжёлой дороги из Тобольска в Тюмень, они легли спать не раздеваясь и проснулись поздним утром. К своему удивлению, они поняли, что состав движется не в Екатеринбург, а в Омск. Государь понял это по названиям станций. Узники терялись в догадках о причине этого изменения маршрута. *«Начали догадываться, – писал Государь в дневнике, – куда нас везут после Омска? На Москву или на Владивосток? Комиссары, конечно, ничего не говорили»*^[2288]. Утром 29 апреля стало понятно, что поезд идет вновь в обратном направлении. На этот раз Яковлеву пришлось как-то объяснять Госу-

дарю, что происходит. По своему обыкновению он солгал, заявив, что Омск отказался пропускать поезд из-за опасения, что кто-то хочет похитить Царскую Чету и увезти её в Японию.

По пути следования у одного из вагонов загорелась ось. Поезд пришлось остановить. Пока заменяли колеса, Император, Императрица и все пассажиры гуляли довольно далеко в поле в сопровождении комиссара Яковлева.

Наутро следующего дня, то есть 30 апреля 1918 г., в 8 ч. 40 м. утра поезд прибыл в Екатеринбург. Яковлев вспоминал, что когда поезд прибыл в Екатеринбург, то *«несмотря на раннее наше прибытие, екатеринбургские платформы были запружены народом. Как это вышло, что население узнало о нашем предстоящем приезде, мы не знали. Особенно большие толпы любопытных были сосредоточены на товарных платформах, куда продвинули и наш состав»*^[2289]. Далее Яковлев живописует, как из толпы стали раздаваться угрожающие крики: *«Задушить их надо! Наконец-то они в наших руках!»* Ситуация стала настолько угрожающей, что Яковлеву якобы пришлось приготовить пулемёты. Когда Яковлев предупредил, что применит пулемёты, то в толпе стали кричать: *«Не боимся мы твоих пулемётов! У нас против тебя пушки приготовлены! Вот, видишь, стоят на платформе!»* Ситуацию спас случайно проходивший состав, который на какое-то мгновение разделил яковлевский эшелон и екатеринбургскую толпу. Воспользовавшись

этим моментом, Яковлев увёл свой поезд *«в бесчисленные пути Екатеринбургской станции, а через 15 минут мы были в полной безопасности на Екатеринбурге-2»*^[2290].

Приходится признать, что этот рассказ Яковлева также весьма далёк от действительности. В том, что екатеринбуржцы знали о прибытии в их город Государя, нет ничего удивительного. Ещё за неделю до его прибытия слушателей академии Генштаба, которая находилась тогда в Екатеринбурге, предупреждали о скором прибытии специального поезда с Царской Четой^[2291]. Это обстоятельство, кстати, лишний раз опровергает предположение И. Ф. Плотникова, что в Екатеринбурге не делали никаких приготовлений для приёма Царской Семьи, так как надеялись, что она погибнет по дороге. О том, что Государь должен был быть доставлен в Екатеринбург живым, свидетельствуют показания областного комиссара здравоохранения Н. А. Саковича, который показал: *«Перед отъездом Царской Семьи из Тобольска в Екатеринбург, екатеринбургские комиссары получили из центра большевистской власти предупреждение, что они отвечают головой за целостность бывшего Государя»*^[2292].

Один из помощников Яковлева, А. Д. Авдеев, в своих воспоминаниях по-другому описывал прибытие в Екатеринбург. *«Поезд наш был остановлен на товарной станции Екатеринбург-3-й¹², не доезжая 2 верст до главного вокзала.*

¹² Г. Б. Зайцев уверен, что Авдеев прав, называя станцию, на которой высадили Царскую Чету, Екатеринбург-III, а не Екатеринбург-II, как это делал Яковлев и

Нас уже ожидали там т.т. Белобородов, Голощекин и Дидковский – руководители Уральского Совета. Вся территория станции была оцеплена кордоном красногвардейцев. Тов. Белобородов объявил нам, что отсюда высадутся и поедут на автомобиле Николай, его жена и дочь, а остальные спутники и охрана, а также багаж проследуют до главного вокзала, где сойдут и выгрузят багаж. Это было сделано, чтобы отвлечь внимание публики, ожидавшей на главном вокзале»^[2293].

Действия уральцев в изложении Авдеева намного более логичны: оцепленный красноармейцами поезд, представители Уральского совета, чёткое распределение автотранспорта. В пользу авдеевских воспоминаний говорят и его слова о причине остановки не на центральном вокзале: там была «публика», то есть люди, пришедшие посмотреть на Государя. Именно желанием не допустить встречи Царя с екатеринбуржцами, пусть даже мимолетной, была вызвана отправка поезда на другой, не центральный вокзал, а вовсе не «грозной толпой»¹³.

Рассказ Авдеева подтверждает и рассказ Быкова: «Уралсовет перевод Романовых в Екатеринбург держал в тайне.

другие.

¹³ Это утаивание Царя от своего народа весьма характерно для революционных властей, будь то «февралисты» или большевики. Даже арестованный он был для них опасен. Ведь в любой момент народ мог вспомнить, что это их Царь, подлинный Хозяин Земли Русской, по сравнению с которым особенно жалко выглядели революционные узурпаторы.

Однако сведения о приезде Романовых распространились по городу, и на ст. Екатеринбург-1, где остановился поезд, и к дому, куда должны были поместить бывшего царя, начали стекаться **любопытные**. Тогда поезд передвинули вновь на ст. Екатеринбург-2»^[2294]. «Любопытные» – это не «разъяренная толпа» во главе с комиссаром.

Управляющий екатеринбургским отделением Азовско-Камского банка В. П. Аничков, бывший непосредственным свидетелем того, что происходило в Екатеринбурге летом 1918 г., также свидетельствует: «*Любопытных собралось столько, что поезд пришлось передать с главного вокзала на Екатеринбург-Второй, и уже оттуда их на автомобилях доставили в приготовленный дом. Лица, видевшие Государя (Коля Башкевич уверял, что был его шофером), говорили, что он постарел, но вид имеет бодрый*»^[2295].

Но какие-то отголоски истинных событий у Яковлева есть, так как в дневниках Государя и Государыни имеются сведения о долгом стоянии на станции Екатеринбурга и о каких-то пререканиях между Яковлевым и местными комиссарами. Вот что говорится в дневнике Государя: «*В 8.40 прибыли в Екатеринбург. Часа три стояли у одной станции. Происходило сильное брожение между здешними и нашими комиссарами. В конце концов, одолели первые, и поезд перешел к другой – товарной станции. После полуторачасового стояния вышли из поезда. Яковлев передал нас здешнему областному комиссару, с которым мы сели в мотор*»^[2296].

Быков объясняет, в чём была сущность этих «трений»: *«Приехавшие за Романовыми уполномоченные Уралсовета Белобородов, Дидковский и Авдеев встретили вновь недоверие со стороны Яковлева, не желавшего выдать заключённых без охраны и не допустившего уполномоченных в вагон к Романовым, мотивируя тем, что они “готовятся к выходу и не стоит их беспокоить”»*^[2297].

Скорее всего, поведение Яковлева было вызвано стремлением сохранить за собой и в Екатеринбурге руководящее положение в осуществлении надзора за Царской Семьёй. Может быть, именно этим были вызваны его слова в телеграмме Голощёкину: «Совет Народных Комиссаров обещал меня сохранить», т. е. в смысле оставить его на посту чрезвычайного комиссара в Екатеринбурге.

Для Государя остановка в Екатеринбурге оказалась полной неожиданностью. До самого последнего момента он был убежден, что его везут в Москву. Граф Б. М. Капнист рассказывал следователю Соколову, что, со слов проводника вагона, в котором следовал Государь, *«Яковлев был почтителен к Государю, часто входил к нему в купе и вёл с ним долгие разговоры. Чех определенно говорил, что Государя везли в Москву, чтобы отправить его за границу»*^[2298].

Но, когда Государю стало известно, что конечная остановка будет в Екатеринбурге, он понял, что это – ловушка. Видимо, тогда он начал понимать всю подоплеку поступков Яковлева. Екатеринбург представлялся Государю небезопасным

местом. Матвеев вспоминал: «Очевидно, что Романов догадывался, что везут его уже не в Москву. Поезд замедлил ход. Романов вдруг меня спрашивает: “Петр Матвеевич, этот вопрос определенно решен, что я останусь в Екатеринбурге?” Получив от меня утвердительный ответ, он сказал: “Я бы поехал куда угодно, только не на Урал”. Я ему тогда задал вопрос: “А что же, Николай Александрович, не все ли равно, ведь в России везде Советская власть?” На это он мне сказал, что всё-таки остаться на Урале ему очень не хочется и, судя по газетам, издающимся на Урале, как, например, по “Уральской рабочей газете”, Урал настроен резко против него»^[2299].

Около 15 ч. в вагон вошел Белобородов и передал Яковлеву расписку: «Расписка. 1918 г. апреля 30 дня, я нижеподписавшийся Председатель Уральского Областного Совета Раб. Кр. и Солд. Депутатов Александр Григорьевич Белобородов получил от комиссара Всероссийского Центрального комитета Василия Васильевича Яковлева доставленных им из Тобольска: 1) бывшего царя Николая Александровича Романова, 2) бывшую царицу Александру Федоровну Романову и 3) бывшую великую княгиню (так!) Марию Николаевну Романову для содержания под стражей в г. Екатеринбурге. А. Белобородов, член Обл. Исполн. Комитета Б. Дидковский»^[2300].

Яковлев сказал Государю и Государыне, что надо покинуть вагон. Николай II вышел из вагона, подал руку Госуда-

рыне, потом Великой Княжне Марии Николаевне. Было серое весеннее уральское утро. Шёл мелкий дождик. На станции кроме Белобородова прибывших ожидали Дидковский и Голощёкин. Присутствовал также Авдеев. Яковлев подошел к Белобородову и назвал по именам Государя, Государыню и Великую Княжну Марию Николаевну, которых посадили в первый автомобиль.

Автомобили поехали по тихим нелюдным улицам, затем по Вознесенскому проспекту и подъехали к Ипатьевскому Дому. Дом уже был обнесен высоким забором. Голощёкин вышел из автомобиля, затем из первого автомобиля вышли Царь, Царица и Великая Княжна. Голощёкин заявил Государю: *«Гражданин Романов, Вы можете войти»*. Государь зашёл в дом, за ним, таким же порядком, были пропущены Императрица Александра Федоровна, Великая Княжна Мария Николаевна, доктор Е. С. Боткин, комнатная девушка А. С. Демидова и камердинер Императора Т. И. Чемодуров. Князь В. А. Долгоруков в Ипатьевский Дом допущен не был, а немедленно заключен в Екатеринбургскую тюрьму. Вокруг дома все больше собиралась толпа. Голощёкин раздражённо крикнул: *«Чрезвычайка, чего вы смотрите?»* Народ был разогнан.

На этом была закончена миссия комиссара Яковлева. С его помощью русский Царь был обманом доставлен в Дом особого назначения, где через два с половиной месяца он и его Семья будут злодейски убиты. История не донесла

до нас, как попрощались Император Николай II и комиссар Яковлев, что они говорили друг другу. Наверняка вежливый Яковлев пожелал Государю всего самого хорошего и выразил убеждённость в его *«полной безопасности»*, наверняка говорил, что возмущен своеволием уральцев, что *«он так этого не оставит, что немедленно едет в Москву и обязательно вернётся в Екатеринбург»*. Но все эти слова уже не имели никакого значения. *«Ты сделал самое главное»*, – радостно сообщал ему его начальник Свердлов. По приезде в Москву Яковлев был вновь удостоен самой высокой оценки Свердлова: *«Наша встреча со Свердловым носила очень дружественный характер. Я сделал подробный доклад о перевозке, представил расписку Уральского Совета и вернул обратно свой мандат»*^[2301].

Свердлов имел все основания для торжества. Его злое- щая операция удалась полностью: Царь был на Урале, а не в Москве, и при этом Свердлову никто не мог предъявить никаких претензий – вся ответственность лежала на «самостоятельном» Урале! Теперь этой «самостоятельностью» можно будет объяснить и предстоящее убийство Царской Семьи. Как верно писал следователь Н. А. Соколов: *«Нельзя думать, что Екатеринбург самовольно не подчинился Москве и сам задержал Государя. Подписывая одной рукой полномочия Яковлева, Свердлов другой рукой подписывал иное. Задержала Царя в Екатеринбурге, конечно, Москва. Свердлов обманывал немцев, ссылаясь на мнимый предлог неповино-*

вения *Екатеринбурга*»^[2302].

То же самое писал и другой участник расследования убийства Царской Семьи, П. П. Булыгин: *«Большевики перехитрили немцев, и Свердлов одной рукой исполняя требование графа Мирбаха о вывозе из Тобольска Государя, другой делал свое заранее решенное дело – отправляя Войкова и Сафарова для подготовки Екатеринбурга к задержанию вывозимого немцами Государя»*^[2303].

Для немцев остановка Царя в Екатеринбурге была полной неожиданностью. Впрочем, они не очень беспокоились по поводу вынужденной остановки Царя. У Свердлова были веские аргументы, чтобы убедить германцев, что Екатеринбург в качестве места пребывания Царской Семьи более выгоден для них, чем какой-либо другой город. На начало 1918 г. в городе находилось 22 тыс. бывших германо-австро-венгерских военнопленных, 4 тыс. из которых по приказу германского командования были включены в состав Красной армии под командованием своих офицеров^[2304]. Опираясь на такую мощную по тем временам силу, немцы могли быть спокойны за сохранение своего контроля над Императором Николаем II и Наследником Цесаревичем. Так что Берлин, во всяком случае на время, прекратил свои требования о доставке Царя в Москву.

Примечательно, что как только Государь оказался в Екатеринбурге, надобность во всякого рода камуфляжах отпала. 30 апреля Уральский совет покорно испрашивал у Свердло-

ва: «Сегодня 30 апреля в 11 часов Петроградского времени я принял от комиссара Яковлева бывшего царя Николая Романова, бывшую царицу Александру и их дочь Марию Николаевну. Все они помещены в особняке, охраняемом караулом. Ваши запросы и разъяснения телеграфируйте нам. Председатель Уральского облсовета Белобородов»^[2305]. «Разъяснения» не заставили себя долго ждать: «Екатеринбург. 3 мая 1918 г. 23 ч. 50 м. Предлагаю содержать Николая самым строгим порядком. Яковлеву поручается перевозка остальных членов семьи. Предлагаю прислать смету всех расходов, считая караул. Сообщите подробности условий нового содержания. Председатель ЦИК Свердлов»^[2306].

На протяжении долгих лет было принято говорить о «таинственном Яковлеве». Ему приписывали стремления увезти куда-то Царскую Семью, скрыть её от большевиков. Сегодня пришло время опровергнуть это недоразумение. За личностью комиссара Яковлева скрывался не таинственный посланник немцев, не агент английской разведки, не тайный монархист и не враг советской власти, а кровавый боевик, подпольщик и чекист. Везя Государя в Екатеринбург, ведя с ним вежливые разговоры, заверяя его в гарантиях личной безопасности, Яковлев знал, что недалек тот день, когда Царь и его Семья будут убиты.

Глава 4. Царская Семья в Ипатьевском доме

Император Николай II, Императрица Александра Фёдоровна, Великая Княжна Мария Николаевна и их свита в доме Ипатьева

30 апреля 1918 г., в самом начале Страстной Недели, Император Николай II, Императрица Александра Фёдоровна, Великая Княжна Мария Николаевна, лейб-медик Е. С. Боткин, А. С. Демидова, Т. И. Чемодуров и И. Л. Седнев переступили порог Ипатьевского дома в Екатеринбурге. Князь В. А. Долгорукий был немедленно отправлен большевиками в тюрьму. За день до этого, 29 апреля, владелец особняка инженер Н. Н. Ипатьев передал ключи от него председателю Исполкома С. Е. Чущаеву. Примечательно, что тюремщики заранее объявили Государю, что его помещают именно в Ипатьевский дом, так как Николай II записал в своем дневнике, что они со станции поехали в *«приготовленный для нас дом – Ипатьева»*^[2307]. Вскоре ему было присвоено зловещее название Дома особого назначения^[2308].

Ипатьевский дом № 47, расположенный на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка, был окружён

длинным дощатым трехметровым забором, который был сооружен незадолго до прибытия в город Царской Четы. Позже позади этого забора был построен второй, так что они оба образовывали двойное окружение Ипатьевского дома, полностью скрывая от посторонних глаз все, что там происходило.

К Августейшим Узниками обратился А. Г. Белобородов, который сообщил, что *«по постановлению президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета»* они будут находиться в Екатеринбурге *«впредь до суда»* над Государем^[2309]. Белобородов разрешил Узникам войти в дом, заявив, что *«в их распоряжение отводится большая часть второго этажа»*, а сам удалился^[2310].

Первые впечатления о новом месте пребывания Государь отразил в дневнике: *«Дом хороший чистый. Нам были отведены четыре большие комнаты: спальня угловая, рядом столовая с окнами в садик и с видом на низменную часть города и, наконец, просторная зала с аркой без дверей»*^[2311]. Как только Царская Семья вошла в дом, она сразу же была подвергнута обыску. Государь писал в дневнике, что *«осмотр потом был подобный таможенному, такой строгий, вплоть до последнего пузырька походной аптечки Аликс. Это меня взорвало, и я резко высказал свое мнение комиссару»*^[2312]. Т. И. Чемодуров вспоминал, что обыск проводили Б. В. Дидковский и А. Д. Авдеев, причём один из них *«выхватил ридикюль из рук Государыни и вызвал этим*

замечание Государя: *“До сих пор я имел дело с честными и порядочными людьми”*. На это замечание Дидковский резко ответил: *“Прошу не забывать, что вы находитесь под следствием и арестом”*»^[2313]. В дневнике Императрицы сведения об обыске нашли отражение в одной фразе: *«Новая охрана и офицер, и другие гражданские лица просмотрели весь наш багаж»*^[2314].

Царская Чета и Великая Княжна расположились в спальне, А. С. Демидова – в столовой, Е. С. Боткин, Т. И. Чемодуров и И. Л. Седнев – в зале. Великая Княжна Мария Николаевна писала 4/17 мая 1918 г. З. С. Толстой: *«Устроились пока хорошо. Домик маленький, но чистый, жаль, что в городе, потом сад совсем маленький. Когда приедут другие, не знаю, как мы устроимся, комнат не очень много. Я живу с Папой и Мамой в одной, где и проводим почти целый день»*^[2315].

Другое письмо к Великой Княжне Ольге Николаевне в Тобольск, начатое Великой Княжной Марией Николаевной, было продолжено и подписано Императрицей Александрой Феодоровной: *«Екатеринбург, 18/1 апр. 1918 г. Христос Воскресе! Мысленно три раза Тебя целую, Ольга моя дорогая и поздравляю со светлым праздником. Надеюсь, праздник проведете тихо. Поздравь всех наших. Пишут Тебе сидя у Папы на койке. Мама еще лежит, т. к. очень устала и сердце. Спали мы вдвоем в белой уютной комнате, с четырьмя большими окнами. Солнце светит как у нас в зале. Откры-*

та форточка, и слышно чирикание птичек, элект. конка, в общем тихо. Утром прошла манифестация: 1е мая. Слышали музыку. Живем в нижнем этаже, кругом деревянный забор, только видим кресты на куполах церквей стоящих на площади. Нюта спит в столовой, а в большой гостиной Евг. Серг., Седнев и Чемодуров. Князя пока не пустили, не понимаю почему, очень за него обидно. Спят они на койках кот. вчера принесли им и караулу. Владельцы дома – Ипатьевы. Горячо целую и благословляю + Тебя мою Душку любимую. Твоя старая Мама»^[2316]. Это письмо, помимо бытовых деталей, интересно еще и тем, что Государыня в письме тоже указывает на дом, как на собственность Ипатьевых.

Начались серые екатеринбургские будни – Екатеринбургская голгофа Царской Семьи. Войдя в дом, Государыня поставила на одном из оконных косяков свой любимый знак гамматического креста, более известного как «свастика», и сделала надпись: «17/30 апреля 1918 года»^[2317].

Екатеринбург был городом Пермской губернии, расположившимся на берегу реки Исеть, которая в самом городе образует большой пруд, придающий городскому пейзажу особую красоту. Основанный Петром Великим как завод-крепость против нападений башкир и названный в честь Императрицы Екатерины I, город имел важное экономическое и военное значение. С 1860 г. в Екатеринбурге было сосредоточено управление всеми уральскими горными казенными заводами. В Екатеринбурге насчитывалось 340 промыш-

ленных заводов, золотосплавочная лаборатория, гранильная фабрика.

К 1914 г. Екатеринбург превратился в один из красивейших городов Урала. Полностью освещённый электричеством, с прямыми проспектами и улицами, осененный куполами 12 православных церквей, имеющий огромный по тогдашним меркам изумительный по красоте оперный театр, Екатеринбург более походил на губернский город, чем Пермь. При этом Екатеринбург был своеобразным городом, мало похожим на другие уральские города. Большие красивые каменные дома и даже дворцовые ансамбли, как, например, знаменитые Харитоновские палаты, соседствовали с маленькими деревянными домиками, особнячками и лавочками, которые своей своеобразной красотой ничем не уступали каменным соседям. На территории города находилось два православных монастыря, монахини одного из них, Ново-Тихвинского девичьего, напрямую будут соприкасаться с Царственными Узниками. В городе имелись кроме православных храмов один римско-католический костел, одна старообрядческая церковь, одна мечеть и еврейская синагога.

Злодейство 17 июля 1918 г. отложило на городе неизгладимый отпечаток. Само имя города надолго было стерто с карты России и заменено именем одного из главных организаторов царубийства. Фактически вместе со своим историческим названием исчез и сам Екатеринбург. Тяжелый молот большевистской диктатуры полностью разрушил непо-

вторимый облик города. Вместо изумительных маленьких домов, усадебок, особнячков появились серые безвкусные казарменные постройки. Причем в Екатеринбурге они отличаются особенным уродством. Затерявшиеся остатки старого города еще больше подчеркивают весь ужас происшедшего с этим некогда прекрасным городом.

На 1918 г. в Екатеринбурге насчитывалось немногим более 80 000 обитателей. Первая мировая война изменила город и в особенности его население. Несмотря на то, что многие екатеринбуржцы были призваны на фронт, в городе оставалось много мужчин-рабочих, так как работа на заводах, особенно на Верх-Исетском заводе, давала освобождение от воинской службы. Разумеется, как и во всех войнах, на фронт в основном уходили лучшие, а худшие, трусы, уголовники и «шкурники», пытались спрятаться от фронта на заводах и фабриках. Когда фронт развалился, то Екатеринбург захлестнула волна дезертиров. В. П. Аничков писал, что *«по распоряжению Керенского уголовные имели право, сделав заявление о поступлении в армию, требовать освобождения из тюрьмы. На деле же, надев солдатскую шинель, они оставались на местах и начинали заниматься самым нахальным грабежом»*^[2318]. Кроме того, Екатеринбург к 1918 г. был наводнён военнопленными немцами и австрийцами, а также китайцами, приехавшими в город на заработки.

Под воздействием этих процессов население города меня-

лось не в лучшую сторону. Член французской военной миссии лейтенант П. Паскаль, находившийся в Екатеринбурге в мае – июне 1918 г., так описал его: *«Множество пленных австрийцев и даже немцев. Город – деревня. Несколько заводов. Много китайцев, солдат и рабочих. Никаких удобств, ни обывателей, ни ресторанов. Кинотеатры»*^[2319].

К 1918 г. Екатеринбург становится столицей «Красного Урала». Это объясняется в первую очередь тем, что, как мы уже писали, в городе были очень сильны позиции Свердлова. Фактически все первые люди большевицкого уральского руководства были свердловскими ставленниками. Наводнившая город революционная чернь, руководимая присланными из Москвы большевистскими вожаками, сеяла в городе смерть и разбой. Постоянные экспроприации, всяческие насилия и расстрелы, чинимые над мирными жителями, сделались обычным явлением в жизни города 1918 г. Кроме того, Екатеринбург был охвачен уголовным террором.

Одновременно в столице «Красного Урала» спокойно уживалась бывшая Николаевская академия Генерального штаба, переименованная в Военную академию Рабоче-крестьянской Красной армии. В марте 1918 г. эта Академия по приказу Л. Д. Троцкого была эвакуирована из Петрограда в Екатеринбург. Всего она насчитывала около 300 офицеров. Вообще нахождение этой Академии в Екатеринбурге, по верному замечанию И. Ф. Плотникова, *«по времени почти полностью совпало с пребыванием там семьи Романо-*

вых, ее гибелью»^[2320]. Слушатели Академии не предприняли ни одной реальной попытки не только освободить Царскую Семью, что, может, было и невозможно, но хоть как-то облегчить её жизнь в заточении.

К Царской Семье екатеринбуржцы проявляли большей частью сочувственные настроения. В. П. Аничков вспоминал, что мимо Ипатьевского дома всегда ходило много народа, особенно по противоположному берегу озера, откуда можно было видеть балкон, *«выходящий на двор дома Ипатьева, в надежде повидать Царя. На этом балконе постоянно находился часовой, которого многие принимали за Государя»*^[2321]. 14 мая 1918 г. на имя Императора Николая II в Ипатьевский дом было доставлено письмо «русской женщины». В нём говорилось: *«Бывшему Императору Николаю Александровичу Романову. Дорогой Государь! Все, что есть лучшего в душе у женщины, святого, чистого, нежного, что мы можем только передать своему ребенку – мы русские женщины, кладем к Вашим ногам, Государь»*^[2322].

Между тем жизнь в Ипатьевском доме с первых же дней приняла совершенно иной, чем в Царском Селе и Тобольске, характер. Оказалось, что, несмотря на то, что «дом хороший, чистый», он был плохо подготовлен к приезду жильцов. В доме не работали канализация и водопровод. Об этом имеются записи в дневниках как Императора Николая II, так и Императрицы Александры Феодоровны. В дневнике Государя отмечалось: *«Хотелось вымыться в отличной ванне, но*

водопровод не действовал, а воду в бочке не могли привезти. Это скучно, так как чувство чистоплотности у меня страдало»^[2323]. Дневник Царицы: «Канализация не работает»^[2324].

Если учесть, что у екатеринбургского совдепа было достаточно времени, чтобы устранить неисправности¹⁴, и если вспомнить, что въезд в губернаторский дом в Тобольске сопровождался такими же бытовыми проблемами, то можно сделать вывод, что характер этих «неисправностей» был искусственным, то есть они специально были созданы властями перед въездом в дом Царской Семьи. Смысл этих действий может быть объяснен лишь одним: продолжением издевательств над ней. Эти издевательства выражались также и в том, что для того чтобы посетить ванную комнату и уборную, члены Царской Семьи должны были проходить мимо часового караульного помещения.

Царская Чета была доставлена в Екатеринбург в разгар нового праздника Первомая, официально праздника «Освобожденного Труда», который по времени совпадал с вальпургиевой ночью. По своему характеру новый «праздник» сильно смахивал на последнюю. Улицы и площади города оглашались революционными песнями и ночью светились от многочисленных иллюминаций, кинематографы были переполнены, в них шли митинги-концерты^[2325]. Разнуздан-

¹⁴ К слову сказать, возникновение этих неисправностей тоже довольно странно, так как дом Ипатьева до размещения в нем Царственных Узников был жилой.

ные толпы откровенного хулиганья, осененные дьявольскими пентаграммами, преследовали людей «паразитических классов», в пьяном угаре глумились над верой и священнослужителями.

Конечно, звуки Первомая долетали и до окон Ипатьевского дома. Словно отвечая на эти звериные рыки, Царская Чета ежедневно читала Евангелие, ведь шла Страстная Неделя. Императрица Александра Феодоровна отмечала в своём дневнике: *«Н. Читал нам в течение дня Евангелие»*^[2326]. Об этом же писал в своем дневнике и сам Николай II: *«По утрам и вечерам, как все эти дни здесь, читал соответствующие Св. Евангелия вслух в спальне»*^[2327].

Наконец, наступил праздник Светлого Воскресения Господня – последняя Пасха в жизни Царской Семьи. В Великую Субботу в Ипатьевский дом в первый раз был допущен священник и дьякон. В 20 часов началась заутреня. *«Большое было утешение помолиться хоть в такой обстановке и услышать “Христос Воскресе”, – писал Государь в дневнике. – Утром похристосовались между собой и за чаем ели кулич и красные яйца, пасхи не могли достать»*^[2328]. Т. И. Чемодуров свидетельствовал, что праздник Пасхи для Царственных Узников был омрачён хамским поведением Авдеева, который *«пришел, отрезал большие куски»* от маленького кулича и съел. Однако в этом, как и в прочих свидетельствах Т. И. Чемодурова, следует делать скидку на его болезненное состояние.

Инструкция по ДОНу устанавливала арестантский режим, которому подвергались «а) сам б. царь и его семья, б) и те лица, которые изъявляют свое желание разделить с ним его положение». Инструкция предусматривала, что «с момента перехода лиц в ведение областного Совета, всякое свободное сообщение их с волей прекращается. Прекращается точно так же и свободное сношение с Романовыми, каких бы то ни было лиц, находящихся на свободе»^[2329]. Инструкция запрещала вести любые посторонние разговоры с Заключёнными, а также отвечать на их вопросы. Запрещались любые контакты с «посторонними лицами» и любые свидания^[2330].

Прогулки разрешались ежедневно на установленный комендантом срок. На деле это разрешение часто нарушалось. «На прогулку выходят все вместе. Перед тем как вывести заключенных на прогулку, комендант дает приказание усилить караул на месте прогулки расстановкой постовых во все углы прогульного двора, а также на балконе»^[2331]. Прогулка по саду «разreshалась только 1 раз в день, в течение 10–15 минут; во время прогулки весь сад оцеплялся караулом»^[2332]. Вся переписка перлюстрировалась «лицом, специально уполномоченным на это президиумом областного Совета». В письмах разрешались к употреблению только русский, французский и немецкий языки^[2333].

Т. И. Чемодуров свидетельствовал: «В Ипатьевском доме режим был установлен крайне тяжёлый и отношение охраны прямо возмутительное, но Государь, Государыня и Вели-

кая Княжна Мария Николаевна относились ко всему происходившему по наружности спокойно и как бы не замечали окружающих лиц и их поступков». Камердинер вспоминал, что еда для Царской Семьи была плохого качества: «утром вся семья пила чай; к чаю подавался чёрный хлеб, оставшийся от вчерашнего дня; часа в 2 обед, который присылали уже готовым из местного Совета Р. Д.; обед состоял из мясного супа и жаркого; на второе чаще всего подавались котлеты. К ужину подавались те же блюда, что и к обеду»^[2334].

В дневнике Государя по поводу качества еды нет никаких особых претензий. Наоборот, в его дневниковых записях от 24 апреля/7 мая и 4/17 мая можно встретить такие слова: «Еда была отличная и поспевала вовремя» и «Еда была обильная, как все это время, и поспевала в свое время»^[2335]. В дневниках Императрицы Александры Феодоровны также ничто не указывает на плохое качество еды. Конечно, здесь надо учитывать, что Государь с Государыней были люди в высшей степени непритязательные. Но вряд ли они стали бы говорить о хорошем качестве еды, если бы дело обстояло иначе¹⁵. Пища доставлялась в Ипатьевский дом в холодном виде, после чего она разогревалась на кухне и подавалась к столу. Позднее, когда в Ипатьевский дом был доставлен повар И. М. Харитонов, еду стали готовить непосредственно в

¹⁵ Если только царские дневники не подверглись фальсификациям задним числом.

самом доме. Часто привоз еды задерживался, отчего обеды с опозданием. В дневнике Царицы несколько раз упоминается об этом.

С самых же первых дней отношение властей к Заключенным в Ипатьевском доме приняло издевательский и грубый характер. Режим содержания Царственных Узников становился день ото дня тяжелее. Четыре раза в неделю Дидковский лично обходил Царские комнаты. Двери ни в одну из них не запирались: *«Дидковский не менее четырех раз в неделю производил контроль, обходя все комнаты, занятые Государевой Семьей; проходил он всегда в обществе одного-двух штатских лиц (каждый раз все новых) и как был, в шапке и колошах, входил в комнаты, не спрашивая разрешения. При этих посещениях Государь, Государыня и Великая Княжна Мария Николаевна занимались своими делами, не отрывая головы от книги или работы, как бы, не замечая появления посторонних лиц»*^[2336].

27 апреля/10 мая 1918 г. большевики произвели у всех находившихся в Ипатьевском доме лиц опись и изъятие имеющихся у них денежных средств. Делалось это с одной лишь целью: подчеркнуть в очередной раз, что Царь и Царица находятся в заключении. *«После чая опять приехал “лупоглазый”, – записал Государь в своем дневнике, – и спрашивал каждого из нас, сколько у кого денег? Затем он попросил записать точно цифры и взял с собой лишние деньги от людей для хранения у казначея Областного Совета»*^[2337].

Фактически Узники Ипатьевского дома были полностью ограблены. Ни у Государя, ни у Государыни денег с собой не было совсем. Об этом прямо писала в Тобольск Великая Княжна Мария Николаевна: *«Только что были члены областного комитета и спросили каждого из нас, сколько кто имеет с собой денег. Мы должны были расписаться. Т. к. Вы знаете, что у Папа и Мама с собой нет ни копейки, то они подписали ничего, а я 16 р. 17 к., которые Анастасия дала мне на дорогу. У остальных все деньги взяли в комитет на хранение, оставили каждому понемногу, – выдали им расписки. Предупреждают, что мы не гарантированы от обысков. Кто мог бы подумать, что после 14 месяцев заключения так с нами обращаются»*^[2338]. Примечательно, что накануне в Москве Свердлов на заседании ВЦИК лгал о том, что у Царя *«изъято 80 тыс. рублей»*^[2339].

2/15 мая в комнатах Царской Семьи и её окружения были закрашены все окна. Император Николай II отметил в дневнике: *«Применение “тюремного режима” продолжалось и выразилось тем, что утром старый маляр закрасил все наши окна во всех комнатах известью. Стало похоже на туман, кот. смотрится в окна»*^[2340].

6/19 мая Императору Николаю II исполнилось 50 лет. *«Дожил до 50 лет, даже самому странно!»* – записал он в свой дневник^[2341]. В 11½ утра в Ипатьевском доме был отслужен благодарственный молебен, ставший самым лучшим подарком пленённому Государю. В конце молебна, как обычно,

пропели «Многая Лета!» Императору Николаю II оставалось жить 58 дней.

Все первые дни пребывания Царской Четы в Екатеринбурге были ознаменованы её беспокойством за оставшихся в Тобольске Детей, в особенности за здоровье Наследника Цесаревича, и ожиданием их приезда. 19 апреля/2 мая 1918 г. Императрица Александра Феодоровна писала в Тобольск доктору В. Н. Деревенко, спрашивая о здоровье Наследника: *«Может ли уже наступать на ноги? Как силы, аппетит, самочувствие? Лежит ли на балконе? Все хочется знать»*^[2342]. Узнав о том, что Дети собираются в дорогу, Государыня благословляет их письмом от 28 апреля/11 мая 1918 г.: *«Нежные мысли и молитвы вас окружают. Только чтобы скорее быть опять вместе. Крепко вас целую, милые, дорогие мои и благословляю +»*^[2343].

Вместе – в Доме особого назначения

Отъезд Родителей тяжело переживался оставшимися в Тобольске Детьми, да и всем окружением. Великая Княжна Татьяна Николаевна писала отцу в Екатеринбург: *«Папà, дорогой мой Ангел. Ты сам знаешь и поймешь, что нам стоит расставаться сейчас с Тобой и Мамà? Никогда это не было легко, а теперь это больше, чем я могу сказать, один Бог знает и поможет нам всем перенести все это»*^[2344]. 22 апреля/5 мая 1918 г. Семья встретила порознь Светлое Христово

Воскресение. Были испечены куличи, покрашены яйца, приготовлена пасха. Великая Княжна всех благодарила за работу, но праздничного настроения все равно не было. Во время обеда кто-то из Царских Детей произнёс: *«Всё есть, а Папà и Мамà – нет»*^[2345]. Внезапная остановка Царской Четы и Великой Княжны Марии Николаевны в Екатеринбурге вызвала большое беспокойство у всех узников «Дома Свободы». Т. Е. Мельник-Боткина вспоминала, что задержание Государя и Государыни в Екатеринбурге *«нас всех страшно удивило. Ясно было, что произошло какое-нибудь недоразумение, только не на пользу Их Величествам. Все наши помыслы были сосредоточены на Екатеринбурге, и все стремились скорее туда попасть»*^[2346]. Для Е. С. Кобылинского весть об остановке в Екатеринбурге и заключении Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны в Ипатьевском доме была особенно неожиданной и мучительной. Он не мог не ужасаться мысли, что это произошло во многом благодаря ему, хотя, разумеется, и против его воли. Кобылинский рассказывал следователю Н. А. Соколову: *«Почему в Екатеринбурге? Все были этим поражены, так как все были уверены, что Государя с Государыней везут в Москву»*^[2347].

Незадолго до вывоза Царских Детей из Тобольска, 17 мая, охрана «Дома Свободы» была полностью сменена. Вместо солдат ее стал осуществлять отряд «латышей», присланных из Москвы, а место Е. С. Кобылинского заняли Я. М. Роди-

онов и П. Д. Хохряков. Таким образом большевистские главарь установили полный контроль над всей Царской Семьей. Теперь им оставалось соединить ее в Ипатьевском доме и убить.

Отъезд из Тобольска был назначен на 7/20 мая. Его с одинаковым нетерпением, хотя и по разным причинам, ждали как тюремщики, так и Узники. 4/17 мая Жильяр писал в дневнике: *«У нас с генералом Татищевым чувство, что мы должны задержать наш отъезд. Но Великие Княжны так торопятся увидеть своих Родителей, что у нас нет нравственного права противодействовать Их пламенному желанию»*^[2348]. В Екатеринбург Детей сопровождали: граф И. Л. Татищев, В. Н. Деревенко, графиня А. В. Гендрикова, Е. А. Шнейдер, П. Жильяр, С. Гиббс, И. М. Харитонов, А. Е. Трупп, А. А. Волков, К. Г. Нагорный, А. А. Теглева, Л. И. Седнев и другие. Многие из этих людей догадывались, что им не суждено вернуться живыми из этой поездки, но они сохраняли высшее чувство духа и самопожертвования. Так, граф Татищев сказал незадолго до отъезда: *«Я прибыл сюда, отлично зная, что я не вернусь живым. Все, что я прошу, это возможность умереть с моим Императором»*^[2349].

6/19 мая к губернаторскому дому стали приходить родные и близкие отъезжающих. Т. Е. Мельник-Боткина вспоминала: *«Утром накануне отъезда Их Высочеств мы подошли к губернаторскому дому. Под его окнами стояли жена и дочь повара Харитонова, пришедшие проститься с му-*

жем перед отъездом. Родионов, размахивая руками, неистово кричал: *“Нельзя перед окнами останавливаться, нельзя, говорят вам: расстрелять велю”*»^[2350].

Родионов и Хохряков приказали собрать и приготовить к вывозу всю обстановку губернаторского дома, о чём вспоминала Т. Е. Мельник-Боткина: *«Это в ваших же интересах»*^[2351]. Во время выноса мебели Наследник Цесаревич спросил Родионова: *«“Зачем вы берете эти вещи? Они не наши, а чужие.” “Раз нет хозяина, всё будет наше”, – ответил Родионов»*^[2352]. В этом коротком монологе наиболее наглядно столкнулись две морали: христианская и революционная, безбожная. То, что было безусловно для 13-летнего подростка, воспитанного на евангельских заповедях, полностью противоречило воровской антиморали Родионова.

Царские Дети и сопровождавшие их лица выехали в Екатеринбург 7/20 мая 1918 г. В 12 часов дня к «Дому Свободы» был подан только один экипаж для Наследника. Остальные, включая Великих Княжон, шли пешком до самой пристани, на которой стоял тот же пароход «Русь», что в августе 1917 г. доставил Царскую Семью в Тобольск. Отъезжающие вошли на его борт в 17 часов. Через несколько минут «Русь» протяжно загудела и стала отчаливать от пристани. На палубу вышел Алексей Николаевич вместе со своими сестрами. Он стал махать стоящей на пристани огромной толпе народа. При виде Цесаревича из нее послышались возгласы: *«Дорогой Ты наш, милый Ты наш! Куда ты от нас уезжаешь?»*

Зачем ты нас оставляешь?» Плакали женщины и мужчины, «так что смотря на эту картину, удержаться от слез было положительно невозможно» ^[2353]. Наследник махал народу очень долго, до тех пор, пока корабль не скрылся за поворотом реки. Но и тогда народ не спешил расходиться, словно чувствовал, что только что он попрощался навсегда со своей родимой Русью.

Камердинер А. А. Волков вспоминал, что *«во время пути солдаты вели себя крайне недисциплинированно: стреляли с парохода птиц и просто – куда попало. Стреляли не только из ружей, но и из пулеметов»* ^[2354]. По словам А. А. Теглевой, *«Родионов запретил Князьям запира́ть на ночь их каюты, а Алексея Николаевича с Нагорным он запер снаружи замком. Нагорный устроил ему скандал и ругался: “Какое нахальство! Больной ребенок! Нельзя в уборную выйти!” Он вообще держал себя смело с Родионовым, и свою будущую судьбу Нагорный предсказал сам себе. Потом, когда мы приехали в Екатеринбург, он мне говорил: “Меня они, наверное, убьют. Вы посмотрите, рожи-то, рожи-то у них какие! У одного Родионова чего стоит! Ну, пусть убивают, а все-таки я им хоть одному-двоим, а наколочу морды сам!”»* ^[2355].

8/21 мая пароход прибыл в Тюмень, где Царские Дети и их сопровождающие пересели в поезд. Детей, графиню А. В. Гендрикову, Е. А. Шнейдер, графиню С. К. Буксгевден, К. Г. Нагорного и А. А. Волкова поместили в классный вагон, остальных – в теплушку.

Рано утром 10/23 мая ночью поезд прибыл в Екатеринбург. Однако уже 22 мая в книге записей дежурств по Дому особого назначения появляются следующие строки дежурного: «22 мая. Прибыли в Дом особого назначения семья Романовых из (4) человек: *Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна, Анастасия Николаевна, Алексей Николаевич* и с ними повар *Иван Михайлович Харитонов, мальчик Леонид Иванович Седнев*»^[2356]. Получается, что в ДОНе ожидали прибытие Детей 22 мая и были осведомлены о точном и поименном списке прислуги, которую надлежало оставить в Ипатьевском доме с Царской Семьей.

После долгой перегонки с места на место поезд остановился в тогдашнем ближайшем пригороде города, скорее всего на том же месте, где были высажены Император и Императрица. От большевиков поезд с Детьми встречали С. С. Заславский и скорее всего С. В. Мрачковский. Всем пассажиром классного вагона было приказано выйти из поезда. Остальные продолжали оставаться в теплушке. Пьер Жильяр, ожидавший своей очереди на выход из вагона поезда, наблюдал, что происходило на перроне екатеринбургского вокзала: «*Приставленный к Алексею Николаевичу матрос Нагорный* прошёл мимо моего окна, неся маленького больного на руках; за ним шли *Великие Княжны*, нагруженные чемоданами и мелкими вещами. Я захотел выйти, но часовой грубо оттолкнул меня в вагон. Я вернулся к окну. *Татьяна Николаевна* шла последней, неся собачку, и с большим тру-

дом тащила тяжёлый коричневый чемодан. Шёл дождь, и я видел, как она при каждом шаге вязла в грязи. Нагорный хотел прийти ей на помощь – его с силой оттолкнул один из комиссаров»^[2357].

К составу были поданы извозчики. В первом разместились Великая Княжна Ольга Николаевна и С. С. Заславский, на втором – Наследник Цесаревич Алексей Николаевич и П. Д. Хохряков, на третьем – Великие Княжны Татьяна и Анастасия Николаевны. Их немедленно отвезли в Ипатьевский дом. Затем Заславский и Мрачковский вернулись и усадили в экипаж графиню А. В. Гендрикову, графа И. Л. Татищева и Е. А. Шнейдер. Камердинер А. Е. Трупп, повар И. М. Харитонов, помощник повара Л. И. Седнев, матрос К. Г. Нагорный, камердинер А. А. Волков были размещены в другие экипажи. Раздалась команда, и экипажи двинулись в направлении центра Екатеринбурга.

В Ипатьевский дом была размещена лишь часть прислуги. Николай II записал в свой дневник: «из всех прибывших с ними (то есть с Дети́ми. – П. М.) впустили только повара Харитонова и племянника Седнева»^[2358]. А. Е. Трупп и К. Г. Нагорный попали к Царской Семье только 11/24 мая. Но уже через три дня, 14/28 мая, К. Г. Нагорный и И. Д. Седнев были забраны большевиками из Ипатьевского дома. Государь по этому поводу записал в дневнике: «После чая Седнева и Нагорного вызвали для допроса в облсовет»^[2359]. Так как прошло несколько дней, а «допрос» всё не заканчивался, Нико-

лай II с тревогой записал 16 мая: «О Седневе и Нагорном ни слуха, ни духа!»^[2360] Государь, конечно, не мог знать, что вместо «допроса» К. Г. Нагорный и И. Д. Седнев были арестованы и заключены в екатеринбургскую тюрьму. В начале июля 1918 г. они были выведены чекистами в безлюдное место за городом и расстреляны. Тела были не погребены и до сих пор не обреты. Большевики скрывали от Царской Семьи как арест Нагорного и Седнева, так и их убийство. 3/16 июня Николай II отмечал: *«Всё ожидаем Седнева и Нагорного, которых нам обещали впустить сегодня»*^[2361].

Графиня А. В. Гендрикова, Е. А. Шнейдер и А. А. Волков были сразу помещены в екатеринбургскую тюрьму, откуда затем их перевели в пермскую. В ночь с 3 на 4 сентября 1918 г. чекисты повели их на расстрел, но А. А. Волкову удалось в последний момент бежать. А. В. Гендрикова и Е. А. Шнейдер были убиты ударами прикладов по голове, а тела их сброшены в сточные канавы. 10 июля 1918 г. были убиты князь В. А. Долгоруков и граф И. Л. Татищев. Тела их до сих пор не обреты.

Но Царская Семья никогда не узнала о мученической кончине своих верных слуг, хотя, конечно, догадывалась об их судьбе. 10 мая в Ипатьевском доме произошла долгожданная встреча Родителей и Детей. Государь записал в дневник: *«Утром нам в течение одного часа, последовательно объявили, что дети в нескольких часах от города, затем, что они проехали на станцию и, наконец, что они прибыли к*

дому, что их поезд стоял здесь около 2 час. ночи! Огромная радость была увидеть их снова и обнять после четырех недельной разлуки и неопределенности. Взаимным расспросам и ответам не было конца. Много они бедные претерпели нравственного страдания и в Тобольске, и в течение трехдневного пути»^[2362].

По дороге Наследник ушиб колено, и у него начались сильные боли. Царь писал в дневнике, что Наследник «всю ночь сильно страдал и мешал нам спать». Вообще состояние здоровья Алексея Николаевича в Екатеринбурге начало ухудшаться: сказывалось отсутствие необходимого медицинского ухода и нехватка свежего воздуха, так как прогулки были не каждодневными и непродолжительными. Кроме того, к Наследнику не был допущен Пьер Жильяр, который умел облегчать страдания Цесаревича. Вся тяжесть ухода за тяжело больным ребенком легла на плечи престарелого доктора Боткина и дядьку Нагорного.

Обеспокоенный состоянием здоровья Наследника, доктор Боткин написал в Екатеринбургский исполком следующее письмо: «Как врач, уже в течение десяти лет, наблюдающий за здоровьем семьи Романовых, находящейся в настоящее время в ведении исполнительного комитета, вообще и в частности Алексея Николаевича, обращаюсь к Вам, г-н Председатель, со следующей усердной просьбой. Алексей Николаевич подвержен страданиям суставов под влиянием ушибов, совершенно неизбежных у мальчиков его возраста,

сопровождающимися выпотеванием в них жидкости и жесточайшими вследствие этого болями. День и ночь в таких случаях мальчик так невыразимо страдает, что никто из ближайших родных его, не говоря уже о хронически больной матерью его, не жалеющей себя для него, не в силах долго выдерживать ухода за ним. Моих угасающих сил тоже не хватает»^[2363].

Е. С. Боткин просил власти допустить Пьера Жильяра в Ипатьевский дом, чтобы он мог помочь ему в уходе за больным Наследником. На письме Е. С. Боткина была наложена резолюция Авдеева: *«Просмотрев настоящую просьбу доктора Боткина, считаю, что из этих слуг один является лишним, т. е. дети все являются взрослыми и могут следить за больным, а потому предлагаю председателю областного комитета немедленно поставить на вид этим зарвавшимся господам ихнее положение»^[2364]*. А. Г. Белобородов согласился с авдеевской резолюцией: большевики не только не позволили Жильяру соединиться с Царской Семьей, но и навсегда забрали от нее К. Г. Нагорного.

Привезенные из Тобольска кровати по «странным» обстоятельствам не привезли с вокзала в Ипатьевский дом, а бывших в доме постелей не хватало на всех Узников, и поэтому Великие Княжны были вынуждены спать первые ночи на полу. 13/26 мая Николай II и Авдеев осматривали содержимое привезенных из Тобольска сундуков. Вскоре со стороны охраны началось расхищение этого содержимого.

В окружении тюремщиков и палачей

Первоначальный состав охраны Дома особого назначения был радикально иным, чем поздние караулы из сысертских и злокаевских рабочих. И. Ф. Плотников считает: причины этого различия заключаются в том, что *«первоначально, в спешке, Ш. И. Голощекину и А. Г. Белобородову не удалось сформировать постоянной охраны дома и на дежурство в распоряжение коменданта направлялись различные группы красноармейцев гарнизона»*^[2365].

Однако дело обстоит совсем не так просто. А. Г. Белобородов вспоминал, что вначале *«в карауле стояли какие-то прапорики, которых пришлось через несколько часов сменить»*. Охранник из числа сысертских рабочих М. И. Летемин на допросе показал: *«До нашего прибытия в Екатеринбург дом Ипатьева охранялся, кажется красноармейцами, но их почему-то признали негодными для охраны»*^[2366]. Странно, почему большевикам понадобилось заменять дисциплинированные регулярные части Красной армии на люмпенов, не обладавших никакими навыками несения караульной службы.

В. Момот приводит следующие данные о первоначальной охране Ипатьевского дома: *«Охрану семьи бывшего Императора осуществляли солдаты 1-го Уральского стрелкового полка, сформированного в Екатеринбурге в марте 1918 го-*

да. Командиром полка был назначен полковник Иван Иванович Браницкий. К началу Первой мировой войны он был в звании капитана и проходил службу в 60-м пехотном полку. Участник боевых действий, он получил звание полковника после сентября 1916 года. На командные должности Браницкий назначал только боевых офицеров. Его заместителем по строевой части стал капитан Иван Сергеевич Павлицев, а секретарем штаба полка был поручик Малютин»^[2367].

Один из ветеранов этого полка, В. И. Хлебутин, в 1959 г. вспоминал, что на командирские должности в полку приглашали офицеров старой армии^[2368]. Эти сведения делают понятными запись в дневнике Государя за 25 апреля/8 мая: «Долго говорил с бывшим офицером, уроженцем Забайкалья; он рассказывал о многом интересном, так же, как и маленький караульный начальник, стоявший тут же; этот был родом из Риги»^[2369].

Примечательно, что офицеры охраны нарушали строгое указание инструкции по ДОНу, запрещавшее общение с Узниками. 1 мая 1918 г. Николай II отмечал, что караул состоял «из особой команды фронтовиков – русских и латышей. Караульный начальник – представительный молодой человек»^[2370]. Очевидно, что такой караул был не караулом Голощёкина и Белобородова, а некой вооружённой силой, которую они были вынуждены до поры терпеть. 2/15 мая отряд этот был полностью заменен, и Николай II записал в дневнике: «Ни одного лишнего солдата в саду не было. Караульный

начальник с нами не разговаривал, т. к. все время кто-нибудь из комиссаров находился в саду и следил за нами, за ним и часовыми!»^[2371] Отметим, что именно с этого дня началось резкое ухудшение режима содержания Царской Семьи: окна в доме были замазаны белой краской, их было запрещено открывать для проветривания, а прогулки были сокращены на час.

По всей вероятности, эти офицерские части были поставлены охранять Императора по требованию германцев. Отряд под командой бывших офицеров и дисциплинированных латышей позволял им контролировать ситуацию в ДОНе. Со стороны же Свердлова и его ставленников согласие на подобный состав караула было последними действиями спектакля, начатого Яковлевым. Каким образом Свердлов добился того, чтобы немцы согласились поменять охрану Дома особого назначения, не понятно. Но не вызывает сомнений, что полный контроль над Ипатьевским домом Свердлов получил только в начале июня 1918 г.

26 мая, после прибытия в Екатеринбург из Тобольска остальных членов Семьи, была сформирована «сборная команда 1-го Уральского стрелкового полка», которая несла караул в ДОНе до 4 июня. Командиром этой команды был некий Молчанов. Для усиления охраны дома с 27 мая был организован дополнительный пост наблюдения на колокольне Воскресенского храма, который находился напротив Ипатьевского Дома^[2372].

Новая охрана набиралась в конце мая Мрачковским и Авдеевым. Она была создана из рабочих Сысертского завода (30 человек) и из рабочих Злоказовской фабрики (16 человек). Большинство этих охранников были из семей раскольников. Охрана делилась на внешнюю и внутреннюю. Внешнюю охрану несли сысертские рабочие, внутреннюю – злоказовские. Н. А. Соколов оценивал этих рабочих как *«самый опасный элемент, преступный по типу»*^[2373].

Некоторые из этих рабочих были уклонистами от фронта, а многие имели уголовное прошлое. Так, охранник И. Н. Клещёв был с детских лет замечен в кражах, охранник М. И. Летемин был осужден за растление малолетней девочки. Главной причиной, по которой рабочие фабрики пошли в охрану ДОНа, стало высокое денежное довольствие. Охранник получал в месяц 400 руб. за вычетом кормовых, к тому же ему сохранялось жалованье, получаемое на фабрике^[2374].

Первоначально, в первые дни прибытия Царя, Царицы и Великой Княжны Марии Николаевны, охрана находилась вместе с ними на втором этаже. Потом её перевели на первый этаж, а затем в находившийся напротив дом Попова. На нижнем этаже осталась только комендантская, в которую Юровский поместил набранную уже им внутреннюю охрану.

Комендантом Дома был назначен А. Д. Авдеев, которого следователь Н. А. Соколов определял как *«яркого представителя отбросов рабочей среды: типичного митингового крикуна, крайне бестолкового, глубоко невежественно-*

го, пьяницу и вора»^[2375]. Перед большевистским переворотом Авдеев работал на фабрике Ф. А. Злоказова. С приходом к власти большевиков Авдеев лично отвез хозяина в тюрьму и стал главным заправилой на его фабрике. Возможность безнаказанного присвоения чужого имущества, вседозволенность были главной причиной, приведшей Авдеева к большевикам. Обвиняемый А. А. Якимов, бывший рабочий злоказовской фабрики, говорил про Авдеева: *«Он много раз говорил, что большевики уничтожили богачей-буржуев, отняли власть у Николая “кровавого” и т. п.»*^[2376]

Но в стенах Ипатьевского дома Авдеев был трусовато-нейтрален. Осложняя как только возможно жизнь Царской Семьи, Авдеев одновременно на всякий случай стремился особо не обострять отношений с Узниками. Т. И. Чемодуров утверждал, что он не помнит, чтобы Авдеев лично *«оскорблял или стеснял Государя и членов его Семьи, но в то же время и не шел навстречу, в смысле удовлетворения тех, или иных нужд домашнего обихода»*^[2377]. Из дневниковых записей Николая II также видно, что его отношения с Авдеевым были нейтральными. Комендант *«в действительности придерживался тактики компромисса»*^[2378]. Когда Государь узнал, что Авдеева сняли с должности из-за краж царского имущества, Николай II записал в дневник: *«Жаль Авдеева, но он виноват в том, что не удержал своих людей от воровства из сундуков в сарае»*^[2379].

Но внешняя «нейтральность» Авдеева в отношении Цар-

ской Семьи вовсе не означает, что комендант Ипатьевского дома сочувствовал ей. Он изо всех сил старался воплощать в жизнь «тюремный режим», постоянно выступал на митингах и собраниях, где настраивал рабочих против Царя, о котором он *«говорил со злобой, ругал его, как только мог, и называл не иначе, как “кровавый”, “кровопийца”»*^[2380].

Главной радостью Авдеева было не то обстоятельство, что Царь арестован, а то, что именно он, «простой рабочий», поставлен его «стеречь». Авдеев упивался своей властью над Государем. При этом он продолжал воспринимать его как Монарха: *«Я вас всех свожу в дом и покажу вам Царя»*^[2381]. Обвиняемый А. А. Якимов свидетельствовал: *«Авдеев был пьяница, грубый и неразвитый, душа у него была недобрая. Авдеев любил пьянство и пил всегда, где только можно было. Пил он дрожжевую гуцу, которую доставал на Злоказовском заводе. С ними пили и его приближенные. Пил он и здесь, в доме Ипатьева. Когда последние переселились в дом Ипатьева, они стали воровать Царские вещи»*^[2382].

Отношение внутренней и внешней охраны к арестованной Царской Семье было разным. Если внешняя в целом не выходила за рамки приличия, а некоторые охранники даже сочувствовали Царской Семье, то внутренняя являла себя во всей революционной «красе». Стены дома были испещрены нецензурными надписями, караульные часто злоупотребляли спиртным и распевали революционные песни. Один из внутренних постов был установлен рядом с уборной, поэто-

му Узники, направляясь туда, были вынуждены видеть стоящего рядом часового. Особенно это было тяжело для Великих Княжон, в отношении которых охранники иногда отпускали скабрёзные шутки. Особенно безобразничал В. Я. Сафонов (Файка). Обвиняемый Ф. П. Проскуряков показывал, что Файка писал возле уборной *«разные нехорошие слова. Андрей Стрекотин в нижних комнатах начал разные безобразные изображения рисовать»*^[2383].

Но чем больше авдеевская команда соприкасалась с Царственными Узниками, тем сильнее у многих из её членов просыпалась совесть. Якимов свидетельствовал: *«Я никогда, ни одного раза, не говорил ни с Царем, ни с кем-либо из его Семьи. Я с ними только встречался. Встречи были молчаливые. Однако эти молчаливые встречи с ними не прошли для меня бесследно. У меня создалось в душе представление от них ото всех. <...> От моих прежних мыслей про Царя, с какими я шел в охрану, ничего не осталось. Как я их своими глазами поглядел несколько раз, я стал душой к ним относиться совсем по-другому: мне стало их жалко. Часовые к б. Государю относились хорошо, жалеючи, некоторое даже говорили, что напрасно человека томят»*^[2384].

В. И. Криворотов приводит в своей книге следующий эпизод: *«Государыня с сыном и Лёней Седневым осталась внизу во дворе почти час. Алексей чувствовал себя почти совсем хорошо. Один из солдат внешней охраны, стоявший постовым перед калиткой во дворе, оглянувшись кругом, поставил*

свою винтовку и несколько раз помог Наследнику подняться из коляски на ноги и шагнуть несколько шагов. Когда на лестнице послышались шаги, он быстро подхватил мальчика на руки, посадил его в коляску и, схватив винтовку, стал, как ни в чем не бывало у калитки: “Спасибо, солдатик! Бог вам этого не забудет!” – тихо проронила Царица»^[2385].

Безусловно, что подобное сочувствие и внутреннее ощущение своего участия в чёрном и постыдном деле посещали не только рабочих-охранников, но и их начальство в лице Авдеева и его помощника А. М. Мошкина. Однажды после обеда А. Е. Трупп протянул Государю пакетик с табаком со словами: *«Ваше Величество, этот табак дал мне Мошкин для Вас. Он сказал мне, что эта передача из монастыря и, что о ней для Вас просил Авдеев»*. Николай II на это сказал: *«Передайте, Трупп, от меня обоим большое спасибо и мою радость, что они оба нашли, наконец, самих себя»*^[2386].

Вышесказанное подтверждается показаниями послушниц Новотихвинского монастыря А. В. Трикиной и М. Л. Крохаловой. Сестра Антонина на допросе показала: *«Как-то сам Авдеев сказал нам, что Император нуждается в табаке и просит прислать ему табак. Так он и сказал тогда – “Император”. Мы и табаку доставали и носили»*^[2387]. По словам сестры Марии, монахини стали носить в Ипатьевский дом *«сливки, сливочное масло, редис, огурцы, ботвинью, разные печенья, иногда мясо, колбасу, хлеб. Все это брал у нас или Авдеев, или его помощник. Очень хорошо к нам Авдеев и его*

помощник относились»^[2388].

Несмотря на свою революционную «сознательность», Авдеев и его внутренняя охрана с каждым днём становились все менее надежными для Свердлова и Голощёкина. Такая команда не могла стать надёжным исполнителем их преступных планов в отношении Царской Семьи. Не случайно, по свидетельствам близких к Авдееву людей, тот, узнав об убийстве Царской Семьи, сильно сокрушался^[2389]. Янкель Юровский в 1934 г. в беседе со старыми большевиками рассказывал: *«Насколько разложение дошло далеко, показывает следующий случай: Авдеев, обращаясь к Николаю называет его – Николай Александрович. Тот ему предлагает папиросу, Авдеев берет, оба закуривают и это сразу показало мне “простоту нравов”»*^[2390]. Именно этой «простотой нравов», установившейся между Царём и Авдеевым, в первую очередь и объясняется замена Авдеева и его команды на Юровского и его людей. *«Нет сомнений, – пишет Н. А. Соколов, – общение с Царем и его семьей что-то пробудило в пьяной душе Авдеева и его товарищей. Это было замечено. Их выгнали, а всех остальных отстранили от внутренней охраны»*^[2391].

4 июля 1918 г. Ш. И. Голощёкин в Москве, совместно со Свердловым, активно добивался согласия Ленина на убийство Царской Семьи. От Ленина он получил отказ, но Свердлов дал ему секретные указания об организации злодеяния. Н. А. Соколов писал: *«Когда Яков Юровский внедрил в дом*

Ипатьева, Шая Голощёкин отсутствовал из Екатеринбурга. Он в это время находился в Москве и жил на квартире у Свердлова. Но Белобородов в тот же день сообщил ему телеграфно о происшедшей в доме Ипатьева перемене» ^[2392]. Так в Ипатьевском доме чёрной тенью появился комендант Я. Х. Юровский.

Юровский, так же как и Свердлов, происходил из Полтавской губернии, и, по всей вероятности, его предки, так же как и предки Свердлова, были хасидами. Биография этого человека полна неясностей и черных «пятен». Известно, что в начале XX в. он побывал в Америке и в Германии, откуда вернулся богатым человеком. Нельзя исключать того, что Юровский был направлен в США Свердловым для установления контактов с Бродвейским сообществом, от которого он получил необходимый инструктаж и был снабжён деньгами. Прекрасно знал Юровский и другого видного большевика, Ф. Э. Дзержинского, с которым он был «в неформальных отношениях» ^[2393]. После участия в Екатеринбургском злодеянии, Юровский не раз привлекался Свердловым и Дзержинским в качестве организатора профессиональных убийств. В частности, именно Юровскому была поручена ликвидация Ф. Каплан, тело которой должно было, по словам Свердлова, быть «уничтожено без следа».

Вернувшись из-за границы, Юровский открыл в Томске в доме купца Д. Шадрина ювелирную и часовую мастерскую. Генерал Дитерихс писал, что «если заглянуть в домашнюю

жизнь Янкеля Юровского, то становится совершенно ясным, что он не имел по своему существу ничего общего с теми социалистическими и коммунистическими принципами, с которыми выступал он и остальные ему подобные главари. <...> Буржуй по существу, он вел свое хозяйство, как вел его 20 лет перед этим, с определенной тенденцией к наживе капитала»^[2394].

В 1911 г. Юровский продает свое дело за полцены и начинает ездить в Нарымский край, а затем перебирается в Екатеринбург, где на Покровском пр. открывает «моментальную фотографию» с вывеской, которая в свете его последующего палачества выглядит зловещей: «Сегодня сняли, завтра – готово»^[2395]. В. П. Аничков вспоминал: «Юровского, впоследствии сыгравшего главную роль безжалостного палача Государя и его семьи, я немного знал ещё до революции. Он имел небольшую моментальную фотографию, и раза три моя семья снималась у Юровского»^[2396].

Когда началась Первая мировая война, Юровский был призван на военную службу и зачислен в 108-й запасной батальон. Он умудрился поступить в школу фельдшеров и тем самым избежать отправки на фронт. В школе Юровский познакомился с доктором К. С. Архиповым, с тем самым, которому он написал письмо перед своим бегством из Екатеринбурга. Архипов благоволил к Юровскому, несмотря на то, что по политическим вопросам они имели разногласия, и даже разрешил ему жить на частной квартире, хотя все

остальные военнослужащие жили в казармах.

После февральского переворота Юровский принялся вести активную революционную пропаганду, которая в основном сводилась к подстрекательству солдат против местной администрации лазарета. Одновременно Юровский начал играть видную роль в Екатеринбургском совдепе. Вскоре, однако, по непонятным причинам Юровский покинул Екатеринбург. В город он вернулся незадолго до большевистского переворота. Где он был это время, неизвестно.

Октябрьский переворот сделал из Юровского одного из главарей новой власти на Урале. Будучи членом Коллегии Уральской облчека, он участвовал в обысках и грабежах мирного населения. В то же самое время Юровский лично отдавал приказы о массовых убийствах так называемых «эксплуататоров», в числе которых зачастую были и люди самого простого происхождения, чем-либо не угодившие или опасные новой власти. Сотни загубленных жизней были на совести Юровского и его палачей из ЧК. Людей арестовывали по самому ничтожному доносу и часто направляли на принудительные работы, так как профессиональных работников не хватало, да и идти на работу к большевикам особо никто не стремился. Впоследствии именно эти принудительные работники оставят немало свидетельств о поведении уральских чекистов накануне, в день и после убийства Царской Семьи.

На момент доставления Царской Семьи в Екатеринбург

Янкель Юровский был председателем следственной комиссии Уральского областного Ревтрибунала, товарищем комиссара юстиции, членом Коллегии областной Чрезвычайной комиссии, заведующим охраной города.

21 июня/4 июля 1918 г. Юровский был назначен комендантом Дома особого назначения. Но впервые его зловещая фигура появилась в доме Ипатьева раньше, 13/26 мая 1918 г. Его появление было отражено в дневнике Государя: *«Как все последние дни В. Н. Деревенко приходил осматривать Алексея; сегодня его сопровождал чёрный господин, в кот. [ором] мы признали врача»*^[2397]. Из показаний доктора В. Н. Деревенко становится понятно, почему Государь принял «чёрного господина» за медика: *«С убийцей Государя Императора Юровским, я встретился в г. Екатеринбурге в июне месяце 1918 года, в доме Ипатьева, где находилась Царская Семья. Там я был, как личный врач Наследника Алексея Николаевича, у которого состоял безотлучно с 1912 года, бывший почетным лейб-хирургом Императорского двора. С семьей я был в Тобольске, с которой я уехал вместе в г. Екатеринбург. В Екатеринбурге я, как личный врач, посещал больного Наследника очень часто, с разрешения, конечно, коменданта Авдеева. Приходил в покой к больному всегда, безусловно, под конвоем.*

В одно из посещений, зашедши в комнату, я увидел сидящего около окна субъекта в черной тужурке, с бородкой клинчиком, чёрной, чёрные усы и волнистые зачесанные на-

зад волосы, черными глазами, полным скуластым лицом, чистым, без особенных примет, плотного телосложения, широкие плечи, короткой шеей, голос чистый баритон, медленный, с большим апломбом, с чувством своего достоинства, который вместе со мной и Авдеевым пришел к больному. Осмотревши больного Юровский, увидев на ноге Наследника опухоль, предложил мне наложить гипсовую повязку и обнаружил знание своё медицины. При нашем входе сидевший тут же Государь встал. Юровский, осмотрев больного, повернулся к столу, остановился, заложив руки в карманы и, начал рассматривать находящееся на столе. После этого мы все вышли. При выходе я спросил Авдеева: “Что это за господин?”. Последний ответил: “Это Юровский”. Какую роль он играл, он не сказал, но я знал, что Юровский играл очень важную роль»^[2398].

Изменился ли режим охраны в Ипатьевском доме с приходом в него Юровского? Улучшилось или ухудшилось в связи с этим положение Царской Семьи?

Юровский появился в Доме особого назначения под предлогом смены авдеевской команды, которая запятнала себя воровством. На самом деле приход Юровского был связан с подготовкой Екатеринбургского злодеяния. Авдеев и его люди не подходили для этого преступления не только в качестве исполнителей, но даже соучастников, так как «по своему круглому невежеству эти распропагандированные отбросы из среды русского народа, вероятно, сами себя счита-

ли крупными фигурами в доме Ипатьева. Они не сами пришли сюда. Их сюда посадили, а затем в нужную минуту выгнали»^[2399].

Первое, что сделали Юровский и его помощник Г. П. Никулин, это сменили внутреннюю охрану. Обвиняемый Якимов показывал: *«Юровский тогда же (в первый день прибытия в дом Ипатьева в качестве коменданта) спрашивал Медведева, кто несет охрану внутри дома. Узнав, что внутреннюю охрану несут эти “самые привилегированные” из партии Авдеева, Юровский сказал: “Пока несите эту охрану на этих постах вы, а потом я потребую к себе людей на эти посты из Чрезвычайной Комиссии”. Действительно, через несколько дней эти люди из Чрезвычайной следственной комиссии и прибыли в дом Ипатьева. Их было десять человек. Их имущество привозилось на лошадях. Чья это была лошадь, кто был кучер, не знаю. Но только всем тогда было известно, что прибыли эти люди из чрезвычайки, из американской гостиницы»^[2400].*

Прибытие этой новой охраны вначале было воспринято Царской Семьей как реакция властей на хищения их имущества^[2401]. 23 июня/6 июля Император Николай II записал в дневник: *«Вчера комендант Юровский принес ящичек со всеми взятыми драгоценностями, просил проверить содержимое и при нас запечатал его, оставив у нас на хранение. Юровский и его помощник начинают понимать, какого рода люди нас окружали и охраняли нас, обворовывая*

нас. Не говоря об имуществе – они даже удерживали себе большую часть из приносимых припасов из женского монастыря. Только теперь, после новой перемены, мы узнали об этом, потому что все количество провизии стало попадать на кухню»^[2402].

То же самое мы читаем в дневнике Императрицы Александры Феодоровны: «21 (4 июля) июнь. Во время обеда пришел пред. обл. ком. с какими-то людьми, Авдеева сменили, и у нас теперь новый комендант (который однажды приходил и осматривал ногу у Бэби, а в другой раз – проверял наши комнаты) с молодым помощником, который выглядит прилично, в то время как другие – вульгарные и неприятные. Вся наша внутренняя охрана уехала (возможно, выяснилось, что они воровали наши вещи из сарая)»^[2403].

Но истинные намерения Юровского были совершенно далеки от стремления сберечь имущество Царской Семьи. В своих поступках комендант руководствовался облегчением для себя задачи присвоения этого имущества, после того как убийство будет совершено. Заставляя Узников отдать золотые вещи и отдавая их в шкатулке на хранение Государю, Юровский думал о сохранности ювелирных изделий (в которых он знал толк). Отдай Юровский коробку с драгоценностями кому-либо из охраны, и ему пришлось бы постоянно заботиться об их сохранности, а здесь он был уверен: золото никуда не пропадет. Но даже при этом Юровский не отказывает себе в низменном удовольствии унижить Царя и

Царицу. Император Николай II писал, что Юровский стал каждое утро «проверять целостность печати на коробке»^[2404]. Императрица Александра Феодоровна пишет в своем дневнике: «Коменд. пришел с нашими драгоценностями, запечатал их при нас и оставил их на нашем столе; будет приходить каждый день и проверять, не распечатали ли мы пакет»^[2405].

Сам Юровский об изъятии им царского золота писал следующее: «При ознакомлении с арестованными, мне бросились в глаза ценности, которые находились на руках, как у Николая, так и его семьи и у прислуживающих: у повара Харитонова, лакея Труппа, а также у врача Боткина и фрейлины Демидовой. <...> Считая, что оставлять ценности на руках не безопасно, так как это может соблазнить того или другого из охраны, я решил на свой страх и риск ценности, находящиеся на руках, отобрать. <...> Переписав все эти вещи, я попросил шкатулку, которую мне Николай дал, сложил туда вещи, опечатал комендантской печатью и передал на хранение самому Николаю. Когда я приходил на проверку, которую я установил, Николай предъявлял мне шкатулку и говорил: “Ваша шкатулка цела”»^[2406].

Юровский хочет представить дело так, будто идея изъятия личных золотых вещей принадлежала ему и что он действовал самостоятельно, в обход официальной власти. В этих лживых словах Юровского прослеживается общая линия Свердлова на создание мифа о непричастности центральной

власти к ситуации вокруг Царской Семьи. Юровский объясняет свои действия опасениями, что кто-либо из охраны может посягнуть на золото. Через две недели он хладнокровно снимет с убитых людей эти украшения. Не вызывает никаких сомнений, что все эта история с изъятием личных ювелирных изделий была приказана Юровскому из Москвы в преддверии готовящегося убийства Царской Семьи. Изъятие драгоценностей **было первым этапом подготовки к Екатеринбургскому злодеянию.**

Изменилась ли при Юровском жизнь Царской Семьи к лучшему? На этот вопрос можно однозначно ответить отрицательно. Более того, жизнь Царя и его Семьи ухудшилась. Сам Юровский вспоминал, что приношения Ново-Тихвинского женского монастыря, разрешенные при Авдееве, он прекратил, разрешив доставлять только молоко. Доктор Е. С. Боткин и повар И. М. Харитонов просили Юровского возобновить доставку в Ипатьевский дом мяса, яиц, масла. На что тот отвечал, что *«нужно привыкать жить не по-царски, а по-арестантски»*^[2407]. Эти слова подтверждаются показаниями послушниц Ново-Тихвинского монастыря Антонины и Марии, которые показали на следствии, что при Юровском они стали *«носить только одно молоко»*^[2408].

На следствии некоторые охранники пытались изобразить дело так, что будто бы с приходом Юровского начались пьянки, дебоши и всяческие притеснения Царской Семьи, которых при Авдееве не было. Якимов опровергал эти утвержде-

ния: «Раз Авдеев напился до того пьяный, что свалился в одной из нижних комнат дома. Пьяные они шумели в комендантской комнате, орали, спали вповалку, кто где хотел, и разводили грязь. Пели они песни, которые, конечно, неприятны для Царя. Пели они все: “Вы жертвою пали в борьбе роковой”, “Отречемся от старого мира”, “Дружно товарищи в ногу”»^[2409].

В отношении порядка, установленного в Доме особого назначения, Якимов свидетельствовал: «При Юровском мы все были отпущены от дома. В комендантской уже не приходилось задерживаться, как это бывало при Авдееве. Придешь, бывало, по звонку, (в дом Попова из комендантской звонок был проведен) прикажет что-нибудь и уходи. Собственно, нам, разводящим, не приходилось по звонку ходить. По звонку вызывался Медведев, а через него уже нас звали. Около Юровского был Никулин. Медведев тоже “примазывался” к нему, близки были все эти “латыши” из чрезвычайки. Поэтому я не могу Вам описать, как Юровский в душе относился к Царю. Авдеев все-таки был для нас ближе, потому что он был свой брат-рабочий и был у нас на виду, а Юровский держал себя как начальник и нас отстранял от дома. А вот, что могу только отметить. Он, как дом принял, сейчас же пулеметный пост на чердаке поставил, как я уже говорил. **Пьяные безобразия он прекратил. Никогда я его пьяного или выпившего не видел**»^[2410] (выделено нами. – П. М.).

Что касается богослужений, то и они при Юровском не

были сокращены. Судя по дневниковым записям Государя, при Авдееве богослужения в Ипатьевском доме были проведены три раза: 21 апреля, 20 мая и 10 июня. Из показаний священника Иоанна Сторожева явствует, что между 20 мая и 10 июня отцом Анатолием Мелединым была совершена ещё одна служба, о которой Государь в своем дневнике не упоминает. Дата этой вечерней службы устанавливается по книге записей членов отряда ДОНа: 23 июня 1918 г.^[2411] Получается, что службы проходили в Ипатьевском доме примерно один раз в месяц. При Юровском последняя служба Царской Семьи состоялась за два дня до гибели – 1/14 июля 1918 г. Так как Юровский пробыл в качестве коменданта Ипатьевского дома всего 12 дней, то говорить об уменьшении случаев богослужений не приходится.

Тем не менее можно с уверенностью сказать, что жизнь Царской Семьи при Юровском стала мучительнее, тяжелее. Царская Семья не могла не чувствовать, что в отношении нее готовится что-то ужасное и именно этой подготовкой вызваны деловитость и спокойствие Юровского. *«Наша жизнь нисколько не изменилась при Юровском»*, – записал Государь в свой дневник 25 июня/8 июля 1918 г.^[2412] Но она изменилась, внешне незначительно, но тем не менее явно и определенно. Леденящее дыхание смерти все сильнее ощущалось в Доме особого назначения. Спокойный и хладнокровный Юровский делает все, чтобы сломить дух Узников. 28 июня/11 июля на окно комнаты, где проживал Государь

и Государыня, без предупреждения установили тяжелую решетку. Юровский никак не объяснял этот шаг. Государь записал в тот же день в своем дневнике о Юровском: *«Этот тип нам нравится все меньше и меньше»*^[2413]. До убийства оставалось пять дней.

«Пошли нам, Господи, терпенье...»

Нам никогда не дано почувствовать, осознать, понять, как Они жили свои последние дни в мрачном Ипатьевском доме, что чувствовали, о чём думали. Но не вызывает никакого сомнения тот факт, что эти последние дни были венцом Их мученичества и венцом Их подвига. Не в силах человеческих даже представить те душевные страдания, какие переживал Государь. Он не мог не понимать, не осознавать, не предвидеть, что смерть неумолимо приближается к Нему и к Его Семье. Он понимал это еще во время царскосельского заключения, когда сказал отцу Афанасию Беляеву: *«Я решил, что если это нужно для блага Родины, я готов на все. Семью мою жаль!»*^[2414] Эти слова *«Семью мою жаль»*, произнесенные Государем, по свидетельству священника, со слезами на глазах, ложатся тяжким обвинением на плечи не только палачей, не только народа русского, но и на все человечество. Что должен был чувствовать Государь, оставленный и преданный всеми, кроме горстки слуг, не могущий ожидать ниоткуда никакой помощи, никакой надежды на спасение? На

его руках была жена, больной подросток-сын, юные дочери. Какие муки должен был претерпевать Он, глава Семейства, понимая, что всех Их могут убить, и бессильный при этом что-либо предпринять? *«Никто не вступился за Него. Ни венценосные родственники, ни те “истинно русские” люди, что сумели довести Царя до падения, себя же привести вовремя в безопасность. Николай II не бежал и никого не предал. Он ни перед кем не виновен. Пред Ним же виновата вся Россия»*^[2415].

Но ещё более тяжкими, чем предчувствие приближающейся мученической кончины, были страдания Государя за судьбы Родины. Даже там, в Ипатьевском доме, Он продолжал постоянно думать и страдать за Россию. Государь Николай II до конца оставался не только русским патриотом, не только русским Царём, но и последним христианским монархом всемирного масштаба. Никогда ещё верность Христу Спасителю не проявлялась им столь явно. Император Николай II явил собой пример величайшего смирения и христианского прощения ближнего. Его слова, переданные всему миру, что только Любовь спасёт мир, были не просто словами, но провиденьем будущего. Такое же христианское смирение являла собой и Семья Государя. Приближающуюся смерть понимала Государыня, понимали и Дети. Великая Княжна Татьяна Николаевна в одной книге, читанной ею в Екатеринбурге, подчеркнула следующие слова: *«Верующие в Господа Иисуса Христа шли на смерть, как на праздник,*

становясь перед неизбежной смертью, сохраняли то же самое дивное спокойствие духа, которое не оставляло их ни на минуту. Они шли спокойно навстречу к смерти потому, что надеялись вступить в иную, духовную жизнь, открывающуюся для человека за гробом»^[2416]. *«Если будут убивать, то хоть бы не мучили»*, – эти слова 13-летнего Наследника Цесаревича являются живым свидетельством осознания Семейей приближающегося мученического конца.

Заключенные в душевные комнаты Ипатьевского дома, окруженные злобными надсмотрщиками, каждый день ожидая смерть, Они ни разу не возроптали, ни разу не сказали ни единого худого слова в чей-либо адрес. В ответ на грубость, злобу и издевательства Они пели духовные распевы, добрые русские песни, читали Евангелие, молились. Обвиняемый Якимов вспоминал: *«Они иногда пели. Мне приходилось слышать духовные песнопения. Пели они Херувимскую Песнь. Но пели они и какую-то светскую песню. Слов ее я не разбирал, а мотив ее был грустный. Это был мотив песни “Умер бедняга в больнице военной”. Слышались мне одни женские голоса, мужских ни разу не слышал»*^[2417]. Их духовное настроение лучше всего отображает стихотворение поэта С. С. Бехтеева, переписанное Великой Княжной Ольгой Николаевной еще в Тобольске:

Пошли нам, Господи, терпенье,
В годину бурных, мрачных дней

Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай силы нам, о, Боже Правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.
И в дни мятежного волненья,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и униженья,
Христос Спаситель, помоги!
Владыка міра, Бог вселенной!
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый смертный час...
И, у преддверия могилы,
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов!^[2418]

Какое поразительное великое смирение, какое благородство души, силу духа являла міру эта Семья! Архимандрит Константин (Зайцев) писал: *«Предоставленная себе, изолированная от внешнего міра, подвергнутая аресту, Царская Семья обнаружила силу христианского духа необыкновенную. Сияние шло от этих, исполненных любви и смирения людей, и нужно было действительно утратить сам облик человеческий, чтобы, приблизившись к ним, не проникнуть-ся к ним симпатией и почтением»*^[2419].

Между тем в Ипатьевском доме все больше ощущалось приближение смерти. И. Мейер, австрийский военнопленный, перешедший на службу к большевикам и, по его словам, бывший в июле 1918 г. в карауле Дома особого назначения, уверял, что за несколько дней до убийства Е. С. Боткин был приглашен в революционный штаб. Там ему было предложено покинуть Ипатьевский дом, так как *«будущее Романовых выглядит несколько мрачно»*. Боткину предлагали возглавить клинику в Москве. В ответ лейб-медик ответил: *«Я дал Царю мое честное слово оставаться при нём до тех пор, пока он жив. Для человека моего положения невозможно не сдержать такого слова. Я также не могу оставить Наследника одного. Как я могу это совместить со своей совестью? Вы все же должны этот понять. Если Россия гибнет, могу и я погибнуть. Но ни в коем случае не оставлю Царя! Меня радует, что ещё есть люди, которые озабочены моей личной судьбой. Но помогите этой несчастной семье! Вы сделаете хорошее дело. Там, в том доме, цветут великие души России, которые облиты грязью политиков. Я благодарю вас, господа, но я остаюсь с Царём!»*^[2420]

Здесь следует сказать, что доверять Мейеру следует весьма осторожно. В его мемуарах много неточностей, а порой и явного несоответствия с реальными событиями. Посещение Боткиным революционных властей не подтверждается никакими документами. Но тем не менее такой разговор мог состояться непосредственно в Ипатьевском доме, во время

одного из посещений его комиссарами: лейб-медик был посредником между Царской Семьей и большевистскими властями. В пользу того, что подобный разговор имел место, говорит начатое и неоконченное письмо «другу Саше». Его Боткин начал писать незадолго до смерти: *«Дорогой мой, добрый друг Саша, делаю последнюю попытку писания настоящего письма, по крайней мере, отсюда, хотя эта оговорка, по-моему, совершенно излишняя: не думаю, чтобы мне суждено было когда-нибудь откуда-нибудь еще писать, мое добровольное заточение здесь настолько же временем не ограничено, насколько ограничено земное существование. В сущности, я умер – умер для своих детей, для друзей, для дела. Я умер, но еще не похоронен, или заживо погребен, как хочешь, последствия почти тождественны»*^[2421].

Последние недели земной жизни Царской Семьи проходили в обычном для екатеринбургского периода режиме: редкие прогулки, чтение книг, вечерний чай и карты. Император Николай II писал в своем дневнике от 9/12 июня: *«По письменной просьбе доктора Боткина, нам разрешили полтора часовые прогулки»*^[2422]. Однако в «Книге записей дежурств» не имеется никаких указаний ни на письменное заявление Боткина, ни на то, что прогулка Царской Семьи была больше обычной. При этом в «Книге дежурств» чётко фиксировались все письменные и устные обращения и заявления доктора Боткина, а также все изменения режима содержания. Между тем о прогулках 9 и 12 июня в «Книге»

сказано лишь следующее: «*Обычная прогулка семьи Романовых*»^[2423].

В те летние дни в Екатеринбурге стояла жара. В Ипатьевском доме, с наглухо закрытыми окнами, становилось невыносимо душно. Государь обратился с просьбой открыть окна для проветривания, в чём ему было отказано.

В Екатеринбурге состояние здоровья Узников Ипатьевского дома резко ухудшилось. Цесаревич постоянно болел, его мучили боли в колене, следствие его тяжелой болезни – гемофилии. Фактически, с редкими периодами улучшения, Наследник страдал все время пребывания в Екатеринбурге и практически не мог самостоятельно ходить. На прогулки Государь его выносил на руках.

Нервное перенапряжение сказалось и на железном здоровье Императора Николая II. Если в Тобольске мы не найдём ни одного упоминания о его недомогании, то в Екатеринбурге они встречаются довольно часто. 22 мая/5 июня Николай II записал в дневник: «*У меня болели ноги и поясница, и спал плохо*»^[2424]; 23 мая/6 июня: «*У меня самочувствие было кислое*»^[2425]; 24 мая/7 июня: «*Весь день страдал болями от геморроидальных шишек, поэтому ложился на кровать*»^[2426]; 25 мая/8 июня: «*День рождения дорогой Аликс провел в кровати с сильными болями в ногах и в др. местах!*»^[2427] В «Книге дежурств» также имеются отметки о плохом самочувствии Императора Николая II: «*7 июня. По заявлению доктора Боткина, вследствие расшире-*

ния вен, заболел Николай Романов и с утра не вставал с постели, где его и кормили»^[2428].

Императрица Александра Феодоровна в своих дневниках жалуется на свои обычные недомогания: мигрени и боли в сердце.

Постоянно страдал почечными коликами доктор Е. С. Боткин. Приступы болезни становились для него все мучительнее. 10/23 июня Государь отмечал в дневнике: *«Евгений Сергеевич заболел почками и очень страдал»*^[2429]. Об этом же пишет и Государыня в своём дневнике: *«Пошла с Татьяной к Е.С., у которого были колики почек, и она ему сделала инъекцию морфия. Страдает очень сильно»*.

Начиная с 4/17 июня пищу для Царской Семьи стал готовить повар И. М. Харитонов непосредственно в доме Ипатьева. Государь писал в своем дневнике 5/18 июня: *«Со вчерашнего дня Харитонов готовит нам еду, провизию приносят раз в два дня. Дочери учатся у него готовить и по вечерам месят муку, а по утрам пекут и хлеб! Недурно!»*^[2430]

По роковому стечению обстоятельств почти все члены Царской Семьи встретили в Екатеринбурге свой последний день рождения. 6/19 мая Императору Николаю II исполнилось 50 лет, 25 мая/8 июня Императрице Александре Феодоровне – 46 лет, 29 мая/12 июня Великой Княжне Татьяне Николаевне – 21 год, 5/18 июня Великой Княжне Анастасии Николаевне – 17 лет, 14/27 июня Великой Княжне Марии Николаевне – 19 лет. Четыре месяца не дожила до своего 23-

летия Великая Княжна Ольга Николаевна (3/16 ноября), и 13 дней не дожид до своего 14-летия Наследник Цесаревич Великий Князь Алексей Николаевич (30 июля/13 августа).

1/14 июля 1918 г., за два дня до убийства, состоялось последнее богослужение в жизни Царской Семьи. Была отслужена обедница. Служил настоятель Екатерининского собора протоиерей Иоанн Сторожев. Это было уже второй раз, как отец Иоанн совершал богослужение в Ипатьевском доме. В первый раз это было 20 мая/2 июня, когда комиссаром еще был Авдеев. Тогда священник обратил внимание на болезненный вид Наследника, который был *«бледен до такой степени, что казался прозрачным»*. Государь был одет в гимнастерку защитного цвета без погон, с орденом Св. Георгия на груди. Сторожев вспоминал: *«Николай Александрович произвёл на меня впечатление своей твердой походкой, своим спокойствием и особенно своей манерой пристально и твердо смотреть в глаза. Никакой утомленности или следов душевного угнетения в нем я не заметил. Показалось мне, что у него в бороде едва заметны седые волосы. <...> Что всегда особенно останавливало мое внимание, это та исключительная, я прямо скажу, почтительность к носимому мною священническому сану, с которой отдавали каждый раз поклон все члены семьи Романовых в ответ на мое молчаливое им приветствие при входе в зал и затем по окончании богослужения»*^[2431].

1/14 июля священник оказался в Ипатьевском доме вто-

рой раз. Сторожев вспоминал, что когда он и дьякон Буймиров вошли в комендантскую ДОНа, то Юровский им сказал: «*Обождите здесь, а потом будете служить обеднищу*». Сторожев переспросил: «*Обедню или обеднищу?*» «*Он написал обеднищу*», – ответил Юровский^[2432].

И. Ф. Плотников сообщает следующие сведения о последней церковной службе в Ипатьевском доме: «*По своей ли инициативе или по решению Голощекина, верхов, но Юровский в тот же день 14-го июля, в воскресный день организовал для заключенных ДОНа, без их просьбы* (выделено нами. – П. М.), *богослужение – обеднищу*»^[2433]. То есть Юровский по своей инициативе, уже зная о скором убийстве всей Семьи, организует богослужение, настаивая именно на обеднице, а не на полной литургии. Что стоит за этими мероприятиями Юровского? Почему Юровский так настаивал именно на обеднице? В действиях коменданта Дома особого назначения была какая-то своя логика.

Название «обедница» является разговорным, правильное название – «Изобразительны». Православный словарь так определяет это понятие: «*Изобразительны – общественное богослужение, совершаемое после шестого или девятого часов вместо литургии, если последняя не совершается по каким-либо причинам. Изобразительны являются также составной частью литургии Иоанна Златоуста и литургии Василия Великого. Чин изобразительных состоит из благословения, начала обычного, великой ектении, песни догма-*

тического содержания “Единородный сыне”, пения блаженны, чтения Апостола и Евангелия, Сугубой Ектени, Символа веры, просительной ектени, молитвы “Отче наш”, тропарей и кондаков, отпуста. В просторечии изобразительны называют обедницей»^[2434].

Таким образом, обедница включает в себе практически все этапы Божественной литургии, кроме одного: «за обедницей **не совершается таинства Евхаристии**»^[2435] (выделено нами. – П. М.). Причастие может осуществляться только Преждеосвящёнными Дарами. То есть нет самого главного события, во имя которого и совершается литургия, – Преосуществления вина и хлеба в Кровь и Тело Христовые. Этот страх перед главным христианским Таинством невольно наводит на мысль, что **Юровский никак не мог допустить его совершения накануне другого действия над Царской Семьёй: сатанинского жертвоприношения.**

Примечательно, что сам Юровский в своих поздних воспоминаниях писал, что им была разрешена для Царской Семьи церковная служба, которую он именует «обедней», а не «обедницей»^[2436]. Представить себе, что Юровский путал эти понятия, нельзя, так как в 1918 г. он настаивал именно на обеднице, а не на обедне.

Конечно, важнейшими для нас являются свидетельства Иоанна Сторожева о последней молитве Царской Семьи: «Юровский пригласил нас в зал для служения. Вперед в зал прошёл я, затем диакон и Юровский. Одновременно из две-

ри, ведущей во внутренние комнаты, вышел Николай Александрович с двумя дочерьми, но которыми именно я не успел разглядеть. Мне показалось, что Юровский спросил Николая Александровича: “Что, у вас все собрались?” (поручиться, что именно так он выразился – я не могу). Николай Александрович ответил твердо: “Да – все”. Впереди, за аркой, уже находилась Александра Федоровна с двумя дочерьми и Алексеем Николаевичем, который сидел в кресле-качалке, одетый в куртку, как мне показалось с матросским воротником. Он был бледен, но уже не так, как при первом моем служении, вообще выглядел бодрее. Более бодрый вид имела и Александра Федоровна, одетая в то же платье, как и 20 мая ст. ст. Что касается Николая Александровича, то на нем был такой же костюм, что и в первый раз. Только я не могу ясно себе представить, был ли на этот раз на груди его Георгиевский крест. Татьяна Николаевна, Ольга Николаевна, Анастасия Николаевна и Мария Николаевна были одеты в черные юбки и белые кофточки. Волосы у них на голове (помнится, у всех одинаково) подросли, и теперь доходили сзади до уровня плеч.

Мне показалось, что как Николай Александрович, так и все его дочери на этот раз были – я не скажу, в угнетении духа, – но все же производили впечатление как бы утомленных. Члены семьи Романовых и на этот раз разместились во время богослужения так же, как и 20 мая ст. ст. Только теперь кресло Александры Федоровны стояло рядом

с креслом Алексея Николаевича — дальше от арки, несколько позади его. Позади Алексея Николаевича стали Татьяна Николаевна (она потом подкатила его кресло, когда после службы они прикладывались ко кресту), Ольга Николаевна и, кажется (я не запомнил, которая именно), Мария Николаевна. Анастасия Николаевна стояла около Николая Александровича, занявшего обычное место у правой арки стены.

За аркой, в зале, стояли доктор Боткин, девушка и трое слуг: один высокого роста, другой низенький и полный (мне показалось, что он крестился, складывая руку, как принято в католической церкви), и третий молодой мальчик. В зале, у того же дальнего угольного окна, стоял Юровский. Большие за богослужением в этих комнатах никого не было.

Стол с иконами, обычно расположенными, стоял на своем месте: в комнате за аркой. Впереди стола, ближе к переднему углу, поставлен был большой цветок, и мне казалось, что среди ветвей его помещена икона, именуемая “Нерукотворный Спас”, обычного письма без ризы. По-прежнему на столе находились образки-складни, икона “Знамения Пресвятой Богородицы”, “Достойно есть” и справа, больших в сравнении с другими размеров, писанная масляными красками, без ризы, икона святителя Иоанна Тобольского. <...> Став на свое место, мы с диаконом начали последование обедницы. По чину обедницы положено в определенном месте прочесть молитвословие “Со святыми упокой”. Почему-то на этот раз диакон, вместо прочтения, запел молит-

ву, стал петь и я, несколько смущенный таким отступлением от устава. Но, едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади нас члены семьи Романовых опустились на колени, и здесь вдруг ясно ощутил я то высокое духовное утешение, которое дает разделенная молитва. Еще в большей степени дано было пережить это, когда в конце богослужения я прочел молитву Богоматери, где в высоко поэтических, трогательных словах выражается мольба страждущего человека поддержать его среди скорбей, дать ему силы достойно нести ниспосланный от Бога крест.

После богослужения все приложились к св. Кресту, причем Николаю Александровичу и Александре Федоровне о. диакон вручил по просфоре. (Согласие Юровского было за благовременно получено.) Когда я выходил и шел очень близко от бывших великих княжон, мне послышались едва уловимые слова: “Благодарю”. Не думаю, что это мне только показалось»^[2437].

14 июля 1918 г., за три дня до убийства, Царская Семья была, по существу, отпета заживо. Возникают справедливые вопросы: почему диакон нарушил устав обедницы, но самое главное, почему о. Иоанн никак не выразил своего отношения к этому нарушению? Не были ли причины его, этого нарушения, ему и диакону известны заранее? В связи с этим нельзя не согласиться с Г. Б. Зайцевым: «Почему отец протоиерей не задал вопрос диакону о нарушении устава? Почему диакон стал отпевать живых? Не мог Сторожев не

сказать об этом, а вот не сказал!»^[2438]

Бог Своим неисповедимым способом открыл Царской Семье и её верным слугам, что это последнее в их жизни богослужение, что им не суждено получить после смерти христианского чина прощания. Поэтому такой отрадой для них было услышать дивные слова погребального песнопения, что для каждого христианина звучат радостью и надеждой, и которые саму смерть делают не падением в пропасть отчаяния и ужаса, но возвращением в Небесное Отечество, в тихую гавань Христовой любви: *«Со святыми упокой, Христе души раб Твоих, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная»*.

Нравственная чистота поднимала Царскую Семью на недостижимую высоту, и все усилия тюремщиков сломить её дух были тщетны. Между тем, готовя злодеяние, большевики понимали, что им необходимы хоть какие-нибудь объяснения убийства. Так, появилась известная «переписка» «офицера» с «жильцами Ипатьевского дома». Её сочинили чекисты И. И. Родзинский и член Уральского совета П. Л. Войков (Вайнер). Эта «переписка», которую якобы вела Царская Семья с большевистскими главарями, большинством исследователей объясняется как их попытка организовать провокацию, чтобы во время побега убить Узников. Однако подобный вывод представляется нам не убедительным. Убийство Царской Семьи планировалось тщательно, основательно, безо всякой спешки. Никаких экспромтов, никакой са-

моделятельности в подготовке и осуществлении этого злодеяния не допускалось. Поэтому ни в каких вариантах с «побегом» большевики не нуждались, не говоря уже о том, что такой вариант намного сложнее по исполнению, чем убийство в подвале. Зачем же тогда большевики организовывали эту «переписку»? Здесь возникает другой вопрос: а была ли она вообще? Никто не проводил почерковедческую экспертизу ответного «письма» «Ольги Николаевны» «офицеру». Утверждать, что имеющееся письмо является ответом кого-нибудь из членов Царской Семьи, мы не можем. Наоборот, в стиле и в духе письма «из Дома Ипатьева» имеется множество моментов, заставляющих нас серьезно задуматься в его принадлежности Узникам.

В 1989 г. в журнале «Родина» драматург Г. Т. Рябов опубликовал статью «Мы принуждены вас расстрелять», ставшую первым звеном в стратегической дезинформации 90-х гг. XX в. вокруг обстоятельств гибели Царской Семьи. Рябов заявил, что он впервые публикует в подлиннике «переписку» «офицера». При этом Рябов не упоминал, что письма были написаны по-французски. Он издевался над малограмотностью «офицера»: *«С помощью Божьей и вашим хладнокровием мы надеемся приуспеть* (орфографическая ошибка, нужно «е», а не «и». – Г. Р.) *без всякого риска. Нужно непременно, чтобы одно из ваших окон было отклеено, чтобы вы могли его открыть в нужный момент. То, что маленький царевич не может ходить, осложняет дело, но мы предвидели*

это, и я не думаю, что это будет слишком большим затруднением. Напишите если нужно два лица, чтобы его несли на руках или кто-нибудь из вас может это сделать. Возможно ли усыпить маленького на один или два часа, в случае, если вы будете знать заранее точный час. Это доктор должен сказать свое мнение (синтаксис именно такой. – Г. Р.), но в случае надобности мы сможем снабдить те или другие для этого средства. Не беспокойтесь: никакая попытка не будет сделана без совершенной уверенности результата. Перед Богом, перед историей и нашей совестью мы вам даем торжественно это обещание. Один офицер»^[2439].

Упоминание о французском языке появляется у Рябова, когда он пишет об ответе из Дома особого назначения. Драматург отмечает, что ответное письмо, возможно, написано одной из дочерей Государя на французском языке. Он сообщает, что оно было переведено большевиками в 1919 г. и опубликовано с существенными купюрами в «Известиях»^[2440]. В своей книге «Как это было» Рябов посвящает несколько страниц «переписке». Здесь уже он прямо пишет, что знал о существовавшей «переписке» между Узниками и «офицером» и что она велась на французском языке. Рябов сообщил, что знал он о ней из книги генерала М. К. Дитерихса, который и процитировал «Известия» от 3 апреля 1919 г.^[2441] Но Дитерихс упоминал не «Известия», а «Вечерние Советские Известия». Их генерал в руках не держал, но слышал передачу по советскому радио^[2442]. Понятно, почему

генерал Дитерихс был вынужден использовать такой сомнительный источник как большевистское радио: другого у него не было. Но непонятно, почему Рябов не обратился в архивы и цитировал письма по Дитерихсу. Кстати, существование самих «Советских Вечерних Известий» весьма сомнительно.

Рябов старается доказать, что переписка шла между большевиками и Николаем II через одну из Дочерей. Рябов так и называет «письмо»: ответом Государя. Мысль Рябова понятна: большевики написали письмо, а Государь на эту провокацию попался. Но письмо «офицера» в том виде, в каком оно было изложено Рябовым в «Родине», сразу наводило на мысль о фальшивке. Было ясно, что Государь той абракадабре поверить не мог. В 1989 г., когда подавляющее число советских людей, даже учёных, не имели никакого представления о Царской теме, подобный вариант письма ещё мог бы пройти. Но в 1998 г., когда в Петропавловской крепости были захоронены так называемые «Екатеринбургские останки», Рябов, как один из их «открывателей», понимал, что в первый вариант письма уже никто не поверит. Понадобился новый перевод письма «офицера». Но Рябов, человек, безусловно, неглупый, понимал, что даже второй вариант малоубедителен. Вообще «переписка» офицера была хорошо разоблачена генералом Дитерихсом. Он приводил множество доказательств фальсификации этих писем. Русский офицер не будет обращаться к своему Государю просто на «Вы», он не мог называть Наследника интим-

ным именем «маленький», употребляемого только членами самой Семьи. Любящий Царскую Семью человек не будет заканчивать свое письмо высокопарными и пустыми словами «о Боге, истории и совести», не предлагая никаких конкретных способов побега^[2443]. Но еще большее недоумение вызывают так называемые «ответы» Царя, в которых он подробно описывает посты охраны в Ипатьевском доме, порядок его обхода, количество охраны, месторасположение пулемётных постов и т. д.^[2444] М. К. Дитерихс верно указывал: *«Из окон комнат через забор можно было видеть только узенькую полосу неба. О том, что дом, где жила наружная охрана, был маленький, могли видевшие его, но не Государь, который за заборами ничего не видел. О том, что от сторожевых постов, кроме звонков к коменданту, были проведены провода в помещение охраны и “другие пункты”, могли знать их проводившие и дежурившие на постах; но не Государь, которому даже постов не было видно. Никакой сигнализации с проводами для сторожевых постов в действительности и не было, а был проведен только один звонок от часового у парадного входа в переднюю дома Ипатьева.*

Вокруг дома Ипатьева стояли часовые от караула и, как отличный службист, Государь никогда не назвал бы их сторожевыми постами, что по уставу имеет совершенно другое значение»^[2445]. Здесь к сказанному генералом Дитерихсом следует добавить, что невозможно представить, чтобы Николай II стал бы так откровенно и подробно отвечать со-

вершенно неизвестному человеку.

В связи с этим требует особого исследования запись в дневнике Императора Николая II от 14/27 июня 1918 г.: *«Провели тревожную ночь и бодрствовали одетые... (отточие в документе. – П. М.). Все это произошло от того, что на днях мы получили два письма, одно за другим, в кот. нам сообщали, чтобы мы приготовились быть похищенными какими-то преданными людьми! Но дни проходили, и ничего не случилось, а ожидание и неуверенность были очень мучительны»*^[2446]. Эта запись представляется весьма странной. Что означают эти отточия в документе? Кроме них в тексте есть ещё одни видимые подчистки. Так, начало фразы *«Но дни проходили...»* написано более жирным шрифтом, чем остальной текст, написано на более светлом фоне, чем остальная часть дневниковой записи. Заглавная буква «Н» в слове «Но» сильно отличается от всех иных написаний этой буквы Государем. Странно, что Император Николай II, до 14 июня не проронивший ни слова по поводу «писем», вдруг столь подробно о них заговорил. Если он до 14 июня соблюдал конспирацию и боялся, что из его дневников станет известно о планах освободителей, то почему 14-го он перестал соблюдать эту конспирацию? Если же он был уверен, что его дневники не доступны для чужого взора, то почему он не сделал отметку о «письмах» сразу же по их получении? Можно представить, что 14 июня Государь разочаровался в возможностях «преданных людей» и решил, что за-

пись о предполагаемом похищении уже не сможет им повредить. Но, как следует из дневниковой записи, Государь получил «письма» «на днях» и, значит, мог ожидать получения и других писем. Почему же он так быстро разочаровался в возможностях «освободителей»? Ни в первом, ни во втором письме «офицера» нет ни слова о конкретном дне и часе побега, о котором речь вообще не идет. Самое большее речь идёт о его подготовке, а большей частью вообще о рассуждениях о его возможности. Так, во втором письме «офицер» пишет: *«Надеемся гораздо раньше воскресенья вам указать детальный план операции. <...> С помощью веревки, специально сделанной для этого, вы спуститесь через окошко, где вас будут ждать внизу, остальное не трудно, средства передвижения не в недостатке и прикрытие хорошо, как никогда. Важность вопроса – это спустить маленького, возможно ли отвечайте, обдумывая хорошо. Во всяком случае, это отец, мать и сын, которые первые спускаются, дочери потом, доктор им следует. Отвечайте, если это возможно, по вашему мнению, и, если вы можете сделать веревку, употребляя уже данную Вам. Препроводить веревку очень трудно в данный момент. Офицер»*^[2447].

Этот план с «веревкой» настолько нелеп, что ни один здравомыслящий человек на него никогда бы не пошёл. А, судя по дневнику Николая II, он не только пошел, но и вся Семья сидела ночью одетая и ждала. А собственно, чего она ждала? Если следовать письму «офицера», она должна бы-

ла вязать веревку. Но в ответе на второе письмо офицера «из Ипатьевского дома» пришёл ответ: *«Мы не хотим и не можем бежать, мы можем только быть похищенными силой»*. А в дневнике Царь «пишет»: *«Дни проходили, и ничего не случилось, а ожидание и неуверенность были очень мучительны»*^[2448]. Таким образом, в письмах «офицера» не содержится никаких конкретных планов освобождения, в ответах Царской Семьи имеется только описание обстоятельств и категорический отказ быть похищенной силой. В то же время Царь записывает в дневнике, что члены Семьи провели всю ночь одетыми, ожидая освобождения *«преданными людьми»*! При этом в дневнике Государыни об этом нет ни одного упоминания. Более того, почему-то пунктуальный Государь, который вел свой дневник очень аккуратно, в эти дни не оставил записей в дневнике за 1, 2, 4, 6, 8, 11, 13, 15, 16, 17, 18, 19 и 20 июня! Эти вопиющие разногласия могут быть объяснены только одним: запись в дневнике Государя подделана, так как она была призвана «документально» подтвердить фальсифицированную «переписку».

Пребывание Царской Семьи в Ипатьевском доме было отмечено рядом таинственных происшествий, связанных с огнестрельным оружием и боеприпасами. 1 июня в «Книге дежурств» появляется запись: *«Около часа дня поступило заявление повара Харитонова о том, что что-то лежит на шкафу в комнате, где помещались раньше Седнев и Нагорный, по приходе моем туда оказалось, что на указанном Ха-*

ритоновым шкафу лежат восемь заряженных бомб, <...> которые по приносе в дежурную комнату были разряжены. При дальнейшем расспросе гр. гр. Харитонов и Трупп выяснилось: ввиду кладки каменичками новой плиты в комнате, где помещались Харитонов и Трупп, ими была занята рядом стоящая свободная комната, то он, Харитонов, желая очистить пыль в комнате, обнаружил лежащие на шкафу бомбы и заявил в дежурную комнату, о чем мной было сообщено коменданту Дома Особого Назначения тов. Авдееву, а им, в свою очередь, председателю областного Совета товарищу Белобородову»^[2449]. Как «бомбы», то есть, говоря современным языком, ручные гранаты, смогли попасть в дом Ипатьева? Нет никакого сомнения, что случайно они там оказаться не могли, ибо дом перед вселением туда Царской Семьи тщательно проверялся. Таким образом, гранаты были положены на шкаф одной из комнат Ипатьевского дома либо в самый приезд Узников в Екатеринбург, либо уже во время их пребывания в ДОНе. Непонятно, о какой комнате идет речь, ибо согласно целому ряду свидетельств повар Харитонов и лакей Трупп жили на кухне дома Ипатьева, здесь же речь идет о какой-то свободной комнате. Вполне возможно, что эта свободная комната была подсобным кухонным помещением.

Случай с «бомбами» был не единственным. 3 июня в «Книге дежурств» появляется следующая запись: «На посту № 9 часовой Добрынин нечаянно выстрелил, ставя за-

твор на предохранитель, пуля прошла в потолок и застряла, не причинив никакого вреда»^[2450]. Свидетель В. Я. Буйвид на допросе показал, что однажды летом с балкона Ипатьевского дома «красноармейцами была выброшена нечаянно воспламенившаяся ручная бомба»^[2451]. Если учесть, что ещё раньше, 14/27 мая, часовой выстрелил в сторону окна Ипатьевского дома, о чем имеется запись в дневнике Государя, то применение огнестрельного оружия приобретает характер последовательных действий.

Не менее таинственными представляются события, происшедшие в доме Ипатьева в конце мая 1918 г. 28 мая/11 июня Император Николай II записал в свой дневник: «Тюремщики стараются не говорить с нами, как будто им не по себе, и чувствуется как бы тревога или опасения чего-то у них! Непонятно!». 31 мая/13 июня в дневнике Государя появляется следующая запись: «Пришел Авдеев и долго разговаривал с Евг. Серг. По его словам, он и областной совет опасаются выступлений анархистов и поэтому, может быть, нам предстоит скорый отъезд, вероятно – в Москву! Он просил подготовиться к отбытию. Немедленно начали укладываться, но тихо, чтобы не привлекать внимание чинов караула, по особой просьбе Авдеева. Около 11 час. вечера он вернулся и сказал, что еще останемся на несколько дней. Поэтому и на 1-е июня мы остались по бивачному ничего не раскладывая. Наконец после ужина Авдеев, слегка навеселе, объявил Боткину, что анархисты схва-

чены, и что опасность миновала и наш отъезд отменен! После всех приготовлений даже скучно стало!»^[2452]

Действительно ли опасения Авдеева были вызваны анархистским мятежом? Он имел место 31 мая/13 июля, а непонятные действия тюремщиков в отношении Царской Семьи начались 28 мая/11 июня, то есть за два дня до этого. «Мятеж» заключался в том, что Павел Хохряков арестовал в гостинице «Пале-Рояль» двух подозрительных постояльцев, один из которых оказал вооруженное сопротивление. Позже выяснилось, что арестованные были членами партии анархистов. В ответ анархисты выступили против большевиков, требуя освобождения соратников. Они захватили здание Коммерческого собрания. К этому зданию был выдвинут небольшой отряд Хохрякова, который подогнал пушку и потребовал от анархистов сложить оружие, что последние и сделали без единого выстрела. Никаких требований в отношении Царской Семьи анархисты не выдвигали. Таким образом, Авдеев, убеждая Царя, что предполагаемый увоз Царской Семьи из Екатеринбурга вызван действиями анархистов, по обыкновению лгал.

Но что же скрывалось за действиями тюремщиков? 30 мая/12 июня, то есть именно в разгар их «непонятных действий», в Перми был похищен и убит Великий Князь Михаил Александрович. В тот же день в «Книге дежурств» появляется следующая запись: *«Был принят доктор Деревенько, который заявил, что в городе ходят слухи, будто бы*

Алексей Романов убит и схоронен сегодня ночью» ^[2453]. К этому следует добавить, что Авдеев называл возможным пунктом увоза Царской Семьи – Москву. Распространение слухов об устранении Наследников престола, а также упоминание Москвы заставляют нас задуматься о том, а не были ли «непонятные действия» тюремщиков отображением внутрипартийной борьбы, которая развернулась среди большевистского руководства в отношении Царской Семьи? Слухи о готовящейся отправке в Москву могли обозначать вновь активизировавшуюся линию Мирбаха, обеспокоенного «похищением» Великого Князя, а слухи об убийстве Цесаревича – линию Свердлова. Ситуация могла развиваться по сценарию немцев, а закончиться победой Свердлова. Подтверждением этому служит усиление внимания к Узникам Ипатьевского дома как со стороны немцев, так и со стороны части советского руководства. Именно в этот период Ипатьевский дом по личному поручению Ленина посетил командующий Северо-Уралом-Сибирским фронтом Р. И. Берзин, который убедился в том, что Царская Семья жива, о чем он и сообщил Ленину. 19 июня 1918 г. королева эллинов Ольга, находясь в Германии, имела в Берлине встречу с женой наследника германского престола принцессой Цецилией, которая сказала ей, что *«Царь заявил, что он ни при каких обстоятельствах не желает быть спасенным немцами. Эта его позиция удручает германского императора, который проводит бессонные ночи, переживая за судьбу Романовых»* ^[2454]. Ан-

глийский консул в Женеве писал министру иностранных дел Великобритании 17 июля 1918 г., то есть в день убийства Царской Семьи, о визите к нему двух русских монархистов. Они сообщили, что *«герцог Лейхтенбергский, кузен бывшего Царя, месяц тому назад был в Берлине. Он теперь возвратился в Россию. Вероятно, немцы вошли в контакт с Царём и предложили ему свою помощь, от которой он прежде отказывался. Берлин рассматривает возможность похитить Царя и его семью, затем отправить их в Германию»*^[2455]. Хотя к книге Саммерса и Мангольда следует относиться с большой долей скепсиса, следует признать, что ими был собран весьма интересный материал. Он проясняет роль немцев в судьбе Царской Семьи. 5 июля 1918 г. германский дипломат граф Альвенслебен уверял русских монархистов, что в период с 16 по 17 июля распространится ложный слух об убийстве Государя. 17 июля 1918 г. английское консульство в Швейцарии получило информацию, исходящую опять-таки от русских монархистов, о том, что немцы готовят план по похищению Царской Семьи.

За судьбой Царской Семьи пристально следили не только немцы, но и представители Антанты. Летом 1918 г. в их донесениях неизменно присутствует противоречивая информация то о вывозе Царя из Екатеринбурга, то о гибели Царской Семьи. Так, 17 июня 1918 г. американский консул в Москве Дью Клинтон Пул телеграфировал государственному секретарю США Роберту Лансингу: *«Москва 17 июня*

1918 года. Не подтверждаются слухи о том, что большевики вывезли Царя и его брата Михаила из Екатеринбурга и что Царевич мертв»^[2456]. Примечательно: Великий Князь Михаил Александрович никогда не содержался в Екатеринбурге, а 17 июня 1918 г. он был уже убит. Интересно и другое: дата отправки телеграммы по времени совпадает как с разговорами Авдеева о скорой отправке Царской Семьи в Москву, так и с записью в «Книге дежурств» о предполагаемой гибели Наследника! Таким образом, слова Авдеева о скором отъезде Семьи из Екатеринбурга были не просто ложью, но отражали реальные события, происходившие вокруг Ипатьевского дома.

7 июля 1918 г. из Екатеринбурга в Москву отправляется телеграмма: *«Французскому консулу. Москва. Приехал Екатеринбург. Пока живу Английском консульстве. Слухи о Романовых ложны. Бояр»*^[2457]. Кем был этот таинственный «Бояр»? Что делал он в Екатеринбурге, чье задание выполнял? О каких слухах он сообщал в Москву за 10 дней до злодеяния? Об этом достоверно неизвестно. Но очевидно, что эти слухи касались убийства Царской Семьи. Это подтверждает и Н. Г. Росс: *«К. Бояр – живописный псевдоним французского агента, посланного в Екатеринбург представителями Франции в Москве, обеспокоенными слухами о судьбе Царской Семьи»*^[2458]. Известно, что в Екатеринбурге был и английский консул^[2459]. Это с учётом того, что ни Англия, ни Франция не поддерживали тогда дипломатических отно-

шений с большевистским режимом. Таким образом, летом 1918 г. слухи об убийстве Царской Семьи усиленно проверялись немцами, американцами, французами и англичанами. Раз эти слухи так активно проверялись, значит, проверяющие знали о возможности убийства Царской Семьи и относились к ней со всей серьёзностью.

С другой стороны, можно с большой долей уверенности сказать, что большинство представителей германских, английских, французских правящих кругов были уверены, что убийства Царской Семьи в ближайшее время не будет. Это же полагало и большинство Уральского совета. То, что убийство будет совершено, причем именно в ночь с 16 на 17 июля 1918 г., знала небольшая группа людей, которая и была автором дезинформации. Эта группа действовала по принципу известной притчи «Осторожно, волки!» Неоднократными опровержениями «слухов» об убийстве Государя и Цесаревича эта группа добилась того, что, когда убийство всей Царской Семьи было совершено, сообщение об этом многими было воспринято как очередная «утка».

Последний день – 3/16 июля 1918 г.

16 июля произошло событие, которое встревожило Царскую Семью: вечером из Ипатьевского дома был забран племянник к тому времени уже расстрелянного большевиками И. Д. Седнева – Леонид. Императрица Александра Феодо-

ровна записала в свой дневник: «8 часов. Ужин. Совершенно неожиданно Лику Седнева отправили навестить дядю, и он сбежал. Хотелось бы знать, правда ли это и увидим ли мы когда-нибудь этого мальчика!»^[2460] В «Записке Юровского» говорится, что 16 июля «в шесть увезли мальчика (Л. Седнева), что очень обеспокоило Романовых и их людей. Приходил доктор Боткин спросить, чем это было вызвано. Было объяснено, что дядя мальчика, который был арестован, потом сбежал, теперь вернулся и хочет видеть племянника»^[2461].

Медведев (Кудрин) указывал, что решение об уводе Л. Седнева было принято на мифическом заседании Уральского совета вечером 16 июля: «Яков Юровский предлагает сделать снисхождение для мальчика. – Какого? Наследника? Я – против! – возражаю я. – Да нет, Михаил, кухонного мальчика Леню Седнева нужно увести. Поваренка-то за что... Он играл с Алексеем»^[2462].

Примечательно, что мальчик был уведен из Ипатьевского дома по решению Юровского. «Сделано это было, безусловно, по приказанию Юровского», – свидетельствует Якимов^[2463]. Это же подтверждают Войков, Медведев, Кудрин, сам Юровский. Его решение объясняется соображениями гуманности. На самом деле к гуманности увод Л. Седнева не имел никакого отношения. Сам Юровский в своих воспоминаниях дает нам исключительно важное свидетельство о причинах этого увода: «16 июля 1918 года, часа в 2 днем, ко мне в дом приехал товарищ Филипп и передал поста-

новление Исполнительного Комитета о том, чтобы казнить Николая, при чем было указано, что мальчика Седнева нужно убрать»^[2464]. Таким образом, приказ об уводе Седнева был передан Юровскому Голощёкиным. Причём исходил этот приказ от Исполкома, только непонятно, от ВЦИКа или Уральского исполнительного комитета. Но, как уже говорилось, никаких постановлений в отношении Царской Семьи последний не принимал. Поэтому, вполне вероятно, что Голощёкин получил этот приказ от Свердлова. Довольно странная забота о безызвестном поваренке!

Как провела последний день своей земной жизни Царская Семья? Благодаря имеющимся документам можно воспроизвести его по возможности точно. 30 июня/12 июля резко оборвались дневниковые записи Государя. Последняя запись дневника: *«30 июня. Суббота. Алексей принял первую ванну после Тобольска; колено его поправляется, но совершенно разогнуть его он не может. Погода тёплая и приятная. Вестей извне никаких не имеем»*^[2465]. Если учесть, что Император Николай II вёл свой дневник регулярно, а перерывы в нем были незначительны, то куда пропали четыре дня?

Тем не менее есть факты, которые мы можем точно установить. Бесспорным фактом можно считать, что в последний раз лица, не связанные с подготовкой преступления, видели Царскую Семью живой 15 июля. Это были две женщины: М. Г. Стародумова и В. О. Дрогина, которые пришли мыть пол в Ипатьевском доме. Свидетельница Стародумова пока-

зала на следствии: «Полы мы мыли наверху дома Ипатьева и внизу. Государь и его семья: и Государыня, 4 Великих Княжны, Наследник, доктор, старик князь, камердинер, лакей в очках, мальчик и женищина молодая были наверху, и семья играла в карты. Здесь Юровский сидел на стуле против Наследника и разговаривал с ним, причем Юровский был вежлив, но нам Юровский не позволял разговаривать с Царской Семьей, которая была весела, княжны смеялись, и грусти заметно не было. Моя полы, мы заметили, что караул состоит из каких-то не русских людей, все они были молодые, причем, когда мы спустились мыть полы вниз, то заметили, что этот караул жил внизу, так как там стояли их кровати, причем внизу мы всех комнат не мыли, так как там были другие женищины»^[2466].

В этих показаниях есть два любопытных момента: то, что Стародумова указывает на присутствующего в доме какого-то «старика-князя», и то, что караул состоял уже не из «русских людей», то есть был уже сменен Юровским. Скорее всего, за «старика-князя» Стародумова приняла кого-то из числа свиты либо из тех, кто был с Юровским.

Утро 16 июля выдалось пасмурным, но позже выглянуло солнце, в последний раз для Царской Семьи. День начался как обычно. Утром пришел Юровский и принес яйца якобы для Наследника. Примерно с 15 по 16 ч. дня состоялась прогулка Государя, Наследника Цесаревича и Великих Княжон, кроме Ольги Николаевны, в садике Ипатьевского дома. Об-

виняемый Летемина показал, что днём и вечером 16 июля он дежурил внутри ограды дома. Как только Летемина заступил на дежурство около 16 ч., он видел, как *«Царь и его семья возвращались с прогулки. Ничего особенного я в этот раз не заметил»*^[2467]. Обвиняемый Якимов: *«Последний раз я видел Царя и дочерей 16 июля. Они гуляли в саду в четыре дня. Видел ли я в этот раз Наследника, я не помню. Царицы я не видел. Она тогда не гуляла»*^[2468].

Пока Государь и Дети совершали прогулку, Императрица и Великая Княжна Ольга Николаевна *«готовили наши лекарства»*. Что это может означать, не совсем понятно, но, возможно, это означало прятанье драгоценностей. (Вспомним показания Теглевой о том, что Государыня писала в Тобольск о подготовке «аптеки», т. е. драгоценностей, к отправке). Если это так, то вполне возможно, что Царская Семья готовилась к отъезду. Похоже, что немцы всё-таки «продавили» решение о вывозе Царской Семьи, и Свердлову приходилось до конца изображать себя готовым выполнить этот приказ. Большая же часть уральского руководства готовилась к выполнению приказа о вывозе Царской Семьи в Москву. Комиссар станции Гуляев примерно 15 июля говорил посторонним лицам, что *«сегодня увозим Николая II»*. Предстоящую отправку Государя из Екатеринбурга не скрывал и комиссар штаба резерва Красной армии Кучеров^[2469]. Красноармеец Капустин рассказывал следствию, что *«перед приходом чехословаков в Екатеринбург, Царскую Семью собира-*

лись куда-то увезти. Причём во время дежурства его на вокзале для неё формировался поезд»^[2470]. Шофёр броневомобиля матросского батальона Афанасий Руденков рассказывал сестре, что *«Государя увезут в Германию, так как большевики получили за него оттуда большие деньги»*^[2471]. Этот вывоз мог быть назначен на 17 июля, о чем было дано знать как немцам, так и местным екатеринбургским властям, за исключением Голощёкина и Юровского. Но именно на этот же день Свердловым было запланировано убийство, приказ о котором был оглашён узкому кругу посвящённых перед самой развязкой.

После прогулки Великая Княжна Татьяна Николаевна читала Императрице Александре Феодоровне книгу Пророка Амоса. В ней Господь говорит: *«Не пощажу его, ибо он пережёт кости царя Едомского в известь»* (Ам., 2: 1).

В 20 ч. вечера Царская Семья и ее приближённые сели ужинать. После ужина Император и Императрица по обыкновению играли в карточную игру – безик. В 22 ½ Семья легла спать. Кудрин уверяет, что Узники дома Ипатьева заснули очень поздно – за полночь. Их якобы очень взволновал увод поваренка. Но большинство соучастников преступления, утверждают что к 12 ч. ночи все Приговоренные уже спали.

В начале ночи Их разбудили, и Они встретили смерть. Обстоятельства, при которых она произошла, до сих пор покрыты черной завесой тайны. Но к Царской Семье это не име-

ет уже никакого отношения. В ту июльскую ночь 17 июля 1918 г. Она не просто приняла смерть, но совершила Подвиг во имя Христа, во имя России и во имя всего человечества. Подвиг этот сияет немеркнущим светом в темной ночи нынешнего апостасийного века, возвещая всему миру, что *«не зло победит зло, а только Любовь»*.

Глава 5. Екатеринбургское злодеяние

За кулисами Екатеринбургского злодейства

Убийство в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге в Ипатьевском доме Императора Николая II и его Семьи является, без сомнения, самым тяжким преступлением новейшего времени. Духовно-нравственные последствия Екатеринбургского злодеяния непосредственно сказались и сказываются до сих пор на судьбе нашего народа. Нельзя не согласиться с американским историком доктором Ричардом Пайпсом: *«Цареубийство стало первым шагом человечества на пути сознательного геноцида. Тот же ход мыслей, который заставил большевиков вынести смертный приговор Царской Семье, привёл вскоре и в самой России, и за её пределами к слепому уничтожению миллионов человеческих существ, вся вина которых заключалась в том, что они оказались помехой при реализации тех или иных грандиозных замыслов переустройства мира»*^[2472].

С первых же часов после его свершения организаторы злодеяния начали кампанию по сокрытию причин, обстоятельств и следов преступления. Многие элементы этой большевистской лжи живы до сих пор. Так, в июне 2010 г. старший криминалист В. Н. Соловьёв от имени Следствен-

ного комитета при прокуратуре России заявил, что он не нашёл *«подтверждения того, что расстрел Царской Семьи был инициирован руководством коммунистической партии, а именно Владимиром Лениным или Яковом Свердловым»*^[2473]. Убийство, по словам Соловьева, было «совершенно без их ведома», а инициатором и исполнителем преступления являлись Уральский совет и местное ЧК. Точно так же «самостоятельностью» Уральского совета прикрывалось большевистско-советское руководство практически за всё время своего существования. Как тогда, так и сейчас утверждалось, что нет *«ни одного документа, который свидетельствует о том, что было принято официальное решение о расстреле Царской Семьи»*^[2474]. Подобные заявления не выдерживают никакой критики. Отсутствие официального решения совсем не означает отсутствие события преступления. Так, например, не существует официального постановления нацистов о проведении холокоста, между тем ни один здравомыслящий человек не станет отрицать факта геноцида евреев в годы Второй мировой войны, как и то, что уничтожение евреев было санкционировано Гитлером и Гиммлером.

Однако не менее нелепы утверждения, что Царская Семья была убита исключительно по воле одного или двух человек из большевистского ареопага. Иные даже уверяют, что злодеяние было осуществлено по личному приказу Ленина, который таким образом «мстил за брата».

Убийство Государя Императора Николая II и его Семьи стало следствием всей жизни и деятельности последнего Самодержца и тем нравственным выбором, который он сделал и которому был верен всю жизнь: верности Христу, России и долгу царского служения. XX век, как никакой другой, явил собой наступление сил зла, и исторический подвиг Императора Николая II как раз заключался в том, что все свое царствование он вел непримиримую войну с мировым злом.

Говоря об убийстве Царской Семьи, невозможно не коснуться роли в нем влиятельного международного сообщества, центром которого к началу XX в. стали США. Главной стратегической целью этого сообщества было создание т. н. нового мирового порядка. Наиболее известными представителями этого сообщества были «Бродвейское сообщество» и английский «Круглый стол». В начале XX в. лидеры этого сообщества понимали, что без уничтожения Российской Империи поставленные ими цели недостижимы.

В самой России также были влиятельные тайные структуры, сыгравшие вместе со своими заграничными «братьями» и союзниками важную роль в свержении монархии и убийстве Царской Семьи. Многие из представителей этого тайного сообщества были выходцами из беспоповских сект и согласий. Царь в глазах раскольников был антихристом: служить «антихристу» означало для них страшный грех. Солдат-дезертир 22-го Пехотного запасного полка О. П. Смирнов в январе 1917 г. обратился к своим собратям с воззва-

нием: «Мы не должны признавать власти антихристовой нашего российского императора, которого Священное Писание признаёт антихристом ни молением за него, ни исполнением повинности военной службы. Предание свидетельствует, что сия война есть последняя перед кончиною мира, погибнет царство антихристово, и у нас в России больше царя не будет. Этот последний царь Никола»^[2475].

Особую опасность представляли, конечно, не эти простые раскольники, а представители крупного капитала – выходцы из беспоповских согласий. Как верно пишет Н. Михайлова: «Излагать историю “буржуазной” революции в России, не обращая внимания на конфессиональную принадлежность этой буржуазии, тогдашних “олигархов”, значит сознательно или по неведению замалчивать наиболее существенное в побудительных причинах к свержению Царя и разрушению монархии»^[2476].

Некоторые секты настолько отошли от христианства, что переродились в оккультные или полуоккультные сообщества, практикующие чёрную магию и ритуальные убийства. Сектанты имели тесное взаимодействие с масонскими ложами и революционными партиями. Эсеры, кадеты, большевики, меньшевики, финские и польские сепаратисты – все так или иначе получали поддержку и помощь от капиталистов-раскольников. Особенно большую помощь эта буржуазия в 1900-х гг. оказала большевикам.

Тесно связан был с сектантством и Я. М. Свердлов, пер-

вой женой которого была Е. Ф. Шмидт, родственница фабриканта Н. П. Шмидта, свояка раскольников клана миллиардеров Морозовых. Вторая жена, а точнее сожительница Свердлова К. Т. Новгородцева, была дочерью купца-раскольника, из-за корыстных побуждений перешедшего в единоверческую церковь. Новгородцева активно распространяла идеи марксизма среди раскольников, вербуя из них все новых адептов. Среди её учениц была А. Н. Бычкова, в будущем видная большевичка. В 1918 г. Бычкова тесно работала с Янкелем Юровским. Именно по её совету советский писатель Я. Л. Резник в 70-х гг. написал об этом палаче повесть «Чекист»^[2477].

Сектантский след отчётливо прослеживается как в выборе Ипатьевского дома, так и месте уничтожения тел Царственных Мучеников. С давних времен Екатеринбург был центром сосредоточения различных раскольниковых толков, в том числе и самого изуверского характера. В 1837 г., во время своего большого путешествия, Цесаревич Александр Николаевич, будущий Император Александр II, делился со своим отцом Императором Николаем I своими впечатлениями после посещения Екатеринбурга и Урала: *«Здесь вся страна находится под их (раскольников. – П. М.) влиянием, ибо они всех богаче... Они закоренелые раскольники, ненавидят единоверцев и всю духовную власть»*^[2478].

Почти все уральские заводы были построены на средства раскольников^[2479]. Не случайно среди охранников До-

ма особого назначения в Екатеринбурге было много рабочих, выходцев из раскольниковых мест Урала: Сысерти, Верх-Исетского и Александровского заводов. К ним относились: А. Г. Белобородов, по всей видимости, имел родство с одним из раскольниковых главарей пугачевского бунта на Урале, Иваном Белобородовым, осаждавшим Екатеринбург в 1774 г., П. З. Ермаков, В. И. Леватных. Примечательно, что Леватных со своей женой в *«православной церкви венчаться не пожелал, не любил православных священников. Царя он не хотел»*^[2480].

Владелец кыштымских заводов и владелец богатейших хором напротив Ипатьевского дома Л. И. Расторгуев оказывал раскольникам большую финансовую помощь. На его деньги в Екатеринбурге были созданы десятки тайных раскольниковых школ и часовен^[2481].

В непосредственной близости от Коптяков, где 17, 18 и 19 июля 1918 г. происходили манипуляции с телами Царственных Мучеников, в XVIII–XIX вв. находилась раскольниковья слобода, в которой совершались какие-то особые раскольниковьи молебны^[2482].

Можно с уверенностью сказать, что убийство Царской Семьи подготавливалось и было осуществлено не какими-то отдельными политическими организациями (большевиками, эсерами) и не отдельными религиозными структурами (каббалистическими, раскольниковыми), а объединённым оккультным интернационалом, характер которого был надна-

циональным, надклассовым и надрелигиозным.

Представители этого сектантского интернационала были не только среди большевиков. Достаточно их было и в правительстве адмирала А. В. Колчака, главой которого был В. Н. Пепеляев, давно связанный с членом «Бродвейского сообщества» Чарльзом Крейном. По своей должности Пепеляев был посвящён во все детали следствия Н. А. Соколова. Нет сомнений, что через В. Н. Пепеляева информация о ходе расследования злодеяния попадала к Крейну.

В. Н. Пепеляев хорошо был знаком и с норвежцем Йонасом Лидом, который был связан с канадской фирмой Hudson Bay Company. Эта компания принадлежала к числу предприятий, контролируемых так называемым Советом 300, филиалом общества «Круглого стола»^[2483]. Лид был практически владельцем акционерного общества «Товарищества Западно-Сибирского Пароходства и Торговли». Именно этому пароходству принадлежали пароходы «Русь», «Кормилец» и буксир «Тюмень», перевозившие Царскую Семью по дороге в Тобольск.

Одним из директоров в пароходстве Лида был известный сибирский купец и пароходовладелец П. П. Корнилов. Именно в его тобольском доме революционные власти разместили лиц Свиты и прислугу, сопровождавших Царскую Семью в Тобольскую ссылку. Позже тот же П. П. Корнилов будет вести переписку с П. Д. Хохряковым об оплате большевиками счёта по использованию пароходов компании при перевозке

Царской Семьи.

Лид был знаком и с владельцем дома, где была убита Царская Семья, – инженером Н. Н. Ипатьевым. Напротив Ипатьевского дома располагался дом Харитоновых-Расторгуевых, принадлежавший Акционерному обществу Кыштымских горных заводов и являвшийся собственностью Лесли Уркварта («Кыштымского хищника»), английского миллионера, политика и впоследствии первого концессионера Советской России. При помощи Русско-Азиатского банка, владельцем которого был американец Герберт Кларк Гувер, будущий президент США, компаньон и ставленник Уркварта, компания Лиды стала монополистом по речным перевозкам в районе Западной Сибири.

С 1910 г. организатором производства Общества Кыштымских горных заводов на Урале стал директор Maikor and General Petroleum Trust Герберт Кларк Гувер, бывший компаньоном Уркварта, а также один из владельцев Русско-Азиатского банка, директором-распорядителем которого в России был финансист и промышленник А. И. Путилов^[2484], на заводе которого начались беспорядки 23 февраля 1917 г.

Таким образом, вокруг Царской Семьи в момент её заключения в Тобольске и Екатеринбурге, был проявлен самый активный интерес представителей тайного интернационального сообщества. Одним из главных кураторов убийства Царской Семьи от этого сообщества называют имя Я. Шиф-

фа.

Якоб Генри Шифф родился во Франкфурте в Германии и происходил из древнего раввинского рода, родственного Ротшильдам. Хотя он и считался правоверным иудеем, его иудаизм носил откровенно оккультно-масонский характер. Вершину синагоги, куда ходил Шифф, венчала красная пятиконечная звезда. Точно такую же в 1918 г. поместил на флаге РСФСР его ставленник в России и негласный адепт Яков Свердлов, у которого брат Вениамин (Беня) проживал в США и работал в структурах Шиффа.

Начиная с Русско-японской войны и революции 1905 г. Шифф активно финансировал революционеров в России и за границей. 13 января 1917 г. в США прибыл свояк Шиффа Лев Бронштейн (Троцкий), который сразу же получил американский паспорт^[2485]. В Нью-Йорке под руководством Троцкого были созданы вооруженные отряды боевиков для засылки в Россию. Эти отряды финансировал Я. Шифф.

Это имя не только связывают напрямую с убийством Царской Семьи, но и с его ведущей ролью в организации Екатеринбургского злодеяния. В 1939 г. в белградской газете «Царский вестник» появилась статья «Кто убил Царскую Семью?». В ней сообщалось, что белому следствию удалось захватить зашифрованные ленты переговоров между Я. Свердловым и Я. Юровским. *«Расшифровать эти ленты Н. А. Соколову удалось лишь в 1922 году в Париже, при помощи специалиста по разборке шифров. Среди этих телеграфных*

лент оказались ленты исключительной важности, касающиеся именно убийства Царской Семьи. Содержание их было следующее: Свердлов вызывает к аппарату Юровского, сообщает ему, что на его донесении в Америку об опасности захвата Царской Семьи белогвардейцами, или немцами, последовал приказ, подписанный Шиффом о “необходимости ликвидировать всю Семью”. Приказ этот был передан в Москву через Американскую миссию, находившуюся тогда в Вологде, равно, как и через нее передавались в Америку и донесения Свердлова. Свердлов подчеркивал в своем разговоре по прямому проводу, что никому другому, кроме Свердлова, обо всем этом неизвестно и что он в таком же порядке передает приказание “свыше” ему, Юровскому, для исполнения. Юровский, по-видимому, не решался сразу привести в исполнение этот приказ. На следующий день он вызывает к аппарату Свердлова и высказывает мнение о необходимости убийства лишь Главы Семьи, последнюю же он предлагал эвакуировать. Свердлов снова категорически подтверждает приказание убить всю Семью, выполнение этого приказа ставит под личную ответственность Юровского.

Последний на следующий день выполняет приказ, донеся Свердлову по прямому проводу об убийстве всей Семьи. После этого Свердлов сообщил об этом ЦИКу, поставив последний перед свершившимся фактом.

Все эти данные, не вошедшие в книгу Соколова, об убийстве Царской Семьи, были лично сообщены Соколовым в ок-

тябре 1924 года, то есть за месяц до внезапной своей смерти, его другу, знавшему его еще как гимназиста Пензенской гимназии. Этот личный друг Соколова видел и оригинальные ленты, и их расшифрованный текст. Соколов, как можно видеть из его писем своему другу, считал себя “обреченным” человеком, поэтому он и просил своего друга прибыть к нему во Францию, чтобы передать ему лично факты и документы чрезвычайной важности»^[2486].

Исследователь О. А. Платонов установил и автора статьи, и упоминаемого в ней друга Н. А. Соколова: доктора К. Н. Финса и А. Шиншин^[2487].

В книге израильского историка М. Хейфеца приводится рассказ Алексея Акимова, которого автор именует охранником Ленина. Примечательно, что до этого он охранял Свердлова и имел с ним доверительные отношения. Акимов сообщал, что в июле 1918 г. Свердлов послал его на телеграф на Мясницкой улице с требованием срочно отправить телеграмму, сказав при этом: «“Поосторожнее отправляй”. Это означало, что обратно надо было принести не только копию телеграммы, но и саму ленту». Так как телеграфист не хотел отдавать ленту, то, чтобы её взять обратно, Акимову пришлось угрожать револьвером. Пока Акимов возвращался в Кремль, «Ленин уже узнал о моём поступке. Когда пришёл, секретарь Ленина мне говорит: “Тебя вызывает Ильич, иди, он тебе сейчас намоет холку”»^[2488].

Очевидно, что Свердлов действительно передавал теле-

грамму об уничтожении Царской Семьи на условном языке, может быть ту самую с приказом Шиффа. Эту телеграмму он передал через своего агента в окружении Ленина и передал втайне от главы Совнаркома. Этим объясняется и незаконная угроза оружием со стороны Акимова, и ленинский гнев, когда он узнал, что какую-то телеграмму послали в Екатеринбург без его уведомления. О том, что у Свердлова были в окружении Ленина свои люди, в том числе и среди тех, кто был связан с ленинской корреспонденцией, подтверждает Н. К. Крупская. В своих воспоминаниях она писала: *«К нам часто заходил Яков Михайлович Свердлов. Наблюдая, как Владимир Ильич строчит свои работы, он стал убеждать его пользоваться стенографистом. Ильич долго не соглашался, наконец, убедил его Яков Михайлович, прислал лучшего стенографиста»*. Известно его имя – Я. Хлебников^[2489].

Помимо сведений из «Царского вестника», имеется несколько интересных телеграмм агента французской военной миссии с сообщением об убийстве Царской Семьи. В конце одной из этих имеется такая приписка: *«Телеграмма послана в Париж и сообщена в Вашингтон для информации»*^[2490]. Неясно, для чего французский военный агент посылает копию телеграммы не в Лондон, не в Рим, не представителям всех союзных держав, а именно в Вашингтон.

Другими словами, мы можем с полным основанием считать, что американский финансовый магнат Якоб Шифф,

действуя по заданию тайного международного сообщества, членом которого он являлся, дал указание ставленнику этого сообщества в большевистском правительстве Якову Свердлову совершить убийство всей Царской Семьи в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

Возникает вопрос, а знал ли Ленин об этой игре Свердлова? Похоже, «вождь мирового пролетариата» был введен Свердловым в заблуждение так же, как и немцы. Когда Свердловым выстраивал свою сложную игру с «самоуправством уральцев», Ленин два часа о чём-то разговаривал с Екатеринбургом, сначала один, а потом – со Свердловым. Зафиксированы переговоры членов Екатеринбургского областного совета с совнаркомом о пути следования поезда с Императором Николаем II. Любопытно, что уральцы, обращаясь в СНК, жалуются на позицию Свердлова^[2491].

Исходя из этого, вполне можно предположить, что для Ленина была неожиданностью складывающаяся ситуация вокруг перевоза Царя и он пытался выяснить подробности у уральцев сам, а потом привлёк к разговору Свердлова. Во всяком случае, Ленин воспринял задержание Царя в Екатеринбурге как данность. Существует протокол заседания Совета народных комиссаров под председательством Ленина от 2 мая 1918 г. В нём просто констатировался факт того, что *«Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов сделал распоряжение о переводе бывшего царя Николая Романова в более надёжный пункт, что и*

было выполнено. В настоящее время Николай Романов с женой и одной из дочерей находятся в Екатеринбурге, Пермской губернии, надзор за ним поручен областному совдепу Урала»^[2492].

Примечательно, что этот документ, хранящийся в ГА РФ в виде копии, не имеет сведений ни об одной подписи под ним, хотя обычно даже в копиях такие сведения имеются. Это постановление для нас важно тем, что в его написании и в его публикации главную роль играет Свердлов, а не Ленин. Еще большую нерешительность в отношении Царской Семьи и даже какой-то страх, связанный с её дальнейшей судьбой, Ленин проявил летом 1918 г., когда Свердлов вплотную приступил к подготовке Екатеринбургского злодеяния.

С приездом нового германского посла В. фон Мирбаха началась странная кампания по дезинформации общественного мнения в отношении Царской Семьи. Её рупором стала внешне оппозиционная большевикам газета «Новое Слово». К слову сказать, сразу же после убийства Царской Семьи, в июле 1918 г., газету прикрыли. 19 мая 1918 г. «Новое слово» так живописала перевоз Царской Семьи из Тобольска в Екатеринбург: *«Инициатива перевоза семьи Романовых из Тобольска принадлежит Омскому совету, который неоднократно указывал центральной власти, что с открытием навигации Романовым легко может быть устроен побег в Англию по реке Оби и потом на английском катере по Северному морскому пути. Опасаясь возможного побега Романо-*

вых в пути, советская власть приняла все меры. По всем направлениям уральской ж/д узла были расставлены эшелоны с красногвардейцами. По направлению к Тоболу по пермской дороге двигались 4 эшелона, каждый численностью в 200 человек вооруженных до зубов»^[2493]. Кому понадобилось распространять эту заведомую ложь? Не стремились ли ею большевики заверить немцев, что Царская Семья находится в полной безопасности и под надёжной охраной?

Одновременно была организована и другая дезинформация. По характеру она очень напоминает стиль Свердлова. Главная её цель заключалась в том, чтобы уверить, что Государь будет вывезен из Екатеринбурга на территорию, подконтрольную немцам. Большевики распустили в прессе слухи, что Царь вот-вот должен появиться в Москве, где над ним будет совершен «суд», а вероятнее всего, никакого суда вообще не будет, а Царскую Семью вышлют за границу. То же самое будет говорить Яковлев в Тобольске.

19 июня 1918 г., то есть меньше чем за месяц до убийства Царской Семьи, «Новое Слово» сообщала: *«В своё время сообщалось в печати, что в компетентных кругах был поднят вопрос о предании суду Николая Романова. В настоящее время определенно передают, что вопрос о предании суду Николая Романова отпал. <...> В настоящее время в компетентных кругах определенно передают, что по сообщениям политического характера Николай Романов вряд ли предстанет перед судом революционного трибунала. Ни в*

одном из учреждений не ведётся следствия о действиях Николая Романова и, вероятнее всего, предстоящий Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов вынесет постановление подвергнуть остракизму семью Романовых и выслать их из пределов Российской Федеративной республики за границу»^[2494].

Эти слухи должны были успокоить немцев. Но одновременно им было сообщено, что в целях спасения Государя будет неоднократно пускаться слух об его убийстве, но этому слуху верить не надо. То же «Новое Слово», буквально на следующий день после сообщения о предстоящей высылке Царской Семьи за границу, пишет: *«Как передают слухи об убийстве Николая Романова возникли следующим образом: из Екатеринбурга в советских кругах была получена телеграмма, сообщавшая об убийстве Николая Романова. Телеграмма эта была никем не подписана и вызвала естественно сомнение. Однако слухи о телеграмме распространялись по городу и стали сообщать об убийстве уже как о факте. Вчера из Екатеринбурга было получено несколько телеграмм, свидетельствующих, что в городе не произошло ничего удивительного»^[2495].*

На следующий день, 21 июня, слухи об убийстве Государя приобретают в «Новом Слове» всё более подробный характер: *«Несмотря на то, что слухи об убийстве Николая Романова не получили до сих пор официального подтверждения, они продолжают циркулировать в Москве. Вчера, со*

слов лица, прибывшего из Екатеринбурга, передавалась следующая версия о случившемся: Когда Екатеринбургу стало угрожать движение чехословаков, по распоряжению местного совдепа, отряд красногвардейцев отправился в бывший губернаторский дом, где жили Романовы, и предложил царской семье одеться и собраться в путь. Был подан специальный поезд в составе трёх вагонов. Красноармейцы усадили Романовых в вагон, а сами разместились на платформах. По дороге будто бы Николай Романов вступил в пререкание с красноармейцами и протестовал, что его увозят в неизвестном направлении, то в результате этой перебранки, красноармейцы, якобы, закололи Николая Романова. Тот же источник передает, что Великие Княжны и бывшая Императрица остались живы и увезены в безопасное место. Что же касается бывшего Наследника, то он тоже увезен, отдельно от остальных членов семьи. Все эти сведения однако, не находят подтверждения в советских кругах»^[2496].

В этом сообщении газеты почти дословно была приведена та самая ложь, которую после 17 июля 1918 г. большевики будут распространять про убийство Царской Семьи. Большевики проводили своего рода «репетицию» будущей дезинформации.

9 июня в Берлине помощник статс-секретаря рейха барон Хилмар фон дер Буше-Хадденхаузен встретился с большевистским посланником А. А. Иоффе и выразил ему беспокойство германского правительства слухами об убийстве

Императора Николая II. Иоффе заверил, что *«никому из Императорской Семьи не будет причинено вреда, и что все представители последней будут снабжаться всем необходимым для существования»*^[2497]. Однако эти заверения не успокоили Берлин. Там всерьёз восприняли заметки «Нового Слова». 21 июня Мирбах, на встрече с наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным, заявил, что у него есть *«основания предполагать, что в ходе боёв под Екатеринбургом пострадала Императорская Фамилия»*. Мирбах предупредил, что если большевистское правительство не выступит с самыми решительными опровержениями этого сообщения, то оно очень навредит себе^[2498].

Участившиеся слухи об убийстве Царя беспокоили не только немцев, но и Ленина. В тот же день, 21 июня, когда Мирбах делал свои представления Чичерину, В. М. Бонч-Бруевич, исполняя ленинское распоряжение, направил в Екатеринбург официальный запрос: *«В Москве распространяются сведения, что будто бы убит бывший император Николай Второй. Сообщите имеющиеся у вас сведения. Управляющий делами Совдепа народных комиссаров Владимир Бонч-Бруевич»*^[2499].

Никакого ответа на эту телеграмму не последовало, и Москва в тот же день свой запрос повторила: *«Срочно сообщите достоверность слухов об убийстве Николая Романова»*^[2500]. Но и на эту телеграмму «уральские товарищи» ответили молчанием. 24 июня по поручению Ленина в Екате-

ринбург была отправлена третья телеграмма: *«Прошу срочно сообщить слухи об убийстве Николая Романова, очень важно»*^[2501].

Видимо, Ленин не очень доверял ответам из Екатеринбурга, так как, не дожидаясь их, он 21 июня направил туда командующего Уральским Северо-Восточным фронтом Р. И. Берзина. Тот посетил Ипатьевский дом и убедился, что Царская Семья жива^[2502]. После чего Берзин направил Ленину телеграмму: *«21 июня мною с участниками членов военной инспекции и военного комиссара Ур. Военного округа и члена Всеросс. след. Комиссии был произведён осмотр помещений как содержится Николай Романов с семьей и проверке караула и охраны. Все члены семьи и сам Николай жив и все сведения об его убийстве и т. д. провокация»*^[2503]. Ленин приказал Берзину *«взять под свою охрану всю Царскую Семью и не допустить каких бы то ни было насилий над ней, отвечая в данном случае своей собственной жизнью»*^[2504].

Перед самым убийством в отечественной и зарубежной прессе стали распространяться слухи, что Царская Семья перевезена из Екатеринбурга в другое место. Так, 3 июля 1918 г., то есть за две недели до убийства, «Le Maten» со ссылкой на «русские источники» сообщает: *«Семья Романовых переведена в Котельнич, маленький город Вятской губернии. Тем временем невозможно проверить находится ли там же сам Царь. Имеются сообщения, что кайзер решил восстановить Царя на его престоле»*^[2505].

4 июля 1918 г. «Новое Слово» публикует следующую маленькую заметку: *«В церковных кругах Петрограда передают, что бывшая императрица Александра Федоровна желает принять монашество»*^[2506]. Эти ложные слухи должны были подготовить общественное мнение, а также и немцев, к возможному «исчезновению» Царской Семьи, с такой целью, чтобы это «исчезновение» воспринималось либо как очередная «утка», либо как продолжение осуществления германского плана вывоза Царской Семьи из пределов России.

Для большей убедительности неоднократно публиковались советские «опровержения» подобных «слухов». 26 июня 1918 г. «Известия ВЦИК» публикуют следующее опровержение, которое распространяется всеми ведущими газетами: *«Слух об убийстве бывшего царя Николая Романова есть очередная провокационная ложь»*^[2507].

Свердлову удалось ввести немцев в заблуждение и в этом вопросе. Князь А. Н. Долгорукий, проживавший летом 1918 г. в Киеве и входивший в монархическую группу, вспоминал, что 5 или 6 июля по новому стилю он и другой член группы, киевский губернский предводитель Ф. Н. Безак, были приглашены к германскому дипломатическому чиновнику графу Альвенслебену. Граф сообщил приглашённым, что *«император Вильгельм желает, во что бы то ни стало спасти Государя Императора Николая II и принимает к этому меры; что в целях спасения Государя он куда-то перевозит-*

ся, но что в настоящий момент немцы потеряли его след. Альвенслебен предложил нам с Безаком прийти на помощь этому делу спасения Государя». Альвенслебен предложил создать и послать на поиски Государя три группы офицеров в Котельнич, Москву и Екатеринбург. Офицеры должны были быть снабжены немецкими паспортами, которые Альвенслебен обязался предоставить, и деньгами, которые должны были собрать монархисты в Киеве. Альвенслебен предупредил, что «между 16 и 20 июля (по новому стилю) распространится слух или известие об убийстве Государя; что слух этот или известие не должен будет нас беспокоить: как и слух имевший место в июне, он будет ложный, но что он необходим в каких-то целях именно Его спасения. В то же время, он просил нас держать разговор с ним в секрете, делая наружно вид, что мы верим известию о смерти Государя»^[2508].

Этот разговор проходил накануне или даже в самый день убийства графа Мирбаха, которое произошло 6 июля 1918 г. в посольстве рейха в Денежном переулке в Москве. Скорее всего, убийство Мирбаха было непосредственно связано с подготовкой убийства Царской Семьи, так как требование посла о немедленном переводе Государя в Москву становилось все более категоричным. Кроме того, немцы направляли в район Екатеринбурга своих эмиссаров, шли разговоры о посылке туда же вооружённых отрядов^[2509]. Свердлову и его присным нужно было немедленно что-то делать. Поэто-

му ими для немцев была вновь состряпана ложь о перевозе Николая II в Москву, теперь уже из Екатеринбурга. Видимо, была сочинена версия побега Царя и его Семьи, устроенного монархистами. Отсюда упоминание Котельнича в качестве места возможного пребывания Государя. Одновременно большевики, видимо, открыли германцам дату убийства Семьи, но таким образом, чтобы те не поверили в него.

Ленин всячески стремился, во всяком случае внешне, следовать германским требованиям в отношении Царской Семьи. Один из соучастников Екатеринбургского злодеяния, М. А. Медведев (Кудрин), в декабре 1963 г. вспоминал, что он 16 июля 1918 г. присутствовал на заседании Областного совета Урала. На этом заседании Шая Голощёкин рассказал о своей поездке в Москву к Свердлову, когда решалась участь Царской Семьи. Голощёкин утверждал, что он стремился получить санкцию на расстрел Царской Семьи. Свердлов его в этом вопросе полностью поддержал. Однако Ленин категорически выступил против этого, потребовав вывезти Царскую Семью в Москву для проведения над ней суда^[2510]. Свердлов пытался приводить доводы Голощёкина об опасностях провоза поездом Царской Семьи через Россию, о тяжелом положении на фронтах под Екатеринбургом, но Ленин стоял на своем: *«Ну и что ж, что фронт отходит? Москва теперь – глубокий тыл, вот и эвакуируйте их в тыл! А мы уж тут устроим им суд на весь мир. На прощанье Свердлов сказал Голощекину: – Так и скажи, Филипп, товарищам –*

ВЦИК официальной санкции на расстрел не дает»^[2511].

То есть Ленин всеми силами пытался не допустить расправы над Царем и доставить его «на суд» в Москву, где такая расправа была бы невозможна. Генерал М. К. Дитерихс отмечал: *«Ленин готов был снова продаться перед лицом создавшейся обстановки. Он признавался в неудачности произведенных опытов и в тайных заседаниях со своими клеветами откровенно считал дело проигранным, высказывая мысль, что пора уходить»*^[2512].

4 июля 1918 г. Берзин отдал приказ заместителю командующего Северо-Урало-Сибирским фронтом С. М. Белицкому *«приготовить экстр.[енный] поезд 449 и вагон I класса к 2 часам 6 чел. конвоя»*. При этом он приказал установить в вагоне *«аппарат Юза, чтобы не перехватить разговор»*^[2513]. В тот же день, 4 июля, Белобородов срочно сообщил находившемуся в Петрограде Голощёкину о замене охраны в Доме особого назначения. Если предположить, что Берзин должен был осуществить вывоз Царской Семьи из Екатеринбурга, то новый караул ДОНа во главе с Юровским должен был этого ни в коем случае не допустить.

В свете этого по-другому воспринимается телеграфный ответ Ленина редакции датской газеты National Tidende. Редакция этой газеты 16 июля 1918 г., то есть за несколько часов до убийства Царской Семьи, послала на имя Ленина следующий запрос: *«Ходят слухи, что бывший царь убит. Пожалуйста, сообщите факты. National Tidende»*^[2514]. В тот же

день в 16 час. по московскому времени от имени Ленина в Данию была подготовлена к отправке следующая телеграмма на английском языке: «*National Tidende. Kopenhagen. Слухи не верны, бывший царь жив. Все слухи только ложь капиталистической прессы. Ленин 16/7–16 ч.*»^[2515] Примечательно, что эта телеграмма так и не была отправлена, она вернулась с телеграфа с подозрительной пометой: «*Вернули с телеграфа. Не имеют связи*»^[2516].

Часто эту телеграмму приводят как доказательство коварства Ленина, который, заранее зная о предстоящем убийстве Царской Семьи, со спокойной совестью лгал миру. Но ведь за редакцией *National Tidende* стоял датский король Христиан, а за его спиной сам император Вильгельм, и Ленин отлично знал, кто его респонденты. Представить себе, чтобы он так вызывающе лгал им, почти невозможно. Не был ли вызван ответ Ленина, изложенный в телеграмме, его уверенностью в том, что Император Николай II жив, а приостановка посылки телеграммы не была ли осуществлена кем-то, кто уже знал о готовящемся убийстве?

Слухи о предстоящем вывозе Государя активно распространялись среди советской верхушки Екатеринбурга. А. И. Руденков, был мобилизован в качестве водителя в ЧК и возил в Ипатьевский дом высокопоставленных чекистов. За два дня до убийства Царской Семьи он вместе со своей сестрой Л. Ф. Лоскутовой шёл возле Ипатьевского дома, из ворот которого вышел бронированный автомобиль. При этом

Руденков пояснил сестре, что на этом броневике вывозят *«у Императора вещи, а потом увезут и самого Императора»*. При этом Руденков выразил предположение, что Государя *«отправят в Германию, так как большевики за него взяли у немецкого короля много денег и король взял его себе на поруки»*^[2517].

Екатеринбургский парикмахер Ф. И. Иванов сообщил следствию, что за день-два до убийства Царской Семьи он стриг комиссара станции Екатеринбург Гуляева. В разговоре тот сказал, что у них много было работы. На вопрос Иванова: *«Какой?»* Гуляев ответил: *«Сегодня отправляем Николая»*^[2518].

Дезинформация, что Царскую Семью вывезли из Екатеринбурга или что её видели после 17 июля, продолжала осуществляться свердловскими ставленниками и после злодеяния. Не исключено даже, что с этой целью нескольким свидетелям, не знавшим близко Царскую Семью, демонстрировались какие-то люди, выдаваемые за неё. Юровский создавал хитросплетённую паутину лжи, в которую должно было попасть белое следствие, но почему-то в основном в неё попал ряд современных исследователей (из последних – Ю. Сенин).

Известны и другие случаи такой дезинформации. Кондуктору Омской железной дороги А. В. Самойлову красноармеец А. С. Варакушев говорил, что видел Царя и Царицу уже после того, как большевики объявили о расстреле Госуда-

ря, и уверял, что Царь и Царица были закованы в кандалы. Варакушев показывал Самойлову поезд, в котором Государь *«якобы, был уже помещен. Поезд этот, состоящий из вагонов I и II класса, находился на 5 или 6 пути под особой охраной; в одном из вагонов окна завешены черной материей»* [2519]. Не исключено, что эта дезинформация предназначалась не только для белых и народа, но и для Ленина с немцами.

17 июля 1918 г. в 01 ч. 30 м. ночи из Екатеринбурга почему-то через председателя Петроградского совета Зиновьева на имя Ленина и Свердлова была послана телеграмма, в которой сообщалось: *«Условленного с Филипповым¹⁶ суда по военным обстоятельствам не терпит отлагательства. Ждать не можем. Если ваши мнения противоположны сейчас же вне всякой очереди сообщить. Голощекин, Сафаров. Снесите по этому поводу сами с Екатеринбургом. Зиновьев»* [2520].

Эту телеграмму часто приводят в качестве доказательства прямого санкционирования Лениным убийства Царской Семьи. Так, известный исследователь О. А. Платонов пишет: *«“Суд” – кодовое обозначение намеченного злодейского убийства. Из телеграммы ясно, что оно готовилось с участием Ленина и Свердлова, и было одобрено всем большевистским синедрьоном»* [2521]. Такого же мнения придерживается и доктор исторических наук Л. А. Лыкова: *«Ответ на эту телеграмму решил участь Царской Семьи. Он пришёл в Екате-*

¹⁶ Партийный псевдоним Голощёкина.

ринбург поздно ночью»^[2522].

Однако представляется, что смысл этой телеграммы был двоякий: скорее всего, Ленин и Свердлов поняли из нее разное. В ходе разговора Голощёкина со Свердловым и Лениным в Москве последний настоял на перевозе Царской Семьи в Москву, для «суда» над Николаем II. Поэтому для Ленина смысл телеграммы должен заключаться в следующем: немедленно решайте вывозить Царскую Семью из Екатеринбурга или нет. В то же время Свердлов должен был прочитать из этой телеграммы только одно: все готово для убийства.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что между Лениным и частью большевистского руководства существовали серьёзные разногласия по поводу судьбы Царской Семьи. Судя по всему, Ленин пытался выполнить, во всяком случае до какого-то момента, возложенное на него германскими правящими кругами поручение вывезти Царскую Семью из Екатеринбурга. Означает ли это, что Ленин был невиновен в Екатеринбургском злодеянии? Конечно, нет! Он был сторонником цареубийства, и оно не могло его опечалить. Первое сообщение об убийстве Царской Семьи Ленин получил днём 17 июля от своего неизвестного информатора. Сохранился конверт с надписью: «*Секретно. Тов. Ленину из Екатеринбурга. 17.07. 12 часов дня*» и расписка Ленина: «*Получил*». В 21 ч. того же дня пришла шифрованная телеграмма об убийстве всей Семьи, посланная от имени Белобородова из Екатеринбурга: «*Москва. Кремль. Секретарю Совнаркома*

Горбунову обратной проверкой. Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при эвакуации»^[2523]. Н. П. Горбунов был личным секретарём Ленина. Получается, что Екатеринбург зачем-то информировал председателя ВЦИК через председателя Совнаркома. Довольно странно, если учитывать тот активный обмен телеграммами, который осуществлялся между Свердловым и Екатеринбургом в отношении Царской Семьи в период весны – лета 1918 г. Тем не менее эти телеграммы являются абсолютным доказательством того, что 17 июля Ленин знал об убийстве всей Царской Семьи. При этом он не только смирился с фактом убийства, но и одобрил его. Ленин немедленно принял сторону цареубийц и причислил себя к их числу. Он советовал ничего не сообщать о злодеянии большевистскому посланнику в Берлине: *«Пусть Иоффе ничего не знает, ему там, в Берлине, легче врать будет»*^[2524].

Позиция Ленина в деле об убийстве Царской Семьи имела особые частные причины и была вызвана, с точки зрения Ленина, политической нецелесообразностью и даже опасностью для текущего момента этого убийства, а вовсе не его принципиальным неприятием злодейства.

Но для организаторов Екатеринбургского злодеяния было выгодным свалить всю ответственность на Ленина, так как нити, ведущие к зарубежным организаторам, скрывались в его тени, а роль таких изуверов, как Свердлов и Троцкий,

слепо выполнявших приказы «всесильного» вождя мировой революции, становилась как бы второстепенной, малозначимой. Именно этим были вызваны лживые строки Троцкого, которые, тем не менее, любят приводить множество исследователей, доказывая решающую роль Ленина в убийстве Царской Семьи: *«Следующий мой приезд в Москву выпал уже после падения Екатеринбурга. В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом: – Да, а где царь? – Конечно, – ответил он, – расстрелян. – А семья где? – И семья с ним. – Все? – спросил я, по-видимому, с оттенком удивления. – Все! – ответил Свердлов. – А что? Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил. – А кто решал? – спросил я. – Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя нам оставлять им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях»*^[2525].

Доктор исторических наук Л. А. Лыкова, комментируя эти строки, справедливо пишет: *«Широко цитируемое высказывание Л. Д. Троцкого о том, что он не был на этом заседании и ничего не знал об участии царской семьи, не соответствует действительности. Документ отметил среди присутствующих и его. В РГАСПИ хранится оригинальный документ – “Протокол заседания Совета Народных Комиссаров от 18 июля”, где в числе 32 присутствовавших секретарь Н. П. Горбунов зафиксировал Л. Д. Троцкого в тринадцатом списке»*^[2526].

«Внеочередное сообщение» об убийстве Императора Николая II было вначале оглашено 18 июля 1918 г. на Пре-

зидиуме ВЦИК, который постановил «признать решение Уральского областного Совета правильным. Поручить тт. Свердлову, Сосновскому и Аванесову составить соответствующее извещение для печати. Опубликовать об имеющихся в ЦИК документах (дневник, письма и т. д.) бывшего царя Николая Романова. Поручить тов. Свердлову составить особую комиссию для разбора этих бумаг и их публикации. Председатель ВЦИК: подпись отсутствует. Секретарь ВЦИК: В. Аванесов. Помета на документе: “тов. Свердлову”»^[2527].

Того же 18 июля состоялось заседание СНК под председательством Ленина, где было заслушано «внеочередное заявление Председателя ЦИК тов. Свердлова о казни бывшего царя Николая II по приговору Екатеринбургского совета и о состоявшемся утверждении этого приговора Президиумом ЦИК. Постановили: Принять к сведению»^[2528].

Интересно, что если на своем заседании ВЦИК «решение» Уральского совета одобрил, то Совнарком – только принял его к сведению. Это еще одно косвенное подтверждение страха и сомнений Ленина в целесообразности упорного стремления Свердлова истребить Царскую Семью.

Последние приготовления к убийству

Когда же началась непосредственная подготовка к убийству? Ответ на этот вопрос является весьма запутанным, как

и всё, что связано с Екатеринбургским злодеянием. Убийцы и их пособники сделали все, чтобы как можно успешнее запутать следы. Бывший в 1917–1918 гг. председателем Екатеринбургского городского совета П. М. Быков уверял, что подготовка к убийству началась 12 июля^[2529]. Однако это не соответствует фактам: Шая Голощёкин вернулся в Екатеринбург не 12, а 14 июля. Никакого заседания Областного совета 12 июля не было, что подтвердил в своих показаниях белому следствию комиссар здравоохранения, член Уральского совета Н. А. Сакович^[2530].

М. А. Медведев (Кудрин) уверял, что окончательное решение об убийстве было принято 16 июля на заседании Уральского совета *«в неполном составе»*. Недалёкий Кудрин сам не замечает, что его ложь шита белыми нитками. Если Уральский совет заседал в неполном составе, т. е. был настолько секретным, что на него не пригласили даже всех членов Совета, то каким образом на это заседание попал второстепенный сотрудник ОблЧК Медведев? Понятно, что он ни на каком совещании 16 июля не был. Помощник Юровского Г. П. Никулин вспоминал: *«Утром 16-го июля Юровский мне говорит: „Ну, сынок, меня вызывают туда, в президиум исполкома к Белобородову, я поеду, ты тут оставайся“. И так часика через три-четыре он возвращается и говорит: „Ну, решено. Сегодня в ночь... Сейчас город объявляется на осадном положении, уже сейчас же. В эту ночь мы должны провести ликвидацию... должны ликвидировать всех“»*^[2531].

По всей видимости, 16 июля 1918 г. приказ об убийстве Царской Семьи был передан из Москвы в Екатеринбург. Однако имеются свидетельства, что Янкель Юровский появлялся в урочище Четыре Брата и на площадке возле Открытой шахты, где после убийства проводилось уничтожение тел Царственных Мучеников, за несколько дней до 17 июля. Крестьянин деревни Коптяки М. А. Волокитин показал на следствии: *«Я хорошо помню, что в первых числах июля месяца я шел той дорогой, что идет из Копятков. На этой дороге я встретил трёх всадников, ехавших верхами в седлах. Два из них были мадьяры. Они были в австрийской солдатской одежде. Третий был Юровский, которого я хорошо знал. В руках у Юровского я видел простой плотничный топор. Встреча эта произошла у нас в 4 дня. Ехали они к поезду № 184 (к Коптякам)»*^[2532].

Эти показания подтверждаются показаниями горного техника И. А. Фесенко о том, что он в урочище Четыре Брата по заданию Верх-Исетского завода занимался разведкой местонахождения руд посредством рытья шуфтов. При нем находилось несколько человек рабочих, преимущественно жителей Верх-Исетского завода. 11 июля 1918 г. Фесенко «ради забавы» сделал надпись химическим карандашом на одной из берез: *«11 июля 1918 г. горный техник Фесенко»*. Позже эта береза со следами копоты будет обнаружена следствием прямо на площадке возле Открытой шахты. Однажды во время работ в местности Четыре Брата Фесенко увидел ехав-

ших верхом комиссара Янкеля Юровского и с ним двух людей, один из которых был пленным австрийцем. Юровского Фесенко знал в качестве «известного человека в городе». Рабочие опознали ещё одного его спутника – П. З. Ермакова. Эта встреча имела место около 17 ч. Точной даты Фесенко не помнил, но уверял, что это было либо 11 июля, «*либо после этого числа*»^[2533]. Юровский спросил, можно ли будет проехать по дороге на Коптяки на автомобиле-грузовике, объяснив, что надо будет провезти 500 пудов хлеба (т. е. 8 тыс. 190 кг). Фесенко ответил, что проехать можно, так как дорога хорошая. Проехав в сторону Коптяков, Юровский и Ермаков вскоре вернулись, а австрийца с ними уже не было.

Утром 16 июля подготовка к убийству вошла в свою заключительную стадию. Священник Никольской церкви на Верх-Исетском заводе И. М. Приходько сообщал следствию: «*Накануне убийства Царской Семьи, 16 июля 1918 г., жители Верх-Исетского завода Екатеринбургского уезда, находившиеся на сенокосении, были с утра удалены из леса между названным заводом и деревней Коптяки, в местности под названием “Четыре брата” в районе разъезда Шуваловых*»^[2534].

Общий анализ всего происходившего вокруг Царской Семьи в екатеринбургский период позволяет сделать вывод, что убийство Царской Семьи планировалось определенными силами с первых же дней заключения её в доме Ипатьева. В решающую, заключительную стадию подготовка к убийству

Царской Семьи вступила в начале июля 1918 г. Но что послужило отправной точкой для этой подготовки? Долгое время официальная советская историография ссылалась на пресловутое «постановление Уральского Совета», которое, дескать, и приговорило к смерти Царскую Семью. При этом никто никогда этого постановления не видел, не считая таких явных фальшивок, как «документы» австрийца Мейера.

Вся логика событий июльских дней 1918 г. говорит нам о том, что никакого заседания и никакого постановления Уралсовета об убийстве Царской Семьи не было. Всё это было придумано уже после кровавых событий, чтобы лишний раз доказать: решение принималось на местном уровне. Несмотря на то, что убийство готовилось с начала июля, точная его дата скрывалась Свердловым ото всех, в том числе и от Голощёкина, до последнего момента. Впрочем, не исключено, что и сам Свердлов узнал о ней в последние два дня. Скорее всего, приехав из Москвы в Екатеринбург 14 июля, Голощёкин получил секретное задание Свердлова быть предельно готовым к убийству. Об этом свидетельствуют и вписанные поздним числом цифры в текст проекта объявления об убийстве Государя.

По всей видимости, вернувшись в Екатеринбург, Голощёкин встретился с очень ограниченным кругом лиц и передал им тайный приказ Свердлова быть готовым к убийству Семьи в самое ближайшее время. Может быть, речь шла только об убийстве Государя. Точная дата должна была

быть сообщена Свердловым дополнительно. Это предположение подтверждается словами Белобородова, переданными Лидией Норд: *«Вернувшись, Голощёкин привез от Свердлова устное распоряжение: “Романовы должны оставаться в Екатеринбурге под усиленной охраной. Перевоз их в другое место несвоевременен, а выпуск за границу совершенно исключен. Это было бы угрозой революции, так как реакционеры не замедлят уговорить Царя или кого-нибудь другого из Семьи возглавить контрреволюционное наступление. Есть также угроза, сказал, Свердлов, что, пользуясь несознательностью народа и его симпатиями к Алексею, его, вопреки отречению, могут объявить Царем, и это даст им крупный шанс на успех. В силу этого режим Романовых должен быть такой, который сделает все попытки к их освобождению невозможными. А в критический момент они все должны тайно и бесследно исчезнуть”.* Слово “исчезнуть” Голощёкин пояснил: “быть ликвидированными”» ^[2535].

Для всех остальных членов Уральского совета было доведено требование Ленина вывезти Царскую Семью в Москву «для суда». Скорее всего, между Лениным и Голощёкиным было оговорен и срок этого вывоза. Естественно, что Голощёкин не мог объявить открыто, что существует тайный приказ Свердлова об убийстве всей Семьи. Последнее означало бы открыто противопоставить себя приказам Ленина. Не случайно Белобородов после убийства боялся, что *«В. И. Ленин привлечет его к ответственности за самоуправство с*

расстрелом Романовых без санкции ВЦИК», на самом деле читай: без его, Ленина, санкции^[2536].

Уже 15 июля Юровский готовился к преступлению. Об этом свидетельствуют показания послушницы Ново-Тихвинского женского монастыря Антонины (Трикиной): «2 июля Юровский нам приказал принести на следующий день полсотни яиц и четверть молока, и яйца упаковать в корзину»^[2537]. Г. Б. Зайцев считает, что «это уже пошло на харчи убийцам, и следователь найдёт скорлупу от этих яиц около Ганиной Ямы»^[2538]. Ниже мы постараемся доказать, что эти яйца действительно были нужны убийцам, но к «харчам» они не имели никакого отношения.

16 июля, как говорится в пресловутой «Записке Юровского», «была получена телеграмма из Перми на условном языке содержащая приказ об истреблении Романовых. 16-го в шесть часов вечера Филипп Г-н предписал привести приговор в исполнение»^[2539]. Наверняка, говоря о «телеграмме на условном языке», которая до сих пор не найдена, автор «Записки» имел в виду переговоры со Свердловым. В пользу этого свидетельствуют также и показания священника Иоанна Сторожева, что когда он прибыл в Ипатьевский дом для проведения богослужения, то обратил внимание, как через окно комендантской шло очень много проволочных проводов. Причём ранее, когда он первый раз в июне был в Ипатьевском доме, этих проводов не было^[2540]. Вполне вероятно, что Юровский мог связываться с Москвой непосредствен-

но из Дома особого назначения. Возможно, что истребление всей Семьи было неожиданностью для Юровского, так как в противном случае необходимое количество серной кислоты для уничтожения трупов было бы им припасено заранее. Тогда же в Екатеринбург прибыла специальная команда из Москвы. Именно она, а не Юровский, должна была руководить как последними этапами подготовки злодеяния, так и его осуществлением.

О том, что дата убийства была известна организаторам преступления заранее и что они до самого последнего момента её скрывали, говорит найденный следователем Н. А. Соколовым текст объявления Уральского совета об убийстве Императора Николая II. В протоколе осмотра в качестве вещественного доказательства этого объявления 25 марта 1919 г. говорилось: *«Первоначальный текст, не имевший поправок, был таков: “В виду приближения контрреволюционных банд к красной столице Урала и в виду того, что коронованному палачу удастся избежать народного суда (раскрыт заговор белогвардейцев с целью похищения бывшего царя), Президиум Ур. Обл. Сов. Раб. Кр-н Кр. Арм. Депутатов Урала, исполняя волю революции, постановил расстрелять бывшего царя Николая Романова, виновного в бесчисленных кровавых насилиях над русским народом. В ночь с 16 на 17 июля приговор этот приведен в исполнение”.* При изучении текста этого предложения замечается следующее. Первоначально, видимо, в обеих этих двухзначных цифрах

“16” и “17” черным карандашом были написаны только одни “1” (занимающие в этих двухзначных числах места десятков). Цифры же “6” и “7”, видимо не были написаны совсем. По крайней мере, они не замечаются ни простым глазом, ни чрез лупу. Для них человек, писавший текст черным карандашом, оставил в тексте пустое место. Затем пустые места были заполнены написанием цифр “6” и “7”, но эти цифры написаны уже не карандашом, а красными чернилами, коими также обведены изображения единиц “1” в обоих числах по карандашному тексту. После этого эти цифры “16” и “17” были зачеркнуты черными чернилами и вместо них наверху написаны слова: “шестнадцатого”, “семнадцатое”»^[2541]. То есть человек, который составлял этот текст, получил точную дату убийства непосредственно в самый канун его, хотя о том, что преступление произойдет до 20 июля, ему было известно заранее.

Ритуальный характер Екатеринбургского злодеяния

Зачем большевикам надо было убивать Императора Николая II, всю Августейшую Семью и тем более их слуг? Долгие годы официальной и единственной советской версией было утверждение, что убийство Царской Семьи стало результатом самостоятельно принятого решения Уральского совета, который исходил из того, что Екатеринбург находил-

ся на осадном положении, а внутри зрели белогвардейские заговоры. В случае освобождения Царская Семья могла бы стать *«знаменем для контрреволюции»*. Так как никаких других версий не допускалось, то немногочисленные советские исследователи на разные лады её повторяли. Типичным образцом такого «исследователя» был М. К. Касвинов. В своих пресловутых «23 ступенях вниз» он писал, что *«белые во что бы то ни стало»* пытались освободить Царскую Семью^[2542].

Для начала надо разобраться, что это были за «белые». Довольно распространено мнение, что ими были колчаковцы. Так, Медведев (Кудрин) писал: *«Об оставлении царя белым армиям адмирала Колчака не могло быть и речи – адмирал Колчак, используя вековую веру в добрые намерения царей, смог бы привлечь на свою сторону сибирское крестьянство»*^[2543]. Другой соучастник убийства, Ермаков, откровенничал в том же духе: *«Колчак, собрав вокруг себя всю кулацкую белогвардейщину, опираясь на кулацкие слои крестьянства Западной Сибири, повел наступление прямо на Екатеринбург»*^[2544].

На самом деле все разговоры об А. В. Колчаке как руководителе Белой армии в июле 1918 г. являются элементарным историческим невежеством. В июне – июле 1918 г. «колчаковцы» никак не могли стремиться спасти Царскую Семью, так как самого адмирала Колчака ещё не было в России. Он появился в Омске только в сентябре 1918 г. В момент совершения Екатеринбургского злодеяния будущий «верховный

правитель» находился в Харбине и под впечатлением от разложения тамошнего русского офицерства собирался в Месопотамию на службу к англичанам^[2545].

Какие же силы действовали против большевиков на Урале летом 1918 г.? Прежде всего это был атаман Оренбургского казачества полковник А. И. Дутов, весьма лояльный к Временному правительству и стоящий на антимонархических позициях^[2546]. В ноябре 1917 г. в Оренбурге Дутов создал «Комитет спасения революции», в который вошли представители разных партий, в том числе и социалистических^[2547].

Большевики направили против атамана значительные силы и быстро разбили его, загнав в Тургайские степи. С началом антибольшевистского движения и взятием повстанцами 3 июля 1918 г. Оренбурга Дутов вошёл в состав правительства Комуча. Таким образом, атаман никогда не представлял особой опасности для советской власти и тем более никогда не угрожал Екатеринбургу, так как *«выступившие в начале зимы дутовские казачьи банды были разбиты силами партизанских отрядов уральских рабочих»*^[2548]. Между тем красная пропаганда упорно делала из атамана ярого монархиста. Марк Касвинов писал: *«Дело обернулось так, что из Екатеринбурга Романовым даже легче было бы ускользнуть, чем из Тобольска. Там в случае бегства им пришлось бы преодолевать тысячи верст; тут же по отличным, густо разветвленным путям до белочехов и дутовцев рукой подать»*^[2549]. Но стремились ли члены Комуча спасти Цар-

скую Семью?

К весне 1918 г. верховное командование Антанты, обеспокоенное прогерманским курсом большевистского правительства, задумало общий план его свержения. Для этого предусматривалось крупное наступление с Дальнего Востока на Москву. Антибольшевистские силы подчинялись французскому генералу Морису Жанену, который вспоминал: *«Мне было рекомендовано приложить все усилия для организации самой широкой японской интервенции, вплоть до Урала»*^[2550]. Если учесть, что к тому времени британцы высадились в Мурманске, румыны заняли Бессарабию, японцы, французы и американцы строили планы оккупации Дальнего Востока, Сибири и Урала, то речь шла о фактическом расчленении бывшей Империи. При этом Антанта стремилась отстаивать свои интересы чужими руками. Такая сила вскоре объявилась: это был Чехословацкий корпус, восставший против большевиков, которые, под давлением немцев, хотели его разоружить.

В мае – июне 1918 г. Чехословацкий корпус захватил ряд крупных городов на востоке страны: Челябинск, Ново-николаевск, Пензу, Сызрань, Уфу, Самару, Омск. При поддержке Антанты в захваченных районах были сформированы два антибольшевистских правительства: в Самаре – Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), в Омске – Временное сибирское правительство. Одновременно были сформированы две армии: Народная армия Комуча и Сибир-

ская армия.

Комуч состоял главным образом из эсеров, членов распущенного большевиками Учредительного собрания. Генерал А. И. Деникин вспоминал, что в Комуче *«демократический покров, популярный еще в русской общественности, прикрывал новую диктатуру – партии социал-революционеров, безраздельно овладевших властью»*^[2551]. Как признавал генерал П. П. Петров, в Комуче царили порядки *«времен Керенского»*^[2552]. Комуч был органом власти эсеров, то есть таких же заклятых врагов Царя, как и большевики. Их мятеж против последних был вызван не принципиальными идеологическими разногласиями, а борьбой за власть.

Таким образом, партийная принадлежность руководителей Комуча не оставляет никаких сомнений в их не просто равнодушии к Императору Николаю II, но и в самом враждебном к нему отношении. Никаких планов освобождения, а тем более восстановления на престоле Государя или кого-либо из его Семьи, у эсеровских главарей Комуча быть не могло. Видный учёный Э. В. Диль, посланный военными кругами в освобожденный от красных Екатеринбург для вывоза материалов, касающихся убийства Царской Семьи, вспоминал, что офицер контрразведки мичман Х., помогавший в расследовании следователю И. А. Сергееву, был *«убежденный с.-р.»*, гораздо больше интересующийся *«перипетиями образования Сибирского правительства, чем розысками по делу об убийстве»*^[2553].

Но чешским восстанием воспользовалось множество русских людей, уже успевших с лихвой познать все «прелести» большевизма. Среди них было немало офицеров, в том числе и монархистов. Однако они не только не составляли большинства в так называемой Народной армии, но и не имели в ней никакого влияния. Вот как описывал солдат армии Комуча генерал К. В. Сахаров: *«В Бузулуке я увидел первый полк новой Народной армии. Без погон, со щитком наподобие чешского на правом рукаве, почему-то с георгиевской ленточкой, вместо кокарды, на фуражке. Вид полутоварищеский»*^[2554]. То же самое читаем о солдатах армии Комуча в дневниках барона А. П. Будберга: *«Мне кажется, что большинство из них лишь случайно не на красной стороне: кому не пришлось случайно в сложившейся обстановке, а кто по привычке шарахнулся на свою, оказавшуюся белой, сторону»*^[2555]. Вот эти «полутоварищи», случайно оказавшиеся не на «красной стороне», ведомые февралистами и эсеровскими боевиками, якобы собирались во что бы то ни стало освободить Царскую Семью и для этого рвались к Екатеринбург!

Очевидно, что освобождение Царской Семьи и её появление на территории, контролируемой Комучем, было для последнего событием крайне нежелательным, так как присутствие Царя и Наследника в расположении действующей армии, в которой было немало казаков и крестьян, легко могло придать всему движению монархический характер. Поэтому

для Комуча и его антантовских покровителей гибель Царя была предпочтительней, чем его освобождение. Таким образом, опасность освобождения Царской Семьи «белогвардейцами», которая была аксиомой при советской власти, является сознательной ложью.

Второй распространённой советской версией было утверждение, что Царская Семья была расстреляна из-за существования в Екатеринбурге «белогвардейского» заговора с целью её освобождения. Впервые это утверждалось в телеграфном сообщении исполкома Уралоблсовета Ленину и Свердлову: *«Ввиду приближения неприятеля к Екатеринбург, и раскрытия Чрезвычайной комиссией большого белогвардейского заговора, имевшего целью похищение бывшего царя и его семьи, <...> по постановлению президиума областного Совета в ночь на шестнадцатое июля расстрелян Николай Романов»*^[2556]. Это сообщение повторил на заседании Совнаркома Свердлов: *«Из Екатеринбурга получено сообщение о том, что по постановлению Уральского областного Совета, там расстрелян бывший царь Николай Романов. Как установлено, он хотел бежать»*^[2557]. В официальном извещении о расстреле Императора Николая II говорилось: *«раскрыт заговор белогвардейцев, пытавшихся похитить его и найдены компрометирующие документы, которые будут опубликованы»*.

Естественно, никакие «документы» никогда опубликованы не были. Но так как идею заговора нужно было как-

то документально поддерживать, большевистские главари в течение десятилетий занимались прямой дезинформацией и фальсификациями. Вначале была кровавая демагогия Г. И. Сафарова, который 23 июля 1918 г. писал в «Уральском рабочем»: *«Империалисты обеих враждующих коалиций вполне доказали на деле, что они сознательно стремятся к восстановлению монархии в России и им нужна была коронованная голова, нужен палач “Божиею Милостию”. Вокруг Николая все время плелись искусные сети заговоров. При переезде из Тобольска в Екатеринбург был открыт один из них. Другой был раскрыт перед самой казнью Николая. Участники последнего заговора свои надежды на освобождение убийцы рабочих и крестьян из рабоче-крестьянского плена определенно связывали с надеждами на занятие красной столицы Урала чехословацкими – белогвардейскими погромщиками»*^[2558]. Сафаров, разумеется, не утруждал себя доказательствами: не называл ни имен заговорщиков, ни название их организаций.

Однако время шло, и Советам требовалась более изощрённая ложь. Тем более что за границей уже вышла книга Н. А. Соколова, разоблачающая большевистских убийц. Тогда появилось сочинение П. М. Быкова, который ограничился общими рассуждениями о существовании «заговора»: в город стали *«стекаться в большом количестве монархисты, начиная с полупомешанных барынь, графинь и баронесс разного рода, вплоть до монашек, духовенства и пред-*

ставителей иностранных держав», в Екатеринбурге оказалось много великих князей, которые «создавали тайную организацию для освобождения Романовых» [2559]. Почувствовав, что подобных доказательств недостаточно и что читатель может ещё подумать, что «гроза и гордость революции» ЧК боялась «полупомешанных барынь», Быков решил привести главный аргумент в пользу существования заговора и... извлёк на свет «переписку офицера»! Это сейчас известно, что её состряпали в ЧК, а тогда неискушенный читатель мог бы и поверить. С легкой руки Быкова «переписка» пошла гулять по множеству книг, статей, романов большевистской России как главное «доказательство» существования «заговора» с целью освободить Императора Николая II.

На самом деле чекисты были хорошо осведомлены, что в Екатеринбурге не существовало ни одной сколь-нибудь серьезной организации, которая могла бы реально организовать побег Узников.

«Заговоры» на деле представляли собой собрания офицеров, на которых постоянно обсуждались возможности спасения Царской Семьи. Генерал М. К. Дитерихс верно отмечал, что *«эти офицеры отличались бахвальством и чванством; шумели о своей деятельности, где могли; кричали, чуть ли не на всех перекрестках, входя во все откровенности с первыми встречными и не смущаясь того, что могли быть услышаны советскими агентами и властями. Последние, как ни странно, совершенно игнорировали деятельность подобных*

типов, не преследовали крикливых заговорщиков, а иногда были даже в явных с ними сношениях»^[2560]. Родзинский прямо говорил: «Надо сказать, что никакого похищения не готовилось, видимо, соответствующие круги были бы очень рады, если бы эти оказались среди них. Но, видимо, занимались другим, не столько поисками царской фамилии, сколько организацией революции»^[2561]. Подобные «заговорщики» были для большевиков настоящим подарком: чем больше они кричали о своих «заговорах», тем легче было потом убийцам Царской Семьи оправдывать свое злодеяние.

Таким образом, версия о мнимом «белогвардейском заговоре» не выдерживает никакой критики и может быть совершенно однозначно отнесена к большевистской лжи.

Советские историки дополняли к двум предыдущим мотивам еще и третий: вывезти Царскую Семью было невозможно из-за якобы опасной обстановки на фронте. Согласно Медведеву-Кудрину, 16 июля 1918 г. на состоявшемся заседании Уральского совета Голощёкин заявил, что «положение угрожающее – плохо вооруженные добровольческие отряды Красной армии отступают, и дня через три, максимум через пять, Екатеринбург падет. Воцарилось тягостное молчание. Каждый понимал, что эвакуировать царскую семью из города не только что в Москву, но и просто на Север означает дать монархистам давно желанную возможность для похищения царя. Дом Ипатьева представлял до известной степени укрепленную точку: два высоких деревян-

ных забора вокруг, система постов наружной и внутренней охраны из рабочих, пулеметы. Конечно, такой надежной охраны мы не могли бы обеспечить движущемуся автомобилю или экипажу, тем более за чертой города»^[2562].

Для того чтобы оценить справедливость подобных высказываний, необходимо дать краткий обзор военной ситуации под Екатеринбургом к середине июля 1918 г.

Перед угрозой чехословацкого наступления 13 июня 1918 г. красное командование из разрозненных полупартизанских отрядов создало Восточный фронт. В июне 1918 г. общие силы красных на Урале составили около 20 тыс. бойцов, при 300 пулеметах и 30 орудиях^[2563]. Силы чехословаков и оренбургских казаков на тот же период насчитывали около 13 тыс. штыков и сабель, из которых в действие была введена только половина, при 14 пулеметах^[2564]. Исследователь В. В. Клавинг прямо указывает, что силы Народной армии Комуча «были слабыми небольшими и недостаточно обеспеченными боеприпасами»^[2565]. Перевес был на стороне красных. В июле 1918 г., на 5 июля, их силы составили: 16 тыс. 576 штыков и сабель, 330 пулеметов, 30 орудий, 4 бронепоезда, 11 аэропланов, против 14–17 тыс. штыков и сабель, 140 пулеметов, 20 орудий, 3 бронеплатформ и 2 броневиков у Комуча^[2566].

15–16 июля, то есть тогда, когда подготовка к убийству Царской Семьи шла полным ходом, войска Комуча завязли под Сысертью, которая находится в 50 км от Екатеринбурга.

Вплоть до 20 июля там шли упорные бои. Только к 20 числам июля командование Народной армии нанесло удар по Екатеринбургу с юга-запада, но прорваться к городу антибольшевистским силам удалось лишь к 25 июля. К тому времени Царская Семья была уже восемь дней как убита.

То есть, иными словами, вплоть до 20 июля прямой угрозы захвата Екатеринбурга антибольшевистскими формированиями не было. Ближайший участок боевых действий находился почти в 100 км. Окружения или даже полуокружения города не было, все дни *«имелась связь с ближайшими городами, поселками и центром (с Москвой)»*^{17[2567]}. Железнодорожные пути на Пермь, Нижний Тагил, Алапаевск были свободны.

То, что ни 16, ни 17 июля Екатеринбургу ничего не угрожало, говорит и поведение в городе представителей большевистских властей. В самой организации убийства и сокрытия его следов не было никакой особой спешки. Тела и улики уничтожались двое суток. Не спешили бежать и убийцы. Кучер А. К. Елькин показывал на следствии, что Я. Юровский и другие «комиссары» весь день проводили в укладывании вывозимых вещей и документов, в том числе и из дома Ипатьева^[2568]. Они спокойно выехали из Екатеринбурга только ночью 19 июля. В тот же день из Екатеринбурга в Пермь в

¹⁷ В связи с этим возникает вопрос: а не было ли паническое объявление о предстоящей эвакуации города, сделанное 18 июля уральскими большевиками, частью дезинформационной кампании в связи с убийством Царской Семьи? – *Примеч. авт.*

обстановке строжайшей секретности был отправлен эшелон с золотом, который благополучно достиг места назначения.

Что мешало большевикам, так же секретно, вывезти на поезде под надежной охраной Царскую Семью 15, 16, 17, 18 и даже 19 июля? Совершенно очевидно, что ничего не мешало, то есть невозможность эвакуации Царской Семьи, которой большевики объясняли ее убийство, является не чем иным, как очередной ложью большевистского руководства.

Таким образом, три основные классические версии мотивов убийства Царской Семьи, на которых покоилась советская историография и которые служили ей оправданием или, по крайней мере, объяснением Екатеринбургского злодеяния, являются полностью несостоятельными, что означает, что рационального объяснения убийства Царской Семьи не существует.

Отсутствие рациональных мотивов убийства Царской Семьи заставляет искать мотивы иррациональные, то есть обусловленные в первую очередь не корыстными интересами тех или иных людей, той или иной политической группы, а причинами духовными. О ритуальном характере Екатеринбургского злодеяния говорят уже давно. Одни категорично утверждают, что оно имело место, другие – не менее категорично это отрицают. Мы должны ответить на главные вопросы: если убийство Царской Семьи было ритуальным, то какой ритуал при этом использовался, кем, с какой целью и какие мы имеем доказательства всего этого?

Прежде всего, мы должны выяснить, что такое ритуальное убийство. Словарь литературного русского языка объясняет слово «ритуал» как *«совокупность обрядов, сопровождающих религиозный акт»*, а «ритуальный» следующим: *«относящийся к ритуалу, предназначенный для ритуала, связанный с выполнением ритуала»*^[2569]. Таким образом, ритуальное убийство – это убийство, совершенное с выполнением обрядов, сопровождающих религиозный акт. Целью ритуального убийства является принесение человеческой жертвы божеству или духу для заключения своеобразного договора с ним для помощи в достижении целей, которые ставит перед собой убийца. Совершая ритуальное убийство, убийца посредством определенных магических обрядов также пытается воздействовать на окружающую его действительность для ее изменения по своему усмотрению.

Ритуальное убийство всегда носит характер религиозного или магического акта, и его субъекты всегда ставят перед собой цели, находящиеся в иной плоскости, чем ставят перед собой обыкновенные убийцы. Цели эти в первую очередь связаны не с завладением собственностью жертвы, не с личной неприязнью к ней, хотя она и может сопутствовать ритуальному убийству, но с духовной сверхзадачей, для достижения которой необходима приносимая жертва. Как показывает судебная практика, ритуальное убийство совершается способом, всегда особо мучительным, сопровождается обильным кровопусканием, отчленением отдельных частей

тела и глумление над трупом жертвы.

Современная общественная мысль чаще всего связывает понятие ритуального убийства с евреями как этносом или иудеями как религией. Однако это в корне неверно. Ритуальные убийства известны с глубокой древности. В настоящем труде у нас нет возможности подробно останавливаться на этом вопросе^[2570]. Укажем только на те обстоятельства, которые позволяют нам считать убийство Царской Семьи ритуальным.

Поводами для возникновения версии о ритуальном убийстве Царской Семьи явились следующие обстоятельства: 1) обнаруженная следователем Н. А. Соколовым на стене комнаты убийства надпись из четырех знаков, определенная специалистами по древней тайнописи как каббалистическая; 2) найденная на стене комнаты убийства надпись на немецком языке, представляющая собой отрывок из поэмы Гейне, в котором речь шла о царе Вальтасаре, оскорбившего Иегову и умерщвленного им за это оскорбление; 3) показания свидетелей по уголовному делу о том, что ими были замечены возле Ипатьевского дома и возле места уничтожения тел Царской Семьи люди похожие на духовных лиц; 4) сведения об отчлении голов Императора Николая II, Императрицы Александры Феодоровны и Наследника Цесаревича Алексея Николаевича и увозе их в неизвестном направлении; 5) иные обстоятельства, свидетельства и факты.

При всей значимости приведенных выше обстоятельств,

сами по себе они не являются прямыми доказательствами того, что убийство Царской Семьи было ритуальным, так как напрямую к самому убийству не относятся. Для того чтобы выяснить, являлось ли убийство Царской Семьи ритуальным, нужно провести анализ события преступления, его места, личностей его исполнителей, каким методом оно было совершено, и сравнить все это с имеющимися описаниями ритуальных убийств.

Во время работы Правительственной комиссии по захоронению Екатеринбургских останков председателю этой комиссии Священным Синодом Русской Православной Церкви был задан вопрос: *«Являлось ли убийство Царской Семьи ритуальным?»* Ответ, впрочем, вполне предсказуемый, был дан старшим прокурором-криминалистом Главного следственного управления Генеральной прокуратуры РФ В. Н. Соловьевым, который заявил, что ни одно законодательство мира не знает такого понятия, как ритуальное убийство. Не было его даже в *«фашистской Германии, где евреи преследовались повсеместно»*. Таким образом, Соловьёв изначально связал вопрос о ритуальном убийстве с евреями, априори считая, что совершить его могли только иудеи. Исходя из этого положения, следователь заявил, что *«иудаизм подчеркнуто отрицательно относится к употреблению крови»*^[2571]. Все свои дальнейшие «исследования» по ритуальному убийству Соловьев построил вокруг невинности в этом преступлении евреев.

При этом Соловьёв привел несколько случаев из древней истории, в которых доказывался сам факт существования ритуального человеческого жертвоприношения. Кроме того, Соловьёву, как криминалисту с большим опытом расследования умышленных убийств, не могли быть неизвестны, хотя бы из официальной прессы, случаи ритуальных убийств. Изначально запутавшись в собственных высказываниях и пойдя по неверному пути сведения ритуального убийства к делу рук именно евреев, Соловьёв привел те условия, при которых должно было бы совершаться еврейское ритуальное убийство: *«Для ритуальных действий характерны их строгая последовательность, повторяемость, сакральный смысл, они приурочены к определенным датам. Итак, если свести воедино различные упоминания о “ритуальных убийствах”, то они должны, по-видимому, обладать следующими признаками: совершения убийства только евреями, фанатичными членами иудейских сект; время совершения убийства связано с иудейскими праздниками (пасхой или праздником Пурим); убийство преимущественно младенцев; обязательное использование крови убитых в ритуальных целях (для приготовления мацы и др.); обязательное использование при убийстве и при получении крови острых режущих предметов (В. И. Дале и другими авторами не зафиксировано ни одного случая убийства с помощью огнестрельного оружия)»*^[2572].

Руководствуясь исключительно книгой В. И. Даля (име-

на «других авторов» не приводятся), Соловьев изначально пошел по ложному пути, взяв за основу лишь описываемые у Даля факты ритуальных убийств христианских младенцев. Полностью не исследованными остались обстоятельства, при которых совершались и совершаются оккультные ритуальные убийства. Утверждения Энея о каббалистической надписи на стене дома Ипатьева Соловьев отменил как несерьезные. Отсюда последовал вывод: *«Суммируя изученные данные, можно прийти к выводу о том, что решение о расстреле семьи последнего российского Императора Николая II, членов его семьи, а также посмертные манипуляции с телами погибших не имеют признаков так называемого “ритуального убийства” и напрямую связаны с политическими и организационными вопросами, прежде всего в деятельности Президиума Уралсовета и УралоблЧК»* ^[2573].

Ни исторического, ни криминалистического изучения официальной большевистской версии убийства Царской Семьи Соловьёвым проведено не было, а без такого изучения утверждать, что убийство не носило ритуального характера, нельзя. Но Соловьев должным образом не исследовал даже те признаки ритуального убийства, которые выдвинул он сам. Если бы он это сделал и сопоставил обозначенные им признаки с обстоятельствами убийства Царской Семьи, то увидел бы поразительное их совпадение.

Исходя из возможного предположения, что Царская Семья была убита ритуально, и исходя из уже известных нам

обстоятельств, при которых совершаются ритуальные убийства, необходимо исследовать: место убийства; день и время убийства; как произошло убийство (сравнить показания и воспоминания соучастников); способы убийства (применение огнестрельного и холодного оружия); личности убийц, присутствие при убийстве и при уничтожении тел убиенных духовных лиц, совершавших ритуал; каббалистическую надпись на стене комнаты Ипатьевского дома; сакральность убийства; выводы следствия Н. А. Соколова об уничтожении трупов и отчленении голов убиенных.

Место убийства: Ипатьевский дом – Дом особого назначения

Большевики утверждали, что выбрали Ипатьевский дом как место заключения Царской Семьи из-за его удаленности от центра города, обособленности и удобства в смысле охраны. Брат владельца дома, В. Н. Ипатьев, писал, что дом *«находился на большой Вознесенской площади и был угловым, а поэтому его легко можно было изолировать от других жилых помещений. Все эти обстоятельства и послужили основанием, почему он был выбран для убийства царя и всей его семьи»*^[2574].

Однако эти утверждения не убедительны. Ипатьевский дом находился на пересечении Вознесенского проспекта (сейчас он обзывается проспектом Карла Либкнехта) и Воз-

несенского переулка, на склоне Вознесенской горки. В этом месте Вознесенский проспект идет вниз под гору. Дом Ипатьева был построен с учётом рельефа западного, наиболее крутого склона горки. Главный фасад, обращённый на Вознесенский проспект, имел один этаж, западный, выходивший в усадебный сад – два этажа. Вследствие такой структуры образовался подвальный объём, углублявшийся в склон горы своей восточной частью. В 1918 г. этот спуск был еще круче, так как после сноса дома его срыли. Таким образом, Ипатьевский дом частично находился ниже проспекта. Он был построен на самом склоне Вознесенской горки, а на ее вершине находились, и сейчас находятся, Харитоновские палаты и Вознесенская церковь.

С вершины Вознесенской горки открывался прекрасный вид на Ипатьевский дом и его сад. Фактически оттуда можно было наблюдать за ним. Еще лучший обзор был с колокольни церкви. Во дворце Расторгуевых-Харитоновых размещался Горный институт, туда свободно могли приходить разные люди, среди которых могли быть и участники предполагаемого освобождения Царской Семьи.

С точки зрения большевиков, гораздо логичнее было бы поместить Царскую Семью в тюрьму. А. Г. Белобородов в своих воспоминаниях так и писал: *«Одно время мы даже предполагали поселить Николая в тюрьме. Вместе с т. Голощекиным, кажется, два раза ездили осматривать Екатеринбургскую тюрьму и арестный дом, наметили даже*

к освобождению один из небольших тюремных корпусов. В конце концов, наш выбор остановился на особняке Ипатьева»^[2575].

Причины этого выбора Белобородов не объясняет. Ведь выбранный особняк мало соответствовал требованиям тюрьмы. Все это наводит на мысль, что причиной выбора Ипатьевского дома в качестве места заключения и убийства Царской Семьи было не только месторасположение дома. На многое наводит нас история особняка, известного как Ипатьевский дом.

Легенды свидетельствуют, что Вознесенская горка была почитаема с древности коренными уральскими народами, в частности гулами-манси, и что здесь, на западном склоне горки, якобы располагалось языческое капище. Этому имеется косвенное подтверждение: во время земляных работ, проводившихся в 20-е годы XX в., под северным склоном нашли захоронения, в которых тела покоились не в гробах, а были обернуты шкурами^[2576]. Чудское племя было известно своими человеческими жертвоприношениями. В 60-е годы XVIII в. на западном склоне горы, то есть на том самом месте, где находился Ипатьевский дом, была выстроена деревянная церковь Вознесения Господня, которая просуществовала здесь до 1808 г. Таким образом, на месте Ипатьевского дома ранее существовало языческое капище, где приносили в жертву людей, а затем храм Божий, на алтаре которого приносилась Бескровная Жертва.

Особняк, который известен на весь мир как Ипатьевский дом, был построен в первой половине 1880-х гг. по заказу горного инженера статского советника И. И. Редикорцева. Он был владельцем двух публичных домов, на доходы с которых и был построен будущий Дом особого назначения. В помещении, где в 1918 г. размещалась комендантская Юровского, подписывались особые клиентские договоры^[2577]. В 1899 г. на Редикорцева подали в суд кредиторы, так как он отказывался платить по векселям. Чтобы расплатиться по ним, Редикорцеву пришлось продать дом известному золотопромышленнику купцу М. Г. Шаравьеву.

Второй владелец дома был обвинен в мошенничестве. Судебные тяжбы требовали больших расходов, и Шаравьев продал дом. Кому? На этот вопрос до сих пор нет точного ответа. Распространенное мнение, что дом был сразу продан военному инженеру-строителю Н. Н. Ипатьеву, и произошла эта продажа в 1908 г.

У владельца особняка Н. Н. Ипатьева отношения с большевиками были весьма терпимыми. Он стал сразу сотрудничать с новой властью. Э. Якубовский приводит весьма важные подробности: *«Из всех действующих лиц екатеринбургской трагедии, Н. Н. Ипатьев не знал лишь царскую семью и сопровождавших ее лиц. С остальными не просто знаком лично, с ними работал, вот почему мы можем утверждать, что в его доме бывали те, кто решал судьбу узников»*^[2578]. Когда в Екатеринбурге образовался Комитет общественной

безопасности, то Ипатьев вошел в его исполнительную секцию. Вместе с кадетом Ардашевым баллотировался на должность второго товарища председателя Екатеринбургской исполнительной комиссии^[2579]. В ней разные должности занимали: эсер А. Кошечев, анархист П. Жебелев, кадет А. Ардашев (двоюродный брат Ленина), большевики А. Парамонов, С. Мрачковский, П. Быков и Я. Юровский^[2580]. Знал хорошо Ипатьев и П. Войкова.

Что связывало военного инженера, капитана в отставке Ипатьева с будущими убийцами Царя? Эти отношения никак не были связаны с профессиональной деятельностью Ипатьева. В марте 1918 г. он даже был избран главным распорядителем программы «Праздника Русской революции»^[2581].

Летом 1917 г. Временное правительство послало брата Н. Н. Ипатьева В. Н. Ипатьева расследовать причину мощного взрыва на Кыштымском заводе. Он выехал туда во главе комиссии, но почему-то оказался в Екатеринбурге, в гостях у брата, где провел около двух недель^[2582].

То есть, пока комиссия работала на Кыштымском заводе, ее председатель отдыхал в Екатеринбурге, расположенном от Кыштыма в 200 верстах. Создается впечатление, что для В. Ипатьева было важнее посещение Екатеринбурга, чем Кыштыма. Между тем он утверждал, что прибыл в Екатеринбург исключительно, чтобы погостить у брата. Но дело в том, что Н. Ипатьев на допросе следователю Сергееву пока-

зал, что он живёт «в городе Екатеринбурге, по Вознесенскому проспекту, в собственном доме, **купленном мною в 1918 году у И. Г. Шаравьева**»^[2583]. Получается, что Н. Ипатьев не мог летом 1917 г. приглашать своего брата приехать к нему в Екатеринбург, а тот не мог гостить в особняке на Вознесенском проспекте. Но в справочнике по Екатеринбургу за 1911 г. указывается, что Н. Н. Ипатьев проживает на Вознесенском проспекте, дом 49^[2584].

Между тем в протоколе осмотра дома Ипатьева, произведенного в начале августа 1918 г. следователем А. П. Наметкиным, говорится: «*Судебный следователь Екатеринбургского окружного суда по важнейшим делам, в присутствии понятых, производил осмотр квартиры Ипатьева в доме Поппель на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка в гор. Екатеринбурге*»^[2585]. Почему говорится о «квартире Ипатьева в доме Поппель», если дом принадлежал Н. Ипатьеву с 1908 г.? По всей видимости, в 1908-м или 1909 г. дом у Шаравьева купила родственница Ипатьева, Е. Ф. Поппель, а сам Ипатьев до 1918 г. только в нем иногда проживал. В справочнике «Весь Екатеринбург» говорится, что Ипатьев «*живет в доме на Вознесенском проспекте*», но не говорится, что он ему принадлежит! Но, как выясняется, большей частью инженер жил за городом и бывал в особняке в основном по делам бизнеса, так как в доме находилась его контора. Часто в будущем ДОНе бывали видные уральские большевики, в том числе и Янкель Юровский.

В сознании горожан особняк на Вознесенском проспекте не был Ипатьевским домом: его называли домом Поппель или, реже, домом Шаравьева. Но когда Царская Семья была доставлена в Екатеринбург, ей с самого начала объявили, что её привезли в **дом Ипатьева!** Ещё более странным выглядит то, что «Ипатьевским» особняк называл князь В. А. Долгоруков, который сразу после прибытия с Царской Семьёй был арестован и помещен в тюрьму. 4 мая 1918 г. князь Долгоруков написал прошение А. Г. Белобородову: *«Я человек больной, у меня наступила почечная колика, страдаю ужасно, весь организм расшатан. Не найдёте ли Вы возможным перевести меня в дом на Верх-Вознесенской ул., где я мог бы пользоваться советами доктора Боткина и вместе с тем был бы под наблюдением охраны»*^[2586]. То есть при написании этого прошения, Долгоруков не знал ни названия «Ипатьевский дом», ни о его месторасположении: Вознесенский проспект называл Верх-Вознесенский улицей. Но уже 24 мая 1918 г. князь в следующем прошении Белобородову пишет: *«Обращаюсь к Вам с покорной просьбой перевести меня из тюрьмы на лечение к доктору Боткину или Деревенко, живущие в доме Ипатьева, лечение которыми пользуются все остальные. Жилищный вопрос в г. Екатеринбурге тяжёл и я не имею возможности найти комнату, поэтому, будьте добры, перевести меня в дом Ипатьева, что на Воскресенском проспекте, дабы я мог получить облегчение от доктора»*^[2587]. Кто-то успел сообщить князю и о названии особня-

ка, и о том, что он находится на Вознесенском проспекте.

Недоумение вызывают и обстоятельства приобретения дома Н. Ипатьевым в начале 1918 г. за огромную по тем временам сумму – 6 тыс. рублей! Время было смутное, будущее неопределенным, и совершать подобную дорогостоящую покупку было делом крайне безрассудным. Но даже после приобретения дома Ипатьев опять-таки в доме не жил, а лишь «расставил в нем мебель» на верхнем этаже, а нижний сдал «для помещения конторы, агентства по чёрным металлам»^[2588]. Имеются точные сведения, что в Ипатьевском доме находилась бухгалтерия фирмы «Макшеев и Голландский», которая занималась строительством. Ф. Ф. Макшеев был инженером путей сообщения, состоял в масонских ложах «Космос», «Астрея» и «Гермес». Именно он написал в 1938 г. в Праге некролог на скончавшегося Н. Н. Ипатьева: *«Со смертью Н. Н. Ипатьева, милого и делового человека, любимого всеми, знавшими его, сошел в могилу один из людей, имя которого, хотя и совершенно случайно, останется навсегда связанным с Екатеринбургской трагедией»*^[2589]. Случайно ли?

Примечательно, как этот «милый деловой человек» со знанием дела подошёл к вопросу продажи своего особняка в казну, на чём настаивал генерал М. К. Дитерихс. Ипатьев сообщил, что при покупке дома он заплатил не только рублями, но и английскими фунтами, а потому настаивает на выплате ему суммы в американских долларах, эквивалентной

10 тысячам рублей^[2590].

Г. А. Голландский, пермский мещанин, был строительным подрядчиком. В 1910 г. он принял активное участие в строительстве екатеринбургского оперного театра. В городе он проживал по адресу Колобовская, д. 30. В 1911 г. его «офис» находился на Вознесенском пр. 27^[2591], то есть в непосредственной близости от Ипатьевского дома. Примечательно, что жилищный комиссар А. Н. Жилинский указывал, что Н. Ипатьев был родственником Голландскому^[2592]. Так как, по-видимому, Голландский был евреем, это позволило некоторым исследователям предположить, что в комнате убийства ранее размещалась хасидская синагога^[2593]. Это предположение является домыслом. Тем не менее имеются сведения, что комната, где была убита Царская Семья, всё-таки использовалась для каких-то религиозных целей. Чекист А. Кабанов, бывший в 1918 г. «начальником пулемётной команды» ДОНа, утверждал, что комната убийства *«ранее служила бывшему владельцу дома Ипатьеву домашней часовней»*^[2594].

В 1928 г. в Праге, давая интервью газете «Сегодня», Н. Ипатьев рассказал, *«что уже десять лет тому назад его мучила болезнь сердца, и что поэтому он весну 1918 года проводил на курорте в 120 верстах от Екатеринбурга. В екатеринбургском же доме жили знакомые Ипатьева из Петрограда»*^[2595].

Что это были за знакомые, Ипатьев не сообщал, но распо-

ряжение от советских властей о выселении из дома получили именно эти знакомые, а они в свою очередь уведомили о нём Ипатьева. После убийства Царской Семьи Ипатьеву сообщила о разрешении вернуться в дом другая родственница, Поппель, пославшая ему телеграмму: «*Жилец уехал*»^[2596]. Примечательно, что слово «*жилец*» по отношению к Царской Семье использовали в своей корреспонденции исключительно большевики. Не может не удивлять осведомлённость Н. Ипатьева по поводу некоторых деталей злодеяния: «*Мой дом, как его называли Ипатьевский, был построен в семидесятых годах прошлого столетия. И за все это время ни один мертвый не был из него вынесен. Никто в нем не умирал! Какая суровая ирония судьбы... Через пятьдесят лет в нем сразу было убито 11 человек. Сразу из него тайно вынесли 11 **оскверненных** убийцами тел!*»^[2597]

Откуда Ипатьев знал, что тела были осквернены? Что он вкладывал в это слово?

В любом случае можно считать установленным, что особняк получил имя «Ипатьевский» непосредственно перед самым приездом Царской Семьи. Ещё в 1917 г. Владимир Ипатьев весьма внимательно его осмотрел, в том числе комнату, где впоследствии произошло убийство. Не рассматривался ли будущий Ипатьевский дом в качестве Дома особого назначения уже Временным правительством? Не в этом ли заключалась цель поездки в Екатеринбург В. Ипатьева? Не было ли вызвано приобретение Ипатьевым особняка одной

лишь целью: присвоить Дому особого назначения название «Ипатьевский»?

Символичность этого названия уже неоднократно отмечалась многими авторами: в 1613 г. в Ипатьевском монастыре был избран на царство первый Царь из Дома Романовых Михаил Феодорович, в Ипатьевском доме Екатеринбурга – убит последний Царь из Дома Романовых Николай Александрович. Но кроме этой параллели существует еще и другая: в Ипатьевской летописи подробно излагались обстоятельства убийства «первого царя» Великого Князя Андрея Боголюбского.

С прибытием в Екатеринбург Царской Семьи Ипатьевскому дому было присвоено второе название – Дом особого назначения. Таким «особым назначением» могло быть только предстоящее убийство Царской Семьи.

Интересно, что шабаши в комнате убийства продолжались в советские времена вплоть до сноса особняка. Один из «открывателей» очередных «екатеринбургских останков», уральский краевед В. В. Шитов, поведал, что в 70-е гг. он свободно проникал в Ипатьевский дом, фотографировал. По его признанию, у него там была *«фотолаборатория, так что последний императорский дом стал моим домом»*. Незадолго до сноса Ипатьевского дома, рассказывает Шитов, некто зачем-то разрешил *«студентам института культуры показать учебный спектакль, драму испанца Гарсиа Лорки “Дом Бернарды Альбы”*. Я снимал эти сцены: женеци-

ны в чёрном в день похорон, бревно на канатах, свечи. Женщин – одиннадцать. Столько же, сколько людей здесь было убито». Всё это сомнительное действие весьма напоминает чёрную мессу^[2598].

Подводя итоги всего вышеизложенного, мы можем позволить себе сделать следующие выводы: особняк на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка был выбран революционерами для заключения и убийства Царской Семьи заранее и не случайно; решающей причиной для этого выбора стали, помимо хороших бытовых условий, определенные особенности этого дома, связанные с историей его месторасположения, историей его прежних владельцев, а также личностью Н. Н. Ипатьева и его связью с масонско-революционными силами России; дому сознательно было присвоено название Ипатьевского, и он сразу был объявлен Домом особого назначения. Имя Ипатьевского дома было сознательно создано и внедрено в сознание поколений. Тем самым извещалось о предстоящем убийстве Царской Семьи и о том, что это убийство будет носить характер мести Царскому Дому Романовых.

Дата Екатеринбургского злодеяния – 4/17 июля 1918 года

О ритуальном характере Екатеринбургского преступления говорит нам и дата его совершения. Как известно, оно

произошло 4/17 июля 1918 г. В этот день Православная Церковь празднует память святого благоверного Великого Князя Андрея Юрьевича Боголюбского, который, по меткому выражению архимандрита Константина (Зайцева), был *«если не по имени, то по существу, по замыслу первым русским Царём»*^{[2599][2600]}.

Убийство Князя было совершено в канун большого православного праздника – Дня святых Апостолов Петра и Павла. Доктор ист. наук Ю. В. Кривошеев пишет: *«Некоторые нюансы поведения и действий убийц накануне и во время злодеяния, дают возможность предположить существование каких-то элементов ритуального убийства»*^[2601]. Князю была отсечена правая рука, в связи с чем Ю. В. Кривошеев отмечает: *«Именно правая рука (наряду с головой, волосами, костями, кровью), в том числе и у евреев, являлась местом сосредоточия жизненной силы»*^[2602]. Кроме того, Андрею Боголюбскому было нанесено множество рубленых и особенно колотых ран, вызвавших обильную кровопотерю, один из ударов копья был нанесен под ребро, по аналогии с ударом Тела Спасителя на кресте. После убийства обнаженное тело Князя было выброшено в огород, а убийцы приступили к трапезе, которая, по мнению ряда исследователей, носила ритуальный характер. Одновременно началось разграбление княжеской казны и сокровищ.

В 30-е гг. XX в. богоборческая власть несколько раз извлекала мощи св. блг. Великого Князя Андрея Боголюбского

и исследовала их на предмет «идентификации». Как и в случае с Екатеринбургскими останками, шли подробные «изучения» черепа, костяка, мышечной ткани. Экспертизе фактически было навязано заключение о том, что у Князя была отрублена левая, а не правая рука^[2603].

Нет сомнений, что убийство Царской Семьи в День памяти святого благоверного Великого Князя Андрея Боголюбского было сознательной и продуманной акцией убийц, которая может быть объяснена лишь духовными причинами. Убийцы явно стремились к тому, чтобы убийство Самодержца Государя Императора Николая II совпало с днем убийства фактического самодержца Андрея Боголюбского и тем самым на мистическом уровне привело бы к гибели все Православное Русское Царство. **Выбор Дня памяти Андрея Боголюбского для убийства Царской Семьи являлся частью ритуала этого убийства.**

С другой стороны, убийство было совершено накануне 18 июля 1918 г. По иудейскому календарю эта дата соответствовала 9 ава 5678 г. В этот день отмечается иудейский праздник «День памяти и скорби» (Тиша-бэ-Ав), так как в этот день были разрушены два иерусалимских храма. Для каждого иудея *«день 9 ава выделяется среди всех дней в году своим горестным, скорбным обликом. На протяжении трех недель между 17 тамуза и 9 ава принято соблюдать обычаи траура: в эти дни не женятся, не стригутся и не бреются, с начала месяца не едят мяса и не пьют вина, а 9 ава постят-*

ся целые сутки: не едят, не пьют, не моются, не надевают кожаной обуви»^[2604].

Но 9 ава является не только днем «печали и скорби», но также и потенциальным праздником, так как иудеи верят, что будет построен третий храм, в котором воссядет машиах: *«Этот день имеет потенциал праздника, и в будущем он станет праздничным днем. До захода солнца устраивают “Сеуда Мафсе’кет” (“разделяющую трапезу”), которая в будни состоит из одного блюда. Три человека не едят вместе, чтобы не объединяться для совместной молитвы после еды. Есть обычай съесть яйцо (знак траура), которое обмакивают в пепел; его едят на низком сидении. Трапезу в любом случае надо закончить до захода солнца»^[2605].* Яйцо в траурном еврейском обряде имеет большое символическое значение: *«Крутое яйцо имеет и другую символику: как яйцо твердеет по мере варки, так и человек, и весь еврейский народ, должен становиться тверже от испытаний, посылаемых ему, и не сдаваться перед лицом гоня»^[2606].*

Теперь вспомним о разговоре, который состоялся между Юровским и послушницами Ново-Тихвинского монастыря накануне убийства 15 июля 1918 г. В тот день комендант Дома особого назначения попросил монахинь принести полсотни яиц, что и было исполнено на следующий день. Большинство исследователей считают, что эти яйца пошли на «харчи» Юровскому и тем, кто уничтожал тела. Но очевид-

но, что пятидесяти яиц недостаточно для питания большого числа взрослых мужчин в течение дня. Если бы Юровский заботился о питании, то он бы сказал принести мяса, хлеба, картошки, тем более что эти продукты послушницы прежде уже носили в Ипатьевский дом. Но Юровский попросил именно полсотни яиц. Государыня записала в своем дневнике, что *«комендант наконец, через неделю принес яйца для Бэби»*. Но ясно, что Цесаревич не успел ими воспользоваться, так как через несколько часов был убит.

Итак, яйца не были предназначены ни для нужд Цесаревича, ни для питания убийц. Между тем есть неоспоримые доказательства того, что их использовали на месте расчленения и сожжения тел Царственных Мучеников. Проводя осмотр места происшествия у старого рудника летом 1919 г., следователь Н. А. Соколов обнаружил на глиняной площадке недалеко от кострища *«вблизи пня под листьями и травой яичную скорлупу»*^[2607]. Кто-то ночью с 17 на 18 июля недалеко от кострища, на котором уничтожались тела Убиенных, ел на пне яйца. Перед нами картина точного соблюдения дня «памяти и скорби»: употребление яиц, пепел, низкое сиденье (пень) и проведение ритуальной трапезы до наступления суток. Заметим, что день «памяти и скорби» – нетрадиционный иудейский праздник. Его не было в доталмудический период. Практика оккультных ритуалов свидетельствует, что их участники часто используют иудаистскую и кабалистическую символику. Таким образом, новоиудейский

праздник «третьего храма» мог легко вырождаться и в «день мести», тем более что по учению святых отцов в третьем храме воссядет Антихрист.

При этом следует заметить, что подобные искажения нашли место и в традиционных иудейских праздниках в той их части, когда дело касается принесения жертвы. О том, что эти нововведения исказили суть иудаизма, говорят и некоторые раввины. Так, например, приношение в жертву петуха или курицы в день Йом-Кипура, называемый «капарот» (очищение), вызывает у части иудейских авторитетов отторжение как обычай, не соответствующий Торе. Рабби Шломо бен Адрет писал: *«...многие придерживались следующего обычая: резать старую курицу в качестве искупления («капара») за новорожденного мальчика, отрубали курице голову и вешали при входе в дом. На мой взгляд, подобная практика есть не что иное, как «пути аморейские», и потому я запретил все подобные обряды в своей общине. И да смиростивятся над нами Небеса, чтобы не осталось ничего подобного в наших городах»*^[2608]. Рабби Элияху, живший в XVIII в., указывал, что следует «отменить “обряд капарот” – ибо это нееврейский обычай». Рабби Пинхас Звихи считал «капарот» «обычаем, корни которого в идолопоклонстве». В «Шулхан Арухе» говорится: *«А то, что накануне Йом-Кипура некоторые совершают “капарот”, следовало бы запретить»*^[2609]. Как происходит «капарот»? Лицо, приносящее в жертву петуха или курицу, вращает их над голо-

вой и говорит три раза: *«Это – замена мне, это – вместо меня, это – мой выкуп! Пусть уделом этого петуха станет смерть, а моим уделом – благополучная долгая жизнь и мир!»*^[2610]

Теперь сравним этот обряд с одной американской открыткой, которая ходила, в том числе и по России, в 1905–1907 гг. На ней был изображен человек в чёрном, похожий на раввина. В левой руке он держал раскрытую книгу, а в правой жертвенного петуха, голову которого заменяла голова Императора Николая II. На открытке имелась фраза на иврите: *«Да будет это моим искуплением, да будет это моей заменой, да будет это моей искупительной жертвой»*^[2611].

Таким образом, день 4/17 июля был выбран убийцами Царской Семьи не случайно: с одной стороны, уничтожение Царского Дома Романовых в день памяти «первого Царя» Андрея Боголюбского означал гибель Православного Царства, а с другой – Царская Семья приносилась в жертву во имя будущего властелина третьего храма, то есть Антихриста.

Увод Леонида Седнева из Ипатьевского дома – прообраз «козла отпущения»?

С Йом-Кипуром связан ещё один магический ритуал, удивительным образом совпадающий с тем, что убийцы сделали с поварёнком Леонидом Седневым. 16 июля они выве-

ли мальчика из Ипатьевского дома, и он избежал убийства. Большевики утверждали, что это было сделано по приказу Юровского, который якобы пожалел мальчика. *«Кухонного мальчика Ленью Седнева нужно увести. Поваренка-то за что...»* – якобы говорил Юровский. То есть «за что» 14-летнего больного подростка, юных девушек, совершенно посторонних врача, повара, комнатную девушку и лакея, Юровскому было понятно, а вот Седнева стало жалко. Но если бы комендант ДОНа исходил из нецелесообразности убийства поваренка, как ни в чем не повинного заложника ситуации, то логично было бы эти соображения распространить и на всю свиту Царской Семьи. Чем отличались от Седнева Боткин, Трупп, Харитонов, Демидова, Седнев-старший, Нагорный? По логике их тоже надо было бы отпустить, но их всех убили. Разумеется, что все разговоры о «гуманности» Юровского являются ложью. К тому же решение об уходе Седнева принималось не Юровским, а гораздо более высокой инстанцией. Почему же вдруг лица большевистского ареопага так заинтересовались судьбой царского поваренка?

В Библии приводится повеление Господа Моисею совершать обряд «отпущения козла в пустыню». Этот ритуал заключался в том, что в пустыню отводилось двое козлов. Один из них приносился в жертву, а другой отпускался (Лев. 16: 5–26). «Козёл отпущения» символизировал искупаемые грехи Израиля и искупительную жертву Христа, которая отпускает людям их ветхие грехи^[2612].

Однако в каббалистической литературе суть обряда «козла отпущения» коренным образом изменилась. Появились утверждения, что козел приносился в жертву не Богу, а демону пустыни Аззелу. В XIII в. рабби Моисей бен Намен объяснял: *«Господь приказывал нам посылать козла в Йом Киппур господину, владения которого лежат в пустынных местах. Эманация его власти несет разрушение и гибель. Он связан с планетой Марс и доля его среди животных – козел. Демоны входят в его владения и называются в Библии сейрим (козлы). Этим господином пустынь, которому посылался козел, был Аззел, “звезда, упавшая с небес”, глава Сторожей в Первой книге Еноха. Связанный с Марсом, он обучил людей изготовлению оружия и был заточен Богом в пустыню до Судного дня, когда ему предстояло быть брошенным в геенну огненную»*^[2613].

Нетрудно догадаться, что речь идет о сатане. Другие источники талмудической литературы прямо отождествляли Аззела и сатану, иногда можно встретить упоминания о заточенных на «горе мрака» павших ангелах, у которых царь Соломон учился тайному познанию и чьи имена – Azza и Azza'el – несомненно, связаны с именем Аззела. В Каббале он также считался одним из наиболее могущественных демонов.

Таким образом, по каббалистам получалось, что Бог приказывал воздавать жертву сатане. Эти утверждения не вызывают удивления, так как каббале свойственно весьма рас-

плывчатое представление о природе дьявола. Явное несоответствие с текстом Ветхого Завета талмудисты объясняли тем, что имя Азазела в книге Левит было заменено на слово «отпущение». Неудивительно, что в черной магии имя этого демона играет весьма существенную роль.

«Отпущению» предшествовал длительный подготовительный ритуал, продолжавшийся двенадцать дней. На двенадцатый день для всесожжения в жертву за грех требовалось 12 козлов, причем один из них «отпускался», то есть его убивали через некоторое время. Примечательно, что по Ветхому Завету козёл приносился в жертву за *«начальствующего в народе»* (Лев. 5; 6: 1–7; 7: 1–7). Важно, что древний иудаизм чётко определял: жертвы не по Закону являются приношением бесам (Лев. 17: 1–9; Втор. 32: 15–17; 1 Кор. 10, 20).

Теперь сравним этот ритуал с убийством Царской Семьи: Юровский пробыл в Ипатьевском доме 12 дней, на 12 день должно быть убито 12 человек, накануне самого убийства один приговорённый (Л. Седнев) был отпущен, но позже убит. Отпуская Л. Седнева, убийцы Царской Семьи приносили в жертву за *«начальствующего в народе»* (т. е. Антихриста) 12 членов Царской Семьи и осуществляли ритуал «козла отпущения». Подтверждением этому служит дальнейшая судьба поваренка. Долгое время считалось, что Л. И. Седнев был убит большевиками в 20-х гг. Однако это не так. После Екатеринбургского злодеяния Седнев осенью 1918 г. вернул-

ся в родную деревню Свечково под Угличем. Односельчане вспоминали его как человека доброго, но немного нелюдимого, как бы погруженного в себя. С началом Великой Отечественной войны, в июне 1941 г. Угличевским РВК Седнев был призван в действующую армию. По документам значится, что службу он проходил в 1023-м стрелковом полку 307-й стрелковой дивизии. В 1942 г. мать Седнева, Евдокия Николаевна, получила извещение, что ее сын пропал без вести. Но на самом деле рядовой Л. И. Седнев при невыясненных обстоятельствах был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. Дата расстрела не может не потрясать: **17 июля 1942 г.**^[2614]!

Использование огнестрельного оружия при убийстве Царской Семьи

В качестве главного орудия убийства Царской Семьи признается огнестрельное оружие. Холодное оружие указывается исключительно как дополнительное орудие преступления, в качестве которого использовался штык.

Какое огнестрельное оружие применялось убийцами в ходе преступления? В показаниях обвиняемых по уголовному делу белого следствия фигурируют в основном наганы. В «записках», «рассказах» и «воспоминаниях» Юровского, Белобородова, Ермакова, Медведева (Кудрина), Войкова говорится о наганах, маузерах, браунингах и даже винтовках.

Причем, если собрать воедино все огнестрельное оружие, имевшееся у убийц, то создается впечатление, что речь шла об обороне укрепленного района. Между тем все эти маузеры, кольты, браунинги, винтовки – предназначались для убийства 11 безоружных людей, включая шестерых женщин и одного больного ребенка.

Странным выглядит применение огнестрельного оружия в процессе убийства. Здесь необходимо отметить, что практически во всех «воспоминаниях» убийц утверждается, что ими при расстреле ставилось две задачи: провести убийство как можно быстрее и с наименьшим пролитием крови. Между тем все действия преступников свидетельствуют об обратном.

Вообще соблюсти эти два условия – быстрого наступления смерти и малого истечения крови – при убийстве 11 человек в замкнутом пространстве, но при сохранении относительной свободы действий жертв, очень сложно, так как никто не может дать гарантии, что жертва не начнет метаться, а преступник сможет убить ее сразу. Для соблюдения этих условий нужна либо фиксация жертвы, например, связывание, либо убийство внезапное для жертвы, когда она до самого конца не подозревает о грозящей ей участи, а смерть наступает мгновенно от пулевого ранения жизненно важного органа. Ночью 17 июля 1918 г. ни одно из этих условий убийцами соблюдено не было. Приговорённые не были лишены свободы передвижения, убийцы заранее сообщили им

о предстоящем убийстве. Таким образом, Юровский изначально создал условия, при которых мгновенная смерть и небольшая кровопотеря были крайне затруднены.

Площадь комнаты, где произошло убийство, согласно ее осмотру в 1918–1919 гг., равнялась 25 м², или 7 аршинам 8 вершкам по длине и 6 аршинам 4 вершкам по ширине^[2615]. В этой комнате в момент убийства находилось, по воспоминаниям соучастников, в среднем от 10 до 12 человек убийц и 11 жертв, всего около 22–24 человек. После первого выстрела Юровского был открыт шквальный огонь по убиваемым, причем он носил беспорядочный характер. Стреляли из всех видов имеющегося оружия: наганов, маузеров, браунингов и даже винтовок. Я. Юровский: *«Тут вместо порядка началась беспорядочная стрельба»*. А. Белобородов: *«Тогда стали стрелять все. Пуль не жалели. Не успевали менять только обоймы»*. П. Войков: *«Потом он [Юровский] обратился к нам: “Начинайте!” Произнеся эти слова, он направил свой револьвер в сторону царя. Я в свою очередь скомандовал: “Стреляйте куда попало!” Мы все открыли огонь и стреляли несколько минут»*. М. Медведев (Кудрин): *«Я спускаю курок моего браунинга и всаживаю первую пулю в царя. Одновременно с моим вторым выстрелом раздаются первый залп латышей и моих товарищей справа и слева»*. А. Кабанов: *«Я хорошо помню, что когда мы все, участвующие в казни, подошли к раскрытой двустворной двери помещения казни, то получилось три ряда стреляющих из револьверов, причем*

второй и третий ряды стреляли через плечи впереди стоящих исполнителей и рук, протянутых с револьверами в сторону подлежащих казни, было много».

Поражает непродуманность и неподготовленность убийц в своих действиях. Зачем было вести такой плотный и бесцельный огонь по маленькой группе людей, когда достаточно было произвести несколько выстрелов в каждого? Это подтверждает и Юровский, когда пишет: *«Команде заранее было указано, кому в кого стрелять, и приказано целить прямо в сердце, чтобы избежать большого количества крови и покончить скорее»*^[2616].

Между тем, несмотря на эти указания, стрельба с первых же выстрелов приняла беспорядочный характер, а действия убийц поражают в первую очередь непрофессионализмом, словно ими были люди, в первый раз взявшие в руки оружие: крик Войкова: *«Стреляйте, куда попало!»* Между тем известно, что это было далеко не так. Если в убийстве участвовали латышские стрелки, то это были опытные и хорошие солдаты-фронтовики. Если под «латышами» подразумевалась специальная карательная команда, как считает И. Ф. Плотников, то тем более это должны были быть, говоря сегодняшним языком, профессиональные «киллеры». Во всяком случае, ни первые, ни вторые не стали бы вести себя так бездарно. А убийство в подвальной комнате дома Ипатьева, если брать на веру все, что написали о нем его «участники», другим словом не назовешь.

Особенно поражает то обстоятельство, что по убиваемым было выпущено около^[550] **пуль!** Именно такое количество приводится в исследовании И. Ф. Плотникова: *«Заявки от 17 июля в “военный комиссариат” о выдаче “нагановских патронов 520 штук и маузера 4 обоймы” создают представление о том, сколько было израсходовано боеприпасов командой преступников. Речь шла о трех десятках патронов, а в целом – примерно 550»*^[2617].

Но могла ли быть реальной та картина убийства, которую нам навязывают его исполнители? По их утверждениям, получается, что расстрел был осуществлен в течение 15 минут. Возможно ли было из имевшихся видов оружия выпустить такое количество пуль за такой отрезок времени? Для этого для начала надо выяснить краткие характеристики того оружия, которое использовали убийцы.

Они уверяют, что в основном использовались наганы. Следствие действительно обнаружило в комнате убийства множество пуль от наганов. Револьвер системы бельгийского оружейника Лео Нагана образца 1895 г. состоял на вооружении русской армии в начале XX в. В 1915 г. револьвер был незначительно модифицирован. Несмотря на свои достоинства, этот револьвер медлителен при снаряжении – надо откинуть шомпол, открыть дверцу барабана, последовательно выбить стреляные гильзы и так же последовательно заполнить камеры новыми патронами. Поэтому в чрезвычайной ситуации можно рассчитывать только на семь патро-

нов в барабане. Еще один недостаток – малое останавливающее и пробивное действие пули. В этом повинны и малый калибр (7,62 мм), и низкая скорость.

Армейский наган трудно назвать карманным, у него длинный ствол, поэтому его старались всячески укорачивать, что сказывалось на прицельности стрельбы. Острая и высоко расположенная над рукояткой спица курка затрудняет извлечение оружия из-под одежды.

Таким образом, если бы огонь по Узникам дома Ипатьева велся исключительно из наганов, то для того, чтобы выпустить из них 500 пуль, убийцам понадобилось бы 70 с лишним «наганов» либо 700 патронов! То есть каждый убийца должен был иметь при себе не менее 6 наганов либо постоянно перезаряжать один. Ни то, ни другое практически нереально. При постоянной перезарядке убийство растянулось бы минимум на час. Уже не говоря о том, что это трудно практически, такая растянутость опасна для самих убийц, так как успех любого преступления заключается в быстроте и надежности осуществления преступного замысла.

Таким образом, по свидетельствам соучастников преступления, во время убийства использовались наганы, маузеры, браунинг и винтовки. Между тем в ходе осмотра Ипатьевского дома следствием были обнаружены и извлечены из стен и пола 22 пули: одна пуля из кольта, 1 – из браунинга, 2 – из пистолета неустановленной системы и остальные из нагана. Винтовочных патронов не было обнаружено ни од-

ного^[2618]. С учетом общей цифры выпущенных патронов получается, что каждая из Жертв должна была получить свыше 50 пуль!

Кроме того, есть еще одна важная причина, по которой использование такого количества оружия в замкнутом пространстве невозможно. **Речь идет о рикошетах.** Напомним, в 25-метровой комнате находился 21 человек. При такой беспорядочной стрельбе и из таких мощных видов оружия, особенно из винтовок, рикошет неминуем. А значит, крайне велик риск гибели самих стреляющих. Это, кстати, сразу понял такой далёкий от военного дела и криминалистики человек, как Пьер Жильяр. Осмотрев комнату убийства вскоре после освобождения Екатеринбурга, он сомневался в убийстве Царской Семьи, так как *«в комнате, которую я видел, так было мало места, где сидели пули, что я не верил в расстрел всех их»*^[2619].

В связи с этим примечательно, что тема рикошета присутствует в «воспоминаниях» соучастников убийства и полностью отсутствует в показаниях обвиняемых. Первым о рикошетах заговорил Юровский. В его «Записке» говорится: *«Внизу была выбрана комната, с деревянной отштукатуренной перегородкой (чтобы избежать рикошетов)»*^[2620]. Это неверно: дерево дает рикошет, просто он слабее, чем рикошет от каменной поверхности. При этом пуля может застрять как в деревянной, так и в каменной стене (если последняя, к примеру, сделана из кирпича или известняка).

Но уже в «рассказе» Юровского 1934 г. деревянная стенка превращается в каменную, а рикошета, оказывается, убийцы совсем не предвидели: *«Тут надо сказать, что не подумали своевременно о том, что окна шум пропустят, и второе – что стенка, у которой буду поставлены расстреливаемые – каменная... многие, очевидно, стреляли через порог, т. к. стенка каменная, то пули стали летать рикошетом, причем пальба усилилась, когда поднялся крик расстреливаемых. Мне с большим трудом удалось стрельбу приостановить. Пуля кого-то из стрелявших сзади прожужжала мимо моей головы, а одному не то руку, ладонь, не то палец задела и прострелила»*^[2621].

В «воспоминаниях» Юровского стенка вновь становится деревянной, но это не мешает ей давать большой рикошет: *«Пальба длилась очень долго и, несмотря на мои надежды, что деревянная стенка не даст рикошета, пули от нее отскакивали. Мне долго не удавалось остановить стрельбу, принявшую безалаберный характер». У Кудрина (Медведева) рикошет описан в ярких красках: «Слышно, как лязгают рикошетом пули от каменных столбов, летит известковая пыль»*^[2622].

В чем же заключалась причина того, что соучастники преступления явно пытались подчеркнуть наличие рикошета? Причина этого заключалась в первую очередь в желании придать картине убийства правдоподобный характер согласно своей легенде. «Записка Юровского», так же как и «вос-

поминания» 60-х годов, являлись не отчетами о проделанной работе и не воспоминаниями для истории. **Это было продолжение сокрытия следов преступления, происшедшего 17 июля 1918 г.** Безусловно, что эта работа по сокрытию следов, представленная в виде отчетов и воспоминаний, должна была увидеть свет и стать доступной широкому читателю, в том числе, а может быть в первую очередь, за рубежом. По каким-то причинам это постоянно срывалось вплоть до 90-х гг., когда, наконец, пришло время нового этапа масштабного фальсификационного мероприятия.

Заметая следы, преступники создавали свою ложную картину преступления. При ее создании они пытались согласовать описываемые ими события с объективной реальностью. Надо было дать ответы на многие вопросы, неизбежно возникшие бы при изучении их «записок» и «исповедей».

Среди этих вопросов неминуемо был бы и такой: каким образом после того, как по Царской Семье и ее свите было выпущено 550 пуль в небольшом замкнутом помещении, многие из них остались живы? Убийцам было трудно дать на это ответ, и они придумывали различные лживые объяснения. Между тем, если мы посмотрим список выживших после первых залпов лиц Царской Семьи и прислуги, то мы получим следующую картину:

Лица Царской Семьи и ее свиты, выжившие после первых залпов (по свидетельствам убийц)		
Юровский	«Записка»	Цесаревич, три Великие Княжны (имен не называется), Демидова и Боткин
	«Рассказ»	Великие Княжны (имен не называется), Императрица, Демидова и Цесаревич
	«Воспоминания»	Боткин, Цесаревич, Великие Княжны Татьяна, Анастасия и Ольга, Демидова
Белобородов		Великие Княжны Ольга, Мария и Анастасия, Демидова, «монашенка» и «поваренок»
Войков		Николай II, Цесаревич, Демидова, Великие Княжны
Ермаков (в рассказе Галибуртону)		Цесаревич и Великая Княжна Анастасия
Медведев (Кудрин)		Демидова, Цесаревич, Великие Княжны Татьяна и Анастасия
Никулин		Великая Княжна Анастасия, Демидова и, возможно, Цесаревич
Кабанов		Демидова и Цесаревич
Стрекотин		Одна из Великих Княжон (имени не называется) и «другие» (имена и фамилии не уточняются)
Медведев Павел		Цесаревич
Якимов		Демидова и Цесаревич

Если суммировать все свидетельства, то получается, что после произведенных залпов в небольшом замкнутом пространстве в живых остались все члены Царской Семьи, Боткин и Демидова. И это при выпущенных 500 пулях! Естественно, что такая картина была совершенно невозможной, и убийцам пришлось искать более-менее логичное ей объяснение. Оно было найдено в виде «бронежилетов» из драгоценных камней и золота, которые якобы были на телах убитых.

Рассказы о чуть ли не килограммах драгоценностей, обнаруженных на телах Государыни и Великих Княжон, начались с Юровского. В показаниях обвиняемых речь идет только о снятых драгоценностях с открытых частей тела. Павел Медведев свидетельствовал, что когда после убийства он вошел в комендантскую комнату, то обнаружил, что на столах *«были разложены груды золотых и серебряных вещей. Тут же лежали драгоценности, отобранные у Царской семьи пе-*

ред расстрелом, и бывшие на них золотые вещи: браслеты, кольца, часы»^[2623].

А. Якимов, пересказывая рассказ Клещева с Дерябиным, показал: *«про пояса, которые тогда отстегивались у женщин. Говорили они, что в обеих подушках была найдена или были найдены шкатулочка или же несколько шкатулочек. Все найденные вещи покойных Юровский взял себе и отнес, как они говорили, наверх»^[2624].*

М. Медведев-Кудрин сообщает, что после убийства Царской Семьи начались кражи, и Юровский предложил красноармейцам немедленно вернуть похищенное: *«На столе в минуту вырастает горка золотых вещей: бриллиантовые брошки, жемчужные ожерелья, обручальные кольца, алмазные булавки, золотые карманные часы Николая II и доктора Боткина»^[2625].*

Совсем по-другому выглядел этот рассказ у Юровского. Главный палач представлял дело так, словно наличие спрятых на теле убитых драгоценностей он обнаружил только возле Открытой шахты, куда тела были привезены для уничтожения. А до этого, в момент расстрела, он лишь удивлялся, почему пули не берут Великих Княжон? *«Удивительно было то, что пули наганов отскакивали от чего-то рикошетом и, как град, прыгали по комнате. Когда одну из девиц пытались доколоть штыком, то штык не мог пробить корсажа. <...> Потом стали выносить трупы и укладывать в автомобиль. Тут начались кражи; пришлось по-*

ставить трех надежных товарищей для охраны трупов. <...> Под угрозой расстрела все похищенное было возвращено (золотые часы, портсигар с бриллиантами и т. п.)»^[2626]. Юровский, хотя и не объясняет, что расхищали убийцы, но без труда можно понять, что речь идет о трупах Царской Семьи. При этом похищенное полностью совпадает с тем, что описал Якимов: золотые часы, портсигар и т. п., то есть вещи, которые были на виду.

Но когда Юровский приступает к описанию манипуляций с трупами, то здесь он рисует следующую картину, которая и должна объяснить «живучесть» жертв: *«Велел разложить костры. Когда стали раздевать, то обнаружилось, что на дочерях и Александре Федоровне, на последней я точно не помню, что было, то же, как на дочерях, или просто зашитые вещи. На дочерях же были лифы, так хорошо сделанные из сплошных бриллиантовых и других ценных камней, представлявших из себя не только вместилища для ценностей, но вместе с тем и защитные панцири. Вот почему ни пули, ни штык не давали результата при стрельбе и ударах штыка. Ценностей этих оказалось всего около полупуда. Жадность была так велика, что на Александре Федоровне, между прочим, был просто огромный кусок круглой золотой проволоки, загнутой в виде браслета, весом около фунта»^[2627].*

Не будем пока рассуждать, насколько «достоверны» эти откровения Юровского. При каких обстоятельствах эти дра-

гоценности могли оказаться на теле убитых? Еще перед отъездом из Тобольска Великие Княжны спрятали в своей одежде зашитыми драгоценности. А. А. Теглева вспоминала: *«Мы положили драгоценности в вату, и эту вату мы покрыли двумя лифчиками, а затем эти лифчики сшили. Таким образом, драгоценности, значит, были зашиты между двумя лифчиками, а сами они были с обеих сторон закрыты ватой. В двух парах лифчиков были зашиты драгоценности Императрицы. В одном из таких парных лифчиков было весом 4½ фунта драгоценностей вместе с лифчиком и ватой. В другом было столько же весу. Один надела на себя Татьяна Николаевна, другой – Анастасия Николаевна. Здесь были зашиты бриллианты, изумруды, аметисты. Драгоценности Княжон были также зашиты в двойной лифчик и его (не знаю, сколько было в нем весу) надела на себя Ольга Николаевна. Кроме того, Они под блузки на тело одели много жемчугов»*^[2628].

Драгоценности были зашиты Великими Княжнами в двойные лифчики в преддверии отъезда, то есть для того, чтобы эти драгоценности не были обнаружены при обыске. Разумеется, лифчики предназначались только для транспортировки драгоценностей. Таким образом, одеть эти лифчики с драгоценностями в Ипатьевском доме Великие Княжны могли бы только в том случае, если бы им предстоял отъезд. Это подтверждается и дневником Государыни: *«Ольга и я готовили наши лекарства»*. Если под лекарствами имелись в

виду снова драгоценности, то понятно, что Царская Семья готовилась к отъезду. Однако вполне возможно, что под «лекарствами» Государыня имела в виду именно медикаменты, а не бриллианты. 4/17 марта 1918 г. Великая Княжна Мария Николаевна в своём письме З. С. Толстой описывала дорогу из Тобольска в Екатеринбург: *«Дорога была ужасная, трясло ужас как. <...> Но как ни странно, ничего стеклянного не разбилось. У нас были взяты с собой лекарства и это доехало благополучно»*^[2629]. Несомненно, что для Толстой, которая жила в Петрограде и никак не была связана с условным языком Царственных Узников, слово «лекарства» не могло означать «драгоценности».

Теперь представим, что Царская Семья думала, что ее собираются куда-то увозить. Тогда вызывает недоумение, почему она взяла с собой драго-ценности и не позаботилась ни о лекарствах для Цесаревича, ни о Феодоровской иконе Божьей Матери. Между тем, по словам Чемодурова: *«С иконой этой Государыня никогда не расставалась и всегда имела у своего изголовья; куда бы Государыня ни отлучалась, хотя бы на короткое время, всегда брала эту икону с собой, и я не допускаю мысли, чтобы Государыня могла куда-нибудь отбыть, добровольно оставив эту икону»*^[2630]. Полагать, что Императрица при известии об отъезде в первую очередь позаботилась не о священной реликвии Дома Романовых, не о лекарствах для больного Сына, а о золоте и бриллиантах – значит осознанно клеветать на Государыню.

Примечательно и другое: в списке царских вещей, переданных Юров-ским^[2631] по акту коменданту Кремля П. Д. Малькову, нет тех драгоценностей (бриллиантов, золотой проволоки и так далее), которые якобы Юровский обнаружил возле Открытой шахты. Список из золотых вещей составляет 42 предмета, который включает в себя портсигары, часы, цепочки и брошки, то есть то, что Юровский забрал еще в Ипатьевском доме^[2632].

На встрече со старыми большевиками Я. Юровский поведал о царских драгоценностях: *«19 вечером я уехал в Москву с докладом. Ценности я передал тогда члену Ревсовета III армии Трифонову, их кажется, Белобородов, Новосёлов и ещё кто-то схоронили в подвале в земле какого-то домика рабочего в Лысьве и в 19-м году, тогда ехала на Урал комиссия ЦК для организации Советской власти на освобождённом Урале, я тогда тоже ехал сюда на работу, ценности тот же Новосёлов, не помню с кем извлекли, а Н. Н. Крестинский, возвращаясь в Москву увёз их туда»*^[2633].

Как бы там ни было, «панцири из бриллиантов» и «каменные пояса», якобы бывшие на Дочерях Государя, являются большим преувеличением, если не прямой ложью, призванной объяснить причины длительного умерщвления Царской Семьи. Кроме того, имеется информация, что уральские большевики еще задолго до убийства знали, что в одежде Великих Княжон защиты бриллианты. Сейчас трудно назвать источник этой информации, уже тогда, когда Царские

Дети выехали из Тобольска в Екатеринбург. П. Войков рассказал Беседовскому: *«Когда великие княжны прибыли вместе с Алексеем из Тобольска в Екатеринбург, чтобы присоединиться к “гражданину Романову” и его жене, нам уже передали, что на себе они имеют множество драгоценностей. Однако по их прибытии мы их не подвергли обыску. Причиной этого был постоянный страх Юровского: у него не было в охране женщин, и он не хотел, чтобы мужчины слишком близко приближались к дочерям царя. Он говорил, что все это закончится изнасилованием, а после изнасилования ни о какой дисциплине речи уже идти не может. Юровский сказал: “В один день мы заполучим все драгоценности, зашитые в их ночных рубашках и корсетах”»*^[2634].

Возникает вопрос: если убийцы знали, что на Великих Княжнах будут одеты «бриллиантовые панцири», – почему они стреляли не в голову жертвам, а по их телам? Но если бы даже на Великих Княжнах и Императрице были действительно надеты лифчики с зашитыми бриллиантами, то град пуль, выпущенных в них, привел бы к порче лифчиков, и бриллианты неминуемо бы выпали. То есть при любых обстоятельствах убийцы заметили бы драгоценности еще в доме Ипатьева. Кроме того, сами драгоценные камни от попадания пуль деформировались бы и привели к многочисленным ранениям убиваемых (особенно если по ним стреляли из винтовок). Даже бронежилет в момент попадания пули не всегда спасает человека от смерти, которая наступает от так

называемых кумулятивных ранений, то есть разрыва внутренних органов.

Но если длительное умирание Великих Княжон убийцы могли хоть как-то объяснить, то длительное умирание Цесаревича Алексея и Демидовой они объяснить не могли. Каким образом больной подросток мог оставаться живым после стольких выпущенных в его голову и тело пуль? А Демидова, которая приняла на себя свинцовый дождь, а затем получила 32 штыковые раны? Кто-то надоумил «участников» преступления придумать врача с его объяснением о чудо-«гемофилии», которая не давала так долго умирать Наследнику, да чудо-подушку, которой укрывалась от пуль Демидова.

Примечательно, что углубления в стене комнаты убийства, которые, согласно следователю Сергееву, были оставлены пулями или каким-то твёрдым острым орудием, были обнаружены большей частью на тех участках, которые находились на невысоком расстоянии от пола. Самое высокое место равнялось 38 вершкам (1 м 71 см), а самое низкое 5 вершкам (22,5 см). В основном углубления были обнаружены на расстоянии 12–16 вершков от уровня пола, то есть 54–72 см^[2635].

Если учесть, что средний рост расстреливаемых был около 170 см, то получается, что убийцы стреляли в основном по нижним частям тела, либо долго их достреливали. Но если следовать той картине расстрела, которую нарисовали соучастники, то после их беспорядочного залпа в стене долж-

но было остаться большое количество пуль на уровне головы и груди.

Анализ имеющихся источников наводит на мысль, что расстрел был искусно организованной инсценировкой. Но найденные следствием пули, и это было доказано экспертами, всё-таки проходили через толщу человеческого тела. Однако показателен характер этого прохождения. В основном пули прошли через мягкие тонкие части человеческого тела. Общую картину извлеченных пуль дает следующая таблица, составленная по материалам следствия и проведенных специальных баллистических экспертиз:

№ пули	Система оружия	Откуда извлечена	Прохождение через человеческое тело
1	Наган	Открытая шахта	Мягкие тонкие части
2	Автоматический пистолет «Кольт»	Дом Ипатьева	Значительная толща
3	Автоматический пистолет Браунинга европейского производства	Дом Ипатьева	Задела кость
4	Пистолет американского производства	Дом Ипатьева	Значительная толща
5	Наган	Дом Ипатьева	Мягкие тонкие части
6	Пистолет неустановленного образца	Дом Ипатьева	Мягкие тонкие части
7	Не установлена	Дом Ипатьева	Значительная толща
8	Наган	Дом Ипатьева	Мягкие тонкие части
9	Наган	Дом Ипатьева	Не задела костей
10	Наган	Дом Ипатьева	Значительная толща
11	Пистолет неустановленного образца	Дом Ипатьева	Установить не представилось возможным
12	Наган	Дом Ипатьева	Установить не представилось возможным
13	Наган	Дом Ипатьева	Мягкие тонкие части
14	Наган	Дом Ипатьева	Мягкие тонкие части
15	Наган	Дом Ипатьева	Мягкие тонкие части
16	Наган	Дом Ипатьева	Мягкие тонкие части
17	Наган	Дом Ипатьева	Мягкие тонкие части
18	Наган	Дом Ипатьева	Мягкие тонкие части

Напомним, что под мягкими частями тела принято счи-

тать мускульную и жировую ткань человеческого тела, то есть не содержащую костей. Так как эксперт специально подчеркивал, что эти мягкие части еще являлись тонкими, в противовес «значительной толще», то получается, что большинство пуль в Ипатьевском доме было выпущено либо по конечностям, либо по касательной. Понятно, что такие ранения не могли стать причиной смерти человека. К тому же экспертиза была не в состоянии ответить на вопрос: производились ли выстрелы по живому или уже мертвому телу.

М. К. Дитерихс оставил весьма интересные сведения: *«Пулевых следов в комнате имелось от 28 до 35, причём большая часть их была от пуль, не проходивших через человеческое тело»*^[2636]. Интересен также и тот факт, что из 18 пулевых отверстий, обнаруженных на стене и входной двери, только 9 несут следы замытия крови.

В. И. Прищеп и А. Н. Александров пишут по этому поводу: *«Из 18 следов выстрелов на восточной стене и двери только три-четыре соизмеримы с ростом стоящего человека. Остальные следы расположены на уровне от 22 до 90 сантиметров от пола, в том числе 9 – до 70 сантиметров. Сравнив со стандартной высотой ножек стула 40, стола – 70 сантиметров, можно предположить, что жертвы стояли на коленях либо упали на пол после первых выстрелов. Жутко моделировать обстоятельства их смерти по следам трагедии»*^[2637].

Следователем И. А. Сергеевым было обнаружено также в

левом при входе в комнату косяке двери сквозное пулевое отверстие. Получается, что этот выстрел был произведен изнутри комнаты в сторону двери, возле которой якобы находились Никулин с «латышами». Это обстоятельство может объясняться тем, что *«уже после гибели царской семьи кто-то проник в дом, либо скрывался в нем во время боев за город. Он произвел из комнаты выстрел в сторону двери, а по нему с другой стороны велась стрельба из пистолетов. Возможно, все происходило иначе, но могло быть и так»*^[2638].

Однако такая версия представляется хотя и вполне вероятной, но недостаточно убедительной. Несмотря на то, что к показаниям обвиняемых надо относиться с большой осторожностью, все же некоторые моменты в них представляются нам в большой степени вероятными. К таким моментам относятся показания Проскурякова о том, что он увидел, войдя в расстрельную комнату для ее уборки: *«В задней комнате с решеткой в окне, которая рядом с кладовой, в стенах и в полу были удары пуль. Пуль было особенно много (не самих пуль, а отверстий от них) в одной стене, той самой, которая изображена на предъявленной Вами фотографической карточке, но были следы пуль и в других стенах»*^[2639].

Скорее всего, большая часть выстрелов могла быть осуществлена действительно уже после смерти Царской Семьи, но не какими-то «случайными» лицами, а самими убийцами. Скорее всего, эти выстрелы были произведены в ночь на 17 июля 1918 г. или ранним утром того же дня.

Таким образом, учитывая все вышеизложенное, можно предположить, что применение огнестрельного оружия при убийстве Царской Семьи и ее верных слуг не соответствовало той картине преступления, в которой нас пытались уверить на протяжении десятилетий. Огнестрельное оружие было не единственным орудием убийства Узников Ипатьевского дома. Выстрелы в подвале были призваны скрыть применение другого оружия, которое, вполне возможно, и явилось основным орудием убийства.

Применение холодного оружия

Если верить показаниям и «воспоминаниям» участников преступления, применение холодного оружия сводилось к одному или двум штыкам от винтовок, которыми закололи раненных выстрелами членов Царской Семьи и А. С. Демидову. Однако на самом деле роль холодного оружия в убийстве 17 июля была намного значительнее.

Первый раз упоминание о неких «ножах» появляется за два месяца до убийства, 17 мая 1918 г., когда во дворе Дома особого назначения во время смены караула охранниками были найдены спрятанными 12 ножей, ровно столько же, сколько в конце концов будет заключенных в Ипатьевском доме^[2640]. Большинство исследователей объясняют появление этих ножей кражами царского имущества со стороны охраны. Однако непонятно, зачем ворами нужно было прятать

украденные ножи во дворе? Не лучше ли было вынести за пределы ДОНа. Непонятно также, что это были за ножи: кухонные, охотничьи, перочинные? В книге записей дежурств об этом не говорится ничего.

Второй раз упоминание холодного оружия появляется в «воспоминаниях» Медведева (Кудрина), причем на этот раз именно в качестве орудия, которым предполагалось убить Царскую Семью и её слуг. Кудрин пишет, что среди прочих вариантов убийства *«Юровский предложил вариант зарезать всех кинжалами в постелях. Даже распределил, кому кого приканчивать»*^[2641]. По воспоминаниям Медведева (Кудрина), ему было поручено заколоть Великую Княжну Татьяну Николаевну. Примечательно, что «кинжальный вариант» рассматривался убийцами как основной вплоть до самого последнего момента. Только когда перевалило за полночь, Юровский якобы предложил вариант с расстрелом. Из воспоминаний Кудрина можно сделать вывод, что холодное оружие, а именно кинжалы, были у убийц непосредственно перед осуществлением преступления.

В третий раз упоминание холодного оружия мы находим в показаниях и воспоминаниях участников преступления. В них речь идет о штыках, которыми закалывали жертв. Однако в этом вопросе имеется немало путаницы.

Впервые упоминание о штыках появляется в пересказе Якимовым рассказа охранников И. Н. Клещева и Н. С. Дерябина. Те утверждали, что в убийстве принимало участие

двое человек из «чрезвычайки», которые были вооружены винтовками с одетыми на них штыками, которыми были заколоты А. С. Демидова и Великая Княжна Анастасия. В разговоре с сестрой А. Якимов рассказывал, что А. С. Демидовой были нанесены 32 колотые раны. В свидетельствах Я. Юровского использование штыков описано с разной степенью подробности. Так, в «Записке» просто отмечается: *«Когда одну из девиц пытались доколоть штыком, то штык не мог пробить корсажа»*^[2642]. Ни что это был за штык, ни откуда он взялся, Юровский в «Записке» не сообщал. В его «Рассказе» старым уральским большевикам в 1934 г. об использовании штыка сказано чуть больше: *«Ермаков пустил в ход штык, и это не помогло, тогда их пристрелили, стреляя в голову»*^[2643]. Итак, появляется человек, который использовал штык, – Ермаков, но откуда у него этот штык появился, по-прежнему непонятно. «Воспоминания» фактически повторяют «Рассказ»: *«Товарищ Ермаков хотел закончить дело штыком. Но, однако, это не удалось»*^[2644].

Первый раз описание штыка присутствует у Кабанова: *«Один из товарищей, – рассказывал он. – в грудь фрельны стал вонзать штык американской винтовки “Винчестер”. Штык вроде кинжала, но тупой и грудь не пронзил, и фрельна схватилась обеими руками за штык и стала кричать»*.

Таким образом, из этих воспоминаний мы так и не можем сделать четкого однозначного вывода: откуда в расстрельной

комнате появились штыки и от винтовок какой марки они были? Неясно также, кто пользовался этими штыками.

Но главный вопрос, который остается без ответа: зачем штыки вообще оказались в комнате для убийства? Рассмотрим две гипотетические ситуации. Первая: штыки (или штык) понадобились убийцам в процессе совершения преступления из-за зашитых в одежде Великих Княжон драгоценностей. Вторая: убийцы знали о драгоценностях и принесли винтовки со штыками, уже предполагая, что их придется использовать.

В случае первой ситуации непонятно, зачем убийцы вообще принесли в комнату винтовки со штыками? Ведь они не могли не понимать, что применить в такой обстановке винтовки невозможно, не подвергаясь риску погибнуть самим. Непонятно также, зачем было прибегать к штыкам, когда выяснилось, что по какой-то причине часть убиваемых не погибла. Использование штыка совсем не самый быстрый способ умерщвления, так как холодное оружие не приводит к такой скорости смертельного исхода, как при использовании огнестрельного оружия. Убийцам было гораздо легче выпустить в голову раненым лишних две пули, которых у них было более чем в избытке, чем возиться со штыками.

В случае второй ситуации, если убийцы знали, что у них могут возникнуть сложности при выстрелах по корпусу тела и груди жертв, то зачем же они именно туда и стреляли? Почему сразу не нанесли выстрелы по головам, а сделали это, по

словам Юровского, только после того, как неудачно попробовали применить штыки? Ясно, что все эти доводы несостоятельны.

Весьма интересные детали мы узнаем из осмотра места происшествия, проведенного в 1918–1919 гг. следователями И. А. Сергеевым и Н. А. Соколовым. Первый, осматривая нижний этаж дома Ипатьева, отметил, что в комнате убийства *«на стене имеется шестнадцать углублений в толщину ее, похожие на следы проникновения пуль или на следы ударов каким-либо твердым острым орудием»*^[2645]. Позже И. А. Сергеев пришел к твердому выводу, что эти следы оставлены штыками или штыком, так как он обозначил эти следы надписями: «шт.», то есть «штык».

Следователь Н. А. Соколов был не согласен с этим выводом и писал: *«Некоторые пулевые удары в этой стене Сергеевым были приняты, видимо, за штыковые удары <...> Ясно видимых штыковых ударов нигде в комнате убийства не усматривается, но обращает внимание в этом отношении на себя арка. На расстоянии 1–1 ½ аршина от пола, как раз на той высоте, где вырезана обшивка, на той стороне арки, которая ближе всего к правому косяку двери из комнаты убийства в кладовую (если смотреть на эту дверь из комнаты убийства), усматриваются продолговатые в 1–2 миллиметра разрывы обоев. Получается впечатление, что по этой стороне арки как будто бы скользило острие штыка»*^[2646].

В своей книге «Убийство Царской Семьи» Н. А. Соколов добавляет сведения о еще трех ударах штыком, которые находились на той же арке: *«Под этим пулевым каналом в доске, как раз и находится пулевой канал на штукатурке арки. На лицевой стороне доски имеются совершенно ясно видимые четыре штыковых удара. Из них три проникают всю толщину доски на 1 сантиметр, а одно наружное, проникающее в слой обоев и картона и едва углубляющееся в слой дерева: глубина последнего 3 миллиметра. Все эти штыковые удары находятся под пулевым отверстием и отстоят от него книзу на 6,75 сантиметра. Одно от другого все они в непосредственной близости»*^[2647].

Таким образом, вполне вероятно предположение, что кто-то пытался скрыть следы от штыковых ударов и расстрелял участок стены над ними. В связи с этим вполне вероятно, что Сергеев был прав и верно принял углубления на стене за следы штыков, которые могли быть так же, как и следы на арке, «затерты» пулевыми выстрелами.

Но возникает вопрос: а являлись ли эти следы следами именно штыков, а не другого холодного оружия? Н. А. Соколов утверждал, что являлись, и доказывал это тем, что *«для точного установления происхождения этих отверстий в них осторожно вкладывалось острие штыка трехлинейной русской винтовки. Форма отверстий как раз совпала с формой штыка»*^[2648]. Но в показаниях соучастников нигде не приводятся свидетельства о русском штыке, зато го-

ворится о штыке-кинжале американской винтовки «Винчестер». М. Медведев (Кудрин) вспоминал: *«Наш отряд был вооружен трехлинейными “винчестерами” – винтовками с особой конструкцией затвором и длинными плоскими штыками»*^[2649].

Определение вышеуказанных следов холодного оружия как штыковых ударов именно от русской винтовки наводит на следующие соображения. Как известно, русская трехзарядная винтовка Мосина обр. 1891 г. имела игольчатый гранёный штык. Штыки в русской армии имели три и четыре грани (у винтовки Мосина обычно был четырехгранный штык). Несмотря на то, что с конца XIX в. четырехгранный штык становится наиболее распространенным, трехгранный продолжает свое существование. Во время Русско-китайской войны 1900 г. трехгранный штык широко применялся, также его можно было часто встретить на винтовках русских солдат и во время Русско-японской войны. Трехгранный штык имел одну особенность: он оставлял тяжелые треугольные раны, которые очень долго и трудно заживали и часто становились причиной летального исхода для раненого.

Игольчатый штык при этом имел очень тонкое острие. Таким образом, русский штык по своей форме напоминал большой стилет. Между тем именно граненые кинжалы часто являются в различных религиях и сектах ритуальным культовым оружием.

Не вызывает сомнений, что при убийстве Царской Семьи

злодеи активно использовали колющее холодное оружие. Причем следы применения этого холодного оружия обнаружены не только в комнате убийства. Следователь И. А. Сергеев обнаружил многочисленные следы остро-колющего оружия на двери и на стене вестибюля Ипатьевского дома^[2650]. К сожалению, И. А. Сергеев не дал подробного описания этих следов.

Принимая во внимание вышеизложенное и то, что показания преступников о применении ими огнестрельного оружия не совпадают с объективной реальностью, полны противоречий, а также учитывая, что преступники не смогли убедительно объяснить причины применения ими холодного оружия (штыков), можно предположить, **что холодное оружие было основным орудием убийства Царской Семьи и ее окружения ночью 17 июля 1918 г.**

Сегодня явно лживая версия обстоятельств убийства Царской Семьи принята за аксиому. Все другие версии не рассматриваются. Хотя предположение об убийстве холодным оружием имеет полное право на существование, тем более что сами участники преступления указывали на такой вариант убийства. При всей кажущейся нереальности, именно убийство холодным оружием объясняет очень многое. Если Царская Семья была заколота штыками или кинжалами, то тогда становится понятно и большое истечение крови, и длительное умирание жертв. Тогда становится понятным, почему так долго умирал Цесаревич и почему Великая Княжна

Мария Николаевна была еще жива, когда ее вынесли на носилках во двор. Становится понятно, почему на теле Демидовой было обнаружено так много колотых ран.

В версии убийства Царской Семьи холодным оружием нет ничего такого, что было бы невозможно осуществить убийцам летом 1918 г. Царская Семья могла быть сведена в комнату нижнего этажа, где ей были нанесены легкие огнестрельные ранения, которые лишали ее свободы передвижения, но не приводили к смерти. Затем ей начали наносить колотые удары. При этом убийцы стремились к тому, чтобы смерть их жертв не была быстрой и легкой, удары наносились в разные части тела и сопровождались большим истечением крови. После убийства по телам убитых было выпущено несколько пуль. Также множество пуль было выпущено по южной стене комнаты, где происходило убийство^[2651].

Войков сообщил Беседовскому, что члены команды по уничтожению тел Царственных Мучеников *«были снабжены новыми, остро отточенными топорами того типа, какими пользуются в мясных лавках для разделки туш»*^[2652]. По этому поводу следует отметить, что ритуальные сатанинские убийства извращённо копируют с целью глумления как ветхозаветное заклание тельца перед жертвенником, так и христианскую евхаристию.

Закалывание Царской Семьи холодным оружием стало частью народного предания. Как вспоминали очевидцы, дивеевская блаженная Мария Ивановна *«в ночь с 4 на 5 июля*

1918 года, т. е. в ночь мученической кончины Царской Семьи, страшно бушевала и кричала: “Царевен итыками! Проклятые жидаы!”^[2653] Неистовствовала страшно, и только потом выяснилось, о чем она кричала. Значит, она знала, кто приказывал и кто был исполнителем этого чудовищного преступления, искупление за которое до сих пор несет русский народ, допустивший это!»^[2654]

В 70-х годах XX в. в израильском журнале «Грани» был опубликован дневник советского туриста Шалома Йосмана, посетившего Ипатьевский дом: «Свердловск, 11 августа 1970 года. Слова старшины милиционера: “Слышал я, будто и не расстреляли их вовсе, а итыками закололи”»^[2655].

Другие признаки ритуального убийства – Каббалистическая надпись

Белое следствие обнаружило в комнате убийства четыре таинственных знака, которые многими признаны за каббалистическую надпись. О ней написано достаточно. Мы же будем рассматривать эту надпись не саму по себе, а как доказательство ритуальности убийства Царской Семьи.

При первом осмотре Ипатьевского дома следователь И. А. Сергеев не обнаружил изображения из четырех знаков или не придавал им значения. В любом случае, в его протоколе осмотра места происшествия ни их описания, ни иных сведений о них не имеется. Это дало основание целому ряду ав-

торов утверждать, что этой надписи не было вообще или она появилась в 1919 г. Но И. А. Сергеев не нашел многого из того, что потом обнаружил Н. А. Соколов, в частности пулевые и штыковые следы. Кроме того, даже если представить, что эта надпись появилась после 17 июля 1918 г., она не утрачивает своего значения в том случае, если характер ее действительно носил черты черной магии. Целая плеяда авторов как в России, так и за рубежом упорно отрицала принадлежность знаков к каббалистике. В творчестве одного из околонуточных драматургов прозвучала даже мысль, что эта надпись являлась чьей-то «пробой пера». В таком случае следовало бы признать следователя Н. А. Соколова и его дешифровальщиков людьми умственно отсталыми, так как они в течение долгих лет всерьез занимались раскрытием тайны чьей-то подписи или росчерка пера. Тем более странно выглядит в таком случае специалист по каббалистике Энель, посвятивший раскрытию смысла таинственной надписи целый труд. Но сегодня и среди профессиональных историков начинает превалировать научный подход к «четырем знакам». Одним из первых стал И. Ф. Плотников, который определил, что эти знаки *относятся к каббалистическим. Автор данных строк, занимавшийся проблемами истории масонства, его корнями, опубликовавший по ней специальную работу, видит в данных знаках сходство с таковыми в каббалистических и магических алфавитах, с тайнописью тайных обществ, весьма разнообразной. Встречающиеся в литерату-*

ре заявления о том, что знаки совершенно случайны, что их просто празднично нацарапали карандашом или заштриховывали после расстрела кровь в комнате охранники, или еще раньше приходившие туда, в контору Н. Н. Ипатьева, рабочие и т. д., вряд ли могут приниматься всерьез»^[2656].

Таинственная надпись была обнаружена 15 апреля 1919 г. следователем Н. А. Соколовым при осмотре им Ипатьевского дома. Важно заметить, что она была начертана рядом с какими-то цифровыми обозначениями. Вот как писал об этом сам Соколов в протоколе осмотра: *«На самом краю подоконника чернилами черного цвета весьма толстыми линиями сделаны одна под другой три надписи: “24678 ру. года”, “1918 года”, “148467878 р”, а вблизи их написано такими же чернилами и тем же почерком “87888”. В расстоянии полувёршка от этих надписей на обоях стены такими же черными линиями написаны какие-то знаки»^[2657]*. Далее идёт всем известное изображение из четырёх знаков.

Н. А. Соколов, как истинный профессионал, не стал делать никаких скороспелых выводов по поводу этой надписи и предполагал начать ее тщательное изучение. Однако сделать это в России ему не удалось. Изучение надписи началось только в эмиграции во Франции. В 1924 г. в парижском издательстве Payot увидела свет книга Н. А. Соколова, известная русскому читателю как «Убийство Царской Семьи». Но первое издание ее было на французском языке и называлось: «Следствие по убийству Русской Императорской Се-

мьи». В этом первом издании Н. А. Соколов писал о таинственной надписи: *«На той же стене я обнаружил надпись, состоящую из четырех символов и серии цифр. Несмотря на то, что существует несколько интерпретаций, смысл этой таинственной надписи до сих пор сокрыт»*^[2658]. Таким образом, Н. А. Соколов, во-первых, прочно увязывал написанные цифры и надпись в одно целое, а во-вторых, прямо называл саму надпись «таинственной».

Любопытно, что в русском издании книги Н. А. Соколова, изданной в^[1925] г. в Берлине в издательстве «Слово», уже после смерти следователя, приведенный выше отрывок претерпел значительные изменения: *«На этой же южной стене я обнаружил обозначение из четырех знаков»*^[2659]. Ни о том, что эти знаки были написаны вместе с цифрами, ни о том, что Соколов считает их таинственными, в русском издании не указывается. Остается загадкой, кто и с какой целью исправил текст покойного следователя.

Между тем известие о существовании каббалистической надписи вызвало среди большевистской верхушки сильное беспокойство. В 1934 г. Юровскому на встрече со старыми большевикам был задан следующий вопрос: *«По книге Соколова видно, что, где была казнь, на стенке осталась какая-то каббалистическая надпись на немецком языке и фашистский знак на окне, где жила семья»*. Юровский: *«Это недопустимо, не могло быть, может, это они сами написали»*^[2660].

Этот вопрос большевика коминтерновца С. И. Моисеева и ответ на него Юровского хорошо иллюстрируют русскую поговорку «На воре и шапка горит». Каббалистическая надпись не могла быть написана на немецком языке, она была написана *«не в комнате, где жила семья»*, а в комнате, где ее убили, а *«фашистский знак»*, который в 1918 г., естественно, таковым не воспринимался, был действительно изображен Императрицей, только не на окне, а на косяке двери второго этажа (*«там, где жила семья»*). Соколов нигде не называл надпись «каббалистической». Но большевики сами поспешили так ее определить! Поражает также и ответ Юровского: *«...может, это они сами написали»*. Кто это «сами»? Может быть, это белые или сама Царская Семья занимались каббалистикой? Вообще в ответе Юровского чувствуется какой-то страх, граничащий с паникой. Но именно этот ответ российский прокурорский работник В. Н. Соловьев предлагает нам как несомненное «опровержение» каббалистического смысла «четырех знаков».

Известие о появлении таинственной надписи побудило многих заняться ее расшифровкой. На сегодняшний день их существует более десятка, но все они в той или иной степени совпадают с наиболее научной версией находившегося в эмиграции русского ученого-лингвиста М. В. Скарятин, писавшего под псевдонимом Энель. В своей книге «Жертва», вышедшей в 1925 г. в Париже, Энель дал подробный лингвистический анализ «четырем знакам», основываясь на сво-

их обширных научных знаниях. Он пришёл к выводу, что эти знаки являются тройной еврейской буквой «Ламед», написанной на трех языках: древнееврейском, самаритянском и греческом («Лямбда»). Энель утверждал, что эти три языка в каббалистике *«достойны быть выразителями божественного откровения»*^[2661]. Тройное начертание «Ламеда», как утверждает Энель, сделано человеком, владевшим черной магией. Он сделал надпись «вверх ногами»^[2662]. В результате длительной работы Энель пришел к следующим выводам о сути этой надписи: *«Как совокупность нашего исследования мы приходим к заключению: 1. Убийство Царя было выполнено. 2. Оно было выполнено слугами темных сил с целью разрушения существующего порядка, людьми, прибегающими к сверхъестественным магическим силам, происходящим от доисторической науки. Полное раскрытие тайного значения надписи выражается так: “Здесь, по приказу тайных сил, Царь был принесен в жертву для разрушения Государства. О сем извещаются все народы”»*^[2663].

Несмотря на то, что выводы Энеля много раз подвергались критике, никто еще до сих пор не смог их убедительно опровергнуть. Более того, имеются несомненные подтверждения этих выводов. Так, в книге известного американского исследователя Н. Пенника, никак не связанного с изучением темы убийства Царской Семьи, приводятся следующие данные о значении буквы «Ламед» и «Лямбда»: *«Ламед является двенадцатой буквой древне-еврейского алфавита*

и читается как “Л”. Этот алфавитный знак включает в себе качество “продвижения дел”. Ламед представляет инструмент, известный как бычье стрекало или острог для принуждения и послушания рогатого скота. Аналогичные буквы имеются в древнегреческом и руническом алфавитах, где “Л” представлена “Лямбдой” и “Лагу”, которые также обозначают поступление прибылей и прогресс. Ламед – это целеустремленная энергия, необходимая для начинания в любом деле, и неизбежные жертвы, которые сопутствуют любой деятельности. Таким образом, эзотерическое значение Ламед – “жертвенность”, а числовое значение – 30. Ламед означает бычье стрекало, жертвоприношение, Правосудие.

В руническом алфавите мы находим прямое соответствие этой греческой букве – руну Лагу, которая также связана с ростом и обозначает звук “Л”. Подобные характеристики свойственны и древнееврейской букве Ламед. Лямбда обозначает число 30, а в гематрии ее название дает число 78»^[2664].

Таким образом, мы видим, что выводы Энеля и современных ученых-лингвистов сходятся: «Ламед» имеет смысл жертвоприношения.

А вот пояснение значения буквы двумя современными оккультистами Семирой и В. Веташем, авторами 20 книг по астрологии: «Ламед – веревка, хлыст, жало-сердце, воспитание – разжатая рука»^[2665].

Рава Ицхак Гинзбург пишет: «Один из великих учителей каббалы Авраам Абулафия ещё до того, как была найдена несколько столетий пребывавшая в неизвестности книга “Зоар”, объясняет, что сердце – это тайна двух букв ламед, обращенных друг к другу. Числовое значение буквы бет в слове “сердце” (“лев”) равно двум, таким образом, слово лев можно прочесть как “две буквы ламед”. Две буквы каф этих букв ламед изображают само сердце в его традиционном символическом воплощении, две же буквы “вав”, входящие в состав ламедов, представляют собой два кровеносных сосуда, ведущих от мозга к сердцу и назад к мозгу»^[2666].

Известный оккультист Элифас Леви указывает, что «Ламед обещает царя своему народу», что полностью совпадает с христианским представлением Антихриста^[2667]. Другой сатанист, Алистер Кроули, считал, что «буквы Алеф Ламед составляют тайный ключ к “Книге Закона”, в которой содержится основа совершенной каббалистической системы, более глубокой и возвышенной, нежели все прочие».

В 2004 г. группа российских гебраистов подвергла исследование Энеля уничижающей критике. Но в результате эти гебраисты продемонстрировали либо свой непрофессионализм, либо свое сознательное сокрытие известных им знаний. Обличая Энеля, они пишут: «Гермес Тот, Поимандр и тому подобные герметические образы, вопреки тому, что утверждает Энель, абсолютно неизвестны каббале, стоящей на позициях полного монотеизма»^[2668].

Но доктор философских наук А. В. Дьяков приводит иные сведения: «В еврейской среде в эпоху Ренессанса происходит критика каббалы за близость к неоплатоническим взглядам (р. Элия дель Медиго, р. Иегуда Мессер Леон). В то же время Йоханан Аллемано, р. Иегуда Абраванель, Абрахам Ягель и др. выступают сторонниками интерпретации каббалы в платоническом духе, утверждая её древнее аутентичное происхождение и видя в ней источник платонизма. Итальянский еврей Абрахам Ягель (1553–1623) произвёл “иудаизацию” Зороастра, Гомера, Гермеса, Орфея, Прометея, Платона и пр. В XVII в. сходные воззрения исповедовал Шимон Луцатто»^[2669]. Значит, на определенных этапах в каббале появлялось герметическое направление, и Энель имел полное право на это указывать.

Российские «гебраисты» считают: «Третий знак, как утверждает Энель, представляет собой древнегреческую ламбду. В этом случае она не может использоваться в каббале». А вот что пишет крупный специалист М. Б. Ямпольский: «Ламед ассоциировался с перевернутым L, например, по-своему, хотя и в искаженной форме, отражало происхождение греческой “гаммы” (и русского Г) из семитского “гимеля” с помощью вращения. Как показали грамматологические исследования, многие буквы изменили свою ориентацию в связи с переходом письма от направления справа налево, на направление слева направо. Так “алеф” стал “вращаться” и превратился в “альфу” (А), “бет” также изме-

нил свое направление. “Ламед” же превратился в Л (“лямбду”), буквально перевернувшись вокруг своей оси на 180 градусов»^[2670].

О том, что «Ламед» имеет в каббале смысл захвата и разрушения власти, подтверждают сами каббалисты. Центр каббалы, который занимается распространением каббалистической символики (находится в Лос-Анджелесе), поясняет, что трижды начертанный «Ламед» даёт «вам **власть**, чтобы **завоевать** собственную личность. Просто сфокусируйте ваши глаза на буквах, затем представьте себе **разрушение** вашего эго»^[2671].

Несмотря на непреходящее значение выводов Энеля, нельзя не согласиться с мнением некоторых критиков, которые утверждают, что он в своей расшифровке не учитывает цифровые обозначения, которые «являются ключом к каббалистическим знакам, и уж во всяком случае, без их расшифрования смысл надписи следует считать по меньшей мере неполным, а может быть, и вовсе неверным».

Кроме того, весьма подозрительной личностью является и сам Энель, крупнейший специалист по тайнописи и магическим алфавитам, чьи книги до сих пор пользуются большим авторитетом у специалистов в этой области. В 1993 г. в Париже вышла его книга под названием «Trilogie dela Rota». В ней есть сведения об авторе: «Посвященный каббалист и оккультист русского происхождения, бежавший во Францию – Энель (1883–1963) посвятил большую часть своей жизни

изучению Античной мудрости и каббалы»^[2672].

Таким образом, цели, которые преследовал Энель в своей книге «Жертва», могли быть очень далеки от стремления пролить свет на изуверский смысл оставленной надписи. Хотя вполне возможно, что смысл самой надписи изложен им верно. Но эта надпись могла означать лишь часть всего того смысла, который был заключен в символах и цифрах на стене дома Ипатьева.

В связи с этим на определенные размышления наводит частое повторение в обнаруженных в Ипатьевском доме записях цифры 8. Между тем эта цифра в псевдохристианской каббалистике означала имя Христа. Предоставим слово Н. Пеннику: *«Существует несколько гематрических чисел, которые связываются исключительно со Христом. Эти числа: 700 (монограмма “Хи-Ро”); 888 (Иисус); 1480 (Христос); 1998 (природа Иисуса) и 2368 (Иисус Христос). Эти имена часто состоят из чисел, сочетания которых символизируют божественные или космические качества»*^[2673].

Сравним эти цифры с цифрами в Ипатьевском доме: 24678, 1918, 148467878, 87888. Как мы видим, восьмерка присутствует в каждой цифровой комбинации, а в последних двух встречаются три восьмерки, соответствующие гематрическому обозначению имени Иисуса. Таким образом, вполне возможно, надпись в Ипатьевском доме носила не только смысл оповещения о принесении Царя в жертву, но и оповещения всего мира о совершенном в доме Ипатьева открыто

богоборческом акте, направленном против Спасителя.

В пользу этого утверждения говорит и то обстоятельство, что надписи были сделаны на трех языках, что очень напоминает кощунственный «перевертыш» надписи на Кресте, на котором был распят Господь.

Также весьма важно то обстоятельство, что буква «Ламед» соответствует 12-й карте Таро – «Повешенный». Известно, что сатанинские организации называют Христа Спасителя – «Повешенным на кресте», тем самым глумясь над Господом^[2674]. Вот какие разъяснения дают по поводу этой карты современные оккультисты: *«Традиционно он носит название “Повешенный”, однако возможны и другие варианты (“Жертва”, “Мессия”, “Повешенный Бог”) (выделено нами. – П. М.). Прежде чем мы обратимся к значению данной карты, присмотримся внимательнее к изображению. Перед нами пустынная местность. Заходит солнце, окрашивая всю картину. И на фоне этих красок, привязанный к перекладине за ногу, висит человек. Вторая его нога согнута, так что вместе они образуют крест.*

Значение этой карты понятно уже из ее названия. Основная идея данного Аркана – **жертва**. Но жертва понимается здесь не как бесплодная потеря чего-то вам дорогого, а как отдача во имя приобретения еще более необходимого.

Фигура Повешенного – одна из самых странных в колоде карт Таро. Она изображает молодого человека, подвешенного за ногу. Он жив и находится в сознании, но неподвижен

и бездейственен. Мир перевернулся, и он принял естественную для данной ситуации позу. Карта является символом “стояния на голове”, пресловутого переворота ценностей. Желание принять перемены, жизненную гибкость, эластичность мышления. Ноги его скрещены – символ веры, руки переплетены на груди. Заходящее (а может быть, восходящее) Солнце на заднем плане – символ перехода в новое состояние. Это связывает карту с обновлением и возрождением»^[2675].

Как видно из приводимых карт Таро, «Повешенный» в египетском, марсельском варианте и вариантах сатанистов Райдер-Уайта и А. Кроули приобретает все более антихристианские черты, превратившись в перевернутое Распятие (у Райдера вокруг головы «Повешенного» имеется нимб).

При этом во всех вариантах нога «Повешенного» согнута так, что образует букву «Ламед». Если мы вспомним, что «четыре знака», найденные на стене Ипатьевского дома, были написаны также вверх ногами, то тайный смысл надписи может заключаться в объявлении вселенского переворота, наступлении новой антихристовой эры.

Карты Таро были тесно увязаны с каббалой и ее символикой западными чернокнижниками и оккультистами в конце XIX в. (двадцать две буквы и десять Сефирот каббалы – основа системы Таро). В 1856 г. в своей работе «Учение и ритуал высшей магии» сатанист Элифас Леви связал каббалу и Таро, ассоциируя Старшие арканы Таро с буквами иврита, а

значит, и с путями Каббалистического дерева. Поэтому, изучая надпись в Ипатьевском доме, российские «гебраисты» должны были обратить пристальное внимание на так называемые западноевропейские каббалистические ритуалы, а не заикливаться на классической иудейской каббале.

М. Б. Ямпольский писал, что *«гадательное значение “Повешенного” – это “приостановка жизни, изменение, переход, жертвоприношение, возрождение. Но это и падение в самые глубины перед возрождением души, символизируемым десятым арканом – “Колесо фортуны”. “Повешенный” также имеет значение погружения высшего духовного начала в материальные, нижние слои. Символ такого погружения – треугольник, чья вершина обращена вниз (в этом смысле “Повешенный” дублирует перевернутое дерево, растущее из высших идеальных сфер в область материального)»*^[2676]. Приведенная выше цитата явно указывает на сатанинский смысл «Повешенного».

Конечно, тайна «четырех знаков» остается нераскрытой до сих пор. Но главное, что в ней силы зла точно обозначали свое присутствие и причастность к совершенному преступлению. В связи с этим невозможно не согласиться с Эне-лем: *«Чувство страха, которое охватывает при мысли об этом оккультном действии, мучительно. Угроза надгробной надписи преследует, как очень древняя угроза, направленная против всего мира. Действие Зла упорно, непримиримо и скрытно. Очень редко оно раскрывается благодаря траги-*

ческому происшествию, подобному убийству Царя, но человечество, плохо или совсем не предупрежденное, поглощено своими интересами, своими возжеланиями, своими удовольствиями. Но есть спасение! Оно единственное. Оно кроется не в силе оружия, не в пролитой крови, потоки коей лишь служат пищей Злу. Спасение является в виде победы в деле борьбы духа, в коей щит – это Церковь Христова, а меч – Святой Крест нашего Спасителя. И темные силы рассеются, и Свет победит»^[2677].

Усекновение глав Святых Царственных Мучеников и глумление над их телами

Оказавшись в 20 верстах от Екатеринбурга, в урочище Четыре Брата возле Открытой шахты, следователь Н. А. Соколов, основываясь на добытых им и его предшественниками вещественных доказательствах, установил, что на этом месте уничтожались тела Царской Семьи и ее приближенных. По мнению Соколова, уничтожение было осуществлено посредством расчленения тел убитых, помещением их фрагментов между бревен, поливанием их бензином и сжиганием на костре с последующим уничтожением костных останков при помощи серной кислоты. Доказательствами этого вывода служили: обнаруженные следы больших кострищ со следами воздействия кислоты, фрагменты костных останков крупного млекопитающего, возможно, человека, саль-

ные массы в почве на месте кострищ, отчлененный палец человека, большое количество различных деталей мужской и женской одежды, принадлежавшей Царской Семье, части её икон, драгоценностей и личных вещей, подвергавшихся действию огня.

Таким образом, обстоятельства уничтожения тел Царской Семьи во многом совпадают с ритуальным сатанинским убийством. В основе его лежит искаженный чернокнижием древнеиудейский обряд «жертвы всесожжения»: когда **полагалось тельца вынести «из стана на чистое место, где высыпается пепел», и сжечь его огнем на дровах** (Лев. 3: 10–4: 15).

В манипуляциях над телами четко прослеживается ритуал сатанизма, адепты которого утверждают: *«Останки вывозятся в лес, обливаются бензином и сжигаются, а затем закапываются. Документы убитого тоже сжигаются, а деньги идут в общак»*^[2678].

Но кроме этих видимых следов ритуала чёрной магии имеется еще одно весьма таинственное обстоятельство: Соколов не обнаружил ни одного человеческого зуба, хотя известно, что они хуже всего поддаются действию огня. Руководивший общим ходом расследования генерал М. К. Дитерихс одним из первых выдвинул гипотезу отсутствия зубов: *«Экспертиза установила, что находившиеся в районе шахты и шахте кусочки драгоценностей имели определенные следы отделения их от тела каким-то рубящим ору-*

жием. Остается допустить, что Исаак Голощёкин и Янкель Юровский для сокрытия тел разрубали их на части. <...> На откосе котлована нашелся вязанный Государыней Императрицей шнурок от мешочка, найденного раньше вместе с разбитой иконкой, на котором он носился на шее. Шнурок был перерезан или перерублен, что могло произойти или при желании лишить тело всяких наружных признаков опознания при погребении в земле, или при отделении головы от тела для сохранения головы в спирте. <...> Найденные на “полянке врачей” листки медицинского справочника, которым мог пользоваться только врач, указывают, что операция сокрытия тел требовала присутствия врача. Помощь его могла быть нужна или при обращении работавших с кислотой или при каких-нибудь особых хирургических манипуляциях над телами. Палец, найденный в шахте, был, безусловно, отделен хирургически, совершенно чисто, по фаланге второго сустава. <...> Вся эта дикая операция порубки тел для большего удобства при сжигании, конечно, не требовала присутствия врача. Но если предварительно действительно отделялись головы у несчастных жертв Исаака Голощёкина, если в таинственных трех железных бочках, увезенных потом назад в город на коробах, был спирт для заливки отделенных голов, то для этой операции нужен был именно врач. <...> Тела несчастных мучеников вытащили на глиняную площадку; туда же доставили бочку керосина, 9–10 пудов кислоты и три бочки, по-видимому, со спиртом.

Прежде всего, Исаак Голощекин отделил у них головы. Выше уже упоминалось о тех слухах, которые распространялись в Москве в среде советских деятелей с приездом туда после убийства Исаака Голощекина и в связи с привозом им Янкелю Свердлову каких-то тяжелых, не по объему, трех ящиков. Что в этом отношении говорят исследования на месте? Прежде всего найденные кусочки шейных шарфов и цепочек носят следы порезов их, что могло произойти при отделении голов от тел режущим или рубящим оружием. Далее, при операции отделения голов с тел катились порядочные по величине и весу фарфоровые иконки; их швырнули далеко в траву котлована, и в костре они не были. Наконец, зубы горят хуже всего; между тем при всей тщательности розысков нигде, ни в кострах, ни в почве, ни в засыпке шахты ни одного зуба не найдено. По мнению комиссии, головы Членов Царской Семьи и убитых вместе с ними приближенных были заспиртованы в трех доставленных в лес железных бочках, упакованы в деревянные ящики и отвезены Исааком Голощёкиным в Москву Янкелю Свердлову в качестве безусловного подтверждения, что указания изуверов центра в точности выполнены изуверами на месте»^[2679].

Таким образом, М. К. Дитерихс аргументированно высказал предположение о том, что головы членов Царской Семьи были отчленены убийцами и отправлены в Москву.

Отчленение голов может рассматриваться только в рамках единого ритуала происшедшего убийства в Доме особ-

го назначения. Исследователь Л. Е. Болотин указывает, что *«отделение головы жертвы от тела, как это следует из разных авторитетных источников, является составной частью каббалистического ритуала»* [2680].

Современный сатанизм говорит о том, что голова жертвы сохраняется в сатанинском храме на день и ночь после убийства и показывается новым инициированным. Духовный смысл этого сатанинского обряда заключается в символическом повторении усекновения главы святого Иоанна Предтечи.

Что же известно о судьбе усеченных глав Царской Семьи?

Первые известия о Царских Гловах приходятся на 1918–1919 гг., когда мелкие советские служащие, готовясь, как им казалось, к неминуемому краху большевистской власти, говорили: *«Ну, теперь, во всяком случае, жизнь обеспечена: поедем в Америку и будем демонстрировать в кинематографах головы Романовых»* [2681].

В 1925 г. фельетонист и журналист И. М. Василевский (Не-Буква) издал брошюрку «Что они пишут?». Не-Буква представлял собой тип очередного либерального демагога, беспринципного и безнравственного. Будучи до революции горячим поклонником П. Н. Милюкова и «борцом» с Самодержавием, Не-Буква не принял октябрьского переворота и эмигрировал. Он был широко известен в эмигрантских кругах, был лично знаком со многими общественными деятелями и писателями (Милюковым, Маклаковым, Львовым,

Струве, Куприным, Брешко-Брешковским). Однако, по мере того как финансовые дела Не-Буквы шли все хуже и хуже, журналист стал все более тяготеть к советской власти. Его фельетоны, очерки и рассказы становятся откровенно пробольшевистскими. В 1922 г. в Берлине Не-Буква выпустил брошюру «Николай II», которая являлась пасквилем на свергнутого и к тому времени убитого Императора. Не-Буква явно стремился выслужиться перед большевиками и подготовить почву для своего возвращения в СССР. Новые хозяева оценили усердие «кадетского» журналиста, и в 1923 г. он вместе с писателем А. Н. Толстым вернулся в Советский Союз. Там он принялся восхвалять советскую действительность и всячески поносить своих бывших друзей. В 1923 г. в Петрограде выходит его книга *«Романовы. Портреты и характеристики»*. Понятно, что они были написаны Василевским соответственно большевистскому заказу. Однако выслуживание не помогло Не-Букве: в 1938 г. его расстреляли как врага народа.

Сведения, которые приводит в своей брошюре Василевский, получены из первых уст, поэтому они представляют определенную историческую ценность. Не-Буква приводил слова писателя Н. Н. Брешко-Брешковского, сына «бабушки русской революции» Е. К. Брешко-Брешковской, следующее: *«Юровский и Ермаков в июле 1918 года представили Президиуму ВЦИК головы казненной царской четы. Оказывается, стараниями Соколова была раскрыта тайна, буд-*

то бы большевики в первые годы революции практиковали такую форму отчетности о проделанной работе как представление начальству отрубленных голов. На представленные головы вышестоящие комиссары косятся недоверчиво. Но Юровский настаивает: "Каких доказательств вы еще можете требовать? Вот его императорское величество, вот ее императорское величество..." И Юровский опустил головы до земли»^[2682].

В рассказе Брешко-Брешковского много неясностей. Странно, что Юровский привёз Царские Головы Президиуму ВЦИК, то есть Свердлову, совместно с Ермаковым. Тот занимал слишком малозначительную должность, чтобы участвовать в ритуале такой важности. Кроме того, в книге Соколова нет ни слова о существовании особой отчетности у большевиков отрубленными головами, как и нет ни одного слова об отчленении Царских Глав. Источник полученной информации Брешко-Брешковским не называется.

В 1933 г. на Западе появляется главное свидетельство того, что Царские Главы были действительно отчленены большевиками и увезены в неизвестном направлении. Оно принадлежит французскому генералу Морису Жанену, чьи свидетельства ценны, так как он был фактическим руководителем сил Антанты в Сибири и на Урале. Жанен пользовался гораздо более глубокой информацией, чем та, какую имели Соколов и Дитерихс. В 1920 г., когда положение колчаковских войск стало безнадежным, а адмирал убит большевика-

ми, Жанен оказал Соколову действительную помощь в спасении материалов следствия. Естественно, что он был в его курсе. Жанен свидетельствовал в 1933 г.: *«20 марта вечером Дитерихс вместе с Жильяром и одним из офицеров прибыли, неся с собой три тяжелых чемодана. 21 марта Дитерихс принес мне ящик с человеческими останками и еще более важными вещами. Человеческие останки насчитывали около тридцати обожженных частей костей, немного человеческого жира, вытекшего на землю, волосы, отрезанный палец, который экспертиза определила как безымянный палец Императрицы. Кроме того там были обожженные фрагменты драгоценностей, иконки, остатки одежды и ботинок, металлические части одежды, такие как пуговицы, застежки, пряжка Цесаревича, окровавленные кусочки обоев, револьверные пули, документы, фотографии и так далее. Зубов не было. Головы были отчленены от тел и отправлены неизвестно куда назвавшимся Анфельбаумом в специальных ящиках, наполненных опилками»*^[2683].

Примечательно, что, говоря об отчленении голов, Жанен прямо утверждает: «головы были отрезаны». Более того, генерал детализирует, что отчлененные головы были отправлены «неизвестно куда в специальных ящиках с опилками». Если бы Жанен просто повторял слухи с чужих слов, он не преминул бы сообщить о «стеклянной банке со спиртом» и о том, что «головы были отправлены в Москву». Но Жанен сообщает принципиально новые сведения, указывает на

того, кто эти головы увез: некий Апфельбаум. Эта фамилия принадлежала большевистскому главарю Г. Е. Зиновьеву. Первое, что приходит на мысль, не приезжал ли в Екатеринбург за Головами сам Зиновьев? В книге И. Ф. Плотникова приводится фотография Зиновьева в окружении уральских большевистских лидеров, многие из которых – организаторы Екатеринбургского злодеяния: Голощёкин, Мрачковский, Сафаров. Эта фотография относится к 1919 г. Но не указано, где она была снята и по какому случаю. Безусловно, что требуется подробное изучение биографической хроники Зиновьева в 1918 г., которое может помочь пролить свет на эти темные обстоятельства.

В 1934 г. бывший иеромонах, бывший чекист и сподвижник Дзержинского, баптист и расстрига С. М. Труфанов (более известный как Илиодор) поведал американской прессе следующую информацию: *«Однажды мне надо было явиться в Кремль к Калинин, чтобы обсудить с ним вопрос о важной религиозной реформе. Когда я проходил по темному коридору, мой провожатый неожиданно открыл дверь небольшой потайной комнаты. Я вошел туда. На столе под стеклянным колпаком находилась голова Николая II. Глубокая рана была на месте его левого глаза. Я застыл на месте»*^[2684].

Труфанов был одиозной личностью, не брезговавшей никакими клеветой, ложью и подлогом. Поэтому его откровениям по поводу Царской Главы полностью верить нельзя.

Но все же в воспоминаниях Труфанова есть одна интересная деталь: при каких обстоятельствах он увидел заспиртованную голову Государя. Увидел он её в Кремле (!), куда прибыл для *«обсуждения важной религиозной реформы»*. Известно, какие «религиозные реформы» проводили большевики: речь шла об уничтожении Православия. Обсуждение «реформы» было предварено показом отрезанной Царской Главы. То есть был совершён некий ритуал черной магии, подобие черной мессы. Поражает та натуралистичность, с какой Труфанов описывает отрезанную голову Царя, рану вместо левого глаза. Похоже, что Труфанов не лжет. Но возникает вопрос: зачем Труфанову понадобилось раскрывать тайны черного ордена? Сообщить о ней Труфанову могли приказать сами черные силы. Зло нуждается в пропаганде своих дел. Они не могут вершиться только в тайне. Каббалистическая надпись в комнате убийства красноречиво говорит об этом. Заставляя Труфанова оповестить мир об отрезанной голове Государя, сатанисты могли стремиться заставить христианский мир ужаснуться перед их силой, внушить ему мысль о бесполезности сопротивления. Не случайно, что с воспоминаниями Труфанова русскую эмиграцию познакомила не какая-нибудь крайне правая газета, а вполне либеральные прокадетские «Последние новости».

В наши дни сведения об отчлененных Царских Главах приобрели новую силу. Новые сообщения пришли опять-таки не от православной общественности, а совершенно из

другого лагеря. Одним из первых, кто заставил серьезно поверить в то, что головы Царя и Царицы были действительно отчленены, был не кто иной, как первооткрыватель «мостика из шпал» Г. Т. Рябов. В своей книге «Как это было», которая вышла в издательстве с символичным названием «Политбюро», он пишет^[2685]: «Андропову доложили, что некто Рябов интересовался Романовыми и даже нашел их. “Пригласите его”, – распорядился Андропов. И вот я на Лубянке, в кабинете всесильного руководителя КГБ. <...> Вхожу во двор, подъезд в углу, слева, поднимаюсь на лифте. <...> Звоню, человек средних лет в штатском, плотный, с проседью, глядывается в мое лицо.

– Раздевайтесь. Шкаф перед вами.

Проходим в дальнюю комнату. Это добротно обставленный кабинет, стеллажи с книгами, две хорошие картины на стене. На диване, закинув ногу на ногу, – он, Андропов; несколько мгновений молча глядывается: “Я видел вашу фотографию. Непохожи. Садитесь”.

Он молчит, рассматривая меня, как музейный экспонат. Молчу и я.

– Вы знаете о легенде по поводу отрезанных царских голов? Якобы Свердлов...

– Я знаю эту легенду.

Качает головой:

– Это не легенда.

Слегка поворачивает голову: и человек в штатском сбра-

сывает покрывало с чего-то возвышающегося на письменном столе. Это три банки с прозрачной жидкостью, такие я видел в музее Академии наук, в Ленинграде, в бывшей Кунсткамере. Коллекция пастора Рюйша. Детские головки.

Здесь Государь. Мягкое лицо, закрытые глаза, едва заметная гримаса страдания. Императрица. Глаза широко открыты, в них полное безразличие. У мальчика тоже открыты глаза, он славно причесан, традиционно, от едва заметного пробора – направо. Шеи у всех троих закрыты белой материей. – А это... зачем? – говорить мне трудно. – Отрезали ведь... – бросает Андропов равнодушно. – Нелегкое зрелище... Вы нашли место? Могилу? По нашим данным – да. Это “да” – непререкаемо. – Что от меня требуется? – стараюсь, чтобы голос не дрожал. Молчит. Смотрит. – Вы совершили тяжкое государственное преступление, – цедит он. – Вы способствовали – в потенции – свержению строя рабочих и крестьян. <...> Эти головы упакуют. Наши люди доставят их к месту, которое укажете вы. <...> Я решаюсь. – Зачем вам это все? – Вы прямо спросили, и я отвечу прямо: в государстве случается всякое. Это... могила – наш общий, политический, если хотите, резерв» ^[2686].

Обрушив на потрясенного читателя вышеприведенную информацию, Рябов в конце текста объясняет: «Разыгралось воображение». На самом деле это литературный прием Рябова, он человек весьма умный и расчетливый. Таким приемом он добивается усиления производимого на читателя эффек-

та. Какого же эффекта добивался Рябов, так подробно рассказывая выдуманную историю с Царскими Главами? Впрочем, выдуманную ли? Если бы Рябов хотел просто сообщить читателю, что он не действовал по поручению КГБ, не подкладывал в могильник никаких черепов, то было бы достаточно просто сказать об этом. Вместо этого Рябов тщательно и подробно рассказывает о своей встрече с Андроповым, приводит мелкие детали интерьера, особенности характера и мимики шефа КГБ, его подробные слова, длинноты и паузы, весьма убедительно описывает отрезанные Царские Головы, банки, в которых они находились, белую материю, закрывавшую след горлового разреза. После этого описания у читателя остается полная убежденность, что все, что рассказал Рябов, было с ним в действительности. Об истинной причине написания этого рассказа нам, конечно, может до конца поведать только сам Г. Т. Рябов, но сомнительно, чтобы он это сделал.

Еще одно чрезвычайно важное сообщение об отрезанных Царских Главах появилось незадолго до захоронений Екатеринбургских останков в Петропавловской крепости. 27 января 1996 г. в еженедельнике «Аргументы и факты» появилась статья следующего содержания: *«Как стало известно из информированного источника, буквально на днях в одном из самых секретных государственных сейфов была обнаружена опись вещей, находившихся когда-то в “ленинских комнатах” Кремля. Одним из пунктов этой описи значит-*

ся: *“Банка с заспиртованной головой царя Николая Второго”*. Где сейчас находится отрезанная голова самодержца, пока неизвестно»^[2687]. После того как представители православной общественности обратились в редакцию еженедельника за разъяснениями, то там им ответили, что *«у них никогда подобной информации в помине не было»*^[2688].

В 1997 г. покойный журналист А. П. Мурзин, рассказывая об «исповеди Ермакова», передаёт его слова о том, что головы Царя, Царицы и Цесаревича были отчленены и увезены Войковым в неизвестном направлении.

Убийство собак

Царская Семья взяла с собой в Тобольскую ссылку трёх собак: бульдога по кличке Ортипо, спаниеля Наследника – Джоя и маленькую собачку японской породы по кличке Джимми, принадлежавшую Великой Княжне Анастасии Николаевне. Старшая сестра Царскосельского лазарета В. И. Чеботарева, непосредственно наблюдавшая за отъездом Царской Семьи в Тобольск, писала в своем дневнике: *«Собаки Ортипо и Джой поехали»*^[2689].

Императрица Александра Феодоровна писала А. А. Вырубовой 8 декабря 1917 г. из Тобольска: *«Я утром в постели пишу, и “Їтту” спит у меня прямо носом и мешает спать. Ортипо на ногах, теплее им так»*^[2690].

Великая Княжна Ольга Николаевна в письме П. В. Петро-

ву: *«Джой, Ортипо и Джим процветают. Двух первых приходится гонять со двора, где они наслаждаются в помойной яме и едят всякую пакость»*^[2691]. Таким образом, собак, по крайней мере в Тобольске, было три. Но доехали ли все они до Екатеринбурга, неизвестно. Можно быть уверенными в наличии двух собак: Джоя и Джимми.

Джой был обнаружен белым уголовным розыском при обыске жилища М. Летемина. Тот признался, что после убийства Царской Семьи из жалости взял собаку к себе^[2692]. Царевич говорил о Джое, что *«у него много знакомых в городе, и поэтому он всегда убегает»*^[2693]. Убежал Джой из дома и в ночь убийства, что и спасло ему жизнь^[2694].

Труп Джимми был обнаружен и осмотрен следователем Соколовым 25 июня 1919 г. в малом колодце шахты в урочище Четыре Брата. Было установлено, что животное погибло от тяжелой травмы головы, наступившей от удара тяжелым предметом.

О бульдоге Ортипо нет никаких сведений.

Понять, таким образом, сколько было убито собак в Ипатьевском доме ночью 17 июля, не представляется возможным. Медведев-Кудрин так описывал убийство собаки: *«Около грузовика встречаю Филиппа Голощёкина. – Ты где был? – спрашиваю его. – Гулял по площади. Слушал выстрелы. Было слышно. – Нагнул над царем. – Конец, говоришь, династии Романовых?! Да...*

Красноармеец принёс на штыке комнатную собачонку

Анастасии – когда мы шли мимо двери (на лестницу во второй этаж), из-за створок раздался протяжный жалобный вой – последний салют императору Всероссийскому. Труп песика бросили рядом с царским. – Собакам – собачья смерть! – презрительно сказал Голощёкин»^[2695].

А вот как произошло убийство собак по Кабанову: *«Я рекомендовал умертвить холодным оружием трех царских собак, которые сильно выли. Четвертую собаку Джсек как не производящую вой, не тронули. 3-х царских собак добили прикладами ружей. Правда, одну из собак повесили»*^[2696].

Воспоминания Кудрина и Кабанова объединяет одно: особая жестокость при убийстве животных и отсутствие логики в их умерщвлении. Оба воспоминания как бы дополняют друг друга, делая картину убийства собак законченным и сознательным актом. Главным смыслом этого акта является глумление. Очевидно, что труп собачки, брошенный рядом с телом убитого Государя, со словами *«собакам – собачья смерть!»*, есть не что иное, как глумление. Таким же глумлением является повешение собаки.

Умерщвлением собак было отмечено не одно только убийство Царской Семьи. В ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. в Петрограде был убит Г. Е. Распутин, тело которого было сброшено в Мойку. На месте убийства Распутина во дворе Юсуповского дворца была обнаружена убитая собака. После Февральской революции на могиле Распутина в Александровском парке Царского Села кем-то была начертана надпись

по-немецки: «Hier ist der Hund begraben» («Здесь зарыта собака»)[2697]. Напомним, что труп Г. Е. Распутина, так же как и тела Царской Семьи, был сожжен в ночь с 10 на 11 марта 1917 г.

У иудеев, а также и некоторых христиан собака считается нечистым (трефным) животным: *«Собака всегда считалась у евреев нечистым, презираемым животным – настолько, что даже деньги, вырученные за продажу пса, нельзя было жертвовать в Храм»*[2698]. В каббале представление о собаке как о нечистом животном еще более усиливается. Израильский исследователь литературы Даниэль Клугер (Д. М. Клугер) отмечает: *«Уместно обратить внимание читателя на то, что символизирует собака в еврейской мистической традиции. Не менее интересно в нашем случае то символическое значение, которое придается собаке в еврейской мистике. Собака в Каббале символизирует сферу Гвура – “суровость”, и рассматривается как символ неотвратимости возмездия, как символ суровости приговора»*[2699].

Особенно показательны в этом смысле сведения Кабанова о повешенной собаке и убийстве именно трех собак. Установлено: букве «Ламед» в каббалистической традиции соответствует 12-я карта Таро, «Повешенный», под которым в оккультной литературе подразумевается Господь Иисус Христос. Число убитых собак равняется Божественному числу Святой Троицы. Напрашивается вывод: убийство

собак в Ипатьевском доме было призвано осквернить имя Троицкого Бога и Его Помазанника.

Роль числа 12 в Екатеринбургском злодеянии

Исследование обстоятельств Екатеринбургского злодеяния приводит к тому, что организаторы и исполнители убийства придавали большое значение цифре «12»: 1. Число заключенных в доме Ипатьева большую часть времени равнялось 12 человекам. Как только в доме появились «лишние» Седнев и Нагорный, изменившие своим присутствием количество узников, их удалили. В самый последний момент перед убийством удалением поваренка Л. Седнева число заключенных было изменено. 2. Юровский пробыл в качестве коменданта дома Ипатьева ровно 12 дней. 3. Убийство началось в 12 часов ночи. 4. По некоторым данным, убийц было 12 человек. 5. Букве «Ламед», начертанной на южной стене комнаты убийства, соответствует 12-я карта Таро «Повешенный».

Число 12 считалось ключевым во многих религиях и учениях. Оно считается сверхсовершенным числом, символом «философского камня», законченности и Божественного круга, вращающего вселенную. Присутствие числа 12 во многих религиозно-духовных традициях отмечалось многими исследователями^[2700]. В Античности оно постоянно присутствовало в мифах, применялось к *«городам, кораблям,*

сараям для свиней, амфорам, топорам, украшениям, одеж-
дам»^[2701]. В самых разных религиях и религиозно-философ-
ских школах, да и в обыденной жизни, числу 12 уделяется
важное значение: 12 знаков Зодиака, 12 часов дня и ночи, 12
главных олимпийских богов, 12 библейских колен, 12 апо-
столов, 12 дней Рождества^[2702].

В христианстве число 12 сопутствует главным моментам
жизни Спасителя: Он родился в 12 часов ночи и воскрес в то
же время, число Его апостолов равнялось 12. В Откровении
святого Иоанна Богослова сказано о Небесном Иерусалиме:
*«Он имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать во-
рот и на них двенадцать Ангелов; на воротах написаны име-
на двенадцати колен сынов Израилевых: с востока трое во-
рот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое
ворот. Стена города имеет двенадцать оснований и на них
имена двенадцати Апостолов Агнца»* (Откр. 21, 9).

Но если в христианстве 12 является обозначением выс-
ших духовных явлений и никак не является каким-то спе-
циальным, «священным» числом (христианству чужда ма-
гия цифр, как, впрочем, и любая другая магия), то в каб-
бале число 12 играет важное духовно-практическое значе-
ние. У иудеев наивысшей формой наказания человеку, по-
ставившему под удар весь народ, являлось провозглашение
над ним двенадцати проклятий, которое с точки зрения каб-
балы соответствовало числу колен Израиля. Последнее, две-
надцатое, *«обеспечивает сохранность Учения Единого в ве-*

ках»^[2703]. Двенадцать проклятий – это список неисчислимых бед, которые падут на голову нарушителя.

У сатанистов к числу 12 особое отношение: *«Ритуал жертвоприношения начинается в полночь, но само убийство происходит позднее»*. Это полностью совпадает с обстоятельствами убийства Царской Семьи.

Таким образом, можно предположить, что сознательное использование убийцами числа 12 при подготовке и совершении преступления объяснялось чернокнижным ритуалом и было призвано низвергнуть, перевернуть, изменить вселенский христианский миропорядок.

Кто убивал?

Участие большинства лиц, которых принято считать непосредственными исполнителями убийства Царской Семьи, является, мягко говоря, сомнительным. В лучшем случае это были охранники ДОНа, лица, уничтожавшие следы преступления в доме Ипатьева, в худшем – откровенные обманщики, которых определенные силы заставили излагать лживую картину злодеяния. Некоторые из тех, кого принято считать участниками убийства, отрицали свою причастность к нему еще в 1918 г. Причем это касалось не только П. Медведева, но и высших руководителей Уральского совета. В своих показаниях большевик А. Я. Валек свидетельствовал в апреле 1919 г.: *«В последних числах ноября прошлого го-*

да я по партийным делам был в Перми. Не могу точно припомнить, когда, где и с кем из большевиков я разговаривал об этом деле. Могу Вам сказать, что у меня в результате сложилось мнение: вся семья убита и сожжена. Был у меня по этому поводу разговор с Белобородовым. Разговор был мимолетный, совершенно поверхностный, и я не могу толком также припомнить, по какому поводу он возник. Помню, я его спросил, достоверен ли факт убийства семьи Императора? Белобородов, как бы отмахнувшись от подобной темы разговора, сказал мне приблизительно так: "Всех прикончили". Большие я не стал его расспрашивать об этом деле, так как тон его ясно показывал о нежелании продолжать на эту тему дальнейший разговор. Я его спросил, принимал ли он участие в убийстве Императора сам? Он мне сказал, что он в это время спал»^[2704].

Следствие Соколова не поверило ни словам Медведева, ни в переданные слова Белобородова, решив, что они лгали, стремясь уйти от ответственности. Но если подобное утверждение еще можно отнести к Медведеву, то к Белобородову оно совсем не подходит. Зачем ему в кругу своих партийных товарищей было отказываться от причастности к такому «выдающемуся» событию? Правда, в некоторых показаниях имя Белобородова фигурирует в сцене убийства, но в других показаниях его участие отрицается. Это касается и почти всех известных участников убийства, за исключением Юровского, который неизменно присутствует во всех пока-

заниях.

В связи с этим возникает резонный вопрос: кто же убил Царскую Семью?

По показаниям обвиняемых видно, что, вступив в должность коменданта Дома особого назначения, Янкель Юровский полностью сменил его внутреннюю охрану. Вот что показывал 7–11 мая 1919 г. обвиняемый А. Якимов: *«Через несколько дней люди из Чрезвычайной следственной комиссии прибыли в дом Ипатьева. Их было 10 человек. Их имущество привозилось на лошадях. Чья это была лошадь, кто был кучером – не знаю. Но только всем тогда было известно, что прибыли все эти люди из Американской гостиницы. Из числа прибывших пятеро было нерусских, а пятеро русских. Я категорически утверждаю, что пятеро из них было именно русских людей: они, эти пятеро, все были самые русские люди, говорили по-русски. Остальные же пятеро по виду были нерусские. По-русски говорили, хотя говорили, но плохо. Хорошо я знаю, что (одному из русских) фамилия была Кабанов. Это я весьма хорошо помню и положительно это удостоверяю. Что касается остальных четырех из русских, то я не могу указать, которому из них какая принадлежит фамилия. Но только я помню, положительно, что эти русские, кроме Кабанова, носили фамилии Ермакова, Партина и Костоусова. Указать же, который из описанных мною русских носил фамилию Ермакова, Партина и Костоусова, я не могу, но только, повторяю, они носили эти фамилии. Пя-*

тому же фамилию я забыл и не могу сказать, был ли среди них человек с фамилией Леватных. Одного же из описанных мною людей, фамилия которому Кабанов, я запомнил именно по наружности. Эти же фамилии я потому запомнил, что меня как разводящего иногда посылали или Юровский, или Никулин за кем-нибудь из них: “Позови Ермакова, позови Партина, позови Костоусова”.

Всех этих прибывших из Американской гостиницы людей мы безразлично называли почему-то “латышами”. Нерусских мы называли потому “латышами”, что они были нерусские. Но действительно ли они были латыши, никто из нас этого не знал. Вполне возможно, что они были и не латыши, а, например, мадьяры. Среди нас же все эти десять человек, в том числе и пятеро русских, просто назывались “латышами”. <...> К “латышам” Юровский относился как к равным себе»^[2705].

В этих показаниях Якимова много сомнительного. Странно, что он сразу не сказал, что среди прибывших людей из ВЧК был А. Г. Кабанов, которого он знал по наружности. Если бы Якимов точно знал, что среди прибывших был Кабанов, он бы сказал: «Прибыли 10 человек из Чрезвычайной комиссии, среди них был Кабанов». Зачем понадобилось Якимову довольно длительное время, чтобы вспомнить о присутствии Кабанова? То же самое касается и других прибывших русских, в частности, П. Ермакова, А. Партина и А. Костоусова. Их Якимов тоже вспомнил не сразу, спустя

некоторое время, как будто кто-то подсказал ему эти фамилии. В связи с этим любопытно сравнить показания Якимова, данные следователю Н. А. Соколову, и объяснения, данные им сотруднику уголовного розыска С. И. Алексееву 2 апреля 1919 г.: *«Была еще внутренняя охрана, в которой состояли пять латышей и пять русских. Из латышей одного звали “Лякс”, а остальных по имени и фамилии он не помнит. Из русских знает только одного Кабанова, имя и отчество его не знает, а остальных совсем не знает по имени, отчеству и фамилии»*^[2706].

Таким образом, Якимов не знал Ермакова, Партина и Костоусова и никогда о них не слышал. Почему же он вдруг их «вспомнил» на допросе у Соколова? Странно, чтобы разводящий Якимов не знал имени и отчества своего сослуживца Кабанова. Они что же, не общались друг с другом? Из объяснения Якимова выходит, что и Кабанов, и «латыши» были в доме Ипатьева до прихода Юровского.

Странными звучат показания Якимова, что прибывших людей охранники из Чрезвычайки называли «латышами» независимо, были они русскими или не были. Слово «латыш» именно и служило синонимом нерусского человека, иностранца, чью национальность было трудно определить. Зачем же понадобилось Якимову и его русским товарищам называть таких же русских людей, как и они сами, «латышами»?

Вполне возможно, что поведение Якимова объяснялось

состоянием психологического шока, в котором он находился после убийства. Кроме того, на него давил арест, пребывание под стражей, частые изматывающие допросы. Стремление сотрудников уголовного розыска получить от Якимова показания на Кабанова и Ермакова могло быть обусловлено как уверенностью в их виновности (показания свидетелей, оперативная информация), так и сознательным препятствием расследованию, стремлением поскорее его завершить. Соколову приходилось кропотливо вытаскивать из Якимова признания. Но сам Якимов в этих условиях попадал в тяжелое психологическое положение: боясь ответственности за содеянное, измученный допросами Алексеева, он был вынужден на допросе у Соколова вспоминать то, что рассказал Алексееву. А так как большая часть из этих рассказов была им придумана, то Якимов путался, терялся, противоречил самому себе в своих показаниях.

Поведение Якимова довольно убедительно объяснил И. Ф. Плотников: *«Якимов, видимо, уже не владел собой. <...> Фамилий русских чекистов-охранников, кроме как Кабанова, он явно не знал. Имен Костоусова и Партина он просто и слышать не мог. Они вошли в его сознание от настойчивых вопросов, их многократной повторяемости. Все эти люди оставались на ВИЗе,^[2707] в Американскую гостиницу (облечка), а затем в ДОН их не брали»^[2708].*

Так кто же все-таки прибыл вместе с Юровским после его вступления в должность коменданта Дома особого на-

значения? Павел Медведев прямо свидетельствует, что вместе с Юровским прибыло 10 человек «латышей»: *«В нижнем этаже дома Ипатьева находились латыши из “латышской коммуны”, поселившиеся тут после вступления Юровского в должность коменданта. Было их человек 10. Никого из них я по именам не знаю»*^[2709].

То же самое показывал и обвиняемый Ф. П. Проскуряков: *«Спустя приблизительно неделю после назначения Юровского и Никулина нас, рабочих Сысертского завода и Злоказовской фабрики, перевели в дом Попова против дома Ипатьева, а вместо нас внизу дома Ипатьева появились латыши. Их было, приблизительно, человек 10. <...> При Юровском, со времени появления латышей, мы, рабочие, стали нести охрану исключительно наружную. Внутри дома находились исключительно латыши»*^[2710].

Являлись эти люди действительно латышами? До недавнего времени на этот вопрос чаще всего следовал утвердительный ответ. Большую роль в этом играл так называемый латышский «список Свикке», который появился в ходе таинственной кампании по «изучению» обстоятельств убийства Царской Семьи, затеянной по воле Н. С. Хрущева в 60-х гг. прошлого века. Он состоял из 13 в основном латышских имен, якобы участников злодеяния 17 июля. Но последние исследования этого списка убедительно доказали, что занесённые в него лица в июле 1918 г. несли охрану типографии латышской газеты «Вперед», размещавшейся в Перми, и ни-

какого отношения к охране дома Ипатьева не имели^[2711].

Весьма сомнительно, чтобы в убийстве вообще принимали участие латыши. Но в 1916–1920 гг. «латышами» в народе было принято именовать всех иностранцев, чья национальность была неизвестна. Сначала это было вызвано тем, что после создания русским командованием национальных латышских воинских подразделений ранее незнакомый латышский язык получил известность в широкой солдатской массе. А после того как эти подразделения стали гвардией большевизма и принимали участие во многих его карательных акциях, имя «латыш» стало нарицательным. Этим именем русские стали называть большевистских карателей. При этом они часто к настоящим латышам не имели никакого отношения.

Кем же были «латыши», прибывшие в Ипатьевский дом летом 1918 г.? Ответить на этот вопрос до сих пор не представляется возможным. Может быть, это были мадьяры, может быть, немцы, может быть, австрийцы. Й. Мейер в немецкой газете называл список, сплошь состоявший из мадьяров – бойцов интернациональной бригады: Хорват, Фишер, Эдельштейн, Факете, Надь, Гринфельд, Вергази. Некоторые исследователи полагают, что это действительно список убийц Царской Семьи. Даже строили предположения, что один из венгров, Имре Надь, впоследствии стал руководителем социалистической Венгрии. Но «воспоминания» Мейера шиты такими же «белыми нитками», как «Записки Юров-

ского», «исповеди Белобородова» и «воспоминания» Кабанова. Верить ни одному слову Мейера нельзя.

Независимо от того, какой национальности был отряд «латышей», расквартированный Юровским в верхних этажах Ипатьевского дома, весьма сомнительно, что именно эти люди принимали непосредственное участие в убийстве Царской Семьи. Но среди них вполне возможно прибыли и будущие убийцы. Вот что показал Проскуряков: *«Ни одного из латышей я назвать не могу. Все они говорили по-русски очень плохо и говорили между собой не по-русски. А один был, который с Юровским говорил не по-русски, но и не так, как говорили между собой латыши, а как-то по другому, как будто бы "по-жидовски", но точно этого сказать не могу. Утверждаю лишь, что один такой латыш был, который говорил именно с Юровским не так, как говорили между собой латыши. Из себя этот "латыш" был лет 30-ти, низенький, плотный, нос имел длинный, волосы, глаза и брови черные, уши большие, бороду брил, усы черные, средней величины, лицом смуглый. Похож был на еврея. Его не было в комнатах в то время, когда мы пришли туда со Столовым и когда убирали мы, рабочие, комнаты. Очевидно, он в числе других отвозил трупы убитых»*^[2712].

В хранящихся в РГАСПИ воспоминаниях Никулина имеется одна любопытная приписка, сделанная рукой сына Медведева (Кудрина) М. М. Медведева: *«В ЧК работал Сергей Бройдо и Арнольд Биркенфельд. Он пришел в дом Ипа-*

тьева 16-го июля»^[2713]. Об этих именах ранее ничего слышать не приходилось. Тем более интересна дата появления одного из названных лиц: накануне убийства Царской Семьи. С. А. Бройд в 1918 г. был сотрудником уральской ЧК и *«по сведениям М. А. Медведева (Кудрина) в ночь убийства Царской Семьи приехал вместе с Ф. И. Голощёкиным в дом Ипатьева, где возможно принял участие в расстреле»*^[2714]. Все это очень сомнительные сведения, не находящие никаких подтверждений в других источниках.

Появление в день убийства в доме Ипатьева человека высокого уровня, раз он общался только с Юровским и лично отправился увозить тела убитых, ранее не знакомого охране, является ключевым звеном в подготовке злодеяния. И. Ф. Плотников выводит этого человека под фамилией А. Е. Лисицын, который был посланцем из Москвы, прибывшим в Екатеринбург со специальной командой, чтобы руководить убийством Царской Семьи и уничтожением ее тел. Сведения о Лисицыне Плотников почерпнул из книги И. Л. Бунича^[2715]. Вообще ссылаться на книги такого «писателя-фантаста», как Бунич, дело весьма ненадежное. Сам И. Ф. Плотников указывает, что *«вопрос о достоверности приводимых указанных автором документов требует дополнительной проверки»*. Мы же будем менее тактичны и прямо укажем, что книга Бунича – это в целом сплошная ложь, вызванная целями, весьма далекими от исторической правды. (Одним из главных выводов книги Бунича является

утверждение, что Николай II и его Семья не были убиты в Ипатьевском доме.) Книга Бунича преследует одну цель: реабилитацию большевистских убийц. Написанная в духе бульварного романа, да еще плохим русским языком, она по праву может занять место среди второсортной художественной литературы.

Между тем И. Ф. Плотников сообщает, что пользовался содержащимися в книге Бунича *«документальными источниками»*, которые *«перекликаются с другими, в частности, хранящимися в архиве ФСБ по Свердловской области»*. Непонятно, что это за «документальные источники», о которых говорит Плотников, так как у Бунича нет ни одной ссылки. Приходится гадать, то ли эти «документальные источники» Бунич действительно где-то видел, то ли ему их кто-то сообщил, а то ли он их сам выдумал. По сведениям Плотникова, на его запрос в Центральный архив ФСБ РФ пришел ответ, что сведениями о Лисицыне архив не располагает.

Тем не менее, несмотря на всю шаткость и крайнюю сомнительность книги Бунича как исторического источника, в ней есть некоторые любопытные вещи. Любая фальсификация, даже самая невероятная, становится более правдивой, если в нее подбросить маленькие фрагменты истинных событий. Скорее всего, это утверждение можно отнести и к творчеству Бунича.

Так, в книге приводится «письмо», которое Лисицын написал заместителю наркома внутренних дел Я. С. Агранову

в 30-е гг.: *«Вы знаете цели, с которыми появились в России все, начиная с Ленина и кончая мной. Эти цели не только соответствовали, но являлись почти полной противоположностью тем целям, которые ныне ставят перед страной наша партия и ее вожди. В момент нашего появления в России появились и другие группы и движения со своими задачами, что в принципе соответствовало созданию хаоса. Никто не понимал опасности входа в этот туннель»*^[2716].

В приведенном отрывке нас интересуют слова о «создании хаоса» и об «опасности туннеля». Они наводят нас на предположение, что Бунич пользовался какими-то реальными источниками, причем оккультно-масонского содержания. Об этом говорят слова «хаос» и «туннель». В данном случае эти слова не являются литературными образами, а конкретными оккультно-масонскими определениями. Мы уже писали, что целью многих сатанинских организаций и сейчас, и сто лет тому назад было «возвращение к первобытному хаосу». Также одним из символических масонских испытаний при посвящении в высшие степени являлось прохождение через «медные трубы» («туннель»). Таким образом, вполне возможно, что Лисицын относился к руководству какой-то тайной оккультной организации или к высокой степени масонского посвящения: *«На момент 1917 года Лисицын мог быть не только большевиком или “околобольшевиком”, но и масоном»*^[2717].

В книге Бунича имеется еще одно обстоятельство, кото-

рое, если его перевернуть «с ног на голову», открывает нам весьма интересные вещи. Бунич старается реабилитировать Юровского, которому приписывается письмо к Сталину, где бывший комендант уверяет генерального секретаря, что он не убивал Царскую Семью. Письмо, естественно, приводится без каких-либо сносок. Убийство, а вернее похищение Царской Семьи, в книге возлагается на некоего немецкого еврея Фокса, который прибыл со своей командой и полностью руководил всем, что происходило в Ипатьевском доме. Получается, что **накануне убийства в Ипатьевский дом прибыла специальная команда во главе с каким-то уполномоченным из Москвы, посвященным в оккультную (масонскую) степень, который и руководил убийством Царской Семьи.**

Это частично находит подтверждение в показаниях обвиняемых: в процитированных показаниях Проскурякова, в рассказах П. Медведева о пяти неизвестных лицах, принявших непосредственное участие в убийстве, и так далее.

Но был ли тот неизвестный человек, которого Проскуряков описал на допросе и которого Бунич выводит под именем Лисицына, единственным, помимо Юровского, руководителем убийства? Имеется ряд свидетельств, которые указывают, что среди убийц был еще некто, чья роль до сих пор остается неизвестной. Одни источники называют этого человека (этих людей) *«евреем с черной, как смоль, бородой»*, другие *«раввином»*, но общая совокупность свидетельств указыва-

ет нам на то, что это был человек определенного духовного звания.

Впервые эти сведения появляются в показаниях Е. Т. Лобановой, которая вечером 18 июля 1918 г. ехала к себе на дачу в деревню Коптяки: *«Перед закатом солнца, мы доехали до железнодорожной будки у переезда горно-заводской линии, где несколько незнакомых мне лиц — мужчин и женщин — сообщили нам, что дальше ехать нельзя, так как красноармейцы, стоящие впереди в нескольких саженьях с грузовиком-автомобилем, не пропускают никого. Мой извозчик сказал, что у него есть пропуск, и мы проехали дальше. Проехав несколько саженьей, мы увидели грузовик-автомобиль, и около него стоял какой-то небольшой бочонок. По другую сторону автомобиля сидел пожилой человек в солдатской форме; тут же появились двое других солдат, молодых. Двое последних подбежали к нам и крикнули, что дальше ехать нельзя. Мой извозчик показал пропуск, но разрешения на проезд красноармейцы не дали. Мы вернулись к будке и стали обсуждать, что нам делать. В это время из города приехал легкий автомобиль, в котором сидели 6–7 человек. Кажется, все они были в солдатской форме и молодые, за исключением одного, **походившего на еврея, с черной, как смоль, бородой и усами.** <...> Один из этих мужчин назвал себя Московским, но ни тот ни другой мне совершенно неизвестны»^[2718].*

В литературе можно встретить предположения, что этим

человеком («с черными как смоль усами и бородой») был Янкель Юровский. Однако это маловероятно, так как Лобанова указывает, что тот, кого она встретила, был ей совершенно неизвестен, между тем как Юровского хорошо знали в Екатеринбурге.

Жители Верх-Исетского завода Федор и Афанасья Карлуковы рассказывали, что 18-го они находились на Старой Коптяковской дороге, так как имели покос возле урочища Четыре Брата, в двух верстах от которого они встретили идущий им навстречу грузовик с четырьмя красноармейцами в кузове, которые везли какие-то бочки с железными обручами. Затем они встретили легковой автомобиль, в котором ехали какие-то красноармейцы. Пройдя ещё полверсты, Карлуковы наткнулись на вышедших из леса Ермакова и Ваганова, которые приказали им дальше не ходить, пригрозив расстрелом. Карлуковы воротились домой, но на следующий день, 19 июля, в пятницу пошли в урочище снова. *«Приблизительно в том же месте, где накануне встретились два автомобиля, и в этот день встретился легковой автомобиль "с шарами". На нем сидели четыре или пять красноармейцев. Затем Карлуковы прошли Четырех Братьев, и в полверсте от того места в лесу, на поворотке-тропе с покоса Костоусова, в лесочке стоял фэзтон с кучером на гнедой лошади. Около экипажа стояли два господина, солидные, с черными усами, в черных шляпах, в черных накидках. В руках одного господина был белый сверток длиною в по-*

ларшина, как будто из скатерти. Эти два господина, увидев Карлуковых, сели в экипаж и уехали по направлению к В.-Исетску»^[2719].

Как мы помним, 18 июля был траурным днем в иудейском календаре (Тиша-бэ-Ав). В данном случае два «неизвестных господина» в черных накидках и с белыми свитками в руках могли быть духовными лицами какого-то культа, которые осуществили некий ритуал на месте манипуляций и уничтожения тел Царской Семьи. Здесь невольно вспоминается то обстоятельство, что тела убитых в Ипатьевском доме были завернуты в белые простыни, обстоятельство, которое было отмечено многими обвиняемыми и которое затем задним числом подменялось в «воспоминаниях» соучастников преступления на «одеяла» и «сукно».

К слову сказать, горный техник Фесенко примерно в эти же дни видел на Старой Коптяковской дороге богатую на вид карету, которая была «черной, глухой, со стеклянными дверцами». Людей, сидевших в карете, Фесенко не заметил^[2720]. Вполне возможно, что фаэтон, который видели Карлуковы, и карета, которую видел Фесенко, были одним и тем же транспортным средством.

Имя некоего таинственного «трубочиста», который должен был приехать в Ипатьевский дом с окончательным приказом приступить к убийству, фигурирует и в «Записке Юровского». Именно этому «трубочисту» следовало передать тела убитых для их уничтожения. Вполне возможно, что

он приехал не один.

И. Ф. Плотников объединяет этого таинственного человека, предположительно духовного лица, с мифическим Лисицыным. Последнему Плотников приписывает и написание каббалистической надписи в комнате убийства: *«Не он ли, Лисицын, сделал в комнате убийства, в ее углу, близ двери, карандашом надпись из баллады “Валтасар”, написанной Г. Гейне на широко известный библейский сюжет?»*^[2721]

Если суммировать все имеющиеся показания, то можно с большей долей вероятности утверждать, что все известные нам лица, за исключением Юровского, являлись именно **соучастниками**, а не прямыми исполнителями преступления.

Хотя вокруг имени Юровского тоже достаточно тайн. Мы уже упоминали о якобы существующем письме Юровского Сталину. Бунич пишет: *«Так, из письма Юровского, адресованного из кремлевской больницы лично товарищу Сталину, явствует, что ни Юровский, ни Медведев не только не убивали царя, но даже не присутствовали при казни. По словам Юровского, приговор привел в исполнение какой-то специальный уполномоченный, прибывший для этой цели из Москвы по личному приказу Ленина и Свердлова. Его сопровождала команда, среди которых по-русски никто не говорил и не понимал. Они и привели приговор в исполнение. Затем погрузили трупы на грузовик и куда-то увезли»*^[2722].

«Фантастика» Бунича скорее всего вызвана одним: обелить главного палача. Загадочной представляется жизнь

Юровского после злодеяния. Приехав в Москву и привезя драгоценности убитой Царской Семьи, Юровский всюду подписывался «Яков Орлов». Непонятна причина, по которой Юровский вдруг взял себе этот псевдоним. Ведь еще недавно он открыто называл себя настоящей фамилией. Но еще более странно, что в последующих злодеяниях, например, при «расследовании» дела Фани Каплан, Юровский подписывался наряду со своей подлинной фамилией неизменным «Я. Орлов». В этой связи журнал «Новое Время» удачно приводит отрывок стихотворения М. Светлова, написанного им в 1927 г.:

Пей, товарищ Орлов,
Председатель Чека.
Пусть нахмурилось небо,
Тревогу тая, —
Эти звезды разбиты
Ударом штыка,
Эта ночь беспощадна,
Как подпись твоя^[2723].

Михаил Светлов — это псевдоним Мойши Шейнкмана, а вот кто скрывается под псевдонимом «товарища Орлова, председателя ЧК»? И какая ночь, какие звезды, разбитые штыком, имел в виду этот певец заплечных дел мастеров?

Вызывает недоумение, что Юровский за все свои заслуги перед большевистским режимом не только никогда не был

на первых ролях, не только не пользовался «славой» «убийцы тирана», но, наоборот, до самой своей смерти в 1938 г. оставался в тени. Последним местом его работы был Московский часовой завод. Незадолго до смерти Юровский писал своим сыновьям Александру и Евгению, что ему скоро минет 60 лет, а он *«почти ничего не рассказал о себе»*^[2724].

Когда Юровский вернулся в 1919 г. в отбитый у белых Екатеринбург, многие поразились происшедшей в нем переменой. Если в бытность коменданта Юровский был *«черноволосым, франтоватым, щеголявшим большим апломбом»*, то через два года он стал *«седовласым, нечесаным, морщинистым и выглядевшим много старше своего возраста чиновником, у коего при любом упоминании о его преступлении выражение ужаса появляется на лице, и он совершенно замолкает»*^[2725]. Как это не похоже на того кровожадного палача, который руководил убийством в подвале ДОНа! М. Хейфец пишет: *«Разница в описаниях настолько велика, что один из современных исследователей, проф. Борис Мойшезон, заподозрил, что речь шла о разных людях»*^[2726].

Что же так хотел рассказать о себе своим детям съедаемый болезнью Юровский? Впрочем, болезнь ли стала причиной его смерти? В. Малкин утверждает, что Юровского тихо убрали по приказу Сталина. Одной из причин этого могла быть осведомленность Юровского о подлинных обстоятельствах Екатеринбургского злодеяния.

Екатеринбургское злодеяние было осуществлено коман-

дой профессиональных убийц, прибывших в Екатеринбург, при участии Юровского и, возможно, Голощёкина и Войкова. Прибывшие убийцы и вышеназванные главари уральских большевиков были объединены какой-то одной организацией и имели общих руководителей. Они были направляемы неким духовным лицом. На эту силу было возложено не только убийство Царской Семьи, но и уничтожение останков.

Обстоятельства убийства Царской Семьи и ее приближенных ночью 17 июля 1918 года в доме Ипатьева

Что же произошло ночью 17 июля 1918 года в Ипатьевском доме Екатеринбурга? Убийство Царской Семьи было ритуальным. Целью этого ритуала было окончательное уничтожение Православной России на сакральном уровне посредством убийства ее Главы и Наследника.

Второй целью ритуала было изменение хода мировой истории, уничтожение ее христианской направленности.

Те, кто должен был совершить этот ритуал, не были представителями ни национальных движений, ни представителями конкретных политических группировок, ни носителями традиционных религий, но являлись адептами мощной оккультной организации всемирного масштаба. Они верили, что этим ритуальным убийством им удастся осуществить по-

ставленные цели. Ритуал имел в себе признаки различных мистико-оккультных учений. После совершения кровавого преступления убийцы постарались, с одной стороны, полностью скрыть его ритуальный характер, а с другой – объявили его *«всем народам»*.

Вечером 16 июля 1918 г. в Ипатьевский дом, где содержалась Царская Семья, прибыл комендант Дома Я. Юровский. Он приказал к 12 часам ночи всей внешней охране покинуть территорию ДОНа. Возможно, были оставлены несколько постов у входа в дом. При этом начальник охраны П. Медведев получил приказ заранее отобрать у охранников оружие. Сам Медведев, может быть, находился в ДОНе, может быть, недалеко от него (в доме Попова). Во всяком случае, он имел возможность связаться с Юровским в любой момент по телефону. В Ипатьевском доме оставалась лишь внутренняя охрана, состоявшая из людей Юровского, которых он разместил в Доме при своем вступлении в должность коменданта. Команда эта была надежной и состояла из проверенных людей. По всей вероятности, все они были нерусскими. Задачей этой команды было соблюдение общей безопасности во время совершения ритуального убийства.

Приготовление к убийству начались около полуночи по «старому», добольшевистскому, времени и около 2 часов по «новому». Кроме Юровского в Ипатьевском доме, возможно, находились Голощёкин и Войков. Примерно около 1 ч. 30 м. в Ипатьевский дом прибыл посланец из Москвы, ко-

торый привез с собой команду убийц. Эта команда, по всей вероятности, была небольшая, 5–7 человек. Они прошли в дом, где их ждали. То обстоятельство, что они прибыли не в 12 ч. ночи, как предполагалось, а позже, определялось не тем, что «Москва запаздывала с приговором», а тем, что такое опоздание являлось частью особого ритуала, который должен был быть осуществлен во время убийства Царской Семьи.

Около 2 часов ночи Царскую Семью и ее приближённых разбудил Юровский и под каким-то предлогом велел им спуститься в комнату нижнего этажа, где должно было совершиться убийство. Около 3 часов ночи Царская Семья и ее приближенные спустились в указанную комнату. Туда же вошла группа убийц во главе с неизвестным. Помогал этой группе Юровский. Никаких посторонних лиц, в том числе и П. Медведева, в момент убийства Царской Семьи не было. После того как убийцы вошли в эту комнату, Царская Семья и ее свита были убиты. Как это произошло – покрыто тайной. Но, безусловно, убийство носило длительный и мучительный характер, сопровождаемый большой кровопотерей. Главной целью убийц было не быстрое наступление смерти убиваемых, но их мучения. Убиваемым были нанесены огнестрельные и, главное, большей частью колотые ранения. Во время убийства выполнялся какой-то определенный ритуал, осуществляемый духовным лицом, прибывшим вместе с убийцами. После убийства, согласно ритуалу, тела уби-

тых были помещены в белые простыни и вывезены в заранее выбранное место в Коптяковском лесу, где они, опять-таки согласно ритуалу, подверглись глумлению и сожжению. Для сокрытия истинных обстоятельств убийства его организаторы произвели множество огнестрельных выстрелов в южную часть стены комнаты, чтобы инсценировать расстрел Царской Семьи.

После убийства для помощи в переноске трупов в грузовик Юровским были приглашены, возможно, П. Медведев и Якимов (возможно, кто-то еще из внешней охраны). Когда те спустились в комнату, где произошло убийство, пред ними предстало жуткое зрелище: весь пол и стены были залиты кровью, на полу лежали растерзанные трупы с множественными колото-резаными ранами. Когда тела стали поднимать, чтобы выносить во двор, то оказалось, что некоторые люди еще живы. Они стали приходить в себя, раздались стоны. Раненых стали тут же добивать штыками или длинными кинжалами. Последнее добивание случилось перед самым выходом, почти во дворе Ипатьевского дома. То обстоятельство, что люди так долго не умирали, объясняется тем, что убийцы преследовали своей целью умертвить их посредством наиболее длительных мучений.

Увиденное так подействовало на Медведева и Якимова, что они находились в состоянии шока^[2727]. Их обуял ужас. Юровский приказал им молчать об увиденном. Скорее всего, тут же на месте со стороны убийц началось создание лож-

ной картины убийства. Медведеву, Якимову и другим могли быть внушены те обстоятельства убийства, которые были выгодны убийцам. При этом Юровский мог предупредить охранников, в особенности Медведева, что в случае, если они попадут в руки белым, они должны повторять то, что он им рассказал об обстоятельствах убийства. При этом Юровский мог припугнуть охранников тем, что у них, у большевиков, есть «свои люди» и у белых и что в случае «предательства» их достанут и там. Так и случилось: многие из арестованных белыми обвиняемых умерли при загадочных обстоятельствах в тюрьме. Расчет Юровского оправдался: оказавшись в руках белого следствия, охранники повторяли внедренную в их сознание ложь. Впрочем, Юровский мало чем рисковал даже в том случае, если бы охранники начали говорить что-либо иное, чем то, что было им велено. Ведь никто из них не знал истинных обстоятельств убийства.

После победы красных в Гражданской войне, когда за границей стала выходить литература, которая в значительной мере приоткрывала занавес над черным делом убийц, понадобился новый виток фальсификаций и «воспоминаний», который был призван окончательно подтвердить слова одного из организаторов убийства, Пинхуса Войкова: *«Мир никогда не узнает, что мы с ними сделали»*.

Так что же это был за ритуал, который применялся в процессе убийства Царской Семьи? Что же это была за сила, которая стояла за спиной Свердлова, Юровского, неизвестно-

го «с черной, как смоль, бородой»? Приведем сравнительную таблицу ритуального убийства, осуществляемого различными организациями сатанистов, и обстоятельств убийства Царской Семьи в доме Ипатьева 17 июля 1918 г.

Сатанинское ритуальное убийство	Убийство Царской Семьи
Сатанинское ритуальное убийство	Убийство Царской Семьи
Жертвами ритуального убийства становятся глубоко верующие христиане, чьи действия вредят духу сатанизма, и те, чье удаление поможет сатанинской диалектике	Император Николай II был Божиим Помазанником. Он, Императрица, Их Дети и верные слуги были глубоко верующими христианами
Убийство должно быть тщательно запланировано и сделано обдуманно	Убийство тщательно планировалось
Планирование подразумевает, что даже если жертвоприношение произошло в течение ритуала, это не будет замечено как сатанинский акт	План убийства предусматривал сокрытие истинных его причин и обстоятельств
Убийство жертвы происходит не в храме, а там, где она содержалась	Убийство Царской Семьи было осуществлено в Ипатьевском доме, где она содержалась
Ритуал жертвоприношения начинается в полночь, но само убийство происходит позднее	Подготовка к убийству Царской Семьи началась в полночь, но само убийство было осуществлено в начале 3-го ночи
Убийство происходит в канун христианского праздника или, наоборот, сатанинского праздника	Убийство было осуществлено в день Святого Благоверного Великого Князя Андрея Боголюбского и в канун иудейского «Дня памяти и скорби», посвященного грядущему третьему храму, в котором восседает Машиах, в православном представлении — Антихрист
Убийство совершается ритуальным ножом или, во всяком случае, с использованием такого ножа и обильным кровопусканием	Убийство Царской Семьи было осуществлено при помощи холодного оружия (даже по классической версии) и с обильным кровопусканием
Голова жертвы отчленяется и выставляется в сатанинском храме	Имеются сведения об отчленении голов членов Царской Семьи и проведении над ними ритуальных манипуляций

Труп жертвы расчленяется	По версии Соколова, подтвержденной многими уликами, вещественными доказательствами и экспертизами, трупы убитых Царской Семьи и ее свиты были расчленены
Останки вывозятся в лес, обливаются бензином и сжигаются, а затем закапываются. Документы убитого тоже сжигаются, а деньги идут в «общак»	Останки Царской Семьи были вывезены в лес, расчленены, облиты бензином и сожжены. Личные вещи отправлены в единое хранилище в Москве
Ритуальное сатанинское убийство, как и все ритуалы сатанистов, всегда сопряжено с глумлением над Именем Иисуса Христа и Его Церкви	Наличие каббалистической надписи, главная буква которой «Ламед», совпадает с каббалистическим символом «Повешенного», который трактуется многими сатанистами как образ Христа; повешенная (распятая) собака и само убийство Божьего Помазанника свидетельствуют о том, что убийство Царской Семьи носило характер глумления над Спасителем

4/17 июля 1918 года от рук врагов Христовых приняла мученическую смерть Царская Семья и ее верные слуги. Вселенское зло спешило объявить о своей причастности к преступлению. В июле 1918 г. большевистский деятель Сафаров писал в «Уральском рабочем»: *«В ночь с 16 на 17 июля по постановлению президиума Областного Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов Урала расстрелян бывший царь Николай Романов. Он слишком долго жил, пользуясь милостью революции, этот коронованный убийца. Рабочие и крестьяне, поглощенные творческой работой и великой революционной борьбой, как будто не замечали его и оставляли жить до народного суда! Историей ему давно был вынесен смертный приговор. Своими преступлениями Николай Кровавый прославился на весь мир. Все свое царствование он безжалостно душил рабочих и крестьян, расстреливал и вешал их десятками и сотнями тысяч. <...> Нет больше Николая Кровавого, и рабочие и крестьяне с полным правом могут сказать своим врагам: Вы поставили ставку на императорскую голову? Она бита. Получите сдачу – одну пустую коронованную голову»* ^[2728].

8/21 июля 1918 г., через четыре дня после убийства Царской Семьи, Патриарх Московский и всея Руси Тихон (Белавин) после Божественной литургии в Казанском соборе сказал, обращаясь к пастве: *«Мы, к скорби и стыду нашему, дожили до такого времени, когда явное нарушение заповедей*

Божиих уже не только не признается грехом, но оправдывается как нечто законное. На днях совершилось ужасное дело: расстрелян бывший Государь Николай Александрович... и высшее наше правительство, Исполнительный Комитет, одобрил это и признал законным. Но наша христианская совесть, руководясь словом Божиим, не может согласиться с этим. Мы должны, повинаясь учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его... Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть заточат в тюрьму, пусть нас расстреливают. Мы готовы все это претерпеть в уповании, что и к нам будут отнесены Слова Спасителя нашего: "Блаженны слышащие Слово Божие и хранящие его"».

Как же отозвался народ на эти слова Святителя? Народ — безмолвствовал. Но это не было безмолвием осуждения кровавого убийства, которое имел в виду Пушкин в «Борисе Годунове». Это было равнодушное и трусливое безмолвие. Конечно, были те, кто искренне скорбел по убитому Государю, кто оставался ему предан даже ценою жизни. Но не они определяли тогда отношение к убитому Царю.

Какое-то поразительно равнодушное отношение к Царской Семье чувствуется в этих словах! Они говорят о том, что русское общество большей своей частью смирилось с неизбежностью убийства не только своего Государя, но и его Семьи. «Бессмысленное очерствение», о котором пишет

граф Коковцов, охватило Россию. Царская Семья, столь любившая русский народ, причем не какой-либо «платонической», а вполне реальной действенной любовью, была выдана своим народом в руки изуверов на поругание и мучительную смерть. «Покинутая Царская Семья», – это название книги корнета Маркова как нельзя лучше отражает суть преступления всех сословий русского народа перед ней, этой Семьей Императора Николая II. Подобно Спасителю, во все время своего Крестного пути и восхождения на Голгофу, Царская Семья была почти всеми покинутой. Лишь горстка Верных оставалась с Ней до конца.

Император Николай II, Императрица Александра Федоровна и Августейшие Дети любили жизнь, во всех ее проявлениях. Любили землю, деревья, цветы, птиц и животных. «*Il faut les laisser vivre!*»¹⁸ – кричал маленький Цесаревич, наблюдая за рыбной ловлей и пораженный видом задыхающейся без воды рыбы^[2729]. Добрый мальчик! В России не нашлось ни одного человека, который бы крикнул кровавому изуверу, убивавшему Тебя: «*Il faut le laisser vivre!*», который остановил бы преступную руку. Марина Цветаева, мечтавшая, одержимая и в то же время духовно одаренная, уже тогда, в 1917 г., призывала:

За Голубя, за Отрока, за Сына
За Царевича младого Алексея

¹⁸ Нужно их оставить жить!» (фр.)

Помолись, церковная Россия!
Ах, ужели у тебя не хватит,
На него духовной благодати?

Но России не было дела до своего Царевича, умиравшего в подвале Ипатьевского дома. Она была занята увлекательным делом: братоубийственной войной.

Царская Семья была Державным воплощением Русского духа. Она символизировала собой верность Христу Спасителю и эту верность ставила выше жизни. Именно за эту верность Христу ненавидели Императора Николая II антихристы всех мастей, именно за эту верность вели они с ним смертельный бой, именно за эту верность они замучили его и всех его близких. В этом смертельном противостоянии Царя и антихристов русское общество не было на стороне Царя. Оболваненное и жестоковейное, оно, как и иудейский народ 2000 лет тому назад, возопило к новоявленным пилатам: «Распни Его!»

Император Николай II и его Семья были убиты изуверами, которые были уверены, что, убивая Царскую Семью, они навсегда убивают Святую Русь. После убийства преступники более полувека делали все, чтобы скрыть суть своего преступления, оклеветать Царскую Семью.

Но время в очередной раз показало все безумие и обреченность той силы, которая водила преступной рукой в ночь с 16 на 17 июля. С каждым годом большевистской деспо-

тии, с каждым годом лжи и клеветы росло число жалеющих, любящих, а затем и почитающих убиенную Царскую Семью. И наоборот, чем больше славилась власть преступные имена цареубийц, тем больше они предавались историей забвению. Медленно, но верно исчезают их кровавые имена с карты России, с улиц ее городов и весей. Нет, не памятник изуверам являет собой Ганина Яма, но памятник Святым Царственным Мученикам, памятник всем Верным, положившим свои души за Христа Спасителя.

Пусть же имена Святой Царской Семьи сияют нашей многострадальной России путеводными звездами Добра и Любви во тьме нынешнего апостасийного века! Пусть белый православный крест над мрачной Ганиной Ямой наполняет душу и сердце одним всепобеждающим чувством: «Сим Победиши!»

Послесловие

Православный публицист, герой Новороссии А. Г. Жучковский назвал отношение к Императору Николаю II «маркером русскости»^[2730]. У Жучковского есть очень точное, остроумное и нами подтверждаемое наблюдение: *«Проведите эксперимент. Возьмите человека и заведите исторический разговор: “Вот Государь Император Петр I...” Собеседник, если не знает предмет, равнодушно выслушает, если знает, вставит свои “пять копеек” – мол, Пётр то, Пётр сё – спокойно, без эмоций. Причем независимо, позитивно или негативно относится он к Петру I, говорить будет без эмоций – и вправду, чего напрягаться зря, человек давно умер, “исторический персонаж”. Продолжайте разговор – “Вот Государь Император Николай II...” Здесь надо смотреть на лицо собеседника. Лицо начинает меняться. Степень недуга бывает разная: один покривится, выдаст пару советских баек про “тряпку” и “кровавого” и поспешит съехать с темы с испорченным настроением. А другой вдруг скорчит. Надо смотреть именно на степень неприятия Императора. Если пошли в ход “Николашки” и “тряпки” – значит [перед вами] подлец и вор, может, пока говорили, у меня кошелек украл, а если нет, значит, что-то в другом месте украл, в общем можно сразу бить по морде или тащить в полицию. Если уже натурально начинаются корчи,*

значит, бесноватый, тут уже нужны другие методы воздействия. Для точности эксперимента хорошо произнести следующее: “Император Николай II был гениальный политик, создавший в России демократические институты и выигравший мировую войну”. Потом откидывайтесь на спинку и спокойно наблюдайте: только что, казалось бы, цивилизованный человек на глазах превращается в варвара и начинает страшно сквернословить. Человека начинает корчить и крючить. Я не шушу, сам проверял»^[2731].

Русский человек, какой бы национальности и вероисповедания он ни был, всегда будет в душе почитать, жалеть и любить последнего Царя, либо ясно и осознанно, либо, по неведению, в тайниках своей души. В феврале 1917 г. смертельная болезнь победила русский государственный организм. Крушение монархии означало начало невероятных страданий русского народа, гибель миллионов людей, уничтожение всего того, что называлось Россией. Сбывались пророческие слова праведного Иоанна Кронштадтского: «Держись, Россия, твердо веры твоей и Церкви, и Царя православного, если хочешь быть непоколеблемой людьми неверия и безначалия и не хочешь лишиться царства и Царя православного. А если отпадеши от своей веры, как уже отпали от нее многие интеллигенты, то не будешь уже Россией или Русью Святой, а сбродом всяких иноверцев, стремящихся истребить Россию, так чтобы мы истребляли друг друга. И если не будет покаяния у русского народа, конец мира близок. Бог отнимет

у него благочестивого Царя и пошлет бич в лице нечестивых, жестоких, самозванных правителей, которые залиют всю землю кровью и слезами».

Но в 1917 г. многие люди не могли постичь этого, ибо были заражены бациллой отступничества, находились в духовном помрачении. Княгиня Н. В. Урусова вспоминала: *«Горько оплакивали мы, отречение Государя и были на удивление у большинства, ожидающего каких-то новых, неслыханных земных благ. Помню, как в церкви, хорошо знакомый мне, средних лет священник, казавшийся всегда весьма благочестивым и духовным, читал акт об отречении. Церковь была полна, все пришли нарядные и с оживленными лицами. Начиная со священника все торжествовали, радовались и приветствовали этот приговор России, поздравляя друг друга. Я же горько плакала. Прошел после этого один год. Встречаюсь я с этим батюшкой, и он мне говорит: “Знаете, когда я читал акт об отречении Государя, то увидев Вас плачущую, я поразился и подумал: “Вот странный человек, не только не отдается общей радости, а еще заливается слезами”. Теперь я понял Вас и как заплакал бы вместе с Вами, на что я ему ответила: “Эх батюшка, снявши голову, по волосам не плачут. Теперь Вы одумались, а прошел всего один год; увидите, как будете плакать дальше”»*^[2732].

Об этом же свидетельствовал И. Л. Солоневич: *«Я помню февральские дни: рождение нашей великой и бескровной, – какая великая безмозглость спустилась на страну. Стоты-*

счальные стада совершенно свободных граждан толклись по проспектам петровской столицы. Они были в полном вос-
торге – эти стада: проклятое кровавое самодержавие –
кончилось! Над миром восстает заря, лишенная “аннексий
и контрибуций”, капитализма, империализма, самодержа-
вия и даже православия: вот тут-то заживем! По профес-
сиональному долгу журналиста, преодолевая всякое отвра-
щение, толкался и я среди этих стад, то циркулировавших
по Невскому проспекту, то заседавших в Таврическом двор-
це, то ходивших на водопой в разбитые винные погреба. Они
были счастливы – эти стада. Если бы им кто-нибудь тогда
стал говорить, что в ближайшую треть века за пьяные дни
1917 года они заплатят десятками миллионов жизней, де-
сятками лет голода и террора, новыми войнами – и граж-
данскими, и мировыми – полным опустошением половины
России, – пьяные люди приняли бы голос трезвого за фор-
менное безумие. Но сами они, – они считали себя совершен-
но разумными существами: помилуй, Бог: XX век, культу-
ра, трамваи, Карл Маркс, ватерклозеты, эсеры, эсдеки, рав-
ное, тайное и прочее голосование, ипаргалки марксистов,
ипаргалки социалистов, ипаргалки конституционалистов,
ипаргалки анархистов, – и над всем этим бесконечная раз-
нузданная пьяная болтовня бесконечных митинговых ора-
телей»^[2733].

Император Николай II сделал всё, чтобы предотвратить
революцию. За время его царствования страна стала кар-

динально иной в плане социальном, политическом, экономическом, промышленном, военном, культурном. К 1914 г. революция утратила свои позиции даже в университетах, благодаря деятельности министра народного просвещения Л. А. Кассо, который, не раздумывая, увольнял профессоров-либералов, назначая на их должности верных монархистов и консерваторов. Формировалась новая русская научная элита, не одержимая стремлением к революции, стремившаяся к славе и величию Отечества. Именно эта элита сыграет потом выдающуюся роль в советских научных достижениях и внесёт весомый вклад в Победу в Великой Отечественной войне. К 1917 г. были загнаны в глубокое подполье революционные партии, деятельность которых была практически обезврежена, а навязанная Николаю II война с ведущими державами Европы была практически им выиграна. Причем все это делалось Государем почти в одиночку. Флигель-адъютант контр-адмирал С. С. Фабрицкий писал про Николая II: *«Настанет время, когда беспристрастная история воздаст должное величайшему из русских Царей Дома Романовых, в царствование коего, несмотря на полное отсутствие способных помощников и на ведение двух кровопролитных войн, Россия шла колоссальными шагами по пути прогресса и обогащения. Теперь ни для кого не секрет, что Россия была накануне победы и, не будь измены ближайших к Трону лиц, Европейская война была бы закончена блестяще, и Россия была бы первой державой мира и*

народ ее самым богатым. <...> 22 ½ года процарствовал Государь Император Николай II, ведя страну к неизменному процветанию и подданных своих к обогащению»^[2734].

Это признавали не только верноподданные Николая II, но и его враги. В 1934 г. венгерский канцлер граф Иштван Бетлен утверждал: «Если бы Россия в 1917 году осталась организованным государством, все дунайские страны были бы ныне русскими губерниями. Не только Прага, но и Будапешт, Бухарест, Белград и София выполняли бы волю русских властей. В Константинополе на Босфоре и в Катарро на Адриатике развевались бы русские военные флаги»^[2735].

Не надо забывать и известные слова Уинстона Черчилля: «В управлении государствами, когда творятся великие события, возждь нации, кто бы он ни был, осуждается за неудачи и возносится за успехи. Дело не в том, кто проделывает работу, кто начерчивает план борьбы, порицание или хвала за исход довлеют тому, на ком авторитет Верховной власти и ответственности. Почему отказывать в этом суровом испытании Николаю II? Бремя последних решений лежало на нём. На вершине, где события превосходили разумение человека, где всё неисповедимо, давать ответы приходилось ему. Стрелкой компаса был он. Воевать или не воевать? Наступать или отступить? Идти вправо или влево? Согласиться на демократию или держаться твёрдо? Вот – поля сражений Николая II. Почему не воздать ему за это честь? Николай II в глубокой скорби остался непоко-

лебим. Он видел так же ясно, как и другие, возрастающую опасность. Он не знал способа её избежать. По его убеждению, только Самодержавие, создание веков, дало России силу продержаться так долго наперекор всем бедствиям. Ни одно государство, ни одна нация не выдерживали доселе подобных испытаний в таком масштабе, сохраняя при этом своё строение. Изменить строй, отворить ворота нападающим, отказаться хотя бы от доли своей самодержавной власти – в глазах Царя это означало вызвать немедленный развал. Досужим критикам, не стоявшим перед такими вопросами, нетрудно пересчитывать упущенные возможности. Они говорят, как о чём-то лёгком и простом, о перемене основ русской государственности в разгар войны, о переходе самодержавной монархии к английскому или французскому парламентскому строю... В марте Царь был на престоле; Российская империя и русская армия держались, фронт был обеспечен и победа бесспорна. Несмотря на ошибки, большие и страшные, тот строй, который в нём воплощался, которым он руководил, которому своими личными свойствами он придавал жизненную искру – к тому моменту выиграл войну для России. «...» Держа победу уже в руках, она пала на землю заживо, как древле Ирод, пожиремая червями»^[2736].

Великие преобразования Николая II закончились крушением в феврале 1917 г. не потому, что Царь был «слабым», и не потому, что наши внешние враги были сильнее, а потому

что общество наше в своём большинстве уже не верило в Бога и не желало служить ни Царю, ни России. Расслабленное и жестоковыйное, оно не хотело проникнуться планами Государя, предпочитая исполнению великих исторических задач политические интриги и личные интересы. Император Николай II вслед за великим Пращуром мог бы повторить: *«Жизнь мне не дорога. Жива была бы только Россия»*. Слова эти, сказанные Петром перед Полтавской баталией, вызвали неподдельный восторг у его современников. Подобные же слова Николая II всегда вызывали насмешку и критику. Н. А. Павлов писал в 1927 г.: *«Не умея оценить этого Государя, ни использовать опыта истории, ни содействовать Власти, ни ценить блага владеть такой страной – своей ленью, легкомыслием и ропотом глухого недовольства и бессмысленных исканий общества – современное поколение нации пришло к 1917 году»*^[2737]. Об этом же в наши дни пишет Л. П. Решетников: *«Русский Царь, как Помазанник Божий, становился непонятным и ненужным. Тем более, такой Царь, как Николай II», который «сочетал в себе непоколебимую преданность Христу и России с государственной прозорливостью. Это непонимание, неприятие именно такого Царя, создавало условия для распространения различных измышлений о профессиональных и человеческих качествах Государя. Всё это вполне объяснимо: Царь, говоря современным языком, оставался в православном поле, а его оппоненты из политической и интеллектуальной элиты дав-*

но это поле покинули. Впрочем, и писания современных интерпретаторов действий Николая II даже приблизиться к их подлинному пониманию не могут всё по той же причине: они пока находятся в совсем другом духовном поле» ^[2738].

Николая II победили не немцы, не английский или масонский заговор, не военные неудачи и не нехватка снарядов. Всё это Россия под его управлением могла преодолеть и большей частью преодолела. Но царская власть не могла одержать победу в войне с больным русским обществом. Великий Князь Александр Михайлович писал: *«Трон Романовых пал не под напором предтеч советов или же юношей-бомбистов, но носителей аристократических фамилий и придворной знати, банкиров, издателей, адвокатов, профессоров и др. общественных деятелей, живших щедротами Империи. Царь сумел бы удовлетворить нужды русских рабочих и крестьян; полиция справилась бы с террористами! Но было совершенно напрасным трудом пытаться угодить многочисленным претендентам в министры, революционерам, записанным в шестую Книгу российского дворянства, и оппозиционным бюрократам, воспитанным в русских университетах.*

Как надо было поступить с теми великосветскими русскими дамами, которые по целым дням ездили из дома в дом и распространяли самые гнусные слухи про Царя и Царицу? Как надо было поступить в отношении тех двух отпрысков стариннейшего рода князей Долгоруких, которые присоеди-

нились к врагам монархии? Что надо было сделать с ректором Московского университета, который превратил это старейшее русское высшее учебное заведение в рассадник революционеров?

Что следовало сделать с графом Витте, возведенным Александром III из простых чиновников в министры, специальностью которого было снабжать газетных репортеров скандальными историями, дискредитировавшими Царскую семью? Что нужно было сделать с профессорами наших университетов, которые провозглашали с высоты своих кафедр, что Петр Великий родился и умер негодяем? Что следовало сделать с нашими газетами, которые встречали ликованиями наши неудачи на японском фронте?

Как надо было поступить с теми членами Государственной Думы, которые с радостными лицами слушали сплетни клеветников, клявшихся, что между Царским Селом и ставкой Гинденбурга существовал беспроволочный телеграф? Что следовало сделать с теми командующими вверенных им Царем армий, которые интересовались нарастанием антимонархических стремлений в тылу армий более, чем победами над немцами на фронте? Как надо было поступить с теми ветеринарными врачами, которые, собравшись для обсуждения мер борьбы с эпизоотиями, внезапно вынесли резолюцию, требовавшую образования радикального кабинета?»^[2739]

Но, говоря о возобладавших в 1917 г. в России «измене,

трусости и обмане», мы не имеем права забывать о тех, кто остался верен Государю, кто сохранил в своём сердце любовь к Царской Семье. Речь здесь идет не только о верных слугах, разделивших с Царственными Мучениками Екатеринбургскую голгофу, но и о простых русских людях: офицерах, солдатах, крестьянах, священниках, рабочих. Особенно трогательна была верность детей. После того как стало известно об отречении Государя, кадеты 5-го класса Симбирского кадетского корпуса, окна которого выходили на улицу, открыли форточки и запели: «Боже, Царя храни!» Маленькая девочка Елена Граббе, сгоревшая от чахотки на острове Лемнос, в 1918 г. написала собственную молитву за Царя: *«Спаси, Господи, Государя нашего Императора Николая Александровича, уменьши страдания его, поддержи его и соблуди от врагов его. Дай ему, Господи, силу побороть врагов своих и, если будет на то воля Твоя, просвети его на мудрое царствование. Спаси, Господи, Цесаревича Алексея, укрепи его телом и духом, помоги ему перенести испытания, которые Ты послал ему. Укрепи его в вере Православной, в милосердии и добродетели и, если суждено, Господи, престол отца, умудри его и споборствуй ему. Аминь»*^[2740]. Вдумаемся, это писала восьмилетняя девочка! Истинно сказал Спаситель: *«Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам»* (Мф. 11:25). В этой девочке билось русское сердце. Так же как билось оно в груди старой азербайджанки

мусульманки Бадам-ханум, жившей спустя много лет после убийства Царской Семьи в безбожном Советском Союзе. Её внук диакон В. И. Ирзабеков вспоминает: *«Одно из воспоминаний детства связано с бабушкой, мамой моего отца, рано заменившей мне мать. Бывшая рабфаковка, она была учительницей начальных классов, единственная в нашей большой семье получившая высшее образование на азербайджанском языке. Вспоминая “бывшую жизнь”, дочь купца первой гильдии, разоренного большевиками, и жена революционера, она вздыхала украдкой, повторяя чуть слышно: “Язых Николай! Язых Николай!” Какого такого Николая жалеет она, недоумевал я тогда, ведь “язых” значит несчастный. Да не было в нашей родне и среди близких никакого Николая, это я знал точно! Оказалось – был. Так моя покойная бабушка Бадам-ханум сокрушалась, жалея казненного русского Царя»*^[2741]. Ведь русскость определяется не по крови, а по духу.

В последнее время появилось немало спекуляций о том, что якобы «всё духовенство» предало Царя, при этом приводят в основном действия членов Святейшего Синода^[2742]. Но, во-первых, и в Синоде не все было так однозначно, вспомним хотя бы, что монархист митрополит Петроградский и Ладужский Питирим (Окнов) был арестован временщиками одним из самых первых, уже 28 февраля 1917 г., а во-вторых, Синод – это далеко не вся Церковь. В Астрахани епископ Астраханский Митрофан (Краспольский)^[2743] отказался признавать Временное правительство и не разрешил

торжественных молебнов в его честь. В Воронеже архиепископ Тихон (Никаноров)^[2744] не дал разрешения на колокольный благовест в честь Временного правительства и отказался снимать у себя в епархии портреты Государя. За что был подвергнут обыску, отстранён от управления епархии и фактически под арестом отправлен в Петроград^[2745].

5 марта 1917 г. в Москве протоиерей храма Воздвижения Животворящего Креста Господня в Ямской Слободе В. Г. Гуляев в своей проповеди заявил, что во время переворота была забыта присяга на верноподданство Государю Императору. За эту проповедь священник был арестован временщиками, но затем отпущен.

13 апреля 1917 г. *«в одном из сел Новохоперского уезда к волостному комитету явилась группа крестьян с требованием ареста священника, который позволил себе сравнить арестованного Николая II со Христом: “Христос пострадал и бывший Император тоже теперь в изгнании”, – говорил священник»*^[2746].

Немалое число верных было и в Императорской армии. Около 50 генералов, занимавших в ней высокие посты, либо сами отказались служить Временному правительству, либо были уволены за монархические убеждения. Командир Кабардинского полка полковник В. Д. Старосельский, отказавшись от имени офицеров полка присягать Временному правительству, заявил: *«Кабардинцы были всегда преданы данной ими присяге и им всегда было свято и дорого имя Его Им-*

ператорского Величества Государя Императора Николая II, верными слугами которого они всегда были и будут. <...> Как солдаты мы должны оставаться на своём посту, верные долгу, но не изменим присяге, данной Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Александровичу»^[2747].

Начальство Симбирского кадетского корпуса отказалось выполнять распоряжение Временного правительства и не сняло со стен парадных залов портреты Августейших особ^[2748].

Польский дивизион проявил верность Императору Николаю II и отказался в мартовские дни 1917 г. приносить присягу Временному правительству. Чины дивизиона были готовы оказать вооружённое сопротивление примкнувшим к революции пехотным юнкерам, на тот случай, если они попробовали бы силой принудить его к признанию республиканского правительства^[2749].

В г. Владимире генерал-майор А. А. Гамбургцев и полковники Тарасов и Евсеев организовали вооруженное сопротивление установлению в городе власти Временного правительства.

Молодые солдаты Псковского гарнизона открыто заявляли, что «*встали бы на защиту Государя, если бы нашелся хоть один генерал, который бы повёл их в этот момент*»^[2750].

В целом верным Царю оставалось и крестьянство. После

февральского переворота, в феврале – марте 1917 г., крестьяне Нижегородской губернии отказались признать власть Временного правительства. На их усмирение из Нижнего Новгорода были отправлены войска^[2751]. Крестьянин Н. Прокопов писал путиловским рабочим в августе 1917 г.: *«Вспомните моё слово, что спасение России только в том, чтобы у нас был Царь. Вспомнится, что русский народ истоскуется по Царю и уже тоскует. Не то ли было триста лет тому назад при избрании Романовых?»*^[2752]

В 20-х гг. крестьянин-большевик Ф. Ф. Карташев из села Синие Липеги Нижне-Девицкой области Воронежской губернии вспоминал, что после «отречения» Императора Николая II и Великого Князя Михаила Александровича «священник объяснял крестьянам: “Молитесь, мол, Богу о Царе. Бог поможет нам опять Царя восстановить на царство, без Царя не мыслимо нам жить”. Поэтому наши старухи о Царе выли, о нем горевали более темные люди. За Царя сильно настаивал поп нашего села А. Долгошевский»^[2753].

Нет, вовсе не вся Русь предала своего Царя! Вместе с ним на крестные муки пошли лучшие представители русского народа. Но и среди тех, кто не принял физических мук за Него, продолжала жить любовь к Нему и сострадание. Эта любовь с годами не только не уменьшалась, но с каждым годом росла, пока не достигла высшей формы – прославления Царской Семьи в лике святых. Эту любовь православного народа уже почти век не могут простить Николаю II «шариковы» от ис-

тории. Не могут простить того, что его образ является альтернативой их кровавым идолам, их безумным утопиям, поклонение и следование которым привело наш народ и страну к невиданным жертвам и катастрофе. Им смертельно опасна правда о последнем Государе, ибо тогда выяснится, что индустриализацию и реформы можно успешно проводить без миллионных жертв, без ГУЛАГов и Соловков, без коллективизаций и чрезвычайек. Выяснится, что сила и воля государственного деятеля, его величие заключаются не в количестве убитых им людей, а в народосбережении, что и происходило в царствование Государя Императора Николая Александровича, когда за 20 довоенных лет население Империи выросло на 55 млн человек. Выяснится, что именно при Николае II были запрограммированы, начаты или осуществлены почти все «великие стройки» коммунизма, которыми так кичились большевики: БАМ, электрификация всей страны, освоение Дальнего Востока. Выяснится, что сырую нефть при Царе вывозить за границу было запрещено, а вырученные средства от продажи керосина и масел шли на развитие отечественной промышленности. Выяснится, что детские сады, участковые врачи, приюты, родильные дома, ночлежки для бездомных, борьба с безграмотностью, начальное образование – вовсе не были изобретением советской власти: они были заложены и успешно развивались в царское время. Выяснится, что при «слабом» Царе в 1915–1916 гг. враг был остановлен в Царстве Польском и Прибалтике, а в 1941–1945 гг.

при «сильном» Сталине – у Москвы и на Волге. Выяснится, что за всю Вторую Отечественную войну (включая послецарский период) мы потеряли около 2 млн, а в Великую Отечественную 27 млн человек, и большая часть из них приходится на долю мирного населения, которое «гениальный» полководец бросил на растерзание злейшему врагу.

Вопрос о роли, которую сыграло наследство Российской Империи в Великой Отечественной войне, тесно связан с общим подходом к рассмотрению событий 1941–1945 гг. и их места в истории Отечества. Многие исследователи отмечают, что одним из важных факторов, обеспечивших выживание и победу Советского государства, являлись огромные людские ресурсы, позволившие компенсировать как потери начального периода войны, так и многие недостатки советской военной машины. Этот демографический потенциал появился не сам по себе, а в результате целенаправленной деятельности правительства Российской Империи в царствование Императора Николая II^[2754]. Не будет преувеличением сказать, что Великую Отечественную войну выиграли «дети» Николая II. На советские возраста (до 26 лет) приходится 40 % потерь, а больше половины (60 %) – на поколения, рожденные и воспитанные в Российской Империи. Необходимо также учитывать, что значительная часть потерь молодежи приходится на 1941 г., когда была разгромлена кадровая Красная армия, основу личного состава которой составляли призывники 1920–1921 гг. рождения^[2755].

Государь Николай II является бессмертным примером христианского политика, человека и семьянина, бескорыстной жертвенной любви к России, её народу, её истории. Государь был изначально позитивно настроен к людям, относясь со снисхождением к их порокам и слабостям. Он всю свою жизнь верил, по его собственному выражению, в «добрых людей», в победу Добра над злом. Эта вера не имела ничего общего с оторванностью от реальности или бездумным романтизмом. Николай II мог быть жёстким и даже суровым, когда речь шла об интересах его страны и подданных, но он никогда не считал, что цель оправдывает средства, он не мог проливать моря крови ради достижения политических целей. Он любил и жалел свой народ. Он не мог вешать и расстреливать его сотнями тысяч, гноить в лагерях и тюрьмах, обрекать на голодную смерть миллионами во имя своих политических целей и даже для подавления смуты и революции. Только ограниченный секуляризованный ум может рождать сегодня сентенции типа «Николай II проиграл страну». Для такого ума в «проигравших» будет и сам Спаситель, который отверг помощь Всемогущего Отца, исполняя Его Святую Волю^[2756].

Сколько сил, сколько стараний приложили керенские, милликовы, родзянки, гучковы, ленины, троцкие, свердловы, губельманы-ярославские, бухарины, покровские, минцы, капиновы, радциги с тем, чтобы оклеветать имя Государево, предать его забвению, опорочить, очернить. Убили Царскую

Семью, снесли Ипатьевский дом, 70 лет лгали, клеветали, порочили, провели и проводят кощунственные манипуляции с «Екатеринбургскими останками», выдавая их за «царские мощи», с тем чтобы второй раз убить в душах народа Царскую Семью, теперь уже прославленную. И что же? Имена убийц и клеветников забыты, а Царь и его Семья прославлены Церковью и получили венец от Господа, на месте Ипатьевского дома вырос величественный храм, куда стекаются люди со всего мира, чтобы поклониться Святым Царственным Мученикам. 17 июля 2010 г. митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев) после проведённой им ночной службы в Храме-на-Крови на месте убиения Царской Семьи выступит с пастырским словом: *«Словно вторая Пасха, ночью совершается богослужение в красных – мученических и одновременно пасхальных ризах, в память о тех людях, которые погибли здесь при совершенно других обстоятельствах и в другой обстановке. <...> Государь Император Николай Александрович был расстрелян потому, что он был Царем. В течение 70 лет после кончины его продолжали оскорблять, его имя продолжали всячески злословить. <...> Невозможно говорить здесь о каком бы то ни было судебном деянии, а только о беззаконии и преступлении. О величайшем преступлении, которое было совершено на этом месте, но которое Господь обратил к славе Церкви Христовой. Государя Императора Николая Александровича и всю его Семью не просто расстреляли: их останки зверским образом*

уничтожили для того, чтобы и память их была стерта с лица земли. И потом, на протяжении долгих десятилетий безбожной власти, память святых Царственных страстотерпцев всячески пытались изгладить из сердец людей. Но эта память никогда не угасала. <...> Они являют перед нами образ высочайшего смирения, потому что 25 лет после великой славы, в которой они жили, они оказались в великом бесславии, и с терпением, и со смирением, подобно Христу, Который восходил на Голгофу, они восходили на свою Голгофу для того, чтобы здесь претерпеть смерть как страстотерпцы и мученики»^[2757].

Флигель-адъютант полковник А. А. Мордвинов писал об Императоре Николае II: «Он был, быть может, не властным Царем, но был большим человеком, что важнее, человеком, что бы там ни говорили, с большой волей, с волей не напоказ и с большим сердцем; человеком, умевшим сдерживать себя, не думать о себе, подчинять свои собственные побуждения чувству долга, не заискивать перед другими и не примиряться с тем, чему противилась его совесть. Ни перед кем наша Родина не должна себя чувствовать такой виноватой, как перед ним. У нее даже нет оправдания, что он “сам подставил себя под удары рока”. Не рок, а люди – русские люди, которых он так любил, в которых верил, которыми гордился, сделали его жизнь в конце столь несправедливо несчастной и столь захватывающе великой в этом несчастии, какую когда-либо видел свет»^[2758].

Но сегодня мы видим, как все больше людей начинают понимать все непреходящее значение Императора Николая II в истории России. Огромный ежегодный Крестный ход на Царские дни, собирающий до 100 тыс. человек со всей России и зарубежья, ярко свидетельствует о том, что народ возвращается к своему Государю. Молитвенное обращение к святому Государю не раз прозвучало и во время героической обороны Славянска. Показательно, что его защитники прекрасно понимали всю важность молитвенной помощи Святого Царя-Мученика. 17 июля 2014 г., в день изуверского убийства Царской Семьи, в центре Донецка состоялся большой Крестный ход. В нём приняли участие не только ополченцы, но и обычные горожане. Ополченцы молились, стремясь вымолить победу над украинскими фашистами у Святого Царя Николая – покровителя единства Русского мира, чистоты, целомудрия, который воплощал в себе идеал Симфонии власти и Церкви. Память о Николае II в 2014 г. была увековечена братским сербским народом. В Республике Сербской, в Бане-Луке ему был установлен бюст, а в центре Белграда – величественный памятник, который открывал президент Республики Сербия Томислав Николич и освящал Патриарх Сербский Ириней (Гаврилович) совместно с Патриархом Московским и всея Руси Кириллом. По опросу «Левада-центра», в 2013 г. о Николае II положительно высказалось 48 % опрошенных и отрицательно – 30 %. В ноябре 2014 г. 52 % опрошенных заявили, что Николай II

принес России больше хорошего, чем плохого, и только 16 % высказались наоборот^[2759].

Почитание Николая II и признание его как выдающегося государственного деятеля звучит сегодня не только от православных. Глава традиционной буддистской сангхи Пандито Хамбо Лама Дамба Аюшеев отмечал, что для русских буддистов Николай II и Цесаревич Алексей являются святыми^[2760].

Вот почему силы, стремящиеся к уничтожению России, видят своего главного духовного врага в Православной Церкви, а главного исторического врага – в Императоре Николае II. Именно поэтому идёт всяческая пропаганда и реабилитация сталинского мифа. Для невоцерковлённого народа образ «эффективного менеджера» гораздо понятнее, чем образ Божьего Помазанника. Мифический Сталин противопоставит Императору Николаю II, в духовном плане они несовместимы. При этом Николай II не имеет никакой положительной мифологизации, в отличие от Иоанна Грозного, Петра Великого или Сталина. Жизнь Государя, даже в житийном изложении, есть историческая правда. Отдельные ошибки и неудачи царствования Николая II, вольные и невольные его грехи навсегда стерты Богом не только в Вечности, но и в нашей земной жизни. Осталось только величие Подвига и величие Духа нашего святого Царя, ибо подлинное величие достигается лишь в жертвенном служении Христу Спасителю. Именно такое служение было у Государя, который предпочёл мученичество измене Христу.

Сегодня правдивое жизнеописание Императора Николая II становится не только и не столько биографией государственного деятеля, сколько знаменем всех тех, кто верит в победу Добра над злом, победу Истины над ложью, победы Христа над сатаной.

Как нельзя более актуально звучат сегодня слова Н. А. Павлова: *«Из тьмы настоящего и эпохи падения общества и народа, образ Государя Николая II будет всё более и более возвышаться, и просветляться, становясь примером чести, воли, труда и тихой благости. Царь милосердный пробудит великое горе народное. Входя в историю с путеводным именем Государя, Ему последуют все те, кто наконец решится победить воцарившееся чудовищное зло»* ^[2761].

Используемые источники и литература

1.1. Архивные источники

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), Москва

Ф. 102 (Департамент полиции МВД).

Д-5. 1896 г. Д. 38. Ч. 1 // О террористическом кружке

И. Распутина.

ДП ОО. 1905. Ч. 12.2 (1) // О масонах.

ДП ОО. 1906. Д. 1038 // О масонской фракции «Денница».

Ф. Р-130 (СНК РСФСР).

Оп. 2. Д. 653 // Телеграмма из Екатеринбурга через
Г. Е. Зиновьева В. И. Ленину и Я. М. Свердлову.

Ф. 124 (Уголовные преступления 1 Департамента министерства юстиции).

Оп. 67. Д. 591а // Доклад министра юстиции С. С. Манухина Императору Николаю II об убийстве Великого Князя Сергея Александровича.

Ф. 494 (Финляндское жандармское управление).

Оп. 2. Д. 13 // Донесения Начальника Финляндского жан-

дармского управления.

Ф. 553 (П. К. Бенкендорф).

Оп. 1. Д. 6 // Император Николай II – графу П. К. Бенкендорфу 23 февраля 1913 г.

Ф. 559 (А. П. Извольский).

Ф. 564 (А. Ф. Кони).

Оп. 1. Д. 202 (1) // *Кони А.Ф.* Крушение царского поезда в 1888 г.

Ф. 568 (В. Н. Ламздорф).

Оп. 1. Д. 37 // Резолюция Императора Александра III на записке барона Е.Е. де Стааля. 20 апреля 1894 г.

Оп. 1. Д. 39 // Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1894 г.

Оп. 1. Д. 39 // Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1894 г.
Вложение к дневнику № 244. Император Николай II – Н. К. Гирсу.

Оп. 1. Д. 39 // Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1894 г.
Вложение к дневнику № 244. Император Николай II – Н. К. Гирсу. 13 декабря 1894 г.

Оп. 1. Д. 39 // Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1894 г.
Вложение к дневнику № 244. Н. К. Гирс – Императору Николаю II. 22 декабря 1894 г.

Оп. 1. Д. 39 // К. П. Победоносцев – Н. К. Гирсу. 25 октября 1894 г. [копия].

Оп. 1. Д. 39 // Дневник графа В. Н. Ламздорфа. 1895 г.
Вложение в дневник № 246.

Оп. 1. Д. 40 // Секретная записка М. А. Хитрово в МИД.

Оп. 1. Д. 41 // Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г.
Вложение к дневнику № 246. Н. П. Шишкин – Императору
Николаю II 20 сентября 1895.

Оп. 1. Д. 41 // Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г.
Вложение к дневнику № 246. Помета Императора Николая II
на письме Н. П. Шишкина. 20 сентября 1895 г.

Оп. 1. Д. 41 // Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г.
Вложение к дневнику № 246. Телеграмма князя А. Б. Лобанова-Ростовского Н. П. Шишкину 24 сентября/6 октября
1895 г. [на фр. яз.].

Оп. 1. Д. 45 // Резолюция Императора Николая II на телеграмме посла А. Г. Влангали 30 марта 1896 г. [копия].

Оп. 1. Д. 45 // Резолюция Императора Николая II на телеграмме А. И. Нелидова.

Оп. 1. Д. 45 // Записка Ф. Ф. Мартенса на Высочайшее
имя.

Оп. 1. Д. 46 // Император Николай II – графу М. Н. Муравьеву [копия].

Оп. 1. Д. 53// *Ламздорф В.Н.* Обзор внешней политики
России за время царствования Императора Александра III
[черновик].

Оп. 1. Д. 53 // Записка графа В. Н. Ламздорфа Императору
Николаю II.

Оп. 1. Д. 58 // Конспект Всеподданнейшего доклада графа
В. Н. Ламздорфа, 16 ноября 1897.

Оп. 1. Д. 82 // Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г.

Вложение в дневник № 248. Князь А. Б. Лобанов-Ростовский – Императору Николаю II. 19 ноября 1895 г.

Оп. 1. Д. 82 // Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г.
Вложение в дневник. Докладная записка князя А. Б. Лобанова-Ростовского Императору Николаю II. 11 ноября 1895 г.

Оп. 1. Д. 82 // Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г.
Вложение в дневник. Докладная записка князя А. Б. Лобанова-Ростовского Императору Николаю II. 11 ноября 1895 г.
[подчёркивания сделаны Императором Николаем II].

Оп. 1. Д. 82 // Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г.
Вложение в дневник. Докладная записка князя А. Б. Лобанова-Ростовского Императору Николаю II. 23 ноября 1895 г.

Оп. 1. Д. 82 // Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г.
Запись за 13 декабря.

Оп. 1. Д. 82 // Барон Е. Е. де Стааль – графу М. Н. Муравьёву.

Оп. 1. Д. 83 // Всеподданнейшая записка министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа. Июль 1901 г. [копия].

Оп. 1. Д. 83 // Граф В. Н. Ламздорф – графу Н. Д. Остен-Сакену. 4 июля 1901 г.

Оп. 1. Д. 83 // Резолюция Императора Николая II на Всеподданнейшей записке министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа. 3 июля 1901 г.

Оп. 1. Д. 83 // Всеподданнейшие записки министра иностранных дел по вопросам Англо-бурской войны.

Оп. 1. Д. 84 // Всеподданнейший доклад министра ино-

странных дел. 22 января 1900 г.

Оп. 1. Д. 156 // Генерал-адъютант П. С. Ванновский – А. И. Нелидову. 14 января 1897 г.

Оп. 1. Д. 170 // В. Н. Ламздорф – Императору Николаю II 19 июля 1901 г.

Оп. 1. Д. 170 // Переписка министра иностранных дел с французским послом в России относительно предстоящей поездки Императора Николая II во Францию [на фр. яз.].

Оп. 1. Д. 180 // Переписка В. Н. Ламздорфа с русскими посланниками в Японии [копии].

Оп.1. Д. 237 // Свидетельство и сообщение о смерти министра иностранных дел графа М. Н. Муравьёва. 8 июня 1900 г.

Оп. 1. Д. 238 // Отношения министра Императорского Двора о болезни Императора Николая II.

Оп. 1. Д. 243 // Мнение английского экономиста А. Колькуна о Сибирской железной дороге.

Оп.1. Д. 245 // Переписка министра иностранных дел. Обзор печати, посвященный поездкам Императора Николая II во Францию, Германию и т. д.

Оп. 1. Д. 320 // А. М. Безобразов – графу В. Н. Ламздорфу 8 августа 1903 г.

Оп. 1. Д. 661 // Император Николай II – графу В. Н. Ламздорфу 9 июня 1897 г.

Оп. 1. Д. 661 // Император Николай II – графу М. Н. Муравьёву 27 августа 1898 г.

Ф. 583 (А. А. Половцов)

Оп. 1. Д. 47 // Дневник А. А. Половцова.

Оп. 1. Д. 50

Ф. 586 (В. К. Плеве)

Оп. 1. Д. 904 // В. П. Мещерский – В. К. Плеве.

Ф. 601 (Император Николай II)

Оп. 1. Д. 2 // Лист Всеобщей переписи 1897 г., заполненный Императором Николаем II за себя и свою Семью 28 января 1897 г. [подлинный и копия].

Оп. 1. Д. 16 // Диплом ордена «Тернового венца» (Нью-Йорк) Императору Николаю II.

Оп. 1. Д. 54 // Император Николай II – президенту Ф. Фор-у. 22 июня 1897 г.

Оп. 1. Д. 115 // Адрес Военно-исторического общества Императору Николаю II.

Оп. 1. Д. 117 // Император Николай II – князю А. Б. Лобанову-Ростовцеву 23 апреля 1895 г.

Оп. 1. Д. 137 // Князь Э. Э. Ухтомский – Императору Николаю II 14 декабря 1894 г.

Оп. 1. Д. 137 // Князь Э. Э. Ухтомский – Императору Николаю II 2 сентября 1895 г.

Оп. 1. Д. 158 // Указ Императора Николая II Правительствующему Сенату о происшествии на Ходынском поле.

Оп. 1. Д. 160 // Расписание занятий Государя Наследника Цесаревича за 18 марта 1883 г.

Оп. 1. Д. 160 // Генерал Г. Г. Данилович – Наследнику Цесаревичу Александру Александровичу.

Оп. 1. Д. 175 // Ученические тетради Великого Князя Николая Александровича по военной топографии.

Оп. 1. Д. 178 // Ученические тетради Великого Князя Николая Александровича по фортификации.

Оп. 1. Д. 215 // *Лансон Г.* Воспитание Царя Николая II [пер. с фр.].

Оп. 1. Д. 217 (1) // Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1882 г.

Оп. 1. Д. 219 (1) // Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1884 г.

Оп. 1. Д. 222(2) // Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1888 г.

Оп. 1. Д. 223(2) // Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1889 г.

Оп. 1. Д. 224 // Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1890 г.

Оп.1. Д. 226 // Дневник Великого Князя Николая Александровича за 1891.

Оп. 1. Д. 228 // Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1892 г.

Оп. 1. Д. 233 // Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г.

Оп. 1. Д. 249 // Дневник Императора Николая II за 1905 г.

Оп. 1. Д. 251 // Дневник Императора Николая II за 1907 г.

Оп. 1. Д. 440 // Записка Великого Князя Алексея Александровича по поводу брошюры Кази «Русский военный флот,

его современное состояние и ближайшие задачи» [с пометами Императора Николая II].

Оп.1. Д. 514 // Записка генерала А. Н. Куропаткина Императору Николаю II.

Оп. 1. Д. 516 // Генерал А. М. Стессель – Императору Николаю II 24 августа 1904 г.

Оп. 1. Д. 551 // Высочайший манифест 20 июля 1914 г.

Оп. 1. Д. 569 // Телеграмма генерала Н. Н. Янушкевича князю В. Н. Орлову с сообщением текста телеграммы Вел. Кн. Николая Николаевича И. Л. Горемыкину.

Оп. 1. Д. 596 // Немецкая прокламация в виде «обращения» Николая II к русским солдатам.

Оп. 1. Д. 612 // Телеграмма Вел. Кн. Николая Николаевича Императору Николаю II от 2 июня 1915 г.

Оп.1. Д. 610 // М. В. Родзянко – Императору Николаю II.

Оп. 1. Д. 614 // Телеграмма по прямому проводу Вел. Кн. Николая Николаевича Императору Николаю II от 2 июня 1915.

Оп. 1. Д. 615 // Записка князя Юсупова.

Оп. 1. Д. 619 // Приказ Императора Николая II по армии и флоту.

Оп. 1. Д. 620// Коллективное письмо министров Императору Николаю II от 21 августа 1915 г.

Оп. 1. Д. 621 // И. И. Воронцов-Дашков – Императору Николаю II от 10 августа 1915.

Оп. 1. Д. 692 // Князь Лобанов-Ростовский – Императору

Николаю II 5 июля 1896 г.

Оп. 1. Д. 700 // Записки, депеши и письма без подписей, адресованные Императору Николаю II, С. Ю. Витте о политике России на Дальнем Востоке, в Китае и Монголии.

Оп. 1. Д. 716 // Резолюция Императора Николая II на донесении контр-адмирала Ф. В. Дубасова из Порт-Артура 16 марта 1898 г.

Оп. 1. Д. 720 // Записка Великого Князя Александра Михайловича Императору Николаю II 5 марта 1899 г.

Оп.1. Д. 735 // Депеши русских дипломатических представителей за границей. Депеша князя Л. П. Урусова из Парижа.

Оп. 1. Д. 746(2)// И. Л. Татищев – Императору Николаю II 19 марта/1 апреля 1909 г.

Оп. 1. Д. 746(2) // И. Л. Татищев – Императору Николаю II 14/27 февраля 1913 г.

Оп. 1. Д. 771 // Записка генерала П. Г. Курлова о действиях в Европе масонских и антимасонских организаций.

Оп.1. Д. 783 // Записка неустановленного автора о пребывании Императора Николая II во Франции [на фр. яз.].

Оп. 1. Д. 838 // Записка петербургского градоначальника «О назревших нуждах столицы», 12 марта 1898.

Оп. 1. Д. 845 // Всеподданнейший доклад о разрешении устраивать в Императорских театрах спектакли накануне праздничных дней [копия].

Оп. 1. Д. 1026// Всеподданнейший доклад министра фи-

нансов С. Ю. Витте о необходимости установить и затем непреложно придерживаться определённой программы торгово-промышленной политики Империи.

Оп. 1. Д. 1079 // Справка о службе генерала С. И. Сперанского.

Оп. 1. Д. 1080 // Проекты рескрипта Императора Николая II генерал-адъютанту П. С. Ванновскому в связи с назначением его министром народного просвещения. Черновики с замечаниями Императора Николая II.

Оп. 1. Д. 1111 [на англ. яз.] // Император Николай II – королеве Виктории.

Оп.1. Д. 1113 // Император Николай II – Вел. Кн. Николаю Николаевичу.

Оп. 1. Д. 1113 // Император Николай II – графу И. И. Воронцову-Дашкову. 10 августа 1915 г.

Оп. 1. Д. 1121 // Император Николай II – Вел. Кн. Николаю Николаевичу.

Оп. 1. Д. 1139 // Цесаревич Александр Александрович – Великому Князю Николаю Александровичу 2 октября 1877 г.

Оп. 1. Д. 1139 // Император Александр III – Цесаревичу Николаю Александровичу. 1890 г.

Оп. 1. Д. 1139 // Император Александр III – Цесаревичу Николаю Александровичу. 1894 г.

Оп. 1. Д. 1147 // Принцесса Алиса Гессенская – Цесаревичу Николаю Александровичу. 1893 г.

Оп. 1. Д. 1170 // Письмо Луизы Бельма Императору Николаю II от 26 августа 1901 г. [на фр. яз.].

Оп. 1. Д. 1178 (2) // Н. И. Бобриков – Императору Николаю II.

Оп. 1. Д. 1194 [на англ. яз.] // Королева Виктория – Императору Николаю II.

Оп. 1. Д. 1209 // М. С. Воробьева – Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу. 2 мая 1891 г.

Оп. 1. Д. 1221 // Великий Князь Георгий Александрович – Императору Николаю II.

Оп. 1. Д. 1221 // Император Николай II – Великому Князю Георгию Александровичу.

Оп. 1. Д. 1241 // Г. Г. Данилович – Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу.

Оп. 1. Д. 1246 // В. Ф. Джунковский – Императору Николаю II.

Оп. 1. Д. 1253 // Великая Княгиня Елизавета Феодоровна – Цесаревичу Николаю Александровичу 19 июня 1889 г.

Оп. 1. Д. 1270 // А. В. Кривошеин – Императору Николаю II 26 октября 1915 г.

Оп. 1. Д. 1283 // Президент Э. Лубе – Императору Николаю II 8 августа 1901 г.

Оп. 1. Д. 1301 // Великий Князь Михаил Александрович – Цесаревичу Николаю Александровичу.

Оп. 1. Д. 1301 // Великий Князь Михаил Александрович – Императору Николаю II 29 марта 1910 г.

Оп. 1. Д. 1323 // Президент Казимир Перье – Императору Николаю II. 12 ноября 1894 г. [на фр. языке].

Оп. 1. Д. 1349// Барон Е. Е. де Стааль – Императору Николаю II. 8/20 февраля 1895 г.

Оп. 1. Д. 1355 // Статс-секретарь А. С. Танеев – Императору Николаю II. 18 августа 1915.

Оп.1. Д. 1486 // А. Н. Майков – Императору Александру III.

Оп. 1. Д. 1755 // Список собственных лошадей Императора Николая II 1915.

Оп. 1. Д. 2109 // Император Николай II – министру внутренних дел П. К. Плеве [копия].

Оп. 1. Д. 2109 // Император Николай II – министру внутренних дел Д. С. Сипягину 17 сентября 1901 г. [копия].

Оп. 1. Д. 2119 // Докладные записки без подписи Императору Николаю II по мероприятиям по похоронам Императора Александра III.

Оп. 1. Д. 2139 // Дело особого совещания Государственного совета об устранении Великого Князя Кирилла Владимировича от престолонаследия.

Оп. 1. Д. 2264 // Елена К. – Императору Николаю II.

Оп. 1. Д. 2281 // Письмо неизвестного лица Николаю II.

Оп. 2. Д. 20 // В. С. Панкратов – А. Ф. Керенскому 20 сентября 1917 г.

Оп. 2. Д. 27 // «Записка» Я. М. Юровского.

Оп. 2. Д. 27 // Телеграмма Аванесова Кобылинскому и

Матвееву.

Оп. 2. Д. 27 // Телеграмма Е. С. Кобылинского и Матвеева председателю ВЦИК Я. М. Свердлову.

Оп. 2. Д. 48 // Князь В. А. Долгорукий – председателю Областного совета Урала А. Г. Белобородову 4 мая 1918 г.

Оп. 2. Д. 50 // Князь В. А. Долгорукий – председателю Областного совета Урала А. Г. Белобородову 24 мая 1918 г.

Оп. 2. Д. 87 // Телеграмма французского посла М. Палеолога П. Камбону из Петрограда 18 марта 1917 г.

Ф. 627 (Б. В. Штюмер).

Оп. 1. Д. 42 // Отношение Б. В. Штюмера Императору Николаю II.

Оп. 1. Д. 47 // Доклад Председателя Совета министров Б. В. Штюмера Императору Николаю II.

Ф. 641 (Императрица Мария Александровна).

Оп. 1. Д. 115 // Великий Князь Александр Александрович – Императрице Марии Александровне.

Ф. 642 (Императрица Мария Федоровна).

Оп. 1. Д. 2320 // Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. 15 августа 1897 г.

Оп. 1. Д. 2321 // Великий Князь Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне.

Оп. 1. Д. 2322 // Цесаревич Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне.

Оп. 1. Д. 2324 // Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. 1896 г.

Оп.1. Д. 2324 // Император Николай II – Императрице Марии Феодоровне. 1897 г.

Оп.1. Д. 2325 // Великий Князь Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне.

Оп. 1. Д. 2331 // Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне.

Оп.1. Д. 2322 // Цесаревич Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне.

Ф. 648 (Великий Князь Сергей Александрович).

Оп. 1. Д. 31. // Дневник Великого Князя Сергея Александровича за 1894 г.

Оп. 1. Д. 70 // Император Николай II – Великому Князю Сергею Александровичу.

Оп. 1. Д. 70 // Император Николай II – Великому Князю Сергею Александровичу. 22 октября 1899 г.

Ф. 655 (Великая Княгиня Мария Павловна).

Оп. 1. Д. 2900 // Император Николай II – Великому Князю Кириллу Владимировичу 26 февраля 1903 г.

Ф. 660 (Великий Князь Константин Константинович).

Оп. 1. Д. 24 // Дневник Великого Князя Константина Константиновича за 1884 г.

Оп. 1. Д. 41 // Дневник Великого Князя Константина Константиновича за 1892 г.

Оп. 1. Д. 41 // Дневник Великого Князя Константина Константиновича за 1894 г.

Оп. 1. Д. 43 // Дневник Великого Князя Константина Кон-

стантиновича за 1896 г.

Оп. 1. Д. 47 // Дневник Великого Князя Константина Константиновича за 1900 г.

Оп. 2. Д. 5 // Воспоминания о службе Государя Наследника Цесаревича Николая Александровича, ныне благополучно царствующего Государя Императора, 2 января 1893 – 20 октября 1894 г. Записано командиром полка генерал-майором Великим Князем Константином Константиновичем в 1896 г.

Оп. 2. Д. 255 // Великий Князь Сергей Александрович – Великому Князю Константину Константиновичу 15 января 1905 г.

Ф. 662 (Великая Княгиня Ксения Александровна).

Оп.1. Д. 13 // Дневник Великой Княгини Ксении Александровны за 1899 г.

Оп. 1. Д. 15 // Дневник Великой Княгини Ксении Александровны за 1900 г.

Ф. 669 (Великая Княгиня Милица Николаевна).

Оп. 1. Д. 94 // Император Николай II – Великой Княгине Милице Николаевне.

Ф. 670 (Великий Князь Николай Михайлович).

Оп. 1. Д. 194 // Великий Князь Николай Михайлович – Императору Николаю II. 1 октября 1909 г.

Оп. 1. Д. 194 // Император Николай II – Великому Князю Николаю Михайловичу 12 сентября 1909 г.

Оп. 1. Д. 194 // Император Николай II – Великому Князю

Николаю Михайловичу 12 февраля 1909 г.

Оп. 1. Д. 194 // Император Николай II – Великому Князю Николаю Михайловичу 22 января 1910 г.

Оп. 1. Д. 197 // Император Николай II – Великому Князю Николаю Михайловичу 7 января 1907 г.

Ф. 675 (Великий Князь Георгий Александрович).

Оп. 1. Д. 2 // Дневник Великого Князя Георгия Александровича за 1894 г.

Оп. 1. Д. 45 // Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна – Великому Князю Георгию Александровичу.

Оп. 1. Д. 55 // Император Николай II – Великому Князю Георгию Александровичу. 1894 г.

Оп. 1. Д. 177 // Великая Княгиня Ксения Александровна – Великому Князю Георгию Александровичу. 21 января 1895 г.

Ф. 677(Император Александр III).

Оп. 1. Д. 52 // Высочайший манифест 14 марта 1881 г.

Оп. 1. Д. 73// Высочайший манифест о совершеннолетию Наследника Цесаревича Великого Князя Николая Александровича и о принесении им присяги.

Оп. 1. Д. 97 // Письмо Великой Княгини Марии Павловны неустановленному лицу о последних днях жизни Императора Александра III [на фр. яз.].

Оп. 1. Д. 276 // Памятные книжки Императора Александра III за 1884 г.

Оп. 1. Д. 294 // Памятные книжки Императора Алек-

сандра III за 1893 г.

Оп. 1. Д. 300 // Дневник Цесаревича Александра Александровича за 1866–1867 гг.

Оп. 1. Д. 301 // Дневник Цесаревича Александра Александровича за 1868 г.

Оп. 1. Д. 302 // Дневник Великого Князя Александра Александровича 1868–1869 гг.

Оп. 1. Д. 919(1) // Великий Князь Николай Александрович – Цесаревичу Александру Александровичу.

Оп. 1. Д. 919(3) // Цесаревич Николай Александрович – Императору Александру III.

Оп. 1. Д. 919(4) // Цесаревич Николай Александрович – Императору Александру III.

Оп. 1. Д. 919(5) // Цесаревич Николай Александрович – Императору Александру III.

Ф. 1467 (ВЧСК).

Оп. 1. Д. 231 (1) // Допрос С. П. Белецкого.

Оп. 1. Д. 957 // Допрос А. Д. Протопопова.

Оп. 1. Д. 977 // Допрос Д. Н. Дубенского.

Ф. 1837 (Материалы следствия об убийстве Императора Николая II, членов его семьи и окружения).

Оп. 1. Д. 1 // Показания священника Николаевской церкви на Верх-Исетском заводе И. М. Приходько 12/25 июля 1920 г.

Оп. 1. Д. 41 // Телеграмма В. Д. Бонч-Бруевича в Екатеринбург. 20 июня 1918 г.

Оп. 1. Д. 42 // Телеграмма Р. Берзина В. И. Ленину 21 июня 1918 г.

Оп. 1. Д. 43 // Телеграмма Л. Н. Старка А. Г. Белобородову.

2. Российский государственный исторический архив (РГИА), Санкт-Петербург.

Ф. 381 (Канцелярия министра земледелия).

Оп. 46. Д. 203 // Всеподданнейший доклад А. В. Кривошеина.

Ф. 508 (Дворцовая полиция).

Оп. 3. Д. 591 // Инструкция постам у Императорской Ставки в Могилёве.

Ф. 516 (Камер-фурьерские журналы).

Оп. 1 (доп.). Д. 12 // Камер-фурьерский журнал за 1915 г. Сентябрь.

Ф. 563 (Комитет финансов).

Оп. 2. Д. 406 // О выпуске 4 % российской консолидированной ренты.

Ф. 669 (И. С. Ключев).

Оп. 1. Д. 14 // Дневник И. С. Ключева. Тетрадь XII.

Ф. 919 (И. И. Воронцов-Дашков).

Оп. 2. Д. 608 // Доклад министра внутренних дел В. К. Плеве Императору Николаю II о происходившем в Москве в мае 1902 г. съезде земских деятелей, носящем либеральный характер [копия].

Оп. 2. Д. 609 // Текст речи Императора Николая II обращённой к земской депутации (о «бессмысленных мечтаниях») [Текст – рукой Николая II].

Ф. 1276 (Совет министров).

Оп. 1. Д. 147 // Рескрипты Императора Николая II о реформе народного образования.

Оп. 1. Д. 7 // Письма и предложения разных лиц о государственных преобразованиях.

Ф. 1284 (Департамент общих дел МВД).

Оп. 241. Д. 221 // О волнениях крестьян в Полтавской и Харьковской губерниях.

Ф. 1409 (Собственная Его Императорского Величества канцелярия).

Оп. 16. Д. 37 // Доклад Главноуправляющего Соб. Е. И. В. канцелярии Императору Николаю II.

Ф. 1571 (А. В. Кривошеин).

Оп. 1. Д. 290 // Граф В. В. Мусин-Пушкин – А. В. Кривошеину.

Ф. 1622 (С. Ю. Витте).

Оп. 1. Д. 121 // Записка М. Н. Муравьева Императору Николаю II 2 ноября 1897 г.

Оп. 1. Д. 41. // Император Николай II – С. Ю. Витте 11 декабря 1904 г. [Копия].

3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Ф. 2.

Оп. 1. Д. 6601 // Телеграфный запрос В. И. Ленину датской газеты «National Tidende».

Оп. 1. Д. 6643 // Протокол заседания ВЦИК от 18 июля 1918 г.

Ф. 588.

Оп. 3. Д. 12 // Рассказ Медведева М. А. об обстоятельствах убийства Царской Семьи.

4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Москва.

Ф. 165.

Оп.1. Д. 3564 // Доклад генерала А. Н. Куропаткина Императору Николаю II.

Оп. 1. Д. 4945 // Депеша агента в Берлине В. Н. Шебеко от 4 июля 1900 г.

Ф. 440.

Оп. 1. Д. 209 // Донесение военного агента полковника В. П. Лазарева.

Ф. 2003.

Оп.1. Д. 5. // Телеграмма генерала М. В. Алексева главнокомандующим.

Оп. 1. Д. 1826 // Телеграмма Вел. Кн. Николая Николаевича Николаю II от 28 июля 1915 г.

Оп. 1. Д. 1826 // Телеграмма Императора Николая II Вел. Кн. Николаю Николаевичу от 16 августа 1915 г.

Оп.1. Д. 1826 // Телеграмма Вел. Кн. Николая Николаевича Императору Николаю II от 23 сентября 1915 г.

Оп. 1. Д. 1826 // Телеграмма генерала М. В. Алексева Императору Николаю II (собственноручная).

Оп. 1. Д. 1828 // Телеграмма Вел. Кн. Николая Николаевича Императору Николаю II от 6 июля 1915 г.

Оп. 1. Д. 1828 // Телеграмма Вел. Кн. Николая Николаевича Императору Николаю II от 17 июля 1915 г.

Оп. 1. Д. 1829 // Телеграмма Императора Николая II генералу М. В. Алексеву (собственноручная).

Оп. 1 /доп./ Д. 1829 // Постановление Георгиевской думы Юго-Западного фронта (машинописная копия).

Оп. 1 /доп./ Д. 1829 // Телеграмма Императора Николая II главнокомандующим.

Оп. 1. Д. 1826 // Телеграмма Императора Николая II Совету министров.

Оп. 1 /доп./ Д. 1834 // Донесение Вел. Кн. Георгия Михайловича Императору Николаю II от 25 июня 1915 г.

5. Архив внешней политики Российской Империи (АВП РИ), Москва

Ф. 133 (Канцелярия министра иностранных дел).

Оп. 470. 1897 г. Д. 42 // Тост президента Ф. Фора, произнесённый за завтраком на борту «Потюо». 14/26 августа 1897 г.

Оп. 470. 1897 г. Д. 42 // Тост Императора Николая II, про-

изнесённый за завтраком на борту «Потюю». 14/26 августа 1897 г.

Оп. 470. 1896 г. Д. 63

Ф. 138 (Секретный архив министра).

Д. № 155/1606 // Докладная записка М. Н. Муравьева Императору Николаю II от 17 октября 1898 г.

Ф. 143 (Китайский стол).

Ли Хунчжан – М. Н. Муравьеву // Оп. 491. Д. 1488.

Ф. 150 (Японский стол).

Оп. 493. 1898 г. Д. 8 // Записка полковника Д. В. Путяты о Корее от 6 ноября 1897 г. [копия].

Оп. 493. Д. 188 // Р. Р. Розен – в МИД 20 июня/3 июля 1903 г.

Оп. 494. 1895–1896 гг. Д. 6 // Секретная телеграмма действительного статского советника Вебера. Сеул, 27 сентября 1895 г.

Ф. 151 (Политархив).

Оп. 482. Д. 146 // П. М. Власов – графу М. Н. Муравьеву.

Оп. 482. Д. 157 // Записка А. К. Булатовича в МИД 7 июля 1902 г.

Оп. 482. Д. 2013 // А. И. Кояндер – князю А. Б. Лобанову-Ростовскому 8/20 июня 1895 г.

Оп. 482. Д. 2013 // Высочайшее соизволение о награждении членов эфиопской дипломатической миссии.

Оп. 482. Д. 2122 // Граф В. Н. Ламздорф – князю Л. П. Урусову. 28 июня 1901 г.

Ф. 187 (Посольство в Париже).

Оп. 524. Т. 27. Д. 2439 // Доклад посла князя Л. П. Урусова Императору Николаю II.

Оп. 524. Д. 2507 // Князь Л. П. Урусов – Императору Николаю II.

Ф. 191 (Миссия в Сеуле).

Оп. 768. Д. 6. Л. 91.

Ф. 340 (Коллекция документальных материалов чиновников МИДа).

Оп. 787. Д. 5.

Оп. 835. Д. 43 // П. А. Столыпин – А. П. Извольскому. 28 июля 1911 г.

6. Российский Государственный архив военно-морского флота (Санкт-Петербург)

Ф. 417 (Главный морской штаб).

Оп. 1. Д. 1689 // Всеподданнейший доклад морского министра адмирала П. П. Тыртова, 5 ноября 1897.

Оп. 1. Д. 1710 // Морской министр адмирал П. П. Тыртов – вице-адмиралу Ф. В. Дубасову [с резолюцией Императора Николая II].

7. Archives Ministère des Affaires étrangères (MAE), Paris, France. Correspondance politique et commerciale. (Архив министерства иностранных дел. Франция. Париж)

Vol. 2. Papiers Hanotaux. Fol. 51. 189 Hanotaux. 12 octobre 1896.

Vol. 35. NS Russie. Alliance franco-russe. 1892–1904.

Vol. XI. F. 55. Papiers Delcassé, PA, 211.

Vol. 35 NS Russie // Télégramme du 21 mai 1901 de Delcassé à Montebello.

4. Archives Nationales (AN), Paris, France.

Fond Félix Faure

460 AP 14.

460 AP 8 // L. Montebello au Président F. Faure. 30 Mai 1898.

460 AP 8 // L'Empereur Nicolas II au Président F. Faure. 30 mai 1895.

Fond Emile Loubet

473 1/12 Dossier 5 Russie // M. Bompard à T. Delcassé. 28 fevr. 1903.

473 AP 7 // Président Emile Loubet au L'Empereur Nicolas II.

Fonds Combarieu

AP 410/1 // Mémoires d'Abel Combarieu.

8. Service historique de l'Armée de Terre (SHAT. Vincennes) (Архив французской сухопутной армии. Венсен. Франция).

7 № 1937 // Note pour le Cabinet du Ministre l'Etat-Major de l'Armée.

7 № 1937 // Colonel Moulin attaché militaire en Russie au
Ministre de la Guerre général André. Le 31 décembre 1901.

7 № 1476 // Colonel Moulin attaché militaire en Russie au
Ministre de la Guerre général André. Le 23 Décembre 1901.

1.2. Опубликованные источники:

1. *Алексеев Вениамин*. Гибель Царской Семьи: мифы и реальность. (Новые документы о трагедии на Урале). Екатеринбург, 1993.

2. Архив новейшей истории России. Скорбный путь Романовых. 1917–1918 гг. Гибель Царской Семьи. Сборник документов и материалов. М.: РОССПЭН.

3. Архив полковника Хауза. Избранное. В двух томах. М.: АСТ, 2004.

4. Архив Русской революции. Изданный Г. В. Гессеном. М.: Терра, 1991.

5. *Берштейн Б.И.* Три слова, сказанные житомирским общественным раввином Б. И. Берштейном. 7-го ноября 1894 г., на 18-й день кончины Императора Александра III. Житомир, 1896.

6. *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М.–Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1924.

7. *Болотин Л.* Царское дело. Материалы к расследованию убийства Царской Семьи. М., 1996.

8. *Бразоль Б.Л.* Царствование Императора Николая II в

цифрах и фактах. Минск, 1991.

9. *Будберг А., барон.* Дневник. М.: Молодая гвардия, 1990.

10. В Бозе Почивший Наследник Цесаревич и Великий Князь Георгий Александрович. Его жизнь и погребение. М.: Издание Н. И. Короткова, 1899.

11. Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. В 2 т. Пг., 1915.

12. Великая Княгиня Елисавета Феодоровна и Император Николай II. Документы и материалы (1884–1909) / Авт. – сост. А. Б. Ефимов, Е. Ю. Ковальская. СПб.: Алетейя, 2009.

13. Великая Княгиня Ксения Александровна – княгине А. А. Оболенской 16 ноября 1900 г. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 2005. Т. XIV.

14. Великий Князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. М., 2006.

15. Венчание с Россией. Переписка Великого Князя Александра Николаевича с Императором Николаем I. 1837 г. / Сост. Л. Г. Захарова, Л. И. Тютюнник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.

16. Вильгельм II о занятии царской Россией Порт-Артура // Красный архив, № 3 (58). 1933.

17. Военные соглашения России с иностранными государствами до войны. М.: Военно-историческое общество, 1919 г.

18. Восточно-Прусская операция. Сборник документов. М.: Воениздат, 1939.
19. Всеподданнейшая записка министра иностранных дел графа М. Н. Муравьева. 4/17 июня 1900 г. // Красный архив. Исторический журнал. М., 1926. № 1 (14).
20. Всеподданнейшая записка министра иностранных дел князя А. Б. Лобанова-Ростовского. 25 марта/6 апреля 1895 г. // Красный архив. Исторический журнал. М., 1932. Т. 3 (52).
21. Всеподданнейший доклад министра финансов С. Ю. Витте Императору Николаю II о государственной росписи доходов и расходов на 1900 г. // Историк-марксист. 1935. № 2/3. С. 131–139.
22. Высочайший манифест от 1 марта 1881 г. // Русский вестник. Журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым. Т. 152. М., 1881. С. XXXVI.
23. Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской Семьи (Август 1918 – февраль 1920) / Сост. Николай Росс. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1987.
24. Государыня Императрица Александра Феодоровна Романова. Дивный свет. Дневниковые записи, переписка, жизнеописание. Пер. с англ. Сост. монахиня Нектария (Мак Лиз). М.: Издательский дом «Русский Паломник», Валаамское общество Америки, 2009.
25. Горлицкая операция: Сборник документов Мировой империалистической войны на русском фронте (1914–

1917 гг.). М.: Военное издательство народного комиссариата обороны Союза ССР, 1941.

26. Демчинский Н. А. – Императору Николаю II // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 2005. Т. XIV.

27. Деша посланника в Токио А. П. Извольского министру иностранных дел графу В. Н. Ламздорфу. 18 декабря 1900 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (63).

28. *Дервянко И.* Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. Документы. М.: Эксмо; Яуза, 2005.

29. Дипломатическая переписка. Реформы в Македонии 1902–1903 гг. СПб., 1906. Т. 2.

30. *Дитерихс М.К.* Заветы монархическому движению // Генерал Дитерихс. Военно-историческая серия «Белые войны». М.: Посев, 2004.

31. Дневник А. А. Киреева // РГБ Ф. 126. Д. 14. Л. 184об.

32. Дневник А. А. Половцова // Красный архив. Исторический журнал. Т. 3. М.–Л., 1923.

33. Дневник А. Н. Куропаткина. Нижполиграф, 1923.

34. Дневник А. Н. Куропаткина // Красный архив. Исторический журнал. Пг.–М., 1922. Т. 2.

35. Дневник А. С. Суворина [Редакция, предисловие и примечание Мих. Кричевского]. М.-Пг.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1923.

36. Дневник б. Великого Князя Андрея Владимировича.

Редакция и предисловие В. П. Семенникова. Л.: Госиздат, 1925.

37. Дневник Святителя Николая Японского. Запись в дневнике 1 апреля 1880 г. // Праведное житие и апостольские труды святителя Николая, архиепископа Японского, по его собственным записям. СПб., 1996.

38. Дневники Императора Николая II. 1894–1918. В трех томах. М.: РОССПЭН, 2011–2013.

39. Дневники Николая II и Императрицы Александры Федоровны. 1917–1918 [в двух томах.] Ответственный редактор и составитель к. ист. н. В. М. Хрусталёв. М.: Вагриус, 2008.

40. Докладная записка министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа Императору Николаю II // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (63). М., 1934.

41. Доклады С. Ю. Витте Императору Николаю II по положению дел в Финляндии // Красный архив. Исторический журнал. Т. 4 (11)–5 (12). М.–Л., 1925.

42. *Жук Ю.А.* Исповедь цареубийц. Подлинная история великой трагедии. М.: Вече, 2008.

43. Журнал Особого Совещания. 30 марта/11 апреля 1895 г. // Красный архив. Исторический журнал. М., 1932. Т. 3 (52).

44. *Забелин И.Е.* Дневники, записные книжки. М., 2006.

45. Заседание Совета министров России 3 и 11 февраля 1905 г.: Записи Э. Ю. Нольде / Подгот. Р. Ш. Ганелин // Ар-

географический ежегодник 1989 г. М., 1990.

46. Записка генерала А. Н. Куропаткина от 31 октября 1898 г. // Красный архив. Исторический журнал. М., 1932. Т. 1–2.

47. Записка Николая Романова // Красный архив. Исторический журнал. М.–Л., 1927. Т. 2 (21).

48. Захват Германией Киао-Чао в 1897 г. // Красный архив. № 2 (87). 1938.

49. *Иван IV Грозный*. Сочинения. СПб.: Азбука классики, 2000.

50. Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. В трех томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

51. Из инструкции МИД России А.Е. Оларовскому при назначении его русским поверенным в делах и генеральным консулом в Таиланде. 21 февраля 1898 г. // Из истории русско-тайландских отношений (конец XIX – начало XX века) // Исторический архив, № 6. 1957.

52. Из письма военного агента в Брюсселе и Гааге подполковника Е. К. Миллера. 17/30 марта 1901 г. // Красный архив. Исторический журнал. Англо-бурская война в донесениях русского военного агента.

53. Иисус Христос в документах истории. СПб.: Алетейя, 1999.

54. Император Александр I – княгине Софии Сергеевне Мещерской 23 октября 1820 г. С предисловием Н. Барсукова // Русский архив. 1886. № 10–12. С. 406. [пер. с фр.].

55. Император Александр III – генералу Н. Н. Обручеву 1885 г. // Красный архив. Т. 3. (46). 1931.
56. Император Александр III – Цесаревичу Николаю Александровичу 25 июля 1891 г. // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 1999. Т. IX.
57. Император Александр III и Императрица Мария Фёдоровна. Переписка: 1884–1894 / Авт. – сост. А. Н. Боханов, Ю. В. Кудрина. М.: Русское слово, 2001.
58. Император Николай II – Великому Князю Владимиру Александровичу 30 октября 1902 г. // Красный архив. Исторический журнал. М.–Л., 1926. № 4 (17).
59. *Иоанн Кронштадтский, святой праведный*. Дневник. Т. 17. 1872–1873. Тверь: Булат, 2009.
60. Кишинёвский погром 1903 года. Сборник документов и материалов. Кишинёв: Ruxanda, 2000.
61. *Ключевский В.О.* Памяти в Бозе почившего Государя Императора Александра III. Речь, произнесённая в заседании Императорского Общества истории и древностей Российских при Московском университете 28 октября 1894 г. М.: Университетская типография, 1894.
62. Князь В. А. Барятинский – Императору Александру III 2 мая 1891 г. // Источник, приложение к журналу «Родина». № 6. 1994.
63. Конспект Всеподданнейшего доклада графа В. Н. Ламздорфа 4 ноября 1897 г. // Красный архив. Исторический

журнал. М., 1932. № 3 (52).

64. Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты. Тайный правитель России. Письма и записки, 1866–1895. Статьи, очерки, воспоминания. М., 2001.

65. Коренные интересы России глазами её государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов: док. публ. // Российская академия наук, Институт российской истории; сост. И. С. Рыбаченок. М., 2004.

66. Коронационный сборник с соизволения Его Императорского Величества Государя Императора. Издан министерством Императорского Двора. Составлен под редакцией В. С. Кривенко. Т. 1. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1899.

67. *Кривенко В.С.* Из рукописи «В министерстве Императорского двора» // Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб.: Пушкинский фонд, 1994

68. *Куропаткин А.Н.* Из дневников 1896 г. Запись за 19 мая // Николай Второй: Воспоминания. Дневники.

69. *Ламздорф В.Н.* Дневник, 1894–1896. М.: Международные отношения, 1991.

70. *Леонтьев.* Открытое письмо Императору Вильгельму. Paris, 1918.

71. Материалы архива внешней политики России. Некоторые новые документы о русско-эфиопских отношениях. (Конец XIX – начало XX века) // Проблемы востоковедения. № 1. 1960.

72. Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. М., 1922.
73. Международные отношения эпохи империализма. III серия. 1914–1917. Т. 5. М.: Госполитиздат, 1939.
74. Международные отношения 1870–1918. М.: Академия Красной Армии, 1940.
75. Международные отношения на Дальнем Востоке (1840–1949). М., 1956.
76. *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. Любовь и жизнь. М.: Прогресс, 1998.
77. *Мещерский В.П.* Письма к Великому Князю Александру Александровичу. 1863–1868. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
78. *Мольтке Х., фон.* Русские письма. Пер. с нем. М. Ю. Некрасова. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2008.
79. Монархия перед крушением. 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы. Статьи В. П. Семёникова. М.–Л.: Госиздат, 1927.
80. Народный праздник по случаю Священного Коронования Их Императорских Величеств Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Описание увеселений на праздник. М.: Товарищество А. А. Левенсон, 1896.
81. Николай II и Финляндия // Красный архив. Исторический журнал. М.-Л., 1928. Т. 2 (27).
82. Николай Романов об Англо-бурской войне // Красный

архив. Исторический журнал. 1934. Том 2 (63).

83. П. А. Столыпин. Переписка. М.: РОССПЭН, 2004.

84. Переписка А. А. Киреева и Ф. Д. Самарина / Публикация, вступительная статья и комментарии И. В. Лукоянова // Журнал истории и культуры России и Восточной Европы «НЕСТОР». № 3. 2000.

85. Переписка Николая II с Вильгельмом II. 1894–1914. М., 2007.

86. *Перетц Е.А.* Дневник. М.; Л., 1927.

87. Письма Николая II П. А. Столыпину // Красный архив. Исторический журнал. М., 1924. Т. 5 (5).

88. Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926.

89. Письма Преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Феодоровны. М.: Православное сестричество во имя Преподобномученицы Елизаветы, 2011.

90. Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. СПб.: Спасо-Преображенский монастырь, 1996.

91. Письма Царской Семьи из заточения. М.: Вече, 2013.

92. *Платонов О.* Терновый венец России. Император Николай II в секретной переписке. М., 1996.

93. Покаяние. Материалы Правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая II и членов его семьи. М.: Выбор, 1998.

94. Политическая история XX века. Сборник документов и материалов. Вып. 1. М., 1991.

95. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Том I. С 12 декабря 1825 по 1827. СПб., 1830.
96. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XLIII. СПб., 1873.
97. Полное собрание законов Российской Империи. 1894. Собрание третье. Т. XIV. СПб., 1898.
98. Полное собрание законов Российской Империи. 1895 г. Собрание третье. Т. XV. СПб., 1899.
99. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. 1896. Т. XVI. Отделение 2. Приложения. СПб., 1899.
100. Полное собрание законов Российской империи. 1896 г. Собрание третье. Т. XVI. Отд. 1. СПб., 1899.
101. Полное собрание законов Российской Империи. 1899 г. Собрание третье. Т. XIX. СПб., 1902.
102. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. 1899. Отд. 1. Т. XIX. № 17402. СПб., 1902.
103. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. 1899. Т. XIX. Отд. 1. № 16447. СПб., 1902.
104. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. XXIII. 1903. Отд. 1. № 22581. СПб., 1905.
105. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. XXIII. 1903. Отд. 1. № 22520. СПб., 1905.
106. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Том XXIV. 1904 г. Отд. 1. № 23936. СПб., 1907.

107. Полное собрание речей Императора Николая II: 1894–1906: Сост. по офиц. данным «Правительственного вестника» / Сост. Владимир Данилович Зеленский. СПб.: Друг народа, 1906.

108. *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря. в 2 т. М.: Центрполиграф, 2005. Т. 2. 1887–1892.

109. Последние дневники Императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. – 16 июля 1918 г. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999.

110. Последние дни Императора. Из дневника А. Е. Комаровской // Московский журнал. 1998. № 7.

111. Последние дни Романовых. Документы, материалы следствия, дневники, версии. Свердловск, 1991.

112. Программы политических партий России / Под ред. и с предисл. И. В. Владиславлева. М., 1917.

113. Проект захвата Босфора в 1896 г. // Красный архив. Исторический журнал. № 4–5 (47–48). 1931.

114. Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX. Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг. / Составитель Л. А. Лыкова. М.: Студия «Тритэ» Никиты Михалкова; Российский архив; РЦХИДНИ, 1998.

115. Российский Императорский Дом. Дневники. Письма. Фотографии. М.: Перспектива, 1992.

116. Россия и Африка. Документы и материалы. Т. 1. XVIII век – 1917 г. М., 1999.

117. Россия и евреи. Сборник первый. Берлин, 1924.

118. Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917. Документы. М., 1999.

119. Россия и Тибет. Сборник русских архивных документов. 1900–1914. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005.

120. Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия) / Под ред. Л. Нежинского, А. Игнатьева. М.: Международные отношения, 1999.

121. С. Д. Сазонов – Императору Николаю II // Красный архив. Исторический журнал. М. – Пг., 1923. Т. 3.

122. Секретное отношение директора департамента полиции В. А. Брюн-де-Сент-Ипполита на имя начальника Генерального штаба Н. Н. Янушкевича. 26 мая 1914 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 3 (64). М., 1934.

123. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 гг. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1952.

124. Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского. 1889. № 16.

125. Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского. 1889. № 33.

126. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Пг., 1915. Отд. I. Ст. 2355.

127. Собственноручные Высочайшие резолюции и сло-

весные Высочайшие повеления в Бозе почивающего Императора Александра III по Всеподданнейшим докладам ходатайств об оказании Монаршей милости. СПб., 1901.

128. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны (записи заседаний и переписка). СПб., 1999.

129. Телеграмма генерала А. С. Лукомского генералу Н. Н. Янушкевичу // Красный архив. Исторический журнал. М.—Л., 1927. Т. 2 (21).

130. Телеграмма генерала М. В. Алексеева князю Г. Е. Львову. 4 марта 1917 г. // Красный архив. Исторический журнал. М.—Л., 1927. Т. 2 (21).

131. Телеграмма контр-адмирала Ф. В. Дубасова управляющему Морским министерством вице-адмиралу П. П. Тыртову. 24 марта 1898 г. [с резолюцией Императора Николая II] // Русско-японская война 1904—1905 гг. Действия флота. Документы. Отдел 1. Книга 2. Занятие Порт-Артура и Квантунской области. СПб.: Издание исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904—1905 гг., 1912. № 314.

132. *Тихомиров Л.А.* Из дневника 1900 г. М.: Директ-Медиа, 2012.

133. *Троцкий Л.* Дневники и письма. М.: Эрмитаж, 1994.

134. *Феофан Затворник, Святитель.* Собрание писем. М., 1898.

135. *Филарет (Дроздов), Святитель.* Избранные труды, письма, воспоминания. М.: Православный Свято-Тихонов-

ский Богословский институт, 2003.

136. *Чайковский П.И.* Дневники. М.: Наш дом, 2000.

137. *Шиловский П.* Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903.

1.3. Мемуарные источники:

1. *Александр Михайлович, Великий Князь.* Воспоминания. Две книги в одном томе. М.: Захаров-Аст, 1999.

2. *Аничков В.П.* Екатеринбург – Владивосток. 1917–1922. М., 1998.

3. *Артабалеvский Н.А.* Отъезд Последнего Царя в ссылку // Памятные дни. Выпуск 1. Таллин – Ревель, 1932.

4. *Арцыбашев М.* Записки писателя // Литература русского зарубежья: Антология. М., 1991.

5. *Барк П.Л.* Мемуары // Возрождение, 1965. № 158.

6. *Барятинская М.* Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. 1870–1918. М.: Центрполиграф, 2006.

7. *Белявская (Летягина).* Ставка Верховного Главнокомандования в Могилёве. 1915–1918. Личные воспоминания. Вильно, 1932.

8. *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. В трёх томах. М.: ОГИЗ-СОЦЭГИЗ, 1941. Т. 3.

9. *Боголепова Е.А.* Николай Павлович Боголепов. Попечитель Московского учебного округа // Русский архив. № 6. 1906.

10. *Бок (Столыпина) М.П.* Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. М., 1992.
11. *Брусилов А.* Мои воспоминания. Харьков: Фолио, 2012.
12. *Бубнов А.Д.* В Царской Ставке. М.: Вече, 2008.
13. *Буксгевден Софья, баронесса.* Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. Воспоминания фрейлины. М.: Лепта; Гриф; Вече, 2012.
14. *Булатович А.К.* С войсками Менелика II. Дневник похода из Эфиопии к озеру Рудольфа. СПб., 1900.
15. *Бьюкенен Джордж.* Мемуары дипломата. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001.
16. *В. и Л.* Убийство Императора Николая II и его Семьи. Живое погребенные. (Алапаевское убийство Великих Князей). Харбин: Рассвет, 1920.
17. *Вельяминов Н.А.* Воспоминания Н. А. Вельяминова о Д. С. Сипягине / Публ. [вступ. ст. и примеч.] О. Ю. Щербаковой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 1995.
18. *Вельяминов Н.А.* Воспоминания об Императоре Александре III // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ, Рос. архив, 1994. С. 305. Т. V.
19. *Витте С.Ю.* Воспоминания. В трёх томах. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960.

20. *Воейков В.Н.* С Царем и без Царя. М., 1994.
21. *Волков А.А.* Рядом с Царской Семьёй. М.: Частная фирма «Анкор», 1993.
22. *Врангель Н. Е.* Воспоминания: от крепостного права до большевиков. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
23. *Гавриил Константинович, Великий Князь.* В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. Нью-Йорк, 1955.
24. *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. М.: Т-во русских художников, 1991.
25. *Гиацинтов Э.* Записки белого офицера. СПб., 1992.
26. *Глобачёв К.И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника петроградского охранного отделения. М.: РОССПЭН, 2009.
27. *Грубе В.Ф.* Воспоминания об Императоре Александре III. СПб., 1898.
28. *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Императора Николая II в изображении современника / Подготовка текста и комментарии Н. П. Соколов. М.: НЛО, 2000.
29. *Данилов Ю.Н.* Мои воспоминания об Императоре Николае II и Великом Князе Михаиле Александровиче // Архив Русской Революции. Т. XIX. Берлин, 1928.
30. *Джунковский В.Ф.* Коронационные торжества 1896 года в Москве // Отечественная история. М., 1997. № 4.
31. *Друцкой-Соколинский В.А.* На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914–1918 гг.). Орел, 1994.

32. *Епанчин Н.* На службе трёх императоров. Воспоминания. М.: Издание журнала «Наше наследие» при участии ГФ «Полиграфресурсы», 1996.

33. *Жевахов Н. Д., князь.* Воспоминания. М.: Царское дело, 1994.

34. *Жильяр П.* Император Николай II и его Семья. Вена, 1921.

35. *Завадский С.В.* На великом изломе // Архив русской революции. Т. VIII.

36. *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1954.

37. *Извольский А.П.* Воспоминания. Пер. с англ. А. Сперанского. Пг.–М.: «Петроград», 1922.

38. *Ипатьев В.Н.* Жизнь одного химика. Воспоминания. Нью-Йорк, 1945.

39. *Иоффе Н.А.* Время назад: моя жизнь, моя судьба, моя эпоха. М.: ТОО «Биологические науки», 1992.

40. *Картавцов Е.Э.* Николай Христианович Бунге: Биографический очерк // Вестник Европы. 1897. № 5.

41. *Кирилл Владимирович, Великий Князь.* Моя жизнь на службе России. СПб.: Лики России, 1996.

42. *Коковцов В. Н., граф.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. В двух томах. Париж: Издание журнала Иллюстрированная Россия, 1933.

43. *Кольшико И.И.* Великий распад. Воспоминания. СПб.: Нестор-история, 2009.

44. *Кондзеровский П.К.* В Ставке Верховного 1914–1917.

Воспоминания Дежурного генерала при Верховном Главнокомандующем. Париж, 1967.

45. *Кони А.Ф.* Николай II (Воспоминание) // *Кони А.Ф.* Собрание сочинений в восьми томах. М.: Юридическая литература, 1966. Т. 2.

46. Крестный путь Царственных Мучеников. Свидетельства современников о Царской Семье. Материалы для жития и акафиста. По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Сретенский монастырь; «Новая книга»; «Ковчег», 1997.

47. *Кривенко В. С.* В Министерстве двора: Воспоминания. СПб., 2006.

48. *Крупская Н.К.* Воспоминания о В. И. Ленине. М.: Политиздат, 1972.

49. *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Из бумаг С. Е. Крыжановского последнего Государственного секретаря Российской империи. Берлин: Петрополис, 1938.

50. *Левенсон А.* Дни Священного Коронования. М.: Т-во скоропеч. А. Левенсон, 1896.

51. *Лемке М.* 250 дней в Царской Ставке. Петербург, 1920.

52. *Лили Ден, Йен Воррес.* Подлинная Царица. Последняя Великая Княгиня. Воспоминания очевидцев. СПб.: Издательский дом «Нева», 2003.

53. *Ломан Ю.Д.* Воспоминания крестника Императрицы. Автобиографические записи. СПб., 1994.

54. *Лопухин А.А.* Отрывки из воспоминаний (по поводу

- «Воспоминаний» гр. С. Ю. Витте). М. – Пг.: Госиздат, 1923.
55. *Маннергейм К.-Г.* Мемуары. М.: Вагриус, 1999.
56. *Матвеев В.Н.* Последние дни Государевой Семьи в Царском Селе // Памятные дни.
57. *Милюков П.Н.* Воспоминания. М.: ИПЛ, 1991.
58. *Минченков Я.Д.* Воспоминания о передвижниках. Л.: Художник РСФСР, 1965.
59. *Мосолов А.А.* При дворе последнего Императора. СПб.: Наука, 1992.
60. *Некрасов П.А.* Николай Павлович Боголепов // Русский вестник. 1902. Кн. 2.
61. Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. М.: Вече, 2008.
62. Николай II и самодержавие в 1903 г.: из итогов перлюстрации // Былое. 1918. № 2 (30).
63. *Никольский Е.А.* Записки о прошлом. Сост. и подгот. текста Д. Г. Браунса. М.: Русский путь, 2007.
64. *Нольде Б. Э., барон.* Далёкое и близкое. Исторические очерки. Париж: Современные записки, 1930.
65. *Ордовский-Танаевский Н.А.* Воспоминания (жизнеописание мое). Simbach-am-Caracas – М. – СПб., 1948–1993.
66. «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
67. *Палеолог М.* Царская Россия в Первой мировой войне. М.: Международные отношения, 1991.
68. Памяти Царственных Мучеников. Сборник статей, по-

священный Императору Николаю II и Его Семье. Издание общества почитателей Памяти Государя Императора Николая II и Его Семьи. София, 1930.

69. *Панкратов В.С.* С царём в Тобольске. Из воспоминаний. Л., 1990.

70. *Полевой Н.К.* Император Александр III в Беловеже // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2001.

71. *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924.

72. *Пронин В.М.* Последние дни Царской Ставки. Белград, 1930.

73. *Проханов И.С.* В котле России (1869–1933). Чикаго, 1992.

74. *Пурталес.* Между миром и войной. Воспоминания бывшего германского посла в России. М., 1923.

75. *Редигер А. Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999.

76. *Родзянко М.В.* Крушение империи. Харьков: Интербук, 1990.

77. *Саблин Н.* Десять лет на Императорской яхте «Штандарт» // Морские записки. The Naval Records. Издание бывших морских офицеров в Америке. Нью-Йорк, 1947. V 5. № 2.

78. *Савинков Борис.* Воспоминания террориста. Лениздат, 1990.

79. *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб., 1993.

80. *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М.: Международные отношения, 1991.

81. *Сахаров К.В.* Белая Сибирь. (Внутренняя война 1918–1920). Мюнхен, 1933.

82. *Свечин М.А.* На рубеже XIX – XX столетий. Служба Царю и Родине // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах.

83. *Свечин М.* Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964.

84. Скорбный Ангел. Царица-Мученица Александра Новая в письмах, дневниках и воспоминаниях / Сост. С. Фомин. М.: Общество Святителя Василия Великого, 2005.

85. Слишком все было ясно для народа. Исповедь палача // Источник. 1993. № 0.

86. *Спиридович А.И.* Записки жандарма. Харьков: Пролетарий, 1928.

87. Ставка Верховного Главнокомандующего. Рассказ очевидца // Русская Летопись. Кн. 7. Париж, 1925.

88. Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции. М.: Книга, 1991.

89. *Сургучев Илья.* Детство Императора Николая II. СПб., 1999.

90. *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. Минск: Харвест, 2005.

91. *Танеева (Вырубова) А.А.* Страницы моей жизни // Вер-

ная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) – монахиня Мария / Автор-составитель Юрий Рассулин. СПб., 2009.

92. *Тирпиц А.* Воспоминания. М.: Воениздат, 1957.

93. *Торнау С. А., барон.* С родным полком (1914–1917 гг.). Берлин, 1923.

94. *Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. М.: Вагриус, 2001.

95. *Трубецкая ОН., княгиня.* Князь С. Н. Трубецкой (Воспоминания сестры). Нью-Йорк, 1953.

96. *Фабрицкий С.С.* Из прошлого. Воспоминания флигель-адъютанта Государя Императора Николая II. Берлин, 1926.

97. *Шавельский Г.И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954.

98. *Шапошников Б.М.* Воспоминания. Военно-научные труды. М.: Военное изд-во министерства обороны СССР, 1983.

99. *Шаховской В., князь.* Sic transit Gloria mundi. Так проходит мирская слава. Париж, 1951.

100. *Шварц А.Н.* Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М.: Греко-латин. каб. Ю. А. Шичалина, 1994.

101. *Шереметев С.Д.* Картина была потрясающая / Из дневника С. Д. Шереметева о Коронации Николая II. Публ.

Л. И. Шохина // Отечественные архивы. 1996. № 1.

102. *Шереметев С. Д., граф*. Мемуары. Федеральная архивная служба России. М.: Индрик, 2001.

103. *Шипов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1918.

104. *Щербатов А.* Мои воспоминания. Право на прошлое. М.: Изд-во Сретенского монастыря. 2003.

1.4. Монографии

1. *Аврех А.* Масоны и революция. М.: Политиздат, 1990.

2. *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989.

3. *Аврус А.И.* История российских университетов. Очерки. М., 2001.

4. *Александр (Шаргунов), протоиерей*. Православная монархия и новый мировой порядок. М., 1992.

5. *Алексеева И. В.* Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте, 1914–1917. Л.: Лениздат, 1990.

6. *Алексеева-Борель В.* Сорок лет в рядах русской Императорской армии. Генерал М. В. Алексеев. СПб.: Бельведер, 2000.

7. *Алферьев Е.Е.* Император Николай II как человек сильной воли. Материалы для составления Жития Св. Благодетельнейшего Царя-Мученика Николая Великого Страсто-

терпца. Нью-Йорк – Джорданвилль, 1983.

8. *Ананьич Б.В.* Банкирские дома в России 1860–1914. Очерки истории частного предпринимательства. М.: Наука, 1991.

9. *Ананьич Б. В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дм. Буланин, 1999.

10. *Апрелева В.А.* Государь Император Николай II в мировоззрении и деятельности русской военной эмиграции во Франции. Гренобль – Тюмень, 2011.

11. *Арбузов В.В.* Броненосцы русского флота. Выпуск II. СПб., 1994.

12. *Арктур.* Вопросы внешней политики. Одесса, 1910.

13. *Астафьев И.И.* Русско-германские дипломатические отношения. 1905–1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.

14. *Баионов А.К.* Истоки великой мировой драмы и её режиссёры. Таллин – Ревель, 1927.

15. *Бовыкин В. И. и др.* Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. М.: РОС-СПЭН, 2007.

16. *Бовыкин В.И.* Из истории возникновения Первой мировой войны. От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения. М., 1972.

17. *Бонч-Бруевич М.* Потеря нами Галиции в 1915 г. Часть 1. Через Карпаты в Венгрию зимою 1915 г. М., 1921.

18. *Бородин А.П.* Столыпин: Реформы во имя России. М.:

Вече, 2004.

19. *Бородкин М.М.* Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н. И. Бобрикова. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1905.

20. *Бородкин М.* Краткая история Финляндии. СПб., 1911.

21. *Бородкин М.* Справки о «конституции» Финляндии. СПб.: Воен. тип., 1900.

22. *Боханов А.* История России (XIX – начало XX века) / Под ред. А. Сахарова. М.: Русское слово, 1998.

23. *Боханов А.Н.* Александр III. М.: Вече, 2007.

24. *Боханов А.Н.* Николай II // Романовы. Исторические портреты / Под редакцией академика А. Сахарова. В двух томах. М., 1997. Т. 2.

25. *Боханов А.Н.* Александра Федоровна. М.: Вече, 2008. Серия «Императорская Россия в лицах».

26. *Боханов А.Н.* Николай II. М.: Вече, 2008.

27. *Боханов А.Н.* Мария Федоровна. М.: Вече, 2013. Серия «Великие исторические персоны».

28. *Боханов А.Н.* Последний Царь. М.: Вече, 2006.

29. *Боханов А.Н.* Распутин. Анатомия мифа. М., 2000.

30. *Боханов А.Н.* Российская империя. Образ и смысл. М.: ФИВ, 2012.

31. *Боханов А.Н.* Сердечные тайны Дома Романовых. М.: Вече, 2013.

32. *Бразоль Б.Л.* Царствование Императора Николая II в цифрах и фактах (1894–1917). Нью-Йорк: Исполнительное

бюро Общероссийского монархического фронта, 1959.

33. *Брачев В.С.* Богатыри русского политического сыска. СПб., 2002.

34. *Брачев В.С.* Масоны в России: от Петра I до наших дней. СПб.: Стомма, 2000.

35. *Быков П.М.* Последние дни Романовых. М.–Л., 1930.

36. *Бэттс Ричард (Фома), Марченко Вячеслав.* Духовник Царской Семьи. Архиепископ Феофан Полтавский (Быстров). М.: Данилов мужской монастырь, 2010.

37. *Варламов А.* Григорий Распутин-Новый. М.: Молодая гвардия, 2007.

38. *Василевский И. М. (Не-Буква).* Что они пишут? Л., 1925.

39. *Вацетис И.* Боевые действия в Восточной Пруссии. М., 1923.

40. Великокняжеская и Царская охота на Руси с X по XVI века. Т. 1–4. Исторический очерк Н. Кутепова. СПб., 1896.

41. *Винберг Ф.В.* Крестный путь. Часть 1. Корни зла. Мюнхен, 1922.

42. *Вулмасн С., Кинг К.* Первая мировая. Убийство, развязавшее войну. М.: АСТ, 2014.

43. *Галенин Б.* Цусима – знамение конца русской истории. Скрываемые причины общеизвестных событий. М.: Крафт, 2009. Т. 1.

44. *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. АН СССР. Ин-т истории СССР.

Санкт-Петербургское отделение. СПб.: Наука, 1991.

45. *Ганелин Р. Ш., Флоринский М.Ф.* На пути к летнему политическому кризису 1915 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. СПб., 1999.

46. *Ганин А. В. Атаман А.И. Дутов.* (Россия забытая и неизвестная. На великом переломе). М.: Центрполиграф, 2006.

47. *Гейфман А.* Революционный террор в России. 1894–1917. М.: Крон-Пресс, 1997.

48. *Георгиев В. А., Киняпина Н. С. и др.* Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII – начало XX в.). М., 1978.

49. *Головин Н.Н.* Военные усилия России в Мировой войне. Париж, 1939.

50. Государственный Совет. 1801–1901. Составлено в Государственной Канцелярии. СПб.: Государственная типография, 1901.

51. *Григулевич И.Р.* Папство век XX. М.: Политиздат, 1981.

52. *Громыко М.М.* Святой праведный Феодор Кузьмич – Александр I Благословенный. М.: Паломник, 2007.

53. *Грунт А. Я., Старцев В.И.* Петроград – Москва. Июль – ноябрь 1917. М.: ИПЛ, 1984.

54. *Гурко В.И.* Царь и Царица. М.: Вече, 2008.

55. *Данилов О.Ю.* Пролог «великой войны». 1904–1914 гг.

Кто и как втягивал Россию в мировой конфликт. М.: Поколение, 2010.

56. *Данилов Ю.Н.* Великий Князь Николай Николаевич. Париж, 1930.

57. *Деникин А.И.* Очерки Русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. М.: Наука, 1991.

58. *Дикий Андрей.* Евреи в России и в СССР. Исторический очерк. Новосибирск: Благовест, 1994.

59. *Дитерихс М.К.* Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. М.: Скифы, 1991. Т. 1–2.

60. *Дурылин С.* Град Софии. Царьград и Святая София в русском народном религиозном сознании. М., 1915.

61. *Жухрай В.М.* Тайны царской охраны: авантюристы и провокаторы. М.: Политиздат, 1991.

62. *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. СПб.: Полигон, 2002.

63. *Евсеев Н.* Свенцянский прорыв. М., 1936.

64. *Елец Ю.Л.* Император Менелик и война его с Италией. По документам и походным дневникам Н. С. Леонтьева. СПб., 1898.

65. *Ерусалимский А.С.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1951.

66. *Ефремов П.Н.* Внешняя политика России (1907–1914). М.: Изд-во Ин-та международных отношений, 1961.

67. *Ёсимура А.* Покушение. Цесаревич Николай в Японии. М.: Муравей, 2002.

68. *Зимин И.* Повседневная жизнь Российского Императорского Двора. Вторая четверть XIX – начало XX вв. Взрослый мир Императорских резиденций. М.: Центрполиграф, 2011.

69. *Зимин И.* Повседневная жизнь Российского Императорского двора. Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX – начало XX в. М.: Центрполиграф, 2011.

70. *Зимин И.* Повседневная жизнь Российского Императорского двора. XIX – начало XX века. Царская работа. М. – СПб.: Центрполиграф; Русская тройка – СПб., 2011.

71. *Зимин И.* Повседневная жизнь Российского Императорского Двора. Детский мир Императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М. – СПб.: Центрполиграф; Мим-Дельта, 2010.

72. *Игнатъев А.В.* Внешняя политика России. 1907–1914. М.: Наука, 2000.

73. *Игнатъев Н. П.* Земский собор. СПб. – Кишинёв, 2000.

74. *Иголкин А.А.* Отечественная нефтяная промышленность в 1917–1920 годах. М. 1999.

75. *Иларион (Алфеев), епископ.* Священная тайна Церкви. Введение в историю и проблематику имяславских споров. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007.

76. *Исмаил-Заде Д.И.* И. И. Воронцов-Дашков. Кавказский наместник. М.: Центрполиграф, 2005.

77. История дипломатии. Под ред. академика В. П. По-

тёмкина. В трёх томах. М.: ОГИЗ, 1945.

78. *Кадырли А.М.* История развития дореволюционной бакинской нефтеперерабатывающей промышленности. Баку, 1970.

79. *Казанский П.Е.* Власть Всероссийского Императора. М., 1999.

80. *Казем-Заде Фируз.* Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004.

81. *Кандель Ф.* Очерки времени и событий. Из истории российских евреев. Иерусалим: Тарбут, 1994.

82. *Карпачев С.П.* Масоны и масонство России XVIII – XXI веков. Ступени масонского мастерства. (Древний и принятый Шотландский ритуал). М.: В. П. Быстров, 2007.

83. *Касвинов М.К.* Двадцать три ступени вниз. Ташкент: Узбекистон, 1990.

84. *Катков Г.М.* Февральская революция. Париж: YMCA-PRESS, 1984.

85. *Керенский А.Ф.* Издалека. Сборник статей. (1920–1921). Париж, 1922.

86. *Керсновский А.А.* История Русской Армии. М.: Голос, 1994. 4 т.

87. *Кинг Г.* Императрица Александра Федоровна. Биография. М: Захаров, 2000.

88. *Киракосян А. Дж.* Великобритания и армянский вопрос. 90-е годы XIX в. Ереван: Айастан, 1994.

89. *Клавинг Валерий*. Гражданская война в России: Белые армии. СПб., 2003.
90. *Кобылин Виктор*. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М. В. Алексеев / Под ред. Л. Е. Болотина. Истоки антимонархического заговора. СПб., 1998.
91. *Кожин В.* Россия век XX. 1901–1991. М., 1999.
92. *Кожин В.В.* «Черносотенцы» и революция. М., 1998.
93. *Козлов П.К.* Тибет и Далай-лама. Петербург, 1920.
94. *Колеман Дж.* Комитет 300-х. Тайны мирового правительства. М.: Витязь, 2000.
95. *Комаровский Л. А., граф*. Гаагская мирная конференция 1899 года. М., 1905.
96. *Константин (Зайцев), архимандрит*. Чудо Русской истории. М. 2000.
97. *Константин (Зайцев), архимандрит*. Чудо русской истории. М.: Царское Дело, 2000.
98. *Корелин А. П., Степанов С.А. С. Ю. Витте* – финансист, политик, дипломат. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998.
99. Краткая история Болгарии / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 1987.
100. *Кривошеев Ю.В.* Гибель Андрея Боголюбского. СПб., 2003.
101. *Крылов-Толстикович А.* Быть русской императрицей. М.: Гала-Пресс, 2003.

102. *Кудрина Ю.В.* Императрица Мария Федоровна и Император Николай II. М.
103. *Кудрина Ю.* Мать и сын. (Императрица Мария Федоровна и Император Николай II). М.: Глаголь, 2004; Вече, 2013.
104. *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.
105. *Куропаткин А.Н.* Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны. СПб.: Полигон, 2002.
106. *Кустова Т.А., Рыженко И. Э., Фарафонова А.Н.* Царские дети в Гатчине. СПб.: Абрис, 2004.
107. *Лависс Э., Рамбо А.* История XIX века. М.: ОГИЗ, 1939. Т. 1–8.
108. *Лебедев М., священник.* Путешествие Наследника Цесаревича по Подольской епархии в 1891 году. Тобольск, 1892.
109. *Леви Э.* Учение и ритуал высшей магии. СПб., 1910.
110. *Лиддел-Гарт Г.-Б.* Правда о Первой мировой. М.: Яуза, 2009.
111. *Лыкова Л.А.* Следствие по делу об убийстве Российской Императорской Семьи. М.: РОССПЭН, 2007.
112. *Людвиг Э.* Последний Гогенцоллерн. Вильгельм II. М., 1991.
113. *Малкиель М.* Рихард Вагнер и его оперы на сцене Императорской русской оперы (Мариинского театра). СПб.,

1996.

114. *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Город Екатеринбург. Исторический очерк // Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу. Екатеринбург, 1889.

115. *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. 2 т. М.: ГИЗ, 1930.

116. *Маор Ицхак.* Сионистское движение в России. Иерусалим, 1977.

117. *Мединский В.Р.* О русском пьянстве, лени и жестокости. Мифы о России. М.: ОЛМА, 2009.

118. *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. Любовь и жизнь. М.: Прогресс, 1998.

119. *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж: Родина, 1931.

120. *Мельгунов С.П.* Судьба Императора Николая II после отречения. Нью-Йорк: Телекс, 1991.

121. *Менделеев Д.И.* Заветные мысли. М.: Мысль, 1995.

122. *Менделеев Д.И.* К самопознанию России. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1907.

123. *Миллер Л.* Святая мученица Российская Великая Княгиня Елизавета Феодоровна. М., 1994.

124. Мировые войны XX века. Первая мировая война. М.: Наука, 2002.

125. *Мироненко С. В., Перегудова З. И., Андреев Д. А.,*

Хрусталёв В.М. Дневники Императора Николая II: история изучения, публикации // Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. М.: РОССПЭН, 2011.

126. *Миронов Б.Н.* Социальная история России. СПб., 1990.

127. *Митрофан (Зноско), епископ.* Хроника одной жизни. К шестидесятилетию пастырского служения IX.^[1935] – IX.^[1995]. М., 1995.

128. *Михайлов С.К.* Юридическое положение Финляндии. Заметки по поводу отзыва сейма 1899 года. СПб., 1901.

129. *Макдоно Д.* Последний кайзер – Вильгельм Неистовый. М.: АСТ, 2004.

130. *Мультипули П.В.* Внешняя политика Императора Николая II (1894–1917). М.: ФИВ, 2012.

131. *Мультипули П.В.* Император Николай II и заговор 17-го года. Как свергли монархию в России. М.: Вече. 2013.

132. *Мультипули П.В.* Крестный путь Царской Семьи. Екатеринбургская голгофа. М.: Вече, 2013.

133. Мурманская железная дорога. Краткий очерк постройки железной дороги на Мурман с описанием ее района. Петроград, 1916.

134. Мученическая кончина Царя-Освободителя Императора Всероссийского Александра II. М., 1881.

135. *Мэсси Р.* Николай и Александра. М.: Дом, 1992.

136. *Назаров М.В.* Кто Наследник Российского престола? М.: Русская идея, 2004.

137. *Несин В.* Зимний дворец в царствование последнего Императора Николая II (1894–1917). СПб.: Журнал «Нева», ИТД «Летний Сад», 1999.

138. *Николай Михайлович, Великий Князь.* Легенда о кончине Императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича. СПб., 1907.

139. *Нозиков Н.* Японо-китайская война 1894–1895 гг. М.: Воениздат НКО СССР, 1939.

140. *Носенко Е.Э.* Восточная демонология: от народных верований к литературе. М.: Наследие, 1998.

141. О возрождении России. М., 1906.

142. *Оггер Гюнтер.* Магнаты. Начало биографии. М.: Прогресс, 1985.

143. О сооружении порта Императора Александра III в Либаве. Публичные лекции, читанные в Кронштадтском морском собрании, в зале Морского музея и в Институте инженеров путей сообщения, инспектором морской строительной части Д. Жаринцовым. СПб., 1895.

144. *Озеров Н.* Император Николай II и первое десятилетие Его царствования. Могилёв, 1904.

145. *Оль П.В.* Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России. Л., 1925.

146. *Ольденбург С.С.* Император Николай II. Опыт биографии // Русская Летопись. Кн. 7. Париж: Издание «Русского очага», 1925.

147. *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Нико-

лая П. СПб.: Петрополь, 1991.

148. Орлов В.В. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934.

149. Остальцева А.Ф. Англо-русское соглашение 1907 года. Влияние русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. на внешнюю политику царизма и на перегруппировку европейских держав. Саратов: Изд. Сарат. ун-та, 1977.

150. Островский Б. Степан Осипович Макаров. Л.: Молодая гвардия, 1971.

151. Павлов Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: Материк, 2004.

152. Павлов Н.А. Его Величество Государь Николай II. Paris, 1927.

153. Пайпс Р. Русская революция. М.: РОССПЭН, 1994.

154. Памяти Императора Александра III. Сборник «Московских новостей» (известия, статьи, перепечатки). Издание С. Перовского. М., 1894.

155. Пенник Н. Магические алфавиты. Киев: София, 1996.

156. Первая мировая Война. М.: Воениздат, 1974. 2 т.

157. Пиленко А.А. Начало войны // История Великой войны. М.: Издание т-ва Н. В. Васильева, 1915. Т. 1.

158. Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М.: Наука, 1977.

159. Перегудова З.И. Политический сыск России (1870–1917). М.: РОССПЭН, 2000.

160. *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М.: Наука, 1985.
161. *Писарев Ю.А.* Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М.: Наука, 1990.
162. *Платонов О.А.* Николай II. Жизнь и царствование. СПб., 1999.
163. *Платонов О.А.* Терновый венец России. Тайная история масонства 1731–1996. 2-е изд., испр. и доп. М.: Родник, 1996.
164. *Платонов О.* Русское сопротивление. Война с антихристом. В двух томах. М.: Столица-Принт, 2010.
165. *Плотников И. Ф.* Правда истории. Гибель Царской Семьи. Екатеринбург – Москва, 2003.
166. *Позднышев С.* Немеркнувший свет. Сан-Пауло, 1949.
167. *Попов А.Д.* Император Александр III. СПб.: Синодальная типография, 1908.
168. *Прайсман Л.Г.* Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М.: РОССПЭН 2001.
169. *Прищеп В. И., Александров А.Н.* Расследование цареубийства. Секретные документы. М.: Российская книжная палата, издательский центр «Юго-Запад», 1993.
170. *Решетников Л.П.* Вернуться в Россию... Третий путь или тупики безнадёжности. М.: ФИВ, 2013.
171. *Розанов В. В.* Уединённое. М., 1990.
172. *Розанова Наталия.* Царственные страстотерпцы. По смертная судьба. М.: Вагриус, 2008.

173. *Романов Б. А.* Очерки дипломатической истории Русско-японской войны. 1895–1905. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947.

174. *Романов Борис.* Император, который знал свою судьбу, и Россия, которая не знала... СПб.: БХВ-Петербург, 2012.

175. *Рыбас С.Ю.* Столыпин. М.: Молодая гвардия, 2003.

176. *Рыбачёнок И.С.* Путь к союзу с Францией. Эволюция взглядов генерала Н. Н. Обручева // Россия и Франция XVII–XX века. М.: Наука, 2001.

177. *Рыбачёнок И.С.* Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М.: РОССПЭН, 2005.

178. *Рыбачёнок И. С.* Россия и Франция: союз интересов и союз сердец. 1891–1897. Русско-французский союз в дипломатических документах, фотографиях, рисунках, карикатурах, стихах, тостах и меню. М.: РОССПЭН, 2004.

179. *Рыбачёнок И.С.* Русско-французский союз в тостах // Россия и Франция XVIII–XX веков. La Russie et la France XVIII-ème – XX-ème siècles. Volume 2, Moscou 1998.

180. *Рыбачёнок И.С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX века. М., 1993.

181. *Рыжов К.В.* Все монархи мира. Западная Европа. Энциклопедия. М.: Вече, 1999.

182. *Рябов Гелий.* Как это было. Романовы: сокрытие тел, поиск, последствия. М.: Политбюро, 1998.

183. *Рябов Ю.А.* Россия на рубеже XIX – XX веков. Часть

1. Государственность, основные сословия и классы в России в конце XIX – начале XX века. СПб., 1998.
184. *Саблер С. В., Сосновский И.В.* Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб., 1903.
185. *Сапрыкин Д.Л.* Образовательный потенциал Российской империи. М., 2009.
186. *Саттон Э.* Уолл-стрит и большевистская революция. М.: Русская идея, 1998.
187. *Семира, Веташ В.* Астрология каббалы и Таро. М.: Лань, 1998.
188. Священное Коронование и Помазание Русских Государей на Царство / Сост. Л. П. Шпановский. Одесса: Типохромофотография Е. И. Фесенко, 1896.
189. *Сенин Ю.* Подлинная судьба Николая II, или Кого убили в Ипатьевском доме? М.: Эксмо, 2010.
190. *Серафим (Кузнецов), игумен.* Православный Царь-Мученик. М., 1997.
191. *Сергеев Е.Ю.* Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке. 1897–1903. М., 1998.
192. *Серков А.И.* История русского масонства 1845–1945. М.: Изд-во имени Н. И. Новикова, 1997.
193. *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973.
194. *Сидоровин Г. П. А.* Столыпин. Жизнь за Отечество. Саратов, 2002.
195. *Слиозберг Г.* Политический характер еврейского во-

проса. СПб., 1907.

196. Смертная казнь: Сборник статей / *Таганцев Н.С.* СПб.: Гос. тип., 1913.

197. *Смирнов А.Ф.* Государственная Дума Российской Империи. 1906–1917. Историко-правовой очерк. М.: Книга-бизнес, 1998.

198. *Смолин М.Б.* Церковь, государство и революция. М.: Российский институт стратегических исследований. М., 2013.

199. *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. М.: Сирин, 1990.

200. *Солженицын А.И.* 200 лет вместе. Часть 1. В дореволюционной России. 1795–1995 гг. М.: Русский путь, 2001.

201. *Соловьев О.* Русские масоны. От Романовых до Березовского. М.: Эксмо; Яуза, 2004.

202. *Соловьёв О.Ф.* Масонство в мировой политике XX века. М.: РОССПЭН, 1998.

203. *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973.

204. *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция (1914–1917). Минск: Харвест, 2004.

205. *Спиридович А.И.* Революционное движение в России. Выпуск 2-й. Партия социалистов-революционеров и её предшественники. Пг., 1916.

206. *Старков Б.А.* Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903–1914. СПб., 2006.

207. *Старцев В.И.* Тайны русских масонов. СПб.: Д.А.Р.К., 2004.
208. *Степанов М.П.* Село Ильинское. Исторический очерк. М.: Синодальная Типография. 1900.
209. *Стрельцов Р.* Россия, Царьград и Проливы. СПб., 1915.
210. *Струков Д.* Столыпин на пути к великой России. М.: Вече, 2012.
211. *Суетов Л.А.* Белое дело. Часть 1. СПб., 2000.
212. *Таганцев Н.С.* Высочайший Манифест 1/13 декабря 1890 г. и финляндское уголовное уложение. СПб., 1910.
213. *Тарле Е.В.* Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики // Тарле Е. В. Соч. в 12 т. Т. 5. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.
214. *Татищев С.С.* Детство и юность Великого Князя Александра Александровича // Великий Князь Александр Александрович. Сб. документов. М., 2002.
215. *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 2. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1903.
216. *Тимашев И.* Политическая судьба Константинополя, балканских народов и отношение их к России и западноевропейским державам. СПб., 1887.
217. *Тризна Д.С.* Финляндия за 100 лет в составе России (1809–1909). СПб., 1911.
218. *Трубецкой Г. Н., князь.* Русская дипломатия в 1914–1917 гг. Война на Балканах. Монреаль, 1983.

219. *Трубецкой С. Н., князь*. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1906.
220. 1918 год на Востоке России. М.: Центрполиграф, 2003.
221. *Уткин А.И.* Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск: Русич, 2000.
222. *Ухтомский Э. Э., князь*. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891. СПб. – Лейпциг: Брокгауз, 1893 г.
223. *Фейгина Л.* Бьоркское соглашение. Из истории русско-германских соглашений. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1928.
224. *Федюшкин Олег*. Несостоявшаяся Украинская держава. Планы германского Генерального штаба по аннексии Юга России. М.: Центрполиграф, 2014.
225. *Ферро М.* Николай II. М.: Международные отношения, 1991.
226. *Фирсов С.Л.* Николай II. Пленник самодержавия. М.: Молодая гвардия, 2010.
227. *Фомин С.* Григорий Распутин: расследование. «А кругом широкая Россия...». М.: Форум, 2008.
228. *Фроянов И.Я.* Октябрь семнадцатого. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997.
229. *Хейфец М.* Цареубийство в 1918 году. Версия преступления фальсифицированного следствия. М., 1992.
230. *Хереш Элизабет*. Николай II. Ростов-на-Дону: Фе-

никс, 1998.

231. *Хрусталёв В.М.* Великий князь Михаил Александрович. М.: Вече, 2008.

232. *Шапошников Б.М.* Мозг армии. Книга первая. М.: Воениздат, 1927.

233. *Щацлло К. Ф.* Россия перед Первой мировой войной. (Вооруженные силы царизма в 1905–1914 гг.). М.: Наука, 1974.

234. *Шестаков А.В.* Крестьянство в революции 1906 г. М.–Л., 1930.

235. *Шиндлинг А., Циглер В.* Кайзеры. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

236. *Шимов Я.* Австро-Венгерская империя. М.: Эксмо-Алгоритм, 2003.

237. *Шишов А.В.* Россия и Япония. История военных конфликтов. М.: Вече, 2001.

238. *Щёголев П.И.* Охранники и авантюристы. Секретные сотрудники и провокаторы. Гос. публ. ист. б-ка России. М.: [ГПИБ], 2003.

239. *Щербатов С.А.* Художники в ушедшей России. М.: XXI Век – Согласие, 2000.

240. *Шульгин В.В.* «Что нам в них не нравится...». М.: Русская книга, 1994.

241. *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. М., 1966.

242. *Энель.* Жертва. Париж, 1925.

243. *Энгдаль Уильям Ф.* Боги денег. Уолл-стрит и смерть

американского века. СПб., 2011.

244. *Якубовский Эдуард*. Расстрел в подвале. Екатеринбург, 1998.

245. *Ямпольский М.Б.* Беспамятство как исток (Читая Хармса). М., 1998.

1.5. Опубликованные источники на иностранных языках

1. A. Nisard, Ambassadeur de France à Rome (Saint-Siège) à T. Delcassé // DDF. 1-ère série. DDF. T. 16.

2. Barrère, Ambassadeur à Rome à T. Delcassé. 7/20 mai 1899 // DDF. 1-série. T. XVI.

3. Briefe Der Zarin Alexandra Von Russland: An Ihre Jugendfreundin Toni Becker-Bracht. Authors: Lotte Hoffmann-Kuhnt. Books On Demand. 2009.

4. Das Dritte Reich. Band 50. Berlin.

5. Der Stellvertretende Staatssekretär des Auswärtigen Amtes Bernhard von Bülow an den Botschafter in Wien Grafen zu Eulenburg. 20 August 1897. // Die Große Politik. 11 Band.

6. Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Die militärischen Operationen zu Lande, Bd. 1–9. bearb. im Reichsarchiv. Berlin, 1925–1933.

7. Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914. Berlin, 1927.

8. Die Große Politik. Bd. XIV. T. II. № 4022.

9. Documents Diplomatique Français (DDF). 1 série, Paris 1957. V. XI. № 267.
10. J. Jusserand à T. Delcassé // DDF. 1-ère série. T. 16.
11. Journal de M. Paléologue du 1er février 1914 // Au Quai d'Orsay à la veille de la Tourmente. Journal, 1913–1914. P. 1947.
12. Kaiser Nikolaus II. von Rußland an Kaiser Wilhelm II. Le 25 Mai 1896 // Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Berlin, 1927. Band 11.
13. Kaiser Wilhelm II. an Kaiser Nikolaus II. von Rußland // Die Große Politik. Bd. 19. № 6118.
14. L. Montebello à T. Delcassé. 18 janvier 1899 // DDF. 1-ère série. T. XV.
15. L. Montebello à T. Delcassé. 19 janvier 1900 // DDF. 1-ère série. T. XVI. Paris, MCMLIX.
16. L'Ambasciatore a Pietroburgo, Maffei, al ministro Degli Esteri, Caetani. 14 marzo 1896 // I Documenti Diplomatici Italiani. Terza Seria: 1896–1907. V. 1. Roma, MCMLIII.
17. La chute du régime tsariste. Interrogatoires des ministres, conseillers, généraux, hauts fonctionnaires de la Cour Impériale Russe par la Commission Extraordinaire du Gouvernement Provisoire de 1917. Comptes rendu sténographiques. Préface de V. Maklakoff. Paris: Payot, 1927.
18. Les carnets de Georges Louis, ambassadeur de France en Russie. Paris, s/a. T. 1. 1908–1912.
19. M. de Navenne à T. Delcassé. 29 janvier 1899 // DDF.

1-ère série. T. 15.

20. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. Vol. 1. Washington 1931.

21. Parliamentary Debates. H. C. Ser.3. Vol. 45. 26 January 1897.

22. Pièces Diplomatiques relatives aux antécédents de la Guerre 1914. Suppléments et additions au Livre Rouge Austro-Hongrois. Première partie du 28 juin au 23 juillet 1914. Paris, 1922.

23. Prince de Lobanov à G. Hanotaux // DDF. 1-ère série. T. XII. № 172.

24. Un livre noir. Diplomatie d'avant-guerre d'après les documents des archives russes. Paris, s/d. T. 1.

25. О. Поћорек – Л. Билинском. 28. Маја 1913 // Историјске свеске. Број 1. Андрићград, 05. јануар 2014.

1.6. Монографији, мемуари и научне статьи на иностранным языках

1. *Alexandrov (V.)* La fin des Romanovs. Edition Alsatia, Paris, 1968.

2. *Argueyrolles (J.), colonel.* La tragique campagne de Prusse Orientale Le coup dés de Tannenberg. Paris, s/a/.

3. *Aslanian Dimitrina.* Histoire de la Bulgarie de l'Antiquité à nos jours. Trimontium, 2004.

4. *Aubanel Napoléon.* Une page d'Histoire. Voyage du

Président de la République en Russie. Paris, s/d.

5. *Belon et Gers*. Les Souverains russes en France. Paris, 1896.

6. *Benkendorf (P.)* Last Days at Tsarskoe Selo. London, 1927.

7. *Bompard (Maurice)*, ambassadeur de France. Mon Ambassade en Russie (1903–1908). Paris, Plon, 1937. P. XIV.

8. *Bradley (J. F. N.)*. France, Lenin and the Bolsheviks in 1917–1918. The English Historical Review, Vol. 86, No. 341 (Oct. 1971).

9. *Bülow (B.)*. Mémoires du chancelier Prince de Bülow. T. 1 1897–1902. Paris: Plon, 1930.

10. *Bülow, (Bernard) Fürst von*. Denkwürdigkeiten. Bd. 1–4.

11. *Caillet (S.)* La Franc-Maçonnerie égyptienne de Memphis-Misraïm. Paris: Dervy, 2003.

12. *Combarieu (Abel)*. Sept ans à l'Élysée avec le président Loubet. Paris: Hachette, 1932.

13. *Czernin (Ottokar)*. Im Weltkriege. Berlin – Wien, 1919.

14. *ENEL*. Trilogie de la Rota. Paris, 1993.

15. *Essad Bey*. Devant la Revolution. La vie et regne de Nicolas II. Paris, 1935.

16. *Ferro (Marc)*. Nicolas II. Une vision de l'empire et de la paix // Diplomatie. Affaires Stratégiques et relations internationales. № 5. Octobre-novembre, 2011. Géopolitique de la Russie.

17. *Fischer (Fritz)*. Les buts de Guerre de l'Allemagne Impériale, 1914–1918. Paris: Edition de Trévise, 1970.

18. *Gilliard (Pierre)*. Le Tragique destin de Nicolas II et de sa

famille. Payot, Paris, 1929.

19. *Ginsburg (Yitzchak), rabbi*. The Hebrew Letters: Channels of Creative Consciousness. Gal Einai, 1990.

20. *Grèce (E.) de*. Le Tsarévitch enfant martyr. Avec son journal inédit. Paris, Perrin, 1990.

21. *Grenville (J.-A.)*. Lord Salisbury and Foreign Policy. The Close of the Nineteenth Century. London, 1964.

22. *Grunwald (Constantin)*. Le Tsar Nicolas II. Paris: Editions Berger-Levrault, 1965.

23. *Hanotaux (Gabriel)*. Voyage de M. Félix Faure en Russie (18–31 août 1897) // Revue histoire diplomatique, 1966.

24. *Hansen (Jules)*. Ambassade à Paris du baron de Mohrenheim. Paris, s/d.

25. *Hardinge (Charles)*. Old Diplomacy. The reminiscences of Lord Hardinge of Penshurst. London, 1947.

26. *Hartmann (Eduard) von*. Russland in Europa // Die Gegenwart. January 21, 1888.

27. *Janin, général*. Ma mission en Sibérie. 1918–1920. Paris, Payot, 1933.

28. *Jefferson (M)*. Lord Salisbury's Conversations with the Tzar at Balmoral, 27 and 29 September // The Slavonic and East European Review. 39 (N 92) Dec. 1960.

29. *Jesman (Czesław)*. The Russian in Ethiopia. An Essay in Futility. London: Chatto and Windus, 1957.

30. *Knox (A.) Sir*. With the Russian army, 1914–1917, being chiefly extracts from the diary of a military attaché. V. 1–2.

London, 1921.

31. L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la Première Guerre Mondiale. Paris, 1962-1966. V. 1.

32. L'Alliance franco-russe. Paris 1907.

33. *Langer (W)*. The Diplomacy of Imperialism. N.-Y. 1951.

34. *Leudet (Maurice)*. Nicolas II intime. Paris F. Juven, éditeur.

35. *Marmouget (M.)*. La visite du tsar Nicolas II à Paris 5–9 octobre 1896. Paris, X Nanterre, 1997.

36. *Moal (Frédéric)*, le. La Serbie, du martyre à la victoire 1914–1918, éditions 14–18. Paris, 2008.

37. *Mullins (E.-C)*. The Federal Reserve Conspiracy, Common Sense, Union, New Jersey, 1954.

38. *Nekhludoff A*. Diplomatic reminiscences before and during the World war, 1911–1917. London, 1920.

39. *Noskoff A.A. (général)*. Nicolas II inconnu. Commandant suprême, Allié, Chef d'Etat. Plon, Paris 1920.

40. *Paléologue (Maurice)*. Guillaume II et Nicolas II. Paris: Plon, 1935.

41. *Pinon (F)*. France et Allemagne. Paris 1913.

42. *Ratchiskiy (André)*. Napoléon et Alexandre I. La guerre des idées. Paris, 2001.

43. *Renouvin (Pierre)*. La crise Européenne (1904–1914) et la Grande Guerre. Paris, 1939.

44. *Reusner (M) von, professor*. Die russischen Kämpfe um Recht und Freiheit. – Halle, a.S. Gebauer-Schwetschke Druckerei

und Verlag, 1905.

45. *Sokoloff Nicolas, juge d'instruction près le tribunal d'Omsk. Enquête judiciaire sur l'assassinat de la famille Impériale Russe.* Paris: Payot, 1924.

46. *Taylor (A.-J.-P.) The Second World War.* L.: Hamish Hamilton, 1975.

47. *Un Tsar à Compiègne. Nicolas II. 1901.* Paris, 2001.

48. *Vie et Paroles du Maître Philippe. Témoignage d'Alfred Haehl.* Paris: Paul Derain, 1959.

49. *Wesseling (Henri). La partage de l'Afrique 1880–1914.* Traduit du néerlandais. Denoël, 1996.

50. *Силянов Хр. Освободителнитѣ борби на Македонија.* София, 1933. Т. 1.

1.7. Статьи в научных сборниках и периодических изданиях

1. *Андреев Д.А.* Как мечтания из «безумных» стали «бесмысленными»: к истории речи Императора Николая II 17 января 1895 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. Ист. 2011. № 2 (20).

2. *Беккин Р.И.* Дипломатическая борьба вокруг Египта и участие в ней России (в период с 1881 по 1896 г.) // Международник. 4 ноября 2006 г.

3. *Большух А.В.* Н. Г. Гарин-Михайловский на Дальнем Востоке // Дальний Восток, 1973. № 4.

4. *Борисов В.* Генерал М. В. Алексеев, Начальник штаба Верховного Главнокомандующего в войну 1914–1915 гг. // Военный сборник. Общества ревнителей военных знаний. Белград, 1922. Кн. 2.

5. *Боровской Г.В.* Россия и Корея: обзор церковных связей // Миссионерское обозрение. № 3. 2004.

6. *Боханов А.Н.* Прощание с государем // Аргументы и факты. Январь 1998 г.

7. *Братченко Т. М., Синявский А. С.* Раннеиндустриальная модернизация дореволюционной России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 9. № 2, 2007.

8. *Воронин В.* Сараевское покушение // Стратегия России. 2012. № 1.

9. Гагская конференция мира. Культурно-исторический очерк // Вестник Европы. 1900.

10. *Галенин Б. Г.* Неизвестная Ходынка // На службе у России. Великий Князь Сергей Александрович. Материалы научных конференций 2011–2012 гг. М. – СПб.: Фонд памяти Великого Князя Сергея Александровича, 2013. С. 96–127.

11. *Герасимович Л.К.* А. М. Позднеев (1851–1920) // Российские монголоеды (XVIII – начало XX в.) Улан-Удэ, 1997.

12. *Гостенков П.А.* Франко-русский союз и несостоявшаяся морская война с Англией // Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального кон-

фликта. Материалы Третьих международных научных чтений: «Мир и война: море и суша». Санкт-Петербург-Кронштадт 21–24 октября 2007 г. М. – СПб., 2007.

13. *Давидсон А.Б.* Гумилёв в Абиссинии // Новая и новейшая история. № 6, 2001.

14. *Давидсон А. Б., Филатова И.И.* Англо-бурская война и Россия // Новая и новейшая история. № 1. 2000.

15. *Дьяков А.В.* Гностицизм и каббала: параллели и взаимодействия // Россия: Духовная ситуация времени. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 2000. № 3–4.

16. *Иванов (Скуратов) А.М.* Это начиналось так. К 75-летию начала Первой мировой войны // Молодая гвардия. М., 1989. № 8.

17. *Игнатъев А. В.* Последний царь и внешняя политика // Вопросы истории. № 6. 2001.

18. *Киракосян А.-Дж.* К вопросу о константинопольской резне // Литературная Армения. № 4. 1989.

19. *Кириллов А.К.* Переселение и крестьянское налогообложение в Сибири // Сибирский плавильный котёл: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX в. Новосибирск, 2004.

20. *Кологривов К.* (сообщено А. Д. Нечволодовым). Арест Государыни Императрицы Александры Феодоровны и Августейших детей Их Величеств // Русская летопись. Кн. 3. Париж, 1922.

21. *Колоколов Б.* Дилетант в голубом мундире, или «тре-

тий путь» генерала Джунковского // Красная звезда. 25 апреля. 2007 г.

22. *Кононкова Н.В.* Государственно-правовое регулирование иностранного предпринимательства и инвестиционной деятельности в Российской империи // Вестник АМГУ. № 58. 2013. С. 37.

23. *Кривошеин Н.В.* Голод 1891–1892 гг. и тамбовская миссия графа А. А. Бобринского // Записки ЛОКО. Вып. V. Липецк, 2006.

24. *Кудрина Ю. В.* Александр III и история // Русская история. № 4 (18). 2011.

25. *Куликов С.В.* Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. № 4. 2009.

26. *Куликов С.В.* А. В. Кривошеин и общественные деятели в годы Первой мировой войны // Русское прошлое. 1995. Кн. 5.

27. *Лиманская Т.О.* С. Д. Сазонов (министр иностранных дел 1910–1916 гг.) // Дипломатический вестник, ноябрь 2001.

28. *Максимова Э.* Находка останков Алексея и Марии – не случайность. Знали, где искать... // Известия. 2007. Ноябрь.

29. *Манько А.* Из истории экспорта нефтепродуктов // Нефтяное хозяйство. 2000. № 1.

30. *Лиманская Т.О.* В. Н. Ламздорф (министр иностранных дел России с 1900 по 1906 г.) // Дипломатический вестник. Сентябрь, 2001.

31. *Лукоянов И.В.* Порт-Артур в политике России (конец XIX в.) // Вопросы истории. № 4. 2008.
32. *Лукоянов И.* Последние русско-японские переговоры перед войной 1904–1905 гг. (взгляд из России) // Acta Slavica Japonica. № 23. 2006.
33. *Лукьянин В.П.* Конечно, мера правды стала иной...: [К 80-летию писателя] // Урал. 1992. № 5.
34. *Маюров А.Н.* Сухой закон в Российской империи – РСФСР (1914–1920 гг.) // Экономические стратегии. 2014. № 4.
35. *Михайлова Н.* Исторические очерки о старообрядчестве // Благодатный огонь. № 4. 2000.
36. *Мультатули П. В., Решетников Л.П.* Россия встань и возвышайся! // Проблемы национальной стратегии. № 2 (11). 2012.
37. *Нигметзянов Т.И.* Российско-германские отношения в правления императоров Николая II и Вильгельма II // II Романовские чтения Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конференции. Кострома, 26–27 марта 2009 года / Сост. и науч. ред. А. М. Белов, А. В. Новиков. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова. 2009.
38. *Огениус-Сильвестрофф А.* (Париж). Роль политических и военных деятелей в заключении франко-русского союза (пер. Р. Е. Плаховой) // Россия и Франция XVIII–XX веков // La Russie et la France XVIII-ème-XX-èmesiècles. Vol. 2. Moscou, 1998.

39. *Пагануци П.* Император Николай II – спаситель сотен тысяч армян от турецкого геноцида // Родина. 1993. № 8–9.
40. Памяти Н. Н. Ипатьева // Возрождение. Париж. № 4131. 1938. 13 мая.
41. *Петров Ю.А.* Российская экономика в начале XX века // Гражданин. Периодический политический журнал. № 3. 2003.
42. *Писарев Ю.А.* «Наши дети будут ходить по Вене...». Сараевское убийство 28 июня 1914 г. и «Млада Босна» // Родина. 1993. № 8–9.
43. *Прайсман Л.* Погромы и самооборона // Журнал «22». Тель-Авив. Декабрь 1986 – январь 1987. № 51.
44. *Пронкин С.В.* «Незаменимый министр внутренних дел»: В. К. Плеве // МГУ. Уч. тр. Вып. 6: Управление, вызовы и стратегии в ХХI в. М.: Университет, Книжный дом, 2007.
45. *Прытков А.В.* Матрица трезвости 2014. Сто лет спустя // Трезвая Россия. 2014. № 36.
46. *Рахманова Н.* Еврейский вопрос в политике В. К. Плеве // Вестник Еврейского ун-та. 1995. № 1 (8).
47. *Решетников Л.П.* Вступление России в Великую войну // Москва. Июль 2013.
48. *Решетников Л.П.* Духовно-нравственные причины национальной катастрофы // Русский Исход как результат национальной катастрофы. К 90-летию окончания Гражданской войны на европейской территории России. Материалы международной конференции. М., 2010.

49. *Рыбачёнок И.С.* Визит М. Н. Муравьева в Париж и в Берлин в 1897 году. Сравнительный анализ русской, французской и германской документации// Внешняя политика России. Источниковедение и историография. М., 1991.

50. *Слукин В.М.* Вознесенская горка – историко-архитектурный феномен Екатеринбурга // Династия Романовых в русской истории и культуре. Екатеринбургская трагедия и современность. Екатеринбург, 2000.

51. *Соловьев Ю.Б.* Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974.

52. *Солоневич И. Л.* Великая фальшивка февраля // Наша страна. 29 марта 1952.

53. *Степанов В.Л.* Самодержец на распутье: Николай II между К. П. Победоносцевым и Н. Х. Бунге // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследование, историография, источниковедение. СПб.: Нестор-история, 2009.

54. *Степанов Ю.Г.* Обер-прокурор под прицелом // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2001.

55. *Суворов В.В.* Политические убеждения Э. Э. Ухтомского // Известия Саратовского университета. Серия история. Международные отношения. Т. 11. Вып. 2. Ч. 2. 2011.

56. *Ткаченко Я.А.* «Династический кризис» в России осе-

нию 1900 г. // Из глубины веков, 2005, № 13.

57. *Томсин В.А.* Николай Павлович Боголепов (1846–1901). Биографический очерк // *Боголепов Н.П.* Учебник Римского права. М.: Зерцало, 2004.

58. *Троян С.С.* Немецкие проекты «Миттельевропы» конца XIX – нач. XX в. // Известия ПГГУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27.

59. *Туполев Б.М.* Династия Гогенцоллернов // «Новая и новейшая история». № 6. 1991.

60. *Федоров П.В.* Романов-на-Мурмане в правительственных документах Российской империи // III Ушаковские чтения. Сб. науч. ст. Мурманск, 2006.

61. *Фомин С.В.* Как они его жгли // Русский вестник. 2002. № 21–23.

62. *Хайцман В.М.* Идеи и общества мира в России конца XIX в. // Дипломатический ежегодник. М., 1995.

63. *Чайковский А.* Мой Вагнер // Литературная газета. № 23. 2013.

64. *Шацилло К.Ф.* «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4.

65. *Шелаев Ю.Б.* Деятельность чрезвычайной комиссии по эвакуации и разгрузке Петрограда весной 1918 г. (по новым материалам) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1990. № XX.

66. *Шимов Я.В.* Планы эрцгерцога Франца Фердинанда по преобразованию Австро-Венгрии: утопия или нереали-

зованная возможность? // Материалы международной научной конференции: «Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств». М., 23–24 апреля 2009 г.

67. *Эдельман О.* Крушение царского поезда // Отечественные записки. № 2. 2002.

1.8. Периодические издания

1. Былое. 1918. Кн. 4–5. Апрель – май.
2. Источник. 1993. № 10.
3. Московские ведомости. 1894. № 296.
4. Московские ведомости. 1894. № 297.
5. Новое время, 17 января 1894 г.
6. Новое время, 19 сентября 1896 г.
7. Новое время, август 1898 г.
8. Новое слово. 19 (6 мая) 1918 г. № 48.
9. Оренбургские епархиальные ведомости. 1891. № 17 (ч. неофиц.).
10. Правительственный вестник. 12 октября 1894. № 221.
11. Правительственный вестник. 20 октября 1895.
12. Правительственный вестник. 22 октября 1884.
13. Правительственный вестник. 26 августа 1896.
14. Правительственный вестник. 23 октября 1894.
15. Правительственный вестник. 21 декабря 1896. № 278.
16. Русская мысль. 25 мая 1951. № 348.

17. Русские ведомости. 31 октября 1898. № 240.
18. Тобольские епархиальные ведомости. 1891. № 13–14.
19. Томские епархиальные ведомости. 1891. № 14.
20. Царский вестник. 27 февраля 1939. № 672.

1.9. Периодические издания на иностранных языках

1. Le Gaulois, 21 septembre 1901.
2. Leslie's Illustrated, 1895. Т. 90.
3. Neue Freie Presse. Nachmittagsblatt. 1. Januar, 1910.

1.10. Справочная литература

1. Большая медицинская энциклопедия. В 35 томах / Под ред. Н. А. Семашко. М.: Государственное словарно-энциклопедическое издательство «Советская энциклопедия», 1929. Т. 5.
2. *Бунин К. В.* Инфекционные болезни. М.: Медицина, 1972.
3. Весь Екатеринбург и горнопромышленный Урал. Торгово-промышленный справочник. Изд. И. С. Ушакова. Екатеринбург: Тип. Л. В. Шаравьевой.
4. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. А – З. СПб.–М.: Товарищество М. О. Вольфа,

1903.

5. Дипломатический словарь / А. Я. Вышинский, С. А. Лозовский. М.: ГИПЛ, 1948.

6. Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. СПб.: Изд-во Брокгауза и Ефрона.

7. *Залесский К.А.* Первая Мировая война. Правители и военачальники. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.

8. Краткая Еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1994. Т. 7.

9. *Маркс А.Ф.* Географический и статистический карманный Атлас России. СПб.: Издание Т-ва А. Ф. Маркса, 1907.

10. Политическая наука: Словарь-справочник / Сост. д. пол. н., проф. И. И. Санжаревский. Тамбов, 2014.

11. Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: Свод знаний по православию и истории религии. М.: Церковно-научный центр Русской Православной церкви, 2000 – по наши дни.

12. Список полковников по старшинству. Составлен по 1 марта 1914 г. СПб.: Военная типография императрицы Екатерины Великой, 1914.

13. Энциклопедический словарь. Издатели: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Т. XVII. СПб., 1896.

1.11. Интерактивные материалы

1. *Горев (Гольдман) Б.И.* Марксизм и рабочее движение в Петербурге четверть века назад. (Воспоминания) // <http://www.ruthenia.ru/sovlit/j/100.html>
2. Гусиная бойня: Пантган // http://weaponland.ru/publ/gusinaja_bojnja_pantgan/15-1-0-437
3. *Мельник В.И.* Князь-Мученик Сергей Александрович // Императорское Православное палестинское общество // <http://www.ippo.ru/osnovateli-i-podvizhniki-ippo/knyazj-muchenik-sergey-aleksandrovich.html>
4. *Раиш Кавад.* Война за сердце России. (Уроки Цусимы) // <http://www.rospisatel.ru/voina>
5. *Сергеев Е.Ю.* Образ Германии в представлениях военной элиты России накануне Первой мировой войны // <http://rusgermhist.narod.ru>
6. *Софьин Д.М.* Управление Великого Князя Сергея Александровича Москвой как политико-административный феномен Российской империи рубежа XIX – XX веков // Русская народная линия: интернет-сайт. 2010. 06. 10. URL: http://ruskline.ru/analitika/2010/10/07/upravlenie_velikogo_knyazya_sergeya_aleksandrovicha_moskvo
7. *Хитерер Виктория.* Еврейские погромы и самооборона в Российской империи // Институт Иудаики // <http://www.judaica.kiev.ua/>

8. *Шенин И. В., Плотников Н.В. С. Ю. Витте и государственная питейная монополия* // Центр разработки национальной алкогольной политики // <http://www.alcomarket.info/CRNAP/print.asp?NewsId=15187>

9. Lettre de Papus Gerard Encausse à Maitre Philippe 1904 // <http://www.philippedelyon.fr/lettre-de-papus-gerard-encausse-a-maitre-philippe-947/>

10. СКП: Николая II казнили без санкции Ленина и Свердлова. // <http://www.vesti.ru/doc.html?id=368700&cid=549>

Иллюстрации

Государь за работой

Рабочий кабинет Николая II в Александровском дворце Царского Села (современный вид)

Царская опочивальня в Александровском дворце (современный вид)

Императрица Александра Феодоровна в Сиреновом кабинете Александровского дворца. 1900-е гг.

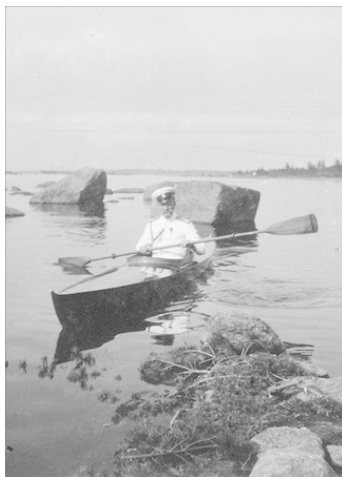
Государь христосуется с солдатами Собственного Конвоя.
Итальянский дворик Нового Ливадийского дворца

Посещение Царской Четой Троице-Сергиевой лавры. Государя и Государыню у ворот святой обители с крестом в руках встречает Митрополит Московский и Коломенский Владимир (Богоявленский). 14 июня 1912 г.

Любимый спорт Государя – большой теннис

Государь управляет байдаркой в финских шхерах

Император Николай II и Императрица Александра Фёдоровна на охоте

Император Николай II со спаниелем Джоом

Государь посещает Четвертую Международную автомобильную выставку в Михайловском манеже. 1913 г.

Николай II осматривает самолет И. И. Сикорского «Русский Витязь». 1913 г.

Император Николай II в полной солдатской амуниции нового образца.

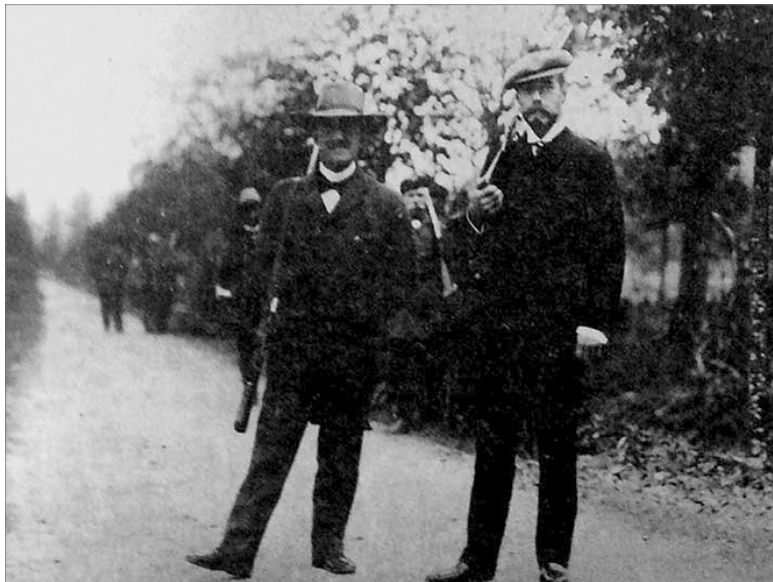
Государь осматривает плуг новой конструкции.

Императрица Александра Феодоровна с сыном Наследником Цесаревичем Алексеем. 1912 г.

Государь и Государыня на горе Ай-Петри в Крыму

Николай II и итальянский король Виктор-Эммануил III во время визита Царя в Ракониджи. 1909 г.

Прибытие Царской Семьи в Киев. Государь пожимает руку П. А. Столыпину. 29 августа 1911 г.

Император Николай II в форме Гвардейского экипажа.
1910 г.

Царская Семья посещает Киево-Печерскую лавру. 29 августа 1911 г.

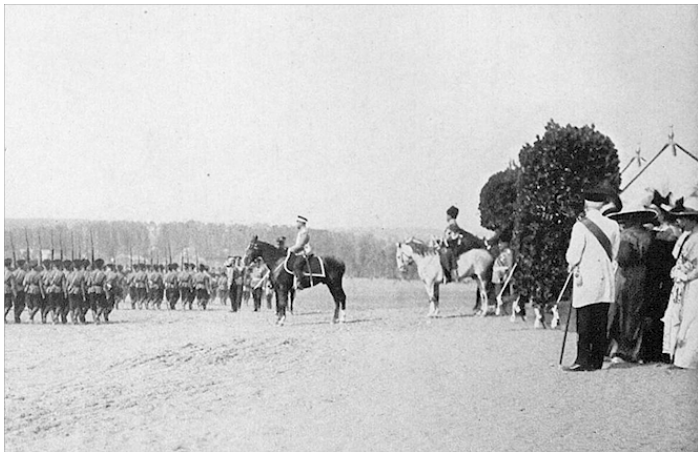
Делегация иудейских раввинов подносит Императору Николаю II Священную Тору

Похороны П. А. Столыпина 7 сентября 1911 г.

Встреча Императорской Семьи на станции Бородино. Государь здоровается с командующим Московским военным округом генералом от кавалерии П. А. Плеве. Слева – Императрица Александра Феодоровна, крайний справа – Великий Князь Николай Михайлович, третий справа – Московский губернатор В. Ф. Джунковский. 25 августа 1912 г

Государь принимает парад Гвардейской пехоты на Бородинском поле. 26 августа 1912 г.

Царская Семья выходит из собора иконы Владимирской Божьей Матери Спасо-Бородинского монастыря по окончании литургии. 25 августа 1912 г.

Государыня с Цесаревичем после его болезни в Спале.
1912 г.

Фальшивка, до сих пор выдаваемая за подлинник. «Распутин» с Императрицей и Царскими Детьми. Очередной результат фотомонтажа.

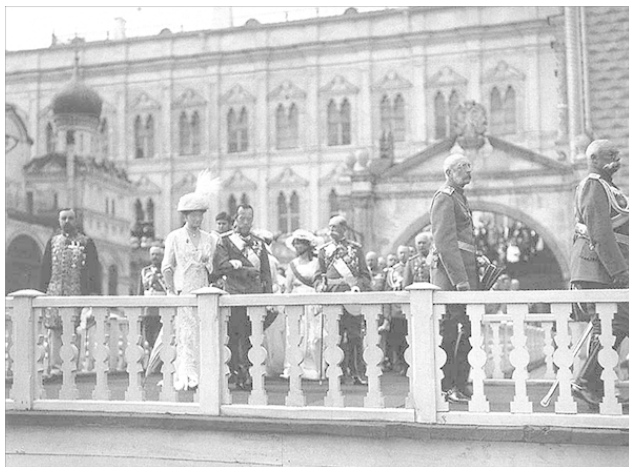
Император Николай II и Цесаревич Алексей Николаевич.
1912 г.

Царская Семья в 1913 г. Слева на право: Великая Княжна Ольга Николаевна (сидит), Великая Княжна Мария Николаевна (стоит), Император Николай II, Императрица Александра Феодоровна, Великая Княжна Анастасия Николаевна, Наследник Цесаревич Алексей Николаевич, Великая Княжна Татьяна Николаевна

Царская Семья выходит из палат Михаила Феодоровича Романова в Ипатьевском монастыре

Торжественный выход Царствующего Дома Романовых в

Кремле. 1913 г.

Получена нами объявлением войны.

88

ИМПЕРАТОРСКИЙ Телеграфъ въ

Петербургъ 24.

Телеграмма № *3055*

11/2 " СЛОВЪ

Подана въ *Варшаву*

11/10 1914 г. 12 ч. 45 м. по пд

Получена въ *Петербургъ*

27/10 1914 г. 1 ч. 15 м. по пд

H I S M A J E S T Y T H E C Z A R

THANKS FOR YOUR TELEGRAM I YESTERDAY POINTED OUT TO YOUR GOVERNMENT THE WAY BY WHICH ALONE WAR MAY BE AVOIDED ALTHOUGH I REQUESTED AN ANSWER FOR NOON TO DAY NO TELEGRAM FROM MY AMBASSADOR CONVEYING AN ANSWER FROM YOUR GOVERNMENT HAS REACHED ME AS YET I THEREFORE HAVE BEEN OBLIGED TO MOBILIZE MY ARMY IMMEDIATE AFFIRMATIVE CLEAR AND UNMISTAKABLE ANSWER FROM YOUR GOVERNMENT IS THE ONLY WAY TO AVOID ENDLESS MISERY UNTIL HAVE RECEIVED THIS ANSWER ALAS I AM UNABLE TO DISCUSS THE SUBJECT OF YOUR TELEGRAM AS A MATTER OF FACT I MUST REQUEST YOU TO IMMEDIATELY ORDER YOUR TROOPS ON NO ACCOUNT TO COMMIT THE SLIGHTEST ACT OF TRESPASSING OVER OUR FRONTIERS

WILLY

Последняя телеграмма Вильгельма II Николаю II, в которой он требует прекратить русскую мобилизацию. Сверху телеграммы резолюция Государя: «Получена после объявления войны».

**Всѣмъ министромъ,
Мы, Николай Второй,
Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій, Царь Польскій,
Великій Князь Финляндскій,**

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ НАШИМЪ подданнымъ:

Слѣдуя историческимъ своимъ заветамъ, Россія, едкая по вѣрѣ и крови съ славянскими народами, никогда не взидала на жгъ судьбу безучастно. Съ полнымъ единодушіемъ и особомъ силою пробудились братскія чувства русскаго народа къ славянамъ въ послѣдніе дни, когда Австро-Венгрія предъявила Сербіи заведомо неприемлемыя для державнаго государства требованія.

Презрѣвъ уступчивыи и миролюбивыи отвѣтъ Сербскаго Правительства, отвергнувъ доброжелательное посредничество Россіи, Австрія поспѣшно перешла въ вооруженное нападеніе, открывъ бомбардировку беззащитнаго Бѣлграда.

Внужденные, въ силу создавшихся условий, принять необходимыи мѣры предосторожности, Мы Повелѣли привести армію и флотъ въ военное положеніе, но, дорожа кровью и достояніемъ НАШИМЪ подданныхъ, прилагали всѣ усилія къ мирному исходу начавшихся переговоровъ.

Среди дружественныхъ сношеній, союзная Австрія Германія, вопреки НАШИМЪ надеждамъ на вѣковое доброе сосѣдство и не гнула

Манифест Николая II о начале войны с Германией. 20 июля 1914 г.

Император Николай II на балконе Зимнего дворца после чтения Манифеста о начале войны с Германией. 20 июля 1914 г.

Император Николай II в Ставке Верховного Главнокомандования. Рядом с Государем сидит Великий Князь Николай Николаевич. За их спинами слева направо: генерал-квартирмейстер штаба Верховного Главнокомандующего генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов, начальник Штаба Верховного Главнокомандующего генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич. 1914 г.

Император Николай II и Цесаревич Алексей Николаевич
посещают войска Действующей армии

Император Николай II посещает раненых в госпитале.
1914 г.

Император Николай II – Верховный Главнокомандующий
Вооруженными силами Империи

Император Николай II и его новый Начальник штаба генерал от инфантерии М. В. Алексеев (справа от Государя) обсуждают положение на фронте. Слева: Генерал-квартирмейстер Ставки генерал-лейтенант М. С. Пустовойтенко. 1915 г.

Император Николай II и представители военных союзных миссий при Царской Ставке. Могилёв, 1916 г.

Императрица Александра Феодоровна ассистирует в качестве сестры милосердия при хирургической операции раненого

Император Николай II принимает рапорт у главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала от кавалерии А. А. Брусилова. Весна 1916 г.

Цесаревич Алексей Николаевич

Совещание в Царской Ставке под председательством Государя, принявшее решение о начале наступления на всех фронтах. 1 апреля 1916 г.

Крестьянин в лесу близ Могилёва падает в ноги Государю.

Один из последних приездов Императора Николая II в Ставку. Зима 1916 г.

Государь под арестом в Царском Селе. «Кругом измена, и трусость, и обман...»

Государь расчищает снег в Царскосельском саду. Апрель
1917 г.

Государь и Великая Княжна Мария Николаевна в заточении в Царском Селе.

Государь и Великая Княжна Татьяна Николаевна в Тобольской ссылке. Зима 1918 г.

Николай II, Ольга, Татьяна и Анастасия в Тобольске.

Император Николай II и Цесаревич Алексей пилят дрова во дворе Губернаторского дома. Тобольск. Зима – весна 1918 г.

Без комментариев

Подвальная комната Ипатьевского дома в Екатеринбурге,
где была изуверски убита Царская Семья

И СЛАВЯЩЕ ПРАВО СВОЕ,
 МОЩЬ СВОЮ СЛАВЯЩЕ, СЛОВО СВОЕ ПРАВО СВОЕ
 СЛОВО СВОЕ И ЗА СЕБЯ СЛАВЯЩЕ СВОЕ ПРАВО СВОЕ
 И ЗА СЕБЯ СЛАВЯЩЕ СВОЕ ПРАВО СВОЕ

И СЛАВЯЩЕ ПРАВО СВОЕ, И СЛАВЯЩЕ ПРАВО СВОЕ
 И СЛАВЯЩЕ ПРАВО СВОЕ, И СЛАВЯЩЕ ПРАВО СВОЕ
 И СЛАВЯЩЕ ПРАВО СВОЕ, И СЛАВЯЩЕ ПРАВО СВОЕ
 И СЛАВЯЩЕ ПРАВО СВОЕ, И СЛАВЯЩЕ ПРАВО СВОЕ

СВЯТЫЕ МУЧЕНИКИ ЦАРСТВЕННЫЕ
 СВЯТЫЕ МУЧЕНИКИ ЦАРСТВЕННЫЕ
 СВЯТЫЕ МУЧЕНИКИ ЦАРСТВЕННЫЕ
 СВЯТЫЕ МУЧЕНИКИ ЦАРСТВЕННЫЕ

СВЯТЫЕ МУЧЕНИКИ ЦАРСТВЕННЫЕ
 СВЯТЫЕ МУЧЕНИКИ ЦАРСТВЕННЫЕ
 СВЯТЫЕ МУЧЕНИКИ ЦАРСТВЕННЫЕ
 СВЯТЫЕ МУЧЕНИКИ ЦАРСТВЕННЫЕ

СВЯТЫЕ МУЧЕНИКИ ЦАРСТВЕННЫЕ
 СВЯТЫЕ МУЧЕНИКИ ЦАРСТВЕННЫЕ

Икона Святых Царственных Мучеников, их верных слуг

и Новомучеников Дома Романовых

Комментарии

1.

Греков Н. В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М.: МОНФ, 2000. С. 46.

2.

Астафьев И. И. Указ. соч. С. 12.

3.

Лотман Герберт Р. Ротшильды – короли банкиров. Мн. – Смоленск, 1997. С. 125–126.

4.

Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 116.

5.

Там же. С. 119.

6.

Там же. С. 127.

7.

Там же. С. 127.

8.

Там же. С. 122.

9.

Там же. С. 123.

10.

Там же. С. 125.

11.

Русские финансы и европейская биржа в 1904–1906 гг. М.–Л., 1926. С. 271.

12.

Ананьич Б. В. Россия и международный капитал. 1897–1914. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970. С. 159.

13.

Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 128.

14.

Там же. С. 128.

15.

Астафьев И. И. Указ. соч. С. 31.

16.

Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 143.

17.

Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. М.: Изд-во Академии наук, 1958. С. 213.

18.

Астафьев И. И. Русско-германские дипломатические отношения. 1905–1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения). М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. С. 35.

19.

Астафьев И. И. Указ. соч. С. 35.

20.

M. Rouvier à M. Bompard. Le 8 février 1906. // DDF. 9-série. V. 1. № 142.

21.

M. Bompard à M. Rouvier. Le 10 février 1906. // DDF. 9-série. V. 1. № 142.

22.

Астафьев И. И. Указ. соч. С. 36.

23.

Там же. С. 36.

24.

Там же. С. 36.

25.

Н. Д. Остен-Сакен – В. Н. Ламздорфу. 28 января 1906 г. // Красный архив. Исторический журнал. М., 1930. Т. 4–5 (41–42). С. 21.

26.

Извольский А. П. Указ. соч. С. 58.

27.

В. Н. Ламздорф – Н. Д. Остен-Сакену 7 февраля 1906 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 85. Л. 1.

28.

Там же. Л. 1–2.

29.

Там же. Л. 2.

30.

M. Bompard à M. Rouvier. Le 9/22 février 1906. // DDF. 9-

31.

Там же.

32.

Остальцева А. Ф. Указ. соч. С. 95.

33.

Остальцева А. Ф. Указ. соч. С. 95.

34.

Там же. С. 95–96.

35.

Извольский А. П. Указ. соч. С. 27.

36.

Там же. С. 27.

37.

B. von Bülow am Kaiser Wilhelm II // Die Große Politik. BD. XXI. I. 728.

38.

Остальцева А. Ф. Указ. соч. С. 156–157.

39.

М. Бомпар – графу В. Н. Ламздорфу. 9 апреля/27 мая 1906. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 341. Л. 74 [на фр. яз.].

40.

Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 154.

41.

Там же. С. 155.

42.

Gorki Maxim. Pas un sou au Gouvernement Russe! // L'Humanité. Journal Socialiste Quotidien. Lundi, 9 avril 1906.

43.

Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 162.

44.

Греков Н. В. Указ. соч. С. 26.

45.

Генерал Ф. Ф. Палицын – А. П. Извольскому. 22 сентября 1906 г. // АВП РИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1179. Л. 119.

46.

Греков Н. В. Указ. соч. С. 50.

47.

Sir Arthur Nicolson to Sir Edward Grey // British Documents. V. III. 209.

48.

Баиов А. К. Истоки великой мировой драмы и её режиссёры. Таллин – Ревель, 1927. С. 49.

49.

Остальцева А. Ф. Англо-русское соглашение 1907 года. Влияние Русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. на внешнюю политику царизма и на перегруппировку европейских держав. Саратов: Изд. Саратов. ун-та, 1977. С. 162.

50.

АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия министра. Д. 98. Л. 70.

51.

Баиов А. К. Указ. соч. С. 10.

52.

Там же. С. 11.

53.

Memorandum of Sir Edward Grey. 20.02.1906 // British Documents. V. III. 209.

54.

Туполев Б. М. Происхождение Первой мировой войны // Новая и новейшая история, № 4, 2002.

55.

Журнал совещания 7 сентября 1906 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 86. Л. 1.

56.

Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). С. 388.

57.

Мировые войны XX века. Книга 2. Первая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 19–24.

58.

Данилов О. Ю. Указ. соч. С. 86.

59.

Лунёва Ю. В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны. (1907–1914). М.:

Квадрига, 2010. С. 17.

60.

Цит. по: Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах эпохи / Сост.: Репников А. В., Рудая Е. Н., Иванов А.А. М.: РОССПЭН, 2014. С. 394.

61.

Русские масоны в эмиграции. Париж, 1942. С. 5.

62.

Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 63.

63.

Данилов О. Ю. Указ. соч. С. 78.

64.

Генерал П.Ф. Унтерберг – Императору Николаю II. 23 февраля 1907 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 750. Л. 12.

65.

Там же. Л. 19.

66.

Данилов О. Ю. Указ. соч. С. 99.

67.

Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 65.

68.

Данилов О. Ю. Указ. соч. С. 91.

69.

Граф И. Л. Татищев – Императору Николаю II. 20 февраля/4 марта 1908 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746 (1). Л. 11–13.

70.

Parliamentary Debates. Ser. IV. Vol. 190. P. 259.

71.

Всеподданнейший доклад А. П. Извольского от 3 июня 1908 г. // АВПРИ. Ф. 138 Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 275/276. Л. 13–16.

72.

Копия с весьма секретного письма военного агента в Лондоне Н.С. Ермолова – А.З. Мышлаевскому от 15 (28) апреля 1909 г. // РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Д. 912. Л. 259.

73.

Граф И.Л. Татищев – Императору Николаю II 26 марта/8 апреля 1906 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746 (1). Л. 3.

74.

Шилов С.П. Военно-морская политика кайзеровской Германии и Россия: 1897–1914 гг. // Дисс. ... д. ист. н. Тюмень, 2004. С. 43.

75.

Данилов О.Ю. Указ. соч. С. 84.

76.

Там же. С. 88.

77.

Граф И.Л. Татищев – Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746 (1). Л. 5.

78.

Астафьев И.И. Указ. соч. С. 130.

79.

Уткин А.И. Указ. соч. С. 71.

80.

Die Große Politik. Bd. 22. № 7374.

81.

Астафьев И.И. Указ. соч. С. 84.

82.

Там же. С. 85.

83.

Игнатьев А.В. Указ. соч. С. 60.

84.

Там же. С. 60.

85.

O. von Mülberg am B. von Bülow // Die Große Politik. Bd. 22. № 7375.

86.

Всеподданнейшая записка А.П. Извольского Императору Николаю II 31 июля 1907 г. // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия министра. 1907 г. Д. 42. Л. 205.

87.

Фейгина Л. Указ. соч. С. 92.

88.

Русское слово. 25 июля 1907 г.

89.

В.Н. Ламздорф – А.К. Бенкендорфу. 8 сентября 1905 г. // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1179. Л. 4.

90.

Правительственный вестник. 3/16 июня 1907 г.

91.

Всеподданнейшая записка С.Д. Сазонова. 19 мая 1912 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 67. Л. 1.

92.

Марков О.Д. Русская армия 1914–1917 гг. СПб., 2001. С. 77.

93.

Астафьев И.И. Указ. соч. С. 90.

94.

Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 75, 77.

95.

Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911. Нам нужна великая Россия... М.: Молодая гвардия, 1991. С. 121.

96.

Куликов С.В. Указ. соч. С. 45.

97.

Струков Д. Столыпин. На пути к Великой России. М.: Вече, 2012. С. 93.

98.

Крыжановский С.Е. Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / Рос. нац. б-ка; [Подгот. текста, вступ. ст., коммент.: А.В. Лихоманов]. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2009.

99.

Цит. по: Куликов С.В. Указ. соч. С. 50.

100.

Солоневич И.Л. Великая фальшивка февраля. С. 21.

101.

Струков Д. Указ. соч. С. 96.

102.

Там же. С. 96–97.

103.

Куликов С.В. Указ. соч. С. 47.

104.

Цит. по: Куликов С.В. Указ. соч. С. 47.

105.

Там же. С. 47.

106.

Там же.

107.

Высочайший манифест 11 августа 1904 г. // Нива, 1904.

108.

Рескрипт Императора Николая II о необходимости издания Манифеста о земельном устройстве крестьянства. 31 октября 1905 г. // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 506. Л. 2-3.

109.

Струков Д.Б. Указ. соч. С. 101.

110.

Рескрипт Императора Николая II на имя П.А. Столыпина.

111.

Куликов С.В. Указ. соч. С. 48.

112.

Пушкарев С.Г. Обзор русской истории //Кавказский край, 1993. С. 356.

113.

Пушкарев С.Г. Указ. соч. С. 357.

114.

Чересполосица – поземельное владение, при котором земли одного владельца находятся не в одном отрубе или меже, а разбросаны по разным местам среди других владений и не представляют хозяйственного целого.

115.

Трёхполье – система севооборота чередованием пара, озимых и яровых культур. Применялось в крестьянских хозяйствах с древнейших времён. На смену трёхполью пришло многополье, более эффективная форма рациональной организация земледелия.

116.

П.А. Столыпин. Грани таланта политика. М.: РОССПЭН, 2006. С. 68–74.

117.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. СПб., 2003. Т. 1. С. 480–481.

118.

Пётр Аркадьевич Столыпин. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. С. 35.

119.

Миронов Б.Н. Социальная история России. С. 482.

120.

Цит. по: Куликов С.В. Указ. соч. С. 48–50.

121.

Вырубова А.А. Указ. соч. С. 193.

122.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI. Отд. 1. 1906 г. СПб.: Государственная типография, 1909 г. № 28392. С. 891–893.

123.

Там же. С. 891.

124.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI. Отд. 1. 1906 г. СПб.: Государственная типография, 1909 г. № 28528. С. 970.

125.

Там же.

126.

Гизей Ю.Ю. Школьное строительство в переселенческих районах в 1906–1913 гг. (на примере Томского переселенческого района) // Вестник Кемеровского государственного университета. № 3, 2012. С. 51.

127.

Рогачевская М.А. П.А. Столыпин: аграрная реформа и Сибирь // ЭКО. 2002. № 9. С. 140–168.

128.

Цит. по: Струков Д.Б. Указ. соч. С. 134.

129.

Там же.

130.

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 753. Л. 1–10.

131.

Авдеенко Н.М. Заселение и хозяйственное освоение территории района во второй половине XIX – начале XX века // Ключевской район: история и современность. Барнаул, 2002. С. 47.

132.

Белянин Д.Н. Столыпинская переселенческая политика как национальный проект // Вестник Кузбасского государственного технического университета. № 1, 2008. С. 107.

133.

Там же.

134.

Там же.

135.

Рогачевская М.А. П.А. Столыпин: аграрная реформа и Сибирь // ЭКО. 2002. № 9. С. 150.

136.

Белянин Д.Н. Структура и характер деятельности переселенческих организаций в Сибири на рубеже XIX–

137.

Фридберг, город в Германии в земле Гессен (не путать с Фридбергом в Баварии). В 1910 г. врачи предписали Императрице Александре Феодоровне, страдающей расширением сердца, пройти курс лечения на знаменитом курорте Бад-Наугейм, расположенном неподалеку от Фридберга.

138.

Император Николай II – П.А. Столыпину 22 сентября 1910 // Красный архив. М., 1925. Т. 5 (30). С. 121.

139.

П.А. Столыпин – Императору Николаю II 26 сентября 1910 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1352. Л. 6.

140.

Тэри Эдмон. Россия в 1914 году. Экономический обзор. Париж: YMCA-PRESS, 1986. С. 32.

141.

Гизей Ю.Ю. Школьное строительство в переселенческих районах в 1906–1913 гг. (на примере Томского переселенческого района). С. 52.

142.

Пестржецкий Д. Русская промышленность после революции. Берлин: Русское универсальное издательство, 1921.

143.

Тэри Эдмон. Указ. соч. С. 5.

144.

Там же. С. 6.

145.

Там же. С. 33.

146.

Вишневский А.Г. Демографическая модернизация России. М.: Новое изд-во, 2006. С. 18.

147.

Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг.: Типография Министерства внутренних дел, 1916. С. 159.

148.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание

третье. Т. XVII. № 13635. СПб., 1900. С. 12.

149.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 75. Л. 42.

150.

Там же. Л. 32.

151.

Там же. Л. 35.

152.

О преобразовании врачебно-санитарной части в России //

РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 1144. Л. 140.

153.

Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России.

154.

Россия накануне Первой мировой войны. Статистико-документальный справочник. М.: Самотека, 2008. С. 314.

155.

Вишневский А.Г. Указ. соч. С. 19.

156.

Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Смертность в России и борьба с нею. СПб., 1901. Следует сказать, что авторы брошюры, как и многие русские демографы, почему-то считали отдельно Венгрию и Австрию, Шотландию, Англию и Ирландию, хотя и первые, и вторые составляли в то время единые государства. Мы суммировали данные по ним.

157.

Новосельский С.А. Указ. соч. С. 178.

158.

К 1920 г. в городах, насчитывающих 20 000 человек и более, жило 64 % населения Англии, 40 % Германии и 37 % Франции, в противовес 15 % русских в 1913 г. (Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913). Статистические очерки. М.: Гос. стат. изд-во, 1956).

159.

Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913). Статистические очерки. М.: Гос. стат. изд-во, 1956. С. 194–195.

160.

Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ) Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2638. Л. 73.

161.

Детская смертность в Российской империи и СССР // URL:
Интернет: <http://ysnokoutellb.livejournal.com/375976.html>

162.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д.2638. Л. 73.

163.

Советские лекарства во время войны // URL:
Интернет: <http://gmpnews.ru/2010/05/sovetskie-lekarstva-vo-vremya-voyny/>

164.

Кваша Е.А. Младенческая смертность в России в XX веке // Социологические исследования. № 6. 2003. С. 47–55.

165.

Новосельский С.А. Указ. соч. С. 167.

166.

Первушин С.А. Опыт теории массового алкоголизма в связи с теорией потребностей. СПб., 1912.

167.

Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. С.

232.

168.

Там же. С. 232.

169.

Общество трезвости на приходе / Рец. Слободчиков В.И., игумен Георгий (Шестун). Екатеринбург, 2009. С. 20.

170.

Мединский В.Р. О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: Олма-Медиа-групп, 2008. С. 327–330.

171.

Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 г. Пг., 1916. С. 14.

172.

Введенский И.Н. Опыт принудительной трезвости. Екатеринбург, 2008. С. 17.

173.

Там же. С. 22.

174.

Штейфон Б. Русско-японская война // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. Российский военный сборник. М.: Русский путь, 1999. С. 69.

175.

Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 435.

176.

Там же. С. 435.

177.

Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 140.

178.

Для сравнения: Германская империя – 808 тыс. 280 чел.; Французская республика (без колоний) – 606 тыс., Соединенное Королевство (без колоний) – 675 тыс., Австро-Венгерская империя – 392 тыс.

179.

Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века. М.: Наука, 1986. С. 64.

180.

Там же. С. 64.

181.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXV. 1905 г. Отд. 1. № 26374. СПб., 1908. С. 439.

182.

Там же. С. 439.

183.

Керсновский А.А. История Русской Армии. М.: Голос, 1994. 4 т. Т. 3. С. 130.

184.

Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 65.

185.

Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 281.

186.

Там же. С. 143.

187.

Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота. 1855–1918. М.: АСТ, 1998. С. 144.

188.

Деникин А.И. Путь русского офицера [Автобиография]. М.:

Современник, 1991. С. 90–91.

189.

Ходнев Д. Император Николай II – Державный вождь Российской армии // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. С. 125.

190.

Сухомлинов В.А. Указ. соч.

191.

Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 228.

192.

Сухомлинов В.А. Указ. соч.

193.

ГА РФ 102 ДП ОО. 1917 Д. 307 ЛА. Л. 122. Следует отметить, что кроме Редигера в этом списке значились имена генерала А.Н. Куропаткина, генерала от инфантерии А.А. Поливанова, бывшего морского министра вице-адмирала С.А. Воеводского, генерала от инфантерии Н.В. Рузского, генерал-лейтенанта Пограничной стражи Е.И. Мартынова.

194.

Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. 2 т. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково Поле, 1999. Т. 2. С. 188.

195.

Там же. С. 280.

196.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 18 марта 1909 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 77.

197.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. М.: Наука, 1991. С. 106.

198.

ГА РФ 102 ДП ОО. 1917 Д. 307 ЛА. Л. 130.

199.

Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 285.

200.

Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 132.

201.

Сухомлинов В.А., Ржевский Б.М. Мы готовы // Биржевые ведомости, 27 февраля 1914.

202.

Яковлев В.В. История крепостей. М.: АСТ, 2000. С. 347.

203.

Шапошников Б.М. Указ. соч. С. 150.

204.

Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. М.: Москвитянин, 1993. С. 124.

205.

Глинка В.М. Русский военный костюм XVIII – начала XX века. Л.: Художник РСФСР, 1988. С. 93.

206.

Мосолов А.А. Указ. соч. С. 84.

207.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Новости, 1992. Т. 1. С. 154.

208.

Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 138.

209.

Санкт-Петербургские ведомости. № 113 (2023). 1999.

210.

Сулькин О. Сикорские // Итоги. № 18 (77). 2 мая 2011. С. 34.

211.

Головин Н.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 130.

212.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, п./т. 26. С. 885.

213.

Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века. Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986. С. 24.

214.

Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. М.: Воен. изд-во Мин. обороны СССР, 1983. С. 211.

215.

Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 166.

216.

Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 226.

217.

Никонов В.А. Интервью для документального фильма «Николай II. Сорванный триумф».

218.

Менделеев Д.И. К познанию России.

219.

Пуля О. Гордость Российской энергетики // Энергетика сегодня. Июнь – июль 2009. С. 36.

220.

1 верста = 1,0668 км.

221.

Фадеев Г.М., Амелин С.В., Бернгард Ф.К. и др. История железнодорожного транспорта России. Т. 1: 1836–1917 гг. СПб.–М., 1994.

222.

Строительно-путейское дело в России XX века // УМК МПС. М., 2008.

223.

Бразоль Б.Л. Царствование Императора Николая II в цифрах и фактах. Нью-Йорк, 1959.

224.

Бразоль Б.Л. Указ. соч.

225.

Mitchel J. The History of Ireland from the Treaty of Limerik to the Present Time. London, 1869. V. 2, p. 244–247.

226.

Такого органа в Российской Империи попросту никогда не существовало.

227.

Круглов Владимир. Тема голодовок в Российской Империи (1890–1910-е гг.).

228.

Ермолов А.С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. В 2 ч. СПб., 1909.

229.

Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. М., 1956.

230.

Население России в XX веке. Исторические очерки. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 1.

231.

Тэри Э. Указ. соч.

232.

Россия 1913 г. Статистико-документальный справочник. М.: ИРИ РАН, 1995. С. 32.

233.

Докладная записка Совета Съездов представителей промышленности и торговли о мерах к развитию производительных сил России и улучшению торгового баланса. Пг., 1914.

234.

Миронов Б.Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М., 2013. С. 556.

235.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 гг. С. 193.

236.

Там же. С. 305.

237.

Там же. С. 307.

238.

Секретный доклад военного агента в Вене полковника М.К. Марченко // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 755. Л. 12.

239.

Зимняя резиденция Габсбургов в Вене.

240.

История дипломатии. Т. 2. С. 143.

241.

Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. Т. 2. С. 36.

242.

Там же. С. 36.

243.

Зайончковский А.М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. Л., 1926. Приложение 6. С. 335–357.

244.

Император Николай II – императору Францу-Иосифу 17 декабря 1908 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1127. Цитируется по Красный архив. Исторический журнал. М.–Л., 1925. Т. 3 (10). С. 48.

245.

Шапошников Б.М. Указ. соч. С. 52.

246.

История дипломатии. Т. 2. С. 149.

247.

Игнатьев А.В. Указ. соч. С. 77.

248.

Там же. С. 77.

249.

АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия министра. 1908. Д. 42. Л. 70.

250.

АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. 1908 Д. 204. Л. 95.

251.

ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917. Д. 307 ЛА. Л. 127.

252.

История дипломатии. Т. 2. С. 151.

253.

Император Франц-Иосиф – Императору Николаю II 16/29 сентября 1908 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1375. // Красный архив. М. – Лг., 1925. Т. 3 (10). С. 42–43.

254.

Чернов О.А. Проблема проливов Босфор и Дарданеллы в дипломатической деятельности и исторических взглядах Н.В. Чарыкова // Историческая память и общество: эпохи, культуры, люди: Материалы научной конференции, посвящённой 90-летию ист. образования в Саратовском ун-те. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. С. 94–111.

255.

Чернов О.А. Проблема проливов Босфор и Дарданеллы... С. 99.

256.

АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия министра. 1908. Д. 204. Л. 173.

257.

Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 335.

258.

Император Николай II – императору Вильгельму II 15 декабря 1908 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 421.

259.

Тэйлор А.-Дж. Борьба за господство в Европе. 1948–1918. М., 1958. С. 457.

260.

Игнатьев А.В. Указ. соч. С. 81.

261.

Чернов О.А. Проблема проливов Босфор и Дарданеллы... С. 99.

262.

Там же. С. 100.

263.

Сборник секретных документов из архива бывшего МИД. Пг., 1917. Вып. 1. Док. 2. С. 4.

264.

Резолюция Императора Николая II на докладе Н.В. Чарыкова 23 сентября 1908 г. // Красный архив. Исторический журнал. М.–Л., 1925. Т. 3 (10). С. 44.

265.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 69.

266.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 232.

267.

Шапошников Б.М. Указ. соч. С. 53.

268.

Император Николай II – императору Францу Иосифу 17 декабря 1908 г. // Красный архив. М.–Л., 1925. Т. 3 (10). С. 48.

269.

Ф.В. Дубасов – Императору Николаю II 25 сентября 1908 г. // ГА РФ. Ф. 601. Д. 750. Оп. 1. Л. 24.

270.

Шапошников Б.М. Указ. соч. С. 56.

271.

Там же. С. 57.

272.

Лунёва Ю.В. Босфор и Дарданеллы... С. 64.

273.

А.П. Извольский – Н. В. Чарыкову 25 сентября 1908 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 750. Л. 23.

274.

Лунёва Ю.В. Босфор и Дарданеллы... С. 66.

275.

Милюков П.Н. Воспоминания. С. 376.

276.

Н.В. Чарыков – П.А. Столыпину 26 сентября/9 октября 1908 г. // Исторический архив, 1962. № 5. С. 306.

277.

И.А. Зиновьев – А.К. Бенкендорфу 9/22 октября 1908 г. // АВПРИ. Ф. 184. Посольство в Лондоне. Оп. 520. Д. 1324. Л. 138.

278.

Речь. 26 сентября 1908 г.

279.

А.П. Извольский – Н.В. Чарыкову 29 сентября 1908 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 750. Л. 26.

280.

Император Николай II – Н. В. Чарыкову // ГА РФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 750. Л. 27.

281.

АВП РИ. Ф. 133. Канцелярия министра. 1908 г. Д. 203. Л. 6–7.

282.

Bülow B. von. Op. cit. P. 350.

283.

Игнатъев А.В. Указ. соч. С. 85.

284.

Les carnets de Georges Louis, ambassadeur de France en Russie. T. 1. 1908–1912. P., 1926. P. 99.

285.

Император Николай II – П.А. Столыпину. 13 января 1909 г. // Красный архив. М., 1924. Т. 5 (5). С. 119.

286.

Данилов О.Ю. Указ. соч. С. 149.

287.

Астафьев И.И. Указ. соч. С. 191–193.

288.

Шапошников Б.М. Указ. соч. С. 64.

289.

Император Николай II – императору Францу Иосифу 22 октября 1908 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 1127. Цит. по: Красный архив. М.–Л., 1925. Т. 3 (10). С. 44–45.

290.

История дипломатии. Т. 2. С. 194.

291.

Там же. С. 194.

292.

Задохин А.Г., Низовский А.Ю. Пороховой погреб Европы. М.: Вече, 2000.

293.

Император Николай II – императору Вильгельму II. 15 декабря 1908 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 422.

294.

Там же.

295.

Там же. С. 423.

296.

Император Николай II – императору Францу-Иосифу 17 декабря 1908 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1127. Цит. по: Красный архив. М. – Лг., 1925. Т. 3 (10). С. 49.

297.

Там же. С. 50.

298.

И.Л. Татищев – Императору Николаю II 1 января 1909 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746 (1). Л. 17.

299.

Записка о распределении германских вооруженных сил в

случае войны. 22 августа (5 сентября) 1908 г // РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 33. Л. 98–106. Также: Сергеев Е.Ю. Образ Германии в представлении военной элиты.

300.

Император Николай II – императору Вильгельму II 09 января 1909 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 425.

301.

Там же.

302.

История дипломатии. Т. 2. С. 195.

303.

Император Николай II – императору Вильгельму II 12 января 1909 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 427.

304.

История дипломатии. Т. 2. С. 196.

305.

Conrad von Hötzendorf. Op. Cit. Bd. 1. S. 631.

306.

История дипломатии. Т. 2. С. 197.

307.

Русское слово. 10 февраля 1909 г.

308.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 4 марта 1909 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 75.

309.

Там же. Л. 78.

310.

Данилов О.Ю. Указ. соч. С. 141.

311.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 423.

312.

Император Николай II – императору Вильгельму II. 9 марта 1909 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 433–434.

313.

Там же. С. 434.

314.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. 4 марта 1909 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 78.

315.

Император Вильгельм II – Императору Николаю II. 14/27 марта 1909 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 435.

316.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 424.

317.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 4 марта 1909 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 78–79.

318.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 124.

319.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 4 марта 1909 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 79.

320.

Воррес Й. Указ. соч. С. 298.

321.

Рыбас С.Ю. Столыпин. М.: Молодая гвардия, 2003. Серия: ЖЗЛ.

322.

Сидоровин Г. П.А. Столыпин. Жизнь за Отечество. Саратов, 2002. С. 44.

323.

Пожигайло П.А. Предисловие // П.А. Столыпин. Переписка. М.: РОССПЭН, 2004. С. 9.

324.

Цит. по: Рыбас С. Указ. соч. С. 69.

325.

Цит. по: Бородин А.П. Столыпин: Реформы во имя России. М.: Вече, 2004. С. 158.

326.

П.А. Столыпин: Грани таланта политика. С. 274.

327.

Аркадий Столыпин, сын П.А. Столыпина, о книге В. Пикуля
«У последней черты» // Посев. № 3–4 1999 г.

328.

Император Николай II – П.А. Столыпину 13 августа 1906 г. // РГИА.Ф. 1662. Оп. 1. Д. 74. Л. 8.

329.

П.А. Столыпин – Императору Николаю II 13 августа 1906 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1352. Л. 3.

330.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 11 октября 1906 г. // Красный архив. М.–Л., 1927. Т. 3 (22). С. 204.

331.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 1908 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 74.

332.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 16 июня 1908 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 59.

333.

П.А. Столыпин – Императору Николаю II 12 марта 1909 г. // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 395. Л. 16.

334.

Император Николай II – П.А. Столыпину 20 февраля 1907 г. // Красный архив. Т. 5. 1924. С. 108.

335.

Джанибемян В.Г. Провокаторы и охранка. М.: Вече, 2005. С. 198–199.

336.

Джанибемян В.Г. Указ. соч. С. 198–199.

337.

Там же. С. 198–199.

338.

Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. С. 35.

339.

Там же. С. 38.

340.

П.А. Столыпин глазами современников. С. 60.

341.

Струков Д. Указ. соч. С. 215.

342.

Воррес Й. Указ. соч. С. 298.

343.

Свод Основных государственных законов Российской Империи в редакции 23 апреля 1906 г.

344.

П.А. Столыпин – Императору Николаю II 22 марта 1909 г. // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 395. Л. 20.

345.

Император Николай II – П.А. Столыпину 25 апреля 1909 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 5. М., 1924. С. 120.

346.

П.А. Столыпин – Императору Николаю II 22 марта 1909 г. // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 395. Л. 20.

347.

Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. № 4. М., 1997. С. 123, 124.

348.

Ловягин Н.В. Законопроект о земстве в западных губерниях Российской империи и правительственный кризис 1911 г. в освещении газеты The Times // Государственное управление (электронный вестник). № 43, апрель 2014 г.

349.

Соловьев К.А. Конституционный кризис 1911 г. // Петр Аркадьевич Столыпин. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2011.

350.

Савич Н.В. Воспоминания. СПб. – Дюссельдорф, 1993. С. 65.

351.

Соловьев К.А. Конституционный кризис 1911 г. // Петр Аркадьевич Столыпин. Энциклопедия.

352.

Аврех А. П.А. Столыпин и судьба реформ в России. М.: Политиздат, 1991. Ссылка на: Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 6. Стб. 814, 817–818.

353.

Там же.

354.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 14 февраля 1911 г. С. 544.

355.

Дневник А.А. Бобринского. Запись за 5 марта 1911 г. // Красный архив. Т. 1. М., 1928. С. 144.

356.

Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 451.

357.

Аврех А. П.А. Столыпин и судьба реформ в России. С. 110.

358.

Фёдоров Б.Г. Петр Столыпин: «Я верю в Россию». Биография П.А. Столыпина. 2 т. Т. 2. СПб., 2002. С. 366.

359.

Струков Д. Указ. соч. С. 224.

360.

Там же. С. 224.

361.

Там же. С. 223.

362.

Император Николай II – П.А. Столыпину. 9 марта 1911 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1125. Л. 2.

363.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 10 марта 1911 г. С. 549.

364.

Свод законов Российской империи. В пяти книгах. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. Книга 1. Т. 1. С. 6–7.

365.

Цит. по: Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 390.

366.

Там же. С. 390.

367.

Струков Д. Указ. соч. С. 225.

368.

Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 455.

369.

Дневник И.С. Ключева. Март 1911 г. // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 7. Л. 30.

370.

Гурко Вл. И. Указ. соч. С. 112.

371.

П.А. Столыпин глазами современников. С. 171–172.

372.

Цит. по: Струков Д. Указ. соч. С. 230.

373.

Император Николай II – П. А. Столыпину 31 марта 1911 г. // РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 324. Л. 1 [копия].

374.

Струков Д. Указ. соч. С. 230.

375.

Правительственный вестник. 11 апреля 1911 г.

376.

Струков Д. Указ. соч. С. 226.

377.

Столыпин: грани таланта политика. С. 492.

378.

Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 392.

379.

Материалы Особого отдела Департамента полиции по обстоятельствам убийства П.А. Столыпина // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО 1911. Оп. 124. Т. 1. (Ч. 2). Л. 189.

380.

Там же. Л. 165б.

381.

Имеется в виду ЦК партии эсеров. – Примеч. авт.

382.

Материалы Особого отдела Департамента полиции по обстоятельствам убийства П. А. Столыпина // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО 1911. Оп. 124. Т. 1. (Ч. 2). Л. 126.

383.

Там же. Л. 132.

384.

Там же. Л. 236.

385.

Там же. Л. 1656.

386.

Будущий царь Болгарии Борис III (1894–1943).

387.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 29 августа 1911 г. С. 589.

388.

ГА РФ. Ф. ДП. Оп. 265. Д. 505. Л. 85.

389.

ГА РФ. Ф. ДП. Оп. 265. Д. 496. Л. 19.

390.

Тальберг Н.Д. Светлой памяти возлюбленного Государя // Тальберг Н.Д. Русская быль. От Екатерины II до Николая II. М., 2006.

391.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 31 августа 1911 г. С. 590.

392.

Хитерер В.М. Документы, собранные Еврейской историко-археографической комиссией Всеукраинской академии наук. Киев – Иерусалим, 1999. С. 290.

393.

Фёдоров Б. Попытка Столыпина решить «еврейский вопрос» // Электронная библиотека России // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/fed_porputk.php (дата обращения: 23 июля 2015 г.).

394.

Император Николай II – П.А. Столыпину 10 декабря 1906 г. // Красный архив. М. – Пг., 1924. Т. 5. № 5 (7). С. 105.

395.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 35.

396.

Памяти Царственных Мучеников. Сборник статей ревнителей памяти Императора Николая II и Его Семьи. София, 1930. С. 28.

397.

Хитерер В.М. Указ. соч. С. 290.

398.

Вечерняя газета. № 10. 3 сентября 1911 г.

399.

Материалы Особого отдела Департамента полиции по обстоятельствам убийства П. А. Столыпина // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО 1911. Оп. 124. (Ч. 2). Л. 16.

400.

Цит. по: Хитерер В.М. Указ. соч. С. 291.

401.

Там же. С. 291.

402.

Цит. по: Сидоровнин Г.П. Указ. соч. С. 438.

403.

Материалы Особого отдела Департамента полиции по обстоятельствам убийства П.А. Столыпина // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО 1911. Оп. 124. (Ч. 2). Л. 32.

404.

Там же. Л. 13.

405.

Там же. Л. 3.

406.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 268.

407.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1068. Л. 135.

408.

Материалы Особого отдела Департамента полиции по обстоятельствам убийства П.А. Столыпина // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО 1911. Оп. 124. (Ч. 2). Л. 4.

409.

Там же. Л. 5.

410.

Курлов П.Г. Гибель императорской России. Берлин, 1923.

411.

ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1911.

412.

Там же.

413.

Рууд Ч.А., Степанов С.А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях.

414.

Тютчева С.И. (1870–1957). За несколько лет до катастрофы. Публ. Н.В. Пигарёва // Наше наследие. № 41. 1997. С. 65.

415.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1068. Л. 138.

416.

ГА РФ. Ф. 642. Оп.1. Д. 2331.

417.

Тютчева С.И. Указ. соч. С. 65.

418.

Цит. по: Гаркавенко О.В. Образ Николая II в «Красном Колесе» А.И. Солженицына и исторический контекст 1990-х гг. // Мир России в зеркале новейшей художественной литературы: сб. науч. трудов. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2004.

419.

ГА РФ. Ф. ДП. Оп. 265. Д. 505. Л. 85.

420.

Там же. Л. 56.

421.

Имеются в виду члены «Союза русского народа».

422.

ГА РФ. Ф. ДП. Оп. 265. Д. 505. Л. 81.

423.

Там же. Л. 85.

424.

Имеется в виду убийство Императора Александра II 1 марта 1881 г., когда Царь после взрыва первой бомбы, не причинившей ему вреда, подошел к раненому мальчику и был поражен бомбой второго террориста.

425.

Гроза. 20 сентября 1911 г. № 167532.

426.

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 507. Л. 10.

427.

Гирс А.Ф. Указ. соч. С. 43.

428.

Тютчева С.И. Указ. соч. С. 65.

429.

Бок (Столыпина) М.П. Указ. соч. С. 178.

430.

Материалы Особого отдела Департамента полиции по обстоятельствам убийства П. А. Столыпина // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО 1911. Оп. 124. (Ч. 2). Л. 24.

431.

Там же. Л. 27.

432.

Там же. Л. 66.

433.

Там же. Л. 64.

434.

Там же. Л. 70.

435.

Бок М.П. Указ. соч. С. 201.

436.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 6 сентября 1911 г. С. 592.

437.

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 505. Л. 88.

438.

Материалы Особого отдела Департамента полиции по обстоятельствам убийства П.А. Столыпина // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО 1911. Оп. 124. (Ч. 2). Л. 41.

439.

Там же. Л. 50.

440.

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 507. Л. 9.

441.

Там же. Д. 505. Л. 97.

442.

«L'Humanité», 1911, 2/18 septembre.

443.

Ридли Джаспер. Муссолини. М.: АСТ, 1999. С. 130.

444.

Новое время. 8 октября 1911 г.

445.

Бок М.П. Указ. соч. С. 211.

446.

Щацилло К.Ф. Россия перед первой мировой войной. М.: Наука, 1974. С. 79.

447.

Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1990. С. 222.

448.

История дипломатии. Т. 2. С. 194.

449.

Н.Д. Остен-Сакен – А.П. Извольскому 3 ноября 1909 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 65. Л. 1.

450.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 27 сентября 1909 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330-а.

451.

Новое Время. 11 октября 1909 г.

452.

Король Виктор-Эммануил III – Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1198. Л. 4.

453.

Н.С. Долгорукий – А.П. Извольскому. 27 октября/9 ноября 1909 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 65. Л. 8.

454.

Король Виктор-Эммануил III – Императору Николаю II 20 марта 1911 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1198. Л. 6–7.

455.

Святая Русь и Италия у мироточивой гробницы Святителя Николая Мирликийского в Бар-граде / Сост. А. Дмитриевский и В. Юшманов. Пг., 1915.

456.

Новое время. 13 октября 1909 г.

457.

Депеша князя Л.П. Урусова из Вены 14/27 октября 1909 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 55. Л. 2.

458.

Астафьев И.И. Русско-германские дипломатические отношения. 1905–1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 216.

459.

Капитан 2-го ранга А.Н. Щеглов – ГУГШ. 15/28 марта 1912 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7255. Л. 13.

460.

Поповкин А. Неославистское движение // Русская народная линия, 27 августа 2012 // http://ruskline.ru/analitika/2012/08/27/neoslavistskoe_dvizhenie

461.

Писарев Ю.А. Великие державы накануне первой мировой войны. М.: Наука, 1985. С. 42.

462.

Н.В. Чарыков – императору Николаю II. 18 сентября

1908 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 750. Л. 20.

463.

Сазонов С.Д. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1991. С. 54–55.

464.

Бьюкенен Джордж. Указ. соч. С. 65.

465.

Палеолог М. Царская Россия в Первой мировой войне.

466.

Малинов П. Александър. Странички от нашата нова политическа история. София: Придворна печатница, 1938. С. 151.

467.

Поповкин А. Неославистское движение // Русская народная линия, 27 августа 2012 // http://ruskline.ru/analitika/2012/08/27/neoslavistskoe_dvizhenie

468.

МОЭИ. Серия 2. 1900–1913. Т. 19. Ч. 1. М.–Л.: ГИПЛ, 1938–1940. С. 3.

469.

Малые войны первой половины XX века. Балканы. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 366.

470.

Малые войны первой половины XX века. Балканы. С. 367.

471.

Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Berlin, 1922–1927. Bd. 33. № 12402.

472.

Die Große Politik. Bd. 31. № 3417. S. 289.

473.

Задохин А.Г., Низовский А.Ю. Пороховой погреб Европы. М.: Вече, 2000. С. 108.

474.

Малые войны первой половины XX века. Балканы. С. 397.

475.

Задохин А.Г., Низовский А.Ю. Указ. соч. С. 114.

476.

Там же. С. 43.

477.

Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 101.

478.

Исаева О.Н. Фердинанд Кобургский: штрихи к портрету...
С. 43.

479.

МОЭИ. Сер. 3. М., 1933. Т. 2. С. 433–436.

480.

Задохин А.Г., Низовский А.Ю. Указ. соч. С. 116.

481.

Король Фердинанд – Императору Николаю II. 7/20 июля
1913 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 784. Л. 1.

482.

Император Николай II – царю Фердинанду. 8/21 июля
1913 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 784. Л. 1.

483.

Задохин А.Г., Низовский А.Ю. Указ. соч. С. 45.

484.

А.А. Савицкий – С. Д. Сазонову. 6/19 февраля 1914 г. // МОЭИ. Т. 3. С. 365.

485.

Император Николай II – царю Фердинанду I // МОЭИ. Т. 3. С. 423.

486.

Ближний Восток и война // Вестник Европы, 1914. С. 281.

487.

Цит. по: Юбилейные торжества в память 100-летия Отечественной войны 1812 года в Высочайшем присутствии. М.: Полифором, 2012. С. 15.

488.

Ныне Белорусский вокзал.

489.

Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 5–68.

490.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 25 августа 1912 г. С. 687.

491.

«Вестник августовских торжеств 1812–1912 гг.» / Под ред. А.М. Громова. № 4, 28 августа. М., 1912.

492.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 10 сентября 1912 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 259. Л. 15.

493.

Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 5–68.

494.

Цит. по: Федотов А.С. И.Н. Смирнов и его заметки: «В Бородине 25–26 августа 1912 г.»: Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 190-летию Бородинского сражения. Бородино, 9–11 сентября 2002 г. М., 2003. С. 101–102.

495.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXXII. 1912 г. Отделение 1. № 38058. С. 1419. Пг., 1915 г.

496.

Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии

на 1913 год. Пермь: Губ. стат. комитет, 1912. С. 67.

497.

Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 5–68.

498.

Там же. С. 35–36.

499.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 26 августа 1912 г. С. 687.

500.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 10 сентября 1912 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 259. Л. 14–18.

501.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 27 августа 1912 г. С. 687–688.

502.

Гавриил Константинович, Великий Князь. Указ. соч. С. 211.

503.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1.

1905–1913. Запись за 28 августа 1912 г. С. 688.

504.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 10 сентября 1912 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 259. Л. 14–18.

505.

Пазин М. Дело рядового Бахурина // Интернет: Криминал.рф. № 3 // <http://www.allkriminal.ru/archives/559> (дата обращения 28 июля 2015 г.).

506.

Там же.

507.

Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 38.

508.

Андрушкевич И. Бородинские торжества сто лет тому назад // Интернет: 17.12.2012 // <http://rusk.ru/st.php?idar=58547> (дата обращения: 27 июля 2015 г.).

509.

Князь Георгий Иванович Трубецкой (1866–1926). – Примеч. авт.

510.

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир (Богоявленский) (1848–1918), свмч. – Примеч. авт.

511.

Протодиакон Иоанн Никифорович Косогорский. – Примеч. авт.

512.

Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 149–150.

513.

Высочайший манифест от 21 февраля 1913 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1913 г. Т. XXXIII. Петроград, 1916 г. № 38849. С. 166.

514.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 21 февраля 1913 г. С. 738.

515.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 23 февраля 1913 г. С. 739.

516.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1.
1905–1913. Запись за 24 февраля 1913 г. С. 739.

517.

Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 153.

518.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1.
1905–1913. Запись за 24 февраля 1913 г. С. 758–759.

519.

Буксгевден С.К. Указ. соч. С. 187.

520.

Там же. С. 189.

521.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1.
1905–1913. Запись за 24 мая 1913 г. С. 761.

522.

Там же. С. 761.

523.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1.
1905–1913. Запись за 28 мая 1913 г. С. 762.

524.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 31 декабря 1913 г. С. 809.

525.

Nekludoff A. Diplomatic reminiscences before and during the World war, 1911–1917. London, 1920. P. 4–5.

526.

Коковцов В.Н., граф. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. В двух томах. Париж: Издание «Иллюстрированная Россия», 1933. Т. 2. С. 126–127.

527.

Les carnets de Georges Louis, ambassadeur de France en Russie. Paris, s/a. Т. 1. 1908–1912. P. 168.

528.

П.А. Столыпин – А.П. Извольскому. 28 июля 1911 г. // АВП РИ. Ф. 340. Оп. 835. Д. 43. Л. 26.

529.

Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. М.: Скифы, 1991. Т. 1–2. Т. 2. С. 90.

530.

Ефремов П.Н. Указ. соч. С. 142.

531.

Петров Ю.А. Российская экономика в начале XX века // Гражданин. Периодический политический журнал. № 3, 2003.

532.

Бовыкин В.И. и др. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. М.: РОССПЭН, 2007. С. 11.

533.

Бовыкин В.И. и др. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. С. 5–6.

534.

Петров Ю. Российская экономика в начале XX века // Гражданин. Периодический политический журнал. № 3, 2003 г.

535.

Там же.

536.

Там же.

537.

Journal de M. Paléologue du 1er février 1914 // Au Quai d'Orsay à la veille de la Tourmente. Journal, 1913–1914. P., 1947. P. 283.

538.

Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. М., 1922. С. 296.

539.

Бовыкин В.И. Из истории возникновения Первой мировой войны. От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения. М., 1972. С. 146.

540.

Ефремов П.Н. Внешняя политика России (1907–1914). М.: Изд-во Ин-та международ. отнош., 1961. С. 167.

541.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 86. Л. 21.

542.

Там же. Л. 14.

543.

Бовыкин В.И. Из истории возникновения Первой мировой войны. С. 160.

544.

Рябцев В.Н. Указ. соч. С. 63.

545.

Политическая наука: Словарь-справочник / Сост. д. полит. н., проф. И.И. Санжаревский. Тамбов, 2014.

546.

Лженаучное и крайне политизированное ленинско-сталинское определение империализма, как «монополистического капитализма, высшей и последней стадии развития капитализма, кануна социалистической революции» всерьёз рассматривать не приходится, так как оно давно опровергнуто ходом истории.

547.

Цит. по: Апрелева В.А. Государь Император Николай II в мировоззрении и деятельности русской военной эмиграции во Франции. Гренобль – Тюмень, 2011. С. 242.

548.

Решетников Л.П. Вступление России в Великую войну // «Москва», июль 2013.

549.

Ленин В.И. Война и российская социал-демократия // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1973. Т. 26. С. 22.

550.

Ленин В.И. О поражении своего правительства в империалистической войне // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 26. С. 286.

551.

Троцкий Л. Сочинения. Т. 9. М.–Л., 1927.

552.

Дурылин С. Град Софии. Царьград и Святая София в русском народном религиозном сознании. М., 1915. С. 15.

553.

Стрельцов Р. Россия, Царьград и Проливы. СПб., 1915. С. 82.

554.

Подробнее см.: Мультиатули П.В. Внешняя политика Императора Николая II. 1894–1917. М.: ФИВ, Рос. ин-т страт. исслед., 2012. С. 691.

555.

Стрельцов Р. Указ. соч. С. VI.

556.

Айрапетов О.В. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). С. 609.

557.

Подробнее см.: Мультатули П.В. «Господь да благословит решение мое...» Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. М.: Форум, 2007. С. 194–195.

558.

Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. М.: Военное изд-во мин. обороны СССР, 1983. С. 211.

559.

Керсновский А.А. История Русской Армии. М.: Голос, 1994. В 4-х т. Т. 3. С. 166.

560.

Жильяр П. Указ. соч. С. 112.

561.

Домашнее прозвище принцессы Виктории.

562.

Цит. по: Макдоно Д. Последний кайзер – Вильгельм Неистовый. М.: АСТ, 2004. С. 46.

563.

Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 501.

564.

Макдоно Д. Указ. соч. С. 46.

565.

Там же. С. 45.

566.

Шиндлинг А., Циглер В. Указ. соч. С. 515.

567.

Там же. С. 520.

568.

Там же.

569.

Макдоно Д. Указ. соч. С. 45.

570.

Fischer (Fritz). Les buts de Guerre de l'Allemagne Impériale, 1914–1918. Paris: Edition de Trévis, 1970. P. 24.

571.

Лиддел-Гарт, Г.-Б. Правда о Первой мировой. М.: Яуза, 2009.

572.

Mullins (E.-C). The Federal Reserve Conspiracy, Common Sense, Union, New Jersey, 1954.

573.

Оггер Гюнтер. Магнаты. Начало биографии. М.: Прогресс, 1985.

574.

Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. М.: Русская идея, 1998.

575.

И.Г. Лорис-Меликов – Б.В. Штюмеру // Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917. Документы. М., 1999. С. 628.

576.

Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж: Родина, 1931. С. 67.

577.

Астафьев И.И. Русско-германские дипломатические отношения. 1905–1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 241.

578.

Лиманская Т.О. С.Д. Сазонов (министр иностранных дел 1910–1916 гг.) // Дипломатический Вестник, ноябрь 2001 г.

579.

Казем-Заде Фируз. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 98.

580.

Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 32.

581.

С.Д. Сазонов – Императору Николаю II // Красный архив. М. – Пг., 1923. Т. 3. С. 7.

582.

С.Д. Сазонов – Императору Николаю II // Красный архив. М. – Пг., 1923. Т. 3. С. 7.

583.

Ефремов П.Н. Указ. соч. С. 109.

584.

Die Große Politik. Bd. 27. S. 838.

585.

Лиманская Т.О. С.Д. Сазонов (министр иностранных дел 1910–1916 гг.) // Дипломатический Вестник, ноябрь 2001.

586.

АВПРИ. Ф. 133 Канцелярия министра. 1910. Д. 204. Л. 73–75.

587.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 гг. С. 405–406.

588.

F. Grozier à R. Poincaré. Le 11 Février 1912 // DDF, 3-me série. T. 2. P. 19.

589.

Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 77.

590.

Там же.

591.

Там же. С. 81.

592.

Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 49.

593.

Бланк Р. Германцы против англичан // Вестник Европы. 1914. С. 267.

594.

Винберг Ф.В. Крестный путь. Часть 1. Корни зла. Мюнхен, 1922. С. 112.

595.

Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 126.

596.

Сергеев Е.Ю. Образ Германии в представлениях военной

элиты России накануне Первой мировой войны // <http://rusgermhist.narod.ru>

597.

Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 126.

598.

Там же. С. 44.

599.

Бок (Столыпина) М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. М., 1992. С. 234.

600.

М. Палеолог – Г. Думергу. 2/15 мая 1914 г. // МОЭИ. Т. 3. Серия III. С. 16.

601.

Бисмарк О. Мысли и воспоминания. 3 т. М.: ОГИЗ-СОЦЭГИЗ, 1941. Т. 3. С. 108–109.

602.

Бисмарк О. Указ. соч. Т. 3. С. 111.

603.

Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой

мировой войны. С. 14.

604.

Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Berlin, 1922. Band 6. № 1340. S. 302.

605.

Цит. по: Троян С.С. Немецкие проекты «Миттельевропы» конца XIX – нач. XX в. // Известия ПГГУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 1047.

606.

Троян С.С. Немецкие проекты «Миттельевропы» конца XIX – нач. XX в. // Известия ПГГУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 1049.

607.

Цит. по: Троян С.С. Немецкие проекты «Миттельевропы» конца XIX – нач. XX в. // Известия ПГГУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 1048.

608.

Там же.

609.

Hartmann von Eduard. Russland in Europa // Die Gegenwart.

January 21, 1888. S. 37–38.

610.

Hartmann von Eduard. Russland in Europa. S. 38.

611.

Die Große Politik. Band 6. № 1339. S. 302.

612.

Argueyrolles J. La tragique campagne de Prusse Orientale Le coup dés de Tannenberg. Paris, s/a/. P. 20.

613.

Там же. P. 24.

614.

Там же. P. 24. 27.

615.

Fischer (Fritz). Op. cit. P. 52.

616.

И.Л. Татищев – Императору Николаю II. 19 марта/1 апреля 1909 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746(2). Л. 18.

617.

Записка о распределении германских вооруженных сил в случае войны. 22 августа (5 сентября) 1908 г. // РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 33. Л. 98–106. Цит. по: Сергеев Е.Ю. Образ Германии в представлении военной элиты.

618.

Там же.

619.

Сборник ГУГШ. Выпуск XXIV. Май 1911 г. С.-Петербург. 1911 С. 1–14.

620.

Что касается Англии, то кайзер считал, что для неё война против Германии в союзе «с славянами и галлами» будет невыгодной (Fischer (Fritz). *Op. cit.* P. 48). Более того, Вильгельм II рассчитывал на английское содействие при разделе французских колоний.

621.

Fischer (Fritz). *Op. cit.* P. 48.

622.

Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 220.

623.

Там же. С. 241.

624.

Шиндлинг А., Циглер В. Указ. соч. С. 535.

625.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2009. Л. 9–10.

626.

Шацилло К.Ф. Россия перед первой мировой войной. (Вооруженные силы царизма в 1905–1914 гг.). М.: Наука, 1974. С. 80.

627.

Федюшкин Олег. Несостоявшаяся Украинская держава. Планы германского Генерального штаба по аннексии Юга России. М.: Центрполиграф, 2014.

628.

Fischer (Fritz). Op. cit. P. 49.

629.

Уткин А.И. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск: Русич, 2000. С. 75.

630.

Уткин А.И. Забытая трагедия... С. 78.

631.

Ближний Восток и война // Вестник Европы, 1914. С. 278.

632.

Цит. по: Писарев Ю.А. Россия и Сербия. 1914–1915. С. 109–110.

633.

Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. 359.

634.

Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. С. 235.

635.

Первая мировая война. М.: Воениздат, 1974. Т. 1–2. Т. 1. С. 98.

636.

Первая мировая война. Т. 1. С. 98.

637.

Шацилло К.Ф. Россия перед первой мировой войной. С. 81.

638.

И.Л. Татищев – Императору Николаю II. 14/27 февраля 1913 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746 (2). Л. 44.

639.

Писарев Ю.А. Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М.: Наука, 1990. С. 6.

640.

Там же.

641.

В кайзеровской Германии была весьма запутанная система управления. С момента образования империи в 1871 г. должность министра осталась только в вошедших в её состав немецких государствах. Общеимперские вопросы относились к ведению статс-секретарей, подчинявшихся непосредственно рейхсканцлеру.

642.

Fischer (Fritz). Op. cit. P. 64.

643.

Там же. P. 74.

644.

645.

Баиов А.К. Указ. соч. С. 55.

646.

Выдержка из секретного рапорта начальника штаба Киевского ВО от 10 февраля 1914 г. // Красный архив. Т. 3 (64). М., 1934. С. 93.

647.

Секретный рапорт военного агента в Берлине полковника П.А. Базарова 28 февраля 1914 г. // Красный архив. Т. 3 (64). М., 1934. С. 109.

648.

И.Л. Татищев – Императору Николаю II. 14/27 февраля 1913 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746 (2). Л. 52.

649.

Там же.

650.

Секретное отношение директора Департамента полиции В.А. Брюн-де-Сент-Ипполита на имя начальника Генерального штаба Н.Н. Янушкевича. 26 мая 1914 г. //

Красный архив. Т. 3 (64). М., 1934. С. 127.

651.

Редигер В.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 369.

652.

О. Поћорек – Л. Билинском. 28. Маја 1913. // Историјске свеске. Број 1. Андрићград, 05. јануар 2014. С. 3.

653.

Вулмасн С., Кинг К. Первая мировая. Убийство, развязавшее войну. М.: АСТ, 2014. С. 228–229.

654.

Писарев Ю.А. Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. – М.: Наука, 1990. С. 17; Fischer (Fritz). Op. cit. P. 62.

655.

Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. С. 19.

656.

Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. С. 202.

657.

Секретный доклад военного агента в Вене полковника М.К. Марченко // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 755. Л. 12.

658.

Шимов Я.В. Планы эрцгерцога Франца Фердинанда по преобразованию Австро-Венгрии: утопия или нереализованная возможность? // Материалы международной научной конференции: «Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств». Москва. 23–24 апреля 2009 г. М., 2009.

659.

Дедиџер Владимир. *Op. cit.* С. 245.

660.

Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М.: Наука, 1985. С. 20.

661.

Вулмасн С., Кинг К. Указ. соч. С. 229.

662.

Секретный доклад военного агента в Вене полковника М.К. Марченко // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 755. Л. 12.

663.

Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. С. 20.

664.

Там же, с. 232.

665.

Там же, с. 2.

666.

Писарев Ю.А. Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. С. 60–61.

667.

Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. С. 209.

668.

Fischer (Fritz). Op. cit. P. 58.

669.

В.И. Ленин – А.М. Горькому. Не позднее 25 января 1913 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: ИПЛ. Т. 48. С. 155.

670.

Л.А. Ратаев – директору Департамента полиции // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1905. Д. 12. Ч. 2. Л. 142.

671.

Le Moal Frédéric. La Serbie, du martyre à la victoire 1914–1918, éditions 14–18. Paris, 2008. P. 35.

672.

За балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 17.

673.

Там же.

674.

Дедијер Владимир. Op. cit. С. 304.

675.

Писарев Ю.А. «Наши дети будут ходить по Вене...» Сараевское убийство 28 июня 1914 г. и «Млада Босна» // Родина. 1993. № 8–9.

676.

Воронин В. Сараевское покушение // Стратегия России. 2012. № 1.

677.

Троцкий ошибочно называет его Гейером.

678.

Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М.: Вагриус, 2001. С. 125.

679.

Иванов (Скуратов) А.М. Это начиналось так. К 75-летию начала Первой мировой войны // Молодая гвардия. М., 1989. № 8.

680.

Bradley (J. F. N.). France, Lenin and the Bolsheviks in 1917–1918. The English Historical Review, Vol. 86, No. 341 (Oct. 1971). P. 783–789.

681.

Сейерс М., Кан А. Тайная война против СССР. М., 1947. С. 339.

682.

Воронин В. Сараевское покушение // Стратегия России. № 1. 2912.

683.

Там же.

684.

Вулмасн С., Кинг К. Указ. соч.

685.

Дедиџер Владимир. Op. cit. С. 736.

686.

Скляренко В. и др. 50 знаменитых загадок истории XX века. М.: Фолио, 2011. С. 76.

687.

Пиленко А.А. Начало войны // История Великой войны. М.: Изд. т-ва Н.В. Васильева, 1915. Т. 1. С. 280.

688.

Писарев Ю.А. Россия и Сербия 1914–1918. С. 31–32.

689.

The Serbian Blue Book. P. 84–85.

690.

Там же. P. 85.

691.

Lettre de l'Empereur et Roi François-Joseph à l'Empereur Guillaume. Le 2 juillet 1914. // Pièces Diplomatiques relatives aux antécédents de la Guerre 1914. Suppléments et additions au Livre Rouge Austro-Hongrois. Première partie du 28 juin au 23 juillet 1914. Paris, 1922. P. 1 (далее Livre Rouge Austro-Hongrois).

692.

Пиленко А.А. Начало войны // История Великой войны. М.: Изд. т-ва Н.В. Васильева, 1915. Т. 1. С. 279.

693.

Баиов А.К. Указ. соч. С. 64.

694.

Lettre de l'Empereur Guillaume à l'Empereur et Roi François-Joseph // Livre Rouge Austro-Hongrois. Première partie. P. 63.

695.

Г. фон Ягов – князю К.-М. Лихновскому 2/15 июля 1914 г. // Международные отношения. Сборник документов. М., 1940. С. 267.

696.

Баиов А.К. Указ. соч. С. 65.

697.

Пиленко А.А. Начало войны // История Великой войны. Т. 1. С. 301.

698.

Fischer (Fritz). Op. cit. P. 66.

699.

Там же. P. 68.

700.

Трубецкой Г.Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 16.

701.

Айрапетов О.В. Внешняя политика Российской империи (1894–1917). С. 601.

702.

Fischer (Fritz). Op. cit. P. 69

703.

Баиов А.К. Указ. соч. С. 66.

704.

Fischer (Fritz). Op. cit. P. 70.

705.

Баиов А.К. Указ. соч. С. 67.

706.

Международные отношения 1870–1918. М.: Академия Красной Армии, 1940. С. 266–267.

707.

Bülow B. von. Mémoires du chancelier Prince de Bülow. Т. 1–4. 1897–1902. Paris: Plon, 1930. Т. 4. Р. 167.

708.

Пиленко А.А. Начало войны // История Великой войны. Т. 1. С. 284.

709.

The Serbian Blue Book. Р. 106.

710.

МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 36.

711.

Международные отношения. С. 268.

712.

Писарев Ю.А. Россия и Сербия. 1914–1915. С. 100–101.

713.

Вторая мировая война начнётся точно с такой же провокации нацистов, организовавших нападение «польских пограничников», на самом деле переодетых в польскую форму уголовников, на немецкую радиостанцию.

714.

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 86.

715.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 30 марта 1914 г. С. 20.

716.

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 86.

717.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 30 апреля 1914 г. С. 27.

718.

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 88–89.

719.

Император Николай II – Великому Князю Николаю Михайловичу 18 ноября 1912 года // Российский архив. Т. IX. С. 31.

720.

Шифрованная телеграмма А.Г. Винекена от 15 июля 1914 г. // [фотокопия] <http://ru.wikipedia.org/wiki>

721.

Новое время. 5 июля. 1914 г.

722.

Зимняя резиденция австрийских императоров в Вене.

723.

Вырубова А.А. Указ. соч.

724.

Жильяр П. Указ. соч.

725.

7 июля 1914 г. город еще назывался Санкт-Петербург. – Примеч. авт.

726.

Сазонов С.Д. Воспоминания. М.: Международные

отношения, 1991. С. 181.

727.

Тост императора Николая II на обеде в честь президента Франции Р. Пуанкаре. 20/7 июля 1914 г. // МОЭИ. Т. 4. С. 345.

728.

Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М.: ОГИЗ, 1948. С. 484.

729.

Тост президента Р. Пуанкаре 20/7 июля 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 4. С. 345.

730.

Палеолог М. Царская Россия в Первой Мировой войне. М.: Международные отношения, 1991. С. 76.

731.

Королевич Александр Сербский – Императору Николаю II 11/24 июля 1914 г. //МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 45.

732.

МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 56.

733.

В.Н. Штрадтман – С.Д. Сазонову. 12/25 июля 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 92–93.

734.

Байов А.К. Указ. соч. С. 75.

735.

Пиленко А.А. Начало войны // История Великой войны. Т. 1. С. 307–308.

736.

Правительственное сообщение 12/25 июля 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 60.

737.

Цит. по: Мэсси Р. Николай и Александра. М.: Дом, 1992. С. 112.

738.

Новый журнал. М., 1995. № 2. С. 151–161.

739.

Милетич Вукадин. Как был подписан советско-югославский договор в 1941 году // Новая свобода // <http://www.svobodanew.com>

740.

Сазонов С.Д. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1991. С. 84.

741.

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 106.

742.

Сухомлинов В.А. Воспоминания. Минск: Харвест, 2005. С. 287.

743.

Сухомлинов В.А. Указ. соч. С. 288.

744.

МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 39.

745.

Докладная записка С.Д. Сазонова Императору Николаю II // МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 64.

746.

Император Вильгельм II – Императору Николаю II. 13/26 июля 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 455–456.

747.

Император Николай II – королевичу Александру 14/27 июля 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 145–146.

748.

Император Николай II – С.Д. Сазонову 14/27 июля 1914 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 180. № 82280.

749.

Баиов А.К. Указ. соч. С. 85.

750.

МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 488.

751.

Там же. С. 214.

752.

Пиленко А.А. Начало войны // История Великой войны. Т. 1. С. 320.

753.

Пиленко А.А. Тройственное согласие и Германия // История Великой войны. Т. 2. С. 104.

754.

Людвиг Э. Последний Гогенцоллерн. Вильгельм II. М., 1991. С. 190.

755.

История дипломатии. Под ред. академика В.П. Потёмкина. Т. 1–3. М.: ОГИЗ, 1945. Т. 2. С. 793.

756.

Император Николай II – императору Вильгельму II. 13/26 июля 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. 1894–1914. М., 2007. С. 456.

757.

Королевич Александр – Императору Николаю II 16/29 июля 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 237.

758.

Император Николай II – императору Вильгельму II 16/29 июля 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 456–457.

759.

Император Вильгельм II – Императору Николаю II. 16/29 июля 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 457.

760.

Император Николай II – императору Вильгельму II. 17/30 июля 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 458.

761.

Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М.: Эксмо-Алгоритм, 2003. С. 466.

762.

С.Д. Сазонов – С.Н. Свербееву. 17/30 июля 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 253.

763.

Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 239.

764.

Пиленко А.А. Начало войны // История Великой войны. Т. 1. С. 325.

765.

Пиленко А.А. Тройственной согласие и Германия // История Великой войны. Т. 2. С. 110.

766.

Там же. С. 111.

767.

Император Вильгельм II – Императору Николаю II. 17/30 июля 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 457.

768.

Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 247.

769.

Там же. С. 248.

770.

Там же.

771.

МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 513.

772.

Там же. С. 294–295.

773.

С.Н. Сverbеев – С.Д. Сазонову 18/31 июля 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 302.

774.

Император Вильгельм II – Императору Николаю II.
18/31 июля 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II.
С. 460–461.

775.

С.Н. Сverbеев – С.Д. Сазонову 18/31 июля 1914 г. // МОЭИ.
Серия III. Т. 5. С. 302.

776.

Пурталес. Между миром и войной. Воспоминания бывшего
германского посла в России. М., 1923. С. 61.

777.

Нота германского правительства с объявлением войны
России. 19 июля/1 августа // МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 323.

778.

Император Вильгельм II – Императору Николаю II 19 июля/1
августа 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С.
462.

779.

А. Сан-Джулиано – А. Карлотти 20 июля/2 августа 1914 г. //
МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 368.

780.

Резолюция Императора Николая II на сообщении о словах Вильгельма II //МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 368.

781.

Высочайший манифест 20 июля 1914 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 551. Л. 1–2.

782.

Цит. по: Воейков В.Н. Указ. соч. С. 122.

783.

Там же.

784.

Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. М.: Вече, 2007. С. 95.

785.

Мэсси Р. Николай и Александра. С. 266.

786.

Правительственный вестник. 27 июля 1914 г.

787.

С.Д. Сазонов – Императору Николаю II. 23 июля/5 августа

1914 г. // МОЭИ. Т. 6. С. 3.

788.

Об именовании впредь г. Санкт-Петербурга – Петроградом // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. № 234. Отдел первый. 19 августа 1914 г. Ст. 2284.

789.

Тхоржевский И.И. Последний Петербург. СПб., 1999. С. 178.

790.

Летопись войны. 1914–1915. № 4. 13.09.1914. С. 66.

791.

Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Петроград, 1915. Отд. I. Ст. 3543.

792.

Маюров А.Н. Сухой закон в Российской империи – РСФСР (1914–1920 гг.) // Экономические стратегии. 2014. № 4. С. 96.

793.

Барк П.Л. Мемуары // Возрождение. 1965. № 158. С. 79–80.

794.

Цит. по: Шабалин А. Про «сухой закон». Трезвость – норма жизни // <http://www.apn.ru/publications/article23698.htm>

795.

Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Петроград, 1915. Отд. I. Ст. 2355.

796.

Прытков А.В. Матрица трезвости 2014. Сто лет спустя // Трезвая Россия. 2014. № 36. С. 3–5.

797.

Маюров А.Н. Сухой закон в Российской империи – РСФСР (1914–1920 гг.) // Экономические стратегии, 2014. № 4. С. 99.

798.

Жильяр П. Указ. соч.

799.

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 133.

800.

Алексеева И.В. Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте, 1914–1917. Л.: Лениздат, 1990. С. 12.

801.

Алексеева И.В. Указ. соч. С. 12.

802.

Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб.: Полигон, 2002. С. 73.

803.

Bülow B. von. Op. cit. T. IV. P. 149.

804.

Там же. P. 150.

805.

Fischer (F). Op. cit. P. 95.

806.

Палеолог М. Царская Россия в Первой мировой войне. С. 82.

807.

Там же.

808.

МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 150.

809.

С.Д. Сазонов – А.К. Бенкендорфу. 12/25 июля 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 64–65.

810.

А.К. Бенкендорф – С.Д. Сазонову 12/25 июля 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 68–69.

811.

История дипломатии. Т. 2. С. 791.

812.

А.К. Бенкендорф – С.Д. Сазонову. 12/25 июля 1914 г. // МОЭИ. III серия. Т. 5. С. 71.

813.

Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914. Berlin, 1927, Bd. № 368. S. 88.

814.

Мировые войны XX века. Первая мировая война. М.: Наука, 2002. Книга 2. С. 81.

815.

Мировые войны XX века. Книга 2. С. 82.

816.

Дипломатия и война. 1914 и 1939 годы. // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 5.

817.

Король Георг V – Императору Николаю II. 19 июля/1 августа 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 330.

818.

Император Николай II – королю Георгу V 20 июля/2 августа 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 360–361.

819.

Дипломатия и война. 1914 и 1939 годы // Вопросы истории. 1997. № 7.

820.

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 61.

821.

Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания. Две книги в одном томе. М.: Захаров-АСТ, 1999. С. 248.

822.

Александр Михайлович, великий князь. Указ. соч. С. 271.

823.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 24 июля 1914 г. С. 48.

824.

Торнау С.А., барон. С родным полком (1914–1917 гг.). Берлин, 1923. С. 13–16.

825.

Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Париж 1939. Т. 1–2. Т. 1. С. 75.

826.

Воспоминания И.К. Григоровича // РГА ВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 5. Л. 107.

827.

Александр Михайлович, великий князь. Указ. соч. С. 176.

828.

Сухомятинов В. Указ. соч. С. 293.

829.

Генерал Н.Н. Янушкевич – генералу Я.Г. Жилинскому 20 июля/3 августа 1914 года // Восточно-Прусская операция. Сборник документов. М.: Воениздат, 1939. С. 90.

830.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 19 июля 1914 г. С. 47.

831.

Бубнов А. В Царской Ставке. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. С. 9–10.

832.

Дневник б. великого князя Андрея Владимировича. Редакция и предисловие В.П. Семенникова. Л.: Госиздат, 1925. С. 35.

833.

Нива. Июль 1914 г.

834.

Палеолог М. Царская Россия в Мировой войне. С. 96.

835.

Мионов Б.Н. Указ. соч. С. 226.

836.

Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1954. С. 472.

837.

Первая мировая война. Т. 1. С. 112.

838.

M. Paléologue à P. Doumerg. 5 août 1914 // DDF. 1-ère série. 1914, (3 août–31 décembre). P. 1999, V. 1. P. 13.

839.

Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. С. 91.

840.

Донесение полковника А.А. Игнатъева из Парижа. 12/25 августа 1914 г. // РГВИА. Ф. 15304. Оп. 8. Д. 28. Л. 149.

841.

Игнатъев А.А. Указ. соч. С. 44.

842.

Докладная записка С.Д. Сазонова Императору Николаю II. 22 августа/4 сентября 1914 г. // МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 208.

843.

Соглашение России, Англии и Франции о незаключении сепаратного мира. 23 августа/5 сентября 1914 г. // МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 214.

844.

Knox (A.) Sir. With the Russian army 1914–1917, being chiefly extracts from the diary of a military attache. V. 1–2. London, 1921.

845.

Брусилов А.А. Указ. соч. С. 163.

846.

Восточно-Прусская операция. Сборник документов. М.: Воениздат 1939. С. 15.

847.

Вацетис И. Боевые действия в Восточной Пруссии. М., 1923. С. 33.

848.

Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 194.

849.

Там же. С. 148.

850.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 18 августа 1914 г. С. 53.

851.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 21 августа 1914 г. С. 54.

852.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 1 сентября 1914 г. С. 56.

853.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 20 сентября 1914 г. С. 60.

854.

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 139.

855.

Там же. С. 140.

856.

Ящик Т. Указ. соч. С. 51.

857.

Там же. С. 54.

858.

Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция (1914–1917). Минск: Харвест, 2004. С. 24.

859.

Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. С. 25.

860.

Там же.

861.

Там же. С. 32.

862.

МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 437.

863.

Ящик Т. Указ. соч. С. 54.

864.

Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. С. 36.

865.

Там же. С. 40.

866.

Там же. С. 42.

867.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 1 декабря 1914 г. С. 77.

868.

Войков В.Н. Указ. соч. С. 145.

869.

Ящик Т. Указ. соч. С. 57.

870.

Войков В.Н. Указ. соч. С. 146.

871.

Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. С. 47.

872.

Там же. С. 48.

873.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 27 декабря 1914 г. С. 82.

874.

Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. С. 47.

875.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 31 декабря 1914 г. С. 83.

876.

Подробно см.: Мультатули П.В. «Господь благословит решение мое...». Император Николай II во главе действующей армии 1915–1917 и заговор генералов. СПб.: Сатисъ, 2002.

877.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 9 марта 1915 г. С. 115. (Подчеркивание сделано рукой Императора Николая II. – Авт.)

878.

Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция.

С. 76.

879.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 10 марта 1915 г. С. 116.

880.

Полаковский К. Осада и падение Перемышля // История Великой войны. М.: Изд. т-ва Н.В. Васильева, 1915. Т. 3. С. 293.

881.

Керсновский А.А. История Русской Армии. М.: Голос, 1992. Т. 3. С. 56

882.

Евлогий (Георгиевский), митрополит. Указ. соч. С. 56.

883.

Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. С. 92.

884.

Евлогий (Георгиевский), митрополит. Указ. соч.

885.

Там же.

886.

Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. С. 94.

887.

Император Николай II – Императрице Александре Фёдоровне 12 апреля 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С. 110.

888.

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 151.

889.

Брусилов А. Мои воспоминания. Харьков: Фолио, 2012. С. 126.

890.

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 151.

891.

Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. С. 95.

892.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 11 апреля 1915 г. С. 122.

893.

Император Николай II – Императрице Александре Феодоровне 12 апреля 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С. 110.

894.

Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. С. 97.

895.

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 152.

896.

Уткин А. Забытая трагедия. Россия в первой мировой войне. Смоленск: Русич, 2000. С. 11.

897.

Телеграмма Вел. Кн. Николая Николаевича Императору Николаю II от 2-го июня 1915 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 612. Л. 1.

898.

Бонч-Бруевич М. Потеря нами Галиции в 1915 г. Часть 1.

Через Карпаты в Венгрию зимою 1915 г. М., 1921. С. 78.

899.

Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. Т. 1–2. Т. 2. С. 36.

900.

Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. В 2-х т. М.: ГИЗ, 1930. Т. 1. С. 370.

901.

Головин Н.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 137.

902.

Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Die militärischen Operationen zu Lande, Bd. 1–9. bearb. im Reichsarchiv. Berlin, 1925–1933; Bd. 10–11. S. 156–157.

903.

Бонч-Бруевич М. Потеря нами Галиции в 1915 г. Часть 2. Катастрофа в 3-й армии. М.–Л., 1926. С. 69.

904.

Горлицкая операция: Сборник документов Мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.) М.: Военное изд-во народного комиссариата

обороны Союза ССР, 1941. С. 372–374.

905.

Бонч-Бруевич М. Указ. соч. С. 256.

906.

Телеграмма по прямому проводу Вел. Кн. Николая Николаевича Императору Николаю II от 2 июня 1915 // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 614. Л. 116.

907.

Телеграмма по прямому проводу Вел. Кн. Николая Николаевича Николаю II от 3 июня 1915. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 614. Л. 117.

908.

Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 4. С. 292.

909.

Телеграмма Вел. Кн. Николая Николаевича Императору Николаю II от 1 июля 1915 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 612. Л. 8.

910.

Телеграмма Вел. Кн. Николая Николаевича Императору Николаю II от 5 июля 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д.

1828. Л. 262.

911.

Телеграмма Вел. Кн. Николая Николаевича Императору Николаю II от 6 июля // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1828. Л. 260.

912.

Залесский К.А. Первая мировая война. Правители и военачальники. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 76.

913.

Телеграмма Вел. Кн. Николая Николаевича Императору Николаю II от 17 июля 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1828. Л. 230.

914.

Головин Н.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 57.

915.

Телеграмма Вел. Кн. Николая Николаевича Николаю II от 28 июля 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 167.

916.

Торнау С.А., барон. С родным полком (1914–1917 гг.).

Берлин, 1923. С. 74.

917.

Телеграмма генерала Н.Н. Янушкевича князю В.Н. Орлову с сообщением текста телеграммы Вел. Кн. Николая Николаевича И.Л. Горемыкину // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 569. Л. 7.

918.

Документы о преследовании евреев // Архив Русской революции, изданный И.В. Гессеном (далее – АРР). М.: Терра, 1993. Т. 19. С. 245–284.

919.

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 159.

920.

Кандель Ф. Очерки времени и событий. Из истории российских евреев. Иерусалим: Тарбут, 1994. С. 309–310.

921.

Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 4. С. 59.

922.

Головин Н.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 67.

923.

Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков: Интербук, 1990. С. 124.

924.

Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 155.

925.

Платонов О.А. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М., 1996. С. 142.

926.

Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1964. Т. 1–2. Т. 1. С. 125–128.

927.

Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. На пути к летнему политическому кризису 1915 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. СПб., 1999. С. 485–486.

928.

Танеева (Вырубова) А.А. Страницы моей жизни. Париж, 1922. С. 156.

929.

Там же. С. 156–157.

930.

Там же. С. 156.

931.

Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж: Родина, 1931. С. 28.

932.

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 155.

933.

Николай II в секретной переписке. С. 525.

934.

Император Николай II – Вел. Кн. Николаю Николаевичу // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1121. Л. 1.

935.

Там же.

936.

Император Николай II – Вел. Кн. Николаю Николаевичу // ГА

РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1113. Л. 3.

937.

Спиридович А.И. Великая война и февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 144.

938.

Император Николай II – графу И.И. Воронцову-Дашкову. 10 августа 1915 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1113. Л. 1–2.

939.

Там же.

940.

И.И. Воронцов-Дашков – Императору Николаю II от 10 августа 1915 // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 621. Л. 2.

941.

Статс-секретарь А.С. Танеев – Императору Николаю II. 18 августа 1915// ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1355. Л. 1.

942.

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 67.

943.

Там же. С. 84.

944.

Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч. С. 89.

945.

Там же.

946.

Дневник б. великого князя Андрея Владимировича. Редакция и предисловие В.П. Семенникова. Л.: Госиздат, 1925. С. 96.

947.

Мельгунов С.П. На путях дворцового переворота. (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж: Родина, 1931. С. 28.

948.

Дневник б. великого князя Андрея Владимировича. С. 96.

949.

Телеграмма Императора Николая II Вел. Кн. Николаю Николаевичу от 16 августа // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 127.

950.

Лемке М. 250 дней в Царской Ставке. Петербург, 1920. С.

51.

951.

Ставка и министерство иностранных дел // Красный архив. Т. 1 (26). М.–Л. 1928. С. 53.

952.

Кондзеровский П.К. В Ставке Верховного 1914–1917. Воспоминания Дежурного генерала при Верховном Главнокомандующем. Париж, 1967. С. 72.

953.

Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924. С. 218.

954.

Данилов Ю.Н. Великий Князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 266.

955.

Там же. С. 265.

956.

Дневник Императора Николая II за 1915 г. Запись от 22 августа // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 263. Л. 71.

957.

Дневник Императора Николая II за 1915 г. Запись от 23 августа // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 263. Л. 72.

958.

Спиридович А.И. Великая война и февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 161.

959.

Платонов О.А. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М., 1996. С. 186.

960.

Мельгунов С.П. На путях дворцового переворота. С. 115.

961.

Инструкция поста́м у Императорской Ста́вки в Могилёве // РГИА. Ф. 508. Оп. 3. Д. 591. Л. 3.

962.

Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1–3. Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2000. Т. 3 (кн. 1). С. 124.

963.

Глобачёв К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника петроградского охранного отделения. М.: РОССПЭН, 2009. С. 66.

964.

Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 79–83.

965.

Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 484.

966.

А.В. Кривошеин – Императору Николаю II 26 октября 1915 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1270. Л. 4.

967.

Граф В.В. Мусин-Пушкин – А.В. Кривошеину // РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 290. Л. 26.

968.

Дневник И.С. Ключева. Тетрадь XII // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 14. Л. 167.

969.

Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн. 169. С. 78–79.

970.

Дневник великого князя Андрея Владимировича. С. 112.

971.

Там же.

972.

Куликов С.В. А.В. Кривошеин и общественные деятели в годы Первой мировой войны // Русское прошлое. 1995. Кн. 5. С. 50–51.

973.

Записка князя Юсупова // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 615. Л. 4.

974.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 119.

975.

Записка князя Юсупова // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 615. Л. 4.

976.

Родзянко М.В. Государственная Дума и Февральская 1917

года революция // АРР. Т. 6. С. 21.

977.

Шацилло К.Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4. С. 103–116.

978.

Данилов Ю.Н. Великий Князь Николай Николаевич. С. 205–206.

979.

Шаховской В., князь. Sic transit Gloria mundi. Так проходит мирская слава. Париж, 1951. С. 87.

980.

Всеподданнейший доклад А.В. Кривошеина // РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 203. Л. 33–34.

981.

Доклад Главноуправляющего Соб. Е.И.В. канцелярии Императору Николаю II // РГИА. Ф. 1409. Оп. 16. Д. 37. Л. 93.

982.

Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк. 1954. Т. 1. С. 294.

983.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 124.

984.

Из дневника б. великого князя Андрея Владимировича Романова за 1916–1917 гг. // Красный архив. М.–Л., 1928. Т. 1 (26). С. 197.

985.

Куликов С.В. Указ. соч. С. 56.

986.

Там же. С. 56.

987.

А.В. Герасимов – А.В. Кривошеину, 16 июля 1915 г. // РГИА. Ф. 381. Оп. 41. Д. 29633. Л. 24–25 об.

988.

А.В. Герасимов – А.В. Кривошеину, 16 июля 1915 г. // РГИА. Ф. 381. Оп. 41. Д. 29633. Л. 24–25 об.

989.

Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. В 2 т. Пг., 1915. Т. 2. С. 297.

990.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 142.

991.

Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч. С. 157.

992.

Данилов Ю. Великий Князь Николай Николаевич. С. 5–9.

993.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 145.

994.

Выписки из писем, распоряжений и других документов
Николая II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2109. Л. 143.

995.

Яхонтов А.Н. Тяжёлые дни. (Секретные заседания Совета
министров; 16 июля – 2 сентября 1915 года) // АРР. Т. 18.
С. 2.

996.

Головин Н.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 154.

997.

Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний военного министра и его помощника. М., 1924. С. 211.

998.

Яхонтов А.Н. Тяжёлые дни // АРР. Т. 18. С. 100.

999.

Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989. С. 89.

1000.

Яхонтов А.Н. Тяжёлые дни // АРР. Т. 18. С. 67.

1001.

Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч. С. 157.

1002.

Яхонтов А.Н. Тяжёлые дни // АРР. Т. 18. С. 67–68.

1003.

Аврех А.Я. Указ. соч. С. 97.

1004.

Яхонтов А.Н. Тяжёлые дни // АРР. Т. 18. С. 100.

1005.

Там же.

1006.

Там же. С. 101.

1007.

Катков Г.М. Указ. соч. С. 153.

1008.

Там же.

1009.

Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской империи. 1906–1917. М.: Книга и бизнес, 1998. С. 504.

1010.

Катков Г.М. Указ. соч. С. 161.

1011.

Яхонтов А.Н. Тяжёлые дни // АРР. Т. 18. С. 69.

1012.

Катков Г.М. Указ. соч. С. 161.

1013.

Граф В.В. Мусин-Пушкин – А.В. Кривошеину // РГИА. Ф.

1571. Оп. 1. Д. 290. Л. 30.

1014.

Сазонов С.Д. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1991. С. 364.

1015.

Шаховской В., князь. Указ. соч. С. 123.

1016.

Яхонтов А.Н. Тяжёлые дни // АРР. Т. 18. С. 106.

1017.

Дневник б. Великого Князя Андрея Владимировича. С. 70.

1018.

Друцкой-Соколинский В.А. На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914–1918 гг.). Орел, 1994. С. 38–39.

1019.

Монархия перед крушением. 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы. Статьи В.П. Семёникова. М.–Л.: Госиздат, 1927. С. 231.

1020.

Немецкая прокламация в виде «обращения» Николая II к

русским солдатам // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 596. Л. 1.

1021.

Катков Г.М. Указ. соч. С. 156.

1022.

Ставка Верховного Главнокомандующего. Рассказ очевидца // Русская Летопись. Кн. 7. Париж, 1925. С. 156–172.

1023.

Там же.

1024.

Яхонтов А.Н. Тяжёлые дни // АРР. Т. 18. С. 68.

1025.

Там же. С. 69.

1026.

Николай II в секретной переписке. С. 212.

1027.

Коллективное письмо министров Николаю II от 21 августа 1915 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 620.

1028.

М.В. Родзянко – Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 610. Л. 1.

1029.

Поливанов А.А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории, 1994. № 2. С. 156–157.

1030.

Там же. Л. 158.

1031.

А.В. Кривошеин – Императору Николаю II 26 октября 1915 // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1270. Л. 3–4.

1032.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 331.

1033.

Там же.

1034.

Выписки из писем, распоряжений и других документов Николая II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2109. Л. 114.

1035.

Доклад председателя совета министров Штюмера Б.В.
Николаю II //ГА РФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 47. Л. 10–11.

1036.

Куликов С. Указ. соч. С. 213.

1037.

М.А.Е. РА 133. Maurice Paléologue. Correspondance politique.
Vol. 7.

1038.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 331.

1039.

Аверьянов П.И. Страницы прошлого. 1914–1917 гг. // ГА
РФ. Ф. 7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 41.

1040.

Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары. Минск:
Харвест, 2005. С. 183.

1041.

Емельянов Ю.Н. Б.В. Никитин и его свидетельства о
«роковом семнадцатом» // Никитин Б.В. Роковые годы.
Новые показания участника. М.: Айрис-Пресс, 2007. С. 15.

1042.

Записка генерала Поливанова Императору Николаю II [с собственноручной резолюцией Царя] // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 709. Л. 17.

1043.

Аверьянов П.И. Страницы прошлого. 1914–1917 // ГА РФ. Ф. 7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 38.

1044.

Кондзеровский П.К. В Ставке Верховного 1914–1917. Воспоминания дежурного генерала при верховном главнокомандующем. Париж, 1967. С. 76.

1045.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 586.

1046.

Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 419.

1047.

Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 148.

1048.

Колоколов Б. Дилетант в голубом мундире, или «третий

путь» генерала Джунковского // Красная звезда. 25 апреля. 2007 г.

1049.

В.Ф. Джунковский – Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1246. Л. 1–3.

1050.

Допрос генерала В.Ф. Джунковского // Падение царского режима. Т. 5. С. 104.

1051.

Николай II в секретной переписке. С. 165.

1052.

«Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Тома 1 и 2. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 1. С. 144.

1053.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 147.

1054.

Варламов А. Григорий Распутин-Новый. М.: Молодая гвардия, 2007.

1055.

Приказ Императора Николая II по армии // ГА РФ. Ф. 601.
Оп. 1. Д. 619. Л. 1.

1056.

Русская летопись. № 7.

1057.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 2.
1914–1918. Запись от 24 августа. С. 149.

1058.

Николай II в секретной переписке. С. 187.

1059.

Гиацингов Э. Записки белого офицера. СПб., 1992. С. 55.

1060.

Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 306.

1061.

Деникин А.И. Очерки Русской смуты. Крушение власти и
армии. Февраль – сентябрь 1917 г. М.: Наука, 1991. С. 103–
104.

1062.

Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. С. 73.

1063.

Головин Н.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 155

1064.

Там же.

1065.

Дневник б. Великого Князя Андрея Владимирович. С. 99.

1066.

Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 398.

1067.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Военное издательство НКО, 1943. С. 158–159.

1068.

Аверьянов П.И. Страницы прошлого. Т. 2. 1914–1917 // ГА РФ. Ф. 7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 94.

1069.

Допрос Колчака. Л.: Ленгиз, 1927. С. 47.

1070.

Григорович И.К. Воспоминания // РГА ВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 5. Л. 126. Копия.

1071.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 143.

1072.

Noskoff A.A. (général). Nicolas II inconnu. Commandant suprême, Allié, Chef d'Etat. Plon, Paris 1920. P. 9–17.

1073.

Гиацинтов Э. Указ. соч. С. 55–56.

1074.

Борисов В. Генерал М. В. Алексеев, начальник штаба Верховного Главнокомандующего в войну 1914–1915 гг. // Военный сборник. Общество ревнителей военных знаний. Белград, 1922. Кн. 2. С. 14.

1075.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 174.

1076.

Кирилл Владимирович, Великий Князь. Моя жизнь на службе России. СПб.: Лики России, 1996. С. 234.

1077.

Свечин М. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. С. 111.

1078.

Николай II в секретной переписке. С. 222–223.

1079.

Телеграмма Вел. Кн. Николая Николаевича Императору Николаю II // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 187.

1080.

Телеграмма Вел. Кн. Николая Николаевича Императору Николаю II // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 150.

1081.

Николай II в секретной переписке. С. 191.

1082.

Памяти Царственных Мучеников. Сборник статей, посвященный Императору Николаю II и Его Семье. Издание общества почитателей Памяти Государя Императора Николая II и Его Семьи. София, 1930. С. 31–32.

1083.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 2.

1914–1918. Запись от 27 августа 1915 г. С. 150.

1084.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 195.

1085.

Пронин В.М. Последние дни Царской Ставки. Белград, 1930. С. 5–6.

1086.

Рескрипт Императора Николая II Великому Князю Николаю Николаевичу // Нива, 1915. № 36. С. 682.

1087.

Епанчин Н.А. Указ. соч. С. 445.

1088.

Телеграмма Вел. Кн. Николая Николаевича Императору Николаю II от 23 сентября 1915 // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 64.

1089.

Бубнов А.А. Указ. соч. С. 113.

1090.

Аверьянов П.И. Страницы прошлого. Т. 2. 1914–1918 гг. //

ГА РФ. Ф. 7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 79–80.

1091.

Головин Н.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 156.

1092.

Дневник б. Великого Князя Андрея Владимировича. С. 45.

1093.

Николай II в секретной переписке. С. 190.

1094.

Алексеева-Борель В. Указ. соч. С. 410.

1095.

Аврех А.Я. Указ. соч. С. 190.

1096.

Лемке М. Указ. соч. С. 252.

1097.

Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России // Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 423.

1098.

Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных.
С. 233.

1099.

Бубнов А. Указ. соч. С. 166.

1100.

Там же.

1101.

Noskoff A.A. (général). Nicolas II iconnu. P. 9–17.

1102.

Аверьянов П.И. Страницы прошлого. Т. 2. 1914–1918 // ГА
РФ. Ф. 7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 84.

1103.

Там же. Л. 83.

1104.

Кобылин В. Анатомия измены. СПб.: Царское Дело, 1998.
С. 132.

1105.

Лемке М. Указ. соч. С. 32.

1106.

Белявская (Летягина). Ставка Верховного
Главного командования в Могилёве. 1915–1918. Личные
воспоминания. Вильно, 1932. С. 15.

1107.

Воррес Й. Указ. соч. С. 115.

1108.

Мосолов А.А. Указ. соч. С. 210.

1109.

Лемке М. Указ. соч. С. 38.

1110.

Бубнов А.Д. Указ. соч. С. 179–189.

1111.

Noskoff A.A. (général). Op. cit. P. 30–31.

1112.

Камер-фурьерский журнал за 1915 г. Сентябрь // РГИА. Ф.
516. Оп. 1 (доп.). Д. 12. Л. 23.

1113.

Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской

Императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. СПб.: Бельведер, 2000. С. 411.

1114.

Об охране Высочайших особ // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1916 (246). Д. 121. Т. 1. Л. 306.

1115.

Новосельский Ю. Императорские поезда // Царскосельская газета. 9 ноября 2002 г. № 87.

1116.

Николай II в секретной переписке. С. 375.

1117.

Там же. С. 395.

1118.

Палеолог М. Царская Россия в Первой мировой войне. М., 1991. С. 170–171.

1119.

Об армии // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1916 (246). Д. 5. Л. 75–77.

1120.

Телеграмма генерала М.В. Алексеева Императору Николаю II (собственноручная) // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 51.

1121.

Телеграмма Императора Николая II генералу М.В. Алексееву (собственноручная) // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 50.

1122.

Телеграмма Императора Николая II генералу М.В. Алексееву (собственноручная) // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1829. Л. 279.

1123.

Телеграмма генерала М.В. Алексеева главнокомандующим // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 5. Л. 144.

1124.

Телеграмма генерала М.В. Алексеева Императору Николаю II // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 15.

1125.

Телеграмма Николая II Алексееву (собственноручная) // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 13.

1126.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 198.

1127.

Список полковникам по старшинству. Составлен по 1 марта 1914 г. СПб.: Военная типография императрицы Екатерины Великой, 1914. С. 380.

1128.

Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. М.: Вече, 2008. С. 144.

1129.

Лемке М. Указ. соч. С. 209.

1130.

Памяти Царственных Мучеников. Сборник статей, посвященных памяти Императора Николая II и Его Семьи. С. 35–36.

1131.

Русская летопись.

1132.

Постановление Георгиевской думы Юго-Западного фронта (машинописная копия) // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 /доп./

Д. 1829. Л. 223.

1133.

Телеграмма Императора Николая II главнокомандующим // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 /доп./ Д. 1829. Л. 221.

1134.

Дневник Императора Николая II за 1915. Запись за 22 октября 1915. ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 263.

1135.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 209.

1136.

Там же.

1137.

Шайдицкий. Государь Император солдат и верховный вождь // Император Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. М.: Вече, 2008. С. 143–144.

1138.

Воспоминания И.К. Григоровича [копия] // РГА ВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 5. Л. 127.

1139.

Телеграмма Императора Николая II Совету министров // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 99–101.

1140.

Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 229–230.

1141.

Там же. С. 223.

1142.

Иголкин А.А. Отечественная нефтяная промышленность в 1917–1920 годах. М., 1999. С. 47.

1143.

Шелаев Ю.Б. Деятельность чрезвычайной комиссии по эвакуации и разгрузке Петрограда весной 1918 г. (по новым материалам) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1990. № XX. С. 31.

1144.

Евсеев Н. Свенцянский прорыв. М., 1936. С. 54.

1145.

Noskoff A.A. Nicolas II inconnu. P. 34.

1146.

Noskoff A.A. Op. cit. P. 33.

1147.

Телеграмма генерала М.В. Алексеева Императору Николаю II // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 15.

1148.

Телеграмма Императора Николая II генералу М.В. Алексееву // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 32.

1149.

Лемке М. Указ. соч. С. 66.

1150.

Noskoff A.A. Op. cit. P. 34.

1151.

Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 307.

1152.

Телеграмма генерала М.В. Алексеева Императору Николаю II // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 57.

1153.

Телеграмма Императора Николая II генералу М.В.

Алексееву // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 56.

1154.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 175.

1155.

Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 309.

1156.

Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии. С. 75.

1157.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 213.

1158.

Телеграмма генерала М.В. Алексеева Императору Николаю II // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. /доп./ Д. 1829. Л. 219.

1159.

Телеграмма генерала М.В. Алексеева генералу Н.И. Иванову // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 51. Л. 100.

1160.

Там же. Л. 123.

1161.

Телеграмма генерала М.В. Алексеева
главнокомандующим // РГВИА. Ф. 2003 Оп. 1. Д. 51. Л. 128.

1162.

Телеграмма генерала М.В. Алексеева генералу Н.В.
Рузскому // РГВИА. Ф. 2003 Оп. 1. Д. 51. Л. 90.

1163.

Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 4. С. 230.

1164.

Пагануци П. Император Николай II – спаситель сотен тысяч
армян от турецкого геноцида // Родина. 1993. № 8–9. С. 95.

1165.

Телеграмма генерала М.В. Алексеева Императору Николаю
II // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 186.

1166.

Телеграмма Императора Николая II главнокомандующим
(собственноручная) // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 /доп./ Д. 1829.
Л. 29.

1167.

Дневник Императора Николая II за 1915 г. Запись от 31

декабря // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 263. Л. 177.

1168.

Подорожный Н.Е. Нарочьская операция в марте 1916 г. М., 1938. С. 8.

1169.

Подорожный Н.Е. Указ. соч. С. 8.

1170.

Там же. С. 6.

1171.

Лемке М.К. Указ. соч. С. 357–358.

1172.

Николай II в секретной переписке. С. 489.

1173.

Телеграмма Николая II Алексееву // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. /доп./ Д. 1834. Л. 171.

1174.

Николай II в секретной переписке. С. 371.

1175.

Подорожный Н.Е. Указ. соч. С. 121.

1176.

Николай II в секретной переписке. С. 395.

1177.

Там же. С. 401.

1178.

Там же. С. 403.

1179.

Положение на фронтах // РГВИА. Ф. 2003. Д. 1106, Л. 361–365.

1180.

Брусилов А.А. Указ. соч. С. 182.

1181.

Там же. С. 186.

1182.

Алексеева-Борель В. Указ. соч. С. 427.

1183.

Там же.

1184.

Там же.

1185.

Головин Н.Н. Указ. соч. С. 163.

1186.

Алексеева-Борель В. Указ. соч. С. 424.

1187.

Приказ начальника штаба верх. главноком. генерала Алексеева о подготовке наступления на Западном фронте // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 654. Л. 1.

1188.

Там же.

1189.

Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. В 2-х т. Под ред. А.А. Геринга. Париж: Военно-историч. изд-во Танаис, 1970. Т. 2. С. 120.

1190.

Геруа Б.В. Указ. соч. С. 121.

1191.

Там же.

1192.

Николай II в секретной переписке. С. 266.

1193.

Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 4. С. 41.

1194.

Геруа Б.В. Указ. соч. С. 122.

1195.

Винберг Ф.Ф. Крестный путь. Корни зла. Мюнхен, 1922. С. 128.

1196.

Геруа Б.В. Указ. соч. С. 124.

1197.

Залесский К.А. Первая мировая война. С. 82.

1198.

Николай II в секретной переписке. С. 472.

1199.

Там же. С. 566.

1200.

Керсновский А.А. Указ. соч. С. 54.

1201.

Телеграмма Императора Николая II генералу А.А. Брусилову от 23 августа 1916 г. // ГА РФ. Ф. Р-5972. Оп. 3. Д. 98. Л. 16.

1202.

Телеграмма из Ставки генералу А.А. Брусилову о награждении его Георгиевским оружием // ГА РФ. Ф. Р-5972. Оп. 3. Д. 98. Л. 15.

1203.

Император Николай II – Императрице Александре Фёдоровне. 22 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С. 632.

1204.

Хочешь мира, победи войну! Творческое наследие полковника Е.Э. Месснера. М., 2005. С. 495.

1205.

Телеграмма Вел. Кн. Николая Николаевича генералу А.А.

Брусилову от 24 мая 1916 г. // ГА РФ. Ф. Р-5972. Оп. 3. Д. 98. Л. 12.

1206.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 642.

1207.

Пронин В.М. Указ. соч. С. 8.

1208.

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 годов / Под ред. А. Свечина. М.: Гос. изд-во, 1924. Т. 1–2. Т. 2. С. 14.

1209.

МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 273.

1210.

М. Paléologue à T. Delcassé. 6 mars 1915. // DDF. P. 2002. Т. 1 1915. (1er janvier-25 mai). P. 260.

1211.

М.А. Васильчикова – Императору Николаю II. 10 марта/25 февраля 1915 г. // МОЭИ. Т. 7. Ч. 1. С. 444.

1212.

МОЭИ. Т. 7. Ч. 1. С. 499.

1213.

Соболев Г.Л. Русская революция и «немецкое золото». СПб.: Нева, 2002. С. 88.

1214.

МОЭИ. Т. 7. Ч. 1. С. 499.

1215.

Уткин А.И. Указ. соч. С. 344.

1216.

Stone N. The Eastern Front, 1914–1917. London, 1998. P. 176.

1217.

L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale: Documents extraits des archives de l'Office allemand des Affaires étrangères. Publ. et annotés par Scherer et Grunewald. T. 1. Paris. 1962. P. 10–11.

1218.

Куликов С. Указ. соч. С. 200.

1219.

Там же. С. 200.

1220.

Там же. С. 200.

1221.

Bülow B. von. Op. cit. P. 241.

1222.

Там же. Р. 242.

1223.

Там же. Р. 242.

1224.

Катков Г.М. Указ. соч. С. 83.

1225.

Жевахов Н.Д., князь. Воспоминания. Т. 1–2. М.: Царское дело, 1994. Т. 2. С. 127.

1226.

Уткин А.И. Указ. соч. С. 322.

1227.

Высочайший манифест // Нива. 1914, 2 ноября.

1228.

Заседание совета министров от 19 февраля 1915 г.
[выписка] // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 273. Л. 28.

1229.

Note russe. 6 mars 1915 // DDF. P., 2002. T. 1. P. 397.

1230.

О Главноуправляющем Царьграда // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп.
2. Д. 274. Л. 17–18.

1231.

Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 112.

1232.

Отношение Б.В. Штюмера императору Николаю II // ГА
РФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 42. Л. 12–13.

1233.

Берти. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в
Париже (1914–1919). М.–Л., 1927. С. 49–50.

1234.

Бубнов А.Д. Указ. соч. С. 102.

1235.

Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. СПб.: Бельведер, 2000. С. 453.

1236.

Galland (P.) Op. Cit. P. 78.

1237.

Свечин М. Указ. соч. С. 114.

1238.

Допрос Колчака. Л.: Ленгиз, 1927. С. 30–31.

1239.

Бубнов А. Указ. соч. С. 288.

1240.

Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 4. С. 181.

1241.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 452–453.

1242.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 447.

1243.

О сионистах // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО 1914. Д. 343. Л. 312.

1244.

Уткин А.И. Указ. соч. С. 327.

1245.

Там же. С. 372.

1246.

Нива. Декабрь 1916 г.

1247.

Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 200.

1248.

Палеолог Морис. Царская Россия в Первой мировой войне. С. 112.

1249.

Lettre de G. Doumergue à M. Paléologue // MAE. (Centre des Archives diplomatiques de Nantes). Fond 440. Ambassade de France en Russie. 1842–1919. 1917. Dossiers 28–29.

1250.

Военно-исторический журнал. 1993. № 4. С. 24.

1251.

Пронин В.М. Указ. соч. С. 8.

1252.

Алферьев Е.Е. Император Николай II как человек сильной воли. Нью-Йорк: Свято-Троицкий монастырь Джорданвилль, 1983. С. 109.

1253.

Записка генерала М.В. Алексеева Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 657. Л. 3.

1254.

Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века. М.: Наука, 1986.

1255.

Головин Н.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 19.

1256.

Уткин А.И. Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001. С. 249.

1257.

Записка генерала М.В. Алексеева Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 657. Л. 1.

1258.

Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 90.

1259.

Там же. С. 102.

1260.

Уткин А.И. Первая Мировая война. С. 249.

1261.

Очерки истории Ленинграда. М.: Академия наук СССР. Т. 3. С. 934–937.

1262.

Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 101.

1263.

Очерки истории Ленинграда. С. 934.

1264.

Записка генерала М.В. Алексеева Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 657. Л. 6.

1265.

Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 120.

1266.

Император Николай II – Императрице Александре Феодоровне. 11 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С. 475.

1267.

Тихменев Н.М. Из воспоминаний о последних днях пребывания Императора Николая II в Ставке. Издание Кружка Ревнителей Русского Прошлого. Ницца, 1925. С. 3–4.

1268.

Тихменев Н.М. Указ. соч. С. 4.

1269.

Донесение Вел. Кн. Георгия Михайловича Императору Николаю II от 25 июня 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 / доп./ Д. 1834. Л. 85.

1270.

Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 121–124.

1271.

Генерал А.Н. Нищенков – генералу П.И. Аверьянову от 15 сентября 1926 г. // ГА РФ. Ф. 7332. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

1272.

Там же.

1273.

Вел. Кн. Михаил Михайлович – Императору Николаю II от 15 марта 1915 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1302. Л. 51.

1274.

Марков О.Д. Русская армия 1914–1917. СПб., 2001. С. 98.

1275.

Ипатьев В. Работа химической промышленности на оборону во время мировой войны. Пг., 1920. С. 4.

1276.

Марков О.Д. Указ. соч. С. 194.

1277.

Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 110.

1278.

Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М.: ГИПЛ, 1956. Т. 2. С. 606.

1279.

Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. М.: Москвитянин, 1993. С. 225–226.

1280.

Император Николай II – Императрице Александре Феодоровне. 17 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С. 627.

1281.

Лукомский А.С. Воспоминания. Берлин: Изд-во Отто Кирхнер и К°, 1922. С. 119.

1282.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 486.

1283.

Мировые войны XX века. Первая мировая война. В 2-х т. М.: Наука, 2002. Т. 2. С. 228.

1284.

Лукомский А.С. Воспоминания. Берлин: Изд-во Отто Кирхнер и К°, 1922. С. 119.

1285.

Knox A. Sir. With the Russian army 1914–1917, being chiefly extracts from the diary of a military attache. V. 1–2. London, 1921. P. 233.

1286.

Мамантов В.И. На государевой службе. Воспоминания. Таллин, 1926. С. 233.

1287.

Мамантов В.И. Указ. соч. С. 233.

1288.

Памяти Царственных Мучеников. Сборник статей ревнителей памяти Императора Николая II и Его Семьи. София, 1930. С. 28.

1289.

Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч. С. 101.

1290.

Допрос А.Н. Наумова. 8 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 1. С. 416.

1291.

Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 196–197.

1292.

Русская Летопись. Книга 3. Париж, 1922. С. 16.

1293.

Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. С. 104.

1294.

Там же. С. 113.

1295.

Там же. С. 105.

1296.

Там же. С. 110.

1297.

Там же. С. 72.

1298.

Там же. С. 115.

1299.

Вырубова А.А. Указ. соч. С. 91.

1300.

Скорбный ангел. С. 146–147.

1301.

Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч. С. 153.

1302.

Николай II в секретной переписке. С. 315.

1303.

Там же. С. 538–546.

1304.

Скорбный ангел. С. 175.

1305.

Там же. С. 54.

1306.

Мельник Татьяна, рожденная Боткина. Воспоминания о Царской Семье и ея жизни до и после революции. Белград: Всеславянский магазин М.И. Стефанович и К°, 1921. С. 18.

1307.

Там же.

1308.

Там же. С. 24.

1309.

Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч. С. 91.

1310.

Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т. 1. С. 198.

1311.

Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч. С. 102.

1312.

Скорбный ангел. С. 453.

1313.

Императрица Александра Феодоровна – Императору Николаю II 12 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С. 501.

1314.

Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. С. 115.

1315.

Александр Михайлович, Великий Князь. Указ. соч. С. 259–260.

1316.

Кирилл Владимирович, Великий Князь. Указ. соч. С. 234.

1317.

Солоневич И.Л. Великая фальшивка февраля. С. 134.

1318.

Отношения Б.В. Штюмера Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 148. Л.13–14.

1319.

Доклад Б.В. Штюмера Императору Николаю II с его резолюцией // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2109. Л. 153.

1320.

Милюков П.Н. Указ. соч. С. 416.

1321.

Резанов А.С. Штурмовой сигнал П.Н. Милюкова. Париж, 1924. С. 45–61.

1322.

Летопись войны 1914–1915 гг. В лето от Рождества Христова 1915, от сотворения мира 7423. № 54. С. 860.

1323.

Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и революцию (1907–1917). М.: Три квадрата 2003. С. 110.

1324.

Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 110.

1325.

Отношения Б.В. Штюмера Императору Николаю II по разным вопросам // ГА РФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 148. Л. 13.

1326.

Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 178.

1327.

Сообщения охранного отделения // ГА РФ. Ф. 97. Д. 28. Л. 53.

1328.

О ВПК // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1916 (246). Д. 361. Л. 22–23.

1329.

Александр Иванович Гучков рассказывает // Вопросы истории. 1991. № 7–12. С. 200.

1330.

А.И. Гучков – генералу М.В. Алексееву // ГА РФ. Ф. 555.
Оп. 1. Д. 698. Л. 2.

1331.

А.И. Гучков – генералу М. В. Алексееву // ГА РФ. Ф. 555.
Оп. 1. Д. 698. Л. 1–2.

1332.

Отношения Б.В. Штюмера Императору Николаю II по
разным вопросам // ГА РФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 148. Л. 13–14.

1333.

Там же.

1334.

Отношения Б.В. Штюмера Императору Николаю II по
разным вопросам // ГА РФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 47. Л. 11.

1335.

Отношения Б.В. Штюмера Императору Николаю II по
разным вопросам // ГА РФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–3.

1336.

Отношения Б.В. Штюмера Императору Николаю II по
разным вопросам // ГА РФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 148. Л. 13–14.

1337.

Отношения Б.В. Штюмера Императору Николаю II по разным вопросам // ГА РФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.

1338.

Отношения Б.В. Штюмера Императору Николаю II по разным вопросам // ГА РФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 148. Л. 13.

1339.

Цит. по: Коняев Н.М. Гибель красных Моисеев. Начало террора 1918 года. М.: Вече, 2004. С. 44–45.

1340.

Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 118.

1341.

Катков Г.М. Указ. соч. С. 190.

1342.

ГА РФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.

1343.

Там же. 1. Д. 42. Л. 1–3.

1344.

Там же. Л. 1.

1345.

Там же. Д. 148. Л. 13–14.

1346.

Там же.

1347.

Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М.: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1999. С. 55–56.

1348.

Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. С. 55–56.

1349.

Винберг Ф.В. Указ. соч. С. 74.

1350.

Ноблемонт М де. Какая причина толкнула генерала Алексева предать своего Императора? б/г.

1351.

Цит. по: Оськин М.В. Алексей Ермолаевич Эверт // Вопросы

истории. № 5. 2014. С. 50.

1352.

Кириенко И.К. 1613. От чести и славы к подлости и позору 1917 г. Воспоминания. Сан-Пауло, 1963. С. 106–107.

1353.

Ленин В.И. Доклад о революции 1905 года // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 30. С. 306–328.

1354.

Сводки департамента полиции // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). 20 Ч. 79. Л. 2.

1355.

Троцкий Л.Д. История русской революции. М.: Терра, 1997. Т. 1.

1356.

Катков Г.М. Февральская революция. Париж: YMCA-PRESS, 1984. С. 267.

1357.

Катков Г.М. Указ. соч. С. 89.

1358.

Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Книга 8. Белград 1922. С. 246.

1359.

Goulevitch Arsène. Tsarism and Revolution. Omni Publications, 1961. P. 230.

1360.

Goulevitch Arsène. Op. cit. P. 230.

1361.

The New York Journal American, February 3, 1949. Цит. по: Allen Rivera David. A History of the New World Order, 1994.

1362.

Архив полковника Хауза. Избранное. В двух томах. М.: АСТ, 2004. Т. 1.

1363.

Грачёва Т. Невидимая Хазария. Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. Рязань, 2009. С. 10.

1364.

Николов Н. Световната конспирация. София, 1990. С. 189.

1365.

Goulevitch Arsène. Op. cit. P. 231–232.

1366.

Грачёва Татьяна. Указ. соч. С. 261–262.

1367.

Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М.: Современник, 1992. С. 214.

1368.

Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Russica Publishers, INC. New York, 1986.

1369.

Курлов П.Г. Указ. соч. С. 123.

1370.

Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М.: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1999. С. 228.

1371.

Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Boston, 1923. Vol. II. P. 31.

1372.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 449.

1373.

Доклад министра иностранных дел Н. Покровского
Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 797. Л. 1.

1374.

Там же. Л. 3–5.

1375.

Halperin V. Lord Milner and the Empire. London, 1952. P. 158.

1376.

Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. 3. С. 359.

1377.

Давидсон А.Б. Февраль 1917 года. Политическая жизнь
Петрограда глазами союзников // Новая и новейшая история.
№ 1. 2007.

1378.

Там же.

1379.

Граф Г.К. На Новике. СПб.: Гангут, 1997. С. 35.

1380.

Там же.

1381.

Записка А. Мильнера Императору Николаю II [на английском языке] // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1 Д. 672. Л. 1.

1382.

Алексеева И. Миссия Мильнера // Вопросы истории. М., 1989. № 10.

1383.

Давидсон А.Б. Февраль 1917 года. Политическая жизнь Петрограда глазами союзников // Новая и новейшая история. № 1. 2007.

1384.

Алексеева И. Миссия Мильнера // Вопросы истории. М., 1989. № 10.

1385.

Lockhart R.H.B. British Agent. New York, 1933. P. 156.

1386.

Там же. P. 158.

1387.

Алексеева И.В. Агония Сердечного Согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917. Л., 1990. С. 243.

1388.

Goulevitch Arsène. Op. cit. P. 230.

1389.

Гибель царского Петрограда: Февр. революция глазами градоначальника А.П. Балка // Русское прошлое: Ист. – док. альм. Л., 1991. № 1. С. 7–72.

1390.

Корнеев А. Февральский переворот 1917 г. и т. н. «Союзные страны» // Русская цивилизация. 10.11.2007.

1391.

Оболенский А.В. Мои воспоминания // Возрождение. 1955. Тетр. 48. С. 102–103.

1392.

Куликов С. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). С. 332.

1393.

Александр Иванович Гучков рассказывает // Вопросы истории. 1991. № 7–12. С. 205.

1394.

Там же.

1395.

Брачев В.С. Русское масонство XVIII–XX веков. СПб.: Стомма, 2000. С. 298.

1396.

Александр Иванович Гучков рассказывает. С. 205–206.

1397.

Там же. С. 207.

1398.

Милюков П.Н. Указ. соч. С. 310.

1399.

Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. Стокгольм-Берлин, 1921. С. 1.

1400.

Милюков П.Н. Указ. соч. С. 122.

1401.

Там же. С. 121.

1402.

Александр Иванович Гучков рассказывает. С. 207.

1403.

Катков Г.М. Указ. соч. С. 34.

1404.

О Рабочей группе // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 20. Ч. 57. Л. 16.

1405.

Там же.

1406.

Там же. Л. 18.

1407.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 132.

1408.

Доклад генерала Глобачёва департаменту полиции // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917. Д. 20. Ч. 57. Л. 16.

1409.

Там же.

1410.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 133.

1411.

Там же. С. 132–134.

1412.

Там же. С. 133.

1413.

Н.А. Маклаков – Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601.
Оп. 1. Д. 1287. Л. 1–2.

1414.

Там же.

1415.

Отношения Б.В. Штюмера Императору Николаю II // ГА
РФ. Ф. 627. Оп.1. Д. 148. Л. 13–14.

1416.

О ЦВПК // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 147. Л. 1.

- 1417.**
Брачев В.С. Указ. соч. С. 299.
- 1418.**
О Государственной думе // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 20. Ч. 57. Л. 18.
- 1419.**
ГА РФ. Ф. 97. Оп. 1 Д. 37. Л. 59–61; ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 307 ЛА. Л. 68.
- 1420.**
О брожении среди рабочих // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 341. Ч. 58. Л. 1. [копия].
- 1421.**
О брожении среди рабочих // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917. Д. 341. Ч. 58. Л. 1. [копия].
- 1422.**
Цит. по: Спиридович А.И. Указ. соч. С. 101.
- 1423.**
ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917. Д. 347. Л. 4.

1424.

О Рабочей группе // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 347. Л. 5.

1425.

Донесения охранного отделения по Петрограду // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 347. Л. 4.

1426.

ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 307 ЛА. Л. 39.

1427.

Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 70.

1428.

Там же.

1429.

ГА РФ. Ф. 97. Оп. 1 Д. 37. Л. 59–61; ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 307 ЛА. Л. 68.

1430.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 112.

1431.

Там же.

1432.

Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. В 3-х кн. М., 1992. Т. 2. С. 40–41.

1433.

Якобий И.П. Император Николай II и революция. М.: Общество святителя Василия Великого, 2005. С. 136.

1434.

Негласное наблюдение за А.Ф. Керенским // ГА РФ. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 278. Л. 1.

1435.

Там же. Д. 248. Л. 2.

1436.

Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 118.

1437.

Там же. С. 73.

1438.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 148; № 10. С. 144.

1439.

Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 118.

1440.

Гучков А. Указ. соч. С. 514–515.

1441.

Диспозиция «Комитета народного спасения» // Красный архив. 1928. Т. 1 (26). С. 210–213.

1442.

Там же. С. 211.

1443.

Там же. С. 211–212.

1444.

Гучков А. Указ. соч. С. 514–515.

1445.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 148.

1446.

Цит. по: Брачев В.С. Указ. соч. С. 314.

1447.

Керенский А.Ф. Издалека. Сборник статей. (1920–1921). Париж, 1922. С. 62–63.

1448.

Epiphanius. Maçonnerie et sectes secrètes: le côté caché de l'Histoire. P. 227.

1449.

Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб.: Изд. имени Н.И. Новикова, 1997. С. 89.

1450.

Николаевский Б.И. Русские масоны и революция / Ред. – сост. Ю. Фельштинский. М.: Терра, 1990. С. 44.

1451.

Кожин В.В. «Черносотенцы» и Революция. М., 1998. С. 140.

1452.

Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 67, 69, 99.

1453.

Старцев В.И. Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 125.

1454.

Цит. по: Старцев В.И. Указ. соч. С. 129.

1455.

Там же.

1456.

Брачев В.С. Указ. соч. С. 303.

1457.

О Государственной думе // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917. Д. 307 ЛА. Л. 88.

1458.

Брачев В.С. Указ. соч. С. 303.

1459.

Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. С. 20.

1460.

О Государственной думе // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 307. Л. 9–10 [копия].

1461.

Там же.

1462.

Там же.

1463.

ГА РФ. Ф. 102 ОО. 1917. Д. 307 ЛА. Л. 89.

1464.

О Государственной думе // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 307 ЛА. Л. 109.

1465.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 123.

1466.

Солоневич И.Л. Великая фальшивка февраля. С. 68.

1467.

Аврех А.Я. Указ. соч. С. 184.

1468.

Н.В. Рузский – А.И. Гучкову // ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1081. Л. 31.

1469.

Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977. С. 248.

- 1470.**
Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 224.
- 1471.**
ГА РФ 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 307 ЛА. Л. 122.
- 1472.**
Гучков А. Указ. соч. С. 193.
- 1473.**
Epiphanius. Maçonnerie et sectes secrètes: le côté caché de l'Histoire. Publications du «Courrier de Rome». Nouvelle édition 2005. P. 227.
- 1474.**
О масонах // ГАРФ. Ф. 102 ДПОО. 1905. (12). Ч. 2. Л. 21.
- 1475.**
Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 185.
- 1476.**
Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 48.
- 1477.**
Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в.

СПб., 1996. С. 115–116.

1478.

Брачев В.С. Указ. соч. С. 112.

1479.

Берберова Н. Указ. соч. С. 36.

1480.

Куликов С.В. Указ. соч. С. 205.

1481.

А.И. Гучков – генералу М.В. Алексеєву // ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 698. Л. 2.

1482.

О военных связях А.И. Гучкова // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 307 ЛА. Л. 122.

1483.

Шаховской В. Указ. соч. С. 182–183.

1484.

Допрос С.П. Белецкого // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 231 (2). Л. 222–223.

1485.

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 99.

1486.

Куликов С. Указ. соч. С. 212.

1487.

Поливанов А.А. Девять месяцев... // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 146.

1488.

Катков Г. М. Указ. соч. С. 58.

1489.

Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 87.

1490.

Мельгунов С. Указ. соч. С. 96.

1491.

Там же.

1492.

Батюшин Н.С. У истоков русской контрразведки. М.: Икс-Хистори; Кучково поле, 2007. С. 212.

1493.

Лемке М. 250 дней в Царской Ставке. Петербург, 1920. С. 236.

1494.

Императрица Александры Феодоровна – Императору Николаю II от 18 сент. 1816 // Письма Императрицы Александры Федоровны к Императору Николаю II. Берлин: Слово, 1922. Т. 2. С. 184; пер. с англ. В.Д. Набокова.

1495.

Катков Г.М. Указ. соч. С. 193.

1496.

Lockhart R.H.B. British Agent. New York, 1933.

1497.

Александр Иванович Гучков рассказывает. С. 9.

1498.

Шавельский Г.И. Указ. соч. Т. 2. С. 248.

1499.

Допрос А.Д. Протопопова // Падение царского режима. Т. 4. С. 45.

1500.

Бубнов А. В Царской Ставке. М.: Вече, 2008. С. 304.

1501.

Катков Г.М. Указ. соч. С. 60.

1502.

Куликов С.В. Указ. соч. С. 329.

1503.

Деникин А.И. Указ. соч. С. 107–108.

1504.

Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М.: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1999. С. 458.

1505.

Лукомский А.С. Из воспоминаний // Страна гибнет сегодня. С. 120.

1506.

Деникин А.И. Указ. соч. С. 108.

1507.

Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 55.

1508.

Данилов Ю.Н. На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. М., 2002. С.45.

1509.

Русское политическое масонство начала XX в. (1906–1918 гг.). Вступ. статья и комментарии В.И. Старцева // История СССР. 1990. С. 145.

1510.

Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства 1731–1996. 2-е изд., испр. и доп. М.: Родник, 1996. С. 233.

1511.

Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков: Интербук, 1990. С. 199–200.

1512.

Там же. С. 200.

1513.

Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 121.

1514.

Февральская революция в Балтийском флоте (Из дневника И.И. Ренгартена). Предисловие А. Дрезена // Красный архив. М., 1929. Т. 1 (22). С. 88.

1515.

Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М.: Воен. изд-во МО СССР, 1957. С. 107.

1516.

Там же. С. 7.

1517.

Милюков П.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 454.

1518.

Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж: Родина, 1931. С. 113.

1519.

Там же. С. 106.

1520.

Там же. С. 106–107.

1521.

Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. С. 316.

1522.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 451.

1523.

Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. С. 109.

1524.

Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 143.

1525.

Деникин А.И. Указ. соч. С. 87.

1526.

Якобий И.П. Император Николай II и революция. М.: Общество святителя Василия Великого, 2005. С. 366.

1527.

Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 244–245.

1528.

Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч. С. 91.

1529.

Записка А.С. Семановича в департамент полиции // ГА РФ.
Ф. 612. Оп. 1. Д. 25. Л. 30–31.

1530.

Там же.

1531.

Там же.

1532.

Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 98.

1533.

Там же.

1534.

Из воспоминаний А.Н. Хвостова // Голос минувшего. 1923.
№ 2. С. 167.

1535.

ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО 1916 (246). Д. 122 (3). Л. 163–165.

1536.

ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2350. Л. 32–35.

1537.

Botkin Gleb. Grandeur et Misère des Romanovs. Paris, Edition siècle, 1932. P. 117.

1538.

ОВПК // ГАРФ. Ф. 102 ДПОО. Оп. 1917 (247). Д. 123. Л. 9–10.

1539.

Botkin Gleb. Op. cit. P. 159.

1540.

Шишков О. Указ. соч. С. 49.

1541.

Там же. С. 35.

1542.

Курлов П.Г. Указ. соч. С. 162.

1543.

ГА РФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 38. Л. 3.

1544.

«Наш Друг...». Григорий Распутин в переписке Николая II и Александры Фёдоровны // Наука и жизнь. 1992. № 1. С. 79.

1545.

ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 709. Л. 19.

1546.

The Daily Telegraph, 19 Jun 2007.

1547.

Шишков О. Указ. соч. С. 288.

1548.

Проханов И.С. Указ. соч. С. 67.

1549.

ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1916 (246). 5 Ч. 57 Л. Б. Л. 40.

1550.

ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 307. Л. 21.

1551.

Проханов И.С. Указ. соч. С. 98.

1552.

ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 307. Л. 67.

1553.

Цит. по: Шишкин О. Указ. соч. С. 308.

1554.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Запись за 21 декабря 1916 г. Т. 2. Ч. 2. С. 271.

1555.

Ден Ю. Указ. соч. С. 60.

1556.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 486.

1557.

Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. М.: Москвитянин, 1993. С. 248.

1558.

Солоневич И.Л. Великая фальшивка февраля. С. 99.

1559.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 614.

1560.

Допрос А.Д. Протопопова // Падение царского режима. М., 1926. Т. 4. С. 57.

1561.

Записка православных кругов Императору Николаю II // ГА

РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1066. Л. 655–826.

1562.

Там же.

1563.

Там же.

1564.

Н.А. Маклаков – Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1288. Л. 3.

1565.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1288. Л. 3.

1566.

Архив русской революции. Т. 3–4. С. 24.

1567.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 61.

1568.

Допрос С.П. Белецкого. // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 231 (2). Л. 232.

1569.

Там же.

1570.

Галковский Д. Техника свержения Царя. Захват власти возможен только в случае измены в верхнем эшелоне управления // <http://www.centrasia.ru>

1571.

L'Allemagne et les problemes de la paix pendant la Premiere guerre mondiale. Documents extraits des archives de l'Office allemand des Affaires étrangères. Publiés par A. Scherer et J. Grunewaid. Paris. 1962. P. 137.

1572.

Герасимов А.В. Указ. соч. С. 116.

1573.

Курлов А.Г. Указ. соч. С. 229.

1574.

Там же.

1575.

Милюков П.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 256.

1576.

Бубликов А.А. Русская революция (её начало арест Царя, перспективы). Впечатления и мысли её очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918. С. 16.

1577.

Почему уничтожили Николая II? // <http://историиземли.рф/rochemu-unichtozhili-nikolaya-ii.html>

1578.

Курлов П.Г. Указ. соч. С. 231.

1579.

Галковский Д. Техника свержения Царя // <http://www.centrasia.ru>

1580.

Вырубова А.А. Указ. соч. С. 5.

1581.

Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т. 1. С. 233.

1582.

Там же. С. 234.

1583.

Шаховской В., князь. Указ. соч. С. 127.

1584.

Куликов С.В. Указ. соч. С. 281.

1585.

Совещание членов «Прогрессивного блока» с А.Д. Протопоповым, устроенное на квартире М.В. Родзянко. 19 октября 1916 г. // Блок А.А. Указ. соч. С. 135.

1586.

О наблюдении за А.И. Гучковым // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1913 (316). Д. 210. Л. 185.

1587.

Милюков П.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 276.

1588.

По поводу установления личности «Ф.А.Г.» // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1917 (247). Д. 123. Л. 5.

1589.

Напр.: Березов П. Свержение двуглавого орла. М.: Мысль, 1967. С. 48.

1590.

По поводу установления личности «Ф.А.Г.» // ГА РФ. Ф. 102

ДП ОО. Оп. 1917 (247). Д. 123. Л. 5.

1591.

Об охране Высочайших особ // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1916 (246). Д. 122 (2). Л. 122.

1592.

Там же. Л. 119.

1593.

Там же. Л. 42.

1594.

Об охране Высочайших особ // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 123. Л. 8.

1595.

Вырובה А.А. Указ. соч. С. 91.

1596.

Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. С. 447.

1597.

Куликов С. Указ. соч. С. 329.

1598.

Об охране Высочайших особ // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1917. Д. 123. Л. 8.

1599.

Там же. Л. 10.

1600.

Там же. Л. 8.

1601.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 204.

1602.

Алексеева-Борель В. Указ. соч. С. 459.

1603.

Николай II накануне отречения: камер-фурьерские журналы (декабрь – февраль 1917 гг.). СПб., 2001. С. 69–70.

1604.

Фрейлина Её Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М.: Советский писатель, 1991. С. 285.

1605.

Вел. Кн. Александр Михайлович – Вел. Кн. Николаю

Михайловичу от 14 февраля 1917 г. // РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 1067. Л. 2–4об.

1606.

Вел. Кн. Александр Михайлович – Императору Николаю II // РГИА. Ф. 1276. Оп 11. Д. 966. Л. 3–5.

1607.

Вел. Кн. Александр Михайлович – Вел. Кн. Николаю Михайловичу от 14 февраля 1917 г. // РГИА Ф. 549. Д. 1067. Л. 3.

1608.

Александр Михайлович, Великий Князь. Воспоминания Великого Князя. М.: Захаров-АСТ. С. 489.

1609.

Великий Князь Александр Михайлович – Великому Князю Николаю Михайловичу // РГИА Ф. 549. Д. 1067. Л. 3.

1610.

Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков: Интербук, 1990. С. 212–213.

1611.

Куликов С. Указ. соч. С. 329.

1612.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2.
Запись за 13 февраля. С. 292.

1613.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и
армии. С. 311.

1614.

О готовящихся покушениях на высоких особ // ГА РФ. Ф.
102 ДП ОО. Оп. 1917 (247). Д. 123. Л. 9–10.

1615.

Допрос А.Д. Протопопова // Падение царского режима. Т. 2.
С. 44.

1616.

Кобылин В. Указ. соч. С. 186.

1617.

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 118.

1618.

Хрусталёв В.М. Великий Князь Михаил Александрович. С.
335

1619.

Солоневич И.Л. Великая фальшивка февраля. С. 98.

1620.

Глобачёва С.Н. Прелюдия происходящих в мире событий // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 107.

1621.

Буксгевден С.К. Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Фёдоровны, Императрицы Всероссийской. М., 2006. С. 389–390.

1622.

ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1917 (247). Д. 123. Л. 11.

1623.

Куликов С. Указ. соч. С. 328.

1624.

Фрейлина Ее Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Врубовой. М.: Советский писатель, 1991. С. 196.

1625.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 488.

1626.

Фрейлина Её Величества. С. 287.

1627.

Ферро Марк. Николай П. М.: Международные отношения, 1991. С. 215.

1628.

Великий Князь Александр Михайлович – Великому Князю Николаю Михайловичу // РГИА Ф. 549 Оп. 1. Д. 1067. Л. 3.

1629.

Цит. по: Керенский А.Ф. Трагедия династии Романовых. М.: Центрполиграф, 2005. С. 74–75.

1630.

Курлов П.Г. Указ. соч. С. 231.

1631.

Там же.

1632.

Там же.

1633.

Хрусталёв В.М. Великий Князь Михаил Александрович. М.:

Вече, 2008. С. 327.

1634.

Хрусталёв В.М. Великий Князь Михаил Александрович. С. 327–328.

1635.

Попов В.Г. Казаки Дальнего Востока в Февральской революции // Амурское войсковое казачье общество. http://www.a-k-v.ru/history/history_5.html

1636.

Хрусталёв В.М. Великий Князь Михаил Александрович. С. 327.

1637.

Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 120.

1638.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 493.

1639.

Боткин Д.С. Что было сделано для спасения Императора Николая II // Русская Летопись. Кн. 7. Париж, 1925. С. 208.

1640.

Ден Ю. Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Фёдоровны. Пер. с англ. В.В. Кузнецова. СПб., 1999. С. 120.

1641.

Отречение Николая II. С. 85.

1642.

Там же.

1643.

Там же.

1644.

Царственные Мученики в воспоминаниях верноподданных. С. 229.

1645.

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 120.

1646.

Буксгевден С.Г. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы Всероссийской. С. 389–390.

1647.

Катков Г.М. Указ. соч. С. 245–246.

1648.

Ден Юлия. Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Федоровны. Пер. с англ. В.В. Кузнецова. СПб., 1999. С. 120.

1649.

ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 631. Л. 24.

1650.

Дело о пребывании Государя Императора в действующей армии. Февраль – март 1917 г. // РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.

1651.

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 123.

1652.

Дневник Императора Николая II. Запись за 23 февраля 1917 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265. Л. 62.

1653.

Император Николай II – Императрице Александре Федоровне 23 февраля 1917 г. // Платонов О.А. Николай II в секретной переписке. С. 650.

1654.

Дело о пребывании Государя Императора в действующей армии. Февраль – март 1917 г. // РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.

1655.

Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 38.

1656.

Шавельский Георгий, протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954. Том. 2.

1657.

Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 38.

1658.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 493.

1659.

Кондзеровский П.К. В Ставке Верховного. Париж, 1967. С. 104.

1660.

Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 156.

1661.

Там же.

1662.

Дело о пребывании Государя Императора в действующей армии. Февраль – март 1917 г. // РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 25. Л. 3.

1663.

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 123.

1664.

Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 42.

1665.

Пронин В.М. Последние дни Царской Ставки. Белград, 1930. С. 68.

1666.

Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России. // Отречение Николая II. С. 42.

1667.

Императрица Александра Феодоровна – Императору Николаю II 24 февраля 1917 г. // Николай II в секретной переписке. С. 651.

1668.

Блок А. Указ. соч. С. 57.

1669.

Отречение Николая II. С. 42.

1670.

Блок А. Указ. соч. С. 52–53.

1671.

Телеграмма А.Д. Протопопова В.Н. Воейкову // ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 74. Л. 29.

1672.

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 162–163.

1673.

Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 90.

1674.

Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России //

Отречение Николая II. С. 44.

1675.

Телеграмма Императора Николая II генералу С.С. Хабалову // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2109. Л. 126.

1676.

Катков Г.М. Указ. соч. С. 69.

1677.

Допрос генерала С.С. Хабалова // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2109. Л. 126. [выписки].

1678.

Блок А. Указ. соч. С. 2.

1679.

Николай II в секретной переписке. С. 245.

1680.

Переписка Николая и Александры Романовых. 1916–1917 гг. Т. 5. С. 223–224.

1681.

Блок А. Указ. соч. С. 63.

1682.

Катков Г.М. Указ. соч. С. 289.

1683.

Кобылин В.С. Император Николай II и заговор генералов. М.: Вече, 2008. С. 287.

1684.

Пребывание Его Императорского Величества в действующей армии. Февраль – март 1917 г. // РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 25. Л. 6.

1685.

Телеграмма М.В. Родзянко Императору Николаю II от 26 февраля 1917 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2089. Л. 1.

1686.

Телеграмма М.В. Родзянко генералу А.А. Брусилову от 26 февраля 1917 г. // ГА РФ. Ф. 5972. Оп. 3. Д. 104. Л. 1–2.

1687.

Телеграмма генерала А.А. Брусилова генералу М.В. Алексееву от 27 февраля 1917 г. // ГА РФ. Ф. 5972. Оп. 3. Д. 104. Л. 3.

1688.

Император Николай II – Императрице Александре Феодоровне // ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 108. Л. 129. [пер. с англ.].

1689.

Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 91.

1690.

Телеграмма М.В. Родзянко Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2090. Л. 1.

1691.

Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 48.

1692.

Там же.

1693.

Дневник Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 28 февраля 1917 г.

1694.

Хрусталёв В.М. Великий Князь Михаил Александрович. С. 348.

1695.

Никитин Б.В. Роковые годы. М.: Айрис-Пресс, 2007. С. 230.

1696.

Там же. С. 230–231

1697.

Там же. С. 230.

1698.

Телеграмма князя Н.Д. Голицына в Ставку на имя Императора Николая II // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 631. Л. 8. [копия].

1699.

Телеграмма Императора Николая II князю Н.Д. Голицыну // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2089. Л. 2.

1700.

Лукомский А.С. Из воспоминаний // Страна гибнет сегодня. С. 48.

1701.

Там же.

1702.

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 32.

1703.

Телеграмма Императора Николая II Императрице
Александре Фёдоровне // ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 108. Л.
130.

1704.

Блок А. Указ. соч. С. 77.

1705.

Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение
Николая II. С. 94.

1706.

Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России //
Отречение Николая II. С. 52.

1707.

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 165–167.

1708.

Benckendorff Paul, count. Last days at Tsarskoe Selo. London,
1927. P. 110.

1709.

Benckendorff Paul, count. Op. cit. P. 113.

1710.

Криворотов В. На страшном пути до Уральской Голгофы (Страшное иго). Мадрид, 1975. С. 39.

1711.

Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 96.

1712.

Лукомский А.С. Воспоминания // АРР. Т. 2. С. 20.

1713.

Ден Ю.А. Указ. соч. С. 127–128.

1714.

Лукомский А.С. Из воспоминаний // АРР. Т. 2. С. 113.

1715.

Российский архив. С. 350.

1716.

Лукомский А.С. Воспоминания // АРР. Т. 2. С. 20.

1717.

Пронин В.М. Указ. соч. С. 165.

1718.

Там же.

1719.

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 126.

1720.

Там же.

1721.

Пронин В.М. Указ. соч. С. 166.

1722.

Воспоминания Г.А. фон Таля, штаб-офицера для особых поручений // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 90. Л. 8.

1723.

Кондзеровский П.К. В Ставке Верховного. Париж, 1967. С. 105.

1724.

Тихменёв Н.М. Указ. соч. С. 18.

1725.

Воспоминания Г.А. фон Таля, штаб офицера для особых поручений // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 90. Л. 8.

1726.

Тихменёв Н.М. Указ. соч. С. 18.

1727.

Телеграмма полковника Еленского // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 631. Л. 28.

1728.

Сводки полиции о беспорядках в Петрограде // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1917 (247). Д. 34. Ч. 57. Л. 19.

1729.

Шульгин В.В. Дни. М.: Современник, 1989. С. 121.

1730.

Катков Г.М. Указ. соч. С. 257.

1731.

Там же.

1732.

Там же. С. 255.

1733.

Кожин В.В. «Черносотенцы» и революция. М., 1998. С. 141–142.

1734.

Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. С. 141.

1735.

Там же. С. 35.

1736.

ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 341. Ч. 58. Л. 48.

1737.

Там же. Л. 14.

1738.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 507.

1739.

Полицейские сводки о беспорядках в Петрограде // ГА РФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 669. Л. 347.

1740.

Там же.

1741.

Бонч-Бруевич В.Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М.: Федерация, 1931. С. 67–69.

1742.

О социал-демократах // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917. Д. 341. Ч. 58. Л. 42.

1743.

Дневник Великого Князя Михаила Александровича. Запись за 25 февраля // ГА РФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 136. Л. 56.

1744.

Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 120.

1745.

Ходнев Д. Февральская революция и запасной батальон Лейб-гвардии Финляндского полка // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 528. Л. 1–72.

1746.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 517–518.

1747.

Сводки охранного отделения о беспорядках в Петрограде //

ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 341. Ч. 58. Л. 28.

1748.

Там же. Л. 28.

1749.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 526.

1750.

Полицейские сводки о беспорядках в Петрограде // ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669. Л. 380.

1751.

Блок А. Указ. соч. С. 59.

1752.

Станкевич В.Б. Воспоминания о Мартовской революции 1917 года // Страна гибнет сегодня. С. 112.

1753.

Там же. С. 51.

1754.

Куликов С.В. Совет министров и Прогрессивный блок во время падения монархии. СПб., 2005. С. 281–284.

1755.

Катков Г.М. Указ. соч. С. 274.

1756.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 538.

1757.

Катков Г.М. Указ. соч. С. 274.

1758.

Там же. С. 276.

1759.

Мстиславский С. Гибель царизма. Л.: Прибой, 1927. С. 78.

1760.

Карабческий Н.П. Что глаза мои видели // Страна гибнет сегодня. С. 159.

1761.

Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 124.

1762.

Телеграмма генерала С.С. Хабалова генералу М.В. Алексеёву // Красный архив. Т. 2 (21). М.–Л., 1927. С. 21.

1763.

Красный архив. Т. 2 (21). М.–Л., 1927. С. 19.

1764.

Старков Б.А. Указ. соч. С. 182.

1765.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 594.

1766.

Артабалевский Н.А. Тернистый путь. Царскосельская быль 1917 года // Памятные дни. Из воспоминаний гвардейских стрелков. Таллин, 1937. С. 40–41.

1767.

Цит. по: Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. С. 75.

1768.

Шидловский С.И. Воспоминания // Страна гибнет сегодня. С. 133.

1769.

Телеграмма генерала М.В. Алексева М.В. Родзянко // Красный архив. Т. 2 (21). М.–Л., 1927. С. 44.

1770.

Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. С. 67.

1771.

Цит. по: Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. С. 68.

1772.

Lomonosoff G. Memoirs of the Russian revolution. New York, 1919. P. 33.

1773.

Там же. P. 33.

1774.

Телеграмма М.В. Родзянко Императору Николаю II 1 марта 1917 // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2096. Л. 1.

1775.

Пребывание Государя Императора в действующей армии. Февраль – март 1917 г. // РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (доп.). Д. 25. Л. 7.

1776.

Экспедиция генерала Иванова на Петроград // Красный архив. М.–Л., 1926. Т. 4 (17). С. 225.

1777.

Там же. С. 227.

1778.

Разговор по прямому проводу генерала М.В. Алексеева с генералом Ю.Н. Даниловым. С. 9–10 // Красный архив. М.–Л., 1927. Т. 2 (21). С. 10.

1779.

Воспоминания Г.А. фон Таля, штаб-офицера для особых поручений // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 90. Л. 11.

1780.

Воспоминания Г.А. фон Таля, штаб офицера для особых поручений // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 90. Л. 11.

1781.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 589.

1782.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 28 февраля 1917 г.

1783.

Мордвинов А.А. Последние дни императора. // Отречение Николая II. С. 96.

1784.

Там же. С. 97.

1785.

Воспоминания Г.А. фон Таля, штаб-офицера для особых поручений // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 90. Л. 12.

1786.

Телеграмма генерала Беляева дворцовому коменданту генерал-адъютанту Воейкову 28 февраля 1917 г. // Красный архив. Т. 2 (21). М.–Л., 1927. С. 16.

1787.

Обращение членов Гос. Совета Императору Николаю II. 28 февр. 1917 // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2091. Л. 1–2.

1788.

Телеграмма Императора Николая II Императрице Александре Феодоровне // ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 108. Л. 131.

1789.

Телеграмма генерала М.А. Беляева ген. – адъютанту В.Н. Воейкову // Красный архив. Т. 2 (21). М. – Лг., 1927. С. 20.

1790.

Воспоминания Г.А. фон Таля, штаб офицера для особых поручений // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 90. Л. 12.

1791.

Телеграмма Императора Николая II Императрице Александре Фёдоровне // ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 108. Л. 132.

1792.

Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 54.

1793.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 626.

1794.

Lomonosoff G. Op. cit. P. 31.

1795.

Катков Г.М. Указ. соч. С. 311.

1796.

Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 55.

1797.

Там же. С. 101.

1798.

Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 102.

1799.

Блок А. Указ. соч. С. 68.

1800.

Миронов В.И. Маршрут длиной в 100 лет. Псков, 1997.

1801.

Артоболевский И.И., Благонравов А.А. Очерки истории техники в России (1861–1917) М.: Наука, 1975. С. 397.

1802.

Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 103–104.

1803.

Телеграммы о движении царского поезда. 1917 // ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1722. Л. 20.

1804.

Там же. Л. 8.

1805.

Там же. Л. 21.

1806.

Там же. Л. 5.

1807.

Там же. Л. 4.

1808.

Список личного состава министерства путей сообщений. Центральные и местные учреждения. Издание канцелярии министра. Пг., 1916. С. 302.

1809.

Буксгевден С.К. Указ. соч. С. 405.

1810.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 629.

1811.

Телеграмма А.А. Бубликова о задержке императорского поезда // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 /доп./ Д. 1753 (1). Л. 34.

1812.

Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 57.

1813.

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 168–169.

1814.

Допрос В.Н. Воейкова // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 949. Л. 28.

1815.

Миронов В.И. Маршрут длиной в 100 лет. Псков, 1997. // <http://pskovrail.narod.ru/main855.html>

1816.

Миронов В.И. Указ. соч. // <http://pskovrail.narod.ru/main855.html>

1817.

Там же.

1818.

Пронин В.М. Указ. соч. С. 78.

1819.

Телеграмма М.В. Родзянко Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2096. Л. 1.

1820.

Телеграмма генерала А.А. Брусилова графу В.Б. Фредериксу // Красный архив. Т. 2 (21). М.–Л., 1927. С. 47.

1821.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 613.

1822.

Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 127–128.

1823.

Пронин В.М. Указ. соч. 114.

1824.

Дневник княгини Е.А. Нарышкиной // ГА РФ. Ф. 6501. Оп. 1. Д. 595. Л. 6.

1825.

Палей О.В. Мои воспоминания о русской революции // Страна гибнет сегодня. С. 188.

1826.

Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. С. 73.

1827.

Боханов А.Н. Николай II. С. 359 (серия ЖЗЛ).

1828.

Свод законов Российской империи. Кн. 1. Т. I–III. СПб.: Деятель, 1912. С. 3.

1829.

Там же. С. 6.

1830.

Там же. С. 6.

1831.

Там же. С. 6–7.

1832.

Зызыкин М.В. Царская власть. София, 1924.

1833.

Установление нового строя. Переписка Ставки // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 /доп./ Д. 1751 (1). Л. 1.

1834.

Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 104.

1835.

Данилов Ю.Н. На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. М., 2002. С. 370.

1836.

Трубецкой Е. Минувшее. М.: ДЭМ, 1991.

1837.

Цит. по: Николаев П.А. Историческая драма в Пскове (март 1917 года). Псков, 2003. С. 68.

1838.

Николаев П.А. Историческая драма в Пскове. С. 67.

1839.

Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 59.

1840.

Телеграмма генерала М.В. Алексеева Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2094. Л. 1–5.

1841.

Телеграмма генерала М.В. Алексеева Императору Николаю II // Красный архив. Т. 2 (21). М.–Л., 1927. С. 53.

1842.

Телеграмма Великого Князя Николая Николаевича генералу М.В. Алексееву от 1 марта 1917 г. // Красный архив. Т. 2 (21). М.–Л., 1927. С. 48.

1843.

Дневник Великого Князя Андрея Владимировича. Запись беседы с генералом Н.В. Рузским // ГА РФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 35. Л. 179.

1844.

Там же.

1845.

Там же.

1846.

Допрос Д.Н. Дубенского // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 977. Л. 45.

1847.

Рузский Н.В. Пребывание Николая II в Пскове. (Беседа с ген. С.Н. Вильчковским) // Отречение Николая II. С. 152–153.

1848.

Дневник Великого Князя Андрея Владимировича. Запись

беседы с генералом Н.В. Рузским // ГА РФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 35. Л. 179.

1849.

Разговор по прямому проводу генерала Н.В. Рузского и М.В. Родзянко // Красный архив. Т. 2 (21). М.–Л., 1927. С. 56.

1850.

См. подробнее: Мультиатули П.В. Император Николай II и заговор 1917 года. Как свергали монархию в России. М.: Вече, 2013.

1851.

Телеграмма Императора Николая II генералу М.В. Алексею // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. /доп./ Д. 1753 (1). Л. 6.

1852.

Разговор по прямому проводу Н.В. Рузского и М.В. Родзянко // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. /доп./ Д. 1753 (1). Л. 4.

1853.

Там же.

1854.

Там же. Л. 5–6.

1855.

Телеграмма генерала Ю.Н. Данилова генералу М.В. Алексееву // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. /доп./ Д. 1753 (3). Л. 133.

1856.

Телеграмма генерала А.С. Лукомского генералу Ю.Н. Данилову // Отречение Николая II. С. 235–236.

1857.

Телеграмма генерала А.С. Лукомского генералу Ю.Н. Данилову // Отречение Николая II. С. 235–236.

1858.

Разговор по прямому проводу генерала Ю.Н. Данилова с генералом А.С. Лукомским // Отречение Николая II. С. 236.

1859.

Телеграмма генерала А.А. Брусилова генералу М.В. Алексееву // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. /доп./ Д. 1753 (1). Л. 35–37.

1860.

Телеграммы Великого Князя Николая Николаевича и главнокомандующих фронтами М.В. Алексееву // Красный архив. Т. 2 (21). М.–Л., 1927. С. 72–73.

1861.

Телеграмма генерала В.В. Сахарова генералу Н.В. Рузскому // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1759 (2). Л. 80–81.

1862.

Винберг А.Ф. Крестный путь. Мюнхен, 1922. Т. 1. С. 142.

1863.

Дневник Великого Князя Андрея Владимировича. Запись беседы с генералом Н.В. Рузским // ГА РФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 35. Л. 180.

1864.

Рузский Н.В. Беседа с журналистом В. Самойловым об отречении Николая II // Отречение Николая II. С. 143.

1865.

Данилов Ю.Н. Указ. соч. С. 321.

1866.

Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 64.

1867.

Данилов Ю.Н. Указ. соч. С. 231.

1868.

Basily Nicolas de. Diplomat of Imperial Russia 1903–1917. Memoirs. Hoover Institution Press, Stanford University, Stanford, California 1973. P. 125.

1869.

Донесения и переписка главнокомандующих армиями // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. /доп./ Д. 1753 (3). Л. 139.

1870.

Донесения и переписка главнокомандующих армиями // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. /доп./ Д. 1753 (3). Л. 141.

1871.

Телеграмма генерала М.В. Алексеева генералу Н.В. Рузскому. Проект манифеста // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. /доп./ Д. 1753(3). Л. 140.

1872.

Пронин В.М. Указ. соч. С. 123.

1873.

Hoover Institution Archives. Collection 65017. Nikolai Basily papers. Box 8.

1874.

Basily Nicolas de. Op. Cit. P. 125.

1875.

Допрос А.И. Гучкова // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 975. Л. 22.

1876.

Репников А.А., Гребенкин И.Н. В.В. Шульгин // Вопросы истории. № 5, 2010.

1877.

Допрос А.И. Гучкова // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 975. Л. 23.

1878.

Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. С. 134.

1879.

Правительственный вестник. 2 марта 1917 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 /доп./ Д 1751 (3). Л. 270.

1880.

Переговоры по прямому проводу генерала В.Н. Клембовского с генералом М.И. Эбеловым // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 /доп./ Д. 1753 (3). Л. 140.

1881.

Телеграмма генерала Ю.Н. Данилова генералу М.В. Алексееву // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 /доп./ Д. 1753 (3). Л. 141.

1882.

Катков Г.М. Указ. соч. С. 276.

1883.

Саввич С.С. Принятие Николаем II решения об отречении // Отречение Николая II. С. 198–199.

1884.

Воронович Н.В. Записки председателя совета солдатских депутатов // Страна гибнет сегодня. С. 317.

1885.

Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 70.

1886.

Гучков А.И. В царском поезде // Отречение Николая II. С. 191–192.

1887.

Шульгин В.В. Дни // Отречение Николая II. С. 178.

1888.

Дневник Великого Князя Андрея Владимировича. Запись беседы с генералом Н.В. Рузским // ГА РФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 35. Л. 180.

1889.

Допрос А.И. Гучкова // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 975. Л. 23.

1890.

Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 70.

1891.

Воспоминания Г.А. фон Таля, штаб офицера для особых поручений // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 90. Л. 29.

1892.

Записки Н.М. Романова. Предисловие А.А. Сергеева // Красный архив. М., 1931. № 6 (49).

1893.

Допрос А.И. Гучкова // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 975. Л. 28.

1894.

Лукомский А.С. Воспоминания // Страна гибнет сегодня. С. 195.

1895.

Собрание Узак. 1913 г., января 3. Отд. I. Ст. 13.

1896.

Никитин Б.В. Роковые годы. Новые показания участника.
М.: Айрис-Пресс, 2007.

1897.

О покушениях на священную особу Государя Императора // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 123. Л. 9.

1898.

О генерале Ю.С. Лазаревиче // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 171. Л. 136.

1899.

Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 118.

1900.

Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 70.

1901.

Допрос А.И. Гучкова // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 975. Л. 24.

1902.

Документы по отречению от престола Императора Николая II. Заключение специальной комиссии // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100-а. Л. 2–3.

1903.

Там же. Л. 9–11.

1904.

Там же. Л. 11.

1905.

Акт отречения от престола Императора Николая II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2101-а. Л. 5.

1906.

Телеграмма А.И. Гучкова в Петроград. 3 марта 1917 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1753 (1).

1907.

Письмо неустановленного лица из Лозанны // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1905 (235). Ч. 12.2 (2) Л. 206.

1908.

Допрос А.И. Гучкова // Падение царского режима. Л., 1926. Т. 6. С. 270.

1909.

Щербатов А. Мои воспоминания. Право на прошлое. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2003.

1910.

Шульгин В.В. Отречение Николая II. С. 184.

1911.

Допрос В.В. Шульгина // Отречение Николая II. С. 171.

1912.

Репников А.А., Гребенкин И.Н. В.В. Шульгин // Вопросы истории. № 5. 2010.

1913.

Рузский Н.В. Беседа с журналистом В. Самойловым об отречении Николая II // Отречение Николая II. С. 145.

1914.

Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С.119.

1915.

Пребывание Государя Императора в действующей армии. Февраль – март 1917 г. // РГИА. Ф. 516. Оп. 1 /доп./ Д. 25. Л. 10.

1916.

Допрос А.И. Гучкова // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 975. Л. 28–29.

1917.

Пребывание Государя Императора в Действующей армии. Февраль – март 1917 г. // РГИА. Ф. 516. Оп. 1 /доп./ Д. 25. Л. 9.

1918.

Телеграмма генерала Ю.Н. Данилова генералу В.Н. Клембовскому // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1754 (3). Л. 141а.

1919.

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1754(3). Л. 163.

1920.

Свод основных законов Российской империи. Кн. 1. Т. I–III. С. 14.

1921.

Телеграмма генерала Ю.Н. Данилова генералу М.В. Алексею // Красный архив. Т. 3 (22). М.–Л., 1928. С. 48.

1922.

Дневник Императора Николая II за 1917 г. Запись за 2 марта // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265. Л. 66.

1923.

Ден Ю. Указ. соч. С. 119.

1924.

Щербатов А. Мои воспоминания. Право на прошлое. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2003.

1925.

Бубликов А.А. Указ. соч. С.47.

1926.

Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 133.

1927.

Там же. С. 125.

1928.

Там же. С. 127.

1929.

Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С.75.

1930.

Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 127.

1931.

Тихменёв Н.М. Последний приезд Николая II в Могилёв // Отречение Николая II. С. 209.

1932.

Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 75.

1933.

Памятные книжки Императрицы Марии Феодоровны за 1917 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 42.

1934.

Памятная книжка Императрицы Марии Феодоровны. Запись за 2 марта 1917 г. // ГА РФ Ф. 642. Оп. 1. Д. 42. Л. 31 [на дат. яз.]. Пер. с дат. Ю. Кудриной.

1935.

Александр Михайлович, Великий Князь. Воспоминания Великого Князя. С. 231.

1936.

Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна – греческой королеве Ольге // ГА РФ. Ф. 686. Оп. 1. Д. 84. Л. 50–52. Пер. с дат. Ю. Кудриной.

1937.

Обращение отрѣкшегося от престола Императора Николая II к войскам // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2415. Л. 1–2.

1938.

Дань светлой памяти Императора Великого Мученика. Сооружение креста-памятника и ознаменование 20-летия Екатеринбургской драмы. Издание Союза ревнителей памяти Императора Николая II. Париж, 1939. С. 90.

1939.

Дань светлой памяти Императора Великого Мученика. С. 90.

1940.

Позднышев С. Распи Его. Париж, 1952. С. 349.

1941.

Мельгунов С.П. Судьба Императора Николая II после отречения. С. 40.

1942.

Щербатов А. Из воспоминаний // Новый журнал. № 227, 2002.

1943.

Подробнее см.: Мультатули П.В. Император Николай II и заговор 1917 года. Как свергали монархию в России. М.: Вече, 2013.

1944.

Прощание отрёкшегося Государя // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. / доп./ Д. 1762 (1). Л. 3.

1945.

Ден Ю. Указ. соч. С. 129.

1946.

Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. М., 1992. С. 52.

1947.

Кольцов М. Отречение Николая II. С. 22.

1948.

Врангель П.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 26.

1949.

Александр Шаргунов, протоиерей. Указ. соч. С. 12.

1950.

Решетников Л.П. Вернуться в Россию. Третий путь, или Тупики безнадёжности. М.: ФИВ; Российский институт стратегических исследований, 2012. С. 91.

1951.

Ден Ю. Указ соч. С. 163.

1952.

Alexandrov (Victor). La fin des Romanovs. Paris, Edition Alsatia, 1968. P. 99.

1953.

Ден Ю. Указ. соч. С. 119.

1954.

Набоков В. Временное правительство // Архив Русской Революции (далее АРР). Изданный Г.В. Гессеном. М.: Терра, 1991. Т. 3–4. С. 32.

1955.

Кологривов К. (сообщено А.Д. Нечволодовым). Арест Государыни Императрицы Александры Феодоровны и Августейших Детей Их Величеств // Русская летопись. Кн. 3. Париж, 1922. С. 192–194.

1956.

Цит. по: Скорбный ангел. С. 571.

1957.

Ден Ю.А. Указ. соч. С. 163.

1958.

Там же. С. 162–163.

1959.

Жильяр П. Указ. соч. С. 97.

1960.

Мельник-Боткина Т. Указ. соч. С. 31.

1961.

Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. М.: Алгоритм, БСК, 2007. С. 24.

1962.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 9 марта 1917 г. С. 297–298.

1963.

Соколов Н.А. Указ. соч. С. 25.

1964.

Там же.

1965.

Допрос свидетеля А.Ф. Керенского // Российский архив. Т. XVIII. С. 231.

1966.

Записка Николая Романова // Красный архив. М.–Л., 1927. Т. 2 (21). С. 53–54.

1967.

Примечания к «Записке Николая Романова» // Красный архив. М.–Л., 1927. Т. 2 (21). С. 54.

1968.

Телеграмма генерала М.В. Алексеева князю Г.Е. Львову. 4 марта 1917 г. // Красный архив. М.–Л., 1927. Т. 2 (21). С. 54.

1969.

Там же. С. 72.

1970.

Телеграмма генерала А.С. Лукомского генералу Н.Н.

Янушкевичу // Красный архив. М.–Л., 1927. Т. 2 (21). С. 56.

1971.

Телеграмма французского посла М. Палеолога П. Камбону из Петрограда 18 марта 1917 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 87. Л. 1.

1972.

Ден Ю. Указ. соч. С. 167.

1973.

Винберг Ф. Указ. соч. С. 190.

1974.

Ден Ю. Указ. соч. С. 166.

1975.

Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции. М.: Книга, 1991. С. 172.

1976.

Мельгунов С.П. Судьба Императора Николая II после отречения. Нью-Йорк: Телекс, 1991. С. 17–18.

1977.

Там же.

1978.

Там же.

1979.

Брачев В.С. Указ. соч. С. 317.

1980.

Кожин В.В. «Черносотенцы» и революция. М., 1998. С. 140.

1981.

Старцев В.И. Указ. соч. С. 89.

1982.

Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 21.

1983.

Набоков В. Временное правительство // АРР. Т. 1–2. С. 32.

1984.

Допрос свидетеля П.Н. Милюкова // Российский архив. С. 356.

1985.

Допрос свидетеля П.Н. Милюкова // Российский архив. С. 356.

1986.

Там же.

1987.

Бьюкенен Джордж. Мемуары дипломата. Москва – Минск, 2001. С. 269.

1988.

Милюков П.Н. Воспоминания. М.: ИПЛ, 1991. С. 491.

1989.

Щербатов А. Мои воспоминания. Право на прошлое. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2003. С. 398.

1990.

DDF 1920, tome 1 (10 janvier–18 mai). Paris, 1997. P. 66.

1991.

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. Vol. 1. Washington, 1931. P. 7.

1992.

Щербатов А. Мои воспоминания. Право на прошлое. М.:

Изд-во Сретенского монастыря, 2003.

1993.

Ломан Ю.Д. Воспоминания крестника Императрицы. Автобиографические записи. СПб., 1994. С. 75.

1994.

Фрейлина Ее Величества. С. 202.

1995.

Императрица Александра Феодоровна – М.М. Сыроборяской 4 июня 1917 г. // Письма Царской Семьи из заточения. М.: Вече, 2013. С. 39–40.

1996.

Дитерихс М.К. Указ. соч. Т. 2. С. 169–170.

1997.

Там же.

1998.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 2 апреля 1917 г. С. 302.

1999.

Мельник-Боткина Т. Указ. соч. С. 31.

2000.

Ден Ю. Указ. соч. С. 160.

2001.

Мельник-Боткина Т. Указ. соч. С. 31.

2002.

Жильяр П. Император Николай II и его Семья. Вена, 1921. С. 213.

2003.

Ден Ю. Указ. соч. С. 170.

2004.

Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. СПб.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1996. С. 118–119.

2005.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 18 апреля 1917 г. С. 305.

2006.

Е.С. Боткин – графу П.К. Бенкендорфу 15 марта 1917 г. // ГА РФ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.

2007.

Ден Ю. Указ. соч. С. 161.

2008.

Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. С. 118.

2009.

Буранов Ю.А., Хрусталеv В.М. Указ. соч. С. 102.

2010.

Жильяр П. Император Николай II и его Семья. С. 210.

2011.

Grèce (E.) de. Le Tsarévitch enfant martyr. Avec son journal inédit. Paris: Perrin, 1990. P. 176.

2012.

Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи.

2013.

Жильяр П. Император Николай II и его Семья. С. 210.

2014.

Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и членов Дома

Романовых на Урале. Т. 2. С. 181.

2015.

Российский архив. С. 120.

2016.

Русская мысль. 1952. № 440. С. 3.

2017.

Цит. по: Винберг Ф. Указ. соч. С. 195.

2018.

Щербатов А.П. Указ. соч. С. 395.

2019.

Допрос свидетеля С. Гиббса // Российский архив. С. 104.

2020.

Допрос свидетеля А.Ф. Керенского // Российский архив. С. 232.

2021.

Крылов-Толстикович А. Быть русской Императрицей. М.: Гала-Пресс, 2003. С. 358.

2022.

Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. С. 33.

2023.

Мельник-Боткина Т. Указ. соч. С. 32.

2024.

Подробнее см.: Фомин С.В. Как они его жгли // Русский вестник. 2002. № 21–23.

2025.

Alexandrov Victor. La fin des Romanovs. Paris: Edition Alsatia 1968. P. 115–116.

2026.

Alexandrov Victor. Op. cit. P. 115–116.

2027.

Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели // Страна гибнет сегодня. С. 165.

2028.

Боханов А.Н. Распутин. Анатомия мифа. М., 2000. С. 20.

2029.

Там же. С. 22.

2030.

Крылов-Толстикович А. Указ. соч. С. 362.

2031.

Боханов А.Н. Распутин. Анатомия мифа. С. 22–23.

2032.

Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели // Страна гибнет сегодня. С. 164.

2033.

Керенский А.Ф. Издалека. Сборник статей. (1920–1921). Париж, 1922. С. 188.

2034.

Ден Ю. Указ. соч. С. 167.

2035.

Буксгевден С.К. Указ. соч. С. 458–459.

2036.

Там же. С. 462.

2037.

Показания свидетельницы А.А. Теглевой // Российский архив. Т. VIII. С. 12–121.

2038.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2111. Л. 1–6.

2039.

Исторический архив. 1993. № 1. С. 25.

2040.

Там же. С. 26.

2041.

Жильяр П. Император Николай II и его Семья. С. 211.

2042.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 3 июня 1917 г. С. 314.

2043.

Цит. по: Мельгунов С.П. Судьба Императора Николая II после отречения. С. 84.

2044.

Дитерихс М.К. Указ. соч. Т. 2. С. 179.

2045.

Мельгунов С.П. Судьба Императора Николая II после

отречения. С. 160.

2046.

Мельгунов С.П. Судьба Императора Николая II после отречения. С. 160.

2047.

Мельгунов С.П. Судьба Императора Николая II после отречения. С. 86.

2048.

Дитерихс М.К. Указ. соч. Т. 2. С. 180.

2049.

Дневник княгини Н.А. Нарышкиной // ГА РФ. Ф. 6501. Оп. 1. Д. 595. Л. 12.

2050.

Исторический архив. 1993. № 1. С. 35–36.

2051.

Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. С. 48–49.

2052.

Императрица Александра Феодоровна – А.В.

Сыробоярскому 29 мая 1917 г. // Письма Царской Семьи из заточения. С. 35.

2053.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 1 мая 1917 г. С. 306–308.

2054.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 22 мая 1917 г. С. 311.

2055.

Цит. по: Зимин Ю.В. Россия – Революция – Гражданская война в оценках и воспоминаниях современников / Пенз. гос. пед. ин-т им. В.Г. Белинского. Пенза, 1993. С. 60.

2056.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 19 июня 1917 г. С. 317.

2057.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 20 июня 1917 г. С. 317.

2058.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2.

1914–1918. Запись за 27 июня 1917 г. С. 318.

2059.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2.
1914–1918. Запись за 28 июня 1917 г. С. 318.

2060.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2.
1914–1918. Запись за 13 июля 1917 г. С. 321.

2061.

Императрица Александра Феодоровна – Ю.А. Ден 5 июня
1917 г. // Письма Царской Семьи из заточения. С. 40.

2062.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2.
1914–1918. Запись за 5 июля 1917 г. С. 319.

2063.

Российский архив. С. 234.

2064.

Жильяр П. Указ. соч. С. 221.

2065.

Российский архив. С. 208.

2066.

Мельгунов С.П. Судьба Императора Николая II после отречения. С. 179.

2067.

Грунт А.Я., Старцев В.И. Петроград – Москва. Июль – ноябрь 1917. М.: ИПЛ, 1984. С. 19.

2068.

Цит. по: Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 34. С. 18.

2069.

Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. С. 38.

2070.

Российский архив. С. 235.

2071.

Там же. С. 208.

2072.

Щербатов А.П. Указ. соч. С. 398.

2073.

АРР. Т. 1. С. 32.

2074.

Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. С. 38.

2075.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 28 июля 1917 г. С. 324.

2076.

Керенский А.Ф. Издалека. Сборник статей (1920–1921). Париж, 1922. С. 193.

2077.

Щербатов А. Указ. соч. С. 167.

2078.

Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. С. 39.

2079.

Botkin Gleb. Op. cit. P. 140.

2080.

Benkendorf P. Last Days at Tsarskoe Selo. London, 1927. P. 117.

2081.

Calitzine Véra, princesse. *Réminiscences d'une émigrée* (1865–1920). Paris: Plon, 1925. P. 214–215.

2082.

Серафим (Кузнецов), игумен. Указ. соч. С. 247.

2083.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 30 июля 1917 г. С. 324.

2084.

Серафим (Кузнецов), игумен. Указ. соч. С. 247.

2085.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 31 июля 1917 г. С. 324.

2086.

Там же. С. 324–325.

2087.

Матвеев В.Н. Последние дни Государевой Семьи в Царском Селе // Памятные дни. С. 9.

2088.

Там же. С. 12.

2089.
Артабалевский Н.А. Отъезд Последнего Царя в ссылку // Памятные дни. С. 98.

2090.
Артабалевский Н.А. Отъезд Последнего Царя в ссылку // Памятные дни. Выпуск 1. Таллин – Ревель, 1932. С. 17.

2091.
Российский архив. С. 180.

2092.
Памятные дни. С. 99.

2093.
Цит. по: Платонов О.А. Николай II. Жизнь и царствование. СПб., 1999. С. 423.

2094.
Памятные дни. С. 99.

2095.
Там же. С. 100–101.

2096.

Позднышев С. Немеркнувший свет. Сан-Пауло, 1949. С. 63.

2097.

Арцыбашев М. Записки писателя // Литература русского зарубежья: Антология. М., 1991. С. 445–447.

2098.

Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. С. 86.

2099.

Там же. С. 86.

2100.

Дневник Императора Николая II. С. 647.

2101.

Gilliard Pierre. Le Tragique destin de Nicolas II et de sa famille. Payot, Paris, 1929. P. 193–194.

2102.

Волков А.А. Около Царской Семьи. М., 1993. С. 76.

2103.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 6 августа 1917 г. С. 326.

2104.

Там же.

2105.

Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. С. 89.

2106.

Ордовский-Танаевский Н.А. Воспоминания (жизнеописание мое). Simbach-am-Caracas – М. – СПб., 1948–1993. С. 395.

2107.

Alexandrov V. Op. cit. P. 147.

2108.

Ордовский-Танаевский Н.А. Указ. соч. С. 302.

2109.

Допрос свидетельницы С.К. Буксгевден // Российский архив. Т. 8. С. 123.

2110.

Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской Семьи. (Август 1918 – февраль 1920).

Сост. Николай Росс. Мюнхен: Посев, 1987. С. 60–61.

2111.

Волков А.А. Указ. соч. С. 77.

2112.

Письма Царской Семьи из заточения. С. 157.

2113.

Там же. С. 60.

2114.

Российский архив. С. 107.

2115.

Из устных воспоминаний Е.И. Харитоновой (Мультатули).

2116.

Допрос свидетеля С. Гиббса // Российский архив. Т. 8. С. 139.

2117.

Волков А.А. Указ. соч. С. 78.

2118.

Допрос свидетеля А.А. Волкова // Гибель Царской Семьи. С.

294.

2119.

Допрос свидетеля Е.С. Кобылинского // Гибель Царской Семьи. С. 294.

2120.

Допрос свидетельницы Е.Н. Эрсберг // Российский архив. Т. 8. С. 138.

2121.

Последние дневники Императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. – июль 1918 г. / Под ред. В.А. Козлова и В.М. Хрусталева. Новосибирск, 1999. С. 326.

2122.

Дневник Императора Николая II. С. 549, 650, 651.

2123.

Панкратов В.С. С царём в Тобольске. Из воспоминаний. Л., 1990. С. 14.

2124.

Там же. С. 14.

2125.

Там же.

2126.

Мельник-Боткина Т. Указ. соч. С. 71.

2127.

Дневник Императора Николая II. С. 652.

2128.

Двуглавый Орёл. Вестник Высшего Монархического Совета. «L'aiglerusse». Париж, № 17, 25 апреля (10 марта), 1927. С. 8–9.

2129.

ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 26. Л. 23.

2130.

Письмо неизвестного лица Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2281. Л. 1.

2131.

Письмо Елены К. Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2264. Л. 1.

2132.

Botkin (Gleb). Op. cit. P. 153.

2133.

Там же. Р. 181.

2134.

Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. С. 169.

2135.

Там же. С. 132.

2136.

Там же. С. 152.

2137.

Мельник (урожденная Боткина) Татьяна. Указ. соч. С. 81.

2138.

Дневник Императора Николая II. С. 167.

2139.

Последние дневники Императрицы Александры Федоровны. С. 198–214.

2140.

Ордовский-Танаевский Н.А. Указ. соч. С. 468–469.

2141.

Там же. С. 468.

2142.

«Православная жизнь», Orthodox life: Ежемес. Прил. к журналу «Православная Русь». Jordanville (NY), июль 1968. № 7. С. 3–4.

2143.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 266. Л. 87.

2144.

Мельник (Боткина) Т. Указ. соч. С. 87.

2145.

Дневник Императора Николая II. С. 671.

2146.

Там же. С. 672–673.

2147.

Мельник Т. Указ. соч. С. 90.

2148.

Жильяр П. Указ. соч. С. 240.

2149.

Платонов О.А. История царевубийства. С. 223.

2150.

Botkin (Gleb). Op. cit. P. 156.

2151.

Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. С. 42.

2152.

Там же. С. 50.

2153.

Телеграмма Е.С. Кобылинского и Матвеева председателю ВЦИК Я.М. Свердлову // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 27. Л. 1.

2154.

Телеграмма Аванесова Кобылинскому и Матвееву // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 27. Л. 2.

2155.

Дневники Императора Николая II.

2156.

Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. С. 52.

- 2157.**
Там же.
- 2158.**
Мельник-Боткина Т. Указ. соч. С. 78.
- 2159.**
Старцев В.И. Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 99.
- 2160.**
Российский архив. Т. 8. С. 125.
- 2161.**
Там же. С. 140.
- 2162.**
Там же. С. 108.
- 2163.**
Жильяр П. Указ. соч. С. 230.
- 2164.**
В.С. Панкратов – А.Ф. Керенскому 20 сентября 1917 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 20. Л. 3–4.

2165.

Там же.

2166.

Волков А.А. Указ. соч. С. 79.

2167.

Допрос А.А. Теглевой // Российский архив. Т. 8. С. 125.

2168.

Панкратов В.С. С царем в Тобольске. Из воспоминаний. Л., 1990. С. 41–42.

2169.

Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. С. 51.

2170.

В. и Л. Убийство Императора Николая II и его Семьи. Живые погребенные. (Алапаевское убийство Великих Князей). Харбин: Рассвет, 1920. С. 19.

2171.

Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. С. 51.

2172.

Панкратов В.С. Указ. соч. С. 42.

2173.

Дневник Императора Николая II. С. 653.

2174.

Допрос свидетельницы Е.Н. Эрсберг // Российский архив. Т. 8. С. 98.

2175.

Российский архив. Т. 8. С. 124.

2176.

Криворотов В. На страшном пути до Уральской Голгофы. (Страшное иго). Мадрид, 1975. С. 124–126.

2177.

Дневники Императора Николая II. С. 662.

2178.

Ордовский-Танаевский Н.А. Указ. соч. С. 469.

2179.

Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. С. 48.

2180.

Дневник Императора Николая II. С. 666.

2181.

Пронин В.М. Указ. соч. С. 8.

2182.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 18 ноября 1917 г. С. 340.

2183.

Допрос свидетеля П. Жильяра 5–6 марта 1919 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 231–232.

2184.

Леонтьев. Открытое письмо Императору Вильгельму. Paris, 1918.

2185.

Summers (Anthony), Mangold (Tom). Le dossier Romanov. Paris: Albin Michel, 1980. P. 102.

2186.

Енсен Бент. Среди цареубийц. М., 2001. С. 69.

2187.

Енсен Бент. Указ. соч. С. 70.

2188.

Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. С. 140.

2189.

Les discours de Guillaume II pendant la guerre. Paris, 1918. P. 48.

2190.

Императрица Александра Феодоровна – А.А. Вырубовой
2/15 марта 1918 г. // Письма Царской Семьи из заточения.
С. 155.

2191.

Императрица Александра Феодоровна – Ю.А. Ден 2/15
марта 1918 г. // Письма Царской Семьи из заточения. С. 158.

2192.

Михайловский Г.Н. Записки. Т. 2. М., 1993. С. 107–110.

2193.

Двуглавый орел. Вестник Высшего Монархического Совета.
Париж, № 11, 15 (28) августа 1927 г. С. 5.

2194.

Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. С. 72–73.

2195.

Вильтон Р. Последние дни Романовых. М., 1999. С. 79–80.

2196.

Мельгунов С.П. Судьба Императора Николая II после отречения. С. 298.

2197.

Там же. С. 298–299.

2198.

Буранов Ю.А., Хрусталеv В.М. Указ. соч. С. 134.

2199.

Дитерихс М.К. Указ. соч. Т. 1. С. 352.

2200.

Мосолов А.А. Указ. соч. С. 245.

2201.

Допрос П.Н. Милюкова // Российский архив. Т. 8. С. 263.

2202.

Лыкова Л.А. Следствие по делу об убийстве Российской Императорской Семьи. М.: РОССПЭН, 2007. С. 196.

2203.

Допрос В.Л. Бурцева // ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 3.

2204.

Допрос Д.Б. Нейдгарта // Российский архив. Т. 8. С. 265.

2205.

Плотников И.Ф. Указ. соч. С. 30.

2206.

Уткин А.И. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск: Русич, 2000. С. 122.

2207.

Цит. по: Шамбаров В.Е. Оккультные корни Октябрьской революции. М.: Эксмо, 2006.

2208.

Пагануци П. Правда об убийстве Царской Семьи. Историко-критический очерк. М.: Товарищество русских художников, 1992. С. 133.

2209.

Шамбаров В.Е. Оккультные корни Октябрьской революции. М.: Алгоритм, 2006. С. 334–335.

2210.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 38. С. 78.

2211.

Допрос В. Брательса // Российский архив. С. 306.

2212.

Записка В.Л. Бурцева // ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

2213.

Там же.

2214.

Там же.

2215.

Дневник Императора Николая II. С. 671.

2216.

Постановление ВЦИК от 1 апреля 1918, 2-я часть // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 34. Д. 36.

2217.

Постановление ВЦИК от 6 апреля 1918 // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 34. Д. 36.

2218.

Плотников И.Ф. Гибель Царской Семьи. С. 38.

2219.

Последние дни Романовых. Документы, материалы следствия, дневники, версии. С. 45–46.

2220.

Авдонин А.Н. В жерновах революции. С. 18.

2221.

Телеграмма Я.М. Свердлова Уральскому совету // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 33. Л. 1.

2222.

Плотников И.Ф. Указ. соч. С. 38.

2223.

Материалы о перемещении Императорской Семьи из Тобольска в Екатеринбург // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 33. Л. 3.

2224.

Жильяр П. Император Николай II и его Семья. С. 240.

2225.

Дневник Императора Николая II. С. 674.

2226.
Последние дневники Императрицы Александры Федоровны.
С. 189.

2227.
Дневник Императора Николая II. С. 674.

2228.
Botkin (G.). Op. cit. P. 189.

2229.
Буранов Ю.А., Хрусталеv В.М. Указ. соч. С. 160.

2230.
Там же.

2231.
Botkin (G.) Op. cit. P. 189.

2232.
Мельник Т. Указ. соч. С. 91.

2233.
Российский архив. Т. 8. С. 141–142.

- 2234.**
АРР. Т. 17–18. С. 304.
- 2235.**
Российский архив. Т. 8. С. 126.
- 2236.**
Последние дни Романовых. С. 245.
- 2237.**
Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. С. 139.
- 2238.**
Гибель Царской Семьи. С. 302–303.
- 2239.**
Там же.
- 2240.**
Жильяр П. Указ. соч. С. 242–243.
- 2241.**
Последние дневники Императрицы Александры Федоровны.
С. 191.
- 2242.**

Мельник (Боткина) Т. Указ. соч. С. 93.

2243.

Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 303.

2244.

Дневник Императора Николая II. С. 674.

2245.

Жильяр П. Указ. соч. С. 244.

2246.

Мельник (Боткина) Т. Указ. соч. С. 92.

2247.

Botkin (G.). Op. cit. P. 169.

2248.

Волков А.А. Указ. соч. С. 82.

2249.

Там же. С. 83.

2250.

Гибель Царской Семьи. С. 304.

2251.

Буранов Ю.А., Хрусталеv В.М. Указ. соч. С. 162.

2252.

Последние дни Романовых. С. 55.

2253.

Там же. С. 61.

2254.

Авдонин А.Н. В жерновах революции. С. 155.

2255.

Записка С.С. Заславского В.В. Яковлеву // ГА РФ. Ф. 601.
Оп. 2. Д. 31. Л. 5.

2256.

Авдонин А.Н. В жерновах революции. С. 148.

2257.

Булыгин Павел. Убийство Романовых. М.: ACADEMIA,
2014. С. 334–335.

2258.

Последние дни Романовых. С. 58.

2259.

Там же. С. 244.

2260.

Буранов Ю.А., Хрусталеv В.М. Указ. соч. С. 159.

2261.

Телеграмма Ф. Голощёкина П. Хохрякову // ГА РФ, Ф. 601.
Оп. 2. Д. 33.

2262.

Дневник Императора Николая II. С. 674.

2263.

Жильяр П. Указ. соч. С. 187.

2264.

Цит. по: Плотников И.Ф. Указ. соч. С. 51.

2265.

Последние дневники Императрицы Александры Федоровны.
С. 194.

2266.

Цит. по: Плотников И.Ф. Указ. соч. С. 51.

2267.

Цит. по: Авдонин А.Н. В жерновах революции. С. 211.

2268.

Дневник Императора Николая II. С. 675.

2269.

Последние дни Романовых. С. 245–246.

2270.

Дневник Императора Николая II. С. 675.

2271.

Алексеев В. Указ. соч. С. 60.

2272.

В.В. Яковлев – И.В. Сталину // Авдонин А.Н. В жерновах революции. С. 155.

2273.

Алексеев В. Указ. соч. С. 57.

2274.

Там же.

2275.

Там же. С. 58–59.

2276.

Последние дни Романовых. С. 69.

2277.

Алексеев В. Указ. соч. С. 59.

2278.

Последние дни Романовых. С. 69

2279.

Буранов Ю.А., Хрусталеv В.М. Указ. соч. С. 169–170.

2280.

Алексеев В. Указ. соч. С. 62.

2281.

Там же. С. 63.

2282.

Lorrain Pierre. Op. cit. P. 289.

2283.

Авдонин А.Н. В жерновах революции. С. 139.

2284.

Российский архив. Т. 8. С. 422.

2285.

Расследование цареубийства. Секретные документы. М., 1993. С. 22.

2286.

Цит. по: Жук Ю.А. Исповедь цареубийц. Убийство Царской Семьи в материалах предварительного следствия и воспоминаниях лиц, причастных к совершению этого преступления. М.: Вече, 2008. С. 194. В своей книге Ю. Жук дает неправильное написание должности и фамилии Кюльмана: «государственный секретарь Кухельман» (по-немецки фамилия Кюльман пишется “Kuhlmann”). В 1918 г. его должность называлась штатс-секретарь иностранных дел. По-видимому, Жук пользовался каким-то плохим переводом источника, данные которого он, к сожалению, не приводит.

2287.

Алексеев В. Указ. соч. С. 67.

2288.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 15 апреля 1918 г. С. 420.

2289.

Последние дни Романовых. С. 71–72.

2290.

Там же.

2291.

Зайцев Г. Романовы в Екатеринбурге. Екатеринбург: Сократ, 1998. С. 12.

2292.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 51. Л. 34.

2293.

Красная новь. 1928, № 5.

2294.

Рабочая революция на Урале: Эпизоды и факты. Сборник. Екатеринбург, 1921. С. 77.

2295.

Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток. (1917–1922). М.: Русский путь, 1998. С. 93.

2296.

Дневник Императора Николая II. С. 675.

2297.

Рабочая революция на Урале: Эпизоды и факты. С. 78.

2298.

Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. С. 70.

2299.

Последние дни Романовых. С. 247.

2300.

Там же. С. 74.

2301.

Там же.

2302.

Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. С. 141.

2303.

Bulygin P., Kerensky A. The murder of the Romanovs. London, 1935. P. 45.

2304.

Noulens (J.) Mon Ambassade en Russie soviétique 1917–1919.

Paris: Plon, 1933. V. 2. P. 190.

2305.

Телеграмма А.Г. Белобородова Я.М. Свердлову // Алексеев В. Указ. соч. С. 71.

2306.

Телеграмма Я.М. Свердлова А.Г. Белобородову // Алексеев В. Указ. соч. С. 71.

2307.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 17 апреля 1918 г. С. 420.

2308.

Быков П.М. Последние дни Романовых. Свердловск: Уральский рабочий, 1990. С. 78.

2309.

Плотников И.Ф. Указ. соч. С. 91.

2310.

Зайцев Г.Б. Романовы в Екатеринбурге. 78 дней. Документальное исследование. Екатеринбург: Сократ, 1997. С. 21.

2311.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 17 апреля 1918 г. С. 421.

2312.

Там же.

2313.

Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 61–62.

2314.

Последние дневники Императрицы Александры Федоровны. С. 199.

2315.

Великая Княжна Мария Николаевна – З.С. Толстой 4/17 мая 1918 г. // Письма святых Царственных Мучеников из заточения. СПб.: Спасо-Преображенский монастырь, 1996. С. 313.

2316.

Восьмые Романовские чтения, посвященные восстановлению и увековечению памяти о Романовых. Администрация Свердловской области, Свердловский областной краеведческий музей, Региональный общественный фонд «Обретение». Екатеринбург, 2001. С.

131–133.

2317.

Протокол дополнительного осмотра дома Ипатьева 15–25 апреля 1918 г. следователем Н.А. Соколовым // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 316.

2318.

Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток. 1917–1922. М., 1998. С. 83–84.

2319.

Pascal (P). Mon journal de Russie. 1916–1918. Paris, L’Aged’Homme, 1975. P. 289–290.

2320.

Плотников И.Ф. Указ. соч. С. 127.

2321.

Аничков В.П. Указ. соч. С. 93.

2322.

Письмо «русской женщины» Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 39. Л. 1.

2323.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 18 апреля 1918 г. С. 421.

2324.

Последние дневники Императрицы Александры Федоровны. С. 199.

2325.

Зайцев Г.Б. Романовы в Екатеринбурге. 78 дней. Документальное исследование. Екатеринбург: Сократ, 1997. С. 25–26.

2326.

Последние дневники Императрицы Александры Федоровны. С. 201.

2327.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 20 апреля 1918 г. С. 422.

2328.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 22 апреля 1918 г. С. 422.

2329.

Инструкция коменданта ДОН // Алексеев В.В. Гибель

Царской Семьи: мифы и реальность. (Новые документы о трагедии на Урале). Екатеринбург, 1993. С. 85.

2330.

Там же. С. 85.

2331.

Там же. С. 86–87.

2332.

Допрос свидетеля Т.И. Чемодурова // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 62.

2333.

Инструкция коменданта ДОН // Алексеев В.В. Указ. соч. С. 86–87.

2334.

Допрос свидетеля Т.И. Чемодурова // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 62.

2335.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 25 апреля 1918 г. С. 423.

2336.

Допрос свидетеля Т.И. Чемодурова // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 62.

2337.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 27 апреля 1918 г. С. 424.

2338.

Буранов Ю., Хрусталеv В. Гибель императорского дома. 1917–1919 гг. М.: Прогресс, 1992. С. 242.

2339.

Зайцев Г.Б. Указ. соч. С. 39.

2340.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 2 мая 1918 г. С. 425.

2341.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 6 мая 1918 г. С. 425.

2342.

Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. С. 312.

2343.

Буранов Ю.А., Хрусталеv В.М. Указ. соч. С. 242.

2344.

Великая Княжна Татьяна Николаевна – Императору Николаю II // Шестые Романовские чтения. 15–16 июля 2000. Екатеринбург, 2001. С. 155.

2345.

Из устных воспоминаний Е.И. Мультатули (урожд. Харитоновой).

2346.

Мельник-Боткина Т. Указ. соч. С. 58–59.

2347.

Допрос свидетеля Е.С. Кобылинского 6–10 апреля 1919 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 304.

2348.

Жильяр П. Указ. соч. С. 246.

2349.

Botkin (G.). Op. cit. P. 175.

2350.

Мельник-Боткина Т. Указ. соч. С. 60.

2351.

Там же.

2352.

Волков А.А. Указ. соч. С. 84.

2353.

Пагануци П. Указ. соч. С. 50.

2354.

Волков А.А. Указ. соч. С. 84.

2355.

Допрос А.А. Теглевой // Российский архив. С. 128–129.

2356.

Книга дежурств охранников ДОНа // Алексеев В. Указ. соч. С. 88.

2357.

Жильяр П. Указ. соч. С. 248.

2358.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2.

1914–1918. Запись за 10 мая 1918 г. С. 426.

2359.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2.
1914–1918. Запись за 14 мая 1918 г. С. 426.

2360.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2.
1914–1918. Запись за 16 мая 1918 г. С. 427.

2361.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2.
1914–1918. Запись за 3 июня 1918 г. С. 429.

2362.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2.
1914–1918. Запись за 10 мая 1918 г. С. 426.

2363.

Е.С. Боткин – председателю Екатеринбургского исполкома //
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 24. Л. 3.

2364.

Кузнецов В.В. Тайна пятой печати. СПб.: Сатись, 2002. С. 518.

2365.

Плотников И.Ф. Указ. соч. С. 88.

2366.

Допрос свидетеля М.И. Летемина 18–19 октября 1918 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 108.

2367.

Момот В. Ночь без рассвета // <http://www.proza.ru> со ссылкой на ГА СО. Ф. 472. Оп. 1. Д. 17. Л. 13.

2368.

Блюхер В.В. По военным дорогам отца. Свердловск: Сред. – Урал. кн. изд-во, 1984. С. 13.

2369.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 25 апреля 1918 г. С. 423.

2370.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 1 мая 1918 г. С. 424.

2371.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 2 мая 1918 г. С. 425.

2372.

Момот В. Ночь без рассвета // <http://www.proza.ru> со ссылкой на ГАСО Ф. 472. Оп. 1. Д. 15. Л. 175.

2373.

Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. С. 158.

2374.

Там же. С. 160.

2375.

Там же. С. 158.

2376.

Там же. С. 159.

2377.

Допрос свидетеля Т.И. Чемодурова 15–16 августа 1918 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 62.

2378.

Мельгунов С.П. Судьба Императора Николая II после отречения. С. 376.

2379.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2.
1914–1918. Запись за 21 июня 1918 г. С. 431.

2380.

Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. С. 160.

2381.

Там же.

2382.

Допрос обвиняемого А.А. Якимова 7–11 мая 1919 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 336.

2383.

Допрос обвиняемого Ф.П. Проскурякова 1–3 апреля 1919 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 275.

2384.

Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. С. 180.

2385.

Криворотов В. Указ. соч. С. 192.

2386.

Там же. С. 205.

2387.
Допрос свидетельницы А.В. Трикиной 9 июля 1919 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 392.

2388.
Допрос свидетельницы М.Л. Крохаловой 9 июля 1919 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 393.

2389.
Плотников И.Ф. Указ. соч. С. 91.

2390.
Российский архив. Т. 8. С. 423.

2391.
Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. С. 180.

2392.
Там же, с. 306.

2393.
Новое время. № 27. 12 июля 1998. С. 31.

2394.
Дитерихс М.К. Указ. соч. Т. 1. С. 297.

2395.

Допрос свидетеля М.П. Соколова. 11 сент. 1919 г. // Чичканов Ю.И. Следственные материалы по делу об убийстве Николая II и его семьи // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1994. С. 163.

2396.

Аничков В.П. Указ. соч. С. 54.

2397.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 13 мая 1918 г. С. 427.

2398.

Допрос свидетеля В.Н. Деревенко 11 сентября 1919 г. // Гибель Царской Семьи, материалы следствия. С. 471–472.

2399.

Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. С. 169.

2400.

Допрос обвиняемого А.А. Якимова 7–11 мая 1919 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 336.

2401.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 23 июня 1918 г. С. 432.

2402.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 23 июня 1918 г. С. 427.

2403.

Последние дневники Императрицы Александры Федоровны. С. 252.

2404.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 25 июня 1918 г. С. 432.

2405.

Последние дневники Императрицы Александры Федоровны. С. 254.

2406.

Источник. № 0. 1993. С. 109.

2407.

Там же. С. 110.

2408.

Допрос свидетельницы А.В. Трикиной 9 июля 1919 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 339.

2409.

Допрос обвиняемого А.А. Якимова 7–11 мая 1919 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 339.

2410.

Там же, с. 339–340.

2411.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 24. Л. 37.

2412.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 25 июня 1918 г. С. 432.

2413.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 28 июня 1918 г. С. 432.

2414.

Великие Святые. «Он всех простил...» Император Николай II. Церковь о Царской Семье. СПб., 2002. С. 145.

2415.

Борман Эмиль. Николай II. Сон-легенда к Троицкому дню. Б/г. С. 23–27.

2416.

Россия перед вторым пришествием. (Материалы к очерку русской эсхатологии). М., 1998. Т. 2. С. 167.

2417.

Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. С. 167.

2418.

Бехтеев С.С. Грядущее. Стихотворения. СПб., 2002. С. 97.

2419.

Константин (Зайцев), архимандрит. Указ. соч. С. 476.

2420.

Как погибла Царская Семья. Свидетельство очевидца И.П. Мейера. [Пер. с нем.]. М., 1990. С. 17–18.

2421.

ГА РФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

2422.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2.

1914–1918. Запись за 9 июня 1918 г. С. 430.

2423.

Алексеев В. Указ. соч. С. 90.

2424.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2.
1914–1918. Запись за 22 мая 1918 г. С. 428.

2425.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2.
1914–1918. Запись за 23 мая 1918 г. С. 429.

2426.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2.
1914–1918. Запись за 24 мая 1918 г. С. 429.

2427.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2.
1914–1918. Запись за 25 мая 1918 г. С. 429.

2428.

Книга дежурств охранников ДОНа // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2.
Д. 24.

2429.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 10 июня 1918 г. С. 431.

2430.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 5 июня 1918 г. С. 430.

2431.

Допрос свидетеля протоиерея Иоанна Владимировича Сторожева 8–10 октября 1918 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 97.

2432.

Там же. С. 98.

2433.

Плотников И.Ф. Указ. соч. С. 167.

2434.

(Краснопевков) Вениамин, архиепископ. Новая скрижаль. Изд-во Православного Братства Святителя Филарета Митрополита Московского. 1999 (по изданию 1908 г.).

2435.

Допрос свидетеля протоиерея Иоанна Владимировича Сторожева 8–10 октября 1918 г. // Гибель Царской Семьи,

материалы следствия. С. 95.

2436.

Источник. № 0. С. 111.

2437.

Допрос свидетеля протоиерея Иоанна Владимировича Сторожева 8–10 октября 1918 г. // Гибель Царской Семьи, материалы следствия. С. 100.

2438.

Зайцев Г.Б. Указ. соч. С. 151.

2439.

Родина. 1989, № 4–5.

2440.

Буранов Ю., Хрусталеv В. Гибель императорского дома. С. 245.

2441.

Рябов Гелий. Как это было. Романовы: сокрытие тел, поиск, последствия. М.: Политбюро, 1998. С. 106.

2442.

Дитерихс М.К. Указ. соч. С. 46.

2443.

Там же. С. 47.

2444.

Там же.

2445.

Там же. С. 47–48.

2446.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 14 июня 1918 г. С. 431.

2447.

Переписка «офицера» с Романовыми // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 27. Л. 21.

2448.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 12 июня 1918 г. С. 431.

2449.

Книга дежурств охранников Дона // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 24.

2450.

Там же.

2451.

Объяснение В.К. Буйвида // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 80.

2452.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 31 мая 1918 г. С. 430.

2453.

Алексеев В. Указ. соч. С. 78.

2454.

Summers A., Mangold T. Op. cit. P. 284.

2455.

Там же. P. 285.

2456.

Papers relating to the foreign relations of the United States. 1918 Russia. V. 2. Washington, 1932. P. 215.

2457.

Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 216;

Alexandrov V. Op. cit. [иллюстративная вклейка с фотографией этой телеграммы].

2458.

Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 593.

2459.

Там же. С. 216.

2460.

Последние дневники Императрицы Александры Федоровны. С. 264.

2461.

Алексеев В. Указ. соч. С. 109.

2462.

Там же. С. 122.

2463.

Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 340.

2464.

Источник. 1993. № 0. С. 111.

2465.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. Запись за 30 июня 1918 г. С. 432.

2466.

Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 82.

2467.

Там же. С. 109.

2468.

Там же. С. 340.

2469.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 51. Л. 34.

2470.

Там же.

2471.

Там же.

2472.

Пайпс Р. Русская революция. М.: РОССПЭН, 1994. Ч. 2. С. 478.

2473.

СКП: Николая П казнили без санкции
Ленина и Свердлова. // <http://www.vesti.ru/doc.html?id=368700&cid=549>.

2474.

Там же.

2475.

Письмо дезертира О.П. Смирнова «братьям» // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917. Д. 132. Л. 1.

2476.

Михайлова Н. Исторические очерки о старообрядчестве // Благодатный огонь. № 4. 2000.

2477.

Лукиянин В.П. Конечно, мера правды стала иной...: [К 80-летию писателя] // Урал. 1992. № 5. С. 189.

2478.

Венчание с Россией. Переписка Великого Князя Александра Николаевича с Императором Николаем I. 1837 г. / Сост. Л.Г. Захарова, Л.И. Тютюнник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.

2479.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Город Екатеринбург. Исторический

очерк // Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу. Екатеринбург, 1889. С. 21.

2480.

Допрос обвиняемого М.И. Леватных // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 433.

2481.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Город Екатеринбург (Исторический очерк) // Собр. соч. в 12 т. Свердловск, 1951. Т. 12. С. 240.

2482.

Там же. С. 238.

2483.

Колеман Дж. Комитет 300-х. Тайны мирового правительства. М.: Витязь, 2000. С. 201.

2484.

В частности, см.: Карлик В. Кузница кадров президентов США // Невское время. 14 августа. 2004; Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. М.: Русская идея, 1998.

2485.

Саттон Э. Указ. соч. С. 35.

- 2486.**
Царский вестник. № 672. 1939. 27 февраля. С. 2.
- 2487.**
Платонов О.А. История цареубийства. С. 293.
- 2488.**
Хейфец М. Цареубийство в 1918 году. Версия преступления фальсифицированного следствия. М., 1992. С. 212.
- 2489.**
Крупская Н.К. Воспоминания о В.И. Ленине. М.: Политиздат, 1972. С. 172.
- 2490.**
Service historique de la Défense (SHD). GR 17, № 604–606.
- 2491.**
Лыкова Л.А. Следствие по делу об убийстве Российской Императорской Семьи. М.: РОССПЭН, 2007. С. 71–72.
- 2492.**
Лыкова Л.А. Указ. соч. С. 69.
- 2493.**

Новое слово. 19 (6 мая) 1918.

2494.

Там же. 19 июня 1918. № 48.

2495.

Там же. 20 июня 1918. № 49.

2496.

Там же. 21 июня, 1918. № 50.

2497.

ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. 1. Д. 5. Л. 1. [на нем. яз.].

2498.

Там же. Л. 3 [на нем. яз.].

2499.

Телеграмма В.Д. Бонч-Бруевича в Екатеринбург. 20 июня 1918 г. // ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 41. Л. 1.

2500.

Телеграмма Л.Н. Старка А.Г. Белобородову // ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.

2501.

Дитерихс М.К. Указ. соч. Т. 1. С. 45—46.

2502.

Лыкова Л.А. Указ. соч. С. 23.

2503.

Телеграмма Р. Берзина В.И. Ленину 21 июня 1918 г. // ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.

2504.

Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 240.

2505.

LeMaten. 3juillet 1918.

2506.

Новое слово. 4 июля 1918. № 61.

2507.

Новое слово. 26 июня 1918. № 54.

2508.

Российский архив. Т. 8. С. 269.

2509.

Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. Ташкент:

Узбекистон, 1990. С. 123.

2510.

Рассказ Медведева М.А. об обстоятельствах убийства царской семьи // РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 12. Л. 44–58.

2511.

Там же.

2512.

Дитерихс М.К. Указ. соч. С. 266.

2513.

Сенин Ю. Подлинная судьба Николая II или Кого убили в Ипатьевском доме? М.: Эксмо, 2010. (К сожалению, Ю. Сенин в своей публицистической книге, лишённой научного аппарата, не даёт ссылку на источник).

2514.

Телеграфный запрос В.И. Ленину датской газеты «National Tidende» // РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6601. Л. 1.

2515.

Телеграмма В.И. Ленина редакции газеты «National Tidende» // РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6601. Л. 1.

2516.

Там же.

2517.

Объяснение Л.Ф. Лоскутовой от 10 сентября 1918 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 85.

2518.

Объяснение Ф.И. Иванова // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 86.

2519.

Допрос свидетеля А.В. Самойлова. 26 ноября 1918 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 118.

2520.

Телеграмма из Екатеринбурга через Г.Е. Зиновьева В.И. Ленину и Я.М. Свердлову // ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 653. Л. 12.

2521.

Платонов О.А. История Цареубийства. С. 292.

2522.

Лыкова Л.А. Указ. соч. С. 73.

2523.

Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи; Лыкова Л.А. Указ. соч. С. 75.

2524.

Там же. С. 74.

2525.

Троцкий Л. Дневники и письма.

2526.

Лыкова Л.А. Указ. соч. С. 76.

2527.

Протокол заседания ВЦИК от 18 июля 1918 // РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6643.

2528.

Протокол заседания СНК от 18 июля 1918 // РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 6643. Л. 1.

2529.

Быков П.М. Указ. соч. С. 89.

2530.

Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 82.

2531.

Алексеев В. Указ. соч. С. 132.

2532.

Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. С. 123.

2533.

Допрос свидетеля И.А. Фесенко 30 апреля 1919 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 331.

2534.

Показания священника Николаевской церкви на Верх-Исетском заводе И.М. Приходько 12/25 июля 1920 г. // ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

2535.

Русская мысль. 1951. № 348. 25 мая.

2536.

Алексеев В. Указ. соч. С. 130.

2537.

Допрос свидетеля А.В. Трикиной 9 июля 1919 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 392.

2538.

Зайцев Г.Б. Указ. соч. С. 154.

2539.

Источник. 1993. № 0.

2540.

Допрос свидетеля протоиерея Иоанна Владимировича Сторожева 8–10 октября 1918 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 98.

2541.

Протокол осмотра вещественных доказательств 25 марта 1919 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 263.

2542.

Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. Ташкент: Узбекистон, 1990. С. 376–378.

2543.

Алексеев В. Указ. соч. С. 120.

2544.

Часовой. Июль 1950. С. 13.

2545.

Будберг А., барон. Дневник. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 194.

2546.

Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов (Россия забытая и неизвестная. На великом переломе). М.: Центрполиграф, 2006.

2547.

Суетов Л.А. Белое дело. Часть 1. СПб., 2000. С. 55.

2548.

Быков П.М. Последние дни Романовых. М.–Л., 1930. С. 82.

2549.

Касвинов М.К. Указ. соч. С. 376.

2550.

Janin, général. Ma mission en Sibérie. 1918–1920. Paris, Payot, 1933. P. 9.

2551.

Деникин А.И. Указ. соч. С. 78.

2552.

1918 год на Востоке России. М.: Центрполиграф, 2003. С. 41.

2553.

АРР. Т. 18. С. 294.

2554.

Сахаров К.В. Белая Сибирь. (Внутренняя война 1918–1920). Мюнхен, 1933. С. 10.

2555.

Будберг А., барон. Указ. соч. С. 176.

2556.

Алексеев В. Указ. соч. С. 104.

2557.

Прожектор. № 29, 1928. С. 26.

2558.

Последние дни Романовых. С. 169.

2559.

Быков П.М. Указ. соч. С. 83.

2560.

Дитерихс М.К. Указ. соч. Т. 2. С. 121.

2561.

Алексеев В. Указ. соч. С. 135.

2562.

Там же. С. 120.

2563.

Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 363.

2564.

Плотников И.Ф. Указ. соч. С. 134.

2565.

Клавинг Валерий. Гражданская война в России: Белые армии. СПб., 2003. С. 84.

2566.

Плотников И.Ф. Указ. соч. С. 134.

2567.

Там же.

2568.

Объяснение А.К. Елькина 5 сентября 1918 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 84.

2569.

Словарь современного русского литературного языка. М.—Л., 1961. Т. 12. С. 1341.

2570.

Тех, кто им интересуется, мы отсылаем читателя к нашей книге: Мультатули П.В. Крестный путь Царской Семьи. Екатеринбургская голгофа. М.: Вече, 2013.

2571.

Покаяние. Материалы Правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая II и членов его семьи. М.: Выбор, 1998. С. 242.

2572.

Там же. С. 253.

2573.

Там же. С. 260.

2574.

Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика. Воспоминания. Нью-Йорк, 1945. Т. 2. С. 38.

2575.

Цит. по: Платонов О.А. История цареубийства. С. 276.

2576.

Слукин В.М. Вознесенская горка – историко-архитектурный феномен Екатеринбурга // Династия Романовых в русской истории и культуре. Екатеринбургская трагедия и современность. Екатеринбург, 2000. С. 62.

2577.

<http://www.channel4.ru>

2578.

Якубовский Эдуард. Расстрел в подвале. Екатеринбург, 1998. С. 88.

2579.

Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток. 1917–1922. М., 1998. С. 18.

2580.

Якубовский Эдуард. Указ. соч. С. 89.

2581.

Аничков В.П. Указ. соч. С. 24.

2582.

Ипатьев В.Н. Указ. соч. С. 38.

2583.

Прищеп В.И., Александров А.Н. Указ. соч. С. 12.

2584.

Весь Екатеринбург и горнопромышленный Урал. Торгово-промышленный справочник. Издание И.С. Ушакова. Екатеринбург: типография Л.В. Шаравьевой.

2585.

Протокол осмотра 2, 5, 6, 7, 8 августа 1918 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 35.

2586.

Князь В.А. Долгорукий – председателю Областного совета Урала А.Г. Белобородову 4 мая 1918 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 48. Л. 8.

2587.

Князь В.А. Долгорукий – председателю Областного совета Урала А.Г. Белобородову 24 мая 1918 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 50. Л. 43.

2588.

Прищеп В.И., Александров А.Н. Указ. соч. С. 13.

2589.

Памяти Н.Н. Ипатьева // Возрождение. Париж. № 4131.
1938. 13 мая. С. 8.

2590.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 51. Л. 35.

2591.

Весь Екатеринбург и горнопромышленный Урал. Торгово-промышленный справочник.

2592.

Жук Ю.А. Исповедь цареубийц. Подлинная история великой трагедии. М.: Вече, 2008. С. 317.

2593.

Козлов Н. Священная война. Б. м. и б. г. С. 44.

2594.

Жук Ю.А. Исповедь цареубийц. С. 128.

2595.

Волков А.А. Указ. соч. С. 126.

2596.

Прищеп В.И., Александров А.Н. Указ. соч. С. 13.

2597.

Волков А.А. Указ. соч. С. 127.

2598.

Максимова Э. Находка останков Алексея и Марии – не случайность. Знали, где искать... // Известия. 2007. Ноябрь.

2599.

Константин (Зайцев), архимандрит. Чудо русской истории. М.: Царское Дело, 2000. С. 476–477.

2600.

Необходимо также отметить, что 17 июля 1762 г. при неизвестных обстоятельствах был убит свергнутый Император Петр III Феодорович, а 17 июля 1946 г. – вождь православных четников генерал Драже Михайлович.

2601.

Кривошеев Ю.В. Гибель Андрея Боголюбского. СПб., 2003. С. 81.

2602.

Кривошеев Ю.В. Указ. соч. С. 85.

2603.

Там же. С. 179.

2604.

Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. СПб.: Изд-во Брокгауза и Ефрона. Т. 1. Столб. 31–37.

2605.

МАХАНАИМ – еврейский культурно-религиозный центр. Указания к порядку молитв в разные дни года // <http://www.machanaim.org>

2606.

Там же.

2607.

Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 364.

2608.

<http://www.portal-credo.ru/site/?act=comment&id=835>

2609.

По материалам сайта <http://www.chassidus.ru>

2610.

Там же.

2611.

Платонов О.А. История царевубийства. С. 184.

2612.

Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Т. 1. СПб. – Лейпциг, 1890. С. 202.

2613.

Носенко Е.Э. Восточная демонология: От народных верований к литературе. М.: Наследие, 1998. С. 214–257.

2614.

ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 773. Л. 5.

2615.

Протокол осмотра дома Ипатьева 11, 12, 14 августа 1918 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 53.

2616.

«Записка» Я.М. Юровского // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 27. Л. 31.

2617.

Плотников И.Ф. Указ. соч. С. 236–237.

2618.

Протокол предметов, предъявляемых эксперту. 26 февраля 1919 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 225.

2619.

Допрос свидетеля П. Жильяра 5–6 марта 1919 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 235.

2620.

«Записка» Я.М. Юровского // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 27. Л. 31.

2621.

Совещание старых большевиков по вопросу пребывания Романовых на Урале [Окончательная расшифровка текста стенограммы] // Исповедь цареубийц. С. 328.

2622.

Медведев (Кудрин) М.А. Расстрел Царской Семьи Романовых в городе Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 года (воспоминания участника расстрела) // Исповедь цареубийц. С. 188.

2623.

Допрос обвиняемого П.С. Медведева 21–22 февраля 1919 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 162.

2624.

Допрос обвиняемого А.А. Якимова 7–11 мая 1919 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 342.

2625.

Медведев (Кудрин) М.А. Расстрел Царской Семьи Романовых в городе Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 года (воспоминания участника расстрела) // Исповедь цареубийц. С. 189.

2626.

«Записка» Я.М. Юровского // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 27. Л. 32–33.

2627.

Совещание старых большевиков по вопросу пребывания Романовых на Урале [Окончательная расшифровка текста стенограммы] // Исповедь цареубийц. С. 330.

2628.

Российский архив. Т. 8.

2629.

Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. С. 313.

2630.

Протокол осмотра дома Ипатьева 11, 12, 14 августа 1918 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 63.

2631.

Примечательно, что подпись под актом передачи ценностей коменданту Кремля – Я. Орлов (Юровский). Зачем бывшему коменданту ДОНа понадобился этот псевдоним, непонятно. Интересно также и то, что дата передачи ценностей в актах не указана.

2632.

Алексеев В. Указ. соч. С. 139–141.

2633.

Исповедь цареубийц. С. 332.

2634.

Беседовский Г.З. На путях к термидору. М., 1997.

2635.

Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 57.

2636.

Дитерихс М.К. Указ. соч. С. 168.

2637.

Прищеп В.И., Александров А.Н. Расследование царевубийства. Секретные документы. М.: Российская книжная палата; Издательский центр «Юго-Запад», 1993. С. 174.

2638.

Там же. С. 176.

2639.

Допрос обвиняемого Ф.П. Проскурякова 1–3 апреля 1919 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 276.

2640.

Книга записей дежурств ДОНа // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 24.

2641.

Алексеев В. Указ. соч. С. 123.

2642.

«Записка» Я.М. Юровского // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 27.
Л. 32–33.

2643.

Совещание старых большевиков по вопросу пребывания Романовых на Урале [Окончательная расшифровка текста стенограммы] // Исповедь цареубийц. С. 328.

2644.

Последний царь нашел свое место... // Исповедь цареубийц.
С. 296.

2645.

Протокол осмотра дома Ипатьева 11, 12, 14 августа 1918 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 57.

2646.

Протокол осмотра дома Ипатьева 15–25 апреля 1919 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 317.

2647.

Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. С. 217.

2648.

Там же.

2649.

Воспоминания М.А. Медведева (Кудрина) о расстреле семьи Романовых // РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3с. Д. 12. [Машинописный текст].

2650.

Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 36.

2651.

Однако есть еще одно странное обстоятельство: белое следствие не обнаружило в Доме Ипатьева, в комнатах, где жила Царская Семья и ее свита, ни одной кровати! Все они были зачем-то вывезены большевиками. Какую тайну хранили они? Невольно вспоминаются слова Кабанова о том, что Юровский хотел зарезать всех ночью в кроватях.

2652.

Беседовский Г.З. На путях к термидору. С. 78.

2653.

Здесь следует сказать о русской этимологии слова «жид». Исследователь А.А. Гатцук указывает, что это слово существовало в славянском языке еще задолго до знакомства славян с иудеями, т. е. слово «жид» было нарицательным, а не собственным. В этом нас убеждает не только одно существование в славянском

языке корня жѣд (ожидать, жаждаť), но разнообразное развитие этого корня и существование таких форм, как, например, жид (ждуций, ожидающий, сильно желающий). Церковнославянские переводы Евангелия и Послания Апостолов делали разницу между иудеями и «жидами» (Гатцук А. Евреи в русской истории и поэзии // Сион, Одесса, 1861, № 5). Под последними понимались исключительно христоненавистники и убийцы пророков. Таким образом, изначально слов «жид» относилось не ко всем евреям, а только к тем, кто являлся ярым врагом Христа и Его Церкви. К «жидам» относились и неевреи, также не признававшие Христа Богом. Например, ересь жидовствующих исповедовали многие русские аристократы, в том числе и лица царского рода (в частности, один из сыновей Иоанна III). Таким образом, «жидом» считался тот, кто ждал пришествие не Христа, а Антихриста. Впоследствии из-за секуляризации русского языка эти понятия стерлись, и под жидами стали понимать всех без исключения евреев, причем в XX в. это слово приобрело большей частью оскорбительное значение. Однако среди подвижников Православия оставалось правильное толкование этого слова.

2654.

Россия перед вторым пришествием. С. 167.

2655.

Хейфец М. Указ. соч. С. 285.

2656.

Плотников И.Ф. Указ. соч. С. 236.

2657.

Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 316.

2658.

Sokoloff Nicolas, juge d'instruction près le tribunal d'Omsk. Enquête judiciaire sur l'assassinat de la famille Impériale Russe. Paris, Payot, 1924. P. 213.

2659.

Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. С. 218.

2660.

Царское дело и Екатеринбургские останки. С. 287.

2661.

Энель. Жертва. Париж, 1925.

2662.

По этому поводу известный сатанист А. Кроули писал: «Помимо всех правил существуют определенные значения,

скрытые в самой форме букв еврейского алфавита; форма отдельных букв в конце слова бывает отлична от используемой для этого финальной буквы; или бывает так, что финальная буква написана в середине слова; или некоторые буквы имеют размер больший или меньший, чем остальные буквы в манускрипте; или буква написана вверх ногами; или определенные слова в различных местах имеют на букву больше или меньше в сравнении с остальными местами; или существуют особенности, наблюдаемые в местоположении любой точки, или ударения; или существуют определенные выражения, которые кажутся неполными или излишними» (Кроули А. Каббала А. Кроули).

2663.

Энель. Указ. соч.

2664.

Пенник Н. Магические алфавиты. Киев: София, 1996.

2665.

Семира, Веташ В. Астрология Каббалы и Таро. М.: Лань, 1998.

2666.

Ginsburg Yitzchak, rabbi. The Hebrew Letters: Channels of

Creative Consciousness. Gal Einai, 1990.

2667.

Леви Э. Учение и ритуал высшей магии. СПб., 1910.

2668.

Цит. по: Розанова Наталия. Царственные страстотерпцы. Посмертная судьба. М.: Вагриус, 2008. С. 426. Интересно, что свои «научные» выводы российские гебраисты хорошенько запрятали. Человек, скрывающийся за псевдонимом «Розанова», ссылается на некое «Экспертное заключение о брошюре Энеля “Жертва”», которое почему-то хранится в архиве Российского государственного гуманитарного университета. Проведено оно было в 2004 г. То есть, Правительственная комиссия по Екатеринбургским останкам не удосужилась провести изучение выводов Энеля во время своего следствия. Это, впрочем, не помешало её членам самоуверенно отвергнуть версию ритуального убийства.

2669.

Дьяков А.В. Гностицизм и Каббала: параллели и взаимодействия // Россия: Духовная ситуация времени. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 2000. № 3–4. С. 63–74.

2670.

Ямпольский М.Б. Беспамятство как исток (Читая Хармса). М., 1998. С. 113.

2671.

<http://www.jewish.ru>.

2672.

ENEL. Trilogie de la Rota. Paris, 1993.

2673.

Пенник Н. Указ. соч. С. 178.

2674.

Иисус Христос в документах истории. СПб.: Алетейя, 1999. С. 350.

2675.

<http://taro.by.ru/hc12.html>

2676.

Ямпольский М.Б. Указ. соч. С. 323.

2677.

Энель. Указ. соч. С. 5.

2678.

Люди погибли. С. 60.

2679.

Дитерихс М.К. Указ. соч. Т. 1. С. 203, 246, 248, 258–259.

2680.

Болотин Л. Царское дело. Материалы к расследованию убийства Царской Семьи. М., 1996. С. 67.

2681.

Легенда о Царской голове. М., 1992. С. 113.

2682.

Василевский И.М. (Не-Буква). Что они пишут? Л., 1925. С. 29.

2683.

Janin, général. 1918–1920. Ma mission en Sibérie. Paris: Payot, 1933.

2684.

Essad Bey. Devant la Revolution. La vie et regne de Nicolas II. Paris, 1935. P. 374.

2685.

Текст приводится с сокращением.

2686.

Рябов Г. Указ соч. С. 149–151.

2687.

Аргументы и факты. № 21 (62). 1996.

2688.

И даны будут жене два крыла. С. 348.

2689.

Скорбный ангел. Царица-Мученица Александра Новая в письмах, дневниках и воспоминаниях. М.: Общество Святителя Василия Великого, 2005. С. 589.

2690.

Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. С. 141.

2691.

ГА РФ. Ф. 611. Оп. 11. Д. 66.

2692.

Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 110.

2693.

Архив Новейшей истории России. Скорбный путь Романовых. 1917–1918 гг. Гибель Царской Семьи. Сборник документов и материалов. М.: РОССПЭН. С. 123.

2694.

«Град Духовный». Санкт-Петербургский православный журнал. № 2. 2000.

2695.

Медведев (Кудрин) М.А. Расстрел царской семьи Романовых в городе Екатеринбурге 17 июля 1918 г. (воспоминания участника расстрела) // Исповедь цареубийц. С. 189.

2696.

Кабанов А. Последние дни Романовых // Исповедь цареубийц. С. 130.

2697.

Русский вестник.

2698.

<http://texts.pp.ru>

2699.

Клугер Д. Баскервильская мистерия. М.: Текст, 2005.

2700.

Ключников С.Ю. Священная наука чисел. М.: Беловодье, 2001.

2701.

Лосев А.Ф. Миф – Число – Сущность. М., 1994.

2702.

Ключников С.Ю. Указ. соч. С. 78.

2703.

По материалам хасидского сайта <http://www.moshiach.ru>.

2704.

Объяснение А.А. Валек 4 апреля 1919 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 291.

2705.

Допрос обвиняемого А.А. Якимова 7–11 мая 1919 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 338.

2706.

Протокол опроса А.А. Якимова 2 апреля 1919 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 284.

2707.

Верхне-Исетский завод.

2708.

Плотников И.Ф. Указ. соч. С. 223–224.

2709.

Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 161.

2710.

Там же. С. 273.

2711.

Плотников И.Ф. Указ. соч. С. 215.

2712.

Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 281.

2713.

РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3с. Д. 13.

2714.

Жук Ю.А. Указ. соч. С. 492.

2715.

Бунич И. Династический рок. Александр I. Николай II.

СПб.–М., 2003.

2716.

Там же. С. 276.

2717.

Плотников И.Ф. Указ. соч. С. 236.

2718.

Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 33.

2719.

Там же. С. 347.

2720.

Там же. С. 332.

2721.

Плотников И.Ф. Указ. соч. С. 235.

2722.

Бунич И. Указ. соч.

2723.

Светлов М. Стихи. Россия – Родина моя. Библиотечка русской советской поэзии в пятидесяти книжках. М.:

Худлит, 1967.

2724.

Новое время. № 27. 1998, 12 июля. С. 32.

2725.

Хейфец М. Указ. соч. С. 101.

2726.

Там же.

2727.

Хотя, может быть, Медведева также не было в тот день в Доме Ипатьева, и он рассказывал об обстоятельствах убийства с чужих слов.

2728.

Последние дни Романовых. С. 167–169.

2729.

Grèce (E.) de. Le Tsarévitch enfant martyr. Avec son journal inédit. Paris: Perrin, 1990. P. 324.

2730.

Жучковский Александр. Маркер русскости // <http://www.segodnia.ru/content/164378>

2731.

Там же.

2732.

Урсова Н.В. Материнский плач Святой Руси. М.: Русский Паломник, 2010.

2733.

Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: Институт Русской цивилизации, 2010. С. 370.

2734.

Фабрицкий С.С. Из прошлого. Воспоминания флигель-адъютанта Государя Императора Николая II. Берлин, 1926. С. 160–161.

2735.

Цит. по: Керсновский А.А. История Русской армии. М.: Голос, 1994. 4 т. Т. 4. С. 326.

2736.

Churchill (W. S.). The Word Crisis. 1916–1918. Vol. 1. New-York, 1929. P. 227–228.

2737.

Павлов Н.А. Указ. соч. С. 8.

2738.

Решетников Л.П. Духовно-нравственные причины национальной катастрофы // Материалы международной научной конференции Российского института стратегических исследований «Русский Исход как результат национальной катастрофы. (К 90-летию окончания Гражданской войны на европейской территории России)». М.: Издание РИСИ, 2011.

2739.

Александр Михайлович, Великий Князь. Указ. соч. С. 190–191.

2740.

Решетников Л.П. Русский Лемнос. С. 11.

2741.

Ирзабеков Василий (Фазиль). Тайна русского слова. Заметки нерусского человека. М.: Даниловский Благовестник, 2011. С. 46.

2742.

Бабкин М.А. Священство и Царство. Россия, начало XX века –1918 год. Исследования и материалы. М.: Индрик,

2011.

2743.

Расстрелян чекистами 26 мая 1919 г. Священномученик. – Примеч. авт.

2744.

27 декабря 1919 г. повешен чекистами на Царских вратах Благовещенского собора во время богослужения. Священномученик. – Примеч. авт.

2745.

Корнеев А.Н. Указ. соч. С. 99–100.

2746.

О подвиге веры – в документах большевиков // Воронеж – Липецк Православный. № 2 (10). Февраль 1998. С. 4.

2747.

Корнеев А.Н. Верные Царской Семье и Царской России. (Русский народ и Царская Семья). М., 2010. С. 59.

2748.

Корнеев А.Н. Указ. соч. С. 61.

2749.

Косбан Бем де В., граф. Польские уланы в рядах Российской императорской армии // Военная быль, № 84, 1967.

2750.

Винберг Ф. Указ. соч. С. 98.

2751.

Корнеев А.Н. Указ. соч. С. 78.

2752.

Корнеев А.Н. Указ. соч. С. 78.

2753.

1917 г. в деревне (воспоминания крестьян). М., 1967. С. 223–224.

2754.

Музафаров А.А. Наследие Российской Империи в войне 1941–1945 гг. Демографический аспект // Сборник «Роль духовно-патриотической идеи в победе в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.». Международная научная конференция. РИСИ. 16 апреля 2015.

2755.

Там же.

2756.

Решетников Л.П., Мультатули П.В. Россия встань и возвышайся! // Проблемы национальной стратегии. № 2 (11). 2012.

2757.

В день памяти святых Царственных Страстотерпцев митрополит Волоколамский Иларион совершил ночное богослужение в екатеринбургском храме на крови // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1224830.html>

2758.

Мордвинов А.А. Отрывки из воспоминаний // Русская летопись. Кн. 6. Париж, 1924. С. 177.

2759.

<http://www.levada.ru/20-01-2015/rol-lichnostei-v-istorii-rossii>

2760.

Пандито Хамбо Лама Дамба Аюшеев интервью // «Николай П. Сорванный триумф». Художественно-публицистический фильм. БФ «Русский предприниматель» (Екатеринбург), 2008.

2761.

Павлов Н.А. Указ. соч.